ВСЕЛЕННАЯ МАЙЛЗА ФОРКОСИГАНА

Лоис Макмастер

Буджолд

СУДЬБА

Судьба

Лоис Макмастер Буджолд

Аннотация
Лоис Макмастер Буджолд. Судьба
Криоожог
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая

Глава двадцатая
Дальнейшие события
Союз капитана Форпатрила
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья

Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Эпилог
Адмирал Джоул и Красная Королева
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Эпилог
Цветы Форкосиган-Вашнуя
Приложение. Майлз Форкосиган-Нейсмит и его вселенная

Аннотация

Лоис Макмастер Буджолд – ярчайшая звезда современной американской фантастики. Цикл романов о Майлзе Форкосигане, сыне высокопоставленного сановника с планеты Барраяр, и его родственниках, друзьях и врагах принес ей мировую известность. За произведения этой «космической саги» Буджолд удостоена пяти премий «Хьюго» и трех «Небьюла».

В сборник вошли романы «Криоожог», «Адмирал Джоул и Красная королева», «Союз капитана Форпатрила», «Цветы Форкосиган-Вашнуя».

Лоис Макмастер Буджолд
Судьба

© Lois McMaster Bujold, 2010, 2012, 2015, 2018
© Перевод. Г. Мурадян, 2021
© Перевод. Е. Барзова, 2021
© Перевод. С. Лобанов, 2021
© Перевод. В. Миловидов, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Криоожог

Глава первая

Отовсюду сыпались ангелы.

Майлз зажмурился, надеясь, что золотистые молнии, мельтешащие перед глазами, превратятся в обыкновенные вспышки на сетчатке. Однако те упрямо оставались фигурками — напуганные лица, вопящие рты. Крики то затухали, то слышались вновь, словно эхо отдаленного фейерверка, мечущееся где-то между холмами.

Ну, приехали! Ко всему прочему, начались еще и слуховые галлюцинации…

А это значит, что блуждания в дурмане становятся опаснее. Раз пригрезилась всякая чушь, можно не заметить того, что существует в действительности. Лестничный пролет, например. Дыру в полу. Балконные перила. Ну нет, перила-то обязательно упрутся в грудь. Да и вообще, в такой темноте все равно ничего не видно. Собственных рук и то не видно — там они, где-то впереди, нащупывают дорогу. Сердце безумно колошматилось, отдаваясь в ушах клекотом волн, таких же далеких, как фейерверк. Открытый пересохший рот жадно хватал воздух. Надо бы притормозить… Сердитым взглядом Майлз

попытался осадить скачущих ангелов. Уж если сияют так ярко, могли бы осветить здесь вокруг, поработать фонариками, что ли. Так ведь нет, никакой тебе помощи.

Он споткнулся, треснувшись рукой обо что-то гулко пустое. Ну вот, теперь кажется, что стена сдвинулась. Трясясь от холода, обхватил себя руками. *Я просто замерз, вот и все*. А вот это уже от лукавого, на самом деле Майлз обливался потом.

Он вновь нерешительно вытянул руку и на ощупь двинулся по коридору, держась за стену. Теперь Майлз двигался медленнее, а пальцы легко касались рукоятей и выступов нижнего края криогенных камер — целых рядов камер, установленных высоко над головой. И за люками камер — замороженные тела. Безмолвные, застывшие в безумной надежде. Сотня тел на каждые тридцать шагов. Тысячи за каждым поворотом. Сотни тысяч в бесконечном лабиринте. Нет, миллионы.

Это уже не галлюцинация, а просто кошмар.

Криосоты — так назывались эти тоннели. Поговаривали, что коридоры с замороженными тянутся на многие километры по городским подземельям. Аккуратные корпуса свежевыстроенных «мавзолеев» на западной окраине города, получившие название «Криополь», по своей мас-

штабности не шли ни в какое сравнение с более старыми постройками, рассыпанными вокруг города и под ним. Некоторым из них было по полтораста, а каким и по двести лет; одни еще работали, другие были остановлены и заброшены. А может, заброшены, но не остановлены?

В голове шумело, и ангелы продолжали орать. Майлз изо всех сил вслушивался, не донесется ли откуда путеводный гул морозильной установки. Иначе то был бы всем кошмарам кошмар — в каждом из отсеков под панелями не замороженная надежда, а теплая гниющая смерть.

Бежать? Глупо…

Словно снегом, мело ангелами. Майлз усилием воли собрал остатки сознания и заставил себя не отвлекаться на них. Хотя мелькнула мысль пересчитать их чехарду весьма точным, с точки зрения статистики, методом случайной выборки. Майлз уже проводил приблизительные прикидки, когда только прилетел на Кибо-Даини. Когда же это было? Пять дней назад. А кажется, так давно. Если тела замороженных складировались в этих коридорах с одинаковой плотностью — скажем, в среднем сотня на десять метров, это будет десять тысяч на каждый километр. А сотня километров разместит миллион замороженных

мертвецов. Итого: что-то между полутора и двумя сотнями километров с криоустановками, которыми напичканы подземные тоннели города.

Меня никогда не найдут.

Исцарапанные руки саднило. Разорванные на коленях брюки намокли. От крови? За спиной остались лазы и трубопроводы. Наверное, целые километры, которые он прополз на коленях. Еще были обычные хозяйственные тоннели, освещенные потолочной люминесценцией и не забитые до отказа вековой нежитью. Утомленные ноги заплетались, и Майлз застыл… да нет, пожалуй, просто остановился, чтобы удержать равновесие. Чертовски не хватало трости — та ушла в неведомом направлении во время потасовки. Когда же все произошло? Несколько часов назад? Трость бы ему сейчас ох как помогла, ей можно простукивать пол перед ногами, как делали слепые на Древней Земле, или в Период Изоляции на Барраяре. Образ зияющих разломов под ногами никак не давал покоя.

Жертве не сильно досталось от своих незадачливых похитителей. Чтобы показать заложникам, кто теперь хозяин, бестолково организованные налетчики полагались не на кулаки, а на пневмошприц с транквилизатором. К несчастью,

именно на это успокоительное аллергия Майлза среагировала бурно и незамедлительно. Судя по симптомам, он получил дозу того самого аллергена. Вот только налетчики не ожидали, что вместо сонного тюфяка заимеют яростно отбивающегося и вопящего во всю глотку коротышку. А значит, похитители далеко не все о нем знали. И эта мысль не могла не вызывать воодушевления.

Да и вообще, ни черта они не знали.

Ну все, гады! Теперь вы — в первых строках черного списка Имперского Лорда-Аудитора Майлза Форкосигана!

Вот только как вас записать, под каким именем?

Он провел лишь пять дней на этой захолустной планете, и что же? Совершенно незнакомые люди пытаются его убить. Хотя чего тут удивляться? А когда было по-другому? Это даже не рекорд. Жаль, неизвестно, кто эти «похитители». Жаль, что он не на территории Империи Барраяра, где жуткий титул Имперского Аудитора имеет вес.

Когда же заткнутся эти чертовы ангелы?!

– Мой сон пусть ангелы лелеют, — оригинальная получилась аранжировка, с речитативным бормотанием, — *зачем все ближе барабанов бой?*

Ангелы упирались, явно не желая сплетаться в

шар над головой и освещать путь к выходу. А ведь он надеялся, что подсознательно запоминает дорогу, пока блуждает в полузабытьи по тоннелям; надеялся, что проснувшийся разум что-нибудь да выдумает. Как бы не так! Тогда вперед. Сначала левой, потом правой. Разве не так взрослые люди решают проблемы? Должен же он когда-нибудь повзрослеть.

Интересно, а не хожу ли я кругами?

Рука соскользнула со стены в пустоту пересекающего путь коридора. Он вел к вспомогательным техническим помещениям, там нечего делать. И тут же еще один коридор. Майлз пожалел, что так часто сворачивал в боковые коридоры — отчасти именно поэтому так безнадежно заблудился. Надо идти только прямо или, если упрешься в тупик, сворачивать направо и идти, сколько можно — так он сформулировал план действий на ближайшее будущее.

Наконец пальцы нашарили что-то не похожее на панель криокамеры. Майлз замер. Из собственного печального опыта он знал: стоит лишь на мгновение свернуть с пути, ориентация тут же теряется. Осторожно, чтобы не развернуться, обшарил стену вокруг. Да это дверь! Только бы не опять в какую-нибудь подсобку. Только бы она не

оказалась запертой, как обычно.

Не заперто!

Майлз собрался и потянул за ручку. Заскрипели ржавые петли. Чертова дверь весила никак не меньше тонны, но ведь подалась! Он осторожно ступил в проем и поводил ногой. Ступня не ушла в пустоту. Если ощущения не врут, это пол. Подпереть дверь было нечем. Оставалось лишь надеяться, что она отыщется: а вдруг новый коридор закончится тупиком? Он осторожно встал на четвереньки, чтобы было легче двигаться на ощупь.

Нет, это не подсобка. Здесь лестница, пожарная лестница! Похоже, он стоит на площадке перед дверью. Саднящая кожа руки коснулась шероховатой прохладной подножки. Ступени справа вели наверх, слева — вниз. Куда идти? Однозначно, путь наверх должен закончиться скорее. Может, то, что подземелья здесь бездонны, и заблуждение, только очень уж это заблуждение пугало. До планетарной магмы, во всяком случае, лабиринт не доведет — замороженные «потекут» от жара.

Поручни на лестнице болтались не сильно, тем не менее Майлз все равно карабкался на четвереньках, похлопывая по каждой следующей

ступени, проверяя, все ли с ней в порядке, прежде чем наступить. Площадка, поворот, снова вверх, превозмогая боль. И снова площадка и разворот. Хотя дверь также оказалась открытой, он продолжил путь по лестнице. Нет уж, никому не заставить Майлза вернуться к сонмищу трупов, только если путь вверх закончится. Он попробовал было считать лестничные пролеты, но сбился через несколько поворотов. Майлз вдруг услышал собственное хныканье — в одном ритме с завыванием ангелов. Заставил себя заткнуться. О боже, что это там такое? Какое-то светло-серое мерцание над головой. Это настоящий свет или опять галлюцинация?

Майлз понял, что свет настоящий, когда бледными тенями проступили руки, белесые и призрачные рукава рубашки. Что ж, во всяком случае, руки на месте. И то хорошо.

Окно! В двери следующей площадки — окно! Двух ладоней шириной, зато настоящее окно. Майлз посмотрел наружу, вытягивая шею, и заморгал — серый сумрак взметнулся ярче пламени. Отвыкшие от света глаза наполнились слезами. Только бы оказалось не заперто, только бы не заперто…

Он поддал плечом и выдохнул с облегчением,

когда дверь сдвинулась. Скрипу от нее было значительно меньше, чем от той, что внизу. *Может, это крыша? Ты бы поосторожнее.* И снова пополз на четвереньках, на сей раз наконец-то на свежий воздух.

Нет, это не крыша. Широкий переулок, уровень городской улицы. Придерживаясь одной рукой за грубо оштукатуренную стену, Майлз поднялся на ноги. Щурясь, он вглядывался в мутно-серые тучи, влажный туман и сгущающиеся сумерки. Все вокруг прямо-таки искрилось светом.

Напротив двухэтажного здания, которое он только что покинул, стояло другое, значительно выше. С видимой стороны не было ни входов, ни окон на первом этаже. Темные проемы выше отливали холодным серебром рассеянного света. Стекла не были разбиты, однако смотрели печально и неуютно, словно глаза брошенной женщины. Не исключено, что здесь промзона — ни домов, ни магазинов поблизости не видно. Ни освещения, ни охраны. Что же здесь такое? Склады? Заброшенное производство? Ледяной ветер гнал и мял какой-то пластиковый обрывок по растрескавшемуся тротуару — яркий кусок мусора, более реальный, настоящий, чем все вопящие ангелы этого мира. Или его воображения.

Какая разница?

Он находился на территории Нортбриджа, столицы местной префектуры. Город еще назывался Китахиси — похоже, у всех городов на этой планете было по два имени. Наверняка чтобы запутать туристов. Определенно это Нортбридж. Чтобы очутиться в другом городе, ему пришлось бы одолеть под землей больше сотни километров по прямой. И если с первой частью все было логично (судя по тому, как гудели ноги, Майлз отмахал не меньше сотни километров), то «по прямой» никак не вписывалось в пройденный маршрут. Забавно, ведь на самом деле он мог находиться где-то совсем неподалеку от центра города, точки начала движения. Да нет, это все же маловероятно.

То ли чтобы не упасть, то ли по уже выработавшейся жуткой привычке, Майлз оперся на грубо оштукатуренную поверхность стены и, повернув (направо!), поплелся к пересечению коридо… Нет, к перекрестку улиц. Тротуар леденил ступни. Похитители сразу же разули его, и теперь носки превратились в ошметки ткани. Он стер и ноги. Правда, ступни сейчас не чувствовали ничего, даже боли.

Ладонь скользнула по блеклой надписи на

стене: «Сожги мертвецов!» После того как прервалась «официальная» часть визита, Майлз видел этот призыв не единожды: раз — в подземном переходе неподалеку от космопорта, бригада уборщиков как раз смывала надпись. Чаще лозунг попадался на глаза в технических ответвлениях подземных тоннелей, там-то уж точно туристов не ждут. На Барраяре принято сжигать жертвы в честь умерших. Майлз сомневался, что местные разделяют барраярский обычай. Загадочная фраза немедленно заинтересовала его. Имперский Аудитор как раз собирался приступить к расследованию, как все пошло наперекосяк. Когда же все это случилось? Вчера? Сегодня утром?

Свернув в другой неосвещенный… то ли переулок, то ли подъездной путь, ограниченный по противоположной стороне видавшей виды сеткой-рабицей, Майлз остановился в нерешительности. Из сгущавшегося сумрака, под проливным дождем из ангелов, на него плечом к плечу надвигались две фигуры. Майлз поморгал, чтобы разглядеть их как следует, и тут же пожалел.

Та, что справа, была чешуйчатой бусинной ящерицей с Тау Кита, ростом не ниже (хотя, можно сказать, и не выше) самого Майлза. Пестрая

шкура, покрытая бисером чешуек, переливалась темно-красным, желтым, черным и слоновой костью, словно ошейником вокруг горла и дальше, по брюху. Вместо того чтобы двигаться положенными ей жабьими прыжками, рептилия перемещалась на задних конечностях, что многое объясняло. Настоящий ядозуб с Тау Кита на четвереньках достал бы Майлзу до пояса. Так что этот не был слишком уж большим представителем своего вида. К тому же он помахивал какими-то мешками в руках. Ящерицы так себя не ведут.

А вот второй… То было порождение собственной фантазии Майлза, кошмарный жирный гигантский масляный жук. Ростом метр восемьдесят, с бледным брюхом, в котором что-то перекатывалось, он смахивал скорее на чудовищного таракана. Голова подпрыгивала из-под древесного цвета крыльевых пластин, но тварь вышагивала на ножках-палочках, а в передних клешнях также болтались тряпичные мешки. Средняя пара конечностей то появлялась, то растворялась, словно сознание Майлза никак не могло решить, какого размера омерзительное насекомое.

Парочка приблизилась, замедляя поступь и пялясь на Майлза. Тот покрепче вцепился в стену

и осторожно начал контакт:

— Э-э… Приветствую вас!

Тараканище повернул хитиновую голову, продолжая столь же осторожно изучать Майлза.

— Не вздумай подходить, Джин, — посоветовал он своему спутнику-коротышке. — Кто его знает, откуда он. Наверно, укурок. Вишь, зенки какие?

Жвала и усищи шевелились. Голос принадлежал ворчливому старикашке.

Майлзу очень хотелось объяснить им, что он действительно одурманен, но вовсе не наркоман. Однако сил пояснить разницу уже не было. Чтобы не перенапрячься, он попытался улыбнуться. Галлюцинации испуганно отшатнулись.

— Послушайте, — раздраженно начал Майлз, — не может быть, чтоб я напугал вас больше, чем вы меня. Может, пока потерпите мой вид?

Должно быть, он забрел в кошмарную сказку с говорящим зверьем — одну из тех, что сам читал и перечитывал Саше и маленькой хулиганке Елене. Только вот в тех сказках зверье было попушистее. Жаль, что растерзанные «химией» нейроны головного мозга не изобразили ему больших пушистых котят.

Выбрав самый строгий дипломатический тон, Майлз изложил суть проблемы:

— Прошу прощения, господа, но я, похоже, заблудился.

А еще, похоже, где-то заблудились мой бумажник, комм и половина одежды. А еще я потерял телохранителя и способность трезво мыслить. А еще — он пошарил рукой по шее — потерялось его Аудиторское гербовое кольцо-печатка вместе с цепочкой. Конечно, коммуникационные и многочисленные другие возможности встроенного в печатку чипа абсолютно бесполезны на этой планете, но Роик, телохранитель, смог бы обнаружить его по сигналу. Если, конечно, Роик еще жив. Когда Майлз видел его в последний раз, тот маячил над испуганно мечущейся толпой.

Майлз неосторожно наступил на осколок камня и убрал ногу. Если глаз различает камень, стекло и обрывки пластика на тротуаре, почему он не видит разницы между людьми и гигантскими насекомыми?

— В прошлый раз мне, помнится, мерещились здоровенные сверчки, — сказал он тараканищу. — Масляный жук, по-моему, гораздо лучше. Ничей другой мозг на этой планете, кроме, пожалуй, Роика, не родил бы масляного жука. Так что я точно знаю, откуда вы взялись. Судя по тутошней моде, будь вы порождением разума аборигенов,

носили бы шакальи головы. Или ястребиные. Человек с головой ястреба в белом лабораторном халате.

Майлз понял, что сказал все это вслух, только когда парочка отступила еще на шаг назад. Да чего ж они так боятся? Может, его глаза лучатся небесным светом? Или, наоборот, сверкают адским пламенем?

— Отойди от него, Джин. — Тараканище продолжал тянуть ящерицу за лапу, прочь от Майлза. — Не разговаривай с ним, отходи медленно.

— Ему надо помочь.

Другой голос был совсем юным, непонятно только, мальчишечьим или девчачьим.

— Да, конечно, мне надо помочь! Из-за всех этих ангелов перед глазами я земли под ногами не вижу. Еще и обувь потерял. На нас напали…

— Пойдем, Джин! — не унимался спинокрыл. — Надо успеть отдать секретарю мешки с находками до темноты, иначе нам достанется.

Майлз задумался, есть ли в этой реплике какой-нибудь смысл, но решил, что даже будь его мозг не в одурманенном состоянии, он бы не понял, о чем речь.

— А куда вам надо? — спросила ящерица с детским голосом. Тарканище тянул, но та упи-

ралась.

— Я… — *понятия не имею*, подумал Майлз. Назад ходу не было, пока наркотик не дает трезво мыслить. К тому же он не знает, кто враги и с кем придется сражаться. Вернуться на конференцию по криогенной инженерии, даже если считать, что она продолжилась после всей шумихи, значит, попасть прямо к ним в руки. Конечно, надо бы домой. До вчерашнего дня домой хотелось больше всего. Но потом… произошло столько всего интересного. С другой стороны, если бы кому-то приспичило его убить, у них уже была масса возможностей. Значит, все не так и плохо… — Я понятия не имею, — признался Майлз.

Старикашка-таракашка прошамкал с отвращением:

— Тогда нам будет трудно подсказать вам, как туда пройти, согласны? Джин, мы уходим!

Майлз облизнул пересохшие губы. Языка он не почувствовал. «Не бросайте меня!» — безмолвно прокричал он. А потом тихо попросил:

— Я очень хочу пить. Не могли бы вы хотя бы сказать, где здесь можно попить?

Сколько же он пробыл в подземелье? На мочевой пузырь в качестве часов полагаться нельзя — он ведь вполне мог отлить где-нибудь в уг-

лу, двигаясь запутанным маршрутом. Судя по жажде, он провел внизу от десяти до двадцати часов. Лучше бы двадцать, подумал Майлз, тогда наркотик скоро выветрится.

Ящерица по имени Джин предложила, подумав:

— Я принесу вам попить.

— Ни в коем случае, Джин!

Ящерица выдернула лапку из тараканьей клешни.

— Не указывай мне, что делать, Йани! Ты мне не папа с мамой! — На последних словах ее голос задрожал.

— Да пойдем же! Смотритель сейчас запрет ворота, ждут одних лишь нас!

Неохотно, оглядываясь через ярко расцвеченное плечо, ящерица поплелась следом в сгущающуюся тьму улицы.

В изнеможении и отчаянии Майлз осел на землю, привалившись спиной к стене здания. Попробовал глотать ртом влажный вечерний туман, но от жажды это не помогло. Холод от стены и тротуара пробирал до костей, легкая одежонка совсем не грела. На нем и были-то всего рубашка да серые штаны. В карманах пусто, ремень тоже забрали. А ночью станет еще холоднее. Фонарей

на улице не было, небо над городом тлело абрикосовым свечением — все лучше, чем непроглядная тьма под землей. Зато там теплее. Интересно, подумал Майлз, долго ли я здесь выдержу, прежде чем холод загонит меня вниз? Долго. Черт, очень долго. А холод он ненавидит.

И потянулось время. Майлз дрожал, прислушиваясь к отдаленному городскому гулу и приглушенным крикам в собственной голове. Похоже, ангельская напасть снова начала таять и превращаться в мельтешащие стрелы перед глазами. Ну и слава богу.

Не надо было садиться.

Напряженные мышцы ног сводило судорогой. Вряд ли он теперь сможет встать.

Слишком уж неуютно здесь было, чтобы задремать, но Майлз задремал. Сколько прошло времени? Трудно сказать, однако пробудился он резко — кто-то осторожно коснулся плеча. Рядом на коленях стоял Джин, теперь он гораздо меньше походил на рептилию.

— Эй, если хотите, пойдемте ко мне в убежище, — прошептал он. — У меня и вода в бутылках есть. Йани нас не увидит, он уже лег спать.

— Вот… — язык не слушался Майлза, — вот здорово.

Сам бы он не встал, но крепкая юная рука не дала ему упасть.

Окруженный воющим ореолом вертлявых светлячков, Майлз побрел за гостеприимной ящерицей.

* * *

Джин шел, посматривая назад, проверяя, не потерялся ли где забавный коротышка, ростом не выше самого мальчика. Даже в сумерках было ясно, что наркоша — взрослый мужчина, а не мальчишка, на что Джин поначалу надеялся. Тот говорил взрослым голосом, хоть и забалтываясь от усталости словами точными и непростыми. А еще чудно — низко и раскатисто. Коротышка двигался прямо как Йани — медленно и скованно. Зато случайно пробегавшая по лицу улыбка светилась добротой, словно у человека, привыкшего радоваться жизни. Ворчун Йани никогда не улыбался.

Интересно, кто его поколотил? И за что? На коленях протертых штанов — засохшая кровь, на рубашке — коричневые пятна. Для обычной сорочки она выглядела несколько вычурно. Казалось, прежде чем ее уделали, рубашка сверкала безупречной чистотой. Как такое могло быть,

Джин не понимал, ну да и ладно. Зато теперь у него есть еще один, новый дружок. И никто его у Джина не отберет.

Подойдя к пожарной лестнице, бегущей по внешней стене теплообменника, Джин еще раз посмотрел на пятна засохшей крови и скрюченные от холода конечности. Спросил:

— А вы карабкаться умеете?

Коротышка поднял голову:

— Не то чтобы это было моим любимым развлечением… И сколь высоко вздымается башня сей цитадели?

— Э-э… Только до верху, и все.

— А высоко ли до верху? — тихонько пробормотал незнакомец. — Два этажа или, скажем, двадцать?

— Всего лишь три, — ответил Джин. — На крыше у меня тайник.

— На крыше?.. Что ж, зато «тайник» — звучит здорово. — Коротышка зачем-то облизал потрескавшиеся губы — язык тоже казался совсем высохшим. Без воды он долго не протянет, подумал Джин. — Давай ты пойдешь первым? А то я, неровен час, поскользнусь…

— Мне придется пойти вторым. Надо поднять за собой лестницу.

— А… Ясно. — Маленькая короткопалая рука потянулась за перекладиной. — Наверх. Наверху хорошо, да?

Он помедлил, вздохнул и полез, пошатываясь, наверх.

Джин взлетел следом с легкостью ящерицы. В трех метрах над землей он остановился, покрутил трескучий храповик, поднял лестницу, чтобы непосвященные в тайну не смогли последовать за ними, и задвинул щеколду. Еще три метра вверх, и перекладины лестницы превратились в широкие стальные скобы, прикрученные к стене. Коротышка преодолел и скобы; загвоздка была, похоже, в том, что он не мог перелезть через край крыши.

— А что теперь? — В голосе звучало напряжение. — Чувствую, здесь надо прыгать вниз, на ту сторону, да вот не знаю, сколько до поверхности.

Чего это он? Не так-то и темно, чтобы совсем не видеть.

— Если не получается подтянуться, просто перекатитесь через край и падайте вниз. Край стены всего в полуметре над крышей.

— Ага… — донеслось в ответ.

Ступни мелькнули над головой и исчезли. Джин услышал глухой удар и хриплый вскрик. Он

перемахнул через парапет. Коротышка сидел на плоской крыше и скреб пальцами по зернистой кровле, словно пытался уцепиться покрепче.

— Вы боитесь высоты?

Джину стало стыдно, что он не додумался спросить об этом раньше.

— Вообще-то нет. Просто голова кружится. Извини.

Джин помог ему подняться. Мужчина не отказался от помощи, и мальчик повел его вокруг сдвоенной башни теплообменника, здоровенной глыбой возвышавшегося над крышей. Услышав знакомые шаги, Галли, Твиг, Миссис Спек и ее шестеро оставшихся в живых цыплят бросились к нему вокруг труб, квохча и кудахча.

— Боже, теперь я вижу кур, — произнес мужчина сдавленным голосом, внезапно остановившись. — Что ж, где ангелы, там и куры. Что-то общее все-таки есть — крылья, например.

— Перестань, Твиг! — шикнул Джин на коричневую курочку, которая все норовила клюнуть штанину гостя. Джин легонько оттолкнул ее ногой в сторону. — Я пока не принес вам корма, подождите.

— Ты тоже видишь кур? — осторожно поинтересовался мужчина.

— Да, и все — мои. Белую зовут Галли, коричневую — Твиг, а черную рябую — Миссис Спек. А это все ее детки. Только они уже совсем и не детки.

Выводок линяющих цыплят-подростков выглядел не очень аппетитно, и Джин даже хотел извиниться за них, пока гость продолжал вглядываться в мечущиеся под ногами тени.

— Я назвал ее Галли, потому что «галлус» — по-научному значит «курица».

Джину нравилось это имя, веселое и резвое, словно «галоп»; мальчишка всегда произносил его с улыбкой.

— Грамотно, — сказал мужчина, и Джин потянул его за собой.

Зайдя за угол, Джин по привычке проверил навес, который сам построил из кусков брезента и каких-то чехлов. Конструкция, натянутая на шестах между башнями теплообменника, служила кровом для всего зверья. Под навесом было уютно, да и просторнее, чем в спальне в той, другой жизни… Лучше не вспоминать…

Отпустив руку гостя, мальчик взлетел на стул и включил лампочку-переноску, свисающую с растяжки рядом с обрывком провода. Тайное царство под навесом залилось ярким светом; лампочка справлялась со своей работой не ху-

же иной люстры. Незнакомец тут же прикрыл воспаленно-красные глаза ладонью, и Джин приглушил освещение.

Джин спустился со стула. Лаки поднялась и заковыляла ему навстречу с одеяла, лежавшего среди горы клочков бумаги, служивших матрасом. Мяукнув, она поднялась на задние лапы и дотянулась единственной передней до Джинова колена, разминая коготки. Джин наклонился, почесал за пушистым серым ухом.

— А обеда-то пока и нету, Лаки.

— У этой кошки действительно три лапы, или?.. — спросил гость как-то испуганно.

Джин даже забеспокоился, нет ли у того аллергии на кошек.

— Ну да, ей прищемило лапку дверью. Она еще совсем котенком была. Это не я ее так назвал, это мамина кошка. — Джин прикусил язык. Не надо было этого говорить. — Вообще, это просто *Кошка домашняя*.

Вихрь, сокол, пронзительно крикнул со своего насеста; у Майлза уши свернулись трубочкой, а крысы зашебуршали по клеткам. Джин поздоровался со всеми, но еды за приветствиями не последовало, и недовольное зверье расползлось по местам.

— А вы крыс любите? — спросил Джин с неподдельным интересом. — Хотите, я дам вам подержать Джинни? Она не укусит.

— Может, попозже? — ответил гость, но тут же прочел обиду в глазах Джина. Прищурившись, обвел взглядом клетки и поправился: — Крыс-то я люблю, просто боюсь, что уроню Джинни. Руки пока не слушаются. Слишком долго я сегодня бродил по Криосотам. — И, подумав, добавил: — Знавал я одного астронавта. Тот хомячков держал.

Это уже было что-то. Лицо Джина просветлело:

— Ой, вы же пить хотите!

— Буду благодарен, — ответил гость. — Это ведь стул, да?

Он ухватился за спинку стула, который Джин только что использовал как стремянку, и облокотился на него. Исцарапанный круглый столик, стоявший рядом и выброшенный некогда за ненадобностью из кафе, мог бы украсить жилище любого бомжа. Когда Джин нашел его в очередном помойном рейде, столик едва держался на расшатанных ножках. Смотритель Тенбери научил Джина, как починить его разными подручными средствами.

— Ага, садитесь! Извините, стул у меня один — гостей-то обычно не бывает. Вы — гость, а зна-

чит, стул — ваш.

«Гость» плюхнулся на видавший виды пластиковый стул, тоже, видимо, из кафе. Джин пошарил на полке, выудил литровую бутылку воды, открутил крышечку и передал бутылку Майлзу.

— Извините, чашек у меня нет. Вы не против пить из одной бутылки со мной?

— Вовсе нет, — ответил тот, поднял бутылку и жадно к ней присосался. Уже допивая, внезапно поперхнулся. — Постой-ка, это что, весь твой запас воды?

— Нет-нет. На башнях охладителя снаружи есть краны. Один поломан, но, когда я перетащил сюда всех своих друзей, смотритель починил второй специально для меня. И палатку он мне помог поставить. Старшие не дали мне держать животных в здании — не всем людям нравятся шум и запахи. Да мне здесь и лучше. Пейте, сколько хотите. Я еще наберу.

Коротышка осушил бутылку, и Джину пришлось расплачиваться за свои слова.

— Можно еще?

Джин метнулся к крану и наполнил бутыль, на мгновение задержавшись у поилки для цыплят. Гость осушил еще полбутылки, не останавлива-

ясь, затем веки его устало смежились.

«Интересно, сколько же ему лет?» — подумал Джин. На бледном лице залегли морщины, тонкими лучиками разбегаясь из уголков глаз. Подбородок темнел суточной щетиной; такая у кого хочешь пробьется после ночи *под землей*. Темные волосы аккуратно пострижены, в отблесках света видно кое-где пробивающуюся седину. Похоже, он вовсе не карлик, просто невысокий взрослый. Вроде крепкий, хотя голова на короткой шее выглядит несколько крупновато. Джин сгорал от любопытства; проявляя вежливость, все же решил пойти в обход.

— А как вас зовут, господин?

Глаза незнакомца распахнулись; светло-серые, наверно, еще и яркие, только сейчас слишком уж красные и воспаленные. Хорошо, что он не такой здоровенный, как остальные взрослые, иначе Джин бы испугался.

— Майлз. Майлз Фор… э-э… остальное здесь у вас никто и выговорить-то не может. Зови меня просто Майлзом. А как зовут тебя, э-э… добрая душа?

— Джин Сато, — ответил Джин.

— Ты живешь здесь, на крыше?

Мальчик пожал плечами:

— В основном да. Сюда никто не суется. Лифт внутри здания не работает. — Джин решил перехватить инициативу: — Мне скоро будет двенадцать. — Решив, что вот он и настал, момент правильного вопроса, Джин наконец-то выдал: — А сколько вам лет?

— А мне тридцать восемь. Недавно было…

— Ух… — Джин переваривал информацию. Значит, он старик. А значит, наверняка зануда. Пусть и не такой древний, как Йани, но, с другой стороны, как узнать, сколько Йани по-настоящему лет? — Вы говорите, как нездешний. Откуда вы?

— Да, я не здешний. С Барраяра.

Джин сдвинул брови:

— А это где? Это город? — Такого города в префектуре не было, Джин мог бы назвать все двенадцать. — Никогда не слышал.

— Это не город. Это такая планета. Если уж совсем точно, трехпланетная империя.

— Так вы с другого мира! — Джин в восторге выпучил глаза. — Я еще никогда не встречал людей с других миров! — Сегодняшнее ковыряние в мусорных кучах внезапно принесло богатый улов. Хотя если он турист, то наверняка уйдет отсюда, как только дозвонится до своих друзей или до отеля. Что уж тут радоваться. — А вас что,

грабители поколотили, или что?

Джину рассказывали, что грабители нападают на наркоманов, пьяниц и туристов. Наверно, все эти люди очень беспомощны, подумал тогда Джин.

— Вроде того. — Майлз внимательно посмотрел на Джина. — Ты последние новости не слышал?

Джин покачал головой:

— Здесь только у секретаря Сьюз есть рабочий комм-пульт.

— Здесь?

— Ну… у нас. Здесь у нас криокомплекс, правда, его закрыли и забросили давным-давно, еще до того, как я родился. Потом сюда пришли люди, которым больше некуда было деваться. Думаю, мы тут все вроде как прячемся. Конечно, кто живет по соседству, знает, что здесь есть люди. Сьюз-сан говорит, что, если мы все будем поосторожнее и не будем высовываться, на нас никто не обратит внимания.

— А этот, который с тобой был… Йани? Он кто? Твой родственник?

Джин изо всех сил замотал головой:

— Нет, он просто пришел сюда однажды, как и все. Он размороженный.

Джин произнес это слово с придыханием: *раз-*

мороженный.

— То есть из криокамеры?

— Ага. Вот только он сам меньше всех рад, что его разморозили. У него был контракт с криокорпорацией только на сто лет. Думаю, тогда, давным-давно, Йани отвалил за него кучу денег. Но забыл сказать им, чтоб не размораживали, пока не найдут лекарство от старости. Ну так вот, его и разморозили по контракту. Жалко им, наверное, теперь — его голос потеряли. Вряд ли Йани ожидал такого будущего; слишком уж стар, чтобы работать, а значит, в криокамеру ему больше не попасть. Да и вообще, мало что соображает. Только жалуется на все постоянно.

— Ясно… Вроде бы.

Коротышка зажмурился, затем широко распахнул глаза и потер брови, словно отгоняя сильную боль.

— Черт… Когда же оно отпустит?..

— Может, приляжете на мою скатку? — робко предложил Джин. — Вам нехорошо?

— Ты прав, мой юный друг! Мне нехорошо… Как точно сказано. — Майлз опрокинул остатки воды из бутылки себе в рот. — Мне нужно больше воды, надо поскорей вымыть из организма эту дрянь. Где у тебя сортир? — Джин недоуменно

посмотрел в ответ, и Майлз пояснил: — Туалет? Гальюн? Отхожее место? Нужник? В здании есть толчок?

— А! Простите, поблизости нет… Я когда на крыше подолгу остаюсь, обычно потихоньку… ну… туда, в канавку, в уголке. А потом смываю по водостоку ведром воды. Только нашим женщинам ни гу-гу. А то они поднимут шум. Хотя травка внизу здорово зазеленела. Цыплята, вон, всю крышу уделали, так ведь ничего, никто и внимания не обращает!

— Вот это да! — улыбнулся Майлз. — Поздравляю, мой зеленокожий оруженосец! Уборная — твое независимое изобретение! Для рыцарского замка — в самый раз.

Что за *“убор на «Я»”,* Джин и понятия не имел; по правде говоря, он не понимал и половины того, что лопотал этот наркоша. Поэтому решил не брать в голову.

— Вы прилягте, а я принесу чего-нибудь поесть, — предложил мальчик.

— Прилечь? Заманчиво… А там, глядишь, и пожевать смогу.

Джин обрадовано вскочил.

— Вам еще воды принести?

— Будь добр.

Когда Джин вернулся с водой, коротышка пристраивался на суконном одеяле, брошенном у стены теплообменника. Лаки ему помогала. Мужчина протянул руку и рассеянно почесал ее за ушами, а потом нежно провел пальцами по обеим сторонам кошачьего хребта, выгнутого от удовольствия. Кошка снизошла даже до того, чтобы выразить признательность редким для нее урчанием. Майлз простонал и откинулся на спину, взял бутылку с водой и поставил у изголовья.

— Господи, хорошо-то как!

Лаки запрыгнула ему на грудь и принялась обнюхивать щетинистый подбородок. Майлз терпеливо наблюдал за ней.

Джин вдруг испугался:

— Если вы так боитесь высоты, как же быть с водостоком?

Жуткая картинка возникла перед глазами мальчика: его гость, человек с другой планеты, летит вниз головой, оступившись на парапете после неудачной попытки пописать в темноту…

— Знаете, куры почти не летают, хотя и птицы. А цыплята, так те вообще не летают! У меня погибли два цыпленка Миссис Спек — свалились с парапета. Вроде выросли; забраться-то на край забрались, а вот удержаться — сил не хватило.

Поэтому я им на вырост приспособил веревочку: привязываю за лапку, чтоб не заходили слишком далеко. Может, я и вас так… за лодыжку привяжу?

Майлз воззрился на ребенка в изумлении. Джин даже успел перепугаться, что смертельно обидел гостя. Наконец в ответ прозвучал скрипучий голос:

— А знаешь, парень, в сложившейся ситуации идея очень даже недурная!

Джин расплылся в улыбке от уха до уха и помчался на поиски веревки, зарытой где-то в ворохе мальчишечьего скарба. Один конец накрепко привязал к металлическим поручням у люка теплообменника, проверил, хватает ли длины до самого желоба водостока; вернулся, чтобы закрепить другой конец вокруг лодыжки гостя. Коротышка уже спал, обнимая одной рукой бутылку с водой, а другой — серую кошку. Мальчик дважды обернул веревку вокруг его лодыжки и затянул крепким узлом. Затем вскарабкался на стул и приглушил свет переноски до мягкого, как у ночника, свечения. Он старательно гнал от себя мысли о маме.

Ложись и засыпай! А то придет серенький волчок и укусит за бочок!

Если волчок придет, я его поймаю и посажу в клетку. А кто он, этот волчок? Расскажи!

Понятия не имею. Просто так говорят деткам, когда укладывают спать. Засыпай, Джин!

Как же его согревали эти слова! Но теперь от них холодно. *Ненавижу холод*.

Обрадованный тем, что все так здорово устроил и что теперь-то его загадочный гость с другой планеты никуда не денется, Джин вернулся к парапету, перегнулся через край и посмотрел на лестничные скобы. Если поторопиться, можно успеть в кафе Аяко до закрытия, прежде чем все хорошие объедки попадут в помойку.

Глава вторая

Когда сержант Роик очухался во второй раз (хотя, может, то был уже третий?), нервно-паралитический дурман почти рассеялся, превратившись из густой каши в голове в пульсирующую между висками муть. Пошарив вокруг в поисках коммуникатора, Роик, естественно, ничего не обнаружил. Застонав, он повернулся на вонючем полусгнившем матрасе. Матрас лежал на полу, а вот где находился пол, понять было сложно. Сержант открыл глаза и наконец-то, при дневном свете, ясно разглядел свою тюрьму.

С мебелью как-то не густо. Похоже на гостиничный номер — об этом говорят и планировка, и розетки, и ржавый разбрызгиватель противопожарной системы над головой, и лампочка над единственной дверью, вместо светильника. Матрас лежал в нише, некогда бывшей встроенным в стену шкафом. Напротив, в проеме выбитой двери, виднелся туалет. На лодыжке висела цепь. На другом конце цепи — болт, вмурованный в стену. Цепи хватало, чтоб зайти в туалет; во всяком случае, остались туманные ночные воспоминания. Однако до входной двери

не доберешься.

Он опять проверил, хватает ли цепи до туалета. Жадно приложился к пластиковому стаканчику с водой, оставленному заботливыми похитителями. Может, если пить больше, голова прочистится скорее? За длинным узким окном над ванной открывался пейзаж: унылый склон, покрытый лесом, густо спутанные ветви чернеющих деревьев. Роик постучал по стеклу. Оно отозвалось глухим голосом небьющегося материала. Тут либо электродрель нужна, либо плазморез.

Проверив длину цепи, сержант выяснил, что ее не хватит даже на полпути до двери. Зато, если встать во весь рост, видно все за передней стеклянной стеной номера, за той частью, что не перекрыта шторами и поляризующим фильтром. М-да, гостей здесь точно не ждут. Окно его номера выходило на общий балкон второго этажа. За балконными перилами открывался вид на обширные заросли кустов, которые терялись и растворялись в густом ельнике. Других зданий поблизости не было видно.

Ясно одно, он уже не в городе. А не было ли ночью на горизонте отсветов, огней большого города? Запомнилась только лампочка ночного освещения в туалете. Где же это он? Может, в

десятке километров от Нортбриджа, а может, в десятке тысяч. И от этой разницы зависит жизнь…

Со своим огромным ростом он не без труда скрючился на матрасе и принялся за болт в стене, на котором висела цепь. Роику показалось, что болт — единственное слабое звено. Однако тот и не думал поддаваться. Мясистым пальцам сержанта едва удалось зацепиться за треклятую железяку. Эх, если бы хоть как-то подцепить и раскачать ее…

Да как же меня угораздило попасть в такую переделку?

Роику так и виделось: старший сержант Пим в пух и прах разносит его действия во время вчерашней потасовки. Сержант даже съежился от страха. Ведь получилось, пожалуй, в тысячу раз хуже, чем при жалком фиаско в истории с масляными жуками. А как все хорошо начиналось четыре недели назад!

Ну, может, только как-то поспешно. Хотя в этом-то что удивительного? Как правило, все поручения Императора Грегора Лорду-Аудитору Форкосигану отдавались внезапно. После дюжины межпланетных командировок с милордом, у Роика накопился «тревожный чемоданчик» умений. Например, мгновенно собрать багаж и

документы на обоих, обеспечить безопасность милорда, когда Роик выступал в роли «личного помощника». Именно в такой должности Роик официально сопровождал милорда Форкосигана. Как правило, пытаться объяснить гражданам иных миров, что означает почетный титул оруженосца, превращалось в пустую трату времени… К тому же Роик выполнял функции медбрата, без чего лорду Форкосигану было не обойтись. Хотя об этом милорд предпочитал отмалчиваться.

Знающая свое дело прислуга Дома Форкосиганов под неусыпным оком леди Екатерины фактически сняла с него часть этих задач. А вот отмена личных планов оказалась весьма болезненной — Роик едва успел набраться храбрости и пригласил мисс Пим в Хассадар, познакомиться с родителями. К счастью, Ори, дочь военного, все прекрасно понимала. Ухаживать за дочерью собственного командира оказалось весьма непростой задачей. Ему вспомнился один вид земных насекомых, про которых рассказывала леди Форкосиган. Так у тех самец должен глядеть в оба, чтоб суженая не слопала его, приняв за корм. Только в данном случае, сделай он хоть один неверный шаг, башку ему оттяпает старший сержант Пим.

Ну так вот. Получив императорское распоряжение, менее чем через сутки они уже добрались катером до орбитальной станции пересадки. Затем — корабль, скачок и три тоскливые (хотя и не сказать, что без удобств) недели в пути на Новую Надежду 2, или Кибо-Даини, как ее, чтобы не спутать с двумя другими планетами, называли местные жители. В конце пути — прибытие на одноименную (даже лучше, чем одноименную: просто «Кибо», язык не сломаешь) пересадочную станцию гиперпространственного тоннеля. Милорд, привыкший еще в дни работы в имперской безопасности не тратить дорожное время попусту, загрузил Роика объемистым домашним заданием — информацией о цели полета, да и сам нырнул в изучение еще более объемистых секретных докладов.

Роик никак не мог взять в толк смысла командировки. Ну, с лордом Форкосиганом все ясно: он единственный, кто, насколько Роик знал, действительно умер и вернулся к жизни лишь благодаря крионике. То есть в это вопросе Майлз — самый что ни на есть настоящий специалист-практик среди всех Аудиторов Грегора, личного императорского подразделения по особым поручениям. А уж в галактической дипломатии он

был дока, тут вообще никаких сомнений. К тому же только что вполне успешно закончилась его работа в еще одной должности — графа-представителя своего отца на Совете графов, где он несколько лет работал в различных комитетах по усовершенствованию законов Барраяра в области репродуктивных технологий до всегалактических стандартов. Возможно, подумал Роик, крионика — лишь обратная сторона проблемы, связанной с искусственным продлением жизни, а посему — логическое продолжение работы милорда. Но «Открытая конференция по вопросам крионики» в Нортбридже, проводимая консорциумом криокорпораций Кибо-Даини, казалась поначалу самым умилительным гостиничным сборищем ученых головастиков и перекормленных юристов, которое Роик видел в своей жизни.

— Не стоит недооценивать ученых мужей, когда речь заходит о финансировании науки. Они превращаются в акул бизнеса, — пояснил милорд в ответ на недоумение Роика. — И уж тем более нельзя сомневаться в способностях юристов к тактике засад.

— Да они же ни черта не смыслят в игольниках и парализаторах! — не сдержался Роик. — Только болтать умеют. И чего я тут торчу? Как начнут

метать свои статьи, я лучше за вас спрячусь, милорд.

Похоже, поторопился. Сглазил.

Роик честно скучал на всех заседаниях, где пожелал присутствовать милорд. Сержант садился в последнем ряду: оттуда можно было наблюдать за входами-выходами. Он держался изо всех сил, чтоб не заснуть. А вот милорд конспектировал все без устали и без разбору. Роик всюду следовал за милордом на званых обедах, на пышных вечерних банкетах, устраиваемых спонсорами, держась на самых разных расстояниях — то прямо-таки нависая над плечом милорда, то прислонясь к дальней стене, по знаку Майлза. О крионике и людях, которые ей занимаются, он узнал гораздо больше, чем хотел.

Роик уже было решил для себя, что вся затея с поездкой — не что иное, как сговор леди Форкосиган и императрицы Лаисы. Екатерине ведь столь необходим отпуск — отдых от супруга, который относит все жалобы на счет скуки, а скука, по его мнению, лечится только новыми увлекательными планами и делами. Леди Форкосиган несет на своих плечах домашнее хозяйство, воспитание четверых детишек дошкольного возраста и подростка, сына от предыдущего брака, а плюс

ко всему политически важную роль супруги Имперского Аудитора и графа-наследника в одном лице. Она взвалила на себя обязанности по развитию сельского хозяйства и терраформированию округа Форкосиганов, а в короткие оставшиеся мгновения отчаянно пытается реализовать свои планы по садовому ландшафтному дизайну. По всему по этому прислуга уже судачила и гадала, когда же Екатерина не выдержит и, в ответ на мужнины чудачества, вышвырнет коротышку из окна четвертого этажа поместья Форкосиганов. Роик подумал, что командировка на Кибо, в общем-то, неплохая альтернатива.

Даже самому преданному телохранителю иногда требуется выйти по нужде. Вот потому-то, не заботясь об экономии, Роик и доказывал с пеной у рта необходимость держать с ним помощника, а лучше двух — на всякий случай. Прошлым вечером (а может, позапрошлым? Сколько дней он провел в плену и дурмане?) он сходил в туалет и вернулся в зал приемов. Милорда там не оказалось, зато сигнал его комма обнаружился этажом выше. Туда, на совсем уж закрытую часть банкета, вела винтовая лестница. Их коммы работали на безопасном шифрованном канале. Поскольку аварийного сигнала не поступило, ожидание

заставило Роика лишь немного понервничать и потренироваться в терпении. Наконец милорд спустился по витым ступеням, довольными жестами распрямляя манжеты; выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Но чтобы это понять, надо было его знать. Дьявольский огонек блестел в глазах, на губах блуждала усмешка, да и вообще, вид был ликующий. А в ликование его приводили совершенно ужасные вещи.

— Что случилось? — взволнованно шепнул Роик.

— Позже, — прозвучало в ответ, — здесь стены с ушами.

Так Роик и скрежетал зубами до вечера, пока они не остались одни в комнате. Тогда милорд распаковал глушилку от «жучков» и шифратор. Он уселся за единственный в комнате письменный стол и принялся стучать по клавишам.

— Ну, так что все-таки случилось? — Роика разбирало нетерпение. — С чего такой довольный вид?

— Дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки. После долгих дней тишины меня пытались подкупить.

Роик замер. Дача взятки Имперскому Аудитору влекла за собой смертный приговор на Барраяре.

К несчастью, мы не на Барраяре.

— Э-э… И это что, хорошо?

— Как говорят, нет дыма без огня. — Милорд продолжал жизнерадостно молотить по клавишам, творя послание, предназначенное лишь для императорских глаз. — А может, без зеркал. Прошу обратить внимание, попытка была завуалированной и весьма элегантной. Остается только радоваться, что я имею дело не с идиотами. Ах, Лаиса, как же ты была права. Милая комаррианка, и откуда только твой прелестный носик все знает?

— Что-что? — заволновался, ничего не поняв, Роик.

— Да уж, не поносил ты форму наемника, не послужил в спецслужбах. Там на предмет взяток были интересные проверенные правила. У меня на флоте было так: бери все, что дают, доложи начальству, делай то, что должен. На тайной службе — примерно то же: принимай взятку и тяни нитку. У всех ниток-веревочек два конца, знаешь ли. Веди и подсекай, там увидишь, что поймал. Ха-ха!

Допечатав, Майлз расцвел в радостной улыбке.

— А что за взятка? — настаивал Роик. — Или мне не следует знать?

Не надо, не вынуждай меня работать вслепую.

— Крайне привлекательный фондовый опциончик от компании Ширагику-ша, ее полное название «Криокорпорация Белая Хризантема». Случилось так, что компания собирается открыть свое отделение на Комарре; мне, похоже, предлагается войти в дело на весьма выгодных условиях. Короче говоря, мне предложили беспроцентный кредит, деньги могу отдать, когда стоимость акций удвоится. Ну а что для них может быть выгоднее акционера с моими несусветно высокопоставленными связями? Хотя, надо отметить, «голосующие» акции мне не предлагали. Голосовать будут хозяева, чьи имена пока покрыты мраком.

Изо всех головоломных извращений демократии, встречавшихся Роику — вроде вторичного рынка комаррских всепланетных «голосующих» акций, — обычай Кибо-Даини включать замороженных (а по сути — мертвецов) в списки для голосования начисто «выносил мозг». Эти люди становились марионетками в руках криокорпораций. Те распоряжались безответными голосами несчастных, созидая ведомое лишь им самим будущее. Если уж доверяешь корпорации свои забвение и последующую жизнь, то голос

— это такая мелочь.

— Без сомнения, то была великолепная задумка, — решительно заявил милорд, узнав о местной традиции. Правда, он говорил о временах двухсот- или трехсотлетней давности, когда странные похоронные обычаи (Роик представлял ситуацию именно так) лишь набирали популярность.

— Тэк-с… — пробормотал милорд себе под нос, отправляя донесение окольными и шифрованными путями.

Ох, как Роику хорошо знакомо было это «тэк-с». От него мороз пробегал по коже.

Засим в постель! Нас ждут великие дела последнего дня конференции. Вот только пошел он, этот последний день, совсем не так, как ожидалось. Насколько понял сержант Роик, никто, даже его хитроумие милорд, не ожидал, что события развернутся *так*.

И вот — Роик, Роик, что же ты натворил… безумный коротышка сгинул!

А сгинул ли? Запоздало пронеслась мысль: может, милорда тоже захватили? Сцапали там, в фойе, в пылу сражения?

Может, он *здесь*? Роик оставил болт в покое и повернулся к стене. Трижды постучал по три

раза. Повторил. Ни звука в ответ. Попробовал у противоположной стены, для чего пришлось потянуться. Снова тишина. Может, смежные комнаты пусты? А может, его товарищи по несчастью еще не пришли в себя, не слышат его и не в состоянии ответить… А еще за стеной могут оказаться похитители, и он только что своими руками дал им знать: «Я очухался». Черт! Надо позже еще попробовать.

Роик снова принялся ковырять болт. Волдыри на пальцах уже появились, а проклятая железяка никак не поддавалась. В голове опять завертелись картины: он лишь на мгновение потерял милорда из виду, и тут вдруг сработали отточенные за годы рефлексы телохранителя. Роик затолкал полдюжины потенциальных заложников в гравитационную шахту и оттеснил к пожарному выходу. Да, они были штатскими, невооруженными «ботаниками». Пусть никто, кроме Роика, не помог бы им, что с того? Разве они — его забота? Да и нападавших этим только разозлил, чертовски разозлил, потому и нарвался на луч парализатора. *Вот бы милорду удалось бежать, тогда он меня спасет*! Позорище, конечно. Однако с какой радостью Роик встретил бы этот позор.

Щелкнул замок, Роик дернулся и спрятал ладони на коленях. Дверь открылась, в помещение протиснулся костлявый юнец. Сальные темные волосы, узкая щель глаза, подозрительно зыркающего на Роика из глубины фиолетово-багровой гематомы. Юнец дохромал до радиуса действия цепи, опустил поднос с разогретыми полуфабрикатами из фастфуда и подтолкнул его Роику чем-то, здорово смахивающим на швабру. Порция на подносе была не вскрыта. Что ж, похоже, его не собираются ни травить, ни морить голодом. «Не делай поспешных выводов», — раздался в голове голос милорда. Есть хотелось страшно, однако Роик и не двинулся к подносу.

— Я тебя знаю, — выпалил сержант, — видел тебя в фойе отеля.

Видел вплотную. События завертелись слишком быстро, чтобы Роик мог твердо сказать: профессионально прошло нападение или так, любительщина чистой воды. Прокручивая в голове случившееся, он решил, что скорее в налете было всего понемногу. Снайпер, который снял его парализатором, знал свое дело. А вот те, что увели пленных, никак не вписывались в представления Роика о профи. Ясно одно: то был массовый захват заложников, а вовсе не заговор против граждан

Барраяра. То-то милорд расстроится, прямо-таки удар по его самолюбию. Одно непонятно: хорош такой расклад или плох?

Костлявый угрюмо потрогал фингал и сделал шаг назад. Он, похоже, также вспомнил Роика.

— Ну и кто вы такие? — продолжил Роик. — На кой дьявол притащили меня… нас сюда?

Костлявый вскинул голову; не заплывший глаз вспыхнул.

— Мы — «Организация освобождения Новой Надежды»! Наше поколение, — он ухнул себя в грудь кулаком, — берется за борьбу с властолюбивыми корпорациями! Продажные и разжиревшие, они не оставляют нам шансов, кроме как спалить всю их прогнившую систему до основания, а затем… Затем мы построим все заново. Мы поднимем голову, мы вырвем руки мертвецам, что пытаются обратить нас в прах!

Роик испуганно прищурился, а Костлявый, исполнившись страстью, продолжил проповедь, — хотя, может, и несколько путано. По всей видимости, ООНН представляла собой некую местную политическую группировку, которая, не будучи способной к ведению диалога (если Костлявый состоял у них в переговорщиках, то чему тут было удивляться?), попыталась увели-

чить вес своих аргументов, перейдя от слов к делу. Обрывки разговоров, что Роик случайно услышал на конференции, серьезная критика деятельности местного политического процесса — все утонуло в бесконечном потоке нытья, но суть разглагольствований сводилась к тому, что Костлявый и его дружки полностью себя дискредитировали. А начавшаяся черная полоса подтолкнула их к осознанию: если мертвецы не перестанут накладывать свои лапы на все, что можно, то живым скоро совсем ничего не достанется. Дельцы и мертвецы перемешались в голове Костлявого невообразимой кашей. Роик не стал объяснять тому, что благосостоянием Кибо-Даини распоряжались, вообще-то, живые люди, хоть и от имени мертвецов. И уж если заменять их на других живых, то вряд ли кто станет приглашать на эту роль ООНН.

— Сожги мертвецов! — воскликнул Костлявый в завершение речи, словно «Аминь!» после зазубренной молитвы.

Сжечь, закопать или заморозить — Роик не видел особой разницы. Ну, потеряешь немного органики, которую можно переработать.

— А к нам-то это какое отношение имеет? — пожаловался Роик своему обидчику. — Нам ваши

выборы — побоку. Мы вообще на следующей неделе улетаем. Или вы на выкуп рассчитываете?

Костлявый презрительно махнул рукой:

— Вот еще! Мы намерены рассказать всем планетам: мы страдаем здесь, на Кибо, от беззакония и коррупции! После нашей акции никто — ни вы, приезжие из других миров, ни самодовольные госслужащие, это зажравшееся старичье, которое только и мечтает о грядущей вечности в вожделенной морозилке, ни наше поколение, раздавленное пятой угнетателей по всей планете, — никто не останется в неведении! У вас не получится закрыть глаза и заткнуть уши!

— А, так это вы так «пиаритесь»? — ответил Роик и подумал: уж лучше бы выкуп. Милорд бы все устроил в мгновение ока, едва ему позволили бы связаться с барраярским консульством на планете. И, будьте покойны, он бы не забыл как-нибудь по-хитрому вернуть деньги впоследствии. Ну и, конечно же, Роик никогда не слышал о политических радикалах, которые не были готовы удавиться за деньги. — А ведь можно решить проблемы выкупом. Или назовем это вознаграждением, если…

Взгляд Костлявого полыхал презрением. Что ж, не будем торопить события. Пусть клиент обмоз-

гует предложение. У Роика есть дела и поважнее.

— Лорд Форкосиган, мой работодатель, невысокий такой, вам по плечо будет, с тросточкой и все время трещит без умолку, его ни с кем не спутаешь, — он здесь?

Наигран ли был непонимающий ответный взгляд? Не разберешь. Тогда Роик попробовал настойчивее:

— Если он здесь, то нас надо поместить в одну комнату. Ему требуются определенные процедуры, и без меня не обойтись. С ним случаются серьезные припадки. Лорд Форкосиган — один из влиятельнейших форов на Барраяре. Вам хорошо заплатят, если он вернется домой целым и невредимым. А вот если он тут копыта откинет, то я и думать боюсь, что с вами произойдет.

Роик не знал, как дальше развивать эту тему. Милорд не случайно держался в тени на Кибо; сержанту не хотелось накручивать цену выкупа неосторожными высказываниями.

Припадки начались у лорда Форкосигана после выхода из криостаза. Майлз падал, содрогаясь и закатывая глаза; лежал так пару минут, затем вставал, разбитый и подавленный. Зрелище крайне неприятное. Однако припадки вряд ли были смертельны — по меньшей мере, такой

опасности не было с тех пор, как леди Форкосиган заставила его поклясться, что тот никогда сам не сядет за руль никакого транспортного средства, наземного или воздушного, известного ей или неизвестного. Лошади и велосипеды остались в качестве компромиссного варианта, и, хотя милорд терпеть не мог шлемы, ему пришлось подчиниться.

Костлявому ни к чему было знать детали, поэтому Роик лишь художественно доработал описание симптомов до нужной ему степени. Тогда в глазах у Костлявого мелькнуло сомнение, парень расслабился и ответил:

— Ладно, я поспрашиваю, — и добавил совсем уж непрофессионально: — Только сомневаюсь, что-то не видел я здесь никого похожего на твоего босса.

Костлявый ушел, оставив Роика в размышлениях. Так, мелкая сошка. Не из хозяев. Костлявый очень сильно смахивал на тот тип людей, который частенько встречался Роику в бытность его патрульным на улицах Хассадара, столицы округа Форкосиганов. Таким придуркам и работу на посудомоечной машине доверить нельзя — слишком сложно. Зато убедить их в том, что кто-то другой виновен во всех невзгодах — пара

пустяков. Уж Роик об этом хорошо знал. Такие, как Костлявый, сами рассказывали, долго и нудно, пока патрульный помогал им добраться до тихого, спокойного местечка, где можно выспаться и перележать похмелье — от выпивки, наркотиков или словоблудия. Хотя нельзя сказать, что эти типы совсем не опасны, особенно когда вляпаются по уши. Правда, и тогда утихомирить такого — не бог весть какое море проблем.

Море сегодняшних проблем выглядело скорее бездной. Собиралась ли ООНН убивать заложников по одному, если их требования не удовлетворят? На Барраяре чокнутые экстремисты так бы и поступили, подумал Роик с чем-то похожим на гордость. Странно, но до сих пор события разворачивались бескровно — парализаторы да сонный газ, никаких тебе игольников или нервнопаралитического газа. Но если вдруг все-таки — *а вдруг?* — можно ли надеяться, что охотились не за милордом?

Если б милорд умер на глазах у Роика, не оставалось бы ничего, кроме как передать показания по шифрованному каналу комма, да перерезать себе глотку на месте. Потому что смерть предпочтительнее персонального доклада некоторым персонам. Он представил себе лица графа

и графини Форкосиган, леди Екатерины, когда те услышат новость. А коммандер Пим? А Ори? Он увидел пятилетних карапузов Сашу и Хелен — чтоб заглянуть им в глаза, придется стать на колени: «А где наш папочка, Роик?»

Лезвия под рукой не оказалось. Роик слыхал о зэках, умудрявшихся задушить себя, проглотив собственный язык. Он даже попробовал — выгнул язык к гортани. Нет, с ним такой номер не сработает. Зато есть стена. Чертовски крепкая, во всяком случае, болт держится намертво. Интересно, если хорошенько разбежаться, можно сломать о нее свою крепкую шею?

Впрочем, пока рановато об этом думать, хотя и забывать о такой возможности не стоит. Вот милорд, к примеру. Прежде чем взяться за решение вопроса о жизни и смерти, всегда плотно перекусит. Да и миледи тоже, если разобраться. Роик вздохнул и подполз на четвереньках к подносу с едой.

* * *

Пробуждение вышло резким. Глаза наполнились солнечным светом, который превратился в тень матерчатого навеса. Затем изображение сменилось кошачьей мордой на расстоянии ко-

шачьего же дыхания. Значит, на груди был вес кота, а не новая болячка. Сняв с себя трехногую животинку, Майлз осторожно сел. Проверим состояние. Головная боль и похмельный синдром — присутствуют; жуткая усталость — присутствует; визгливые ангелы — отсутствуют, что не может не радовать. Кошмарные галлюцинации также отсутствуют, а обстановка, какой бы странной ни казалась, вовсе не порождение наркотического бреда.

Сбросив одеяло, он обвел взглядом новое пристанище. Детали старинного замка растаяли, сменившись функциональным квадратом плоской крыши, над которой торчали башни теплообменника, служившие заодно и растяжками палатки. Или амбара? Скорее зоопарка. На перекладине, выше всех, сидела хищная птица, грациозная и надменная, — явно фор среди остального зверья. На покореженных металлических полках располагалось собрание черных и белых крыс в клетках да стеклянные стенки террариумов. Их обитателей надежно скрывало искусное оформление из растительности; Майлз готов был поклясться, что заметил в зарослях черепашку. Вдоль стены, против его импровизированной постели, стояли три ящика, устланные

какими-то обрывками. Там расположилось гнездовье цыплячьей популяции. Твиг, коричневая курица, все еще дрыхла в своем ящике. Майлз уставился на бельевую веревку, привязанную вокруг лодыжки. *Меня подобрали*. Что ж, могло быть и хуже.

А вот и хозяин зоопарка. Джин, сидевший за круглым столиком, улыбнулся Майлзу.

— Проснулись? Вот и хорошо!

Теперь, когда мозги прочистились и залившая их до краев наркотическая дрянь не «обрабатывала» изображение перед глазами, Джин предстал перед Майлзом тощим мальчонкой, только-только превращающимся в подростка, с черной, жесткой и давно не стриженной копной на голове и яркими карими глазами. В чертах лица угадывались гены всех наций, основавших население этой планеты. Рубаха великовата: рукава закатаны, а вот низ свисал и волочился над мешковатыми шортами. Поношенные кеды без носков болтались на щиколотках.

— Будете завтракать? — предложил паренек. — Сегодня с утра — свежие яйца. Целых три!

Вот ведь гордый юный птицевод… Майлз понял, что яиц на завтрак ему не избежать.

— Чуть позже. Сначала хотелось бы умыться.

— Умыться? — нахмурился Джин, словно никогда о таком новшестве не слыхивал.

— Мыло у тебя есть? — продолжил Майлз. — Бороду, полагаю, ты не бреешь…

Джин отрицательно покачал головой, однако тут же кинулся шарить по своим захламленным полкам, и вскоре вернулся с засохшим куском мыла, пластиковой кюветой и сероватым полотенцем. Майлзу пришлось попросить Джина развязать бельевую веревку, после чего он с благодарностью принял мыло с другими принадлежностями и поплелся за теплообменник, где ждали кран и вода. Там разделся, вернее, сорвал лохмотья, оставшиеся от одежды, и не только умылся — вымылся весь, не забыв хорошенько намылить стертые ступни и колени. Особенно колени — те сверкали ушибами и ссадинами, хотя воспаления вроде не было. Джин хвостиком пришлепал за ним — понаблюдать. Любопытно наморщил лоб, разглядывая бледные шрамы, исполосовавшие торс. Майлз оделся в свое попахивающее тряпье и поплелся обратно. Юный хозяин дома предложил ему единственный стул, на который Майлз радостно опустился.

Джин поставил кастрюльку с водой на обычный, хотя и изрядно затасканный аккумуля-

торный калорифер. Мальчишечье царство на крыше в основном было одето в убранство, приобретенное на свалках. Хотя, надо заметить, небесполезное. Вода закипела быстро, и Джин положил в нее три куриных яйца — бесценное богатство.

— Коричневое отложила Твиг, — сообщил мальчик, — а Галли — два других. Свеженькие, ночные. А еще у меня есть соль!

Джин где-то пошуршал, достал пластиковые тарелки, бутыль с водой на двоих, и полбуханки суховатого, но чрезвычайно вкусного хлеба. Затем парнишка сказал, доверительно и зачем-то полушепотом:

— А знаете, яйца выходят у кур из задов.

— Знаю, — ответил Майлз совершенно серьезно. — Там, откуда я родом, тоже есть куры с Земли. И другие птицы.

Джин обрадовался.

— Хорошо, а то некоторые почему-то сердятся, когда об этом узнают.

— Некоторые полагают, что Барраяр — примитивный мир.

Мордашка Джина так и засияла.

— А там много животных?

— Да все, что обычно завозится с Земли, по-

мимо собственной экосистемы. Хотя местные животные в основном небольшие, вроде жуков. Зато в морях водятся создания покрупнее.

— А рыбу там ловят?

— Только не в море. В искусственно заселенных озерах — да. Растения и животные Барраяра в основном ядовиты для человека.

Джин понимающе кивнул:

— А на этой планете нашлись только микроорганизмы на экваторе. От них, считается, и получился кислород. Это еще до последнего обледенения. Там, где сходят ледники, сразу сажают множество растений с Земли. Но вот животных маловато.

— Кибо-Даини мне очень напоминает Комарру, это вторая планета моей Империи, — поведал Майлз. — Холодный мир, очень медленно заселяемый. А вот Сергияр, третий мир, тебе бы понравился. На нем богатая, сложившаяся экосистема, множество изумительных животных. Во всяком случае, моя мама так рассказывает. Его колонизировали недавно, всего лишь в предыдущем поколении, поэтому ученые пока только исследуют флору и фауну.

Теперь Джин смотрел на Майлза уже с теплотой. Похоже, коротышке удалось вырасти в глазах

мальчугана. Неужели в мире Джина столь редки взрослые, с которыми можно поговорить о чем-то интересном? Если, конечно, принять во внимание, что «интересно» — значит о животных.

— Кофеек у тебя, конечно же, не водится. Или, может, чай? — без особой надежды спросил Майлз.

Джин покачал головой.

— Зато у меня есть пара бутылочек колы.

Он опять метнулся к полкам, вернувшись с парой ярких пластиковых бутылочек.

— Только они теплые…

Майлз взял одну, прищурившись, прочитал состав компонентов на этикетке — жуткая смесь дешевых ингредиентов и источников сахара, — и не решился пить это до завтрака, пусть даже в составе имелся кофеин. *И когда же это вы стали столь разборчивым, уважаемый Лорд-Аудитор?* Вернее, спросить себя надо было: *и когда же это вы успели состариться?* Яйца, хлеб и вода и без того станут непростым испытанием для его расстроенного желудка. Он покачал головой «спасибо, нет» и поставил бутылочку.

Яйца кипели. Майлз покрутил головой, разглядывая обстановку.

— Интересно тут у тебя. Ничего подобного я на

Кибо до сих пор не видел.

Да уж конечно, такого не увидишь во время инсценированных поездок под присмотром сотрудников криокорпораций.

— Много ли здесь живет народу?

Джин пожал плечами:

— Сотня. А может, две. Я не знаю. А вот Сьюз-сан точно знает.

Брови Майлза поползли на лоб:

— Немало!

Им, похоже, удается держаться подальше от любопытных глаз. Что ж, целой армии бездомных приходится проявлять чудеса осмотрительности, чтобы не выдать себя.

— И как ты здесь очутился?

Вновь движение плечами:

— Просто нашел. Или нашелся. Местные собирали всякую всячину в парке, да и натолкнулись на меня. Я там спал. Ну, вот и подобрали.

Похоже на местную традицию.

— А родственники у тебя здесь есть?

— Нет.

Уж слишком короткий ответ для говорливого и одинокого ребенка.

— А вообще родственники есть?

— Папа умер. — Молчание. — Маму заморо-

зили.

Большая разница, учитывая обычаи на этой планете.

— Братья, сестры?

— Маленькая сестренка. Живет где-то у *родственников*.

Последнее слово он почти выплюнул. Майлз воздержался от мимики, сохраняя молчание, давая мальчику возможность договорить.

— Я бы взял ее с собой, да она слишком мала, — продолжил мальчик, оправдываясь. — Да и вообще, она тогда и не понимала, что происходит.

— А что, собственно, э-э… происходило?

И опять движение плечами. Джин неожиданно подпрыгнул.

— Яйца сварились!

Так Джин — сирота? Или беспризорник? Или и то, и другое? Майлз-то думал, на Кибо-Даини есть социальная служба охраны ребенка, как на всех технологически развитых планетах. Пусть даже не обязательно такая безжалостно-заботливая, как на Колонии Бета. Да-а… Джин — целый кладезь загадок, но, к сожалению, не самых важных на настоящий момент.

Горячие яйца выкатились на тарелку. Майлзу,

конечно, досталось особое, коричневое. А еще у Майлза хватило ума не спорить по поводу двойной порции для гостя. Джин передал ему пакетик с солью, прихваченный из некоего заведения под названием «Кафе Аяко», они поровну разделили хлеб и воду.

— Восхитительно, — промычал Майлз с набитым ртом. — Свежее не бывает.

Джин гордо улыбался.

Майлз проглотил кусочек хлеба и забросил удочку:

— Так ты говоришь, здесь у кого-то есть комм? Как думаешь, мне дадут попользоваться?

— Есть у Сьюз-сан. Надо у нее попросить. Если, конечно, застать ее пораньше днем, пока она в настроении. — Затем без энтузиазма добавил: — Могу вас к ней отвести.

Может, мальчуган уже пожалел, что отвязал веревку?

— Я был бы тебе очень благодарен. Это так важно для меня.

В ответ — пожатие плечами, типа: «Ну и пожалуйста; сделаю вид, что меня это не касается». Джин словно уверовал в принцип: живое существо можно удержать рядом, только если привязать и кормить его, а не то убежит, и поми-

най, как звали.

После завтрака Джин развел кипучую деятельность: мясные обрезки пошли на корм соколу, хлебные крошки — цыплятам; остальная еда была так же тщательно отсортирована и отправилась на корм крысам и обитателям террариумов. Мальчик вычистил клетки, промыл и наполнил свежей водой кюветы всем животным. Майлз безмолвно и восхищенно наблюдал за методичной и тщательной работой, хотя было видно, что Джин всеми силами старается затянуть их совместное пребывание на крыше. В конце концов, чувствуя себя окрепшим и забыв о головокружении, гость осторожно последовал за своим поводырем вниз по лестнице.

Глава третья

Майлз покорно плелся за Джином. Позади остались стальные двери, лестница, ведущая в неуютный, мрачный коридор, тоннели с трубами и проводами. Наконец они попали в другой корпус. Неуловимые запахи и звуки, нормальное освещение указывали на то, что здесь живут. Подтверждений догадке ждать не пришлось — повернув за угол, они вышли в помещение, служившее некогда столовой или кухней для персонала. Здесь болталось с полдюжины человек. Кто-то готовил, кто-то жевал. Все настороженно и безмолвно наблюдали за вошедшей парочкой, и только молодая женщина, трудившаяся у здоровенного миксера, увидев Джина, махнула ему приветственно большущей ложкой и пригласила к завтраку. Джин остановился было нерешительно, втянув носом аромат выпечки, улыбнулся и покачал головой:

— Позже, Ако, у меня гость.

Майлз все глазел на нее через плечо, а Джин упорно тащил его вперед.

Поднявшись на два лестничных пролета, они двинулись по коридору вдоль бесконечного ря-

да дверей. Похоже, раньше здесь было офисное помещение. Теперь — жилое. С улицы, сквозь открытые двери, просачивался свет. В комнатах лежали груды — аккуратные и не очень — разного добра, какое собирают лишь те, кому в этой жизни мало что светит. Обитатели апартаментов в основном дремали на одеялах прямо на полу, либо потихоньку копошились, занятые своими заботами. Майлза тоже не обошли подозрительным вниманием. Публика встречалась разношерстная, однако стариков было невероятно много. Может, все, кто помоложе, как, например, повариха Ако, были где-то при деле?

Сюда явно проведены и вода, и электричество, так что жить можно вполне прилично, пусть даже без такой роскоши, как действующий лифт. Никаких тебе ведер в качестве унитазов, никто не мочится на лестничных площадках, да и костров в мусорницах или ванных что-то не видать. Так откуда же они получают энергию, куда подключен водоотвод? Неужели коммунальные услуги оплачиваются? Или они по-тихому сделали «врезку» в городские коммуникации? Ответы на эти вопросы могут оказаться весьма интересными, вот только нет времени сейчас их задавать.

На следующем этаже — другой коридор, по-

короче. Джин остановился у крайней двери и забарабанил по ней. Выждав немного, привалился плечом к косяку и наотмашь замолотил по двери ногой.

— Да слышу, слышу я, — раздалось ворчание из-за двери. — Нечего так надрываться.

Дверь приоткрылась. Лишь немногим выше его собственных глаз хмурилось некое лицо, изборожденное шрамами.

— Это еще кто? — раздался требовательный, грубый и неприветливый голос. — А, это ты, Джин? Ты зачем сюда чужака привел?

— Мы с Йани подобрали его вчера на улице, — ответил Джин. — Он потерялся.

Налитые, багровые глаза нехорошо прищурились.

— Так это наркоман, про которого рассказывал Йани?

Майлз прокашлялся. Ох как мешала ему сейчас щетина, придававшая лицу исключительно пиратский вид.

— Я находился под влиянием наркотических средств, мэм, но я вовсе не наркоман. Со мной случился приступ аллергии на некий лекарственный препарат. А пока я был в полубессознательном состоянии, меня ограбили. В Криосоты попал

совершенно случайно. Довольно долго оттуда выбирался.

— Вы не местный.

— Нет, мэм.

Тут Джин решил перехватить инициативу:

— Ему нужен твой комм, Сьюз-сан.

Взгляд стал еще более сердитым:

— Вызов не работает. Я могу только принимать сигнал.

Мало похоже на правду, подумал Майлз, но для начала можно согласиться и на такие условия. Ясно, что для Сьюз он здесь — нежеланный гость. Разве можно верить чужакам? А в таком полулегальном сообществе Чужак-Который-Слишком-Много-Видел запросто может плохо кончить. Никаких громил-вышибал поблизости не было видно, но только ли силой можно убить? Сойдет и хитрость.

— Мне бы взглянуть, что сегодня в новостях, мэм. Пока я разлучен с бумажником и документами, вынужден отдаваться на милость незнакомцев.

— И много ли милости проявляют к чужакам в ваших родных краях? — фыркнула Сьюз.

— Мне всегда хватало. — Не меньше дюжины раз Майлзу спасали жизнь едва знакомые

люди. — И, думаю, моя святая обязанность — впоследствии не остаться в долгу.

— Ага, — ответила Сьюз.

— Он понравился и Джинни, и Лаки, — торжественно и выразительно заявил, снова вклиниваясь в разговор, маленький помощник.

Не без ехидства тонкие губы ответили:

— А, ну это другое дело! Если уж крыса согласна с кошкой, то кто я вообще такая, чтобы спорить?

Еще мгновение, и дверь распахнулась. Джин заботливо провел Майлза в комнату.

Определить возраст Сьюз было непросто. Так выглядят люди и изрядно потрепанных восьмидесяти лет, и хорошо сохранившейся сотни. Несомненно, подумал Майлз, пару десятков лет назад она была на голову выше. Сейчас и на высокой подошве она не будет выше полутора метров ростом. Вместо каблуков на ногах красовались пластиковые шлепанцы, сухо бьющие по старческой стопе в такт шагам. На голове — упрямые седые кудри. Могла бы выглядеть моложе, если б улыбалась, однако вокруг плотно сжатых губ навсегда залегли глубокие морщины. Мешковатые штаны, майка и рубаха поверх относились к разным эпохам, но цвета они были черного, черного и черного, так что нельзя сказать, что не

гармонировали.

Апартаменты хозяйки занимали две комнаты. Передняя, набитая до отказа всяким хламом, подобный которому Майлз наблюдал и внизу, вполне возможно, была некогда приютом секретарши. А вот вторая комната, просторная и угловая, с окнами на обеих стенах, явно выполняла обязанности начальственного офиса. Смятое одеяло у внутренней стены, стол, стул и — Майлз не мог не заметить! — комм стояли у противоположной стены. На видавшем виды столе — кувшин, раковина, мокрые полотенца и легкий запах мыла, едва скрывающий, что это — комната пожилой женщины. В высоком шкафу с плотно закрытыми дверцами могло храниться все, что угодно. Пара вращающихся стульев, диванчик с разодранной обивкой да два кресла — потрепанная офисная мебель словно говорила: хозяйка не такая уж и затворница.

Сьюз жестом пригласила его к комму:

— Работает.

— Спасибо, мэм, — ответил он, скользнув к стулу. Сьюз и Джин глазели на экран через его плечо. Майлз быстро нашел местные новостные каналы. Он выбрал межпланетный стандартный английский из примерно дюжины предлагаемых

местных языковых каналов, половину из которых и опознать-то не смог. Хотя барраярского русского среди них наверняка не было. Оно и к лучшему, вдруг потребуется тайно побеседовать со своим телохранителем? Если, конечно, Роик жив.

Как он и ожидал, события, произошедшие вчера утром на конференции, освещались во всех новостях. Новостной комментарий, как обычно поверхностный, почти ничего не прояснил, зато сопроводительные программы оказались полезными: полный список жертв похищения с фотографиями и просьбами местных властей к гражданам поделиться информацией. В списке похищенных значились не только Роик и Майлз, но и, к несчастью, доктор Дюрона. Две разные экстремистские организации, о которых Майлз раньше и не слыхивал (значит, доклады Службы безопасности по Кибо-Даини и гроша ломаного не стоили) брали на себя ответственность (или вину) за организацию похищений.

— Это же вы! — восхитился Джин, указывая на лицо Майлза на стереоэкране. «Не самый лучший мой портрет», — подумал Майлз. Что ж, хотя бы можно узнать. Однако нужно ли ему это сейчас? А тут еще Джин продолжал: — Майлз Фор… ка… с*и*ган!

— Фор-ко-сиган, — машинально поправил Майлз.

— Значит, вы вляпались в эту идиотскую историю? — спросила Сьюз. — Так вы с другой планеты?

Не сказать, что она не в курсе событий. Джин вот совсем ничего не знал, а она… Интересно.

— Похитители, похоже, специально отбирали делегатов с других планет. Мы как раз собрались в фойе, готовились к экскурсии. Поездка значилась в программе, а программу рассылали всем, так что о внутреннем заговоре в корпорации речи не идет.

— Вы говорили, вас ограбили.

— Так и было, отняли все, даже обувь. Но с транквилизатором, который мне впрыснули по дороге, похитители ошиблись. Он меня вовсе не превратил в овощ. Напротив, я от такого препарата завожусь. Вот и вырвался.

— А почему вы сразу же не вернулись в отель?

— Потому что у меня начались галлюцинации. Думаю, часов десять подряд.

Сьюз разглядывала его очень и очень подозрительно. Майлз наделся, что его рассказ был слишком идиотским для выдумки.

Захвачено девять делегатов, вернее, восемь,

за вычетом его самого; правда, похитители не сообщали, что один из заложников потерян. Консульство Барраяра здесь совсем крошечное, хотя о его пропаже наверняка уже сообщили. Правда, до дома это сообщение дойти пока не могло. *Проклятье!* У адмирала Майлза Нейсмита, солдата удачи, никогда и не было ни дома, ни семьи. У Лорда-Аудитора Майлза Форкосигана — были. И ему нельзя скрываться. С другой стороны, какие *невероятные* возможности приобретаешь, когда на время становишься невидимкой…

Где-то в глубине сознания зашевелились давно забытые инстинкты «внедренного агента», только вот Майлзу и самому пока не ясно, стоит ли их будить. Можно отправиться на улицу прямо сейчас, зайти в любой магазин или ресторан, и, рано или поздно, кто-нибудь обязательно даст ему воспользоваться коммом. И придут помощь и спасение. Конечно, вызов пойдет не по шифрованным каналам, он будет открыт для любого, кто ищет Майлза. И это могут оказаться не только власти. Тем не менее, если б эти самые власти или, скажем, те, кто за ними стоит, не выдали своих намерений позапрошлым вечером, он не задумываясь воспользовался бы коммом. Теперь Майлз не спешил.

Сьюз подтянула один из офисных стульев и плюхнулась на него. Она наблюдала, а Майлз читал. Джину это все быстро наскучило, мальчик переминался с ноги на ногу, пока гость сосредоточенно пробегал глазами по экрану, забитому большей частью бесполезной информацией.

— Сьюз-сан, может, я пока принесу вам булочек с корицей? Ако их только что из печи достала.

— А кофе там есть? — сразу же оживился Майлз. — Можешь мне кофе принести? Черный?

Джин наморщил носик:

— И как только люди пьют такую гадость?

— Это вкус, который приобретаешь с возрастом. Как, например, интерес к девочкам.

У Сьюз что-то булькнуло в горле — может, то был смех, а может, просто сдавленный кашель.

Джин снова поморщился, но, кивнув как-то странно, всем телом, потрусил на кухню.

— Два кофе! — бросила Сьюз ему вслед.

Мальчик махнул рукой в ответ, принято, мол, и сиганул за дверь.

Майлз глянул ему вслед, повернувшись на стуле. Ребенок был уже далеко.

— Хороший парнишка.

— Угу.

— Хорошо, что вы его подобрали, присматрива-

ете. Чей он? — *Давай, наводи мосты, Лорд-Аудитор.* — Мне он рассказал, что отец умер, а мама — заморожена. Значит, некоторым образом он — сирота. Полагаю, мать его должна быть слишком молодой для долгосрочной криопроцедуры. Обычно в юном возрасте крионику используют только как крайнюю меру, чтоб человек в анабиозе дождался, когда его вылечат.

Как некогда случилось и с Майлзом. Правда, добавить: «Знаю по собственному *горькому* опыту» — он не мог. Ибо, несмотря на все несовершенство этой операции, жизнью он был обязан только криопроцедуре. *Ну и милости чужаков, не стоит забывать о ней.* Мало кому в этом мире Группа Дюрона были не чужаками.

Сьюз опять фыркнула, на сей раз вроде бы одобрительно. Продолжая изучать незнакомца, она, похоже, пришла к каким-то умозаключениям в его пользу, поэтому ответила:

— Отец Джина погиб на стройке. У него не было ни криоконтракта, ни криостраховки, поэтому и в заморозке ему сразу отказали. Ну а потом уже было поздно. Хотя, полагаю, события развивались все равно слишком быстро, чтобы успеть что-то сделать.

Майлз кивнул. Криопроцедура может быть ли-

бо неотложной, либо бесполезной. *Действовать надо живенько, а не то будешь мертвенький*, скаламбурилось ему. Что толку оживлять тело, если мозг уже погиб? Проще клонировать жертву и начать жизнь заново.

— Мать Джина после этого немного свихнулась. Начала общественную кампанию, мол, криостаз должен стать всеобщим правом. И ко всему еще накинулась на этих гробокопателей из криокорпораций. Мало-помалу стала видной общественной фигурой несколько лет назад. Судебные тяжбы, организация протестов. А потом один из ее сподвижников слетел с катушек, напал на кого-то там. Кто на самом деле был виноват, так и не узнали, хотя у меня есть свои подозрения. А ее арестовали. Попытались было объявить душевнобольной, правда, не по статье в отношении совершенного преступления, — там требования к медосмотру посложнее. Вовремя подвернулась добрая душа, да и предложи суду спонсорскую помощь по криостазу до тех пор, пока не найдут лечение от болезни.

Майлз стиснул зубы:

— Что бы, так сказать, остыла, да?

— Хорошо сказано.

— А что, родственники промолчали? Хоть кто-

нибудь возмутился?

— Соратники не выдержали судебных издержек, для них все закончилось расколом. Родственникам она и без того уже порядком надоела, ходили под страхом потерять работу, знаете ли. Думаю, они даже обрадовались, когда ей заткнули рот. — Сьюз внимательно наблюдала за его реакцией. — Вас все это, похоже, не особенно-то и шокирует.

— Видал я разные миры и людей повидал немало. Сталкивался с очень непохожими системами, и пострашнее вашей. Например, на Архипелаге Джексона правят группировки военных диктаторов, которых поддерживают прихвостни-головорезы. Но есть в их насквозь коррумпированной политической системе какая-то подкупающая искренность. Им даже не надо выдавать зло за добро, прежде чем «впарить» его своим избирателям.

— Так я вам скажу, юноша: одна из грязных тайн демократии в том, что, даже если у тебя есть право голоса, у тебя может не быть права выбора. — Она тяжело вздохнула. — Еще двадцать-тридцать лет назад здесь все было не так уж плохо. Избирательные голоса бесчисленных сотен криокорпораций уравновешивали друг

друга, а затем вдруг некоторые из них стали разрастаться и поглощать остальных. И не потому, что так было надо Кибо, или замороженным клиентам, или кому-нибудь еще, кроме взбесившихся с жиру топ-менеджеров криокорпораций. Они пожирали друг друга просто потому, что могли. Сейчас осталось лишь с полдюжины больших корпораций, наложивших лапу на все вокруг, да горстка независимых и несгибаемых. Впрочем, они уже ничего не решают.

— Джин называл вас «секретарь Сьюз». Секретарь чего?

Морщинистое лицо, так оживившееся было в гневе, снова превратилось в застывшую маску.

— Все это, — она обвела рукой вокруг, — было некогда небольшой семейной корпорацией. Я работала исполнительным секретарем у нашего председателя. Потом нас выкупили — прожевали и выплюнули. Покупателю мы были не нужны, скорее нас просто хотели уничтожить.

— А кто выкупил? Случаем, не «Белая Хризантема»?

Сьюз покачала головой:

— Нет, «Шинкава Перпетуум». А потом и они пострадали, как раз от «Белой Хризантемы». — По кривой усмешке было ясно: величайшая справед-

ливость восторжествовала, хотя и с опозданием.

— И в конце концов вы заползли в раковину, как рак-отшельник?..

— Мало кому удалось сохранить работу, знаете ли. И простым сотрудникам никто не принес выходное пособие на блюдечке с золотой каемочкой. Куда-то надо было деваться. — Она помолчала. — Остальные подтянулись позже.

— Так, значит, исполнительный секретарь? Тогда кому, как не вам, знать, где покоятся все тела?

Она бросила в его сторону взгляд — уж не испуганный ли? Быть не может, чтоб эта тертая ведьма… Но Майлзу не удалось развить тему — Джин влетел в комнату с подносом в руках. На подносе, кроме обещанных булочек, благоухающих корицей, да картонки молока с двумя неодинаковыми чашками, возвышался полный термокофейник. Майлз, упиваясь собственной выдержкой и силой воли, не набросился на вожделенное питье как очумелый, а дождался, пока хозяйка нальет ему.

Та заставила Майлза поволноваться в нетерпении, прошаркав к высокому комоду и вернувшись с квадратной стеклянной бутылочкой без этикетки. Налила себе. Должно быть, выпивка,

решил Майлз. Подумав, Сьюз подняла брови, глянула на Майлза:

— Освежиться не желаете?

— Э-э… Нет, спасибо. Хватит с меня и кофе.

Напиток сам по себе бодрил достаточно, мчась по пищеводу освежающим потоком. Джин пристроился на втором вращающемся стуле, благодушно уминая булочки и так беззаботно, настырно и эгоистично поскрипывая сиденьем, что Сьюз только молча поморщилась и хорошенько приложилась к своему снадобью. Сердитое выражение вновь заняло место на ее лице. Интересно, чем это он ее так разозлил, когда уже было расположил к себе? Ясное дело, «секретарь Сьюз» — не просто счастливая владелица чудом уцелевшего в этом бедламе комма, но некий предводитель в высшей степени странного тайного сообщества.

— Джин отведет вас в «Кафе Аяко». — Она словно приняла внезапное решение. — Оттуда можно позвонить, и друзья вас заберут.

Джин так и подпрыгнул на стуле:

— Не-ет! Я ведь еще не показал ему, как Вихрь летает!

— Джин, ему нельзя тут оставаться.

Парнишка приуныл.

Ясно, что Майлз для Сьюз в качестве похищен-

ного делегата конференции еще менее привлекателен, чем заблудившийся турист, который не прочь оттянуться с таблеткой. Что ж, попробуем зайти с другой стороны.

— На конференцию я приехал, чтобы узнать побольше о вашем законодательстве в отношении крионики и о состоянии самой крионики. Вместо этого мне пытались виртуозно подсунуть взятку в виде акций корпорации. А ведь многие делегаты после четырех дней этой показухи были готовы подписать контракты, не сходя с места. Так что налет экстремистов оказался небесполезным. Мой работодатель прислал меня сюда с целью подготовить детальный отчет о состоянии вашей крионики. Однако, похоже, я чуть было не упустил из виду массу деталей.

— Тогда вам лучше не тратить время даром да отправляться наверстывать упущенное, согласны?

А ведь ты тоже еще та деталька. Деталь этой системы. Или целая загадка.

— Вообще-то, поскольку конференция закончилась, я могу сам распоряжаться свободным временем. И почему бы мне не отдохнуть после вчерашних приключений, если Джин так желает? Хотя мне действительно надо доложить о

себе кое-кому. Джин, если я скажу тебе, как туда добраться, ты не мог бы отнести письмо от меня одному человеку?

Джин сразу встрепенулся:

— Конечно! Э-э… может быть. А куда?

— В восточную часть города.

— Э-э… М-м… Смогу…

Майлз решил не уточнять, чего это мальчишка подает признаки неуверенности.

— А, кстати, в какой части мы сейчас находимся?

— В южной.

— Езжайте-ка вы сами, — встряла Сьюз. — Я дам денег на проезд. Только не возвращайтесь сюда.

— А когда в полиции меня начнут допрашивать, где я был, что мне им сказать?

Она помрачнела.

— Скажите, что потерялись.

— Сказал бы, однако что мне с того?

На сей раз она фыркнула как-то плотоядно.

— Будь у нас деньги на подкуп, что бы мы делали здесь?

— Вы неверно меня поняли, мэм. Мой интерес — информация. Хотя, знаете ли, вы уже вторая организация на Кибо, которая пытается меня подкупить. Это что, такая местная традиция?

Она нервно пожевала губами.

— А кто был первым?

— «Белая Хризантема».

— Ух ты!

— Я тоже так подумал, и они поняли мою реакцию, только неправильно поняли. Если вам нужно что-то продать, хватит и маленького подарка. Если нужно утаить — не скупитесь на большой. Так они разожгли мое неуемное любопытство.

— Ну так вы приняли свой большой подарок, Форкосиган-сан?

Он не стал поправлять, говорить, что правильно будет «Форкосиган-сама» или даже «-доно». Она хотя бы фамилию правильно произнесла.

— На данном этапе развития отношений презрительный отказ может оказаться не только близоруким, но и потенциально опасным. Думаю, день-другой отдыха здесь помог бы мне оклематься.

— А как мне знать, что ваше «письмо другу» не принесет нам неприятностей?

— Не принесет, если мне будет так угодно. Я старше его по званию.

«Секретарь Сьюз» скривила губы:

— Да уж по апломбу видно.

Несомненно, в свое время Сьюз насмотрелась на чванливое начальство. Интересно, понимал ли ее шеф, что Сьюз видит его насквозь?

Джин наблюдал за перепалкой, беспокойно поскрипывая стулом.

— Да отнесу я это письмо, Сьюз! Я ведь совсем не против.

Майлз протянул Сьюз открытую ладонь жестом не то мольбы, не то веского доказательства.

— Не спешите, подумайте. Терять вам нечего. Если что и было, то уже потеряно, — он не стал добавлять: «Если только не пожелаете меня шлепнуть», к чему внушать людям нездоровые идеи? — Зато можно заслужить мою благодарность.

— А какой мне интерес? Что я с того получу?

Будь мы на Барраяре, ты бы знала ответ. Но мы, как многократно отмечал Роик, не на Барраяре.

— Что-нибудь придумаем.

Ее брови выдавали крайнюю степень недоверия. Сьюз неожиданно набросилась на Джина:

— Разве не говорил тебе Йани оставить его там? Видишь, сколько неприятностей приносят добрые дела, Джин!

Майлз так и не понял, было то «да» или «нет». После очередного тяжелого вздоха Сьюз продол-

жила:

— Отведи Форкосиган-сана в хранилище, там подыщите, чем писать и на чем.

Джин с готовностью спрыгнул со стула. Майлз поспешил поблагодарить хозяйку и последовал за мальчиком, пока Сьюз не передумала.

* * *

Джин наблюдал, как Майлз-сан (мальчик решил называть его именно так, ведь настоящую фамилию вовек не произнести) просматривал полупустые коробки с писчей бумагой на полке в хранилище. На такой бумаге — с цветочками и прочей дребеденью — старушки обычно пишут всякие записки друг другу. И даже Джин вожделенно разглядывал один лист с изображением щеночков. Удивленно осмотрев ассортимент, гость сделал выбор, а потом принялся подыскивать пишущую ручку в коробке со всяким хламом. Найдя пару вполне пригодных, сунул их в карман и осмотрелся.

— Прямо как в лавке старьевщика. Или на чердаке в усадьбе Форкосиганов…

— Когда кто-нибудь приносит не нужные никому находки, их кладут сюда, вдруг кому пригодятся? — пояснил Джин. — Ну, или когда…

Когда уходят в подвал, к Тенбери, и не возвращаются. Но этого он произнести не мог. Ему и знать-то такого не было положено.

Майлз-сан последил за взглядом мальчугана.

— Ура! Обувь!

Он захромал к наваленной куче обуви. Джин хвостиком потащился следом и принялся помогать изо всех сил. Ноги у чужака были даже меньше его собственных. Правда, Джин приходил сюда за новой парой бот всего месяц назад, когда пальцы на ногах стали пробиваться сквозь старые ботинки как весенние ростки сквозь почву. Навороченные дамские туфли не пользовались спросом даже среди местных женщин, поэтому и скапливались, однако Майлзу удалось наконец-то выудить пару подходящих спортивных туфель. То были туфельки с девчачьим узорчиком в цветочек, но Майлзу, похоже, было все равно: напялил да затянул шнурки.

— Так-то лучше! Вот и ходить можно.

Он продолжил поиски, разглядывая запасник.

— О! А вот и трости!

Подойдя к груде палок, наваленных в углу, гость принялся выбирать, откладывая в сторону тяжелые медицинские опорные трости, с несколькими стойками на конце, и слишком

длинные трости. Отобранные он проверял, размахивая ими как мечом и колошматя об стену, так что Джин засомневался: может, ему вовсе и не опора нужна, а оружие? Решив, что все-таки первое, Джин провел гостя на крышу внутренним ходом, по пожарной лестнице и через дверь теплообменника.

Майлз-сан расположился за столом, заняв и стул, разложил бумагу и нахмурился с задумчивым видом. Затем склонился и принялся скрести ручкой по бумаге, время от времени останавливаясь поразмыслить. Джин успел почистить цыплячьи короба, пересчитать их жильцов, на случай если кто опять вдруг нашел дорогу на парапет, причесать Лаки. Наконец письмо было написано и запечатано. Майлз, прищурившись, огляделся.

— А нет ли у тебя чистого острого ножа? Или чего-то вроде иголки, может, спицы?

— Сейчас посмотрю.

Покопавшись, Джин извлек небольшой скальпель из некогда найденного полуразоренного набора, и протянул Майлзу. Тот внимательно осмотрел лезвие, пожал плечами, мол, была не была, и, к ужасу Джина, ткнул себя в большой палец острым лезвием. Выдавив каплю крови,

он сложил письмо и придавил пальцем клапан, оставив различимый отпечаток поперек линии склейки, обвел отпечаток ручкой и поставил рядом инициалы.

— Ух ты, вот это да! — выпалил Джин. — А зачем это?

— ДНК. Отпечаток пальца — ничуть не хуже дедушкиного кинжала с печаткой. Даже лучше. В его время анализ ДНК не проводили. Ты ведь понимаешь, что посольский атташе не кинется выполнять требования неизвестно чьей записки с улицы.

Далее Майлз проинструктировал Джина, как добраться до нужного места в восточной части города. Потом заставил мальчика все повторить. Результат, видимо, оказался удручающим: Майлз тяжело вздохнул и все-таки написал адрес на конверте.

— Надеюсь, ты так или иначе доберешься. И смотри, этот конверт не должен попасть ни в чьи руки, кроме лейтенанта Йоханнеса или консула Форлинкина. Это очень личное сообщение.

Джин клятвенно заверил его, что так и будет, и принялся выгребать всю имевшуюся мелочь из копилки. Хватило на проезд в оба конца, но больше почти не осталось.

— Это все твои сбережения? — Майлз-сан подглядел через плечо. Джин молча кивнул. — Доставишь конверт, и тебя не обидят.

Джин не очень-то понял, что значит «не обидят», однако кивнул, принимая условия. В свою очередь он проинструктировал Майлз-сана, что делать, случись какая непредвиденная ситуация со зверинцем в его отсутствие. Тот ошалело поморгал глазами, но, в отличие от Джина, повторил все инструкции без запинки. Джин сунул письмо под рубаху, бросил печальный взгляд через плечо и двинулся вниз по лестнице.

В метро Джину пришлось поволноваться. Мальчик боялся, что за ним следят; однако никто не схватил его за руку, не потащил в участок. На большой пересадочной станции в центре города Джин почти совсем заблудился — все маршруты были незнакомы. Однако ему удалось подавить страх и не привлекать внимания, для этого пришлось лишь четко следовать картам на стенах. Кто знает, чего ожидать от доброхотов? Они столь же опасны, как и подозрительно настроенные граждане… В конце концов нашлись и нужная ветка, и нужная станция.

Затем шесть кварталов пешком, почти без поворотов, и вот он у цели. Вокруг не было ак-

куратных многоэтажек спальных районов, в которых он вырос. Вместо них за высокими садовыми оградами утопали в зелени невероятно роскошные особняки. У ворот некоторых из них висели надраенные медные таблички посольств других планет. Посольство Эскобара производило особое впечатление своими размерами и вычурностью. Консульство Барраяра, на котором, к счастью, тоже висела табличка, проигрывало в сравнении. Небольшой, в общем-то, домик, достаточно близко от дороги, так что Джин не успел даже испугаться, подходя к нему. Никакой тебе охраны в форме. Металлическое ограждение выполняло скорее декоративную функцию. Джин легко мог его перепрыгнуть. Только зачем, если ворота и так открыты? Мальчик сглотнул и нажал кнопку звонка.

Дверь открыл блондин, одетый по-простецки: рубаха да зеленые брюки на подтяжках. Весь какой-то помятый и уставший, заросший щетиной. На Джина глянул, насупившись.

— Здесь нельзя попрошайничать! — не очень-то приветливо заявил он.

Акцент у него был такой же, как у Майлз-сана, раскатистый. Вот только оказалось, что не все барраярцы низкорослы, как со смятением осо-

знал Джин. Этот был ну очень высоким.

— Простите, сэр. Я всего лишь посланец. У меня письмо для лейтенанта Йоханнеса или консула Фор… э-э… Форлинкина.

Из описания Майлз-сана выходило, что перед ним стоял именно лейтенант Йоханнес. Вот только где вы видели лейтенантов-привратников? А еще, сердясь, подумал Джин, Майлз-сан назвал его *милым парнишкой*, а не *жутким взрослым*. Хотя, с другой стороны, разве лейтенант может быть не взрослым?

— Йоханнес — это я.

Джин сунул руку под рубаху. «Милый парнишка» напрягся было, да успокоился, когда Джин вынул письмо.

— Это от Майлз-сана, в смысле, от господина Фор-ко-си-гана, — Джин постарался произнести без ошибок.

– *Вот черт!*

Джин аж вздрогнул от неожиданности. Лейтенант Йоханнес перепугал его еще больше, схватив за руку и втащив через порог и захлопнув дверь. Выхватив письмо, он осмотрел конверт на просвет, крикнул между делом «Стефин!» кому-то наверху и вскрыл.

Пробежав глазами по аккуратным, плотным

строчкам, выдохнул:

— Жив, слава тебе Господи! Мы спасены!

По ступенькам с грохотом скатился второй взрослый, вроде постарше первого и даже еще выше. Ни дать ни взять нортбриджский бизнесмен — широкие самурайские шаровары, куртка-кимоно с широкими рукавами. Только вот куртка болталась расстегнутой, да лицо у него было такое же помятое и усталое, как у лейтенанта.

— Что стряслось, Трев?

— Ты только посмотри! Письмо от лорда Форкосигана! Он на свободе!

Второй заглянул лейтенанту через плечо и повторил слово в слово:

— Слава тебе Господи! Чего же он не позвонил, не сообщил нам? — А затем, через мгновение зарычал: — Что? *Что?!*

Лейтенант перевернул письмо, и они продолжили читать вместе.

— Он что, спятил?

Тот, что постарше, бросил на Джина прищуренный взгляд исподлобья. Все нехорошие предчувствия разом зашевелились в мальчишечьей душе. Как же он похож на полицейского!

— А это не подделка?! — грозно пророкотал старший.

Джин наклонился, поднял упавший конверт и молча протянул им. Сглотнул и выдавил:

— Он сказал, вы обратите внимание на отпечаток пальца. Сказал, что это как печать его дедушки.

— Это что, *кровь*?

— Э-м… Ну да.

Старший передал конверт лейтенанту:

— Отнеси вниз и проверь.

— Есть, сэр.

Трев-сан исчез в дверном проеме в дальней стене комнаты. Через мгновение Джин услышал, как где-то хлопнула дверь и ноги забухали по ступеням.

— Простите, сэр, вы — консул? — Джин не очень ясно представлял себе, что такое «консул». Вроде это как «посол», только помладше. Что-то вроде этого домика. — Мне Майлз-сан строго наказал отдать письмо только лейтенанту или консулу Форлинкину.

На сей раз ему удалось произнести это имя не запнувшись. По мнению Джина, настоящий посол должен выглядеть потучнее и постарше. Этот — поджарый и помладше Майлз-сана, во всяком случае в каштановых волосах не проступало седины.

— Форлинкин — это я. — Он не сводил с Джина голубых, словно раскаленное летнее небо, глаз. — Где ты встречался с Лордом-Аудитором Форкосиганом?

— Я-то? Да он в Криосотах потерялся — сам мне так сказал. Я его там вчера ночью и нашел.

— Как он себя чувствует?

Ответить было гораздо сложнее, чем задать такой вопрос, но Джин решил опустить подробности и просто сказать что-нибудь ободряющее.

— Сегодня с утра намного лучше. Я дал ему яиц.

Форлинкин поморгал. Потом снова посмотрел в бумагу.

— Не будь это письмо написано его собственной рукой, а я вижу, что оно написано его собственной рукой, я бы вколол тебе фастпенты, и тогда… гм… Ну так где ты его видел?

— М-м… Дома.

— А это где?

Вот ведь вляпался. И Сьюз нельзя подвести. А что скажешь незнакомцу? Ему сто раз говорили, во-первых, не разговаривать с незнакомцами, а во-вторых, никому не рассказывать о *доме*. Интересно, получится ли задать стрекача и выскочить отсюда прежде, чем консул его сцапает?

— Что? Э-э… Мой дом?

— Что… — К его удивлению, Форлинкин не продолжил допрос, а вместо этого снова развернул письмо. — Что он там у вас делает?

— Э-э… Расспрашивает всех обо всем. — Джин задумался и вспомнил важный, как ему показалось, аргумент: — Он ведь больше не похищенный!

— Но зачем понадобилось посылать письмо с ребенком? — пробормотал Форлинкин.

Джин не понял, адресован ли вопрос ему, поэтому не стал предлагать ответа. Да и вряд ли то был подходящий момент объяснять, что вообще-то ему уже *почти двенадцать*. Где-то в сознании засвербело: чем меньше он скажет, тем целее будет.

Тот, другой — лейтенант Йоханнес, или Тревсан, или как там его, — тяжело бухая ногами по полу влетел в холл. В руках он держал конверт.

— С конвертом порядок, сэр. Что дальше?

— Первым делом нужно найти его адъютанта. Он сам считает, что Роика тоже взяли. При всем уважении к местным поиски не движутся. Думаю, придется в точности следовать инструкциям, — Форлинкин показал на письмо, — и послать стереописьма Имперскому секретарю галактических дел на Комару, срочно, особо секретно.

На лейтенантском лице появилась надежда.

— Может, получим приказ оттуда? Не такой приказ. Какой-нибудь понятный.

— На это уйдет несколько дней. И подумай, к кому им придется обращаться, чтобы отменить *этот*? — Тут они перекинулись обеспокоенными взглядами. — Так что пока решения придется принимать самим.

Джин робко кашлянул.

— Майлз-сан сказал, что вы напишете ответ.

— Да, — ответил консул. — Жди здесь.

Он указал на хрупкий и костлявый стульчик у стены, один из пары, стоявшей по бокам секретера с искусственными цветами и зеркалом над ним. Оба взрослых протопали вниз по лестнице.

Джин сел. Только твердо и деловито сказанное «да» помогло справиться со страхом и не сбежать, пока была возможность. Они явно с недоверием отнеслись к Джину. Зато, к счастью, письмо от Майлз-сана восприняли серьезно.

В одиночестве он просидел довольно долго. Один раз встал и заглянул в комнаты, двери которых выходили в холл. Одна из комнат была весьма причудливо обставленной гостиной. Другая выглядела аскетичнее, больше походила на рабочий кабинет. И нигде никаких животных

— ни тебе птички в клетке, ни даже кошки. Джин очень скоро порадовался, что не отправился на более детальные поиски, потому как из глубины холла вдруг возник еще один человек и, удивленно разглядывая мальчика, спросил:

— Чем могу служить?

Ну наконец-то, хоть один говорит с нормальным местным акцентом! Джин энергично помотал головой:

— Э-э… Лейтенант Йоханнес уже занимается… моим вопросом. Мной.

Джину удалось заправски произнести имя лейтенанта. Похоже, это весьма порадовало вновь прибывшего.

— А! — кивнул он, отправился в «кабинет», к комму, и занялся там какой-то работой.

Джин сел на стул и решил больше никуда не ходить.

Прошла целая уйма времени, когда наконец появился Форлинкин. В руках он держал другой запечатанный конверт, простой, значительно более увесистый, чем доставленный сюда Джином.

— А сможешь ли ты отдать этот конверт лорду Форкосигану? Лично в руки?

— Сюда же я как-то добрался.

Джин встал со стула.

— Сюда-то добрался…

Видно было, что консул сомневается, передавая конверт. Джин затолкал конверт под рубаху и, не желая терять времени, дал ходу.

Ну ничегошеньки не понятно! Джин нерешительно оглянулся, выходя на улицу через железные ворота. Зато порадовался, что у Майлз-сана есть друзья. Ну, хотя бы такие.

Глава четвертая

Как только Джин скрылся за парапетом, Майлз отправился по знакомому уже маршруту в подвальное кафе, стараясь не заплутать в коридорах. Видимо, для обеда он выбрал слишком ранний час. В кафе почти никого не было, а значит, не было и подозрительных, любопытных глаз. Майлзу подумалось: в своих нынешних лохмотьях он привлекал значительно меньше внимания, чем если бы вошел сюда при полном параде и регалиях Имперского Аудитора, костюме столь строгом, что по всей галактике, вне зависимости от вычурности местной моды, его серый цвет значил одно: «перед вами — Особо Важная Птица». Ему сейчас гораздо сподручнее пришелся костюм «перед вами — Птица Без Определенного Места Жительства».

Обеденная зона, беспорядочно заставленная столами, отделялась от кухни длинной раздаточной консолью, над которой возвышались шкафы из нержавейки. Обойдя консоль, Майлз обнаружил большой электрический *самовар*, а, как известно, где самовар — там и чай! Рядом стояло пестрое собрание кружек, а над ними — «Вымой

за собой чашку!», написанное от руки. Непонятно было, то ли у каждой чашки свой хозяин, то ли все здесь общее. Тем лучше, это давало ему повод завязать беседу с женщиной, то ли помощницей, то ли сегодняшней заменой Ако, которая помешивала поварешкой в десятилитровом чане с супом.

— Не позволите воспользоваться одной из чашек? — обратился к ней Майлз.

Та пожала плечами:

— Да, пожалуйста. Только не забудьте потом помыть. — Постучав рукояткой по краю кастрюли, женщина положила поварешку на стол. — Вы здесь новенький?

— Абсолютно.

— Правила у нас такие: готовь, что хочешь, мой за собой, ставь все на место, если есть деньги — поделись на закупку провизии. На холодильнике — график уборки, надо записаться.

— Спасибо. Мне бы сейчас только чайку… — Майлз глотнул из чашки. Чай оказался перезаваренным, дешевым, крепким. Стакан такого чая замечательно поддержит и дух, и тело. — А вы давно… здесь?

— Я сюда бабушку привела. Уже недолго осталось.

Пока он размышлял, как бы «раскрутить» ее на пояснение этой интересной фразы, из-за консоли раздался знакомый ворчливый голос:

— Ну что там с супом, все еще не готов?

Высокий согбенный старик просунул голову в раздаточное окошко. Впечатляющих размеров седые усищи свисали, обрамляя недовольную мину, и шевелились, когда он двигал губами. А, знакомые тараканьи усы…

— Только через полчаса. Сядьте пока, посидите, — отозвалась она.

— По-моему, я его знаю, — тихонько сказал ей Майлз. — Зовут, кажется, Йани?

— Да, это он.

Йани прошаркал на кухню и нацедил чаю в кружку. Хмуро глянул на Майлза. Тот ответил радостной улыбкой:

— Доброе утро, Йани.

— А, протрезвел? Чудесно. Отправляйся домой.

Йани ухватился за кружку обеими трясущимися ручонками, по всей видимости, чтобы не расплескать, и прошаркал обратно к столу. Майлз неустрашимо ринулся вслед и уселся за столом напротив.

— Ты еще здесь? — спросил Йани.

— Жду своей очереди, так сказать.

— Мы все ее ждем.

— Джин говорит, вас разморозили. Неужели вас правда замораживали сто лет назад?

Подумать только, на Барраяре как раз подошел к концу Период Изоляции, началась новейшая история, а Йани проспал ее всю!

— Сдается мне, у вас не должно быть отбоя от желающих порасспросить.

Йани кисловато хохотнул.

— Ничего подобного. Здесь все уже объелись расспросами таких, как я. Я тоже думал подзаработать, давая интервью журналистам, но нас здесь много, очень много. И никому мы не нужны. Все такое дорогое. Город огромен. В мое время заселение новых территорий шло быстрее. Проклятье, я-то думал, терраформирование будет на полпути к полюсам. Политики безумствуют, и все вокруг такие невоспитанные…

Майлз сидел и поддакивал. Еще в юности он усвоил и в совершенстве овладел одним важным умением: стариковские жалобы надо внимательно выслушивать, тогда смягчишь сердце говоруна. А Йани было достаточно одобрительного кивка головой, чтобы ринуться в критическое ниспровержение современного Кибо, мира, в котором ему нет места и в котором

он никому не нужен. Некоторые высказывания со временем превратились в готовые, заученные тексты — было ясно, что Йани уже поднаторел в выплескивании своих идей на всякого, кто по неосторожности останавливался послушать. Нельзя, правда, сказать, что старик избалован слушателями — немногие новоприбывшие к кафе обходили его стороной. Слезящиеся старческие глаза оживились, когда он понял, что новая жертва вовсе не рвется убежать от брюзжания, подобно крысе, отгрызающей собственную ногу, чтобы выбраться из капкана. «Значит, статус наркомана временно позабыт», — обрадованно решил Майлз.

Йани все бормотал и бормотал, а Майлза уносили воспоминания о собственном деде. Генерал граф Петр Форкосиган, освободитель всей планеты, человек, который низвергал и возводил не трон императоров, творец той самой истории, которую Йани пропустил, обзавелся наследником лишь в конце жизни, как и отец Майлза, так что между дедом и внуком легло скорее три поколения, а не два. Тем не менее оба по-своему любили друг друга. Как изменилась бы жизнь Майлза, будь граф Форкосиган заморожен, когда внуку было семнадцать, а не похоронен, как положено,

в земле? Стало бы ожидание его возвращения подарком или постоянно висящей над головой угрозой?

Старый генерал был подобен могучему древу. Но ведь дерево не только дает защиту, оберегает от бурь и невзгод. Как изменилась бы судьба Барраяра, если б мощная фигура деда не пала, освобождая дорогу солнечному свету, позволяя новой поросли подниматься и расцветать? Что, если б не было для Барраяра иного пути, кроме как безжалостно уничтожить все старое, а не ждать, пока естественный круговорот поколений очистит путь всходам?

И тут до Майлза дошло, почему криокорпорации замораживают больше людей, чем размораживают. Возможно, дело тут не только в присвоении голосов избирателей, и даже не в том, что медицина отстает и не может победить неотвратимую старость.

А Йани все ныл и ныл, и не было конца стенаниям о том, как его обманула криокорпорация, как его вернули к жизни не в расцвете сил, юным, богатым и известным. Монолог этот, вероятно, звучал и ранее, без слушателя. Теперь вот Майлзу посчастливилось узнать о судьбе Йани. Старик оказался в роли путешественника во времени,

который покинул свой день, да вот пункт назначения ему понравился ничуть не больше места отправления. Бедняга никак не хотел понять, что он сам не вписывается ни в прошлое, ни в настоящее — вот только пути назад ему точно нет. Так сколько же таких, как Йани, призраков прошлого, бродит по Кибо? Чай кончился, и Майлз, сославшись на это обстоятельство, схватил обе чашки и отправился за добавкой.

Ополаскивая свою и наполняя чашку Йани, Майлз полушепотом поинтересовался у повариха:

— А правда, что Йани не хотели размораживать?

Та лишь фыркнула.

— Осмелюсь предположить, он тут и сто лет назад никому не был нужен. Понятия не имею, с чего он решил, будто что-то изменилось?

— Уж это точно, — согласился Майлз, пряча улыбку.

Улыбка не укрылась от ее глаз, и повариха присмотрелась к нему повнимательнее.

— А вы не очень-то и старый. Вы, наверно, больны?

Майлз так и захлопал глазами:

— Неужели у меня настолько помятый вид?

— Я просто подумала, что вы здесь по *этой* причине.

— У меня есть одно хроническое заболевание, но я не люблю о нем распространяться.

И как она догадалась? Эпилепсия не проявляется внешне, это вам не проблемная кожа. И вновь Майлз почувствовал, что говорит с местными на разных языках и вновь ему что-то подсказали. Но вот *что*?

Он не успел развить мысль, повариха неожиданно развернулась и обратилась к кому-то:

— А, Тенбери-сан!

В помещение вошел ужасно волосатый человек в потрепанном комбинезоне и рубахе с закатанными рукавами. Головы всех присутствующих тут же повернулись к нему. Посетители кафе либо коротко кивали, либо приветствовали волосатого сдержанным взмахом руки. Он так же коротко и молчаливо отвечал на приветствия, проходя на кухню. Сунув пятерню в серо-бурые заросли на подбородке, почесался. Кивнув поварихе, протянул ей знакомый кофейник. Та приняла, ополоснула и наполнила его кофе.

— Ваш обед готов, Тенбери-сан, — бросила она через плечо. — Сумка в холодильнике.

Волосатый пробурчал что-то вроде «Спасибо!»

и полез шебуршать во внутренностях здоровенного промышленного холодильника. Майлз заметил, что под зарослями волос скрывался человек вовсе не медвежьего телосложения. Был он скорее тощий и бледный. Вытащив матерчатую сумку, Тенбери-сан повернулся и уставился на Майлза:

— Новенький?

— Мы с Джином — приятели, — ответил он уклончиво.

Вернее сказать, Джин меня подобрал на улице.

— Вот как? А где парнишка?

— Я дал ему кое-какое поручение.

— А-а. Давно пора приучать его к работе.

— В двести десятом течет кран, — вклинилась в разговор повариха.

— Понял. Захвачу инструменты после обеда, — ответил он, прихватил кофейник и утопал восвояси.

— Кто он? — спросил Майлз.

Повариха опять принялась помешивать варево.

— Тенбери, здешний смотритель.

Майлз смутно припомнил, что уже слыхал здесь несколько раз о человеке с такой должностью. Интересно только, насколько «смотритель»

соответствует своей работе? Может, так же как и «секретарь» Сьюз? Все равно нужно выяснить, откуда питается аппаратура и куда уходит канализация, а значит, пора действовать. Не ждать же пояснений от Джина. Да и время не резиновое, он не сможет тут бесконечными исследованиями заниматься. В общем, ноги уже сами несли Майлза, решив за него, что делать.

Он поблагодарил повариху, отнес Йани полную кружку, побарабанив приветливо по скатерти, «счастливо оставаться», мол, и кинулся к выходу как раз вовремя, чтоб не потерять Тенбери из виду. Поношенные резиновые подошвы Майлзовой добычи несли его по коридору бесшумно, чему он страшно радовался. Заскрипели петли. Майлз метнулся за угол, там как раз закрывалась дверь, ведущая на другой лестничный пролет. Затаив дыхание, он двинулся вперед.

Лестница вела в такую тьму, что хоть глаз выколи. Что же делать? На счастье, из мрака вырвались отблески света — Тенбери включил карманный фонарик. Ура, во всяком случае, «смотритель» — не оборотень, видящий в темноте. Четыре лестничных пролета, визг тяжеленной открывающейся двери, и блики света исчезли. Майлз ускорил шаг, вытянул руки, нашарил

дверную ручку. Осторожно приоткрыл дверь, боком протиснулся в щель, беззвучно прикрыл дверь за собой.

Свет фонарика прыгал где-то справа. Туда Майлз и отправился, думая о мистических блуждающих огоньках и беспечных путниках, что сгинули в болоте, зачарованно следуя за ними. Он шел и шел, и вдруг заметил боковым зрением крошечные звездочки, словно пляшущие светлячки, отчего коридор еще больше стал похож на сказочную трясину. Поморгав, Майлз сообразил, что по обе стороны от него светят зеленым индикаторные лампочки, разбросанные в произвольном порядке вдоль стен. Система, дескать, функционирует нормально.

Содрогаясь от отвращения, Майлз протянул руку и ощупал столь знакомые теперь выступы близко посаженных криокамер. Вот только эти вовсе не были выключены и заброшены. Они прекрасно работали, во всяком случае добрая половина деловито мигала лампочками. Хорошо изолированные люки камер хранили комнатную температуру на поверхности — можно было не бояться, что кожа примерзнет к кожуху и Майлз замрет здесь, пойманный во внезапно выросшую прозрачную сосульку-кокон. Подумав, он все же

убрал руки подальше, двинулся по коридору, освещенному мерцаньем огоньков… и замер — в конце коридора открылась еще одна дверь.

На глаза обрушился поток света из комнатушки, что, видимо, служила своему хозяину и жильем, и лабораторией. Свет нимбом разлился вокруг патлатой головы, которая, к счастью для Майлза, не повернулась. Дверь захлопнулась, и Майлз вновь утонул во мраке. Мало-помалу он стал видеть что-то в темноте, или, если можно так сказать, россыпь зеленых искорок помогла ему увидеть кромешную тьму. Он едва-едва различал мертвенно-бледные рукава рубахи.

Подведем итоги: ни насосов, ни трансформаторных щитов. Зато обнаружено кое-что получше — «тайна подземелья», рабочие криокамеры! Как много элементов головоломки стало на свои места!

Значит, Сьюз сотоварищи устроила здесь этакую тайную криокорпорацию. Нет, скорее «криокооперативчик». И, если он все правильно понял, вопросы лицензирования, налогов и инспекции в этом «кооперативчике» остро не стояли. Прямо-таки подполье, нигде не зарегистрированное предприятие.

Кибо-Даини — целая планета, одержимая одной

страстью: обмануть смерть. И даже бездомные здесь могут наскрести пригоршню надежды на вечность.

Вопросы жизни и смерти? Приходится признать, что на Кибо это ерунда, а не вопросы. Майлз разразился беззвучным смехом. *А я-то, дурень, думал, что всего в этой жизни повидал!* Черт возьми, и как только Сьюз это удалось! Ведь наверняка подкупила кого-то, чтоб втихаря сохранить от чужих глаз целое предприятие, пока здесь все расформировывали и разукомплектовывали, а клиентов «переселяли» в новый, кичливо-элегантный «Криополь» в западной части города, под залитые светом пирамиды. Вот это история, да за такую и жизнь отдать не жалко!

Выбирайте слова, милорд Аудитор!

Менее трети криокамер в коридоре мигали зелеными светлячками. Интересно, сколько здесь таких коридоров? Достаточно места для новых клиентов. Одна мысль вела к другой: если повсюду криокамеры, считается ли здесь убийство преступлением? Беспроигрышная игра в прятки, одно живое тело, спрятанное среди сотен мертвецов. Воздух так быстро заканчивается в герметичном черном ящике, даже замораживать не надо. И никто не станет искать, пока не будет

слишком поздно…

Ну, мне-то не впервой.

Забавно, такой аргумент почему-то совсем не помог успокоиться.

Он шагнул к последней двери, поднял руку и… пальцы замерли над холодной металлической поверхностью. Майлз простоял так с минуту. В конце концов, сжав пальцы в кулак, он постучал.

Скрипнул стул. Дверь приоткрылась, высунулась волосатая физиономия:

— Да?

— Тенбери-сан?

— Просто Тенбери. Что вам нужно?

— Задать несколько вопросов, если можно.

Темные, карие глаза сузились под свисающими бровями.

— Вы уже поговорили со Сьюз?

— Да, Джин познакомил нас сегодня утром.

Тенбери задумчиво пожевал заросли вокруг губ.

— Что ж, тогда заходите.

Дверь распахнулась.

Майлз решил не исправлять пока ошибки Тенбери, ведь Сьюз вовсе не приглашала его в свое тайное сообщество. Не тратя времени даром, он

скользнул в дверной проем.

Комната служила и офисом, и центром управления банком криокамер, и жилым помещением — во всяком случае, смятое одеяло на полу у стены и груды личного хлама намекали на то, что здесь живут. Дверь в стене напротив вела в некое подобие мастерской — Майлз заметил верстаки и инструментальные полки в полумраке комнаты. Одинокий стул подсказал, что Тенбери окажется еще менее гостеприимным, чем Сьюз, однако смотритель вежливо показал гостю на стул, а сам прислонился к панели управления. Майлз предпочел бы поменяться с ним местами, чтобы не подвергать риску растяжения шейные мышцы, да и не позориться болтающимися короткими ножками, не достающими до пола. Но нет, не стоит портить отказом завязавшийся контакт. Он уселся, посмотрел снизу вверх и вежливо улыбнулся.

Тенбери наклонил голову и один в один воспроизвел речь наблюдательной поварихи:

— Слишком молодо вы выглядите. К нам такие не приходят. Болезнь или как?

Майлз повторил то, что уже однажды сработало:

— У меня неизлечимые приступы эпилепсии.

Тенбери кивнул, изобразив сострадание на лице. Ответил неожиданно:

— Вам бы лучше попробовать вернуться к врачам. Может, на других планетах помогут?

— Да был я у них. Недешевое удовольствие. — И вывернул карманы, словно хотел предъявить доказательства.

— А-а… И вот вы здесь. Без гроша остались, да?

— В некотором роде. Хотя все несколько сложнее.

Не то чтобы Майлз пытался переплюнуть по эффективности допрос под фастпентой, но врать напропалую этому человеку не очень-то хотелось.

— Ну конечно, так обычно и бывает.

— Не покажете ли на практике, во что я здесь ввязываюсь? Если, конечно, останусь.

Лохматые брови подпрыгнули.

— Ну, ко мне-то у вас претензий не будет. Пойдемте, покажу «дэ — двести первую».

Тенбери провел его через свою то ли медицинскую лабораторию, то ли мастерскую. На верстаке россыпью лежали детали морозильной установки.

— Некоторые камеры можно сохранить в рабочем состоянии, только используя запчасти от

других, — пояснил Тенбери.

Майлз, как и в беседе с Йани, угукал и поддакивал, выуживая у Тенбери секреты профессионального мастерства. Когда он узнал о работе криокамер больше, чем хотелось, задал такой вопрос:

— А не закончатся ли запчасти в один прекрасный день?

— Не скоро. Здешние площади рассчитаны на двадцать тысяч клиентов. За двадцать лет мы загрузили лишь около десяти процентов. А начинали, так тут вообще пусто было. Так что хватит на многие десятки лет. На мой век уж точно хватит.

— А что потом? Кто будет размораживать?

— Мы об этом пока не думали. Разморозка — более сложный процесс.

Уж это точно.

— А кто проводит подготовительные работы?

— Мой криоассистент. Вы с ней обязательно встретитесь. Хороший специалист, к тому же обучает помощницу — Ако. Мне бы тоже не помешала парочка учеников.

Ничего удивительного, подумал Майлз. Неотложная криоподготовка — нехитрая медицинская процедура, которой он и сам овладел, во

всяком случае теоретически. Это обязательная часть военно-полевой медицины. А вот амбулаторные условия криоподготовки требуют гораздо больше знаний всяких тонкостей — от этого зависит посттравматический уровень криоамнезии у пациента, отсутствие или наличие побочных явлений. Чем меньше организм травмирован перед криопроцедурой, тем меньше придется заниматься снятием последствий травмы после разморозки. Однако добровольно пойти на заморозку, пока твой мозг в сознании, а легкие дышат… Хладнокровно, так сказать, отправиться во тьму…

— Даже думать об этом жутко, — сказал Майлз честно.

— Для большинства это все-таки крайняя мера, а вовсе не первая помощь. Хотя все мы к ней в конце концов прибегнем. Кто в наше время согласится на смерть от тромбоза во сне? «Проснуться» еще тепленьким и уже гниющим? Уж лучше не тянуть, пока не станет поздно. — Тенбери скривил губы. — Хотя некоторые корпорации изо всех сил подталкивают людей к ранней криопроцедуре. Для них важно насыщение рынка. Хотя не думаю, что они на этом здорово выгадают.

— Да, подход у них какой-то грубоватый, в

лоб, — согласился Майлз. То, что он услышал, повергало в изумление. — Чем больше клиентов сейчас, тем меньше будет потом. Недальновидная стратегия для такого далеко идущего предприятия.

— Ну да, за исключением тех, для кого это последний и единственный шанс.

Тут настал черед Майлза призадуматься.

— Ну не получится же у них на сто процентов насытить рынок, даже при таких обстоятельствах. Есть ведь и верующие, кто не приемлет крионику.

— Да, отказники есть.

— Отказники?

— Вы не здешний? Я по акценту понял, что не здешний, просто показалось, что на Кибо вы пробыли дольше. Ну, в смысле, раз уж до нас добрались.

— Да все как-то случайно произошло. Но я рад, что на вас натолкнулся.

Сначала «размороженные», теперь вот «отказники». Интересно, какие еще местные словечки «забыли» упомянуть организаторы туров из криокорпораций? Такие «термины» вряд ли нуждались в пояснениях, Майлз хорошо понял, что имел в виду смотритель. По мнению Тен-

бери, идеология тех немногих суеверных, что предпочитали заморозке обычные похороны, была бесперспективной. Майлзу припомнились группы фанатиков-сектантов, что давали обет безбрачия, а потому вымирали за пару поколений. Вернее, без поколений. Тут пришлось временно согласиться с Тенбери.

Затем Тенбери указал Майлзу на дальнюю дверь, вывел из мастерской и гостеприимно пригласил на осмотр другого коридора, к счастью, освещенного. Хотя и при свете трудно было понять, на что он больше похож: тоннель сообщения космической станции или морг. Смотритель открыл одну из пустующих, недавно отремонтированных криокамер, рассказал о ее технических характеристиках. Говорил он отстраненно, словно продавец подержанного транспорта о своем товаре.

— Как-то здесь… тесновато, — заметил Майлз.

— Над головой пространства почти нет, — согласился Тенбери, — но поверьте, когда вас сюда положат, привычки вскакивать по ночам уже не будет. Мне всегда было интересно, помнят ли люди хоть что-то о времени, проведенном в криокамере. Размороженные, с которыми я общался, говорят, ничего не помнят.

Люк камеры скользнул на место, Тенбери легонько шлепнул по кожуху, активируя замок.

— Просто засыпаешь, а потом просыпаешься в будущем, которое кто-то выбрал для тебя. И никаких снов, — задумчиво согласился Майлз. — Закрыл глаза и выключился. Включился, открыл глаза. Та же анестезия, только дольше.

Словно предварительный просмотр настоящей смерти по индивидуальному заказу. И не такой болезненный, мысленно признал Майлз, как «выключение» при помощи игольчатой гранаты, разрывающей легкие. Расставив пальцы, он приложил ладонь к лицевой панели камеры.

— А что случится со всеми этими замороженными беднягами — или замороженными бедняками, — если вас обнаружат власти?

В зарослях подбородка мелькнула безрадостная улыбка.

— Ну не могут же они просто дать нам растаять и сгнить, а потом похоронить нас. Это противозаконно.

— Это считается убийством?

— В некотором роде. Одной из разновидностей убийства.

Что ж, тогда у них здесь не совсем уж безнадежное предприятие, как Майлзу сперва показалось.

Кто-то все же думал о будущем. Вопрос в том, насколько глубоко? В чьих руках может оказаться ответственность за эти «мерзлые души»? В руках нортбриджского муниципалитета? Или какого-нибудь безответственного предпринимателя, который купит собственность в счет погашения долгов по налогам и только потом узнает, *что* он купил? Да уж, смерть не обманешь.

— Хорошо, сейчас это противозаконно. А если закон изменится?

Тенбери пожал плечами:

— Тогда несколько тысяч человек скончаются без лишнего шума и боли. Они умрут с надеждой, не в отчаянии. И им будет все равно. — Подумав, он добавил: — Да и вообще, в таком уродливом мире лучше и не просыпаться.

— Да-а… Не думаю, что власти возьмут на себя все расходы и ответственность за разморозку людей только для того, чтобы дать им сразу же умереть. Выключился?.. Вот и не включайся!

В конце концов, это не самой плохой путь на тот свет, уж Майлз-то повидал всякого.

— Извините, мне нужно приниматься за работу, — Тенбери намекал, что гостю пора и честь знать. — Надеюсь, я помог вам определиться.

— Да-да, спасибо. — Майлз проследовал за Тен-

бери через мастерскую в первый коридор. — Мне тоже пора отправляться кормить Джинов зверинец. А то ведь я пообещал.

— Странный парнишка. Я некоторое время подумывал взять его себе учеником. Но он больше интересуется зверьем, чем техникой, — вздохнул Тенбери, и Майлз не понял, с каким чувством — то ли с сожалением, то ли просто удивленно.

— Э-э…

Майлз в нерешительности замер перед выходом в темный коридор.

— Первая дверь налево, — подсказал Тенбери и заботливо придержал дверь своего кабинета широко распахнутой, освещая Майлзу путь во мраке до самого выхода.

Дальше Майлзу помогли поручни лестницы и внимательный счет поворотов. Он выбрался в подвальный коридор у кафетерия, а оттуда уже поднялся наверх к Джину, по внутренней лестнице.

На крыше его ждали солнечный свет и квохчущая стайка цыплят.

Черт возьми, скорее бы уже мальчуган возвращался!

* * *

В толчее большущей городской пересадочной станции метро было так же сложно сориентироваться на обратном пути, как и по дороге в консульство. Второй раз свернув не туда, Джин заволновался. Ох, какие толпы народу кругом! А что же будет ближе к часу пик? Надо выбираться побыстрее. Наморщив лоб, мальчик покрутился на месте, выбрал направление и двинулся против потока вливающихся на станцию.

Интересно, что в толстенном конверте, который ему отдал этот, как его… конус? Кажется, так: конус Форлинкин? Конверт терся о кожу. Выйдя на ротонду второго уровня, он прислонился плечом к колонне и выудил письмо из-под рубашки. Хотя контрольной метки в виде кровавого следа пальца на конверте не было, послание, к вящему неудовольствию Джина, было запечатано. Не подглядеть… Грустно вздохнув, мальчик сунул конверт обратно под рубаху.

В конце концов он нашел нужный эскалатор и поднялся на два уровня, в длинный переход верхнего уровня. Мальчуган очень беспокоился о своем зверье. Сможет ли Майлз-сан с ними управиться? Этих взрослых никогда не поймешь.

То они делают вид, что относятся к тебе серьезно, то смеются за спиной надо всем, что тебе дорого. А еще, бывает, говорят что-то лишь потому, что ты еще маленький. Думают, что ты об этом скоро забудешь. Майлз-сан, похоже, искренне полюбил Джиновых крыс — Джинни он посадил на плечо и даже не отворачивался, когда та попробовала погрызть его волосы. Джин всегда готов был понять взрослых, которым не нравятся крысы — не любят они почему-то этих гладких, забавных и дружелюбных тварей. А ведь крыса-то и не укусит, если ее не сжать случайно рукой. И разве можно ее винить за самозащиту?

Что-то вдруг сжало плечо Джина — он аж взвизгнул. Если бы мог, то и сам укусил бы руку на плече, но все, что ему удалось, — немного вывернуться и посмотреть вверх. Прямо в лицо худшему из своих кошмаров.

Каштановые волосы, приятная улыбка, синяя форма муниципальной Службы безопасности. Не служащая безопасности метро, у тех форма зеленая. Настоящая тетя из полиции, вроде тех, что забрали маму.

— Как тебя зовут, детка?

Голос звучал дружелюбно, но твердо.

— Джин… — промямлил он. Нет, так не пойдет.

Все внутри переворачивалось от страха, когда он врал взрослым, но в этот раз мальчик переборол себя. — Джин э-э… Форксон.

Та нахмурилась:

— Это еще что за имя?

— Мой отец — с другой планеты. Он уже умер, — добавил Джин поспешно и, как ему показалось, предусмотрительно.

Почти даже и не соврал. Только вот теперь придется гнать от себя мысли о похоронах.

— А мама тебя отпускает одного в город? Сейчас время занятий в школе, знаешь ли.

— Э-э… Да. Она отправила меня сюда с поручением.

— Что ж, давай тогда позвоним ей.

В животе у Джина задрожало что-то ледяное, он показал запястья тощих ручонок.

— У меня нету комма, мэм.

— Ничего страшного, пройдем в участок и позвоним маме оттуда.

— Нет!

Изрядно напуганный, Джин попытался вывернуться. Однако каким-то образом вывернутой оказалась его рука за спиной. И больно вывернутой! Рубашка перекрутилась на талии, и с громким шлепком на пол приземлился конверт.

— Нет, не трогайте!

Он попытался сам наклониться за посланием. Не отпуская руки ребенка, женщина схватила конверт. Лицо ее становилось все озабоченнее.

— Дэн, код шесть. Первый уровень, — бросила она в свой комм.

Мгновенье спустя появился второй полицейский.

— Ну что у тебя тут, Митико? Поймала воришку у прилавка?

— Пока не знаю. Наверно, из школы сбежал. Этому молодому человеку надо пройти с нами в участок и позвонить маме. Заодно и личность установим.

— Ясно!

Вторая рука Джина попала в еще более крепкий хват. Таким беспомощным его и повели. Ох и дал бы он деру, да где там: обе руки крепко сжаты.

Сквозь стеклянную стену помещения было видно всю ротонду. Внутри царила прохлада. Дверь закрылась, и наступила восхитительная тишина. Джин бы порадовался, но не в этих обстоятельствах. На множестве экранов, подключенных, как догадался Джин, к видкамерам, по эскалаторам вверх и вниз передвигались люди. В шуме и сутолоке станции Джин не заметил никаких камер.

Женщина толкнула его к вращающемуся стулу. Пятки усевшегося Джина не доставали до пола.

Здоровяк Дэн поднес к лицу мальчика световое перо.

— Посмотри на меня, парень.

Сканирование сетчатки? Красная вспышка. Джин зажмурился изо всей силы, а потом еще и закрыл лицо ладонями, но было поздно. Он услышал шаги Дэна, уносящего добычу к комм-пульту.

— Смотри, как он напуган, Дэн. — Сквозь пальцы Джин увидел, как женщина подняла конверт, сдавила в руках и потрясла им, словно то была коробка с подарком на день рождения. — Может, причина здесь?

На пульте что-то звякнуло.

— Тэ-экс… Похоже, на него что-то есть. Быстро нашлось.

Дэн посмотрел на беглеца и спросил:

— Тебя зовут Джин Сато?

— Нет!

— По нашим данным, парень уже *год* как в розыске.

Не отпуская руки Джина, женщина повернулась боком, чтобы взглянуть на стереоэкран.

— Боже праведный! Ну и обрадуется его семья,

когда мальчика вернут домой!

— Никто там не обрадуется! Отпустите меня!

— И где же ты целый год прятался, сынок?

Вопрос Дэна прозвучал сочувственно.

— А что у нас *тут*? — Митико взвесила конверт в руке и нахмурилась.

— Это не ваше! Отдайте!

— Ну, так что там?

— Просто письмо. Очень… очень личное письмо. Мне его нужно доставить. Кое-кому.

Оба офицера заметно напряглись.

— Кому это «кое-кому»? — потребовала Митико.

— Просто… кое-кому.

— Друзьям? Родственникам?

У Джина слово «родственник» не вызывало энтузиазма.

— Нет, мы только сегодня познакомились.

— Где вы познакомились?

Джин захлопнул рот.

— Ни адреса. Ни штемпеля. Не вижу причин, почему бы не заглянуть туда, — проговорил Дэн.

Женщина кивнула и передала ему конверт. Дэн вынул складной ножик и вскрыл конверт снизу, держа над столом. Из конверта вывалилась толстенная пачка денег, кружась, упала записка.

Столько денег за один раз Джин в жизни не видел. Судя по широко распахнувшимся глазам, денег было также больше, чем оба офицера привыкли видеть за один раз. В руках у мальчишки, конечно.

Дэн перелистал пачку и изумленно присвистнул.

— Как думаешь, цепочка наркоторговцев? — спросила Митико. — Контрабанда виртуальных снов?

— Вполне может быть… Черт возьми, это может быть все, что угодно! Поздравляю, Митико. Не удивлюсь, если тебя повысят по службе.

Посмотрев на конверт с еще большим уважением, Дэн запоздало вытянул из кармана пару полиэтиленовых перчаток и напялил их, прежде чем браться за записку. Это было послание, напечатанное на обрывке тонюсенькой бумаги.

Дэн прочел вслух:

— «Придется поверить, что вы знаете, что делаете. Пожалуйста, свяжитесь с нами *лично*, как только сможете». — Он повертел записку на просвет. — Ни адреса, ни даты, ни имен, ни подписи. Ни-че-го. О-очень подозрительно.

Микико склонилась и сурово посмотрела Джину в глаза:

— Где ты встретил этих негодяев, малыш?

— Никакие они не негодяи. Просто… люди. Друзья одного друга.

— Куда ты нес эти деньги?

— Да я не знал, что там деньги!

Микико подняла бровь.

— Ты ему веришь? — спросила она напарника.

— Ага, — ответил Дэн. — Иначе малый удрал бы с денежками.

— Хороший аргумент.

— Не удрал бы! Даже если б знал!

— Джин, теперь тебе никто не будет угрожать, — мягко сказала Митико. — Теперь ты в безопасности.

— А мне никто и не угрожал! — Джин никогда в жизни не чувствовал себя таким беззащитным. И стоит ему распустить язык, как и Сьюз, и Ако, и Тенбери — все его друзья, тоже будут не в «безопасности». И Лаки, и крыски, и цыплята… И прекрасный Вихрь…

Сжав губы, насколько хватило сил, Джин вызывающе уставился на офицеров.

— Звони в Службу по делам молодежи, пусть забирают парня, — сказала Митико. — Улики, полагаю, надо передать в Полицию нравов.

— Угу, — согласился Дэн.

Рука в перчатке сунула Джинов драгоценный конверт, пачку наличности и записку в прозрачный полиэтиленовый пакет.

— Мои животные… — прошептал Джин.

Майлз-сан доверил ему такую простую работу, а он все провалил. Все, *все* провалил. Слезы потекли из-под сжатых век.

* * *

Со скрипом, хрустом и облачком пыли болт выскочил из бетонной плиты.

— Ну, наконец-то, — выдохнул Роик.

Глава пятая

Прежде чем отважиться на осторожную вылазку, Роик дождался, когда сумерки сгустятся, а эхо шагов в коридоре затихнет надолго. Дверной замок не устоял перед грубой силой, вернее, хлипкий косяк разлетелся в щепки, освободив замок вместе с ответной частью. Шума было многовато, но любопытных не появилось. Пригнувшись, чтобы не светиться в окнах, и лишь изредка позвякивая «украшением» в виде оков на лодыжке, Роик бесшумно ступал босыми ногами по доскам пола. Вскоре обнаружилось, что галерея, в которую он вышел, опоясывала прямоугольное здание с трех сторон. Оба конца ее вели к нисходящей лестнице. На этаже располагалось около дюжины номеров вроде его. Третьего этажа не было.

Еще одно здание, из окон которого тек бледно-золотистый свет, прилепилось на склоне холма справа. За ним, прикрытая деревьями, виднелась вроде бы парковка. Однако деталей было не разобрать — охранное освещение отсутствовало, площадку надежно укрыли и от Роика, и от любого пролетающего над головой флаера. Впрочем,

сейчас темнота была ему на руку. Обойдя здание, Роик прокрался к дальнему концу. Третье здание, а скорее невысокий навес, притулилось в густом мраке, где начинались заросли ровно стриженного кустарника. Интересно, не пожар ли тут поработал, чтоб расчистить кустам место от так плотно растущих сосен…

Внезапно прямо над головой кто-то прошипел:

— Роик! Я здесь, наверху!

Сердце оруженосца чуть было не остановилось от ужаса.

Запрокинув голову, он разглядел бледное пятно лица, торчащего над краем крыши. Волосы, заплетенные в длинную черную косу, свесились с плеча. За узнаванием пришло облегчение.

— Доктор Дюрона? Рейвен? Вас тоже захватили?

— Тс-с!.. Не шумите! Нас доставили сюда одним транспортом. Вас — без сознания. Поднимайтесь сюда, пока не вернулась охрана.

Две тонкие руки свесились вниз — видимо, Дюрона лежал на животе.

— Только осторожно, не оторвите мне руки.

Чиркнув ногой по стене и лишь тихонько крякнув от натуги, Роик взлетел на плоскую крышу. Едва слышно шаркая ногами, чтобы охрана внизу

не услышала топота, оба кое-как спрятались за вентиляционной трубой.

Доктор Дюрона мог сойти на Кибо-Даини за местного — стройная фигура, умное лицо евразийского типа, высокая переносица, черные как смоль волосы до талии. Правда, стоило доктору открыть рот, и далеко не местный акцент выдавал его с головой. Роик только одного его и знал изо всех делегатов конференции — и неплохо знал, хотя Майлз по какой-то необъяснимой причине приказал представителю эскобарской «Медицинской группы Дюрона» держаться поблизости, но не рядом. Рейвен понял указание, кивнул, не поведя и бровью, и с тех пор в точности следовал инструкции. Не мешая милорду, как впоследствии догадался Роик, выслеживать нужные цели.

Роик сел, скрестив ноги, эскобарский криохирург обхватил руками свои колени, и заговорщики придвинулись друг к другу.

Роик шепнул почти беззвучно:

— Охранников видел?

— Нет, но те, кто нас захватил, не дремлют. Они почти все время внизу, в столовой. Не шумят. Там у них комнаты отдыха. Иногда поднимаются сюда.

— Как ты выбрался из своего номера?

— Прооперировал замочек окна в ванной…

Такой побег возможен только для гибкого, как змея, Дюроны. Плечи Роика не пролезли бы в окошко.

— А цепи?

— Какие цепи? Тебя заковали, Роик? Надо же, особое отношение!

— А, ладно зубоскалить! Далеко ли отсюда до Нортбриджа? Дорогу заметил? И где мы, черт возьми, вообще?

— Думаю, в ста — ста пятидесяти километрах. Мне удалось разок выглянуть. Кругом, куда ни кинь, — лес. Похоже, дорог вообще нет, добраться можно только по воздуху. Видимо, здесь когда-то раньше была база отдыха, туристы приезжали на выходные. Потом буря разрушила плотину, и озеро ушло в реку. Судебные тяжбы помешали перестроить все по-быстрому, в результате турбаза закрыта уже пару лет. Насколько я понял, она принадлежит одному из наших похитителей. Должно быть, безумный план с заложниками родился у Организации Освобождения именно по этой причине.

— Какого черта им… Стоп! А лорда Форкосигана видел?

Ворон отрицательно покачал смоляной головой.

— По-моему, я видел, как его вязали там, в фойе… Когда меня схватили, ты швырял людей в гравишахту и орал, что им надо срочно удирать, готов поклясться, ты напугал кое-кого из делегатов конференции гораздо сильнее, чем террористы. Лорда Форкосигана я больше не видел. Тут, кроме нас, шесть других заложников. На ночь всех заперли. Похоже, ООНН готовилась разместить здесь раза в три больше человек, однако не вышло. За это, полагаю, они на тебя сердиты.

— И сколько же здесь злодеев?

— Как по-барраярски сказано! Предположительно около дюжины. Всех вместе я ни разу не видел. Издевались они над нами посменно.

— Что-о?

— Да так, лекции читали. О суровых и славных целях Организации Освобождения Новой Надежды.

— А, такого добра и мне немного досталось.

— «Немного досталось»? Остальным пришлось терпеть «такое добро» часами. Нас приводили в столовую и промывали мозги… Разглагольствовали до хрипоты…

— Чего это меня не пригласили?

— За репутацию «барраярского варвара» — ух ты, попробуй сказать быстро шесть раз подряд! Тебя страшно спускать с цепи. Заковали, говоришь? Просто повезло, не попал на лекцию. Кажется, они пытались вызвать у нас «синдром заложников», но делали это весьма неумело. Старый добрый барон Риоваль слопал бы их с потрохами.

Роик только раз слышал, как клон-брат милорда, лорд Марк, цитировал покойного барона Риоваля. Что-то вроде: «А затем мы изучим интереснейшее явление: эффект фокусировки ужаса на *оставшийся* глаз». Роику не захотелось выяснять, удалось ли исследование. Роику захотелось отодвинуться подальше, хоть он и возвышался над лордом Марком на полметра. Зато Роик знал, что вся Группа Дюрона, все тридцать пять или около того клонов, обладающих невероятным медицинским даром, все были обязаны лорду Марку и лорду Форкосигану и спасением из джексонианского технорабства, и новой, свободной жизнью. Причина, по которой Ворон говорил со специфическим акцентом, присущим всем Дюрона, — джексонианское прошлое и долгие десять лет жизни на Эскобаре. Причиной, по которой барона Риоваля звали «покойный барон

Риоваль», был лорд Марк. Причина, по которой Роик и Ворон сидели вместе на одной крыше… пока оставалась неясной.

Ну, Ворона, допустим, пригласили на конференцию, чтобы он проиллюстрировал методику вывода из криостаза после медицинской смерти от травм высокой степени тяжести. Милорд (да и Роик, поневоле) прослушал эту лекцию лишь три дня назад, после того как Ворон намекнул при случайной встрече в гравишахте, что милорда может заинтересовать описание очень сложного случая с пациентом С., который погиб от разрыва гранаты игольника в области груди. Как пояснил Ворон, обращаясь к аудитории, то был один из ранних и наиболее памятных ему, тогда еще совсем юному ассистенту, случаев. Да-а… Милорда собирали по кусочкам. Роик закрыл глаза. Ну а кроме этого?

— Ладно. А *зачем* эти идиоты читали вам лекции?

— Думаю, пытались доказать свою правоту. Делали то же, что и организаторы конференции в последние дни, только с обратным знаком. Ну и питание несравненно хуже.

— Их что, правительство притесняет? Или местные СМИ не дают о них информацию?

— Ничего подобного. У них даже есть свой сайт в общепланетной сети, на котором каждый может узнать все, что хочешь, об их взглядах. Но, похоже, они никому особо-то и не интересны. Поэтому обратились к силовым методам привлечения внимания. Только вот не учли, что грабитель с пушкой внимание привлечет, а *продавец* с пушкой — нет. Сегодня утром мы были в ужасе, а обернулось все такой нудятиной! — Ворон потер переносицу. — Все это обещает продлиться несколько дней. Вот я и решил бежать. Похоже, неудачно.

— Ну, раз уж мы оба забрались сюда…

— Да, но вокруг лес на сотню километров. Стоит свернуть не туда, и расстояние только увеличится. Даже если чаща не кишит какими-нибудь зубастыми хищниками, было бы совершеннейшим безумием ринуться во тьму без снаряжения и даже обуви. А весь транспорт на парковке аккуратненько заперт. Я только что проверил.

— Эх, жаль.

Ворон задумчиво окинул Роика взглядом.

— Один я вряд ли смог бы подкараулить кого-нибудь, чтобы захватить потом открытый флаер. Но если продумать засаду вместе…

Роик безропотно перевел это в «…если бы *ты*

на них напал, я подбадривал бы тебя криками»…

Ворон сдвинул брови:

— Только вот эта шайка редко куда выходит. Заперлись и сидят себе тише воды. Когда ты появился, я уже начал подумывать, а не вернуться ли к себе в номер, притвориться, что ничего не произошло, да и подождать более удобного случая.

— Не уверен, что у меня так получится, — ответил Роик, вспомнив разбитый дверной косяк своего номера. Он вытянул шею, всматриваясь в срез крыши третьего покрытого мраком строения. А вдруг во-он там действительно была раньше береговая линия? — А что там, в том здании?

— Понятия не имею. При мне туда никто не входил и не выходил.

— Я так прикинул, это ведь может быть лодочным домиком. Может, конечно, и мастерской — такому уединенному местечку наверняка требуется собственная мастерская. Но скорее всего, это лодочный домик.

Ворон глянул искоса на дно высохшего озера.

— Никогда не плавал на лодке. И сегодня не стоит начинать. А что касается инструментов… Как думаешь, удастся нам взломать флаер? Только вот

потом все равно потребуется код разблокировки, чтоб запустить двигатель. Лом здесь не поможет. Если только садануть хозяина по голове?

— У милорда есть катера. Он держит их в одном местечке на озере в округе Форкосиганов, на Барраяре. Пара часов лету от столицы на флаере… — В голове у Роика закопошилась мыслишка. — Пойдем-ка взглянем, что там.

Ворон посмотрел на него непонимающе, но пожал плечами и согласился.

Они со всеми возможными предосторожностями сползли с крыши и на цыпочках спустились по дальней лестнице. Напрямик срезали под защиту тьмы в сени деревьев и обошли здание. Когда беглецы добрались до той стороны постройки, что некогда выходила на озеро, Роик полностью прочувствовал все прелести мелкого крошева из веток и осколков камешков под босыми ступнями. Пришлось согласиться с Вороном: долго по лесу не погуляешь.

Потерпев неудачу у небьющегося оконного стекла, Роик взялся за дверь с висячим замком. Та поддалась уже испробованному в номере приему с плечом. Ворон вздрогнул от хруста ломающегося дерева. Оба замерли в тишине, прислушиваясь, но голосов не раздалось. Бочком

пробрались внутрь.

Внешняя дверь открывалась в офисное помещение. Вторая дверь, к счастью, ждала их незапертой. Роик распахнул ее. Перед ними открылось что-то напоминающее гараж. Темнота — хоть глаз выколи. Пахло… вроде как лодками. Дерево, масло, трюмная вода, засохшие водоросли. Трудно с чем-то спутать. Запах радости, словно капля законсервированного лета. Когда глаза привыкли к темноте, Роик разглядел полдюжины форм, напоминающих то ли каяки, то ли каноэ. Их корпуса свешивались с потолка. Пара более широких судов стояла на крепких опорах. У дальней стены комнаты пустовал верстак. Ворон направился было к нему, выставив руки вперед, опасаясь удариться головой о стропила или другие неразличимые в темноте предметы, но Роик шепотом позвал его обратно.

— Иди сюда. Помоги снять кожух с большой моторки.

— Роик, даже если мы вытащим ее за ворота, озера-то нет!

— Да и черт с ним! Меньше болтовни, помогай!

Лодка была метров пяти длиной и полдлины шириной. Гибкий пластиковый кожух защищал

открытый кок. Снять крепления оказалось непросто. Роик стянул кожух и забрался внутрь. Ворон не без любопытства последовал за ним.

Нашарив панель управления под ветровиком, Роик затаил дыхание и открыл… Да! Это оказалась она, крышка видеоэкрана. Только бы у комма оказалось свое питание, как и должно быть… Наконец пальцы Роика нашарили и щелкнули тумблером. Изумрудные и янтарные огоньки разогнали темноту по углам.

— Ух ты! — искренне восхитился Ворон. Восхищение? Что-то новенькое. Роик побаивался Дюрона. Всех Дюрона. — Ты заранее знал, что нас здесь ждет?

— Догадывался. Если здесь можно взять катер напрокат, то наверняка на катере есть средства спасения. Комм-линк — стандартное оборудование для катера такого типа, равно как эхолот, навигационное снаряжение и так далее.

Найти канал для экстренной связи было несложно. Через несколько минут Роик уже говорил с полицией Нортбриджа. За годы службы он научился быстро и четко объясняться с властями, а навигационное оборудование катера давало точный ориентир для поиска. Он кратко изложил приключения — свои и Ворона — слегка изум-

ленному, но очень обрадованному следователю нортбриджской полиции. Он-то и отвечал за расследование шумного, как догадался Роик по его тону, дела о похищении. Однако Роика весьма обеспокоило то, что лорда Форкосигана никто пока не обнаружил. Как только нортбриджская полиция вылетела на помощь, Роик выключил связь и расслабленно откинулся.

— А что теперь? — спросил Ворон.

— А теперь ждем.

— Спасателей? А не стоит ли нам подумать о других заложниках?

— Лучше залечь и не высовываться. Зачем поднимать шум самим, если нас еще некоторое время не хватятся? Пусть теперь парни с Кибо займутся своим делом. Надеюсь, они сначала зайдут к нам.

Роику вспомнились назидательные предупреждения милорда по поводу ответственности местных — вопрос, к которому сам милорд не очень-то серьезно относился.

Кстати, о местных… Роик наклонился вперед и нашел номер барраярского консульства в Нортбридже. К несчастью, в общем доступе был только телефон для общего доступа, а не безопасный канал экстренной связи, установленный на его

наручном комме. Комм похитители выбросили, скорее всего, еще в городе по вполне понятной причине — боялись, что их выследят. Вежливый голос на автоответчике попросил его перезвонить в приемные часы или оставить сообщение. Фоном звучала запись популярного на Барраяре военного марша, отозвавшегося в душе Роика приступом тоски по родине. Он успел кратко пересказать половину своих приключений, когда, к его облегчению, на том конце раздался живой человеческий голос.

Роик тут же узнал лейтенанта Йоханнеса, молодого водителя, который вместе с самим консулом Форлинкином (потому как милорд все-таки был милордом) встретил их в космопорту неделю назад и отвез в отель, где и проходила конференция. Йоханнес был на все руки мастер — и военный атташе, и что-то вроде особиста, и, насколько Роик понял, повар, садовник и ординарец консула. В Йоханнесе Роик почувствовал коллегу.

— Сержант Роик! — Йоханнес говорил отрывисто и обеспокоенно. — Где вы? С вами все в порядке?

Роик принялся рассказывать сначала. На середине рассказа к лицу Йоханнеса на экране комма добавилось напряженное лицо консула

Форлинкина.

— Если вы свяжетесь с нортбриджской полицией со своей стороны, то очень скоро будете знать все, что знаем мы, — закончил Роик.

— Лорд-Аудитор Форкосиган не с вами, я правильно понял? — спросил Форлинкин.

— Мы его здесь не видели. А в городе он не объявлялся?

Продолжительное молчание.

— Мы не уверены.

Как это прикажете понимать?

— Когда освободитесь, вам немедленно надлежит прибыть в консульство, — продолжил Форлинкин. — Следует ли мне отрядить Йоханнеса для связи с полицией?

Роик почесал затылок.

— Раз уж милорда здесь нет, то нечего так уж паниковать из-за нас. Я вернусь в город вместе со всеми.

— А как же я? — спросил Ворон то ли с негодованием, то ли с изумлением.

— Это еще кто? — сурово осведомился Форлинкин.

— Доктор Дюрона, наш знакомый с Эскобара. Один из делегатов, — доложил Роик.

Ворон тут же наклонился вперед, к зоне дей-

ствия сенсора комма, и дружелюбно улыбнулся. В ответ Форлинкин нахмурился.

— Милорд наверняка захочет, чтобы доктор был… — «в безопасности» прозвучало бы как-то преждевременно — …со мной, — объяснил Роик.

Форлинкин проговорил, словно ни к кому и не обращаясь:

— Если бы мы знали, чего еще от вас ожидать, мы могли бы качественнее оказывать вам поддержку.

Легкая горечь в голосе консула была Роику как манна небесная. Форлинкин прозвучал так, будто совсем недавно действительно сталкивался с милордом, о чем сейчас страшился рассказывать по незащищенному от прослушивания каналу.

— Так точно, сэр, — ответил Роик успокаивающим голосом.

И отключил комм.

— А что теперь? — опять спросил Ворон. — Просто сидеть вот так и ждать воя сирен?

— Лучше б обошлось без сирен, — ответил Роик. — Лучше б они высадились и сначала освободили заложников, а уж потом — шумели.

Он, во всяком случае, предложил бы такой план.

После долгого молчания Ворон проговорил:

— Не похоже, что они собирались нас убить. По-моему, просто хотели переманить на свою сторону.

— От страха людям всякое кажется.

Ворон вздохнул:

— Можно ведь и не быть таким занудой, Роик.

Придвинувшись ближе к индикаторам панели, словно к крошечному костру во тьме, они ждали.

* * *

Майлз погремел тяжелыми, кованого чугуна воротами консульства. Те оказались заперты. Он устало посмотрел поверх ограды. В глубине изящного садика притулился невзрачного вида домишко, не идущий ни в какое сравнение с величественными особняками по соседству. Что ж, по крайней мере, выглядит ухоженным. Наверное, в прошлом это был домик для слуг. Кибо-Даини никогда не рассматривалась стратегически важной для Империи планетой, чтобы впустую тратить на посольство. Планетная система находилась в нуль-тупике на окраинах Эскобара, весьма далеко от сферы интересов Барраяра. Консульство существовало в основном для того, чтобы облегчить проведение торговых

операций Барраяра или скорее даже Комарры через местные законодательные препоны. А еще чтобы вспомоществовать субъектам Империи, случись тем вляпаться в неприятности на Кибо. Ну, или чтобы проверять на благонадежность да готовить к «правильному» восприятию еще более редких путешественников с Кибо, собирающихся посетить Империю. Прибытие Майлза стало, пожалуй, самым знаменательным событием в консульстве за много-много лет.

Ничего, скоро события посыплются здесь как из рога изобилия.

Утренний бодрящий и влажный воздух пробирал насквозь, ноги сводило судорогой, спина раскалывалась. С тяжелым вздохом Майлз неумело перелез через ворота, поднял трость, проковылял по короткой дорожке и налег на звонок.

Над входом и в холле зажглись огни, за стеклом появилось лицо, приотворилась щелочка двери. Незнакомый Майлзу юноша проговорил с местным акцентом:

— Сэр, вам придется дождаться часов посещения. Мы откроемся примерно через два…

Майлз вонзил трость в щель, поддел дверь, словно рычагом, расширил проход, сунул в дверь голову и, наконец, проплыл в холл.

— Сэр!..

От яростного взрыва аудиторского гнева «мелкую сошку» спас консул Форлинкин, появившийся в анфиладе на другом конце холла со словами:

— В чем дело, Юуити?.. О боже, лорд Форкосиган!

Продемонстрировав мгновенную реакцию самосохранения, Юуити отступил с линии огня.

Форлинкин, высокий и сухопарый, был одет лишь в брюки, рубашку и тапки. Глаза консула, изможденные от усталости, смотрели поверх кружки, от которой шел нежный аромат зеленого чая. Запах так подействовал на Майлза, что тот чуть было не отбросил столь хорошо отрепетированное начало речи; однако слишком долго он репетировал, чтоб просто забыть.

— Форлинкин, куда, черт побери, вы упекли моего курьера?

Форлинкин мгновенно вытянулся во фрунт, бессознательно выдавая военное прошлое. В голубых глазах отразилось сдержанное облегчение.

— Мы все объясним, милорд!

— Так, значит, Джин был здесь?

— Э-э… да, сэр.

Получается, проблемы возникли у мальчика на обратном пути. Плохо дело… Майлз беспокойно

прождал до полуночи, потом попросил Ако позаботиться о зверье и взял дело в свои руки. Вернее, ноги. За часы, что потребовались на долгий путь сюда, настроение Майлза ничуть не улучшилось. А тут еще и дождь!..

У консула даже брови просели, когда он разглядел Майлза и его одежку, ничем не напоминавшую тщательно продуманный наряд а-ля «серый кардинал», в котором Лорд-Аудитор появился здесь на прошлой неделе. Консул смутился, хотя драная, заляпанная одежонка, двухдневная щетина, некоторое амбре, витавшее вокруг милорда, и вызывающая обувь не были тому основной причиной. Острым глазом, столь ценимым на дипломатической службе, Форлинкин заметил, как Майлз пожирает глазами дымящуюся в его руке чашку, и примиряюще добавил:

— Не желаете ли пройти на кухню и присесть, милорд Аудитор? Мы как раз завтракали.

— Чай? Не откажусь!

Майлз облегченно вздохнул: он готов был вырвать кружку из рук консула. *Еще как не откажусь.*

Форлинкин повел его через заднюю анфиладу, расспрашивая по дороге:

— Как вы сюда добрались?

— Пешком. С полуночи прошел тридцать с лишним километров, шел окольными путями, дважды прятался — не хотелось общаться с патрульными полицейскими и объяснять, что со мной случилось. Нечего и говорить, первоначально такое турне в мои планы не входило.

Кухонька была небольшой и уютной. Круглый обеденный стол втиснулся в эркер, за которым виднелся сад, обнесенный стеной. Оконные стекла все еще отражали ярко освещенную мебель комнаты, но влажная чернота ночи за ними потихоньку приобретала синеватый оттенок. Светловолосый парень, атташе Йоханнес, повернулся от микроволновки и чуть было не уронил только что разогретый холостяцкий завтрак быстрого приготовления. По едва уловимому жесту своего шефа он кинулся за стулом для весьма важного, хотя и весьма взъерошенного посетителя. Майлз обессиленно опустился на стул, стараясь не позволять благодарности взять верх над недовольством, потому как лишь последнее держало его на ногах.

— Что прикажете подать, милорд? — спросил лейтенант заботливо.

— Чай. А еще душ, сухую одежду, еду, сон, комм с безопасным каналом. Хотя можно обойтись и

одним коммом, но начнем все равно с чая. — А не то он сейчас как положит голову на руки, да как начнет со сна. Прямо здесь. — Вы передали мое послание на Барраяр? А моей жене? Надеюсь, зашифровали его?

— Мы известили министра безопасности по межгалактическим отношениям на Комарре, что получили от вас известия и что вы не в руках похитителей.

— Что ж, уже неплохо. Я незамедлительно вышлю им свежие новости сам. — Майлз надеялся, что любое беспечно переданное его жене известие будет перехвачено СБ. Или же ему придется подлизываться по возвращении домой. — А пока хотелось бы узнать, что новенького случилось за сутки. Что говорят о заложниках с конференции по крионике? Есть ли новости об оруженосце Роике?

Форлинкин скользнул на стул с противоположной стороны стола.

— А вот тут хорошие новости, сэр. Вашему оруженосцу удалось бежать от похитителей, как-то добраться до комма и связаться с нортбриджскими властями. Полицейская спасательная команда недавно добралась до них, мы тут ночь не спим, следим за событиями. Похоже, все заложники

освобождены и живы. Не могу сказать, скоро ли он сюда прибудет. Говорит, придется остаться, чтобы дать показания.

— Ясно. Роик относится ко всем этим полицейским штучкам с куда большим пиететом, чем я. — Майлз сделал первый глоток чая. Какое блаженство! — Стойте-ка… А мальчик? И вы… Кто вы такой? — Майлз уставился на Юуити, пытавшегося не привлекать внимания вместе с Йоханнесом в дальнем углу кухни.

— Это наш писарь, Юуити Мэтсон, — ответил за него Форлинкин. — Наш самый ценный сотрудник. Работает здесь уже пять лет.

Писарь вернул своему боссу благодарный взгляд и отвесил Майлзу вежливый поклон.

Вернее было бы сказать, *наш единственный сотрудник*. А поскольку Форлинкин провел здесь два года, Йоханнес прибыл лишь в прошлом году, Мэтсон получался также старейшим по сроку службы, если не сказать по возрасту.

Кому верить будем, милорд Аудитор?

В подобной ситуации никому, кроме Роика, решил Майлз. Однако неуместная паранойя сейчас могла сослужить ничуть не лучшую службу, чем неуместное доверие. *Поэтому осторожно, но не тормози.*

— Так что произошло с Джином?

— Мы отправили его обратно к вам, точно как вы и распорядились, милорд. Однако пометили конверт импульсным микропередатчиком.

Майлз, правда, написал: «Не следите за ним», но придираться к мелочам было как-то не своевременно. В конце концов, результаты важнее.

— К вечеру мы обнаружили, что конверт предположительно находится в камере хранения вещдоков Центрального полицейского участка Нортбриджа. Во всяком случае, в их здании. Ваш мальчуган, Джин, попал в руки полиции, а затем был передан в детский приемник-распределитель, где и провел всю ночь. С такими данными на руках лейтенант Йоханнес сверился с хроникой задержаний за ночь и методом исключения вычислил, что полное имя мальчика — Джин Сато, он сбежал из дома и вот уже больше года в розыске!

— Вот как? — осведомился Майлз. — Все это мне известно.

Сдержанно-дипломатический тон Форлинкина становился все более натянутым.

— За каким чертом — простите, сэр! — вам понадобилось втягивать в свои дела, или чем вы там занимались, *ребенка*?

— Ему уже одиннадцать, — ответил Майлз.

— Одиннадцать! Тем хуже!

— Когда моему отцу было одиннадцать, — успокоил его Майлз, — он служил адъютантом у моего деда-генерала во время полномасштабной гражданской войны. К тринадцати годам он принял участие в свержении императора. Я и предположить не мог, что простая прогулка средь бела дня по родному городу, да еще и на такой тихой планете, как эта, окажется Джину не по зубам.

Тем не менее пришлось признать свою ошибку. Майлз поморщился, сообразив, что не принял во внимание Джинов статус беглеца в городе, где все и все под контролем и просматривается. Даже когда продумывал собственный маршрут, он не придал этому значения. Паренек сейчас, наверное, с ума сходит, переживая о своем зверинце, а это — наименьшая из проблем.

— Что ж, моя ошибка, мне и исправлять. Я своих людей не бросаю — если могу помочь. Придется его вызволять.

У Форлинкина отвалилась челюсть:

— Он же несовершеннолетний! Как? У нас нет на него никаких прав!

— А еще мы отдали ему всю мелкую наличность, — вставил Йоханнес. — Я бы за ней и сам

сходил, но как нам доказать, что деньги — наши?

Он хмуро глянул на Майлза, подразумевая, что виной всему — точное исполнение плана Лорда-Аудитора.

Ну, для доказательства сгодится радиомаячок, подумал было Майлз, но прежде, чем он озвучил эту мысль, вмешался Форлинкин:

— Если ваш малолетний курьер заговорит, то нортбриджская полиция и сама будет нам названивать. И задавать ох какие непростые вопросы.

Майлз безрадостно помолчал.

— Пока не звонили?

— Нет. Пока нет.

И если не позвонят, это будет значить, что Джин не раскололся, причем в обстоятельствах, для него весьма пугающих.

— Гм… Интересно.

— Милорд, где вы его вообще подобрали? — спросил Форлинкин.

— Вообще-то, это он меня нашел. Можно сказать, на улице.

Майлз быстренько подредактировал свою историю. Он ведь дал Сьюз хоть и не озвученное, но все же достаточно ясное обещание, что не раскроет ее местонахождения в обмен на ин-

формацию. И она выполнила свою часть сделки, хотя Майлзу пока было неясно, какой от этой информации толк.

— Вы ведь прочитали мою записку?

Форлинкин кивнул.

— Как я уже рассказывал, препарат, который мне дали похитители, подействовал не как успокоительное, а вызвал сильные навязчивые галлюцинации. Все кончилось тем, что я заблудился в Криосотах. — О продолжительности блуждания по подземелью пока можно умолчать. Ситуация позволяла утаить выпавший из повествования день, который он провел с Джином и компанией. — Когда я пришел в себя и выбрался на поверхность, то все еще опасался вновь попасть в руки похитителей и был слишком измотан, чтобы двигаться дальше. Джин, добрая душа, помог мне, и я — его должник.

Форлинкин внимательно посмотрел на Майлза:

— Вы хотите сказать, что были, гм… не в здравом уме?

— Вообще-то, потянет на очень хорошее объяснение, если нам таковое потребуется. У нас в консульстве служит какой-нибудь местный адвокат?

— Да, на договорной основе.

Стандартная практика. *Доверяете ли вы ему (или ей?) свои тайны?* Вот вопрос, который Майлз хотел бы задать, но пока не был готов озвучить.

— Отлично. Тогда побыстрее найдите этого адвоката и выясните: что можно сделать, чтобы вызволить Джина.

Он протянул кружку: еще чаю. Писарь Юуити вежливо ее наполнил. Рука Майлза дрожала от усталости, но ему удалось донести чай до губ, не расплескав.

— Душ может заменить три часа сна. Сначала душ, а потом будьте любезны предоставить мне комм.

— Не следует ли вам отдохнуть, милорд? — обеспокоился Форлинкин.

Майлз заглушил в себе желание заорать: «Не спорьте со мной!», что само по себе явно свидетельствовало о чертовски своевременно назревшей необходимости отдохнуть. Но сначала — еще несколько важных вопросов, требующих ответов.

— Позже, — ответил он и смягчил тон: — Скоро.

Подумав, неохотно добавил:

— Лучше, пожалуй, нам поставить нортбридж-

скую полицию в известность о том, что я сбежал от похитителей, потерялся в Криосотах и сам вернулся в консульство — я не хочу, чтоб они разбазаривали ресурсы на мои поиски. Можно сказать им, что я не ранен, но очень утомлен и отдыхаю. Если им необходимо снять показания, могут прислать человека завтра. Не упоминайте Джина, если они сами не спросят. Если еще кто-нибудь будет спрашивать, доложите мне.

Эта тирада вызвала второй пристальный взгляд Форлинкина.

Йоханнес отвел Майлза наверх, в жилое помещение. Похоже, оба барраярских холостяка экономили на квартплате и проживали на территории консульства. А еще достоинства персонала консульства невероятно выросли в глазах Майлза, когда тот получил свои вещи и одежду — все было доставлено вместе с вещами Роика из комнаты в отеле после похищения. В глазах Йоханнеса отразилось должное почтение, когда тот передал Майлзу персональное коммуникационное оборудование Имперского Аудитора — лучшие разработки Службы безопасности. Личные вещи, которые похитители отобрали у Майлза, полиция нашла где-то в городской подворотне; они все еще были в управлении в

качестве улик — все, кроме Аудиторской печати, которую Форлинкину удалось выманить у властей, как догадался Майлз, при помощи бурного дипломатического убеждения.

Полчаса спустя, помывшись, побрившись и переодевшись в чистое, Майлз проследовал за Йоханнесом в маленькую комнатку — узел связи в подвальном помещении консульства — и устроился перед надежно защищенным от прослушивания комм-пультом. Потянувшись всем телом, аж до кончиков пальцев, Майлз ввел первый запрос в строку поиска: «Лиза Сато».

— А кто это? — поинтересовался Йоханнес, нависая над плечом.

— Мать Джина Сато.

— Важная птица?

— Кто-то именно так и считал, лейтенант. Кто-то определенно был в этом уверен.

Видеоэкран замигал, и Майлз склонился над потоками информации.

Глава шестая

После короткого разговора с милордом по комму в полицейском управлении Нортбриджа, куда привезли всех освобожденных заложников, Роик отделался от самого страшного из своих кошмаров. В нем Роик терял мелкого уро… в смысле, милорда. Зато не успели развеяться одни сомнения, как на их месте тут же объявилась куча других. Чего это милорд так настаивает, чтоб Роик привел с собой Дюрона?

— Вообще-то, я собирался вернуться в отель и забрать вещи, — вмешался Ворон, наклоняясь над датчиком вида.

— Сначала нам нужно увидеться, — ответил милорд.

— Я опоздаю на скачковый корабль.

— Они отправляются ежедневно. Да и вообще, не торопитесь с отлетом.

Черные брови Ворона взлетели:

— Мое время — деньги.

— Постараюсь не забыть об этом, — сухо заметил милорд.

Ворон лишь пожал плечами, решив не ссориться, и последовал за Роиком. Оба неуклюже

шаркали бумажными тапками, выданными в полиции, пока не объявится их собственная обувь.

Было изрядно за полдень, когда полиция высадила Роика и его изумленного спутника у консульства. Простой четырехугольник здания выглядел недолжным образом скромно, во всяком случае для Роика; однако тот понимал, что поддержание престижа Империи на таком расстоянии от дома — занятие весьма дорогостоящее. Зато здесь можно принять душ и придушить подушку — два самых больших желания Роика с тех самых пор, как полиция накормила заложников. Вернее, выдала им столько батончиков сухпайка, сколько освобожденные пожелали. Богатые протеином и витаминами, батончики на вкус здорово смахивали на покрытую шоколадом шпатлевку с наполнителем для кошачьего туалета. Кошмар — он и на другой планете кошмар.

Роик подавил желание первым делом отправиться на помывку и проследовал за лейтенантом Йоханнесом прямиком к милорду, уже раскинувшему паучьи сети в узле связи консульства. В большинстве посольств на других планетах, где бывал Роик, следуя за милордом, узел связи представал перед ним центром нервной системы посольства, центром тайных и срочных

операций. Здесь же помещение выглядело заброшенным подвальным уголком для какого-то хобби — странноватого, надо сказать, хобби, — упакованным по последнему слову высоких технологий. Милорд повернулся в кресле, жестом велел Роику с Вороном сесть и отделался от Йоханнеса, сказав: «Благодарю вас, лейтенант». Было видно, что тому ну очень хочется остаться и послушать. Йоханнес кивнул и покорно удалился, закрыв дверь с сочным приглушенным звуком, свидетельствующим об отличной шумоизоляции. Комната без окон навеяла Роику мысли о подвале серийного убийцы, однако он обрадовался, что наконец-то можно поговорить, не опасаясь подслушивания.

— Как самочувствие? — Вопрос был задан из вежливости. Милорд даже не обратил внимания на кивок Ворона и ворчание Роика, продолжив: — Рассказывайте все, что с вами произошло. Все, включая детали.

Милорд слушал, и брови его ползли вверх, вслед за сюжетом сказания о похищении и спасении. В конце рассказа он наградил повествователей простым «Гм-м…» и добавил отдельно для Ворона:

— Рад, что вы спаслись. Не хотелось бы мне принести вашим собратьям-клонам — или мое-

му — дурную весть. Хотя я-то думал, что Группа Дюрона пришлет сюда вашу сестру Рябину.

— Нет, она сейчас очень занята. Межпланетные поездки, знаете ли, — ответил Ворон, — Рябина возглавляет наш отдел крионики, а это более пяти сотен сотрудников на лечебной службе, исследовательской и административной. К тому же у них с этим эскобарским медтехником, за которого она вышла замуж, со дня на день должен появиться второй ребенок в репликаторе.

— Не клонированный?

— Нет, все сделали по старинке: яйцеклетка и сперматозоид в пробирке. Не стали вносить даже никаких генетических модификаций. Кроме, конечно же, обычной проверки на отклонения.

— Естественно, — пробормотал милорд, не продолжая тему. — Я так рад, что старушка Лили Дюрона станет теперь настоящей бабушкой, ну, или тетей — это как посмотреть. Надеюсь, для своего возраста она в добром здравии?

— Еще в каком!

— Интересно…

Ворон рассеянно покрутил свою разлохмаченную косу на плече и продолжил:

— Став главой отдела, Рябина говорит, скучает по хирургии, по работе руками. У нее теперь не

больше двух выводов из криостаза в неделю. А у меня — от двух до шести в день, в зависимости от осложнений. Хотя ничего подобного по сложности вашему случаю не встречается — над вами работали и Рябина, и я, и две бригады медтехников. Восемнадцать часов без перерыва…

— Вы прекрасно справились.

— Спасибо.

Ворон кивнул, как показалось Роику, с тщеславным удовлетворением.

— Когда увидите Рябину, передайте мои наилучшие пожелания.

— Хорошо. Она тоже просила кланяться.

В ответ взгляд с хитрецой, кивок.

— Я так понимаю, — вклинился Роик, — что доктор Дюрона не случайно попал на конференцию.

— Совершенно не случайно. Я попросил Группу Дюрона оказать мне помощь в независимой технической экспертизе на криоконференции, ну и во всем, что может подвернуться.

— Вообще-то, Группа получила приглашение на конференцию и проведение презентации задолго до вашей просьбы, лорд Форкосиган. Мы собирались направить сюда одного из наших местных сотрудников — нас и самих интересует

положение дел на этой планете.

— Ну и как? Нашли что-нибудь примечательное? В техническом смысле?

Милорд откинулся в кресле, сложил пальцы домиком и задумчиво посмотрел на Ворона.

— Ничего интересного для нас с точки зрения методологии. Хотя я заметил, что они, похоже, больше внимания уделяют заморозке, чем обратному процессу.

— Да, криокорпорации просто-напросто играют в игру «кто больше заморозит», втягивая максимум клиентов. Такое положение дел позволяет им проводить голосование по доверенности.

— Судя по тому, как обстоят дела, они в этой игре побеждают.

Милорд кивнул:

— На конференции об этом почти не упоминалось, однако вне ее рамок — тема весьма обсуждаемая. На улице, повсюду.

— Ох и наслушался я жалоб от Организации Освобождения! — вставил Ворон.

— А толку-то? — возразил Роик. — Дурачье, подобное нашим похитителям, — худшая реклама Организации.

— А вам не кажется, что обсуждение идет достаточно вольно для подобного рода вопросов?

С шумом?

— Согласен, — заметил Ворон, — правда, не с таким шумом, как политический процесс на Эскобаре.

— С большим шумом, чем на Барраяре, — сравнил Роик.

— С гораздо большим шумом, чем на Архипелаге Джексона, — заверил Ворон с кривой усмешкой.

— Здесь дело не в политике. Здесь хищники охотятся на жертв, — пробормотал милорд. Затем продолжил: — Ну что ж, благодаря ООНН я провел два дня с пользой. А теперь, когда вы оба вернулись живыми, могу позволить себе поблагодарить их.

— Есть новые ответы на вопросы? — осведомился Роик, с умным видом подняв брови.

— Гораздо лучше! Целая охапка новых вопросов.

И милорд незамедлительно дополнил рассказ Роика своим повествованием, от которого волосы становились дыбом. Повествованием об ужасных, бескрайних подземельях Криосот под городом; о том, как он натолкнулся на подпольное криохранилище, управляемое просто людьми с улицы. Ворона рассказ о подпольной

крионике не впечатлил — он ведь джексонианин. Насколько знал Роик, все на Архипелаге Джексона делалось противозаконно. Точнее сказать, в обстановке беззакония.

— Обреченное и беззащитное предприятие, — сообщил Ворон свое мнение по поводу работы госпожи Сьюз. — Просто поразительно, что ей удавалось скрывать все это так долго.

— Э-э… Не согласен. Все это, конечно, противозаконно, но криокорпорации от такого «конкурента» на дно не пойдут. В конце концов, здесь все плывут на одном корабле. — Милорд потер подбородок и прищурил покрасневшие и подозрительно ярко поблескивающие глаза. — И вот тут-то появляется Лиза Сато со своей группой.

— Замороженная мамочка вашего «животновода»?

— Угу. Вот смотрите: ООНН позволяется безобразничать, на работу Сьюз смотрят сквозь пальцы. А вот группу Сато — здравомыслящую и законопослушную организацию — раскалывают, что обходится недешево и нелегко. При всем этом шуме и гаме со всех сторон один голос заглушают. — Милорд жестом указал на выключенный комм-пульт. — Я провел в поисках информации всего лишь несколько часов…

Как для бывшего работника Имперской Службы безопасности «поиски информации» были для милорда пищей насущной, подумал про себя Роик.

— ...и этого хватило, чтобы заметить: странностей в этом деле — хоть отбавляй. Лиза Сато — не единственная в своей группе, кто плохо кончил. Двоих заморозили после якобы неудачного лечения, причем диагноз был вовсе не смертельный. Еще один погиб при аварии, другой вроде бы совершил самоубийство — то ли упал, то ли выбросился из окна. Даже в то время эти истории много у кого вызвали удивление и много кого обидели. Потом новости о расследовании потонули в лавине новостей о заурядных секс-скандалах. О чем это вам говорит?

— Лиза Сато и ее группа собирались пустить кого-то на дно, — медленно проговорил Роик.

Ворон согласно кивнул.

— Но как?

— Примечательно, что об этом информации нет. Даже в относительно закрытых источниках — тишина. Кто-то очень здорово почистил хвосты, хотя им и не удалось скрыть все полностью. И теперь такая проблема возглавляет мой список важнейших вопросов: что конкретно почистили

в печати полтора года назад?

Роик нахмурился:

— Все это, конечно, впечатляет, милорд. Но какое отношение имеет к интересам Барраяра?

Милорд откашлялся.

— Пока рано об этом говорить, — сухо ответил он.

Роик мрачно перевел про себя: «Зачем нам это надо — я еще не придумал, но дайте время...» Или милорд решил подонкихотствовать из-за маленького сиротки? Во время одной из их нечастых личных бесед император Грегор и сам предупреждал Роика о склонности милорда к дорогостоящему рыцарству. Император при этом тяжело вздохнул, и Роик так и не понял, требуется сдерживать милорда в такие моменты или нет.

Дверь с шипением отворилась, и консул Форлинкин просунул голову внутрь:

— Я получил известия от адвоката, лорд Форкосиган.

— А, хорошо! — Милорд махнул консулу рукой, приглашая того войти. Сам он привстал, выказывая волнение. — Ну и каково мнение адвоката по поводу Джина?

— Как я и предполагал, законным образом ничего сделать невозможно. Будь он сиротой совсем

без родственников, можно было бы подать заявление на опекунство. На это ушли бы месяцы, и почти наверняка нортбриджские суды решили бы дело не в нашу пользу, особенно если речь о том, чтобы забрать мальчика на другую планету.

— Я и не спрашивал об усыновлении, Форлинкин. Просто хочу вытащить его из полиции.

— В любом случае, лорд Аудитор, в этом теперь нет смысла: полиция уже вернула ребенка близким родственникам — тете, которая и является его законным опекуном.

— Проклятье! — Милорд плюхнулся в кресло. — Проклятье… Надеюсь, Ако будет лучше присматривать за зверьем, чем это делал я.

— Ну не похищать же нам его, — с легкой улыбкой проговорил Форлинкин.

Милорд пригвоздил консула взглядом. Передумав шутить подобным образом, Форлинкин откашлялся и напустил на себя невозмутимый вид. Роик подумал, не стоит ли отвести его попозже в сторонку и предупредить, чтоб тот не говорил подобных вещей при милорде. И не только потому, что милорд может обидеться.

Роик потер красные от недосыпания веки.

— Может, пора отдохнуть, милорд? Прилечь? — спросил он не без корыстного интереса. Милорд

уже принял душ и переоделся, однако у него был вид человека, не спавшего всю ночь — как, впрочем, и у всех остальных. А нездоровый блеск глаз выдавал его с головой. — Вы проверили уровень активности нейромедиаторов, когда вернулись, сэр?

Если уровень поднимается, это верный (и ранний) признак надвигающегося припадка, а также указание к применению противосудорожного стимулятора, чтобы припадок прошел управляемо, в безопасном месте, где можно помочь.

Милорд пробормотал что-то невнятное, обращаясь, видимо, к своей обуви.

— Ясно, — твердым голосом ответил Роик.

Милорд вздохнул и потер шею.

— Да, да…

— Может, я вернусь в отель? — с надеждой в голосе спросил Ворон.

— Хорошо, только оставайтесь на связи. А лучше сделаем так: Форлинкин, выдайте доктору Дюрона комм прямой связи. Возьмите его с собой, доктор.

Брови Форлинкина полезли вверх, но в ответ он сказал лишь:

— Да, милорд.

— Как же мне не хватает информации! — рычал

милорд, не обращаясь ни к кому конкретно. Вдруг он, прицениваясь, посмотрел на консула: — Так, Форлинкин. Если позвонят из «Белой Хризантемы» или других организаций, с кем мы недавно контактировали, скажите, что я крайне расстроен произошедшим на конференции и похищением моего оруженосца. Скажите им, что я по-настоящему взбешен и как только поправлюсь — ноги моей здесь не будет. А дома предоставлю всем заинтересованным лицам негативный доклад по конференции. Всем, начиная с императора Грегора.

— Э-э… А это действительно так?

Форлинкин выглядел смущенным.

В ответной ухмылке милорда не читалось ничего хорошего.

— Надо проверить, на многое ли они готовы пойти, чтобы вернуться за стол переговоров. Намекните, что проявите максимум дипломатических талантов, чтобы меня успокоить, предупредите, что в результате вы не уверены. Если предложат вознаграждение за эту работу — согласитесь принять.

— Вы… желаете, чтобы я принял взятку, сэр?

Форлинкин поджал губы в неподдельной обиде. На лице читалась понятная тревога.

— Ну, во всяком случае, прикиньтесь, что готовы подумать, хорошо? Мы сразу увидим, кто чего желает. И насколько сильно желает. Если они не станут нажимать, мне придется продумывать другой ход; но если вы окажетесь неплохим рыбаком, то сможете выудить их для меня.

— Я… гм… постараюсь приложить все усилия.

Форлинкин не то чтобы смотрел на милорда, словно на чудовище, у которого вдруг выросла вторая голова, но Роик отчетливо видел: консул из кожи вон лезет, чтобы не отставать за ходом мыслей. «Добро пожаловать в *мой* мир».

На этом инструктаж закончился.

В консульстве наверху было две гостевые спальни. Использовались они не часто и потихоньку превращались в склад всякой всячины. Одну из них поспешно освободили для Лорда-Аудитора. Роик сдернул покрывало с кровати и принялся рыться в багаже милорда в поисках противосудорожного стимулятора. Милорд разделся до белья, сел на кровати и с отвращением уставился на медицинский прибор.

— Вот ведь гадость никчемная…

— Так точно, милорд. Скажите, могу я доверять сотрудникам посольства или не стоит?

— Пока не могу сказать с уверенностью. У меня

уже был неприятный опыт общения с персоналом посольств, и даже с подкупленным курьером имперской Службы безопасности.

— Я это к тому спрашиваю, что если вам понадобится поддержка, то пора начинать вводить их в курс дела. Я, например, заметил, что лейтенант Йоханнес весьма сконфузился, когда вы закрыли перед ним дверь.

— Это такой приемчик Лорда-Аудитора. Ведь мог же я раньше, черт возьми, заставить любого разговориться со мной. В свободную минуту попробуй сам оценить, на что они годны, хорошо? Не сомневаюсь, что им захочется поотровенничать скорее с тобой, чем со мной, — у тебя простое, честное лицо, и вообще…

— Так точно, милорд.

— Теперь я знаю, что кто-то здесь подкупает людей. Вопрос только в том, подкуплены уже сотрудники консульства или, пока я здесь не объявился, никому не виделось необходимости прибрать его к рукам? Хорошо хоть, у обоих барраярцев нет семей на этой планете — не надо волноваться о том, что их могли шантажировать.

Милорд нахмурился, лег и выровнял стимулятор на голове. Роик протянул ему капу, Майлз

сжал ее зубами, вздохнул, зажмурился, словно приготовился проглотить гадкое лекарство, и включил стимулятор.

Роик засек время — припадок длился долго, а значит, милорд дотянул до последнего, вымотав все силы. Роик уже привык и к тому, что глаза закатятся, и к жуткой гримасе, и к тряске. К тому, что лицо перестает отражать живую, подвижную личность, он, наверное, не привыкнет никогда. Пришло время, буря, разбушевавшаяся в нейронах головного мозга, утихла. Милорд обессиленно лежал на кровати. Открыв глаза на этот мир, он словно воссоздавал его.

— Боже, какая гадость, — пробормотал он свою обычную для такой ситуации мантру.

— Так точно, милорд, — успокаивающе ответил Роик столь же привычной фразой.

— Теперь от меня на всю ночь никакого толку, даже если высплюсь. И завтра тоже.

— Я принесу вам кофе.

— Спасибо, Роик. — Милорд перевернулся на бок и подтянул одеяло, уступая наконец требованиям изнуренного тела. Почти неслышно пробормотал в подушку: — …За все.

Роик покачал головой, вышел на цыпочках и отправился искать себе койку.

* * *

Джин резко открыл распухшие глаза в полутьме крошечной спальни своей сестренки Минако. Застонал было от досады, да вовремя прикусил губу. Он не собирался засыпать вообще, собирался переждать и перехитрить своих тюремщиков, но сказалось утомление последнего дня. Мальчик приподнялся на локте. Ночная подсветка внизу на стене тускнела бледно-розовым, часов в комнате не было. За окном висела кромешная тьма, сдавленный рык — храпение дядюшки Хикару — разносился повсюду сквозь тонкие стены соседней комнаты. Значит, все спят. Сколько же времени? Может, чуть за полночь, а может, уже и до рассвета недалеко.

Он свесил босые ноги из-под одеяла с узенькой раскладушки. Тетушка Лорна положила мальчика спать в его же собственном белье: пижама кузена Тецу оказалась великоватой, а кузена Кена — слишком маленькой. Одежду забрали постирать, а может, и сжечь, как пригрозила тетушка Лорна — кто знает, где все эти тряпки побывали? Джин-то уж точно не расскажет.

Без малейшей надежды на успех он подошел к окну и подергал шпингалет. Тот подался, но

окно скользнуло в сторону лишь сантиметра на три. После ссоры за обеденным столом дядюшка Хикару даже занял у соседей лестницу, чтобы забить стержень в оконный желоб. Джин смог лишь протиснуть ладонь в щель, но нечего было и думать о том, чтобы просунуть руку. Прошлогодний трюк с побегом повторить не удастся.

Джин прислонился лбом к прохладному стеклу, взглянул вниз, на внутренний дворик этажом ниже. В какой-то степени тетушка Лорна лишь облегчила Джину жизнь, выгнав оттуда все его зверье. Мальчуган выбрался в окно, спрыгнул вниз и погрузил свой драгоценный зоопарк в стоявшую во дворе коляску Минако, из которой сестренка уже выросла. Он с ужасом думал, что будет, если Вихрь вдруг вскрикнет, или Лаки размяукается, или коробка с крысами и черепахой перевернется — то-то шум поднимется! Ночь стояла холодная, окна дома были плотно закрыты, да и вообще, кто, кроме него самого, обратил бы внимание на всех этих зверушек?

Тецу повадился дразнить Вихря. Естественно, Вихрь его тяпнул. Последовали поход в медпункт, антибиотики, коллоидный клей… Тетушка Лорна вопила громче самого Тецу. Правда, в основном по поводу счета за медицинские услуги. А Тецу

на следующий день уже вовсю щеголял в школе новеньким боевым шрамом.

Джин скользнул к противоположной стене и принялся за дверь, поворачивая ручку предельно осторожно и беззвучно. Заперто. Этот вопрос тоже шумно обсуждался. Надо ли просыпаться и вставать ночью, чтобы выпустить Джина в туалет? Дядюшка Хикару нашел весьма практичное решение. Он выдал Джину ведро, чем до крайности возмутил тетушку Лорну, а Тецу и Кен принялись насмехаться над Джином, и тогда уже дядюшке пришлось на них прикрикнуть. Обсуждение произошло после стычки по поводу того, где Джину спать: сестренка уже вроде бы выросла, чтобы спать в одной кровати с ним. Или это его сочли слишком взрослым… Тецу и Кен делили на двоих и без того тесную комнатенку. Перспектива разместить третьего обитателя в своем свинарнике их нисколько не радовала, к тому же мальчишки бурно воспротивились тому, что им придется стать надзирателями. Джин терпел и по большей части помалкивал — он ждал лишь удачного момента для побега. А вот того, что дверь запрут на замок, мальчик не предвидел.

— Только до тех пор, пока он не угомонится, —

пояснил дядюшка Хикару.

Можно подумать, Джин забыл бы и забросил бы своих любимых зверушек!

Можно подумать, он остался бы *здесь* жить.

Хорошо ли там Майлз-сан заботится о своих подопечных? Что он подумает, когда Джин так и не вернется с деньгами? Вдруг еще решит, что Джин прикарманил все денежки… Прикарманили-то их на самом деле в полиции, но даже этот странный, ни на кого не похожий чужеземец вряд ли поверит Джину. Что такое слово мальчишки против слова взрослых? Джин проглотил ком в горле и решил больше не хныкать. Может, он и заснул и все проспал именно из-за того, что распустил нюни. С другой стороны, а чего не поспать-то, если бежать все равно не получается? Мальчик вернулся на раскладушку и погрузился в отчаянье.

Авось к следующему вечеру он найдет в комнате отвертку или еще какой-нибудь инструмент и попытается разобрать окно или дверной замок изнутри. Эх, сюда бы Тенбери, он бы уж точно справился. Вряд ли удастся притвориться, что он «угомонился» так быстро, и усыпить бдительность своих «тюремщиков» — ведь его просто выворачивает от внутреннего волнения. Тетушка

Лорна пригрозила, что отправит Джина в школу с Тецу и Кеном прямо завтра же, потому что не может пропускать из-за него рабочие дни. А из школы, как ему помнилось, бежать гораздо сложнее, чем из этого… Джин упорно не желал называть халупу, стоящую в ряду таких же халуп, *домом*.

Дверной замок тихонько клацнул. Тетушка Лорна пришла проверить? Дядюшка Хикару все так же храпел. Джин повернулся лицом к стене, натянул одеяло на плечо и крепко зажмурился.

— Джин, — шепнул застенчивый голосок, — ты спишь?

Джин перевернулся, с облегчением и досадой поняв: это всего лишь Мина.

— Да, — буркнул он в ответ.

Непродолжительное молчание.

— Нет, не спишь.

— Тебе-то чего надо?

Наверное, забыла какую-нибудь куклу или мягкую игрушку. Хотя он видел, как сестра тащила вниз целую корзину такого добра к своему временному пристанищу на кушетке внизу.

Дверь загрохотала по желобу, потом маленькие ножки прошлепали к краю его раскладушки. Он перекатился и поднялся на локте, встретившись

глазами с ее напряженным взглядом. У сестры были такие же карие глаза и взъерошенная черная копешка на голове. Правда, за четырнадцать месяцев девочка постройнела и вытянулась. Джин сбежал, когда она еще не пошла в школу. Сейчас сестренка уже была второклашкой. Взгляд стал… какой-то менее удивленно-детский.

— Если я тебя выпущу, — спросила она, — возьмешь меня с собой?

— Чего? — Джин удивленно выпрямился, обхватив колени. Так она не случайно сюда забрела, отправившись в туалет? — Нет, конечно, не возьму. Ты что, спятила?

Девчачье лицо помрачнело. Вздохнув, Минако вернулась к двери и начала было уже закрывать ее за собой.

— Постой! — прошипел Джин, вскакивая с кровати.

Храп за стенкой внезапно прекратился. Дети замерли. Через мгновение послышался скрип и что-то вроде бульканья. Храп возобновился.

— Здесь поговорить не получится, пошли вниз.

Мина задумалась, потом кивнула. Подождала в коридоре, пока он не накинет одеяло на плечи и не двинется за ней. Джин прикрыл дверь очень медленно и тихо. Лестница заскрипела, хотя дети

спускались на цыпочках, однако из комнат никто не появился.

— Не включай свет, — полушепотом проговорил Джин.

Из комнатушки, которую дядюшка Хикару называл «кухня на одну задницу», с другого конца совмещенной столовой-гостиной, лился приглушенный свет — только чтобы ночью в темноте не споткнуться.

Мина устроилась на кушетке, в гнезде из скрученных одеял. Джин присел на краешек кресла дядюшки Хикару и осмотрелся.

— Ты помнишь папу? — спросила Мина.

— Вроде того. Немного.

— А я — нет. Помню только по фотографии, которую мамочка поставила на домашнем алтаре.

— Тебе было три года. — Джину было семь, когда умер отец. Четыре года назад, полжизни прошло. Ему припомнился необычный мамин траур, ее гнев. Припомнилось, что с тех пор он ее почти и не видел. Словно бы одна смерть унесла обоих его родителей. Задолго до того, как за мамой пришли полицейские. — А что, тетя Лорна убрала домашний алтарь?

— Сначала мне разрешили держать его в комнате, но я пошла в школу, и пришлось поставить

стол. Тогда алтарь рассовали по коробкам и убрали — для него не осталось места. Я все думала, может, твою фотографию тоже туда поставить?

Мина с решительным видом принялась натягивать ботиночки.

— Я тебя не возьму с собой, — неохотно повторил Джин, — туда, куда я иду, тебе нельзя.

— А куда ты идешь?

— Далеко. Для тебя — слишком далеко. Да и вообще, чего это *тебе* вздумалось уходить? — Ее-то дядюшка с тетушкой обожали.

— Тецу и Кен — злюки… Все время дразнятся и пристают. Дядюшка Хикару накричит на них, но по-настоящему никогда не наказывает.

«Ну и что?» — хотел было сказать Джин. Он смутно представлял себе, что, вообще-то, дразнить сестру — это работа брата, но, если кто-то желает заменить брата в отсутствие такового, он не против.

— Наверное, они просто завидуют, что тебя балуют как маленькую девочку. К тому же, не будь тебя, Кену досталась бы твоя комната, — рассудительно добавил он.

— Дядюшка с тетушкой хотят меня «сыновить». Как раз, когда ты появился, обсуждали это. Мне такие братья, как Кен и Тецу, не нужны. Мне

нужен настоящий братик.

— Как они могут тебя усыновить, если наша мама… — Тут он примолк. Жива? В горле застрял ком. Решительно проглотив его, Джин закончил: — Туда, куда я иду, тебе нельзя. Мне… *Им* ты там не нужна. Только мешаться всем будешь.

Джину подумалось, что приблудный мальчик для Сьюз-сан и остальных — как приблудный котенок. А приблудная девочка, да еще и такая маленькая, в его смутном понимании, уже совсем другая история. Еще подумалось, что ни у полиции, ни у дядюшки Хикару с тетушкой Лорной его второй побег не вызовут массового энтузиазма. Только вот будут ли они так же равнодушны к побегу Мины?

— Ты не справишься.

— Нет, справлюсь!

— Тише! Не кричи!

Она упрямо поджала губы.

— Если не возьмешь меня с собой, я как заверещу! И они тебя как схватят! И опять запрут в моей комнате! А я уж тебя в другой раз не выпущу! Вот!

Может, она берет его на «слабо»? Вряд ли. Взять да треснуть ее чем-нибудь по голове. Пока будет лежать без сознания, он как раз смотается.

На экране такие штуки проходят легко, а вот в настоящей жизни… К тому же, если врезать ей кастрюлей или сковородкой тетушки Лорны, единственными тупыми предметами под рукой в данным момент, звону будет — не оберешься. Все проснутся и… прощай, свобода.

Она прервала его мрачные размышления рассудительным тоном дядюшки Хикару:

— А еще у меня деньги есть, а у тебя — нету!

— Ну и сколько у тебя денег?

— Больше пятисот новойен! — гордо ответила девочка. — Накопила с подарков на день рождения и за работу по дому.

Хватит на дюжину билетов метро, только вот Джин решил туда больше ни ногой. Он наклонился, посмотрел, сколько времени. До рассвета не больше двух часов. Скоро все встанут и тут же начнутся поиски. Да, по сравнению с прошлым побегом начало, прямо скажем, никакое. И все же — теперь или никогда! Джин решил не упорствовать.

— Хорошо, собирайся. И ни звука! Знаешь, куда тетушка Лорна сунула мою одежду?

Одежда нашлась в пластиковой корзине, там же, где и обувь, — в кладовке за кухней, рядом со стиральной машиной. Мина знала, в каком

ящике на кухне хранятся батончики завтрака, сунула дюжину в рюкзачок. Через несколько минут оба уже выбирались бочком через сдвижную заднюю дверь. Джин постарался, чтобы калитка дворика защелкнулась, за ними беззвучно и дети двинулись в переулок.

Редкие уличные фонари висели холодными нимбами в липком ночном тумане.

— Я раньше никогда не была на улице так поздно, — прошептала Мина, хотя дом тетушки Лорны остался уже далеко позади. — Жутковатенько… А ты боишься темноты?

Она старалась не отставать от брата. Тот ускорил шаг.

— Темноты бояться не надо. Бояться надо людей.

— Я знаю…

Потом они некоторое время шли молча, мягко ступая по тротуару. Мина не выдержала:

— А вот тетушка Лорна говорила про реци… диви… Нет, мне этого не выговорить. В общем, дети, которые все время убегают из дома. Их ведь не замораживают взаправду, а?

Джин обдумал новые сведения.

— Никогда о таком не слышал. И потом, это должно быть жуть как дорого.

— Значит, она просто пугала, чтобы ты вел себя хорошо?

— Угу.

Напугать ей действительно удалось, в этом Джин тетушке отказать не мог.

— А после первого побега все равно не замораживают!

Эта мысль невероятно обрадовала Мину.

Джин попытался оттолкнуть воспоминания, но они нахлынули сами собой. Их пробудил не липкий запах ночи — полиция пришла за мамой средь бела дня, — а память о липком холоде в животе в тот день. Прямо как сейчас. Мама стоит на коленях, цепляется за его плечи, кричит: «Джин, не бросай Мину! Будь хорошим старшим братиком, слушайся тетушку Лорну!»

Джин перестал выполнять последний наказ, когда тетушка Лорна потребовала, чтобы он избавился от всего своего зверья. Да, от всех разом, и места из-за них нет, и воняют они, и гадят постоянно, а эта птица вообще убийца, и в довершение ко всему у Кена наверняка аллергия на Лаки, пусть даже та и слишком ленива, чтобы кого-нибудь царапнуть. Джин-то знал, что братец чихает и фыркает специально, просто чтоб досадить ему, в чем, кстати, и преуспел. Джину

пришлось забыть и первую часть материнского наказа — то ли благословления, то ли проклятия. На Мину-то ведь никто так не орал, как на него и его животных.

И зачем ему это все вспомнилось?

Путь до границ района был неблизкий, а преодолеть его надо до того, как их хватятся. Может, лучше спрятаться где-нибудь и переждать время школьных уроков? Джин выбрал улицу, которая, как ему показалось, наверняка должна вести на юг, и поход продолжился.

Глава седьмая

Два дня спустя после памятного предрассветного возвращения Майлза в консульство Лорд-Аудитор с сопровождающими лицами вышел на подъездную дорожку у парадного входа. Тут же к ним подкатил лимузин корпорации «Белая Хризантема». Длиннющий, изящный и сверкающий, он прижался к тротуару со вздохом удовлетворенного любовника.

Роик приподнял бровь:

— Уж получше, чем та колымага, на которой нас катали организаторы конференции.

— В самом деле, — согласился Майлз. — Молодец, Форлинкин. Прекрасно постарались. Похоже, «Белая Хризантема» собирается стильно ползать перед нами на коленях.

Консул неуверенно кивнул — добрую половину предыдущего дня он провел, названивая и принимая звонки от встречающей стороны, чтобы устроить встречу, пока Лорд-Аудитор прикидывался, что очень занят. Задержка сыграла на руку Майлзу, у него оказалось достаточно времени, чтобы прийти в себя после припадка. И, если посланника Барраяра такое поведение Лорда-

Аудитора просто встревожило, то сам Майлз не пришел к четкому умозаключению: управляем ли Форлинкин? Вернее, *кем* управляем Форлинкин. Он одарил консула беглой улыбкой.

— Да, кстати, Форлинкин, воздержитесь сегодня от каких бы то ни было комментариев по поводу моих слов и поступков. Пока мы на задании, просто поддакивайте мне.

Невнятное молчание в ответ.

— Да, милорд.

Ах, у нас есть чувство юмора? Неплохо… Пожалуй.

— Это все равно что смотреть спектакль в театре, — приободрил его Роик.

Форлинкин приподнял бровь. Нельзя сказать, что его успокоил такой комментарий. Доктор Дюрона в это время разглядывал пестрые хосты, растущие вдоль дорожки. Выпрямившись, он с интересом принялся рассматривать лимузин. Верх пассажирского отсека поднялся, и из лимузина вышла женщина.

Столь же изящная, как и лимузин, только тоненькая. Длинные черные волосы стянуты сзади сверкающими заколками и собраны в нечто элегантное. Майлз отметил, что таким волосам Ворон не может не позавидовать. Одежда жи-

телей Кибо являла собой разнообразие модных течений, как местных, так и принесенных из разных миров. Майлз пробыл здесь достаточно долго, чтобы расшифровать язык ее костюма: одета в женский вариант классического делового стиля. Струящийся по коже топ, подчеркивающая формы сорочка, просторная накидка с поясом — такие носят и мужчины, и женщины. Правда, вместо шаровар на завязках у лодыжек, как носят мужчины, дама сверкала прелестными икрами, короткой юбкой и рейтузами. Гардероб подобран в неуловимых осенних тонах, подчеркивающих глубокие карие глаза. Общее впечатление от костюма создавало имидж одновременно и представительницы высшего класса, и обольстительницы, словно она была дорогой куртизанкой. Майлзу как-то объясняли, что такое гейша, когда он был на Земле, на острове, где зародилась эта традиция. Этакое полезное дополнение к невесте со страстью к садоводству. Ощущение, что эта женщина — оружие, направленное прямо на него, появилось в основном из-за ее невысокого роста, почти равного его собственному, и сандалий без каблуков.

— Доброе утро, о-хайе годзаймас. — Официальным поклоном она одарила всех, но улыбку

навела только на Майлза. — Лорд Форкосиган, консул Форлинкин, Дюрона-сенсей, Роик-сан. Как чудесно видеть вас! Меня зовут Аида, сегодня я — личный помощник господина Рона Винга. Я провожу вас на новое предприятие «Белой Хризантемы» и отвечу на все возможные вопросы, если таковые возникнут по пути.

На мои-то ты точно не ответишь, — сказал Майлз про себя. Вслух он лишь вежливо и подобающе поприветствовал юную красотку и последовал за ней в лимузин. Интересно, на что пришлось пойти ее боссу, чтобы найти «помощника» такого роста за такое невероятно короткое время.

Рон Винг был тем самым человеком, встречи с которым Майлз терпеливо добивался весь вчерашний день, вернее, пока Форлинкина отфутболивали невразумительными ответами так, что он уже начал было рвать на себе волосы. Официально должность Винга называлась «директор по развитию». Один из ведущих функционеров «Белой Хризантемы», Винг нес на себе бремя ответственности за экспансию корпорации на Комарру. Это его подручные так усердно обрабатывали Майлза (процесс был взаимным) во время конференции. *Ну-с, взглянем, что на обратном*

конце лески.

Роик, Аида и Ворон сели спиной по ходу движения; Майлз и Форлинкин напротив. Все усаживались предельно осторожно, чтобы — не дай бог! — не стукнуться в сутолоке головами.

— Похоже на старый отцовский лимузин, — шепнул Майлз Роику.

— Не-а, — шепотом ответил Роик, когда так и не представленный им водитель авто тронул с места, — он и половины того не весит. Тут даже бронеплит нет.

Сладкоголосая Аида предложила ошеломительное разнообразие напитков из бара лимузина. Майлз отказался, и все последовали его примеру. Майлз наклонился к поляризующему стеклу, чтобы получше рассмотреть столицу — для разнообразия, *над* поверхностью. Настоящих гор вокруг Нортбриджа не было, но ледники сошли достаточно давно, чтобы потоки воды прорезали в моренах что-то отличное от ровных плато. Местная примитивная растительность не представляла собой ничего особенного, поэтому городская ландшафтная архитектура основывалась на импорте с земли. Город как город, выросший на стандартной общегалактической транспортной и технологической структуре. Не

пройдись Майлз по этим улицам своими ногами, не узнал бы, какие чудеса лежат под поверхностью.

Вид за окном стал поинтереснее, когда лимузин добрался до западной оконечности Нортбриджа и въехал собственно в «Криополь».

— Строительство «Криополя» началось около сорока лет назад, — сообщила Аида, словно заправский гид. — Увеличение количества крионных установок в черте города стало слишком дорогим. Теперь Нортбридж расширил свои границы сюда, и появилась новая муниципальная единица — «Западная Надежда».

— И сколько же представителей «Западной Надежды» заседают в законодательном собрании Территориальной префектуры? — поинтересовался Майлз.

— Четырнадцать, — ответила она радостно.

Столько же, сколько и от всего города в целом, хотя по территории их сравнивать нельзя.

— Забавно.

Роик чуть не свернул шею.

— Что за дьявольщина?..

— Пирамиды! — Доктор Дюрона тоже вытянул шею, переполненный радостью. — Десятки и десятки! А не захоронены ли здесь какие-нибудь

жуткие тайны?

Майлз отметил про себя, что с Дюрона надо строго поговорить при первой же возможности.

Не сходящая с лица Аиды улыбка на мгновение стала вымученной, но она быстро взяла себя в руки.

— Там наш главный конкурент на рынке крио-услуг — «Новый Египет».

Километровую стену из песчаника пронзали высокие врата, по бокам которых торжественно восседали узкомордые собакоголовые фигуры.

— Этих я уже видел, — сообщил Роик, — на конференции. Был там парень в срамотном костюмчике, с пластиковой собачьей головой. Раздавал всем рекламные листовки. Я подумал, смахивает на биоинженерное предприятие с Архипелага Джексона.

Майлз решил, что пора пояснить.

— Это фигуры Анубиса, египетского бога мертвых. Были у них и другие боги с головами животных — ястребов, кошек, коров. У каждого — свое аллегорическое значение. Это, к примеру, вообще-то не собака, а шакал, животное-трупоед в древней пустыне. Думаю, для человека той исторической формации такой зверь — естественная ассоциация со смертью.

Он взглянул краем глаза на Аиду, но воздержался от дальнейших исторических параллелей, хотя и хотел бы выяснить: проверил ли кто-нибудь перевод иероглифов, украшающих стены. Потому как те вполне могли значить что-нибудь вроде «Пта-хотеп — дурак!» или «Унис должен Тети сто снопов пшеницы и бочонок инжира».

Посмотрев вслед удаляющимся фигуркам, Аида фыркнула:

— Как видите, они выбрали символом своей корпорации вот такую тематику из истории Древней Земли.

Больше смахивает на парк развлечений, подумал Майлз.

Аида добавила, пытаясь скрыть восхищение:

— В пирамидах расположены криогенные установки. В «Новом Египте» выяснили, что клиенты готовы платить дополнительные деньги за эксклюзивные, более комфортабельные места на верхних уровнях.

— Комфортабельные места? — удивился Роик. — А не все ли равно, когда тебя заморозят? В смысле, технически?

Он посмотрел на Ворона, тот задумчиво ответил:

— Вероятно, вы правы…

— Так-то оно так, но контракты выбирают и подписывают живые люди, — объяснила Аида. — Для «Нового Египта» это оказалось прибыльной и привлекательной программой. Они даже приобрели авторские права на весь этот исторический период, чтобы остановить плагиаторов. — И добавила расстроенным голосом: — А на конференции в этом году они раздавали живых сфинксов, но наш начальник отдела опоздал и не раздобыл нам зверушку…

У Майлза чуть глаза на лоб не вылезли, тем не менее ему удалось хорошенько разглядеть здания следующей корпорации на их пути: стеклянные башни и сверкающие шпили, обернутые струями цветных огней. Звукоизоляция лимузина, конечно, была на уровне. Однако он мог поклясться, что сквозь стекло доносился ритмичный бас.

— Музыка?

— «Шинакава консолидейтед», — и точно, они как раз проезжали мимо ворот с названием криокорпорации — буквы плясали всеми оттенками радуги. — Их целевая аудитория — молодежь.

Майлз попробовал понять. Не получилось.

— Их доля на рынке наверняка ничтожна?

— Когда контракт вступает в силу, клиент, как правило, достигает более преклонного возраста.

Зато выгоднее подписать контракт и начать выплаты раньше. На самом деле «Шинакава» выработала очень грамотную стратегию. Если бы у меня не было криоконтракта с моим работодателем — а это часть льготного пакета трудового договора, — я бы подписала контракт с «Шинакавой». — Аида хихикнула, прикрывшись наманикюренной ручонкой. — Хотя, наверное, я не должна рассказывать вам об этом.

Комплекс зданий следующей корпорации показался на противоположной стороне шоссе. Целый лес деревьев — ни стен, ни ворот, ни охраны. На невысокой каменной ограде значилось: «Нозерн-Спринг». Майлз разглядел немногочисленные здания в гуще растительности — приземистые и сугубо утилитарные. Он указал на постройки:

— А эти что собой представляют?

— А, эти… «Нозерн-Спринг» могут похвастаться тем, что они — одна из старейших местных корпораций и одна из первых, кто начал строиться здесь. Но мы не считаем их элитой в нашем бизнесе.

Вообще-то, судя по предварительным докладам, полученным Майлзом — а доклады эти нередко оказывались весьма точными, — на Кибо-Даини они считались шестой по размеру

государственной корпорацией, функционирующей в настоящее время, в следствие чего он не мог не считать «Нозерн-Спринг» элитой в своем бизнесе. Хотя если судить по тому, как выглядят постройки… Скучно до омерзения.

Сколько денег тратится на то, чтобы привлечь внимание… Нет, не мертвых, а живых. Впрочем, их можно понять, для длительного… гм-м… отдыха во льду, конечно, хочется иметь надежную опору в виде чего-то столь бессмертного, как криокорпорация. Их впечатляющие фасады обещали множество разнообразных благ, но в первую очередь — преемственность, постоянство. Еще бы забыть о том, что в основе всех таких организаций, корпораций, да и правительств находится ограниченное количество людей, которые принимают ошибочные решения в процессе обсуждения…

Огромный лимузин сбавил ход и свернул под гигантские врата — тории. «Белая Хризантема», как и остальные, с первых же шагов заявляла о корпоративном стиле. Они миновали охрану, не останавливаясь — гостей «прозвонили» на ходу. Обогнув сосновые посадки, компания подъехала к центральному офису. За ним виднелась внушительная башня здания, но посетитель должен

был первым делом миновать сад в традиционном национальном стиле — пруды, тропинки, заросли мха, аккуратные площадки, засыпанные выровненной галькой, стройные красные клены. Тема развивалась и дальше, за огромным стеклом фойе — искривленные карликовые деревца-бонсай и строго подобранная икебана. Посреди всего этого великолепия их уже ждали — встречающие неутомимо кланялись, и Майлз стряхнул остатки утомления, обычно так мешавшего после приступов, собираясь с мыслями.

Рон Винг оказался мужчиной средних лет в строгом деловом костюме: рубашка, пиджак с широкими рукавами и намеком на «крылышки» на плечах, мешковатые брюки приглушенного синего оттенка — безупречный наряд, вплоть до носков-таби и сандалий. Стиль, ткань, крой — все кричало о статусе, богатстве и положении, как на Барраяре кричал бы мужской костюм армейского покроя, форменные брюки, полуботинки. Четко продуманный наряд довершал взгляд опытного дельца, собранного и внимательного.

Рядом с Вингом суетился тип, который в мягкой форме передал Лорду-Аудитору желание «Белой Хризантемы» подкупить его, как раз тем вечером, когда появились то ли террористы, то

ли активисты, то ли просто идиоты и так грубо пресекли намечающийся и столь многообещающий обмен. Хидеюки Сторрз состоял в должности исполнительного вице-президента по развитию. На нем красовалась менее помпезная вариация одежды босса, изрядно похожая на прилежно подобранный костюм Форлинкина в местном стиле — традиция на службе у функциональности. В своей табели о рангах Майлз расположил его высоко, хотя все же не отнес к ключевым фигурам.

Департамент развития явно желал продолжить дела прямо с того момента, как им помешали, поэтому Майлз напомнил себе, что не стоит сдаваться сразу. Мало ли, за какие еще ниточки удастся потянуть? Половина вчерашних телефонных маневров проводилась с целью добраться по цепочке до «Того, Кто Знает». Итак, Аида передала своих подопечных Сторрзу, тот взял на себя официальное представление Вингу, и Майлз с удовлетворением подумал: «Наведение завершено. Идет автоматическое сопровождение цели». Судя по улыбке Винга, его соперник думал примерно так же.

Почему же я вам так интересен? Даже интереснее, чем должен быть. Почему?

— Я так счастлив, — начал Винг, — что вы

позволили нам извиниться за те неудобства, которые вам пришлось недавно пережить, лорд Форкосиган.

Свободной рукой Майлз сделал жест, означавший: «Ах, оставьте, это не ваша вина», в то же время прерывая этот жест едва заметной гримасой боли. Вслух он произнес:

— Нам всем нужно радоваться тому, что никто серьезно не пострадал и не погиб в результате безумной выходки.

— Верно сказано, — согласился Винг. — Зато теперь у нас появилась возможность познакомить вас с работой нашего предприятия значительно более детально, нежели позволили бы рамки обзорной экскурсии.

— Весьма удачный момент для своевременного «зато»…

— Не желаете ли отдохнуть с дороги? Может, чаю? Или последуем обычаю вашей планеты и сразу приступим к делу?

— Предпочел бы приступить к работе. Я весьма стеснен во времени.

— Тогда прошу следовать за мной…

Вся группа потихонечку двинулась за Вингом со скоростью, ограниченной тростью Майлза, тому не пришлось даже изображать хромоту.

После приключений в подземелье и обычных последствий распроклятых судорог боль вернулась с новой силой. Аида шла рядом, будто готовилась подхватить его, если Майлз вдруг упадет. Их провели по красивым помещениям общего доступа в центральном офисе, затем на гравиплатформе доставили в соседнее здание, где и проходила регистрация клиентов. И в фойе, и на приемно-загрузочной станции шла оживленная работа.

— Клиенты попадают к нам двумя путями, — пояснял Винг, ведя делегацию коридорами, в которых висело медикаментозное амбре. — Тех, кто перенес метаболическую дисфункцию, обычно готовят в клиниках, а потом перевозят сюда для долговременного размещения. Есть и те, кто предпочитает не играть с судьбой, а приходят сами, чтобы стационарно подготовиться к операции.

— Это что же, они *живыми* приходят? — не сдержался Роик.

— Чем крепче ваше здоровье во время криопроцедуры, тем выше шансы на хорошее здоровье после выхода из криостаза, — ответил Сторрз.

— Истинная правда, — тихонько согласился Ворон.

Роик насупился, бросил взгляд на Майлза. Тот

лишь подтвердил:

— Увы, это так.

— Не желаете ли взглянуть на техническую сторону процедуры поближе? — спросил Винг. — На обзорных экскурсиях мы этого, естественно, не показываем. На сегодня запланировано что-то около двух или трех десятков заморозок. Клиенты, которых доставляют из клиник, размещаются сверх плана.

Майлз, которому на очень уж личном опыте, а лучше сказать, в полном сознании, «повезло» пережить весь процесс, отмахнулся от такого сомнительного удовольствия. Роик при этом облегченно вздохнул. На лице Форлинкина ровным счетом ничего не отразилось. Ворон принял предложение и отправился со Сторрзом, за что Майлз его молча поблагодарил. Майлз обрадовался, когда они покинули рабочее здание, — нельзя сказать, чтобы запах был неприятным, просто где-то там, на задворках памяти, закопошились преотвратительнейшие образы.

— Сколько же разморозок вы проводите в день? — спросил Майлз Винга, как только они устроились на гравиплатформе и тронулись.

Они с Вингом сидели впереди, на лучших местах, Аида — сзади, спиной к ним; Форлинкин

с Роиком — на самом заднем диванчике, на границе пределов слышимости.

Винг заколебался лишь на мгновение.

— Я не располагаю точными сведениями, надо посмотреть. — Платформа плыла над ухоженной территорией. — А как вы познакомились с доктором Дюрона?

Ворона взяли в поездку по… нет, даже не по просьбе Майлза. Его просто включили в список пассажиров лимузина.

— Они и мой помощник Роик оказались вместе во время похищения. Объединяющий, я бы сказал, опыт.

— А, это многое объясняет. Ваш Роик — как раз такой человек, за спиной которого и я бы спрятался в трудную минуту.

Ясно, что Винг без труда понял слово «помощник» как «телохранитель». Да в общем-то и никто, глядя на Роика и Майлза вместе, ни о чем другом бы и не подумал. Правда, Майлз почти не сомневался, что все тонкости истинного понимания должности оруженосца Роика Винг не раскусил.

Винг продолжил:

— Забавно, я тут узнал, что один ваш родственник — крупнейший акционер Группы Дюрона. Если, конечно, Форкосиган — не обычная фами-

лия на Барраяре.

— Марк? — Ну вот, в конце концов добрались и до этого. Еще одна зацепка, подсказка, что визит Аудитора на Кибо оказался полной неожиданностью для криокорпорации. Видно было, что они все никак не могут разгадать целей его прилета. Майлз за свою жизнь не раз сталкивался с лихо закрученными планами. Проходили годы, прежде чем появлялись плоды. Заходы Винга походили на наскоро сляпанные решения, от силы несколько дней. — Это мой младший брат.

— Правда? — улыбнулся Винг. — Как вы думаете, наше расширение на Комарру может его заинтересовать?

Конечно, только совсем не так, как ты думаешь.

— Я бы предпочел держать Марка в неведении. Он очень опытный бизнесмен. Мне на государственной службе приходится выкладываться за каждое небольшое поощрение, а его прибыли растут на зависть быстро, он обходит меня на каждом шагу. Поэтому меня в вашем проекте крайне привлекает идея побить его на его же поле.

Майлз хитрой улыбкой продемонстрировал готовность к братскому соперничеству.

Винг заглотил наживку сразу, и это многое сообщило о нем Майлзу.

— Очень хорошо вас понимаю. — И мгновение спустя добавил: — А он столь же влиятелен в государственных делах, как и вы, лорд Форкосиган?

— Да нет, он полностью занят своим бизнесом.

— Ах, как жаль.

— Ну, я бы так не сказал.

— А как остальные члены вашей семьи? С ними у вас отношения… теплее?

— Разумеется. Хотя не каждый день предоставляется шанс показать им всем, кто есть кто. — Майлз постарался, чтобы его голос прозвучал чуточку жалобно. — На Барраяре мне всегда приходится что-то доказывать.

Вот так, а теперь пусть Винг все это переварит. Неплохой получился рычаг воздействия: с одной стороны — ревность и жадность, с другой — возможности влияния, ради которых стоит постараться. Ну и при поверхностной проверке, все это кажется весьма правдоподобным. *Спасибо, брат.*

Бровь Винга изогнулась в сомнении.

— А доктор Дюрона не расскажет ему?..

— Эту заботу оставьте мне. — Майлз понизил голос так, чтобы за жужжанием платформы его

не расслышали сидящие сзади. — Знаете старую поговорку? Держи друга близко, а врага — еще ближе.

Винг кивнул:

— Хорошо сказано. — Он помялся. — Дальше у нас по программе презентация по проекту «Комарра». Не показать ли пока нашему другу доктору остальную территорию?

— Думаю, в этом нет нужды. Если только вы предпочтете не раскрывать какие-нибудь технические инновации потенциальным конкурентам.

— Нет-нет, предприятие на Комарре будет создано по проверенной технологии. Наши инновации касаются лишь организации бизнеса.

— Ну, тогда не волнуйтесь — полагаю, Ворон из тех технарей, которым нет дела до прибыли. — Винг — деревенщина, вот только до какой степени? Ворон — уроженец Архипелага Джексона. Гиблое место, где сделка — это искусство, наука, стратегия, битва без пощады. — Вы бывали на других планетах, господин Винг?

— Да, летал на Комарру в прошлом году, когда мы начали работу над проектом. Исключительно деловая поездка, не было времени что-либо посмотреть. Я так и не выбрался за пределы

Солстиса.

— Ах, как досадно.

В здании центрального офиса их сразу же направили на верхний этаж, в элегантное помещение конференц-зала — еще более закрученные стволики карликовых деревьев, изящные стеклянные изваяния. Аиде удалось наконец убедить их попробовать разнообразие напитков. Майлз и Форлинкин выбрали зеленый чай, Роик — кофе. Затем их усадили перед экраном вида и подвергли гламурной презентации гигантского криохранилища «Белой Хризантемы», строящегося в Солстисе, общепланетной столице Комарры. Как Майлз ни старался, абсолютно ничего противозаконного ему разглядеть не удалось. Ни к чему не смог придраться и министр безопасности Комарры, хотя и обладал несравненно более точными данными. А проверяли они эти данные весьма придирчиво, попутно упрятав за решетку (с помощью и при полном одобрении «Белой Хризантемы») двух зарвавшихся субподрядчиков, проворовавшегося таможенника и целую воровскую сеть на складах, хотя ничего этого в роскошной презентации Винга не было.

Ворон и Сторрз присоединились к ним посреди просмотра. Видео закончилось бодрой и со вку-

сом подобранной музычкой.

Майлз откинулся назад в невероятно уютном кресле, потягиваясь и сцепив пальцы над головой.

— Так почему все-таки Комарра? Если уж расширять бизнес на другие планеты, не ближе ли начать с Эскобара?

Винг выпрямился, явно обрадованный вопросом.

— Мы рассматривали такую возможность. Но крионика на Эскобаре находится на весьма продвинутом уровне. Кроме того, законодательный уровень защиты тамошнего бизнеса таков, что я не могу охарактеризовать его иначе как протекционистским. Наши аналитики заключили, что Комарра, несмотря на удаленность, предлагает лучшие перспективы, а ведь перспективы и определяют прибыль. Ту самую прибыль, которую получат и барраярцы, и вы, конечно же, в том числе. Купол Солстиса уже получает дивиденды — после завершения стадии проектирования всех подрядчиков нанимали на Комарре.

— Насколько я понимаю, — добавил Майлз с видом знатока, — как только у всех на планете появятся криоконтракты, нет другого пути, кроме внешней экспансии.

Он промолчал — хотя еле удержался! — насчет того, что, вообще-то, каждую минуту в этом мире появляется новая жизнь.

— Боюсь, в этом и состоит риск развитого рынка. Хотя за последний год мы значительно продвинулись на рынке торговли контрактами.

— Простите?..

Голос Винга потеплел, словно тот заговорил о предмете обожания.

— Исторически так сложилось, что составление и заключение криоконтрактов никогда не было стандартизировано. Долгие годы они заключались самыми различными учреждениями в рамках подчас нестыкующихся местных законов. Основания, на которых они заключены, совершенно никак не взаимосвязаны. Некоторые обязательства усилились, некоторые — ослабли. Да и сами компании — кто раскололся, кто объединился, кто обанкротился, кого-то купили. На заре нашего бизнеса контракты переходили из рук в руки только с компаниями, которым они принадлежали. И лишь недавно стал ощущаться интерес к возможностям вторичного рынка персональных криоконтрактов, как с целью получения прибыли, так и с целью сбора оборотного капитала.

У Майлза брови поползли на лоб:

— Вы торгуете мертвецами?

— Меняетесь друг с другом замерзшими трупами?

Роику значительно хуже, чем Майлзу удалось скрыть ужас.

— Нет-нет, что вы! — бросился объяснять Винг. Сторрз поддержал его, энергично мотая головой. — Это было бы неоправданно затратно. Клиенты по большей части находятся на своем месте, если, конечно, не производится ремонт мощностей или предприятие не закрывается. Клиенты находятся на взаимоучитываемом балансе, переходя от компании к компании. Продаются и покупаются только их контракты. — И с невинным видом добавил: — Мы надеемся, что со временем это приведет к стандартизации и однородности заключения процедуры контракта в нашем бизнесе.

Для Майлза это означало: «Мы остановимся, только когда вычерпаем все до дна». Судя по удивительно отсутствующей улыбке Ворона, тот не понял ни слова, но сделал точно такой же вывод.

— А, гм… на Комарре вы будете действовать по такой же схеме? — поинтересовался Майлз.

— К несчастью, нет. Там просто не с кем тор-

говать.

Винг вздохнул, однако трудно было заподозрить хоть какую-то печаль в этом вздохе. Для Майлза его ответ прозвучал так: «Мы собираемся монополизировать бизнес на Комарре».

— Все это просто поразительно, — честно признался Майлз. — А вы как полагаете, Форлинкин? — Он игриво подмигнул послу. — Готовы приняться за такое дельце? Хотя, думаю, вас-то этим не удивишь.

— Не могу согласиться, — ответил тот, — моя работа в основном касается забот живых, а не мертвых. Мне довелось проследить за отправкой останков одного несчастного барраярского туриста, погибшего во время катания на леднике — чрезвычайно опасный вид спорта. Я также расписался как-то в передаче пары бизнесменов с Кибо — те умерли естественной смертью на территории Империи, а трупы были доставлены домой. Один замороженный, а другой — в кучке пепла. По поводу последнего были, помнится, жалобы от родственников, пришлось перенаправить по инстанции. — Затем посол дипломатично (ну а как же еще?) добавил: — Благодарю вас за возможность взглянуть на ситуацию изнутри, Винг-сан. Для меня такое положение дел — от-

кровение.

Правда, смотрел он при этих словах на Майлза.

Затем их проводили на обед, в невысокое здание с видом на бесконечные сады и пруд с декоративными карпами. В интерьере доминировали ширмы из рисовой бумаги, татами, высокохудожественное стекло и икебана — горстки гальки, три тростинки, пара бутонов да цветок. Их усадили на шелковые подушки у двух низеньких сверкающих лаком столиков. По одну руку от Майлза сидел Винг, по другую — Аида, в его полном распоряжении. Сторрз ухаживал за Форлинкином, Роиком и Вороном за соседним столиком. Двое официантов заставляли столы изысканнейшими блюдами, похожими на небольшие скульптуры. Майлз в конце концов позволил Аиде налить ему прозрачного, странно пахнущего вина в плоскую керамическую чашечку. Интересно, чашка специально сделана так, для самоограничения? Пьяный обязательно разольет ее содержимое, не донеся до рта. Майлзу и самому едва удалось не облиться.

Аида помогала поддерживать беседу, переводя ее на приятные, нейтральные темы, мало-помалу придвигаясь ближе. Шнуровка на накидке была не без умысла ослаблена, и сорочка демонстри-

ровала округлости груди под глубоким декольте. Майлз подозревал, что в ее духах не обошлось без феромонов, но вряд ли такое откровенное послание нуждалось в подкреплении: ясно, что юная красотка — часть его подкупа, стоит только пожелать.

К сожалению, Аида не очень хорошо понимала, с кем имеет дело. К тому же Майлзу вовсе не нужно было демонстрировать свою продажность во *всей* красе. В некоторых вопросах можно изобразить скромность. Майлз вытащил кубик с видео, похвастался своей красавицей-женой, восхитительными детками. Аида отступила, и Майлз тут же переключился на жалобы по поводу нынешней дороговизны содержания семьи. Теперь уже мало-помалу придвинулся Винг, поддержав тему. Майлз добавил странного вина и принялся глуповато ухмыляться.

Было ясно, что «Белая Хризантема» продолжит наполнять его чашку, пока Майлз не свалится под стол. Ему удалось завершить визит лишь неоднократными намеками на то, что Форлинкину пора возвращаться к своим обязанностям. Аида пересела за соседний столик поразвлекать компанию, а Винг повел Майлза на прогулку вокруг пруда, «проветрить мозги». Майлзовы мозги,

по крайней мере, проветрились мгновенно, как только Винг наконец добрался до обсуждения деталей того, как без лишнего шума перевести долю его нового барраярского друга.

Только не надо думать, что это «перепихон по-быстрому», милорд Аудитор, что мы переходим от ласк к соитию на первом же свидании. Вот только кто кого поимеет? И зачем, зачем, зачем, черт возьми, меня пытаются подкупить?

— Я возлагаю большие надежды на проект «Комарра». — В голосе Винга звучали искренние нотки. А еще эйфория, хотя трудно было понять, от вина или от удачного завершения переговоров. Майлзу показалось, что для Винга обе причины слились. В этом деляге скрывалась поистине джексонианская страсть к победе и прибыли. — Скажу больше, я уже перевел все свои облигации и опционы из «Белой Хризантемы» в «Белую Хризантему Солстиса». Даже свой собственный криоконтракт я разместил на будущем предприятии, поэтому буду сражаться за него. Так что, как видите, за свои слова я поручусь не только деньгами, но и жизнью.

От такого откровения темные глаза Винга засверкали искрами.

А Майлз, в голове у которого все части голово-

ломки выстраивались в ясную картину, подумал: «О боги! Ты сам только что вручил мне свою голову!»

Глава восьмая

В одеянии из черного хитина в белую полоску с ровненькими точками тарантул здорово смахивал на аристократа из исторического стерео — такой же наглый и агрессивный, готовый к вечернему променаду по городу. Джин четко видел все восемь глаз на маленькой злобной мордочке: две яркие черные точки смотрели прямо на него, еще четыре — над первыми двумя, и по одной — по обе стороны головы. У него под брюшком… — нет, у *нее* под брюшком! — висел моточек тончайшего белого пуха, словно пушинка хлопка. Может, это яйцевый кокон? Может, она готовится стать *мамой*? Распластавшись на полу пыльного садового сарайчика, Джин замер от восторга, тихонько отполз назад, чтобы не спугнуть ее, чтобы паучиха не метнулась в щели в полу или стенах, прежде чем он найдет, куда ее пристроить. Для своего вида она была достаточно крупной, больше трех сантиметров, размером с фалангу Джинова большого пальца. Уж точно взрослая паучиха. Она словно терпеливо ждала Джина.

Джин потерянно огляделся. Дорога из дома

дядюшки и тетушки, из северо-западного пригорода, превратилась в невообразимо долгий путь к ближайшей южной окраине. С одной стороны, Мина все время отставала и принималась жаловаться, как только уставала. Джин ничего другого и не ожидал. Боялся же он того, что ночью во время долгого перехода они заблудились и потерялись. Городские улицы поворачивали совершенно неожиданно, сбивая его с толку, а башни городского центра, поблескивающие время от времени в отдалении, когда дети взбирались на холм или выходили на открытое место, выглядели одинаково, откуда ни посмотри.

Нынешнее их пристанище — и притом великолепное! — дети нашли утром. Они остановились купить литр молока в угловом магазинчике неподалеку отсюда, а потом миновали несколько кварталов в поисках убежища, чтобы пересидеть время школьных занятий. На одном из домов висело объявление о продаже: заглянув в окна, Джин и Мина не обнаружили ни мебели, ни обитателей — в общем, полная безопасность. Правда, дом оказался заперт, однако дверь в сарайчик на заднем дворе оставили не на замке. Сад, обнесенный высокой стеной, зарос деревьями и кустарником, что было детям на руку — если

какая сердобольная душа и сунет сюда нос, так просто их здесь не найдешь. И совсем уж здорово, что во дворе обнаружился водопроводный кран, подключенный к системе. Обеденные батончики Мины еще не закончились, хотя изрядно надоели. Главной же проблемой маленьких путников обернулось отсутствие воды. Правда, вчера им дважды повезло: забрели в горпарк и натолкнулись не только на фонтанчики с питьевой водой, но и на туалеты. Мину было трудно заставить «сходить в кустики», даже когда темнело.

К несчастью, на полках в сарайчике не стояло ничего и отдаленно напоминающего коробочку. Не было там и садовых инструментов, за исключением гнутого и ржавого совка. Взгляд Джина упал на спящую сестренку. Та свернулась калачиком, сунув под голову свернутую куртку. Желтый рюкзачок на молнии лежал рядом, с него Джину улыбались анатомически безграмотно нарисованные пчелы. Присев на корточки, мальчик погрузился в изучение содержимого рюкзака. Ага, вот то, что надо!

— Ты чего? — Мина приподнялась и зевнула. На заспанной бледной мордашке отпечатались все складки импровизированной подушки, волосы торчали во все стороны. Отчего это люди, когда

спят днем, встают такими помятыми и разгоряченными? — Ты мои деньги крадешь, что ли?

Джин откупорил прозрачный пластиковый контейнер, в котором хранилась вся ее мелочь, и вытряхнул содержимое в рюкзак.

— Нет, мне нужна только коробка.

— Зачем?

Мина нахмурилась, однако стерпела обыск ее собственности, который, к счастью, не оказался ограблением.

— Для паучьего домика.

— Бе-е… Пауки гадкие. Паутина противно липнет к губам.

— Это тарантул. Они не плетут паутину.

— А!

Мина задумалась и поморгала. Не то чтобы ему удалось убедить сестру, зато она не подняла никакого глупого девчачьего визга. Правда, держалась поодаль, пока Джин не подкрался и не поймал свою жертву. Как только паучиха оказалась за прозрачным барьером, Мине захотелось разглядеть ее поближе. Джин посвятил сестру в многообразие крошечных паучьих прелестей: волоски, глазки, жвала, набухший яйцевый кокон.

— У нее и вправду восемь глаз! — восхитилась девочка, и ее собственные глазенки сошлись на

переносице, — так Мина попыталась представить, какой ее видит паучиха.

Осмелев, она, по примеру брата, постучала по пластиковой крышке.

— Перестань! Ты ее напугаешь.

— А она сможет там дышать? — поинтересовалась Мина.

Джин обеспокоенно осмотрел коробку. Удрать паучиха не сможет, зато вот крышка действительно сидит очень плотно. Паучьи лапки беспомощно скребли по стенкам тюрьмы крошечными коготками.

— Некоторое время сможет.

— А как ее зовут?

— Еще не придумал.

— Надо ее назвать.

Джин кивнул, целиком соглашаясь. Что ж, иногда и от Мины есть толк. Говорят, там, на Земле, обитают тысячи видов пауков. Терраформеры Кибо оказались скупердяями и завезли сюда лишь с полдюжины или вроде того для новой экосистемы. Без комма невозможно определить ее настоящее научное имя. Вот бы оно оказалось таким же удивительным, как сама паучиха!

— Можно назвать ее Пряха. Только ты ведь сказал, что она не прядет паутину. Восьмиглаз?

— Это имя для самца, — не согласился Джин. — Нужно придумать дамское имя, что-нибудь подходящее, с Древней Земли.

Мина нахмурилась лишь на мгновение, и тут девчачье личико просветлело.

— Леди Мурасаки! Это самое древнее женское имя, какое я знаю.

Джин по братскому долгу хотел уже было засмеять такое предложение, да призадумался. Внимательно рассмотрев паучиху, он понял, что имя действительно подходит.

— Хорошо.

Победная улыбка расплылась по мордашке.

— А что она ест?

— Мелких жучков. Надо наловить для нее в саду, когда будем уходить. Я ведь не знаю, сколько времени надо, чтобы добраться до гм… дома.

Мина явно оживилась после общения с паучихой.

— Можно я помогу ее кормить?

— Конечно.

Мина потянулась, разговоры о еде напомнили про обед. Из раскуроченного рюкзачка девочка извлекла еще один батончик.

— Может, нам его разделить? Чтобы на дольше хватило?

— Правильно, — согласился Джин.

Он отставил в сторону коробочку с паучихой и отправился к крану, промыть и наполнить водой бутылочки.

Вернувшись, Джин скрипнул дверью, и Мина спросила:

— А сколько сейчас времени… там?

— Не знаю. Наверное, полдень.

— Думаешь, уроки кончились? Может, уже можно выйти?

— Скоро можно будет.

Дети пообедали, разделив батончик и воду.

— Может, пересадим Леди Мурасаки в одну из бутылочек? — Мина опустошила свою и подняла ее к свету, проникавшему в сарайчик через замызганное оконце. — Можно проколоть дырочки, чтоб она дышала.

— Я собирался их прополоскать и набрать воду в дорогу. А то ты вчера разнылась: «жарко» да «пить хочу»!

— У меня так противно ножки вспотели. — Она посмотрела на брата снизу вверх, все еще сонными после неуютного сна глазенками. — Сколько еще идти до места, где ты живешь?

— Трудно сказать, — видно было, что он волнуется, — я уже так давно ушел оттуда… Вся

надежда на то, что Майлз-сан позаботится о моих зверушках.

— Это твой друг, да? С другой планеты?

За полтора дня нелегкого пути Джин потихоньку выложил слишком, как он теперь подумал, много своих тайн Мине. Отчасти чтоб остановить безудержный поток вопросов. В основном, правда, потому, что он так долго не общался ни с какими другими детьми.

— Ага.

А тут еще и провал, полный провал его курьерского задания. Поверит ли Майлз-сан, что Джин не крал денег? Справляется ли он с Вихрем? С этой птицей надо обходиться мягко, но решительно. С цыплятами все обстояло проще, за исключением того, что надо спускаться по лестнице и поднимать их обратно, когда они перепархивают через парапет. Сможет ли Майлз-сан поднять вырывающегося цыпленка по лестнице, с этой своей тростью?

— А у Майлз-сана есть детки? — спросила Мина.

Джин нахмурился.

— Он не говорил. Он взрослый, вроде сказал, тридцать с чем-то. Просто он выглядит… не как все. Не знаю, бывают ли у таких парней дев-

чонки.

Как только все эти наркоманские симптомы прошли, Майлз-сан превратился в милого парня, и улыбка была ему очень к лицу. К тому же он, похоже, понимал Джиново зверье, а значит, для взрослого был весьма неглуп. Джин призадумался, пожелать ему невысокую, заботливую невесту или не стоит.

После длинной, полной раздумий паузы Мина спросила:

— Как думаешь, ему бы захотелось?

— Чего?

— Детей. Ну, вроде… раз он одинок.

В ответ на недоумевающий взгляд Джина, девочка продолжила:

— Мы вот книжку такую в школе читали в этом году, там дядя с Земли усыновил двух сироток. Забрал их с собой, и они увидели все места, откуда пришли наши предки… — И для пущей привлекательности добавила: — И еще у них новые животные появились.

Джин смутно припомнил книжицу. Если бы не она, второй класс в школе мог превратиться в невыносимую тоску из-за начавшегося изучения кандзи. В книжке было полно и всякого вздора, вроде того, как девочке-сироте досталось

жутко красивое кимоно. Зато была там глава о поездке на море и как дети повстречали морских животных Земли. Глава оказалась слишком уж короткой, правда, с картинками. А еще там в конце рассказывалось про кошку, у которой появились котята.

— Майлз-сан не с Земли. Он сказал, с Барраяра.

— А это где?

— Кажется, где-то за Эскобаром.

Эскобар, насколько знал Джин, был ближайшим торговым партнером Кибо в ПВ-сети, по кратчайшему многоскачковому маршруту. Первые планеты изучают только в старших классах, на истории галактики. Ну, кроме Земли. Джин много прочитал о Земле, интересуясь зоологией. Вот бы объявился какой-нибудь добрый человек и забрал Джина на Землю… Хотя если подумать, то Барраяр с его двойной биотой выглядел совсем не плохо в описании Майлз-сана.

Внезапно в голове у Джина расцвела такая картинка: чудной коротышка живет себе в полном одиночестве в сельском коттеджике… нет, лучше — в здоровенном, неухоженном старом доме с заросшим садом. Как в книжке про того старичка-профессора, который забрал из города двоих детишек во время войны — только Джин

не знал, какой войны. Все, что он знал, это что она произошла еще до того, как людей стали замораживать. Там еще было про лошадь с повозкой и удивительные приключения: и про пещеру, и про белесую, слепую рыбу в ней. Джин как-то раз видел лошадь в нортбриджском зоопарке, когда они всем классом ходили на экскурсию. Детям похрабрее разрешили похлопать гладкую шею, пока сотрудник зоопарка держал поводья. Джину вспомнилось, как здоровенное животное с шумом выпускало воздух из ноздрей, огромных, как трубы, и ему обдавало щеки теплым воздухом. Джин узнал, что есть такие же животные, только поменьше, их разводят специально для детей, и называются они пони. Небольшого Мина бы не забоялась. Огромное животное в зоопарке напугало даже Джина. Правда, тогда он был маленьким… Большой, неухоженный дом, и животные, и…

А, чушь все это. Майлз-сан — не профессор, и не дядя он им никакой, и даже не двоюродный дедушка. Джин просто был уверен, что живет он в городе, в какой-нибудь тесной квартирке, и вовсе он не одинок. А ну их, все эти мечтания о ферме. Только грустно стало. Нахмурившись, он посмотрел на Мину:

— Никто нас усыновлять не будет. Никто нас

отсюда не заберет. Все это глупости.

Мина надула губы. Отвернувшись от брата, она принялась натягивать носочки. Заляпанные розовато-коричневыми пятнышками в тех местах, где лопнули ее мозоли, носочки вызвали у Джина чувство вины. Дети обулись. Леди Мурасаки бережно поселили в Минином рюкзачке — Джин убедил ее, что там паучиху будет меньше кидать по коробочке, чем у него в кармане. И они опять отправились в путь.

Первый километр пути по петляющим улочкам Джин силился, но никак не мог отыскать глазами небоскребы в центре города, чтобы сориентироваться. Наконец они добрались до шумной улицы, прямо к входу в метро.

Мина хромала коротенькими шажками. На станционный вход девочка посмотрела долгим тоскливым взглядом.

— Если хочешь поехать на поезде, — она сглотнула, — я заплачу за наши билеты.

— Нет, у полиции есть видеокамеры на всех станциях. Позавчера я попался из-за них. Нам туда нельзя.

Зато Джин вдруг увидел яркий цветной экран снаружи на входном пилоне. Карта! Он осмотрелся в поисках наружных камер наблюдения,

не обнаружил ничего угрожающего и двинулся к экрану. Мина плелась следом.

Подсвеченный значок «Вы находитесь здесь» привел Джина в ужас. Они ничуть не приблизились к южной оконечности города, как мальчик надеялся, судя по пройденному расстоянию. Вместо этого они каким-то образом забрели в жилые кварталы на востоке, и до первого кольца промзоны юга оставалось пройти еще километров тридцать — примерно столько же, сколько они уже прошли. Что ж, это объясняет, почему здесь такие милые домики. Джин подошел ближе и прищурился.

Всего в паре станций по этой же ветке находилась станция, от которой он дошел пешком до консульства Барраяра. По поверхности это было что-то около трех километров пути. Джин задумался, разглядывая карту. Он смутно подумывал о том, что отдаст Майлз-сану деньги Мины, когда они доберутся до места. Однако сестренка оказалась весьма прижимистой, по меркам Джина. Она точно разорется по этому поводу, хотя Джин и был уверен, что Майлз-сан вернет деньги, как только сможет. А что, если сначала зайти в консульство и рассказать о пропаже? Ну, может, немного подправив ситуацию в повествовании?

Выдадут ли ему еще денег для барраярца? Джину показалось, что Майлз-сан у них — какая-то шишка. А Джина они не сдадут, им ведь надо охранять свои тайны, верно?

От этих размышлений мальчику стало тошно, но не так тошно, как от мысли вернуться к Майлз-сану с пустыми руками, да еще и опоздав на три дня. Он впился глазами в карту, стараясь запомнить улицы и повороты.

— Теперь я знаю, куда идти, — сказал он Мине, стараясь, чтобы это прозвучало уверенно, как и положено говорить старшему брату. — Пошли!

* * *

После того как лимузин «Белой Хризантемы» высадил их у консульства, Роик отправился наверх за милордом. Майлз проглотил две таблетки от головной боли и выпил несколько стаканов воды. Вернувшись в холл на входе, милорд заглянул в комнату, которая показалась Роику чем-то вроде приемной. Там, вытянув утомленные ноги, сидел Ворон Дюрона.

Майлз бросил:

— Общий сбор внизу.

Ворон кивнул и выпрямился, чтобы последовать за ними. По дороге домой почти не разгова-

ривали. Аида сопровождала их на обратном пути. Милорд прикинулся усталым и задремал. Форлинкин, сдвинув челюсти, смотрел в окно. Роик внимательно разглядывал все вокруг, а Ворону просто не хотелось идти против общего настроения. Они спустились к двери комнаты связи и обнаружили ее закрытой и запертой.

Милорд нажал кнопку переговорного устройства:

— Форлинкин, вы там? Открывайте!

— Секундочку, милорд, — донесся из динамика голос Форлинкина.

Секундочка растянулась на несколько минут. Милорд притопывал от нетерпения, Ворон, зевая, присел на ступеньку.

— Напоминает дом с одним туалетом, когда родственники приезжают погостить, — заметил Роик, когда ожидание затянулось.

Милорд сухо посмотрел на него:

— Не знаю. Никогда не жил в доме с одним туалетом.

Роик насмешливо поклонился в ответ.

Наконец клацнул замок, сводчатая дверь распахнулась и консул впустил их. Его голубые глаза лихорадочно искрились, дышал консул прерывисто, словно только что пробежал дистанцию.

— Вы опоздали! — объявил он.

Милорд повел бровью:

— Не в первой. На что на сей раз?

У Форлинкина нервно подергивались губы.

— Я только что отослал кодированным лучом полный доклад обо всем, что видел, генералу Аллегре в генштаб Имперской безопасности на Барраяр! Никогда не думал, что доживу до такого: *Форкосиган* продался за *деньги*! Пусть моя карьера пойдет прахом, но и вам теперь конец, милорд Аудитор!

— Что ж, прекрасно. С *этой* частью разобрались.

Милорд толкнул дверь. Та захлопнулась со вздохом, неспособным передать весь драматизм настроения Форлинкина.

– *Что*?

Форлинкин сжал кулаки.

— Трудно не согласиться, что у каждого есть своя цена, — дружелюбно продолжил милорд. — Уж Винг-сан с этим согласен на все сто. Я-то больше опасался, что, если он не предпримет наступления сегодня, мне опять придется пережить весь этот парад предложений, как на конференции.

Если консул сейчас же не прекратит вдох, у него

легкие лопнут! — подумал Роик и миролюбиво предложил:

— Престаньте дразнить беднягу, милорд!

«Вы ведь уже добились, чего хотели», — не стал добавлять он. Уж очень не хотелось Роику сражаться с консулом на полу, если тот вцепится милорду в глотку. А похоже, на грани такого нападения Форлинкин и находился. Вот интересно, «бесить» — это значит приводить в бешенство или изображать беса? У милорда и то, и другое получается великолепно.

Теряя терпение, милорд выдал:

— Люди вроде Винга не швыряются деньгами понапрасну, Форлинкин. Сначала им надо выяснить, можно ли подкупить объект. Я старался изо всех сил, помогая ему принять положительное решение. Садитесь, консул. Доктор, прошу вас. Настала пора поговорить.

Форлинкин приготовился отпустить какую-то колкость, как вдруг уголки его рта поникли.

— Лорд Форкосиган, так это что, спецоперация?

— Теперь — да. — Милорд вытянул консольное кресло и плюхнулся в него. — Сначала мы не были уверены, поэтому, собственно, меня сюда и прислали. Я мог стать и наживкой, и капканом

одновременно. Во всяком случае, если б мы ничего не выгадали, то хотя бы сэкономили Империи деньги на скачковых перелетах.

Форлинкин медленно оседал в кресло напротив. Роик перевел дух и расслабился. Консул в смятении уставился на шифрокомм.

— Милорд… Я уже отправил доклад.

— Не извиняйтесь. Ваш следующий официальный посетитель вполне может оказаться нечистым на руку. Я перед вами также не стану извиняться, если вам от этого полегчает. Я уже имел дело с подкупленным дипперсоналом. Мне нужно было убедиться.

— Так вы меня проверяли?

Неприятный огонек, погасший было в глазах консула, вспыхнул снова.

— Ну а зачем, как вы думаете, я потащил вас сегодня за собой и позволил все это наблюдать?

Форлинкин сжал руки, лежавшие на коленях, в кулаки, однако сразу же разжал их — медленно, успокаиваясь.

— Ясно. Весьма действенный способ.

— Постарайтесь, пожалуйста, успевать за ситуацией. — Милорд подобрел и добавил: — Вам будет непросто, этот случай поставил в тупик многих аналитиков Имперской Службы безопас-

ности. — Он повернулся к Ворону: — Ну а вы что интересного обнаружили во время экскурсии со Сторрзом?

Ворон скривил губы, всем видом выказывая сомнение.

— Не думаю, что увидел что-нибудь новенькое. Вся их криопрограмма вполне стандартна, с технической точки зрения — никаких нареканий. Я попросил показать мне процедуру вывода из криостаза, Сторрз ответил: «Таковых не запланировано», что к тому моменту меня уже ничуть не удивило. Правда, лаборатории для разморозки он мне показал. Выглядят вполне сносно. Он попытался выяснить, не привлекает ли меня перспектива работы в «Белой Хризантеме», пытался выяснить, сколько я зарабатываю. Я ответил, что в работе для меня привлекательнее разморозка, как более сложная, с медицинской точки зрения, процедура. Он сказал, что поговорит об этом, правда, не уточнил с кем. Потом мы вернулись и присоединились к вашему веселью, когда акробаты сменились клоунами. Как-то так…

Ворон пожал плечами.

Форлинкин только и мог делать, что моргать:

— Лорд Форкосиган, так доктор Дюрона ваш агент?

— Просто нанятый гражданский консультант, — разъяснил ситуацию милорд, — оплачиваемый из моих личных подорожных расходов. Получаете ли вы одновременно заработную плату от Группы Дюрона, Ворон?

Тот ухмыльнулся:

— Это конфиденциальная информация.

— Значит, да. Поэтому если вам понадобится помощь доктора, не стесняйтесь, пусть работает в две смены.

Ворон осклабился, поднялся и ткнул кнопку автомата напитков, удобно расположенного возле шифрокомма и пульта спутниковой связи. Судя по запаху, автомат выплюнул что-то кофеподобное. Ворон взял чашечку и вежливо предложил Роику свое кресло, тот столь же вежливо отказался и занял позицию, подперев стену и скрестив руки на груди, явно подражая бывшему шефу Имперской Службы безопасности.

— Поясню, Форлинкин, чтобы вы нас поскорее догнали, — продолжил милорд. — Служба безопасности проверила «Белую Хризантему» и убедилась в полной чистоте их бизнеса, как только авангард криокорпорации появился на Комарре полтора года назад. Правда, СБ интересовалась их связями на предмет военного

шпионажа и тому подобного. Бизнес-план «Хризантемы» прошел все проверки на Комарре, и работа закипела. Никто бы на них еще сто лет внимания не обратил, если б не старые добрые родственные связи.

За последние несколько месяцев, когда заканчивалось строительство головного предприятия, которое Винг показывал нам вчера в своей презентации, передовая группа продаж «Белой Хризантемы» начала заключать контракты с будущими клиентами. Совершенно естественно, что целевой аудиторией оказались столичные старушки, представительницы среднего класса Солстиса, завсегдатайши женских клубов. В то же время другая группа занималась продажей ограниченного пакета акций богатейшим и наиболее влиятельным комаррцам, чтобы заинтересовать власть имущих в успехе своего предприятия. Боюсь, что обе эти группы продаж не стали утруждаться сверкой списков клиентов, либо просто не подумали, что некоторые старушки — бывшие торговки, у которых в бухгалтерском отчете и комар носа не подточит.

И вот глядит одна из таких старушек на оба контракта перед собой и говорит: «Чем-то тут попахивает, правда, не пойму чем». Тогда она

несет контракт к любимой внучатой племяннице, а та ей и говорит: «Ты права, тетушка. Чем-то тут попахивает, правда, не пойму чем». И, в свою очередь, несет этот контракт своему любящему мужу, больше известному под титулом императора Грегора Форбарры. А тот уже передает бумажку своему преданному Имперскому Аудитору со словами, цитирую: «Держи, Майлз. Никто другой не умеет нырнуть в дерьмо и вынырнуть оттуда с драгоценностями, как ты. Дерзай». А я отвечаю: «Благодарю, сир!» — и лечу на Кибо-Даини.

Форлинкин закрыл глаза. Надолго. А Роик отметил про себя, что императрица, прозорливая комаррианка, судя по всему, может оказать Барраяру больше услуг, нежели только произвести на свет, в сотрудничестве с императором, несколько пугающе мудрых детишек.

— Ну и еще один момент, — продолжил Майлз небрежно. — Богатые комаррские старики — прекрасный источник излишков голосов избирателей всей планеты. Ворон, вам нужно объяснять, что это значит?

— Да, пожалуй, — ответил Ворон, усаживаясь с крайне изумленным видом.

— Их избирательная система, как и все остальное, пережиток истории колонизации Комарры.

Планета до сих пор не обжита, хотя долгосрочное терраформирование на ней ведется, все поселения находятся в герметичных аркологиях — Куполах.

— Это мне известно…

— Естественно. Так вот, с целью развития Куполов ранние комаррские колонисты ввели систему поощрений. В дополнение к неотторжимому личному праву голоса, с которым рождается и умирает каждый комаррец, колония присуждает добавочные голоса тем, кто трудится и рискует ради расширения жизненного пространства. Такие голоса можно унаследовать, обменять, продать, накопить, в конце концов. Основа комаррской олигархии в том виде, в котором она сейчас существует, это кланы, обладающие «акционерными» пакетами таких общепланетных голосов. Так что формально на Комарре демократия, а в реальности же голоса некоторых ощутимо «равнее» голосов других. Излагаю ясно?

Ворон кивнул.

— Значит, — сообразил наконец Форлинкин, который как-никак провел два года на Кибо-Даини и наблюдал это все своими глазами, — вы полагаете, что «Белая Хризантема» планирует скупить голоса оптом?

— Да. Теперь — да. Не забывайте, что у Комарры — богатая история мухлевания с избирательной системой. За долгие годы они создали множество законов, чтобы обходить законы. Помимо прочего, закон гласит, что корпорации напрямую не могут владеть голосами избирателей, голос принадлежит гражданину индивидуально. Существует проверенный институт выборщиков и тому подобное. Контракты «Белой Хризантемы» прошли освидетельствование всевозможных комаррских инспекций, однако, если бы у кого-нибудь возникли хоть какие-то сомнения по поводу чистоты сделки, проверки бы продолжились.

Две мои рабочие гипотезы состоят в следующем. Первая. «Белая Хризантема» подкупила кого-то из инспекторов на Комарре. Теперь я вижу, что это весьма возможный вариант. Вторая. Они просчитали какой-то обходной вариант в законодательстве, чтобы скрыть свои истинные намерения, пока не станет слишком поздно. Впрочем, осуществляться могут оба плана одновременно.

Роик подумал, что не стоит, пожалуй, милорду рассказывать об этом с таким восхищением в голосе, учитывая, что Форлинкин еще не совсем

отошел после удара. Но это же милорд! Кто ему указ?

— Есть, правда, нечто, что заставило меня призадуматься. Такая схема не способствует мгновенному обогащению. Даже если комарр-ская система долевого голосования ускорит процесс многократно по сравнению с тем, как идут дела на Кибо. Маржа прибыли в сфере услуг — если это можно назвать сферой услуг — тонюсенькая. А «Хризантема» сорит деньгами, как надравшийся Фор. К чему такие сложности, если ты не доживешь до прибылей? Я не понимал этого до последнего момента, когда Винг признался сегодня вечером, что и сам решил: когда настанет время, его заморозят на Комарре.

Милорд обвел всех победным взглядом, словно ожидал аплодисментов от аудитории. Похоже, он весьма расстроился, когда вместо аплодисментов получил недоуменное внимание трех пар глаз.

Он вздохнул. Видно было, что лектор понял свою ошибку.

— Так, Майлз, поехали сначала. Как мне кажется, сейчас они проворачивают жульническую схему с двойным дном. Полагаю, что в «Белой Хризантеме» имеется внутренний, закрытый круг управляющих кадров, которые собираются

пролежать долгие годы в криостазе, а потом, когда настанут жирные времена, их разморозят. Думаю даже, если они не дураки, то в криостаз будут ложиться по очереди, чтобы кто-то из «группировки» всегда был на страже общих интересов. Пока они спокойно, планомерно и бескровно будут скупать Комарру. А может, и не бескровно — в зависимости от того, считать ранний криостаз убийством, самоубийством или вообще не считать преступлением. Перед нами план самого медленного, самого скрытного и, не могу не заметить, самого жуткого из когда-либо осуществленных завоеваний планеты.

Даже Форлинкин, услышав это слово, подпрыгнул, в ужасе раскрыв рот.

— Завоевание!

— Не знаю, как еще это назвать. Но мне нужно соединить между собой еще целую чертову прорву точек, прежде чем поставить последнюю в этом расследовании. Необходимо сейчас же запустить все имеющиеся в консульстве поисковики, главная цель — составить список персонала «Белой Хризантемы», людей, которые недавно перевели все свои активы в «Белую Хризантему Солстиса» и собираются вскоре сами туда отчалить. Судя по всему, есть основания

предполагать, что это может оказаться заговором внутри «Белой Хризантемы» — этакая группировка, которая раздирает компанию, чтобы самим свить уютные гнездышки.

— Ух ты! — восхищенно присвистнул Ворон.

Милорд наградил его радостной улыбкой.

Форлинкин запустил пальцы в волосы на голове.

— Как же нам прижать негодяев? Подкуп Имперского Аудитора — страшнейшее преступление на Барраяре, но мы-то на Кибо-Даини! Даже если это доказуемо, хотя, боюсь, мои показания сочтут необъективными, сомневаюсь, что Винга сильно накажут. Ну, максимум шлепнут по рукам.

— Вообще-то, я бы предпочел, чтобы ни одна душа на Кибо не заподозрила, что мы их раскрыли. Идеальный план мщения таков: пусть «Белая Хризантема» запустит руку в корзину печенья на Комарре так, чтобы не смогла ее оттуда выдернуть. А потом мы отрубим ее по локоть, изменив действие контрактов как раз настолько, чтобы они отказались от накопления чужих голосов. После чего они останутся тем, чем они и прикидывались: низкоприбыльной компанией по оказанию услуг. Вот это будет по-настоящему больно. А какой урок остальным! Силовая

национализация — как крайний вариант. Зато взбесит все бизнес-сообщество на Комарре, вне зависимости от того, как закон посмотрит на этот конкретный случай. Потребуется провести целое научное исследование. Боюсь, без него мы по уши погрязнем в юристах, но, если повезет, моя часть работы к этому моменту уже будет сделана.

Милорд посмотрел на Форлинкина:

— Так-с. Какого вы мнения о лейтенанте Йоханнесе? Он молод, а значит, беден и легковерен. Надежный ли он человек?

— Я… — Форлинкин замялся. — У меня никогда не было причин сомневаться в нем.

— А ваш клерк? Этот местный… Юуити… как его там… Мэтсон?

— В нем у меня также не было причин сомневаться. Впрочем, мы раньше никогда не сталкивались с подобными проблемами.

— Просто вы о них не знали, — вздохнул милорд. — Тем не менее обычные визы персоналу «Белой Хризантемы» выдавались консульством все это время.

— Да, но мы ведь только и спрашиваем: «Рабочую или туристическую?» Ну, проверяем поверхностно на предмет уголовного прошлого.

Милорд задумчиво прищурился:

— Думаю, может, стоит добавить клеточку для галочки: «Цель путешествия — изощренный захват планеты». Нет, пожалуй, не стоит.

Форлинкин, едва двигая челюстями, спросил:

— Что, если бы я не попытался вас только что заложить?

— Тогда мы бы сейчас обсуждали вас наравне с остальными преступниками. Я бы искал способы, как вас наказать. Попутно.

Милорд потянулся и расправил плечи. Роик почувствовал, что Форлинкин наконец-то задумался.

— Так, а теперь ко второму вопросу, — начал было милорд. Его тут же прервал перезвон колокольчика у наглухо запечатанной двери.

Из интеркома раздался голос лейтенанта Йоханнеса:

— Консул? Лорд Форкосиган?

— Слушаю, — отозвался милорд.

— М-м… Ваш детсадовский курьер только что объявился у черного хода. И не один.

Брови милорда взлетели вверх, у Форлинкина — сдвинулись. Ворон с любопытством наклонил голову.

— Не упустите его, Йоханнес, — приказал милорд. — Мы идем.

Дав Роику знак открыть дверь, милорд схватил трость и, орудуя ей как рычагом, поднялся на ноги.

Глава девятая

На кухне консульства было совсем по-домашнему, ну разве что многовато свободного пространства, по Джиновым меркам. Может, уютно было оттого, что за окном, выходящим в сад, висел прохладный сумрак, а по кухне разливались тепло и свет. А может, кухня выглядела кухней потому, что в раковине высилась груда посуды. Будто сюда можно зайти вот так, запросто, перекусить, и никто не будет на тебя орать. Однако Джин беспокойно заерзал, услышав на лестнице, ведущей в подвал, топот многих пар ног. Когда Мина сунула ручонку ему в ладонь и вцепилась в брата что есть сил, Джин не стал противиться.

Джин несмело постучал. Дверь открыл лейтенант Йоханнес и, едва глянув на посетителя, воскликнул «Ты!», втолкнул обоих детей внутрь, хоть и покосился на Мину непонимающе, бросил: «Ждать здесь! Не двигаться!» — и затопал вниз по лестнице, не успел Джин и трех слов выдать из хорошо отрепетированной речи о том, как в полиции у него отобрали все деньги Майлз-сана.

Поэтому появление консула Форлинкина со

взглядом крайне суровым не было неожиданным для ребенка. Зато позади консула высился наигромаднейший барраярец, когда-либо виденный Джином. Тот приходился на полголовы выше высоченного консула. В одежде, напомнившей Джину военную форму, с коротко стриженными волнистыми каштановыми волосами, уверенным квадратным подбородком, он казался старше Йоханнеса, но моложе консула. У Мины при взгляде на него отвалилась челюсть.

Барраярец настолько заполнил то, что мгновение назад казалось просторным дверным проемом, что Джин лишь через какое-то время разглядел стройного человека с аккуратной темной косой и тут же, позади всех, Майлз-сана.

Коротышка растолкал их плечом и подошел к Джину. Опрятно одетый, он выглядел совсем по-другому. Взрослее, что ли. Джин даже перепугался, да так, что на пару мгновений даже онемел. А потом набрал полные легкие, да как завопит:

— Мои зверушки! Вы же обещали позаботиться о них!

Майлз-сан успокаивающе поднял руку:

— Они в добром здравии, Джин. Я прождал тебя до полуночи, а потом передал все твои инструкции относительно них Ако. Она с радостью

взялась за дело, когда узнала, что я отправляюсь искать тебя.

— Как же вы добрались сюда?

— Пешком. Всю ночь шел.

Из-за спины Джина раздался любопытный голосок:

— Вы тоже потерялись?

— И вовсе мы не потерялись, — не согласился оскорбленный Джин, — просто немного не там повернули.

— А кто эта юная дама? Боюсь, нас не представили.

— А, это сестра, — буркнул Джин. — Я ее сюда не звал.

— У меня имя есть, — заметила девочка. — Мина. Хотите посмотреть на мои мозоли?

Майлз-сан и глазом не моргнул.

— Конечно. Большие? Уже лопнули?

— Ага! У меня от них все носки в крови.

— Мисс Мина, присядьте, пожалуйста, сюда, — Майлз церемонным движением вытянул табуретку и полупоклоном пригласил Мину сесть, словно настоящую взрослую даму, — и покажите ваши мозоли. — И сразу бросил через плечо: — Йоханнес, найдите чего-нибудь поесть для детей. Печенье. Молоко. Пряники. Что

угодно.

— А вы тот самый приятель Джина с другой планеты? — спросила Мина, стряхивая кеды и потянув заляпанные носочки. — Он мне все о вас рассказал.

— Правда? — Майлз-сан опустился на колени и помог стянуть носочки. Мина ойкала, когда вместе с ними отваливались засохшие струпья. — Вот это да! Ну и мозолищи, верно?

Он поднял глаза на Форлинкин-сана и, едва кивнув головой, отправил консула искать что-то на другом конце кухни.

— Тетушка Лорна покупает всю обувь на вырост, — объясняла Мина Майлз-сану, — поэтому они так на ногах и болтаются.

Лейтенант Йоханнес, без энтузиазма разглядывая содержимое холодильника, предложил:

— Пиво?

— Ты любишь пиво, Мина? — поинтересовался у девочки Майлз-сан. Та энергично замотала головой, так что прямые черные волосы зашлепали по подбородку. — Я почему-то так и думал. Придется что-то изобрести, Йоханнес. Разве посольские атташе не проходят подготовку в школе СБ? Импровизируйте!

Йоханнес пробормотал что-то сквозь зубы,

совсем неразборчиво. Во всяком случае, Джин не понял. Затем лейтенант провел мини-опрос среди присутствующих, выяснил, что пицца с осьминогом без лука устроит всех, и кинулся выполнять заказ. Форлинкин вернулся с аптечкой в руках, передал ее стройному с косой, который совсем не был похож на барраярца, однако и говорил не так, как говорят на Кибо.

Мина нагнулась к Майлзу и обеспокоенно шепнула на ухо:

— А во-он тот здоровяк, он ведь не полицейский, правда?

— Когда-то был полицейским, — серьезно шепнул Майлз в ответ, — теперь работает на меня. Увы, оруженосцу Роику пришлось поступиться многими принципами полицейского, когда он поступил на службу ко мне.

Здоровяк скромно улыбнулся Мине.

Девочка успокоилась, села на стульчик и позволила стройному, которого Майлз назвал Вороном и представил врачом с Эскобара, заняться ее ножками. Форлинкин внимательно наблюдал за процедурой, хмурился, но наконец вроде бы остался доволен продемонстрированными врачебными навыками и выпрямился, прищурившись на Джина. Здоровяк, названный

оруженосцем Роиком, наполнил два стакана водой и поставил на стол. Мина схватила свой и жадно выпила, Джин осторожно последовал ее примеру.

Когда наконец сухой комок, имеющий, кстати, мало общего с жаждой, растворился в горле, Джин вновь принялся объяснять, что случилась с консульскими деньгами. Форлинкин поморщился, услышав о версии насчет наркоторговцев, но Майлз-сан жестом остановил его, и консул дал Джину довести свой сбивчивый рассказ до конца, а уж потом проговорил:

— Мы знаем. Мы проследили за конвертом до самого хранилища вещественных доказательств в полиции. Видели и сообщение о твоем аресте.

Значит, они ему все-таки верят! Ну, это уже кое-что.

— Ага, — вмешался Майлз-сан, — и я просто уверен, что консул очень благодарен тебе за то, что ты держал язык за зубами и его репутация не пострадала. Не правда ли, Форлинкин?

Форлинкин поджал губы. На лице его было трудно прочесть благодарность, однако консул выдавил:

— Конечно.

Затем прозвучала серия мастерски заданных

вопросов. Некоторые — Джину, хотя многие достались Мине. В результате опроса Джин нехотя признал, что Майлзу удалось вытянуть всю и полную историю Джинова побега от тетушки с дядюшкой. Когда вернулся Йоханнес с целой грудой коробок пиццы, двумя литрами молока и пивом, Джин понял, что Майлз-сан выведал абсолютно все о тетушке Лорне, дядюшке Хикару, кузенах Тецу и Кене. Джин чувствовал себя просто голым.

Майлз-сан подставил табуреточку к раковине и заставил Джина с Миной вымыть руки, затем и сам вымыл, словно следуя хорошему примеру. Йоханнес только рот раскрыл, когда Майлз влез на ту же самую табуретку. Однако лейтенант глянул на каменное лицо Роика и прикусил губу. Затем Майлз-сан, консул, Джин и Мина уселись вчетвером за стол, а значит, заняли все стулья. Роик и остальные прислонились к стойке. Поставив пиццу и рулон одноразовых салфеток на стол, лейтенант сообщил:

— Я посмотрел новости по комму. Оба ребенка в розыске со вчерашнего дня. Значит, их сейчас разыскивает каждый полицейский в городе.

Консул Форлинкин тяжело опустил лицо в ладони.

Джин подскочил в волнении:

— Не сдавайте нас!

Майлз жестом вернул его на стул.

— Никто ничего не предпримет, пока мы не поедим. — Взглянув на ароматные яства, спросил: — Как? Без овощей? Разве вам обоим не нужно есть овощи?

— Нет, не нужно! — ответила Мина.

Джин выступил в поддержку, энергично помотав головой.

Майлз попробовал кусочек.

— А и впрямь не надо. И так полезно. И вкусно.

Мину уговаривать не пришлось, она с готовностью запустила зубки в первое за два дня горячее блюдо. Джин, изнемогая от запаха, последовал ее примеру. Ох, и вкусная была консульская пицца! Не чета замороженным продуктам от тетушки Лорны… Консул едва прикоснулся к пиву, Майлз-сан выбрал воду, а здоровяк Роик сильно удивил Джина тем, что, налив молока Джину и Мине, наполнил стаканчик и себе.

Все это вполне могло бы отвлечь внимание и успокоить мальчика, если бы не Форлинкин. Проглотив первый же кусочек, он заявил:

— Консульство не может скрывать беглецов, лорд Форкосиган. Опекуны, должно быть, сходят

с ума.

— А мы и не хотим здесь оставаться, — сказал Джин. — Мне нужно спешить к своим животным.

Майлз-сан сделал в воздухе жест надкусанной пиццей:

— А если мы даем убежище?

— Если это шутка, то не смешная, — ответил Форлинкин. — Вы хоть чуть-чуть представляете, насколько сложны юридические препоны, когда речь идет о политическом убежище для несовершеннолетних?

— Смею заверить, я не шучу, — мягко сказал Майлз, — однако давайте подождем, пусть дети поедят.

Форлинкин выпятил челюсть, кивнул. После того как Джин и Мина наелись, а Йоханнес раздал еще салфеток и по-домашнему убрал остатки еды в холодильник, Майлз-сан откинулся в кресле и предложил:

— Давайте-ка все переберемся вниз. Там кресла поудобнее.

Остальные барраярцы как-то странно на него посмотрели. Джин же, припомнив любимый послеобеденный лозунг дядюшки Хикару («*Ну, с трибуны — в ложу!*»), полностью согласился

с предложением. Однако спустившись вниз, неспешно следуя за Майлзом, Джин обнаружил в комнате лишь четыре кресла. К тому же все какие-то офисные, вращающиеся. Майлз-сан жестом указал на два кресла, усадив в них Джина и Мину, сам занял третье, предоставив оставшимся троим мужчинам разобраться самим. Йоханнес присел на краешек длинного стола у стены, Ворон-сенсей устроился так же, Форлинкин, поджав губы, занял четвертое кресло.

— Вот забавная комнатка… И комм-пульт здесь есть, — заметила Мина, разглядывая все вокруг и болтая ножками. На ножках теперь красовалась пара носочков — подарок от Майлза, чтобы не испачкать бинты. Когда Роик закрыл дверь и вежливо сел у входа, скрестив ноги, в комнате стало вдруг так тихо, что Джин в первый раз подумал: а не подверг ли он сестру опасности, приведя сюда? И совсем не выдачи полиции он теперь опасался. Майлз-сану вроде бы можно доверять. Иначе Джин схватил бы сестру и бросился к выходу. Только вот если взглянуть на дверь и на Роика… Не поздно ли он задумался о побеге?

Майлз-сан сложил ладони между коленями и начал:

— Дети, секретарь Сьюз рассказала мне кое-что

о вашей маме. Поэтому, вернувшись сюда, я поискал информацию о ней в планетарной сети. И обнаружил много любопытного. Никак не могу разобраться, почему ее заморозили. Ее, не больную и не умирающую, даже не осужденную за преступление.

Вкусный обед в желудке Джина вдруг превратился в свинцовый груз.

— Что вы — вы оба — помните о маме? — продолжил Майлз-сан. — Только не как о маме, а скорее о ее работе, интересах. Особенно о том времени, когда ее арестовали.

Джин и Мина грустно переглянулись. Джин ответил:

— Маме редко говорила с нами о работе. Когда у нее были дела, просто оставляла нас у тетушки Лорны, если я не был в школе. Тогда оставляла только Мину.

— Тетушка Лорна не очень-то любила с нами сидеть, — добавила Мина.

— Угу. Говорила, я, мол, не нанималась и нечего на меня такую работу навешивать.

— А еще говорила, что папу ей, конечно, жалко, но если б мама действительно нас любила, то сама бы с нами дома сидела.

Мина отвернулась, насупив бровки.

Джин торопливо добавил:

— Она так говорила, только когда уж очень поворчать хотела.

Не то чтобы он вдруг возлюбил тетушку Лорну — просто эти барраярцы все же были чужеземцами. Как-то странно говорить с ними так о своей семье. А еще мама всегда учила поступать по справедливости.

— Разве мама никогда не брала вас с собой на свои собрания?

Мина покачала головой:

— Она сказала, это не для детей. И еще, что нам будет скучно и мы начнем шуметь.

— М-да… — Майлз-сан потер подбородок. — Мне в возрасте Джина частенько позволялось принимать участие в отцовских совещаниях с его э-э… коллегами. А дед, в свою очередь, брал на такие совещания отца. Я очень многому научился, просто общаясь, варясь в общем котле. Тогда я этого еще не понимал. Конечно, от меня требовалось либо помогать, либо помалкивать. Иначе меня, естественно, выдворяли.

Джин нахмурился.

— Нельзя просто выйти, и все. Мы же были не дома. Маме бы пришлось отрываться от дел и отвозить нас домой.

— Разве она не могла приказать… А, ладно. А дома у вас таких собраний не проводилось? По вечерам, например?

— Да у нас и места столько в квартире не было.

— Что же, никто не приходил в гости? Вообще никогда?

Джин отрицательно покачал головой. Заговорила, к его удивлению, Мина:

— Приходили один раз ее знакомые дяденьки. Очень поздно приходили.

— Когда же это было?

Мина облизала нижнюю губу.

— Ну, еще до ареста.

— Незадолго до?

— Вроде бы незадолго.

— Я такого не помню, — вставил Джин.

Мина вскинула голову:

— Потому что ты спал!

— А что разбудило тебя? — поинтересовался Майлз-сан.

— Они спорили на кухне. Так громко, что я испугалась. И еще мне надо было в туалет.

— А ты помнишь, о чем они спорили? Хоть что-нибудь, о чем они говорили?

Мина наморщила лобик.

— О корпорациях там… о деньгах. Да они всегда

разговаривали о корпорациях и о деньгах, только в тот раз сильно расшумелись. Джордж-сан так говорил, что аж прямо громыхало, а мама быстро говорила, громко очень. Только вот совсем не как сумасшедшая. А новый дяденька вопил что-то вроде: «Это не временное пере… перепятствие! Это поставит все корпорации на колени!» А потом он вышел в коридор, тоже в туалет, и натолкнулся на меня. И тогда мама дала мне мороженого, а потом положила спать и сказала оставаться в постельке.

— А ты знаешь этих людей? Ты их раньше видела?

Мина кивнула:

— Знаю Джордж-сана, хороший дядя. Он часто за мамой заезжал. И старенькую миссис Теннодзи знаю, она всегда надушенная. А новенького они называли Либер-сенсей.

— А остальных ты по именам помнишь? А ты, Джин?

Оба покачали головами. Майлз-сан попробовал подсказать:

— Может быть, Джордж Суваби?

— Может, и был такой, — неуверенно ответила Мина.

— Период времени, о котором ты рассказыва-

ешь, очень интересен. И персонажи тоже. Чую, есть здесь подвох, ой какой подвох! — Майлз-сан встал и принялся вышагивать по комнатушке взад и вперед. Шикарную трость (не ту, вырытую из горы отбросов у Сьюз) он оставил у кресла. — Имена Суваби и Теннодзи всплывали в просмотренных мной отчетах. А вот доктора Либера там, признаюсь, не было. Интересное отсутствие, не правда ли? И главное, не вызывает отсутствия интереса! Интересно, кто же этот доктор?

Голос Форлинкина прозвучал, словно консула втягивали во все это помимо его воли:

— Можно ведь разыскать их и узнать больше.

— Только не Суваби и Теннодзи — эти мертвы. По-настоящему гниют в земле. Насчет доктора даже не знаю. Наверно, его и след простыл. Вряд ли мы его найдем, если Либер улетел на другую планету или ушел в глубокое подполье, чтобы спрятаться от корпораций. Куда как результативнее разбудить Лизу Сато и спросить у нее.

Мина ахнула и вскочила на ножки, уставившись на Майлз-сана безумными глазенками:

— Вы и вправду можете вернуть мамочку? Вправду?

Майлз сообразил, что сказал.

— Э-э…

Сердце Джина замерло в груди. Его чуть не стошнило от умоляющего взгляда Мины.

— Нет, конечно, он не может этого сделать. Это просто глупая шутка, — сердито ответил он.

Рука Майлза потянулась к груди и схватила что-то под сорочкой. Словно кулон, показалось Джину.

— Проклятье! На Барраяре я бы просто *приказал*!

— Мы не на Барраяре, — почти беззвучно заметил сержант Роик.

До этого Джин и не слышал, чтобы здоровяк говорил.

Майлз-сан отмахнулся: «Да, да…» Джин, правда, не понял — то ли соглашаясь, то ли нет.

На Мину было жалко смотреть, губы ребенка дрожали.

— Так очень… очень нехорошо шутить. Если не можете этого сделать, то зачем вообще говорить…

— Так шутить, конечно, нельзя, — ответил Майлз, глядя по какой-то причине в глаза Ворону. — Можно ли мне было вообще говорить об этом? С технической точки зрения?

Ворон-сенсей почесал подбородок.

— С технической — можно. Однако прошу

покорнейше простить, если я не прав, но медицинский аспект данного вопроса — наименьшая из наших забот.

Майлз-сан простил Ворона мановением руки.

— Если конечно предположить, что, во-первых, криоподготовка была проведена корректно… Если она вообще имела место.

Майлз-сан снова заходил из стороны в сторону, прищурившись и размышляя вслух:

— Гм… Не вижу причин, почему бы криоподготовка не была проведена. Прошу заметить, мы не только не на Барраяре, но и не на Архипелаге Джексона. Что нам понадобится для операции? С технической точки зрения?

— Прилично оборудованная лаборатория для вывода из криостаза. Для этой процедуры мне бы не хотелось пользоваться тазом для стирки здесь, в подвале консульства. Конечно, если мы хотим избежать осложнений.

— Нет, никаких осложнений мы допустить не можем. Подчеркиваю, никаких.

Он украдкой глянул на Джина и Мину.

Ворон-сенсей кивнул.

— Потребуются стандартное медицинское оборудование и материалы, искусственная кровь, ну и так далее.

— Если бы я нашел вам лабораторию, смогли бы вы раздобыть необходимые материалы?

Ворон-сенсей унесся взглядом в дальние дали.

— Законным образом или как?

Молчание.

— Не имея, в сущности, ничего против законных способов как таковых, я, тем не менее, не могу позволить себе роскошь оставлять следы, по которым нас можно будет легко вычислить. Так что альтернативные поставщики вполне сгодятся. При условии, конечно, что их товар — надлежащего качества.

— Это само собой разумеется. А каким образом мы можем заполучить нашего клиента под свою опеку?

Теперь в дальние дали унесся взгляд Майлз-сана.

— Вот тут есть над чем поразмыслить…

— Лорд Форкосиган, — прервал его Форлинкин, — о чем вы, черт подери, тут рассуждаете!

Джин опять не понял: то ли Форлинкин действительно не знает, то ли знает, но хочет поспорить. Очень хочет.

Майлз вновь сделал жест рукой:

— За сколько ниточек в этом клубке загадок Кибо-Даини не потянешь, все они, похоже, ведут

к Лизе Сато. И дальше не распутываются. Полагаю, я смог бы разрубить весь этот узел одним махом, будь у меня возможность ее допросить. В смысле, поговорить с ней. Что-либо обещать мне кажется преждевременным, но чем больше я об этом размышляю…

— Преждевременно! Да это просто безумие!

Майлз-сан взглянул на консула ободряюще.

— Подумайте, Форлинкин. Ведь это разом решит все ваши проблемы с эмиграцией детей. Их мать — ближайший взрослый родственник.

— С каких это пор проблемы стали… Ладно, молчу.

На лице Майлза блеснула какая-то странная улыбка, которую Джин не понял.

— Вот и замечательно, Форлинкин.

— Да о чем вы все талдычите?

Мина была готова разреветься.

Улыбка вмиг сбежала с лица Майлза, он упал на колено перед креслом девочки.

— Сейчас все объясню. Видишь ли, Мина. Меня сюда прислало мое правительство. Прислало распутать хитроумные, гадкие махинации, которые одна из криокорпораций Кибо пытается провернуть на планете моей империи. Думаю, твоя мама может ответить на мои вопросы или,

по меньшей мере, рассказать мне много нового. А еще так уж случилось, что доктор Дюрона, — Ворон-сенсей мило помахал Мине длинными пальцами, — один из лучших специалистов по разморозке. Он работает на меня, вот мне и пришла в голову такая мысль. Понимаешь, прежде чем я возьмусь за то, чтобы вернуть твою маму, необходимо обеспечить три вещи. Во-первых, нужно исключить любую опасность с медицинской точки зрения. Думаю, это — задача для Ворона. Во-вторых, необходимо найти маму и увезти оттуда, где она сейчас находится, так, чтобы и травинка не шелохнулась. Это — моя задача. А после необходимо защитить ее от возможного ареста и повторного заключения, иначе все наши труды пойдут насмарку. И эту задачу мы возложим на консула Форлинкина.

От такой новости Форлинкин приобрел вид слегка обалдевший. Однако стоило ему поймать напуганный взгляд Мины, и консул ответил девочке беззаботной улыбкой. Первой, осветившей его лицо, заметил Джин. Ох уж эти девчонки! Джина-то никто не одаривал такими улыбками, когда мальчик пугался. Обычно лишь брезгливо и сурово советовали не распускать нюни.

— Кстати, Форлинкин, — бросил Майлз через

плечо уже сухим тоном, — каковы ограничения политической и юридической протекции, которую консульство может оказать госпоже Сато, когда… э-э… та освободится от опеки? Вы ведь не полноправное посольство, не так ли?

Форлинкин неохотно пояснил:

— Если говорить о бюджете, то мы скорее отделение посольства на Эскобаре. Но, с юридической точки зрения, мы — более чем консульство, так как являемся единственным постоянно действующим представительством Барраяра на Кибо. Так что вопрос может оказаться весьма спорным.

— Весьма спорные вопросы требуют много времени на разрешение. Что ж, может, это именно то, что надо.

Майлз-сан вновь поднялся и зашагал по комнате.

Мина утихомирилась в своем вращающемся кресле. На лице застыла надежда пополам с непониманием. Джин вдруг почувствовал, что вцепился в подлокотники кресла с такой силой, аж ногти побелели, и медленно ослабил хватку. Крик Мины вихрем вертелся в голове: «Вы можете вернуть мамочку? Вправду? Вправду, можете? Вправду?» Да что этот чужак-коротышка о себе возомнил? Джин решил, что работа Май-

лза как-то связана со страховкой: тот сказал, что прилетел сюда делегатом на конференцию. Вроде бы не доктор, при этом все зовут его Аудитором. Наверно, страховой агент. Нет, это как-то скучно. Скорее агент по мошенничеству со страховкой. Во всяком случае, о мошенничестве он, похоже, знает много.

— Сначала — о главном. Йоханнес, какими транспортными средствами располагает консульство?

Йоханнес вздрогнул, словно сидел себе спокойненько, смотрел пьесу, и вдруг один из актеров со сцены его окликнул.

— Э-э… У нас есть штатный лимузин, большой флаер и мой личный гравибайк.

— Большой флаер вполне подойдет. Тогда завтра берем Джина и Ворона и отправляемся за Джиновым зверьем, чтобы мальчик перестал о них постоянно волноваться. Да и моя совесть будет чиста.

Потрясенный и смущенный, Джин поднял глаза. Разве барраярцы не собирались его отпустить? С другой стороны, если животные будут с ним и при этом не надо будет идти ни в школу, ни к тетушке Лорне, какая разница, где оставаться?

— Вообще-то, консульство не предназначено

для содержания зверинца, — подал голос Форлинкин.

— Да им здесь будет как раз очень здорово, — уверил его Джин, в страхе снова потерять зверье. — Здесь так много места, а двор обнесен оградой. И вовсе они вам не помешают.

— А какие… Ладно, молчу. Продолжайте, лорд Форкосиган.

— А я в то же время вместе с Вороном навещу Сьюз сотоварищи, проинспектирую лабораторию. Может быть, нам удастся избежать переоборудования прачечной консульства в лабораторию по выводу из криостаза? — Правда, прозвучало это так, словно подобное переоборудование не остановило бы его надолго. — Будем надеяться, у Сьюз есть лаборатория, подобная той, что мы видели сегодня. Если, конечно, там не все разрушено.

Джин с сомнением заметил:

— Если хочешь получить что-нибудь от Сьюз-сан, лучше разговаривать с ней с утра пораньше, пока трезвая.

— С этим мы справимся, — ответил Майлз, — и тогда, если оборудование окажется пригодным к работе, можно сделать следующий шаг.

— В чем состоит следующий шаг?

Голос Форлинкина звучал зачарованно. Словно он наблюдал автомобильную аварию. В замедленном изображении. Изнутри салона.

— Доставка госпожи Сато.

— Как?

— Мне придется еще кое-что разузнать, чтобы выработать оптимальную стратегию. Согласно данным, находящимся в общем доступе, она содержится на территории «Нового Египта» здесь, в «Криополе», в Нортбридже, что очень даже удобно. — Губы Майлз-сана растянулись в хищной улыбке. — Вспомним старые добрые времена.

Роик встревоженно выпрямился:

— А что там Рон Винг говорил насчет торговли контрактами? Может, у нас получится… ну, не знаю… выкупить ее, что ли? Тихо, мирно и, так сказать, через кассу. — Потом подумал и добавил: — Или пусть из-под полы, но тоже тихо и мирно.

Майлз-сан даже приостановился, захваченный такой идеей.

— Весьма изобретательно, Роик. Однако следует помнить: она не просто клиент с криоконтрактом. Боюсь, стоит кому-то проявить интерес к Лизе Сато, и его не оставят без внимания. — Он

продолжил вышагивать по комнате. — Хотя эту идею стоит припасти. Можно будет ей воспользоваться, заметая следы задним числом.

Роик вздохнул.

— В идеале, — продолжил Майлз-сан, — все нужно организовать так, чтобы ее вообще не хватились.

— Криохранилища коммерческие, поэтому хорошо охраняются и постоянно проверяются, — сообщил Ворон-сенсей. — Придется как-то обмануть датчики состояния пациента. Либо примитивно подсунуть им другого криопациента. Тогда датчики будут показывать то, что надо, а правду они узнают, только когда вытащат и развернут замороженного.

Майлз-сан наклонил голову набок, словно Вихрь над лакомым кусочком мяса.

— Сыграем в старый добрый наперсток, а? Что ж, может оказаться весьма действенным. Можно занять кого-нибудь у Сьюз. Видит Бог, на этой планете нет недостатка в замороженных трупах…

Форлинкин поперхнулся.

— Вы хоть понимаете, сколько преступлений только что теоретически совершили?

— Не знаю, однако вы очень даже кстати можете подготовить их список, на случай если это

понадобится адвокату. В экстренной ситуации поможет ускорить процесс.

— А я-то думал, что задача Имперского Аудитора — обеспечивать законность!

У Майлз-сана приподнялись брови:

— Вот еще! Откуда у вас такая нелепая идея? Задача Имперского Аудитора в том, чтобы решать проблемы Грегора. Грязные ублюдочные криокорпорации на ваших глазах попытались оттяпать треть его империи. А это и есть проблема. — Губы Майлза улыбались, глаза же сверкали, и Джин внезапно понял, что где-то в глубине этих глаз затаилась ярость. — Я пока не принял решения.

«И кто еще такой этот Грегор? — подумал Джин. — Начальник страховой фирмы Майлза?»

Мина, потихоньку крутясь на кресле, придвигалась к Джину. А потом все услышали громкое хлюпанье. И Майлз-сан, и Форлинкин закрутили головами. Майлз поднял руку и качнулся в ее сторону, остановился, подал знак Джину. Тому пришлось весьма неуклюже потрепать сестру по плечу, отчего ее глаза наполнились слезами.

— Лорд Форкосиган, во имя всего святого, хватит на сегодня, — потребовал Форлинкин. — Оба ребенка совершенно измотаны.

«Оба» — совершенно не понравилось Джину. Глаза тут же зачесались, словно плач Мины оказался заразным. Столь долгожданное сочувствие оказалось совершенно ненужным — из-за него от былой решимости не осталось и следа. От брезгливых и суровых советов такого не было.

— Ну конечно, — мгновенно отреагировал Майлз. — Немедленно в ванную. Роик уступит им обе свои комнаты. Он вполне может переночевать в моей. Чистые футболки отлично заменят пижамы. Найдутся ли зубные щетки?

Джин обнаружил, что Майлз и Форлинкин порознь и в споре не так страшны, как они же, оба скованные общей целью. Обыденная возня с подготовкой ко сну остановила слезы. Джин полагал, что Мине консульство покажется значительно более странным заведением, чем ему. Он-то все-таки и в парках спал, и где только не вил себе гнезда у Сьюз-сан.

Форлинкин выдал им нечто причудливое: ультразвуковую зубную щетку. Правда, Джину и Мине пришлось ей делиться. Между обоими пользователями щетка совершила путешествие в футляр-стерилизатор.

В конце концов дети улеглись на чистые простынки в уютной, теплой комнате. Джин

подождал, пока дверь закроется и шаги взрослых затихнут внизу. Затем выбрался из-под одеяла и включил свет у кровати. Мина тоже отбросила одеяло в сторону и помогла брату извлечь коробку с Леди Мурасаки из своего рюкзачка. Девочка внимательно смотрела, как Джин открыл крышку, чтобы дать паучихе свежего воздуха. Потом помогла покормить ее маленькой бежевой рассыпающейся бабочкой, которую они подобрали заранее. Джин в это время пальцами блокировал пленнице пути отхода. Затем пластиковая коробка перекочевала на столик между их кроватями.

— Она ее съест?

Мина пристально вглядывалась в содержимое коробки.

— Не знаю. Может, она только живой пищей питается.

Мина задумчиво нахмурилась.

— У них тут такой здоровенный сад. Наловим завтра еще жуков!

Блестящая мысль! Джин нырнул обратно под одеяло. Мина дотянулась до выключателя, чтобы полоска света из-под двери не выдала их.

Через некоторое время из темноты раздался шепот Мины:

— Ты правда думаешь, что этот твой инопланет-

ный дядя может вернуть мамочку? Ведь больше это ни у кого не получилось.

А что, кто-нибудь пытался? Об этом Джин ничего не знал. Майлз-сан, весь такой щеголеватый, всегда начеку, собранный и беспокойный, оказался непростым знакомцем. Джину безотчетно нравился тот, другой, неряшливый и беззащитный наркоман. И еще мальчика не покидало смутное ощущение, что он привел в действие какую-то силу, которую теперь уже не мог остановить. И оттого, что он не знал, нужна ли ему помощь этой силы, лучше не становилось.

— Я не знаю, Мина, — сказал он в конце концов. — Тихо. Давай спать.

Он повернулся на другой бок и скрылся под одеялом от всех проблем.

* * *

Роик нырнул вслед за консулом Форлинкином в комнату связи, где уже расположился милорд, с головой ушедший в комм-пульт. Рядом сидел Йоханнес, Ворон, нависая над ними, выдавал советы столь же мудрые, сколь и бесполезные. Изучали они неизвестно откуда добытые планы сооружений «Нового Египта». Милорд решил-таки посвятить Йоханнеса в предстоящую работу,

пусть даже под давлением обстоятельств. Ох и обрадовался же Роик: наконец хоть какой-то напарник! Неопытный, но не без знаний. А как у него глаза загорелись, когда начался «курс молодого бойца» по подготовке диверсионной операции! Инструкторы имперской школы СБ могли бы гордиться Йоханнесом.

Майлз повернулся в кресле на колесиках к вновь прибывшим.

— А, Форлинкин, отлично. Этот ваш клерк, Мэтсон, он ведь придет сегодня на работу, как обычно?

— А что?

— Не думаю, что детям удастся не шуметь и обойтись без его внимания в столь маленьком доме. Придется ему объяснить, что они свидетели по одному делу. Поскольку дети в опасности, мы взяли их под защиту. Думаю, для него этого хватит.

— А это правда? — спросил Форлинкин.

— Как мог стать дипломатом человек, который так упорно отказывается врать? Кстати, поверить не могу, что вы, при всех своих дипломатических знаниях, не сочли возможным восхититься мозолями мисс Сато. Откуда эта вселенская женская убежденность, что, стоит им прихворнуть, как

они должны стать центром всеобщего внимания? Судя по моей дочери, Елене, убежденность эта возникает в невероятно юном возрасте.

— Вы говорили что-то по поводу опасности. — Роик восхитился консулом — тот отказался следовать за полетом фантазии милорда. Судя по тому, как горели глаза Майлза, милорд находился в значительно более возбужденном состоянии, чем его собственные дети после сказки на ночь, рассказанной отцом. — Эта опасность реальна? Потому что в противном случае совершенно бессовестно скрывать этих детей от их настоящих опекунов.

Майлз заговорил более трезво:

— Возможно. Идет расследование, а это значит, что не все ниточки приведут к цели. Иначе не было бы нужды в расследовании. Но не думаю, что Лизу Сато могли лишить свободы столь безжалостным и жестоким образом без серьезной на то причины. А это значит, что, когда мы ее разбудим, опасность только возрастет. — Он сжал губы, подумал. — Полагаю, Джин неверно судит о роли своих дяди и тети. Возможно, что не только лишь отсутствие средств не позволяет им сражаться за свободу своей родственницы. Не исключено, что они находятся под серьезным давлением.

— Гм, — только и сказал Форлинкин.

Роик был абсолютно убежден, что, как только судьба этой несчастной замороженной женщины пересекла путь милорда, иной ход событий стал совершенно невозможен. Это хуже, чем крутить веревочкой перед носом у кота. Только вот Форлинкину он этого объяснять не станет — личный оруженосец должен быть предан мыслью, словом, делом. Правда, не обязан быть слепцом.

— А будь Джин и Мина вашими детьми, захотели бы вы, чтобы какой-то чужестранец, можно сказать, похитил их и использовал в своих целях? — настойчиво гнул Форлинкин. — И не важно, что намерения у него добрые.

— В свою защиту смею заметить, что сюда они пришли сами. Однако если бы я погиб, мою вдову заморозили, а дети попали в руки людей то ли не способных, то ли не желающих им помочь, чего бы я хотел? Не думаю, что был бы столь щепетилен в вопросе, откуда явился человек, который вернет их Екатерине. Я бы осыпал его благословлениями с того света. — Милорд развернулся и побарабанил пальцами по комм-пульту. — Бедняга Джин, глядя на него, не могу не вспоминать свою утраченную бабушку!

— Утраченную бабушку? — заинтересовался

Ворон, опершись о консоль. — Не знал, что у вас вообще есть бабушка.

— У большинства людей их целых две! У вас, разумеется, нет. Моя бетанская бабка жива, здорова и по сей день несгибаемо уперта. Если вы с ней познакомитесь, гораздо лучше поймете мою мать. То, о чем я говорю, — уже барраярская история, история судьбы принцессы-графини Оливии Форбарры Форкосиган.

— Кровавая, должно быть, история, осмелюсь заметить, — вставил Ворон и жестом попросил милорда продолжать.

А того и не требовалось долго уговаривать. Сидевший рядом Йоханнес замер, восхищенно усваивая информацию.

— Жуть какая кровавая! Если бы вы изучали историю Барраяра, — впрочем, кто ж от вас этого потребует? — вы бы знали, что в давние-предавние времена (как вы знаете, лучшие истории начинаются именно так) эскадроны смерти императора Юрия Безумного пытались вырезать мою семью, вследствие чего началась гражданская война. Закончилась она, естественно, расчленением Юрия. И так много людей желали получить на память кусочек его тела, что им пришлось даже делиться, знаете ли. Расстрельная команда

казнила бабушку прямо на глазах отца — кошмарное зрелище. Ему тогда было одиннадцать, отчасти поэтому Джин так напоминает мне всю эту историю. Видите ли, в чем дело… Несмотря на все ужасы того дня, несмотря на последовавшую войну, никто не посмел *отрицать и отказывать* отцу в том, что он все это пережил. А у Джина просто внезапно и несправедливо отняли мать и отказали в праве на горе. Ни похорон, ни траура, ни даже протеста. Ни мести — то есть отказали в каком-никаком удовлетворении от мысли о том, что в царство смерти ее сопровождала процессия врагов. Для Джина с Миной лишь… тишина. Мерзлая, мертвая тишина.

Мертвая тишина повисла в комнате связи консульства Барраяра.

Форлинкин откашлялся и, опершись рукой, уставился в комм-консоль.

— Итак, Лорд-Аудитор. И… гм… как же нам вернуть этой женщине голос?

Глава десятая

— Не сядьте на цыплят! — командовал Джин, обеспокоенно свесившись через спинку кресла между Йоханнесом, пилотировавшим флаер, и Майлзом, сидевшим с пассажирской стороны.

Йоханнес поморщился и потихоньку двинул флаер под навес Джинова убежища на крыше. Машина зависла, и Джин спрыгнул, убрал с дороги кофейный столик, заглянул под флаер, успокоился и жестом показал Йоханнесу, куда поставить флаер. Пилот осторожно посадил аппарат на крышу. Из-под навеса с противоположного конца «комнаты» на них смотрела женщина: руки в боки, подозрительный взгляд. Правда, она улыбнулась Джину, который, пританцовывая, бросился к ней. Вой двигателей флаера затих.

— А вот и Ако. Молодец, не подвела. — Майлз-сан открыл сдвижной люк. — Оставайтесь в машине, ждите моего сигнала, — бросил он через плечо, — а не то затопчем несчастную дамочку.

Он еще хотел добавить, что если выпрыгнут все, то будет похоже скорее на цирковой тарантас с клоунами, но промолчал. Йоханнес и Ворон молча кивнули. Правда, в молчании Роика отчет-

ливо слышалось неодобрение Майлзова решения двинуться в авангарде.

Ако явно пыталась покормить Вихря. На ней были толстенные кулинарные рукавицы. А еще она размахивала, словно мечом, длиннющей вилкой, на конце которой болтался кусок сырого мяса. Ако приветственно махнула Джину, а птица в это время рванулась вперед и схватила скользкий кусок. Резкий поворот головы, и мясо исчезло в глотке. Ако подпрыгнула.

— Знаешь, он кусается, — словно извиняясь, сообщила она Джину.

— Ну, не *очень* сильно, — возразил тот.

— Да? А мне в первый раз понадобилась мазь с антибиотиком и бинты, так что не надо мне такого *«не очень»*. Только и радости, что птичка мне палец не оттяпала! — Она снова уперла руки в боки и воззрилась на Майлза: — Значит, вернулись. Ну и перепугали же вы меня, прокравшись сюда на флаере.

Майлзу только и оставалось, что надеяться: действительно прокрались. Конечно, от серьезных сканеров им укрыться не удалось. Что ж, навес на крыше скроет их дела при утреннем свете от сторонних любопытных глаз. Если уж не тайно, то хотя бы не явно.

— Я уже решила, что вы не вернетесь, думала, что делать со всем этим зверьем. Но вы в конце концов нашли Джина.

Майлз прочитал по глазам, что она и не верила, будто он отправится на поиски Джина.

— У нас обоих на пути возникли непредвиденные обстоятельства, — пояснил Майлз. — Вообще-то, это Джин меня нашел. Во всяком случае, теперь мы вместе. Огромное спасибо за заботу о его животных. В них — вся его жизнь.

Она фыркнула, не без удовольствия приняв похвалу за свои труды.

— Уж это точно.

Джин быстренько проинспектировал свой зверинец, пересчитал цыплят.

— Майлз-сан обещал взять меня и моих животных с собой. На время, — сообщил он Ако.

Ее брови сошлись на переносице:

— Правда?

— Да, и мне нужно поговорить об этом с госпожой Сьюз, — подтвердил Майлз.

Ако вроде бы немного успокоилась при таком проявлении честных намерений.

— Тенбери сказал, вы, кажется, вроде обучаетесь у него на лаборанта-медтехника?

Майлз надеялся, что, если все пойдет как за-

думано, они еще пообщаются. Так что лучше успокоить ее.

Ако, напротив, внутренне напряглась.

— Я помогаю с уборкой и вообще. В нашем медпункте.

— Я так и хотел сказать.

Майлз махнул рукой пассажирам. Кордебалет вывалил наружу. Джин упростил задачу Майлза и взял на себя труд представить всех. Оно и к лучшему: вряд ли у Майлза это получилось так естественно.

— Это Ворон-сенсей, наш друг с Эскобара. Это Роик-сан, он работает на Майлз-сана. Это лейтенант Йоханнес. Он хороший.

Ако наклонилась к мальчику и шепнула:

— Джин, они ведь не полицейские, правда? Ты же понимаешь…

— Не-а… Они с Барраяра, это другая планета.

Ако прикусила губу, но ей не оставалось ничего другого, кроме как удовлетвориться этим временным объяснением. Она наблюдала, как мужчины распределяют роли: Йоханнес и Роик остались у флаера, пока Джин не вернется, чтобы последить за разгрузкой. Ворон и Джин отправились сопровождать Майлза.

— Мне бы лучше пойти с вами, — шепнул Роик

на ухо Майлзу.

— У этих людей есть свои, вполне понятные причины опасаться незнакомцев. Если мы навалимся на них всей толпой, я не добьюсь желаемого, а ты один — как целая толпа. — Майлз постучал пальцами по комму на запястье. — Понадобишься, вызову.

Роик ответил своим классическим вздохом, краткой формой любого возможного спора с Майлзом. Милорд позволил Джину отвести себя и Ворона вниз по лестнице башни обменника. Ако отправилась за ними, правда, только до кухни. Там Майлз предусмотрительно захватил с собой полный кофейник и несколько кружек. Ако проводила их взглядом до лестницы в покои Сьюз.

Майлз постучал и, пока они ждали ответа, повернулся к Джину:

— Давай-ка я расскажу ей обо всем сам, по-своему. Я тебе дам знать, когда можно вступать.

Джин, переминаясь с ноги на ногу, сглотнул и кивнул.

Из-за двери послышалось неспешное шарканье, затем приоткрылась щелка. Выглянул изможденный глаз.

— Опять ты! Я-то надеялась, что мы от тебя

насовсем избавились. — Она прищурилась на Джина: — И от тебя тоже! — Глаз переместился на Ворона: — А это еще что за черт?

— Ворон Дюрона, с Эскобара, — с готовностью ответил Ворон. — Рад с вами познакомиться.

— Это друг, — пояснил Майлз. — А друзьям обычно говорят: «Заходи, друг!» — Он помахал кофейником. — Можно нам войти?

— А-а…

Неохотно, не спуская глаза с кофейника, Сьюз отступила. На ней была та же черная болтающаяся хламида, что и раньше. Наверное, то была одновременно и пижама. В кабинете висел все тот же старческий запах. Сьюз подошла к окну и установила поляризацию так, чтобы впустить на каплю больше утреннего света. Жестом пригласила Майлза, кофейник, кружки и всю свиту к своим раздолбанным стульям.

— Вижу, бумажник свой ты нашел, — заметила она, усаживаясь напротив.

Майлз кивнул, и Джин бросился наливать всем кофе.

— Да. И багаж, и друзей. В общем, я снова при деле.

— Это при каком же? Спасибо, Джин.

— Я, некоторым образом, следователь.

Кружка Сьюз задержалась на пути к губам. Морщинистое лицо застыло в ужасе.

— Моя работа никак не связана с официальными властями Кибо, — добавил Майлз.

— Он специалист по мошенничеству со страховкой, — услужливо вставил Джин. — Он не полицейский. И не врач, и не юрист, хотя действительно приезжал на конференцию. А вот Ворон-сенсей — врач.

У Майлза брови поползли на лоб от такого описания собственно персоны. Ясно, что надо как-нибудь отвести мальчика в сторонку да разъяснить ему, в чем состоят обязанности Имперского Аудитора более детально. Хотя не некоторое время такое объяснение сойдет.

— Не то чтобы совсем так, однако недалеко от истины. Власть имущие Кибо для меня объект расследований, а не работодатели. Закрытие вашего предприятия вовсе не входит в мои задачи. На самом деле, мне хотелось бы воспользоваться вашей лабораторией. Думаю, смогу вас заинтересовать своим предложением.

Сьюз прищурилась над чашкой кофе, повременив, отхлебнула.

— Мы тут работаем спокойно, потому как не привлекаем лишнего внимания.

— А мне и самому лишнее внимание ни к чему.

Сьюз уселась в кресле поудобнее, сухо поджав губы.

— Хотите кого-то нелегально заморозить? Думаете подкупить меня, чтобы я для вас тут подержала тело? — сказала она странным безэмоциональным голосом.

Как-то уж очень быстро она высказала свое предположение. О боги, ужели Сьюз оказывала подобные услуги? Может быть, какой-нибудь местной мафии? Тайному подполью? Если, конечно, таковое есть на Кибо — кроме того подполья-подземелья, где Майлз уже поблуждал. Может, там у нее есть покровители, заступники? Ведь шишки преступного мира также желают обмануть смерть. Они-то, конечно, могут позволить себе индивидуальное обслуживание. Правда, и для менее значимых фигур, для своих приспешников, они тоже должны организовать распределение благ… А какую замечательную службу могут сослужить бессчетные ряды морозильных камер в подземелье для расправы над врагами! Ледяной ящик вполне способен заменить свинцовый груз, привязанный к ногам, или прогулку на дно ближайшей речки. Можно ведь

впоследствии передумать и «отменить» казнь — а вдруг главарь поймет, что совершает ошибку? Кибо — рай, если надо спрятать человека… Майлз с трудом одернул себя и перестал фантазировать о таких чудесных возможностях.

— А вы уже оказывали подобные услуги? — осторожно спросил он.

Сьюз пожала плечами, тревога на ее лице сменилась усмешкой — секретарь заметила обеспокоенность на лице Майлза.

— А хоть бы и так, зачем мне вам рассказывать?

— Вы правы, мне до этого совершенно нет дела, — заверил ее Майлз. *Знать* об этом не помешало бы. С другой стороны, *знать* ему хочется обо всем. — Мое дело прямо противоположного характера. Нам необходимо провести операцию по выводу из криостаза. А для этого требуется лаборатория. И отсутствие посторонних глаз. А вы могли бы обеспечить нас и тем, и другим.

Такая новость прозвучала для нее как гром среди ясного неба. Подвигав челюстью, Сьюз попыталась скрыть замешательство глотком кофе, поморщилась.

— Джин, принеси-ка мое лекарство из буфета, — потребовала она.

Мальчик кинулся со всех ног, выудил из буфета квадратную бутыль, принес к столу. По ее жесту открыл бутыль и налил — пожадничал, как заметил Майлз и наверняка отметила Сьюз. Правда, она никак не выразила неудовольствия, и мальчик уселся.

— Вывод из криостаза… Но как?

— Позвольте представить: доктор Дюрона, видный специалист по данному вопросу. Если ваша лаборатория соответствует его требованиям, мы бы хотели, как уже сказано, арендовать ее.

Повисла затянувшаяся пауза.

— Сколько? — спросила наконец Сьюз.

— Я намереваюсь предложить вам кое-что, чего не купишь за деньги. В обмен на оказание услуги нашему… гм… клиенту — ну и, конечно, за молчание, — Ворон проведет для вас первоклассную операцию по выводу из криостаза. Кому — выбирайте сами.

У Сьюз отвалилась челюсть. Она обмякла в кресле и лишь через какое-то время выдохнула:

— Искуситель…

Хватило бы и денег, подумалось Майлзу. И все же есть кое-что подейственнее.

Сьюз кивнула в сторону Ворона:

— И что он может?

Вместо ответа Майлз расстегнул серый китель и белую рубашку.

— Вот это, — его рука скользнула по паутинке бледных шрамов, — работа иглогранаты. Целились очень хорошо, с близкого расстояния. Десять лет назад. Ворон выводил меня из криостаза. — Строго говоря, Ворон в то время лишь ассистировал на операции. Но ведь за десять лет он набрался опыта, значительно повысил квалификацию. — Могу гарантировать, по медицинской сложности у вас там, внизу, ни один случай не сравнится с моим.

Сьюз отвернулась, пока он застегивался.

— Старость, — проскрипела она, — не так быстра, как граната, но делает свою работу во сто крат тщательнее.

— К несчастью, все так, — согласился Ворон, — однако у меня могут найтись лекарства и от этого. Я бы предложил госпоже Сьюз составить список из полудюжины или около того кандидатов. Затем я попробую рассортировать их в порядке вероятности успеха операции. Это улучшит общий результат.

— Гм… — Скрючив пальцы руки, Сьюз потерла грудь прямо над сердцем. — Гм…

Джин, не в силах более сдерживаться, взо-

рвался:

— Пожалуйста, Сьюз-сан! Позвольте им…

Брови-гусеницы поползли вверх:

— А тебе-то что с того, малыш?

Джин стиснул зубы и умоляюще посмотрел на Майлза.

— Вы правда желаете знать? — осведомился тот.

Сьюз была достаточно опытна, чтобы взять время и обдумать ответ, однако любопытство одержало верх над трезвыми рассуждениями.

— Да.

Майлз-сан протянул раскрытую ладонь в сторону Джина, и тот выпалил:

— Майлз-сан обещал вернуть нам маму!

У Сьюз лицо вытянулось от ужаса.

— Думаете, вам удастся не привлечь к себе внимания, господин чужеземный следователь? Да в Лизе Сато не было ничего, *не* привлекающего внимания!

— Возможно, что со временем нам внимания не избежать, однако вас оно не коснется, — вкрадчиво сказал Майлз. — Как только состояние здоровья позволит, мы тут же перевезем госпожу Сато в консульство Барраяра, где она воссоединится со своими детьми. И никаких ниточек к

вам.

— Это вы сами придумали? Те, кто ее упрятал в криокамеру, захотят выяснить: кто же это ее разморозил? Как пить дать, захотят! И в поисках ответа сядут мне на шею, а та может и не выдержать.

— Сначала они выйдут на меня. А я …

Майлз внезапно замолчал. Собственно, никакого плана-то и не было. Пока. Больше это походило на ножевую драку вслепую. И во что воткнется лезвие при следующем выпаде, было неясно.

— Что? — требовала Сьюз.

— Я взвалю на них другие заботы. — Он взглянул на Ворона. — По большей части все будет зависеть от госпожи Сато, от того, что она нам расскажет и как скоро сможет заговорить. Я сам пережил криоамнезию. Весьма неприятные последствия разморозки…

— Прекрасно помню, — вставил Ворон. — Может, последствия неприятны, однако длились не очень-то и долго. Просто в вашем случае у нас было крайне мало времени. В случае с госпожой Сато… Не могу пока ничего гарантировать.

Майлз понимающе кивнул — как по поводу того, что было сказано, так и по поводу несказанного, и снова повернулся к Сьюз:

— Нам потребуется еще одна услуга. Мне нужен ваш замороженный клиент.

– *Какого!..* — начала было Сьюз грозным тоном, однако продолжила слабым голосом: — …Именно типа?

— Женщина, весом килограммов пятьдесят. Желательно помоложе. Еще что-нибудь, Ворон?

Тот покачал головой:

— Пожалуй, подойдет.

— Мы берем на себя ответственность за обстоятельства, могущие впоследствии подорвать успех ее разморозки, — договорил Майлз, надеясь, что слова прозвучат не слишком напыщенно.

— Ты мне это гарантируешь, чужестранец?

— Я не смогу осуществлять постоянный контроль за ее состоянием, но, если дела пойдут, как я планирую, с ней все будет в порядке… *надеюсь*. — В любой тайной операции приходится… рисковать.

Майлз заметил, как Ворон вздрогнул: пожалуй, не самое удачное сравнение после демонстрации шрамов на груди.

— Когда?

— Скоро. Возможно, сегодня. Не позже, чем завтра вечером.

Госпожа секретарь замерла в долгом, задумчи-

вом вдохе.

Майлз поднял два пальца:

— Две разморозки на ваш выбор.

Сьюз отмахнулась:

— Отправляйтесь искать медтехника, Вристи Танаку. Джин покажет где. Может, у вас получится уговорить и втянуть ее во всю эту чушь. Хотя, боюсь, у вас-то прекрасно получится. Болтовня, одна сплошная болтовня. Сил нет от болтовни.

Майлз быстро поднялся, словно боялся злоупотребить ее гостеприимством, боялся, что она передумает.

— Спасибо, госпожа Сьюз. Обещаю… — сказать «*вы об этом не пожалеете*» Майлз не решился, прозвучало бы излишне официозно, — …будет интересно, — завершил он.

Сьюз только фыркнула им вслед.

* * *

Изолятор оказался на втором этаже старого приемного покоя. Джин вывел Майлза с Вороном через двойные двери в коридор, из которого можно было попасть в два или три помещения, явно переоборудованных и готовых к работе, судя по свежему запаху медицинских препаратов. В одном из них обнаружился Тенбери. Прислонив-

шись к стене и скрестив руки на груди, он стоял над гравиплатформой.

— Джин! — обрадовался Тенбери. — А говорят, ты потерялся. — Взгляд в сторону Майлза оказался куда менее радушен. — Снова вы!..

Тенбери покосился на Ворона.

— Мы пришли к госпоже Танака. По очень важному делу, — объяснил Джин.

— Она сейчас занята, — Тенбери ткнул пальцем в сторону двери за спиной, — но скоро освободится.

Ворон вытянул шею — очень хотелось заглянуть в узкое стеклянное окошко двери.

— А, там идет криоподготовка? Я бы взглянул…

— Ворон-сенсей — доктор с Эскобара, — начал было Джин.

Обеспокоенный Тенбери пустился в споры, но Майлз тут же прервал их, просто постучав в дверь.

На стук открыла хмурая женщина, с кожей темной, словно обивка старого чемодана. Хиленькое тело, прямые седые волосы, внешне — полная противоположность Сьюз, хотя примерно того же возраста, как решил Майлз. И никаких паров алкоголя. Лицо ее просветлело, когда женщина увидела Джина.

— Джин! Так ты нашелся? Кого на сей раз загрызли твои звери? И нельзя ли с этим подождать?

— Никого, Танака-сан. А дело очень важное. Нас прислала Сьюз-сан.

И Джин, уже здорово научившийся говорить о своих гостях, представил, с молчаливого согласия Майлза, всю компанию.

Потом слово взял Майлз:

— Мы договорились с госпожой Сьюз об использовании вашей лаборатории для частного вывода из криостаза, если доктор Дюрона сочтет, что лаборатория отвечает нашим требованиям. Не позволите ли войти?

— А?.. — только и сказала она, отходя в сторону и уставившись на Ворона. Майлз подумал, что, одень он Ворона во все мятое, разлохмать всегда аккуратную прическу, макни головой в джин, и тогда Ворон не выглядел бы более не к месту здесь, и тогда бы он не так сильно пугал окружающих. Да что там говорить, теперь уже поздно…

На столе, выступавшем из дальней стены, лежало хрупкое нагое стариковское тело. Словно схваченное и арестованное на границе жизни и смерти. Клочок ткани опоясывал бедра, сохраняя видимость достоинства. А много ли достоин-

ства сохраняет человек, отданный пластиковым трубкам, воле и прихоти чужих людей? Термокапюшон на голове ускорял процесс заморозки мозга. Над телом висела емкость, из нее, разделяясь на полпути к телу, шла трубка, по которой в обе сонные артерии поступала прозрачная жидкость. Трубка пошире выходила из вены на бедре. По ней, в ванночку по колено высотой, сбегала темно-розовая жидкость. По дополнительному рукаву в ванночку поступала проточная вода. Из ванночки все уходило в дренажное отверстие. Судя по бледности кожи и ногтей, по темной, густой жидкости в выпускной трубке, тело старика почти полностью пропиталось криораствором.

Ако кружила поблизости, внимательно наблюдая за процессом. Она успела подслушать часть разговора в дверях, потому как заметно приободрилась и обрадованно поинтересовалась:

— Доктор? У нас будет настоящий врач?

Майлз разрушил надежду, не дожидаясь, пока та вырастет и превратится в страдания.

— Только на некоторое время. Мы все объясним, когда вы закончите здесь работу.

Джин смотрел во все глаза. «Не пугает ли *такое* ребенка, — подумал Майлз, — видел ли он раньше?» Майлза-то точно пугало, а ведь он

это проходил. Вернее, его через это проводили. Может, оттого и пугало так сильно? Впервые воспоминания о собственном «общении» с иглогранатой заставили призадуматься: а что почувствовал отец, когда узнал о ранении? Как история повторяется? Может, у него пробудились старые, жуткие воспоминания о чудовищной гибели принцессы-графини Оливии? Надо будет извиниться перед ним при встрече.

— Выглядит как-то уж очень примитивно, — потихоньку заметил он, обращаясь к Ворону.

Тот ответил:

— Самое сложное здесь — криоконсервирующий раствор. Процесс его создания — сложная технологическая цепочка на фармацевтическом предприятии. Во всяком случае, хочется надеяться. Откуда вы получаете криораствор, госпожа Танака?

Едва заметная улыбка в ответ.

— Концентрат перепадает нам со складов некоторых городских больниц. По мере выхода срока хранения они избавляются от лишних запасов пару раз в год. Мы сами дистиллируем воду для восстановления раствора.

Майлз удивился:

— Допустимо ли это… гм… с медицинской точ-

ки зрения?

Ворон пожал плечами:

— Если дата предельного срока хранения в норме, то да.

На самом деле Майлз, конечно же, понимал, что выбор стоит не между старым раствором и свежим раствором, а между старым и ничем. Пришлось вспомнить, что он находится на территории предприятия-паразита, присосавшегося к подбрюшью куда более мощной экономики, без которой ему долго не протянуть. Если, конечно, закрыть глаза на то, что, будь эта экономика достаточно развитой, нужды в таком паразите вовсе бы не возникло.

Индикаторы медицинских приборов замигали. Ако вынула трубки, запечатала входные и выходное отверстия пластырем, тщательно обработала кожу мазью. Затем они с Танакой сунули тело в некий плотно облегающий пластиковый комбинезон. Объединив усилия с Тенбери, перенесли всю конструкцию на гравиплатформу. Затем Тенбери накрыл тело простыней, и оно стало похоже на настоящий труп. Тенбери повел платформу из операционной.

— Не поможешь мне, Джин? — бросил Тенбери через плечо с надеждой в голосе. Джин, не тро-

гаясь с места, упрямо покачал головой. Тенбери тяжело вздохнул и покатил свою ношу.

Ако вернулась к уборке, Ворон привалился к столику, Майлз взгромоздился на стул.

Танака сложила руки на груди, всем видом выражая недоверие. Майлз решил использовать тот же тон, что и в беседе с госпожой Сьюз, особенно напирая на то, что именно Сьюз прислала их сюда со своим благословением. Танака, похоже, была весьма привязана к мальчику, и Майлз натравил на нее Джина с целью разжалобить и уговорить.

Как результат, в конце беседы она хмурила брови скорее для порядка, а не потому, что сердилась.

— То крыло здания уже долгие годы закрыто, большая часть оборудования, не снятого при закрытии, развалилась впоследствии.

То есть растащили и распродали, подумал Майлз.

— Все же, надеюсь… гм… Все равно надо сходить и посмотреть.

Во всяком случае, хоть что-то есть. Иначе бы совсем никак. А пока все идет нормально.

— Ворон у нас здесь как раз для этого, — заверил ее Майлз. — Сьюз сказала… Кстати, это ее имя или фамилия?

— И то, и другое, — ответила медтехник, — ее зовут Сьюзан Сузуки.

— Давно ли вы с ней работаете?

— С самого начала. Все это мы придумали втроем — Сьюз, ее сестра, работавшая помощником контролера, и я. Вскоре нам удалось втянуть и Тенбери.

— Значит, он здесь с юных лет? Я смотрю, криоподготовка у вас налажена четко. Как насчет обратной процедуры? Вывода из криостаза?

Из ее губ вырвался короткий смешок.

— В то время мы и не рассчитывали, что удастся протянуть хотя бы год. Думали, дело кончится тюрьмой. Замысел возник как… отчаянный протест, что ли? А потом люди повалили, и люди в еще более безнадежном положении, чем мы. Вот и не получилось остановиться. Не смогли мы их бросить, как бросили остальные.

— Кто везет, на том и едут, — согласно кивнул Майлз.

Танака взглянула на Ако. Та закончила уборку и подошла к ним послушать.

— Что правда, то правда. Вот у Ако и ее двоюродной бабушки было кафе. А потом — обычная история: старушка заболела, медицинские счета росли, кафе закрылось, а потом выселение, и вот

они здесь. Ако никогда не училась, но она умеет убирать и не боится работы. Так что теперь она тут своя.

Майлзу подумалось: серьезная, но застенчивая Ако никогда бы не поступила и уж тем более не окончила бы никакое медицинское заведение. А здесь… Понятие «недипломированный специалист» приобретает совсем иной смысл.

— Ну что, пора показать Ворону-сенсею, что у нас наверху? — не унимался Джин.

Они поднялись этажом выше, в коридор прямо над операционной. Похоже, здесь некогда находилась полностью укомплектованное отделение вывода из криостаза — полдюжины операционных, послеоперационная палата, палаты интенсивной терапии. Повсюду царили пыль, мрак и разорение. Однако медтехнику Танаке, похоже, удавалось содержать одну операционную в состоянии, позволяющем гораздо больше, чем просто наносить мази, хирургический клей и раздавать добрые советы. Они с Вороном уже углубились в энергичную, но далеко не одностороннюю беседу, полную технической и медицинской терминологии. В результате пришлось отправлять Джина вниз за Тенбери, поскольку потребовалась дополнительная информация.

— Так кому все-таки этот комплекс принадлежит? — поинтересовался Майлз у медтехника, пока они ждали. — Если бы здесь все было просто брошено, муниципалитет давно прибрал бы недвижимость к рукам за недоимки.

— За эти годы сменилась парочка хозяев. А муниципалитет нам не страшен по той же причине, что и нынешний владелец. Жалкий придурок, ничего не может с нами поделать. На нем лежит юридическая ответственность за две или три тысячи ничейных криопациентов. Один из подрядчиков выкупил комплекс, как он подумал, задарма. И только потом обнаружил, *что* на нем висит. Теперь он у Сьюз в руках. Больше всего мы опасаемся, что он попробует решить проблему при помощи поджога, однако и мы не дремлем.

— Не похоже на уверенность в завтрашнем дне, верно?

— А у нас ее никогда и не было. Мы просто живем, изо дня в день. И кто знает, куда все это приведет.

Майлз заметил, что Ворон внимательно слушает. Доктор вовсе не был в ужасе от услышанного. Что ж, джексонианская выдержка — это вам не просто так. Там клятва Гиппократа, если о ней и слыхали, не более чем рекомендация.

Пришел Тенбери, технический разговор продолжился, начался обход палат, сопровождавшийся топотом и грохотом. Майлз отправил непоседливо мечущегося Джина на крышу, понаблюдать за погрузкой своего зверинца. Когда шум, сопровождавший работу «инвентаризационной комиссии», утих, вернулся Ворон.

— Так что? — осведомился Майлз. — Добро или как?

— Добро, — ответил Ворон. — Работы предстоит немало, но они здорово научились импровизировать. А технические трудности прекрасно компенсируются полным отсутствием бюрократической возни с бумагами.

— Сколько времени понадобится для подготовки к… приему нового пациента? Кстати, мне, вероятно, будет нужна ваша помощь в похищении, на случай, если возникнут проблемы медицинского, нежели стратегического характера. И еще, кстати. Нас ведь могут арестовать. Как вам такой поворот событий?

Ворон лишь пожал плечами:

— Уверен, что если вы не сумеете меня вытащить, то ваш брат-то уж точно сумеет. В любом случае, пациента можете везти хоть сейчас. Госпожа Сато может и здесь подождать, пока мы

подготовим операционную.

— Бесконечно долго мы здесь оставаться не сможем.

Жутко хотелось домой, а еще не терпелось посмотреть, что за муравейник он разворошит, разбудив мать Джина.

— Ребенка можете увозить в консульство. Я здесь задержусь допоздна, — продолжил Ворон. — В отель смогу добраться и на общественном транспорте.

Майлз указал на консульский комм у Ворона на запястье:

— Сначала свяжитесь с нами. По безопасному каналу. Мне нужен отчет. И может, лучше будет послать за вами Йоханнеса.

— По правде говоря… — Ворон призадумался, — я бы все же заехал в консульство на обратном пути. Могу ли я воспользоваться вашим шифроканалом для отчета своему боссу на Эскобаре?

— Лили или Марку?

— Обоим. Хотя я не уверен, что знаю, где сейчас лорд Марк. Вы, случайно, не в курсе?

Майлз покачал головой:

— Поле его деятельности последнее время настолько расширилось, просто не успеваю следить. Собираетесь заранее условиться о выкупе?

— Неплохая мысль. Хотя, по правде говоря, я здесь нашел кое-что небезынтересное для группы Дюрона.

— Если это может нанести удар по моему расследованию, я требую полной открытости. Вернее, требую открытости в любом случае.

— Ясно.

Майлз жестом отправил его работать, а сам спустился в лабиринт подземелий, откуда поднялся на крышу к Джину.

* * *

Пока разгружали флаер, консул Форлинкин пришел посмотреть, что они там вытряхивают в его садике. Мина приплясывала впереди и, увидев Лаки, тут же сцапала ее с радостным воплем, зарывшись личиком в пушистый мех.

— Лаки! А я-то думала, тебя больше нет… — Серая кошка выдержала объятья, затем незамедлительно высвободилась, извиваясь в руках девочки. — А где твои крыски, Джин?

Джин поднял клетку и показал.

— Здесь и Джинни, и почти все детки.

— Прелесть, — объявил Форлинкин, с приличного расстояния разглядывая Вихря. Лапка ястреба цепочкой крепилась к перекладине. —

Как ты умудряешься не скормить ему цыплят?

Лейтенант Йоханнес выпустил Галли и Твиг из коробки-контейнера, и те запрыгали у его колен, шлепая крылышками и попискивая, а затем притихли в изумлении, уставившись на газон перед ними, такой теплый и пахнущий зеленью в полуденном солнце.

— Ну, те, что постарше, могут за себя постоять. Приходилось держать Вихря на цепочке, когда цыплята были совсем маленькими. Да и сейчас придется держать его на цепочке, пока он не привыкнет и не поймет, что дом теперь — здесь.

Джин следил за тем, как Роик разгружает целый штабель террариумов, расставляя их по полкам, привезенным из Джинова убежища. Уютненько приткнувшись к стене за домом, скрытые свесом крыши, каменными стенами сада, всеми деревьями и кустами, полки и их содержимое попали в место столь же безопасное, как и навес на крыше у Сьюз.

— Кошки и мыши тоже вместе? — не унимался Форлинкин. — Что дальше? Львы и ягнята?

— Крысы, — строго одернул его Джин. — Хотя от льва я бы не отказался. Да и вообще, Лаки слишком стара и ленива, чтобы навредить большим, а маленьких я держу в закрытых клетках.

Он удовлетворенно огляделся.

— Теперь, когда они снова со мной, можешь оставить себе Леди Мурасаки, — щедро объявил он Мине.

Та скривилась:

— Вот еще! Лаки — наполовину моя! Потому что она вообще была сначала не твоей, знаешь ли, хотя ты ее потом и украл!

— Я спас ее от тетушки Лорны, — напомнил Джин.

Лаки крутилась у ног Форлинкина, потерлась о него мордочкой — пометила свою новую собственность, оставив насколько шерстинок на самурайских штанах. Он рассеянно нагнулся, почесал кошкину спину, а та бесстыдно выгнулась под его ладонью.

Мина обеспокоенно спросила:

— А можно мы будем держать ее в доме, сэр? Пока она не привыкнет? Кошки ведь, бывает, теряются.

Гладя на задранное личико девочки, консул спросил:

— А она к дому приучена?

Мина энергично закивала головой:

— Могу поставить ее лоточек у себя в комнате!

— Туалет при кухне вполне подойдет для этой

цели, — решил Форлинкин. — Тебе и Джину… да, думаю, тебе с братом будет полезно за ней приглядывать.

Мимо проходил Майлз.

— Как дела, Джин? Все как надо? Тогда мне нужен Йоханнес. — И добавил, обращаясь к Форлинкину: — Мы пока сядем в комнате связи. Надо обговорить множество деталей.

По его жесту Роик поднялся и занял привычное место за плечом Майлза.

— Думаете, ваш план сработает? — спросил Форлинкин.

Майлз-сан кивнул. Консул поморщился, на что Майлз-сан ответил кривоватой усмешкой.

— Надо быть гибче, Форлинкин. В этом — ключ к успеху. — И зашагал в дом, помахивая тростью.

Джин с Форлинкином посмотрели вслед.

Форлинкин озвучил то, что вертелось на уме у Джина:

— Это что, он нас приободрить хотел?

Глава одиннадцатая

Роик считал, что для похищения тела как нельзя лучше подходит полночь, предпочтительно чтобы при этом еще и бушевала гроза. Буря с грозовыми разрядами может много чем помочь, в основном тем, что на нее удастся списать любые проблемы с электрикой, если возникнет необходимость повозиться с проводами. Но прогноза на ближайшее будущее о наступающем холодном фонте не было. Поэтому Роик и очутился с Вороном, милордом и Йоханнесом во флаере средь бела дня у помпезных врат «Нового Египта». В воображении Роика — и только в воображении! — собакоголовые статуи, обрамляющие вход, провожали непрошеных гостей нарисованными глазами.

Вооружение Йоханнеса состояло из пары вазочек с икебаной и пергамента, однако применять их не пришлось — всей охраны у ворот был один человек, и тот лишь махнул рукой, открывая проезд.

— Что за черт… — только и подивился Роик.

— Сейчас время посещения, — мягко пояснил милорд. — Им совсем ни к чему отпугивать ни

родственников клиентов, ни потенциальных клиентов на экскурсии, выбравших это время дня. Здесь же не военная база. Охране «Нового Египта» стоит волноваться лишь о краже да вандализме. Кражи, впрочем, можно опасаться от собственных сотрудников, а вандалы в это время маловероятны. Ну, какая-нибудь «Организация Освобождения» прорвется, да и те скорее будут дожидаться бури с молниями, о которых ты мечтал.

Роик что-то сердито хмыкнул. Ему было тесно в одежде медика самого большого размера, которой Ворон и Танака разжились, вероятно, из того же источника, что и запасами, ожидающими теперь госпожу Сато. На милорде болталась такая же форма — самого маленького размера, что удалось раздобыть. Пришлось, правда, закатать рукава и штанины. Форма Ворона сидела идеально. Роику объяснили, что Йоханнес одет в безупречно подобранную, неброскую, опрятную повседневную одежду представителя среднего класса Кибо.

Флаер скользнул мимо центрального входа, увенчанного пирамидой, перед которым расположился приятный сад в псевдоегипетском стиле с каменными сфинксами, мимо знака, указывающего на более утилитарного вида раз-

грузочную платформу для новоприбывших и уже замороженных клиентов, затем к совсем малоприметному входу для персонала.

— Значит, так, — сказал милорд. — Выходим здесь. Все делаем спокойно, время не тратим.

Стараясь выглядеть спокойным и уж тем более не нервничать, Роик помог Ворону открыть заднюю дверь флаера и выкатить гравиплатформу. Под грудой пустых коробок, в которых некогда находилось медоборудование, скрывалось нечто удлиненных очертаний, в чем Роик опознал термомешок. Предназначенный для краткосрочной транспортировки, он мог, будучи должным образом герметизирован, сохранять содержимое при криотемпературе в течение двух дней, как объяснил ему Ворон. Роику пришлось признать — эта штука оказалась намного менее громоздкой, нежели транспортная криокамера. Йоханнес отогнал флаер на парковку для посетителей и остался ждать в нем. Милорд возглавил процессию с гравиплатформой. Автоматические двери раскрылись перед ними, никак не выказав протеста.

Милорд сверился с голографической картой своего наручного комма и повел их по бесконечным коридорам. Они повстречали троицу

беседующих сотрудников «Нового Египта», престарелую парочку посетителей, направляющихся в кафетерий, местонахождение которого Роик определил по запаху. Однако никто и глазом не повел в сторону платформы. Роик изо всех сил старался не оглядываться. Еще два поворота, короткая поездка вниз по грузовой гравишахте, и они зашагали по подземному коридору, который привел компанию к двойным дверям, первому серьезному препятствию на пути.

Милорд открыл один из ящиков, вынул *спецнабор* — стандартный доработанный комплект СБ — и встал на колени перед электронным замком.

— Боже, сколько времени прошло… Остается только надеяться, что я не разучился… — промямлил он как-то неуверенно. Милорд поковырялся минуту-другую — Роик все время трясся и поглядывал через плечо. Ворон сохранял спокойствие. Двери раскрылись на удивление беззвучно. Милорд самодовольно прищурился. — Ну вот и хорошо. Рад, что не пришлось ломать замок и оставлять следы.

Он жестом пригласил их войти, словно безумный метрдотель, ведущий клиентов к лучшему столику. Двери мягко закрылись за гравиплатформой.

В этом коридоре было намного темнее. И, как с удивлением заметил Роик, здесь шел ремонт. Ему с беспокойством подумалось о возможной встрече со строителями, хотя, скорее всего, у бригады должны быть фонари, по которым можно заметить их заранее. Под зданием-пирамидой располагалось три уровня. Вокруг технической шахты каждого уровня четыре концентрических коридора расходились квадратами наружу. Посередине стены каждого из коридоров шел радиальный связующий коридор. Лабиринтом не назовешь, все располагается слишком планомерно, но Роику показалось, что и здесь сбиться с пути можно очень даже легко. Как же непросто было милорду в настоящем лабиринте — потеряться и блуждать часами *без света*.

Они свернули в следующий радиальный коридор. Губы милорда шевелились, отсчитывая боковые ответвления, затем улыбка заиграла на лице, когда впереди замаячила техническая шахта. Пришлось подождать, пока милорд взломает закрытый пульт доступа, что-то там подсчитает и кивнет. Затем они вышли по другому радиальному коридору и повернули направо, в следующий проход. Этот оказался достроенным — тусклое освещение демонстрировало ряды загруженных

криокамер.

— Не сказал бы, что выглядит достойно… — заметил Роик.

— Здесь дешевые места. Если хочешь, чтоб тебя складировали за панелями «под красное дерево» и медную фурнитуру (или, я даже слышал, золотую), «Новый Египет» может оказать такие услуги — на верхних уровнях.

Даже здесь, внизу, около многих камер располагались полочки-подставки для поминальных принадлежностей, всяких странных штукенций типа крошечных бутылочек вина, еды в пакетах, огарков ароматических свечей. Больше всего было цветов — в основном искусственных, но иногда и настоящих. Одни стояли свежие, другие пожухли и печально свешивались через края высохших вазочек.

— Здесь, — сказал милорд резко остановившись. Выгнув шею, он разглядывал верхнюю камеру. — Прочитайте-ка номер, Ворон.

Ворон дважды прочел длинную цифробуквенную цепочку.

Милорд тщательно сверил ее с данными комма на запястье.

— Это она.

Маскирующим коробкам на платформе тут

же нашлось новое применение: милорд стащил одну, чтобы, взобравшись на нее, обследовать замок камеры и приладить к нему свой «эсбэшный» спецключ.

— Значит, так. — Он спустился с ящика. — Как только свет погаснет, меняйте тела.

Достав карманный фонарик, он припустил в глубь коридора.

Ворон выдал Роику пару медицинских перчаток, натянул пару сам и нагнулся, открывая длинный термомешок. Показалась фигура — тоненькая старушонка, чье тело полностью скрывала пластиковая псевдоплевра. Полупрозрачная мазь, густо нанесенная на кожу, да иней, мгновенно проступивший на открытой поверхности пластика, придавали хоть какую-то видимость приличия безжалостно обнаженному телу. Роик включил карманный фонарик за мгновение до того, как освещение коридора и маленькие зеленые лампочки криокамер погасли. Убедившись, что нет никакой возможности открыть отдельную камеру без того, чтобы на центральном диспетчерском пульте не включился соответствующий индикатор, «похитители» решили мигнуть сразу пятью тысячами лампочек.

— Готов, — сообщил Ворон.

Роик нажал кнопку спецключа. К его облегчению, замок криокамеры открылся без проблем. Длинный ящик камеры выскользнул по направляющим, словно ящик некоего жуткого канцелярского бюро.

Внутри лежало тело женщины, также покрытое псевдоплеврой. Пленка быстро покрылась инеем. Роик нахмурился: тела женщин были обернуты не в одинаковый пластик — второе тело лежало в коричневатом пластике, да еще и армированном какой-то сеткой. Глазеть было некогда: Роик сунул руки под тело и поднял ее с полки. Даже несмотря на перчатки, он почувствовал, как мороз быстро высасывает тепло его тела — словно отхлынула волна. Он осторожно положил женщину на пол. Ворон сверился с именем на табличке, прикрепленной к псевдоплевре. Оба стали между женщинами, подняли второе тело и положили в ящик камеры. Ящик скользнул обратно, аккуратно щелкнув замком.

В конце коридора на углу замигал фонарик милорда, а потом выглянул и он сам. Роик махнул рукой: мол, все в порядке. Милорд кивнул и снова исчез. Когда Ворон с Роиком упаковали свою добычу в термомешок, в коридоре вновь вспыхнул свет. Роик дотянулся до люка криокамеры,

отсоединил спецключ и спрятал его в ящике с инструментом милорда. И сразу же принялся накладывать маскирующие ящики обратно на гравиплатформу, в волнении ожидая появления рембригады — те наверняка скоро появятся, чтобы выяснить, в чем причина неполадок в сети.

Милорд вернулся, шепотом подгоняя компанию:

— Быстрее, быстрее.

Глаза его сверкали ярче индикаторов криокамер, и тут Роик понял, какое удовольствие милорду доставил сам процесс кражи. *Хорошо, что хоть кому-то из нас хорошо*. По дружелюбному выражению лица Ворона, как всегда, невозможно было судить об отношении. Вид у доктора был такой, будто он занимался подобным хулиганством ежедневно, хотя Роик прекрасно знал, что это не так. Роик испуганно сглотнул и приготовился рвануть, что было сил, услышав шум подъемника и эхо голосов, раздающееся по коридору, ведущему к технической шахте. Беглецам удалось добраться до наружного кольца, так, к счастью, и не услышав окриков: «Эй, вы, там!»

Короткий бросок, и вот они снова у двойных дверей в подземелье. Милорд задержался на мгновение, чтобы запереть их и вызвать Йо-

ханнеса по комму. Когда они покинули здание, лейтенант ждал их, открыв заднюю дверь флаера. Гравиплатформа с «медикаментами» беззвучно исчезла внутри. Роик перевел дух, только когда флаер покинул ворота и присоединился к полуденному потоку транспорта.

Милорд посмотрел на экран комма и с удовлетворением подвел итог:

— Шестнадцать минут.

Ворон снова сел впереди с Йоханнесом, что было в высшей степени правильно — лишь они вдвоем выглядели нормально по всем местным стандартам. Йоханнес вел флаер медленно, стараясь не привлекать внимания, как его и проинструктировали. Задний ряд сидений сложили, чтобы освободить место для платформы. Милорд сидел по одну сторону от госпожи Сато, Роик скрючился по другую, готовый в любой момент ухватиться за термомешок, чтобы тот не съехал с платформы во время неожиданных поворотов Йоханнеса. Роику объяснили, что от криораствора и мазей тело и ткани стали пластичными, а не хрупкими, и что, несмотря на температуру, тело не расколется, словно кубик льда, упав на тротуар при случайном ударе. Только зачем испытывать судьбу?

Несколько минут они ехали в полной тишине, которую в конце концов прервал Роик:

— Не могу в таких обстоятельствах не вспомнить сержанта Тауру. Все *эти* люди умерли с некой надеждой на будущее. Почему же она не могла умереть с надеждой? Мы ведь были там, в клинике Дюрона, все было готово, да и стоило бы это не так уж и много.

В былые дни, во время службы милорда в СБ, когда тот работал под прикрытием, Таура служила у него наемником — еще до того, как иглограната и последствия криостаза не вынудили его оставить карьеру навсегда. Подобно Ворону и остальным клонированным братьям и сестрам Дюрона, она была продуктом джексонианской генной инженерии. В отличие от Дюрона, Таура была единственно выжившим образцом из неудачной экспериментальной партии «сверхсолдат». Она сбежала с Архипелага, присоединившись к наемному подразделению Майлза, и, по словам милорда, действительно была сверхсолдатом. Однако ее творцы заложили механизм самоуничтожения в свои экспериментальные генетические прототипы: к двадцати стандартным годам Таура умерла бы от старости, если бы не вмешательство дендарийских врачей,

а впоследствии Дюрона. Роик встречался с ней дважды, и оба раза весьма достопамятно. Первый раз, когда она прилетела на свадьбу к милорду. И второй, когда милорд и Роик полетели на Эскобар провести с ней последние дни в приюте Дюрона.

Милорд вздохнул.

— Я, ты, Рябина и Ворон — все мы пытались уговорить ее. Если бы дендарийская страховка не покрыла расходы, я бы раскошелился. Да в том и нужды не было — Дюрона не позволили бы мне. Они до сих пор считают ее и остальных дендарийских наемников своими спасителями. Но Таура не хотела ни за какие деньги…

«Что, проснуться таким же уродом, только в совершенно незнакомом месте и в чужое время? Когда всех моих друзей уже не будет?» — отвечала Таура несогласному с ней Роику странным писклявым голосом. «У тебя появятся новые друзья!» — спорил он, но и такой аргумент не помог убедить ее, измученную проблемами с метаболизмом.

Роик беспомощно махнул рукой:

— Вы могли бы приказать. Когда она уже почти переступила черту, могли бы приказать начать криоподготовку.

Видит Бог, во власти милорда приказывать и

отменять распоряжения, оставленные в чужих завещаниях. Милорд пожал плечами, лицо его посерьезнело, растворяясь в общих с Роиком воспоминаниях.

— Тогда это было бы уже выполнение нашего желания, а не ее. Льду Таура предпочла огонь. И этот выбор вполне можно понять. Огонь не оставит образца ДНК.

Ей было все равно, где развеют прах, лишь бы не на Архипелаге Джексона. Поэтому милорд выделил участок для урны на семейном кладбище в Форкосиган-Сюрло, с видом на длинное озеро. Похороны милорд и Роик провели самолично.

— Никто, — бормотал Роик, — не должен умирать от старости, прожив лишь тридцать лет.

Во всяком случае, такие яркие люди, как Таура, точно не должны.

Взгляд милорда застыл в глубокой задумчивости.

— Если исследования Дюрона, или чьи-либо еще, в области поисков лекарства от старения дадут результаты, то, думаю, смерть в триста или пятьсот лет тоже будет казаться дикой.

— Или в две тысячи.

Роик попытался представить. Некоторые бетанцы и цетагандийцы, как слышал Роик,

дотягивают почти до двухсот. Однако качество их здоровья гарантируется генетическим путем еще до зачатия. Обычным живым людям так не поможешь.

— Ну, может, не две тысячи, — возразил милорд. — Тут один шутник, большой любитель цифр, подсчитал как-то, что, если исключить все медицинские причины смерти, человек в среднем все равно доживал бы только до восьмисот стандартных. А потом — неминуемый несчастный случай с летальным исходом. Думаю, смысл такого вывода в том, что кому-то суждено прожить восемнадцать лет, кому-то — в сто раз больше, а конец все равно один. Просто планка немного поднимается.

— Поневоле вспомнишь «отказников».

— И то правда. Если Бог, по их мнению, ждал появления человека на свет миллиарды лет, несколько столетий дополнительной жизни вряд ли имеют для Него какое-то значение. — Милорд погрузился в свои, далекие милордовские мысли. — Люди так много волнуются и переживают по поводу того, что перестанут существовать после смерти. И мало кто хоть на секунду задумывается о том, что не существовал до зачатия. Или вовсе не существовал бы. В конце концов,

поторопись соседний сперматозоид, и мы могли бы стать собственными сестрами. И никто бы по нам не всплакнул.

Ну что на такое ответишь? Голова от мыслей расколется, а ответа не будет. Поэтому Роик промолчал. Наконец они проехали мимо провисших цепей ограждения владений секретаря Сьюз.

* * *

Долгие часы ушли на то, чтобы привести внутреннюю температуру тела Лизы Сато из соответствующей глубокому криостазу к просто околонулевой. Майлз отослал Йоханнеса обратно в консульство и, по мере приближения утра, по очереди караулил с Роиком. Милорд подремывал на временно сооруженном топчане в комнате напротив наскоро сооруженной лаборатории Ворона. Дело происходило на третьем этаже приемного покоя для престарелых клиентов. Ворон и Танака также дежурили всю ночь посменно. На рассвете начали проводить решающие процедуры: слив старого криораствора и замена его бесконечным, как показалось Майлзу, потоком искусственной крови. При переливании кожа лежащей ничком на операционном столе меняла цвет от землисто-серого до более жизнерадостно-

го теплого оттенка слоновой кости. Криораствор, булькая, сливался в сточное отверстие.

Будь у них время и надлежащее оборудование, не говоря уже о базовом образце крови пациента, можно было бы вырастить цельную кровь, идентичную «оригинальной». В синтетической, искусственной крови недоставало уникальных лейкоцитов, которые вырабатывает тело пациента. Поэтому после разморозки пациента держат в изоляции, пока костный мозг не начнет заполнять пробелы иммунитета. Майлз, по словам Ворона, проспал всю эту фазу. Но, с другой стороны, его травмы, как хирургические, так и прочие, были несравненно тяжелее. Ако провела всю ночь, убирая и подготавливая помещение-изолятор.

Ворон доводил до безумия своими полувнятными намеками насчет того, когда с пациентом можно будет говорить, зато ясно дал понять, что дети будут первыми посетителями. С этим Майлз спорить не стал, он и сам не придумал бы лучшей мотивации для матери поскорее восстановить здоровье.

Майлзу не терпелось помочь, но, когда они добрались до критической точки в процедуре разморозки, Ворон усадил его на стул подальше

и нацепил хирургическую маску-гермоповязку. Край гермоповязки мягко и плотно слился с кожей, а электропоры фильтровали все вплоть до вирусов. Правда, Майлз сразу заподозрил, что Ворон хотел остановить не только возможное распространение микроорганизмов. Поэтому решил прикусить язык и даже не завопил, когда Ворон вдруг пробормотал:

— Что за черт? Не может быть…

— Чего не может быть? — не выдержал Майлз.

Ворон и Танака молча трудились над столом.

— Мозг не обеспечивает латентности электросигнала, — ответил Ворон, как раз когда Майлз начал было повторять свой вопрос громче. — А уже пора бы… Танака. Давайте-ка попробуем старый добрый электрошок.

На голове Лизы Сато красовалось нечто, напоминающее шапочку для плавания. Шапочка была густо утыкана датчиками и электродами и туго натянута на темные волосы, видневшиеся из-под криогеля. Ворон ткнул в экран панели управления, и под шапочкой что-то щелкнуло, да так, что Майлз подпрыгнул и чуть было не свалился со стула. Ворон недовольно смотрел на высветившиеся данные. Рукой в перчатке он потянулся, как показалось Майлзу, совершенно

машинально, помассировать безжизненную ладонь пациента.

— Закройте сток, — зачем-то сказал он. Танака поспешила выполнить указание. Ворон шагнул, отступив от стола. — Ничего не получится.

Желудок Майлза словно провалился куда-то на тошнотворном вираже.

— Ворон, останавливаться нельзя, — произнес Майлз, а в голове пронеслось: «Боже, только не сейчас… Бедные детки ждут маму, я должен ее вернуть, я обещал…»

— Майлз, я провел больше семи тысяч таких операций. Мне не нужно еще полчаса плясок вокруг трупа этой несчастной, чтобы убедиться, что это действительно труп. На микроуровне ее мозг — комок гнили. — Ворон вздохнул и пошел прочь от стола, стягивая маску и перчатки. — Уж я-то могу сказать, была криоподготовка проведена правильно или нет. Здесь я не виноват. Здесь я ничего не смогу поделать. Здесь я бы никогда и не смог ничего поделать.

Ворон был слишком сдержанным человеком, чтобы, ругаясь, швырнуть перчатки через всю комнату. Но ему и не надо было так проявлять свои эмоции — Майлз прекрасно видел их на застывшем лице. Тем жутче был контраст с его

всегда добродушным, приветливым выражением.

— Полагаете… это убийство?

— Процесс может выйти из-под контроля, даже если нет злого умысла. Я бы даже сказал, что это статистически нормально. Хотя вы-то со среднестатическим результатом не смиритесь.

— Только не в данном конкретном случае.

Ворон поджал губы:

— Ну да. Я чуть позже проведу вскрытие. — Затем стало ясно, что Ворон взял себя в руки. — Надо точно выяснить, что именно произошло при криоподготовке. Есть ведь разные варианты. Я сразу заметил, что что-то не так с вязкостью отработанной жидкости. — Он замолк на мгновение. — Позвольте выразиться по-другому: я, черт побери, настаиваю на вскрытии. Я хочу знать точно, каким именно образом моя неудача была запрограммирована. Потому как не люблю, чтоб меня так подставляли.

— Аминь, — пробурчал Майлз.

Он соскользнул со стула, сдернул с лица маску и подошел к столу, взглянуть на безмолвный груз. Гемопомпа все еще поддерживала обманчиво-розовый цвет лица. Ворон рассеянно протянул руку и выключил насос. Тишина больно ударила

в уши.

Как теперь объяснить все Джину и Мине? Ведь Майлз знал, что следующая задача будет именно такой. Его спешка и самонадеянность убили надежду детей. Вернее, убили ложную надежду. Этот финал изначально был закономерен, кто бы его ни приблизил, как и когда бы ни приблизил, однако от рассуждений легче не становилось.

«Мы добьемся справедливости…» Нет, не в его силах сейчас делать такие заявления перед детьми. А «я постараюсь» прозвучит слишком вяло, словно фраза, предваряющая обычное для взрослого нежелание возиться с детскими проблемами. Но чувство вины здорово подпитывало гнев, который он испытывал к своим — нет, к их общим — неизвестным врагам. Как странно. Как подозрительно. Как безнадежно…

Резкий стук в дверь операционной. Опять проснулся Роик? Вряд ли ему сильно понравится известие о провале их глупой затеи. Майлз потянулся, схватил трость, подошел к двери и выглянул в узенькое окошко. И безумно обрадовался, что у него хватило ума не крикнуть просто: «Входи, Роик!» Потому что за дверью стоял взбудораженный Форлинкин, а за ним, держа его за обе руки, Джин и Мина.

Майлз скользнул за дверь и прижался к ней спиной.

— Вы что здесь делаете? Вам же сказали ждать в консульстве, пока я не позову.

Хотя ответ ему и не требовался, все было ясно уже по тому, как дети вцепились в Форлинкина. Хорошо, хоть бояться его перестали. Было бы еще лучше, не позволяй консул вить из себя веревки. *Угу, кто бы говорил.*

— Они сами настояли, — подтвердил тот догадку. — Я-то им объяснил, что она не проснется до завтра. Да и вы им рассказывали, как неприятно выглядит человек только-только из криокамеры. Но они так пристали… Им бы хоть одним глазком, хоть через стекло посмотреть. Прошлой ночью совсем не спали. Меня трижды будили. Вот я и подумал, что если просто увидят, то успокоятся. А потом поспят тут где-нибудь.

А потом у Форлинкина упал голос, стоило ему уловить мрачное настроение Майлза. Лишь губами, без голоса, он спросил: «Что случилось?»

Майлз не был готов обсуждать это сейчас. Дьявол, он вообще не был готов обсуждать такое. Ему уже перепадала незавидная доля — информировать близких родственников или друзей. Разница только в том, что те всегда были взрослыми, а не

детьми, такими беззащитными и безоружными.

Возбуждение Мины и Джина угасло, лишь только дети взглянули на Майлза. Будь все как надо, он бы уже давно похвастался, приписав заодно себе все заслуги. Улучшить настоящее положение нельзя. Преодолеть можно только одним способом. Ему хотелось встать на колени, пасть ниц, но Майлз решился посмотреть Джину в глаза. Вдохнул поглубже.

— Простите. Простите меня. Что-то пошло не так при размо… нет, при криоподготовке. Воронсенсей не смог бы ничем помочь. Мы сделали все… Думаем, ваша мама погибла во время криоподготовки восемнадцать месяцев назад или вскоре после этого.

Джин и Мина стояли как оглушенные. Однако не зарыдали… пока не зарыдали. Только стояли и смотрели на Майлза. Смотрели, не отрывая глаз.

— А мы хотели на нее посмотреть, — тоненьким голоском сказала Мина. — Вы обещали, что покажете ее нам.

Голос Джина, гортанный и хриплый, вовсе не был похож на голос Джина:

— Вы обещали…

Когда Майлз оглушил их новостью, троица отпустила руки друг друга. Теперь жестом, столь

несвойственным ему, Джин нашел руку Мины. Девочка поискала другой рукой и вновь вцепилась в руку Форлинкина. Тот обескураженно посмотрел вниз.

— Сейчас? — спросил он. — А не лучше ли…

Затем поднял твердый взгляд, словно желая пригвоздить Майлза к стене.

— Они имеют на это полное право, — неохотно согласился тот. — Хотя не знаю, лучше ли некрасивые воспоминания, чем никакие вообще. Просто… ну не знаю.

— И я не знаю, — согласился Форлинкин.

У Мины задрожал подбородочек.

— Я хочу посмотреть. Я хочу увидеть ее.

Джин сглотнул и тоже кивнул.

— Тогда подождите немного. — Майлз скользнул, вернее, сбежал за дверь. — Ворон, у нас гости. Близкие родственники. Можно ее немного… привести в порядок?

Ворон, казалось бы, ничем не прошибаемый прожженный джексонианин, выглядел искренне потрясенным.

— О боги! Только не говорите мне, что это те самые несчастные дети. Что они здесь делают? Им непременно нужно войти?

— Они имеют на это полное право, — повторил

Майлз, размышляя: чего вдруг эти слова так пристали к языку? Странный вопрос, хотя последнее время трудно сваливать все провалы памяти на его собственный выход из криостаза десять лет назад.

Ворон, Танака и Майлз поспешили привести безмолвную фигуру в приличный вид, прикрыть, убрать бесполезные теперь провода, трубки, электроды, нелепую шапочку. Майлз разгладил короткие черные волосы за ушами. Их блестящая гладкость придавала лицу женщины средних лет выражение мудрое, но безжизненное. Майлз попытался представить, с какими волосами ее помнят дети. Забавные мелочи вроде таких могут играть непропорционально огромную роль. Привели в порядок быстро, но как-то бестолково, подумал он.

Скорее, пусть все это скорее закончится. Майлз подошел к двери и распахнул ее.

Джин, Мина и Форлинкин вошли гуськом. Проходя мимо, Форлинкин метнул в Майлза взгляд, и особой любви в том взгляде не было. Джин вцепился консулу в свободную руку, когда они подошли к столу. А на кого еще мальчик мог опереться в скорбный час?

Дети стояли и смотрели. Губы Мины приоткры-

лись в изумлении. Джин поднял глаза на Майлза в немом вопросе: «Что это?»

Отступив с видом одновременно гневным и печальным, Мина сообщила:

— Это совсем не наша мамочка!

Глава двенадцатая

Майлз едва сдержался, чтобы не брякнуть по-идиотски: «Ты уверена?» Оба напряженных личика не выражали ни капли сомнения.

— Тогда кого, — он подавился словами, повернулся, уставившись на Ворона, на обернутую фигуру на столе, — …это мы только что… — сказать «убили» было бы несправедливо, да и не точно. И, как сильно подозревал Майлз, глубоко оскорбительно для и без того расстроенного крупного специалиста по разморозке, — …только что… — к счастью, кажется, никто не потребовал от него закончить предложения.

— Цифры на бирке совпали. Во всяком случае, те цифры, что вы мне дали, — пояснил Ворон.

Так, значит, либо Майлз ошибся, списывая шифр из банка данных криохранилища (а он точно знал, что это невозможно), или же кто-то подмухлевал с шифром заранее. Кто-то. Зачем-то. Хотели скрыть? Чтобы защитить замороженную Лизу Сато от похищения сподвижниками, кем-то из ООНН? Или Майлзом? Глупости, да кто на Кибо-Даини мог бы вообразить, что любопытный Имперский Аудитор проявит интерес к этому

вопросу? А может, просто кто-то изначально допустил ошибку? Но ведь тогда… Перед мысленным взором Майлза пронеслись миллионы криокамер Нортбриджа, его подземелий и окрестностей. Сердце Имперского Аудитора рухнуло в пятки. Мысль о том, что никто, совершенно никто не знает, куда запрятали Лизу Сато, была слишком ужасна, чтобы задерживать ее в голове хоть на мгновение.

Или же — а вот в этой мысли было что-то подкупающее, да так, что у Майлза дух перехватило, — кто-то их опередил. Кто-то со схожей целью. В таком случае… нет, прежде чем давать волю воображению и плодить идеи, надо бы подкрепить их фактами. Только настоящими фактами, а не шевелящимися вслепую хиленькими щупальцами домыслов.

Майлз вдохнул поглубже, чтобы унять колотящееся в груди сердце.

— Значит, так. Начнем заново. Что мы можем знать наверняка? Во-первых, нужно установить личность этого… гм… клиента. Ворон, это главный вопрос, на который должно ответить вскрытие. Я отправляюсь в комнату связи и…

Зловещее покашливание Форлинкина резко оборвало речь Майлза.

Форлинкин кивнул на детей, безмолвных, прижавшихся друг к другу, с лицами белыми, как мел. Внешне по Джину и Мине трудно было сказать, то ли они напуганы, то ли гневаются. Во всяком случае, дети не плакали. В любом случае, Форлинкин прав: не годится прямо сейчас и перед ними обсуждать жуткие детали вскрытия, будь то их мама или нет. Дети, насколько Майлзу было известно, могут быть и безмерно чувствительны, и беспредельно кровожадны. Иногда эти качества удивительным образом уживаются в одном ребенке. Нужно ли вследствие этого относиться к детям как к женщинам? Очевидно, что в данный момент у него не выйдет в достаточной степени развить эту интересную мысль.

Майлз жестом выпроводил Форлинкина и его подопечных за дверь.

— Простите меня, простите, пожалуйста, — повторял и повторял Майлз. — Обещаю… — проклятье, необходимо срочно избавиться от этого слова, вычеркнуть его из своего лексикона, — я продолжу поиски вашей мамы. Дело приняло интересный оборот… Э-э… В смысле, непростой. Дело приняло такой непростой оборот. Мне нужна информация, че…

«Мне нужна информация, черт побери!» — его

старая присказка, такая удобная и успокоительная. Иногда прокол — это просто прокол. А иногда — это скрытая возможность, ломящаяся в дверь. Информации пока маловато — *Информации! Информации мне!* — но он чуял: перед ними как раз второй случай. Вот оно, то, что приходит с опытом: совершаешь ошибки, и все равно уверен, что прав.

Мина спросила:

— А что теперь будет с нами?

Джин испуганно добавил:

— Вы же не сдадите нас обратно дядюшке Хикару и тетушке Лорне?

— Нет. Во всяком случае, пока нет. Консул Форлинкин отвезет вас обратно в консульство, а там мы к чему-нибудь придем, или…

— Или? — эхом отозвался Форлинкин, когда Майлз замолчал.

— Мы к чему-нибудь придем. — *Просто пока не знаю к чему.* — Я пока останусь здесь, помогу прибрать, а потом присоединюсь к вам. Форлинкин, когда будете на месте, дайте указание лейтенанту Йоханнесу заняться предварительным сбором данных. Хочу найти этого доктора Либера, того, что объявился в группе Лизы Сато в Нортбридже полтора года назад.

Не ахти какая зацепка, но приходится работать с тем, что есть. Интересно, редкая ли это на Кибо фамилия? Скоро узнаем…

Форлинкин кивнул и увел детей. Джин оглядывался по дороге, словно прощаясь с утраченным убежищем. Мина протянула ручку и сунула ее в ладонь Форлинкина. Тот вздрогнул, однако мужественно преодолел чувство вины. Произошедшее явно стало серьезным ударом для детей. *Проклятье, это и для меня серьезный удар.*

Заспанный Роик высунул помятое лицо из дверей импровизированной караулки, искоса взглянул на троицу, исчезающую за углом.

— Меня разбудили голоса. Что здесь случилось?

Майлз рассказал, что случилось. Именно такую реакцию он и предвидел. Еще бы, результатом проведения хитроумной операции стало похищение совсем не того тела! Конечно, нужно хорошо знать Роика, чтобы уметь прочесть все оттенки отсутствующего выражения его лица. Может, есть какая-то секретная школа сержантов, где такому обучают? Или это приходит с опытом? Коммандер Пим довел это умение до совершенства, однако и Роик уже почти не отставал.

— Знаете, — сказал Роик. Пим бы так не сказал,

у Пима вместо этих слов нашлось бы соответствующее отсутствующее выражение лица. — Если бы вы остановились, когда мы были на подъеме, побеждали… После разговора с Вингом. Сейчас бы уже домой летели.

— Сейчас? Сейчас останавливаться поздновато, — язвительно заметил Майлз.

— Понятно, милорд.

Роик со вздохом двинулся за ним в лабораторию.

Ворон уже все прибрал и готовился ко второй операции. Танака раскладывала целый ворох жутковатых инструментов на подносе радом с операционным столом. Взглянув на вошедших, спросила:

— А как насчет наших пациентов? Договор остается в силе?

— Ну конечно, — машинально ответил Майлз. — Аренда есть аренда.

Странно, что она не разочаровалась в их силах после увиденного. Было ясно, что Танака согласна с диагнозом Ворона. Майлз не стал добавлять: «Ведь мы можем вернуться». Он стал осторожнее в обещаниях. Хоть и запоздало.

Ворон побарабанил пальцами по столу и осмотрел инструменты.

— Может, нам послать образцы тканей в лабораторию на платный анализ? Или самим что-нибудь придумать здесь?

— А как будет быстрее и лучше?

— Если ставится задача добиться хороших результатов, не выходя из дома, я бы привез своих ребят с Эскобара. На это наверняка ушло бы больше времени, чем послать образцы в лабораторию. В любом случае, есть риск привлечь постороннее внимание. Зато результаты практически одинаковые.

— Гм-м… Чутье подсказывает мне, что лучше бы придержать все это подальше от чужих глаз, пока не узнаем, с чем конкретно мы имеем дело. Я думаю, надо сделать все самому, насколько возможно, а там посмотрим по результатам. Рабочая гипотеза такая: кто-то преднамеренно подменил пациентов. Когда? Где-то в промежуток последних полутора лет. Если мы узнаем, кто эта женщина и откуда она, можем узнать и кто сунул ее на место Лизы Сато. — *Или не узнать.* — Пациентов поменяли или эту женщину заморозили здесь вместо Лизы Сато в самом начале, вот в чем вопрос. В таком случае…

Ворон нахмурился:

— Думаете, мать Джина и Мины жива и на

свободе? Тогда почему она не дала знать бедным деткам?

— Тут все зависит от того, насколько такие знания могут им навредить.

Ворон нахмурился еще сильнее.

— Ну, одно-то я могу сказать вам точно, — вмешалась Танака, наклоняясь и поднимая обрывок пластиковой обертки из мусорной корзины к свету. — Эту женщину не могли заморозить вместо той, что вы ищете. Во всяком случае, не в последние полтора года. Так оборачивали давным-давно.

Три головы разом повернулись к ней.

— Насколько давно? — выпалил Майлз. — И откуда вы знаете?

Морщинистые веки растянулись, Танака прищурилась.

— Боже, я не видела этой ткани с сеткой-шестигранником со студенческой скамьи. По меньшей мере тридцать лет, а может, и все пятьдесят.

Майлз застонал:

— Так эта женщина, глядишь, все двести пятьдесят лет пролежала в камере?

— Нет, потому что раньше были другие ткани и стили оборачивания. И до того, еще раньше, были другие.

— Спасибо, Танака, — выдохнул Майлз, — с этого уже можно начинать.

Тайна только что разделилась надвое. Просто какое-то деление загадочной клетки. Тайны плодятся на глазах. Продвижение вперед с торможением.

Ворон поднял инструмент и наклонился над пациентом, превратившимся в объект исследования.

* * *

Первую половину дороги к консульству во флаере висела тишина. У Джина от отчаянья просто горло перехватило. Замкнувшаяся в себе Мина, с бледненьким личиком, сидела пристегнутая к креслу в середине второго ряда. Пока они двигались неподалеку от владений Сьюз, Форлинкин вел вручную. Затем перебросил управление на городскую дорожную сеть и, вздохнув, повернулся назад.

Ему пришлось вертеть головой, обращаясь к обоим:

— Мне очень печально, что все так получилось.

— Ну, вы-то не виноваты, — успокаиваясь, сказал Джин.

Форлинкин открыл было рот, передумал и просто ответил:

— Спасибо, — и тут же добавил: — Хотя если бы на вашем месте была моя дочь, я бы, наверное, очень рассердился, если бы ее в такое втянули.

Джин только успел подумать: «По-моему, это мы вас втянули». Сказать, правда, не успел: Мина с готовностью подхватила тему:

— А у вас есть дочка? А сколько ей лет? А можно с ней поиграть?

— Анне шесть лет, так что поиграть с тобой она бы захотела, но боюсь, это невозможно. Она на Эскобаре, со своей мамой.

— А они к вам скоро вернутся? — допрашивала Мина.

— Нет, — Форлинкин замялся, — мы в разводе.

Оба ребенка вздрогнули, услышав страшное слово.

— А почему вы в разводе? — не унималась Мина.

Если бы сестра сидела рядом, Джин пнул бы ее по лодыжке, чтоб заткнулась. К несчастью, до нее было не дотянуться.

Форлинкин пожал плечами:

— Так получилось. В общем-то, никто не виноват. Она родом с Эскобара. Мы познакомились,

когда я служил там в посольстве, младшим секретарем. Когда мы только-только поженились, я думал, само собой разумеется, что она поедет за мной всюду, где мне придется служить. Но когда пришло повышение по службе и новый пост в посольство Барраяра на Поле, как раз появилась Анна. И жена просто передумала. С ребенком на руках у нее пропало желание покидать уют безопасного дома и родную планету. А может, она не полностью доверяла мне. Или была какая-то другая причина.

Повисла тишина. Джин перенес ее в смущении, зато Мина зачарованно перерабатывала новую информацию. Потом Форлинкин добавил:

— Недавно она снова вышла замуж. За эскобарца. Написала мне, что он хочет удочерить Анну. А я не знаю, что делать. Может, для нее так будет лучше, чем отец, которого она видит три дня раз в три года. Только трудно решить. Трудно отпустить.

Он произнес это все, обращаясь к собственным коленям. Затем внезапно поднял голову и посмотрел на Джина и Мину проницательными голубыми глазами.

— А что вы думаете?

Мина моргнула и выпалила:

— Я бы захотела, чтобы со мной остался настоящий папочка.

Форлинкина это как-то не особо обрадовало. Джин высказался осторожнее:

— Вообще, это от многого зависит. Например, хороший ли он человек.

— Думаю, ты прав. Я с ним пока не встречался. Наверное, мне надо выбрать время и слетать к ним, прежде чем отказываться от прав. Может, Анне будет только стыдно за отца, который лишь навещает ее. Вряд ли она хорошо меня помнит.

— А разве вы ей не пишете, ничего не посылаете? — нахмурилась Мина.

— Иногда.

Джин медленно спросил:

— А вы не могли тогда выбрать остаться с женой? Вместо посольства на Поле? — И где это еще такая планета? Похоже, далеко от Эскобара. — Ведь дипломат это не солдат, правда? Разве вам нельзя просто уволиться?

Форлинкин шутливо отдал Джину честь, так, приставив палец ко лбу, от чего мальчику стало совсем неловко. Может, лучше не стоило об этом говорить и вовсе?

— Да, такой выбор был. Тогда. Но прошлого не вернуть, и выбор сделан.

Мина перестала хмуриться и теперь уже откровенно сердито глядела на Форлинкина.

— По-моему, вы уже сделали выбор.

— Выбор сделал тот, молодой я. Я его теперь часто вспоминаю…

Они подъехали к консульству — автопилот запищал, и Джин прямо-таки обрадовался, когда Форлинкин вернулся к управлению.

Уже в консульстве, на кухне, Форлинкин соорудил им пожевать и отправился по делам в свой кабинет — там его ждал клерк с какими-то неотложными вопросами. Мина поймала Лаки и пошла с ним наверх. Джину надо было проведать свой зверинец во дворе. Когда он вернулся в комнату, которую делил с сестрой, та лежала, свернувшись калачиком вокруг кошки, словно приготовилась защищать свою собственность. Мина вцепилась в Лаки, словно в плюшевую игрушку. Кошка не сопротивлялась, если не считать редкого и ленивого подрагивания хвостом.

Джин был уже большой, чтобы спать днем, но кровать выглядела такой желанной. Если отобрать Лаки у Мины прямо сейчас, сестра, наверное, разорется. Подождать, что ли, пока заснет? Лицо у Мины все застывшее, под красными глазами — круги, как будто плакала.

Он сел на кровать и собрался было обдумать, как отвоевать кошку, когда Мина фыркнула и сообщила:

— Они все наврали.

— Взрослые всегда врут, — задумчиво ответил брат. — Мама всегда врала. Говорила, что все будет хорошо, а хорошо не стало.

— Угу.

Мина покрепче прижалась к кошке, сморщилась и фыркнула опять. Через несколько минут напряжение покинуло лицо девочки, хватка ослабла. Джин перегнулся, выудил Лаки, стараясь не разбудить сестру. Мальчик гладил кошку, пока та урчанием не подтвердила согласие на такой обмен, а потом сам свернулся калачиком на своей кровати. Кровать была прекрасная, гораздо лучше, чем все, на чем он спал у Сьюз-сан, но ему хотелось обратно. Может, ворчливый старикашка Йани был прав, когда хотел оставить Майлза на улице…

Он проснулся, услышав, как Роик зовет его по имени и мягко тормошит. Мина уже сидела на кровати и терла примятые подушкой щеки. Лаки не было. Пятно света на ковре переместилось. Взгляд на часы сообщил, что прикорнул он на два часа.

— Извините, что приходится вас будить, — виновато сказал Роик, — милорд хочет кое-что вам показать на комм-пульте в комнате связи.

Роик терпеливо дожидался, пока дети сходят в ванную и вымоют руки, прежде чем следовать за ним. Теперь, попривыкнув к этому здоровяку, Джин даже полюбил Роика. Для Майлз-сана Роик был чем-то вроде собственного, личного взрослого, который повсюду за тобой ходит и все для тебя делает. Только вот ты сам говоришь ему, что делать, а не наоборот. Вот бы себе такого Роика, подумал Джин.

В этом чудном подвале, который можно было наглухо запереть, собрались все. Джин уже понял, что здесь консульство хранит все свои важные шпионские тайны. Майлз-сан и Форлинкин сидели у комм-пульта. Ворон-сенсей тоже вернулся. Сейчас он был чем-то занят с Йоханнесом, нагнувшись над длинным столом и каким-то маленьким аппаратом на этом столе.

Джин протопал к ним.

— Что это у вас?

— Сканер ДНК, — ответил Йоханнес.

— Вы этой штукой проверяли отпечаток Майлз-са… лорда Форкосигана в тот день, когда мы познакомились?

— Да.

— Удобная штука, — пояснил Ворон-сенсей. — У госпожи Сьюз тоже должна быть такая. Очевидно, ее либо продали, либо сломали. Я уже опасался, что придется отсылать образец ткани в платную лабораторию даже из-за такой простецкой операции.

Джин наблюдал с интересом.

— А можно мне сканировать ДНК моих животных на этом аппарате?

— Это не игрушка, — ответил Йоханнес, — мы используем его для сверки документов тех, кто собирается в путешествие, ну и тому подобное. — Он взглянул на Джина и смягчил тон: — Спроси-ка советника Форлинкина.

Майлз-сан подозвал Джина к комм-пульту, возле которого, переминаясь с ноги на ногу, уже стояла Мина. Над экраном в ряд висели фотографии четырех разных человек. Двое седоволосых. Один в лабораторном халате.

— Мисс Мина, надеюсь, вы нам поможете, — начал Майлз-сан. — У всех этих людей одно имя — доктор Либер, и живут они неподалеку от центра Нортбриджа. Мы уже исключили всех докторов Либер женского пола. Надеемся, что никто из них не летал недавно на Колонию Бе-

та. — Рот Майлза скривился словно от шутки, которой Джин не понял, но вот Роик, судя по ответной усмешке, понял. — Не похож ли кто-нибудь из них на человека, который говорил с твоей мамой тем вечером? Или, может, кто-то из них совершенно точно не похож на этого человека?

Мина внимательно вгляделась в сканы.

— Это было так давно, я уже и не помню.

— А что ты вообще о нем помнишь? Этот доктор Либер, он был молодой или старый?

— Старый!

— Седой?

— Нет, темноволосый, это я точно помню. Вот только возраст я у взрослых не очень-то понимаю. Этот правда был здорово старый. Лет тридцать.

Майлз-сан и Форлинкин переглянулись. У консула шевельнулись губы, однако он ничего не сказал.

— Так, значит, старый, но не седой.

Майлз-сан постучал пальцем по экрану, и изображения двоих седовласых мужчин исчезли. Двое оставшихся выглядели похоже, и стрижки одинаковые, только у одного лицо слегка осунувшееся, а у другого покруглее.

— Когда я был маленьким, — заметил Роик, заглядывая им через плечо, — я думал, что любой

тощий взрослый — мой дедушка. Очень трудно было порой…

— И все-таки, — настойчиво продолжал Майлз-сан, — Джин, не помнишь ли ты кого-нибудь из этих двоих в маминой компании? Даже если тебя с ними не знакомили?

Джин покачал головой.

Мина долго разглядывала изображения, а потом указала на тощего:

— Вон тот. Кажется. Другой уж очень толстенький.

— Может, это и он, только веса набрал, — подсказал Джин, тоже стараясь помочь.

— Вы ей покажите сканы с сотней лиц или хотя бы с десятком и увидите, как мало будет толку, милорд. Вы подсказываете свидетелю.

— Если бы стояла задача опознавать всех тридцатилетних старикашек на Кибо, то, несомненно, ты бы оказался прав, — возразил Майлз-сан. — К счастью, у нас уже очерчен круг подозреваемых. — Майлз указал на толстяка: — Этот доктор Либер — акушер клиники-репликатора в северном пригороде, — затем его указующий перст переместился на лицо тощего, — а *этот* доктор Либер — биохимик из компании «Крионикс», принадлежащей «Новому Египту». Поскольку

показания Мины не исключают его полностью из списка подозреваемых, сочетание должности и положительный результат опознания просто обязывает меня поставить его номером первым на проверку.

— Помнится, была рабочая версия о том, что парень, скорее всего, смылся, — напомнил Роик. — Этот Либер что-то мало похож на борца с режимом — хорошая зарплата, акции в компании, криострахование. Я бы сказал, соль корпоративной земли…

Майлз-сан откинулся на стуле и потер подбородок.

— Да, тут нестыковка. Полагаю, я изначально ошибался.

При этих словах Роик отвесил Майлзу поклон, и Имперский Аудитор слегка улыбнулся. Чему? Джин опять не понял.

Йоханнес и Ворон-сенсей закончили работу за столом и перебрались к спутниковому коммпульту.

— Так-так! А скан для опознания там есть? У меня на всякий случай есть отпечатки пальцев рук и ног, правда, надеюсь, они нам не понадобятся.

Майлз-сан оттолкнулся ногами и повернулся к ним, не вставая с кресла.

— Что вы тут обнаружили?

Роик наклонился, вглядываясь.

— Похоже на нашу дамочку, верно? Посмотрите на скулы и уши… а родинка над левой бровью? Такая же! Этот скан сделали, скорее всего, незадолго до криостаза.

— Не могу сказать, что разглядел ее уши.

Майлз-сан схватил трость и приблизился, чтобы получше разглядеть картинку.

Джин тоже протиснулся между ними. Изображение живой, улыбающейся женщины сменилось перед глазами той застывшей, чужой фигурой на операционном столе. Мальчика замутило. А мама? Она тоже стала бы такой же чужой, если б взаправду умерла?

— Отлично, — проговорил Ворон-сенсей. — Здесь — все, что нам нужно о ней знать. Биографические данные, история болезни, дата ввода в криостаз. Так… криоконтракт и состояние счета… может, тоже где-то пригодятся. Бедолага ты, Алиса Чен. Но я рад, что наконец-то познакомился с тобой.

— Молодцы, — похвалил Майлз, — быстро сработали.

— Базы данных клиентов криокорпораций открыты для всех желающих, — ответил Йо-

ханнес, хотя и видно было, что он обрадовался поощрению. — Будь ты юрист или ученый, занимающийся демографическими исследованиями, медик или просто любитель, раскапывающий корни генеалогического древа семьи, доступ открыт для всех. — Он сел и еще раз взглянул на экран с данными. — Похоже, женщину заморозили сорок пять лет назад. Нам крупно повезло. Стоит забраться в историю лет на сто, и натыкаешься на дыры в базе данных, возникшие то по одной причине, то по другой.

— Да, когда я еще служил в… гм… работал на другой работе, эта планета была пристанищем для любителей поддельных документов, происхождение которых невозможно отследить, — поделился знаниями Майлз-сан. — Я и о планете-то до расследования знал только по этой причине. — Он прищурился и указал на строчку в истории болезни: — А это что за непроизносимая игра слов?

— Название прогрессирующего заболевания крови, — посмотрев, ответил Ворон-сенсей. — Может, из-за него она и предпочла лечь в криостаз в столь раннем возрасте.

— Может, из-за него она и умерла?

Ворон покачал головой:

— Нет, оно не могло оказать никакого влияния на вывод из криостаза. Хотя впоследствии ей бы, конечно, понадобилось лечение.

— А в наши дни она бы его получила? Я имею в виду, лечение.

— Да, конечно, сейчас такое заболевание лечится.

— Так что же делала женщина, замороженная почти полстолетия назад в криокамере Лизы Сато с биркой Лизы Сато на ноге? Ясное дело, она не сама туда забралась. И если номера криокамер можно просто перепутать, занося в базу данных, то бирка на ноге — верная гарантия, что тела подменили.

— Кстати, а где останки этой вашей госпожи Чен? — спросил консул Форлинкин. — Рано или поздно придется вернуть их ближайшим родственникам. Вполне возможно, что за всем этим возникнут проблемы наследственного характера — да бог знает, что еще. Кроме того, она скончалась недавно, а значит, у нее могут оказаться скорбящие родственники. — И, подумав, добавил: — Хотя, по правде сказать, я не особенно жажду судебных тяжб из-за нее.

— Мы пока припрятали ее в подземном криохранилище госпожи Сьюз, — ответил Ворон-сен-

сей. — Тенбери посоветовал.

— Долго ли она сможет… сохраняться?

— Сколько угодно.

Майлз клятвенно поднял ладонь перед Форлинкином.

— Мы вынуждены скрывать ее, пока не распутаем клубок тайн. Но потом напомните нам об этих важных вопросах. Так-с. Значит, теперь у нас две ниточки — труп потерявшейся женщины и доктор Либер. Остается лишь идти по следу, пока они не пересекутся. Кстати, ее заморозили в «Новом Египте»?

Йоханнес покрутил текст на экране.

— В одной из корпораций, которую позже купил «Новый Египет».

— А где заморозили? В том же корпусе?

— Не думаю, что их корпуса стояли на этом месте сорок пять лет назад. — Йоханнес склонился над ворохом ссылок: — Ага, вот оно! Здание, где ее заморозили, закрылось лет десять назад. Его потом снесли. И ее криокамеру переместили в корпус в «Криополе».

— В этом случае устроить подмену ничего не стоит, — заметил Майлз-сан. — Особенно для, скажем, сотрудника компании. Полагаю, госпожу Чен они выбрали наугад. Главной целью была

Лиза Сато.

— Вы хотите сказать, кто-то украл нашу мамочку?

Голосок Мины задрожал.

— Картина вырисовывается именно такая…

Майлз-сан прищурился, вглядываясь в стереоизображение.

Только когда Майлз почувствовал ладонь Форлинкина, крепко сжавшую его плечо, и заметил его сердитый взгляд, он обратил внимание на девочку. Видно было, что та изо всех сил старается не заплакать.

Майлз-сан поспешил поправиться:

— Надо иметь в виду, что кто бы ее ни украл, должен очень о ней заботиться. Ведь не крадут же люди того, что им не нужно. Это значит, что они точно обходятся с ней очень бережно.

Очередное взрослое вранье? В целом Джину нравилось, что Майлз-сан разговаривает с ними как с равными. Но все равно очень уж странно звучат его слова.

Мину такое объяснение, видно, не слишком успокоило, поэтому Майлз-сан продолжил бормотать:

— Вот, например, мою переносную криокамеру вообще на некоторое время теряли. И ничего, в

конце концов все обошлось.

— Это с вашей точки зрения ее теряли, — заметил Ворон-сенсей, — а с нашей — нашли!

Майлз-сан победно воззрился на Мину, словно говоря: «Вот видишь?» Правда, улыбка его мгновенно растаяла в ее потухшем взгляде. Форлинкин и Йоханнес смотрели на него с восхищенным ужасом.

Майлз продолжал:

— Я собираюсь поговорить с доктором Либером. Лично. Полагаю, встречу надо организовать не на работе, — добавил он, стараясь не подгонять мысли.

Роик мрачно скривил губы:

— Сначала необходимо обеспечить надежную безопасность этой встречи.

— Ну конечно! Мы даже Йоханнеса с собой прихватим, чтобы тебе не пришлось в одиночку… обеспечивать безопасность.

— Ну, хоть что-то…

Майлз все наблюдал за Миной, та непоседливо переминалась на месте.

— Нет никаких записей о том, что Либер как-то связан с твоей мамой. Только ты их видела вместе. Если из этого что-то получится, то лишь благодаря ценным разведданным, которые мы

получили от вас, мисс Мина.

Этому девочка немного обрадовалась. Во всяком случае, губки дрожать перестали.

— Правда?

— Правда. А работа ценных информаторов СБ хорошо оплачивается. Да и курьерская работа тоже, как мне подсказывают, — добавил он, глядя на Джина.

— Э-э… я-то вообще провалил свое задание… — заметил тот.

— Честно говоря, неприятельский плен увеличивает надбавку за риск.

— А сколько? — личико Мины просияло.

— Ого, мне нравятся твои рассуждения, дитя мое. Если серьезно, есть официальная шкала расценок. В марках Барраяра, конечно же. Там имеется прейскурант за различные услуги. Мы попросим Роика проверить и перевести все в валюту Кибо-Даини.

— Вы хотите оплачивать их труд взрослой ставкой? — поинтересовался Форлинкин. Джину показалось, что консул скорее удивился, чем рассердился. Только бы Форлинкин не принялся всерьез отговаривать Майлза от этой расчудесной идеи!

— Так точно! — ответил Майлз и добавил: —

Мои бюджетные расходы зиждутся на принципах благоразумия и гибкости.

— Не мешало бы вам приобрести и того, и другого, — выпалил Форлинкин и тут же прикрыл рот, сам удивившись сказанному.

Майлз лишь криво ухмыльнулся в ответ. Вернув себе непроницаемо-консульское выражение лица, Форлинкин увел Джина и Мину на кухню, покормить. Уходя, Джин бросил взгляд через плечо — четверо напряженно склонились, каждый над своим комм-пультом. Тяжелая дверь плотно закрылась.

«Надеюсь, в консульстве стоящая шпионская аппаратура», — подумал мальчик.

Глава тринадцатая

Доктор Сэитиро Либер, как оказалось, снимал жилье в безликом доме ленточной застройки спального района на западной окраине Нортбриджа, неподалеку от места работы. Йоханнес, управлявший флаером, по просьбе Майлза сделал круг по району. Просто так, чтобы осмотреться. Чудесным воскресным утром крошечные лужайки перед домами кипели жизнью — хозяева увлеченно ковырялись на своих участках. Стайка детишек шумно носилась по газонам, потом, получив нагоняй от садовника, хихикая, растворилась за углом. Вполне вероятно, что Джин и Мина выросли в местечке, весьма похожем на это.

Просидев ночь с целью выудить как можно больше информации о Либере, Майлз нашел записи о его студенческих годах, в то время как полицейское досье на доктора загадочным образом пустовало. Он не числился ни в списках сочувствующих, ни в списках спонсоров движения Лизы Сато. Не было его имени и в списках арестованных во время злополучных беспорядков. Впрочем, тогда многих отпустили и без

предъявления обвинений. Обвинения выдвинули лишь против тех несчастных двоих, которые погибли, да против троих, включая Сато, кого заморозили. Естественно, обвинения после этого сняли. И воцарилась тишь да гладь.

Доктор Либер получил ученую степень в возрасте двадцати восьми лет и тут же трудоустроился в «Новый Египет» на четыре последующих года. Майлз прочитал, вернее, просмотрел текст его диссертации — что-то об улучшении криорастворов. Учитывая, что стипендию он получал от консорциума криокорпораций, ничего удивительного в этом не было. Крупнейшие криокорпорации содержали свои исследовательские центры, которые, помимо надзора за контролем качества, работали над развитием собственной научной базы, призванной отвлечь внимание клиентов от постоянной борьбы компаний между собой. Что, впрочем, также не удивительно.

Майлз приказал Йоханнесу припарковаться на углу.

— Здесь проблем не оберешься не столько от подслушивающей электроники, сколько от любопытствующих соседей. Ни на секунду не останешься без внимания: кто-нибудь да придет проверить, не замышляешь ли ты чего. Поэтому,

Йоханнес, остаемся на открытом канале связи, — Майлз всегда устанавливал свой комм на запись, если отправлялся похулиганить, — а ты пока припаркуйся где-нибудь, выпей кофейку. Роика высади по дороге с той стороны дома. — Майлз внимательно осмотрел своего охранника, одетого достаточно неброско, однако не по-местному. — Жаль, что не получится переодеть тебя фонарным столбом.

— Ничего, справлюсь как-нибудь, — ответил тот.

Майлз кивнул, махнул Ворону «следуй за мной» и спустился на тротуар.

На звонок открыл темноволосый мужчина с кружкой чая в руке. Футболка, брюки, босые ноги. Он прищурившись осмотрел гостей. Несмотря на воскресную щетину и отсутствие лабораторного халата, Майлз мгновенно признал в нем намеченную жертву.

— Доктор Либер? — улыбнулся Майлз и, не давая тому времени опомниться, продолжил: — Меня зовут Майлз Форкосиган, а это мой коллега, доктор Ворон Дюрона из Группы Дюрона.

По лицу было заметно, что Либеру знакомо последнее имя, и он озадаченно спросил:

— Дюрона? Из эскобарской клиники?

— О, вы слышали о нас?

Ворон расплылся в счастливой улыбке.

— Я читаю медицинскую периодику.

Майлз не давал железу остыть:

— Мы оба прибыли на межпланетную криоконференцию на прошлой неделе, хотели и с вами увидеться. Можно войти? — Все сказанное подразумевало, что «коллега» также занимался биологическими исследованиями, а не межзвездными расследованиями, о чем Майлз предпочел умолчать. Ну, хотя бы пока их не пустят на порог. Да и после этого без крайней необходимости ни к чему.

Либер счел объяснения вполне разумными, проглотил остатки чая и отступил. Майлз благодарно ринулся вперед. Он прошел за хозяином в крошечную гостиную и тут же уселся, чтобы закрепиться на плацдарме. Остальные последовали примеру.

— А вы были на конференции? Что-то я вас не заметил.

На самом деле, Майлз проверял, Либера там не было.

— Нет, но теперь жалею, что не присутствовал. А вы, случаем, не попали в историю с ООНН? Я в новостях видел…

— Я-то нет, а вот наш друг Ворон — да.

Майлз подал знак, и Ворон «прогрел» начало знакомства парочкой забавных историй о своих приключениях в заложниках, обойдя всякое упоминание Барраяра. Затем Ворон увлек Либера в технические вопросы конференции, и вот они уже болтали о биохимии вперемежку с малопристойными сплетнями. Ворон коснулся и диссертации Либера, которую он читал прошлой ночью, не смыкая глаз. К этому времени Либер полностью освоился с гостями.

Майлз решил взять быка за рога:

— Вообще-то, я у вас по поручению ближайших родственников Лизы Сато. Насколько я понимаю, вы общались с ней полтора года назад, как раз перед арестом.

Либеру не удалось скрыть ни испуга, ни смятения, враз появившихся на лице. Что ж, в конце концов, он ведь ученый, а не преступник-лицедей. Да и врун никакой. *Ну, вот и чудненько.*

— А откуда вы знаете — в смысле, с чего вы так решили? — ляпнул он, только подтвердив догадку Майлза.

— Есть свидетельские показания.

— Но никто не видел… Никого не осталось… Но ведь Суваби умер.

— Есть еще один свидетель.

Либер сглотнул. Видно было, что он пытается взять себя в руки.

— Извините. Врямя такое было… Страшное время.

Майлз собрался было сказать что-нибудь успокаивающее, но тут хозяин дома вдруг вскочил на ноги.

— Простите, вы меня несколько смутили… Может, чайку? Сделаю-ка я еще чайку. Не желаете ли чайку?

Майлз не хотел давать Либеру время на размышления и придумывание вранья — потом ведь придется долго выводить его на чистую воду. Однако тот уже исчез на своей крошечной кухоньке. Так что Майлз лишь кивнул вслед, соглашаясь на «чаек». Либер не оглянулся.

Ворон удивленно поднял бровь:

— Мои поздравления.

— Да уж… «удар, удар вернейший».

Загромыхали тарелки, побежала вода… Легонько скрипнула, а затем тихонько стукнула о косяк дверь.

— Черт…

Майлз оперся на трость и встал.

На пустой кухне царила тишина, если не

принимать во внимание кипящего чайника. Единственный выход с кухни вел во внутренний дворик. Калитка, ведущая из него, покачивалась на петлях.

Майлз поднял наручный комм к губам:

— Роик? Подозреваемый только что бежал через задний двор.

— Уже преследую, милорд, — мрачно ответил Роик.

Глухой топот ног, сдавленное учащенное дыхание. Кто-то тявкнул, не Роик. Снова топот. «*Черт!*» А вот это уже Роик.

— Что случилось? — потребовал Майлз.

Роик, слегка запыхавшись, ответил:

— Он только что нырнул во двор к соседям. Теперь не достать. Там женщина и два ребенка. Смотрят на меня из окна. Теперь она спорит о чем-то с беглецом. Вернее, она ему что-то втолковывает, он так бежал, что отдышаться не может. — И через мгновение: — Вы же не хотите, чтобы я туда отправился? Проникновение на частную территорию. Нападение.

Строгий тон Роика не оставил Майлзу никакой возможности пуститься в увещевания по поводу дипломатического иммунитета. Роик продолжил:

— Она ушла. Наверняка пошла звонить в полицию. Чем вы так насолили парню?

«Ничем» было бы не совсем верным ответом.

— Я не уверен, — подобрал слова Майлз. — Ладно, оставь его пока. Сбор у Йоханнеса.

— Ясно.

Майлз повернулся к Ворону:

— Значит, так. У нас есть минут пять на то, чтобы все обыскать. Вы в подвал, я займусь верхним этажом.

— Что мы ищем?

— То, что он прячет.

Наверху располагалась спальня, в еще одной спальне был обустроен рабочий кабинет, рядом — ванная. Миленькое и скромненькое (по галактическим масштабам) собрание порно в спальне валялось на самом виду. Либер явно жил без подружки. В шкафу висела одежда, стояла обувь и россыпью валялись останки спортивного снаряжения. Майлз успел бросить голодный взгляд на комм-пульт в соседней комнате — времени незаметно и до приезда местной полиции скачать нужную информацию явно не хватит. К тому же «эсбэшные» приборчики, с которыми такая операция занимает считаные мгновения, остались в консульстве.

Вдруг раздался сигнал от Ворона:

— Майлз?

— Пора уносить ноги, Ворон. Полагаю, полиция уже едет к нам.

— Честно говоря, сомневаюсь, что он их вызвал.

Интересное заявление, да еще и произнесено, чувствуется, с огромным удивлением.

— Что у вас там?

— Спускайтесь сюда, взгляните.

Майлз спускался по ступеням много осторожнее, чем взлетел по ним. По дороге он захватил трость.

На нижнем уровне дома Либера — это был не совсем подвал — вполне предсказуемо обнаружилось техническое помещение со стиральной машиной, электрикой и прочим. Тут же пустовала и большая комната, что-то вроде мастерской для реализации всевозможных проектов хозяина. Основным проектом, видимо, было накопление хлама. Ворон стоял между покрытым пылью тренажером и продолговатой формой под покрывалом.

— Вуаля! — театрально объявил Ворон и сдернул покрывало.

Под ним стояла переносная криокамера. Под-

ключенная. Работающая. И, очевидно, занятая.

— Мы ведь оба догадываемся, кто в ней, правда? — спросил Ворон.

— Да уж… — выдал Майлз с изрядной долей восхищения в голосе. — Хотя… Это вообще практикуется, держать у себя в подвале замороженного человека? Имею в виду, здесь?

— Понятия не имею, — ответил Ворон, проводя по аппарату ладонями в поисках таблички. — Надо будет поинтересоваться у Йоханнеса или Форлинкина. Или Джина. Меня другое занимает: как он эту штуку сюда засунул?

— Полагаю, во тьме ночной.

— Нет, в смысле, сюда, вниз. Ее не развернуть на лестнице. Должно быть… Ага, вот дверь в гараж. Так-то лучше. — Ворон вскарабкался по куче хлама, открыл дверь и просунул голову. — Ого, классный гравибайк.

Майлз заглянул под криокамеру. Дешевая модель, без встроенной гравиплатформы. Камера стояла на разносортных подставках из кирпичей, цементных блоков, груды макулатуры — на верху последней кучи лежал научный журнал. Сюда и подставляли гравиплатформу. Под грудами хлама ее не было видно.

Майлз поднес наручный комм ко рту:

— Йоханнес?

— Роик со мной, сэр, — сразу же ответил тот. — Нам заскочить за вами?

— Сначала один вопрос. Гравиплатформа, что мы брали вчера, все еще на борту?

— Да, простите, сэр. У меня не было времени вернуть ее в прокат.

— Отлично. Подъезжайте к черному ходу. Увидите ворота подземного гаража. Мы ждем там. Для вас есть тяжелая работенка.

— Уже едем.

Ворон поднял брови:

— Похоже на ограбление. Взлом и проникновение.

— Ничего подобного. Владелец сам впустил нас. Взлом и бегство — это может быть. Что касается ограбления… Похоже, для предмета кражи это уже не впервой. Да и преступник все-таки вряд ли пойдет жаловаться властям. Не думаю, что Либер кому-нибудь расскажет. — Майлз продолжал разглядывать камеру снизу. — Вы не нашли на ней никаких табличек?

— Только марку производителя. Известная фирма. А, вот и серийный номер, это уже зацепка.

— С этим разберемся позже.

Сначала — главное. *Если я до сих пор не смог вос-*

пользоваться тактическим преимуществом... А ведь он может ошибаться, поразительно ошибаться. А может, он прав. И тоже всех поразит. *А, в любом случае, всех поражу*.

Когда Йоханнес и Роик подогнали флаер, Майлз с Вороном уже открыли гараж. Оставив грубую работу грубой силе, Майлз отправился наверх, на кухню — найти, чем писать и на чем. Под руку подвернулись стилус и список покупок. Поразмыслив, перевернул лист обратной стороной и принялся царапать.

Вошел Роик.

— Изрядно попотели, но в конце концов впихнули. Пришлось давить на задний люк, чтоб закрыть флаер. Что вы делаете, милорд?

— Оставляю Либеру записку, — Майлз прикрепил ее к дверце холодильника.

— За каким чертом?.. — Роик наклонился и прочел. — Разве взломщики оставляют *записки*?

Майлз явно гордился удавшейся, по его мнению, формулировкой: «Жду в консульстве в любое удобное вам время». Никакой подписи.

— Нам ведь так и не удалось завершить беседу, — пояснил Майлз. — Теперь у нас есть кое-что, нужное ему. И он придет. По меньшей мере, сэкономим на слежке. Проклятье. Единственный из

нас, кого Либер еще не знает в лицо, — Йоханнес. Правда, он нужен мне для другой работы. Тебя, наверное, порадует, что я раскаиваюсь: надо было захватить с собой опергруппу СБ, о которой ты всегда просишь.

— А толку-то в запоздалом раскаянии? — вздохнул Роик. — Может, лучше подождем возвращения Либера здесь?

— Он не вернется. Во всяком случае, пока мы здесь. Если я правильно понимаю, он рисковал работой, а может, даже жизнью, чтобы заполучить то, что мы нашли в подвале. Он напуган и будет осторожничать, пока не обдумает все хорошенько.

А потом придет в ужас.

Предусмотрительно заперев двери гаража, вся компания забралась во флаер.

— К госпоже Сьюз, — приказал Майлз Йоханнесу. — Потихоньку и окольными путями.

Ворон перегнулся через спинку кресла:

— Знаете, если мы выкрали любимую бабушку этого бедняги, позору нам не обобраться.

Майлз задиристо ухмыльнулся:

— Ну, в этом случае мы ее просто вернем. Оставим ночью на лужайке перед домом. Или отправим ему как-нибудь анонимно. Нет, мне,

чтобы опозориться, требуется гораздо большее.

Майлзу вдруг расхотелось веселиться при воспоминании о вчерашнем постыдном фиаско. Роик то ли хмыкнул, то ли вздохнул, но Майлз решил не обращать на телохранителя внимания.

* * *

Еще в годы службы муниципальным патрульным полицейским в Хассадаре, Роик прошел курс неотложной помощи. Позднее, дав торжественную клятву графского оруженосца, он получил значительно более серьезное образование в области военно-полевой медицины. В это образование входила неотложная криоподготовка — практические занятия с пугающе реалистичной, анатомически совершенной моделью-куклой и учебным криораствором. Кошмаров у Роика после этого курса не было. Но перекладывая тело Лизы Сато на операционный стол, он уже не был уверен, что отделается так же легко и на этот раз.

Ворон и медтехник Танака действовали крайне профессионально: разрезали защитную псевдоплевру, подготовили безжизненное тело. На их лицах не видно было и тени смущения по поводу беспомощной женщины на столе. Та была не

куклой и не трупом. Живой она тоже не была. А была она… Нет, не так далеко ушел человек от обезъяны, чтобы постичь, чем она была. И все-таки, если когда и придется (боже упаси!) проводить криоподготовку по-настоящему, подумал Роик, этот опыт поможет ему лучше справиться с поставленной задачей. Теперь-то он понимает, в чем суть всех действий, над которыми и не задумывался раньше. Он чувствовал, что тоже приобщился к избранным.

Что ж, после позавчерашнего безобразия милорд хотя бы уверен, что на операционном столе именно та женщина, которую нужно оживить. К счастью, в этот раз он хорошенько подумал и не стал тащить сюда несчастных детишек для опознания своей новой добычи после того, как компания выгрузила ее у Сьюз и развернула на операционном столе. На сей раз Джину и Мине даже не сказали, что ее нашли. Когда он спросил у милорда, как лучше: говорить или не говорить, тот попросту ответил: «По-всякому нехорошо». Что было сущей правдой.

Роик постарался скрыть отвращение, когда Ворон принялся втыкать разные трубочки в оттаявшую кожу, другим концом опуская их в ему одному ведомые сосуды. Когда в дверь внезапно

постучали, Роик встрепенулся и обеспокоенно развернулся на каблуках.

В проеме появилась голова консула Форлинкина.

— Лорд Форкосиган, поступило сообщение… э-э…

— На сей раз, надеюсь, вы не привели детей? — встревоженно спросил милорд.

— Нет-нет, с ними сидит Йоханнес. Дети пока ничего не знают.

— Фу-фф… Хотя скоро вы сможете их сюда привести. Если все пойдет как надо.

— А если не как надо? — мрачно поинтересовался Форлинкин.

Милорд вздохнул:

— Тогда их приведу я.

— Входите, — бросил Ворон через плечо. — Наденьте фильтр-маску. Нечего в дверях маячить.

Ако поспешила к Форлинкину с маской. Консул поморщился, когда края гермоповязки слились с кожей. Он осторожно подошел к операционному столу.

— Всегда было интересно посмотреть: как же это все-таки происходит?

— Надеюсь, пока все идет без осложнений? — поинтересовался милорд.

Он взгромоздился на высоченный стул. Отчасти чтобы наблюдать за процедурой. Но в основном, как заподозрил Роик, чтобы не было соблазна все время вышагивать.

— Пока — да, — ответил Ворон и, протянув руку вверх, начал первую промывку подогретой, переобогащенной кислородом внутривенной жидкостью. Кожа пациентки принялась терять землисто-серый цвет и понемногу приобретать неуловимый бледно-ледяной оттенок. Кто-то и зачем-то сохранил ее длинные волосы, обработал гелем, завернул. Теперь они лежали спиралью, словно раковина улитки, на ее плече. А вот волосы госпожи Чен обрезали коротким хвостиком — все для удобства медиков…

Госпожа Сато оказалась выше, чем Роик представлял, — наверное, метр семьдесят. Это да еще и темные волосы придавали ей неуловимое, волнующее сходство с леди Екатериной. Правда, Роик решил не озвучивать своих наблюдений. Лицо госпожи Сато было несколько более округлой формы, только вот челюстные кости и скулы немного выступали, обрамляя его. Тело стройнее, правда, не как у более спортивной, а как у изможденной женщины. Словно хорошая девочка, попавшая в плохую компанию и подсевшая на

наркоту.

— Она совсем не… — Форлинкин зачарованно выкатил глаза. — Вы же говорили, что зрелище будет жуткое, кровоточащая кожа кусками, вылезшие волосы и все такое прочее.

— В криостаз ее ввели в добром здравии, — пояснил Ворон, — криоподготовка проведена мастером, да и положили ее недавно. Вот лорд Форкосиган попал на операционный стол в состоянии значительно хуже среднего, если выражаться мягко. Думаю, кто-то же должен выглядеть лучше. Хотя бы чтоб сбалансировать это самое среднее состояние.

— Она выглядит феей из сказки.

— Что? — подал голос милорд, раскачивая ногой и отбивая такт по ножке стула. — Белоснежка для всего одного гнома?

Форлинкин покраснел, всем видом давая понять, что такого он не говорил. Милорд ухмыльнулся в ответ.

— Теперь все, что нам нужно, — это принц!

— А лягушка-то кто? — спросил Роик, радуясь, что воображение разыгралось не только у него.

— Это совсем другая сказка, — мягко ответил милорд. — Во всяком случае, я надеюсь.

Ворон сменил трубки, и вместо прозрачной

жидкости потекла темно-красная. Ледяная женщина снова принялась менять внешность — оттенок кожи сначала стал бледно-розовым, словно наступила ранняя весна, а затем и более теплым, цвета золотистой слоновой кости — как будто теперь в ее венах заструилось лето. Время шло, и вот уже Ворон перекрыл выход жидкости из ноги, забинтовав вену пластиковым бинтом. Ворон и Танака возились с трубками, проводами и странной шапочкой.

— Всем отойти, — потребовал Ворон, подняв глаза, чтобы убедиться, что аудитория — все эти ничего не соображающие неспециалисты — отступит на шаг.

Щелчок электростимулятора раздался тише, чем Роик мог того ожидать, однако сержант все равно отступил.

Вдруг грудь безмолвной женщины поднялась, кожа стала приобретать вид не просто эластичный, но и по-настоящему живой. Несколько последующих мгновений тело неритмично сотрясалось. Танака наблюдала за работой мониторов, Ворон, прищурившись, смотрел на пациента. Лицо его оставалось спокойным, но Роик заметил, как сжались в кулак пальцы в перчатках. Наконец губы женщины раскрылись

в долгом вдохе, затем еще один вдох, и Ворон разжал пальцы. Роик уже в последнее мгновение вспомнил, что надо бы выдохнуть, пока не опозорился, рухнув при всех без сознания.

— Вот и молодец, умница, — сказал Ворон и отключил искусственное дыхание.

Глаза милорда закрылись в глубочайшей признательности. Сраженный напрочь Форлинкин лишь выдохнул:

— Изумительно!

— Это моя любимая часть работы, — признался Ворон, ни к кому в частности не обращаясь, насколько понял Роик. — Чувствую себя творцом. Ну или, по меньшей мере, магом.

Губы милорда дрогнули в усмешке:

— Хотите сказать, для вас это — способ самоутвердиться?

— Не просто способ, а лучший способ! Я живу ради таких моментов.

— Всегда рад отметить, что человеку нравится его работа.

Ворон обошел пациентку со всех сторон, простучал мышцы молоточком в определенной, как показалось Роику, последовательности. Так делали врачи в древности.

— Рефлексы работают, периферийная система

включается очень хорошо, — доложил он. Вернувшись к изголовью, отбросил прядь волос с ее лба каким-то ласковым жестом. — Госпожа Сато? — позвал он. — Лиза?

Веки затрепетали, распахнулись, захлопнулись. Восточный разрез глаз — наследие предков с Земли — оказался классическим миндалевидным. Радужка — насыщенного, темно-карего цвета, отчего сходства с леди Форкосиган стало еще меньше. У миледи были изумительные серо-голубые глаза.

— Слух возвращается, — продолжил наблюдения Ворон, — по меньшей мере, в целом. Лиза? Вы меня слышите?

Наверное, мало радости — открыв глаза, увидеть вокруг лица в масках. Словно бандиты. Особенно если последнее, что она помнила, — лица тех, кто ее разве что не убил. Может быть, они издевались? Или вели себя строго профессионально? Безразлично? Все равно они — бандиты, укравшие ее волю, ее мир, ее жизнь.

Роик наклонился:

— Мэм, вы в безопасности. Вы живы и среди друзей. Вы спасены. Ваши дети также в безопасности и под защитой. Вы скоро с ними увидитесь.

Веки снова задрожали, она простонала.

— Голос тоже возвращается, — радостно заметил Ворон, — что должно вас порадовать, милорд Аудитор.

— Так и есть, — ответил милорд.

Женщина вздохнула. Видно было, что напряжение покидает ее тело.

— Она проспит несколько часов, — предупредил Роик. — Чем дольше, тем лучше.

— Мы ее вымоем и перенесем в изолятор, — предложила Танака. — Ако, помоги обработать кожу.

Трубки и иглы вытащили, провода смотали, аппараты отключили. Роик помог переложить теперь живую женщину со стола на каталку. Милорд соскользнул со стула, потянулся и оперся на трость.

— Когда мы сможем перевезти ее в консульство?

— Все зависит от того, как скоро восстановится плазма крови, ну и некоторые другие вещи. Вполне вероятно, что уже послезавтра. Ей нужно будет обеспечить покой. Подойдет одна из спален наверху.

— Будет сделано, — сказал Форлинкин.

Милорд повернулся к консулу:

— Постойте-ка, а вы что здесь делаете? Либер

еще не объявился?

— Пока нет. В комнате связи вас ждет секретная депеша с Барраяра. Мы не можем ее прочесть, поэтому и сказать, насколько срочно это послание, я не могу. — А потом неохотно и честно добавил: — А еще уж очень хотелось знать, как у вас тут все продвигается. Мне ведь приходится что-то говорить Мине и Джину.

Роик понял это так, что Форлинкину не хочется, чтобы его опять подставили. Что ж, вполне понятное желание.

— Ясно, — ответил милорд. — Ворон, если вам не требуется моя помощь, то я, пожалуй, вернусь.

Ворон махнул, соглашаясь, и, вместе с Ако и медтехником, покатил пациента в изолятор. Без них комната совершенно опустела. Печальная и захламленная, она стояла словно наутро после празднования зимнего солнцестояния.

Форлинкин поморгал и встряхнулся, будто приходя в себя после долгого отсутствия.

— Все это крайне необычно. Я никогда прежде не видел смерти. А здесь… время пошло вспять. Или как-то так…

— Я видел смерть. В остальном — согласен с вами, — подал реплику милорд.

— Мы играли в Бога, да? — грустно спросил Форлинкин.

— Не более чем те, кто уложил ее в криокамеру. Только наша цель благороднее, — ответил милорд и тихонько добавил: — Я полагаю. — Нахмурившись, он выудил Аудиторскую печать на цепочке и посмотрел на нее сверху вниз, слегка скосив глаза. — Секретная депеша, говорите? Знаете, в возрасте Джина я был бы вне себя от счастья, доведись мне стать обладателем кольца-декодера. Теперь оно у меня есть, и что? Обуза! Как грустно, что счастье настигает человека так не вовремя!

Когда милорд уковылял, чтобы дать последние указания Ворону, на короткое время Роик остался один на один с консулом. Тот стоял и обалдело смотрел в коридор, вслед маленькой удаляющейся фигурке.

— Когда мне сказали, что консульству следует приготовиться к приему Имперского Аудитора, я ожидал чего-то другого, никак не похожего на лорда Форкосигана.

Роик решил сдержаться и не хохотнуть.

— Девять Имперских Аудиторов — очень разные люди, когда познакомишься с ними поближе. Лорд-Аудитор Фортис, который также приходится

дядей миледи, похож на взъерошенного профессора-технаря, потому как им и является. А есть ведь еще несгибаемый адмирал, дипломат-пенсионер, промышленник… Милорд стал у Грегора чем-то вроде эксперта по галактическим вопросам. Император фантастически прозорлив в подборе дел своим Аудиторам. Есть у меня предчувствие, что сейчас мы занимаемся ерундой, но послали нас на другую планету не просто так.

Роик на самом деле просто жаждал позаниматься ерундой — хоть какой-то отдых.

— Что ж, это много объясняет, — с сомнением сказал Форлинкин, — как мне кажется…

Роик криво усмехнулся последним трем словам.

— Угу.

* * *

Майлз облегченно вздохнул, когда увидел индекс на «депеше» в комнате связи. Похоже, пришел еженедельный доклад от Екатерины, что объясняло отсутствие грифа «срочно». Ну, хоть что-то хорошее во всей этой суматохе. Поразмышляв над разницей между «срочно» и «важно», он наклонился вперед, аудиторская печать качнулась на цепочке, и послание открылось.

Над пластиной стереовизора появилось улыбающееся лицо, и он нажал на паузу, просто чтобы хорошенько посмотреть на собственную жену. В последнее время вся ее жизнь превратилась в череду непредсказуемых событий. Только во сне Екатерину можно было увидеть в состоянии покоя. Ясные серо-голубые глаза, искренний взгляд, гладкие темные волосы без признаков седины, хотя Екатерина была на два месяца старше него. Принимая во внимание, что жена принесла ему четырех наследников за неполные шесть лет, отсутствие седых волос было скорее чудом. Появились наследники, конечно, из репликатора, но все-таки… Он сам был единственным ребенком в семье. Длинный шлейф болезней тащился за Майлзом с детства, и они не столько лечились, сколько сменялись новыми. Пожалуй — да нет, не «пожалуй», а совершенно точно, — он недооценил, сколько внимания потребуется нормальному здоровому ребенку, даже несмотря на его собственное положение и деньги. Потому что есть такое, что никому не доверишь, что родители должны делать сами, — иначе ты многое теряешь.

Конечно, во время записи она смотрела не на него, а в камеру, напомнил себе Майлз, но под

мягко-ироничным взглядом жены он включил воспроизведение, чувствуя необъяснимую вину за то, что остановил изображение.

— Здравствуй, моя любовь, — сказала она. — Мы получили крайнюю весточку от тебя с радостью и облегчением. К счастью, я не сказала детям о первом, тревожном послании — второе появилось как раз вовремя. С содроганием представляю, через что прошли твои родители, пока ты был занят на… предыдущей работе. Хотя, полагаю, по отцу, с его характером фора, это было вовсе незаметно, а вот мать… вовсе не представляю. Наверное, говорила всякие бетанские колкости.

Вообще-то, на службе в СБ он обходил подобные проблемы. Просто не посылал домой сообщений, и все. Не то чтобы отец не мог потребовать доклада от главы СБ, когда ему вздумается. «Или не мог достаточно собраться с духом, чтобы потребовать такой доклад», — раздался у него в ушах колкий материнский голос.

Затем Екатерина перешла к лаконичному описанию дел в округе Форкосиганов — прежде чем рассказать о делах домашних. Она всегда говорила сначала о главном. Если бы Екатерина сразу начала с дома, он бы понял, что в семье произошло что-то серьезное. Рассказ жены напомнил о

том, что свои обязанности по управлению округом Майлз совсем забросил, хотя на этой неделе, кажется, не произошло ничего, что потребовало бы срочного обращения к его — вернее, отцовскому — представителю в Совете Графов. И отец, и мать были далеко от дома, исполняя вот уже который год обязанности вице-короля и королевы на Сергияре.

Ох уж эти Форкосиганы! Просто какая-то семейная традиция — забросить свои собственные дела и служить императору. Однако у всего своя цена. Майлз припомнил, не без сдержанной гордости, как окружной староста как-то раз сказал о Екатерине: «Вы принадлежите Императору, а леди Форкосиган — нам».

Так и есть.

— Теперь к делам домашним, — продолжила Екатерина, — показываем последние достижения.

Изображение сменилось другим, подрагивающим.

— Молодец, Елена, — раздался голос Екатерины, а помещение закружилось перед Майлзом. Это была библиотека Форкосиганов, он узнал сразу, несмотря на безумную скорость вращения. — Поворачивай камеру тихонько, а то у

папы головокружение начнется.

— Какое еще головокружение? — спросил детский голосок за кадром.

Саша? Нет, боже, да это Лиззи! И сразу же ответ Екатерины:

— Это когда перед глазами все кружится.

— А-а… — Новое слово было воспринято с должным вниманием.

Перед ним возникла десятимесячная малышка Таури, серые глазки под копной пушистых черных кудрей; стоит, крепко вцепившись в край низенького столика. Саша, которому уже почти шесть, его сестра-близнец Елена, их трехлетняя сестренка Лиззи сидят втроем на заднем плане на диванчике. Саша с интересом наблюдает, Лиззи со скучающим видом покачивает ножкой, мол: «Ну и что? Я тоже так могу».

— Иди сюда, Таури, — нежным голосом позвала Екатерина, — иди к мамочке.

Ах, как это прозвучало! Майлз чуть не свалился на пластину стереовизора, потянувшись к этому соблазнительному голосу.

Таури повернулась, покачиваясь, на маленьких пухленьких ножках, отпустила стол одной рукой, принялась размахивать ей, балансируя. Затем отпустила другой. Затем кривоного зашлепала

к маминым протянутым рукам. И как только дети умудряются учиться ходить в подгузниках? Невероятно. Но вот она пошла, упала в материнские руки, ликующе улыбнулась, и Екатерина подняла ее высоко над головой — это триумф!

— Дай теперь я попробую, — попросил Саша, словно сестренка — заводная игрушка. Он сел на колени напротив Екатерины и ободряюще позвал сестру: — Иди ко мне, Таури! Давай, у тебя получится!

Окрыленная первой победой, Таури радостно закурлыкала и потопала к нему еще быстрее, но тут же растянулась, ударилась подбородком и подняла такой вой! Скорее, конечно, от обиды, чем от боли, это Майлз понял по тембру голоса. Саша поднял ее, хохоча:

— Эй, сначала надо научиться ходить, а бегать — потом!

Он развернул ее и направил к маме, «испытания» продолжились более успешно.

Лиззи к этому времени соскользнула с диванчика и закружилась по полу волчком, подпевая:

— Голово-кружение! Голово-кружение!

А потом рванулась к Елене. Судя по тому, как все резко крутанулось перед глазами, Майлз понял, что старшая сестра своевременно подняла

камеру над головой, убрав ее из пределов досягаемости младшей.

— Нет, теперь я буду снимать! — послышался голос Лиззи. — Дай мне! Дай мне! Мам! Скажи ей, чтоб отдала мне!

Представление закончилось, не успев начаться. Майлз посмотрел еще раз, желая найти разгадку: действительно ли это первые шаги Таури или представление, отрепетированное чтобы его порадовать. Наличие камеры на месте действия свидетельствовало о последнем…

Вновь возникло лицо Екатерины на фоне ее захламленного кабинета на третьем этаже. За окном, выходящим на северную сторону, сквозь верхушки привезенных с Земли деревьев, виднеется ее садик в барраярском стиле.

— Как жаль, что сержант Таура не дожила, не познакомилась со своей тезкой, — произнесла она задумчиво. — Я рада, что тебе удалось хотя бы рассказать ей о малышке Таури перед смертью. Может, стоило назвать Лиззи в ее честь, а не в честь твоей бетанской бабки? Чтобы пораньше? Кстати, об именах. Саша объявил, что теперь он — Алекс. Наверно, просто устал уговаривать всех звать его Ксандром. От «Лекси» и «А.А.» он похоже навсегда отказался. Причина все та же:

если мы отказываемся звать его Эйрелом в честь деда Эйрела, то нельзя и звать его Сашей в честь деда Саши. Но это, последнее, ему похоже понравилось, к тому же ему удалось переманить Елену на свою сторону. Поэтому в следующем своем сообщении будь добр звать его «лорд Алекс». Думаю, стоит поощрить его решимость и логику мышления.

И то верно. Майлз, помнится, очень беспокоился, став молодым отцом, когда вдруг выдумал, что у Саши — Алекса — задержка речевого развития по сравнению с его сестрой-близнецом Еленой. В конце концов Екатерина обратила его внимание на то, что сестра мальчика не дает ему задать ни единого вопроса самостоятельно, ни единого слова вставить не позволяет. Не было никакой задержки, просто очень уж он был неагрессивный. Вскоре мальчик заговорил целыми предложениями, стоило Елене — его назойливому переводчику — выйти из комнаты.

— Только подумать, ты ведь и сам стоял перед проблемой выбора имени. И был уже значительно старше него. История повторяется, отдается эхом… Он любит тебя, и не важно, как его называют. Мы все любим тебя. Будь там поосторожнее, Майлз. И поторопись домой.

Изображение исчезло.

Вот бы забраться на пластину стереовизора и телепортироваться на Барраяр со скоростью света.

Майлз вздохнул. Всю жизнь он не мог дождаться, как бы улизнуть из дому. Как так получилось, что теперь его желание изменилось с точностью до наоборот?

Замечание Роика никак не шло из головы: «Если бы вы остановились, когда мы были на подъеме, побеждали…» Ну не он же сам заплел этот клубок на Кибо-Даини!

Когда же объявится треклятый Либер! Хорошо бы, сейчас. Удивительно, что он так медлит. Может, придется послать кого-нибудь, чтобы доставить его сюда, в конце концов! А вдруг Лиза Сато очнется с временной криоамнезией? А вдруг она не знает ответов на его вопросы? Нет уж, должна же она знать то, что известно Либеру. Готов поставить целую кучу бетанских долларов, он — именно тот, кто первым и рассказал ей обо всем.

Либер перепугался, и это здорово раздражало Майлза. *Почему он так испугался? Он ведь даже не знает, кто мы такие.* Очевидно, это был страх, боязнь кого-то или чего-то другого. Возможно,

именно того, о чем Майлз пытается разузнать в данный момент. Но ему и самому пока неясно, что он ищет.

Как Сато была наживкой для Либера, они оба теперь наживка… для чего? Зачем? Майлзу уже доводилось ловить на живца — использовать людей, как привязанных овечек для приманки тигра. Правда, не совсем так, не тех, у кого были детишки. *А может, раньше ты просто не замечал таких деталей?* Он уже не помнил. Если у него нет под рукой людей, чтобы поймать Либера, то нет и людей для круглосуточной охраны консульства и тех, кого оно защищает. Роика и Йоханнеса было совершенно недостаточно, даже если бы у них не было никаких других обязанностей. Давать им какие-то дополнительные поручения без поддержки — настоящее издевательство. Ворон — не единственный, кто не любит подставы.

Несмотря на расстояние, которое пролегло сейчас между ним и семьей, у Майлза мурашки пробежали по коже от благодарности к Грегору. В аудиторских трудах судьба забрасывала его далеко от дома; но это значит, что далеко от его семьи оставались и те, кого приводили в бешенство его расследования. *Разозлить злодеев во славу Барраяра — вот, пожалуй, как можно описать*

мою работу. Вот и спорь потом, кому больше нравится его работа.

Майлз склонился над консолью и принялся составлять аудиторский запрос в барраярское консульство на Эскобаре с просьбой немедленно прислать оперативную группу, а также составил предварительную заявку на судебно-бухгалтерского эксперта Службы безопасности и группу юристов.

Он ничего не знал о своем невидимом враге. Знал только, что тот настроен весьма решительно и серьезно. *В лучшем случае, группа будет здесь через пять дней.* Достаточно ли у него было информации пять дней назад, чтобы составить такой запрос? *Наверное, нет*.

Майлз снова запросил данные по «Новому Египту» и принялся их лопатить. Голос к Лизе Сато вернется еще не скоро.

Глава четырнадцатая

Уже на следующее утро, когда Либер так и не объявился в консульстве, милорд признал свою ошибку и отрядил Роика с Йоханнесом разыскать доктора. Роик только вздохнул: если бы милорд принял такое решение сразу! Он начал с двух наиболее очевидных зацепок. Позвонив Либеру домой, ответа не получил. Позвонив на работу, узнал: доктор предупредил, что приболел — что-то съел, наверное, как он объяснил своему помощнику, — и не появится на работе дня два.

Ну конечно.

По указанию Роика Йоханнес собрал лучшую разведаппаратуру в консульстве, и они оба отправились домой к Либеру.

Его внимание вновь привлекла новостройка, которую Роик заметил в прошлую поездку. Вывернув шею, прочитал надпись на рекламном щите: «Сенчури Истейт. Вы родились 150–130 лет назад? Давайте к нам!»

— Это еще что такое? — поинтересовался он у Йоханнеса.

— Анклав одного поколения! — ответил тот. — В больших городах то и дело на такие натыкаешь-

ся. Размороженные, по крайней мере те из них, у кого достает денег и здоровья. Обнаружив, что новый Кибо им вовсе и не по нраву, собираются вместе, пытаются возродить атмосферу своей молодости.

— Ха! Что-то вроде любительского исторического театра? Что ж, хоть кто-то поймет твои шутки.

— Ну, наверное, — с сомнением в голосе согласился Йоханнес.

Роик послал Йоханнеса с флаером к черному ходу, а сам пошел к дверям. Нет ответа. Через несколько минут ему открыл Йоханнес.

— Гараж не заперт. Гравибайка нет.

— Ясно. Давай-ка осмотримся, а потом заглянем в его комм-пульт.

Тела не обнаружилось ни в чулане, ни в душе, ни в шкафу, ни в мусорном баке — короче, нигде, где тело можно припрятать.

Предусмотрительное послание от взломщиков — записка милорда — исчезла с холодильника, который остался все так же набит холостяцкими припасами. Кухня оказалась прибранной, постель — более-менее заправленной. Во всяком случае, на ней лежало покрывало. Вероятно, он прихватил какую-то одежду и обувь — достаточно, чтобы нагрузить багажник гравибайка, — од-

нако и осталось ее предостаточно. Туалетных принадлежностей не было.

Йоханнес принялся за комм-пульт, копируя все содержимое через порт шифрокабеля на «эсбэшный» носитель, контролируя процесс на стереоэкране.

— Ого! — через мгновение выдал он. — А ведь за этой штукенцией следят. Интересно, знал ли Либер?

Роик наклонился к нему. Ух ты, и правда!

— А нас не засекут?

— Вроде не должны, — прозвучал как-то неуверенно ответ Йоханнеса.

— Можно отследить, где жучок?

— Частично. Я попробую закончить процесс в комнате связи.

— Открой-ка журнал контактов за последние два дня, с момента нашего посещения.

Контактов было всего три. Вчера утром Либер позвонил на работу, сказавшись больным. Затем приобрел билет на скачковый корабль до Эскобара. После этого опустошил свой сберегательный счет и перевел все на пару универсальных кредитных карт. Личных сообщений ни друзьям, ни родственникам не было. Он мог оставить ключ от дома и информацию у соседей, подумал Роик,

однако решил не проверять этой догадки — уж очень ему не хотелось поднимать нежелательный шум расспросами соседей, те вполне могли запомнить его с позавчерашнего приезда. Оставалось лишь гадать, чего Либер наплел соседке. Уж точно не правду.

— Скачковый корабль отходит только завтра утром, — заметил Йоханнес.

— Вижу.

— Может, он уже на борту?

Роик нахмурился, разглядывая расписание:

— Э-э… Нет, этот корабль только сегодня к вечеру придет на внутреннюю орбиту. — Он задумался: — Как только Либер пересечет охранную зону космопорта, он выйдет из «подполья». Тогда о его местонахождении сможет узнать каждый, кто пожелает. И если его можем отследить мы, то смогут и враги. Не думаю, что они сильно стеснены в средствах. Уж точно нет, если за ними стоят криокорпорации. Он будет ждать окончания посадки. Скорее всего, сейчас он где-то затаился.

— Может, у друзей? Тогда найти его будет крайне сложно. — Йоханнес покосился на коммпульт: — Хотя вот это может помочь.

— Либер боится за свою жизнь и наверняка не захочет подвергать риску жизнь друзей, — мед-

ленно проговорил Роик, — милорду Либер не показался человеком безжалостным.

— Город-то большой, — проявил наблюдательность Йоханнес.

— Тогда начнем с очевидного. — Роик поднялся на ноги. — Собираемся и едем в космопорт.

Во флаере Роик открыл бортовой комм — с безопасным, «эсбэшным» каналом — и посмотрел, где неподалеку от космопорта можно снять жилье. Два здания находились внутри охранной зоны порта, с полдюжины — в близлежащей промышленной зоне. Прикинув, что для Либера могло оказаться выгоднее — «ближе» или «дешевле», он решил начать с дешевого жилья. По пути к жилому району он подумал, что общегалактическая транспортная система формирует лицо города, из-за нее города на разных планетах так похожи, — гораздо более единообразны, чем он предполагал, пока не покинул Барраяр впервые. *Далеко же ты зашел, парнишка из глубинки.* А в целом Роик был рад, что никакая добрая фея не помогла ему стать тем, кем он хотел в детстве. Сейчас детские мечты казались мелкими.

— А теперь что? — спросил Йоханнес, когда они въехали на территорию стоянки жилого городка. — Будем наблюдать? Или спросим у

администратора?

— Не думаю, что Либера запомнили, даже если и видели, — ответил Роик, — к тому же здесь все на самообслуживании.

Не такая теснотища, как на некоторых космических станциях, где Роик побывал. Сдававшиеся там по часам комнаты больше походили то ли на кладовку, то ли на гроб. Однако здесь все выглядело слишком уж утилитарно и никак не располагало к осмотру достопримечательностей. Даже сейчас, средь бела дня, тут как-то мрачно — здание стояло в тени бетонного возвышения эстакады и промышленного комплекса.

— Поехали по стоянке. Будем искать гравибайк.

Едва обогнув здание, они наткнулись на стоянку гравибайков под навесом. Роик сразу же узнал байк Либера среди полудюжины других.

— Ух ты! Нашли с первой попытки! — восхитился Йоханнес.

— Ну, все-таки я кое-чему научился, работая с милордом, — скромно заметил Роик, умолчав, правда, что им просто повезло.

Везет ведь не только дуракам. Наверное, умным тоже должно везти. Роик бы и сам удивился, если б что-нибудь не подвернулось за первые три

попытки. Несколько минут они просто сидели во флаере, и Роик продумывал ситуацию, как продумал бы ее милорд. Нет, отставить. Лучше продумать ее, как это сделал бы Либер. А все-таки лучше, как Роик.

Интересно, кого враг пошлет за своей жертвой, полицию или наемников? Если враг — одна из криокорпораций, то к ее услугам, конечно же, вся полиция. Можно запросто выдвинуть обвинение Либеру в краже корпоративного имущества: нужно только дождаться на регистрации в космопорту и взять его тепленьким, при попытке к бегству. Но это значит, что останутся следы: имена, видеозаписи охраны порта, куча бесконтрольных свидетелей. А вот если послать к Либеру небольшую шайку наемников до того, как он доберется до порта, можно все сделать по-тихому. И если уж Роику удалось вычислить парня, то, вероятно, умники в забавных штанах тоже справятся с задачей.

В их с милордом команде разговаривать разговоры было не по Роиковой части. Получится ли у него убедить Либера в том, что в консульстве — безопасно? Ведь у милорда не получилось. Видимо, придется попробовать. Он посмотрел вверх.

— Это еще что такое?

Бетонная передняя стена здания отбрасывала пульсирующие вспышки голубого света.

— Здесь голубой свет используется чрезвычайными службами, — обеспокоенно пояснил Йоханнес.

— Поехали ко входу.

Прибыв ко входу, они увидели пару санитаров в голубых халатах и брюках. Те выкатили гравиплатформу из заднего люка флаера без опознавательных знаков и поспешили в фойе здания, сквозь сдвижные двери. Оба здоровяки, один высоченный, а у второго, похоже, все предки (с обеих сторон) были борцами. Разве чрезвычайные службы не посылают по неотложным вызовам женщин? Видимо, не всегда. Работая по двадцать четыре часа в сутки и познакомившись с обязанностями охранника в родовом гнезде Форкосиганов и двух других официальных резиденциях милорда, перестаешь чему-либо удивляться.

— Жди меня здесь.

Роик выскользнул из их собственного флаера и, подойдя к неопознанному аппарату, заглянул внутрь. В заднем люке не было стекла, но его оставили незапертым. Весьма неосторож-

но со стороны санитаров — мало ли что может случиться с лекарствами и дорогостоящим оборудованием? Роик открыл дверь, заглянул внутрь и поднял к губам комм на запястье:

— Интересное дело, Йоханнес. А ларчик-то пуст. Никакая это не «Скорая помощь», обычный флаер.

— Ого.

— Зайду-ка я в дом, перехвачу этих парней на выходе. Прикрой меня из флаера.

Роик все никак не мог составить в голове цельную картину происходящего, но какие-то догадки уже вырисовывались.

В фойе сидела взволнованная девушка-администратор. Когда Роик вошел, она вглядывалась в глубь коридора.

— Что здесь происходит? — спросил Роик.

— Похоже, один из наших постояльцев заболел и вызвал «Скорую». Надо было ему позвонить сюда, администратору. Мы бы и сами помогли.

— Он что, с другой планеты? Может, он какую-нибудь болезнь притащил? — продолжал Роик. — Может, заразу какую?

— Нет-нет, насколько я поняла, у него внезапный приступ. Повезло еще, что смог воспользоваться наручным коммом. — Девушка собралась,

вспомнив об обязанностях. — Мне нужно сходить, запереть за ними, проверить, чтобы его вещи не пострадали. — Она повернулась к Роику: — А вы, вероятно, зарегистрироваться хотели, сэр? Из дежурных осталась только я…

— Ничего страшного, не торопитесь. Сначала главное.

Роик махнул рукой, и девушка поспешила по коридору. Оттуда как раз выкатывалась гравиплатформа. Миновав двери, санитары развернули ее. Высокий закрепил контейнер с внутривенным раствором на штативе, наклонился, пощупал пульс пациента. Роик заметил, что под одеялом лежит мужчина, крепко прикрученный к платформе ремнями, кислородная маска на все лицо приглушала стоны. Роик шагнул вперед, изобразив на лице любопытство и озабоченность. Платформа вплыла в фойе, по оба фланга вышагивали охранники-санитары.

Доктор Либер моргал затуманивающимися глазами и постанывал под пластиковой маской.

— Что произошло? — Роик назойливо последовал за ними из фойе на выход. — Это опасно? Вам требуется помощь?

— Нет, спасибо, — ответил высокий. — Помощь не требуется.

— Так что случилось? Сердечный приступ?

— Мы пока не знаем, — сказал высокий. — Человеку стало плохо.

— Может, передозировка? Здесь, наверное, неблагополучный район? Я только что из космопорта. — Впервые Роиковы акцент и неместный вид сыграли ему на руку. — Собрался было поселиться и выспаться после скачкового перелета, но теперь вижу, что не стоит.

«Борец» глянул на него искоса и раздраженно:

— Нет, никакой опасности нет. Идите, регистрируйтесь.

Оба распахнули люк флаера, груз скользнул на борт, «санитары» последовали за Либером, чтобы закрепить гравиплатформу.

Роик с любопытством сунул голову вслед за ними:

— Вы правда так думаете?

— Успокойтесь! Никакой опасности нет! — озлобленно ответил высокий из глубины темного грузового отсека.

— Вот и хорошо! — ответил Роик, достал парализатор и шлепнул обоих.

С двумя такими «шкафами» — мороки не обобраться. Драться, потом таскать их. А Роик терпеть не мог драться. Если человек большой,

это еще не значит, что он любит быть битым. Сдавленный голос Йоханнеса раздался над самым ухом, не из комма:

— Какого дьявола здесь происходит?

Роик попросил прикрывать, однако не просил же он наступать на пятки! Впрочем, не ему упрекать лейтенанта в любопытстве. У Йоханнеса чуть глаза на лоб не вылезли, когда он всмотрелся во тьму отсека.

Роик спрятал парализатор в наплечную кобуру.

— Мы только что спасли доктора Либера. Не думаю, правда, что он именно так оценит наш поступок.

Он забрался в грузовой отсек флаера и проверил, живы ли «санитары». Парализатор — далеко не самое гуманное оружие, после поражения им у людей проявляются все возможные скрытые заболевания, ежели таковые имелись. К счастью, эти два здоровяка не были похожи на жертв тысячи болезней. Роик решил обезопаситься — в целях продления программы сотрудничества и взаимопомощи всадил в затылок каждому еще по заряду из парализатора, затем аккуратно уложил на полу фургона.

Роик не очень-то полагался на действенность

речей вроде «мы тебя спасли, так что давайка, проявляй благодарность, сейчас отвезем в безопасное место». Да и вообще, поговорить не пришлось: повернувшись к Либеру, Роик понял, что тот без сознания. Оставалось только надеяться, что в пневмошприц набрали транквилизатор, а не смертельный яд. Вот Роик, будь он врагом Либера, даже задумав ужасное кровавое убийство, обязательно сначала взял бы его живьем, чтоб допросить под пентоталом. Вообще-то, Роик допросил бы Либера под пентоталом, даже не будь он врагом Либера. Решать, правда, милорду.

Либер дышал ровно, кожа не приобретала никаких жутких оттенков.

— Давай за мной, едем к Сьюз, — скомандовал он Йоханнесу. Помимо прочих «полезностей», там их ждет доктор Дюрона. Роик призадумался. — Нет, лучше давай ты поезжай вперед.

Он запер задний люк флаера, погасил мигалки и последовал за Йоханнесом со стоянки. Интересно, раздумывал Роик, не перенимаю ли я отношение милорда к жизни или как минимум к расследованию? Раньше у него вряд ли получилось бы так гладко. Трудно сказать, что сформировало стиль милорда: его безоглядная преданность делу, самоуверенность Фора или же просто безумие. Роик

только знал, что сейчас, вот прямо сейчас, ему ужасно хочется весело насвистывать.

Вместо этого он поднес к губам комм, вызвал милорда и кратко пересказал результаты выполнения утреннего задания, если можно так напыщенно перефразировать лаконичный приказ милорда: «Роик, отправляйся и притащи мне этого идиота».

А затем, оставшись в одиночестве в водительской кабине, он насвистывал всю дорогу к Сьюз.

* * *

Джин сидел на кухне консульства и в который раз пересчитывал свою долю денег — тех, что Роик торжественно вручил ему с Миной утром после завтрака. Воображение мальчугана бурлило от внезапно открывшихся возможностей. Мина уже припрятала свою долю в рюкзачке наверху и теперь с интересом наблюдала, как брат перетасовывает пачку новойен — пять тысяч, больше, чем он одновременно держал в руках за всю жизнь! В давние, добрые времена, еще когда отец был жив, Джин не получал больше пяти сотен даже в день рождения.

— А что ты со своими сделаешь? — поинтересовалась Мина.

— Пока не знаю. Этого хватит на много месяцев на корм моим зверушкам. А можно купить новых. Мне всегда так хотелось завести рыбок, да тетушка Лорна не давала, а у Сьюз не получилось бы. Как взять с собой рыбку, если ночевать приходится на улице?

Мина нахмурила бровки:

— Думаешь, мы здесь надолго задержимся?

Джин замялся:

— Не знаю…

— Как думаешь, мне хватит на пони?

— А где ты собираешься держать пони? Для этого вроде бы нужно много терраформированной земли. Здешний садик не подходит — маловат.

— У тетушки Лорны уж точно маловато земли перед домом. А здесь, у консула Форлинкина, хотя бы трава есть.

Джин попытался представить себе эту картину. Клочок земли за зданием был немногим больше гостиной консульства. Цыпленку-то есть где побегать, но вряд ли достаточно для животного побольше.

— Не горюй, — ободряюще сказал он, — у тебя ведь есть Леди Мурасаки. У пони четыре ноги, у паука — восемь, значит, паук — в два раза лучше, правда?

Мина бросила на него насмешливый взгляд.

— Посмотрю я, как ты будешь седлать Леди Мурасаки!

Джин попытался представить упряжь для паучихи — что-то вроде ниточки с узелками. Интересно, какое насекомое можно заставить оседлать тарантула? Кого тарантул не съест? Скачки были бы гораздо интереснее, если бы пони были плотоядны, как пауки, подумал Джин. А не найдется ли в консульстве ниток взаймы?.. Не успел он размечтаться, как на кухню зашли консул Форлинкин и Майлз-сан, оба одевались на ходу.

— Форлинкин отвезет меня к госпоже Сьюз, нам надо взглянуть на кое-что, — объяснил Майлз-сан детям. Майлз и Роик подолгу бывали там в последнее время, возвращались мрачными и задумчивыми, все больше помалкивали. А Ворон-сенсей вообще оттуда не вылезал. — Юуити Мэтсон останется с вами, так что вы не в одиночестве. Но если придут незнакомцы, вам нужно оставаться подальше от их глаз. Пожалуй, в самый раз — наверху. Можно и в садике за консульством, только, чур, не шуметь.

— Я вернусь сразу, как освобожусь, — пообещал Форлинкин.

Мина подняла на него глаза:

— А когда вы найдете нашу мамочку?

— В самое ближайшее время мы ждем хороших новостей, — ответил Майлз-сан.

Джин с сомнением отнесся к этому успокоительному тону. Опять взрослое вранье? Судя по наморщенному лобику, Мину ответ тоже не убедил.

Однако вслух она почему-то спросила:

— Лорд Форкосиган, а если бы у вас были дети, вы бы им купили пони? Не пауков, а пони, правда?

Он удивленно посмотрел на нее:

— У меня есть дети, и у них есть пони. Не пауки. Хотя, думаю, захоти они пауков, были бы им пауки. Есть же у нас масляные жуки. С рисуночком на спинке. Я разве вам не показывал моих домашних?

И тут он, к удивлению и вящему смятению Джина, извлек из кармана стереокуб и принялся показывать сканы. Вот темноволосая, нормального роста женщина. Джин сразу понял, что она нормального роста, потому что на некоторых снимках они стояли вдвоем, и Майлзова макушка едва доходила женщине до плеча. Потом целая куча — аж в глазах зарябило — разновозрастных

детишек. Джин не сразу понял, сколько их всего, пока Майлз-сан не показал общий снимок. Темноволосый мальчик и рыжая девочка чуть помладше Мины, младенец на руках той самой красивой женщины и ногастый карапуз в окружении всей компании. *Четверо* детей.

Он понадеялся, что Мине хватит ума проявить хотя бы вежливый интерес, а не расплакаться от обиды. Джин до сих пор не мог понять, кто же все-таки такой этот Майлз-сан. Наверное, он был очень крут, если даже консул выполнял его приказы.

— …А вот Елена на своем пони в Форкосиган Сюрло — у нас там дом на озере. А вот Саша гладит своего. Ксандр. В смысле, Алекс.

«Ну и беспечный же он отец, этот Майлз-сан, если не помнит, как зовут собственного сына», — подумал Джин. В конце концов, мальчик-то всего один. Ему же не надо зачитывать целый список мальчиков, чтобы выбрать, кто сегодня самый непослушный, как дядюшка Хикару проделывал иногда с ним, Тецу и Кеном.

Однако пришлось признать, что пони великолепны. Один — серебристо-серый в яблоках. Другой — блестящий, темно-гнедой, с черной гривой, хвостом и «гольфами» на ногах и белой

звездой на лбу. У обоих пони темные, умные, дружелюбные глаза, выражающие терпение к своим малолетним поклонникам. Мина выпучила глаза и раскрыла рот в совершенно неприкрытой зависти. Кругом — природа, необъятные пространства, множество животных: собаки, кошки, птицы на заднем плане многих из этих снимков. А что там, на вон тех, поросших лесами холмах? Кто знает, сколько еще всякой живности обитает там? И рыба в настоящем озере, а не в аквариуме в каком-нибудь, и, может, всякие ползучие чудеса местной природы в ручьях, бегущих в это озеро, — может, даже лучше, чем в самых дерзких Джиновых мечтах.

И все это для тех, *других* детей. Детей, у которых есть живой папа и живая мама. Как там всегда любил приговаривать дядюшка Хикару? Богатые — богатеют…

Это значит, что бедные — не богатеют. Он опять посмотрел на *этих* детей, на Майлза, такого гордого и счастливого, и понял, что Мина сейчас разревется. Да и у него самого в горле застрял ком — от зависти и непонятно откуда взявшейся злости. Ведь не мог же Майлз-сан скрывать все о своей семье только для того, чтобы так запоздало подразнить Джина.

— Я бы не осмелился не научить их верховой езде, — продолжал рассказ Майлз-сан. — Иначе призрак деда не оставил бы меня в покое. Правда, не могу сказать, что он меня и так не беспокоит. Форы ведь всегда были военным сословием, и в Период Изоляции тоже. Рыцари или бандиты — это с какой стороны посмотреть. В любом случае, верховые. Это традиция. — На последнем слове он сделал особенное ударение, словно оно отдавало во рту странным вкусом. — В наши дни — умение совершенно бесполезное, но мы его храним.

Тут Форлинкин сказал:

— Наверное, нам пора.

А Майлз-сан согласился:

— Угу.

И аккуратно припрятал стереокуб в карман, словно тот был невесть знает что. Оба вышли и отправились через сад к большому гаражу.

Джин и Мина переглянулись.

— Н-да… — сказала девочка. — Ну, я хотя бы насчет пони была права.

Она заморгала и потерла покрасневшие глазки.

Джин со злостью посмотрел на кучку денег, которая представлялась ему горой возможностей еще несколько минут назад.

— Все без толку, — решила Мина. — Да и вообще, зря размечтались. Наверное, надо просто вернуться к тетушке Лорне и дядюшке Хикару.

Бросить борьбу?

— Ты можешь возвращаться, — горько сказал он. — А я — нет. Хотя нет, тебе тоже нельзя — проболтаешься!

Мина взглянула на него с негодованием. Бросив лишь уязвленное «Ха!», она поднялась и отправилась в комнату наверх. А выходя из кухни, бросила через плечо:

— У двух пони восемь ног, так что вот так-то!

С этим Джин никак не мог поспорить.

* * *

Джин перебирал пальцами свою пачку новойен и подумывал, не отважиться ли ему перекусить. В это время на кухню забрел консульский клерк — Юуити зашел наполнить свою кружку зеленым чаем. Он склонился над столиком и уставился на Джина, который обеспокоенно задергался под пристальным взглядом.

— Вы ведь детишки Лизы Сато, активиста борьбы за криоправа, да?

— Э-э… и…

Джин подумал, что, будь это тайной, то Мэтсон-

сан явно о ней знал.

Мэтсон-сан хлебнул чайку и нахмурился.

— Вообще-то, мне никто ничего не рассказывал… Знаешь, если хочешь, я вызову полицию за тобой и сестренкой, пока барраярцы не вернулись.

Джин вскочил, чуть не перевернув стул, и завопил:

— Нет!

Мэтсон-сан пролил горячий чай, выругался, поставил чашку на стол и вытер обожженную руку о брюки.

— Маму именно полиция и забрала! — объяснил Джин.

— Может, позвонить родственникам, если хочешь?

— Нет, это еще хуже!

— Гм… — Мэтсон-сан призадумался, — Так вы, детки, здесь… по своей воле, да?

— Конечно! Майлз-сан нам помогает! — Поразмыслив над ходом событий, он решил подправить сказанное: — Во всяком случае, пытается помочь. — Прозвучало это как-то вяло и неблагодарно, и Джин поправился еще раз, теперь уже сказав сущую правду: — До него нам вообще никто не помогал.

Мэтсон-сан почесал затылок и пожевал губами.

— Гм… — он поднял кружку с чаем, — ну, передумаешь, скажешь мне.

При этих словах Джин бросил на Юуити взгляд, настолько исполненный гневом и смятением, что клерку пришлось отступить, прикрываясь рукой.

— Ну что ты… Я же помочь пытаюсь…

Джин чуть не разрыдался. Если это, по-твоему, помощь, то ее не требуется! Нет, так грубо разговаривать со взрослыми нельзя. Поэтому он ответил:

— Спасибо. Нет. Я не передумаю.

Мэтсон-сан пожал плечами и отправился на рабочее место, в приемную. Джин быстренько собрал свои заработки и бросился наверх — прятать.

* * *

Благодаря Роику трое из тех четверых, которых Майлз жаждал допросить, все еще пребывали в бессознательном состоянии. Посему допрос пришлось начать с госпожи Сато. Внутри стеклянные стены изолятора были залиты мягким светом. Она сидела в узкой постели. Бледная и

изможденная, женщина выглядела, тем не менее, не так уж плохо для только что размороженной. Чистенькая, в аккуратной больничной рубашке и утепленном мягком халатике, она укрылась словно и от микробов, и от назойливых взглядов. Майлз догадывался, вернее, твердо знал: последнее для поднятия духа даже важнее, чем первое. Уж он-то свое в больницах отлежал. Ако отмыла ее волосы от геля, и теперь они ниспадали шелковистым ливнем на плечо.

Он вошел в кабинку. Интересно, такой визитер в глазах пациента существо страшное или просто странное? По ее суровому взгляду и не определишь. Майлз поправил фильтр-маску и откашлялся.

— Добрый день, госпожа Сато. Меня зовут Майлз Форкосиган.

Он ободряюще улыбнулся и только потом сообразил, что губ-то она не видит.

— Жаль, что приходится разговаривать в маске. Правда, доктор Дюрона говорит, ваша иммунная система быстро восстанавливается. Скоро мы сможем обходиться без излишних предосторожностей и сможем вас выпустить.

— Вы врач? — спросила она хрипло, зато вполне понятным голосом.

— Нет, из криостаза вас вывел Ворон Дюрона, доктор с Эскобара. Он — мой сотрудник, — счел за должное добавить Майлз.

Объяснять ей сейчас, кто он такой, было бы крайне утомительно.

— Я его уже видела, — она сглотнула. Отчасти в том было виновато нервное напряжение, отчасти она просто заново привыкала управлять своим телом. — Где мы находимся? Мне сказали, в Нортбридже.

В ее голосе прозвучало сомнение относительно их местонахождения. В общем-то, в данный момент она сомневалась во всем.

Майлз огляделся. За прозрачными стенами кабинки проступали только затемненные очертания послеоперационной. Окон в ней не было, так что даже здание напротив не увидишь.

— Да, мы в Нортбридже. Вы находитесь на территории закрытого и заброшенного криохранилища на юге города, которое попало в руки предприимчивых и неглупых людей — они здесь самовольно поселились и работают.

— Мне сказали, что у вас мои дети…

Голос ее сорвался, и последние слова беззвучно растаяли в воздухе.

Тут Майлз пожалел, что не захватил их с собой,

хотя провал с предыдущей разморозкой вспоминался весьма болезненно.

— Да, Джин и Мина в безопасности, они находятся в консульстве Барраяра, — добавил он через мгновение, хотя все еще не решил, использовать информацию о детях в качестве кнута или пряника. — У Джина там все его зверье, даже сокол Вихрь и ваша старая кошка, так что мальчик вполне доволен. И Мина с ним.

Майлз надеялся, что упоминание о бродячем зоопарке убедит мать в правдивости его слов.

— В консульстве Барраяра! Но почему? — Она опять сглотнула. — И кто вы такой? Почему вы здесь?

Она не спросила «Почему я здесь?», но, как показалось Майлзу, именно это ее и интересовало.

— А что вы вообще помните?

Губы женщины сомкнулись.

Майлз зашел с другой стороны:

— Последнее, что помнят Мина и Джин о вас, это ваш арест нортбриджской полицией полтора года назад. Два дня назад я со своими людьми обнаружил вас в криостазе, в переносной криокамере в подвале дома доктора Сэитиро Либера. Теперь я пытаюсь выяснить, что произошло за эти полтора года. Думаю, это нужно и мне, и вам.

Последнее просто потрясло ее. Страх и безотчетная злость сменились полнейшим недоумением:

— Что?!

Майлз вздохнул и взгромоздился на стул у изножья ее кровати. Аудитор — тот, кто слушает, а не болтает. Так, кажется, любит шутить Грегор. Но эта женщина заслужила небольшой лекции. Кроме того, Лиза Сато вряд ли знала достаточно о Барраяре, чтобы найти его на карте ПВ-тоннелей.

— Думаю, лучше мне начать сначала. Я с другой планеты. Моя официальная должность — Имперский Аудитор. Это значит высокопоставленный правительственный чиновник, проводящий различные расследования для Империи Барраяра. Вы, без сомнения, недоумеваете, что же я делаю на Кибо-Даини. — Майлз и сам время от времени недоумевал по этому поводу. — Первоначально меня прислали разузнать о подозрительно выглядящем франчайзинговом предприятии компании «Белая Хризантема» на Комарре, это вторая планета нашей Империи.

Майлз постарался предельно кратко изложить суть аферы, которую «Белая Хризантема» пыталась провернуть на Комарре с голосами избирателей. Рассказал и о своей удачной диверсии

со взяткой. Услышав об этом, она наконец слегка развеселилась.

— Да, бить нужно прямо в сердце, то есть по кошельку, — удовлетворенно заметила Лиза. — Хотя «Белая Хризантема» вовсе не самая худшая из корпораций.

— Напомните мне позже, мы поговорим об этом. Ну а теперь я расскажу, как встретился с вашим сыном Джином и попал сюда.

Пришлось вернуться к тому месту, где он прилетел на криоконференцию, и рассказать о нападении ООНН.

— Вот ведь кровожадные идиоты! — прокомментировала Лиза Сато, и Майлз с радостью обнаружил, что она может говорить с негодованием не только о нем.

— В их защиту скажу только, что им, похоже, не удалось никого убить. Во всяком случае, в этот раз. Правда, нельзя не заметить, что они не пытались. А вообще-то, я чувствую себя обязанным им — так раскрыть передо мной горизонты расследования! Мне бы самому не удалось. Комаррская афера рано или поздно все равно бы вылезла на белый свет, а вот остальное… Ну так вот. Я сбежал от них и заблудился в Криосотах…

Эту часть повествования она проглотила за-

чарованно. Майлзу хватило ума оставить все художественные детали для эпизодов, когда в рассказе появился Джин — тут уж мать слушала затаив дыхание. А вот все объяснения о подпольной организации Сьюз госпожа Сато поняла гораздо быстрее, чем Майлз в свое время.

— Но как здесь оказался Джин? — потерянно спросила она. — Я ведь оставила детей у Лорны. Думала: утром уже вернусь. Ну, может, день-другой продержат в полиции, пока не найду адвоката. Но полтора года?!

— Вы помните, как вас готовили к заморозке? Кто это делал?

Силясь вспомнить, она изогнула бровь дугой.

— Я сидела в камере для задержанных муниципального полицейского участка, скорее просто в комнате. Вошел человек. Я подумала, от моего адвоката. Дальше появился транквилизатор в пневмошприце, а потом…

Она потрясла головой, поморщилась. Несомненно, послеоперационная головная боль. Майлзу вспомнились свои ощущения после разморозки — *сногсшибательно*.

В общем-то, совершенно не важно, что ей впрыснули — седативное или транквилизатор. Госпожа Сато выказывала крайне мало призна-

ков криоамнезии, и Майлз подозревал, что, даже если дать ей побольше времени на восстановление, вряд ли женщина вспомнит что-то еще.

— После того как вас противозаконно или, во всяком случае, насильно заморозили, ваша сестра и ее муж взяли заботу о племяннике и племяннице на себя. Насколько я понял, Джин сбежал из дома вследствие конфликтов из-за его животных — Лорна сочла дом слишком тесным для зоопарка. Мина осталась с ней. Она хорошо училась и перешла во второй класс начальной школы, — такой домысел звучал вполне безобидно, — и тут я, по неосторожности, стал причиной возвращения Джина его тете. Тогда они и сбежали вдвоем. Сбежали и пришли э-э… ко мне.

В ее взгляде Майлз прочитал удивленное «Почему?» и добавил:

— Джин сам вам обо всем расскажет при встрече.

Майлз надеялся, что к этому времени Джин стал в достаточной степени приверженцем барраярской политики и не забудет упомянуть о благих намерениях лорда Аудитора. До благих поступков пока еще было далековато.

— Но хватит уже обо мне.

Поговорим о тебе? Давненько (и хорошо, что

давненько) Майлзу не доводилось знакомиться с женщинами в кабаках. Да и знакомился-то он по долгу службы. Но сейчас ассоциации с отчаянной попыткой обольщения казались не такими уж и неуместными. Необходимо было как можно скорее заставить Лизу Сато верить ему.

— Насколько хорошо вы знали доктора Сэитиро Либера и как вы познакомились?

На какое-то мгновение ему показалось, что Лиза опять замкнется, но, заметив его ободряющий взгляд, она начала рассказывать:

— Сэитиро пришел к нам — в политический совет движения — с рассказом о тайне, которую обнаружил у себя на работе.

— Сколько раз он к вам приходил?

— Два или три.

— Сколько еще людей оказались посвященными в эту тайну? Он встречался со всеми членами совета?

— Сначала с Джорджем, Эйко и со мной. И еще была встреча, где мы собрались все, тогда-то и запланировали демонстрацию протеста — Джордж Суваби, я, Сэитиро, Ли Канг, Руми Хосла, Эйко Теннодзи.

Последние имена оказались до боли знакомы Майлзу по его расследованию в сети.

— Дайте-ка я угадаю. Вы решили обнародовать эту тайну во время акции протеста, и вдруг все пошло не по плану.

Она метнула в него взгляд острый, как нож.

— Нашей вины здесь нет. На нас напали участники другой акции протеста — банда негодяев из ООНН. Их место тем вечером было на другом конце парка. Ни мы, ни они не могли позволить себе снять зал для конференции.

— А напали на вас действительно члены ООНН? Может, то были какие-нибудь посторонние нанятые люди, ряженные под ООНН?

— Нет, это точно были они, я узнала несколько человек.

— Гм… Впрочем, их тоже могли подкупить — чтобы натравить на вас.

Она слегка наклонила голову, размышляя и, похоже, соглашаясь.

— Нас разняла полиция, которой оказалось подозрительно много для такого рода потасовки. Да и появились они невероятно быстро, словно знали, что произойдет. Я видела людей с разбитыми, окровавленными головами, их бросали на землю. — Заметно было, как ее взволновали воспоминания. Майлз сообразил, что для нее все эти события произошли буквально вчера. — Мы *так*

протесты никогда не организовывали. Полагаю, это все из-за ООНН — они с криокорпорациями заодно, оборотная сторона той же монеты. ООНН постоянно вопит о деньгах, которых у них нет, корпорации вопят о деньгах, которые у них есть. И тем, и другим плевать на жизни людей, их интересуют только собственные шкуры.

Тонко подмечено, подумал Майлз.

— Вернемся к роли доктора Либера? — И его страшной тайне… — Судя по некоторым обстоятельствам, он был ключевой фигурой.

Она посмотрела на него внимательно, размышляя о чем-то, словно принимая решение.

— Думаю, что если вы шпик, подосланный криокорпорациями, то уже наверняка знаете. И знаете, что я знаю.

«То есть терять нечего» — таким казался неозвученный вывод.

— У меня уже есть догадка, основанная на том, что доктор Либер занимался химией криорастворов в исследовательском центре «Нового Египта».

Она ответила осторожным, едва заметным кивком.

— Сэитиро обнаружил, что криораствор предыдущего поколения разлагается через несколько

десятилетий. Значит, в криокамерах корпораций лежат тысячи, а может, и миллионы действительно мертвых, а не замороженных — из тех, кого готовили при помощи этого раствора. Это значит, что их голоса недействительны, а имущество необходимо передать наследникам. Только одно это свидетельствует: на кону — миллиарды новойен! Я уже не говорю о неизбежных юридических расходах и о разработке методик определения, кто из клиентов корпораций был обработан каким раствором.

Майлз беззвучно присвистнул: кусочки головоломки становились на место со скоростью света. Вот тебе и перепродажа контрактов! О, как же ему нужен аналитик по мета-экономике Службы безопасности, вместе с уже заказанным с Эскобара судебно-бухгалтерским экспертом! Причем нужен прямо сейчас! Со всем разведоборудованием, предварительно настроенным на взлом общепланетных информационных сетей Кибо!

Он закажет все это сразу, как только окажется в консульстве. Но несколько ближайших дней придется справляться при помощи собственного органического мозга. Изрядно поношенного, находящегося далеко не в идеальном состоянии.

Вслух же он сказал только:

— Да уж, это все объясняет.

Включая, конечно же, и беднягу Алису Чен, которую Либер сунул на место Сато. В качестве «обманки»? Или подсказки? Или бомбы замедленного действия?

— Мы подумали, что раскрытие такой тайны здорово даст по рукам криокорпорациям на Кибо, — сказала Лиза Сато. — Может, даже позволит планете вырваться из их цепкой хватки. — Она обвела взглядом стены, затем опустила глаза на свои недавно оттаявшие руки. — Я не сомневаюсь в нашей правоте. — Вдруг брови ее нахмурились: — Постойте-ка, вы хотите сказать, что им все еще удается хранить это в тайне? Сейчас, спустя полтора года? Эта не та тайна, которую можно хранить вечно. Чем больше будет неудачных разморозок у клиентов одного поколения, тем быстрее люди заметят систематическое нарушение. Вот почему Джордж так торопил нас с публичным заявлением, чтобы удалось всколыхнуть как можно больше народа. Почему же… А… — Она посмотрела на Майлза внезапно опустевшими глазами. Лорд-Аудитор прямо-таки сжался, предвидя следующий вопрос. — Что случилось с остальными членами совета? Почему никто не рассказал людям о происходящем по-

сле того, как меня упрятали? Неужели упрятали всех?

— Как грустно быть гонцом дурных вестей… Вот как все произошло, госпожа Сато. Канг, Хосла и вы попали в криокамеры со спорными диагнозами через несколько дней после акции протеста. Флаер Джорджа Суваби упал в озеро, а госпожа Теннодзи разбилась насмерть, упав с балкона своей квартиры в результате чрезмерного употребления алкоголя. Представляется крайне интересным повторное открытие двух последних дел и их доследование уголовным отделом вашей полиции. Э-э… Она действительно так сильно пила?

Лиза поморщилась. Сейчас она была еще бледнее, чем после выхода из криостаза.

— Вообще-то да. Она очень страдала от болезни суставов. Но чтобы упасть с балкона… Бедный Джордж…

— Единственный, кто не вписывается в общую картину, — это доктор Либер. Все полтора года после акции он спокойно ходил на работу.

— Чушь какая-то.

— К счастью, у меня есть возможность расспросить его обо всем. Когда он проснется.

— Его тоже заморозили?

— Нет-нет. Просто сегодня утром он познакомился с действием транквилизатора, во всяком случае так мне сказал мой человек, Роик. Ворон — в смысле, доктор Дюрона — подтвердил эту версию. Мы пока уложили его здесь, у Сьюз, чтобы проспался, пришел в себя. Когда Роик до него добрался, Либер пытался скрыться с планеты. Я думаю, какая-то третья сила желала ему в этом помешать. Допрос обещает быть весьма интересным. — Майлз замялся. В конце концов, она — мать Джина и Мины. И своими проницательными умами, а также решимостью эти двое наверняка обязаны ее генам. Или хотя бы воспитанию. А разве можно требовать доверия, не оказывая такового? — Не желаете ли поприсутствовать?

Глава пятнадцатая

У Майлза прямо-таки руки чесались, как ему хотелось поскорее добраться до Либера. Однако Роик отвлек его внимание двумя другими пленниками. Благодаря Воронову эликсиру оба мирно посапывали на полу заброшенного офиса — а может, заброшенной кладовки? — смежной с подземной парковкой бывшего приемного покоя. Роик творчески провел время, осмотрев бумажники, документы и флаер.

— Вряд ли это можно назвать хорошо продуманной тайной операцией, — сказал он, демонстрируя содержимое бумажников. — Флаер зарегистрирован на «Новый Египет», форма также принадлежит компании. Даже документы подлинные — Ганс Витта и Окия Чермак. Йоханнес перепроверил. Один — начальник охраны предприятия, второй еще полтора года назад был заурядным штатным сотрудником, да вдруг получил существенную прибавку к жалованью и должность личного помощника начальника охраны.

— Интересно, — промурлыкал себе под нос Майлз.

— Угу. Я бы сказал, что похищение доктора Либера они организовали совершенно спонтанно, теми средствами, которые подвернулись под руку. Если бы они взяли его на работе или где-нибудь на территории «Нового Египта», им бы и вовсе не пришлось напрягаться. Вопрос в том, что делать с ними теперь? Не вечно же держать связанными на полу. Я к тому, что людям иногда и пописать надо сходить. Да и начальство их сейчас уже должно заподозрить: что-то не так. Может, как взяли, так и выпустим? Отвезу-ка на их же флаере да оставлю где-нибудь неподалеку от отеля Либера. Пусть там и очухаются.

— Гм… Надеюсь, вы с Йоханнесом постарались и флаер теперь нельзя выследить?

— Естественно, милорд, — поджав губы, ответил Роик. По голосу чувствовалось, что он с трудом не добавил: «Я ведь на работе, а не в отпуске».

— Но тебя-то они видели.

— Боюсь, что так. Однако Йоханнеса — нет.

— Интересно, а похищение похитителей это тоже похищение? — задумался Майлз.

— Да. — В таких вопросах от Роика помощи не дождешься.

— Правда, «Новый Египет» вряд ли подаст в

суд.

— Уж это точно. Зато кое-что другое они сделают запросто.

— Раз уж ты напомнил, может, попросить Сьюз заморозить их? Я полагаю, технически это…

Роик посмотрел на него Роиковым взглядом.

— Я имею в виду, в случае крайней необходимости. А что? Это не первый прецедент подобного способа решения проблем на Кибо-Даини.

Роик твердо молчал.

— Ну ладно, ладно. — Майлз тяжело вздохнул. — Запри дверь, пусть хорошенько выспятся.

Обустройство биоизолятора госпожи Сато оказалось делом несложным. Майлз оборудовал камеру для допроса в соседней палате и выдал ей наручный комм Ворона — чтобы было слышно. Включил яркий свет в своей палате, выключил свет и задернул штору с ее стороны. Теперь стена между палатами стала похожа на зеркало, прозрачное только с ее стороны. Госпоже Сато оставалось лишь как можно меньше двигаться. Она поняла, хотя и не полностью одобрила его план — разбить допрос на две части. В первой части Либер не должен ничего знать о ее присутствии. Потом можно будет сравнить, насколько вторая версия его рассказа отличается от пер-

вой. Майлз никак не мог решить, когда стоит выпустить Сато из укрытия, чтобы вся система сработала с максимальной отдачей. Правда, не особенно переживая по этому поводу — он знал, что идея придет в процессе реализации плана.

Либер еще не совсем пришел в себя, когда Ворон с Роиком привели его в палату и усадили на стул. Роик по привычке прислонился к двери, блокируя выход. В палате не было кровати, и даже от присутствия четверых мужчин в ней не стало тесно. Однако в помещении витала некая атмосфера замкнутого пространства, что, по мнению Майлза, играло им на руку.

— Снова вы! — взгляд Либера уперся в Майлза.

Ворон с добродушным видом склонился над ним и прижал пневмошприц к предплечью. Тот дернулся.

— Фастпента? — прорычал доктор в бессильной ярости.

— Синергин, — успокоил его Ворон, — головную боль снимет сразу.

Либер потер руку и поморщился, но, недоверчиво пощупав ладонью лоб и удивленно поморгав, успокоился.

Интересно, и где же это ты познакомился с пентоталом, что так быстро можешь заме-

тить разницу?

Майлз решил добавить этот вопрос к длинному списку других. Он указал Ворону на стул у стены, а сам уселся так, чтобы не перестараться и не слишком давить на жертву психологически. Правда, чтобы действительно надавить, ему нужно стать на стул. Но весь эффект пропадет. Пусть уж лучше роль такого пресса играет Роик.

— Итак, доктор Либер. Мы могли бы сэкономить кучу времени, если бы побеседовали позавчера, однако, полагаю, ваш дом прослушивается, как и ваш комм, так что, может, оно и к лучшему. Позвольте вас заверить, здесь нас не услышит никто.

Майлз выставил напоказ все зубы. Мол, каким вам больше нравится Имперский Аудитор: жутким или страшным? Выбирайте сами!

Либер пошевелил губами.

— Мой комм! Проклятье, а я-то думал, я все предусмотрел! Значит, вот как вы меня нашли?

— Вот как вас нашли те двое джентльменов во врачебных халатах, я полагаю. А оруженосец Роик, — Майлз указал рукой, Роик дружелюбно кивнул, — простите великодушно, не было возможности представить вас друг другу должным образом раньше. Так вот, Роик лишь последовал

за ними. Ну, или вроде того. И освободил вас. Кстати, вы их узнали?

— Ганса и Оки? Естественно. Карманные шавки Банды Четырех.

— И хорошо ли платят этим вашим… сотрудникам?

— Да уж немало, — Либер кисло улыбнулся, — и работа в охране чудесная.

— Не хуже вашей?

— Не думаю. Им-то получше будет. — Либер поморщился. — А как вы меня освободили?

— При помощи парализатора, — объяснил Роик.

— Это же противозаконно!

— Вовсе нет. У меня есть разрешение, выданное здешними властями. Я ведь телохранитель, знаете ли.

Строго говоря, телохранитель, находящийся на государственной службе. Именно так на бланке Префектуры написал Форлинкин, поясняя смысл должности «оруженосец». Впрочем, были операции, где должность Роика обозначалась и позаковыристее.

— Ну а вы сами-то кто такие? — Либер выпрямился и негодующе уставился на Майлза. Роик слегка подобрался. — Это вы украли у меня Лизу?

— Ее криокамера в безопасности.

Здесь Майлзу даже не пришлось врать, камера действительно стояла в коридоре.

— Ну, это поправимо, если «Новый Египет» действительно меня разыскивает.

— Вы пока тоже в безопасности. Мы надежно укрылись на территории бывшего криохранилища в южной части города, если желаете знать. С глаз долой, из сердца вон.

— Как бы не так, — проворчал Либер, однако, похоже, успокоился.

— Давайте так, — предложил Майлз, — я расскажу вам, что я знаю, а вы — чего я не знаю.

— А зачем мне это надо?

— Об этом мы тоже поговорим. Начну с того, что я действительно был делегатом от Барраяра на криоконференции.

— Вы не врач. И вообще не ученый. — Либер нахмурился: — Будущий клиент криокорпорации?

Если повезет, то нет, подумал Майлз.

— Нет, я Имперский Аудитор. Это значит — высокопоставленный следователь на государственной службе. Помимо прочего, в мои задачи входит исследование общественных и юридических проблем, с которыми столкнулась Кибо-Даини вследствие глубокого проникновения крионики

в жизнь планеты. И непременно буду назначен советником по вопросам изменения законодательной базы Барраяра, которая считается весьма устаревшей. Мы хотим, по возможности, не допустить ошибок, которые совершаете вы.

К счастью, пока такой задачи перед ним не стояло, однако рано или поздно Грегор до этого обязательно додумается. Майлз содрогнулся, представив еще несколько лет сражений в подкомитетах в Советах Графов и Министров, как во время его последнего назначения по общегалактическим вопросам воспроизводства и клонирования. Хорошего в этом было то, что после работы он шел домой, а плохого — что работа неотступно следовала за ним туда же.

— Как говорится, хорошо выполненная работа наказуема, — закончил Майлз вслух. — Однако мы быстро выяснили, что участники конференции серьезно интересовались лишь техническими проблемами.

Ворон одобрительно кивнул.

— А в остальном криокорпорации обсуждали уровень продаж. Поэтому я отправился на поиски.

— Неприятностей? Что ж, нашли мои.

— И то верно. Ох, и интересные же они у вас!

Либер обиженно съежился на стуле.

— На настоящий момент мне известно, что на Кибо действует система голосования по доверенности. Изначально она основывалась на том, что из криостаза людей будут выводить раньше и в значительно больших количествах. Сейчас эта система превратилась в демографическую ловушку. Я пока еще обдумываю, чем она грозит. Мне также известно, что некий криораствор, выпускавшийся около поколения назад, потерял свойства тридцать лет спустя после применения. Теперь «Новый Египет» и, вероятно, остальные корпорации сидят на финансовой бомбе замедленного действия. Бомба эта — огромное количество клиентов, которых не удастся вывести из криостаза, и кому-то придется за все расплачиваться. «Новый Египет» уже приложил немало усилий, чтобы не стать этим самым «кем-то».

Либер так и застыл.

— А откуда…

Скоро он сообразит откуда, но Майлз вовсе не собирался подгонять Либера к поспешным выводам.

— Мне известно, что вы это вычислили, пришли к Лизе Сато и ее сподвижникам. В результате была организована акция протеста, которая за-

кончилась гибелью двоих и криостазом троих ее организаторов. Это вы их подставили, по указке «Нового Египта»?

— Нет! — Либер изобразил негодование, а потом бессильно добавил: — Так получилось…

— Получилось за деньги?

— Нет! Взятка появилась позже, только для того, чтоб все выглядело именно как предательство за деньги.

Майлз пока даже и не думал собирать доказательства подкупа. *Чудесно, доктор сам плывет на крючок. Давайте-ка, не стесняйтесь, вы ведь и сами хотите все выложить*.

— Тогда что произошло? Рассказывайте своими словами.

Либер сложил руки на груди и уставился на свои ботинки. Смотрел долго, так, что Майлз уже было задумался о фастпенте — с разрешения доктора или без оного, — как вдруг тот заговорил:

— Началась эта история около двух лет назад. Мне поручили расследовать необычайно большую волну неудачных разморозок. Все они относились примерно к одному периоду. Я обнаружил, что дело в распадающемся криорастворе, и доложил начальнику. Тот доложил вышестоящим. Я-то думал, что они примут меры. То есть

сделают что-нибудь сразу. Но шли недели, а ничего не происходило.

— Кто эти «вышестоящие»? Кто знал о случившемся?

— Кто такие Банда Четырех? Это мой руководитель отдела исследований и разработок, Роджер Напак; Рэн Чои, старший координатор; Аниш Акабане, главный бухгалтер, и Широ Ким, президент «Нового Египта».

Они притихли и решили скрыть информацию с самого начала. Мне-то они пообещали, что разберутся с проблемой. Позже я сообразил, что «проблемой» мы называли разные вещи. Я понял это, когда Акабане озвучил планы торговли криоконтрактами. Они вовсе не собирались ничего предпринимать по поводу опасного криораствора, лишь хотели решить проблему финансовой ответственности «Нового Египта». Я пожаловался Роджеру. Он посоветовал мне помалкивать, иначе меня уволят. Я заметил, что если меня уволят, то причин помалкивать не будет. Тогда он по-настоящему задумался и пообещал что-нибудь сделать. К этому времени я полностью разочаровался в их способностях решать проблемы.

Уже год или два я слышал имя Лизы Сато в новостях. Казалось, она — из тех редких на Ки-

бо людей, кто не надрывает глотку ради денег. Я чувствовал: ей движут какие-то моральные принципы, понимаете?

Майлз понимал. Теми, кто стремился ее оболгать, как он заметил, двигали лишь деньги. Корпорации заявляли, что Сато планировала организовать государственную криокорпорацию, работу которой будут оплачивать все. Дальше они заявляли что-то совсем уж бессмысленное: утверждали, что госкорпорация составит им конкуренцию! Однако если они сами не занимаются бедняками, то в чем же их потеря? Этого Майлз понять не мог. А вот ООНН желала сжечь всех, чьи метаболические процессы замерли в криокамерах. Всех, невзирая на доход клиента. Хотя начать они собирались с богатых, в чем наблюдается несомненная продуманная деловитость, объясняющая суть их «новой надежды».

— Так я отправился к Лизе Сато, чтобы познакомиться лично. Я даже не стал договариваться о встрече по комму, просто как-то вечером пришел домой и позвонил в дверь. Она оказалась как раз такой, какую я и ожидал увидеть! В следующий раз я передал ей копии всех документов, которыми располагал, ей и бедняге Джорджу Суваби. Вот тогда-то им и пришла в голову эта идея с

выступлением во время акции протеста. Они собирались публично заявить о моей находке так, чтобы корпорациям нечем было крыть. Я полагал, победа у нас в кармане.

Несколько дней спустя, когда я вышел на работу, Роджер вызвал меня к себе в кабинет. Я не успел войти, как вдруг — раз! — и мне вкатывают пентотала. Вот тут-то они из меня все и выжали. — Он помолчал. — Почти все. Все, что касалось планов акции протеста — услышав об этом, тут же забегали, принялись готовиться. Думаю, тогда впервые подключились Ганс и Оки — на них возложили обязанность сорвать акцию. По-моему, у Оки есть родственник в ООНН, так им и удалось втянуть в дело эту организацию.

— Кто еще присутствовал на допросе?

— Все. В смысле, большая четверка.

— У вас это не противозаконно? Я имею в виду, использование пентотала для проверки сотрудников?

— В принципе, не противозаконно. Кажется. Вообще, им позволяется подвергать сотрудников допросу с применением пентотала в случаях кражи или других преступлений на территории предприятия. При найме на работу даже подписываешь договор.

— Ясно.

— Существуют определенные правила, по которым проводится процедура такого дознания, чтобы потом считаться доказательством в суде. Правда, не думаю, что в моем случае они придавали много значения букве закона. Ведь они костьми лягут, чтобы эта информация не дошла до суда. Меня, во всяком случае, сразу после допроса упрятали в надежно закрытую караулку, к этим самым охранникам.

— А это тоже было «в принципе не противозаконно»?

— Им разрешается задерживать подозреваемых до прибытия полиции. Правда, никакая полиция так и не появилась. А когда меня выпустили два дня спустя, для Лизы и ее группы все уже закончилось. — Они прикусил губу, сжал кулаки. — Что я мог сделать? Впрочем, кое-что мог, и этого Банда Четырех никак не предвидела — благодаря Лизе.

— И что же вы сделали?

— Когда я принес ей и Джорджу все документы, мне было сказано припрятать копию в надежном месте — в банковскую ячейку, у адвоката, где-нибудь еще, — с указанием разослать эти документы в разные места — в суды, в департамент юстиции префектуры, в новости, в сеть, в

случае моей внезапной смерти, или заморозки, или исчезновения. Что я и сделал.

— И что, вам удалось таким образом защититься от Четырех?

— Нет, конечно. Они выудили у меня места хранения документов в мгновение ока. Дело в том, что Лиза и Джордж тоже спрятали свои копии документов, а к тому моменту, как «Новый Египет» об этом прознал, они оба уже… В общем, Лизу заморозили, а Джордж погиб. Они искали, но так и не нашли две другие копии.

— А вы откуда об этом знаете?

Либер мрачно ухмыльнулся:

— Как видите, я все еще передвигаюсь на своих двоих, и температура тела у меня выше комнатной.

— Разумное умозаключение. — Майлз потер губы. — А Суваби и Теннодзи, их, по-вашему, убили умышленно? Кто? Ганс и Оки?

— Да, Ганс и Оки. Правда, не думаю, что у них был приказ убивать. Видимо, что-то пошло не так в процессе похищения. Вот Канга, Хослу и Лизу им удалось схватить. — Либер презрительно скривился. — Кстати, об условиях охраны труда. Оба получили хорошие премиальные и повышение, несмотря на провал. Меня не посвящали в

подковерные соглашения, однако ясно, что они не сдадут своих боссов, не подставив под удар себя, и наоборот. Думаю, Четырем понравилось, что у них появился собственный оперативный отряд для грязной работенки. На случай, если снова придется иметь дело с такими, как я. В общем, все зашло в тупик. Зато у всех появилось время успокоиться и подумать. У всех, даже у меня. Мне было так плохо. Особенно из-за Лизы. Я ведь понимаю, что испортил все, над чем она работала. Пусть даже всего лишь старался помочь. Поэтому когда мне предложили взятку, я не отказался. Не потому, что она была мне нужна, нет. Просто хотел усыпить их бдительность. — Он задумчиво помолчал. — В конце концов, Роджера они подкупили намного раньше.

— В какой форме вам была предложена взятка?

— Ничего такого, что можно сразу использовать, они ведь не дураки. В основном доли в компании, дивиденды с которых можно получить через несколько лет. Я-то думал, они меня уволят, чтобы много не платить, но теперь даже и не знаю. Поручили мне настоящую работу, я создал бесконтактный скан-тест для определения неудачной криоподготовки. Такую работу не

всякому поручишь. Как раз скоро должна была состояться первая оплата за работу. И вот с этими денежками я и связывал свой план.

— Какой план?

— Спасти Лизу. — Глаза Либера загорелись, пожалуй, впервые за все время разговора он встретился с Майлзом взглядом. — Полтора последних года я только об этом и думаю. — Он заговорил тихим, умоляющим голосом: — Мне было совершенно необходимо сохранить за собой должность в «Новом Египте», чтобы иметь доступ к ее криокамере, понимаете? Я это сразу понял. Сначала я хотел подкопить деньжат и спасти их всех — Канга, Хослу и Лизу, тайно перевести все три криокамеры на Эскобар и там вывести из криостаза. Но оказалось, что стоит это гораздо больше, чем я думал. Время шло. Решив, что Четверка следит за мной уже не так пристально, я пересмотрел свои планы. Надумал увезти только Лизу. Увезти ее на Эскобар, а оттуда, с безопасного расстояния, подать в суд на «Новый Египет» и на всю коррумпированную систему.

— Я вижу, вы много работали над планом, — заметил Майлз, сдерживая эмоции, и тут же прикрыл рот ладонью, чтоб не выдать себя каким-нибудь скороспелым суждением.

А Либер распалялся все больше:

— Все должно было сработать! И мы вместе были бы в безопасности! Нам бы и на Кибо возвращаться не пришлось, если бы мы не захотели! С моими дипломами я найду работу, которая нас обоих прокормит!

Краем глаза Майлз заметил легкое, негодующее движение за шторкой. Он удержался, чтобы не повернуть голову в ту сторону.

Либер тем временем, словно примеряясь, посмотрел на Ворона.

— Может, нашел бы работу в Группе Дюрона, — взгляд его стал просто умоляющим, — может, если вы мне поможете, я так и сделаю…

И тут его героические видения были грубо прерваны следующей картиной: шторка отлетела в глубину соседней палаты, за прозрачной стеной появилась госпожа Сато и забарабанила по ней кулаками, вопя что-то совершенно неразборчивое за звуконепроницаемым барьером. Майлз, желая помочь, указал ей на наручный комм.

Либер чуть со стула на рухнул.

— Лиза! — завопил он. Майлз, правда, не понял — то ли радостно, то ли в ужасе.

Лиза Сато, очевидно, не поняла намека насчет комма, потому как вместо этого, сжав кулаки, ри-

нулась к выходу из своей палаты. Ворон бросился на перехват, но успел лишь шлепнуть ей на лицо маску, прежде чем женщина ударом распахнула дверь их палаты — Роик предусмотрительно очистил ей путь.

— Сэитиро Либер, идиот ты чертов! — вопила госпожа Сато. Майлз приблизительно так и понял то, что она пыталась сказать из-за стены, потому что и самого его подмывало сообщить Либеру что-нибудь подобное. — Ты о чем думал? Ты собирался похитить меня, увезти с этой планеты? Ты думал, я брошу своих детей? Ты думал усадить меня в клетку на Эскобаре, без денег и без возможности вернуться домой?

— Нет же, нет! — Либер вскочил и протянул к ней руки в мольбе. — Все совсем не так! Все должно было пойти совсем не так!

Майлз понял, что, осуществись план Либера, все пошло бы именно так. Либер — звезда программы, спаситель в белых одеждах. А потом — любовь до гроба, если и не запланированная, то, во всяком случае, такая желанная. И был ли у этой Спящей Красавицы выбор? Право голоса?

— Лиза, я знаю, что сам во всем виноват! Я лишь собирался все исправить, клянусь!

Майлз так и чувствовал, как Лиза брызжет

кипятком под маской, ругаясь почти без слов. Он прекрасно ее понимал.

— Исправить? Только сделать хуже!

Ворон встрял в перепалку:

— Для иммунной системы пациента после выхода из криостаза очень вредно расстраиваться и нервничать. Кстати, это вредно всем.

В такой ситуации показаны несколько более щадящие процедуры, нежели всплески ярости. Пациенты со слабым здоровьем часто подвержены инсульту, вдруг вспомнилось Майлзу. И хотя ему жутко хотелось выжать из Либера по максимуму, настала пора вмешаться.

— Ну, теперь-то его планам не суждено состояться, — примирительно заметил Майлз. — Давайте-ка придумаем что-нибудь получше. — Он вскочил на ноги и придвинул ей кресло Ворона. — Садитесь, пожалуйста, госпожа Сато. Я очень рад, что вы присоединились к нашей дискуссии.

Лиза Сато совсем выдохлась и без сил опустилась в кресло. Ее карие глаза продолжали метать молнии ярости в Либера поверх фильтр-маски. Либер тоже сел — а может, у него просто подкосились колени.

Лиза потерла наморщенный лоб, и Ворон, как и положено врачу, озабоченно нахмурился. Голос

ее вдруг стал таким же слабым, как и внезапно обмякшее тело.

— Если коррупция достигла такого уровня, что они могут уйти от ответственности не только за похищение, но и за убийство, то осталась ли для Кибо хоть какая-то надежда?

— Бегство? — предложил Либер.

Глаза из-за маски метнули в его сторону искры презрения.

— И оставить моих детей на растерзание этой ненасытной пасти? — Она вздохнула. — Детей всех людей…

Майлз успокаивающе заметил:

— «Новый Египет» пока не ушел от ответственности за убийство. Вообще-то, сам факт тайного заговора показывает, что они весьма уязвимы. Если взять бомбу побольше, да хорошенько прицелиться, вполне можно поразить цель.

Госпожа Сато покачала головой. Майлз не понял, то ли ее приступ отчаяния стал следствием послеоперационного истощения, то ли следствием более глубокого знания проблем Кибо-Даини. Сердитый взгляд Ворона свидетельствовал скорее о последнем.

— Роик, — бросил Майлз через плечо, — надо срочно провести допрос обоих головорезов, что

сидят в подвале. Под пентоталом. Главная цель — узнать все про убийство. Однако надо выудить у них как можно больше информации об их боссах, да и вообще. Затем перебросить записи по безопасному каналу в консульство.

— Будут ли такие показания засчитаны местным судом?

— М-м… Этот вопрос надо продумать. Мы не на службе у местного правительства, так что вряд ли с этим все будет гладко. Пусть Форлинкин проконсультируется у своего адвоката. — Майлз задумался: интересно, что эта пока незнакомая ему женщина думает о внезапно хлынувших от своего клиента вопросах, касающихся законодательства? Что ж, настал ее черед отрабатывать содержание. — В любом случае, доказательства понадобятся мне. Синица в руке не помешает.

— Мы все еще планируем освободить их после допроса? Если они — убийцы?

— Вообще-то, похоже, что они — непрофессионалы, а вовсе не наемные убийцы. Причем совершенно криворукие непрофессионалы. Все будет зависеть от того, что мы выясним в ходе допроса. Ворон поможет, но нельзя, чтобы они видели и его. Они и так слишком много знают.

— А если у кого-то из них аллергия? Или если

аллергия у обоих?

Летальная аллергическая реакция на фастпенту не такая уж редкость среди оперативных работников с разных планет. Насчет этих двух гражданских Майлз не был уверен.

— Пусть Ворон сначала проверит. Все необходимое для допроса — в моем наборе, вместе с пентоталом. Если что случится, доложить мне.

Роик кивнул. Во всем, что касалось допросов по уголовным проблемам, Майлз полностью доверял Роику.

— Теперь что касается глобальных вопросов… — Майлз приостановился. — Пока не знаю, с какой стороны к ним подойти. Не верится что-то, что эта технология в руках человека не превратится в одни и те же грабли на всех планетах. В каком-то смысле это также забота Барраяра. Ну, или забота Барраяра в недалеком будущем.

Прекрасно, теперь у него появилось объяснение отчетам о расходах по этому делу на все случаи жизни. Не то чтобы такое объяснение стало затруднительным, но рано или поздно отвечать придется.

Роик задумчиво почесал затылок.

— Проблема в том, что здесь у всех примерно одинаковые цели. Если правительство допустит,

чтобы вся система стала уж очень коррумпированной, как они собираются обеспечить безопасность своей собственной разморозки?

— Нельзя недооценивать способности человека выдавать желаемое за действительное и страсть к самообману, — ответил Майлз. — Здешнее общество поглощено лишь одной страстью: как бы избежать смерти. Видимо, поэтому жители Кибо забывают жить.

Роик побарабанил пальцами по шву на брюках.

— Похоже на то.

Краем глаза Майлз уловил какое-то движение: общая дверь послеоперационной палаты открылась, и на пороге появился Форлинкин, а за ним — взволнованные мордашки Джина и Мины.

Майлз показал рукой в их сторону:

— Госпожа Сато, по-моему, к вам посетители.

Она повернула голову, выпучив глаза, ахнула так, что даже из-под маски было слышно, и резко вскочила со стула. Ворон даже подпрыгнул, в готовности помочь, если Лиза потеряет сознание от головокружения. Куда там — мать сломя голову неслась из палаты.

— Джин! Мина!

— Мамочка!

Дети рванулись вперед, однако не отпустили рук Форлинкина, и тот, сделав несколько неровных широких шагов вперед, оказался лицом к лицу с Лизой Сато.

Она опустилась на колено, крепко обняв детей — сначала одного, потом другого, потом обоих вместе. Наверное, она сейчас плачет, подумал Майлз. Он подошел к двери палаты и прислонился к косяку, наблюдая за ними. И даже Джин, забыв, что ему «почти двенадцать», не устоял и пустился во все телячьи нежности.

— Мина! — Лиза Сато немного отстранила дочь от себя и разглядывала ее поверх маски. Материнский голос дрожал. — Как ты выросла!

Только теперь Майлз по-настоящему осознал, что из ее жизни были украдены полтора года. Вот они, вещественные доказательства, а не просто слова, слова, слова…

Она изумленно уставилась на Форлинкина.

— Кто это?

Мина радостно бросилась объяснять:

— Это Форлинкин-сан, мамочка. Мы живем у него дома! У него такой чудесный сад! И всем Джиновым зверушкам там здорово.

Девочка, ухватившись за руку Форлинкина, принялась на ней раскачиваться. Консул при

этом ничуть не смутился.

Форлинкин улыбнулся и предложил госпоже Сато вторую руку. Та, попытавшись подняться с колен своими силами, поняла, что нуждается в его поддержке. Консул был достаточно высок, и ей пришлось смотреть вверх, чтобы заглянуть ему в глаза. С Либером она была одного роста.

— Госпожа Сато, Стефин Форлинкин к вашим услугам. Я консул Барраяра на Кибо-Даини. Счастлив наконец-то познакомиться с вами лично.

Лиза безуспешно попыталась стряхнуть Мину с руки Форлинкина. Девочка соскочила сама и теперь радостно носилась вокруг них двоих. Джин также, подпрыгивая на месте от возбуждения, рассказывал что-то матери, сводя все объяснения к здоровью и состоянию своего зверья, особенно Лаки.

— Значит, мои дети были на вашем попечении? — неуверенно предположила она.

— Только несколько последних дней, мэм. У вас чудесные детишки. Умненькие.

Майлзу показалось, что под маской мелькнула улыбка. Ни разу до того он не видел радости в ее темных глазах.

В этот момент вмешался Ворон и потребовал, чтобы его пациентка отправилась в постель,

однако не стал оспаривать ее права побыть с детьми. Майлз наблюдал через стекло, как дети, размахивая руками, рассказывали обо всем, что произошло с ними за полтора года. Видно было, что госпожа Сато едва поспевает за хлынувшей на нее информацией.

Сзади подошел Форлинкин и тоже принялся разглядывать их.

— Я рад, что она встречает детей в полном сознании. Это снимает с моих плеч сразу несколько юридических проблем. Теперь я действительно могу позаботиться о детях.

— Прекрасно, — улыбнулся Майлз.

Роик с Вороном куда-то отправились — их ждали новые дела. Либер выглядел потерянным. Невнятно махнув на стекло, за которым было видно всех Сато, он спросил:

— А мне-то что теперь делать?

Майлз повернулся к нему, скрестив руки на груди и прислонившись к дверному косяку:

— Вы, конечно же, вольны делать что угодно. На этой планете я наделен властью арестовывать только барраярцев.

— А как же Ганс и Оки?

— Я их не арестовал, а похитил. Как выражается Роик. Чувствую, придется мне как-нибудь объяс-

нить вам разницу между тем, что «дозволено», и тем, и что «простительно».

— И в чем же она, интересно?

Форликин удивленно поднял брови:

— В основном в успехе результата. В любом случае, доктор Либер, вы свободны покинуть нас в любой момент. Просто я бы не рекомендовал вам этого делать, если только у вас нет более приемлемого, нежели последний, плана укрыться где-нибудь. Я исхожу из предположения, что Ганс и Оки — не единственные мастера заплечных дел у ваших боссов.

— Не единственные, — с тяжелым вздохом согласился Либер.

— Вы также вольны остаться здесь. Переночевать здесь — гораздо безопаснее, чем искать платное пристанище где-нибудь еще. Нам всем нужно время, чтобы успокоиться, переварить все это. А еще советую вам серьезно подумать над целесообразностью завтрашнего перелета на орбиту — вряд ли вы проберетесь дальше космопорта.

— Верно, — горестно согласился Либер, — сейчас ничего не получится.

— А что собираетесь делать дальше вы, милорд Аудитор? — поинтересовался Форлинкин.

Майлз потер подбородок и задумчиво нахмурил брови:

— Думаю, то же, что и любой другой полководец, который уступает противнику числом. Искать союзников.

Глава шестнадцатая

Роик провел допрос незадачливых пленников без сучка и задоринки — именно так, как Майлз и ожидал. Забавно, что, даже очумевшие от пентотала, Ганс и Оки пытались оправдываться в своих поступках. Как Либер и предположил, две смерти были скорее результатом непрофессионализма, нежели злого умысла. Хотя описание того, как два бандита гоняли госпожу Теннодзи сначала по квартире, а потом по балкону, звучало достаточно жутко. А их попытка силой посадить флаер Джорджа Суваби вполне могла бы удаться, если бы он аварийно сел на сушу, а не на глубокую воду. Ганс и Оки могли бы вынуть его из каркаса безопасности и сунуть в морозилку, разыграв, на совершенно законных основаниях, спектакль по спасению смертельно раненного человека. Однако случилось так, что утопленника выудили из воды слишком поздно даже для медицины Кибо-Даини.

Однако, как бы ни квалифицировалось их преступление — предумышленное или непредумышленное убийство, — главной проблемой оставалось другое: как теперь избавиться от

непрошеных гостей? Просто отпускать уже нельзя. Их вместе со снятыми показаниями нужно бы передать полиции, однако не той полиции, которую «Новый Египет» может с легкостью купить. Да и толку от такой передачи сейчас мало, подумалось Майлзу. Скованных общей виной Ганса и Оки просто-напросто принесут в жертву, а их боссы купят свободу и скроются под надежной защитой дорогих адвокатов. А Майлзу хотелось бы, по возможности, утопить всю банду «Нового Египта».

Педантичный Роик ухаживал за подопечными: водил их в туалет по одному, поил водой. На какое-то время Майлз и Ворон погрузили их — не без помощи медикаментов — в легкий сон. Однако нужно было искать серьезный выход из ситуации. Криостаз казался все привлекательнее — забирать их с собой домой он не собирался. «Барраяр не испытывает недостатка в бандитах. К тому же *наши* свое дело знают получше», — решил Майлз. Мысль о том, что Банда Четырех сейчас весьма напугана пропажей как сотрудников безопасности, так и Либера, не могла не согревать. Еще бы! Ганс и Оки должны были доложить о возвращении с пленником много часов назад. Да, пожалуй, пора разворошить

муравейник.

Когда записи оказались в консульстве, Майлз решил, что можно подключать к работе «Белую Хризантему». Ведь именно там все и началось, — как давно, кажется, это было! К счастью, ему не составило труда набиться на прием к Рону Вингу. По пути к западным окраинам Майлз вновь и вновь проигрывал роль — чтобы не выдать себя, пока дело не закончено.

У дверей кабинета Винга их встретила улыбчивая секретарша — поднялась и поприветствовала. Из кресла в углу также кое-кто поднялся, скорее зевая, нежели улыбаясь. Удивительное существо, похожее на кошку темно-рыжего окраса, словно крошечный лев с крыльями, весьма напоминавшими крылья Вихря, однако с лицом, жутковато похожим на человечье. Небольшой полосатый головной убор с духе египетских статуй был завязан под подбородком. Существо потрусило к Роику. Тот замер в ужасе, а оно по-кошачьи потерлось о его колени — весило оно, должно быть, килограммов десять, — потом задрало морду вверх и (Роику показалось, что оно сейчас спросит: «Что ходит утром на четырех ногах, днем — на двух, а вечером — на трех?») хрипло мяукнуло.

— Прекрати, Нефертити, — пожурила ее секре-

тарша и, подняв за шиворот, взгромоздила зверя на стол.

Кошка махнула хвостом с кисточкой и наградила женщину обиженным взглядом.

Майлз протянул руку. Зверь ее обнюхал.

— Не бойтесь, она не царапается и не кусается, — пояснила секретарша, — вот только линяет. — И добавила, улыбнувшись все еще пораженному Роику: — Это маркетинговый подарок от наших друзей и соседей, «Нового Египта».

— Я что-то не видел таких на конференции, — заметил Майлз.

— О, они разошлись в первый же день. Всем очень понравились. В них заложено больше дюжины слов. Говорят, прекрасный подарок для детей. И для домашней безопасности, — последнюю фразу она добавила как-то неуверенно.

— А где их, э-э… сделали? — поинтересовался Майлз.

— Насколько я поняла, на какой-то биоинженерной фирме на Архипелаге Джексона, — ответила она.

Кто бы сомневался.

— Их доставили сюда замороженными, и «Новый Египет» здорово сэкономил, разморозив их в своих лабораториях. Оказывается, этих живот-

ных не так-то просто содержать. Очень уж они привередливые едоки.

— А гены… в основном кошачьи? — спросил Майлз.

Она с сомнением взглянула на мини-сфинкса. Кошка вернула ей совершенно бесстрастный взгляд мифического животного.

— Думаю, да. А что? Я доложу господину Вингу, что вы здесь, лорд Форкосиган.

Винг тут же вышел навстречу самозваным гостям. Оставив Роика в приемной поболтать с секретарем и, быть может, обменяться парой загадок со сфинксом, Майлз позволил Рону Вингу увлечь себя в святая святых — кабинет Винга. Там он устроился в уютном и элегантном гелевом кресле для посетителей. Окна прекрасных угловых апартаментов Винга выходили сразу на две стороны — здания корпорации и безмятежные сады всего комплекса. Майлзу вдруг ни с того, ни с сего вспомнилась берлога Сьюз.

Винг уселся за рабочий стол, — комм-пульт черного стекла, — сложил руки на груди. Во взгляде сквозило осторожное любопытство.

— Так вы говорите, у вас возникли непредвиденные трудности, лорд Форкосиган?

Майлз снял волосок сфинкса с обшлага своего

серого кителя и сделал вид, что пытается припомнить, зачем он вообще сюда пришел.

— По правде говоря, непредвиденные трудности возникли у вас.

Майлз откинулся на спинку и осклабился. Эх, достать бы еще ногами до пола.

Винг не встревожился, скорее просто насторожился.

— А что такое?

— Я провел несколько дней, наводя кое-какие справки — здесь, в Нортбридже, после конференции и нашей с вами встречи. Просто хотел разузнать, во что конкретно пойдут мои инвестиции. И обнаружилась некоторая проблемка. Интересно, знаете ли о ней вы?

Майлз постарался изобразить подозрительность в улыбке, надеясь спровоцировать Винга, заставить его перейти к обороне.

Тот лишь промычал что-то недоуменное. Майлз напомнил себе: не переигрывай. Гонец с такой вестью должен проявить достаточно ума, чтобы ему поверили, и в то же время не слишком умничать, чтобы его не испугались.

— Размер оплаты моих услуг прямо пропорционален росту акций «Белой Хризантемы Солстиса», не их падению. Если же они упадут, я останусь не

с прибылями, а в долгах.

— Они не упадут, — успокоил Винг.

— Позволю себе не согласиться. Ваша компания-учредитель висит на волоске над глубочайшей экономической пропастью.

На сей раз Винг не кинулся его успокаивать, а вновь поинтересовался:

— А что такое?

— Вы приобретали контракты у компании «Новый Египет»? Вы знаете, что вам всучили лишь кучу трупов? Оказалось, что один из типов криораствора, которым все пользовались от тридцати до пятидесяти лет назад, разлагается через пару десятков лет. Клиентов после этого уже не оживить. Их мозг, как художественно выразился мой технический консультант, превращается в комок гнили. Со временем неудачных разморозок станет все больше, и родня ваших клиентов потребует вернуть миллионы новойен и их голоса.

Рот Винга открылся в неподдельном изумлении:

— Это правда?!

— Вы и сами сможете все легко проверить, как только подскажете своим ученым, где искать.

Винг опустился в глубины кресла.

— Проверю первым делом.

— Главный возмутитель спокойствия — «Новый Египет». Афера с торговлей контрактами пошла от них. Насколько я понимаю, придумал ее некий Аниш Акабане, их главный бухгалтер.

Винг задумчиво кивнул:

— Знаю такого. Умен, подлец!

В голосе прозвучало скорее восхищение, нежели гнев.

— По-моему, дело здесь совершенно ясное: вам и другим корпорациям Нортбриджа, которых надул «Новый Египет», надо объединить свои силы и выдвинуть иск.

Винг поморщился: мысль Майлза явно показалась ему скороспелой.

— Для этого надо доказать, что они знали.

— Можно доказать, что они знали об этом еще полтора года назад. Негодяев вполне удастся взять к ногтю!

Винг поднял ладонь:

— Не торопитесь, лорд Форкосиган! Я целиком разделяю ваш гнев. Не думаю, правда, что путь, который вы предлагаете, поможет защитить ваши инвестиции.

Тоже мне, инвестиции!

— Как так?

— Это все пока — тайна? Вы никому больше не

говорили?

— Начал с вас. После чего собираюсь рассказать правлению каждой криокорпорации здесь, в «Криополе».

— Какое счастье, что первым делом вы пришли ко мне! Вы поступили совершенно правильно.

— Надеюсь, это действительно так. Однако что вы задумали?

— Нам в первую очередь следует беспокоиться о котировках акций «Белой Хризантемы» и прибылях ее акционеров, включая вас. Во-первых, естественно, после проверки фактов нам предоставляется хоть и ограниченная, но все же явственная возможность снять бремя обязательств с самих себя. Было бы верхом безответственности не воспользоваться ей. Для «Белой Хризантемы» будет значительно лучше, если эта проблема получит огласку постепенно и источником информации о ней станем не мы, а кто-нибудь другой. Кризиса можно избежать, если не обрушить эту новость на широкую общественность вот так, сразу.

— Боюсь, я вас не совсем понимаю…

Боюсь, я его очень хорошо понимаю. Проклятье. Я поставил не на ту лошадь.

Винг покачал головой:

— Ответственные люди в любой криокорпорации согласятся со мной. Это не та новость, которую можно предавать широкой огласке. Это может оказаться гибельным не только для «Белой Хризантемы», но и для бизнеса в целом. Да что там, для всей экономики.

— Значит, вы предлагаете не коллективное заявление в суд, а коллективный сговор?

Осторожно, не сорвись, — приказал Майлз себе.

— Ну почему сразу «сговор». — Винг вздохнул с глубоким сожалением. — Хотя это как раз всех бы устроило. Однако если уж даже посторонний человек с другой планеты смог обнаружить такую проблему после поверхностного знакомства с Кибо, то ясно, что все зашло слишком далеко и сокрытие не поможет надолго. Эта новость, видимо, скоро станет известна всем.

И вовсе даже не так тихо и мирно, как тебе хотелось бы, подумал Майлз, но не стал посвящать Винга в детали.

Винг побарабанил кончиками пальцев по черному стеклу стола.

— Думаю, у нас есть небольшое преимущество. А потом я сам схожу к нашим коллегам-конкурентам. Через несколько недель. Поскольку есть

здесь кое-какие вопросы, которые могут представлять опасность для всех нас. Не волнуйтесь, лорд Форкосиган, у нас ваши инвестиции в полной безопасности. Просто оставьте мне решение этого вопроса. — Он откинулся на спинку кресла, улыбчивый, как всегда, хотя было видно, что в мозгах закрутились шестеренки.

— А как же нам наказать мерзавцев из «Нового Египта»? — Майлз старался, чтобы голос прозвучал жалостливо, а не гневно.

— Знакомо ли вам выражение: достойная жизнь — лучшая месть?

— Там, откуда я родом, лучшей местью обычно считается голова обидчика на блюде.

— Ну, э-э… Гм. Просто разные культуры. Так. Вы обеспечили меня сегодня работой, которую я не планировал.

Намек прозвучал достаточно прозрачно. Майлзу пора сниматься с якоря, Вингу — обеспечивать живучесть своего «плавсредства».

У Майлза перед глазами возникла картина: корпорации сходятся в… нет, не в битве, а в соглашении.

— Вы заставили меня о многом задуматься, Винг-сан.

— Да и вы дали мне пищу для ума. Не желаете

ли чаю на дорогу?

Очевидно, Вингу трудно было придерживаться правил хорошего тона перед лицом новых трудностей.

— Почему бы и нет? — ответил Майлз, таким образом совместив и достойную жизнь, и месть. Пусть мелкую, но месть.

Они вышли в приемную, где секретарша пичкала Роика зеленым чаем с миндальным печеньем, осыпая его взглядами восхищенными и благодарными. Сфинкс жалобно мяукал из здоровенного… контейнера для переноски сфинксов.

— Я так рада, что вы ее заберете, — сказала секретарша, кивнув на клетку и наливая Майлзу и своему боссу из изящного фарфорового чайника. — Очень милое существо, притом совершенно ручное. Только вот не вписывается в дизайн помещения.

— Ага! — обрадовался Винг. — Вы наконец-то нашли ей хозяев, Юко? Отлично! Наконец-то из туалета исчезнет эта коробка…

Майлз неодобрительно посмотрел на Роика:

— У нас теперь будет сфинкс?

«Зачем?» — хотел он спросить. Или скорее: «За что мне такое наказание?»

Роик выглядел виноватым.

— Кое-кто, я уверен, ей очень обрадуется.

— Ясно.

Майлз надеялся, что Роик получил что-нибудь взамен. Например, информацию. Секретарша выглядела для него староватой. Был ли ее интерес к мужчине-барраярцу материнским или романтическим — не имело значения. Главное, интерес был дружественным и неподдельным.

Майлз решил ограничить мстительность одной чашкой и позволил проводить себя к выходу. Появились два служащих. Они покатили на платформе еду сфинкса, а также ее посуду, игрушки, сменные головные уборы и санитарные принадлежности. Роик потащил контейнер и проследил за погрузкой всего этого в консульский флаер. Голос сфинкса звучал грозным протестом, когда они выезжали из-под тории.

— Во-о-он! Во-о-он!

— Куда теперь, милорд? Какие остановки на пути?

— Думаю, пока никаких. Мой блестящий план по исправлению ситуации и нашему скорейшему возвращению домой только что пошел ко дну. Расскажу тебе все по дороге в город.

— Да, милорд.

* * *

Джин потихоньку выбрался из послеоперационной, где дремали мама и сестренка. Мина, как котенок, свернулась в изножье кровати. Мама выглядела вымотанной и бледной, даже какой-то страшноватой, правда, совсем не похожей на ту, другую женщину, которую Майлз-сан и Воронсенсей не смогли оживить. Радость, что мама жива и вот теперь снова с ним, в первое мгновение просто захлестнула, как волна. Однако теперь волна отступила, и Джин вновь оказался в смятении чувств, в странном, подвешенном состоянии. Снова все стало неопределенным, снова он под контролем взрослых. Где они будут жить? Что случится с его зверьем? Заставят ли его вернуться в школу? Когда? Неужели он теперь обречен учиться с малышней на год младше его?

А что, если все это опять отнимут?..

В общей палате дежурила Ако, она приветливо кивнула мальчику, не вставая со стула. Джин услышал в коридоре голоса и пошел взглянуть, кто там.

Прикрыв за собой дверь, он натолкнулся на взволнованного Форлинкин-сана. Он разговаривал с Вороном-сенсеем и двумя неизвестными.

У Джина тоже отвалилась челюсть, когда он посмотрел на этих новеньких.

Мужчина был почти копией Майлз-сана — того же роста, очень похож, только раза в два шире и без седых волос. На нем был строгий костюм — черный-пречерный и даже чернее. От этого его полнота вовсе не бросалась в глаза. Женщина была даже выше Джиновой матери — яркая блондинка, волосы убраны назад красивым узлом, глаза почти такие же голубые, как у консула Форлинкина, одежда — гораздо более непринужденная: мягко-серые тона, гладкий белый верх, и что-то золотисто поблескивало на шее и в ушах. Ее одежда чем-то напоминала сорочки Майлз-сана — вроде бы простые, но в то же время выглядящие очень… Ну очень! Женщина улыбнулась Джину, и мальчику вдруг стало тепло.

— Джин, — сказал ему Форлинкин, — я как раз тебя искал. Я собирался вернуться в консульство, когда…

Он многозначительно посмотрел на не-Майлза.

— Мама и Мина уснули, — сообщил ему Джин.

— Отлично, — сказал Ворон, — пойду-ка я на них взгляну, перекинусь словом с Ако и вернусь к вам.

Он исчез в палате.

Блондинка взглянула на Джина. В ее глазах запрыгали веселые искорки, словно лучики солнца на глади летнего озера.

— А кто это, консул?

Форлинкин весь будто собрался, хотя чего это он так растерялся из-за прибытия парочки, было совсем не понятно. Может, из-за удивительного сходства коротышек?

— Это Джин Сато, сын женщины, которую лорд Форкосиган и доктор Дюрона вывели из криостаза. Лорд Форкосиган натолкнулся на него, когда… Впрочем, он сам вам все расскажет по возвращении. Джин, это — лорд Марк Форкосиган и его партнер, мисс Карин Куделка, с Барраяра.

Мисс Куделка протянула Джину для рукопожатия изящную ладонь, словно он был взрослым. Мужчина, несколько помешкав, последовал ее примеру. Джин не понял, что значит «партнер» — то ли подружка, то ли коллега по работе. Красотка выглядела скорее директором компании, а дорогая сумка, перекинутая через плечо, явно предназначалась не для косметики.

— Вы брат Майлз-сана? — спросил Джин.

Они — как Тецу и Кен. Джин вдруг осознал, что с лордом Марком он одного роста, как и с Май-

лз-саном, только лорд Марк все равно казался как-то выше — из-за своей тучности, что ли? А еще у него в уголках глаз не пряталась улыбка, как у Майлз-сана.

— Близнецы, с разницей в шесть лет, — ответил тот заученной фразой, словно уже в стотысячный раз. — Долгая история.

Ясно было, что Джину он ее пересказывать не собирается.

— А выглядите… не очень-то похожими, — продолжил Джин.

У лорда Марка не было трости, и двигался он плавнее, чем Майлз-сан. Видимо, он был младшим братом.

— Приходится прикладывать усилия, чтобы сохранить это отличие, — ответил лорд Марк.

Из палаты вернулся Ворон.

— Полагаю, первым делом вам необходимо встретиться с госпожой Сузуки, лорд Марк.

— А зачем она нам вообще нужна? Насколько я понимаю, этот ваш Тед Фува — единственный настоящий хозяин.

— Он владеет лишь зданиями предприятия. Для наших целей здания… не то чтобы совсем не нужны, просто именно эти — не принципиальны. Нас гораздо больше интересует личная ответ-

ственность за клиентов, содержащихся здесь, и возможности, которые мы получим. Именно поэтому мы рискнули пригласить сюда вас, для личного осмотра. А госпожа Сьюз, бесспорно, единоличный хозяин всего этого «царства хаоса».

Лорд Марк коротко кивнул. Он слушал и не спорил.

— Знает ли ваш брат, что вы прилетели, лорд Марк? — спросил Форлинкин. — Мне он ничего не сказал. Как и доктор Дюрона.

Взгляд, брошенный в сторону доктора, сквозил подчеркнутым недружелюбием.

— Нам удалось сесть на корабль раньше, чем планировалось, — ответила мисс Куделка.

— Я, вообще-то, не горю желанием лезть в улей, который Майлз сейчас ворошит, да и не очень хорошо представляю, чем он занят, — ответил лорд Марк. — Обычно мы не вмешиваемся в дела друг друга. Считайте просто, что у близнецов — сходные интересы.

А его коллега вставила:

— К тому же, насколько я понимаю, одна из обязанностей консульства, — помогать предпринимателям с Барраяра на Кибо.

Форлинкин осторожно кивнул:

— Хотя Аудиторское расследование, естествен-

но, сейчас для нас важнее, — и добавил почти неслышно: — Чем бы он там, черт побери, ни занимался…

— Конечно, — сверкнула такая ослепительная улыбка мисс Куделки, что Форлинкин даже моргнул. — Вероятно, пойти к ней должны Марк, Ворон и консул, тогда не придется объяснять все по многу раз.

Форлинкин несколько смутился:

— Джин, извини…

— Лучше, если Джин пойдет с нами, — с легкостью предложил Ворон-сенсей. И тихонько добавил, обращаясь отдельно к мисс Куделке: — Он наш местный проводник, может оказаться полезным…

Она согласно кивнула и одарила Джина еще одним лучащимся взглядом.

Все пошли за Вороном, и Джин поплелся следом в безмолвном недоумении: вниз, потом под зданием, потом по тоннелям, потом наверх, прямо к дверям Сьюз-сан. Лорд Марк и мисс Куделка напряженно озирались всю дорогу, а блондинка сканировала все ручным видео.

Ворон-сенсей бодро забарабанил в дверь углового номера. Та открылась неожиданно быстро, на пороге, ко всеобщему удивлению, стоял Тен-

бери-сан.

— Что тут происходит? — Он подозрительно таращился из- под густых косм. — Вы что, привели посторонних, не спросив разрешения?

— А мы как раз идем к вам за разрешением! — ответил Ворон-сенсей. — Как хорошо, что вы здесь. Можно войти? Нам надо поговорить с госпожой Сьюз.

— Ну, заходите. — Тенбери покосился на лорда Марка: — Боже, еще один! Сколько у вас всего припрятано этих коротышек, Ворон?

У лорда Марка дернулась бровь, однако Ворон-сенсей тут же отреагировал, успокаивая:

— Только эти двое! — и Тенбери отступил.

Сьюз-сан сидела у окна, играла в маджонг и пила с Танакой что-то, не очень похожее на чай. Тенбери, очевидно, только что встал с третьего стула. Все они удивленно разглядывали компанию лорда Марка.

— Ну что на сей раз, Ворон? — буркнула Сьюз-сан. — Я уж думала, мы обо всем договорились. Когда вы выполните обещание и разморозите двух наших клиентов, а?

— Мы хотим изменить условия договора, — ответил на это Ворон-сенсей.

Сьюз-сан нахмурилась еще больше.

— Как насчет не двух, а двух тысяч клиентов?

Ее брови поползли вверх, а уголки рта — вниз; однако женщина нашла силы махнуть им рукой, вся компания строем вошла в комнату и уселась вокруг хозяйки. Первым делом Ворон-сенсей представил ей консула Форлинкина, который несколько последних дней только и делал, что носился между консульством и заведением Сьюз, о чем та прекрасно знала. Джин попытался подать ей знак, мол, это — наш человек. Тенбери кое-как устроился на подоконнике, хмурясь и ероша бороду.

Ворон-сенсей опять представил новоприбывших.

— Госпожа Сузуки, позвольте представить вам моего работодателя, лорда Марка Форкосигана. Он — младший брат Лорда-Аудитора Майлза Форкосигана… И его коллега, мисс Карин Куделка. Лорд Марк — совладелец Группы Дюрона, клиники на Эскобаре, в которой я работаю.

— А кто другой совладелец?

Сьюз рассматривала лорда Марка пристальным тяжелым взглядом.

Тот ответил сам с легким поклоном:

— Доктор Лилия Дюрона, основатель первой Группы Дюрона на Архипелаге Джексона, пра-

родительница всех клонов Дюрона. Я приобрел свою долю в Группе десять лет назад, когда помог Дюрона сменить статус — из собственности барона Фелла в иммигрантов на Эскобаре.

— Вы тоже доктор? Ученый?

Лорд Марк покачал головой:

— Предприниматель. Мой основной интерес в исследованиях Дюрона — в поддержке развития методов продления жизни, в частности поиск альтернативы пересадке мозга клону.

— Такая пересадка противозаконна! — вставила Танака.

— К несчастью, не на Архипелаге Джексона.

Джин потянул Форлинкина за рукав и спросил:

— О чем они говорят?

Тот шепнул в ответ:

— Богатые злодеи омолаживаются так: их мозг пересаживают в тело клонов, выращенных специально для этой цели. Очень опасная операция, при которой мозг клона всегда погибает.

— Фу-у…

— Полностью согласен.

Форлинкин, сдвинув брови, вновь принялся слушать лорда Марка. Он подал Джину знак рукой, мол, тише, сиди и слушай, и сам показал

пример.

Лорд Марк сложил ладони, побарабанил пальцами жестом, так напоминающим жест брата, и сообщил:

— Группа Дюрона рассматривает возможность расширения своих услуг по выводу из криостаза на Кибо-Даини.

Сьюз-сан скривила губы:

— Это пустая трата… Стойте-ка, вы говорите, по *выводу* из криостаза? Не по заморозке и хранению?

— Похоже, на этой планете криохранение — вполне зрелая отрасль промышленности, новичкам тут и места не найти. Думаю, значительно больший простор и возможности предоставляет сфера, которую нынешние криокорпорации упорно не замечают. Ворон сказал мне, что здесь у вас на подземных уровнях на незаконных основаниях хранится более двух тысяч клиентов. Их хранение и составляет то обязательство, по которому данный комплекс зданий невозможно продать, отчего страдает настоящий его владелец, некто Теодор Фува.

— Ага, когда этот идиот приобрел здания под застройку, он не знал, что здесь — мы. Он даже как-то пытался решить эту проблему поджо-

гом, — рассказала Сьюз-сан. — Как бы то ни было, сейчас здесь уже больше трех тысяч.

— Тем лучше!

— И что же вы сделаете, чтобы от них избавиться?

— Как что? Конечно же, разморозим их и отправим отсюда своим ходом.

Сьюз-сан только фыркнула:

— Только если у вас есть лекарство от старости.

Странноватая улыбочка скользнула по губам лорда Марка, обнажая зубы.

— Именно так.

Танака подняла голову и изумленно спросила:

— С чем вы все-таки к нам пожаловали?

Лорд Марк кивнул ей:

— Увы, это не фонтан молодости. Однако он вполне может оказаться фонтаном среднего возраста. Не думаю, что для людей младше шестидесяти от него есть хоть какая-то польза. Но если вам за шестьдесят, он с легкостью поможет скинуть лет двадцать. Пока. Это не волшебный напиток: выпив один стакан, юным не станешь. В том виде, в каком он сейчас существует, это скорее некий коктейль. Но наши ученые уже завершили условные и реальные опыты на жи-

вотных, и мы практически готовы переходить к клиническим испытаниям на людях.

— Этот препарат уже опробовали на людях? — спросила Танака.

— Пока только один раз, — ответил за лорда Марка Ворон-сенсей.

— Был один опыт?

— Его принял один человек. Сама Лилия Дюрона, — пояснил Ворон-сенсей. — Так что, как видите, внимание всей группы приковано к этим опытам.

— Можете ли вы гарантировать удачное лечение?

— Ну конечно, нет, — ответил лорд Марк. — Именно поэтому нам нужно апробирование. Но когда у нас будут результаты двух или трех тысяч проб, мы сможем гарантировать омолаживающий эффект препарата.

— Вы никогда не получите разрешения, — сказала Сьюз-сан.

— Ничего подобного. У Эскобара двустороннее соглашение по вопросам медицины с Кибо-Даини. Любое медицинское учреждение, которое я пожелаю купить здесь, попадает под защиту законодательной базы Группы Дюрона сразу с момента регистрации приобретения. И не надо

будет поднимать бучу, чтобы избавиться от каких-либо неожиданных… гм, проблем. — Лорд Марк помассировал двойной подбородок. — Если испытания пройдут нормально, через два года предприятие уже будет приносить прибыль.

— А через двадцать лет, — поинтересовался Тенбери, — что будет с людьми? Они смогут прийти за «добавкой»?

Лорд Марк пожал плечами:

— Спросите меня об этом через двадцать лет.

— Вот черт, — выдала Сьюз-сан, — да ведь это все равно что деньги печатать. Вы это понимаете, юноша?

Лорд Марк лишь отмахнулся:

— Да ну, по-моему, все это так, побочные продукты производства. Это, конечно, безопаснее пересадки мозга. Однако тот восьмидесятилетний, кто может позволить себе тело восемнадцатилетнего, вряд ли польстится на тело шестидесятилетнего. Нам придется многое дорабатывать. И все равно это шажок в правильную сторону.

— А это сработает только на размороженных? — поинтересовался Тенбери.

— Нет-нет, мы полагаем, что на тех, кто не подвергался криостазу, лечение скажется еще лучше.

Морщинистые губы Сьюз-сан расплылись в злобной ухмылке.

— Да разве может хоть кто-нибудь предпочесть вашему лекарству рискованную и противозаконную пересадку мозга? Проклятье! Кто предпочтет *этому* — криостаз?

— Люди — непредсказуемые существа, — ответил лорд Марк, — я бы не стал торопиться с прогнозами.

— А что будет с бедняками? — спросила Танака.

— А что с ними такое? — недоуменно посмотрел на нее лорд Марк.

Они встретились долгими взглядами, полными взаимного непонимания. Мисс Куделка пришла на выручку:

— Если вы позволите, Марк, я поясню. Полагаю, госпожа Сузуки и ее друзья столь же близко принимают к сердцу ситуацию с отсутствием права на будущее у малоимущих граждан Кибо, как вы переживаете по поводу лишения клонов Архипелага Джексона этого самого права на будущее. Иначе госпожа Сузуки не занималась бы своим делом в знак протеста вот уже дольше, чем вы управляете Группой Дюрона. — Мисс Куделка повернулась к Сьюз-сан и продолжила: — И Марк,

и, к слову, доктор Дюрона выросли на Архипелаге Джексона, где, если хочешь выжить, надо уметь вертеться, и времени подумать о других не остается. Оба они потихоньку учатся жить иначе. Давайте, пока мы знакомимся друг с другом, попробуем взглянуть на подобные вещи шире. Мы с Марком хотели бы осмотреть здесь все до встречи с господином Фувой.

Сьюз-сан откинулась на спинку кресла, взгляд ее вдруг стал чужим и суровым.

— А если я не позволю?..

Марк пожал плечами:

— Тогда придется встретиться с Фувой без вашего участия.

Глаза Сьюз-сан превратились в щели.

— Думаете, у вас все козыри на руках, да?

Мисс Куделка вновь бросилась всех успокаивать:

— Вряд ли мы выиграем от того, что вы проиграете. Взаимовыгодное сотрудничество позволит обеим сторонам достичь желаемых целей.

— Да-а… Мне надо подумать, — медленно произнесла Сьюз-сан. Она наклонилась над столом и вогнала пробку в горлышко квадратной бутылки слегка дрожащей рукой. — Тенбери, проводи их. Покажи все, что пожелают.

Тенбери кивнул и оттолкнулся от стены.

— Ну, тогда давайте за мной.

Все поплелись за Тенбери. Сьюз-сан и Танака остались в комнате, придвинувшись друг к другу и обсуждая новости, не успела дверь закрыться. В коридоре Джин потихоньку подошел к Форлинкину и шепнул:

— О чем это они сейчас говорили? Я ничегошеньки не понял! А чего это Сьюз-сан так разозлилась?

Они немного отстали от всей компании, Форлинкин, прикрыв рот ладонью, посмотрел на Джина сверху вниз и тихонько объяснил:

— Если у лорда Марка есть достаточно денег, а похоже, что есть, он может купить весь этот комплекс, и не спросив разрешения у госпожи Сузуки. В этом случае она ничего не сделает. И он тоже мало что может здесь поделать, так как на него ляжет ответственность за пациентов в криокамерах. Зато живых он может запросто выставить отсюда на улицу — как нарушителей права собственности.

— Это нечестно! — возмутился Джин.

Мисс Куделка бросила на него смешливую улыбку через плечо. Джин отчаянно покраснел.

— Полагаю, он и не собирается этого делать, но

поживем — увидим.

Джин нахмурился, пытаясь осмыслить все услышанное.

— А как так получается, что Майлз-сан — лорд Форкосиган, а его брат — лорд Марк, хотя фамилия обоих — Форкосиган?

— Оба — сыновья графа Эйрела Форкосигана. Твой, гм, друг Майлз-сан — лорд Форкосиган, потому что он — отцовский наследник. Лорд Марк просто носит почетный титул без каких-либо политических обязательств.

— Ясно.

Консул задумчиво взглянул в мальчишеское лицо. Они двигались вслед за Тенбери и новоприбывшими барраярцами. Или джексонианцами. Или кто они там. А если лорд Марк и лорд Форкосиган — братья, почему же они росли на разных планетах? Имеют ли к ним какое-нибудь отношение все эти жуткие россказни о клонах? А еще интересно, тот пятилетний мальчик, ну, тот, с кучей имен, которые даже его собственный отец не упомнил, он что, тоже какой-нибудь лорд?

Джин вспомнил рассказы Майлз-сана о том, как ему позволяли сидеть на отцовских совещаниях, если он сидел тихо и не мешал. Поэтому мальчик прикусил язык и постарался не отставать.

* * *

Два часа спустя Джину только и оставалось, что зевать от тоски. Интересно, Майлз-сан так же клевал носом на этих совещаниях в детстве? Может, его отец занимался чем-то поинтереснее? Вместе с Тенбери они заглянули в каждую щель: то поднимались на верхние этажи, то спускались на нижние уровни, побывали в таких уголках, которых Джин и в жизни не видел. Говорили о скучном, как все взрослые: о каких-то финансах, о канализации, о законодательстве. К загадочным разговорам о клонировании и врачах-убийцах больше не возвращались. Тенбери продемонстрировал все свои инструменты и умения. Выражение лица лорда Марка не менялось, а мисс Куделка продолжала засыпать смотрителя бесконечными вопросами. Джин уже подумывал оставить эту компанию и сходить в послеоперационную. Может, мама с Миной проснулись? Да и проголодался он изрядно.

Они как раз проходили по подземной парковке под приемным покоем, как вдруг все, словно по команде, повернули головы на грохот и сдавленные вопли, доносившиеся из-за двери с надписью «Входа нет».

— Может, лучше его впустить? Или выпустить? — спросила мисс Куделка.

— На свободу-то они просятся, но выпускать ни в коем случае нельзя, — пояснил Ворон-сенсей. — Там пленники лорда Форкосигана. Должно быть, проснулись: я не стал давать им много снотворного после фастпенты и парализатора.

Лорд Марк, открещиваясь от услышанного, поднял ладони:

— Значит, это не наше дело. — По голосу совсем не слышалось, что он удивлен поведением брата, словно тот частенько накачивает людей наркотиками и бросает их в заточение. Лорд Марк лишь поинтересовался: — Когда он собирается убрать их отсюда? Я планирую по возможности не затягивать со сделкой.

— Ничего не могу сказать, — ответил Ворон-сенсей, — они — частички головоломки, которую милорд решает. — Грохот продолжался, и он добавил: — В любом случае, дождемся Роика, он их успокоит. Жуткая, скажу я вам, парочка.

Джин прислушался и подошел к двери поближе:

— Стойте-ка! Это же голос Йани!

— Кого? — удивился Ворон-сенсей.

— Ты уверен? — спросил Тенбери.

— Эй, Йани, это ты там?

Грохот прекратился. Из-за двери взвизгнули дрожащим голоском:

— Джин? Это ты? Отопри дверь и выпусти меня!

— А где эти двое? — прокричал Джин в ответ.

— Я услышал, что кто-то стучит и стучит, и пошел посмотреть, — сдавленным голосом ответил Йани. — Кто это здесь додумался запирать людей на замок?

Ворон-сенсей всплеснул руками и в ужасе проскрежетал:

— Что же скажет милорд Аудитор!

Он тут же склонился над замком.

Лорд Марк отступил и деловито вытянул парализатор из черного пиджака. Мисс Куделка вовсе не спряталась за его спину, она лишь отошла, чтобы прикрыть противоположный фланг, расправляя плечи и разминая кулаки. Внезапно она показалась Джину такой сильной…

После напряженной паузы дверь открылась.

Пошатываясь и ругаясь, в проеме возник Йани. Выглядел он взъерошенным и крайне сердитым. На лбу красовался здоровенный синяк, а под носом засыхала кровь.

Ворон-сенсей заглянул в кладовку.

— Проклятье. Ушли!

Глава семнадцатая

Не успел Роик зарулить в подземный гараж, как Майлз увидел толпу, собравшуюся у входа в помещение с пленниками. Роик сразу же заметил пустующую бетонную площадку, где раньше был припаркован захваченный флаер «Нового Египта». И как же он удивился, разглядев над темными головами собравшихся гладкие волосы блондинки. Роику и вниз посмотреть не пришлось, чтобы понять, кто там стоит, ростом ему аж до плеча.

— Какого черта? — Оруженосец остановил флаер. — Что это мисс Карин здесь делает?

— Как обычно, следует по пятам за моим братом. А вот какого черта здесь делает Марк, это действительно вопрос.

Они выбрались из флаера. Майлз пробился сквозь толпу зевак и заглянул в пустое помещение. Даже самый гневный из его аудиторских взглядов не смог вернуть Ганса и Оки на место волшебным образом. Правда, не очень-то и хотелось.

Повернувшись, он увидел их всех: Тенбери и Ворона, Марка и Карин, консула Форлинкина, Джина, вертящегося у его локтя и проворно та-

раторящего о побеге высоким голосом, помятого старикашку Йани, с видом столь же гневным, сколь и виноватым. Зато живого и здорового, и к тому же, судя по жалобам, пребывающего в неведении относительно пережитой встречи с самыми жуткими ангелами смерти Кибо-Даини.

— Когда они бежали?

Майлз старался говорить только о главном.

— Полагаю, что вскоре после вашего отъезда, — горестно сообщил им Ворон. — Боюсь, я дал им недостаточную дозу. Извините…

Майлз лишь рукой махнул, мол, если уж не прощаю, то хотя бы понимаю.

— Значит, они скрылись два часа назад, может, даже три. Достаточно времени, чтобы добраться домой или куда-нибудь еще.

В голове начал вырисовываться план действий. Если эта парочка смылась, просто чтоб спасти свои шкуры, то сейчас они могут быть где угодно. Вряд ли в этом случае они вернутся, тем более вряд ли вернутся с подкреплением — для беглецов станут опасны и полиция, и их собственные боссы. Если же они, по зову долга, вернулись в «Новый Египет»… Разнообразие вариантов росло и усложнялось. *Интересно, не разминулись ли мы с ними на дороге? Все равно сейчас уже*

слишком поздно… Оба бандита видели Роика, вполне могли разглядеть Ворона. Приметного Майлза они не видели, однако Роик и сам по себе выделяется из толпы, а как только опознают его, живенько выйдут и на Майлза. То-то же удивится Банда Четырех!

Теперь «Новому Египту» известно и о подпольном криокомплексе Сьюз, теперь они наверняка знают, что Либер, их первоначальная цель, был доставлен сюда. Правда, они могут предполагать, что сейчас его здесь нет. Догадались ли они, что их служащий — а теперь, несомненно, бывший служащий — сбежал, прихватив криокамеру госпожи Сато? И если так, то знают ли они, что ее уже разморозили? Может, все еще полагают, что Либер таскает ее за собой, как сувенир безумца? Могут ли они проследить по каким-нибудь видеозаписям Службы безопасности, как Майлз со своей «опергруппой» освободил госпожу Чен, несчастную замену Лизы? И какие выводы они сделают из этих записей? И…

— Проклятье! Придется снова поговорить с этим идиотом Либером. — Чтобы получить подтверждение своим догадкам, нужно больше знать о ключевых фигурах «Нового Египта». Он вздохнул и сказал уже громче: — Привет, Марк!

Ты откуда взялся? Да еще и столь неожиданно.

Марк вздернул нос, словно желая подчеркнуть, что не чувствует никакой вины, и даже слегка ухмыльнулся.

Майлз впился взглядом в лицо Ворона.

— Я полагал, мы достигли взаимопонимания по поводу подобных сюрпризов.

Ворон пожал плечами и промямлил:

— Корабль пришел раньше.

Майлз решил не продолжать бесполезное занятие.

— Привет, Карин.

В ответ она сверкнула глазами — доброжелательно, как ему показалось. Или хотелось.

— Привет, Майлз. Как дела?

— Очевидно, что не совсем так, как хотелось бы.

Он еще раз сунул нос в комнатенку. Никого… Тенбери, добрая душа, успокаивал Йани и увещевал того обратиться за помощью к Танаке.

Из багажного отделения консульского флаера раздался вой:

— Во-о-он! Во-о-он!

У Форлинкина брови полезли на лоб.

— Вы еще кого-то похитили? — спросил он скорее безропотно, чем осуждающе.

Вода камень точит, подумалось Майлзу. Вот уже и консул стал понемногу привыкать.

— На сей раз нет. Джин, у оруженосца Роика есть для тебя подарок. Живой груз.

— Правда?

Джин мгновенно забыл обо всем. Майлз кивнул Роику, и тот повел мальчика знакомиться с новым зверем. «Говорят, прекрасный подарок для детей», — как обещала секретарша Винга. *А ты слепо им веришь? С чего это?* Карин, излучая любопытство, отправилась за Роиком.

Майлз заговорил тихо, обращаясь лишь к Форлинкину и Ворону:

— Ворон, как скоро можно будет перевезти госпожу Сато?

— В консульство? — спросил Форлинкин.

Майлз кивнул.

— Мы все делали в тайне, и это была лучшая защита. Теперь же ее нет, и только консульство сможет защитить ее от юридического преследования. При условии, конечно, что там есть хоть какая-то защита от противозаконного, физического нападения. Скоро мы справимся и с этой проблемой, но подмога еще в пути.

Ворон поджал губы, и с непреклонно-врачебным видом ответил:

— Завтра. Нельзя сказать, правда, что биоизоляция не нарушена — дети шныряют туда-сюда. Однако сильно они не навредят.

— Напичкайте ее всеми имеющимися в вашем распоряжении иммунизаторами…

— Уже сделано.

Майлз поднял вверх большой палец:

— Тогда переезжаем завтра, как только будет можно. Форлинкин, остаетесь на ночь здесь, приготовьтесь завтра перевезти госпожу Сато и детей в консульство по первому требованию. — А потом с неохотой добавил: — И Либера тоже.

— Думаете, «Новый Египет» отреагирует так быстро? — спросил Форлинкин.

— Честно сказать, не знаю. О всех этих главах корпораций у меня сложилось такое мнение, что они скорее спрячутся за надежной стеной из адвокатов, нежели прибегнут к услугам наемников. Но люди, с которыми мы имеем дело, уже продемонстрировали, что в случае необходимости могут действовать решительно. И, несмотря на очевидный сейчас провал, их действия полуторалетней давности выглядели в свое время вполне адекватными. Тем не менее желаю им неспокойной и бессонной ночи — пусть задумаются.

Форлинкин тоже задумался и нахмурился.

Майлз повернулся к своему брату-клону:

— А ты что скажешь?

— Мы с Карин сделали скачок с Эскобара только для того, чтобы совершить сделку с недвижимостью, возможность которой обнаружил Ворон, — ответил Марк. Его, похоже, ничуть не смутило происходящее. — Если коротко, то комплекс, в котором сейчас размещается госпожа Сьюз, — может стать замечательной площадкой для крупномасштабных испытаний на людях препарата по продлению жизни, над которым сейчас работает Группа Дюрона. Если ожидания подтвердятся, я планирую приобрести весь комплекс у нынешнего неудачливого владельца, этого самого Фувы, со всеми потрохами и обязательствами. — Марк показал пальцем себе под ноги, где в подземных хранилищах были упрятаны замороженные пациенты. — Окажите личную любезность, брат Лорд-Аудитор, не мешайте моей сделке.

Губы Майлза тронула усмешка.

— К счастью, взгляды форов на семейственность не страдают от смены поколений. Даже в этом, как выразился бы наш покойный дед, прогнившем веке. Только не мешай моей работе.

— Твоя работа меня ни в малой степени не

интересует, так что не беспокойся. Кстати, чем ты сейчас занимаешься?

— А что же Ворон не изволил проинформировать?

— Нет, он умудряется удивительным образом держать язык за зубами.

Да уж, ни одного из Дюрона не обвинишь в том, что они едят свой хлеб напрасно.

— Все началось с того, что некая местная криокомпания под названием «Белая Хризантема» решила расшириться на Комарру.

— Отдает душком…

— А, так ты уже слышал?

— Да, только что. Но даже на беглый взгляд, огромное расстояние, финансовые и культурные различия показывают, что здесь есть какой-то подвох. — Марк пожевал губами. — Да к тому же здесь ты, как черт из табакерки. Прямой намек на то, что ситуация отдает душком.

— Ах, вон что! Слушай дальше. «Белая Хризантема» — это поезд, который уже отправился со станции и теперь по проложенным рельсам следует к месту назначения. Тут пока все нормально. А вот побочные проблемы, возникшие с «Новым Египтом», осложняют ситуацию, — сказал Майлз и решительно добавил: — Я стараюсь не навре-

дить в своем расследовании одному местному мальчику, который подверг себя опасности, подружившись со мной. А все благие намерения, Марк. Весь мой путь выложен ими…

— Как я рад, что мне ничего не известно о таком понятии. — Взгляд Марка стал жестким. — Это не твоя планета, ты ничего не сможешь здесь поделать.

— Нет, но… Конечно, нет. Но.

— Постарайся хотя бы не разрушать все подряд на своем пути. Мне тут еще работать.

— Ты уже сказал. — Майлз задумался. — Значит, продление жизни? Надеюсь, на сей раз все серьезнее, чем две последние разработки Дюрона, которые привели тебя в такой восторг? Который, в свою очередь, прости за каламбур, скончался на операционном столе?

— Надеюсь. Испытания на человеке пока прошли успешно. Лилия Дюрона испытывала сама, если стесняешься спросить.

Теперь настал черед удивляться Майлзу.

— Что ж, если Лилия решила испытать на себе, то, считай, я потрясен.

Улыбка Марка слегка поблекла.

— У Лилии больше нет времени ждать.

Майлз побарабанил пальцами по шву на брю-

ках.

— Раз уж речь зашла о тех, у кого нет времени ждать. А не попробовать ли испытать препарат на одном пожилом мужчине?..

Майлз и Марк обменялись такими похожими взглядами…

— Думаешь, его можно уговорить?

— Гм… Я-то точно не смогу. А вот мать могла бы и попробовать. Бетанка… Сам знаешь, что угодно во имя науки.

— Это еще один повод для меня поскорее приступить к испытаниям на человеке.

— Может, тебе удастся убедить его тем, что это рискованно. Может, знаешь ли, включатся старые рефлексы фора — служение империи и все такое прочее.

— Это уж что-то совсем странное.

Майлз пожал плечами:

— Это наш отец, граф Форкосиган. — И добавил: — А что дальше? Если провернешь свою сделку, наверное, вы с Карин будете проводить много времени на Кибо?

Марк покачал головой.

— Как только все наладится и заработает, оставлю все на попечение Ворону. В прошлый раз он получил повышение. Пока наш метод

— не серьезная конкуренция пересадке мозга клону, как я, признаюсь, надеялся. Однако мы только в начале пути. — И Марк осторожно улыбнулся. — С другой стороны, если дело окажется прибыльным, я, пожалуй, соберу собственную армию космических наемников и ударю по джексонианским производителям клонов.

Майлз поморщился:

— А помнишь, что случилось, когда ты в последний раз пробовал это сделать?

— Отлично помню! А ты?

— Смутно, — сухо ответил Майлз.

Теперь поморщился Марк:

— Если уж все-таки надумаешь затеять нечто подобное, имей в виду: адмирал Куинн, несомненно, с работой справится, но я рекомендую тебе подыскать другое подразделение.

Он сказал так, на всякий случай. Марк редко шутил на эту тему.

— Что собираешься делать дальше? В каком отеле вы остановились?

— Мы приехали сюда сразу из космопорта. И уже назначили встречу с Фувой.

— Разве они здесь работают в такой час?

Марк пожал плечами:

— У меня свой график.

— Можно поприсутствовать?

— Поприсутствовать — да, повстревать — нет.

— Гм… — начал было Майлз. Тут вернулись Джин, Роик и Карин, и ему не удалось выпросить для себя исключительных условий. Джин бежал вприпрыжку от радости, однако приостановился и привычно-изумленно уставился на стоящих нос к носу Майлза и его брата-клона. Майлз в очередной раз погоревал о том, что Марк додумался стать не похожим на брата именно таким способом — набрав вес. Однако недовольство брата-прародителя оказалось лишь к вящей радости Марка. Непростой он человек, Марк…

— Хочу показать моего сфинкса маме и Мине! — радовался Джин.

— Смотри, не вздумай втащить это существо в ее палату! — встревожился Ворон.

— Да знаю я! — ответил Джин. — Я ведь могу показать ее через стекло. А можно Роик-сан принесет мои вещи?

Роик заглянул в пустую каморку, едва уловимо и выразительно покачал головой — все-таки телохранитель на службе! Форлинкин уловил этот взгляд и добродушно предложил:

— Я помогу тебе, Джин.

Ворон счел благоразумным пока исчезнуть с

глаз Майлза.

— Я тогда тоже пойду.

— Вообще-то, я тоже с вами. Надо поговорить с Либером.

Тут вернулся Тенбери, чтобы продолжить прерванный осмотр. Марк едва заметно шевельнул бровью, Карин улыбнулась на прощание, и все трое отправились к выходу. Майлз шел за Форлинкином, тот — следом за Джином нес клетку сфинкса. Затхлые тени подземной парковки оглашались воплями: «Во-о-он! До-о-ом!»

Правильно. Вон отсюда. Домой. Ты да я, сфинкс, мы оба.

* * *

Мама отреагировала на сфинкса к Джиновой досаде, но не к удивлению. Отношение было знакомым, а потому успокаивало.

— Джин, только не это! — Она прикрыла рот ладонью. — Где ты будешь его держать?

Нефертити принялась сердито вертеться, зажатая под локтем Джина, когда он попытался взгромоздить ее себе на бедро, чтобы мама могла разглядеть. Бедняга даже крыльями захлопала, однако Джина, тренированного общением с куда более резвым Вихрем, это ничуть не смутило.

— Я с ней прекрасно справлюсь! Разве с остальными я не справляюсь? А с ней — целая книжка с инструкцией, так что ничего такого и случиться не может.

Мама, сидя на койке за стеклом, потерла лоб ладонью.

— Сейчас дело совсем не в этом, милый мой Джин.

Мина, которая провела весь день, зарывшись в изножье кровати, привстала, с интересом разглядывая сфинкса.

— Какая же она огромадная! Больше, чем Лаки и Вихрь вместе. И даже вроде выглядит, как Лаки и Вихрь вместе. Мамочка, мамочка, ну пусть она будет наша!

Девочка змейкой скользнула с кровати и вылетела из палаты, подгоняемая дуновением давления из входного клапана.

— Это Тенбери настроил интерком? — Джин только теперь понял, что в комнате что-то изменилось. — Когда он заходил?

— Нет, это консул Форлинкин, — ответила Мина, наклоняясь к самому лицу сфинкса и заглядывая в немигающие глаза. — Забавная мордочка…

— Да? А как?

— Нашел выключатель, — ответил Форлинкин, прислонившись плечом к стеклянной стене и зачарованно наблюдая за всем происходящим.

Ворон-сенсей наклонился, стянул с Мины маску и сунул ее в стерилизатор — чтобы можно было использовать опять.

Нефертити растопырила лапы и заурчала. Джин поставил ее на пол, и сфинкс захлопал крыльями, словно какой-нибудь цыпленок.

— А она летает? — спросила Мина, протягивая руку, чтоб сфинкс ее обнюхал.

— Вряд ли, — ответил Джин, — крылья у нее как у Вихря, но она гораздо тяжелее.

— Как правило, заказные генетические конструкты — это нефункциональные украшения, — пояснил Ворон-сенсей, — хотя все, конечно же, зависит от заказчика.

Мина нахмурилась:

— По-моему, это гадко — дать ей крылья, на которых она не сможет летать.

Джин сел на корточки и почесал животное за лопатками, между крыльев. Те послушно сложились, открывая спину для ласки. Ни вылизывать себя, как кошка, ни чистить клювом перья она, конечно, не могла. Поэтому у Джина появилась масса интересных занятий — судя по книжке с

инструкциями.

— Интересно, у них детки рождаются живьем или вылупляются из яиц? По одному или целым выводком? Интересно, не осталось ли у них там еще и самца? Эх, вот бы найти ей мальчика!..

— Скорее всего, самцов не сделали, — Ворон-сенсей размышлял вслух. — Полагаю, все сфинксы традиционно — самки. К тому же в патентованные конструкты, как правило, не закладывают способность к размножению. Скорее придется ее клонировать и выращивать деток вручную.

У Джина тут же разыгралось воображение. Домашнее клонирование небольших животных — не такое уж и сложное занятие. Нужно только соответствующее оборудование, из зоомагазина или подержанное, от любителя, который купил новое или завязал с таким увлечением. В уличном рейде на помойке такое вряд ли найдешь, но должно же где-то быть подержанное и недорого.

— До-о-ом! — жалобно сообщил сфинкс.

— Она разговаривает, — взвизгнула Мина, и ее личико засияло в восхищенной улыбке.

— Если верить инструкции, в них закладывают около двух десятков слов, — сказал Джин. — Не знаю, можно ли обучить ее другим словам, как попугая.

— Можно *попробовать*…

Мама что-то говорила из-за стеклянной перегородки, наверное, как и положено маме, была против животного. Но Джин вовсе не отчаялся — не впервой, он через это уже проходил! Правда, на этот раз мама сказала:

— Джин, нам ведь и взять ее сейчас некуда, у нас и дома нет. О боже! До меня только что дошло! Что случилось с нашей квартирой, с моими вещами? Ведь там полтора года никто не жил, а значит, и за квартиру не платил. А мой банковский счет? Куда делись деньги, когда меня заморозили? Теперь у меня ни работы, ни денег, ни жилья…

— Кое-какие твои вещи тетушка Лорна хранит в коробках на чердаке, я сама видела, — встряла Мина. — И мои с Джином вещи она туда положила. А вот большую кровать она продала, и кухонный стол тоже, и еще кое-что, в основном большое. Она сказала, нам все это ставить некуда.

Когда консул Форлинкин заговорил, обращаясь к ней через стеклянную перегородку палаты, все поняли, что он серьезен:

— Все это — трудности, которые мы решим, госпожа Сато. Ни одна из них не требует немедлен-

ного внимания, все вполне можно преодолевать постепенно. Вы — свидетель по делу, которое расследует Лорд-Аудитор, свидетель под защитой, — *более или менее под защитой*, — поэтому консульство оплатит все ваши непосредственные расходы.

— А наш комитет? Мои друзья? Что случилось со всеми? Ну, кроме тех, кого уничтожил или заточил «Новый Египет»? А вдруг они…

Она осеклась.

— Для вас главная задача сейчас — собственное здоровье. — Ворон-сенсей прервал их разговор, обеспокоившись тем, что пациент так разнервничался. — Через две-четыре недели восстановится психическая сопротивляемость. Только недели, а не два-четыре дня! Для этого нужно время.

— Времени мне всегда не хватало, — она прижала ладони к вискам, — а тут еще это жуткое создание!..

Форлинкин откашлялся:

— Боюсь, Лорд-Аудитор не отдавал себе отчета в том, что делает, когда принял такой подарок. Тем не менее пока ее вполне можно держать на заднем дворике консульства, вместе с другим зверьем Джина. Вреда от них никакого. Да и пейзаж оживляют. Места у нас много, а никак не

используется.

Она вздохнула, сложила руки на груди и усмехнулась, успокоив заволновавшегося было Джина:

— Наверное, она просто кажется такой громадной, потому что так близко…

Однако мать искала глазами глаза детей, а не сфинкса.

Поскольку возвращаться сегодня в консульство никто не собирался, Форлинкин дал Джину поговорить по наручному комму с Йоханнесом. Мальчик объяснил лейтенанту в деталях, что делать со зверинцем до завтрашнего возвращения Джина. Йоханнес не рискнул отнестись несерьезно к внезапно навалившимся на него дополнительным обязанностям. Так что пока все шло хорошо.

Как только Майлз-сан и Роик появились, они тут же увели Либера-сенсея в другую комнату — поговорить. Вернулись не скоро. Ко всеобщему удивлению, они катили перед собой целый воз обедов в коробках из «Кафе Аяко». Майлз-сан пояснил, что вся эта роскошь объявилась у них благодаря мисс Карин, которая где-то раздобыла полуфабрикаты, узнала, как доставить все к Сьюз, да еще и оплатила заказ.

Дело кончилось общим «пикником» в послеоперационной. Ворон-сенсей даже отнес коробку с едой госпоже Сато. После медосмотра она раздвинула шторы, и получился почти семейный обед. Джину показалось, что после еды мама стала даже лучше выглядеть — не так утомленно, когда сидела на подушках. Даже щеки порозовели. Хотя, вообще-то, карри от Аяко кого угодно на ноги поставит.

Забавно было наблюдать, как здоровяк Роик уселся на пол, скрестив ноги, а Мина обучает его есть палочками. Майлз-сан управлялся своими вполне неплохо для чужеземца. Он объявил всем, что тренировался на корабле по дороге на Кибо, да и вообще раньше, бывало, ел палочками. А уж когда он случайно проговорился, что дважды побывал на Древней Земле, Мина потребовала рассказать. В основном Майлз-сан почему-то рассказывал о второй поездке на Землю, о жене и о садах, о множестве разных садов. О первой поездке он сказал только, что ездил по делам, и что все время пробыл в одном городе, и что тогда впервые познакомился с братом. В последнее Джин никак не мог поверить. От консула Форлинкина пользы не было — он держал рот на замке, сидел с задумчивым лицом и вопросов не

задавал, а Майлз-сан ничего пояснять не стал.

То и дело сверяясь с инструкцией, Джин кормил Нефертити вкусненьким. Сфинкс, похоже, мог есть кое-какую еду с общего стола, правда, не все, во всяком случае не без плачевных пищеварительных проблем. К несчастью, Ако пришла как раз тогда, когда сфинкс занялся делом в самом темном углу. Вообще-то, Джин сам был виноват, потому как не заметил, что его подопечная мечется из угла в угол в поисках отхожего места и завывает: «Ка-а-а! Пи-и-ись!» Ако рассердилась, и Джину пришлось все убрать. С этим он спорить не стал, однако потом Ако потребовала выгнать Нефертити на ночь из помещения. Ворон-сенсей решил не уделять внимания этому инциденту и остался в стороне от споров. Джин в конце концов пообещал увести Нефертити на ночевку на крышу. И Мина, естественно, сразу же пожелала осмотреть это знаменательное место.

Майлз-сан с Роиком к этому времени уже удалились на переговоры с лордом Марком и Сьюз-сан. Консул Форлинкин, посмотрев на обеспокоенную мать Джина, вызвался помочь с клеткой для сфинкса и обустройством ночлега. Госпожа Сато благодарно улыбнулась ему в ответ, так что Джин опять успокоился.

Шагая друг за другом по лестнице в конце коридора, они столкнулись с Бхавия, подругой Ако. Та поднималась по леснице, спеша и задыхаясь.

— Джин, ты не встречал Ако? Она очень нужна Танаке-сан в комнате неотложной криоподготовки. Какая-то старушка свалилась прямо в столовой. Говорят, потеряла сознание и свалилась.

— Она в послеоперационной, с мамой. — Джин указал рукой вверх по лестнице. — Ворон-сенсей там же.

Бхавия кивнула и побежала дальше не оборачиваясь, лишь махнув рукой в знак благодарности.

Форлинкин повернулся ей вслед:

— Может, нам лучше пойти и помочь ей?

Джин покачал головой:

— Не стоит, здесь такое постоянно происходит. Ну, может, не постоянно, а где-то раз в неделю точно. Танака-сан всегда знает, что делать.

Форлинкин с сомнением на лице последовал за Джином.

— Ну и коридоры здесь! Того и гляди, заблудишься, — заметил он.

— Угу, все подземные тоннели ведут к зданиям на поверхности и идут под улицами. Некоторые опускаются на четыре уровня, а некоторые — аж

на пять или шесть. Вообще, приходится запоминать, куда идешь.

Джин без труда отыскал знакомый путь, не потерялся он, даже когда все вышли из освещенной зоны коридора. Форлинкин достал из кармана фонарик и посветил на ступеньки. Мина, до сих пор шедшая самостоятельно, в сгущающихся тенях благоразумно ухватилась за широкий рукав его одежды. Они преодолели пять лестничных пролетов и выбрались наконец из люка башни теплообменника к Джину на крышу. Форлинкин не очень-то и сильно запыхался — для взрослого, во всяком случае, — несмотря на корзину со сфинксом.

В послеоперационной, где не было окон, Джин потерял счет времени. А ведь, похоже, стало достаточно поздно. На воздухе было зябко и сыро, рассеянные отражения уличных фонарей заливали все вокруг непривычным темно-янтарным оттенком. Городской шум стих, как стихает он обычно не раньше полуночи. За углом, за башней, Джин обнаружил свой натянутый навес, пока еще не пострадавший от непогоды. Его бывшее убежище ждало, заваленное разнообразным хламом, оставленным после вчерашнего переезда, — вещами, не потребовавшимися его зверью,

либо слишком громоздкими для флаера, либо слишком уж поистрепавшимися. Фонарик он снял еще вчера, упаковал и забрал в консульство, где тот и отдыхал теперь без всякой пользы. Но Форлинкин — настоящий друг! — светил своим, пока Джин рассказывал Мине о прежнем житье-бытье на крыше, а сестра издавала то восхищенные, то завистливые звуки.

Выбравшись из корзины, Нефертити неспешно обустраивалась на новом месте. Присев на напряженных лапах и осторожно озираясь, кошка отправилась на разведку. Джин шел вслед, повествуя о горестной судьбе цыплят, так и не научившихся летать.

— Вот не знаю: если она вдруг перелезет через парапет, то просто шлепнется вниз или спорхнет на крыльях, как цыплята постарше? Или вообще улетит? — Под золотистым мехом сфинкса чувствовались крепкие мышцы, но Джин все равно волновался. — Может, лучше ее за ногу привязать, как Майлз-сана?

— А-а? — только и выговорил Форлинкин, поэтому Джин рассказал ему о мерах предосторожности, которые они предприняли в первую ночь.

В ответ Форлинкин выдал лишь очередное

«А-а!» и прикусил губу. Но по морщинкам, мелькнувшим в уголках глаз, Джин понял, что он, кажется, не рассердился.

Джиново лежбище, собранное из всевозможных обрывков, все еще ждало у стены. Если остаться ночевать здесь, то сфинкс будет под надзором. Будет ли мама скучать по нему? У нее ведь будет Мина… А может, Мина захочет остаться здесь?

Джин вытянулся на цыпочках, приготовившись схватить Нефертити. Та выгнулась во весь рост, поставила передние лапы на парапет и посмотрела вниз, но тут же отпрянула, явно не выказывая желания расшибиться насмерть, свалившись с крыши. Она посетила Джинов гальюн, надлежащим образом его использовав — Джин рассказал Форлинкину о своей «ведерной» системе слива. А еще мальчик похвалил Нефертити, что было совершенно необходимо после трагедии, разыгравшейся в послеоперационной палате. По виду египетской кошки нельзя было понять, поверила она его лести или нет. Нефертити потянулась, захлопав крыльями, и сложила их, разглядывая через край противоположного парапета узкую парковку за старым комплексом.

И вдруг замерла, заурчала, в хищном напря-

жении разглядывая что-то сверху, — так Лаки в дни своей юности реагировала на крыс. Шерсть встала дыбом на холке вдоль спины, крылья простерлись и затрепетали со зловещим шуршанием, хвост с кисточкой ударил плетью.

— Врра-а-аг! — взвыла она. — Врра-а-аг!

— Что?! — взволнованный Форлинкин подошел к парапету и перегнулся, вглядываясь во тьму.

Джин встал рядом.

Мине не очень-то хотелось смотреть с такой высоты, поэтому, с безопасного удаления в несколько шагов, она поинтересовалась:

— Что она там увидела?

Трудно сказать, что сфинкс разглядел своим ночным зрением. Джин разглядел фургон, припаркованный на темном краю стоянки, и мужчин внизу, одетых в темное. Один из них взмахнул каким-то здоровенным молотом или битой, послышалось три или четыре глухих удара и звук вылетевшего из рамы окна на первом этаже. Окно упало внутрь — судя по приглушенному звуку, скорее всего, на ковровое покрытие.

— Кто-то пытается к нам вломиться, — шепнул он через плечо Мине, которая, услышав такие новости, преодолела страх и подошла посмотреть.

— Может, грабители? — шепнула она.

— Да что здесь можно украсть? Все оборудование в комплексе давным-давно разобрали, все, что оставалось внутри, либо было никому не нужно, либо оказалось слишком громоздким.

Двое достали из фургона нечто вроде бочонка, что-то там покрутили, перевалили через окно, и оно покатилось, упав. Незнакомый резкий запах сочился в ночной мгле. Форлинкин отшатнулся и выругался.

— Это не грабители, — прошипел он сквозь зубы, — это поджигатели.

Он схватил Мину за руку, озираясь, словно в поисках меча, глазами молнии.

Там, внизу, один из поджигателей швырнул что-то в здание, и они все бросились к фургону. Водитель, видимо, уже ждал — двери еще не успели захлопнуться, а машина рванула со стоянки, мимо разорванной цепной ограды, расшвыривая гальку в стороны.

Ярко полыхнуло оранжевым, здание содрогнулось у Джина под ногами, раскатистое «бу-бум» рвануло через парковку и разбилось бормочущим громом о стену здания напротив. Выбитое окно изрыгнуло густой клубок пламени, двухметровые языки принялись лизать стену.

— Пожа-а-арр! — взвыл сфинкс. Кошачья

шерсть стояла дыбом, глаза сверкали позолоченными блюдцами. — Пожа-а-арр! Врра-а-аг! Пожа-а-арр!

— Надо немедленно отсюда выбираться! — крикнул Форлинкин. Мина взвизгнула — рука консула сильно сдавила ее маленькую ручку. Форлинкин бросился к башне теплообменника. — Какая лестница дальше от пожара?

— Не туда! — ответил Джин. — На той стороне — пожарная лестница в переулок.

Форлинкин кивнул и помчался. Мина болталась у него на руке. Джин схватил Нефертити и рванул за ними следом. Сфинкс боролся и шипел у него в руках. Хватит ли времени сунуть Нефертити обратно в корзину? Вряд ли. Форлинкин уже добрался до противоположной стены и нашел стальные скобы лестницы.

— Мне нужно пойти первым, чтобы опустить лестницу внизу! — крикнул ему Джин.

— Мина за тобой, — ответил Форлинкин.

— Я не достану до ступенек! — расхныкалась Мина.

— Я тебя опущу, а там уже уцепишься! — пообещал Форлинкин. — Давай, Джин!

— А кто возьмет Нефертити?

Форлинкин едва удержался от того, чтобы руг-

нуться, и лишь бросил в ответ:

— Я!

Джин поставил Нефертити на крышу, надеясь, что та не убежит, перемахнул через парапет и скатился по лестнице. Так быстро он в жизни не спускался! Щелкнув замком, топнул по стремянке, молясь, чтобы та не застряла или не повисла на полпути. Лестница загрохотала и развернулась во всю длину.

— Давайте! — крикнул он наверх, в темноту.

Энергично брыкающаяся нога Мины появилась у него над головой, затем девочка нащупала опору и, лишь разок испуганно пискнув, отправилась вниз. Для ее маленьких ножек перекладины были разнесены далековато одна от другой. Джин услышал, как Форлинкин выругался где-то там, наверху, затем раздался топот его обуви и вопли сфинкса: «Пожа-а-арр! Врра-а-аг! Пожа-а-арр!», а затем бедняга просто запуталась в словах, потому что неожиданно мяукнула: «Жрра-а-ать!»

Послышался удаляющийся вопль боли Форлинкина, и опять он выругался. Джин спрыгнул и вытянул руки вверх, чтобы поймать Мину, чьи туфельки болтались в воздухе — ступеньки под ногами закончились.

— Не бойся! Отпусти руки, и все!

Она спрыгнула на брата, повалив его на землю. Оба покатились, затем вскочили на ноги и уставились вверх. Вот тут-то Джин и узнал, как летают сфинксы. Нефертити проплыла над парапетом, яростно хлопая крыльями, и опустилась на землю. Она не рухнула и не парила, просто приземлилась на четыре точки, как и положено кошке. Достаточно жестко — даже рявкнула, ударившись брюшком, — однако ничего не сломала. Форлинкин перевесился через край. Он пролетел последнюю пару метров, спружинив в коленях, как и сфинкс, споткнулся, но не упал. Кровь текла по лицу из глубокого тройного пореза под левым глазом.

— Джин, — твердым, резким и не терпящим возражения голосом сказал Форлинкин, — отведи Мину к маме и делай все, что скажет доктор Дюрона. Если пожар продолжит распространяться, возможно, придется эвакуировать всех в комплексе.

Он поднял запястье с коммом к губам и четко произнес несколько команд.

Джин наклонился, чтобы взять Нефертити на руки, но та упорхнула из его рук, шумно возмущаясь.

— Да брось ты эту проклятую тварь! — рявкнул

Форлинкин у него над плечом, уже несясь по переулку со всех ног. — Немедленно убегайте, вы оба!

Глава восемнадцатая

Тед Фува, нынешний владелец комплекса зданий, который занимала Сьюз, оказался примерно таким, каким Майлз его себе и представлял: неопрятным здоровяком под пятьдесят, который выглядел бы гораздо более к месту на стройплощадке, чем в зале совещаний. Даже такого необычного совещания, как в полночь у Сьюз.

Неожиданностью для Майлза оказалась адвокат консульства — проворная, собранная, миниатюрная женщина с копной жестких с проседью волос. Ростом она была едва выше Майлза. Майлз не удивился, узнав, что именно Карин вытащила адвоката на эти переговоры. Госпожа Ся смотрела на него в ответ с, по меньшей мере, скрытым интересом. Еще бы! Она сразу поняла, кто был источником невероятного потока вопросов, касающихся законодательства. Ох и пришлось ей покорпеть в последнюю неделю или около того! Раньше респектабельный клиент — посольство — казался ей весьма скучным. Майлзу подумалось, что сегодня она наконец-то удовлетворит свой интерес и получит все ответы разом.

Майлзу очень не хватало Форлинкина, которого попросили остаться с детьми и госпожой Сато, да и Сьюз неловко чувствовала себя без Танаки, которой пришлось срочно заняться пациенткой. Поэтому, как ни считай, стороны оказались уравновешены. Сьюз и Тенбери против Марка и Карин. Майлз, единственный участник совещания, которому никакие законы не были писаны, и Роик, его безмолвный помощник. Адвокат, со своими комментариями и вопросами, от которых все надолго задумывались. И Фува — один против всех. Правда, Майлзу его отчего-то не было жалко.

Госпожа Сьюз скрестила руки на груди и тяжело посмотрела на Марка.

— Я пока так и не получила никаких гарантий по поводу будущего малоимущих клиентов.

— Я не занимаюсь благотворительностью, — нагло ответил Марк.

— А я занимаюсь! — выпалила Сьюз.

— Это так, однако надолго ли вас хватит? Рано или поздно, причем, я бы сказал, весьма скоро, вам также придется отправиться вниз. Да и в любом случае, вы не сможете здесь больше ничем управлять. Тенбери и Танака продержатся некоторое время, а что потом?

— Этого-то «потом» я и дожидался, — вставил Фува скорбным голосом.

Сьюз бросила на него презрительный взгляд и выпрямилась в кресле, словно желая продемонстрировать, что им всем придется подождать. Майлза это не убедило: по бледной, дряблой коже Сьюз было ясно, что это начало конца. Вряд ли кто смог бы сказать по ее внешности, что Сьюз пышет здоровьем — даже сейчас, разозленная и беспокойная.

— Если Группа Дюрона не вмешается, — нажимал Марк, — ваше заведение ждет неизбежный финал. Оно отойдет муниципалитету, или префектуре, или Фуве. В любом случае, прием клиентов прекратится. Жизни одного человека не хватит, чтобы довести это предприятие до конца.

— Хотя есть путь изменить такое положение в будущем.

— Или криостаз устареет как технология продления жизни, и весь этот демографический кошмар, в который жители Кибо ввергли себя, исчезнет сам собой.

— Вот это уж вряд ли, — задумчиво сказал Майлз. — Если люди станут ложиться в криокамеру в восемьсот лет, а не в восемьдесят, ничего не

изменится, только придется передвинуть планку. Правда, трудно сказать, чего человек захочет в восемьсот… В двадцать я не мог представить себя почти сорокалетним. Сейчас не могу поверить, что мне будет восемьдесят.

Сьюз фыркнула.

Марк лишь пожал плечами:

— Это уж они пусть сами решают, сколько бы ни прошло лет или столетий. Полагаю, и тогда смерть не будет стоить дорого, останется доступной всем и не потребует высоких технологий.

— В начальный, переходный период, — Карин вернула всех от полета фантазии к практической реальности, — лечение будет бесплатным, если пациент согласен подписать договор об участии в эксперименте и юридически оформит разрешение на лечение. И все новоприбывшие будут заключать индивидуальные договоры. — Здесь Карин имела в виду, что от Сьюз и компании не потребуется никакого согласия. — Полагаю, Группа Дюрона предпочтет начать со здоровых, не замороженных пациентов, прежде чем приняться за более сложные случаи, связанные с травмой и выводом из криостаза. Хотя потребуется собрать базу данных и по таким случаям.

Сьюз что-то проворчала, Тенбери поскреб в

бороде.

Карин некоторое время разглядывала собственные ногти, затем подняла глаза и улыбнулась. Майлз не успел заметить, обратил ли кто-нибудь внимание на жест Марка: два пальца вперед, а затем круговым движением себе на живот. Ох уж эта парочка! Они довели умение играть в «хорошего и плохого полицейского» до совершенства. Майлз просто не мог не восхититься. Только наивный и сторонний наблюдатель мог бы заключить, что Марку досталась роль лишь плохого полицейского, а Карин — только хорошего. И Карин продолжила ангельским голоском:

— Если все пойдет как надо, Группе Дюрона потребуется много персонала, который мы планируем нанимать среди местных жителей. Например, если вы, госпожа Сузуки, поможете нам с первой группой клиентов и эксперимент пройдет удачно, для вас откроется возможность занять должность директора по связям с общественностью, и тогда вы сможете заниматься вашей же работой на постоянной основе, управлять процессом прямо отсюда. Все это весьма сложно и потребует больше времени для решения, чем одно ночное совещание. Однако не настолько сложно, чтобы мы не смогли решить

этих проблем вовсе.

— Хотите купить меня должностью? Как будто я раньше не видала, к чему это приводит!

— Как вы поступите, зависит целиком и полностью от вас. — По тону Марка было ясно, что ему на это, в общем-то, плевать. — Но через три года, когда камеры под землей опустеют, ситуация может кардинально измениться. Должность может дать вам реальные рычаги управления и возможность принимать решения.

Нет, не этого Сьюз хотела от жизни. Майлз прямо-таки почувствовал, как ее воображение скрипит от напряжения, от тягот грядущих перемен. Словно закрытые ворота, прихваченные ржавчиной. Однако…

В ответ Сьюз лишь проворчала:

— А как насчет всех остальных?

— Тенбери может считать себя нашим сотрудником хоть сегодня, — с готовностью включился Марк. — Нам в первую очередь потребуется главный инженер. Здесь много что потребуется перестроить, причем значительно, начиная с лаборатории и далее. Нам, возможно, — он бросил взгляд на Фуву, — потребуется местный строительный подрядчик. Танака тоже будет при деле, Ворон за нее. Возможную занятость остальных

будем рассматривать в индивидуальном порядке. Я требую от сотрудников профессиональной пригодности. Аттестацию можно организовать.

Сьюз подозрительно хмурилась, Тенбери удивленно шевелил косматыми бровями.

Адвокат, госпожа Ся, уместно проинформировала собравшихся:

— С юридической точки зрения госпожа Сузуки по умолчанию является распорядителем воли замороженных в данном учреждении пациентов и может подписывать документы за всех, кто поступил сюда в период, пока она является ответственным лицом. Полагаю, этот факт можно представить в таком виде в муниципальный арбитраж, так как городу совершенно точно не интересно брать на себя обязательства по уходу за несколькими тысячами криопациентов.

— Даже несмотря на то, что в таком случае город будет распоряжаться их голосами? — поинтересовался Майлз. — Мне-то казалось, при помощи такого количества избирателей можно оказывать влияние на результаты выборов в городе, если не на уровне префектуры или всей планеты.

— Полагаю, мы можем с уверенностью сказать, — *или с большой долей вероятности пред-*

положить, — что перспектива дорогостоящих судебных тяжб по этому делу вряд ли сможет порадовать арбитражный суд. — Адвокат едва заметно улыбнулась. — Если только разобщенность мнений среди участников процесса не вынудит арбитраж передать дело в суд. Результат при таком обороте дела я гарантировать не могу, так как в этом случае предмет спора приобретет характер общественной огласки и политизированности. А я считаю своей основной работой оберегать клиентов от суда.

— Огласка и политизация — это методы работы группы госпожи Сато или чего-то в этом роде, — заметил Майлз. — Жаль, что мы не додумались вовремя выкрасть двух других членов ее комитета. Сейчас бы они были с нами.

Он не стал говорить, что эта затея потребовала бы дополнительного времени и могла пройти вовсе не так гладко.

— Сохранение тайны клиентов содержит некоторые ограничения, лорд Форкосиган, — предупредила его Ся.

Что ж, весьма любезное предупреждение, подумал он.

— Как насчет дипломатического иммунитета?

— У вас он есть, а у меня — нет. Но, по ходу дела,

если против «Нового Египта» будут выдвинуты уголовные обвинения, у нас могут появиться вполне законные основания для того, чтобы освободить господина Канга и госпожу Хослу. Для начала можно вызвать их в качестве свидетелей.

Майлз одобрительно склонил голову.

— Если, правда, «Новый Египет» не уничтожит их, заметая следы.

— Этот вопрос следует хорошо продумать, выбирая стратегию борьбы.

Марк вмешался:

— Карин, отметьте себе, что госпожа Ся работает у нас с выплатой причитающегося гонорара.

Госпожа Ся осторожно улыбнулась.

— Вообще-то, мой рабочий день полностью загружен. Я смогла прийти сюда только потому, что мы встречаемся в нерабочее время.

— Вы партнер или сотрудник в своей компании?

— Я? Я — одна из трех замов по вопросам галактического бизнеса юридического отдела нашей фирмы. Мы работаем под началом партнера компании.

— Группе Дюрона потребуется сотрудник-юрист на постоянной основе… — пробормотала

Карин. — Вероятно, нам надо обсудить вопрос заработной платы… чуть позже.

Ся отмахнулась, давая понять, что этот вопрос можно решить потом.

— В любом случае, госпожа Сузуки, вам надо задуматься о наиболее благоприятной долговременной перспективе ваших клиентов. В данный момент вы обслуживаете интересы ограниченной группы граждан. Предлагаемая вам технология в перспективе может помочь всей планете. И если…

Где-то снаружи раскатисто грохнуло, так что окна затряслись. Роик вскочил и уставился в ночную тьму.

— Какого дьявола…

— Где-то совсем рядом, — поежилась госпожа Ся.

— Это что, у *нас*? — спросила Сьюз. — Тенбери…

— Может, это у соседа? На заводе по производству пластика? — Фува присоединился к Роику у окна. — Хотя ума не приложу, что им надо делать на заводе в такой час. Или с улицы?.. Может, столкновение?

При существующей муниципальной системе управления транспортом вероятность столкно-

вения исчезающее мала, подумал Майлз.

— Трудно сказать, откуда этот звук, — Тенбери также вытянул шею.

— Поднимись и посмотри на крыше, — распорядилась госпожа Сьюз.

Тенбери уже почти вышел за дверь, как вдруг комм Майлза звякнул — сигнал пришел по защищенному чрезвычайному каналу.

Форлинкин. Значит, плохо дело.

Майлз вскочил в мгновение ока.

— Форкосиган слушает.

— Лорд-Аудитор, — было слышно, что Форлинкин в движении, — только что группа поджигателей — я насчитал четверых — забросила зажигательный заряд в окно первого этажа здания теплообменника. Полагаю, был использован астерзин — во всяком случае, композитное жидкое зажигательное вещество.

— Вызовите местных пожарных!

— Уже вызвал, сэр. — В голосе Форлинкина вновь послышались военные нотки, как мимоходом отметил Майлз. — Я также вызвал полицию, они должны появиться здесь с минуты на минуту.

— Молодец.

— В данный момент проверяю, не осталось

ли кого из нападавших. Пока не обнаружил. Практически уверен, что в самом здании теплообменника никого нет. Не могу ручаться за подвальные помещения.

— Держите связь со мной по этому каналу.

— Так точно, сэр.

Майлз обернулся и заметил, что все смотрят на Фуву, а тот в ужасе смотрит на всех.

— Да это не я! — взвыл бизнесмен. — Сейчас-то мне зачем это может понадобиться? Теперь, когда я почти избавился от этого кошмара!

— Мой теплообменник! — завопил Тенбери, вновь бросившись к дверям. — Если они доберутся до подвала, все разморозятся!

– *Мой* теплообменник! — завопил Фува. — *Мое* предприятие!

— Тенбери, — госпожа Сьюз для верности дернула смотрителя за руку, — всем, кого увидишь, скажи выбираться из здания. Сбор на площадке перед приемным покоем. Я разбужу и предупрежу всех на этом этаже.

Фронтон приемного покоя находился на противоположной от начавшегося пожара стороне комплекса из четырех зданий. Перед мысленным взором Майлза вспыхнул, если можно так выразиться в сложившейся обстановке, план

эвакуации здания. Значит, центр поджога — в точке, максимально удаленной от приемного покоя и людей в нем. Все это сильно попахивало диверсией.

— Бежим за Форлинкином? — спросил Роик. Он трясся, как хорошая скаковая лошадь перед забегом.

— Нет, за Либером. Если сейчас и произойдет что интересное, оно случится рядом с Либером.

Глаза Роика превратились в блюдца, когда он понял, что это значит, Майлзу не пришлось разжевывать ему эту мысль.

— Ага.

— Сьюз, мы идем в приемный покой и предупредим там всех, — сообщил Майлз.

Госпожа Сьюз, задыхаясь и хватаясь рукой за сердце, кивнула.

— Я знаю, что Вристи Танака на втором этаже. Наверное, она только что начала операцию по криоподготовке.

— Мы предупредим и ее, и всех наших.

Она благодарно махнула волонтерам и поспешила своей дорогой. Госпожа Ся сопровождала ее, задавая по дороге прозорливые вопросы о том, где еще могут находиться местные жители в такой час. Тенбери несся впереди. Майлз и Роик

выскочили следом, свернув в противоположную сторонй у ближайшей лестницы.

За дверями офиса Майлз заметил краем глаза Марка и Карин — они зажали в угол Фуву, притормозив его локтями, не выпуская и тем самым серьезно удивив здоровяка. Вдвоем они чуть не сбили его с ног.

— Фува-сан, — приступил Марк деловитым голосом, — может, обсудим продажу в, так сказать, пожарном порядке?

* * *

Пошатываясь и отдуваясь под весом Нефертити, Джин преодолел последний лестничный пролет. Еще в переулке возле башни теплообменника, за углом которого исчез Форлинкин, она шарахнулась от мальчика без видимой причины и чуть было не сбежала — лишь случайно Джину повезло ее поймать. Вернее, это сначала показалось, что повезло. Теперь мальчик был уверен, что сфинкс весил минимум в два раза больше. Кошка беспрестанно урчала, оставляя на его одежде шерсть и перья, однако даже не попыталась оцарапать.

— Открой дверь! — выдохнул Джин.

Мина согласно кивнула и распахнула ее. С этой

стороны двери было написано: «Пожарный выход — не блокировать!» Что это значило? Что дверь остановит пожар? Остается надеяться, что им не придется узнать.

Нефертити продолжала извиваться и в конце концов выскользнула из рук Джина, как раз когда они вошли из коридора в послеоперационную. Джин обрадовался, что животное вырвалось не снаружи, а здесь, где деваться особо было некуда. Либер-сенсей сидел, понурившись, на старень-ком складном стульчике. Он резко подпрыгнул, когда дети вошли.

— Я думал, вас отправили избавиться от этой гадости.

Он смотрел на сфинкса с нескрываемым недо-вольством.

Мама выпрямилась и села на кровати.

— Джин? Мина? Что происходит?

— На нас напали ниндзя, мамочка! — объяви-ла Мина. — Мы их видели! Они подожгли дом Джина!

– *Что*?

— И никакие это были не ниндзя, — нетерпели-во перебил брат, — просто идиоты в черном.

— Это как-то связано с хлопком, который мы слышали за стеной несколько минут назад? —

спросила мама.

Джин кивнул.

— Мы были рядом, там было еще громче! Консул Форлинкин говорит, это зажигательная жидкость.

Мама ахнула:

— Вы были рядом?

— На крыше, прямо над пожаром, — ответила Мина. — Какой там был черно-рыжий огненный шар!

Либер-сенсей поднялся, испуганно ухватившись за спинку кресла.

— А где Ворон-сенсей? Форлинкин послал нас рассказать ему о пожаре и слушаться.

— Он спустился на третий этаж, помочь Танаке с криоподготовкой, — ответил Либер-сенсей.

Мама Джина соскользнула с кровати и подошла к стеклянной стене своей крошечной палаты. Положив ладони на прозрачную поверхность, сказала сыну:

— Джин, может, тебе лучше сбегать вниз и рассказать им, что происходит? Огонь распространялся быстро?

— Трудно сказать, мы ведь мало что видели.

— Поищу-ка я комнату с окнами, — вызвался Либер-сенсей.

— А куда пошел Стефин? — спросила мама. — Он же должен был приглядывать за вами обоими.

— Наверно, пошел поискать ниндзя! — предположила Мина.

Мама ахнула:

— Разве это работа не для Роика?

— Он сейчас, наверное, там же, где и Майлз-сан, — бросил Джин через плечо, возвращаясь к дверям. — Мина, не выпускай Нефертити!

Либер-сенсей шел следом за Джином, как вдруг отшатнулся от внезапно распахнувшейся двери — ее пинком открыли из коридора. Мина взвизгнула. Нефертити подхватила вслед за ней:

— Вра-а-аг! Вра-а-аг! — вопило животное, бешено порхая по комнате и даже взлетая на стол.

«Ты абсолютно права, Нефертити», — подумал Джин, пятясь задом, тогда как Ганс и Оки ворвались в послеоперационную. Оба жадно хватали воздух перекошенными от злости ртами и сейчас казались просто огромными, гораздо больше, чем когда храпели, пуская слюни на полу в гараже. Мятые синие врачебные халаты сменились серыми форменными брюками и куртками из плотной ткани. На обоих красовались разгрузки и берцы на толстенной подошве. Однако ни знаков различия, ни нашивок с именами, ни каких

других опознавательных знаков не было.

— Так вот ты где, придурок! Наконец-то! — прорычал высоченный Ганс Либеру-сенсею.

Тот отступал, бледнея, пока не уперся в стол.

— Какого черта тут происходит? — сказал широченный Оки, разглядывая присутствующих. — Что здесь делают дети? Идиот Акабане ничего не говорил о детях…

— Да плевать на них, давай, хватай его!

Двумя здоровенными шажищами Оки преодолел расстояние, перехватил Либера пополам и при помощи полицейской дубинки как-то вывернул ему руки вверх за спиной. Либер-сенсей взвизгнул.

— Пустите его! — закричала мама за стеклом.

Ганс повернул голову, глаза его хищно сузились.

— Вот это да! Да это ж та самая Сато! Вот сука! Значит, разморозили ее! Оки, мы сорвали банк, хватай ее тоже!

— Сам хватай, у меня руки заняты, — пропыхтел в ответ напарник.

Либер-сенсей оказывал сопротивление: для этого он потерял сознание, и ему даже почти удалось вывалиться из рук преступника, когда Оки рывком поднял его вверх, освободил руку с

дубинкой и вмазал ей со звучным электрическим шлепком по бедру сенсея. Ну и взвыл же тот! Удивленно крякнув, Оки потерял хват и чуть не упустил добычу — электрический разряд, пронзивший тело Либера, ударил по руке и самого нападавшего. Однако ученому не удалось бежать, Оки вновь вцепился в него.

Ганс прошагал к стеклянной палате и ударил по кнопке замка. Дверь скользнула внутрь, из палаты дунуло избыточное давление.

— Нет! — закричал Джин так, что в глазах потемнело. — Ей пока нельзя выходить! Ей может стать плохо!

— Ей будет очень плохо, когда Акабане с ней разделается! — рявкнул Ганс.

Он нырнул внутрь, за мамой. Та запрыгала вокруг кровати. Ей почти удалось добраться до двери и вырваться, когда Ганс прыгнул, ухватил ее за руку, а затем изо всей силы приложил госпожу Сато к стеклянной стене. Он грубо выволок ее из палаты, спотыкающуюся, с длинными, растрепанными волосами.

— Оставьте мамочку! — заверещала Мина. — Она только что к нам вернулась!

Девочка схватила складной стул, который, естественно, тут же сложился, и метнула его что

было сил. Может, она и целилась в живот, однако Мина была невысокого роста, да и трудно кидать прицельно с полуоборота. В общем, ножки стула попали ему прямо в промежность. Хотя и недостаточно сильно.

Ганс согнулся и ужасно выругался, однако маминой руки не выпустил. Кулаком другой руки отшвырнул Мину. Малышка шлепнулась на попу и зарыдала. Мама принялась пинать злодея значительно точнее Мины. Только много ли можно сделать босой ногой? Да и сил у нее не было.

— Как ты смеешь… трогать… моих детей… мерзкий убийца…

Вспомнив струйки крови на лице Форлинкина, Джин кинулся к столу, где стояла Нефертити, выгнув спину и напружинив лапы. Она била крыльями и хвостом, по наэлектризованной шерсти вдоль спины сбегал темный гребень, кошка вопила что-то бессвязное. Джин схватил Нефертити и швырнул ее в лицо Оки, стоявшему рядом. Здоровяк заверещал, размахивая потрескивающей от разрядов дубинкой, однако дотянуться смог лишь до кончиков крыльев. Перья обуглились, в палате поднялась страшная вонь. Нефертити спрыгнула с обидчика, разодрав его куртку, а вот ранений нанесла ему очень мало — так, неглубо-

кую царапину на толстой шее. Зато Либер-сенсей освободился. Ученый неловко отшатнулся от разящей дубинки.

— Вот черт! — Ганс явно разозлился. — Акабане не говорил, что придется воевать с целым выводком!

Джин, наклонив голову, ринулся на Ганса в отчаянной попытке сбить того с ног ударом в живот. Ганс отшвырнул маму в сторону, она кубарем подкатилась к Мине, которая тут же вскочила к маме. Зато Ганс схватил мальчика. Крепко держа его за волосы, злодей размахивал ребенком, как маятником. Джин взвыл, глаза наполнились слезами боли. За ухом раздался незнакомый щелчок, ребенок скосил глаза и увидел отблеск на стальном лезвии. Полтора десятка сантиметров сверкающего клинка проплыли у лица и остановились у вздернутого подбородка ребенка.

— Всем стоять! — проревел Ганс.

Все остановились. Ганс раздраженно добавил:

— Тебя это не касается, Оки!

— Ганс, он ведь совсем ребенок!

— Не зли меня! После всего, что я сегодня пережил, лучше не раздражай меня!

Джин подумал: ужас на лице Оки — главное подтверждение серьезных намерений Ганса.

Мальчик чувствовал острие лезвия на коже. А еще он чувствовал, как кожа на голове растягивается и волоски обрываются по одному.

— Значит, так, — приказал верзила. Огромная туша, к которой Джина сейчас так плотно прижали, вздымалась, то ли набирая в легкие воздуха, то ли пытаясь сохранить равновесие. Неужели он тоже боится? Такая мысль показалась Джину странной и страшной. — А ну-ка, ведите себя прилично, вы все, а не то перережу этому отродью глотку, ясно? А ты перестань вертеться! — И он дернул Джина за волосы.

Мама все еще лежала на полу. Сверкая взглядом, полным ледяной ярости, она произнесла голосом, надтреснутым от ужаса:

— Джин, не двигайся!

Джин заметил, как Либер-сенсей сглотнул. Нефертити захромала куда-то под стол, в темноту, свернулась там и жалобно забормотала:

— Враг, враг, боль, вон, дом, боль!

Какое-то время слышались только ее причитания да звук дыхания людей в комнате без окон.

Ганс выпрямился.

— Так-то лучше! А теперь ты, пацан, сунь руки в карманы! — Джин посмотрел на маму, повиновался. — Сато, встань. Вы, доктор, тоже. Руки на

затылок. Сато, возьми свое отродье за руку правой рукой. Сейчас все двинемся гуськом, а Оки будет вас ровнять своей дубинкой. Включи на полную, Оки!

Широкоплечий сглотнул, кивнул, покрутил что-то на рукоятке.

— А теперь все давайте за Оки, за дверью — направо. Сато первая, за ней Либер, я замыкаю.

Мама с замершим и напряженным выражением лица схватила Мину за руку. Обе поднялись вместе. Босые ноги беззвучно двинулись по полу, мягкий халат развевался на икрах. Напуганная Мина шлепала рядом, хлюпая носом. Либер, можно сказать, выглядел забавно, словно играл в какую-то детскую игру, где надо под песенку касаться носа, ушей и головы, если бы не крупная дрожь, пробивавшая тело, да не бледное и мрачное лицо. Джин выжидал момент, когда рука в его волосах ослабнет и лезвие ножа не будет врезаться так глубоко в кожу. Тогда можно будет вырваться и унести ноги. Но нет, мощная хватка не ослабевала.

Они двигались по коридору позади всех, ноги Джина едва касались пола, а сильная рука тащила за собой, вперед, направо… Они успели сделать лишь три шага в сторону лестницы.

Позади раздался рев оруженосца Роика:

— Стоять!

Ганс развернулся, выставив Джина перед собой. С другого конца коридора к ним размашистым шагом приближался Роик-сан. Майлз-сан бежал у его локтя, а Ворон-сенсей, подпрыгивая, несся сзади. Роик поднял правую руку. Слезы боли застилали Джину глаза, и он не понял, что Роик в ней держит. Выражение лица оруженосца сделалось каким-то чужим, собранным и нездешним, словно и не лицо это было вовсе.

Джин почувствовал, как его похититель дернулся. Нож сильнее врезался в кожу. Ганс проорал в ответ:

— Опять ты! А ну, бросай эту шту…

Белая молния сверкнула в руке Роика-сана, раздалось незнакомое жужжание. Весь мир, а может, только голова Джина, взорвался искрящимся цветным ливнем. Затем ливень почернел и утопил мальчика.

Глава девятнадцатая

Роик и сам удивился, узнав, что доктор Либер помог ему в поимке второго охранника «Нового Египта». Оки схватил Либера, когда Роик приказал всем остановиться. Наверное, он опасался, что доктор побежит. Однако вышло так, что Оки не удалось стряхнуть Либера, когда расстановка сил переменилась. Доктор бульдогом повис на толстенной ручище, крутясь, извиваясь и уворачиваясь от ударов здоровенного электрошокера, и, таким образом, выиграл время для Роика. Тот успел подбежать и приставить парализатор ко лбу Оки прямо между глаз, чтоб в случае чего не промахнуться.

— Сдавайся, Оки, — душевно посоветовал Роик. — Эта битва закончилась еще тогда, когда я послал твои признания по нужным адресам. Я-то думал, что вы, два остолопа, поняли это.

Деваться было некуда и, то ли под неумолимым взглядом Роика, то ли под прицелом оружия, направленного в лоб, Оки неохотно вытянул в сторону правую руку и отпустил дубинку. Та грохнулась на пол с барабанным стуком. Освобожденный Либер тут же отпрыгнул в сторону

тяжело дыша, однако для разнообразия выпрямившись. Оки сам, без приказаний, сложил ладони на затылке. Выглядел он крайне жалко.

Лиза Сато с обезумевшим видом скользнула на пол и подняла обездвиженное тело сына. Ребенок был без сознания и бледен, зато Роик успокоился, увидев, что порез на шее был лишь неглубокой царапиной — обошлось почти без крови.

— Досадно, что вспышка парализатора коснулась ребенка, мэм, — сказал Роик. — Опыт подсказывает, что в таких ситуациях с захватом заложников лучше действовать быстро и решительно. Нельзя тянуть ни в коем случае.

— Это какой-то кошмар… — простонала она.

Роик кивнул.

— Ну, все, мэм, все… Ворон *прямо сейчас* даст Джину синергина, — Роик многозначительно посмотрел на Ворона, — и когда ребенок проснется, у него даже голова не будет болеть.

Ворон понял намек и поспешил в послеоперационную за нужными медикаментами.

Подошел милорд, вооружился электрошокером и окинул пленника любопытным и задумчивым взглядом. Словно биолог перед препарированием животного совершенно нового, неизвестного вида.

Оки вернул ему изумленный взгляд:

— Откуда вы вообще взялись такие?

— С твоей точки зрения, — ответил милорд, — мы — служба доставки индивидуальной кармы. Какого дьявола ты и твой дружок Ганс не убежали так, чтоб вас вовсе не было видно, а? Раз уж сбежали вчера, то и не возвращались бы. Ну зачем вы отправились к своему начальству?

— У нас, знаете ли, семьи есть.

Брови у милорда поднялись наверх. Интересно, подумал Роик, приходила ли вообще такая мысль милорду в голову?

— О семьях надо было думать полтора года назад.

Оки переступил с ноги на ногу.

— А мы и думали. О семьях и о деньгах.

Брови милорда полезли выше. Оки пояснил в свое оправдание:

— Первый раз в моей жизни мне предложили хорошие деньги. Мы купили *дом*.

Да уж, вряд ли про Оки можно сказать, что вся его жизнь — борьба, подумал Роик. Если бы «Новый Египет» нанимал сотрудников в охрану с благими целями, Оки остался бы добропорядочным гражданином, не вляпался бы в грязные делишки своих боссов. Роик бросил взгляд на

милорда, готовясь намекнуть или, если надо, подсказать, однако Майлз уже принялся за обработку клиента.

— Сейчас еще не поздно исправить ситуацию. Кто-нибудь знает, как здесь, на Кибо, называется «императорский свидетель»? Должен же быть какой-то эквивалент.

— Кажется, «свидетель префектуры», милорд, — ответил Роик.

— У меня здесь есть собственный адвокат, и она поможет тебе, если своевременно примешь решение сотрудничать с нами, — сообщил милорд пленнику. — Это значит немедленно.

Роик понял намек и крепче сжал рукоять парализатора, для усиления эффекта глядя в глаза Оки через его прицел.

— Куда вы вели Либера и Сато? Я так понимаю, не воздухом подышать?

— Снаружи, в фургоне, нас ждет Акабане, — промямлил Оки.

— Главбух «Нового Египта»? Один?

Оки облизал губы.

— Мы ведь только за Либером ехали…

Глаза у милорда засияли:

— Роик, этого надо взять. Только подумай: in flagrante delicto! — взяли на месте преступления,

да еще и с нарушением частной территории. Просчет противника — это подарок, от которого нельзя отказываться.

Оки принялся колоться и без расспросов.

— Все они оказались бы под защитой своих юристов, как за каменной стеной, — и президент Ким, и Чои из операционного отдела, и Напак из исследовательского. Акабане подкараулил нас после общего совещания и сказал, что для него совершенно ясно, что козлами отпущения останемся мы втроем, а остальные сдадут нас и глазом не моргнув уже утром. Если ничего не предпринять. А еще он знает, что мой брат состоит в ООНН, поэтому…

— Разобщить и запугать… Что ж, это многое объясняет. Поспеши, Роик. Акабане бросится бежать, как только тут появится больше полиции.

Ворон с аптечкой был на подходе. Роик передал парализатор милорду, обошел Оки и скрутил тому запястья за спиной при помощи гибких наручников самого Оки. Милорд вернул сержанту оружие, и тот, схватив за руку Либера, помчался к лестнице.

— Я-то вам зачем нужен? — обеспокоенно поинтересовался Либер, пока они мчались к лестнице.

— Поможете опознать Акабане. Не хотелось бы парализовать кого-то постороннего.

— Вы, я смотрю, весьма вольно обращаетесь с этой штукой.

— Не волнуйтесь. У меня есть разрешение на парализацию.

— А я думал, это называется разрешение на убийство.

Роик поморщился:

— Такое тоже есть. Однако вы не поверите, сколько всяких бумажек надо потом заполнить.

По виду Либера нельзя было сказать, счел он это за шутку либо отнесся серьезно. Однако его вряд ли можно было в том винить — Роик и сам не знал. Для него не было ничего привлекательного ни в стрельбе на поражение, ни в заполнении бумажек после нее.

Они прорвались сквозь тяжеленные стальные двери в дальнем конце приемного покоя, повернули налево и обогнули угол, выйдя к длинному фронтону здания. Небольшая подъездная дорожка в центре вела к крытому въезду, где некогда, без сомнения, высаживали пациентов и посетителей. Подъездная дорожка охватывала то, что некогда было красивым культивированным газоном, а сейчас представляло собой

печально запущенные заросли сорняков. Централизованного освещения не было, мигало только множество карманных фонариков, в лучиках которых можно было разглядеть толпу пожилых людей, одетых или скорее раздетых весьма разношерстно. Все они топтались на подъездной дорожке и бывшем газоне. Роик облегченно вздохнул, увидев, что ночной туман на другом конце здания не отражал оранжевых отблесков пламени, зато там сверкало великое множество мигалок машин службы спасения. Чем-то это напоминало дискотечную иллюминацию.

Двойной ряд парковочных мест тянулся вдоль всего фронтона здания. Роику была видна стена административного здания за корпусом приемного покоя, он мысленным взором вычислил угловой кабинет госпожи Сьюз на верхнем этаже. За парковкой здание опоясывал порядком истрепанный забор из сетки-рабицы.

На улице за забором стояло несколько припаркованных машин. Зато в темноте сразу за воротами, за развалившимся КПП, виднелся знакомый уже фургон. Примечательно, что ворота стояли распахнутые настежь, видно было, что их взломали.

— Значит, так, — сказал Роик, — ждете, пока я

не доберусь до караулки, затем идете по газону и смешаетесь с толпой. Вас должно быть хорошо видно с улицы, но смотрите, не приближайтесь к дорожке ближе чем на расстояние вытянутой руки.

— Стойте-ка, вы что же, хотите на меня как на живца ловить? — с негодованием поинтересовался Либер. — Вы же говорили, только помочь опознать Акабане!

— Именно так я его и опознаю, — резонно заметил Роик. — Никто другой на вас здесь не накинется. К тому же он будет вынужден выйти из фургона и ступить на землю.

Надеюсь.

— А это-то зачем?

— Ну, во-первых, парализовать его внутри машины я не смогу. А во-вторых, на худой конец, можно будет обвинить его в проникновении на чужую территорию и задержать до утра. А утром уже будет поздно.

— А я думал, комплекс принадлежит этому вашему Фуве.

— Либо здание уже принадлежит лорду Марку, либо я его совсем не знаю. — Скорее всего, никто его по-настоящему не знает, даже милорд. Ну, может, мисс Карин знает. — Давай, вперед!

Роик легонько подтолкнул Либера, а затем и сам двинулся к развалившейся караулке, скрываясь в тенях ночи, чтобы остаться незамеченным с улицы.

Либер, убедительно спотыкаясь, побрел по сорнякам, и, хотя остановился от дорожки на несколько метров дальше, чем того хотелось бы Роику, разыграл растерянность и изумление, то глядя в небо, то озираясь, поворачиваясь и в анфас, и в профиль. С минуту Роик сомневался, что Акабане клюнет на наживку, и уже принялся размышлять над новым планом, как вдруг фургон скользнул мимо КПП. Роик присел, скрытый тенью.

На какое-то ужасное мгновение он засомневался, что правильно оценил ситуацию. Если бы Акабане вдруг поднял флаер чуть выше человеческого роста, а потом опустил его на голову жертвы, Либер оказался бы просто не в форме для участия в суде в качестве свидетеля — да и в любом другом качестве в любом другом месте. Некто попытался проделать что-то подобное с милордом, как он сам рассказывал Роику. Тогда машина обрушивалась на него несколько раз, словно гигантский башмак, пытаясь припечатать к тротуару и оставить от него лишь мокрое место,

промахиваясь всего на несколько сантиметров. Роик напрягся, как спринтер на старте, готовый в любое мгновение броситься на спасение своей приманки.

Может, у местных флаеров стояли некие датчики безопасности для предотвращения подобных инцидентов, а может, Акабане не рискнул на такой маневр на глазах у сотни свидетелей. В любом случае, боковой люк скользнул в сторону, флаер немного пересек бордюр газона, скрывая Либера от глаз стариков, которые по большей части отвернулись, привлеченные множеством сверкающих огней.

Черная тень прыгнула из фургона на Либера, тот сжался пружиной. Роик выстрелил с колена, и черная фигура шлепнулась на землю с придушенным криком изумления и ярости. Несколько энергичных прыжков, и вот уже Роик приготовился всадить свой коронный малый парализующий заряд в затылок жертвы — в упор и без промаха.

— Скорее помогите мне забросить его в фургон, — попросил он Либера.

Тот тяжело дышал, однако кивнул и помог.

Главбух Акабане выглядел как все местные, он вполне мог бы оказаться дядей Ворона — злым

дядей, — если бы у кого-нибудь из клонов Дюрона были хоть какие-то родственники. В данный момент, правда, Акабане вовсе не выглядел злым, скорее бледным и обездвиженным. А еще, как надеялся Роик, побежденным.

За все время сражений с камарильей «Нового Египта» Роик наконец-то встретился с врагом лицом к лицу — если не считать сканов по видео. До этого момента война велась на расстоянии, как сражения в космосе. Или скорее как некое престранное шахматное сражение, в котором правила меняются через каждую пару ходов. Отец милорда, человек жуткий и уникальный, чувствовал бы себя здесь как рыба в воде, да и милорда такое сражение мало смущало. А вот Роику бескровная и отстраненная битва казалась непривычной, хотя он и радовался первому обстоятельству.

А затем Роик вдруг представил себе видение хаоса, который посеяло появление милорда, в глазах хозяев криокорпораций. Они-то считали, что все у них под контролем и колпаком, а тут вдруг появляется неизвестно кто откуда ни возьмись — и бац! Такая картинка вызвала у Роика улыбку, правда, Либер, увидевший ее, почему-то боязливо отшатнулся.

Уголком глаза Роик заметил мигалки флаеров службы спасения, сворачивающих на улицу, они будут здесь через несколько секунд.

— Растворитесь в толпе, встретимся у заднего крыльца, — сказал он Либеру и тут же последовал собственному совету.

Правда, раствориться в такой толпе было сложновато, он возвышался на голову надо всеми, да и выглядел на сто лет моложе любого из пациентов. Впрочем, вокруг происходило столько всего интересного, что никто не обратил на него внимания.

Либер отстал от него всего на несколько шагов.

— Это что, все? — спросил он.

Роик кивнул:

— Остальным займется милорд. Парализатор может отдохнуть. — Роик остановился на мгновение, гордясь выполненной работой. — Теперь в дело вступают слова. А это не по моей части. — Подумав, он добавил: — И слава богу.

* * *

Джин открыл глаза. Над ним висел потолок. Повернув голову, увидел, что находится в послеоперационной. Потрогал лицо. Кожу покалывало. Несколько раз открыл и закрыл глаза — с трудом, хотя не сказать, что ему больно или что кружится

голова. Не сказать и что чувствует он себя хорошо. Скорее как-то муторно. Похоже, его положили на одну из узких и высоких кушеток. Простыни на ней не было, и старый хрупкий пластик неприятно касался кожи.

— Как ты себя чувствуешь, Джин?

Он привстал на локте. Мама склонилась над кушеткой. Она снова надела фильтр-маску, плотно затянула халат и теперь тревожно разглядывала сына.

— Вроде ничего.

Он опять потер лицо ладонью, потом почесал макушку — там, где его таскали за волосы, еще болело.

Мина подскочила и остановилась, прижавшись к маме и с интересом разглядывая брата.

— Оруженосец Роик тебя подстрелил. А я раньше не видела, что кого-нибудь взаправду подстрелили.

Джин тоже не видел. Ощущение было непривычным. Впервые он подумал, как, должно быть, чувствовал себя Майлз-сан, попав под разрыв иглогранаты. Конечно, это тебе не какой-нибудь там парализатор. Однако в глазах встала жуткая картина: перед ним — суровое лицо Роика, внутри — ощущение беспомощности, мысль, что

слишком поздно и кто-то тебе совсем неподвластный сейчас выключит свет… Чувство было не из приятных, и мальчик нахмурился.

— Перелома нет, — послышался голос Ворона-сенсея.

— Так я и поверил, — ответил голос Форлинкина.

Повернувшись, Джин увидел обоих за соседним столом. Форлинкин сидел выпрямившись, ноги свисали. Пиджак с широкими рукавами был отброшен в сторону, рукава рубашки закатаны. Ворон-сенсей стоял перед ним, ощупывая левую руку, Форлинкин придерживал ее, словно защищал.

Форлинкин уже умылся, и от когтей Нефертити остались лишь три тонюсенькие красные бороздки под блестящим слоем прозрачного пластикового бинта. Зато воротник рубашки весь пропитался кровью, да и по всей одежде виднелись засыхающие пятна, так что Джин почувствовал себя по уши виноватым за свою подопечную.

— А вот синяки будут великолепные, — продолжал Ворон-сенсей.

— И все из-за лома… Мне повезло, что голову не проломили.

— Форлинкин-сан нашел других ниндзя, — просветила брата Мина. — Они сражались. Форлинкин-сан победил.

Форлинкин повернул голову и печально ей улыбнулся.

— Повезло мне, а не «ниндзя». Ими оказались парочка наемных головорезов из местного отделения ООНН. Похоже, наконец-то дорвались до приведения в действие своего главного лозунга.

— А я думал, их всех выловили и арестовали после похищения людей с конференции, — удивился Ворон-сенсей.

— Вероятно, это была особо радикальная группа. Полагаю, они и в лучшие-то времена не очень организованы, — ответил Форлинкин и добавил, обращаясь к Джину: — Я нашел их обоих на другом конце здания, примыкающего к твоему убежищу. Они вооружились дополнительной горючей жидкостью и как раз пытались высадить дверь и забраться в подземные тоннели. Если бы негодяям удалось задуманное, все хлебнули бы беды.

Ворон снова удивился:

— Как же они рассчитывали выбраться живьем?

— Трудно сказать. Похоже, заблудиться там

— проще простого. Но пожарные очень быстро справились с огнем в здании теплообменника, стоило только мне сказать, что они имеют дело с астеризином. Ну и гадость, этот астеризин. Водой его гасить ни в коем случае нельзя. То-то оказался бы сюрприз для пожарных, возьмись они тушить его водой. Чую, примутся они за эту ООНН прямо с утра пораньше.

Тут настал черед удивиться Джину:

— А зачем понадобился лом? Дверь в соседней стене всегда не заперта.

Форлинкин поморгал, а затем расхохотался и тут же поморщился, коснувшись исцарапанного лица.

— Ну и хорошо, что в тот момент никто из нас об этом не знал. Когда я отобрал у них лом, осталось только дождаться полиции. Да и пожарные с превеликим удовольствием помогли мне их задержать. Поджигатели заложили охранников «Нового Египта», мол, те их наняли. Поджог явно был отвлекающим маневром от похищения Либера, хотя, подозреваю, кое-кто из «освободителей» распалился и переусердствовал, следуя инструкциям. Все равно это хорошая ниточка, ведущая к главарям, на которых охотится Лорд-Аудитор Форкосиган.

Мама потерла лоб, и морщинки явственно проступили вокруг глаз.

— Если только им не удастся все это вновь замять.

— Подозреваю, в этот раз не удастся, — ободряюще улыбнулся Форлинкин.

— А где Нефертити? — внезапно забеспокоился Джин.

Мина указала под стол, встроенный в дальнюю стену, вместе с какими-то полками и шкафами. Из темноты слышалось рыкающее урчание.

— Прячется. Может, у тебя получится вытащить ее оттуда, когда успокоится? Я пыталась выманить ее едой. Думаю, Нефертити сейчас не хочет есть.

Ворон-сенсей обошел стол, улыбнулся Джину и осмотрел его: заглянул под веки, пощупал пульс.

— Голова не болит? Не тошнит?

— Кажется, нет.

Джин ощупал онемевшее лицо и обнаружил полоску пластикового бинта на шее.

— До свадьбы заживет, — заверил Ворон-сенсей.

— Лицо слегка онемело.

— Это нормально, через час пройдет. А если нет, то скажи мне. — Ворон-сенсей помолчал и

откашлялся. — Лорд Форкосиган попросил передать, когда ты проснешься: те несколько минут задержки, которые дали вы с Миной, сыграли решающую роль. Так что, как выяснилось, вы — спасатели.

— Ух ты!

Мина явно была довольна.

Ворон-сенсей кивнул:

— Если бы они успели вытащить вас из здания прежде, чем мы подоспели, все превратилось бы в долгую, опасную погоню. Это одно из его армейских выражений, оно значит, что нам пришлось бы попотеть, гоняясь за вами. Однако он и от этого бы не отказался. Лорд Форкосиган, знаете ли, настойчивый человек.

Тут Джин сел, выпрямившись. В стеклянной палате рядом с маминой палатой были оба охранника «Нового Египта». Джин отпрянул было в страхе и тут же увидел, что бездыханный Ганс лежит на полу, Оки сидит, руки связаны за спиной, плечи понуро опущены, громила ни на что не обращает внимания.

Еще одна картинка прошла перед глазами: их всех тащат в фургоне без окон бог знает куда, а потом *маму опять забирают*… Он испуганно сглотнул, да так, что бинт натянулся на коже.

Он и сам не верил в исход схватки с громилами, тогда битва казалась совершенно напрасной, но ведь они не сдались…

Тут объявился и сам Майлз-сан, порывисто шагая, как всегда, прикрытый Роиком с тыла. Оки не поднял глаз, и Джин вспомнил, что стеклянные палаты звуконепроницаемы.

— Ага, — сказал Роик, улыбнувшись Джину и дружелюбно махнув ему. — Очнулся? Очень хорошо.

В ответ Джин лишь нахмурился, не в силах отогнать от мысленного взора картину, на которой Роик целится парализатором сквозь него, будто вообще его не замечая. Роик немного погрустнел и перевел улыбку на Мину, на сей раз добившись лучшего результата. Может, это не улыбка вовсе, а маска? Какой из Роиков настоящий: улыбчивый здоровяк или тот, расчетливый, страшный, бездушный?

— Все здесь? Вот и чудесно. — Майлз-сан обратился к аудитории в целом. Он запрыгнул на стул словно учитель, собравшийся читать лекцию, требуя общего внимания и сделавшись вдруг ростом с Роика. Вообще, выглядеть это должно было глуповато, но почему-то так не выглядело. — Полиция Нортбриджа будет здесь с минуты

на минуту, у нас возьмут показания и заберут гостей из «Нового Египта», — продолжил Майлз-сан, кивнув на палату-камеру. — Еще к этому времени должна подойти парочка сонных адвокатов. Госпожа Ся категорически заявила, что у нее нет опыта ведения уголовных дел, но мы уже разбудили ее коллег из криминального отдела юридической фирмы. Мы встретимся сегодня со старшим партнером фирмы, но несколько позже — уже в консульстве, когда вернемся и немного отдохнем.

Мама Джина напряглась при этих словах.

— С юристами нам никогда не везло.

— На этот раз они будут на вашей стороне, — пообещал Майлз-сан. — Ну а теперь мне нужно ваше внимание, Ворон, доктор Либер, консул Форлинкин. У нас как раз есть время собрать общую версию событий.

У Ворона на лице появилось любопытство, у Либера — обеспокоенность, у консула Форлинкина — отрешенная покорность.

Майлз-сан продолжил:

— Все произошедшее — слишком сложная и взаимосвязанная цепочка событий, чтобы получился стройный рассказ, однако в целом мне хотелось бы занимать в нем как можно меньше

места — по причинам, которые связаны со второй половиной моего расследования на Кибо. Это ни в малейшей мере не коснется и не повредит вашей судьбе, госпожа Сато, так что не переживайте. К счастью, у Ворона и доктора Либера есть все основания стать героями этой истории.

Ворон посмотрел на Майлза удивленно, Либер мрачно и подозрительно взглянул исподлобья.

— Вкратце все было так: в первый раз доктор Либер, Ворон и я посетили вас потому, что Ворон занимается поиском специалиста-химика по криоконсервантам для нового предприятия Группы Дюрона, которое они собираются открыть в Нортбридже. Кстати, такая должность вам действительно будет предложена, если удастся вытащить вас из тюрьмы.

— Ого!

Либер-сенсей выпрямился, во внезапной улыбке сквозило не только удивление, но и благодарность.

— Во время этой встречи доктор Либер поделился с нами планами возобновить борьбу с «Новым Египтом» по поводу разлагающегося криораствора и скандала с торговлей контрактами. Доктор также сообщил нам, что изъял из хранилища криокамеру с госпожой Сато с целью обеспече-

ния ее безопасности как свидетеля обвинения. Воспользовавшись возможностью, он попросил доктора Дюрону вывести ее из криостаза в качестве предоплаты за работу, на что доктор Дюрона пошел, испугавшись потерять ценного сотрудника.

— …и тут же притащил ворованную криокамеру в свою тайную лабораторию?.. — недовольно уточнил Ворон-сенсей.

— Абсолютно верно, — согласился Майлз, лучезарно улыбаясь. — Только давайте не будем пользоваться термином «воровать», если кто-то поднимет такой вопрос. Уж лучше говорить «освободить» или «доставить в безопасное место».

Ворон-сенсей отмахнулся, соглашаясь.

— Ну а потом что?

— Попытка доктора Либера отбыть с Кибо на Эскобар стала уловкой, цель которой — отвлечь внимание «Нового Египта» от госпожи Сато, пока та восстанавливает силы после операции и готовится давать показания. К несчастью, уловка сработала слишком уж хорошо. Однако спасение доктора Либера Роиком, по просьбе Ворона, было санкционировано мной, в качестве семейной услуги компании моего брата. Сегодня

я прибыл сюда лишь с целью последить за тем, как идут дела у Марка, чьи действия вызывают растущий интерес барраярской Службы безопасности, исключительно по внутрибарраярским политическим мотивам. Что, кстати, истинная правда. Придя к выводу, что в настоящее время предприятие Марка не представляет собой угрозы Империи, я собираюсь в ближайшее время отбыть с Кибо-Даини по неотложным государственным делам.

От такой новости у Джина зачесались глаза. Ну да… а чего ты хотел? Все всегда «отбывают по делам». Ни в чем никогда нельзя быть уверенным. Он закусил губу.

— Предлагаю сегодня не разглашать информацию об Алисе Чен. Полагаю, о ее существовании сегодня никто не заведет речи. Ну а если и заведет, то выяснит, что Ворон изъял ее также по просьбе доктора Либера, как независимое вещественное доказательство последствий использования некачественного криораствора. Ворон ведь не только ученый, но и бизнесмен, который не имеет права рисковать вложениями компании, основывая свои действия лишь на непроверенных слухах.

Тут Ворон наклонил голову и ухмыльнулся:

— Такая версия сгодится.

Майлз-сан расправил плечи и потянулся. Он действительно выглядел очень осунувшимся, на лице словно было написано: «Сейчас — четыре утра!» Хотя по виду не скажешь, что он устал сильнее других. Он обратился к маме Джина:

— В данный момент сюда, с барраярского посольства на Эскобаре, летит эксперт-аналитик по судебной экономике. Так уж получилось, что моя нужда в нем пропала в связи с событиями последних суток, но, чтобы оправдать затраты на его дорогу сюда, я уступлю его вам на несколько дней. Полагаю, он окажет вам неоценимую помощь в выработке стратегии дальнейшей борьбы, если вы примете решение разморозить политсовет вашего движения. Или даже если не примете такого решения.

Лиза Сато потерла ладонью лоб и проговорила заплетающимся языком:

— Что, если полиция попробует забрать моих детей?

Эту ужасную мысль Джин старался гнать от себя с того самого момента, как Майлз-сан объявил о неминуемом прибытии служителей закона.

— Не думаю, что им потребуются показания несовершеннолетних при таком изобилии взрос-

лых свидетелей. Вы — ближайший родственник. Им придется спрашивать вашего разрешения, чтобы допросить детей. Предлагаю вам отказать им на том основании, что оба ребенка только что перенесли серьезную травму при неудачной попытке похищения.

При этих словах Мина негодующе фыркнула. А вот у Джина желания спорить не было.

— Адвокат вам поможет, — продолжил Майлз-сан. — Ну а если это повлечет какие-либо проблемы прямо сейчас, в чем я серьезно сомневаюсь, скажите полиции, что они смогут переговорить с детьми позже в консульстве, если необходимость возникнет. К тому времени все поутихнет, да и мы будем там в относительной безопасности.

Форлинкин поспешил заверить ее в этом кивком. Лиза Сато с сомнением покачала головой, однако Джин заметил, что напряженные морщинки вокруг глаз расслабились.

Джин поднял глаза и вдруг увидел, что Роик внимательно на него смотрит. Мальчик беспокойно поежился и отвернулся.

— Госпожа Сато, — услышал он тихий, глубокий голос Роика, — нельзя ли Джину и Мине выйти со мной в коридор на минутку? Я хотел бы

им кое-что показать.

Джин спрятал глаза, собираясь отказаться, но Мина уже запрыгала вокруг Роика, с готовностью давая согласие вместо мамы, которая, похоже, все равно собиралась поговорить о чем-то с консулом, поэтому Джину в конце концов пришлось позволить увести себя вместе с сестрой в коридор. Роик плотно закрыл за ними дверь.

К удивлению Джина, Роик опустился перед ними на одно колено, отчего стал ростом ниже брата, хотя и остался выше сестры.

— Я тут подумал, может, вы захотите пострелять из моего парализатора, — сказал Роик и вытащил из кобуры оружие, которое принесло Джину столько боли.

Мальчик отшатнулся.

— Ух ты! — завопила Мина. — Ух ты, правда можно?

Ну, разве мог Джин после этого отказаться? Он осторожно кивнул.

— Никогда нельзя целиться в человека, если не собираешься стрелять, — начал Роик «курс молодого бойца». — Не важно, думаете ли вы, что оружие разряжено или что оно стоит на предохранителе. Возьмите это за главное правило и никогда не ставьте под сомнение.

Он рассказал и показал им все возможности устройства, включая датчик рукоятки, настроенный на его ладонь. Набрав код, Роик отключил датчик. Затем передал оружие Джину, направив ствол в глубь пустого коридора.

Рукоятка была еще теплой от руки Роика, словно сиденье, на которое садишься сразу после другого. Парализатор оказался легче, чем Джин ожидал, и удобно лежал в руке. Основная масса ощущалась в обойме, скрытой в рукоятке. Оружие совсем не походило на игрушку.

Джин посмотрел в прицел, как учил Роик, и нажал на спусковой крючок. Гул в руке слегка напугал его, но отдачи не было, и Джин не уронил оружия.

Воодушевленный Джин посмотрел, как Роик пользуется автоматическим лазерным целеуказателем, и снова выстрелил. На этот раз мальчик не подпрыгнул. А потом выстрелил еще. На этот раз заряд попал в стену рядом с местом, куда Джин целился. Мальчик едва не заулыбался. Во всяком случае, перестал сжимать зубы.

Теперь и Мина горела желанием опробовать оружие.

— Дайте! Дайте мне!

Джин неохотно уступил ей парализатор. Роик

еще раз повторил наставления, благоразумно припал на колено позади девочки и, придерживая ее, помог Мине прицелиться. Она сжала оружие обоими кулачками, и процедура повторилась.

Роик поднялся, набрал блокирующий код и сунул оружие в кобуру.

— Ну, как? Лучше? — спросил он Джина.

— Да, — ответил парнишка, сам изумляясь, что это так. — Это всего-навсего инструмент. Просто инструмент.

— Именно так.

Роик улыбнулся Джину, и тот ответил сержанту улыбкой. А потом Роик отвел детей в палату.

* * *

Майлз придвинулся к стереоэкрану и принялся начитывать запись, стараясь звучать убедительно:

— Единственное, что я хотел бы пояснить, Грегор: не моя вина в том, что на этой планете скоро может начаться «великое таянье». Мину замедленного действия установили задолго до моего появления.

Он еще раз обдумал начальную фразу своего доклада, протянул руку и все-таки стер ее. Задержка

связи при общении по виду имела свои прелести. Между ПВ-тоннелями информация двигалась со скоростью света, а вот по тоннелю ее доставляли кораблем. Так что если даже и не думаешь прежде, чем сказать, то, во всяком случае, есть время подумать прежде, чем нажимаешь на кнопку «Отправить». У Майлза, правда, лучшие мысли появлялись и формировались быстрее, чем язык успевал их проговорить. Впрочем, худшие тоже. Интересно, лучшими или худшими обернутся его последние идеи в конце концов?

Майлз обвел взглядом комнату связи. Он сидел здесь один. От загнанного и вконец выдохшегося Йоханнеса удалось избавиться как раз перед этой весьма личной записью. Поскольку по должности в этом захолустном консульстве Йоханнес выполнял работу, обычно лежащую на плечах аналитика-референта, последние два дня Майлз усиленно обучал его отбирать нужные данные из шумихи, поднятой средствами массовой информации по всей планете, и переправлять в Имперский секретариат галактических дел на Комарре. Никогда не помешает убить двух зайцев одним выстрелом. Йоханнес оказался прилежным учеником. Будь атташе немного поталантливее, его бы послали на должность поприличнее. Однако

не будь он таким ответственным, он не служил бы в консульстве, работающем настолько автономно.

Майлз отметил в своем докладе честность лейтенанта, при этом вспомнив о первоначальных подозрениях относительно писаря консульства, Юуити Мэтсона. Он подслушал позавчера на кухне обрывок разговора Мэтсона и его шефа, Форлинкина, когда осада консульства журналистами только начиналась.

— Мне говорили, что на такой должности постоянно будут предлагать «на лапу», — жаловался Мэтсон, — однако за пять лет никто ничего не дал! И вот теперь, когда предложения посыпались отовсюду, им надо лишь что-нибудь о грязном белье Сато-сан. Подумать только, Сато-сан! Да ни в жизни не скажу!

Форлинкин лишь улыбался голубыми глазами.

— Ты все делаешь не так, Юуити. Нельзя ждать предложений, надо самому набиваться. Или хотя бы намекать. Спроси, как это делается, у Лорда-Аудитора.

Мэтсон лишь покачал головой и побрел своей дорогой, унося с собой обиду и чашку зеленого чая. Майлз улыбнулся и склонился над экраном, добавляя доброе слово о работящем писаре.

Стараясь собраться с мыслями, Майлз просматривал длинные списки приложений как еще не обработанных данных, так и его собственные докладные в центр, короче, выполнял работу скучную, но необходимую. Этого вполне должно хватить на то, чтобы занять радостным трудом какое-нибудь невезучее подразделение СБ недели на три, пока он не объявится на Комарре для личной встречи. Ну, пусть просто трудом. Имперский советник, как еще называется наместник Императора на Комарре, тоже окажется втянутым в этот круг проблем, как только послание будет доставлено по кодированному лучу. Полный анализ общепланетной аферы с голосами избирателей будет ждать Лорда-Аудитора, когда тот достигнет орбиты Комарры. Готов также будет и план противодействия краже голосов.

Майлз позабавил себя, пофантазировав, как Рон Винг сотоварищи выйдет из криостаза с мыслью о том, что у него есть собственная планета, а на самом деле окажется нищ и безумен, как старик Йани. Увы, афера, несомненно, прервется раньше, чем дела зайдут так далеко.

Необходимость составлять Аудиторские доклады спасла Майлза от забот консульства наверху, помогла ему держаться подальше от любопытных

глаз посетителей и все продолжающих разворачиваться событий знаменательной ночи у Сьюз. Руководство «Нового Египта» уже арестовали по подозрению в заговоре и возможном убийстве, а скандал с некачественным криоконсервантом и торговлей контрактами в главных ролях бушевал на всех новостных каналах. Все шло к новым обвинениям, и уж тогда преступному руководству точно не отвертеться. Попытка похищения детей нанесла особо серьезный урон их линии защиты. Майлз напомнил себе, что надо будет сообщить об этом детям — еще один балл в их копилку. Готовились судебные иски от имени госпожи Сато и ее актива. Она уже дала первые интервью под бдительной защитой Форлинкина и своего нового адвоката, который прилагал все силы, чтобы корпорациям досталось по максимуму.

«Белая Хризантема» и некоторые другие корпорации, поставленные в одночасье перед необходимостью реагировать на такие новости, принялись блеять: они, мол, жертвы аферы. Майлз, хитро ухмыляясь, пожелал Рону Вингу удачи — если тот заслуживал удачи — в попытках исправить ситуацию. Астерзин — прекрасная штука, если тебе надо зажечь дом, однако если цель — зажечь целый мир… вероятно, требуется

что-то иное.

Он в который уже раз напомнил себе, что вмешиваться в дела, творившиеся сейчас у него над головой, совершенно ни к чему. Форлинкин прекрасно справлялся с отстаиванием интересов Барраяра, не говоря уже об интересах семьи Сато, а Марк прикрывал ту часть проекта, где фигурировали дела клиники Дюрона. Майлз несколько перестарался и подверг риску первоначально поставленное перед ним задание, связанное с «Белой Хризантемой». Сложно было отказать себе в удовольствии отвлечься на столь захватывающие, хотя и второстепенные дела «Нового Египта». Однако, принимая во внимание грядущее предприятие Марка, эти дела могут оказаться не такими уж и второстепенными. Майлз не стал гнушаться заслуженной славой провидца, пусть и случайного провидца. Да и в самом деле, ничего бы из этого не произошло, не сунь он нос несколько глубже, чем на то была необходимость. Надо бы не забыть упомянуть об этом Грегору.

Кстати, о Грегоре. Общий доклад предназначен только и исключительно для глаз и ушей императора. Для вдохновения Майлз открыл изображение Грегора — при полном параде, с

наисуровейшим взглядом. Официальный портрет, свою позу на котором Грегор как-то назвал «моя вооруженная до зубов императорская задница». Увы, это вдохновило Майлза лишь на желание поклоунничать, чтобы заставить августейшее лицо хоть чуть улыбнуться. А клоунов в жизни Грегора было предостаточно. Начать хоть с Совета графов, хотя те и редко вызывали у императора улыбку.

Майлз вновь нажал на кнопку «Запись» и продолжил, тщательно выбирая слова:

— Приветствую тебя, Грегор. Как я уже отмечал в сопроводительном послании к докладу слегка напуганного Форлинкина на прошлой неделе, подозрения относительно аферы «Белой Хризантемы» на Комарре подтвердились. Ты найдешь необработанные данные и мои доклады в приложениях к этому посланию. Пока не решил, что делать со взяткой. Возвращать не собираюсь, однако вряд ли теперь моя взятка превратится в золотые горы, обещанные Роном Вингом, поэтому представляется сомнительной целесообразность передачи такого подарка Имперской службе благотворительности для ветеранов. Предлагаю разобраться с этим вопросом позже. На обратном пути я собираюсь остановиться в Солстисе, если

СБ Комарры или наместник пожелают задать мне дополнительные вопросы. Думаю, правда, что переданной информации им должно вполне хватить для начала.

И еще, о Форлинкине. Посылаю надлежащие Аудиторские представления в отдел кадров дипломатической службы о его исключительной и неоценимой помощи во время моей поездки или… скажем, инспекции. Ну и после нее, так как завтра я улетаю, а он, бедняга, остается здесь все это разгребать.

Уж лучше он, чем я.

— Полагаю, что мне стоит кратко рассказать о надвигающемся скандале с «Новым Египтом», который неожиданно вклинился в мое расследование. Все началось с того, как политизированная группировка местных придурков сорвала криоконференцию и не смогла меня как следует похитить, о чем я кратко сообщал в предыдущем послании. Затем…

Сколь можно лаконично Майлз пересказал события последних дней, от появления Джина на пороге консульства до ареста шайки «Нового Египта». Он немного даже выдохся, когда закончил речь. Майлз постарался без содрогания представить себе лицо Грегора, который все

это слушает. Каким оно будет — удивленным? Огорченным? Скроет ли он свои эмоции? Уж в сокрытии эмоций Грегор мог самого Пима обставить.

— На настоящий момент против меня не выдвинуто никаких официальных обвинений. Полагаю, что я успею убраться с Кибо-Даини прежде, чем противник до этого додумается, — завершил он радостно-ободряющим тоном.

А теперь нужно завершить послание каким-нибудь звучным аккордом.

— Только на Кибо нам придется призвать в свидетели мертвецов, чтобы заслушать показания против злодейств. Если и есть на свете высшая, вселенская справедливость, то вот она.

Вспомнилась одна древняя жуткая цитата. Она попалась на глаза еще в дни учебы в академии или скорее в дни увольнений из академии. Откуда-то из древних сказаний Земли. Крионика еще не была изобретена, о ней еще даже и не мечтали, так что звучит это невероятно пророчески. Слова крепко врезались в память, хотя литературный источник давно забыт, похоронен под бременем прошедших лет, вытравлен последствиями криоамнезии. «И разнесу я дверь преисподней, и сорву ее с петель. И вызову мертвых преломить

хлеб с живыми, и несметное воинство мертвецов затмит живых…»

Нет, совсем не этим он собирался поделиться с Грегором. Голова императора, как прекрасно знал Майлз, и без того пухла от подобной чудовищной ерунды. Удивительным было то, что Грегоров череп еще не треснул. Зато Майлза осенило, чем закончить послание.

— Не удивлюсь, если исследования Марка в области омоложения в долгосрочной перспективе окажутся важнее, чем мое задание на Кибо. Пока рано судить, но за работой Группы Дюрона здесь стоит приглядывать, и не только СБ. Думаю, стоит намекнуть тетке Лаисы, если та ищет лучшее применение для своих капиталов, нежели «Белая Хризантема Солстиса». Это будет достойной наградой за внимание, которое старушка привлекла к этой проблеме.

Сегодня я опоздал на скачковый корабль на Эскобар, но уже забронировал места на завтрашний. Жуть как хочу домой.

Да, и передай от меня Лаисе — *отличная игра*!

Майлз остановил запись, зашифровал, прикрепил к шифрованному докладу и отослал.

Глава двадцатая

Пополудни садик за консульством наполнился мерным журчанием Джинова зверья и теплыми волнами солнца. Вихрь чистил перышки и время от времени вскрикивал что-то на своей жердочке. Цыплята скреблись в траве или дремали в клетушках. Сфинкс любознательно изучал клумбы, мурлыча себе под нос. Время от времени Нефертити чихала, прямо как мама Джина. Почтив личным вниманием столешницу, черепаха медленно пережевывала пучок салата, выданный ей Миной от собственной обеденной порции. Лаки сидела на коленях у Лизы Сато и урчала, выпуская когти, как только мамина рука переставала ее гладить, явно требуя продолжения нежностей. И это все при том, что крыски, которых выпустили побегать заранее и уже покормили, мирно дрыхли в своих клетках. Хотя от них-то как раз шума никогда и не было. Как здесь все *оживлено*, довольно подумал Джин.

Обеденный стол вынесли и поставили под деревом. Собрались мама, Джин, Мина, консул Форлинкин и тетушка Лорна, впервые встретившаяся с сестрой после разлуки. Джин перепугался

до смерти, узнав, что тетушка придет на обед. Впрочем, когда выяснилось, что она так же сильно хотела вернуть его себе, как он стремился к ней, оба оказались странным образом по одну сторону баррикад. Тем не менее она не упустила шанса отчитать его за побег из дома. Вернее, за оба побега.

— Тетушка права, Джин, — поддержала ее мама, — представь, как все переживали, не зная, что с тобой случилось. Они ведь боялись, что ты пропадешь.

— Если бы я не сбежал, не встретил бы Майлза-сана, — ответил Джин, — и мама все еще лежала бы в криокамере.

Форлинкин-сан осклабился, откровенно любуясь замешательством тетушки Лорны.

— Боюсь, с такой логикой трудно поспорить.

Он снял пиджак и сидел, откинувшись на стуле, расслабленный и отдыхающий, каким Джин его никогда не видел. Впрочем, до этого Джин видел Форлинкина только рядом с Майлз-саном, а у того просто дар какой-то напрягать всех вокруг себя.

Майлз-сан и оруженосец Роик отбыли вчера. На орбите их ждал катер, затем — пересадка на скачковый корабль до Эскобара, оттуда, как объяснил консул Форлинкин, показав детям карту

ПВ-тоннелей, Лорд-Аудитор пересядет на корабль до планет Сергияр и Комарра. Конечная цель — Барраяр, где и находится его дом. Там, где все эти дети и пони, подумал Джин. Несмотря на нескончаемый поток адвокатов, журналистов, полиции, текущий через консульство, не говоря уже о поселившихся здесь Джине, Мине и их маме, а теперь еще и пришедших в гости родственников, Джину пришлось признать, что с отбытием коротышки стало намного спокойнее.

Нет, конечно, все это было весьма интересно, однако Джин вовсе не расстраивался, что жизнь потекла размереннее. Да и вообще, бесконечный поток чужаков, приходящих в консульство, тут же попадал под строгий надзор Форлинкина, такого пугающе официального и по-барраярски высокого. И уже никто не пытался забрать у Джина маму.

Мина отправилась в туалет, в дом, и вот вернулась, хлопая дверью и несясь к ним, сломя голову. В руках она держала знакомую коробочку. Настороженный Йоханнес следовал по пятам, приговаривая:

— Ей будет гораздо лучше в естественной среде обитания, вот увидишь.

— Джин! Мамочка! — завопила Мина. — Смот-

рите! У Леди Мурасаки вывелись детеныши!

Тетушка Лорна отпрянула, а вот мама отреагировала стоически:

— Какая прелесть, солнышко! — Потом взглянула сквозь прозрачную крышку и добавила слабым голосом: — О боже, как их много! Может, лучше подыскать для них жилье побольше?

«А может, лучше поискать жилье для нас? Давай поищем для себя», — подумал Джин. Он по-новому начал присматриваться к консулу Форлинкину.

— А лейтенант Йоханнес говорит, мне надо выпустить их в саду, — пожаловалась Мина, пытаясь решить, стоит ли послушаться такого совета.

Йоханнес, стоя за ее спиной, энергично жестикулировал, давая понять, что не горит желанием делить территорию консульства с сотней паучат-живчиков, что Джин счел признаком его ограниченности.

— Чудесная идея, — тактично заметил Форлинкин, — думаю, паутина будет восхитительно смотреться по утрам на росистой траве.

Джин скоренько прочел всем лекцию о том, какие пауки плетут паутину, а какие — нет. Далее перешел к структуре паутины в зависимости

от жертвы, на которую та рассчитана. Мина, тем временем, отправилась на поиски особенно красивых цветов, чтобы пересадить на них новоиспеченное паучье семейство.

Йоханнес пробормотал, обращаясь к Форлинкину:

— Я думал, меня вырвет, когда она сунула коробку мне под нос.

Глаза Форлинкина смеялись.

— Я и не знал, что у тебя арахнофобия, Трев.

— Да вы понимаете, что сад будет кишмя кишеть этими гигантскими пауками?

— Вообще-то, их, скорее всего, склюют цыплята.

Йоханнес впервые за все время взглянул на цыплят с одобрением.

— Только Мине не говорите, — добавил Джин.

— Ни за что, — ответил Йоханнес и, вежливо кивнув женщинам, вернулся в дом.

Не прошло и пяти минут, как дверь открылась опять, хотя на этот раз и значительно спокойнее, и из нее вышел Ворон-сенсей. Джин жутко обрадовался его появлению: взрослые тут же прекратили разговор о пропущенных школьных занятиях, и что с этим делать, и когда начинать… Ворон-сенсей кивнул сразу всем — Мина энер-

гично замахала ему издалека — и остановился у стола, подняв брови на тетушку Лорну:

— Сестра-сан?

Вообще-то, Джин не считал, что тетушка Лорна так похожа на свою старшую сестру. Тетушка была и толстая, и невысокая, и коротко стриженная, и лицо у нее злое. Правда, недовольство слетело с него вмиг, как только она подняла широко распахнувшиеся глаза на эскобарского хирурга. Форлинкин поспешил их представить, и тетушка Лорна даже улыбнулась, пожимая протянутую руку, а когда Ворон-сенсей отвернулся поздороваться с Миной, шепнула сестре:

— Ты мне не говорила, что твой доктор *такой*.

— Не только эффективный, но и эффектный, — тихонько ответила мама. — Говорят, его клиника на Эскобаре очень известна.

На мгновение Форлинкин нахмурился, раздумывая, как ему лучше выглядеть: эффектным или эффективным, и решил оставаться дипломатичным, что, несомненно, шло ему гораздо больше.

Ворон-сенсей повосхищался паучьей семьей и вернулся к столу. Джин, поймав мамин взгляд, уступил гостю место. Об этом жалеть не пришлось, потому что он тут же пошел и прислонился к маминому плечу, а она обняла сына. Лаки

больше никто не гладил, и она с недовольным фырканьем спрыгнула с маминых коленей.

— Я подумал, вы захотите узнать об этом сразу, госпожа Сато, — сказал Ворон-сенсей. — Вчера вечером мы доставили в клинику господина Канга и госпожу Хослу, а утром я вывел обоих из криостаза. Рад сообщить, обошлось без непредвиденных осложнений. Речевые функции восстановлены, оба сейчас спят. Как только пройдет ваш насморк, сможете посетить их в клинике.

Мама вся задрожала, крепко зажмурилась и поблагодарила:

— Спасибо вам, доктор, за самоотверженный труд.

— И в самом деле, — добавил Форлинкин. Он озабоченно склонился над мамой Джина. Увидев, что та открыла глаза, успокоился и откинулся на спинку стула. — Как скоро они смогут общаться с юристами и следователями?

— Естественно, им придется на несколько дней остаться в изоляторе, однако, полагаю, оба поправят здоровье столь же быстро, как и госпожа Сато. Они смогут говорить достаточно связно уже завтра к вечеру, а показания могут дать и через интерком. Правда, я попросил представителей власти приходить лучше послезавтра утром.

— Как насчет их физической безопасности в данный момент?

— Этим и остальными вопросами безопасности новой клиники занимается мисс Куделка. Оказывается, у нее талант. Вы, например, знали, что ее мать служила личным телохранителем императора Барраяра, когда тот был еще ребенком? Полагаю, обучение в СБ передается по наследству…

— Теперь припоминаю, лорд Форкосиган говорил что-то такое перед отъездом. Вижу, все его знакомые — весьма неординарные личности. Что ж, зная, кто он такой, ничего другого и не ожидаешь.

— Что же это за лорд Непроизносимое Имя, о котором вы все говорите? — поинтересовалась тетушка Лорна.

— «Что» или «кто»? — уточнил Ворон-сенсей. — Хотя, полагаю, в его случае личность и род занятий неотделимы.

— Объясните хотя бы, кто он. Или все-таки «что» он такое. А лучше и то, и другое.

— Он страховой агент, работает на кого-то там, расследует мошеннические аферы, — предложил свою версию Джин. — Его начальника зовут Грегор, Майлз-сан все время только о нем и говорит.

Форлинкин заморгал, Ворон-сенсей хохотнул, а Джин заерзал от неловкости.

— А что, это не так? — спросил он.

— Отчасти. — Форлинкин снова заулыбался. — Насчет императора Грегора Форбарры ты прав. Лорд-Аудитор расследует разные виды мошенничества, а также решает всевозможные проблемы, возникающие перед империей, и подчиняется лично императору. Проблемы эти, как правило, глобального характера, а контроля над ним практически никакого нет.

— Как-то, помню, он назвал себя «императорским стременным», — доверительно сообщил всем Ворон-сенсей. — Не знаю, имел ли он в виду слугу, что скачет у стремени своего господина, или лакея, что держит стремя, пока господин садится на коня. Мне подумалось тогда, что сказано очень по-барраярски.

— Правильнее будет сказать, что он такой же всадник у стремени, как и сам господин, — пояснил Форлинкин, — хотя второй вариант этим не исключается.

Мама с интересом наклонила голову, у тетушки Лорны округлились глаза.

— Я и подумать не мог, что он настолько важная шишка, — задумчиво пробормотал Джин.

Перед глазами стоял побитый и оборванный наркоман. Сколько потом было всяких странностей, сколько непонятной болтовни!.. А ведь Майлз-сан никогда не задирал нос, не изображал большого начальника. Хотя, с другой стороны, вел-то он себя всегда так, словно ему никакой закон не писан.

— Его отец, граф Эйрел Форкосиган, занимает должность вице-короля Сергияра, — объяснил Форлинкин заинтересованным родственницам Джина, — а его мать, знаменитая графиня, — назначенная вице-королева, то есть ее титул не дань приличия, а такая же должность, как и у мужа. Эта должность — достойный венец ее карьеры на службе империи.

— Вижу, перед Майлзом очень высокая планка, — вставил Ворон-сенсей.

Джин подумал о своем отце, застывшем во времени навсегда. В воспоминаниях, где есть место им обоим, Джин не старше семи. Ему никогда не будет семнадцать, двадцать семь или почти тридцать восемь, если считать обратно… Интересно, *как это,* когда и ты, и отец — взрослые? Странное должно быть ощущение. От такой мысли Джину вдруг стало не по себе, но ужасно захотелось почувствовать — *как это*?

— Королева? — Мина как раз оказалась под другим маминым локтем и услышала, о чем шла речь. — Это что, значит, папа у Майлз-сана принц, что ли?

— Вице-король — значит… гм… — Форлинкин задумался, подбирая слова для девочки. — Император Грегор не может оказаться на всех трех планетах одновременно. Поэтому, оставаясь на Барраяре, он послал специальных людей на две другие планеты. На Комарре у него — Имперский советник, а на Сергияре — вице-король и вице-королева. У должностей разные названия, потому что планеты разные.

Он украдкой глянул на маму Джина, словно проверял, понятны ли той объяснения о его доме.

— Значит, они что-то вроде заместителей императора? — уточнил Джин.

Брови Форлинкина одобрительно поднялись:

— Вообще-то, да. За исключением того, что их назначат, они отслужат и выйдут на пенсию. А срок императора — пожизненный, если можно так выразиться, — добавил он, криво усмехаясь.

— Значит, у Майлз-сана и очень важная работа, и очень важная семья, — задумчиво проговорила Мина, словно пробуя эту мысль на вкус.

Наверняка она думает сейчас о пони, решил про себя Джин.

Тетушка Лорна понимающе ухмыльнулась:

— Это из-за своих высокопоставленных родственничков он получил такую важную должность?

— Нет, — рассудительно ответил Ворон-сенсей. — Уверен, что Майлз получил эту должность, потому что у него редкостный нюх, как у собаки. Ищейку называют ищейкой потому, что она ищет. Вы ведь заметили, что он просто помешан на работе? А энергия так и прет. — После чего, отдавая должное Майлзу, заметил: — Что, впрочем, лишь всем нам на пользу.

— Н-да… — многозначительно и дипломатично, как показалось Джину, заметил Форлинкин.

Джин подавил тяжелый вздох:

— Ищейка… Вот бы мне собаку!

Мама закашлялась. Форлинкин взглянул на нее, на Нефертити, которая бродила рядом с фиалковой клумбой, и заметил:

— Ты ведь только что получил… гм… почти настоящего льва. Может, пока стоит повременить с исполнением желаний по поводу расширения зоопарка?

Мина повисла на маме, положив голову на ма-

теринское плечо. Мама притянула ее к себе. Есть еще желание, подумал Джин. Желание, требующее исполнения. Есть нечто поважнее собаки, даже поважнее льва.

Хотя (Джин видел картинки) собаки — просто прелесть. По совершенно необъяснимой причине всегда больше шансов выпросить что-нибудь прелестное и пушистое, чем многоногое под панцирем. Ох уж эти несмышленые взрослые.

Тут все заговорили об адвокатах и тяжбах и злодеях из «Нового Египта», и о том, что всю верхушку арестовали, и о бывшем мамином комитете активистов, и что будет дальше, то есть обо всем, о чем они и так судачили без конца целую неделю, после того, как чуть не спалили комплекс Сьюз. Поэтому Джин перебрался поближе к Нефертити. Мина, позевав, последовала за братом.

Нефертити присела на лапах, спрятавшись в пурпурных и белых фиалках.

— Ой, ой, — завопила Мина, — смотри, она их ест!

Джин испугался: а вдруг Форлинкин очень дорожит своими фиалками? Впрочем, теперь от нежных цветочков остались лишь зеленые стебельки. Джин сгреб сфинкса в охапку и, ругаясь,

утащил прочь от клумбы.

— Еда! — бубнила Нефертити, разжеванные лепестки сыпались изо рта.

— Форлинкин-сан, — спросила испуганная Мина, — а вот если Нефертити съела фиалку, она заболеет?

Мама издала испуганный звук, но глаза ее смеялись. Форлинкин-сан совсем даже и не рассердился.

— Думаю, не заболеет. Съедобные цветы кладут в салаты. Фиалки, по-моему, съедобны. Их подают в засахаренном виде. Однако я бы на вашем месте последил, чтобы она не переела.

Джин и Мина облегченно вздохнули. Правда, каждый по своему поводу. Форлинкин знает множество всяких полезных штучек. А еще он улыбается маме. А мама улыбается ему. Нечасто она последнее время улыбалась… Вообще, он толковый парень, вот только по *зоологии* придется подтянуть. Если, конечно, он собирается остаться с ними.

Так что все наладится, подумал Джин.

* * *

Майлз выбрал столик на самом краю балкона с видом на главную площадку пересадочной

станции Эскобара. Оттуда открывался умопомрачительный вид — сразу и на пассажиров двумя уровнями ниже, и на обширный сектор космоса, усыпанный звездами, и на край диска Эскобара, переливающийся всем спектром яркого света сквозь прозрачную стену над головой. Поставив на стол три чашки кофе, Майлз устроился за столиком и жестом пригласил Роика сесть рядом.

Оруженосец взял кофе, от предложения сесть отказался. Прислонившись к балконным перилам, он изучал обстановку. Выглядел Роик, к несчастью, именно как телохранитель, пытающийся выдать себя за туриста. Роику никогда не нравились такие открытые позиции. А вот Майлз всегда проездом останавливался в этом кафе. Пристройку к станции поставили лет десять назад, насколько он помнил.

Появился Марк, заметил брата — вернее, конечно, Роика, — помахал рукой и прошел прямо к ним. До корабля оставалось еще несколько часов, поэтому Марк решил не брать ближайший катер на Эскобар, благо те ходили каждый час, и остался поболтать несколько минут с братом. За долгие годы им не удавалось побыть вместе столько времени, сколько они провели за время полета с Кибо-Даини. И не важно, что большую

часть времени им все равно пришлось провести в отдельных каютах, составляя детальные указания и рассылая их каждый своим сотрудникам. Работать без перерыва — очень здорово. Гораздо лучше, например, чем сойти с ума или гнить под землей.

Марк уселся, заграбастал третью чашку, снял крышку, глотнул и поморщился. Когда позволяло время, Марк изображал гурмана, крайне придирчивого в вопросах еды и питья. Майлзу вкус кофе не показался таким уж отвратительным. Весьма неплохо для пересадочной станции. В конце концов, всему свое время.

— Извини, что опоздал. В последнее мгновение пришло сообщение от Карин. Нужно было сразу заняться одним вопросом.

Пока позволяют возможности собственной каюты. Майлз понимающе кивнул. Марк оставил все приготовления по открытию клиники Дюрона на Карин и Ворона, они также остались попутно приглядывать за делами Джина, пока Марк на Эскобаре занимается подготовкой открытия новой клиники. Разлука с напарницей, хоть и временная, ощутимо выбивала Марка из колеи. Майлз вспомнил Екатерину и вздохнул.

— Так какие новости? Хорошие или плохие? —

спросил Майлз. Хотя ответ он знал, — случись что плохое, уже была бы шифровка от Форлинкина.

— Неплохие. По словам Карин, Ворон успешно разморозил тех двоих друзей госпожи Сато, они уже дали властям ценные показания. Дело против «Нового Египта» идет полным ходом с точки зрения юриспруденции. Это значит, практически заморожено с человеческой точки зрения. Однако пока все движется в нужном направлении. Поскольку было предъявлено обвинение в убийстве, вся верхушка «Нового Египта» сидит за решеткой. Твой дружок Оки согласился на сделку о признании вины, или как там это называется, когда закладываешь своих товарищей, чтобы схлопотать менее строгий приговор.

Марк, похоже, не очень-то осуждал Оки. Роик, слушавший рассказ, поднял чашку кофе за здоровье Оки — все-таки тот был не самым худшим из шайки.

— Надеюсь, мое имя в материалах дела не прозвучало, — поинтересовался Майлз.

— О твоем участии в этом деле вообще никому не известно, — заверил брата Марк и ухмыльнулся акульей улыбкой, заметив досаду на лице Майлза. — Правда, что Карин пришлось скрутить тебя, чтоб ты не кинулся давать интервью?

— Конечно, это все шутка, она прекрасно знала, что я не собираюсь ни с кем говорить, — строго заметил Майлз.

— Ага, так я и подумал…

— Ну а ты куда дальше?

— А я сейчас свалюсь на голову всем Дюрона с длинным списком незапланированных и необходимых дел. Без сомненья, как и ты, когда доберешься домой. Надеюсь, за неделю удастся сколотить и отправить на Кибо команду. Им предстоит построить и запустить наш первый филиал вне Эскобара. Фува готов приступить к восстановительным работам в любой момент, что очень здорово. По опыту скажу: обычно подрядчики-строители немногим расторопнее юристов. Карин говорит, пока что его компания работает вполне прилично. Думаю, мы наймем его надолго. Хоть так постараюсь его отблагодарить.

— Ручаюсь, тебе не удалось сильно раскрутить его той ночью.

Марк самодовольно вздернул подбородок:

— Это частная информация, однако, чтобы ему было не очень обидно, я собираюсь подкинуть ему изрядно строительной работенки.

— Спорим, он выставит тебе запредельные цены?

— Естественно. — Марк отмахнулся от такого предположения как от само собой разумеющегося.

Майлз подумал, что Марк со своим предприятием на Кибо — жестокая и вполне равноценная месть за попытку захвата Комарры «Белой Хризантемой».

— Ну а ты? — спросил Марк. — Сразу летишь на Барраяр или остановишься на Сергияре, повидаться с родителями?

Майлз потер губы кулаком, нахмурился.

— По пути с Барраяра не было возможности спуститься на Сергияр, хотя мы с мамой поболтали двадцать минут с орбитальной пересадочной в прямом эфире.

— Как она?

— Вся в делах, но не больше, чем обычно. Я обещал заскочить к ним на обратном пути. Правда, теперь лечу с двухнедельной задержкой относительно первоначального плана. Поэтому, может, увидимся только на Зимнепразднике, если они прилетят в этом году. Вы с Карин собираетесь домой к празднику?

— Пока не знаем.

— Я тут подумал, может, тебе лично удастся привлечь внимание графа к вашему новому

средству омоложения?

— Посмотрим, каковы будут успехи препарата к этому времени. Вполне возможно, у нас уже будет достаточно материала для предварительных выводов. Хотя, может, и нет.

Редкие проходящие мимо пассажиры оборачивались на двух непохожих близнецов, ссутулившихся в одинаковых позах на максимально опущенных к полу креслах напротив друг друга. Майлз изучал своего брата-клона с легким налетом изумления, от которого ему так и не удалось избавиться.

— Ну что еще?

Марк склонил голову, демонстрируя готовность выслушать любой бред, который может выдать ему брат-прародитель.

— Да вот, подумалось мне о нашем дяде, которого мы никогда не знали. О старшем брате отца, погибшем в том же самом нападении, что отняло жизнь нашей барраярской бабки. То были первые залпы войны Юрия Безумного. Дядя ведь тогда был подростком. Мне тут подумалось, как странно, что у меня был брат, о котором я и не знал, пока не вырос. А у отца был брат, о котором все уже забыли к тому времени, когда отец вырос. Тебе вообще когда-нибудь рассказывали об этом

человеке? Когда ты проходил обучение?

Марк пожал плечами:

— Мне сообщили только имя. Некогда было тратить на него время, столько всего нужно было узнать.

— Да и я от отца узнал не больше. Наверное, ему больно вспоминать о том периоде своей жизни. Может, если вы с Карин прилетите на Зимнепраздник, мы объединим усилия и выдавим из него больше? Потому как думаю, что вряд ли кто-то знает об этом парне больше, чем наш отец.

— Договорились. Если у нас получится прилететь. Будет интересно. Или жутко.

— А может, и то, и другое. Иногда приходят в голову мысли, насколько по-другому пошла бы вся наша жизнь, если бы отцов брат выжил. Во-первых, отец никогда не стал бы наследным графом. Может, даже не стал бы лордом Форкосиганом, если бы у старшего брата появился отпрыск до того, как дед умер. Отец так и остался бы лордом Эйрелом.

— Готов поспорить, он все равно стал бы кадровым военным, — рассудил Марк.

— Возможно. А возможно, если бы Дом Форкосиганов возглавил кто-то другой, отец стал бы свободнее. Может, подался бы в бунтовщики.

Что-то совершил бы, стал бы кем-то еще…

— Гм… — только и сказал Марк в ответ.

Майлз провел пальцами по стереокубу в кармане. Достать его снова? Показать Марку? Зачем? Он ведь уже показывал. Дважды.

— Вы с Карин детишек не планируете? Или, может, брак? — добавил Майлз, подумав.

Отношения Марка и Карин, будь они бетанцами, мало кого волновали бы. Однако для строгой барраярской семьи Карин-то была горькая пилюля. Правда, прошли уже годы, и, кажется, семья Куделка примирилась с неизбежным. А еще у Карин — три сестры, и у каждой хотя бы один ребенок. Поэтому на нее не оказывали такого давления, как, скажем, на Майлза.

— Я боюсь заводить детей, — признался Марк. — У тебя всегда в качестве примера перед глазами был отец. А у меня — безумный террорист с Комарры, который все время тратил на то, чтобы из меня сделать тебя.

— Отец тоже потратил кучу времени на то, чтобы из меня сделать меня, — ответил Майлз, — правда, это не одно и то же.

Марк только фыркнул:

— Рад, что ты заметил.

Теперь мы можем вместе над этим посмеяться,

подумал Майлз. А ведь сколько всего пришлось пережить!..

— С Карин не о чем волноваться, — продолжил Майлз. — Не знаю более трезвомыслящего человека, чем она.

— В этом ей не откажешь, — согласился Марк. — Ну а ты, чего больше всего боишься ты, с тех пор как стал отцом?

— Что, если… — Майлз потянул себя за волосы и скосил глаза вверх, словно пытаясь разглядеть пробивающуюся седину. Стрижка оказалась для этого слишком короткой. — Что, если дети обнаружат, что я на самом деле не взрослый? Насколько их это разочарует?

Марк от души расхохотался. Да так заразительно, что Майлз, подумав, печально улыбнулся в ответ.

— Думаю, твоей жене это уже известно, — ответил Марк.

— Боюсь, ты прав. — Майлз потер губы. — Кстати, как думаешь, у Форлинкина и Лизы Сато что-нибудь получится?

— Боже, мне-то откуда знать?

— Мне показалось, по его глазам видно… Насчет нее я не уверен.

Отчего-то Майлз вдруг испытал товарищеские

чувства к Форлинкину. И пожелал тому удачи.

Роик вдруг подобрался, разглядывая площадку внизу.

— Что там? — спросил Майлз.

— Полковник Форвента, — ответил Роик. — Интересно, зачем он здесь?

Майлз перегнулся через перила, чтобы лучше видеть. Этот офицер-барраярец, помимо прочего, еще и занимал должность начальника узла связи СБ барраярского посольства на пересадочной станции. Майлз уже общался с ним, хотя чаще — с его предшественниками. Полковник поднял глаза, увидел Роика, затем Майлза, подал знак — что-то типа «ждите меня на месте и никуда не уходите» — и направился к гравитационным шахтам на краю площадки.

— За нами, готов поспорить. Или за мной.

В СБ, конечно, знали, когда приходит их корабль.

— Надеюсь, за тобой, — сказал Марк. — Я с ним уже достаточно общался. Не думаю, что он мне доверяет.

— Вообще-то, для барраярца он весьма демократичен. Один из так называемых Новых Людей отца. Проклятье, надеюсь, он не несет мне какого-нибудь дополнительного задания!

Догадка была слишком уж очевидная и крайне неприятная. Если где-то поблизости, возле этого входа в ПВ-тоннель занимался пожар, затрагивающий интересы Барраяра, то у Грегора здесь уже есть один из лучших пожарных! Майлз скривил губы. Нет! Я же только что погасил пожар! Хочу домой!

— Забавно, — обратил внимание Роик, — кажется, я никогда раньше не видел его в военной форме.

Майлз согласился:

— Да, он всегда носит местную гражданскую одежду, старается быть неприметным.

Не сегодня. Сегодня Форвента наглухо упаковался в оливковый китель, все нашивки и награды — точнехонько в нужных местах, зеленые форменные брюки с красными лампасами заправлены в зеркально отполированные кавалерийские сапоги. Более неподобающего наряда для космической станции пересадки трудно было придумать.

— Вырядился как на парад. Что-то случилось…

— Через минуту узнаем.

Марк повернулся вместе с креслом к офицеру, тот пробирался к ним между столиками.

Приближаясь, Форвента замедлил шаг, выис-

кивая глазами свою жертву, лицо его застыло маской. Он замер возле столика, кивком поприветствовал Марка и Роика, встал по стойке «смирно» и крайне серьезно отдал Майлзу честь, хотя Лорд-Аудитор был не в форме, если не считать таковой серые брюки и пиджак.

Посыльный облизнул губы и обратился:

— Жду приказаний, граф Форкосиган!

Дальнейшие события

Пять точек зрения в драбблах — коротких рассказах объемом ровно сто слов.

1. МАРК

Марк однажды застрелил человека из нейробластера. Удивленные глаза жертвы опустели, когда заряд, выпущенный из оружия, выжег мозг за ними. Бог знает почему Марк вспомнил об этом сейчас, но он смотрел на Майлза после сообщения о смерти отца, и мрачные воспоминания просыпались сами. Ни жужжания, ни треска выстрела в этот раз не было, лишь четыре слова.

Только по прошествии долгих часов, после того как они перекроили весь полетный план и вновь взлетели, он понял, что видел момент истины: словно скованный одной цепью со своим отцом, лорд Форкосиган умер в тот момент. Прошлая жизнь покинула Майлза, словно кровь, разом отхлынувшая от лица.

2. МАЙЛЗ

Граф Форкосиган разглядывал собственное лицо в зеркале. Бля.

Бля. Бля. Бля…

— Все ли в порядке у милорда? — раздался голос Роика из кабины курьерского транспортника.

— Идиот, конечно, у милорда не все в порядке! — рявкнул Майлз. Затем, умерив пыл, попросил прощения: — Извини. Прости, пожалуйста. У меня такое ощущение, что из черепа вытащили мозги и ничегошеньки в нем не осталось. Ничегошеньки, только обрывки проводки торчат и болтаются из спинного мозга. Боже. К чему нам *сейчас* торопиться? Мы ведь опоздали на много дней.

— Графиня… Вдовствующая гра… Ваша матушка ждет вас на Сергияре.

— А… — ответил граф. — Точно. — И снова добавил: — Извини.

— Ничего, милорд, мы переживем.

3. КОРДЕЛИЯ

Нашла его не Корделия, однако именно ей пришлось принимать решение. Аневризма, теплый полдень, целых два часа прошло с тех пор, как слуги решили: седой старик просто-напросто уснул в кресле. Последнее время он часто засыпал после обеда.

Голос Майлза сорвался:

— Вы что, все равно не могли провести криоподготовку? Не исключено, что медицина в будущем

разовьется…

— Чтобы проснуться без рассудка, без памяти? С разодранной в клочья душой? Он сам однажды сказал: никто не захочет продолжить такую жизнь.

С другой стороны, а чем лучше проснуться, обремененным всеми своими кошмарными воспоминаниями? Едва ли это меньшее зло. Поймет ли Майлз?

Прости меня, мичман Дюбауэр.

4. АЙВЕН

Похороны и национальный траур продолжались целую невыносимую неделю. Айвен наблюдал за Майлзом. Вот он поднимается на трибуну, произносит панегирик. Грегор отрядил ему в помощь своих лучших риторов, Майлз правил написанное ими. И все же Айвен затаил дыхание, когда Майлз сгреб все бумажки трясущимся кулаком и чуть было — чуть было! — не отшвырнул их, вкладывая всю душу в неподготовленную речь.

И тут его взгляд упал на детей, смущенных и сжатых в первом ряду между матерью и бабкой. Он сдержал себя, он расправил бумажки и принялся читать. Речь нового графа была что надо. Многие рыдали.

Интересно, подумал Айвен, что сказал бы прежний Майлз?

5. ГРЕГОР

Погребение в Форкосиган Сюрло прошло тихо, то было закрытое мероприятие для своих. В поместье приехало не больше сотни человек. Могилу сделали двойной, однако землю вырыли только с одной стороны. Вторая ждала, словно половина брачного ложа. Гроб несли шестеро: Айвен, Иллиан, конечно, Куделка, Дав Галени представлял Комарру, адмирал Джоул — от Сергияра. Был и еще один.

Леди Элис, благодаря которой всем присутствующим удалось сохранить рассудок, заметила, что место Грегора было среди родственников скорбящих.

— Этот человек носил меня на руках с тех пор, как мне стукнуло пять, — ответил император Барраяра. — Теперь моя очередь.

Элис отступила, и Грегор подставил плечо под носилки с гробом.

Союз капитана Форпатрила

Глава первая

На Комарре было около полуночи. Айвен уже вполне восстановился от перелета на скачковом корабле и, расслабившись после напряженного рабочего дня, собирался лечь спать, но тут заверещал дверной звонок. Выругавшись себе под нос, он нехотя направился открывать.

Увидев, кто к нему пожаловал, Айвен понял: предчувствия его не обманули.

— О Господи… Байерли Форратьер. Сгинь.

— Привет, Айвен, — ласково проговорил Байерли, никак не реагируя на столь откровенное негостеприимство. — Можно войти?

Айвену потребовалось не больше секунды, чтобы оценить, какие — мягко говоря, непростые — последствия может повлечь за собой внезапное появление Байерли.

— Нет, — лаконично ответил он. Но опоздал — Байерли уже успел просочиться внутрь.

Айвен со вздохом отпустил дверь, и та, скользнув на место, защелкнулась. Приятно, конечно, в такой дали от дома увидеть знакомое лицо — но только не Байерли Форратьера! «В следующий раз, — сказал себе Айвен, — воспользуйся за-

щитным экраном и сделай вид, будто тебя здесь нет, а?»

Байерли стремительно пробежал по квартире. Комнаты здесь были небольшие, зато обставлены по высшему разряду. Роскошное жилище с еженедельной арендной платой находилось в самом центре Солстиса — за это Айвен его и выбрал. К сожалению, отведать местной ночной жизни ему пока так и не удалось.

Задержавшись у широких стеклянных дверей на балкон, Бай включил поляризацию, и обольстительно сиявшие огни столицы померкли. «Огни купола», — мысленно поправил себя Айвен, именно так принято говорить на Комарре. Городские постройки здесь защищены чертовой уймой изоляционных материалов, не пропускающих внутрь токсичную атмосферу планеты, а наружу — пригодный для дыхания воздух. Задернув вдобавок и шторы, Байерли вернулся в комнату.

Айвена снедало любопытство. Прекрасно понимая, что потом еще не раз об этом пожалеет, он все-таки спросил:

— Какого черта тебя занесло на Комарру, Бай? Вроде не твой ареал обитания.

— Работа, — скривился Байерли.

И правда, человек, хорошо знающий Бая — а Айвен, на свою беду, знал его довольно неплохо, — мог заметить, что глаза у него покраснели не только от спиртного и, возможно, легких наркотиков, но и от усталости. Байерли культивировал аутентичный облик барраярского высшего фора — городского шута, предающегося праздности, разврату и пороку, и девяносто процентов времени он и в самом деле вел такую жизнь. Остальные десять процентов отводились работе информатора Имперской безопасности, служившей источником его тайных доходов. И девяносто процентов из этих десяти посвящались опять-таки — разврату и пороку, с той лишь разницей, что в итоге требовалось явиться с докладом. Впрочем — вынужден был признать Айвен, — оставшаяся часть личности Бая могла оказаться весьма неожиданной.

«Сдаешь своих друзей СБ за деньги», — съязвил как-то раз Айвен, на что Бай, пожав плечами, ответил: «И к вящей славе Империи. Не забывай».

Интересно, в какой ипостаси он явит себя сегодня вечером?

Привитые с ранних лет хорошие манеры включались как бы сами собой, и Айвен привычно предложил:

— Выпьешь что-нибудь? Пива, вина? Чего-нибудь покрепче? Кофе?

Бай бессильно опустился на диван в гостиной — словно шарик, из которого выпустили воздух.

— Просто воды. Пожалуйста. Мне необходимо освежить голову, а еще мне необходимо поспать.

Айвен прошел в опрятную кухоньку и наполнил стакан. Когда он протянул незваному гостю воду, Бай поинтересовался:

— А ты что делаешь в Солстисе, Айвен?

— Работаю.

Бай жестом предложил ему развить мысль.

Усевшись напротив, Айвен пояснил:

— Сопровождаю шефа, он здесь на конференции оперативников со всякими своими коллегами и подчиненными. Конференция удачно совпала с ежегодной инспекцией Комаррианского флота. Все прелести налоговой проверки, разве только в парадной форме. — И тут до Айвена с запозданием дошло, что Бай должен бы уже все это знать. Он ведь отыскал Айвена, так? А светские визиты Бая случайными не бывают.

— Все так же работаешь на адмирала Деплена?

— Да. Адъютант, секретарь, личный помощник — словом, мальчик на побегушках на все случаи жизни. Мечтаю стать для него незаменимым.

— И все так же увертываешься от продвижения по службе, а, капитан Форпатрил?

— Да. И успешно, но это не твоя заслуга.

Бай ухмыльнулся:

— Говорят, в штаб-квартире Имперской безопасности капитаны разносят кофе.

— Правду говорят. И меня это вполне устраивает. — Айвену оставалось только жалеть, что все на самом деле не так. Казалось, всего несколько месяцев назад (а ведь прошло уже больше года!) последнее обострение напряженности с извечным противником Барраяра, Цетагандийской империей, на много недель привязало Айвена к Генштабу, где он круглыми сутками — все 26,7 часа — корпел над самыми что ни на есть кошмарными вариантами стратегических планов. Разработка смерти в мельчайших подробностях. Войну удалось предотвратить методами нетрадиционной дипломатии: главным образом стараниями пронырливейшего Имперского Аудитора и — надо отдать ей должное — его жены.

На этот раз — удалось. Но кто знает, что будет в следующий…

Айвен изучал взглядом Байерли, который был старше его всего на несколько лет. У обоих — одинаковые карие глаза, темные волосы и оливковая

кожа, характерные для барраярской военной касты (или аристократии — не важно, как ни назови), практиковавшей близкородственные браки, да и для большинства барраярцев, впрочем, тоже. Бай был чуть ниже и субтильнее Айвена — высокого (шесть-футов, один дюйм), широкоплечего, находившегося в прекрасной физической форме. Да, Байерли явно не хватало Деплена, который бы его погонял, чтобы тот выглядел как офицер Имперского генштаба с пропагандистского плаката. Зато глаза у Бая — когда не косили от разврата — были той потрясающей красоты, что отличила его славный (или бесславный) клан, с которым Айвен был связан в своем родовом древе несколькими веточками. Вот одна из проблем, с которыми сталкиваются форы: ты обнаруживаешь, что связан родственными узами со всеми, с кем предпочел бы не иметь ничего общего. И ни один из них не постесняется обратиться к тебе с просьбой об одолжении.[1]

— Чего тебе надо, Байерли?

— Какая прямолинейность, Айвен! С такими манерами ты никогда не станешь дипломатом.

— Я год проработал на Земле помощником

---

[1] Примечания: 1

185 см. — *Примеч. пер.*

военного атташе в барраярском посольстве. Там дипломатии более чем хватало. К делу, Бай. Я хочу в постельку. И ты, судя по твоему виду, тоже.

Бай сделал большие глаза:

— Как, Айвен! Это приглашение? Я весь трепещу!

— В один прекрасный день, — прорычал Айвен, — я отвечу на твою старую подначку «да» — исключительно чтобы полюбоваться, как тебя хватит удар.

Бай прижал руку к сердцу и с тоской в голосе нараспев произнес:

— Так тому и быть. — Он допил воду и оставил роль соблазнителя. Неопределенно-вкрадчивое выражение, обычно присущее Байерли, исчезло. Лицо его внезапно сделалось суровым и исполненным решимости (Айвен всегда считал это тревожным сигналом). — На самом деле у меня к тебе маленькая просьба.

— Так я и думал.

— Это вполне в твоем стиле. Можно сказать, я даже оказываю тебе добрую услугу: я бы хотел, чтобы ты снял девушку.

— Нет, — ответил Айвен, отчасти чтобы послушать, что на это скажет Бай.

— Да ладно тебе, ты ж только и делаешь, что

снимаешь девиц.

— Но не по твоим рекомендациям. В чем тут подстава?

— Экий ты подозрительный, Айвен! — скривился Байерли.

— Ага.

Бай пожал плечами, сдавая позиции.

— К сожалению, у меня нет полной уверенности. И мои обязанности в отношении, как бы это сказать… э-э… чрезвычайно неприятных людей, которых я в настоящее время сопровождаю…

«…в настоящее время пасу», — без труда перевел Айвен. Люди, с которыми водил компанию Бай, по мнению Айвена, всегда бывали малоприятными. «*Чрезвычайно* неприятные» подразумевало… что?

— …Эти обязанности оставляют мне не слишком много возможностей проверить. Но у них к ней имеется необъяснимый интерес. Как я подозреваю — недружественный. Должен сказать, Айвен, меня это беспокоит. — Секунду помолчав, Бай добавил: — Уверяю тебя, она довольно хорошенькая. В этом отношении тебе беспокоиться не стоит.

Айвен уязвленно нахмурился:

— То есть ты хочешь сказать, что дурнушке я

бы помочь отказался?

Байерли, откинувшись на спинку дивана, поднял брови:

— К чести твоей, я действительно так не считаю. Однако для стороннего наблюдателя это будет выглядеть правдоподобнее. — Он вытащил из кармана маленький пластиковый снимок и протянул Айвену.

Фон был слишком размытый, толком не разберешь, но на этом фоне шагала по тротуару сногсшибательная молодая женщина. С виду — где-то от двадцати до тридцати стандартных лет, что, впрочем, ничего не говорило о ее настоящем возрасте. Темные волосы, сияющие глаза, кремовый топ оттеняет необычную смуглую кожу. Прямой нос, волевой подбородок. Либо это естественное лицо, данное ей от рождения, либо работа настоящего художника — в нем совсем не ощущалось безликости, присущей обычной пластической хирургии, стандартного штампа, биологического идеала, утратившего свою привлекательность от бесконечного тиражирования. Длинные ноги в коричневых брюках, облегающих как раз в нужных местах. Приятно полная фигура. *Приятно* полная. Если лицо у нее естественное, то, может, другие примечательные

особенности — тоже? Сопротивление Айвена стало ослабевать.

— Кто это? — поинтересовался он.

— Предположительно гражданка Комарры по имени Нанья Бриндис, недавно переехавшая в Солстис из купола Олбия.

— Предположительно?

— У меня есть основания полагать, что документы поддельные. Она появилась здесь около двух месяцев назад — вот это, похоже, правда.

— Так кто же она такая?

— Вот ты это и выяснишь.

— Если у нее серьезные причины скрываться, вряд ли она мне скажет. — Айвен колебался. — А причины действительно серьезные?

— Подозреваю, что серьезней не бывает. И еще я подозреваю, что в игре она не профессионал.

— Все это слишком расплывчато, Байерли. Позволь тебе напомнить, что мой уровень допуска выше, чем у тебя.

— Вероятно, да. — Байерли в сомнении сощурился. — Но есть еще такое мерзкое правило, кому и что положено знать.

— Я не стану совать голову в твою очередную сомнительную мясорубку… — «В очередной раз», — мысленно добавил Айвен, но вслух не

сказал. — Если не буду знать столько же, сколько ты. — «Как минимум — столько же», — уточнил он для себя.

Байерли поднял свои холеные руки, демонстрируя капитуляцию.

— Люди, которых я сопровождаю, похоже, вовлечены в запутанную контрабандистскую аферу. Скорее всего, они сами не понимают, во что ввязались.

— Локальное пространство Комарры — крупный торговый узел. Контрабандистов здесь немерено. На них никто не обращает внимания, пока транзитники не пытаются разгрузить свой товар в Империи — в таких случаях это решительно пресекает Имперская таможня. А Комаррианский торговый флот разбирается с ними самостоятельно.

— Из трех возможностей ты перечислил две.

Айвен подался вперед:

— Единственное, что остается, — это Имперский флот.

— Именно так.

— Брехня, Байерли! Будь там один лишь намек на то, что готовится нечто подобное, Служба безопасности спикировала бы на них мгновенно. И беспощадно.

— Но даже Служба безопасности должна знать, куда и когда спикировать. То, чем я занимаюсь, — это на самом деле разведка перед атакой. Не только потому, что ошибки ставят в неловкое положение — особенно если обвинения предъявляются отпрыскам форов с высокомерными и влиятельными родственниками, но и потому еще, что это предупредит об опасности реальных преступников, и те быстренько ускользнут из сетей, которые расставляли на них долго и нудно. И ты даже представить себе не можешь, насколько долго и нудно.

— М-м, — протянул Айвен. — А стоит военным стать соучастниками самого обычного, на их взгляд, гражданского преступления, они тут же делаются уязвимыми для крупного шантажа, что равносильно измене.

Бай оскалился в улыбке:

— Как приятно, что ты в курсе. Вот одно из тех твоих достоинств, которые перевешивают все недостатки.

— Было на чем попрактиковаться, — парировал Айвен и тут же встревоженно прошипел: — Необходимо проинформировать об этом Деплена.

— Деплена проинформируют, когда придет время. А пока постарайся не забывать, что ты и сам

не обладаешь никакой информацией. — Байерли сделал паузу. — Предупреждение, естественно, отменяется, если в ближайшие несколько дней мой труп всплывет в непристойной позе в какой-нибудь канаве за пределами купола.

— Полагаешь, такое возможно?

— Ставки весьма высоки. И не только деньги.

— Итак, возвращаясь к началу, как с этим связана девушка?

Байерли вздохнул:

— Она не с моей командой. Она определенно не с инопланетниками, с которыми те имеют дело, хотя не будет абсурдом предположить, что она может оказаться дезертиром. И она не та, за кого себя выдает. Мне ничего не остается, как только предоставить тебе действовать самостоятельно, — я не могу рисковать приходить сюда еще раз, да и времени на второстепенные проблемы у меня в ближайшие пару дней не будет.

Айвен медленно проговорил:

— Думаешь, ее жизнь в опасности? — Зачем бы еще Баю беспокоиться о том, чтобы озадачить второстепенного друга второстепенной проблемой? Бай не зарабатывал на жизнь благотворительностью.

На самом деле он зарабатывал на жизнь некой

непостижимой лояльностью. И где-то под шутовством, масками и прочей мишурой Бай был истинно высочайшим фором…

— Скажем так — мне было бы приятно, если бы ты держался настороже. Мне не хотелось бы объясняться с твоей леди-матушкой по поводу каких бы то ни было несчастных случаев, которые могут с тобой приключиться.

Айвен уныло кивнул, соглашаясь.

— Итак, где мне искать эту так называемую девушку?

— Я вполне уверен, что девушка она настоящая, Айвен.

— Ты думаешь? С тобой никто никогда ничего не знает. — Он холодно поглядел на Бая, и Бай имел любезность лишь слегка скривиться в знак почтения к светлой памяти своего кузена Доно née Донна. То есть — светлой памяти Донны. Граф Доно Форратьер был на политической арене Форбарр-Султана фигурой вполне живой, даже чересчур.[2]

Бай не поддался на провокацию и, если можно так выразиться, остался на боевом посту, хотя при мысли о том, как смотрелся бы Бай в любом

---

[2] Примечания: 2
Урожденный (*фр.*).

роде войск, Айвен содрогнулся.

— Она работает служащей по упаковке товара в заведении под названием «Быстрая отправка». Вот тебе еще ее домашний адрес — в телефонной книге его, между прочим, нет, так что, если не сумеешь изобрести убедительный предлог, чтобы там появиться, лучше, наверное, поймать ее на входе или на выходе с работы. Не думаю, что она часто ходит на вечеринки. Подружись с ней, Айвен. И желательно — до завтрашнего вечера. — Он потер лицо, прижав руки к глазам. — На самом деле — непременно до завтрашнего вечера.

Айвен с опаской взял контактные данные.

Бай потянулся, слегка покряхтывая, поднялся с дивана и направился к двери.

— Адье, милый друг, адье. Сладких снов, и да хранят твой покой ангелы. Быть может, то будут ангелы с облаками темных кудрей, загорелой на солнце кожей и грудью, подобной небесным подушкам.

— Заткнись.

Бай ухмыльнулся через плечо, помахал, не оборачиваясь, и смылся.

Вернувшись к родному дивану, Айвен с грохотом плюхнулся на сиденье, взял в руки пластиковый листок и с осторожностью принялся его

изучать. По крайней мере в том, что касается небесных подушек, Бай был прав. А в чем он еще прав? Айвена мучило тревожное ощущение, что очень скоро он это узнает.

* * *

Тедж чувствовала клиента с той самой секунды, как он вошел в дверь за десять минут до закрытия. Когда она месяц назад нанялась на эту работу в надежде пополнить истощившиеся средства — свои и Риш, — у нее обострилась гиперчувствительность на всех клиентов, входивших в офис. Работа, на которой целыми днями выставлен на всеобщее обозрение, — далеко не лучший вариант, она поняла это почти сразу, но с теми фальшивыми рекомендациями, что у нее имелись, выбор был весьма невелик. Босс говорил о продвижении по службе и работе в учетном отделе, а потому она, стиснув зубы, держалась. Но все оставалось на том же месте, и Тедж задавалась вопросом, не обманывает ли ее босс. Тем временем она потихоньку привыкала к обстановке, и нервы уже не были натянуты до предела — но этот клиент вызвал у нее беспокойство.

Для местного он был слишком высок. И довольно хорош собой, но такая красота далека от

совершенства пластики или генной инженерии. По-комарриански бледную кожу оттеняла темно-синяя трикотажная футболка с длинными рукавами. Поверх футболки — расстегнутая серая безрукавка с множеством карманов, синие брюки неопределенного покроя. Ботинки начищены до блеска, но все же не новые, в консервативном мужском стиле, который ей показался знакомым — только вот откуда?.. Воспоминание дразнило и ускользало. Он нес большую сумку и, несмотря на поздний час, переминался с ноги на ногу, разглядывая витрины. Вторая служащая, Дотт, занялась следующим клиентом, Тедж закончила со своим, типчик поднял глаза и, улыбаясь, шагнул к прилавку.

— Привет, — он с трудом оторвал взгляд от ее груди и посмотрел в лицо, — Нанья.

Надпись на бейджике можно было прочесть гораздо быстрее. «Так медленно читаешь, а? Ну да, мне таких достается немало». В ответную улыбку Тедж вложила минимум профессиональной любезности, положенной клиенту, который пока еще ничего дурного не сделал.

Типчик подтянул свою сумку к прилавку и извлек оттуда большую, асимметричную и на редкость уродливую керамическую вазу. Дизайн,

вероятно, предполагался абстрактный, хотя больше всего это напоминало сборище упившихся в стельку горошин цвета вырви-глаз.

— Я хотел бы упаковывать ее и отправить Майлзу Форкосигану, дом Форкосиганов, Форбарр-Султан.

«Какой купол?» — едва не спросила Тедж, но непривычный акцент насторожил ее раньше, чем она успела совершить ошибку. Этот человек — не комаррианин, а барраярец. Здесь, в тихом районе с низкой арендной платой, барраярцев видели редко. Завоеватели — даже поколение спустя после завоевания — предпочитали ходить группами, причем либо в своих анклавах, либо в центральных районах города, полностью отданных планетарному правительству и инопланетному бизнесу, либо же вблизи гражданских или военных космопортов.

— У вас есть почтовый адрес? Сканерный код?

— Нет, воспользуйтесь просто сканерным кодом для планеты и города. Когда посылка туда доберется, она его найдет.

Конечно, отправить эту… этот предмет на планету через пять п-в-туннелей выйдет ему дороже, чем стоит сам… э-э… предмет. Тедж задумалась, входит ли в ее обязанности указать на это кли-

енту.

— Обычная доставка или «премиум-сервис»? Разница в цене существенная, но, должна вам сказать, экспресс на самом деле не намного быстрее. — В конце концов все попадет на один и тот же скачковый корабль.

— А с «премиум» больше вероятности, что ее доставят в целости?

— Нет, сэр, она будет упакована точно так же. Для всего, что отправляется скачковыми кораблями, правила одни.

— Ладно, тогда пусть обычная.

— Дополнительная страховка? — поинтересовалась она с сомнением в голосе. — Базовая входит в стоимость услуги. — Она назвала сумму, и клиент согласился. Впрочем, это было куда как меньше, чем стоимость самой доставки.

— Вы сами будете ее упаковывать? Можно мне посмотреть?

Тедж бросила взгляд на висевшее над дверью цифровое табло часов. Придется чуточку задержаться после закрытия, но клиенты всегда нервничают из-за хрупких предметов. Она вздохнула и повернулась к пеногенератору. Аккуратно установила туда вазу — быстро глянув на донышко, увидела ярлык, на котором четырежды была

отмечена уценка, — закрыла дверцу и включила аппарат. Пока она это делала, барраярец стоял на цыпочках и смотрел на прилавок. Короткое шипение, пара секунд наблюдения за гипнотически мигающими огоньками индикаторов, и дверца с хлопком распахнулась, выпустив едкий запах, ударивший в ноздри и перебивший все запахи в помещении. Тедж отогнула и вытянула аккуратный блок застывшей эластичной пены. С точки зрения эстетики это было явное усовершенствование.

«Айвен Форпатрил» — прочитала она на кредитке клиента. И домашний адрес — тоже в Форбарр-Султане. «Не просто барраярец, стало быть, но еще и из этих форов, высокомерного привилегированного класса завоевателей. Даже мой отец опасался...» — Она резко оборвала эту мысль.

— Не желаете добавить записку?

— Не-а, я думаю, оно понятно и так. Видите ли, его жена — садовод. Она постоянно ищет, куда бы посадить свои ядовитые растения. — Проследив, как Тедж вкладывает блок пены в упаковочный контейнер и прикрепляет наклейку, барраярец добавил: — Я в городе совсем недавно. А вы?

— Я здесь уже некоторое время, — ответила она нейтрально.

— Неужели? Мне не помешал бы местный гид.

Дотт закрыла сканеры и выключила свет — прозрачный намек медлительному клиенту. И даже задержалась в дверях, чтобы посмотреть, удастся ли Тедж избавиться от барраярца и спокойно уйти с работы. Тедж жестом предложила ему выйти первым, и дверь за ними закрылась.

Самое древнее место обитания людей на поверхности Комарры, купол Солстис, обладало, на взгляд Тедж, весьма специфической планировкой. Первые древние строения с лабиринтами коридоров напоминали ей те космические станции, где она выросла. Новейшие секции состояли из отдельных зданий, имеющих выход на улицу, под просторными, высокими, прозрачными куполами, имитирующими открытое небо, которое местные жители надеялись увидеть воочию, когда завершится атмосферное терраформирование. Менее современные районы — такие, как этот, — представляли собой нечто среднее: сквозь их купола, созданные по далеко не столь высоким технологиям, до сих пор можно было мельком увидеть наружную сторону, где никто не рисковал появляться без респиратора. Галерея, на которую выходила «Быстрая отправка», напоминала скорее улицу, нежели коридор, — во

всяком случае, была не настолько узкой, чтобы настырному клиенту удалось задержать Тедж.

— Рабочий день закончился, а? — спросил он бесхитростно, с ребяческой улыбкой. Для ребяческих улыбок он был несколько староват.

— Да, и я иду домой. — Тедж пожалела, что не может пойти домой — по-настоящему домой. Но даже если бы она могла перенестись туда мгновенно, по волшебству, — сколько осталось сейчас от того, что она знала как дом? «Нет, не думай об этом». От напряжения болит голова, слишком мучительно, это изматывает.

— Жалко, что я не могу пойти домой, — сказал этот типчик, Форпатрил, сам не сознавая, что вторит ее мыслям. — Но я застрял здесь на какое-то время. Скажите, могу ли я предложить вам что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

— Ужин?

— Нет.

Он поднял брови и бодро спросил:

— Мороженое? По моему опыту, все женщины любят мороженое.

— Нет!

— Проводить вас домой? Или погуляем в парке? Или где-нибудь? Я думаю, у них тут найдется

напрокат лодка с веслами — в том парке, у озера, я мимо него проходил. Вполне приятное место для беседы.

— Нет, конечно! — Может, имеет смысл придумать мужа или любовника, который ждет дома? Она взяла Дотт за руку и сжала, предупреждая: — Пойдем на стоянку аэрокаров, Дотт.

Дотт бросила на нее удивленный взгляд: она прекрасно знала, что Тедж-Нанья всегда идет домой пешком, ведь ее квартира — совсем рядышком. Однако покорно повернулась и пошла. Форпатрил, не сдаваясь, следовал за ними. Он просочился вперед, слегка ухмыльнулся и сделал еще одну попытку:

— А как насчет щенка?

Дотт не смогла сдержать смех.

— А котенка?

Тедж сочла, что они уже достаточно удалились от «Быстрой отправки», чтобы соблюдать правила приличия.

— Убирайтесь! — рявкнула она. — Или я позову уличный патруль.

Барраярец поднял руки, демонстрируя капитуляцию и печально глядя, как они шагают мимо него.

— А пони?.. — воззвал он вслед, словно в по-

следнем порыве надежды.

Когда они приблизились к станции аэрокаров, Дотт оглянулась через плечо. Тедж смотрела прямо перед собой.

— По-моему, Нанья, ты сумасшедшая, — сказала Дотт, устало взбираясь вместе с ней по пешеходному пандусу. — Я бы, не раздумывая, приняла его предложение выпить. Да и любой другой пункт программы, хотя, полагаю, остановиться пришлось бы до пони. Пони в мою квартиру не поместится.

— Мне казалось, ты замужем.

— Да, но я не *слепая*.

— Дотт, клиенты пытаются снять меня не реже двух раз в неделю.

— Но обычно они не такие потрясающе симпатичные. И ростом не выше тебя.

— А что, это имеет какое-то значение? — раздраженно спросила Тедж. — Моя мама была на голову выше отца, и они превосходно ладили. — Она крепко стиснула зубы. «Теперь уже все не так».

Расставшись с Дотт на платформе, она села в аэрокар. Доехала до какого-то места минутах в десяти, вылезла и пересела в другой кар, в обратную сторону, до остановки, находившейся в ее

районе, но на другом конце — на случай, если настырный клиент все еще поджидает там, откуда она уехала, — и быстро зашагала домой.

Подходя к дому, она уже было расслабилась и тут увидела Форпатрила, болтающегося на ступенях ее подъезда.

Она замедлила шаг, словно прогуливаясь, и, сделав вид, будто до сих пор его не заметила, поднесла наручный комм к губам и произнесла пароль.

Риш откликнулась сразу:

— Тедж? Ты задерживаешься. Я уже начала беспокоиться.

— Со мной все в порядке, я у самого дома, но за мной следят.

Голос Риш сделался резким:

— Ты можешь уйти куда-нибудь и избавиться от него?

— Уже пыталась. Он каким-то образом меня обогнал.

— О!.. Паршиво.

— Особенно если учесть, что я не давала ему адреса.

Короткое молчание.

— Очень паршиво. Ты можешь задержать его на минутку, а потом сделать так, чтобы он зашел

за тобой в холл?

— Наверное, да.

— Там я о нем позабочусь. Не паникуй, лапушка.

— А я и не паникую. — Оставив канал открытым только на передачу, чтобы Риш могла следить за представлением, она прошла последние пару десятков метров и настороженно замерла у лестницы.

— Привет, Нанья! — дружелюбно помахал Форпатрил, не делая никаких резких движений, не угрожая, не пытаясь на нее наброситься.

— Как вы нашли мой дом? — спросила она — отнюдь не дружелюбно.

— Вы бы поверили в слепую удачу?

— Нет.

— Ах. Жаль. — Он поскреб подбородок в явной задумчивости. — Мы могли бы пойти куда-нибудь и поговорить об этом. Выбирайте куда, если согласны.

Она сделала вид, будто колеблется, прикидывая, сколько времени понадобится Риш, чтобы спуститься вниз. Уже почти… пора.

— Хорошо. Пойдемте ко мне.

Форпатрил вскинул брови и тут же заулыбался еще шире:

— Звучит прекрасно. Пошли!

Он поднялся и вежливо ждал, пока она выуживала из кармана пульт и отпирала подъезд. Когда герметическая дверь с шипением скользнула в сторону, он проследовал за нею в маленький холл лифтовой шахты. Напротив шахты сидела на скамеечке женщина — спрятав руки в жилетку, будто от холода, и наклонив голову, покрытую огромной узорной шалью.

Тонкая рука в перчатке взметнулась, весьма умело нацеливая парализатор.

— Берегись! — закричал Форпатрил и, к замешательству Тедж, откачнулся, пытаясь заслонить ее собой. Это было бессмысленно — он только открыл цель для Риш. Луч парализатора четко ударил ему по ногам, и он рухнул. «Как подрубленное дерево», — подумала Тедж, она знала эту поговорку, хотя никогда не видела, как падают деревья. Большинство деревьев, которые она видела до того, как поселилась на Комарре, обитали в кадках и не делали столь резких движений. Как бы то ни было, он рухнул на плитки пола, нелепо размахивая верхними ветвями и с громким «бум!» ударившись головой.

— Ооооох, — жалобно простонал барраярец.

Тихое жужжание парализатора никто услы-

шать не мог; и никто не высунулся из дверей квартиры первого этажа посмотреть, что это за грохот, показавшийся Тедж оглушительным, словно вой сирены.

— Обыщи его, — коротко бросила Риш. — Я тебя прикрою. — Она встала четко вне досягаемости длинных, но, без сомнения, онемевших рук барраярца, нацелив парализатор ему в голову. Тот лишь одурманенно взирал на происходящее.

Тедж опустилась на колени и начала прощупывать его карманы. Атлетическая внешность не была фасадом — тело под пальцами ощущалось вполне спортивным.

— А, — пробормотал он в следующую секунду. — Вы з-заодно. Эт' х-рошо…

Первое, что обнаружила Тедж, была маленькая пластиковая бумажка, засунутая в его нагрудный карман. Ее фотография. Она похолодела.

Ухватив барраярца за гладко выбритый подбородок, она посмотрела ему прямо в глаза и резко проговорила:

— Так вы правда наемный убийца?

Его зрачки, все еще неестественно расширенные от удара парализатора, задвигались не слишком синхронно. Казалось, ему необходимо обдумать этот вопрос.

— Ну… *в некотором роде*…

Предпочтя допросу сбор вещественных доказательств, Тедж извлекла бумажник (который уже видела мельком, когда он его доставал), дверной пульт, почти такой же, как у нее, и миниатюрный парализатор, спрятанный во внутреннем кармане. Больше никакого смертоносного оружия не обнаружилось.

— Дай-ка я это посмотрю, — сказала Риш, и Тедж послушно протянула ей парализатор. — Что же это за добыча такая нам досталась?

— Эй, я м-мгу на это ответить, — пробормотала их жертва, но, как только Риш снова резко взяла его на прицел, тут же предусмотрительно замолчала.

Сверху в бумажнике лежала кредитка. Под ней — тревожно официального вида пропуск, защищенный кодовой полосой, идентифицирующий его обладателя так: «капитан Айвен Кс. Форпатрил, Имперская служба безопасности Барраяра, Оперативный отдел, Форбарр-Султан». На другом пропуске упоминались такие титулы, как «адъютант адмирала Деплена, начальника оперативного отдела», с длиннющим адресом здания, представляющим собой множество буквенно-цифровых последовательностей. Имелась

также странная стопочка крошечных прямоугольников из плотной бумаги, на которых было напечатано «Лорд Айвен Ксав Форпатрил», и больше ничего. Изысканные черные рельефные буквы отчетливо ощущались под любопытными кончиками пальцев. Все это Тедж передала для осмотра Риш.

Следуя внезапному порыву, Тедж сняла с него один начищенный башмак — пленник рефлекторно дернулся — и заглянула внутрь. Башмаки *армейского образца*, ага, это объясняло их необычный стиль. 12-го размера, хотя она не могла бы внятно сформулировать, почему это так важно, разве что — размер обуви соответствует всем остальным пропорциям.

— Барраярский военный парализатор, кодированный на личный отпечаток ладони, — сообщила Риш. Она, нахмурившись, глядела на горстку удостоверений. — С виду — все вполне настоящие.

— Уверяю вас, они и есть настоящие, — искренне заверил лежавший на полу пленник. — Вот черт. Бай ни словом не обмолвился ни о каких беспощадных синелицых дамах, п'длец. Эт'… макияж?

Тедж неуверенно пробормотала:

— Полагаю, лучшие капперы и должны выглядеть настоящими. Приятно узнать, что они относятся ко мне достаточно серьезно, а то могли бы послать и дешевого неумеху.

— Каппер, — прохрипел Форпатрил (это его настоящее имя?). — Эт' в-ведь джексонианский сленг, да? Наемный убийца. Вы ож'дали уб-бийцу? Эт' многое 'бьясняет…

— Риш, — сказала Тедж, чувствуя, как внутри у нее все холодеет. — А ты не думаешь, что он действительно может оказаться барраярским офицером? Ах, нет! Если это так, что же нам тогда с ним делать?

Риш тревожно глянула на входную дверь.

— Здесь нам оставаться нельзя. В любой момент может кто-нибудь войти. Лучше забрать его наверх.

Пленник не кричал и не пытался сопротивляться, пока они вдвоем волокли его обмякшее, тяжелое тело в лифтовую шахту, вверх на три уровня и по коридору к угловой квартире. Когда его втащили внутрь, он заметил в пространство:

— Эгей, первое свидание — и я у нее в квартире! Неужто сыночек ма Форпатрил делает успехи?

— Это не свидание, дурак, — огрызнулась Тедж.

К ее раздражению, он почему-то заулыбался еще шире.

Обескураженная его теплым взглядом, Тедж с силой шмякнула пленника на пол посреди гостиной.

— Но могло бы быть таковым, — продолжил он, — …для парня с определенными вкусами. Как жаль, что я не из их числа, но, эй, я способен проявить гибкость. А вот с моим к'зеном Майлзом никогда нельзя быть до конца уверенным. Амазонки — безусловно, для него. Всегда считал, что это компенсаторика…

— Вы когда-нибудь остановитесь? — вопросила Тедж.

— Не раньше чем вы рассмеетесь, — ответил он серьезно. — Первое правило съема девочек, знаете ли, — она смеется, ты жив. — И через пару секунд добавил: — Извините, если я запустил ваш… э-э… пусковой механизм. Я на вас не нападаю.

— Да где уж тебе, — хмуро бросила Риш. Она швырнула шаль, куртку и перчатки на кушетку и снова извлекла парализатор.

Форпатрил уставился на нее, разинув рот.

Черная майка и широкие брюки не скрывали синюю, словно ляпис-лазурь, кожу с золотыми

нитями металлических прожилок, светло-русые с платиновым оттенком волосы, заостренные синие ушки, обрамляющие изящнейшую головку, — для Тедж, которая знала свою компаньонку и нечетную сестру всю жизнь, она была просто Риш, но, с тех пор как они прибыли на Комарру, имелись серьезные основания, чтобы Риш сидела в квартире и никому не показывалась на глаза.

— Эт' не макияж! Эт'... модификация тела или генетический конструкт? — спросил их пленник, все так же глядя широко раскрытыми глазами.

Тедж застыла. Барраярцы пользовались репутацией людей, имеющих не особо приятные предубеждения против генетических изменений, не важно, случайных или плановых. Возможно, это опасно.

— Пот'му что если вы сделали это сами, то это одно, но если кто-то с вами такое с'творил, эт'... просто *нехорошо*.

— Я благодарна за свое существование и довольна своей внешностью, — ответила Риш резким тоном, подчеркнув свои слова рывком парализатора. — А вот ваше невежественное высказывание совершенно неуместно.

— И к тому же весьма невежливо, — вставила Тедж, оскорбившись за Риш. Разве она не была

одной из личных Драгоценностей баронессы?

Пленник ухитрился изобразить руками жалкое подобие извиняющегося жеста — уже отходит от парализации?

— Нет-нет, мэм, вы, право же, великолепны. Просто вы застали меня врасплох.

Он казался искренним. Риш он увидеть не ожидал. Будь он каппером или даже самым обыкновенным наемником, он должен был быть осведомлен лучше, так ведь? Это — плюс его экстравагантная попытка защитить ее в холле — и плюс все остальное лишь усиливало тошнотворные опасения Тедж: похоже, она только что совершила серьезную ошибку, и последствия этой ошибки могут оказаться такими же смертельно опасными, как если бы он был настоящим каппером.

Тедж опустилась на колени, чтобы снять с него наручный комм, громоздкий и старомодный.

— Ладно, только, пожалуйста, не играйте с ним, — вздохнул барраярец. Он не сопротивлялся и выглядел вполне покорным. — Если к этой штуке пытается получить доступ чужой, она норовит расплавиться. А добиться, чтобы тебе изготовили новый, — невероятный геморрой. Думаю, это нарочно так сделано.

Риш исследовала комм.

— Тоже армейский. — Она аккуратно отложила его в сторону, на журнальный столик, рядом со всем остальным имуществом.

Сколько деталей должно указать в одну и ту же сторону, прежде чем кто-то решит, что они указывают верно? «Быть может, это зависит от того, насколько высока цена ошибки?»

— У нас еще остался суперпентотал? — спросила Тедж у Риш.

Синяя женщина покачала головой, и в ушах у нее сверкнули золотые колечки.

— Нет, после той остановки на Станции Пол.

— Я могу выйти и попытаться что-нибудь раздобыть… — Сыворотка правды для частных лиц здесь была запрещена, пользоваться ею могли только представители власти. Впрочем, Тедж нисколько не сомневалась, что на Комарре с этим дело обстоит так же, как и в любом другом месте.

— В такое время суток ты никуда не пойдешь, — заявила Риш тоном, не допускающим пререканий. Ее пристальный взгляд, устремленный на лежащего на полу мужчину, сделался более вдумчивым. — Всегда остается старая добрая пытка…

— Эй! — возразил Форпатрил, все еще с тру-

дом ворочая онемевшим от парализации языком. — Всегда остается старое доброе «вежливо поинтересоваться», вам это ни разу в голову не приходило?

— Это вызовет слишком много шума, — сказала Тедж, обращаясь к Риш и демонстративно игнорируя его реплику. — Особенно сейчас, в вечернее время. Ты же знаешь, как мы слышим стоны сера и серы Палми из соседней квартиры.

— Проходимцы какие-то, отребье бездомное, — пробормотала Риш.

Это было невежливо, но — да, Тедж тоже мешали спать любвеобильные соседи. Как бы то ни было, она не была уверена в том, что и они с Риш не считаются теперь бездомным отребьем. И проходимцами, кстати, тоже.

Но тут имелась еще одна странность. Этот человек не кричал и не звал на помощь. Каппер — даже тот, против кого обернулось его же оружие, — вряд ли дерзнул бы так блефовать только ради того, чтобы избежать вмешательства местной полиции. Форпатрил, похоже, недостатком дерзости не страдал. Или же вопреки очевидности не считал, что у него имеются причины их бояться. Непонятно.

— Надо бы его связать, пока действие парали-

затора не закончилось, — сказала Тедж, заметив, что тремор у пленника уменьшается. — Или парализовать еще раз.

Он даже не пытался сопротивляться. Тедж слегка опасалась поранить его бледную кожу, а потому, наложив вето на острый пластиковый шпагат из кухонной утвари, который откопала Риш, достала свои мягкие шарфики — хотя бы для запястий. Впрочем, она позволила Риш затянуть их потуже.

— На сегодняшний вечер оно все прекрасно, — заметил Форпатрил, внимательно наблюдая за их действиями, — особенно если вы распушите перышки — а у вас есть перышки? Но — как ни печально мне вас расстраивать — вынужден сообщить, что утром у вас возникнут проблемы. Видите ли, дома, не явись я вовремя на работу после бурно проведенной ночи, никто бы не запаниковал. Но это Комарра. Прошло уже сорок лет, и ассимиляция в Империю, как считается, проходит вполне успешно, однако начало было неудачным, этого отрицать нельзя. И здесь до сих пор имеются недовольные. Если в куполе исчезает барраярский солдат, Служба безопасности реагирует серьезно — и оперативно. А это, м-м… Думаю, вам тоже не понравится, если они

проследят меня до ваших дверей.

Вполне здравое замечание, от которого Тедж сделалось неуютно.

— Кому-нибудь известно, где вы?

— Тому, кто дал ему твои фото и адрес, — ответила вместо пленника Риш.

— А, да!.. — Тедж вздрогнула. — Так кто же *на самом деле* дал вам мою фотографию?

— М-м… один — общий знакомый? Ну, может, не такой уж и общий — кажется, он знал о вас не очень-то много. Но он, похоже, действительно считал, что вам угрожает какая-то опасность. — Форпатрил опустил взгляд — скорее иронический — на путы, привязывающие его к кухонному стулу, который для этой цели перетащили в гостиную. — И вы, как я понимаю, тоже так считаете.

Тедж уставилась на него с недоверием:

— Так вы говорите, кто-то послал *вас* ко *мне* в качестве *телохранителя?*

Ее интонация, судя по всему, оскорбила пленника.

— Почему нет?

— Если не считать того, что мы вдвоем захватили вас в плен, даже не запыхавшись? — сказала Риш.

— Вы запыхались. Когда меня сюда втаскивали.

И вообще я с девчонками не дерусь. Никогда. Ну, разве только один раз, с Делией Куделкой — мне тогда было двенадцать лет, но она первая ударила, и правда здорово больно. Наши мамы готовы были проявить милосердие, но дядя Эйрел — нет, он мне это вбил в голову раз и навсегда, до сих пор дергаюсь, как вспомню, позвольте вам сказать.

— Заткнись, — велела Риш, сама слегка подергиваясь. — Все, что он говорит, полная чушь!

— Если только он не говорит правду, — помедлив, сказала Тедж.

— Даже если он говорит правду, он все равно несет полную чушь, — отрезала Риш. — У нас ужин остывает. Пошли поедим, а потом решим, что с ним делать.

Тедж нехотя позволила утянуть себя в кухню. Бросив взгляд через плечо, она уловила в лице этого типа проблеск надежды, постепенно сменившейся разочарованием, когда она так и не повернула обратно. Ей вслед донеслось бормотание:

— Вот черт, возможно, с пони как раз следовало *начинать*…

Глава вторая

Айвен сидел в темноте и размышлял над своими достижениями. Достижения не радовали.

Не то чтобы его репутация покорителя женских сердец была незаслуженной, но основывалась она отнюдь не на удаче, а на сообразительности и жестком следовании нескольким простым правилам. Первое правило состояло в том, чтобы посещать места, где собирается много женщин в приподнятом настроении, — вечеринки, танцы, бары. Но только не свадьбы — на свадьбах им в голову приходят не совсем те мысли. Следующее — искать перспективные варианты, пока не наткнешься на ту, что улыбнется в ответ. Далее — быть забавным, даже, может, чуточку рискованным, но в рамках приличий, пока она не рассмеется. Если смех искренний, начисляются дополнительные очки. А вот уже с этой точки — продолжать *экспромтом*. Если в исходном пуле изначально имелось десять или более перспективных вариантов, соотношение попыток к попаданиям 10:1 было вполне нормальным. Элементарная статистика, как он уже не раз пытался объяснить своему кузену Майлзу.

Входя в «Быструю отправку», Айвен знал, что шансы не в его пользу — когда рыбка в пруду всего одна, необходимо точное попадание с первого раза. Ну ладно, удача могла бы ему и улыбнуться, не так уж оно беспрецедентно. Он покрутил запястьями, пытаясь вывернуться из пут, но шарфик — с виду такой мягкий и нежный — оказался неожиданно прочным. Своего рода метафора, ага.

«Моей вины тут нет, это все из-за Бая», — решил он.

Айвен — как и множество передовых отрядов — пал жертвой недостатка разведданных. Со сверхбдительными дуэньями он сталкивался и прежде, но чтобы стрелять из засады, стоило ему только перешагнуть порог, — такого еще ни разу не бывало. Неприветливая синяя женщина была… головоломкой. А головоломки Айвен не любил. Никогда толком не умел их разгадывать, даже в детстве. Нетерпеливые партнеры по играм обычно выхватывали головоломки у него из рук и заканчивали сами.

Риш была невероятно красива — скульптурное телосложение, пластичные мышцы, кожа — словно витражное стекло, играет бликами при каждом движении, — но нисколечки не привле-

кательна, по крайней мере обниматься с такой не захочется. Своего рода смесь эльфа с питоном. Она была миниатюрнее и стройнее Наньи и очень гибкая, но — как заметил Айвен, когда они его сюда волокли, — гораздо более сильная. Он также подозревал наличие генетически усиленных рефлексов и одному дьяволу известно, чего еще. Лучше всего наслаждаться ею на расстоянии в несколько метров, как произведением искусства, коим, как он предполагал, она и являлась.

Чья это работа? Такой уровень генетических манипуляций с людьми на всех трех планетах Барраярской Империи был абсолютно противозаконным. Если только с тобой это не сотворили по твоей же собственной доброй воле и на другой планете, но после этого лучше бы переселиться куда-нибудь подальше. Нанья, разумеется, не комаррианка и не барраярка, иначе бы она как-то отреагировала на известное имя и адрес того, кому он отправил кошмарную вазу. Она не просто нездешняя — она здесь живет совсем недавно.

Изящная генетическая конструкция ее компаньонки казалась почти цетагандийской по своей изысканности — но цетагандийцы просто так человеческие новинки не создают. Их эстетические рамки в этом материале весьма жесткие, если

не сказать жестокие — с людьми они работают только ради более серьезных и далеко идущих целей. Иное дело, животные — когда цетагандийцы брались за геномы животных или растений, а хуже того — за оба сразу, тут уже никакие законы не действовали. Как вспомнишь, так вздрогнешь! Цетагандийцев он был бы *рад* вычеркнуть из своего списка, будь они хоть ренегаты, хоть кто угодно. Да что там рад — просто счастлив!

Айвен обвел взглядом погруженную в полумрак гостиную. Он убеждал себя, что не сидит связанный в тесном и темном помещении. Это — *просторное* и темное помещение, да и не особо темное вообще-то, если учесть, что за окном мерцают огни города. И к тому же на четвертом этаже, высоко над землей. Он вздохнул и продолжил попытки вывернуться из пут. Ноги устали. Мерзкие пластиковые веревки, которыми ему примотали лодыжки к ножкам стула, вроде бы потихоньку растягиваются. Ему, наверное, давно уже следовало бы попытаться сбежать, но эти две дамы притащили его как раз туда, куда он и сам хотел попасть, — в квартиру, и как раз с той целью, с какой он и пришел, — поговорить. Правда, он-то имел в виду *дружескую беседу*, а не *допрос*, но как там звучит цитата, которую так

любит Майлз? «Никогда не мешай противнику совершать ошибки». Не то чтобы они непременно были противниками. Айвен надеялся, что нет. Вообще-то Бай мог бы быть и более конкретным в этом вопросе, но теперь думать об этом поздновато.

Следующим в списке подозреваемых на предмет модификации тела был Архипелаг Джексона — как планета, так и система. Почти столь же малоприятная гипотеза, которую, увы, подтверждало множество мелких намеков, случайно вырвавшихся у этих двух особ.

На Архипелаге Джексона не было объединенного планетарного правительства — на самом деле они утверждали, что никакого правительства у них нет вообще. Вместо этого всем заправляло пестрое сборище Великих домов — 116 штук, по последней имеющейся у Айвена информации (впрочем, число их постоянно менялось из-за конкуренции и междоусобицы) — и бесчисленные Малые дома. И целью их было не получить контроль над крупными территориями на планете, а подчинить себе конкурирующие компании. Благодаря этому система — или же отсутствие таковой — с малой долей вероятности могла бы сплотить джексонианцев, к примеру, ради круп-

ного военного вторжения в пространство соседей. Но человек, не принадлежащий ни к одному Дому и ни с одним Домом не связанный, оказывался на Джексоне совершенно бесправным.

Айвену нетрудно было представить себе во всех красках множество причин, по которым двум молодым женщинам пришлось бежать с Архипелага. Любой здравомыслящий человек, не связанный с властной структурой — или структурами, — счел бы за благо эмигрировать, будь у него такая возможность. Но вот что реально непонятно — это почему кто-то с Архипелага должен за ними *охотиться.* При таких межзвездных расстояниях убийство не входит в число повседневных коммерческих издержек. Если две женщины, проделав весь путь до Комарры, по-прежнему боятся преследования, значит, здесь затронуты интересы некоего лица, обладающего немалыми средствами, — причем затронуты довольно основательно.

Комната не делалась ни меньше, ни темнее. И влажность в ней не повышалась. Не менялось абсолютно ничего. Но святый Боже, этот стул — он становился все жестче и жестче. Айвен дергал плечами и елозил на сиденье, вспоминая все устрашающие предупреждения по поводу

тромбоза глубоких вен во время длительных полетов на катере, когда приходится постоянно сидеть пристегнутым к креслу. Как будто мало было паранойи, пронзающей пульсирующую болью голову. Ну, хотя бы в ногах прошло наконец щекочущее покалывание после парализации.

Итак, что же свело вместе этих двух женщин и каковы на самом деле их отношения? Синяя женщина — кто она Нанье: подруга, деловой партнер, служанка, возлюбленная, телохранитель? Или некое сочетание того и другого, а может, даже что-то еще более таинственное? Когда Айвену настоятельно потребовалось помочиться и они стали обсуждать, опасно ли будет его развязать, Риш выступила категорически против. Жалобная реплика Айвена: «Ну сколько же мне еще времени на вас не нападать, чтобы доказать, что я на вас не нападаю?» — растрогала более дружелюбную Нанью, однако на золотоглазую не произвела ни малейшего впечатления. В конце концов Нанья вышла из комнаты, а Риш подставила ему кувшин.

К тому моменту мочевой пузырь переполнился уже настолько, что Айвену было не до приличий. Даже на таком близком расстоянии странная красота Риш ничуть не уменьшилась, только теперь

ее можно было разглядеть еще лучше, во всех мельчайших деталях, — однако Айвен был слишком встревожен, и ее холодное прикосновение не вызвало у него абсолютно никакой реакции. Риш действовала умело и отстраненно, как хорошо обученный медтехник. И это, *несомненно*, было только к лучшему. Достанься эта задача ее партнерше, Айвен бы за себя не поручился.

Итак, Риш взяла черную работу на себя. Указывало ли это на что-нибудь, кроме цены победы в споре, или же Риш оберегала Нанью по праву старшей, или — что? Может, эти две женщины — беглые рабыни? Тогда они могут попросить убежища — рабство в Барраярской Империи полностью вне закона и не одобряется даже больше, чем безвкусная генинженерия на людях. Хотя, конечно, вопрос о том, где заканчиваются обычные невыгодные контракты и начинаются реальные нарушения, неизбежно вызывает громкие юридические скандалы. Если Риш — искусственно созданная рабыня, она может представлять собой достаточную ценность, чтобы за ней стали охотиться. Вот черт — что, если Нанья ее похитила? А это мысль. Такое кого угодно взбесит…

Для планеты, на которой длительность звездных суток составляет всего чуть больше девят-

надцати часов, эта ночь тянулась дьявольски долго. Айвен бросил взгляд на недоступный ему наручный комм и попытался прикинуть, сколько осталось до рассвета и до того момента, как он не явится вовремя на работу. Кредитная карта, которой он воспользовался в «Быстрой доставке», естественно, даст СБ его Последнее Известное Местонахождение. Сослуживицу Наньи допросят сразу, как только следователь туда доберется, и для идентификации Айвена, скорее всего, не потребуется даже суперпентотала. СБ — причем не армейская, а имперская, по причинам, которых Айвен своим пленителям еще не сообщил, — постучится к ним в дверь еще до того, как милые дамы закончат спор, кормить им голодного пленника завтраком или нет. Айвен представил себе, как очаровательная Нанья, с ее прекрасной фигурой, примет в споре с подругой его сторону…

И тут он услышал очень слабый скрежет, доносившийся от окна гостиной. Он затаил дыхание. Квартира на четвертом этаже, ветра в куполе не бывает по определению — а значит, по поляризованному стеклу не могут скрести раскачивающиеся на ветру ветви деревьев, даже если предположить, что с этой стороны дома растут деревья. Никаких шансов что-нибудь раз-

глядеть у Айвена не было. Он тихонько выдохнул и попытался успокоиться. Ладно, — наскреб он в себе последние крохи оптимизма, — может, СБ не стала ждать до утра?.. «И если ты в это веришь, у меня есть кузен, который продаст тебе Звездный мост в Форбарр-Султане…»

Шипение, тусклое свечение — узкий плазменный луч проделал в окне большое отверстие. Айвену показалось, что он заметил, как за окном быстро мелькнули две темные фигуры. На уровне четвертого этажа? Они должны были подняться со стороны переулка на какой-нибудь гравиплатформе. Панель из небьющегося при нормальных условиях стекла легонько подалась назад и беззвучно вышла из рамы.

Айвен всецело полагался на СБ, которая придет и заберет его отсюда, и это была еще одна причина, по которой он не особо усердствовал в бессмысленных попытках к бегству. Но не в этот час и не таким маршрутом. Похоже, Нанья в своей паранойе была не так уж и не права.

А когда до него дошло, что он все еще привязан к проклятому стулу, Айвену сделалось уже и вовсе неуютно. Даже если он умудрится героическими усилиями выдернуть из пут ноги (в процессе лишившись обуви), запястья все рав-

но останутся привязанными к подлокотникам. Максимум, что ему удастся, — это проковылять босиком, вполуприсядя навстречу противникам, которые, скорее всего, еще и вооружены. Возможно, он сумеет крутануться и нанести удар по голеням ножками стула?.. Айвен не испытывал ни малейшего желания второй раз за день угодить под парализатор, — даже если выдвинуть оптимистическое предположение, что эти типы вооружены парализаторами, а не чем-то похуже.

Откинувшись на спинку стула, он выждал, пока темные фигуры медленно просочились в дыру и выпрямились, после чего окликнул их театральным голосом:

— Если вы за теми двумя бабенками, должен сообщить, вы на пару часиков опоздали. Они уже давным-давно собрали шмотки — и тю-тю.

Из темноты донеслось приглушенное шипение, вероятно, означающее: «Какого черта?..» Мелькнул слабый двойной отблеск очков ночного видения — и к нему ошарашенно повернулись две головы.

— Вы с тем же успехом можете включить свет, — громко продолжил Айвен. — А заодно и меня развязать. — Он подпрыгнул на месте и ударил ножками стула об пол — для доходчивости.

Фигуры шагнули вперед. Одна из них подняла руку, сняла прибор ночного видения и ткнула выключатель; другая взвизгнула: «Ой!», ударила ладонями себя по глазам и поспешила стянуть с лица очки со светоусилителями. Дешевые гражданские модели, понял Айвен, вздрогнув от внезапного яркого света, — а впрочем, для подобного рода вылазки ничего более экзотического и не требовалось.

Первый злоумышленник шагнул в его сторону. Помахивая парализатором, устало отметил Айвен.

— А ты кто такой, черт тебя дери? — вопросил этот тип.

Двое мужчин. Произношение комаррианское. Рост и телосложение — тоже. (Хотя комаррианские фенотипы смешаны не столь однородно, как барраярские: пока Барраяр был полностью отрезан от п-в-туннелей, здесь веками велась межпланетная торговля и бывало множество заезжих коммерсантов.) Темная одежда, которая вполне могла бы сойти за уличную.

— Еще пару минут назад я сказал бы, что я тут абсолютно ни при чем, но теперь начинаю думать, что меня по ошибке перепутали с вами, — приветливо сообщил Айвен. — Не могли

бы вы меня развязать?

— А че это тебя к стулу примотали? — добавил другой, уставившись на него.

— Меня еще и пытали, — сочинил на ходу Айвен. «Нанья, Риш, ну просыпайтесь же!» — Ужасно. Часами.

Второй злоумышленник изучил его подозрительным взглядом:

— Не вижу никаких следов.

— Это была психологическая пытка.

— Какого рода?

— Ну, — протянул Айвен, начав с первой же мысли, которая пришла ему в голову, — они сняли с себя всю одежду, а потом…

— Да что ты с ним разговариваешь, придурок! — бросил первый. — Работенка накрылась. Обыщи квартиру, и сматываемся.

— Эй, дальше было еще лучше — разве вы не хотите узнать о кубиках льда?..

— А не прихватить ли нам его вместо этих?

Парализатор покачнулся в сомнении и замер, слишком точно нацелившись Айвену в лицо.

— Будем уходить — решим. Для начала мы его парализуем…

«А вопросы задавать будете потом? В каком-нибудь более противном месте, которое СБ будет

куда как труднее отыскать?.. Проклятие, Майлз запросто сумел бы уговорить этих головорезов, чтобы его развязали. Ага, а еще, наверное, перевербовал бы их прежде, чем веревки коснулись пола».

Палец на спусковом крючке напрягся…

Короткое и отрывистое жужжание парализатора донеслось не оттуда, где стоял комаррианин, а из теней погруженной во тьму прихожей. Два импульса, два прямых попадания в голову — самое эффективное, если есть возможность выбрать цель. И вдобавок с малого расстояния. Агрессоры повалились на пол, как мешки с цементом.

Айвен сдержал невольную дрожь.

— Вовремя вы проснулись, — радостно проговорил он, поворачивая голову.

Риш неслышно шагнула в комнату, за ней аккуратно ступала на цыпочках Нанья. Айвен с разочарованием обнаружил, что прозрачного пеньюара ни на одной из них нет. И ни одна из них, по всей видимости, не спала голой, — какая жалость. Вместо этого обе были одеты в облегающие трикотажные костюмы, вполне подходящие для занятий в спортзале. Или для того, чтобы быть готовым к любым неприятным сюрпризам, когда тебя резко будят среди ночи.

— Знаете, если что-нибудь из того, что я сказал, заставило вас подумать, будто я не поверил вам до конца — я имею в виду вашу нервозность относительно незваных гостей, — то беру свои слова обратно, — начал Айвен. Он кивком указал на две бесформенные груды, валявшиеся на полу. — Кто-то из ваших знакомых?

Риш опустилась на колени и перевернула парализованных бандитов. Вслед за ней в лица вгляделась и Нанья.

— Нет, — покачала головой Риш.

— Местное наемное мясо, — бросила с отвращением Нанья. Ее лицо внезапно сделалось еще более напряженным. — Они проследили за нами. Не только до Комарры, но и дальше, прямо досюда. Что нам теперь делать, Риш?

— Следовать плану. — Синяя женщина поднялась и устремила взгляд на валявшуюся без сознания парочку. — Для начала, полагаю, надо бы их прикончить.

— Постойте, постойте! — воскликнул Айвен, содрогнувшись от пронзившего его панического ужаса. Она действительно собиралась их прикончить, даже если и не испытывала особого восторга по этому поводу. — То есть я согласен с вашим диагнозом, это местные наемники. Им,

по всей вероятности, мало что известно. Но не думаю, чтобы они были наемными убийцами — капперами. Держу пари, это похитители. — И, пару секунд помолчав, добавил: — Неужто я прямо сейчас не получу награды за то, что вас от них спас? Я хочу сказать, поцелуй — это было бы чудесно, но практичнее будет меня развязать.

Нанья долго на него смотрела, а потом кивнула. Под неодобрительным взглядом своей синей компаньонки она опустилась на колени и развязала стягивавшие Айвена путы. Он с облегчением выдохнул и принялся растирать запястья и лодыжки. Когда он осторожно поднялся на ноги, комната всего лишь слегка покачивалась.

На самом деле ему не следует ни на чем настаивать, но кто не рискует — тот не пьет шампанское, ну и все такое прочее… Айвен склонил голову и подставил ей щеку, просто чтобы посмотреть, что будет дальше.

Колебание. Глаза ее расширились — вблизи они были чистого цвета хереса, чуть светлее, чем кожа, потрясающе обрамленные длинными темными ресницами. К его нескрываемому восхищению, она вытянула шею и скромно поцеловала его в щеку.

— Ну вот, видите? — ободряюще сказал он. — Не

так уж это и трудно. — Место поцелуя приятно покалывало.

Риш, стоя на коленях, обыскивала карманы налетчиков. Айвен мимоходом ткнул одного из них носком ботинка, затем выглянул в большое прямоугольное отверстие в окне, через которое теперь тянуло легким сквозняком. Чуть ниже окна парила антигравитационная платформа из тех, какими пользуются техники для ремонта фасадов высотных строений. На ней стоял большой пластиковый контейнер — стандартная тара для вывоза грязного белья в отелях и больницах. Пустой. В котором — как прикинул Айвен — вполне могли бы уместиться две парализованные женщины, если их туда плотненько уложить. Ага, классика. Но предмет — дешевый и самый обыкновенный, на него никто не посмотрит дважды, если только он не окажется где-нибудь в очень неподходящем месте.

Айвен, отступив от окна, обернулся к женщинам:

— Да, похищение. Не убийство. Разве что они собирались сперва вас прикончить, а потом аккуратненько увезти тела. Какой из двух вариантов, как вы думаете?

Нанья стояла, обхватив себя руками, словно

от холода.

— Я думаю, возможен как первый, так и второй. Смотря как…

— И никаких догадок, кто мог бы наслать на вас этих бюджетных ниндзя в предрассветной тьме? Нет, глупый вопрос, отставить. Не хотели бы вы поделиться со мной, кто это мог быть, и так далее?

Она покачала головой. Облака локонов всколыхнулись, выражая отчаяние.

— Ни удостоверений личности, ни денег, вообще ничего, — сообщила Риш, поднявшись на ноги. — Только парализаторы, перчатки и какие-то ниточки в карманах.

Айвен впервые заметил, что на руках у налетчиков действительно были тонкие прозрачные перчатки. Дешевые, стандартные — миллионы людей на всей планете пользуются такими перчатками, чтобы защитить руки при грязной работе. Ничего уникального, ничего, что можно проследить, — и это в полной мере относится ко всему их оборудованию. В чем причина? Низкая стоимость аренды — или же они на самом деле умнее, чем кажутся?

— А знаете, у этих головорезов может быть что-то вроде группы поддержки, которая поджидает

снаружи, — предположил Айвен.

— У нас имеются запасные пути отступления. По крышам, — сказала Нанья.

— Вы в этом когда-нибудь практиковались?

— Да, — кивнула Риш, одарив его хмурым взглядом, который ровно ничего не значил, поскольку она на него постоянно хмурилась. — Тедж, иди паковать вещи.

«Тедж». Ну да, Айвен знал, что Нанья — вымышленное имя. Но раньше синяя женщина подобных оговорок при нем не допускала. Начинает доверять или просто взволнована?

— Вы знаете, куда пойдете? То есть вам есть куда идти? — спросил Айвен.

— Не твое дело, — бросила Риш, а Нанья-Тедж поинтересовалась:

— А почему вы спрашиваете?

На последнюю реплику Айвен ответил мгновенно:

— Я подумал, что вам было бы неплохо отсидеться пару дней у меня в квартире. Оценить сложившуюся ситуацию и спокойно, без паники, составить планы. Я могу почти ручаться, что меня с вами до сих пор не связывало ничего, что помогло бы вашим врагам выследить вас. Наверное, это убежище не хуже любого другого,

которое вы могли бы найти в срочном порядке. И оно бесплатное.

После недолгого колебания Нанья кивнула.

Риш вздохнула.

— Так как с этими? — спросила она, кивком указав на бесчувственные тела. — Самое безопасное — это их прикончить…

Айвену по-прежнему было трудно понять, какая из женщин тут главная. Но вопрос с наемниками действительно был непростой. Самым очевидным решением было бы вызвать комарриансскую СБ, чтобы те прислали профессиональную команду и взяли все под контроль. Это напомнило Айвену о том, что надо бы вернуть себе свои вещи — он забрал со стола бумажник, парализатор и наручный комм. Никто не возразил. Дело в том, что…

И тут Айвен — с большим запозданием — внезапно задался вопросом: что же заставило Байерли отправить на защиту этих женщин кабинетного офицера Генштаба, а не обученного телохранителя СБ, например, или даже целую группу, со всеми их хай-тековскими примочками. Затруднительное положение, как он сказал… Дурацкие шуточки Бая в качестве рабочей гипотезы не исключались тоже, но… только вот — насколь-

ко деликатным было то расследование, которое ведет Бай? Либо у него просто не оказалось ни защищенных каналов связи, ни контактов с помощниками, либо же имелись какие-то другие зловещие причины. Из намеков Бая можно было предположить, что у его нынешних мерзеньких партнеров по игре высокие связи в военных кругах — насколько высокие? И в каких подразделениях? Мог ли Бай напасть на след какой-то коррупции внутри самой комаррианской СБ?

Черт подери, цель инструктажа — сообщить всю информацию, необходимую для четкого выполнения задания. А не устраивать из этого проклятущий тест на IQ. Или хуже того — кроссворд. Айвен аж зашипел от нарастающего ощущения безысходности. Когда он в следующий раз увидит Бая, непременно придушит это ушлое форратьерское отродье.

То самое ушлое форратьерское отродье, которое — как Айвен имел основания полагать — иногда, правда очень редко, отчитывалось непосредственно императору Грегору и от него же получало указания…

— Не убивайте их, — отрывисто проговорил Айвен. — Собирайтесь как можно быстрее — уходим по вашему запасному варианту, а потом едем в

мою берлогу. Но на выходе я позвоню в службу безопасности купола и сообщу, что был свидетелем взлома — с улицы, снизу. Оставьте им дверь открытой и ничего тут не трогайте. Здесь такие веселые дела, что могу дать гарантию — они этих головорезов арестуют, а может, еще и продержат бог весть сколько «до выяснения». Когда явятся местные патрульные, любая группа поддержки смоется мгновенно, если еще не смылась до сих пор. Это вас устроит?

Риш медленно кивнула. Нанья-Тедж уже была на пути к спальне.

Айвен уступил искушению — он считал, что искушениям лучше не противиться, — и заглянул вслед за ней в комнату. В квартире была всего одна спальня — и что любопытно, без окон. Две кровати, обе в беспорядке, хм. Что бы это значило?..

Обе они собрались почти мгновенно — Айвен даже не думал, что такое возможно, — и упаковали все необходимое всего-навсего в три сумки. У них это наверняка было уже отработано. Айвен смотал веревки и шарфы, распихал их по карманам безрукавки и вернул кухонный стул на законное место у обеденного стола. Все его отпечатки пальцев, выпавшие волоски и отсло-

ившиеся клетки кожи пришлось предоставить их собственной судьбе — тут уже ничего не поделаешь. А может, из этого выйдет забавный эксперимент: насколько дотошно местная СБ проводит осмотр места преступления.

* * *

У Тедж от волнения пересохло в горле. Она нервно выхаживала вдоль края крыши, пока барраярец говорил по своему наручному комму, весьма убедительно имитируя манеру речи пьяного.

— …Да, вам бы надо на это взглянуть, я внизу, на улице, прям щас на это смотрю. Не, без дураков, эти два парня, они на такой штуке… ну, типа антиграва для мойки окон… так вот, они с нее лезут прямо в окно на четвертом этаже. Не понимаю, как они моют окна в темноте, а вы? О боже мой. Я только что услышал женский крик!.. — Форпатрил едва заметно улыбнулся и оборвал соединение со службой безопасности Солстиса.

Купол Солстис никогда не спит. Городские огни давали достаточно света для выполнения следующей задачи, пусть даже все цвета сводились сейчас к оттенкам сепии и серого, местами переходящим в черный.

— Ты первая, Тедж, — сказала Риш. — Осторожно. Я тебе брошу сумки.

Тедж отступила на несколько шагов, чтобы взять разбег, и совершила длинный, захватывающий дух прыжок на соседнее здание. Четырехэтажное. Она легко миновала бортик и повернулась, чтобы поймать сумки — раз, два, три. Риш последовала за подругой, ее широкие одежды взметнулись, когда она выполнила в воздухе кульбит и четко приземлилась в полуметре от Тедж, застыв с прямой спиной, словно гимнастка, спрыгнувшая со снаряда.

Форпатрил уныло уставился в провал между домами, затем отступил подальше, разбежался — и прыгнул изо всех сил. Тедж поймала его за плечи, когда он споткнулся и чуть было не упал при приземлении.

— Уф, — прохрипел он. — Я думал, будет хуже. Преимущество низкой гравитации, спасибо, планета Комарра. Это почти искупает твои мизерные сутки. На Барраяре вам бы такое не удалось.

«В самом деле?» Тедж хотела побольше его расспросить, но не осмелилась. Да и времени не было. Риш уже вела их дальше. Когда они сделали второй прыжок, сигнальные огни патрульных аэросаней уже мигали где-то вдалеке, быстро

приближаясь к цели.

Перед следующим переулком в полдесятка метров шириной Форпатрил приостановился.

— Ну уж это-то мы перепрыгивать не будем, а?

— Нет, — сказала Тедж. — Здесь есть пожарная лестница. А внизу всего один квартал до ближайшей остановки аэрокаров.

К тому времени, когда они, распределив сумки, миновали квартал, осмотрительно стараясь идти прогулочным шагом, все трое уже снова успели отдышаться. Несколько сонных ранних (или поздних) попутчиков, выхаживающих по платформе, вряд ли обратили на них внимание. Риш завернулась в свою шаль, чтобы лучше прикрыть лицо, а Форпатрил тем временем выбрал четырехместную машину, оплатив тариф «премиум» за исключительное использование и экспресс-маршрут. Он вежливо занял кресло против движения, набрал место назначения, опустил и защелкнул прозрачный колпак. Автомобиль въехал в нужную трубу и начал плавно, с шипением набирать скорость.

Когда аэрокар въехал на длинную арку между двумя главными секциями купола, Тедж увидела, что ночь уже сменяется рассветом. Мерцающая красная линия протянулась вдоль горизонта за

пределами разрастающейся аркологии. Пока она смотрела, верхние этажи самых высоких башен словно охватило пламенем, восточные окна вспыхивали отраженными огненно-рыжими бликами, подножия башен пока оставались в тени. Причудливо разбросанные повсюду высокие купола соседствовали с более низкими секциями, а между ними сверкали золотом арки.

Тедж смотрела, не отрываясь, прижав ладони к стеклянному колпаку. Ни разу еще она не видела практически весь Солстис так, как сейчас, — словно на плане. За все время на этой планете Тедж покидала их убежище, только чтобы быстро дойти до работы или сбегать за едой, а Риш вообще не решалась выглянуть из дома. Возможно, им стоило бы выходить почаще. Ведь в итоге выяснилось, что сидение взаперти давало лишь иллюзию безопасности.

— А это что за купола?

Форпатрил подавил зевок и проследил за ее взглядом.

— Ха. Межпланетная война как средство модернизации городов, я бы сказал. Это — секции, разрушенные во время сражений с барраярскими захватчиками или позже, во время Комарриан-ского восстания. В конце концов это прокладыва-

ет пути к обновлению — потом там строят новые здания. — Он посмотрел на нее с добродушной усмешкой: — Настоящая комаррианка, разумеется, это знала бы. Даже если она не из Солстиса.

Тедж стиснула зубы и, покраснев, откинулась на спинку кресла.

— Это действительно настолько бросается в глаза?

— Сначала — нет, — уверил он ее. — До тех пор, конечно, пока не познакомишься с Риш.

Риш подняла руку в перчатке и опустила шаль пониже, закрывая лицо.

Несколько минут, несколько километров — и вот они уже в деловом и правительственном центре купола, в районе, где Тедж до сих пор не осмеливалась появляться. На платформе, где они высадились, с каждой секундой становилось все оживленнее, и Риш низко опустила голову. Они пересекли улицу, прошли меньше чем полквартала и остановились у нового высотного здания. Форпатрил нажал на пульт и открыл дверь. Холл здесь был больше, чем квартира Тедж, весь выложен мрамором и украшен самыми настоящими живыми растениями в горшках. Лифтовая шахта, казалось, несет их наверх целую вечность.

Наконец они вышли в тихий, устланный мяг-

кой ковровой дорожкой коридор, прошли его до конца и — миновав очередную дверь с кодовым замком — вступили еще в один холл или прихожую, а потом в гостиную с большим балконом, откуда открывалась панорама лежащего внизу города. Дизайн здесь был спокойным, умиротворяющим и технологически строгим, если не считать нескольких личных вещей, валявшихся в беспорядке тут и там.

— О нет, время! — вскричал Форпатрил, как только они вошли. — В ванную я без очереди, прошу прощения. — И помчался туда, оставляя за собой дорожку из одежды: куртка, рубашка, обувь, пинком отброшенная в сторону. Уже расстегивая брюки, он бросил через плечо: — Чувствуйте себя как дома, я через минутку. О боже, я должен быть…

И за ним закрылась дверь спальни.

Тедж и Риш так и остались стоять, недоуменно взирая друг на дружку. Резкая остановка казалась даже более дезориентирующей, чем предшествующее паническое бегство.

Тедж обошла квартиру, осмотрела шикарную кухоньку: вся — черный мрамор и нержавеющая сталь. Холодильник хоть и выглядел многообещающе, но все, что в нем было, — это четыре

бутылки пива, три бутылки вина (одна открытая) и с полдесятка каких-то плиток, судя по неприглядным оберткам — армейский рацион. На посудном шкафчике в полном одиночестве красовалась открытая коробка с надписью «Быстро-Каша». Не успела Тедж изучить инструкцию на обороте, как дверь спальни скользнула в сторону, и оттуда вылетел Форпатрил: полностью одетый, с влажными после душа волосами, свежевыбритый и аккуратно причесанный. Он задержался на секунду, чтобы засунуть ноги в ботинки, которые сбросил пару минут назад.

Обе они, и Тедж, и — как ни странно, Риш, удивленно заморгали. Темно-зеленый мундир барраярского офицера, несомненно, подчеркивает все достоинства фигуры, а то нет? Плечи Айвена словно бы сделались шире, ноги — длиннее, а выражение лица… загадочнее.

— Я должен бежать, иначе опоздаю на работу, под страхом сарказма, — сообщил он Тедж, проскакивая мимо нее, чтобы схватить плитку рациона, которую зажал в зубах и продолжил застегивать китель. Потом на минутку засунул рацион в карман брюк и поймал Тедж за руки.

— Угощайтесь всем, что сумеете найти. Вечером я принесу еще, обещаю. Никуда не выходите.

Никому не звоните и не отвечайте ни на какие звонки. Заприте двери, никого не впускайте. Если заявится этот крысеныш по имени Байерли Форратьер, скажите ему, чтобы заглянул попозже, я с ним намерен кое-что обсудить. — Он устремил на Тедж умоляющий взгляд: — Вы не пленница. Но останьтесь здесь до моего прихода, ну пожалуйста, а?

Тедж едва заметно кивнула.

Айвен заметно повеселел, ведь времени на уговоры не оставалось совсем. Он чопорно коснулся губами тыльной стороны ее ладони — одной, затем другой (смысл этого барраярского этнического жеста был ей абсолютно непонятен), усмехнулся и убежал. Внешняя дверь вздохнула и закрылась во внезапно наступившей тишине, так, словно вместе с Форпатрилом из квартиры выдуло весь воздух.

После мгновенного оцепенения Тедж взяла себя в руки, подошла к балконной двери и сдвинула ее в сторону. Судя по углу падения лучей, отсюда можно будет насладиться потрясающим видом на знаменитый гигантский солнечный отражатель — ключ к успешному терраформированию Комарры, — когда он чуть позже проследует за солнцем по небосводу. Тедж ни разу не удалось

увидеть его из окна своей квартиры.

Теперь, оглядываясь назад, она понимала, что слишком долго, слишком болезненно сжималась от страха, забившись в тень. Все планы, которые она когда-то для себя строила, пошли прахом, прежняя жизнь осталась далеко позади, в залитых кровью руинах. Утраченная безвозвратно.

«Пути назад нет».

Быть может, пришло время глубоко вздохнуть и начать строить какие-то новые планы. Свои, и только свои.

Она рискнула приблизиться к перилам и посмотрела вниз с головокружительной высоты двадцати этажей. Далеко внизу фигурка в зеленом мундире торопливо вышла из здания, повернулась и зашагала прочь.

Глава третья

Оставшись одни, Тедж и Риш первым делом быстренько разведали пути отступления. Дверь в роскошной квартире была только одна, зато в коридоре с обоих концов имелись лифтовые шахты и пожарные лестницы. Тедж предложила еще и балкон, но, чтобы сбежать через него и остаться при этом в живых, потребуется либо антиграв, либо альпинистское устройство для скоростного спуска — ни того ни другого у них сейчас не было. Затем они обследовали квартиру на предмет всякого рода «жучков» и прочих сюрпризов; либо ничего такого там не было, либо же оно было слишком хорошо спрятано. Замок на внешней двери вроде бы отличного качества — Риш это обнадежило, — но ведь решительно настроенного вооруженного налетчика никакая дверь не остановит.

Риш отыскала спрятанную в кухоньке мини-прачечную и взялась за стирку всей грязной одежды, которую обе они в спешке прихватили с собой, — возможно, она надеялась, что следующий побег, каким бы он ни оказался, будет спланирован лучше. Тедж обнаружила у этого

странного барраярца сибаритскую ванную комнату и решила как следует отмокнуть в ванне, чтобы избавиться от гнетущего чувства усталости.

Во влажном воздухе еще сохранился его аромат, на удивление приятный, состоящий из смеси различных запахов — казалось, его иммунная система подает ей сигнал: «Давай объединимся и создадим новые дивные антитела». Улыбнувшись этому дурацкому образу, она легла в просторную ванну, наполненную горячей водой, и стала откровенно наслаждаться этим невольным флиртом, сместившимся в древний эволюционный танец, — тем лучше, что Форпатрил никогда не узнает, каким она его видит. И почти тут же она осознала: это первый спонтанный всплеск чувственности за все те месяцы полной опустошенности, что прошли с момента страшного падения ее Дома. И этого осознания — вместе с воспоминаниями, которые оно за собой повлекло, — оказалось достаточно, чтобы снова все разрушить, но те несколько минут ей было хорошо.

Тедж размешала воду пальцами ног. С тех пор как они затаились на Комарре, ужас и горе медленно отступали в прошлое, превращаясь

в воспоминания, но минувшая ночь снова все оживила. И вот — новое убежище. Может ли она чувствовать себя здесь в безопасности? Нет, в этом нет никакой логики. Кто такой Айвен Форпатрил, как он ее обнаружил и — главное — зачем?

Тедж слегка покачивалась в воде, спутавшиеся пряди падали ей на лицо рыбачьей сетью, и она вновь и вновь вдыхала улетучивающийся аромат Форпатрила, так, словно в нем таилась какая-то подсказка.

Вода не остывала — в ванне был нагреватель, — но, когда кожа на руках и ногах сморщилась, Тедж поднялась из ласковой колыбели и вытерлась. Одевшись, она обнаружила, что Риш отыскала домашний комм-пульт, не защищенный паролем, и теперь занята поиском каких-нибудь сообщений службы безопасности купола по поводу их ночных визитеров.

— Нашла что-нибудь?

Риш пожала своими изящными плечиками:

— Не много. Только время вызова и наш адрес. «Отреагировав на сообщение свидетеля о возможном взломе, полицейские выехали на место и арестовали двух мужчин, имевших при себе инструменты взломщиков. Подозреваемые

задержаны до завершения расследования». Судя по всему, непохоже, чтобы кто-то уже попытался перекупить ордер на арест.

— Не думаю, что здесь это принято, — с сомнением проговорила Тедж.

Риш пробежала взглядом файл.

— «Семейная ссора… сообщение о вандализме на остановке аэрокаров… группа несовершеннолетних предприняла попытку мошенничества с кредитными картами…» О, смотри-ка. «Пресечено избиение группой лиц мужчины, пойманного завсегдатаями бара при хищении общественных аварийных респираторов. Подозреваемый арестован, посетителям бара выражается благодарность». Кажется, я догадываюсь, почему никто не захотел заплатить за тот ордер на арест. Полиция Солстиса этой ночью была слишком занята, но на самом деле все местные преступления кажутся очень скучными.

— По-моему, это успокаивает. А вообще, если хочешь, ванная свободна. По сравнению с тем кошмарным ультразвуковым душем, который у нас был последнее время, это просто роскошь. Очень рекомендую.

— Пожалуй, что хочу. — Риш встала и потянулась, обводя взглядом комнату. — Шикарное

место. Стоило бы задуматься, как он может себе такое позволить на жалованье барраярского офицера. Мне почему-то не кажется, что этим ребятам платят лишнее. А проворачивать делишки на стороне им нельзя — командование запрещает. — Она фыркнула: какая пустая растрата человеческих ресурсов!

— Не думаю, что это его настоящий дом, он ведь живет на Барраяре. Здесь он только по каким-то рабочим делам. Приехал совсем недавно, судя по содержимому кухонных шкафов и холодильника — или, может, он просто сам не готовит? — Тедж кивнула на комм-пульт: — Интересно, много ли удастся о нем узнать, если просто задать поиск?

Риш вскинула свои золотистые брови:

— Уверена, что эта отсталая Империя не позволяет выкладывать свои военные тайны в коммерческую сеть захваченной ими планеты.

На системе Архипелага Джексона информация повсюду находилась под жестким контролем — ведь она могла дать деньги и власть, могла обеспечить безопасность, а порой и самой малости бывает достаточно, чтобы удачная сделка провалилась. Существовала и другая крайность. Любимые учителя Тедж времен ее детства (трио бетанцев, которых родители пригласили с огром-

ным трудом и за огромные деньги) описывали бетанскую планетарную информационную сеть — умопомрачительно — если не хуже того — самоубийственно открытую. При этом Колония Бета оставалась, как известно, одной из самых развитых во всей галактике планет в области науки и инноваций — почему, собственно, оттуда и приглашали учителей. Из всех преподавателей, которые ее мучили, бетанцы были единственными, чей отъезд она оплакивала: они слишком тосковали по дому и отказались возобновить контракты на следующий год… Так вот, возвращаясь к контролю над информацией, — большая часть других государств на планетах или системах располагалась где-то между этими двумя крайностями.

— По-моему, мы слишком долго думаем, — сказала Тедж. — Надо начинать не с его тайн, а с того, что и так всем известно.

«Всем, кроме нас», — подумала она.

Риш поджала губы, кивнула и отступила в сторону.

— Валяй. Крикни мне, если найдешь что полезное.

Тедж устроилась за комм-пультом. У Риш, сидевшей безвылазно в их убежище, было гораздо

больше времени изучить все хитрости, как заставить эту сеть выплюнуть данные. Вопрос в том, насколько распространенной может оказаться эта странная фамилия — Форпатрил?

Она склонилась над пультом и вошла в сеть.

Первой над пластиной головида появилась комаррианская база данных с многообещающим названием «Форы Барраяра». Все в алфавитном порядке, начиная с буквы «Ф» и ею же заканчивая. «Ой!» Форпатрилов, разбросанных по трем планетам Барраярской Империи, похоже, было несколько сотен. Тедж попробовала нажать «упорядочить по уменьшению значимости».

Этот список возглавил некий граф Фалько Форпатрил. Барраярские графы были главами своих кланов, и каждый управлял крупным территориальным округом на Северном Континенте планеты. Своего рода эквиваленты баронов джексонианских Великих домов — предположила Тедж, — за исключением того, что они получали свой статус просто по праву наследования, и им не приходилось ради этого трудиться и плести интриги. Система показалась ей неудачной — никаких гарантий, что вершины достигнут только самые сильные и самые умные. «Или самые коварные», — напомнила она себе, поежившись. У

графа Фалько, седого, с грубовато-добродушным лицом, сына по имени Айвен не было. «Так, идем дальше».

Дальше следовали несколько высокопоставленных военных и какие-то правительственные чиновники имперского и провинциального уровня с самыми разными, непонятными и архаично звучащими титулами. Имелся и адмирал — Юджин Форпатрил, но у него сына по имени Айвен тоже не было.

Она с запозданием вспомнила о маленьких бумажных карточках из кармана Форпатрила. Айвенов Форпатрилов в списке было несколько, включая школьного администратора на Зергияре и торговца винами на Южном Континенте, но Айвен Ксав — всего один.

Статья была короткая — полэкрана, но в ней имелась фотография, подтверждавшая: это он. На фото он был в таком же офицерском мундире, только моложе, — впрочем, это наводило на мысль, что с возрастом он лишь похорошел. Тедж не могла понять, как на таком строгом официальном снимке можно выглядеть столь безответственным. Из даты рождения следовало, что сейчас ему тридцать четыре стандартных года. В статье упоминались его отец, лорд Падма

Ксав Форпатрил, ныне покойный, и мать, леди Элис Форпатрил, здравствующая по сей день.

Взгляд Тедж задержался — и застыл на одной строчке. Дата смерти его отца совпадала с датой его рождения. «Странно». Итак, ее Айвен Ксав — наполовину сирота, и уже очень-очень давно. Это казалось… почти не больно. Невозможно тосковать, неистово и непрестанно, по человеку, которого ни разу в жизни не видел.

Она вдруг вспомнила эту его кошмарную вазу. А кстати, кому он ее отправлял? Она прикусила губу, склонилась над комм-пультом и очень тщательно, по буковке, ввела нелепую фамилию. Пока она как следует не сосредоточилась, все эти форские фамилии так и норовили превратиться у нее в мозгу в какую-то невразумительную Форбракадабру.

Ух ты! Повезло.

Очень редкая фамилия, Форкосиган; всего порядка десяти ныне здравствующих взрослых мужчин. Но тем не менее эту фамилию она должна была бы знать. Когда она нажала «упорядочить по уменьшению значимости», выяснилось, что граф этого клана — второй во всем списке форов, сразу после императора Грегора Форбарры. Граф, адмирал, регент, премьер-министр, ви-

це-король… Статья про Эйрела Форкосигана все прокручивалась и прокручивалась на экране — и похоже, размер ее составлял несколько метров плотно набранного текста. В числе неофициальных титулов были прозвища «Мясник Комарры» и «Пес Грегора». У Эйрела Форкосигана был сын по имени Майлз примерно того же возраста, что и ее Айвен Ксав. Статья про Фор-Майлза тоже была намного длиннее, чем про капитана Форпатрила, хоть и существенно короче, чем о его родителе.

В отличие от большинства джексонианцев Тедж более или менее знала историю этого участка системы п-в-туннелей. Но она никогда не предполагала, что в один прекрасный день здесь окажется, не говоря уж о том, что застрянет на долгие месяцы, — поэтому, изучая историю, в подробности особо не вникала. Первоначальный план ее эвакуации предусматривал прямой транзит через Барраярскую Империю, даже без приземления на Комарре или Зергияре — достаточно было лишь делать пересадки на орбитальных или скачковых станциях, чтобы добраться до конечного пункта, Эскобара. И даже — когда эта цель начала казаться опасной — до Колонии Бета, где все счастливы. На Риш там бы даже и внимания не обратили. Ну, ладно, навер-

ное, обратили бы — она ведь создана для того, чтобы привлекать внимание, — но никто бы ее не преследовал. Как бы то ни было, суть в том, что остановка на Комарре не предусматривалась ни в одном из разработанных заранее маршрутов.

В галактике есть множество странных миров, в ней хватает и реликтов, и плодов дерзких человеческих авантюр, но история колонизации Барраяра принадлежит к числу самых странных и удивительных. Начало ее восходит к давним временам — к XXII веку нашей эры, когда только-только была открыта возможность путешествий через п-в-туннели, и человеческая диаспора устремилась прочь со Старой Земли. Благодаря пригодной для дыхания атмосфере планета выглядела удачной находкой, и в период первых попыток заселения привлекла около пятидесяти тысяч будущих колонистов. Довольно скоро связь с ними была полностью утрачена: единственный ведущий туда п-в-туннель оказался нестабильным и коллапсировал с катастрофическими последствиями. Без вести пропавшие, они считались погибшими, и за последующие шесть столетий о них уже совсем, считай, забыли…

До тех пор, пока немногим более ста лет назад не разведали новый скачковый маршрут от

Комарры — к величайшему прискорбию оной. Исследователи обнаружили процветающий, но отсталый мир. Потом было двадцатилетие цетагандийской оккупации (цетагандийцы атаковали Барраяр при поддержке Комарры). Цивилизовать дикую планету цетагандийцам не удалось, зато в ее милитаризации они преуспели вполне.

Барраярцы покончили с Оккупацией, хотя победа и досталась дорогой ценой. Следующее поколение вырвалось из тупика и, в свою очередь, захватило Комарру — видимо, для того чтобы пресечь в дальнейшем любые попытки соседей по галактике их цивилизовать. Успех с Комаррой привел к опрометчивой авантюре: барраярцы попытались точно так же завоевать расположенный чуть подальше от них Эскобар. Эта операция с треском провалилась, встретив мощное сопротивление эскобарцев, которых поддержали все соседи, включая высокоразвитую Колонию Бета; в числе потерь среди высшего командования оказался и сам наследный принц.

У джексонианских студентов, изучающих самые великие Сделки в истории, вызывало благоговейный ужас и глубочайшее уважение то, как коварному императору Эзару удалось при

обсуждении мирного договора удержать только что открытую планету Зергияр (которую он еще успел перед смертью надежно присоединить к Империи) и оставить свой трон пятилетнему внуку. После этого Империя окончательно угомонилась, и теперь ее в большей степени заботило укрепление уже имеющихся границ, нежели расширение оных за счет новых территорий, которые она будет не в состоянии оборонять. Но в общем и целом барраярцы по-прежнему оставались неудобными соседями. Джексонианцев более чем устраивало, что Барраяр не связан с ними прямым п-в-тоннелем: — чтобы туда попасть, приходилось пользоваться сложным маршрутом через открытую систему Ступицы Хеджена и независимое планетарное государство Пол.

Весь этот маршрут — плюс две из трех систем Барраярской Империи — надо было преодолеть, чтобы оказаться в безопасности на Эскобаре или еще дальше, на Колонии Бета. Увы.

Тедж вернулась к статье про Айвена Ксава. На самом деле там было не намного больше того, что открывало содержимое его карманов, зато — подумала она — это служит еще одним подтверждением. Он был тем, кем и казался: средний офицер из форов, со средней должностью и в

среднем звании. Сплошь и рядом — средний.

«Так почему же он меня искал?» — на этот вопрос ответа Тедж пока не нашла.

Но прежде чем она приступила к дальнейшим исследованиям, из ванной появилась освежившаяся Риш и предложила им вместе поесть. За неимением лучшего на этот импровизированный поздний завтрак каждой досталось по полплитки армейского рациона (противной, но зато питательной) и по полбутылки вина. Вино оказалось на удивление хорошим, хотя Тедж подозревала, что к основному блюду больше бы подошло пиво. А после завтрака она почувствовала, что полностью выдохлась, и задремала на диване. Хоть она и прожила на Комарре уже несколько месяцев, организм так и не приспособился к местным коротким суткам. Тедж еще ни разу не спала нормально с тех пор, как они сюда прилетели.

«И до того как прилетели, тоже…»

* * *

Айвен опоздал всего на несколько минут, и вину за это мог с чистой совестью возложить на утренние пробки в трубе, соединяющей центр купола с военным космопортом, — хорошо еще, что

они застряли не в подземном туннеле, действовавшем Айвену на нервы, а в верхней секции, с которой открывался чудесный вид. Команде Барраярского генштаба на Комарре приходилось работать в нескольких местах: на самой планете близ космопорта и на орбитальных и скачковых станциях — это было не слишком удобно, но сегодня у адмирала и его верного помощника никаких визитов на орбиту не планировалось.

Деплен — худощавый, спокойный кадровый военный лет под шестьдесят — окинул слегка окосевшего, но опрятного Айвена ироническим взглядом:

— Что, Форпатрил, перебрали малость вчера вечером?

— Никак нет, сэр, вообще ни капли. Меня похитили две красотки и всю ночь продержали в плену у себя в квартире. Глаз сомкнуть не дали.

Деплен усмехнулся и покачал головой:

— Свои сексуальные фантазии, Айвен, можете приберечь для приятелей. А сейчас — по коням!

Айвен взял все заметки и повестку дня и вышел вслед за шефом.

Трехчасовое утреннее совещание с персоналом наземного штаба стало в итоге пыткой похуже, чем все испытания минувшей ночи,

вместе взятые, и Айвену приходилось незаметно пощипывать себя за мочку, чтобы не заснуть. Дневная программа обещала быть более привлекательной: закрытая планерка с депленовской личной инспекционной группой — командой энергичных, увлеченных, а порой и зловредных офицеров, известных инспектируемым как Фор-Всадники Апокалипсиса, хотя лишь двое из них носили фамилии с этой приставкой.

На то, чтобы заняться собственными делами, у Айвена оставался обеденный перерыв. Он схватил плитку рациона — опять эти плитки! — налил себе чашку крепкого кофе и проглотил две таблетки болеутоляющего в попытке хоть как-то прочистить мозги, которые от отсутствия сна были словно забиты ватой, затем нехотя изучил взглядом свой защищенный комм — и вместо того чтобы приступить к утомительным (а может, и бесплодным) поискам, позвонил в соседнее здание. Имя адмирала Деплена мгновенно открыло ему все двери.

СБ по делам галактики делило свой офис на планете с СБ Комарры, хотя в какой мере две команды агентов-оперативников и вправду делились друг с другом, оставалось загадкой. Коридоры, начинавшиеся сразу за стойкой охраны в вестибюле

— без окон, со звукоизоляцией, — были точь-в-точь как в штаб-квартире СБ в Форбарр-Султане: утилитарные, безмолвные и угнетающие. «Не иначе как выписали сюда того же самого дизайнера интерьеров, — подумал Айвен. — Как раз перед тем, как тот повесился».

Главным галактическим аналитиком по Архипелагу Джексона здесь был некий капитан Морозов; он уже дважды беседовал с Айвеном по делу его кузена Марка. Айвен знал по собственному опыту, что индивидуальный подход всегда ускоряет дело. К тому же Морозову вполне можно было доверять. Айвен обнаружил его сидящим за таким же точно комм-пультом и в таком же точно тесном кабинете, как и несколько лет назад, только теперь здесь было еще больше книг, коробок с бумагами и всяких других, более странных экспонатов. Морозов, бледный службист-ученый с широким квадратным лицом, отличался необычайно жизнерадостным взглядом на жизнь и на свою работу — штатные сотрудники СБ чаще бывают мрачными.

Он приветствовал Айвена то ли взмахом руки, то ли своего рода эсбэшным салютом — не разберешь — и подтолкнул к нему ногой вращающееся кресло для посетителей.

— Добрый день, капитан Форпатрил. Вот мы и встретились снова. Чем сегодня может помочь адмиралу Деплену галактический департамент?

Айвен уселся, отыскав среди коробок место для ног.

— У меня, — он честно не сказал «у нас», — вопрос по поводу некоей необычной особы, предположительно связанной с Джексоном. — Айвен тщательно и весьма наглядно описал Риш, не называя пока ее имени — в конце концов, это мог быть всего лишь очередной псевдоним. Давать описание Тедж, похоже, не имело никакого смысла. Быть может, где-то в галактике имеются целые планеты красавиц с кожей цвета корицы, о которых он, Айвен, просто ни разу не слышал. И правда, зачем все усложнять.

Морозов слушал его с напряженным вниманием, подняв брови и сложив пальцы домиком, — Айвен был полностью уверен, что этот жест он заимствовал у своего печально известного бывшего шефа. Когда Айвен закончил, он произнес: «Ха!» И не успел еще Айвен спросить, что именно означает это «ха!», как Морозов крутанулся на кресле к комм-пульту и пролистал списки файлов настолько быстро, что Айвен не успевал за ним взглядом. После чего откинулся на спинку

и с коротким торжествующим «та-дам!» указал на изображение, возникшее над пластиной головида.

Айвен, наклонившись вперед, уставился на картинку.

— Ну ничего себе! Их тут вообще полный комплект! — Он с трудом заставил себя закрыть рот.

Над пластиной головида висел групповой портрет, парадный и постановочный. Риш — а это явно была Риш — стояла вторая слева, преклонив колено. Надето на ней было всего ничего: золотые трусики-бикини да ветвящийся вверх причудливый узор из золотой фольги (судя по всему, приклеенный), который лишь едва прикрывал прочие стратегические точки и плотно обвивал шею — лицо ее выглядело словно экзотический цветок. Кроме Риш, на портрете были еще четыре женщины и один мужчина. Разного роста и телосложения, но все — грациозные и блистательные. Одна — белая с серебряным, другая — желтая с золотом, третья — зеленая с золотом, четвертая — красная с гранатом, а мужчина — угольно-черный с серебром. Шесть лиц — не похожих одно на другое, но равно изысканных, сдержанно улыбающихся, безмятежных.

— Кто это?

Морозов ухмылялся, как иллюзионист, на редкость довольный своим трюком. Айвен вынужден был признать, что кролик чертовски хорош.

— Их зовут Жемчуг, Рубин, Изумруд, Топаз и Оникс, а синюю — Ляпис-Лазурь. Прославленные живые Драгоценности баронессы Кордона. Снимок был сделан несколько лет назад.

— Джексонианские генконструкты?

— Разумеется.

— А что… э-э… они делают? Помимо того что просто стоят и сногсшибательно выглядят.

— Ну, известно, что баронесса время от времени использовала их для украшения интерьера — из всех отчетов следует, что эта женщина умела вызывать восхищение. А еще — в качестве танцевальной труппы для самых привилегированных гостей. Это слуги — и, подозреваю, гораздо больше, чем просто слуги. Они, разумеется, дживсы.

— М-м… что?

— Слово «дживсы» на джексонианском сленге означает слугу или раба, преданного безусловно. Достигается это различными методами — либо психологической обработкой, либо закладывается генетически, или же сочетанием того и другого. Они всецело преданы объекту своей привязанности. Говорят, если дживсов разлучить

с хозяином или хозяйкой, они чахнут от тоски, а порой даже и умирают, если умирает он или она.

Чем-то это напоминало верных оруженосцев кузена Майлза, хотя сии отборные кадры из числа суровых мужчин были далеко не столь фотогеничны. Впрочем, эту свою мысль Айвен предпочел не высказывать вслух.

— Баронесса Кордона? Она как-то связана со Станцией Кордона? — поинтересовался он.

Станция Кордона — одна из пяти наиболее значимых скачковых станций, охраняющих п-в-тунели, которые ведут в локальное пространство Джексона. Для Барраяра обычно представляла наибольший интерес Станция Фелл, служившая точкой перехода к Ступице Хеджена, но и другие тоже были довольно важны.

— До недавнего времени Шив и Удине гем Эстиф Аркуа, барон и баронесса Кордона, совместно возглавляли дом Кордона и вели все его дела.

— До какого времени… Погодите, как вы сказали? Гем Эстиф? — Чисто цетагандийское имя. — Как, черт возьми, это произошло?

— О, это потянет еще на полторы истории. — Глаза Морозова загорелись энтузиазмом. — Насколько далеко имеет смысл углубляться в прошлое?

— А насколько далеко в прошлое оно уходит?

— Так далеко, что вы будете поражены.

— Ладно, начинайте с начала. Но имейте в виду, меня очень просто запутать. — Айвен бросил взгляд на часы, однако же подавил порыв попросить Морозова выдать информацию в ускоренной перемотке. Аналитик СБ, настроенный на сотрудничество, — дар судьбы, и пренебрегать им никак не следует.

— Быть может, фамилия гем-генерала Эстифа вам смутно знакома из уроков истории?.. — Морозов сделал паузу, с надеждой глядя на собеседника. «Скорее смутно, чем знакома», — подумал Айвен и поощрительно кивнул. — Один из младших цетагандийских генералов, который стал свидетелем последних дней Оккупации — всех разгромов и поражений, — великодушно пояснил Морозов. — Примерно в этот период его карьеры он получил награду — жену аут-леди. Высочайшая честь и тяжелейшее бремя, которых может удостоиться гем-лорд; такая супруга была генетическим даром, которым его удостоила высшая цетагандийская аристократия, ауты, или кем там они себя воображают.

С несколькими наводящими ужас аут-леди Айвен был знаком, а потому мог догадываться,

что подобная награда вызвала у старого генерала довольно неоднозначные чувства.

— Когда большая часть его гем-собратьев офицеров возвратилась на Эту Кита, чтобы принести свои последние и окончательные извинения императору, гем Эстиф и его жена — по понятным причинам — задержались на Комарре. Для них, вынужденных изгнанников с Цетаганды, жизнь в куполах была, вероятно, странной и мучительной. Но у гема Эстифа имелись связи, и в конечном итоге его дочь Удине, фактически родившаяся здесь, в Солстисе, вышла замуж за чрезвычайно богатого комаррианина, коммерческого магната.

— М-м, а много еще будет Удине в следующих поколениях?..

Морозов поднял руку:

— Не спешите… Увы, планы гема Эстифа рухнули вновь — и опять из-за нас, — когда Барраяр захватил Комарру. Семью разбросало кого куда. Дочери с мужем удалось бежать в самый последний момент, под огнем противника, воспользовавшись помощью и защитой капитана наемников из флота Селби, который Комарра наняла для усиления своей обороны. Этим капитаном был несколько эксцентричный джек-

сонианец, время от времени — контрабандист и космический пират, по имени Шив Аркуа.

— А мужа-комаррианина, выходит, убили?

— Нет. Но к концу путешествия молодая Удине определенно нарушила верность мужу. Неясно только, кто из них кого похитил, но известно, что путь Шива Аркуа к власти в доме Кордона начинается примерно в то же самое время.

— Хм… понятно. — «Во всяком случае, надеюсь, что так». Айвен задумался, какие такие психические травмы имелись в наличии у дочери побежденного гем-генерала в изгнании, чтобы вот так вот взять и сбежать от мужа. Или же то был более позитивный выбор? — Э-э… А что, этот Шив и впрямь был столь неотразимым… космическим пиратом?

Морозов потер подбородок.

— Боюсь, даже СБ не в состоянии найти ответ на вопрос, что хочет женщина. — Он снова наклонился вперед и открыл следующее изображение. — Парадный портрет, сделан двадцать лет назад, когда Аркуа стал бароном. Сейчас он должен быть уже седым и более тучным, если вас это интересует.

Мужчина и женщина стояли рядом, пристально глядя в камеру. У обоих торжественно

серьезные, непроницаемые лица. Оба одеты в красное: на ней — вечернее платье в насыщенных карминных тонах, на нем — темно-красные, почти черные пиджак и брюки. Внимание Айвена первым делом привлекла женщина. О да, она была высокого роста, с блестящими глазами и сияющей кожей, с роскошными скульптурными формами, полная жизненной энергии и уверенности в себе — признак более чем достаточного количества аут-генов. Густые, глянцево-черные локоны, перехваченные лентами с драгоценными камнями, ниспадали на плечи и опускались ниже колен, почти как у настоящей аут-леди.

Муж едва доставал ей макушкой до подбородка, хотя коротышкой Аркуа назвать было нельзя. Среднего роста, коренастый, сохранивший и в зрелом возрасте остатки юношеской мускулистости. Темные волосы неопределенной длины зачесаны назад и, вероятно, забраны на затылке в какой-то узел. Кажется, в волосах виднеется несколько тонких серебряных нитей? Кожа — густого, насыщенного цвета красного дерева. Полное, словно приплюснутое лицо, казалось, куда более уместно для главаря банды мордоворотов, но на этом лице влажно поблескивали черные глаза, которые — как подозревал Айвен

— могли оказаться опасно проницательными.

Судя по положению локтей, Айвен предположил, что за складками бархатной юбки они держатся за руки.

— Впечатляет, — искренне произнес он.

— Да, — согласился Морозов. — Когда мы их потеряли, я по-настоящему расстроился. Аркуа и его жена были довольно беспристрастны в деловых отношениях. Сам он уже давно ушел из пиратского бизнеса в посредники… м-м… в бизнес по возвращению похищенного. Из всех Домов, которые балуются этой коммерцией, дом Кордона имел самые высокие показатели по возвращению заложников живыми. Они были даже по-своему надежными. Дом Кордона продавал Цетаганде информацию о барраярцах с той же легкостью, что и нам — информацию о цетагандийцах, но если цеты получали подготовленные нами солидные данные, то качество обслуживания должно было бы их удовлетворять. И еще Кордона проявляли готовность отплатить услугой за услугу — как официально, так и неофициально.

— Обо всем этом вы говорите в прошедшем времени. А что с отношениями Барраяра и дома Кордона сейчас?

— Боюсь, что сейчас эти отношения расстро-

ились. Около семи месяцев назад дом Кордона претерпел весьма недружественное поглощение со стороны дома Престон — одного из конкурентов по контролю за точкой перехода. И за все это время не произошло ни единой попытки обратного переворота — это почти бесспорно доказывает, что и барон, и баронесса мертвы. Настоящая потеря. У них был определенный стиль… — Морозов вздохнул.

— А… э-э… То есть, получается, новые главы Дома для нас не столь полезны?

— Скорее я бы сказал — не проверены. И с ними трудно вступить в контакт. В период этих перемен несколько каналов передачи данных было потеряно, и они до сих пор не восстановлены.

Айвен сощурился, пытаясь себе представить, как переводится последняя фраза с эсбэшного на человеческий. «След из трупов», — пришло ему в голову.

— Что касается Драгоценностей покойной баронессы, то неизвестно, были ли они захвачены в плен, убиты или разбежались кто куда, — продолжил Морозов. — Поэтому я крайне заинтересован в любой информации, хотя, возможно, теперь этот интерес уже является чисто академическим. Так где же вы видели Ляпис-Лазурь?

— Нам необходимо это обсудить, — уклонился от прямого ответа Айвен, — но сейчас у меня уже совсем не осталось времени. — Он глянул на свой наручный комм. «Упс! А ведь и правда». Айвен вскочил со стула. — Спасибо, капитан Морозов, вы мне очень помогли.

— Когда мы сможем продолжить? — поинтересовался Морозов.

— Боюсь, не сегодня; я уже договорился. — Маневрируя между коробками, Айвен добрался до двери кабинета. — Я посмотрю, когда удастся вырваться.

— Заходите в любое время, — пригласил Морозов. — Да, и, пожалуйста, передайте от меня наилучшие пожелания вашему… э-э… отчиму, который, я уверен, уже почти здоров.

— Виртуальному отчиму — в лучшем случае, — поспешил поправить его Айвен. — Видите ли, моя матушка и Иллиан до сих пор не удосужились пожениться. — Он изобразил нечто вроде вежливой улыбки.

Во время беспорядочного отступления по темному коридору Айвену пришло в голову, что могла быть и другая причина, по которой старая гвардия СБ проявила столь несвойственную им готовность к сотрудничеству, и причина эта не

имела никакого отношения к его должности при адмирале Деплене. Айвен вздрогнул и чуть было не споткнулся.

* * *

Когда в конце дня Айвен шел к двери, голова у него была забита всем, чем только можно: от обсуждений по продвижению персонала и планов внезапных проверок до страшной истории дома Кордона, но в первую очередь — самым насущным: где купить такой обед на вынос, которому Тедж обрадуется больше всего. Если только она все еще там. Он спешил поскорее вернуться домой, чтобы это выяснить. А потому ничуть не обрадовался, заметив краем глаза, как лейтенант с поста охраны отчаянно машет ему рукой, явно намереваясь его перехватить.

— Подождите, пожалуйста! — окликнул он Айвена и адмирала Деплена.

Ускорить шаг и прикинуться, будто никто ничего не заметил, было уже поздно. Они остановились, выжидая, пока к ним подбежит слегка запыхавшийся охранник.

— Что случилось, лейтенант? — устало спросил Деплен. Ему лучше, чем Айвену, удалось скрыть досаду, и в голосе прозвучал лишь едва заметный

оттенок иронии.

— Сэр. Сюда только что явились двое сотрудников солстисской СБ и говорят, что должны побеседовать с капитаном Форпатрилом.

«Не арестовать, а всего лишь побеседовать», — отфиксировал Айвен, мгновенно возвращаясь к реальности. Хотя — сообразил он — любая попытка гражданских властей купола арестовать барраярского офицера в здании Генштаба была бы с юридической точки зрения весьма непростой задачкой.

Деплен поднял брови:

— Что это значит, Форпатрил? Не может же это опять быть огромная коллекция штрафных квитанций за парковку в неположенном месте — машины у вас тут нет. Да и на планете мы пробыли всего-то четыре дня.

— Не знаю, сэр, — правдиво ответил Айвен. Ведь «догадываться» еще не означает «знать», верно?

— Полагаю, самый быстрый способ все выяснить — просто поговорить с ними. Ну, ступайте и постарайтесь их осчастливить, — махнул рукой шеф, не выказав ни малейшего сочувствия. — Утром мне обо всем расскажете. — И Деплен произвел быстрое стратегическое отступление, бросив в жертву арьергардный заслон в лице

Айвена.

Могло обернуться и хуже — если бы Деплен вдруг надумал остаться… Айвен вздохнул и нехотя потащился за чересчур исполнительным лейтенантом, который сообщил:

— Я отвел их в комнату для переговоров номер три, сэр.

При вестибюле здания Генштаба имелось несколько таких комнат, предназначенных для тех, кого штабисты не хотели пускать в свою святую святых. Айвен полагал, что все они оборудованы видеомониторингом. Лейтенант провел его в переговорную номер три, самую маленькую. Там — как обнаружил Айвен — царила примерно столь же теплая и уютная атмосфера, как в зале ожидания налогового управления. А не сделали ли ее такой мрачной специально, чтобы посетители особо не засиживались?

— Капитан Форпатрил — детектив Фано и детектив-патрульный Салмона, служба безопасности купола Солстис. Я могу теперь вас оставить? Господа детективы, когда закончите, будьте добры вернуться на пост охраны и отметиться. — И лейтенант, в свою очередь, ретировался с умеренной поспешностью.

Фано оказался коренастым мужчиной, Салмона

— худенькой, но физически крепкой женщиной. Он был в гражданском, она — в форме и при полном вооружении, полагающемся полицейскому при патрулировании улиц, включая парализатор в кобуре и шоковую дубинку. Оба выглядели моложаво, но были уже не молоды. Не поседевшие в боях ветераны, но и не новобранцы; стало быть, родились после завоевания, хотя, возможно, у их родственников постарше и сохранились печальные воспоминания. На левой руке Салмоны Айвен автоматически отметил обручальное кольцо.

Фано встал.

— Спасибо, что согласились с нами встретиться, капитан, — произнес он официальным тоном и указал на стул по другую сторону стола: — Садитесь, пожалуйста.

Давит на психику, пытаясь показать, что хозяин тут он — как в кабинете для допросов, — ну и пусть. Айвен сел, нейтрально кивнув обоим. Он как-то раз проходил обучение по технике противодействия на допросе, правда, это было давно. Остается надеяться, что, если понадобится, он вспомнит, чему там их учили.

— Сэр, мэм, чем я могу быть полезен службе безопасности купола?

Детективы обменялись взглядами, и Фано заговорил первым:

— Сегодня на рассвете мы провели арест по факту взлома и проникновения близ озера Кратер.

Черт подери, как этой парочке удалось так быстро его найти? «Не паникуй. Ничего дурного ты не совершил». Ну ладно, допустим, кое-что дурное он все-таки совершил — начиная с того, что выслушал Байерли Форратьера. Но вот противозаконное — вряд ли. «Ага, и вообще я тут жертва». Вслух же он сказал только:

— А?

— О, — вступила в разговор Салмона, вытаскивая из кармана видеокамеру и устанавливая перед собой и Фано, — вы не возражаете, если мы будем вести запись? Для такого расследования это стандартная процедура.

«Почему бы и нет? Я вполне уверен, что наши запись уже ведут». Да, и расшифровка стенограммы станет первым, что увидит завтра утром адмирал Деплен, — тут можно не сомневаться. Ой, лучше бы без этого…

— Конечно, не возражаю, продолжайте, — согласился Айвен, вовсю изображая простодушие, и одарил детектива-патрульную приветливой улыбкой. Но, похоже, у полицейской против его

обаяния имелся иммунитет.

Фано продолжил:

— Квартира, которая была взломана, числится как арендованная молодой женщиной по имени Нанья Бриндис, недавно переехавшей в Солстис из купола Олбия. К сожалению, сера Бриндис не обнаружена нами ни минувшей ночью, ни сегодня в течение дня — утром она не явилась на работу. Как мы понимаем, ранее, вчера вечером, вы вступили с молодой женщиной в контакт. Не желаете ли вы описать это событие? Своими словами.

«Чтобы получше подставиться», — мысленно добавил Айвен. Сколько информации у них уже имеется? Они, конечно же, видели скан кредитки, которой он воспользовался в том офисе, и, возможно, поговорили со второй служащей — и кто знает, что там еще. А значит, ему лучше всего по возможности придерживаться истины, но не предавая при этом ни Байерли, ни Нанью-Тедж. Ни Империю. Ни самого себя — впрочем, где именно находится в этой иерархии он сам и кто станет козлом отпущения, догадаться было нетрудно. Он вздохнул — потому что, если бы он заблеял, комарриане бы его не поняли.

— А, ну да, я заходил в доставку, где она ра-

ботала, — отправить домой посылку. Это было перед самым закрытием, и я пригласил ее пойти выпить где-нибудь или поужинать.

Салмона нахмурилась:

— Зачем?

— Э-э… а вы что, еще не видели ее фотографию?

— На ее рабочем пропуске был снимок, — сказал Фано.

— Значит, на этом снимке она вышла не лучшим образом. Поверьте мне, она на редкость привлекательная молодая женщина.

— И?.. — произнесла Салмона.

— А я солдат вдали от родины, верно? Она хорошенькая, я одинок, мне показалось, чего бы не попытаться? Я знаю, что вы, комарриане, не всегда считаете нас, барраярцев, людьми, но мы — люди. — Он нахмурился под стать Салмоне. Та не опускала глаза, но чуть откачнулась назад — аргумент принят.

— И что произошло потом?

— Она сказала «нет», и я пошел своей дорогой.

— Так просто ушли? — уточнила Салмона.

— Я способен, если надо, принять отказ. Рано или поздно кто-нибудь все-таки скажет «да».

Детективы обменялись очередным взглядом,

значения которого Айвен не понял.

— И что потом? — помог ему Фано. — Вы последовали за серой Бриндис до ее квартиры?

— Нет, я подумал, что прогуляюсь назад, посмотрю на то озеро — знаете? — где дают напрокат лодки. Раз уж так вышло, что у меня образовалось свободное время. — Стоп, разве озеро было в том направлении? Ну, он может изобразить, что заблудился и пошел обратно. — И, вернувшись другим путем, снова столкнулся с серой Бриндис. И подумал, что это счастливый случай.

— Мне казалось, вы приняли ее отказ, — пробормотала Салмона.

— Разумеется, но порой женщины меняют свое решение. Спросить лишний раз никогда не вредно.

— А если они меняют свое решение с «да» на «нет»?

— Имеют полное право. Я не применяю физического насилия, если вы вдруг это подумали. — Айвен прекрасно понимал, что именно это они и подумали — ну, на то они и копы, наверняка много чего насмотрелись. — В постели я предпочитаю дружелюбных партнеров, спасибо.

— И? — терпеливо повторил Фано. В голосе его уже начинала звучать усталость.

— Ну, и она пригласила меня зайти. Я подумал, что мне наконец повезло. — Айвен откашлялся. — И вот с этого момента, боюсь, оно становится несколько неловко. — Знают ли они о ее сине-лазоревой соседке по квартире? Вообще-то могли и знать, но Айвен решил, что сам он о ней не знает. — Я думал, мы собираемся посидеть, выпить, пообщаться для начала знакомства, может, в конце концов, поужинать, все культурно, и тут она вдруг выхватила парализатор и выстрелила в меня.

— Вы пытались на нее напасть? — спросил Фано, резко сменив интонацию.

— Нет, черт подери! Ну посудите сами. Да, последнее время я работаю за письменным столом, но я проходил в свое время базовую подготовку. — «И прохожу ежегодно эсбэшные курсы повышения квалификации по персональной защите». Впрочем, это не относилось к рутинным обязанностям и было сомнительным преимуществом другого его социального статуса. Здесь об этом упоминать не стоит. — Если бы я попытался на нее напасть, то преуспел бы. Ей удалось меня оглушить только потому, что это стало полной неожиданностью. Я-то думал, что все оборачивается удачно.

— А что вы подумали потом? — сухо поинтересовалась Салмона.

— Ничего. Валялся без сознания. Довольно долго, наверное, потому что, когда очнулся, я был привязан к стулу, а в квартире было темно. И казалось, что пусто. Я не знал, не опасно ли звать на помощь, а поэтому просто начал делать попытки как-то высвободиться.

— Опасно? — недоверчиво переспросила Салмона.

«Строить из себя полного идиота вовсе не обязательно», — решил Айвен и хмуро уставился на даму-полицейскую.

— Если вы оба на этой работе уже не первый день, вам наверняка приходилось разгребать пару-тройку дел барраярцев, особенно в военной форме, столкнувшихся в куполе с комаррианами, у которых были старые обиды. Я не знал, к кому попал в руки — к психически больным людям, террористам, шпионам или к кому еще. Собираются ли меня пытать, накачать наркотиками, похитить или еще что похуже. Поэтому вариант освободиться самостоятельно мне показался более выигрышным, чем привлечение внимания.

Во взглядах обоих детективов уже сквозила неловкость — теперь Айвен не сомневался, что

попал в цель. Ну что ж, остается только закрепить достигнутый результат…

— У меня только-только начало что-то получаться, и тут за окном появились эти двое — за окном четвертого этажа, прошу заметить, — и начали резать стекло плазмотроном. Насколько мне известно, комарриане обычно не ходят таким способом в гости проведать друзей! Особенно в столь поздний час. Оставалось только предположить, что они пришли за мной.

— Преступники, — сказал Фано, — в своих первоначальных показаниях заявили, что везли гравиплатформу человеку, у которого ее одолжили, и по дороге случайно увидели вас. Что вы отчаянно кричали и звали на помощь, и именно поэтому они туда ворвались.

— Ха, — мрачно произнес Айвен. — История интересная, но не соответствует истине. Они сначала прорезали дыру — и только потом меня увидели. — Он запнулся. — Первоначальные показания? Надеюсь, вы допросили этих паразитов под суперпентоталом?

На самом деле он ни на что не надеялся и ничего не ожидал. У любого мало-мальски стоящего агента, конечно же, должна быть искусственная аллергия на сыворотку правды.

— Да, позже, — сказал Фано. — Как только собрали достаточное количество фактов и выявили несоответствия, чтобы получить судебное разрешение на допрос под суперпентоталом без согласия подозреваемых.

— А разве у них не было аллергии? То есть мне показалось, они профи. Хотя я и наблюдал их совсем недолго.

— Профессиональные преступники в куполах редко обращаются к таким экстремальным военным технологиям, — пояснил Фано. — Здесь больше полагаются на систему ячеек. Исполнители никогда не знают, кто их нанял и почему им дали это задание. Технология не сказать чтобы высокая, но вполне эффективная и весьма досадная — для нас, разумеется.

— Еще бы, — посочувствовал Айвен. — Так они действительно приходили за мной?

И благодарение Богу, что он все это время максимально придерживался истины — насколько мог.

Фано нахмурился.

— Нет, — признался он. — Похоже, этих ребят наняли, чтобы они схватили серу Бриндис и ее служанку и доставили в определенное место, а там пленниц должны были передать для транс-

портировки следующей ячейке. Об этой служанке нам узнать ничего не удалось. Согласно регистрационным записям, сера Бриндис проживала в квартире одна. Вы не видели вторую женщину?

Айвен покачал головой:

— Ни до того, как меня вырубили, — он подчеркнул это паузой, — ни после, по очевидным причинам.

— Это вы парализовали тех двух мужчин? — спросил Фано.

— К сожалению, я был все еще привязан к проклятому стулу. И меня слепил свет. Я пытался как-то уговорить их, чтобы меня развязали. А потом вдруг непонятно откуда раздались выстрелы. Сзади меня послышались шаги, судя по звуку, быстро приближающиеся к входной двери, но к тому моменту, как я наконец освободился и смог обернуться назад, там уже никого не было.

— Шаги? Сколько пар ног?

— Мне казалось, что одна, но я бы не поручился. Вся ночь походила на какой-то проклятый фарс, а я был единственным, кому не дали прочесть сценарий. К тому времени меня в первую очередь интересовало, как бы побыстрее оттуда выбраться, пока не заявился кто-то еще и не затеял веселую игру «давайте пытать барраярца».

Салмона наклонилась вперед и что-то нажала на рекордере.

— Мы получили анонимное сообщение о взломе. При попытке отследить комм, с которого поступил звонок, мы наткнулись на блокировку, и ни одна наша программа ее пробить не может. Но теперь мы, похоже, имеем положительный результат сравнения голосов. — И Айвен услышал собственный голос. Слова звучали довольно невнятно. — «Да, вам бы надо на это взглянуть, я внизу, на улице, прям щас на это смотрю…» — Безжалостно прокрутив запись до самого конца, Салмона добавила: — Мы также обнаружили проведенную по вашей кредитной карте оплату билета на аэрокар от станции «Озеро Кратер» до центра Солстиса. Оплата была произведена через несколько минут после временной отметки на этом звонке.

«А все потому, что никогда не вредно добавить в дело лишние данные», — горестно подумал Айвен.

— Вы действительно слышали женский крик? — спросил Фано.

— М-м, ну вообще-то нет, не действительно. Просто я решил, что так полиция приедет быстрее. Я не знал, как скоро очухаются эти двое

головорезов. И подумал, что было бы лучше, если б им не позволили оттуда уйти. Что лучше бы передать все это безобразие компетентным органам. То есть вам. Что я и сделал.

— А известно ли вам, капитан Форпатрил, что исчезновение с места преступления так же противозаконно, как и дача ложной информации при экстренных вызовах? — сказал Фано.

— Возможно, мне следовало подождать и побродить где-нибудь поблизости, но я уже опаздывал на работу. И я все еще был слегка напуган.

Фано кивком указал на рекордер:

— Вы были пьяны?

— Не стану отрицать, что мог еще раньше выпить рюмку-другую. — Мог, но не стал — однако лучше, если копы решат, что он был слегка под градусом, на это они купятся с легкостью. Он прекрасно понимал, что таким образом играет на их предрассудках. — А у вас когда-нибудь бывало тяжелое похмелье после парализатора?

Фано покачал головой; Салмона нахмурила брови — возможно, в невольном порыве сочувствия, впервые за все это время.

— Позвольте вам сказать, это на редкость омерзительное состояние. Несколько часов гудит в ушах и перед глазами все плывет. И голова

кружится. Неудивительно, что я говорил словно пьяный. — А это для адмирала Деплена и вообще для всех своих, кто надумает послушать запись. Самопожертвование тоже должно иметь пределы, все оно уже и так весьма паршиво — черт бы побрал этого Байерли!

Фано криво усмехнулся:

— И что же на вашей работе настолько важного, что вы сбежали с места преступления? Ведь если верить вашему рассказу, вы были жертвой?

Айвен приосанился, впервые показав себя высокородным фором, адъютантом адмирала. Он тоже умеет сообщать ледяным тоном неприятные вещи.

— Основная часть моей работы, сер Фано, строго секретна. И этого я с вами обсуждать не буду.

Комарриане дружно моргнули.

— Готовы ли вы, капитан, повторить свои свидетельские показания под суперпентоталом? — первой нашлась Салмона.

Айвен, скрестив руки, откинулся на спинку стула — это была его территория, и тут он чувствовал себя вполне уверенно.

— Это не в моей компетенции, — беззаботно ответил он. — Вам необходимо обратиться к моему командиру, адмиралу Деплену, шефу

оперативного отдела, а затем, после этого, ваш запрос должны будут утвердить в штаб-квартире СБ в Форбарр-Султане. Вероятно, лично генерал Аллегре. — «На самом деле не «вероятно», а точно, черт бы их побрал». — При применении наркотика и антидота должен присутствовать сотрудник СБ, который будет вести протокол. Перед этим вы оба должны пройти персональную проверку со стороны СБ и получить допуск. — После короткой паузы Айвен любезно добавил: — Конечно, вы можете подать запрос. И недели через две, полагаю, получите ответ. — А сам он, надо думать, к тому времени будет уже на пути домой.

Детективы буравили его неприязненными взглядами. Все нормально. Айвену они тоже не сказать чтобы очень уж нравились.

— А вы что, даже не сообщали об этом инциденте вашей СБ, капитан? — спросил Фано.

На самом деле они ему очень и очень не нравились.

— Я кратко доложил о происшествии моему командиру. — В какой-то мере это правда, но — о Господи Боже! — Деплен его за это поджарит завтра утром на медленном огне. — Поскольку дело не закончилось больницей или моргом и меня не допрашивали, не пытали и даже не

ограбили, я вынужден классифицировать это как несчастный случай, произошедший со мной в нерабочее время. Немного загадочный, да, но решать загадки — дело имперской СБ, — «а может, и задавать загадки», — а это, благодарение Богу, не мой отдел. Я оперативник и счастлив, что это так. Видите ли, все сотрудники СБ, с которыми я когда-либо имел дело, были дьявольски изворотливы. — «Особенно мои родственнички». — Но когда СБ решит, как, по их мнению, это следует трактовать, меня, несомненно, поставят в известность.

— А не захочет ли имперская СБ поделиться какими-нибудь результатами со службой безопасности купола Солстис? — поинтересовался Фано, явно ни на что не надеясь.

— Вы можете подать им запрос, — ответил Айвен и тут же прикусил губу, сдерживая торжествующую усмешку.

Салмона побарабанила пальцами по столу.

— У нас на руках по-прежнему остается пропавшая женщина. Или не у нас на руках. Мне это не нравится. Если тот, кто пытался ее похитить, потерпел неудачу, то где она тогда?

— Могу предположить, что она, вероятно, оттуда свалила и теперь скрывается где-то в другом

месте, — сказал Айвен. — Если ее преследуют, это было бы самым разумным решением.

— Разумным решением было бы обратиться за помощью в службу безопасности купола, — чуть ли не с отчаянием проговорила Салмона. — Почему она этого не сделала?

Айвен почесал в затылке.

— Не знаю… Я у нее особого доверия не вызвал. Но если она переехала сюда совсем недавно, то не исключено, что ее тайны корнями уходят туда, откуда она родом. Напомните, пожалуйста, откуда она?

— Из купола Олбия, — автоматически ответил Фано.

— Тогда, может, вам, ребята, стоит обратить внимание на купол Олбия? — «А не на мою квартиру, трать-тарарать?»

— Это станет нашей следующей задачей, — вздохнул Фано. Он уперся ладонями в стол и рывком поднялся на ноги. Интересно, сколько ему удалось поспать прошлой ночью? «Все равно больше, чем мне».

Детектив развел ладони, нехотя отпуская Айвена.

— Благодарю за сотрудничество, капитан Форпатрил. — «Каким бы оно ни было», — Фано не

произнес, но явно хотел, подумал Айвен.

— Похоже, мои личные неудобства в этом деле не самая главная проблема. Не сказал бы, что мне было очень приятно. Но и благодарить не за что. Искренне надеюсь, что с серой Бриндис не случилось ничего дурного.

Айвен почти демонстративно проводил своих гостей до поста охраны, где те должны были отметиться. Допрос с пристрастием остался позади, и он поспешно ретировался.

Глава четвертая

И солнце, и отражатель уже давно зашли, на улице было темно, а капитан Форпатрил все не возвращался, и это здорово нервировало. Но когда он наконец вошел, держа в руках большущие тяжелые пакеты, от которых исходили дразняще вкусные ароматы, Тедж мгновенно простила ему все.

— Нам необходимо поговорить, — едва отдышавшись, просипел он, но две голодные женщины его переубедили (а впрочем, он и сам не особо сопротивлялся).

— Нам необходимо поесть. Вы понимаете, что оставили нам только эти кошмарные армейские пайки? — возмутилась Тедж. — И это все, что у нас было на обед. Ну, и вино, — честно добавила она. — Вино оказалось весьма неплохим.

— А у меня эти самые пайки были и на обед, и на завтрак, а вина не было вообще, — парировал он.

Риш, чей метаболизм постоянно был на максимуме, поспешно разложила приборы на круглом стеклянном столике напротив кухни. Из сумок были извлечены три вида пасты, овощи с гриля, соте из шпината с чесноком и кедровыми ореш-

ками, нарезанная ломтиками синтезированная говядина, синтезированный цыпленок, обжаренный с розмарином, салаты — и из зелени, и фруктовые, сыры, чизкейк, три вида мороженого, два сорбета и еще вино. «Мне нравится мужчина, который держит слово», — только и могла подумать Тедж.

— Я не знал, что вы едите, — может, у вас какая-то особая диета или вы соблюдаете определенные традиции, — объяснил Форпатрил. — Поэтому постарался охватить весь диапазон. Это все комаррианские блюда — тут, чуть дальше по нашей улице, имеется одно неплохое заведение.

— Я ем все, что не было прежде живым существом, — призналась Риш и тут же приступила к демонстрации.

— А я начинаю подумывать, не пойти ли на компромисс относительно бывших живых существ, — добавила Тедж.

Ей было приятно, что Форпатрил — мужчина, способный оценить хорошую еду. После этих плиток армейского рациона она уже было вообразила, что в нем кроется такой уровень барраярского варварства, который и не снился авторам головидео. Но его выбор продемонстрировал неожиданную изысканность и взвешенность.

Конечно, его чувства не так чтобы совсем уж созвучны их настрою, конечно, никакого сравнения с теми врожденными способностями, да еще и усиленными соответствующим обучением, как у нее или Риш, но это отнюдь не безнадежно. И он, похоже, не собирался нарушать застольную атмосферу разговорами на всякие неприятные темы, что более чем устраивало Тедж.

После ужина он уже было решился сообщить им то, что хотел, но для начала пошел умыться и снять китель и ботинки, а вернувшись, сел на диван и почти тут же улегся.

— Я только на минутку прикрою глаза…

Глаза так и остались закрытыми, зато через некоторое время открылся рот. Форпатрил не храпел — скорее издавал какое-то убаюкивающее мурлыканье, приглушенное подушкой, к которой он прижимался щекой.

Риш смотрела на него, скрестив руки на груди.

— Ну надо же, эти барраярцы — просто лапушки, когда спят. Главное — они при этом молчат. — Она наклонила голову. — Он даже слюни пускает с шармом.

— Он не пускает слюни! — невольно улыбнулась Тедж.

— Не увлекайся им, душа моя, — посоветовала

Риш. — Он опасен.

Тедж опустила взгляд на спящего офицера. Он вовсе не выглядел опасным, а завиток темных волос, упавший ему на лоб, так и просился, чтобы его ласково поправили.

— Разве?

— Ты знаешь, о чем я.

— А надо ли нам его будить? — с сомнением спросила Тедж. — Он ведь прошлой ночью вообще не спал. Мне казалось, что он вот-вот задремлет прямо на стуле.

— Эй, не буди спящее создание. — Риш глянула на свой наручный комм. — А кроме того, сейчас вот-вот начнется мой любимый сериал…

Риш, много недель подряд безвылазно просидевшая в квартире, пристрастилась смотреть по головиду комаррианские мыльные оперы. Тедж не особо разделяла ее увлечение. Целыми днями она пахала на работе, а короткие вечера на Комарре почти не оставляли времени на отдых. Риш удалилась в спальню — там был самый лучший терминал головида — и закрыла дверь. А Тедж, выключив свет, чтобы ее не заметили с улицы, скользнула на балкон и, позабыв о времени, стояла и смотрела на странный город под куполом. Не здесь ли ей суждено каким-то образом завер-

шить свое долгое странствие? Впрочем, все могло обернуться и хуже… И от нее ничего не зависело — просто так складывались обстоятельства.

В конце концов она вернулась в комнату, тщательно заперла балконную дверь, задернула шторы и стала тихонько убирать со стола. Еды оставалось много — на завтра, во всяком случае, хватит. Капитан, похоже, планировал и дальше прятать их у себя в квартире, вот только решать это не ему. Тедж вернулась к дивану и неуверенно попыталась его разбудить, потянув на себя подушку — в которую Форпатрил вцепился с поразительными для спящего силой и решимостью. Пробормотав нечто невнятное, он повернулся на другой бок, чтобы получше защитить подушку. Тедж сдалась и села напротив, созерцая картину. И вынуждена была признать, что с точки зрения генетики картина хороша — для случайной комбинации.

Еще через несколько минут в комнату вошла Риш.

— Я угадала насчет Гендро Фона, — сообщила она с торжествующей улыбкой. — Амнезию он только симулировал. А образец ДНК подменили. Сера Дженна оказалась самым настоящим клоном! Держу пари, слияние торговых флотов

теперь в пролете. — Она села рядом с Тедж и кивнула в сторону Форпатрила: — Что, до сих пор в отключке?

— Да. Должно быть, совсем измотался. А вообще интересно, чем это у них вынуждены целыми днями заниматься адъютанты?

— Понятия не имею, — сказала Риш.

На какое-то время воцарилась тишина.

Наконец Тедж прошептала:

— Риш, как нам быть дальше? Сегодня вечером у нас тут все прекрасно, завтра, наверное, тоже, ну а потом? Я ведь не смогу вернуться на ту работу.

— Невелика потеря. Я знаю, душа моя, ты много работала, но вся твоя пахота слишком медленно пополняла наши ресурсы. Я уже давно тебе это говорила.

— Говорила. Но я думала, что Нанье скоро дадут место получше. — К тому же эта ничем не примечательная служба отправки казалась идеальным вариантом, чтобы залечь как можно глубже. Тедж научилась справляться со всеми своими обязанностями меньше чем за два дня. Это было хорошо, потому что она сомневалась, что способна сейчас освоить что-то более сложное. Как же она устала от этой борьбы… — На Нанью Бриндис ушел мой последний комплект документов, да и

тех едва хватало даже для самой поверхностной проверки. — А может, все оно даже и неплохо. Ее следующая личность, конечно же, будет менее предсказуемой для их преследователей — ведь даже она сама не в состоянии сейчас это угадать.

Впрочем, раздобыть другие документы тоже не в состоянии…

Если они сумеют добраться до Эскобара, там им предоставят документы получше, но если они не сумеют выбраться с Комарры без документов получше…

— Теперь я действительно понимаю, что значит, когда нет своего Дома… в нашем понимании — может, здесь быть бездомным и не столь ужасно…

Риш на миг сжала ей руку, пытаясь утешить.

— Думаю, мы могли бы попробовать затаиться в другом куполе. Может, в Эквиноксе или Серифозе. Раз уж мы не в состоянии позволить себе скачковый корабль, то за монорельс по крайней мере заплатить могли бы. Выберемся из Солстиса — тут-то мы явно спалились. — Он говорила спокойно, без нажима.

— Но в куполе поменьше нам будет еще труднее скрыться.

Риш встала, потянулась и попыталась растол-

кать их гостеприимного хозяина. Тот даже не шелохнулся — тогда она наклонилась и аккуратно выудила у него из кармана бумажник. Потом передала добычу Тедж, и они снова вместе все просмотрели.

— Наличных тут негусто, — сказала Риш, — а его кредиткой мы воспользоваться не сможем. Хотя если найти нужного покупателя, то за его документы, я думаю, дадут неплохую цену.

Тедж перебрала пальцами тонкую пачку местной валюты и положила ее в бумажник.

— Этого нам едва хватит на несколько дней. А несколько дней мы бесплатно проживем и здесь. С такими деньгами мы далеко не продвинемся. Верни на место.

Риш пожала плечами и засунула бумажник в карман Форпатрила так же ловко, как пару минут назад оттуда извлекла.

Тедж, прикрыв глаза, откинулась на спинку дивана.

— Я смотрела по головиду программу, — наконец нарушила молчание Риш, — о Зергияре и попытках его колонизации. Выглядит неплохо — красивые места, пригодная для дыхания атмосфера и все такое.

— А они что-нибудь говорили об этой кош-

марной эпидемии — заражении зергиярским червем? — содрогнулась Тедж.

— Ни слова. Наверное, они пытались убедить людей переселяться туда. А кошмарные картины колонистов, раздувшихся, как тухлые сосиски, не очень-то этому способствуют. Но я сделала вывод, что туда можно отправиться по контракту наемным рабочим, а за перелет заплатить потом.

Вот так и делают первый шаг на скользком пути в контрактное рабство, поняла Тедж. Вслух же она сказала:

— Но на Зергияре население даже меньше, чем на Комарре. И все они барраярцы. Как ты там будешь скрываться?

— А я слышала, что население там самое разное. Нынешняя вице-королева делает все, чтобы привлечь мигрантов откуда угодно. Если оно и дальше так пойдет, это будет совсем не похоже не то что на Барраяр, а даже и на Комарру.

Какое-то время обе они молчали, размышляя над этим вариантом. Все зависит от того, удастся ли им добраться до орбитальной пересадочной станции живыми и не похитят ли их по дороге, а за это сейчас вряд ли бы кто поручился.

— Тут еще есть капитан Загадка, — кивнула Риш на спящего напротив них Айвена. — Ка-

питан Фор-Загадка, как он бы, наверное, меня поправил.

— Айвен Ксав, единственный и неповторимый. По-моему, я ему нравлюсь.

— О да, я чувствую этот запах, — ухмыльнулась Риш. — А еще он немножечко фетишист, и его фетиш — это груди.

— Тут он не оригинален, — вздохнула Тедж и улыбнулась краешком губ: — Хотя — в данном случае — груди не маленькие.

— Будь он случайным встречным, комаррианином, то я бы посоветовала — но только как предпоследний вариант — связаться с ним и вместе бежать отсюда как можно дальше. Только вот он не комаррианин, определенно не случайный, и это слишком странно.

— М-м.

И снова повисло долгое молчание.

Наконец Риш совсем тихо проговорила:

— Я умру, но не позволю, чтобы меня отвезли обратно и использовали против барона и баронессы.

— Ни барона, ни баронессы больше нет, — так же тихо ответила ей Тедж, — и против них никого уже не используют… Нас просто могут использовать, и все. — В глазах вдруг все расплылось, и

она сморгнула слезы. «Нет. Плакать я больше не буду. Если бы слезы могли помочь, сейчас уже все было бы хорошо».

Обе смотрели прямо перед собой. Голос Риш стал более мрачным и суровым.

— Если они нас схватят, возможности для последнего бегства станут очень ограниченными. Слишком рано может слишком быстро превратиться в слишком поздно, и мы не успеем.

Что такое «последнее бегство», вслух можно было не говорить; они уже дважды это обсуждали, и дважды им удалось ускользнуть, причем один раз — в самый последний момент.

— Как, здесь?

— Нам обеим слишком опасно выходить в поисках безболезненного лекарства, хотя по дороге сюда я видела вывеску ветклиники, и можно было бы сделать вылазку, но… Я как-то читала об одном способе — им пользовались на Старой Земле. Лечь в горячую ванну и просто вскрыть вены. Говорят, больно всего лишь мгновение — легкий укус, слабее, чем от инжектора. Здесь большая ванна. Нам достаточно было бы всего лишь лечь туда и… заснуть, душа моя. Просто заснуть.

— А не будет ли это несколько невежливо по отношению к Айвену Ксаву, который обнаружит

нас, вернувшись домой? Не говоря уже о том, что ему придется еще и объясняться с полицией купола.

— К тому времени это будет уже не наша забота.

Тедж слегка повернула голову и поглядела на свою компаньонку:

— Ты тоже устала. Да?

— Очень, — вздохнула Риш.

— Тебе надо было бы подремать сегодня днем. — Тедж зажмурилась и попыталась все обдумать. — Не знаю. Я бы скорее воспользовалась этим последним шансом, чтобы… чтобы что-нибудь такое сотворить. Подняться, например, на самую высокую башню Солстиса и шагнуть с крыши. Пока летишь, это было бы потрясающе. Мы могли бы танцевать всю дорогу, до самой земли. Твой последний танец.

— Только вот финальная поза получится смазанно, — заметила Риш.

— И никаких выходов на бис. Баронесса всегда любила твои выходы на бис…

— Голосую за ванну.

— Если нас загонят в угол, сойдет и здешний балкон.

— Нет, это слишком публично. Нас могут со-

брать и сложить по частям. И где мы потом окажемся?

— Это… правда трудно предугадать.

— Ой!..

И снова повисло молчание.

Капитан захрапел и, не просыпаясь, перевернулся на другой бок.

— Без меня у тебя было бы больше шансов скрыться… — начала Риш.

Тедж хмыкнула: еще один давний спор.

— Знаешь, нечетная сестра, может, верность и не заложена у меня в костях, но я готова поставить на приобретенное против врожденного в любой день, который ты назовешь.

— Врожденное, — выдохнула Риш, уже улыбаясь.

— Приобретенное, — сказала Тедж.

— Врожденное.

— Приобретенное.

— Ванна.

— Башня. — Тедж помолчала. — Знаешь, нам необходим третий голос. Мы всегда заканчиваем вничью. Это — затор.

— Затык.

— Без разницы. — Тедж, задумавшись, опустила голову. — На самом деле лучше всего, если

бы все выглядело так, будто с нами разделались преследователи. Чтобы местные власти решили, что они убийцы, а их боссы разозлились бы, что им испортили игру. И пусть себе ходят кругами.

— Симпатичненько, — признала Риш. — Но так мы всего лишь припечем слегка наемное мясо. А лучшей местью было бы поджарить мозги.

— О да… — вздохнула Тедж.

Но она не представляла себе, что надо сделать, чтобы осуществить отмщение из Небытия, если ей не удалось этого даже при жизни.

Форпатрил перевернулся на спину, издал странный шипящий звук, как будто где-то сдулся воздушный шарик, и продолжил спокойно спать.

— Радует глаз, тут я с тобой согласна, — кивнула в его сторону Риш, — но из этого вряд ли что выйдет.

— Рассматривай это как экспериментальный танец. Очень абстрактный.

И снова на какое-то время повисла тишина.

Риш зевнула:

— Голосую за то, чтобы мы заняли кровать. А его оставим здесь.

— Знаешь, похоже, мы способны прийти к единому мнению… — И тут заверещал дверной

звонок — громко и пронзительно.

Тедж замерла. Риш дернулась, как на электрическом стуле, и, широко раскрыв свои золотые глаза, резко вскочила на ноги.

Тедж метнулась через комнату к соседнему дивану и потрясла за плечо его обитателя.

— Капитан Форпатрил! — позвала она встревоженно, вполголоса. — Просыпайтесь! Сюда кто-то пришел!

Он пробормотал нечто невнятное и свернулся калачиком, словно зверек, который пытается укрыться в слишком маленькой норке.

Звонок заблеял снова. Тедж снова потрясла его за плечо:

— Айвен Ксав!

Риш шагнула к ним, ухватила Айвена за ноги и безжалостно сдернула с дивана.

Плюхнувшись на пол, он негодующе забормотал:

— Эй, ой, чего? — Перевернулся на спину, сел и тут же поднял руку, прикрывая глаза. — Ой, слишком ярко!

Дверной звонок тем временем верещал, не умолкая, будто кто-то удерживал его, вдавив палец.

— Кто это, к черту, может быть? Ночью, в такое

время? — Форпатрил моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд на своем наручном комме. — А сколько сейчас времени?

— Вы проспали почти три часа, — сказала Риш.

— Маловато. — Он попытался снова лечь на пол. — Господи, да что ж это так гудит в голове? Ей-богу, я столько не пил…

— Откройте дверь, — прошипела Тедж, потянув его за руку. К гудению теперь добавились глухие удары — кто-то бил в дверь кулаком. Кто это пожаловал? Похитители бы ведь точно не стали поднимать столько шума?..

Айвен наконец тяжело поднялся на ноги и попытался сосредоточиться.

— Ладно… ладно. Уже иду. А вы спрячьтесь, — махнул он, направляясь к маленькому холлу перед дверью в коридор.

Тедж затравленно оглядывалась по сторонам. Здесь были только гостиная, кухонька, спальня и ванная (правда, просторная) плюс два туалета и балкон — двух съежившихся от страха женщин в этой квартирке найдут неизбежно и к тому же быстро. Может ли она позволить себе оказаться отрезанной от балкона? Риш устремилась в открытую дверь спальни и отчаянно жестикулировала, зовя к себе Тедж, но та забилась в

противоположный угол и украдкой заглянула в холл.

Дверь скользнула в сторону. Возникшую на пороге темную фигуру загораживали широкие плечи Форпатрила. Тедж услышала мужской голос, говоривший отрывисто, с барраярским акцентом:

— Айвен, ты идиот! Что, черт возьми, произошло с тобой вчера вечером?

— Ты!..

К неимоверному удивлению Тедж, капитан ухватил гостя за грудки, рывком втащил в холл и прижал к стенке. Дверь с шипением закрылась. Тедж успела мельком разглядеть визитера, прежде чем он снова исчез из виду: ни старый, ни молодой, ниже Айвена Ксава, не в военной форме.

— Айвен, Айвен! — запротестовал гость. Голос его звучал уже не сердито, а умиротворяюще. — Отпусти мой пиджак! В последний раз, когда меня столь страстно приветствовали, я хотя бы получил в награду долгий влажный поцелуй. — Короткая пауза. — Подаренный собакой моего кузена Доно. Создание размером с пони и абсолютно невоспитанное — на всех прыгает…

— Байерли, ты, ты… имперский хорек! Какого

черта ты меня так подставил?

— Это как раз то, о чем я хотел спросить тебя, Айвен, любовь моя. Что пошло не так? Я думал, ты приведешь даму сюда!

— Не на первом свидании, кретин! Первое свидание всегда завершается у ее дверей. Или где-то на нейтральной территории, но это — только если вы оба совсем потеряли голову.

«Что? О чем это они?» — Тедж вслушивалась в эти бессвязные выкрики, пытаясь понять происходящее.

— Я стою, внемля твоим поучениям, — сухо ответил другой голос. — Точнее, стоял бы, если бы ты опустил меня на пол. Спасибо. Вот так уже лучше. — Тедж показалось, что она почти слышит, как он оправляет манжеты и одергивает на себе одежду.

Затем раздался неприветливый голос Айвена Ксава:

— Ладно, можешь зайти внутрь.

— Именно это я и собирался сделать, да. Я полагал, что за те пять минут, которые я потратил, давя на твой дверной звонок, ты мог бы и сам об этом догадаться, но что поделаешь…

Тедж поспешно отступила на цыпочках через гостиную и скользнула в дверь спальни. Риш

стояла, прижавшись к противоположной стене, и напряженно прислушивалась. Она предостерегающе поднесла палец к губам. Тедж кивнула и тихонько выдохнула.

Негромкий раздраженный голос продолжал:

— Последние обновления, выложенные службой безопасности купола по поводу взлома, по-прежнему весьма невразумительны, но… привязанный к стулу, Айвен? Как тебе это удалось?

— Я не видел последние обновления… о боже, они ведь не упоминали мое имя, нет?

— А им что, известно твое имя?

— Теперь уже — да.

— Айвен! А вот этого я от тебя не ожидал! — Заминка. — Следующим вопросом, если позволишь, будет, конечно, как тебе удалось развязаться?

Капитан вздохнул.

— Пока ты больше ничего не сказал… Милые дамы, вам было бы лучше выйти в комнату.

Кем бы этот человек ни был, он, судя по всему, знаком с Айвеном Ксавом и слишком много знает о делах Тедж. Должна ли она доверять учтивому хозяину дома, выдавшему их присутствие этому незнакомцу? Да тут без вариантов — доверяй, не доверяй, похоже, у них нет выбора. Тедж выдохнула, кивнула стоявшей напротив Риш и вышла

из двери спальни. Гость обернулся к ней, и брови его поползли на лоб:

— Дьявольщина! Не хочешь ли ты сказать, что, пока я с самого утра метался как проклятый, пытаясь отследить эту женщину, она все это вре…

Из-за спины Тедж выступила Риш и окинула вновь прибывшего ледяным взглядом.

Лицо его внезапно сделалось полностью бесстрастным — да, интересная первая реакция: непроницаемое выражение лица. Но только лица. Веки его не дрогнули, но глаза вспыхнули. В отличие от Риш Тедж не обладала способностью улавливать частоту пульса, но ей показалось, что от потрясения сердце его забилось не быстрее, а медленнее и дышать он стал глубже. В исходящем от него слабом запахе, который Тедж ощутила в самый первый момент, были удивление, испуг и сексуальное возбуждение, хотя она подозревала, что сам он осознает только первые два.

Он моргнул. С видимым усилием заставил себя закрыть рот и едва сумел выговорить:

— Ну и ну…

— Вот-вот, именно это я и сказал. Более или менее, — заметил Форпатрил. — Ну, или сказал бы, если бы она сразу же не срезала меня из парализатора.

— Мадемуазель. — Мужчина по имени Байерли удостоил Риш плавным полупоклоном, в котором почти не ощущалось пародии. — Дозволено ли мне будет заметить, что парализатор тут выглядит излишним? Ну что ж, представь нас друг другу, кузен мой. — К нему уже снова вернулось самообладание.

Риш, сощурившись, пристально наблюдала за Байерли. Оценивая его куда более точно, чем он мог предположить.

— Он мне не кузен, — сообщил Форпатрил, резким движением большого пальца указав на гостя. — Родство, связывающее нас, гораздо более дальнее, хотя, увы, и недостаточно дальнее. Тедж, Риш, познакомьтесь с Байерли Форратьером, более известным как Бай. Просто Бай, и все. Не лорд Форратьер и не лорд Байерли — эти титулы оставляют для сыновей графа.

По масти эти двое выглядели на первый взгляд как родные братья, но телосложение у них было разное. И все же очевидно, что у обоих изрядное количество форских генов. Каста — вот, пожалуй, абсолютно точное определение. Гость носил пиджак и брюки, отделанные кантом, — в покрое костюма чувствовалось что-то военное. Впрочем, Тедж подозревала, что это просто-напросто деко-

ративная отделка. Под расстегнутым пиджаком виднелись изысканная рубашка и пестрые подтяжки. Из-под полы чуть выглядывала кобура парализатора.

Айвен Ксав был опасно обаятелен. Этот же мужчина был опасно… напряженный? Усталый? Взвинченный? Все же, несмотря на ту трепку, которую Айвен ему устроил в холле, в его позе не было никакой настороженности, и от хозяина он не старался держаться подальше. Никакого страха ни перед Форпатрилом, ни перед Тедж. А вот его отношение к Риш — судя по тому, как поблескивают у него глаза, как повернут корпус, Риш его очень интересует. Пытается понять, что она собой представляет?

Форпатрил тем временем продолжил представление гостей:

— Бай, познакомься с Тедж, известной также как Нанья Бриндис, — впрочем, ты ведь о ней знаешь, не так ли? И с ее… подругой, Риш. Которая стала для нас с тобой сюрпризом. Полагаю, что полиция купола внесла ее в свой плей-лист как пропавшую прислугу.

Тедж сглотнула.

— Очень приятно, — вежливо произнесла она. — Вас зовут Байерли Форратьер, но, боюсь,

нам это ничего не говорит о том, кто вы. — Она чуть подняла брови, вопросительно глядя на обоих барраярцев.

Форпатрил скрестил руки на груди и устремил взгляд в пространство.

— На это должен отвечать Бай.

Второй барраярец сделал долгий глубокий вдох — тянет время, чтобы подумать? — и приглашающе махнул рукой в сторону двух диванчиков, стоящих в углу.

— Именно так. Могу ли я предложить нам всем расположиться поудобнее?

Еще минута-другая, пока Тедж и Риш устраивались на том диване, где они сидели раньше, а мужчины — на бывшем спальном месте Форпатрила. Байерли, по-прежнему выглядевший несколько смущенным, уселся рядом со своим дальним родственником (который тут же поспешил отодвинуться на другой конец дивана).

— Гм. Так. И как же… вы здесь все в итоге оказались? — поинтересовался Бай.

— Нас пригласил капитан Форпатрил, — ледяным тоном ответила Тедж.

— Им нужно было укрыться в безопасном месте, — вставил Форпатрил. — И раз уже тебе не удалось их найти, значит, оно действительно

безопасное. — Еще секунду помолчав, он добавил: — Во всяком случае, специально — не удалось.

Тедж, глядя на Байерли, нахмурилась. Несоответствие между щегольскими манерами и тем, о чем свидетельствовало его тело, резало ее восприятие: как цветовая дисгармония или музыкальный диссонанс.

— Кто вы на самом деле?

— Хороший вопрос. А кто на самом деле вы?

— Я могу тебе кое-что рассказать, — предложил Форпатрил. — Выяснил это у Морозова, гуру по Архипелагу Джексона из галактических дел. Итак, Риш известна также как Ляпис-Лазурь. Она входила в балетную труппу, созданную методами генной инженерии и принадлежавшую баронессе Кордона — по всей видимости, ныне покойной — со Станции Кордона. Месяцев семь тому назад дом Кордона поглотили некие довольно гнусные конкуренты.

Тедж задрожала.

Риш подняла взгляд, исполненный жгучей ярости:

— Не конкуренты. Хищники. Падальщики. Гиены, шакалы и стервятники.

— Настоящий зверинец, — заметил Байерли,

подняв брови и широко раскрыв глаза. — И вы находились там… э-э… в момент кормления?

Тедж выставила вперед руку:

— Мы не станем вам ничего рассказывать. — Она выждала, пока на его лице отразится разочарование, а затем выложила свою единственную карту, или же иллюзию оной. Чистый блеф, пьянящий и захватывающий дух. — Но мы могли бы заключить сделку. Ответ за ответ, равноценное за равноценное.

Пойдет ли он на это? Ведь такая сделка — на самом деле чистое надувательство. Он запросто может выхватить из кобуры парализатор, уложить Риш, а потом сразу же — Тедж, пока она еще не успела на него наброситься, — хотя, если первой он выстрелит в Тедж, ему придется малость труднее. В итоге она очнется привязанной к стулу, как бедняжка Айвен Ксав, и ощутит на руке холодное прикосновение инжектора с суперпентоталом. И за несколько минут выдаст все, что знает, перемежая свой рассказ приступами жизнерадостного смеха. Зачем покупать то, что запросто можно украсть?

Но Байерли не стал хвататься за парализатор — он откинулся на спинку дивана и задумался.

— Согласен, — кивнул он наконец. — Я заклю-

чаю сделку.

Риш удивленно вскинула брови. Форпатрил — тоже.

— Сера Бриндис, какое ваше настоящее имя? — начал он с места в карьер.

Тедж сжала губы, скрывая охватившую ее смесь восторга и ужаса. Он был почти джексонианец по способности к адаптации, и при этом оставался таким же истинным барраярцем, как и Форпатрил. Понимает ли он, что делает сам и что делает она? Есть только один способ это выяснить.

— Ответ может стоить мне жизни. Сумеете ли вы предложить что-нибудь равноценное?

Он опустил голову.

— Э-э, ну тогда нам, вероятно, не стоит с этого начинать. Что касается событий прошлой ночи, это я могу узнать у Айвена и бесплатно, а значит, не стану попусту расходовать вопрос. И что же на самом деле произошло вчера вечером, Айвен?

— Э? — откликнулся Форпатрил. — Тебе краткую версию? По твоей милости эти дамы приняли меня за наемника, которому велели их выследить, и нам никак не удавалось прояснить это недоразумение до тех самых пор, пока не появились настоящие бандиты. Ты у меня в долгу за бессонную ночь и постпарализационное похме-

лье, с которым мне пришлось скакать с одной высоченной крыши на другую, а еще, позволь добавить, за великое личное разочарование. Пока эти головорезы лежали вырубленные на полу, мы свалили, сообщили о взломе полиции купола и приехали сюда. Я еле-еле успел на работу.

Байерли схватился за голову, взлохматив свои темные волосы.

— Во имя всего святого, Айвен, а полицию-то зачем вызывать было?

— Они бы все равно рано или поздно туда приехали. Я не хотел, чтобы эти бандиты сбежали, какого черта — они запросто могли нас выследить, и я не знал, можно ли доверять… — он запнулся, — другим властным структурам, учитывая то, о чем ты говорил. — И с обидой продолжил: — Вдобавок ко всему меня выследили два противнейших местных копа. Поймали на выходе с работы, загнали в угол и целых сорок пять минут поджаривали на медленном огне. Они прямо жаждали арестовать меня за сексуальные домогательства, изнасилование, похищение, убийство и бог весть за что еще — наверное, за то, что я барраярец.

— Вот черт… Ты меня не упоминал?

— Полностью утаил от них сам факт твоего

существования. Чтобы отвертеться от всех улик, мне пришлось разыгрывать из себя последнего идиота — ради тебя в том числе, так что можешь сказать мне: «Спасибо, Айвен!»

— Это может оказаться преждевременно.

Форпатрил разобиделся еще пуще.

— Ага, и в придачу ко всем неприятностям этот цирк имел место в нашей комнате для переговоров, а ты сам знаешь, что там все записывается. И все это завтра утром окажется в почте моего шефа. Солгать ради тебя полиции купола я мог, но Деплену ни за каким чертом лгать не стану.

Байерли хлопнул себя кулаком по лбу.

— Айвен! Если ты это знал, то почему же не предложил им побеседовать где-нибудь в другом месте — в кафе, в парке на лавочке, где угодно? Инстинкта самосохранения у тебя — что у канарейки. Как ты еще жив-то до сих пор?

— Э-эй! У меня все прекрасно, пока я сам за себя отвечаю. Но стоит на горизонте появиться тебе, импе… проклятый хорек — я что, тебя звал? — как все тут же летит ко всем чертям.

— Ладно, у меня вопрос, — прервала Тедж (ну сколько же можно выяснять отношения?). — Кто подослал ко мне капитана Форпатрила, кто дал ему мою фотографию? Вы? — Она, нахмурившись,

посмотрела на второго Форбракадабра.

Тот в ответ прижал руку к груди и склонил голову в вежливом поклоне:

— И никто другой. Полагаю, ответ вас устроил?

— Зачем?

— Это уже два вопроса.

— Запишите на мой счет. — Она сощурилась. — Вы знали, что на нас с Риш готовилось вчера ночью нападение? Откуда?

Форпатрил прикусил костяшки пальцев.

На лице Байерли застыло подобие отсутствующей улыбки. Просчитывает? Однако в следующее мгновение он вновь расслабился, и лицо его обрело уже ставшее привычным ироническое выражение.

— Я сам их нанял.

У Тедж оборвалось сердце. Неужели их с Риш снова предали?..

— Что?!! — негодующе возопил Форпатрил. — Ты должен был меня предупредить!

— Я не знал, в какой степени можно полагаться на твои актерские таланты.

Форпатрил скрестил руки на груди, фыркнул, но стерпел.

«М-м, что?..» — мелькнуло у Тедж. Рука Риш тихонько скользнула назад, к карману брюк, и

— при всем ее самообладании — даже у нее на лице отразилось изумление.

Байерли продолжил свой ответ:

— В данный момент я занят наблюдением за кое-какими людьми. Лучший способ познакомиться с человеком поближе часто состоит в том, чтобы стать для него чем-то полезным. Хотя утверждение «враг моего врага — мой друг» верно и не всегда, но в данном случае я подумал, что это удачная возможность продемонстрировать сотрудничество, предварительно позаботившись, чтобы оно не дало результатов, — по крайней мере до тех пор, пока мне не удастся разузнать о вас побольше.

Так, значит, он одной рукой предавал ее, а другой — своих знакомых?

— Вы… довольно ловко работаете обеими руками.

Он пожал плечами, нисколько не обидевшись.

— Тогда Айвен — если можно так выразиться — третья рука, которой я воспользовался в последнюю минуту, чтобы закрыть брешь, поскольку все это сложилось довольно неожиданно. Мой план — поскольку я не имел никаких данных о наличии вашей таинственной и неуловимой служанки — состоял в том, чтобы Айвен увел вас

куда-нибудь порезвиться, оставив полуночным гостям пустую квартиру. План для вас обоих приятный, а для них — весьма огорчительный и никак не связанный со мной. И заметьте, я до сих пор не знаю, зачем они хотели вас похитить. — Он поднял глаза и вопросительно моргнул.

— Вы тайный агент. — «Коммерческий, правительственный? Но точно не военный». — И какой именно?

— А вот эта информация уже равноценна вашему имени.

— Э-э, Тедж, — вставил Айвен, — если ваши враги все равно уже знают, кто вы на самом деле, то стоит ли держать в неведении друзей? Какой для вас в этом смысл? На мой взгляд, никакого.

— Вы пока что не проявили себя как наши друзья.

— Я-то уже проявил, и еще как! — сказал Форпатрил. И, указав пальцем на своего гостя, тут же признал: — Ну а он, может, и не настолько.

Тедж потерла губы. Айвен Ксав прав.

— Он в самом деле заслуживает доверия? — напрямую спросила она.

— Нет, он проклятый хорек. — Форпатрил задумался. — Но он не станет предавать Барраяр. Если вы не представляете угрозы для Империи, у вас

нет причин его опасаться. По всей вероятности.

Байерли недоверчиво, с раздражением уставился на Форпатрила:

— А ты-то на чьей стороне?

— Ты, бывает, допускаешь ошибки. И я прекрасно помню, как в результате одной из них мне пришлось вытаскивать тебя вместе с твоим кузеном-графом из жуткой заварушки. Вытащил. И что же я получил в ответ? Уважение? Признательность? Что?

Байерли поник.

— Но ты ведь получил другую работу.

Этот ответ почему-то утихомирил Форпатрила.

— Ха, — только и сказал он.

Байерли помассировал себе шею, поднял глаза и, наткнувшись на пристальный взгляд Тедж, мягко улыбнулся. Эта улыбка никак не сочеталась с напряжением, читавшимся у него во взгляде.

— Очень хорошо. Сделка — в обмен на ваше имя. — Он вдохнул. — Я тайный агент Имперской безопасности. Моя специализация — среда высших форов, сосредоточенных вокруг Форбарр-Султана. Сейчас я оказался вне своей обычной территории, поскольку люди, за которыми я слежу, выехали оттуда и прибыли сюда, чтобы провернуть свои делишки — преступные,

разумеется, и таящие в себе возможность государственной измены.

Тедж покачала головой:

— Нас преследуют не барраярцы.

— Я знаю. Вас преследуют люди, с которыми ведут дела мои подопечные. А мои подопечные вас отыскали, чтобы оказать тем, другим, услугу и подсластить блюдо, которое вот-вот прокиснет.

Форпатрил заскрежетал зубами:

— Эй! Так ты рассматривал Тедж и Риш всего лишь как незначащее средство доказать им свою полезность?

Байерли лишь молча пожал плечами.

— Ради бога, Бай! А если бы те головорезы их захватили?

— Я считал, что эксперимент, чем бы он ни закончился, все равно принесет много нужной информации, — признался под давлением Байерли. — А похитителям ни в коем случае не позволили бы вывезти их из Империи. Но если Тедж и Риш могут побольше рассказать мне о своих… э-э… противниках, значит, дело обернулось даже лучше, чем я мог предполагать. Хотя есть и другие последствия… ну ладно. — И он с явной неохотой добавил: — Спасибо, Айвен.

— Это ставит под угрозу не только мою жизнь, —

медленно проговорила Тедж, — но и жизнь Риш.

— Я работаю с двумя помощниками, — ответил Байерли. — Если я — как это по-джексониански? — спалюсь, то и они, по всей вероятности, тоже. Как видите, я тоже несу ответственность за других.

Тедж пришло в голову, что этот обмен только что дал барраярскому агенту очень хороший профессиональный повод держать их с Риш как можно дальше от всяких похитителей и оберегать от вражеских допросов независимо от того, какие у него там еще планы. Ее блеф принес им самый настоящий выигрыш. Впрочем, у барраярца имелся еще один безопасный вариант — попросту убить их, однако запаха нервного возбуждения, который мог бы свидетельствовать о тайном намерении, она не ощущала. Тедж вопросительно глянула на Риш — та внимательно отслеживала все происходящее с помощью своих сверхчувствительных органов восприятия. «Он говорит правду?» Риш ответила осторожным кивком: «Да, продолжай». Возможно, там еще подразумевалось слово «пока».

«Да. Для этого человека разменной монетой служит информация. А не… не монета». Риш, несомненно, оценила бы в этих словах эстетиче-

скую прозрачность.

Тедж сглотнула.

— Прекрасно. — У нее резко перехватило горло — казалось, она вот-вот задохнется от некоей смертельно опасной аллергической реакции. — Мое полное имя — Акути Теджасвини Джиоти гем Эстиф Аркуа. Мои родители… моими родителями были Шив и Удине гем Эстиф Аркуа, барон и баронесса Кордона.

Она подняла взгляд, чтобы оценить произведенное впечатление. Лицо Байерли вновь сделалось абсолютно невыразительным — похоже, он не то что обрабатывал информацию, а вправду вырубился. На лице Форпатрила застыла вежливая улыбка. Когда-то в детстве у Тедж был любимый игрушечный меховой мишка, его так и тянуло обнять, — и глаза у него были стеклянные, точно такие же, как сейчас у Форпатрила. Вот только обнимать Форпатрила ей в этот момент вовсе не хотелось.

Глава пятая

Айвен был ошарашен настолько, что полностью утратил способность мыслить и выдал первое, что пришло в голову:

— И как только все эти имена удерживаются на одной-единственной девочке? — «И как, к дьяволу, это пишется?»

Тедж — теперь-то Айвен понял, почему ее называют уменьшительным именем — нетерпеливо тряхнула головой, взметнув облако кудряшек. Словно хотела возразить — на что?

— Когда мы, дети, начали появляться на свет, отец раздобыл книгу — не знаю, где он ее нашел, — «Десять тысяч аутентичных этнических детских имен со Старой Земли, их значения и географическое происхождение». И никак не мог выбрать что-то одно. Мою сестру зовут Стелла Антония Дольче Джиневра Лючия, но к тому времени, когда родилась я, он уже слегка поостыл. — Секунду помолчав, Тедж добавила: — А ее мы называли Звезда, так переводится имя Стелла.

— Так, стало быть, вы… не единственный ребенок? — спросил Бай. — Не наследница Дома?

А вот это — действительно хороший вопрос. И весьма пугающая мысль.

Тедж одарила Бая ледяным взглядом. Теперь его очередь давать информацию.

— А вот я — единственный ребенок, — выложил Айвен.

— Я знаю.

— Откуда?

— Нашла через поисковик на комм-пульте. И кроме того, вы — это действительно вы. — Она нахмурилась и поглядела на Байерли: — Интересно, что бы я нашла, если бы задала поиск на вас?

— Не слишком много. Я отпрыск ничем не примечательной младшей ветви семьи. — Бай бросил быстрый взгляд на Риш, навострившую свои острые бирюзовые эльфийские ушки. — Официально лишенный наследства, но поскольку моя ветвь не обладает ничем, что можно наследовать, со стороны моего отца это было не более чем красивым жестом.

— У него еще младшая сестра есть, — добавил Айвен. — Я ее, правда, ни разу не видел. Она ведь у тебя замужем и живет на Южном Континенте, да, Бай?

Улыбка Бая, и без того уже натянутая, увяла окончательно.

— Да.

— Нет никакого смысла умалчивать о том, что нам может сообщить капитан Морозов, — любезно заметил Айвен, глядя на Тедж. Вся эта затея со сделкой реально вызывала тревогу — слишком уж все оно по-джексониански, напряженно. — А сообщить он может все общеизвестные факты и все, что мелькало в галактических лентах новостей. — «И, вероятно, кое-что еще». Айвен уже раскаивался, что не задержался и не выяснил побольше. Но это, в свою очередь, непременно вызвало бы ряд вопросов, на которые ему как раз тогда очень не хотелось отвечать. К примеру: «И сколько таинственных женщин, Айвен, вы прячете у себя в квартире?»

Тедж потерла глаза изящной смуглой рукой.

— Я — предпоследняя, почти самая младшая. Наследником был мой старший брат, но его, судя по сообщениям, во время поглощения тоже убили. Я почти уверена, что две мои старшие сестры бежали из локального пространства Джексона через другие точки перехода, но что с ними стало потом, мне неизвестно. Другой мой брат… уехал давным-давно.

— Как это было устроено? Ваш побег? — спросил Бай.

Тедж пожала плечами:

— Все было распланировано еще много лет назад — для нас для всех, для детей, на случай чрезвычайной ситуации. Мы это отрабатывали. Предполагалось, что, услышав кодовое слово, мы не задаем вопросов, не спорим, не мешкаем — просто четко следуем указаниям назначенных нам кураторов. Однажды, несколько лет назад, я уже такое проходила — мы добрались до Станции Фелл, и тут нас догнал приказ возвращаться. Я думала, так будет и сейчас.

— Значит, вы не были свидетелем… э-э… насильственной смены власти на Станции Кордона?

— Думаю, Звезда отчалила со Станции как раз, когда они туда высаживались, но мы, остальные, к тому моменту уже несколько часов как были в пути. Эвакуацию родители всегда отрабатывали до мелочей, не полагаясь на случай. — Тедж сглотнула: ей явно перехватило горло от мучительных воспоминаний. — Все, что нам известно, мы выяснили уже позже, из новостных лент, хотя им-то, конечно, доверять нельзя.

— Дважды, — внезапно сказала Риш. — Разве ты забыла? Ты ведь тогда была не такая уж и маленькая.

— То путешествие, в которое мы отправились,

когда мне было шесть лет? О! Мне никто никогда ничего об этом не говорил. Только что мы покатаемся и заедем в гости.

— Мы не хотели тебя волновать.

— Так тебе же самой вряд ли было больше пятнадцати. — Тедж повернулась к Айвену (но не к Байерли) и пояснила: — Когда я была маленькой, Риш обычно присматривала за мной в перерывах между своими балетными классами и прочими делами, которые ей поручала баронесса.

«Вы называете свою мать баронессой?» — подумал Айвен. Ну что ж, высокая женщина на головиде Морозова выглядела сногсшибательно — холодная красавица скорее всего. А мужчина… его оценить сложнее.

— А назначенный вам куратор — это Риш? — спросил Бай.

Тедж покачала головой:

— У нас был настоящий телохранитель, курьер. Боюсь, его уже нет в живых. Это случилось на Станции Фелл. Нам едва удалось оттуда вырваться.

Этот человек купил их спасение ценой собственной жизни? Судя по тому, как дрогнул ее голос и как заледенел взгляд Риш, — похоже на

то. Но если Риш — не официальный телохранитель, то кто она тогда? Айвен посмотрел на нее и спросил:

— Так, значит, вы и в самом деле дживс?

Риш вскинула брови, словно сотканные из золота.

— Что вы дадите в обмен на эту информацию?

— Я… — Айвен перевел взгляд на Байерли. — Кажется, сейчас его очередь.

Досада, мелькнувшая в ответном взгляде Бая, нисколько не тронула Айвена.

— На самом деле, — продолжил Айвен, адресуясь к нему, — ты мне должен целую прорву информации, пока я ни во что больше не вляпался. И никаких отговорок типа «Ты идиот, Айвен!» — с меня довольно! Сам не позаботился провести со мной нормальный инструктаж! — После сей громогласной декларации он с трудом перевел дух, а Бай тихонько сдвинулся подальше от него. Ну и прекрасно. Если он, Айвен, вынужден кричать, чтобы его услышали, то, может, пришло время немного побуянить. — Называй имена, Байерли!

Байерли выглядел так, словно предпочел бы выбить кое-кому парочку зубов. Однако же потер лоб, хмуро покосился на женщин и начал:

— Ну что ж, ладно. Айвен, ты знаешь Тео Формерсье?

— Я с ним едва знаком. Не мой круг.

— Несомненно. Совсем недавно он лишился надежды на наследство, ибо его стареющий дядюшка, граф Формерсье, вступил в повторный брак и начал вовсю плодить потомство.

— Да что ты? Ну то есть, о браке-то я слышал от матушки, сам понимаешь, но мне казалось, что новая жена не сильно моложе его самого.

— Технологии, разумеется. Они использовали генкомплекс и маточный репликатор. Насколько я понимаю, один новенький мальчик, здоровый, без всяких генетических дефектов, у них уже имеется, а второй как раз на подходе. — Байерли ухмыльнулся. — А кстати, твоя матушка и старина Иллиан, случаем, не собираются…

— Нет, — решительно оборвал Айвен. Не то чтобы одна грозная тетушка этого на самом деле не предлагала, ну так она же бетанка. Он оглянулся на Тедж — та слушала внимательно, но с некоторым недоумением. — Ты говорил о Формерсье.

У Бая во взгляде мелькнула усмешка, и он, кивнув, продолжил:

— Тео довольно долго жил на эти свои ожидания и ни в чем себе не отказывал. Сказать, что

подобное развитие ситуации его озадачило, будет сильным преуменьшением. А между тем у него имеется младший брат в армии — офицер-квартирмейстер на орбитальном складе Зергиярского флота. Ожидания брата по имени Роджер, пусть и куда более скромные, рухнули точно так же. Где-то с год назад Тео нанес ему визит. И они, естественно, поговорили.

— Зергиярский флот — епархия коммодора Джоула, — сказал Айвен. — Не говоря уже… Ха. Не лучшее место, чтобы играть в игры.

— Вот потому-то, в частности, они и вели себя крайне осторожно — и очень ловко прокручивали все дела. Роджер начал с малого — хищение груза устаревшей военной техники и боеприпасов, предназначенных на уничтожение. Искушение совершенно очевидно, а бережливость, если задуматься, почти что достойна восхищения. Контакты с покупателями, которые они завязали во время этой аферы, привели их к новым контактам — покрупнее и поинтереснее, и следующая операция стала гораздо более рискованной.

— Как ты вытянул все это из Формерсье? Незаметно для него самого накачал суперпентоталом?

— Алкоголь и бравада, Айвен. А с моей стороны

— долготерпение и всеядность, если можно так выразиться. — Бай вздохнул. — Заговорщики разделили задачу. Роджер берет на себя черную работу. Тео отмывает деньги. И никаких денежных следов, ведущих к реальным расхитителям в армии. Грузы при каждом удобном случае отправляются с орбиты Зергияра на Станцию Пол, а там ускользают в пустоту — к получателям-инопланетникам. Деньги из пустоты поступают в руки связника на Комарре, тот находит различные — вполне легальные с виду — способы передать это Тео, а Тео переводит их обратно на Барраяр и инвестирует. После чего, спустя довольно долгое время, армейские пешки заглядывают к нему на минутку и получают свою долю под всяческими изобретательно вымышленными предлогами. Но братья Формерсье — подобно множеству других игроков — похоже, ни разу не слышали изречения «Сойди со сцены в зените славы».

— Мой папа частенько это повторял, — заметила Тедж.

Риш кивнула.

Байерли, ошеломленно замолчав, отсалютовал им, а затем продолжил:

— Старая поговорка «У воров чести нет» тоже была бы здесь весьма уместна. У меня есть осно-

вания полагать, что Тео присваивал кое-что из доверенных ему фондов. В любом случае он был уже на грани, когда пришло время взять свою яхту, свою свиту и своего доверенного прихлебателя — сиречь меня — на Комарру, чтобы устроить вечеринку в лучах солнечного отражателя. И забрать очередную выплату за поставленный товар у его комаррианского связника. К несчастью для Тео, оказалось, что товар еще не поставлен. Судно неожиданно задержали на орбите Комарры, и оно пропустило рандеву на Станции Пол. Полагаю, Айвен, к этому имели какое-то отношение ваши люди?

Айвен вытянул губы и присвистнул.

— Так, стало быть, это «Канзиан». На данный момент — единственный корабль Зергиярского флота в системе. Фор-всадники стопорнули его для флотской инспекции. Деплен любит устраивать мелкие сюрпризы такого рода, хотя готов держать пари, что для Джоула это сюрпризом не стало. Он наверняка при первой же возможности оплатит той же монетой.

Байерли удовлетворенно кивнул: еще один кусок его головоломки встал на место.

— Связника Тео, похоже, такое развитие событий особо не беспокоит, а вот Тео уже весь в

мыле. Связник отказался платить аванс за карго, которое застряло не пойми где, зато предложил в качестве подачки на редкость щедрое вознаграждение за твоих двух гостий. — Байерли кивнул в сторону Тедж и Риш. — Нищим выбирать не приходится — Тео тут же за эту подачку ухватился и взвалил задание на меня. И вот — мы все здесь.

Бай выдержал паузу, словно ожидая взрыва аплодисментов, и казался разочарованным, получив вместо этого лишь три долгих взгляда.

— Идентификация комаррианского связника стала для меня своего рода удачей, только этого вряд ли хватит, чтобы оправдать мои статьи расходов. Но, как Айвен, несомненно, объяснил бы в своей образцовой военной манере: лучший способ захватить п-в-туннель — сделать это с обоих концов сразу. — Бай развел руки в стороны, а потом медленно свел их вместе, словно поймал в клетку воздух или что-то еще, видимое только ему одному. — Если бы удалось вычислить тех людей в пустоте за Станцией Пол, можно было бы раскрутить цепочку обратно и накрыть все, что находится между ними и Комаррой. — Он с явным интересом поднял глаза на Тедж и Риш: — Не кажется ли вам, что люди, которые назначили за вас цену, принадлежат синдикату, захватив-

шему ваш Дом?

Тедж сжала кулаки — и тут же разжала их снова.

— Дом Престен? Я… не знаю. Возможно. Или кто угодно другой — в расчете на вознаграждение за ордер на арест.

— Вознаграждение, о котором вы говорите, объявлено в конечном итоге синдикатом? Зачем вы им понадобились? Размер премии предполагает наличие особого интереса.

Тедж стиснула губы, пожала плечами.

— Если бы они сумели захватить и выставить на всеобщее обозрение Риш — одну из Драгоценностей, — это стало бы наглядным доказательством победы Престена над домом Кордона. Тем более если бы им удалось собрать весь комплект. Меня они, вероятно, считают потенциально опасной: думают, что мне прямо не терпится при первой же возможности вернуться, уничтожить их и забрать обратно Дом моих родителей. Не знаю, может, они просто пересмотрелись головидов.

— А вам действительно не терпится отомстить?

— Я никогда не хотела быть баронессой. Единственное, чего я хотела бы, — это вернуть себе родителей и брата. — Она закусила губу. — В этой

жизни оно невозможно.

Байерли повернулся к Риш:

— Так вы и в самом деле дживс?

Она пристально на него посмотрела и коротко кивнула, словно говоря: «честная сделка».

— Я — дитя, созданное баронессой, и останусь таковой навсегда. Все дальнейшее обучение лояльности было прекращено после той паники много лет назад. Баронесса сказала, что не хочет, чтобы Драгоценности погибли или пострадали в случае ее внезапной смерти.

— Я этого не знала, — удивленно проговорила Тедж.

Риш изящно махнула лазоревой рукой (значение этого жеста Айвену разгадать не удалось).

— Тебе было шесть лет, — сказала она.

— И что же мешало вам сбежать? — поинтересовался Бай.

Она вскинула подбородок и посмотрела на него сверху вниз — ловкий трюк, если учесть, что Риш была ниже ростом.

— Разве вы не говорили, что вас лишили наследства? И что же вам мешает предать вашу Империю?

Бай, сдаваясь, развел руками.

— А какие «прочие дела» поручала вам баро-

несса Кордона? Кроме присмотра за детьми.

Риш поднесла палец к губам и одарила его странной улыбкой:

— Живые скульптуры.

— О?

— На приемах баронесса расставляла нас, Драгоценностей, по всему залу, и мы на какое-то время застывали, словно мраморные, в различных позах, а потом переходили к новым позам. Довольно скоро гости начинали вести себя так, будто мы и в самом деле статуи. Ни до одного из них, похоже, так и не дошло, что все мы наделены острым слухом. И прекрасной памятью. Мы соревновались друг с другом, кто, отчитавшись в конце вечера, поднесет баронессе самые лакомые кусочки. — Она испытующе посмотрела на Бая. — А впрочем, думаю, не мне вам объяснять, как это работает. И насколько свободно люди говорят, если считают вас деталью интерьера. Так ведь?

Он нехотя ответил понимающим кивком.

— И что же все это значит? — жалобно вопросил Айвен.

Бай выгнул бровь.

— Слишком философский вопрос — как-то на тебя не похоже.

— Нет, это я про имя. — Айвен махнул рукой в

сторону Тедж. — Адж-Теджас-как-там-дальше. Из книги вашего па. — И честно добавил: — Айвен — это искаженное русское Иван, на английском будет Джон. А что означает Джон, это еще надо подумать.

Тедж как-то странно на него посмотрела, но ответила — выходит, сделка все еще в силе?

— Акути — принцесса, Теджасвини — сияющая — или, возможно, мудрая, не знаю точно, что именно… Джиоти — пламя. Или свет.

— Принцесса Сияющее Пламя, — попробовал Айвен на вкус. Он потом еще отработает другой вариант. Или Принцесса Ослепительный Свет. Как бы то ни было, все равно Принцесса. — Похоже, ваш па был о вас чрезвычайно высокого мнения, а?

Тедж сглотнула и отвела взгляд, словно бы дальний конец комнаты сделался вдруг очень захватывающим. Она ответила дрогнувшим голосом, сухо и педантично:

— Географическое происхождение — предположительно Южная Азия. Стелла — из Южной Европы или Южной Америки, или что-то еще южное, не знаю. А может, наоборот. Историей Старой Земли мы никогда особо много не занимались.

— А что означает фамилия «Форратьер»? —

спросила Риш у Байерли. Наверное, хотела дать Тедж время прийти в себя.

Бай откинулся на спинку дивана, удивленный вопросом, — а может, и тем, что вопрос этот задала Риш, — но тут же с готовностью ответил:

— Происхождение приставки «Фор» — довольно спорное. Точно известно лишь то, что возникла она в Период Изоляции и использовалась исключительно для обращения к членам тогдашней военной касты. Мы почти уверены, что «Ратьер» происходит от немецкой фамилии «Рутгер» со Старой Земли — результат неправильного произношения или ошибки в написании.

Тедж, к которой снова вернулось самообладание, задала свой вопрос:

— А как насчет Форпатрила?

Айвен откашлялся.

— Я точно не знаю. Одни говорят, что у этой фамилии британские корни, другие — что то ли греческие, то ли французские, возможно, от слова «патрос» или еще какого-то вроде него. За века, прошедшие с тех пор, как Первые колонисты оказались отрезаны от остальной галактики, на Барраяре исказилось множество имен и фамилий. А еще появились сокращения: Зерг — от Сергея, Падма — от Падмакара, Ксав — от Ксавье.

— Мутировали со временем, логично, — заметила Тедж и тут же осеклась: Бай и Айвен уставились на нее одинаково свирепыми взглядами. — Что случилось? У вас обоих такой вид, будто вы жука проглотили. Я выразилась абсолютно корректно. Мутация — ошибка копирования. Это общеизвестно.

— Никогда, — решительно проговорил Айвен, — не употребляйте этот термин в разговоре с барраярцами. Одно только предположение, что у кого-то имеются мутации, — почти смертельное оскорбление. Даже если речь идет всего лишь о произношении имен.

— Ой!.. — Тедж выглядела озадаченной, но примирительно кивнула: — Ладно. Как скажете.

В этот момент Бай бросил взгляд на свой наручный комм и выругался себе под нос.

— Я должен быть в другом месте. Уже несколько минут как. — Он вскочил, схватившись за голову. Окинул пристальным взглядом Айвена, Тедж и Риш — всех сразу. — Полагаю, для вас это логово пока что не хуже любого другого.

— Пока что — это сколько? — уточнил Айвен.

— Не знаю. День, два, три? Мне хотелось бы продержаться в игре как можно дольше, в надежде выйти на тех, кто стоит за связным Тео. Я

уже делаю успехи, но нас вот-вот прихватят. В этот момент я вынужден буду исчезнуть, чтобы сохранить работу под прикрытием и средства к существованию. И собственную шкуру. Итак, до встречи, дорогие друзья, адье.

И Бай, взмахнув рукой в почти не пародийном эсбэшном салюте, устремился к двери; Айвен вышел вместе с ним.

В холле Бай понизил голос:

— Послушай, Айвен, если дела обернутся плохо, тебе, наверное, лучше отвести этих женщин к Морозову.

— Они не захотят — не доверяют СБ.

Бай пожал плечами:

— Держу пари, Морозов мог бы предложить им сделку. В Департаменте по делам галактики с восторгом вылакают все, что они пожелают слить об этом их синдикате.

— А может, и больше, чем они пожелают.

— Это мы еще обсудим. Позже. — Бай быстрым шагом направился к выходу. Вид у него был усталый.

Айвен закрыл дверь, проверил замок и, вернувшись в гостиную, обнаружил, что Тедж и Риш уже договариваются, кто первый идет в ванную. Айвен глянул на свой наручный комм и, прикинув,

сколько осталось до комаррианского рассвета, горестно поежился. «Ненавижу эти урезанные сутки».

— Странный мужчина, — прокомментировала Риш, глядя на дверь, в которую вышел Байерли.

— Вы не первая, кто это заметил, — сочувственно произнес Айвен.

— Как его занесло на такую работу?

Айвен сощурился, удивляясь, почему этот вопрос до сих пор не приходил ему в голову.

— Понятия не имею. Ребят из СБ об этом обычно не спрашивают. Если не ошибаюсь, когда он переехал в Форбарр-Султан, ему было около двадцати стандартных лет, и его родители жили на западном побережье — это, знаете ли, на другом конце континента. К тому моменту, как я вдруг выяснил, что он втихушку работает на СБ, он уже болтался там много лет, ловя удачу. Ну, то, что он отдалился от своей семьи, похоже, в объяснениях не нуждается — то есть, если вы, конечно, знакомы со всеми этими Форратьерами. Весь этот клан вообще… хм… все они либо весьма колоритные, либо полностью асоциальные.

— Ага, — лаконично бросила Риш и направилась в ванную.

Айвен снова устроился на диване и стал смот-

реть на Тедж, которая провожала взглядом свою удалявшуюся мягкой поступью подругу. Этот диван вполне сойдет за кровать, если только Айвену дадут полежать здесь подольше и не будут дергать.

— Присматривала за детьми, стало быть?

Тедж фыркнула, подавив смешок.

— Не знаю, насколько добровольно она взялась за эту работу. Я обычно ходила за ней повсюду, как котенок, который охотится за веревочкой. Когда я была маленькая, Драгоценности меня просто зачаровывали. Я смотрела, как они репетируют танцы, и заставляла их пытаться научить и меня.

— А какие это были танцы?

— О, какие угодно. Они всюду, где только можно, собирали технические приемы и стили и, соединяя все это воедино, всякий раз создавали нечто новое. Я тоже хотела быть такой, как они, хотела, чтобы мне позволили танцевать по-настоящему — участвовать в их выступлениях. Но половая зрелость лишила меня всего.

«Напротив, — подумал Айвен, — половая зрелость весьма щедро ее одарила». Он уже чуть было не сказал это вслух и лишь в последний момент умудрился себя остановить, спросив

только:

— Это как это?

— Все самые лучшие танцовщицы — тоненькие, маленькие, сильные и очень пластичные. Как Риш. В четырнадцать лет уже стало ясно, что сложение у меня скорее в папу — остальные мои сестры все пошли в маму, гибкие, стройные. Просто я выросла слишком высокой, слишком крупной, слишком тяжелой. Со слишком тяжелым бюстом. — Она фыркнула так, словно чисто по-женски себя не одобряла. Айвен решил, что ему этого не понять. — К пятнадцати годам стало очевидно, что, как бы я ни старалась, я никогда не буду так хороша, как Драгоценности. И я это оставила.

— Вы это бросили? — переспросил Айвен. — Так не годится. То, что кто-то другой — своего рода прирожденный блистательный гений, еще не означает, что вы — иди… хм-м!.. Я хотел сказать — не означает, что вы должны… — он попытался срочно найти нужную формулировку: — должны прятать вашу свечу под сосудом.

Ее улыбка растаяла.

— Моя сестра Звезда сказала как-то, что единственная причина, по которой я хотела выступать с Драгоценностями, — это оказаться в центре

внимания. Думаю, она была права. — Тедж устало поднялась на ноги и направилась в ванную, наверное, Риш уже помылась.

Тедж забыла про сделку и не потребовала в обмен никакого ответа. Глядя, как она исчезает в темноте соседней комнаты, Айвен только и смог подумать: «А знаете, на самом деле… Я думаю, вы хотели танцевать просто потому, что вам хотелось *танцевать*».

* * *

Тедж снился сон.

Она бежала по извилистым коридорам космической станции, преследуемая чем-то страшным, у чего нет названия. Впереди разбегались направо и налево Драгоценности — улетали в гран-жете в поперечные коридоры; мелькали красными, зелеными, лазоревыми, обсидиановыми, золотыми и жемчужно-белыми вспышками в фантастических тройных сальто, но когда она нагнала их, гулкие коридоры уже были безмолвны и пусты. И она побежала дальше.

Открылась, скользнув в сторону, боковая дверь. Чей-то голос прошипел:

— Быстро! Спрячься здесь!

Это оказался капитан Форпатрил. На нем был

зеленый офицерский мундир, а под мундиром — костюм медведя. На груди — крест-накрест патронташи с зарядниками, в руках — какое-то огромное оружие, наверное, плазмотрон. А может, водяной пистолет? Он усмехнулся ей из-под круглой меховой оторочки медвежьего капюшона. Оружие исчезло, а потом они целовались, и на секунду-другую сон сделался хорошим. Его поцелуи были опытными: ни слишком робкими, раздражающе щекочущими, ни слишком агрессивными, как будто кто-то пытается запихнуть слизняка тебе в горло, а как раз такими, как надо: настойчивыми и испытующими. Тедж отметила это, подумав: «Когда проснусь, я непременно должна постараться вспомнить эту часть сна».

— Я хочу коснуться вашей кожи, — сказала она ему, когда они остановились перевести дыхание. — Она у вас очень бледная, да? Гладкая или волосатая? А кожа у вас бледная везде, по всему телу? А серебряные прожилки, как у Жемчуг, у вас есть?

«Куда же делась Жемчуг?..»

— Вот, позвольте, я вам покажу. — Он снова усмехнулся и дернул вниз «молнию» на медвежьем костюме, от шеи до промежности. И мех, и кожа разошлись в стороны, открывая глянцево-

красные мышцы, белую фасцию и тонкие синие линии вен.

— Нет-нет, только мех! — в ужасе закричала Тедж и попятилась. — Не кожу!

— О, что? — переспросил Форпатрил в некотором замешательстве. Он опустил взгляд — и замешательство сменилось смятением: на груди его разбегалась чернеющая сеть трещин, расползался круг, выжженный плазменной дугой. Воздух наполнился дымом и запахом горелой плоти, перед ней стоял уже не Форпатрил, а их злополучный курьер, Сеппе, снова на Станции Фелл…

Тедж стала задыхаться — и проснулась. Она лежала на кровати в темноте Айвеновой квартиры; рядом с ней была Риш — неподвижная, спящая — и грациозная даже во сне. Тедж хотела спросить ее, куда разлетелись Драгоценности, но люди никогда не оказываются вместе в одном и том же сне. И конечно, Тедж не пожелала бы своего сна никому другому.

«Я рада сбежать из этого сна…» Из большой его части. Начало и конец были точно такими же, как и в большинстве ее снов последнее время, все вместе — слишком похоже на явь. А вот поцелуй согрел ее до самых сокровенных глубин. «Привет

вам, сокровенные глубины. Давненько от вас не было никаких вестей…»

Что это за странный гул? Тихий, едва различимый. Ах, ну да, это же душ, — наконец сообразила она. Воду выключили, после чего из ванной и совмещенного с ней туалета послышалось какое-то шуршание. Тихонько зашипела скользнувшая в сторону дверь, но перед тем как ее открыть, капитан, очевидно, выключил свет. Чтобы не потревожить спящих гостей? Или — спросила она себя, пока шаги его босых ног приближались к кровати — из-за чего-то более зловещего?

Она открыла глаза, повернулась и смерила взглядом едва различимую в темноте фигуру. Он, похоже, был полностью одет и снова в своем мундире. Никакого медвежьего костюма. Кожа прочно сидит на своем месте — все в порядке. Замаскированный ароматом свежего мыла и крема для депиляции, его запах был едва различим; как и ее собственный, предположила она, но, к счастью, Риш спит и не станет ее высмеивать.

— Что? — выдохнула она.

— О, — прошептал он в ответ, — извините, что разбудил. Я просто уже ухожу в Генштаб.

— Но сейчас еще темно.

— Да, знаю. Проклятые девятнадцатичасовые

сутки. Что мне принести сегодня вечером? Может, вы хотите что-нибудь особенное?

— Что бы вы ни выбрали, все будет замечательно, — сказала она почти что доверчиво.

— Хорошо. На этот раз постараюсь не опаздывать, но я никогда не знаю, что может случиться, так что не паникуйте, если вдруг задержусь. Я сам за собой запру. — И он тихонько, на цыпочках, двинулся прочь.

— Капитан Форпатрил! — Она сама не знала, что хочет ему сказать, но запах горящей плоти из того сна до сих пор лишал ее присутствия духа. В итоге она выбрала туманное: — Будьте осторожны.

— М-м… ну конечно, — в замешательстве ответил он.

Дверь спальни закрылась за ним; Тедж услышала, как он чем-то гремит в кухоньке, потом раздался вздох входной двери, а потом… а потом квартира вдруг показалась ей очень пустой.

Тедж снова откинулась на подушки, надеясь на сон без сновидений.

* * *

Несмотря ни на что, Айвену в то утро удалось добраться до наземного отделения Генштаба на

Комарре точно в срок, за полчаса до прихода шефа — хотя Деплен частенько сам нарушал распорядок, приходя на работу раньше времени. Айвен заварил кофе, устроился за своим защищенным комм-пультом, поморщился и включил его, чтобы разобраться с почтой, поступившей на имя адмирала со вчерашнего дня.

Касательно этого первого (после кофе) ежедневного задания Айвен изобрел собственную метафору. Это — совсем как когда открываешь дверь и обнаруживаешь, что ночная служба доставки оставила у тебя на пороге большую груду коробок, и все они помечены ярлычком «Разное». На самом деле все они помечены ярлычком «Срочно!», но если срочно — абсолютно все, то — в представлении Айвена — коробки с тем же успехом можно пометить и ярлычком «Разное».

Каждая коробка содержит в себе что-то одно из следующего списка: «злющие бодрые ядовитые змеи — спасайся кто может»; «дремлющие ядовитые змеи»; «неядовитые садовые змейки»; «дохлые змеи»; «твари, похожие на змей, но на самом деле не змеи» (например, большие вялые черви). В утренние обязанности Айвена входило вскрыть каждую коробку, определить разновидность, энергию, настроение и степень

клыкастости находящихся внутри извивающихся тварей — и рассортировать их по реальной срочности.

Злющие ядовитые змеи отправлялись прямо к Деплену. Садовых змеек Айвен аккуратно раскладывал в стопочки, чтобы оставить себе на потом. Дохлые змеи и вялые черви возвращались отправителям вместе с разнообразными стандартными приписками под грифом «Из офиса адмирала Деплена» — от терпеливо-объясняющих до кратко-злобненьких, в зависимости от того, сколько времени уходит у отправителя, чтобы научиться самому справляться со своей чертовой дикой природой. У Айвена имелся полный набор депленовских замечаний, и его обязанностью — а иногда и развлечением, ведь у любой работы должны быть свои приятные стороны — было выбрать для каждого подходящую приписку.

Как он и ожидал — и боялся, — в это утро среди коробок скрывалось срочное (ну разумеется) сообщение от комаррианской СБ с полной записью его вчерашней беседы с местными копами. И вдобавок ко всему доля злющих ядовитых змей в сегодняшней доставке оказалась прискорбно мала.

После недолгого сражения с собственной совестью Айвен пристроил это сообщение в файл с садовыми змеями, зато честно поставил в начале списка. Деплен был, возможно, самым нормальным шефом из всех, с кем Айвену приходилось работать, и меньше прочих склонным ко всяческим драмам — а потому Айвен хотел сохранить эти качества у шефа как можно дольше. Желательно — навсегда. Время от времени он позволял, чтобы до адмирала дошло что-нибудь тривиальное, но забавное, исключительно для поддержания боевого духа, и сегодняшний день казался вполне удачным, чтобы подсунуть пару-тройку таких змеюк. Айвен все еще искал ту самую пару-тройку змеюк, которых можно на законных основаниях туда добавить, когда в кабинет внезапно ворвался Деплен, прихватил свой кофе и пробормотал:

— Сегодняшние данные по змеям, Айвен?

— Ничего выдающегося, сэр.

— Чудесно. — Деплен отхлебнул живительный глоток дымящегося кофе. Айвен пожалел, что не может припомнить, кто из прославленных офицеров в свое время сказал: «Имперские войска могли бы выиграть войну без кофе, но предпочитают этого не проверять». — И о чем вас

расспрашивала вчера полиция купола?

— Я поместил сообщение от СБ в файл номер три, сэр. — Это было официальное название корзины с садовыми змеями: в конце концов, Деплену время от времени приходилось терпеть адъютанта-заместителя (когда Айвен уходил в отпуск, болел или был откомандирован для выполнения других, не столь рутинных обязанностей), а некоторые условные обозначения требуется объяснять слишком долго. — Полагаю, рано или поздно вам захочется это посмотреть. — Айвен старался говорить ну очень ненавязчиво.

— Да-да.

— Совещание с коммодором Бланком и его людьми через тридцать минут, — напомнил Айвен. — У меня уже готова повестка дня.

— Прекрасно. Очень хорошо. А сейчас — змеи.

Айвен ударил по клавише отправки.

— У вас на столе, сэр.

Деплен отсалютовал чашкой кофе и прошел к себе в кабинет.

«Ни за что и никогда не хочу дослужиться до адмирала, — размышлял Айвен, — чтобы каждое утро меня первым делом приветствовал на рабочем столе клубок абсолютно живых, злющих шипучих гадюк». Возможно, если такая угроза

сделается неизбежной, он сумеет вовремя подать в отставку. При этом предполагается, что он доживет до сих почтенных лет, не угодив под трибунал, — достижение, которое, в свою очередь, сильно зависит от его сомнительной способности избегать родственников, связанных с СБ и приносящих… в подарок питонов. На сей раз это, похоже, питоны подарочные, с эффектным узором в золотисто-лазоревую клетку.

Он склонился над комм-пультом и отправил в СБ Комарры решительный ответ: «Из офиса адмирала Деплена: Срочное сообщение получено (дата-время). Находится на рассмотрении».

Глава шестая

— Отойди от края, Тедж, — раздраженно сказала Риш. — Ты меня нервируешь.

— Я просто высматриваю Айвена Ксава. — Тедж ухватилась за балконную ограду и вытянула шею, изучая спешащую далеко внизу вечернюю уличную толпу. Она уже несколько раз замечала издалека темноволосых мужчин в зеленых мундирах, выходивших со станции мини-каров и поворачивающих в ее сторону, но всякий раз оказывалось, что тревога ложная — это не он. То слишком старый, то слишком молодой, то слишком коренастый, то слишком субтильный — и ни одного с той самой особой, дробно-ритмичной походкой. Ни одного, кто тащил бы пакеты.

— И между прочим, он несет ужин. Надеюсь.

Риш плотнее скрестила руки на груди.

— Знай об этом барон с баронессой, так, наверное, устроили тебе парад женихов, предлагающих не связи с Великими домами, а запас провианта.

— Я не хотела связей с Великими домами, — поникла Тедж. — Это было навязчивой идеей Звезды, Гули и Эрика. И баронессы. И барона. Я думала, что Аркуа, занятых созданием экономиче-

ской империи, и без меня хватает. Они настолько были этим поглощены, что превращали в заседания совета даже семейные ужины. — Тедж давно оставила все попытки вставить хоть слово в застольные беседы — ну конечно, кого волновали ее пустячные интересы, если они не включали в себя планы расширения Дома.

Гуля, официально именуемая Мерседес София Эсперанца Хуана Палома, была еще одной старшей четной сестрой Тедж, родившейся в прежнюю эпоху, — до того, как баронесса наконец заставила супруга слегка умерить свое вдохновение (а может, — как знать — к тому времени, когда из маточных репликаторов извлекли последних отпрысков Аркуа, она просто-напросто эту книгу куда-то упрятала). Баронесса всегда называла сестру Мерседес; папа же, едва девочка начала говорить (а говорить она начала раньше времени и, насколько могла судить Тедж, так с тех пор и не умолкала), дал ей титул «Малютка Премудрость», обыграв имя «София», но как только прочие родные братья и сестры обнаружили, что еще одно ее имя — Палома — означает «голубка», к ней прилипло новое семейное прозвище Гуля. Она воспринимала это, в общем, вполне мирно, кроме тех случаев, когда Эрик хотел подразниться

и приговаривал, как подзывают голубя, насыпая крошки: гуль-гуль-гуль…

«Удалось ли тебе вырваться, Гуля? Удалось ли добраться в конце концов до назначенного убежища? Или же твое путешествие стало для тебя таким же горьким, как для меня — мое?» Старшие сестры создали для Тедж то, что — как она подозревала — было просто самым обыкновенным подростковым адом, но теперь она переживала за них всеми остатками своего разорванного в клочья сердца. Эрик… известно, что Эрик оттуда не выбрался, но неизвестно, как он погиб, — и это порождало кошмары во сне и наяву. Его убили в бою? Захватили в плен и хладнокровно казнили? Пытали? «Как бы то ни было, это уже позади, и теперь он по ту сторону всего этого горя, всей боли, борьбы и терзаний». За прошедшие месяцы Тедж почти примирилась с этим слабым утешением — но лишь за отсутствием какого-то другого. Амири… ее средний брат Амири, насколько знала Тедж, по-прежнему в безопасности. «И я не предам твою новую жизнь, купленную дорогой ценой, этот контракт нерасторжим». Даже если сделку она заключила всего лишь со своим измученным воображением.

Она поднялась на цыпочки и перегнулась через

парапет. Риш, стоявшая позади, прижавшись к стене, сдавленно застонала.

— О, вот и он! И у него много больших пакетов! — Тедж следила, как Айвен Ксав стремительным шагом преодолевает расстояние до подъезда, и оставила свой наблюдательный пункт, лишь когда он исчез из поля зрения.

Они вернулись в комнату, и Риш тут же накрепко заперла стеклянную дверь.

Форпатрил ворвался в квартиру с ужином и с чем-то еще — это оказались пакеты из бакалеи, содержимое которых он принялся бодро вываливать на кухонный столик, а Риш тем временем вытаскивала ресторанные контейнеры и накрывала на стол.

— Барраярская греческая кулинария, — объявил Форпатрил. — Непросто было найти. Мне дал наводку один из ребят в Генштабе. Барраярский грек, сержант, у которого семья на родине занимается ресторанным бизнесом, женился на комаррианке, вышел в отставку и открыл здесь магазинчик. У них отличная репутация — ну что ж, посмотрим.

— Барраярская греческая? — переспросила Риш, недоуменно подняв брови.

— Самая маленькая из наших основных язы-

ковых групп, — пояснил он. — На самом деле со Старой Земли прибыли четыре группы Первопоселенцев, сильно отличающиеся по численности, каждая — из своей страны на тогдашней Старой Земле: русские, британцы, французы и греки. За столетия Периода Изоляции все они здорово генетически перемешались — сами понимаете, эффект основателя, — но языки сохранили, и это до сих [3]пор создает немало поводов для конфликтов. Думаю, что изначально имелись и другие языковые группы, более мелкие, но они потихоньку исчезли в тот период, который вы, жители галактики, называете Потерянными Столетиями. Если не считать того, что мы-то никуда не терялись, у нас все было тип-топ. Просто вся остальная галактика куда-то делась.

Пока Тедж обдумывала этот новый взгляд на мир, Форпатрил продолжал распаковывать пакеты. Она обрадовалась, увидев свежие фрукты, несколько сортов чая и кофе, синтезированные сливки и молоко. На сколько дней он все это рассчитывает?

---

[3] Примечания: 3

Эффект основателя — явление снижения и смещения генетического разнообразия при заселении малым количеством представителей рассматриваемого вида новой географической территории. — *Примеч. пер.*

— К счастью, мы сохранили множество кулинарных традиций, — сказал Айвен Ксав. И добавил: — Видоизмененных.

— Но не мутировавших, — пробормотала Тедж.

— Ни в коем случае, — ответил он, сдерживая улыбку. (Значит, эта шуточка его не оскорбила, прекрасно.) Он вытащил последнюю упаковку и свернул пакет. — А вот еще «Быстро-Каша». Кстати, это традиционная барраярская овсянка.

— Я видела маленький пакетик на кухонной полке. Только не поняла, как ее готовят.

— А, так вот почему вы ее не стали есть? Сейчас я вас научу… — Он насыпал в мисочку хлопья, залил кипятком из бойлера, размешал и пустил по кругу.

Тедж показалось, что мелкие бурые хлопья по вкусу весьма напоминают жареный картон, но, может, для Форпатрила эта каша связана с какими-то теплыми воспоминаниями детства, а потому не стоит ее критиковать.

Риш тем не менее скривилась:

— Вам не кажется, что она слегка пресновата?

— Обычно туда добавляют масло, кленовый сироп, сыр, вообще все, что угодно. А еще из овсянки делают холодный салат с мятой, мелко нарезанными помидорами и всякой всячиной. А

кроме того, она используется на свадьбах.

Греческие блюда, которые Форпатрил поставил на стол, выглядели куда как более многообещающе; первый же кусочек, который попробовала Тедж, оказался на удивление ароматным, вкусным и вполне нормальной консистенции.

— А как готовят ваши хлопья на свадьбах?

— Их не подают на стол. Зерна раскрашивают в самые разные цвета и рассыпают на землю для свадебного круга, ну и всякое прочее. По-моему, это нечто вроде древнего символа плодородия и изобилия.

«А еще это, похоже, та пища, которую не жалко принести в жертву», — решила Тедж, но предпочла не высказывать своих подозрений вслух.

Сегодня вечером Айвен Ксав выглядел гораздо более спокойным — наверное, благодаря отсутствию его странного дружка Байерли, который периодически выводит его из себя. А она-то думала, что Айвен Ксав только еще больше встревожится, узнав, кто она такая, — или, может, дурные вести нервируют его меньше, чем тайны?

— Ну, прекрасно, — сказал он, наевшись и откинувшись на спинку стула, когда они уничтожили ужин по-гречески. — Я арендовал эту квартирку,

чтобы вкусить солстисскую ночную жизнь, но явно не учел того, что ночи здесь такие короткие. Успеваешь либо погулять, либо восстановиться перед работой, а вот и то и другое — уже никак. Так что на самом деле лучший вариант — сидеть дома, главное — не в одиночестве. Это было бы слишком тоскливо.

Он поднялся и пересел за комм-пульт.

— Кузен рассказывал мне об одной балетной труппе, вам с Риш она могла бы понравиться… Если только удастся хоть что-то найти…

— А у вас много кузенов? — спросила Тедж, заглядывая ему через плечо. — Или просто слишком много одного кузена?

Он рассмеялся:

— И то и другое на самом деле. С отцовской стороны у меня всего один кузен, Майлз — он мне даже не двоюродный, а троюродный: родными сестрами были наши бабушки. Эту часть семьи довольно сильно проредили во время войны Ури Безумного, разразившейся вскоре после завершения Оккупации. Со стороны матери у меня двоюродных братьев где-то с полдюжины, но они живут далеко от столицы, и я с ними почти не вижусь… Ага, нашел!

Как выяснилось, Айвен Ксав искал запись вы-

ступления балетной труппы имени Минченко из какого-то Союза Свободных Поселений, или Пространства Квадди. Тедж ни разу о таком не слышала, но как только он запустил видео, Риш стремительно подошла к комму.

— О! — воскликнула она. — Генмодифицированные четырехрукие люди. У барона Фелла была как-то давно музыкант-квадди. Я смотрела запись одного ее концерта. Она играла молоточком на цимбалах всеми четырьмя руками. Но она уехала, разорвав контракт, и с тех пор о ней никто ничего не слышал. А я даже не знала, что они способны танцевать… — Она нахмурилась. — Как же они танцуют без ног?

— В невесомости, — пояснил Айвен Ксав. — Они живут в невесомости, работают в невесомости и танцуют в невесомости… мой кузен с женой видели их выступление собственными глазами, когда им пришлось срочно изменить маршрут из-за… э-э… по делу, в прошлом году — они мне потом об этом много рассказывали. Говорят, впечатление сильнейшее.

Квадди танцевали при нулевой гравитации: рука об руку — все четыре руки, они танцевали соло, парами, но самое поразительное — группами; в воздухе мелькали сверкающие красочные

костюмы. Драгоценности порой создавали иллюзию полета — эти же танцовщики действительно летали, кружили стайками красочных птиц. И Риш, и Тедж — обе смотрели как зачарованные, Риш время от времени что-то взволнованно бормотала, анализируя исполнение, а при особо сложных па даже чуть подскакивала на стуле и, сама того не замечая, делала плавные движения руками, словно пытаясь уподобиться танцовщикам.

Тедж сидела на диване рядом с Айвеном Ксавом. Его рука, лежащая на спинке, подползала все ближе, тихонько опускаясь ей на плечи, пока наконец он не прижал ее к себе. После пары секунд молчаливого размышления Тедж решила никак не реагировать. Откуда-то из глубин сознания всплыло вдруг давнее детское воспоминание: она смотрит представление вместе с папой — сколько же терпения он должен быть иметь, с ее-то вкусами! — прижавшись к его теплому боку; папа был крупнее и толще Айвена Ксава, но запах у него был почти такой же, мужской. Тедж не знала, утешает ее это воспоминание или бередит душу, но оно пришло. И возникла — пусть ненадолго — иллюзия покоя.

Иллюзия развеялась довольно скоро — пред-

ставление закончилось, Айвен Ксав выключил головид, а Риш поинтересовалась:

— И сколько времени вы еще планируете пробыть на Комарре, капитан Форпатрил?

— М-м? О! — Он выпрямился, и Тедж с сожалением от него отстранилась. — Все эти служебные обязанности — ежегодные инспекции и совещания — обычно занимают дней десять или около этого. Я здесь уже… м-м… сейчас соображу… — Он стал считать на пальцах, беззвучно шевеля губами. — Вместе с этой — семь ночей. Значит, осталось немного. Надеюсь, что Бай все-таки разберется со своими делами раньше. Похоже, он наращивает темпы.

— Так, значит, это убежище, — Риш обвела комнату изящным взмахом лазоревой руки, — исчезнет вместе с вами.

— А… — сказал он. — Боюсь, что так. Хотя я мог бы забронировать его для вас еще на неделю, но… я планировал подождать и посмотреть, какие новости нам принесет Бай.

Риш выразительно поглядела на Тедж.

Айвен Ксав откашлялся.

— А вы не рассматривали вариант заключить сделку с СБ? Ну то есть, вообще с СБ, а не только с Байерли. Держу пари, вам известно много чего,

что они тоже хотели бы узнать за соответствующую компенсацию.

Тедж поморщилась:

— Если родители что-то и вбили мне в голову, так это, что если разница в могуществе договаривающихся сторон чересчур велика, надежную сделку заключить невозможно. Сильная сторона обдерет слабую до нитки, а слабая останется ни с чем. У вашей СБ нет никакой необходимости играть с нами честно.

— Ну, необходимости без всяких причин вести грязную игру у них тоже нет, — смутился Айвен Ксав. — Насколько я знаю.

— А если они решат, что им необходимо возобновить рабочие отношения с новым домом Кордона и что мы с Риш станем козырной картой в переговорах? У меня нет ничего, чтобы их остановить… ничего! — Она подавила истерику и не позволила себе обернуться к балкону. Вот это «ничего» — в слишком буквальном смысле — их бы остановило.

— Послушайте, я знаю, что все они там в СБ хорьки, но они — довольно благородные хорьки.

— А мне казалось, эта организация отвечает за безопасность, — заметила Риш. — И благородство для них состоит в том, чтобы ставить интересы

Барраяра превыше всего.

Айвен беспомощно пожал плечами, но спорить не стал.

— Мы об этом подумаем, — сказала Тедж. — А пока, капитан… не хотите ли вы первым заявить права на ванную? Вам вставать завтра раньше всех.

Он глянул на часы и поморщился:

— Да, пожалуй, так я и сделаю. — Он явно хотел остаться и продолжить спор, но в итоге ушел, так ничего и не сказав.

Когда за ним закрылась дверь спальни, Риш спросила:

— Что именно ты имела в виду? «Возможно, да — мы об этом подумаем» или «Нет, но мы этого не скажем, пока благополучно отсюда не выберемся»?

— А ты уже придумала, как нам благополучно отсюда выбраться? Я — нет.

Риш стиснула свои мелкие зубки.

— Завтра. Я считаю, мы должны бежать завтра, как только он уйдет в этот свой Генштаб. Наличных у него в бумажнике достаточно, чтобы по крайней мере добраться до другого купола.

Причем в этом другом куполе должен быть собственный коммерческий космопорт. А это

сужает выбор: таких на всей планете всего пара десятков, все они — крупные аркологии, и это хорошо, но все — очень неблизко. У Тедж сердце оборвалось при одной только мысли об очередном кошмарном поспешном бегстве из ниоткуда в никуда, среди чужих людей, в смутной надежде, что враги их утраченного Дома не будут их искать… полный тупик.

— А ты действительно уверена, что нас не выследили? — поинтересовалась Тедж. — Ты действительно уверена, что не выследили его, если уж на то пошло?

Риш покачала головой:

— Думаю, хорошие варианты мы уже исчерпали. Теперь остается выбирать лишь меньшее из зол.

У Тедж разболелась голова. Она потерла лоб.

— Я об этом подумаю.

Риш плюхнулась в кресло — никто, кроме нее, не смог бы вложить в это движение столько элегантного укора.

— Тебе не следует больше обниматься с этим барраярцем. Все равно ты не сумеешь его удержать, или взять вместе с нами, или чего там еще.

— И это говоришь мне ты? — подняла бровь Тедж. — А тебе самой разве не понравился его

приятель-шпион? Даже я этот запах учуяла.

— И вовсе нет! — заявила Риш. — Мне просто показалось, что он… любопытный экземпляр. Ходячая головоломка, которая… разгадывает ходячие головоломки, надо полагать.

— Разгадывает — вынюхивая? — хихикнула Тедж.

— Несомненно. — Риш нахмурилась. — Нас он отыскал четко. Дважды.

Неутешительное наблюдение. Тедж все еще обдумывала возможные последствия, когда пришла ее очередь отправляться в ванную.

* * *

Рассвет еще только занимался, и Айвен как раз заканчивал одеваться на работу — оставалось только ботинки надеть, — и тут загудел дверной звонок. И продолжил гудеть, не умолкая.

Байерли трубит в рог? Необычное он выбрал время. Слишком позднее, если он еще не ложился, и слишком раннее, если уже встал. Айвен прокрался к двери и на сей раз предусмотрительно глянул на монитор. Да, это Бай — переминается с ноги на ногу, навалившись на кнопку звонка. Может, ему очень-очень срочно понадобилось в туалет? «Мечтать не вредно». Айвен разблокиро-

вал замок, дверь скользнула в сторону, и Байерли, ввалившись внутрь, тут же саданул кулаком по клавише, запирая замок.

— Айвен! — выдохнул он. — Слава Богу, я тебя застал. У нас проблема.

— Что, еще одна? Или просто обострилась имеющаяся? — поинтересовался Айвен, отказываясь участвовать в Баевских спектаклях в столь ранний час. Правда, когда ему пришлось отскочить в сторону, пропуская Бая, метнувшегося в маленькую прихожую, Айвен уже начал пересматривать свою позицию. Бай никогда не метался — он прохаживался. Или прогуливался. Или иногда пошатывался, или даже испарялся. Но в данный конкретный момент он отнюдь не испарялся, а совсем наоборот, выглядел каким-то уж слишком конденсированным.

Тедж и Риш, разбуженные этим явлением, возникли в дверях спальни как раз в тот момент, когда Айвен провел Бая в гостиную. Тедж хоть и хмурилась, но выглядела очаровательно заспанной, теплой и мягкой. Эта женщина должна встречать каждый новый день сонной, обольстительной улыбкой — жаль только, Айвен не знал, как это обеспечить. «Да знаю я, черт подери, просто у меня не было случая!» Риш, всего пару

секунд назад проснувшаяся по сигналу тревоги, была уже, как всегда, элегантна, сосредоточенна и в полной боевой готовности. На обеих — ночные рубашки на бретелечках и надетые наспех комаррианские шаровары. Увидев Бая, Риш швырнула парализатор обратно в карман штанов. Никаких деталей туалета, поддерживающих бюст, у Тедж под ночнушкой не было, и когда она шагнула вперед, эффект оказался просто ошеломляющий. «Не сейчас», — сказал себе Айвен. Точнее, сказал он это той части себя, которая еще была способна что-то соображать.

— Что происходит? — спросила Риш.

— Тео Формерсье нанес удар в спину, — с горечью проговорил Бай. — Когда мои наемные бандиты ему вас не доставили, он, вместо того чтобы обсудить со мной следующие шаги, осуществил собственную — блестящую, как он считает, — идею. Сообщил в местную миграционную службу, что вы нелегальные иммигранты, и отправил ваши данные по здешним документам и описания внешности. Решил предоставить всю черную работу им, а потом, когда вас найдут и арестуют, как-нибудь оттуда похитить.

Тедж широко раскрыла глаза. Риш вдруг сделалась какой-то слишком спокойной.

— Ну и что? — сказал Айвен. — Пока что они надежно спрятаны. У миграционной службы нет никаких возможностей выяснить, что они здесь… или есть?

— Увы. У миграционной службы и полиции купола общие базы данных, и твое имя, которое ты столь предусмотрительно предоставил копам, уже всплыло. Сегодня миграционные служащие первым же делом заявятся сюда.

— Им снова придется ловить меня на работе. Дома-то ведь никого нет, верно?

— А что, если они ворвутся сюда с обыском? — встревоженно спросила Тедж. — Здесь абсолютно негде укрыться. — Она перевела взгляд на балконную дверь, за которой уже вливались в городские огни первые лучи рассвета, и сглотнула.

Айвен начинал разделять ее тревогу.

— У них должен быть какой-то ордер, — сказал он. И добавил: — Мне кажется.

— Айвен, эти люди сами выдают ордера, — нетерпеливо бросил Бай. — У них, конечно, не столь широкие полномочия, как у СБ, но для выдачи ордера — вполне достаточные. Сейчас, вероятно, даже больше, чем когда Комарра была независимым государством. Им даже замок взламывать не придется — просто заставят управ-

ляющего открыть дверь, и все.

— Надо уходить, — бросила Тедж. — Здесь мы можем оказаться в ловушке.

Айвен вполне понимал, что она сейчас чувствует. Даже при том, что квартира не была темной, тесной и мокрой… Да и Тедж не заперта тут совсем одна… Быть может, у них просто чересчур болезненная реакция.

— Именно это я и пришел вам сказать, — кивнул Бай.

— Погодите-погодите, — пробормотал Айвен. Если они уйдут и где-то затеряются, то как же он снова отыщет Тедж? Они ведь наверняка прекрасно умеют скрываться, иначе им никак не удалось бы уворачиваться от своих назойливых преследователей на четырех системах… сколько месяцев? Семь? А может, у Бая есть план? Ведь не примчался бы он сюда, весь взмыленный, не имея никакого плана, верно? Должен же быть какой-то способ оставить всех с носом…

— Вам необходимо собрать вещи… — начал Бай, и тут в дверь позвонили. Дважды — и очень решительно. Тедж дернулась, Риш вся напряглась. Бай крутанулся на месте. — Какого черта? Они еще никак не могут быть здесь.

Айвен метнулся в тесную прихожую и посмот-

рел на монитор. Как ни печально, посетители были ему знакомы. Детектив Фано и детектив-патрульный Салмона, ранние пташки, а может, наоборот, поздние — не суть. Фано снова надавил на кнопку звонка, и в следующий же момент Салмона принялась колотить в дверь.

— Форпатрил! — прокричала она. — Открывайте!

Без всякого вежливого «пожалуйста» — мысленно отметил Айвен. Все остальные тем временем уже нервно заглядывали ему через плечо.

— Это не миграционная служба, — сказал Бай.

— Нет, это копы из полиции купола. Та самая парочка, с которой я общался позавчера. Миграционная служба могла их послать?

— Нет, у них для таких дел имеются свои патрульные отряды и свои юридические процедуры. Это явно что-то другое.

Еще один звонок, более долгий. Салмона снова заколотила в дверь.

— Форпатрил! Мы знаем, что вы там. Открывайте!

Айвен включил переговорное устройство.

— Зачем?

Бай поморщился.

Фано набрал побольше воздуха.

— У нас имеется ордер на ваш арест по уголовному делу. Это дает нам право, если вы не откроете, взломать дверь.

— Арест? За что, черт подери? Я ничего не сделал!

— Похищение.

— Что?! — оскорбленно вопросил Айвен.

Фано решительно поднял голову:

— Нам известно, что вы солгали. Записи с камер слежения на станции «Озеро Кратер» всплыли наконец на поверхность. На них четко видно, как вы и неизвестная особа сопровождаете пропавшую Нанью Бриндис в мини-кар. С тех пор о ней никто ничего не слышал. Обвинения в похищении вполне достаточно, чтобы мы сюда пришли, однако я подозреваю, что на самом деле речь идет об убийстве. Но вы-то это знаете, верно, капитан?

Айвен остолбенел, утратив дар речи и хрипло хватая ртом воздух.

— Не открывайте! — прошептала Тедж. Впрочем, Айвен и сам открывать не собирался. Бай и Риш утянули его обратно в гостиную, чтобы тихонько посовещаться.

— Но я вынужден их впустить, — затравленно проговорил Айвен. — Во-первых, если я их не пу-

щу, это будет еще одно уголовное преступление, а во-вторых, вы, Тедж, можете отвести от меня обвинение в похищении, если заявите им, что я не приводил вас сюда насильно или обманом, а просто пригласил погостить. Не говоря уже об убийстве, о Господи!

— Мы не можем впустить их, — сказала Тедж, — они нас заберут.

— Скажите им через интерком, — предложил Айвен. — Это подействует?

— А как они узнают, что ты не приставил ей к спине дуло? — риторически поинтересовался Бай.

— И неужели вы хоть на минуту способны поверить, что агенты Престена не утащат нас из-под стражи раньше, чем вы успеете обратиться за помощью? К тому же ваша помощь — это только еще хуже, — сказала Тедж. — СБ! Да я бы предпочла иметь дело с Престенами!

— Эй! — запротестовал Байерли.

Риш сделала пируэт, широко распахнув золотые глаза и раскинув руки, словно тянулась за каким-то несуществующим спасательным тросом.

— Мы не можем выбраться. Отсюда выхода нет!

Тедж остановила ее, схватив за руки.

— Так, значит, это все-таки будет балкон. Ах, Риш, мне так жаль, что я тебя в это втравила!

— А что такое на балконе… — начал было Айвен, но его прервал трезвон наручного комма. Тот самый спецсигнал, который он не имел права игнорировать. Он поднял руку: — Погодите! — и включил связь. — Сэр? — жизнерадостно проговорил он.

— Форпатрил!

Айвен отшатнулся. Деплен никогда еще так не рычал.

— А… да?

— Что, черт подери, все это значит?

— Вы уже на работе, сэр?

— Нет, я у себя на квартире. Только что поступило экстренное сообщение от комаррианской СБ о том, что служба безопасности купола обвиняет моего адъютанта в уголовном преступлении, и я наконец открыл их докладную записку. Никакая это не садовая змейка!

— Я все могу объяснить, сэр. — Снова заверещал звонок, в дверь опять заколотили. Послышались приглушенные крики. — Чуть позже. У меня тут сейчас, похоже, проблема. — Айвен глотнул воздуха и вырубил комм. Он еще никогда не обрубал

связь ни с одним адмиралом — никогда и ни с одним! — а уж тем более с Депленом.

Стук прекратился. Приглушенных голосов стало больше.

— Мы должны заблокировать дверь. Выиграть время, — сказал Айвен.

— Время — для чего? — поинтересовался Бай.

— Время — для меня, чтобы что-нибудь придумать.

— А вот на это может уйти целый день.

Айвен заскрежетал зубами и попытался испепелить его взглядом.

— Диваны, — бросила Тедж. — Дверные коды они вот-вот взломают — мы должны соорудить какую-нибудь реальную преграду.

И они вместе с Риш бросились оттаскивать в прихожую мебель и баррикадировать дверь. Бай, судя по его виду, не думал, что это сработает, но, охваченный леденящей паникой, которая, казалось, пронизывает всю квартиру, тем не менее бросился им на помощь. «Вот черт, а Риш-то, оказывается, хоть и худенькая, но сильная…»

Айвен всматривался в экран дверного монитора. К двум детективам присоединились еще четверо: трое мужчин и женщина. Один из мужчин был управляющий. Двое других и женщина

— в какой-то незнакомой форме. Все они, похоже, о чем-то друг с другом спорили, сравнивая официального вида бумаги на своих наручных головидах. Или это некий мистический вариант видео-армрестлинга? «Дуэль на юридических документах»?

Айвен подтолкнул Бая к монитору.

— А это, случайно, не миграционная служба?

— Э-э… что?

Управляющий возился с кодовым ключом. Бай расстегнул пиджак и выхватил парализатор.

— А вы успеете снять всех шестерых до того, как они до вас доберутся? — встревоженно спросила Тедж. Пытается представить себе, как они с Риш убегают через гору тел? Возможно, включая тела Бая и Айвена?

Бай, все так же всматриваясь в экран, негромко выругался, установил парализатор на максимум и всадил заряд в электронный замок. Замок сердито загудел, и спустя пару бесконечно долгих секунд из механизма вырвался сноп искр.

— По крайней мере управляющего это остановит, — сказал Бай, и во взгляде его вспыхнуло удовлетворение.

— Ты нас запер! — возмутился Айвен. — И я теперь не смогу открыть дверь.

— Отлично! — бросила Риш, закидывая на груду мебели очередное тяжелое кресло и упихивая его поплотнее.

Они временно отступили в опустошенную Айвенову гостиную.

Тедж повернулась, посмотрела Айвену прямо в глаза, вздохнула.

— Мне очень жаль, Айвен Ксав, что все это должно закончиться так. Вы старались, я знаю. — И порывисто заключила его в объятия. Айвен почувствовал, как к нему прижимается теплая, мягкая женщина — при других обстоятельствах это было бы совершенно восхитительное ощущение. Несмотря ни на что, он ответил на ее безумный поцелуй и, в свою очередь, обхватил ее руками — надежно и уютно. Он не очень-то понимал, что тут происходит, но, Господи, не дай ей остановиться…

Она остановилась. Оттолкнула его прочь. Он с трудом сдержался, чтобы не начать канючить.

— Вот и все, — просто сказала она, повернулась к своей лазоревой компаньонке, взяла ее за руку и кивнула в сторону балкона. — Пора, Риш.

Риш ответила кивком, и лицо у нее сделалось очень решительным. Они шагнули к стеклянной двери.

Бай, встревожившись, преградил им путь.

— Вы подумали, как вы собираетесь уходить? — поинтересовался он.

— Через балкон.

— Но у вас же нет грави-поясов! У вас вообще ничего нет! — воскликнул Айвен.

Тедж повернулась, гордо вскинув голову:

— Именно так.

— Но мы на двадцать первом этаже!

— Да, этого должно хватить.

— Так вы же погибнете!

Риш уставилась на него с недоверием:

— Капитан, вы что, умственно отсталый?

— Но копы подумают, что это я вас столкнул — в лучшем случае!

Тедж это явно взволновало, однако она заставила себя забыть о жалости и сурово проговорила:

— Если у вас не отыщется лучшего плана, и немедленно, то мы идем. Иначе потом будет уже слишком поздно.

— Нет, да, что… — У Айвена настойчиво зазвенел наручный комм. Он включил связь, завопил: «Не сейчас, сэр!» — и нажал отбой. В следующую секунду комм зазвенел снова. Громче. Для этого кода отключение было заблокировано.

С криком:

— Не выпускай их, Бай! — Айвен помчался на кухню, сорвал с себя наручный комм, открыл холодильник, бросил комм туда и захлопнул дверцу. Комм по-прежнему скулил, но теперь — очень тихо и жалобно.

Вернувшись в гостиную, Айвен обнаружил, что Бай стоит, прижавшись спиной к стеклянной двери, и они с Риш целятся друг в друга из парализаторов. Риш сжимала оружие мертвой хваткой, до дрожи в руке. Из прихожей снова послышался нарастающий грохот, теперь уже какой-то более механический — что внушало тревогу: это явно не просто кулаки. Дверь квартиры была сконструирована для того, чтобы в случае разгерметизации купола удержать внутри воздух. Но не для того, чтобы удержать снаружи исполненных решимости копов, которым обеспечивал поддержку техперсонал здания.

Что же такое он только что видел на кухонной полке…

— Не стреляйте! — завопил Айвен. — И не прыгайте! У меня идея!

Это удержало живую картину — пусть даже всего лишь из нездорового любопытства — достаточно, чтобы Айвен успел сбегать обратно на кухоньку и схватить с полки овсяные хлопья

— большую коробку, экономичную расфасовку, которую он купил вчера вечером. Потрясая коробкой, он ворвался в гостиную.

— Это решает задачу!

— Вы собрались отстреливаться хлопьями? — недоуменно спросила Риш.

— Или мы все сядем за стол и, когда ворвется полиция, будем поглощать плотный барраярский завтрак? — с очень похожей интонацией поинтересовался Бай.

Но парализаторы оба они опустили.

Не обращая внимания на их сарказм, и — Боже ж ты мой, разве он недостаточно в этом напрактиковался? — Айвен вдохнул побольше воздуха.

— Тедж. Ты выйдешь за меня замуж?

— Что? — переспросила она. Это было не трепетно-взволнованное «что?», коим следует встречать подобные предложения, но скорее: «Вы что, с ума сошли?»

Айвен поежился.

— Нет, это должно сработать! Женщина, которая выходит замуж за барраярского подданного, автоматически становится барраярской подданной. Это — одна из тех фундаментальных присяг, которые лежат в основе всех остальных присяг, биология превыше политики, так сказать. Как

только мы произнесем нужные слова, миграционная служба уже не сумеет вас арестовать. А полиция купола не сумеет арестовать меня. — Что касается Деплена, тут Айвен был уже не так уверен. Его наручный комм по-прежнему тоненько верещал в своем холодном, одиноком дальнем изгнании.

Айвен рывком открыл коробку и, вытанцовывая в носках по гостиной, принялся рассыпать на ковре круг из овсяных хлопьев.

— Разве мы не должны куда-то пойти и зарегистрироваться, пусть даже это обыкновенный гражданский брак? — спросила Тедж. — Где бы оно ни было, нам туда все равно не добраться! Они схватят нас тут же, едва мы выйдем за дверь!

— За другой дверью нас никто не схватит, — мрачно заметила Риш.

Бай еще крепче прижался спиной к балконной защелке, не отрывая потрясенного взгляда от увеличивающейся окружности. Айвен еще ни разу не видел, чтобы у него были такие огромные глаза.

— Нет, в том-то и вся прелесть! — пояснил Айвен. — По барраярским законам, пара вступает в брак самостоятельно. Это из Периода Изоляции, вам не понять. Твое дыхание — твои узы. Вы оба

выбираете себе Секунданта — свидетеля на краю — вступаете в круг, произносите обеты, выходите — и все. Суть обетов на самом деле очень проста, хотя люди украшают их всем, чем только можно, чтобы затянуть церемонию, бог весть зачем, она и без того обычно вполне мучительная. — Он обратился за поддержкой: — Байерли, скажи им, что я прав!

— На самом деле, — Бай откашлялся, сглотнул и обрел наконец дар речи, — он прав. Во всяком случае, в том, что касается законности.

— Я могу воспользоваться своими проездными документами, чтобы увезти тебя с собой на Барраяр как члена семьи военнослужащего, — продолжил Айвен. — Еще на пять скачков дальше от твоих преследователей, и кроме того, как только ты выйдешь за меня замуж, ты получишь полную и безусловную защиту со стороны Имперской СБ, потому что… хм… потому что. Это даст нам выигрыш по времени. И как только ты наметишь для себя то, что тебе действительно хочется, мы можем пойти на Суд графа и получить развод. Это немножко не так легко, как жениться — моя бетанская тетушка считает, что все должно быть наоборот, — но граф Фалько старый друг моей матушки. Десять минут на все про все, ручаюсь!

И вы обе отправляетесь дальше.

— Куда отправляемся? — спросила Риш в полном замешательстве.

— Не знаю куда, куда-нибудь! Я, видите ли, не могу думать обо всем сразу!

— О, значит, не на всю жизнь… но я не знаю ваших обетов, — едва проговорила Тедж, зачарованно, словно под гипнозом, глядя, как он стоит перед ней, помахивая пустой коробкой, и настойчиво убеждает.

— Ничего, я их наизусть выучил. За последний десяток лет меня вытаскивали где-то на тысячу форских свадеб. Я, наверное, уже могу цитировать их во сне. Или в ночных кошмарах. Мы, конечно, не станем говорить копам насчет развода. Их это не касается.

Тедж глянула на балкон. На Айвена. Снова на балкон. Снова на Айвена. «Неужели это такой трудный выбор?»

Из прихожей послышался душераздирающий механический вой, как будто кто-то режет герметическую дверь.

— Не станешь же ты говорить, что лучше спрыгнуть с двадцать первого этажа и разбить себе череп, чем выйти за меня замуж, — в отчаянии продолжил Айвен. — Брак со мной ведь не хуже

смерти, черт подери! По крайней мере — не хуже такой смерти, Боже ж ты мой!

— А как же Риш? — спросила Тедж, поднимая голову. — Не можешь же ты жениться на обеих… или можешь?

— Э-э, — протянул Айвен и бросил умоляющий взгляд на Бая, который вскинул руку, словно отражая атаку мини-дрона.

— Нет, — с прохладой в голосе проговорила Риш.

— Спасибо, — кивнул Бай. Лицо его на пару секунд сделалось отстраненным. — Я думаю…

— Я… я… я… я вас кем-нибудь найму, после, — сказал Айвен. — Горничная леди? У многих фор-леди они есть. У матери есть, я знаю. С этого момента вы будете по всем законам наняты на работу барраярским подданным, фором, и мы сможем утрясти дела с миграционной службой позже. С безопасного расстояния.

— А кто тогда защитит нас от СБ? — поинтересовалась Риш.

— Я, — опрометчиво пообещал Айвен. — Я могу попросить об одолжении. А если не выйдет, я знаю людей, которые смогут. Начиная с официального кавалера моей матушки, если придется. Ну, это уже, пожалуй, последнее средство. —

«Определенно последнее средство». — Правда, Бай?

При этих его словах Бай, словно загипнотизированный, застыл на месте подобно восковой фигуре. Однако ему все же удалось заставить себя пошевелить губами — ведь это же Бай, — и он сумел выговорить:

— Не знаю, хочу ли я посмотреть, как ты будешь рассказывать все своей матушке, или лучше мне сразу сбежать из Империи. Учитывая, что по твоей милости я буду замешан в это как твой Секундант, возможно, Старая Земля — уже достаточно далеко… нет, лучше подальше… — Он стряхнул с себя паралич и обернулся к дамам: — Как ни прискорбно мне это признать, но замысел Айвена может сработать. На время. Что меня приводит в ужас, так это долгосрочные последствия.

— И после того, что ты только что сделала, — продолжил Айвен, обращаясь к Тедж и полностью игнорируя последнее замечание Бая, — тебе не удастся меня убедить, что ты готова даже поцеловаться с тротуаром, лишь бы не целоваться со мной. — «У меня до сих пор губы покалывает». — Ну, то есть, если не хочешь, ты меня целовать не обязана. Что будет дальше — решать только тебе, — надеюсь, это и так понятно.

Из прихожей послышались настораживающие треск и грохот.

Риш облизнула губы.

— Давай, Тедж, — сказала она. — И мы очень скоро выясним, сработает это или нет. Времени на споры у нас больше не остается. И на ванну тоже. — Она переключила парализатор в безопасный режим и в молчаливом согласии убрала его в карман.

Айвен протянул руку к Тедж.

— Тедж, пожалуйста, согласна ли ты попытаться?

Она потерла лоб и с сомнением проговорила:

— Наверное…

Учитывая, что он впервые в жизни получил согласие на предложение руки и сердца, тут явно было что-то не так, но она приняла его руку и, перешагнув через рассыпанную овсянку, вступила в круг.

— Бай, Риш, встаньте по разные стороны, лицом друг к другу, — велел Айвен. — Вы свидетели, так что — свидетельствуйте.

— Сомневаюсь, что буду в состоянии отвести взгляд, — пробормотал Байерли, засовывая парализатор в кобуру и вставая, куда велел Айвен. — Это будет — как наблюдать за аварией на

монорельсе.

Риш закатила глаза — соглашаясь? — и заняла место напротив.

— Прекрасно. Я начну первым, — сказал Айвен своей невесте, — а потом проинструктирую тебя относительно твоей части. Формулировка примерно такая же. — Я, Айвен Ксав Форпатрил, будучи в здравом уме и твердой памяти…

— Это для завещаний, Айвен, — пробормотал Бай. — А мне казалось, ты говорил, что помнишь обеты?

Айвен, не реагируя на его реплику, двинулся дальше.

— Беру тебя… э-э…как ты сказала, тебя зовут, повтори, пожалуйста.

Бай закрыл лицо руками.

Тедж повторила. Все свои имена.

— Беру тебя, Акути Теджасвини Джиоти гем Эстиф Аркуа, — и он сумел произнести все это правильно с первого раза, даже не споткнувшись на слове «гем», вот так-то вот! — в жены и спутницы жизни, отказываясь от всех остальных… — Суть обета состояла всего из трех фраз. Он как-то через них продрался и помог Тедж произнести ее половину. «…беру тебя, Айвен Ксав Форпатрил, в мужья …» Руки ее дрожали в его ладонях. Его

— тоже. — Ну вот и все! — сказал Айвен. — Теперь мы объявляем друг друга перед свидетелями мужем и женой, и я тебя целую. Опять. Нет, в первый раз — потому раньше это ты меня целовала, верно? — Сделав большие глаза, он прижался к ее губам, а Бай тем временем шагнул вперед и ботинком разорвал круг из овсянки. Они вместе шагнули из круга, Байерли вытянул шею и, когда Тедж прошла мимо него, легонько поцеловал ее в щечку — в этот самый момент из прихожей вывалились один за другим шесть разъяренных, чертыхающихся комарриан и двинулись на них с парализаторами на изготовку.

Айвен вытянул из бумажника скомканные купюры, сунул их в руку оцепеневшей Риш и добавил:

— Вы наняты. Официально.

И когда женщина в форме потянулась, чтобы схватить Тедж, а та увернулась, завопил во всю мочь, в точности подражая графу Фалько:

— Не сметь трогать леди Форпатрил!

Глава седьмая

Последние дни Тедж постоянно собиралась с духом, чтобы покончить с собой. И сейчас, когда все так внезапно и резко переменилось, желудок словно подскочил к горлу, как будто она и вправду шагнула через перила балкона, только вот падение это все никак не заканчивалось. Она чувствовала себя невесомой, будто утопающая. Безумный капитан, протянувший ей руку помощи, казалось, обхватил ее за шею и буксирует — куда? К какому-то невидимому берегу или еще дальше, на самую глубину?

Она уже давно должна была понять, что Айвен Ксав — псих. Какие-то признаки этого, конечно же, были. Но несмотря ни на что, он казался таким добродушным, таким приветливым, таким уютным — или по крайней мере не хотел, чтобы его лишали уюта, — желанная редкость среди тех, кто окружал ее в жизни. А потом, без всякого предупреждения, — такое.

Самое безумное здесь было то, что его уловка, похоже, сработала. Комаррианская полиция его не только не арестовала, но даже не увезла на психиатрическую экспертизу. Байерли Форратьер,

представленный как знакомый из Форбарр-Султана и предъявивший соответствующее удостоверение личности, любезно дал показания по поводу церемонии, которую он только что засвидетельствовал, и представил в качестве вещественного доказательства рассыпанный на ковре круг из овсяных хлопьев. Риш сдавленным голосом подтвердила его показания. Затем последовало еще одно лихорадочное совещание по голографической связи на наручных коммах со стороны как полиции купола, так и сотрудников миграционной службы, и ответы они получили явно весьма неприятные. Айвен Ксав извлек из холодильника свой затихший наручный комм и, нервничая, что опаздывает в Генштаб, оборвал дежурные извинения.

Местные копы явно были не в восторге, обнаружив Тедж, превратившуюся из жертвы похищения в невесту-беглянку и лишившую их всякой надежды завести дело на барраярца. Они удалились мрачные и разочарованные, бормоча что-то о свидетельских повестках в суд, который состоится в самое ближайшее время — ведь у них по-прежнему оставалась на руках загадка низкобюджетных ниндзя. Но арестовать Тедж за то, что та была жертвой преступления, они

не могли. Сотрудники миграционной службы тоже отступили подобно войскам, планирующим реванш, но главное сейчас было то, что это очистило дверной проем. Затем последовала краткая дискуссия с управляющим по поводу причиненного ущерба. Форпатрил оскорбленно заявил, что весь этот беспорядок учинил не он, однако с раздражением закрыл больной вопрос, сказав менеджеру, чтобы тот включил затраты на ремонт в его арендную плату. Барраярцы, все на нервах, едва дали Тедж и Риш время переодеться и собрать самое необходимое — впрочем, у них уже и так осталось совсем немного вещей, — после чего вытолкали их через изуродованный дверной проем в лифтовую шахту и вестибюль.

На улице Форпатрил решительно развернул Байерли назад и оттащил в стенную нишу позади высокого вечнозеленого растения в кадке. Тедж мало что удалось разобрать сквозь уличный гул из их быстрого, приглушенного обмена репликами, зато видно было, как оба они угрожающе скалятся и стискивают зубы. Риш вовсю навострила ушки — это было заметно даже под складками платка. Тедж слегка наклонилась в их сторону, но уловила лишь решительное: «Ты у меня в долгу, и я этот долг с тебя требую…», —

произнесенное Айвеном Ксавом, — а когда он наконец ослабил хватку и выпустил пленника: «Иди и сделай то, что необходимо». Байерли лучше умел держать себя в руках, он не повышал голоса, и Тедж оставалось только читать язык тела. Она еще ни разу не видела, чтобы кто-то чертыхался на этом языке столь выразительно. Но когда они снова направились к платформе мини-каров, Байерли поспешно удалился в противоположную сторону.

Они уже собирались перейти через улицу, и тут Форпатрил вдруг резко увлек ее и Риш в дверной проем закрытого еще магазина, развернув Тедж к себе лицом — чтобы не попасться кому-то на глаза, сообразила она.

— Что случилось? — прошептала она, не протестуя и принимая его тактику.

— Армейская безопасность, — прошептал он ей в волосы. — Целый патруль. Только что высадились на станции мини-каров — угу, направляются к моему дому, прекрасно. Двое рядовых, сержант и полковник, ой батюшки. Не иначе, Деплен за мной их послал. Интересно, они меня вызволять собрались или арестовывать?.. Вряд ли имеет смысл слоняться поблизости, чтобы это узнать. Они могут всласть пообщаться с управляющим.

Он того заслуживает, и, полагаю, это задержит их надолго. Пошли отсюда быстрее.

И Форпатрил, всем своим видом демонстрируя, что у него нет никаких проблем, с деланой улыбкой двинулся вперед. Он усадил Тедж и Риш в мини-кар, задал маршрут до военного космопорта и лишь после этого позволил себе расслабиться. Рухнув на сиденье, он взялся за наручный комм с осторожностью человека, разряжающего мину. Набрал код, прислушался и с облегчением пробормотал:

— Уф, отлично, он включил автоответчик. — После чего продолжил бодрым, жизнерадостным тоном: — Адмирал Деплен, это Форпатрил, сэр. Прошу прощения за утренний инцидент: у меня случилось недоразумение с комаррианами, но сейчас все улажено. Меня больше никто не пытается арестовать. («Надеюсь», — прошептал он одними губами.) Но я должен еще заскочить на минуточку в СБ, в Департамент по делам галактики, уладить всякие мелочи. Присоединюсь к вам и к Всадникам в шестом доке. Все остальное объясню на месте. — Он уже было собрался выключить комм, но потом снова поднес к губам и добавил: — Не улетайте без меня, пожалуйста. Это важно.

Айвен Ксав выдохнул, ввел еще один код и договорился с человеком, которого назвал капитаном Морозовым, чтобы тот встретил их через пару минут у какого-то пропускного пункта в вестибюле.

Тедж и Риш тревожно переглянулись.

— Это тот тип из СБ, о котором ты говорил, что он занимается Архипелагом Джексона? — спросила Риш.

— Да, Морозов. Хороший разведчик, немного ученый-исследователь, но, знаете, ему все это действительно интересно. Ну, то есть он смотрит шире и глубже, чем требуют формальные обязанности аналитика, и, наверное, как раз это и делает его таким классным специалистом. Я думал оставить вас с ним на сегодняшний день. В мою квартиру вам возвращаться нельзя — после всего этого утреннего тарарама она наверняка спалилась.

— Это точно, — нехотя согласилась Риш.

— Как бы вы ни относились к СБ, я могу гарантировать, что в их штаб-квартире до вас ни один наемник не доберется.

— Но этот капитан Морозов, естественно, захочет узнать у нас подробности. Что нам ему рассказать? — спросила Тедж.

Айвен Ксав пожал плечами:

— Все. При его уровне допуска он даже может знать насчет Бая, хотя вряд ли знает — не его департамент.

— И даже про эту… эту затею со свадьбой?

Он вздохнул.

— Об этом я расскажу сам.

Когда они вышли на оживленной станции около космопорта, Риш проговорила:

— Мне надо пи-пи, — схватила Тедж за руку и потащила ее в женский туалет.

Форпатрил, отчаянно жестикулируя, бросился за ними, но у входа вынужден был притормозить. Дамы оставили его стоять в коридоре рядом с еще несколькими мужчинами, во взглядах которых застыло покорное ожидание.

Ничего страшного; дверь здесь только одна, а окон вообще нет, — машинально отметила Тедж, как только они вошли. Одна женщина возилась с орущим младенцем, другая пыталась заставить умыться двух гиперактивных и не слишком воспитанных малышей, все это создавало отличную звуковую завесу и гарантировало, что никто не обратит на них с Риш ни малейшего внимания.

Риш отступила в угол и развернула Тедж лицом к себе, ухватив ее за плечи своими сильными

лазоревыми руками.

— Поговори со мной, Тедж. Выглядишь так, будто тебя молотком по голове ударили и ты вот-вот рухнешь на пол. Душа моя, ты меня пугаешь.

— Я? — Тедж моргнула. — Я совершенно не ожидала удара с этой стороны. Интересно, он правда думает, что на мне женился?

Риш чуть отстранилась и, сощурившись, посмотрела на Тедж, словно проверяя, не изменился ли у нее размер зрачков.

— А как по-твоему, ты действительно вышла за него замуж?

— Понятия не имею. По-моему, главное, что так считают все остальные. — Тедж глубоко вздохнула. — И пока мы не разузнаем всего, чем еще может оказаться полезна затея с леди Форпатрил, лучше нам с этим не спорить.

Риш поморщилась, кивнула и отступила, разжимая хватку.

— Принято. — Она поджала губы. — Так что мы будем рассказывать дяденьке Морозову? Думай, душа моя, думай.

Тедж потерла лоб.

— Я была бы только счастлива скормить барраярцам все, что мы знаем об этих ублюдках из дома Престен, будь я уверена, что они не собира-

ются впоследствии сделаться с ними лучшими друзьями. Хотя, если за всем этим планом с контрабандой и впрямь стоит синдикат Престен, думаю, барраярцы не слишком-то будут расположены к новым управляющим дома Кордона. Я даже знаю, что папа и баронесса старались с этими имперскими психами не ссориться. Ходили слухи, будто один-единственный агент СБ погубил целый дом Риоваль после того, как старый барон чем-то напакостил Барраяру.

Риш присвистнула:

— Что, правда?

— Не знаю, мне рассказывала Звезда, а она это узнала от кого-то из дома Фелл. Вот я и думаю… — Хотела бы она иметь способность думать. Мозги у нее, похоже, размягчились полностью. — Думаю, что мы должны рассказать этому Морозову почти все. Завалить его подробностями, чтобы у него не осталось ни времени, ни желания перейти к суперпентоталу.

— Ага.

— Наша история будет о том, что за тобой синдикат охотится как за эффектным трофеем, а за мной — как за малюткой-врагом, которого хотят придушить в колыбели. — Да, с отдельно взятым Байерли это, похоже, сработало. И к тому же это

было правдой. — Единственное, что надо утаить, — это где сейчас Амири. Про Амири вообще ничего говорить не надо. И не заводи сама разговор про Звезду и Гулю. И про бабушку.

Риш понимающе кивнула.

Они обе быстро заскочили в кабинки и успели вернуться в коридор до того, как Форпатрил, преодолев общественные условности, отправился на их поиски в дамский туалет. Впрочем, судя по свирепому взгляду, которым он их одарил, он уже был к этому близок.

— Была большая очередь? — поинтересовался он.

— Множество маленьких детишек, — правдиво ответила Тедж. — Боюсь, они что-то не то съели на завтрак. — Да, это проще всего. Говорить правду.

Главное — не всю.

* * *

Когда Айвен наконец привел своих дам в Департамент СБ по делам галактики, Морозов уже ждал их в вестибюле у пропускной стойки. Риш обернулась к эсбэшнику, и глаза у него полезли на лоб. Однако же он сумел справиться с изумлением и, как подобает ученому, вежливо кивнул:

— Ляпис-Лазурь, визит столь великой актрисы

— огромная честь для скромных стен нашей штаб-квартиры. — Морозов перевел взгляд на Тедж, и на лице его отразилось не меньшее удивление: — И, если я не ошибаюсь, одна из барышень Аркуа! Блестяще, Форпатрил!

— Вы ошибаетесь, — сказал Айвен. — Или, во всяком случае, отстаете от времени. Капитан Морозов, позвольте вам представить молодую леди Форпатрил.

Морозов моргнул. Трижды. И принял вызов:

— Примите мои поздравления. Э-э… совсем недавнее радостное событие, так?

Айвен бросил взгляд на наручный комм: «Ой, батюшки!»

— Около часа назад. — Он выдохнул. — Но все как положено, в узком кругу и совершенно законно: и овсянка, и обеты, и свидетели, и вообще все. И значит, теперь она официально находится на иждивении офицера Имперских вооруженных сил. А Риш — ее… э-э… личный помощник. У меня на службе. Официально.

— Понятно. Полагаю?.. — Морозов сцепил руки в замок и закусил губы — интересно, что он пытается скрыть: смятение или же дьявольский восторг.

— Иждивенец офицера, которого какие-то

очень неприятные личности пытались похитить и, возможно, убить, — с нажимом добавил Айвен.

А вот это уже полностью завладело вниманием аналитика.

— Ага. Ясно. Мы ведь никак не можем такого допустить, верно?

— Именно так. Поэтому я оставляю их на весь день с вами, до тех пор пока не вернусь на планету и не улажу… э-э… все дела. Им, наверное, лучше отсюда не выходить. Я подумал, что вы могли бы все вместе побеседовать.

— С превеликим удовольствием, — просиял Морозов.

Тедж и Риш выглядели далеко не столь восторженными.

— И никакого, к черту, суперпентотала, — продолжил Айвен. — Кажется, на это все равно требуется мое супружеское соизволение, но на всякий случай, если такой вопрос возникнет, я вам его не даю. Ну, то есть, не даю моего разрешения, вот так.

Морозов изогнул брови.

— Принято. Э-э… Могу ли я задать личный вопрос… Ваша матушка уже знает об этом браке?

— Об этом браке пока еще не знает никто, но

очень скоро это изменится. Не все сразу. Я должен сопровождать Деплена на орбиту, вылет в… о Боже! Двадцать минут назад! Надеюсь, они задержат катер.

Морозов попрощался с ним эсбэшным салютом.

— Стало быть, до вашего возвращения я должен считать себя откомандированным для охраны молодой леди Форпатрил от всякого зла, так?

— Да, будьте так добры. — Уже на пути к выходу Айвен обернулся: — И накормите их. Они будут рады. Мы все сегодня еще не завтракали. — Он снова шагнул вперед — и снова остановился: — Только не рационными плитками.

— Я отправлю своего секретаря что-нибудь принести из кафетерия. Милые дамы, пойдемте со мной? Я могу предложить вам кофе или чай у себя в кабинете. — Морозов жестом указал смущенным женщинам на коридор и продолжил тоном светской фор-леди, а может, Байерли Форратьера — в общем, тоном любителя сплетен: — Мне не терпится услышать все о вашей свадьбе, леди Форпатрил! Не сомневаюсь, что для всех друзей капитана Форпатрила это станет потрясающим сюрпризом…

Айвен выскочил за дверь и побежал. Он ста-

рался бежать спокойно и размеренно, словно говоря своим видом: «Я спешу, потому что опаздываю», — а не лететь стремглав, сея вокруг себя панику: «Здание, из которого я выскочил, вот-вот взорвется!» Ему сейчас вполне хватало и собственной паники. «Это сработает, это сработает, это сработает...» — билось у него в голове.

Вбежав в шестой док, он увидел, что адмиральский катер, слава Богу, еще не улетел. Деплен и все четыре Всадника были на борту, дымясь от нетерпения. Когда Айвен рухнул в кресло, на которое ему молча указал мрачный Деплен, и застегнул ремни, катер уже был на старте.

— Мы летим инспектировать флагман «Новые Афины»? — спросил запыхавшийся Айвен.

— Как приятно, что вы это помните, — съязвил Деплен, набрав побольше воздуха, чтобы выпустить образцовый залп убийственного сарказма, но Айвен покачал головой:

— Смените «Афины» на «Канзиана».

Деплен, уже готовый разразиться тирадой, ошеломленно переспросил:

— Что?

— «Канзиан». Скажите пилоту катера, чтобы пристыковался к «Канзиану».

Деплен, сощурившись, откинулся на спинку

кресла.

— Почему?

— Потому что у них спрятано где-то на борту — или закреплено снаружи — несколько грузовых контейнеров, набитых снарядами, оружием и боеприпасами, похищенными с орбитальных складов Зергиярского флота. И я не сомневаюсь, что люди, которые это перевозят, сейчас отчаянно пытаются закамуфлировать свой груз, готовясь к нашему визиту, запланированному на завтра. — Айвен кивнул шефу инспекционной группы, который прислушивался к разговору, перегнувшись через проход. — Всадники должны искать именно это, всем прочим можно пренебречь.

— И как вы это узнали, Форпатрил? — поинтересовался Деплен.

— Получил наводку от агента СБ.

— Мне СБ этого не сообщала.

— Это был тайный агент, та самая левая рука, о действиях которой не ведает правая. Хорьки чертовы. Но я его знаю. Причины, по которым я опаздывал на работу последние несколько дней, были не только личные, сэр.

— Вы в этом уверены?

— Вполне. — «Я надеюсь, надеюсь, надеюсь…»

— СБ. — Деплен поудобнее устроился в крес-

ле. Теперь он уже был не угрожающе мрачен, а мрачно задумчив, что пугало отнюдь не меньше. — Полагаю, вы действительно могли бы знать.

— В данном случае я действительно знаю, сэр. — Добавлять: «Готов поставить на это свою карьеру» казалось излишним — он уже и так ее на это поставил. — Но вам нельзя будет даже намекнуть, откуда вы получили наводку, сэр. Тайные агенты СБ еще не закончили свое расследование, и, пока с этим не разберутся, они страшно рискуют.

— Хм…

За сим последовали бурчанье и ворчанье, но Всадники не зря считались мастерами своего дела; новый инспекционный план был в общих чертах готов еще до того, как катер скользнул в стыковочные захваты военной орбитальной станции Комарры. Бок о бок с «Канзианом».

* * *

Капитан Морозов полностью разочаровал Тедж, наслышанную об ужасах СБ, — он оказался нисколечки не страшный.

К тому времени как в кабинет по просьбе Морозова доставили бодряще солидный обед, рассказ

об их с Риш побеге и последующей одиссее через три системы близился к концу.

...Первый перелет — на Станцию Фелл — казался относительно спокойным, но это ложное ощущение безопасности разлетелось вдребезги, как только застрелили их телохранителя. Затем было бегство на Ступицу Хеджена и смертельная игра в угадайку. Они метались вокруг Ступицы со станции на станцию — быстрые перемещения с места на место, в напряжении и постоянном страхе, чередовались с долгой и скучной игрой в прятки (тоже в постоянном страхе). Недели складывались в месяцы, а дурные вести настигали их мучительно медленными сокрушительными ударами. Потом несколько месяцев на планете Пол — они потихоньку расслабились и уже почти поверили, что преследователей удалось обмануть, но тут все началось снова. И наконец, заключительный перелет на Комарру — и тающие на глазах запасы денег, документов и решимости. Вопрос о том, как именно они меняли документы, Тедж попыталась обойти молчанием, но эсбэшник и сам почти мгновенно угадал схему чуть ли не в мельчайших деталях, так что в итоге она и об этом честно все рассказала.

Возможно, капитан Морозов и не был страш-

ным в обычном смысле слова, но на самом деле он был еще страшнее — он понимал. Когда Тедж и Риш в нерешительности замолкали, он рассказывал всякие истории из собственной жизни, из которых Тедж выяснила, что несколько лет назад он был младшим полевым агентом СБ на Архипелаге. Морозов рассказывал о всяких давних забавных случаях, но Тедж уже начинала понимать, что за этим кроются приключения, далеко не столь забавные и безобидные.

— Без полевого опыта аналитиком никто не становится, — объяснил он. — Навыки тут, конечно, нужны совсем другие, но если перед тобой стоит задача интерпретации полевых рапортов, то с ней гораздо легче справиться тому, кто сам когда-то такие писал. — Тем не менее он выглядел вполне довольным своей нынешней штабной работой, и разгадку, возможно, давал почти незаметный за грудами бумаг на рабочем столе голографический снимок немолодой уже женщины с детьми.

Когда они разложили на столе бутерброды, чай, овощи во фритюре и сыр, Тедж уже дошла в своем повествовании, то и дело прерывавшемся поправками и уточнениями Риш, до описания невероятной свадьбы пару часов назад, на рас-

свете.

— Жаль, я не имел возможности тоже стать свидетелем, — сказал Морозов. Глаза его смеялись. — Со стороны вашего… э-э… жениха это был вполне донкихотский порыв. Ну что ж, слабые духом не получают в награду прекрасных дам.

— По-моему, звонок адмирала окончательно… — она проглотила слова «довел его до ручки» и заменила на: — его вдохновил. Комм все звенел и звенел, просто не умолкая, и в итоге Айвен Ксав его снял и забросил в холодильник.

Морозов, который как раз приступил к бутерброду, едва не подавился. Откашлявшись и отдышавшись, он сказал только:

— Что, правда?

— А этот адмирал Деплен, он что… э-э… такой влиятельный адмирал?

— Шеф оперативного штаба всех вооруженных сил Империи? Ну, можно, пожалуй, сказать и так, но это было бы очаровательным преуменьшением.

— О! — сказала Тедж. — Так, значит… Айвен Ксав не просто обыкновенный армейский чиновник?

— Можно, конечно, сказать и так. — Морозов с трудом сдерживал смех. — Но это было

бы очаровательным преуменьшением. — Он доел бутерброд, откинулся на спинку офисного кресла и сложил пальцы домиком. — Вероятно, мне следует объяснить: во время стажировки я несколько лет служил в аналитическом отделе штаб-квартиры СБ в Форбарр-Султане, еще во времена легендарного Иллиана.

Имя Иллиана Тедж, во всяком случае, смутно помнила — оно не раз срывалось с уст ее отца и чаще всего сопровождалось разными проклятиями. Она неопределенно кивнула.

— К Департаменту внутренних дел я формально не имел никакого отношения, но если долго работаешь в столице, невозможно не завести какие-то дружеские отношения в кругу высших форов.

— Так вы познакомились с Айвеном Ксавом там?

— Нет, мы ни разу не встречались до тех пор, пока его не затянуло на мою орбиту дело о клоне его кузена, но это было уже позже.

«А какое отношение это имеет к Архипелагу Джексона? И о каком кузене идет речь?»

— Я… мы… наверное, должны будем познакомиться с его кузеном? Или с клоном кузена? — Она замялась. — Это тот самый кузен Майлз, которого он так часто упоминает? А он что, влиятельный

человек?

Морозов на мгновение зажмурился. Потом открыл глаза и одарил ее чуть ли не мученическим взором.

— И много ли ваш новоиспеченный муж вам о себе рассказал?

— Не слишком много. Я отыскала о нем кое-что в Сети.

— Где именно?

— Может, мне лучше будет вам показать…

И Тедж за пару минут отыскала ту самую базу с комм-пульта Морозова.

— Зачем вы вообще стали смотреть комаррианскую базу данных по Барраяру? — ласково поинтересовался эсбэшник.

— Мне казалось… Разве она не более объективная?… — Не сочтет ли он это за оскорбление?

Морозов пробежал взглядом статью про Айвена Ксава и фыркнул.

— Информация абсолютно верная, но неполная и к тому же прискорбно устаревшая. Вам не следовало на этом останавливаться, милая моя.

— Я не успела.

— Ну что ж… — Морозов снова развернул кресло. — Семейные связи высших форов весьма непростые, запутанные и напоминают минное

поле. Я настоятельно рекомендую вам не делать ни шага без соответствующей подготовки.

— Так, значит, Айвен Ксав — высший фор? А я думала, он всего-навсего… средний. Он ведет себя как середнячок. — Тедж уже начинало это раздражать. В какую коварную сделку она умудрилась вляпаться?

— О да, — кивнул Морозов, будто для него это что-то объясняло.

Тедж чуть не испепелила его взглядом.

Он поднял ладонь, с трудом сдерживая улыбку.

— Чтобы понять специфическое положение капитана Форпатрила в столице, нужно пройти чуть дальше по его родословному древу. Его мать из хорошего форского рода, и ее, разумеется, нельзя недооценивать, но самое интересное вы найдете со стороны отца.

— Он сказал, что был единственным ребенком. Как и его отец — ну, во всяком случае, в базе о братьях и сестрах отца никаких упоминаний не было.

— Еще дальше. Матерью отца капитана Форпатрила была принцесса Соня Форбарра, она и ее старшая сестра Оливия были дочерьми принца Ксава Форбарры. Который, в свою очередь, был младшим сыном императора Дорки

Форбарры, прозванного впоследствии Доркой Справедливым. И младшим единокровным братом императора Ури, прозванного впоследствии Ури Безумным, но это уже другая история.

Для баронессы или бабушки это, возможно, были бы не просто имена из учебников истории, но для Тедж звучало лишь как легенды былых времен. Ури возглавил жестокое кровавое восстание против Оккупации на поверхности планеты, а его брат Ксав тем временем носился по всей галактике в поисках инопланетной поддержки — не столько за Барраяр, сколько против Цетаганды. И… м-да — это было все, что известно Тедж.

— Так, значит… Прадедом Айвена Ксава и правда был тот самый прославленный принц. А его прапрадедом и правда был тот самый знаменитый император? — Она подозрительно посмотрела на Морозова, который уже с трудом сдерживал смех, прижав к губам ладонь, а в глазах у него так и плясали зловредные бесенята. — А может, все это еще одно очаровательное преуменьшение?

— Давайте мы пока это оставим и снова вернемся в наши дни. Айвен Ксав Форпатрил с момента рождения был одним из первых в списке потенциальных наследников, которые имеют право

претендовать на барраярский престол, если, не дай-то Боже, с императором Грегором что-то случится. Точнее, он был одним из первых, пока Грегор не женился на Лаисе Тоскане и у них не родились мальчики, к величайшему облегчению множества людей.

— В списке? А список длинный?

— Не особенно, хотя в нем по-прежнему содержатся кое-какие потенциальные возможности для гражданской войны. Первым в этом списке всегда был… ах да, вы ведь не знаете — старшая сестра Сони, Оливия, вышла замуж за графа Петера Форкосигана. Который, соответственно, стал, в свою очередь, отцом графа Эйрела Форкосигана, а тот — отцом Майлза Форкосигана, знаменитого Айвенова кузена. Ныне — лорда Аудитора Майлза Форкосигана. Если вы задержитесь в Форбарр-Султане дольше чем на десять минут, то могу почти гарантировать, что вы с ним познакомитесь. Но даже последнему идиоту всегда было ясно, что если престол и окажется вакантным до того, как Грегор произведет на свет наследников, ни один из Форкосиганов не станет на него претендовать, учитывая то, каким калекой родился лорд Майлз. И вместо лорда Майлза это тяжкое бремя, несомненно, возложили бы на Айвена

Форпатрила. А оно бы его раздавило.

Риш слушала, застыв, словно лазоревая мраморная статуя. Тедж надеялась, что та отслеживает всю эту путаницу лучше ее. Можно не сомневаться, что Тедж очень скоро ждет романтическое свидание с комм-пультом. Домашнее задание. Она ненавидела домашние задания. Но теперь ей ничего другого не остается.

— Все это привело к тому, что Форпатрил всю жизнь служил потенциальным магнитом для заговора недовольных политических партий. Его отчасти прикрывал клан кузена, а отчасти — его собственная манера поведения… полагаю, правильнее всего будет назвать это «откровенная посредственность». В последнее время давление на него в известной степени ослабилось.

— И мать Айвена Ксава не стремилась как-то продвигать его? — спросила Риш, явно озадаченная такой материнской оплошностью. — И даже не заботилась о его карьере?

— Насколько я могу судить, леди Элис всегда гораздо больше стремилась уберечь его от риска. Видите ли, он у нее единственный ребенок. Хотя она дама суровая. И если бы с Грегором что-нибудь случилось, уверен, она первым делом проследила бы, чтобы виновные были должным

образом повешены с соблюдением всех традиций, а после этого, несомненно, вовсю занялась бы подготовкой сына к новым обязанностям.

— А мне казалось, что она секретарша, — еле выговорила Тедж. — В базе данных написано, что она какой-то секретарь. — Она посмотрела на Морозова, и тот ответил ей недоуменным взглядом. — Очаровательное преуменьшение?..

— Секретарь по протокольным вопросам Императорской резиденции. Многие десятилетия была официальной распорядительницей императора Грегора, теперь — первый помощник императрицы Лаисы. Одна из самых влиятельных женщин в столице, только влияние это она осуществляет по-своему — тихо и незаметно. Но мне известно, что шеф Иллиан никогда не позволял себе ее недооценивать.

Собирается ли Айвен Ксав познакомить ее со своей матерью, когда они прилетят в Форбарр-Султан? И если так, не лучше ли будет сначала сообщить ей о разводе, а уж потом — о свадьбе?

Пока Тедж переварила информацию, Морозов собрал остатки обеда и выставил поднос в коридор. А когда вернулся, то снова обратился мыслями к своим непосредственным обязанностям.

— А как баронесса вообще пришла к тому, чтобы создать вас, Драгоценностей? — непринужденно поинтересовался он у Риш. — Для нее это, должно быть, был очень захватывающий проект…

Потом настала очередь Тедж собрать воедино все, что осталось от ее сообразительности, и снова уклоняться от ответов, а мысли об Айвене Ксаве загнать в глубину сознания. Откуда он то и дело норовил высунуться, напоминая о предстоящих проблемах.

* * *

Как Айвен и надеялся, приманка сработала и на ближайшие несколько часов полностью отвлекла Деплена от запутанных личных дел его высшего фор-адъютанта, особенно после того, как в ходе инспекции был обнаружен первый грузовой контейнер, спрятанный под фальшивой антенной. За сим последовала весьма беспорядочная пожарная эвакуация, повсюду — армейская СБ, ошарашенные преступники, играющие в прятки по всему кораблю, капитан «Канзиана», жаждущий крови, мертвенно-бледный от ярости и раздосадованный открытием, что он прямо у себя под носом не разглядел преступную схему. Айвен отступил на задний план, документируя

и комментируя весь этот цирк, как подобает идеальному адъютанту адмирала, коим он и являлся. Под конец долгого дня вся команда и большая часть персонала орбитальной станции полностью уверились в том, что адмирал Деплен и Всадники наделены сверхъестественными способностями, дарованными каким-то темным богом, — и они не были бы людьми, если бы хоть немного не наслаждались произведенным эффектом.

Устраиваясь поудобнее в кресле катера, чтобы лететь обратно, в Генштаб на планете, Деплен выглядел почти добродушным. И в кивке, которым он указал Айвену на кресло напротив, было на сей раз куда больше дружелюбия. Адмирал в блаженной усталости откинулся на спинку и прикрыл глаза, но через пару минут снова открыл их и несколько ошеломленно воззрился на своего подчиненного.

— Хорошая работа, Айвен. От тебя действительно есть прок.

— Спасибо, сэр.

— А я-то уже думал… ладно, не важно. Я твой должник.

«Айвен» — это хорошо. Айвен был «Айвеном», когда адмирал бывал им доволен, «Форпатри-

лом» — когда настроен нейтрально, и «капитаном» — когда Деплен бывал раздражен. Сейчас, вероятно, самый удачный момент перейти к обсуждению следующей темы. К тому же, учитывая продолжительность полета, другого случая просто не будет. Он вдохнул побольше воздуха.

— Рад, что вы так думаете, сэр. Так уж вышло, что мне как раз сейчас требуется одно личное одолжение. Связанное в какой-то мере со всем этим. — Он обвел рукой салон, напоминая своему слушателю об успешной операции на борту «Канзиана».

— Правда? — Деплен был достаточно благоразумен, чтобы ничего не обещать заранее, но интонация у него была вполне благодушная, и он кивком предложил Айвену продолжить.

— Мне нужно разрешение на брак и одобрение на проездные документы с Комарры до Барраяра для двух иждивенцев военнослужащего.

У Деплена глаза на лоб полезли.

— Айвен! Вот так неожиданность. И ведь даже словом не обмолвился — она комаррианка? Конечно, в этом нет ничего дурного, даже уже вошло в моду, но… а твоей матушке об этом известно?

— Датированные вчерашним числом, — решительно закончил Айвен, не давая адмиралу ни

малейшей возможности дальше развивать в уме свои фантазии касательно тайного межпланетного романа.

Деплен умолк. Подобрался. И продолжил куда более прохладным тоном:

— Понятно. Так когда же на самом деле состоялось ваше бракосочетание, Форпатрил?

Все-таки не «капитан»; у Айвена еще оставалось пространство для маневра.

— Сегодня на рассвете, сэр. Так что, думаю, разрешение, подписанное сегодняшним числом, тоже было бы действительным, но вряд ли мы успеем это сделать до приземления.

— Полагаю, тебе следует начать с начала.

— Я так и хотел, сэр.

Айвен собрался с мыслями, пытаясь прикинуть, как бы свалить побольше вины на Байерли. Оперативники традиционно были отнюдь не против раскритиковать СБ за любой просчет, от самого незначительного до монументального. «Да, свалить все на отсутствующего никогда не вредно».

— Все началось трое суток назад, когда ко мне в квартиру заявился агент СБ, работающий под глубоким прикрытием, и попросил о помощи…

* * *

Когда Айвен вернулся наконец в Департамент по делам галактики, на Комарре уже была почти полночь. Ночной дежурный его успокоил: «Морозов все еще у себя в кабинете, допоздна засиделся, а, сэр?» Айвен не отреагировал на приглашение слить пикантные новости, чем разочаровал дежурного, но нисколько не удивил.

Дверь в каморку Морозова была открыта, свет оттуда падал в коридор, и Айвен воспрянул духом, услышав веселые голоса. Зайдя в кабинет, он обнаружил, что Морозов и обе его гостьи расположились кто как среди всякого хлама, выпотрошенных упаковок из-под продуктов, разбросанных по всему полу, и пустых бутылок из-под газировки, полностью увлеченные чем-то вроде игры — красочная ободранная коробка лежит, открытая, на полу, а у каждого игрока на коленях видеопанель. Когда Айвен шагнул внутрь — или, вернее сказать, с трудом нашел место, куда поставить ногу, — что-то бибикнуло и замигало, Тедж победно заулюлюкала, Морозов застонал, а Риш ухмыльнулась, больше всего напоминая в этот момент злобного лазоревого эльфа.

Тедж первая подняла голову и окинула его каким-то странным изучающим взглядом.

— Айвен Ксав! Ты вернулся!

— Прошу прощения, что так задержался. Я договорился, чтобы на эту ночь нас устроили в гостевых комнатах здесь, в здании Генштаба — это всего в нескольких шагах, и можно лечь спать. Никаких изысков, зато безопасно. А вы, я вижу, поужинали. М-м… — На вопрос «У вас все в порядке?» он, похоже, уже и так получил ответ. — Что это за игра?

— «Великий дом», — сказала Тедж. — Это старая джексонианская детская игра. Я часто играла в нее, когда была маленькой, с братьями и сестрами и с Драгоценностями, но, если не жульничала, они всегда разбивали меня наголову. А впрочем, по правилам игры жульничать можно.

— Каждый игрок начинает с маленькой ставки, — объяснил Морозов, — а суть состоит в том, чтобы заключать с кем-то сделки и конкурировать с остальными, пока победитель в конце концов не становится владельцем всей виртуальной планеты. В нее можно играть и вдвоем, но чем больше игроков, тем интереснее. Мне нечасто выпадает возможность поиграть с настоящими джексонианцами. — Он ненадолго

замолчал, а потом добавил: — Я проиграл пять раундов подряд. Подозреваю сговор.

Риш ухмыльнулась.

— Спасибо вам, что задержались тут так допоздна… — начал было Айвен, но Морозов отмахнулся.

— Это был очень интересный день, приятное разнообразие в моей рутине. — Аналитик со стоном поднялся и выпрямился. — Признаю свое поражение. Сражайтесь за первое и второе место вдвоем.

Тедж и Риш переглянулись, хищно улыбнулись и погрузились в хаос бибиканий и мерцаний. Морозов кивнул на дверь и вывел Айвена в коридор. Там они удалились на несколько шагов от двери, выйдя из зоны слышимости.

— Мне нравится ваша новоиспеченная жена, капитан Форпатрил, — сказал Морозов.

— Э-э, спасибо. Хотя это, знаете ли, только временно.

— Она мне уже объяснила. — Морозов улыбнулся собственным ботинкам.

— Узнали сегодня что-нибудь полезное? Для СБ, я имел в виду. Из допроса.

— Допроса? О нет, с друзьями так поступать неприлично. Ну, или с родственниками через

брак. Мы просто весь день провели в разговорах — одна упоительно захватывающая беседа за другой. Вам бы надо попросить ее рассказать полную историю их бегства с Архипелага — от всех этих приключений просто кровь стынет в жилах. Я очень надеюсь, что финал у истории будет более счастливый, чем начало.

— Э-э, — сказал Айвен. — У нас действительно пока как-то не было возможности нормально пообщаться.

— Я так и понял. — Морозов потер шею и заговорил уже более серьезно: — Все, что обе они мне рассказывали — из того, что я уже и так знал, — неплохо выдержало проверку, с поправкой на точку зрения и все прочее. Поэтому я могу с высокой степенью доверия отнестись к новой информации, которой они меня обеспечили. Что касается этого…

Айвен ждал продолжения — чего «этого»? — и уже начинал нервничать: он был страшно измотан.

— Ну и?.. — подтолкнул он.

— Тедж изначально утаивала подробности, касающиеся ее семьи, — это вполне разумно, — но почти все, что я хотел узнать про клан Аркуа, и даже больше, проявилось за последние три часа.

«Великий дом» — очень ценная игра. И к тому же веселая.

«И кто же выиграл?» До Айвена вдруг дошло, что есть такие вопросы, на которые можно дать более одного ответа.

Морозов тем временем сделался не просто серьезным, а по-настоящему мрачным.

— Мой продуманный профессиональный анализ состоит в том, что синдикат, захвативший дом Кордона, намерен сохранить позиции. Ясно, что они до сих пор боятся контрпереворота. Им нужны эти женщины — по возможности, живыми; в крайнем случае мертвыми. Каждый член семьи Аркуа, которого они могут заполучить, усиливает их рычаги воздействия на тех, что остались вне досягаемости. Вы должны быть к этому готовы.

— Ага. — Айвен сглотнул. Он попытался было проанализировать, что это означает, но тут до него дошло, что прямо перед ним стоит аналитик высшего класса. «Используй то, что под рукою…» — К чему конкретно?

— Наиболее вероятно, небольшие команды похитителей. Применение всех видов тактики, включая обман. Инопланетные команды переправлять гораздо хлопотнее, зато кураторам они

хорошо известны. Местные наемники лучше ориентируются и сливаются со средой. Всякое успешное похищение разделяется на два этапа: захват жертвы — это обычно самое простое — и транспортировка за рубежи Империи.

«Если кто-то посмеет похитить мою жену, он обнаружит, что рубежи Империи могут растянуться чертовски далеко», — с неожиданной яростью подумал Айвен. Нет-нет, стоп. Брак с Тедж — всего лишь временная уловка, он не настоящий. То есть нет, это самый настоящий законный брак, в том-то и дело, иначе бы ничего не сработало. Но не навсегда. Беспокоиться не о чем.

Как бы то ни было, в похитителей все равно стрелять разрешается независимо от того, кого они пытаются умыкнуть, верно?

— Осталось чуть больше суток, а потом я лично эскортирую их на Барраяр, — сказал Айвен. — До тех пор в здании Генштаба на Комарре им ничего не грозит — как вы считаете?

— Корабль коммерческий или военный?

— Скачковая шлюпка адмирала Деплена вообще-то. Он был столь любезен, что выделил мне пару резервных коек. Сказал, что это свадебный подарок.

— Это будет исключительно безопасно. Пола-

гаю, преследователям потребуется некоторое время, чтобы перегруппироваться после… э-э… того финта, который вы учинили сегодня утром. Не думаю, что такой вариант заранее рассматривался в чьих-либо планах.

«Включая и мои».

— Тем временем, — продолжил Морозов, — я буду считать, что вы как молодой супруг этой дамы сблизитесь с ней настолько, насколько это в человеческих силах, и, быть может, выясните что-нибудь еще, а?

Головоломки. Айвен всегда ненавидел головоломки. Ему нравились блок-схемы — они четкие и ясные, и по ним всегда можно сразу сказать, где ты находишься в данный момент и что надо делать дальше. Все разложено по полочкам. Никаких неоднозначностей. Никаких ловушек. Ну почему жизнь не может больше походить на блок-схемы?

— В конце концов, — игриво продолжил Морозов, — если мужчина не способен убедить собственную жену, что на него можно положиться, это значит, что у него проблемы во многом.

На это Айвен смог только кивнуть.

Глава восьмая

Гостевой дом для военных напоминал маленькую, слегка обшарпанную гостиничку. Это было временное пристанище для офицеров, их семей и гражданских контрактников, то есть для всех тех, кто оказался на Комарре проездом или прибыл сюда ненадолго в командировку. Уровень охранных систем Тедж оценила как средненький, но и это было несказанно лучше всего того, чем ей приходилось довольствоваться последнее время, да и ощущения, будто находишься в тюрьме, тут тоже не возникало. Айвен Ксав проводил Тедж и Риш в тесную, но опрятную комнатушку с двумя кроватями и, зевая, направился через коридор в свой номер напротив. Не будь Тедж настолько измучена злоключениями, обрушившимися на нее за последние дни, она бы сочла, что первая брачная ночь явно оставляет желать лучшего. Но едва голова ее коснулась подушки, как она мгновенно провалилась в сон.

Когда они с Риш проснулись, Айвен Ксав уже ушел адъютантствовать при своем адмирале. Чтобы они не волновались, он засунул под дверь записку, нацарапанную на обороте какой-то

квитанции. Явился капитан Морозов и повел их завтракать в эсбэшный кафетерий, в отдельный кабинет. Там капитан снова стал задавать свои каверзные вопросы, от которых Тедж делалось неуютно. Все ответы — и прямые, и уклончивые — Морозов принимал с одинаково довольным видом, и это, если подумать, несколько беспокоило. Днем какой-то солдат притащил все вещи, которые они бросили на съемной квартире Айвена, и свалил в кучу на кровати Риш. Продукты он, очевидно, решил оставить там, а жаль — Тедж было бы приятно сохранить на память коробку из-под овсянки.

Устроившись в номере за миниатюрным коммпультом, Тедж вознамерилась расширить свои познания в истории Барраяра. Сами барраярцы, похоже, знали свою историю даже слишком хорошо. Риш уже привыкла сидеть в замкнутом пространстве, хотя последние месяцы и дались ей нелегко, и сейчас она приступила к своему балетному классу, точнее, к тем упражнениям, которые могла проделать в такой тесноте. Она ушла в крошечную ванную отрабатывать перед зеркалом мимику и повороты головы — по десять раз каждое движение, — и тут раздался энергичный стук в дверь. Тедж стрелой метнулась к окну:

второй этаж, слишком низко, насмерть не разобьешься — это Айвен Ксав нарочно подстроил?

Из коридора донесся его голос:

— Привет, Тедж. Ты тут?

И она, пытаясь унять сердцебиение, пошла отпирать дверь.

Айвен Ксав заглянул в комнату.

— По коням, милые дамы! — провозгласил он. — Катер подан.

— Как, уже? — только и сказала Тедж, пока Риш выходила из ванной.

— Эй, вы-то, может, сегодня и выспались, но у меня денек выдался долгий.

— Нет, просто я подумала… Ну, что вся эта история с контрабандистами может сбить вам график.

— Этим теперь занимается армейская безопасность. Передача полномочий на то и существует. Они мечутся как безумные, чтобы загладить собственное упущение: ведь таких гремучих змей — аккуратненько обезвреженных, пришпиленных к картонке и помеченных ярлычком — должны вручать Деплену они, а вовсе не наоборот. Их это здорово обескуражило. Хотя все их дальнейшие отчеты, несомненно, настигнут нас еще в пути. Путешествовать с шефом — это,

увы, не отдых.

Айвен Ксав прихватил свои вещи и удалился паковать багаж.

Подъем на орбиту на военном катере оказался для Тедж не просто выходом из гравитационного колодца — для нее это было как бегство из темницы. Она неотрывно смотрела в крошечный иллюминатор. Шероховатые заплаты зеленых терраформированных участков, цеплявшиеся словно лишайник к поверхности токсичной бесплодной планеты, и огни куполов, нанизанные яркими бусинками на тонкие ниточки монорельса, сулили надежды на будущее — но не на сейчас. Человеку, который подобно Тедж родился и вырос на космической станции, купол Солстис должен был бы показаться просторным, но вышло иначе. «Не хочешь быть нормальной станцией — так будь нормальной планетой». Комарра, похоже, со своим выбором еще не определилась.

«Не знаю, куда меня ведет, — подумала Тедж. — Но не сюда — это точно». А не придется ли ей странствовать по всей Галактике, чтобы найти конечный пункт методом исключения? «Надеюсь, что нет».

Катер пристыковался к военной орбитальной станции, и Айвен Ксав провел их самым

коротким путем к другому порталу. Проплывая в невесомости по гибкому переходнику, Тедж успела мельком увидеть корабль размером с роскошную яхту, но далеко не столь красивый из-за орудийных башен, усеивающих его броню словно бородавки. Переходник выплюнул их в маленькую шлюзовую камеру — опрятную, но исключительно утилитарную. Там уже ждали трое: вооруженный солдат в корабельном обмундировании, военный в обычной зеленой форме, без оружия, — и седой худощавый мужчина почти в таком же зеленом мундире, как у Айвена Ксава. Он не источал какого-либо особого высокомерия, однако держался как человек, который находится в собственных владениях, — Тедж поняла, кто это, еще раньше, чем Айвен Ксав отдал ему честь.

— Адмирал Деплен, сэр. Позвольте представить вам мою супругу, леди Тедж Форпатрил, и ее личную помощницу Ляпис-Лазурь, известную также как Риш.

Адмирал отсалютовал в ответ — чуть более небрежно. Он перевел взгляд на гостий, и его вежливая улыбка сделалась по-настоящему радушной — а может, он просто был искренне удивлен. Он не стал с дурацким видом таращиться на Риш — должно быть, его уже предупредили.

— Леди Форпатрил. Мисс… э-э… Лазурь. Приветствую вас на борту «СШ-9». Другого, более интересного названия у моего судна, увы, не имеется.

Тедж хватило сообразительности произнести в ответ:

— Спасибо, что пригласили нас, сэр, — и не поправить ошибку в имени Риш.

Шефа оперативного отдела правильнее было бы сравнивать не с бароном, а с главой службы безопасности Дома, но обращаться с ним, наверное, следовало как с бароном — столь же осмотрительно.

— Как я понимаю, вы тоже внесли свой вклад в то, что нам вчера удалось накрыть этих доморощенных контрабандистов, — продолжил Деплен.

Тедж понятия не имела, что именно сообщил ему Айвен, а потому состроила загадочную улыбку и тихонько пробормотала:

— Они мне были не друзья, и я им — тоже.

— Капитан Морозов в этом меня убедил, — кивнул Деплен.

О! Ну конечно, Морозов должен был перед кем-то отчитаться. Он вел с ними беседы не только ради собственного удовольствия и не ради того, чтобы поделиться воспоминаниями, как бы ни

старался производить именно такое впечатление.

— У Морозова хорошая спецподготовка по ведению допросов? — спросила Тедж с запоздалым любопытством.

— Он даже сам обучает следователей, — ответил Деплен. — Он, знаете ли, занимает очень высокую должность. — Адмирал с трудом перевел взгляд вверх, к ее лицу — выходит, не такой уж он и старик (Тедж было непросто оценить возраст барраярцев). — Леди Форпатрил, я начинаю понимать, почему рыцарский порыв капитана Форпатрила принял именно такую форму. И до меня вдруг сейчас дошло, что из-за его служебных обязанностей у вас оставалось не слишком много времени, чтобы побыть наедине после свадьбы, состоявшейся… вчера утром, если не ошибаюсь?

— Ни минуты, — подтвердила Тедж, состроив скорбную ми-ну — интересно, что будет дальше?

На лице адмирала заиграла лукавая улыбка.

— Нам необходимо придумать, как это скомпенсировать. А пока, Айвен, покажи нашим гостьям корабль и проведи с ними инструктаж и тренинг по технике безопасности.

Он махнул военному в форме, и тот подхватил багаж.

Тедж и Риш не особо стремились расстаться со своими сумками, но Айвен Ксав тихонько прошептал:

— Не бойтесь, это ординарец адмирала, — и они успокоились.

Выйдя из шлюзовой камеры, Деплен тут же принялся что-то обсуждать вполголоса со своим ординарцем.

Корабль был маленьким, к тому же в инженерные и навигационные отсеки посторонних, разумеется, не пускали, а потому экскурсия получилась совсем короткой. Пока они так прогуливались, Тедж скорее почувствовала, чем услышала слабые удары и лязг, — значит, они отстыковались от станции и тронулись в путь. Мест общего пользования тут было совсем немного — что-то типа столовой и гостиной в одном флаконе (кают-компания, как назвал это Айвен Ксав), небольшая обзорная палуба и компактный, но хорошо оборудованный тренажерный зал, вызвавший живой интерес у Риш. Тедж пришла к выводу, что вся команда корабля — от силы человек двадцать, распределенных по вахтам, и при этом он может взять на борт человек десять пассажиров — а в чрезвычайной ситуации, возможно, и двадцать. Скачковая шлюпка оказалась

почти такая же маленькая и быстрая, как курьерское судно.

Заблудиться на борту им явно не грозило. Айвен Ксав сфокусировал внимание на маршрутах эвакуации, спасательных капсулах и правилах работы с оборудованием. Он тщательно провел инструктаж по герметизации и прочим мерам безопасности, а потом проэкзаменовал Тедж и Риш.

— Тебе часто приходится инструктировать пассажиров? — спросила Риш, стянув с себя респиратор.

— Мы время от времени перевозим тут высокопоставленных штатских, в зависимости от поставленной задачи. Да и адмирал иногда берет с собой семью в безопасные служебные поездки, но на этой неделе у них были дела дома.

— А давно ты работаешь на Деплена? — поинтересовалась Тедж.

— Года три уже. Сначала он был адмиралом флота метрополии, а два года назад его повысили до главы оперативного отдела, и он забрал меня с собой.

Появился ординарец.

— Капитан, леди Форпатрил, мисс Лазурь, будьте любезны, пройдите сюда.

Он провел их в конец короткого коридора. Герметично закрывающаяся дверь с табличкой «Адмирал Деплен» при его прикосновении плавно скользнула в сторону. Внутри оказались крошечные апартаменты — гостиная и две спальни с общей ванной. В одной спальне имелись четыре встроенные койки, в другой — двуспальная кровать. Три их сумки и чемодан Айвена Ксава уже стояли на полу в гостиной.

— Леди Форпатрил, мэм, адмирал передает вам наилучшие пожелания и просит, чтобы вы с капитаном воспользовались в этом путешествии его апартаментами. Он говорит, что без мадам Деплен и детишек ему здесь слишком просторно. И это действительно так.

Ординарец показал им, где что находится, и удалился, пробормотав:

— Если понадобится что-то еще, тут на стене кнопка вызова, но, надеюсь, все самое необходимое уже есть.

Айвен Ксав ошарашенно оглядывался по сторонам.

— Ха! Так выходит, меня простили, а значит… — Он взял себя в руки, заглянул в обе спальни и повернулся к дамам: — Э-э… выбирайте.

Тедж и Риш обменялись взглядами.

— Извини, мы сейчас, — сказала Риш, хватая Тедж за руку и утягивая в спальню.

Герметическая дверь с шипением скользнула на место.

— И брось ухмыляться, — заявила Риш.

— О, но это же так мило, — прощебетала в ответ Тедж. — Шеф Айвена Ксава подарил нам номер для новобрачных. Право же, неприлично, если столь благородный жест пропадет впустую, как по-твоему?

Риш пригладила рукой свои взлохмаченные платиновые волосы, лазоревые ушки непроизвольно дернулись.

— Ладно, готова признать: если он к тебе привяжется — это будет очень неплохо. Хуже, если к нему привяжешься ты. Не теряй голову, радость моя.

Тедж встряхнула кудряшками.

— Этот брак — чисто из практических соображений. Так должна же я хоть как-то попрактиковаться — скажешь «нет»?

— А заодно и порезвиться. Только учти — это совсем не то, что с одобренным претендентом. Если он тебя обидит, кнопка вызова не поможет — телохранителей барона, которые примчатся по твоему зову и вышвырнут его из спальни,

тут нет. Тут только я. В другом месте я бы и сама его вышвырнула, но здесь не получится. Этот корабль полностью принадлежит Барраяру, и бежать нам тут некуда.

— Раз я его одобрила, значит, он одобренный, — бесстрастно проговорила Тедж. — Кто остался из тех, кого я могу позвать на помощь, Риш?

Риш вдохнула — и медленно выдохнула.

— Эта сделка заключалась не с позиции силы, знаю, — кивнула Тедж. — Но мы ее уже заключили. На ближайшие шесть дней. И еще на какое-то время — непонятно какое. Базисное биологическое поощрение даст нам дополнительную подстраховку — ничего дурного от этого не будет. Ты же понимаешь, что я не перепутаю это с чем-то значительным. — Тедж задумалась. — Хотя не знаю, как можно думать, что у папы с баронессой было что-то совсем незначительное.

— Исключение, которое лишь подтверждает правило, радость моя. — Риш принялась вышагивать взад-вперед: два шага туда — два обратно. — А, к черту, иди получай свое удовольствие. Быть может, это быстрее всего излечит тебя от безумия.

Губы Тедж сами собой растянулись в улыбке.

— Да где уж ему — держу пари на мое обучение

в этих делах. Как бы то ни было, адмирал фактически вручил его мне в подарочной упаковке. А ты же знаешь, как я люблю распаковывать подарки.

Риш не смогла сдержать смех. Она нежно ударила Тедж кулачком по плечу.

— Ну, раз так, — ни пуха! И пусть ему будет хуже!

— Ты чересчур сурова.

Они вернулись в гостиную. Айвен Ксав стоял с такими же стеклянными глазами, как у тех мужчин, что ждали у дверей женского туалета, только пальцы его правой руки отбивали быструю барабанную дробь на брючном шве. Он вздрогнул, возвращаясь к реальности, и губы его искривились в дурацкой улыбочке.

— Итак, каков приговор?

— Риш займет ту спальню, которая с койками, — сообщила Тедж, — а мы с тобой — другую.

Он открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Это… звучит потрясающе, но, знаешь, если не хочешь, ты вовсе не обязана… Конечно, если ты действительно хочешь, то… это просто потрясающе!

Риш закатила глаза, подхватила свою сумку и ретировалась в спальню с койками, бросив напоследок:

— Доброй ночи, доброй ночи, всем доброй ночи. Но я все равно требую преимущественного права на ванную.

Айвен Ксав вряд ли расслышал ее слова. Он подмигнул Тедж и сказал:

— А еще одна приятная новость состоит в том, что тут, на борту, мы снова вернулись к общефлотскому времени, как в Форбарр-Султане. Двадцать шесть целых семь десятых часа в сидерических сутках, и ночь соответствующая. А значит, вечер у нас будет куда более спокойный.

Он вдруг шагнул вперед, обнял Тедж за талию, развернул ее словно в танце и опустил на небольшой диванчик, привинченный к полу на случай сбоя искусственной гравитации.

— Добрый вечер, леди Форпатрил. Очень рад знакомству.

«Да это и без слов видно», — подумала Тедж, но вслух говорить не стала.

— Привет, лорд Форпатрил. — «Лорд — интересно, чем он там повелевает? Надо бы это выяснить. Потом». — Назови мое полное имя. Держу пари, не сумеешь.

Он гордо вздернул подбородок.

— Леди Акути Теджасвини Джиоти гем Эстиф Аркуа Форпатрил.

Тедж, пораженная, подняла брови.

— А ты способный ученик, Айвен Ксав.

— Когда вынуждают обстоятельства. — Он потянулся было, чтобы откинуть кудри у нее со лба, но в последний момент остановился. — Э-э… а сколько тебе лет, Тедж? Ну, то есть на вид тебе чуть больше двадцати стандартных, но джексонианцы, со всей их пластической хирургией… Цетегандийцы, со всеми их генетическими манипуляциями… Думаю, тебе может быть сколько угодно, от десяти до шестидесяти.

— Честно говоря, мне только-только исполнилось двадцать пять.

— О, вот как.

— А если бы я сказала «десять», как бы ты отреагировал? — с любопытством спросила она.

— Разрыдался бы. И вернул тебя к няне.

— А если «шестьдесят»?

— Ну, это-то как раз не страшно. Женщины в возрасте — это, знаешь ли, мой каприз. В общем, бывает.

— И тебе удавалось когда-нибудь этот каприз осуществить?

— Я… не думаю, что сейчас имеет смысл углубляться в мое прошлое, как по-твоему? Этот вечер должен быть полностью посвящен тебе. — Голос

его звучал все мягче, все доверительнее. Но вдруг он снова запнулся. — А… Бесценная дочь барона Великого дома, и все такое, ты, наверное, жила очень безмятежной жизнью, а? Тебя оберегали от всего. Толпы вооруженных охранников, ну и вообще…

— Да, до тех пор, пока Дом не рухнул.

Он покачал головой, как бы в задумчивости. Или в замешательстве.

— М-м… Я должен об этом спросить, не хотел бы тебя смущать, и все такое, и любой ответ будет хорош, если он правдив. Потому что я как бы должен знать. Ты еще девушка?

— О боги мои, нет. Я не девушка с пятнадцати лет.

— Как, и ты с пятнадцати? Ну, то есть, прекрасно. Для меня это не проблема, я не страдаю предрассудками Периода Изоляции насчет того, что жениться надо на девственнице, — в конце концов, это просто ханжество. Особенно в нашем временном законном браке. На самом деле так, наоборот, даже проще. — Он снова замялся. — Противозачаточный имплантат?

— Тоже с пятнадцати лет, — заверила она.

— А. — Он блаженно улыбнулся и поцеловал ее.

Это был чудесный поцелуй — почти такой же чудесный, как в ее сне, а может, даже и лучше. Она потянулась пальцами к его верхней пуговице. Мундир Айвену Ксаву очень к лицу, но пуговиц тут что-то многовато. Его рука впервые сдвинулась с ее плеча вниз — осторожно и нежно; набрасываться на нее он явно не собирается, это хорошо.

— Так что произошло, когда тебе было пятнадцать лет? — спросила она, когда они в очередной раз отстранились друг от друга, чтобы отдышаться. — Опыт был положительным?

Это его неожиданно рассмешило и вызвало приятные воспоминания.

— Подростком я был жутко сексуально озабочен — такому чуть ли не любой опыт покажется положительным, но да, наверное, тот опыт и правда был таким. Она была одной из девочек-грумов в конюшнях моего двоюродного деда на Долгом озере. Курортный роман в летней резиденции, действительно вполне себе идиллический, ко всем чертям. Я думал, что обольстил ее, но теперь-то уже понимаю, что это она меня обольстила. Совсем старуха — понимаешь, ей было девятнадцать. Боже ж ты мой, я был неуклюжим юным оболтусом. Но к счастью — а может, из состра-

дания, — она не затоптала мое юное эго. Хотя чтобы оставить на моем эго хоть какой-то след, ей, вероятно, пришлось бы прогалопировать по нему на скаковой лошади — я ведь был страшно доволен собой.

Тедж рассмеялась в ответ, радуясь за его эго, бывшее когда-то втайне столь уязвимым.

Его пальцы, едва касаясь, пробежали по ее скуле, обводя изгибы. Он собрался было что-то сказать, не стал, покачал головой, но потом все же не удержался и спросил:

— А ты? Надеюсь, ты не пострадала от неуклюжего юного оболтуса, занятого исключительно самим собой?

— Ни в коем случае. Баронесса хотела быть уверенной, что мы не натворим глупостей — и я, и мои родные братья и сестры, и Драгоценности. Поэтому она выписала из Бетанской Сферы знаменитую команду лицензированных сексотерапевтов, чтобы те обучали нас эротическим искусствам. Мужчину, женщину и гермафродита. Они оставались у нас два года — я очень расстроилась, когда они улетели домой. Это был единственный предмет, в котором я преуспела гораздо лучше сестер.

Рука остановилась. Он издал какой-то стран-

ный негромкий горловой звук, который Тедж не смогла интерпретировать.

— Я ни разу не бывал в Сфере, — проговорил он наконец каким-то отсутствующим тоном. — Мой кузен Майлз там бывал, хоть он об этом и не рассказывал. И Марк с Карин там бывали. Черт, даже коммодор Ку и мадам Дру там побывали…

— Ну, я тоже там ни разу не была, — сказала она. — Разве что опосредованно. Но мне действительно нравились искусства. Они хорошо сочетались с моими тренировками восприятия. В чем-то это было как танец. Когда ты какие-то несколько мгновений живешь в своем теле, здесь и сейчас, а не так, когда мозг постоянно обрабатывает информацию, разрываясь между прошлым и будущим и упуская то самое «сейчас».

Этот тонкий намек вернул его к настоящему; рука снова начала перемещаться.

— После этого у меня было два одобренных претендента, — продолжила она. — Но с ними не сложилось. Так что это тоже в итоге к лучшему.

— Одобренные претенденты? А что это значит? Это джексонианский термин?

— У вас на Барраяре не существует одобренных претендентов? — переспросила она. Он покачал головой. Не сказать, что это ее удивило, удивило

только его невежество. — Это когда рассматривают нечто вроде альянса Домов через брак. Перед тем как купить, сначала попробуй, и я довольна, что так и сделала. Первого из них интересовала не я, а политика Дома. Когда я сказала ему, что в этом случае ему лучше было бы лечь в постель с моим отцом, он не слишком обрадовался. Я тоже. Другой… не знаю. С ним вроде бы все было нормально, просто мне не понравился его запах.

— Он… не мылся? — Рука Айвена Ксава невольно дернулась, словно он собрался было понюхать собственную подмышку, но в последний момент передумал.

— Нет, с гигиеной у него было идеально. Просто… не знаю… несовместимость. Уже потом баронесса предположила, что, возможно, наши иммунные системы были слишком похожи, но мне кажется, это не так. Просто он был зануда.

— О, — только и сказал Айвен Ксав.

Воспользовавшись его растерянностью, она расстегнула еще несколько пуговиц у него на рубашке. Ах, какие милые волоски на груди. Не слишком много, не слишком мало, очень изысканно. Их темный цвет приятно контрастировал с бледной кожей, и она не стала скрывать, что наслаждается этим. Следует отмечать достоинства

партнера и показывать ему, что тебе приятно — это особо подчеркивалось при обучении эротическим искусствам. Чтобы это продемонстрировать, она накрутила несколько волосков на палец, а потом изящно пробежалась кончиками пальцев вниз по его торсу.

Дверь в соседнюю спальню, тихонько зашипев, скользнула в сторону, и сквозь шум воды донесся голос Риш:

— Ванная свободна. А я иду спать, так что, когда закончите с душем, закройте обе двери между нами, угу? — Дверь, скользнув обратно, плотно закрылась.

— У Риш очень тонкий слух, — сказала Тедж, — но она спит как убитая.

— А, — слабо выдохнул Айвен Ксав. — Ну ладно. День сегодня был долгий, наверное, мне надо бы совершить налет на душ… м-м… или ты хочешь нанести первый удар?

— Или мы могли бы принять душ вместе… — Она еще чуть-чуть пробежалась пальцами по его груди.

Он с сожалением покачал головой:

— Здесь не получится. Душ ультразвуковой, и два человека там не поместятся. — Он просветлел. — Но когда мы вернемся ко мне домой,

в Форбарр-Султан, я знаю, что, м-м… в другой раз?

Эх, не воспользовались вовремя всеми преимуществами его квартирки в Солстисе, но кто ж мог знать? Не вовремя. Все лучшие шансы в жизни натыкаются на это «не вовремя».

Он снова поцеловал ее и с неохотой отстранился.

Когда они снова встретились — уже в постели, — подарок, к некоторому сожалению Тедж, был уже почти распакован. Ладно, не в последний раз. Она скользнула между простынями, уже согретыми теплом его тела. Чистыми простынями, отметила она с признательностью — наверное, ординарец позаботился и об этом. Айвен Ксав повернулся, приподнялся на локте, и рука его растерянно зависла над Тедж — так, словно он не знал, с чего начать.

Она улыбнулась:

— Айвен Ксав, ты что, стесняешься?

— Нет! — с негодованием воскликнул он. — Просто… я еще ни разу не занимался любовью с женой. Ну, то есть со своей женой. Со своей собственной женой. У меня еще ни одной жены не было. Понять не могу, каким образом несколько слов в кругу из овсянки умудрились вдруг ни с

того ни с сего превратить знакомые ощущения в нечто совершенно неизвестное. Силой внушения или еще чем-то в этом роде.

Теперь уже она склонилась над ним, опершись на локоть. Прикоснулась к его подбородку, нежно провела пальцами вверх, словно обрисовывая структуру лица. Она потянулась всем телом вслед за рукой, и он уже больше не смотрел ей прямо в глаза, но он *смотрел* — зрачки его расширились и сделались почти черными. Достоинства партнера можно отметить и без слов, — вспомнила она.

— Никогда не относился к этому всерьез, — потрясенно выдохнул он. — Так просто, промельк света…

— Промельк света — пожалуйста, — сказала она, наклоняясь к нему. — Ведь мое имя означает «свет».

Он устремился ей навстречу.

— Тогда… тогда освети меня, — прошептал он.

Дальнейшие слова уже были не нужны.

* * *

Ординарец адмирала привез на тележке еду. Отнюдь не для того, чтобы они неспешно позавтракали в постели, догадался Айвен, а чтобы проверить, не проспал ли Айвен работу. Военный

слуга вежливо постучал в двери обеих спален и, сервировав стол в гостиной, поспешил удалиться, выяснив предварительно (как опять-таки догадался Айвен), кто с кем спал минувшей ночью, чтобы дополнить разведданные для их общего шефа. Деплен, конечно, предоставил Айвену и его гостьям самим решать, кто где спит, но ему наверняка любопытно узнать, чем это кончилось.

Айвен чувствовал себя… посвежевшим, вот оно, нужное слово. Исключительно посвежевшим. Он привел себя в безупречный военный порядок, помахал заспанной Риш, которая мелкими глоточками пила чай, поцеловал на прощание свою жену — именно так, свою прекрасную, еще неприбранную со сна, изысканно аппетитную жену, которая, как выяснилось, не любила болтать по утрам и этим очаровала его окончательно, — и бодрым шагом направился на службу: двенадцать шагов по коридору до бортового офиса Деплена, примыкавшего к компактной тактической рубке.

Как и следовало ожидать, Деплен пришел раньше — без космических баталий в замкнутом пространстве скачковой шлюпки его одолевала скука, и если рядом не было мадам Деплен, адмирал работал дольше положенного, чтобы как-то

скоротать время. А это нередко создавало массу дополнительной работы для его подчиненных, и одной из обязанностей Айвена, не упоминавшихся в должностной инструкции, было следить, чтобы шеф не задерживался за делами до бесконечности. Однако сегодня Айвен чувствовал себя готовым сразиться с тысячью змей. Он энергично отсалютовал адмиралу и со словами:

— Доброе утро, сэр! — ринулся в бой.

У Деплена просто глаза на лоб полезли. Адмирал с адъютантом слаженно занялись привычным делом — Айвен сортировал сообщения, почти непрерывно поступавшие по защищенному каналу, перекидывая туда-обратно замечания, а иногда — устные запросы или приказы, непрерывным потоком возвращая заметки, сообщения и распоряжения обратно в оперативный отдел на Комарру или в барраярский Генштаб в Форбарр-Султане, находившемся от них еще в пяти днях полета. Как и ожидал Айвен, разоблачение шайки расхитителей и контрабандистов привело к резкому увеличению служебного трафика. А когда информация наконец достигнет Зергияра и пойдут сообщения от командора Джоула, вот тогда произойдет настоящий взрыв!

— Айвен! — где-то через час окликнул его Деп-

лен.

— Да, сэр?

— Прекратите насвистывать. Это слишком похоже на звук, который бывает при утечке воздуха.

— Прошу прощения, сэр, я сам не заметил, что насвистываю.

— Именно это я и подумал.

Перед входом в первый п-в-туннель Айвен сделал перерыв, чтобы предупредить дам. Обе они, как выяснилось, страдали гиперчувствительностью к скачкам: Риш в большей степени, Тедж — в меньшей. Тогда он осуществил самый элементарный героический поступок: заглянул в медпункт, набрал там антискачковых лекарств — благо, запасов на адмиральском корабле хватало — и отнес их в каюту. Риш тихонько стонала, лежа в кровати, и Тедж пришлось чуть ли не силой вытаскивать ее из-под одеяла, чтобы заставить выпить таблетки.

— Пять скачков за пять дней, и зачем только я на это согласилась? — причитала она. Но уже через двадцать минут сидела, удивленно хлопая глазами и не веря своему счастью — благодаря Айвеновым лекарствам она чувствовала себя как новенькая: никакой тошноты, головокру-

жения, в глазах не плывет, а главное — исчезли противные слуховые галлюцинации, возникшие во время скачка. Сам Айвен никогда ничего такого не испытывал — только короткий приступ тошноты. Ну, и еще где-то с минуту все вокруг казалось зеленым, и надо было проявлять особую осмотрительность в интерпретации сигналов контрольных лампочек.

Он вернулся на работу, еще более остро осознавая, что совсем рядом, всего в нескольких метрах, его ожидает маленький рай.

В конце вахты Деплен дружески пригласил Айвена с дамами составить ему компанию за ужином. На маленькой обзорной палубе накрыли стол на четверых. При том, что корабельная пища изысканностью не отличалась — Деплен был неприхотлив в еде, — Айвен обнаружил руку его верной команды в свежих продуктах, запасенных до отлета с Комарры, к тому же Айвен давно уже убедился, что адмирал по праву может гордиться своей коллекцией барраярских вин. Да и ординарец обслуживал их за столом безупречно.

Название «обзорная палуба» оказалось очень удачным — как почти сразу же обнаружил Айвен, Деплен решил воспользоваться случаем, чтобы изучить поближе Айвенову молодую

жену и ее компаньонку. Ну, в конце концов, оценка личного состава — тоже важное дело. Тедж умеет себя держать, подумал Айвен. Ему пришло в голову, что жизнь в джексонианском Великом доме проистекает примерно так же, как и в резиденции окружного графа, которому приходится регулярно развлекать разного рода деловых партнеров и прочих эксцентричных гостей, причем огромное количество потенциально опасных политических вопросов решается за столом. Тедж, безусловно, умела вести ни к чему не обязывающую светскую беседу и знала, какой вилкой что едят.

Деплен расспрашивал Тедж о ее долгом бегстве, избегая самых мучительных моментов — ведь это, в конце концов, застольная беседа. От нескольких ее историй просто волосы дыбом вставали, но по большей части они были либо нейтральными, либо слишком туманными. Вероятно, Морозов, общаясь с Тедж, заложил некую основу, вольно или невольно снабдив ее подсказками, как надлежит говорить с барраярцами, и она не терялась с ответами. Риш, более осторожная, говорила меньше.

Как бы то ни было, Деплен, похоже, наслаждался их обществом, и приглашения сделались

ежедневными. Вместе с ними ужинали и члены экипажа — те, кто был свободен от вахты: капитан, пилоты, главный инженер и врач Деплена (согласно уставу, адмирал всегда путешествовал с личным врачом). Деплен следил, чтобы приемы не затягивались до глубокой ночи — и Айвен был ему за это весьма признателен.

В рабочие часы, когда Айвен уединялся с Депленом, Тедж находила развлечение в книгах и фильмах, или же занималась собой, или играла с Риш. Экипаж «СШ-9» формировался из самых опытных военных моряков, и если они и обсуждали между собой необычную внешность Риш, то, во всяком случае, делали это так, чтобы она не слышала. Риш почти все время проводила в тренажерном зале. Это поначалу несколько нервировало занимавшихся там членов экипажа, но вскоре тревога сменилась восхищением. Так или иначе, она нашла еще трех фэнов комаррианских мыльных опер и, когда они были свободны от вахты, заглядывала в гости пообщаться и посмотреть новые серии в период рабочего затишья на канале связи.

По совету Деплена Тедж нашла бортовые программы обучения языкам и углубилась в барраярские диалекты русского, французского и

греческого — ни один из этих языков она, по ее словам, раньше ни разу не учила. Точнее даже, не углубилась, а ринулась в атаку, подумал Айвен, когда склонился к ней, чтобы проверить успехи. Казалось, это ее не то что не утомляет, а наоборот, даже забавляет.

— О, языки — никакая не работа, — радостно объяснила она. — Это игра. А вот что действительно наводит тоску, так это экономика. — Она поморщилась, вспомнив что-то из времен учебы.

Айвен чуть ли не впервые заметил в ней промельк генетической наследственности аутов — она овладевала языками с немыслимой быстротой и, отрабатывая чистоту произношения, бродила по кораблю в поисках двуязычных членов экипажа, чтобы попрактиковаться в разговорной речи. Неудивительно, что ее комарринское произношение одурачило не только Айвена, но и настоящих комарриан. Тедж, вне всяких сомнений, обладала острым слухом. Айвен задумался, не обладает ли она заодно и абсолютным музыкальным слухом, как один его знакомый барраярец, оказавшийся потомком гем-лорда.

Проблем, чем заняться в свободное от работы время, у Айвена не было, и ему уже начинало

казаться, что даже в барраярских сутках ночи слишком короткие.

Первая змея в Айвеновом саду подняла голову на четвертый день. Он перекинул на комм Деплена служебную записку от генерала Аллегре, шефа СБ, с пометкой «Лично в собственные руки». Несколько минут спустя Деплен поднял взгляд от комм-пластины и ласково поинтересовался:

— Айвен, ты уже отправил домой письмо с отчетом о своих приключениях? Или нет?

— Не вижу смысла, сэр. Ну, то есть, вы и без того все знаете. А матушка, после того как мне исполнилось тридцать, сама перестала меня расспрашивать о моих девушках.

— Форпатрил, я отказываюсь служить посредником между вами и вашей матерью в том, что касается вашей личной жизни.

— Вам не придется этого делать, сэр.

На этом — как надеялся Айвен — все и закончилось, но через несколько часов — в конце концов, они уже приближались к Барраяру — он принял еще одно сообщение «Лично. В собственные руки» со слишком знакомого адреса. Искушение сделать так, чтобы сообщение потерялось в пути от его комм-пульта к депленовскому, было очень велико, но Айвен в порыве добродетели благо-

родно ему воспротивился, хоть и подозревал, что никто этого не оценит.

Примерно пятнадцать минут спустя Деплен заметил:

— Могу ли я поинтересоваться, почему леди Элис Форпатрил, когда хочет узнать, что происходит в жизни ее единственного сына, обращается не к тебе, а ко мне?

Айвен зажмурился.

— Жизненный опыт?

Повисшая в кабинете тишина сделалась абсолютно ледяной, и Айвен поднял глаза:

— А. Это был — как вы их называете? — риторический вопрос, да, сэр?

— Да.

Айвен откашлялся.

— Вы ведь не думаете, что эсбэшники все это время кормили ее своими отчетами, нет? Они ее определенно вконец запутали. Если поглядеть, какие материалы они шлют нам…

Последняя фраза почти подействовала. Но, увы, всего лишь «почти». Деплен плотно сжал губы.

— Она работает непосредственно — и ежедневно — с генералом Аллегре и его отборными сотрудниками, занятыми вопросами личной безопасности императора, и к тому же живет

с человеком, который до того не один десяток лет управлял всей СБ, а вы — ее самый близкий родственник. Поэтому, полагаю, вам, капитан, было бы проще ответить на этот вопрос самому.

— Я, э-э… — Айвен сглотнул. — Я прямо сейчас отправлю ей коротенькое сообщение, чтобы она успокоилась, вы позволите, сэр?

— Отправляйте.

Айвен ненавидел эти убийственно спокойные интонации, напрочь вышибавшие его из колеи. Именно так говорил дядя Эйрел, если его разозлить.

Но записка, написанная от руки, — это документ. А видеозапись — не более чем приглашение поболтать, без живого человека, сидящего напротив тебя, в реальном времени, который словом или жестом дает тебе понять, что лучше: продолжать или остановиться.

Склонившись над комм-пультом, Айвен ввел заголовок и коды безопасности. Средний уровень безопасности, пожалуй, вполне сойдет. Достаточно, чтобы сообщение не увидели те, кому этого знать не надо, и недостаточно, чтобы оно выглядело как некий сигнал тревоги.

«Дорогая мама».

Он просидел с минуту, уставясь на мигающие индикаторы.

«Не знаю, что тебе сообщили эсбэшники, но на самом деле все в порядке. Я, похоже, случайно женился, но это только временно. Не беспокойся. Когда прилетим, я тебе все объясню.

С любовью, Айвен».

Еще с минуту он молча созерцал написанное, после чего вернулся к письму и удалил из середины лишние фразы. Если он собирается объяснить все, когда вернется, то сейчас, конечно же, ничего объяснять не должен.

«Не знаю, что тебе сообщили эсбэшники, но на самом деле все в порядке. Когда прилетим, я тебе все объясню».

Теперь письмо выглядело гораздо лучше. Хотя — слишком коротко. Губы Айвена медленно растянулись в улыбке. Снова склонившись над коммом, он приписал:

«P.S. Если поймаешь Байерли Форратьера, он полностью в курсе дел».

На самом деле, по его прикидкам, Бай должен был вернуться в Форбарр-Султан самое раннее

через несколько дней после них. Но — как называлась та сказка, еще со Старой Земли, о том, как одного из путников сбросили с тройки, чтобы отвлечь преследовавших их волков? Ага, именно это он сейчас и делает, только виртуально, потому что маман все равно не сумеет схватить Бая. Но звучит красиво.

Айвен отправил сообщение, и оно помчалось, опережая корабль, со скоростью света.

Глава девятая

Для столицы, пережившей такое количество войн — и гражданских, и межпланетных, — Форбарр-Султан выглядел на удивление неплохо. Начитавшись на борту «СШ-9» всяких книг по истории Барраяра, Тедж почти ожидала увидеть руины с еще дымящимися обугленными деревянными балками, воронки от бомб на улицах и затравленных, изнуренных людей, снующих, словно крысы, среди баррикад. Но все оказалось не так: город был полностью восстановлен, а в иных местах — и полностью модернизирован: стандартная галактическая архитектура, современный транспорт, и граждане — нет, поправила она себя, подданные — повсеместно выглядят энергичными, сытыми и пугающе уверенными в себе. Тедж пришли в голову такие определения, как «оживленные» или даже «жизнерадостные». Это ее сильно обескуражило.

Ну да, пробка на дороге была ужасающая. Автотакси, которое они взяли от военного космопорта, целых двадцать минут ползло по какому-то мосту — очень знаменитому, как заверил ее Айвен Ксав, — зато они с Риш успели за это время

спокойно осмотреться по сторонам. Высокий обрывистый берег венчали необычные архаические замки, которые — по словам их гида — по ночам подсвечиваются разноцветными прожекторами. Склоны были усеяны домами поменьше, разнообразившими картину, а ниже, на равнинах, возвышались небоскребы, университеты и медицинские комплексы. Они остановились перед высоким жилым зданием, буквально в двух шагах от делового центра, или, во всяком случае, от Генштаба. Правительственные комплексы располагались ближе к Старому Городу, почти затерявшемуся среди новой застройки, — как объяснил Айвен Ксав, эта историческая зона уже полностью отреставрирована, и там теперь открылись уютные ресторанчики, которые можно отыскать, если сумеешь увернуться от туристов из провинции.

Квартира Айвена Ксава располагалась в здании, очень напоминавшем то, в котором он снимал апартаменты в Солстисе, но с безопасностью здесь, похоже, обстояло получше: за стойкой рецепции сидел настоящий живой охранник, и Айвен Ксав задержался, чтобы их просканировали и внесли в электронную базу данных как добропорядочных жильцов. Камеры видео-

наблюдения, почти незаметные, полностью отслеживали все пространство. Айвен увлек Тедж и Риш в лифтовую шахту, а оттуда — в холл и, вытащив пульт, открыл скользнувшую вбок, но не герметичную, как на Комарре, дверь.

— Наконец-то дома, — бодро провозгласил он. — И, о боги, как же я этому рад!

Барраярская квартира Айвена Ксава тоже напомнила Тедж его комаррское жилище — для полного сходства не хватало лишь отдельной прихожей, да и кухня оказалась просторнее, зато здесь имелся почти такой же балкон, с которого открывался вид на улицу и небольшую часть города. Не так высоко. Комнаты тоже были побольше, но при этом заставлены мебелью, а потому казались более тесными и уютными, даже несмотря на спертый воздух, характерный для пустовавшего почти месяц жилища.

— Ах, хорошо, — сказал Айвен Ксав, шагнув в спальню и бросив свой флотский чемодан на широкую кровать. — Уборщица тут уже побывала. Можно располагаться.

Проработав почти три недели без выходных, Айвен Ксав заслужил несколько дней отпуска — так сказал Тедж адмирал Деплен, который, попрощавшись с ними, тоже отправился в отпуск

вместе с ожидавшей его в космопорте мадам Деплен. Он пожелал капитану Форпатрилу с пользой провести время и уладить все свои дела — «Так, Айвен?» Айвен Ксав убедительно кивнул. Знать бы еще, что он хотел этим сказать.

И вот они здесь. «А что дальше?» На Комарре, уставшая до предела, в постоянном стрессе, она знала только одно: «Отсюда надо бежать». А о том, что будет, когда она сбежит, Тедж даже не задумывалась.

— Где я буду спать? — спросила Риш, прохаживаясь по квартире и с подозрением осматриваясь по сторонам.

— Диван раскладывается. Это не так уж и плохо. — Айвен Ксав, сладко потянувшись, вернулся в гостиную. — В Форбарр-Султане есть три человека, с которыми мне меньше всего хотелось бы встретиться, — моя матушка, Майлз и Грегор, именно в таком порядке. Ну, еще Фалько, но от него отвертеться попроще. Он может сейчас заниматься делами в округе. Хотя, подозреваю, нам еще придется в свое время за ним поохотиться. Ну а, кроме этого, чем бы вы сами хотели заняться здесь, в сей великой метрополии?

Тедж опустила взгляд на свой пообносившийся в дороге костюм. «Чем заняться?» Разумеется, он

имел в виду «куда-то пойти».

— У нас только комаррианская одежда. Здесь ее носить прилично, или лучше поискать что-нибудь более уместное?

Риш протянула вперед узкую лазоревую ладонь и фыркнула. Затем подняла обе руки, медленно выгнулась назад в мостике, резко оттолкнулась от пола ногой, сделала стойку на руках и снова вскочила на ноги.

— Ну, ты понимаешь, о чем я, — продолжила Тедж.

— А, да-да, конечно, — кивнул Айвен Ксав. — Матушка обычно шьет себе все на заказ, но еще одна моя деву… в общем, я тут вокруг знаю много всяких магазинчиков, и готов побиться об заклад, что сумею отыскать для вас что-нибудь симпатичное. Но комаррианский стиль сейчас тоже в моде — вы же знаете, императрица Лаиса… Может, вы захотите сначала поосмотреться, выбрать, что вам больше по вкусу, а уж потом идти за покупками.

И тут послышался мелодичный звонок.

— Какого дьявола? — взвился Айвен Ксав. — Никто ж не знает, что я вернулся. Нежданные гости… — Он добрел до двери и осторожно заглянул в глазок.

«Для преследователей еще слишком рано», — напомнила себе Тедж. Им нужно время, чтобы перегруппироваться и здесь ее нагнать.

— А, — пробормотал Айвен Ксав. — Кристос. Может… может, нас пока еще тут нет. Может, мы еще в дороге, а?

— Давайте, лорд Айвен, открывайте, — послышался мужской голос, балансировавший между недоумением и раздражением. — Я знаю, что вы тут. Или хотя бы проверьте сообщения на вашем наручном комме.

— Это матушкин личный шофер и мальчик на побегушках, — бросил Айвен Ксав через плечо, адресуясь к Тедж и Риш. — И телохранитель — отставной вояка, сержант диверсионно-десантных войск. Что-то типа оруженосца моего кузена — во всем, кроме звания и присяги. Могу поклясться, он претендует на эту роль. Поступил на службу года четыре назад — и никоим образом не качал меня на коленях во младенчестве, но ведет себя так, будто именно это он и делал. — И, помолчав пару секунд, нехотя добавил: — Хотя он для этой работы подходит.

«Для какой именно?» — подумала Тедж.

Айвен Ксав нажал на клавишу, открывая дверь.

Гость оказался крупным седоволосым приветливым мужчиной; его одежда ради разнообразия не напоминала военную форму — просто аккуратно выглаженная рубашка с широкими рукавами, просторные брюки, заправленные в полусапоги, и безрукавка со странной, но очень симпатичной вышивкой. Но главное — он выглядел крупным.

Он протиснулся мимо Айвена Ксава, засек местоположение Тедж и Риш, удовлетворенно произнес:

— Ага, — и вытянулся перед Тедж по стойке «смирно». — Добрый день, леди Форпатрил, мадемуазель Ляпис-Лазурь. Я Кристос, личный шофер вдовствующей леди Форпатрил. М'леди велела мне отвезти вас на приватный ужин у нее в квартире. А также передать ее сердечное приглашение на упомянутый ужин, буде оно необъяснимым образом, — он метнул убийственный взгляд на Айвена Ксава, — затеряется где-то на наручном комме лорда Айвена.

— Ах, — сказала Тедж, выразительно глядя на Айвена Ксава: и как, по его мнению, ей следует реагировать?

— Мы только-только с катера, — начал было он.

— Да-да, знаю, — кивнул Кристос, доставая

считыватель. — Я прихватил с собой книжку — почитаю, пока вы будете мыться с дороги и приводить себя в порядок. Миледи не хотелось бы, чтобы мы с вами разминулись, если вы вдруг куда-нибудь надумаете пойти или еще чего. — Он сдержанно улыбнулся, шагнул в гостиную и устроился в кресле, откинувшись на спинку, чтобы комфортнее было читать. Уже включив считыватель и отыскав нужную страницу, он добавил: — Миледи просила передать, форма одежды — повседневная. Ну, то есть не официальная.

— Попались, — пробормотал Айвен Ксав. — Как крыса в ловушку.

— И что теперь? — шепотом спросила Тедж.

Он почесал в затылке и вздохнул, словно признавая полное поражение.

— Ну, мы же все равно собирались когда-нибудь поесть. А там нас хотя бы накормят по высшему разряду.

— А знаете, — пробормотала Риш, — если покончить с этим прямо сейчас, нам, во всяком случае, не придется сидеть тут и мучиться в ожидании неизбежного.

Айвен Ксав скривился, но Тедж кивнула. Даже если мать Айвена Ксава окажется кошмарной

старой ведьмой-истеричкой (на что косвенно указывает его реакция), то известие о скором разводе должно ее успокоить. Вряд ли она достанет пистолет и пристрелит новоиспеченную невестку прямо за столом — да и зачем ей совершать лишние телодвижения? Достаточно просто отправить Тедж и Риш туда, где их сможет найти вражеский синдикат, и проблема решится сама собой, а ей не придется даже пальцем шевельнуть. Но тем не менее… яд? Риш способна определить какое-то неимоверное количество ядов, подмешанных в еду или питье. Но это, опять-таки, было бы излишне. И вообще, с чего это ей в голову лезут такие странные мысли? Слишком перенервничала за последнее время, плюс — усталость от перелета. В любом случае очень скоро все разъяснится.

У дверей в ванную возникла суматоха. Тедж и Риш по очереди приняли душ и нервно перетрясли свой убогий набор шмоток. В итоге Риш надела черные комаррианские брюки, топ и блузу с длинным рукавом, а на голову набросила шаль. Тедж выбрала такой же костюм, но кремового оттенка — слегка потрепанный, зато при ее гиперчувствительности к цветам хотя бы не режет глаз. Айвен Ксав облачился в штатское

— что-то вроде того, что было на нем, когда они встретились впервые, только не затхлое и помятое из матросского чемоданчика, а свежее и отглаженное, извлеченное из внушительного гардероба. Шофер с вежливой невозмутимостью выпроводил их в холл.

В подвальном гараже ждал огромный лимузин с водительской кабиной, отделенной от кресел для пассажиров. Когда Кристос усадил их в просторный пассажирский салон и уже начал закрывать серебристый колпак кабины, Айвен Ксав жестом попытался привлечь его внимание:

— М-м, Кристос… а Саймон там будет, не знаете?

— Разумеется, лорд Айвен. — И колпак захлопнулся, загерметизировав их внутри.

Айвен Ксав, содрогнувшись, откинулся на спинку сиденья, но Тедж и Риш не проявили к этой новой загадке ни малейшего интереса — они вовсю вытягивали шеи, пытаясь разглядеть город. На планете стояла то ли поздняя осень, то ли ранняя зима, и сейчас, ближе к закату, трафик был плотный, но автомобиль все же как-то продвигался, в основном вверх по течению реки и в гору.

Айвен Ксав откашлялся.

— Я, вероятно, должен объяснить, кто такой Саймон… — начал было он. И, запнувшись, добавил: — Нет, Саймон необъясним.

— Ну и кто такой Саймон? — спросила Тедж. Раз уж они вляпались во все это, очертя голову… — Не ты ли упрекал Байерли Форратьера за недостаточный инструктаж?

— Как бы это получше сказать… — Айвен Ксав потер лоб. — Саймон Иллиан был главой Имперской безопасности больше тридцати лет, начиная с мятежа Фордариана и до тех пор, пока года четыре назад с ним не случилось… м-м… ну, что-то вроде удара. Неврологическое нарушение функций памяти. Ну, в общем, он вышел в отставку по медицинским показаниям.

«Стоп-стоп, так это тот самый Саймон Иллиан? Тот самый шеф СБ, которого Морозов без тени иронии называл легендарным?»

— …и сошелся с моей матушкой. Почему именно тогда, а не в любое другое время — они ведь работали вместе уже целых тридцать лет, — понятия не имею, но оно так. И теперь он вроде как там, постоянно. С ней. Если она не на работе в резиденции. Они все время вместе, прямо как приклеенные. Должен вам сказать, это чертовски обескураживает.

— А, так они любовники? — наконец догадалась Риш. — А почему ты прямо об этом не говоришь?

Айвен Ксав покачал головой, сделав какие-то неопределенные движения руками.

— Видимо, я еще к этому не привык.

— За четыре года? — растерянно моргнула Тедж. Иными словами, Саймон Иллиан — без пяти минут Айвенов отчим, и он до сих пор не удосужился об этом упомянуть? — А у него в самом деле кибер-мозг?

— Что-что?

— Так говорили на Архипелаге. Иллиан, шеф Имперской безопасности Барраяра, у которого кибер-мозг. — Если верить зловещим слухам, он обладал сверхчеловеческими качествами. Или, точнее, сверхбесчеловечными?

— Я бы назвал это иначе. Когда он был молодым двадцатисемилетним лейтенантом СБ — м-да, почти на восемь лет меньше, чем мне сейчас, надо же… — Помолчав пару секунд, Айвен Ксав продолжил: — Ну, короче, император Эзар отправил его тогда на несколько месяцев на Иллирику, чтобы ему там вживили в мозг экспериментальный чип эйдетической памяти. Это было чем-то вроде разжалования — девять из десяти человек после этой операции впали в шизофрению, и

проект был законсервирован. А десятым оказался Иллиан. И с тех самых пор он был вынужден управляться с двумя видами памяти: идеальной, которую давал чип, и своей собственной, органической. Ну, а потом Эзар, понятное дело, умер, и Иллиану пришлось самому выбирать свою дальнейшую судьбу. И во время мятежа Фордариана он стал одной из ключевых фигур регента.

— Так, а потом у него случился удар, и… — Тедж попыталась проанализировать весь этот поток устаревшей информации. — Это как-то повредило чип?

Айвен Ксав откашлялся.

— На самом деле все было наоборот. Чип сломался. Его пришлось удалять хирургически. Но у Иллиана в мозгу образовалось что-то вроде… описать это трудно — пожалуй, даже труднее, чем пережить… чип у него стоял почти тридцать пять лет, и за это время нейронные связи в мозгу изменились. А когда чип вдруг взяли и выдернули, Иллиану было очень трудно к этому приспособиться. Так вот, пунктик Саймона состоит в том… — Айвен Ксав замялся, — пунктик Саймона состоит в том, что он привык пользоваться этой своей кошмарной фотографической памятью, но теперь он иногда путается. А поскольку он чело-

век довольно спокойный, ты никогда не уверен в том, что там творится у него в голове, хотя оно и раньше вообще-то так было. Поэтому, м-м… будьте к нему снисходительны, а?

Так значит, он, — попыталась сформулировать для себя Тедж, — он беспокоится о том, чтобы не унизить достоинство любовника своей матери? И, похоже, не только из-за того, что это отразится на матери. Похоже, он беспокоится и о самом Саймоне Иллиане. Это было… неожиданно.

А Иллиан ей теперь приходится… кем-то вроде свекра? И примет ли он сам ее в этом качестве? Оставалось неясным, связывают ли его с Айвеном Ксавом какие-либо родственные чувства. Однако, похоже, легендарный сейчас пребывает в своего рода сумеречном состоянии сознания. Ну да, старики. Говорят же, что барраярцы стареют раньше других обитателей галактики.

Все это было очень занятно. Если бы грозный Кристос предложил им прямо сейчас сбежать от назначенного свидания с судьбой, Тедж не была уверена, что поймала бы его на слове.

В конце концов они подъехали к очередному жилому небоскребу, стоявшему на высоком берегу реки, — что обеспечивало еще более прекрасный вид из окон.

— Ты здесь вырос? — спросила Тедж, когда они вышли в очередной подземный гараж.

— Нет, матушка переехала сюда недавно. У нее тут два верхних этажа. Она привыкла жить в старом доме, гораздо ближе к резиденции императора. Там я и вырос — не выше и не ниже, чем мог бы в любом другом месте, смею предположить.

— Симпатичные норки, — пробормотала Риш, когда они поднимались в прозрачной лифтовой шахте, этаж за этажом, мимо элегантно обставленных холлов. — Чем выше этаж, тем дороже?

— А кто его знает, — пожал плечами Айвен. — Матушке принадлежит все здание, так что вряд ли она платит за аренду. — И, немного помолчав, добавил: — Старое пока тоже осталось у нее в собственности. — И снова после короткой паузы: — И то, где я живу, тоже. Всем этим занимается ее управляющий.

Тедж уже начинала задумываться, не правильнее ли будет квалифицировать леди Элис Форпатрил как самостоятельный Малый дом? А потом они шагнули из шахты в очередной холл и, направляемые Кристосом, через элегантные двойные двери, отделанные изысканной деревянной инкрустацией, прошли в полутемную

прихожую, украшенную зеркалами и живыми цветами. А оттуда — в просторную гостиную с огромными — во все стены — окнами, из которых открывалась чарующая панорама столицы, освещенной предзакатными лучами и медленно погружающейся в сумерки. Еще немного — и под окаймленным облаками небом повсюду, сколько хватает глаз, зажгутся городские огни, мерцающие подобно драгоценным камням на бархатной ткани.

В дальнем углу комнаты, в уютных креслах, сидели рядышком мужчина и женщина.

— Миледи, сэр! Лорд Айвен Форпатрил, леди Тедж Форпатрил, мадемуазель Ляпис-Лазурь, — церемонно объявил Кристос, передавая пленников с рук на руки, и тут же тихонько ретировался.

Мужчина и женщина встали с кресел и вежливо поклонились.

Тедж успела просмотреть на борту множество видеозаписей, а потому сразу же узнала эту пару. Хотя, когда видишь человека лицом к лицу, он всегда оказывается чуточку иным, отличным от графического образа: и дело тут в запахах, звуках, да и просто в осязаемости. Да, эти люди были именно осязаемы.

Леди Элис была не первой молодости, ее можно было бы назвать «женщиной почтенных лет», но никак не старухой, двигалась она легко и непринужденно, а серебряные нити в волосах, перехваченных сзади лентой, выглядели скорее как изысканное украшение. Бледное овальное лицо, большие глаза — темно-карие, как у Айвена Ксава; ухоженная нежная кожа. Темно-красное платье с длинным рукавом, с юбкой ниже колен, поверх него чуть более темная просторная безрукавка такой же длины. Темно-красные тона были ей очень к лицу и прекрасно сочетались с окружающей обстановкой и временем года.

Костюм Саймона Иллиана мало чем отличался от одежды шофера — разве что цветовой гаммой: нежно-кремовый с угольно-черным. Он был лишь чуточку повыше леди Элис, рост которой явно соответствовал среднему для обитательницы Барраяра. Редеющие каштановые волосы на висках были подернуты сединой. Фотографии, на которых его видела Тедж, относились еще к тем временам, когда Иллиан был шефом СБ — всегда на заднем плане какого-нибудь важного для Империи события, и всегда — предельно напряженная поза, мрачное лицо. Знай она тогда, что это Айвенов отчим, уделила бы ему побольше

внимания. Теперь же Иллиан улыбнулся ей с той неопределенной благожелательностью, которая вполне соответствовала намечающемуся брюшку, но как-то мало сочеталась с его репутацией.

Леди Элис бросила на сына красноречивый взгляд: «А с тобой мы поговорим позже», — после чего обернулась к перепуганной Тедж и взяла ее за руки. Пальцы у матери Айвена были холодные и изящные.

— Леди Тедж, — произнесла она, глядя своей гостье прямо в глаза, словно бы… испытующе? — Добро пожаловать в мой дом. Примите поздравления по случаю вашего бракосочетания. И я очень, очень сочувствую вам в тех утратах, что постигли вас за последнее время.

Последние ее слова буквально сразили Тедж. Никто — ни один человек — ни разу за все долгие месяцы их безумного бегства с Архипелага не выразил ей соболезнований по поводу безжалостного уничтожения всей ее семьи. Правда, немногие, знавшие, кто она такая, как раз и пытались добавить ее к списку погибших. «Но тем не менее… тем не менее…» Ее бил озноб, спазм сдавил горло, перед глазами все расплывалось. Тедж сглотнула комок, сдавленно проговорила:

— Спасибо, — и поморгала, прогоняя застилаю-

щую глаза пелену.

Айвен Ксав с беспокойством смотрел на нее.

Леди Элис как-то по-особому кивнула, сжала ей руки — и отпустила. И тут же к Тедж подошел Айвен Ксав, обнял ее за плечи и нерешительно прижал к себе.

— И вам тоже, Ляпис-Лазурь, — продолжила леди Элис, поворачиваясь к Риш и протягивая ей руку. — Или вы предпочитаете, чтобы вас называли Риш?

— Я предпочитаю «Риш», — ответила та. — «Ляпис-Лазурь» всегда было в большей степени сценическим псевдонимом.

— А теперь позвольте мне вас обеих познакомить с моим давним другом Саймоном Иллианом.

Иллиан тоже, в свою очередь, пожал им руки своими сухими сильными ладонями. Он помедлил, окинув Тедж взглядом сверху донизу — улыбка его сделалась чуть шире, — но ничего не сказал.

— Садитесь, пожалуйста, прошу вас. — Леди Элис изящно махнула рукой на кресла и диванчики в дальнем конце комнаты, сгруппированные так, чтобы было удобнее беседовать. Айвен Ксав подхватил Тедж за руку и, поддерживая ее, на-

правился прямиком к двухместному диванчику; леди Элис и Иллиан устроились там же, где и раньше, а Риш уселась на антикварного вида резное кресло с новенькой шелковой обивкой. Тедж мысленно отметила, что все в этой комнате подобрано со вкусом, спокойно и основательно; новая мебель не дисгармонировала со старой, а скорее служила удачным дополнением, и — о блаженство! — цвета сочетались безукоризненно.

Леди Элис коснулась украшенной драгоценными камнями броши на своей безрукавке, и мгновение спустя прислуга — женщина средних лет в старомодном платье — вкатила тележку с напитками.

— Позвольте предложить вам аперитивы. Или, если хотите, чай.

Тедж, мысли которой все еще блуждали где-то далеко, почти машинально указала на то барраярское вино, которое уже пила за столом у адмирала Деплена, а Риш выбрала какой-то местный ликер — очевидно, из-за его странного названия; остальным служанка, не спрашивая, подала их обычные напитки. Изящные маленькие бокалы словно бы приглашали оценить вкус, но при этом не захмелеть. Служанка укатила тележку так же бесшумно, как и вошла.

Леди Элис отпила глоток и повернулась к Риш — чтобы дать Тедж время прийти в себя?

— Некто любезно прислал мне короткую запись одного из ваших выступлений с остальными Драгоценностями. Это производит сильное впечатление. Я понимаю, что ваша эмиграция была вынужденной, но есть ли у вас планы или надежды продолжить выступления на новой сцене?

Риш состроила гримаску.

— Планов, естественно, никаких. Сценическая карьера — не для тех, кто вынужден скрываться ради спасения жизни. Успех требует — и приносит — славу, а не безвестность.

Леди Элис понимающе кивнула.

— Преподаватель, хореограф… нет, полагаю, тут возникли бы те же трудности.

Иллиан потер подбородок.

— А вы могли бы изменить внешность? — предложил он. — Чисто косметическая коррекция, чтобы смешаться с целевой группой населения?

Риш сжала себе рукой колено — лазоревая ладонь на черной ткани брюк.

— Мне это было бы противно. И потом… когда я начала бы танцевать, люди все равно узнали бы, кто я такая.

Он склонил голову, признавая поражение, и

вновь сделался безмолвным слушателем.

Тедж решила, что уже успокоилась достаточно, чтобы у нее не срывался голос. Она поставила свой бокал, взяла за руку Айвена Ксава — для храбрости — и проговорила:

— Леди Элис, я должна прямо сейчас вам сказать — вам не стоит беспокоиться из-за нашего брака. Мы с Айвеном Ксавом оформим развод.

Айвен Ксав высвободил руку — лишь для того, чтобы обнять Тедж за плечи и крепко прижать к себе.

— Да-да, маман, — подтвердил он. — Как только мне удастся поймать графа Фалько, все верно.

Леди Элис, наклонив голову, изучала их взглядом.

— Мой сын всего лишь за неделю успел показать себя таким неподходящим мужем? Уверена, вам стоило бы дать ему еще немного времени.

— О, нет-нет! — воскликнула Тедж, спеша исправить это странное недоразумение. — Я считаю, что Айвен Ксав может стать просто замечательным мужем!

— Я всегда на это надеялась, — пробормотала себе под нос леди Элис, — но мне уже начинало казаться, что этого так никогда и не случится…

Айвен Ксав слегка заерзал на диване и попытал-

ся еще теснее прижаться к Тедж, но свободного пространства между ними уже не осталось ни дюйма.

Тедж стойко продолжила:

— У него невероятно много хороших качеств. Он смелый, он добрый, он умный, у него блестящие манеры, и он мгновенно соображает, что делать, в чрезвычайных ситуациях. — «Если на него как следует надавить». — И еще он, конечно, очень красивый. — А вот добавлять «и хорош в постели» здесь, наверное, не следует — у барраярцев, похоже, довольно странные представления о сексе, в которых она еще не слишком хорошо разбирается. — И, м-м… — Как там говорил Деплен? Какое-то редкое слово. — А еще он рыцарственный, и именно поэтому он спас нас от смерти и привез сюда, хотя на самом деле он мне ничего не должен.

Леди Элис прижала палец к губам.

— Тем не менее это не те слова, которые произносят в круге из овсяной крупы. Надеюсь, Айвену удалось припомнить верную формулировку?

— Конечно! — с негодованием заявил Айвен Ксав. — И вообще, не сказал бы, чтоб ты особо спешила стать вдовствующей леди Форпатрил.

— Мое дорогое и единственное дитя, откуда у

тебя такое неверное представление? Я мечтаю об этом все последние десять лет. И в любом случае, если из-за этого титула меня сочтут слишком старой, у меня есть теперь все возможности исправить дело. — Мать Айвена улыбнулась Саймону Иллиану, и тот, слегка подняв брови, улыбнулся в ответ. Глядя на эти — очень интимные — улыбки, Тедж непонятно почему почувствовала себя здесь незваной гостьей.

— Так стало быть, — продолжила тем временем леди Элис, — это предполагался фиктивный брак?

— Или дефективный, — вставил Иллиан и тут же прикрыл себе рот ладонью. Но его все равно выдавали смешинки в глазах и чуть подергивающиеся губы.

— Дефективным, — сказала леди Элис, — было бы вместо того, чтобы вступить в брак, угодить в лапы того джексонианского синдиката, который преследует бедных девочек. И о котором мне, признаться, пока еще очень мало что известно. Но я считаю необходимым указать тебе, Айвен — на случай, если ты это упустил, — что тебе не имеет смысла идти к Фалько по поводу развода, пока ты не выяснишь, что случится с Тедж и ее компаньонкой, когда они лишатся защиты, кото-

рую им дают твое имя и положение в обществе. В конце концов, именно ты затащил их сюда, на Барраяр.

— Я… м-м… пока еще этого не выяснил, — признался Айвен Ксав.

Леди Элис повернулась к Тедж и серьезно спросила:

— А вы знаете, чего бы вам хотелось самой?

И только тут до Тедж с запозданием дошло, что большую часть времени леди Элис занималась тем, что неспешно и мягко распекала своего сыночка по всем пунктам. И что навязанный ей, Тедж, кое-кем образ не имеет с реальной леди Элис ничего общего. Тедж позволила себе минутку позлиться — ну ничего, с Айвеном Ксавом она поговорит позже. А сейчас она должна уделить серьезному вопросу леди Элис то серьезное внимание, которого он заслуживает.

— Есть одно место, куда мы с самого начала планировали добраться. Не сюда — не на Барраяр и вообще не в Империю. Но мы можем отправиться туда, только если будем абсолютно уверены, что хорошенько замели следы и синдикат Престен снова нас не отыщет. Иначе… это будет еще хуже, чем если бы они просто нас захватили.

— Если б нас захватили, было бы то же самое, —

заметила Риш. — Как только мы окажемся у них в руках, у них окажется и... — И лазоревая рука проделала неопределенное, но очень плавное волнообразное движение.

Тедж мрачно кивнула:

— Вот поэтому — балкон, под занавес.

— Так, значит, вы оберегаете кого-то другого, — сказал Иллиан, откинувшись на спинку кресла и сложив ладони домиком. — Кого-то, кто вам очень дорог. — Он слегка сощурился. — Это должен быть пропавший брат, как, бишь, его там.

Тедж ахнула и в тревоге повернулась к Айвену Ксаву.

Тот пожал плечами и тихонько пробормотал:

— Я говорил, что он утратил память, а не разум.

— Морозов упоминал об этом в своем докладе, — пояснил Иллиан извиняющимся тоном. — Я прочитал его только сегодня утром и еще не успел полностью забыть. — Он взял со столика свой бокал, осушил его — и, прежде чем снова поставить на стол, посмотрел на свет, словно удивляясь, что бокал уже пуст. — Исходя из выбранного вами направления и продолжительности путешествия, я предположил бы, что он скрывается на Эскобаре, это может быть также — в порядке уменьшения

вероятности — Колония Бета, Кибо-Даини или Тау Кита. Не дальше.

Риш так и подскочила на стуле. Нет — бежать тут некуда. И никаких орудий нападения. Как, впрочем, и защиты.

— В таком случае, — продолжал Иллиан, — представляется одно очевидное решение. Дамы могут быть доставлены на орбиту Эскобара обычным правительственным кораблем-курьером в качестве не внесенных в списки пассажиров и тайно переправлены на поверхность тем способом, каким мы раньше пользовались для внедрения агентов. Хотя, вероятно, им пользуются и до сих пор — не думаю, чтобы порядки так уж сильно изменились. Следы оборвутся чисто — по крайней мере отсюда: наши курьеры летают по всей галактике. И на Эскобаре тоже не будет никаких данных о вашем прибытии.

Риш невольно открыла рот и подалась вперед так, словно перед ней внезапно выложили блюдо пирожных. У Тедж бешено забилось сердце.

— Это осуществимо? — спросила она.

— Айвену, несомненно, придется воспользоваться кое-какими связями, — сказал Иллиан с легкой иронией.

— О да, пожалуйста! — воскликнула Риш.

— Э-э… — Айвен Ксав посмотрел на Тедж. — Ты действительно этого хочешь?

Тедж вновь охватили сомнения. Не бывает подарков без ценников.

— Что бы вы хотели получить в этой сделке взамен? — Она с беспокойством обвела взглядом Иллиана, леди Элис — и Айвена Ксава.

Леди Элис допила свой аперитив.

— Я должна буду об этом подумать.

Айвен Ксав почесал нос и мрачно посмотрел на Иллиана.

— Вы могли бы посодействовать мне, сэр?

— Ах, Айвен, полагаю, ты и сам в состоянии решить эту проблему, — беспечно ответил Иллиан. — Ты знаком с тем же компетентным лицом, что и я.

Айвен нахмурил брови и, обернувшись к Тедж, чуть ли не жалобно проговорил:

— Но ты же только-только сюда прилетела. Неужели тебе не хочется немного поосмотреться перед тем, как ты снова сбежишь — навсегда.

— Я даже не знаю, — сказала Тедж, жалея, что нет такой сети, в которую можно было бы поймать мысли, закружившиеся в безумном водовороте.

Леди Элис снова коснулась своей броши.

— Ну что ж… Как говорит Айвенова тетушка, важные решения не следует принимать на голодный желудок. Поужинаем?

Она поднялась, все остальные последовали ее примеру, и служанка с приветливой улыбкой распахнула еще одни инкрустированные двери в конце комнаты, за которыми оказалась столовая. Леди Элис сопроводила всех к накрытому на пятерых столу.

Айвен Ксав не солгал: его матушка устроила ужин по высшему разряду. По мере того как прислуга бесшумно вносила новые перемены блюд — к каждой свой сорт вина, — беседа делалась все более непринужденной. Риш не подавала никаких сигналов о ядах, коварно подмешанных в супы и салаты, рыбу и синтезированное мясо; вместо этого она лучилась блаженной улыбкой вышколенного эстета, решившего, разнообразия ради, не мучить себя во имя хороших манер. Ужин был срежиссирован виртуозно, словно балет. Если Айвенова мама каждый день кормит так своего возлюбленного, то неудивительно, что он никуда не уходит.

— Вы давно здесь живете, сэр? — спросила Тедж Иллиана, когда общий разговор ненадолго затих.

— Я бы скорее сказал, что часто здесь гощу.

Свою старую квартиру я пока сохранил ради официального адреса — и нередко остаюсь там для пущей убедительности. И еще ради моей почты: заминированной корреспонденции и прочего в том же духе — хоть официально я и в отставке, но СБ до сих пор любезно предоставляет мне спецкоманду, которая все это вскрывает. — И улыбнулся так, будто ничего шокирующего в его словах не было. А затем с легким сожалением добавил: — Сам я многих прежних врагов позабыл, однако из этого вовсе не следует, что и они забыли меня. Чтобы их успокоить, мы распространяем слухи, будто я повредился умом куда как крепче, чем на самом деле. Пожалуйста, не постесняйтесь внести сюда свою лепту, если вдруг зайдет речь.

— Я не нахожу, что вы вообще повредились умом, сэр, — с полной искренностью проговорила Тедж.

— Ах, вам надо было бы встретиться со мной до того… хотя нет, возможно, не надо. Уверяю вас, так все сложилось намного лучше.

При этих словах Айвен обменялся со своей матерью не поддающимися расшифровке взглядами, но когда Иллиан поднял голову от тарелки, у обоих вновь было самое невинное выражение лица. При всей его неразговорчивости этот чело-

век был незаметен, как нейтронная звезда; даже свет, казалось, обходит его стороной.

После обеда леди Элис любезно провела Тедж и Риш по своей супер-квартире — по крайней мере по верхнему ее этажу. Айвен Ксав плелся в хвосте, руки в карманах. Этаж ниже занимали частные квартиры, выделенные прислуге, — леди Элис держала четырех слуг: повара, помощницу повара и уборщицу в одном лице (ее гости уже видели, когда та подавала к столу), стилиста-секретаря и личного шофера, Кристоса. Две комнаты во время этого тура она миновала так, будто их вообще нету, — Айвен шепотом объяснил, что это спальня и рабочий кабинет Иллиана. Они выглянули на минутку в иззябший садик на крыше, спроектированный, как с гордостью сообщила леди Элис, леди Катрионой Форкосиган — похоже, она была в этой области знаменитостью. Задерживаться там они не стали — время года явно было неподходящее, хотя несколько поздних осенних цветов еще источали изысканные ароматы. Впрочем, Тедж вполне могла себе представить, как чудесно бывает здесь в теплые дни и вечера. А вид из сада открывался даже лучше, чем из гостиной этажом ниже.

Они остановились у парапета, чтобы в послед-

ний раз полюбоваться на мерцающую огоньками речную долину. Тедж повернулась к хозяйке дома.

— Я глубоко признательна вам за гостеприимство, — проговорила она. — Теперь я чувствую себя здесь гораздо лучше. Я не знала, чего ожидать и что делать с… ну, вообще со всем. Я никогда не планировала лететь на Барраяр.

Леди Элис улыбнулась, глядя в темноту:

— Сначала я думала предоставить Айвену возможность самому решить, где и когда нас друг другу представить, — это был бы своего рода тест. Но потом вообразила себе великое множество вариантов, по которым все могло пойти не так, и передумала.

— Эй, — сказал Айвен Ксав, но не слишком уверенно.

— Обсуждались две основные возможности. — Леди Элис повернулась к Тедж лицом. «Сейчас она наконец-то раскроет карты?» — Первая — что вы авантюристка, которая каким-то образом преуспела в том, чтобы завлечь Айвена, и тогда его срочно надо от вас спасать. Возможно. Но для начала выяснить, как вы это сделали, чтобы использовать в дальнейшем. А может быть, лучше позволить ему самому избавиться от последствий

собственного безумия, чтобы учился жить. Мне довольно трудно было решить, что правильнее…

Ее сын снова попытался вставить какое-то невнятное возражение.

Не обращая на него ни малейшего внимания, леди Элис продолжила:

— Но, как бы то ни было, и Морозов, и Саймон — оба оценивали такую возможность как маловероятную. Вторая основная гипотеза состояла в том, что вы именно та, кем кажетесь, — невольная жертва очередного Айвенова непродуманного поступка по вдохновению, и спасать следует не его от вас, а вас от него. Оба моих консультанта из СБ были согласны в том, что эта гипотеза верна с высокой долей вероятности. — И после минутной задумчивости добавила: — Боюсь, что эсбэшники вечно перестраховываются. Это-то и раздражает больше всего, когда приходится принимать решения на основании их докладов.

— Если здесь кто-нибудь и нуждается в спасении, маман, я вполне способен помочь, — с досадой заметил Айвен.

— Надеюсь, милый, надеюсь.

Они попрощались с хозяевами в зеркальной прихожей. Кристос уже ждал там, чтобы отвезти их на лимузине. Айвен Ксав наклонился к маман

и довольно чопорно поцеловал ее в щеку. Леди Элис невольно расцвела в улыбке. А ведь на самом-то деле Айвен гораздо выше ее ростом, вдруг осознала Тедж.

Леди Элис повернулась к невестке и задумчиво на нее посмотрела.

— Айвен, возможно, вам говорил — а может быть, и нет, — но на следующей неделе у него день рождения. Мы всегда начинаем этот день с небольшой частной церемонии, очень рано утром. Я надеюсь, он вас туда пригласит.

Айвен Ксав и Иллиан разом вздрогнули и ошеломленно воззрились на леди Элис. Эта их реакция озадачила Тедж больше всего.

— М-м… несомненно, — с каким-то странным сомнением в голосе ответил Айвен. — Спок ночи, маман. Саймон, сэр. — Он кивнул Иллиану и проводил Тедж и Риш в холл.

Тедж в последний раз оглянулась и только тут поняла, что инкрустация из натурального дерева на закрывшихся позади нее дверях — вовсе никакая не абстракция, а мозаичная картина. Сквозь лесную чащу пробирались, скрываясь за деревьями, конные всадники. Когда она проходила через эти двери в первый раз, глаза вообще ничего не различали.

* * *

Устроившись в лимузине, Айвен нервно пробежался пальцами по волосам и простонал:

— Она меня с ума сведет.

Однако Тедж и Риш, похоже, все-таки сумели выдержать этот ужасающий визит, да и он тоже. Хорошо, что все уже позади… или радоваться пока рано?

— Ты это про леди Форпатрил? — уточнила Тедж, раздраженно отталкивая его локоть. — Она совсем не такая, как ты ее пытался изобразить. Ты так о ней говорил, что я уже думала, что будут в лучшем случае слезы, вопли и прочие нелепые выходки. Но она очень практичная. — И, чуть-чуть помолчав, добавила: — И душевная. Я не ожидала, что она такая душевная.

— О да, — сказал Айвен. — После тридцати лет высшей форской дипломатии и нескольких войн она, разумеется, свое дело знает. Это женщина, которая умеет добиваться своего.

— Похоже, что не всегда, — насмешливо гляну-ла на него Тедж.

Риш оторвалась от созерцания проносившихся за окном лимузина пейзажей и, повернувшись к ним, заметила:

— Она напоминает мне баронессу.

— Да, немного. — Тедж нахмурилась, погрузившись в воспоминания. — Нет такой напряженной сосредоточенности.

— С тех пор как в ее жизнь вошел Саймон, она очень смягчилась, — признал Айвен. — Обратное тоже верно, хотя на него скорее повлияла его… э-э… травма головного мозга. — Айвен с тревогой вспоминал, как отреагировала Тедж на первые приветственные слова его матери. Тедж почти всегда казалась ему такой солнечной и жизнерадостной, и эти сполохи тьмы — будто гром среди ясного неба — были пугающими и неправильными. Они напоминали о том, что дневной свет — всего лишь иллюзия, возникающая за счет рассеивания лучей в атмосфере, за гранью которой царит вечная и бесконечная ночь. Господи, что за странные нездоровые мысли, но мать действительно сводила его с ума.

— А ты… м-м… любишь свою мать? Баронессу?

Тедж ответила не сразу. На лбу у нее залегла морщинка. Наконец она заговорила — медленно, так, словно истину приходилось отыскивать на ощупь в тернистых зарослях воспоминаний.

— Я ею восхищалась. Очень. Мы не всегда ладили. На самом деле у нас часто случались

конфликты. Она говорила, что я не стараюсь полностью реализовать свой потенциал. Не то что мои сестры.

— А-а, — осторожно протянул Айвен. — Звучит слишком знакомо.

— Но ты же был единственным ребенком! — недоуменно глянула на него Тедж.

— Не… не совсем. У меня всегда был кузен Майлз. И Грегор — за старшего брата, но, конечно, подразумевалось, что он единственный и не имеющий себе равных. — И после минутного размышления добавил: — Совсем один, бедняга.

— Так, значит, кузен Майлз был тебе вместо брата? — спросила Риш. Она наклонила голову, и ее золотые сережки ярко блеснули в полумраке салона.

— Майлз… это действительно трудно объяснить. Он был очень умным. И сейчас таким остался.

— Ты и сам умный! — возмущенно заявила Тедж.

Айвен чуть было не растаял от счастья, но вздохнул:

— Да, но Майлз был… дело в том, что у него тяжелая родовая травма. Он вырос практически калекой, и всю неизрасходованную энергию

направил в мозги. Поскольку родовой девиз Форкосиганов мог бы звучать: «Превзойти все, чего стоит достигнуть», эффект получился довольно пугающим. А раз это ему помогало, то он шел все дальше и дальше.

— В точности как баронесса, — пробормотала Риш.

— Да-а, — протянула Тедж. — Понимаешь, маме нравилось быть баронессой. Созидание Дома было ее страстью. Мне кажется, на свой манер она нас любила и, естественно, хотела, чтобы у нас тоже была та огромная организация, которую она основала. Только вот… я — не она. Это как… если бы она сумела заставить меня стать ею, она бы осыпала меня дарами, которые сама столь оценила.

— Ой, — вздрогнул Айвен. Его почти ужасало, с какой легкостью он мог проследить всю цепочку рассуждений. С обеих сторон. Не зная, что тут сказать, он обнял Тедж за плечи и прижал к себе. Теплая и мягкая — ну почему никто не ценит тепло и уют?..

— Так мы познакомимся с твоим кузеном? — спросила Риш. Она что, пытается его к этому подтолкнуть?

— Не уверен. Он теперь Имперский Аудитор

— это что-то вроде специалиста по решению конфликтных ситуаций на высшем уровне, — и его в любой момент могут отправить куда-нибудь что-нибудь улаживать. Должен вас предупредить, если мы все же поедем в дом Форкосиганов, там сейчас шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на младенца. Близнецы — это к вопросу о «достигнуть и превзойти». Вам непременно предложат взять какого-нибудь младенчика на руки, словно это самая великая радость. — Айвен содрогнулся. — А они писаются и жутко вопят.

— Мне никогда не приходилось иметь дела с младенцами, — сказала Тедж. — Наверное, потому, что я была самая младшая.

— Да, а я вообще единственный ребенок, — подхватил Айвен.

— Учитывая, что я, — холодно проговорила Риш, — была няней… — Она откинулась на спинку сиденья и, вытянув ноги, опустила ступни на диванчик напротив, рядом с Тедж. — Надеюсь, мы справимся.

Глава десятая

Тедж явно была растеряна и нервничала в новой, непривычной для нее среде, но старания Айвена были вознаграждены: ночью он получил ее безраздельное внимание в постели, а утром, когда принес ей кофе, — улыбку. Кто бы мог подумать, что ему и здесь пригодятся навыки по утреннему умиротворению близоруких адмиралов! Однако дальнейшим его планам относительно матча-реванша после кофе помешал звонок матери. Леди Элис сообщила, что отправила к ним Кристоса и свою кошмарную секретаршу-стилиста, чтобы те сопроводили Тедж и Риш на вылазку за барраярской одеждой. Вчера вечером они действительно что-то об этом говорили, но Айвен думал, что это обычная светская беседа.

— А нам не опасно отсюда выходить? — спросила Риш, и в голосе ее прозвучали одновременно и сомнение, и нетерпение. В доме на третьем этаже имелся прекрасно оборудованный тренажерный зал, но Риш уже слишком долго безвылазно просидела в четырех стенах.

— Не должно быть. Маман и ее люди пользу-

ются такой заботой СБ, которую ни один глава джексонианского Дома не купит ни за какие деньги. Они, знаете ли, перед ней в долгу за все, что она сделала для Иллиана. СБ ее просто боготворит — по крайней мере старая гвардия. А новички у них в полном подчинении.

— Вчера вечером я никакого прикрытия не заметила, — сказала Тедж.

— А ты бы и не смогла. И те, кто надумает вас преследовать, тоже не смогут — пока не будет слишком поздно. Так что поезжайте, — сказал он, мысленно задаваясь вопросом, почему, избавившись от роли эксперта по модной одежде, не чувствует радости освобождения. — Лучшего местного гида вы все равно не найдете, за исключением самой маман. — Которая сегодня утром наверняка занята делами в Императорской резиденции или еще где-нибудь, иначе бы, конечно, занялась этим лично.

Стилист — женщина средних лет с глазами-буравчиками — пустилась в подробные разъяснения.

— Одежда — это культурный и социальный язык, — ворковала она, выводя своих подопечных из квартиры. — И местные диалекты могут оказаться для инопланетников слишком слож-

ны. Мы должны удостовериться, что ваш костюм говорит именно то, что вы хотите сказать, а не что-то другое, чего вы и в мыслях не имели.

Тедж и Риш выглядели очень увлеченными. Айвен знал, что, если они ничем не отличаются от прочих женщин, его все равно потом пригласят на демонстрацию мод, и все, что от него потребуется, — это должным образом повосхищаться каждым предметом туалета и выразить поздравления. А это гораздо легче, чем волочиться хвостом за двумя дамами, отчаянно пытаясь угадать, что именно он должен одобрить, чтобы никого не разочаровать, да еще и рискуя ошибиться. Так будет гораздо спокойнее.

С чистой совестью выпроводив Тедж и Риш, он вернулся в квартиру — непривычно тихую и както враз опустевшую. Там его ждала накопившаяся за три недели корреспонденция — и личная, и деловая, но, надо думать, ничего срочного, иначе бы переслали по сжатому лучу на Комарру.

Не успел он поработать и полчаса, как заверещал комм. Бросив взгляд на высветившийся номер, Айвен тут же переключил комм в режим автоответчика. Еще через пару секунд пластина головида замерцала, и над ней появилась улыбающаяся — точнее, ухмыляющаяся — физиономия,

видеть которую ему хотелось меньше всего. Будь они прокляты, эти привилегии Имперского Аудитора…

— Привет, Майлз, — вздохнул Айвен и выжидающе замолчал. «Не буди лиха, пока тихо».

— Извини, что отрываю от дел, — Майлз ни в коей мере не выглядел виноватым, — но я считаю своим долгом незамедлительно выразить тебе благодарность за тот чрезвычайно содержательный подарок, который ты прислал с Комарры. Катриона мучилась вопросом, должна ли она к твоему приходу поставить туда цветы, но я предложил ей устроить учебные стрельбы. Или отдать эту штуку близнецам — они быстрее сумеют от нее избавиться. На это Катриона просияла и вроде бы успокоилась.

— Эй, я потратил на поиски этой вазы целых полчаса! — в притворном негодовании воскликнул Айвен.

— Ее спрятали в самом дальнем углу, чтобы не распугать покупателей?

— Ага, — ухмыльнулся Айвен.

Майлз, широко улыбаясь, откинулся на спинку кресла. Для тех, кто его хорошо знал, подобная улыбочка служила тревожным сигналом.

— Насколько я понимаю, тебя следует поздра-

вить с неким весьма неожиданным событием?

Айвен помрачнел.

— Быстро же, однако, распространяются слухи.

— Я был в курсе с самого первого дня, как только начали поступать доклады. Твоя маман позвонила мне и попросила это растолковать — можно подумать, я вообще что-то об этом знал. Я посоветовал ей обратиться к Аллегре, что она и сделала — с гораздо большим успехом.

— Да… ну… В общем, я тут абсолютно ни при чем, — пробормотал Айвен.

Майлз недоуменно поднял брови.

— Ты женился на женщине, с которой только вчера познакомился, и ты тут ни при чем?

— Ну да, ни при чем! Это был несчастный случай. И вообще это временное, просто пришлось прибегнуть к уловке. Если ты читал доклады СБ, то должен и сам знать, зачем я это сделал. Ей грозила опасность.

— От разных людей я слышал разные краткие резюме. — Майлз забарабанил кончиками пальцев по столу с комм-пультом.

— Моя матушка уже успела сегодня с тобой поговорить?

— Нет, она — нет. Но я все равно звоню, чтобы пригласить тебя — вместе с твоим застенчивым

несчастным случаем и ее синей… а кстати, она что, правда ярко-синяя?

Айвен кивнул.

— …и ее синей компаньонкой в дом Форкосиганов на хорошо тебе известный чай матушки Кости.

Айвен ответил не сразу. При упоминании знаменитой Майлзовой поварихи у него невольно потекли слюнки. Вот ведь проклятый условный рефлекс!

— Это взяточничество.

— Будучи Имперским Аудитором, я не имею права принимать взятки, а предлагать их мне никто не запрещает.

— Раньше ты никогда не проявлял интереса ни к одной из моих подружек.

— Раньше, Айвен, ты еще ни на одной из них не женился. И вообще я скоро отбываю на Зергияр. Не исключено, что мне придется там задержаться, так что не хочу упускать случай.

— Случай надо мной поглумиться? Для этого — можешь не сомневаться — у тебя еще будет масса возможностей. — «В порядке общей очереди».

— Э-э… — Майлз набрал в грудь побольше воздуха и резко выдохнул. — Твоего присутствия просят и требуют. Некая особа желает

познакомиться с твоей женой в неофициальной обстановке. Мы подумали, что моя библиотека для этого вполне сойдет. Заодно и мою очередную миссию обсудим.

У Айвена сердце оборвалось.

— Ой, — только и вымолвил он после долгой паузы.

— В шестнадцать ноль-ноль ровно.

— М-м, хорошо. Ровно.

— Ну, до скорого, — бросил Майлз с таким видом, словно хотел сказать: «Милорд Имперский Аудитор вас отпускает». И вырубил комм.

Никакого повода ныть и скулить на самом деле не было. Но до чего ж хотелось!

* * *

Тедж сидела в двухместном спортивном автомобиле Айвена Ксава в пассажирском кресле, Риш балансировала, сидя у нее на коленях, а сама Тедж чуть ли не дымилась от ужаса.

Он сказал «Грегор». Как будто это всего-навсего случайный знакомый, а не — скажем так — абсолютный повелитель трех миров, в сравнении с которым любой барон Великого дома — просто бродяга из придорожной канавы. Господин лорд Айвен Ксав, столь преуспевший в том, чтобы

выглядеть абсолютно не примечательным, ввел ее в заблуждение, — но это в последний раз, поклялась себе Тедж. А теперь ее чуть ли не силком тащат знакомить с Грегором, нет, с Самим Грегором… ах, да, нет, «он хочет с тобой познакомиться» — а она-то мечтала «спрятаться так, чтобы никто не смог найти», и вот тебе пожалуйста — все с точностью до наоборот. У Тедж было такое ощущение, будто по коже у нее пляшет лазерный прицел.

И кузен Имперский Аудитор тоже ничуть не лучше. Она и подготовиться толком не успела — едва хватило времени посмотреть, что этот титул означает. «Человек, наделенный полномочиями казнить на месте, без суда и следствия», черт подери.

Хорошо хоть, они с Риш одеты подобающим образом. Служащая леди Элис отвела их в такой магазин-ателье, где тебя сразу сканируют лазерным лучом, после чего можно часами изучать в собственное удовольствие каталог, экспериментируя с виртуальными примерками на трехмерном изображении, и подбирать туалеты, которые с помощью компьютеризированного оборудования шьют точно по фигуре. Выбранный ими стиль модистка назвала «казуальным» — очевид-

но, это означало «неподходящий для имперских торжеств или приема в посольстве». В квартиру Айвена Ксава они вернулись, навьюченные пакетами, и модистка сообщила терпеливо ожидавшему мужу: «У молодой леди Форпатрил потрясающее чувство цвета». Тедж, которая уже успела понаблюдать модистку в деле, приняла это как комплимент. И тут-то Айвен Ксав вывалил новость о том, куда они сейчас поедут. Как бомбу швырнул… Леди Элис это заранее знала?

Айвен Ксав бросил быстрый взгляд на своих компактно уложенных, ослепительных пассажирок — те свирепо глянули на него в ответ. Следующий вираж он проделал чуть более осторожно и — хвала богам — сбавил скорость. Мимо них пронеслась высокая каменная стена, увенчанная железными шипами. Айвен Ксав еще чуточку сбавил скорость, выруливая на небольшую площадку перед огромными воротами из кованого железа. Из будки вышли часовые: один в какой-то странной коричневой форме, расшитой на воротнике и манжетах серебром, другой — в черном, и тоже с серебряной вышивкой. Оба они направились к лимузину. Айвен Ксав поднял колпак кабины, и часовые подозрительно оглядели салон.

— А, лорд Айвен.

Айвен Ксав приветственно поднял руку:

— И двое гостей, как оговорено.

Тот, что в черном, не удостоив их ответной улыбки, направил на Тедж и Риш что-то вроде сканера, после чего кивнул:

— Вас ждут.

Ворота распахнулись, и второй — который в коричневом с серебром — махнул им, чтобы проезжали.

Огромная архаичная каменная громада пятиэтажного особняка возвышалась над привезенными с Земли деревьями, почти голыми в это время года. Айвен провел машину по подъездной аллее, поднял колпак кабины и помог Риш и Тедж выбраться наружу. Наставления модистки, как следует одеваться по разным поводам и в разное время суток, были краткими, но вполне исчерпывающими. Тедж с удовольствием обнаружила, что барраярские юбки до щиколотки не менее — а при определенной тренировке даже более удобны, чем комаррианские свободные брюки.

Почти незаметная вибрация от невидимого силового экрана, ограждавшего дом, на миг исчезла, резные деревянные двери гостеприимно распахнулись, и еще один слуга, одетый в корич-

невое с серебром, жестом пригласил их войти.

Просторный вестибюль занимал в высоту два этажа. С галереи спускалась изящная деревянная лестница с полированными перилами. Направо и налево расходились широкие сводчатые коридоры, еще один вел прямо вперед — под галереей его своды были чуть ниже.

Риш замерла на пороге так резко, что Тедж едва не налетела на нее. Пол в зале был выложен изумительной цветной мозаикой: буйная растительность, цветы, бабочки и выглядывающие из-за листьев мелкие зверьки — потрясающее зрелище. Камни были подобраны так искусно, что на первый взгляд мозаику было трудно отличить от живописного полотна кисти великого мастера. Тедж почти ожидала, что растения захрустят у нее под ногами, источая таинственные ароматы. Тему подхватывала роспись на стенах: прорисованные в мельчайших деталях цветы и безумное переплетение лиан поднимались вверх так, словно лес, обитающий под полом, разрастаясь, стремился к свету.

Риш застыла как вкопанная.

— О, — выдохнула она. — Здесь я могла бы станцевать самый изумительный танец…

И тут справа послышался пронзительный визг,

а вслед за ним — негромкий веселый мужской голос:

— Осторожно, он сбежал!

Айвен Ксав вздрогнул и резко повернулся.

— О Господи, они уже перемещаются самостоятельно, — испуганно прошептал он.

Из сводчатого коридора вышел абсолютный голый малыш ростом чуть больше двух футов и решительно заковылял к гостям, быстро-быстро переступая своими маленькими ножками. Хромавший за ребенком мужчина с тросточкой выглядел еще более удивительно: ростом он едва достигал пяти футов — невероятно низкий для взрослого барраярца, коим он, очевидно, являлся. Аккуратно подстриженные темные волосы, непропорционально большая голова на короткой шее, на лице — едва заметные морщины, сгорбленные плечи, изысканная белая рубашка, серые брюки и пиджак. Если про Элис и Саймона Тедж могла бы сказать, что их присутствие осязаемо, то в этом человеке таилась сила, заполнявшая собой все пространство холла, — он просто приковывал к себе взгляды, и уже невозможно было смотреть ни на удивительный пол, ни на ребенка, который топотал по этому полу с радостными воплями.

Малыш сделал еще пару шажочков и застыл

как вкопанный, уставившись на незнакомцев. Точнее — на Риш.

— О-о-о, — проворковал он, открыв рот от изумления и восторга.

— Айвен, хватай Сашу! — отдал распоряжение запыхавшийся коротышка.

Айвен Ксав шагнул вперед, осторожно сграбастал ребенка и, стараясь держать как можно дальше от себя, поспешил передать коротышке. Малыш извивался всем телом, словно огромная розовая морская звезда, и тянулся к Риш, повторяя:

— О-о-о, о-о-о!

— Саша освоил на этой неделе три новых фокуса, — сообщил коротышка Айвену Ксаву. — Как выпутаться из пеленок, как заблудиться в доме Форкосиганов и как удрать от меня. Если бы он еще по примеру сестренки занялся болтовней, я мог бы с полным правом назвать его маленьким гением. — И коротышка поднес к губам наручный комм, с трудом преодолевая сопротивление своей объемистой ноши. — Катриона? Я его нашел. Отставить патрулирование. Он вылез из укрытия в столовой, но был перехвачен при переходе в вестибюль.

— Так, а где же его сообщница? — поинтересо-

вался Айвен Ксав, нагнувшись и с опаской озирая пространство на уровне пола.

— Спит. Видишь ли, они занимаются этим посменно — хотят взять нас измором. Подозреваю, что их цель — безоговорочная капитуляция противника и полное мировое господство. Но я тоже могу нанять часового, ха! — Он бросил попытки удержать на руках тяжеленного непоседу и поставил его на пол. Вниманием ребенка тут же полностью завладел жук, изображенный на мозаичном полу. После нескольких безуспешных попыток схватить его и засунуть себе в рот, дите скорчило обиженную гримаску.

По ступенькам сбежала высокая, чуть встрепанная темноволосая женщина.

— Как же ему все-таки удалось спуститься по лестнице и не сломать себе шею? — поинтересовалась она у коротышки.

— Сполз задом наперед, полагаю. На самом деле он поразительно осторожен. Я когда-то сломал себе на этой самой лестнице руку и ногу. Ну, то есть, не сразу, а по очереди. В разные годы.

— Руку я помню, — пробормотал Айвен Ксав. — Соревнование по скоростному спуску по перилам.

Высокая женщина подхватила малыша, од-

ной рукой надежно поддерживая его за попку. С матерью малыш смотрелся куда более пропорционально, чем с отцом.

— Привет, Айвен, — сказала она и вопросительно подняла брови.

Айвен Ксав вышел наконец из ступора, в который впал при виде младенца.

— Майлз, Катриона, — произнес он, — позвольте представить вам мою жену, леди Тедж, и ее компаньонку Риш. А это мой кузен Майлз и его жена Катриона, лорд и леди Форкосиганы. — Он опасливо покосился на ребенка. — И его наследник, лорд Саша.

— Агх, — афористически заметил Саша, пытаясь выдернуть прядку из гладко зачесанных волос матери и утянуть себе в рот.

Леди Катриона рассеянно улыбнулась:

— Тедж, Риш, добро пожаловать в дом Форкосиганов. Очень рада, что вы сумели нанести нам визит до нашего отъезда. — И, повернувшись к Айвену Ксаву, добавила: — Я возьму близнецов на Зергияр, чтобы они повидались со своими бабушкой и дедушкой, пока Майлз будет заниматься своими делами.

— И Никки тоже? — спросил Айвен Ксав.

Она кивнула.

— Он не слишком доволен, что придется проделать всю отработку за пропущенные часы в школе, но путешествие будоражит его невероятно. — И добавила, обернувшись к мужу: — Майлз, почему бы тебе не провести гостей в библиотеку? А я присоединюсь к вам через пару минут.

И Катриона с ребенком на руках стала подниматься по лестнице, а лорд Форкосиган, жестом предложив следовать за собой, направился к левому арочному проходу. В дальнем конце просторного вестибюля, обитого бледно-зеленым шелком, виднелась белая дверь. Чья-то невидимая рука распахнула ее, и хозяин провел гостей в продолговатую комнату, уставленную старинными книжными шкафами. Увидев рыжий отблеск пламени, Тедж испытала мгновение ужаса — на космической станции, где она выросла, это была бы катастрофа. Но нет, здесь огонь мирно потрескивал в камине из белого мрамора — всего лишь декор, не более того. Вокруг камина были уютно расставлены кресла и пара маленьких диванчиков. На одном из них сидел худощавый темноволосый мужчина с продолговатым лицом. При их появлении он оторвал взгляд от считывателя, поднялся с дивана и стал ждать с серьезной улыбкой. Одет он был в типичный барраярский

костюм военного покроя, темно-синий и очень простой.

— Сир, — произнес Айвен Ксав, когда они подошли ближе.

— Привет, Айвен. Сегодня я просто граф Форбарра, — ответил худощавый мужчина, и улыбка его на миг помрачнела. — Это сокращает цирк по крайней мере наполовину.

— Точно, — согласился Айвен Ксав. Официальные представления его явно уже утомили, причем произошло это в самый неподходящий момент, и он продолжил как-то уж чересчур неофициально: — Грегор, моя жена Тедж, ее подруга Риш. Полагаю, ты уже читал отчеты?

— Аллегре прислал мне краткую выжимку. А сегодня утром я лично поговорил с твоей матушкой — она проинформировала меня гораздо лучше. Леди Форпатрил, мадемуазель Риш, приятно познакомиться. Добро пожаловать на Барраяр!

Он произнес это точно так же, как леди Форкосиган, когда говорила: «Добро пожаловать в дом Форкосиганов!» И Тедж вдруг осознала, что он здесь единственный не является подданным. И это делало его… данностью? Он сел, словно послав всем остальным сигнал последовать его примеру. Айвен Ксав, подхватив Тедж за руку,

занял другой диванчик, лорд Форкосиган отвел трость в сторону и запрыгнул в кресло поменьше, Риш робко выбрала такое же.

Риш, должно быть, отчаянно пыталась проанализировать множество незнакомых ароматов, из которых самым сильным и непривычным был древесный дым. Здесь находились еще двое мужчин в черных мундирах. Неподвижные, словно статуи: один в дальнем конце комнаты у стеклянных дверей, очевидно, ведущих наружу, другой — у стены перед входом. Оба они то и дело поглядывали на Тедж и Риш, будто пара холеных сторожевых псов, отслеживающих глазами кошек, которые случайно забрели на их территорию. Любое неверное движение может пробудить в них собачий инстинкт, и тогда — набросятся, вцепятся зубами в загривок, сломают шею. Тедж старалась вести себя сверхосторожно и следила, чтобы у нее невзначай шерсть не встала дыбом.

Император Барраяра непринужденно откинулся назад, положив руку на спинку дивана, и радушно поинтересовался:

— Итак, леди Тедж… как случилось, что вы познакомились с нашим Айвеном?

Тедж бросила панический взгляд на Риш, ответившую ей таким же безумным взглядом. «Это

тебе решать, радость моя». И с чего же ей начать? Насколько далеко углубиться в прошлое? Тедж сглотнула, сжала покрепче руку Айвена Ксава — на счастье — и начала наугад:

— Мы остались без денег, когда пытались добраться до… — Она запнулась… но он же сказал, что говорил с леди Элис…

— Когда пытались добраться до Эскобара, к вашему брату, насколько я понимаю? — произнес Тот Самый Грегор.

Тедж снова сглотнула и кивнула.

— Мы застряли на Комарре, скрываясь от преследователей — думаю, это были наемники синдиката Престен. Я работала в тихом и неприметном бюро отправки, пытаясь восстановить наши финансы, а Риш пряталась в нашей квартирке. Айвен Ксав принес вазу, чтобы упаковать и отправить ее… — «Сюда!» — вдруг сообразила она и оглянулась на него в запоздалом негодовании. — Эй! Ты купил эту кошмарную штуку только ради того, чтобы у тебя был повод зайти в офис, да?

Он пожал плечами:

— Ну, разумеется.

— Мы уже через пару минут закрывались. Он попытался меня снять. — При этом воспомина-

нии Тедж нахмурилась.

Кузен лорд Аудитор на мгновение прижал руку к губам.

— И что, получил отлуп?

Тедж снова кивнула.

— Тогда он нарисовался у меня на пороге. Я подумала, что он может оказаться каппером, который охотится за мной. Поэтому пригласила его зайти, а Риш его подстрелила.

Кузен слегка дернулся. Император поднял брови.

— Я его парализовала, радость моя, — поспешно поправила ее Риш. — Всего лишь из маленького легкого парализатора, если честно.

— А потом мы приволокли его к нам в квартиру, — продолжила Тедж.

— А вот этого в докладах СБ не было, — заметил Грегор.

— К тому моменту это было уже несущественно, — отстраненно произнес Айвен Ксав. — Прости, забудь…

— Ну, и мы его на ночь привязали к стулу, — сказала Тедж.

Кузен лорд Аудитор издал какой-то странный звук, больше всего напоминающий тихое всхлипывание, и закусил себе руку. Айвен Ксав

демонстративно его игнорировал.

— И благодаря этому нам, как потом оказалось, здорово повезло, — продолжила Тедж, — потому что, когда явились настоящие похитители, мы проснулись и услышали, как он с ними разговаривает, и успели выстрелить первыми.

— Это было не везение, — запротестовал Айвен Ксав. — Я старался произвести как можно больше шума и всячески заговаривал им зубы, пока не подойдет подкрепление. А подкрепление задерживалось.

— Весьма находчиво — для человека, привязанного к стулу, — пробормотал кузен.

— Вот именно! — отрезал Айвен Ксав.

— Как бы то ни было, — упорно продвигалась вперед Тедж, — он предложил нам укрыться на следующие несколько дней в его квартире. И все было прекрасно, пока Престены не сообразили натравить на нас комаррианскую миграционную службу, чтобы те выкурили нас из убежища, и тогда они смогли бы нас захватить. Ну, и Байерли, который пришел нас предупредить, и сотрудники миграционной службы, и эти купольные копы, которые пытались арестовать Айвена Ксава за то, что он меня похитил, — все они вдруг явились разом, мы еще никто даже кофе не успели

глотнуть, а потом Айвену Ксаву позвонил адмирал Деплен, жутко взбесившийся из-за полиции купола — мне так показалось, — а я была такая усталая и перепуганная, и мы… мы запаниковали. — Она оглянулась на Риш. По-прежнему никакой помощи.

— Кончай смеяться, — раздраженно бросил Айвен Ксав, оборачиваясь к кузену, который вовсе и не смеялся — по крайней мере вслух, разве что отчаянно щурил глаза. — В тот момент ничего забавного не было.

Айвен Ксав скосил взгляд на Тедж и еще крепче сжал ей ладонь. Она ответила тем же. Нет, это было не смешно. Совершенно не смешно — во всяком случае, тогда.

«Хотя теперь, когда оно уже в прошлом…»

— Ну, и он зашвырнул свой наручный комм в холодильник, схватил эту коробку «Быстро-Каши» и попросил меня выйти за него замуж. Чтобы миграционная служба не смогла арестовать меня, а купольные копы — его. И я сказала «да».

— Понятно, — кивнул Грегор. — Полагаю…

— Это сработало, — уязвленным тоном заявил Айвен Ксав.

— А зачем он зашвырнул наручный комм в морозилку? — спросил кузен, заинтригованный

этой деталью.

— Его адмирал звонил, не переставая.

— А. Да, абсолютно логично.

— В самом деле? — уточнил Тот Самый Грегор. Кузен кивнул, и он, казалось, этим удовлетворился.

— А потом Айвен Ксав взял нас с собой сюда, на Барраяр, где мы собираемся отыскать человека, которого зовут граф Фалько, который даст нам развод, а потом… — Тедж налетела на мель, но тут же напомнила себе о доброй и проницательной леди Элис. — И Саймон, друг леди Элис, предположил, что нас с Риш можно доставить на Эскобар контрабандой, на барраярском правительственном курьере, если Айвен Ксав попросит нужных людей. — Она собрала всю свою храбрость и подняла взгляд на Грегора: — Он имел в виду вас, сир?

— Возможно. — Император наклонился вперед и подпер рукой подбородок, насмешливо глядя на нее. У него была одна из тех очень мужских улыбок, которые полностью преображают лицо, лучше даже, чем у Айвена Ксава; но зато улыбка императора Грегора гораздо сильнее контрастировала с его обычным строгим выражением. А Айвену Ксаву приходилось очень стараться,

чтобы напустить на себя суровый вид, да и то максимум, что ему удавалось, — это выглядеть всего лишь раздраженным.

— А где именно на Эскобаре находится ваш брат?

Сейчас не время заключать сделку, поняла Тедж, вся эта встреча уже и без того — сделка. Более того — крупная сделка.

— Амири никогда не был счастлив в нашем Доме, он никогда не хотел заниматься бизнесом совместно с другим нашим братом, Эриком, и с сестрами. Страстью всей его жизни была биология и медицина, поэтому родители в конце концов заключили сделку, чтобы он мог отправиться на Эскобар, в ту клинику, где у них были свои контакты, а там — изменить внешность, взять новое имя и завершить медицинское образование. Он сейчас там проходит практику. — И, облизнув губы, добавила: — У нас давно было запланировано, что, если случится что-то ужасное, я отправлюсь к нему, потому что мы всегда прекрасно ладили, а мои сестры — к бабушке.

Грегор вытянул руку и забарабанил пальцами по спинке дивана.

— Учитывая, что родители Шива Аркуа — джексонианцы, и оба они давно уже умерли, это

должна быть ваша цетагандийская бабушка, аут-леди, вдова гем-генерала Эстифа, эмигрировавшая на Землю?

— Боже правый! — воскликнул Айвен Ксав. Они сидели на этом диванчике так близко, что Тедж почувствовала, как он вздрогнул. — Она что, до сих пор жива?

Грегор покосился на него в некотором изумлении:

— А ты разве не читал отчеты СБ?

— Не думал, что мне отдадут их без боя. И вообще, я и без того целыми днями сижу по уши в оперативных докладах для Деплена.

— Но остаются еще вечера… ладно, не суть, — сказал Грегор. Тедж не поняла, на кого именно он смотрит — на нее или на Айвена Ксава, но на лице его снова мелькнула тень той самой улыбки.

— Но вдова гема Эстифа… Она же была на Барраяре во время Оккупации, а из тех, кто это застал, уже никого нет в живых, — не унимался Айвен Ксав. — Ей же должно быть не меньше ста двадцати лет! Она наверняка уже превратилась в мумию!

— Около ста тридцати, — уточнила Риш. — Если я правильно помню.

— Ты ее когда-нибудь видела? — спросил Айвен

Ксав у Риш, а затем перевел взгляд на Тедж.

— После смерти старого генерала, — ответила Тедж, — она прилетела на Джексон, чтобы пожить какое-то время с баронессой и с нами — мы все были тогда еще маленькие. Почти восемь лет назад она улетела, и с тех пор я ее не видела, но тогда она вовсе не походила на мумию. Конечно, она была уже не молодая, и волосы у нее стали такого чарующего серебряного цвета, целые метры серебра, и она была очень гибкая. И высокая. И очень величественная. Это было, как… не то чтобы она не могла быстро передвигаться — просто не хотела.

Риш мимолетно улыбнулась своим воспоминаниям:

— Да, она такая.

У дверей в вестибюль возникла мгновенная суматоха, и леди Форкосиган — леди Катриона? — вошла в библиотеку в сопровождении двух горничных, кативших перед собой даже не тележку, а целый эшелон тележек, доверху нагруженных всем, что необходимо для чайной церемонии. Это вызвало живейший интерес у всех, включая Того Самого Грегора. Двое охранников в черном продолжали стоять по стойке «смирно», но и те тоскливо оглядывались на

продвигавшуюся к камину, позвякивающую и булькающую процессию. Не успели еще поставить на стол кофе, два сорта чая, с десяток типов маленьких бутербродов, пирожков и пирожных, свежеприготовленные цукаты, марципаны и миниатюрные тортики с кремом, как беседа возобновилась — правда, теперь она текла уже не так ровно, перемежаясь поглощением деликатесов. Риш казалась просто зачарованной этим пиршеством, насыщавшим все органы чувств.

— Твои визиты, Грегор, всегда вдохновляют матушку Кости на новые свершения, — сказала императору леди Катриона.

Тот молча улыбнулся.

— Об этом, Грегор, даже и не думай! — заявил кузен.

— Призвать ее на имперскую военную службу, полагаю, было бы нечестно, — со вздохом ответил Грегор и полностью переключил внимание на третье пирожное с кремом.

Все развеселились. За исключением Тедж и Риш, которые пришли в замешательство. Тедж слегка толкнула локтем Айвена Ксава, но тот сосредоточенно жевал и только покачал головой.

— Потом объясню, — пробормотал он. — Майлз бережет свою кухарку пуще жизни.

Кузен запил пирожное большим глотком чая и обернулся к жене:

— Перед твоим приходом леди Тедж как раз начала нам рассказывать о своей цетагандийской аут-бабушке, вдове покойного гем-генерала Эстифа. Она, судя по всему, побывала на Барраяре перед самым концом Оккупации. По возрасту, должно быть, где-то ровесница старого генерала Петера.

Леди Катриона доела глазированную вишню, облизала пальцы и кивнула:

— О, Айвен, ты должен непременно познакомить Тедж с Рене и Татей Форбреттенами, когда они вернутся в город.

Разочаровавшись в Айвене, Тедж адресовала свой следующий вопрос кузену.

Тот экспансивно взмахнул в воздухе сандвичем с огурцом и сыром и пояснил:

— Граф Форбреттен. Небольшой скандальчик пару лет назад, когда генсканирование обнаружило, что он на одну восьмую цетагандийский гем. По мужской линии, увы — из-за барраярского закона о наследовании. Кажется, это относилось к эпохе его прабабушки, жившей в период Оккупации.

— Какое-то время его называли Рене Гембрет-

тен, — вставил Айвен, — но Совет графов в конце концов проголосовал за то, чтобы оставить ему графский титул. Он был на волосок от краха. Я рад за него. На редкость хороший мужик.

— На редкость хороший граф округа, — поправил Грегор.

— Теперь, когда генсканирование сделалось широко доступным, — пояснила леди Катриона своим гостьям, — выявляется довольно много таких скрытых связей. Несмотря на то что в те времена подобные скрещивания были под запретом с обеих сторон. В конце-то концов, Оккупация ведь продолжалась два десятка лет.

— Люди все равно остаются людьми, — сказал ее муж. — А таким образом людей становится больше. — Они обменялись довольными улыбками, которые на какое-то мгновение сделались почти что интимными.

— Если говорить о межгалактических романах на Барраяре, то случай Рене вряд ли можно назвать уникальным, — сказал Тот Самый Грегор. — Все знают, что мама Майлза, графиня Корделия, родом с Колонии Бета, так же как и прабабушка Айвена и Майлза, ставшая женой выдающегося дипломата, принца Ксава.

Тедж с удивлением посмотрела на Айвена:

— Так ты, значит, на одну восьмую бетанец? Ты мне об этом ни разу не говорил!

Риш изумленно подняла свои золотые брови.

Айвен Ксав пожал плечами:

— Не сказать, чтобы я особо об этом задумывался. Это было давным-давно. Еще до моего рождения. — В завершение сего неоспоримого наблюдения он потянулся за фиалковым марципаном и предусмотрительно занялся пережевыванием пищи.

— А та клиника на Эскобаре, которая взяла под крыло вашего брата, бежавшего с Джексона, та, в которой у ваших покойных родителей были свои связи… — медленно проговорил кузен, возвращаясь к прежней теме.

А Тедж так надеялась, что в неразберихе об этом все успели уже забыть. Она напряглась.

— Это, случайно, не группа Дюрона, нет? — продолжил он.

Риш ахнула и выронила глазированную апельсиновую дольку. В глазах у нее отразился ужас.

— СБ все было известно с самого начала?

— По-видимому, нет, — произнес Тот Самый Грегор, глядя на нее с каким-то пугающе пристальным интересом.

— Как вы узнали? — требовательно спросила

Тедж. Это была тайна, она едва не погибла, чтобы защитить…

— Обоснованная догадка.

— Та самая группа Дюрона, которая у Марка? — Айвен Ксав с негодованием воззрился на Тедж. — Неужели ты не могла мне раньше это сказать?

— А что вам о них известно? — встревоженно спросила кузена Риш. Она по-прежнему держалась очень напряженно.

— Довольно многое — за грехи мои, не иначе. Когда-то они были всего лишь исследовательской группой в составе дома Фелл — тридцать шесть клонированных братьев и сестер с экстраординарными медицинскими дарованиями. У их матери-прародительницы, Лилли Дюроны, которой тоже уже почти сто лет, как я полагаю, были некие особые отношения со старым бароном Феллом — я этого никогда до конца не понимал. Как бы то ни было, мой клон-брат Марк несколько лет назад помог им выкупиться и устроил их перелет на Эскобар. Насколько я понимаю, они считают это государство значительно более приятным местом, нежели дом Фелл. Как бы высоко их ни ценили на Архипелаге, они все равно оставались там технорабами. Так, значит, леди Тедж, ваши

родители были союзниками старого барона Фелла? Или Лилли Дюроны?

Тедж бросила отчаянный взгляд на Риш, которая выставила в ответ открытые ладони, словно перекидывая вопрос обратно.

— Мои родители всегда были… — попыталась сформулировать Тедж. — Я полагаю, что они с Феллом часто оказывались друг другу полезны, да. Хотя никакого официального альянса никогда не существовало, и вопрос о слиянии компаний не поднимался.

Кузен побарабанил пальцами по подлокотнику и на мгновение плотно сжал губы.

— Хм. Мой брат Марк в группе Дюрона — пассивный инвестор, но никоим образом не тайный. Я полагаю, что он и его партнерша Карин сейчас как раз находятся на Эскобаре, решают свои деловые вопросы. Марк до некоторой степени бизнесмен в семье Форкосиганов. У него имеется несколько успешных — и несколько неудачных — стартапов, в том числе и в нашем округе.

— «Превзойти все, чего стоит достигнуть», — тихонько пробормотал Айвен Ксав. — Боже мой, даже клон — и тот…

— Граф, наш отец, относится к этому одобрительно — к сожалению, после Оккупации округ

Форкосиганов в экономическом отношении отстает. Несколько последующих гражданских войн тоже его не пощадили. — Кузен еще чуть-чуть побарабанил пальцами. — Но дело в том, леди Тедж, что этот мой родственник — он также и родственник Айвена. Если вы думали найти тайное убежище в группе Дюрона…

— Не хотите ли вы сказать, что мы теперь не рискнем это сделать? — взволнованно спросила Тедж.

— Нет. Но полагаю, что ваши документы следует «отмыть» гораздо более тщательно, чем планировалось изначально. Возможно, придется изменить еще и внешность. — Он бросил взгляд на Риш.

Та сердито уставилась на него в ответ.

— Для барраярца вы, похоже, знаете об Архипелаге слишком много.

Кузен пожал плечами:

— Бывал там пару раз по делам службы. Ну, то есть, по делам моей предыдущей службы, еще до того, как стал Имперским Аудитором. Как бы то ни было, пять Великих домов, контролирующих джексонианские точки перехода, Барраяр отслеживает более тщательно, чем массу других синдикатов на Архипелаге. И дом Фелл — в

первую очередь, это наши непосредственные соседи. Станцию Кордона — в меньшей степени, поскольку это направление не слишком затрагивает наши интересы: у нас имеются более экономически выгодные пути к Земле через Зергияр и Эскобар. Тот факт, что точка перехода с Архипелага к Цетагандийской империи — так сказать, через черный ход — оказалась под контролем дома Престен, э-э… эта деталь представляет некоторый интерес.

— А что за предыдущая служба? — поинтересовалась Тедж.

Кузен высмотрел в ближайшей окрестности еще один огуречный бутерброд, засунул его в рот целиком, прожевал, проглотил — и лишь после этого ответил:

— Пока меня по медицинским показаниям не отправили в отставку, я несколько лет служил курьером СБ. Очень много путешествовал по всей галактике. — Он поднял глаза и улыбнулся жене: — По правде говоря, я рад был от этого избавиться.

— В самом деле? — криво улыбнулась леди Катриона.

Тедж снова повернулась к Тому Самому Грегору.

— Но наш перелет, сир?

Император потер подбородок.

— Я замолвлю словечко Аллегре. Детали Айвен сможет обсудить с ним. — Он немного помолчал, задумчиво глядя на нее и на Айвена Ксава. — Имейте в виду, что случай может предоставиться через пару недель. Мы не вправе откладывать ради этой любезности рутинные или срочные задачи.

Тедж кивнула, демонстрируя согласие. Нищие не выбирают.

— Внешняя охрана Айвена уже поставлена в известность о новом уровне угрозы, — продолжил Тот Самый Грегор.

— Если… Если агенты синдиката выследят нас здесь, сумеют ли ваши люди остановить их? — спросила Риш.

Император поднял брови:

— Предполагается, что они способны остановить нечто куда как более страшное.

— Если только им не приходится работать вслепую, — вставил кузен. — Вы должны дать этим беднягам из безопасности как можно больше шансов на победу. Это значит — больше не утаивайте сведения, а?

Тедж перехватило горло, и она лишь молча

кивнула. Айвен Ксав почувствовал, как у нее задрожала рука, и, нахмурившись, с беспокойством посмотрел на нее. Она слишком ясно помнила гибель их телохранителя на Станции Фелл. Этот человек был ей едва знаком, и все же… Среди многих и многих причин, по которым Тедж никогда не хотела обладать властью в Доме и играть в те игры, в которые играли ее родители, была и такая: она никогда не хотела, чтобы ценой за ее жизнь стала бы чья-то смерть. Возможно, на самом деле от этого никто не гарантирован. Иначе для чего столько полиции и военных в таких местах, как Пол или Комарра? Массовая защита, купленная совместно всем обществом, вместо индивидуальной, купленной теми, кто может себе это позволить, и даже без аванса, который обычно требуют и получают за такие риски мордовороты и телохранители на Джексоне.

Охранник у двери, до сих пор стоявший молча, вдруг произнес:

— Семнадцать тридцать, сир.

— Уже? — Император глянул на свой наручный комм и сконфуженно посмотрел на Тедж, Риш и Айвена. — Боюсь, что вынужден вас отпустить. Мне еще необходимо перед уходом перекинуться парой слов с моим Аудитором.

Леди Катриона спокойно поднялась с кресла и обернулась к Айвену:

— Возможно, Тедж и Риш хотели бы получше ознакомиться с особняком Форкосиганов? И я могла бы показать им Барраярский сад.

Айвен Ксав согласно кивнул, они попрощались с соблюдением всех должных формальностей (Тедж надеялась, что они ничего не перепутали) и вслед за хозяйкой дома вышли из библиотеки.

В вестибюле Риш замедлила шаг, любуясь мозаикой. Невольно потянулась рукой, словно хотела нагнуться и потрогать это произведение искусства. Или закружиться по нему в танце.

— Это современная мозаика? — спросила она леди Катриону. — Она так прекрасна… И неожиданна. Она ведь выглядит новой?..

Леди Катриона довольно улыбнулась:

— Когда мы с Майлзом только-только поженились, он захотел, чтобы я наложила на облик дома свой отпечаток — помимо Барраярского сада. Я долго пыталась что-нибудь придумать, пока в один прекрасный день свекровь не рассказала мне о неких печальных событиях, с которыми у нее постоянно ассоциировались черно-белые мраморные плитки пола. Они пролежали здесь… да, несколько десятилетий. Вот тогда мне и при-

шло в голову все это. — Она плавным жестом обвела рукой пол и стены.

— Я родилась и выросла на Южном Континенте, — продолжила леди Катриона. — Там такого рода тонкая работа из натурально окрашенного камня — настоящий региональный вид искусства, северяне же в качестве материала предпочитают древесные породы. Я долгие годы восхищалась работами одной очень известной художницы по каменным мозаикам, но никогда не могла себе этого позволить. И в один прекрасный день Майлз вдруг взял и слетал на север. Он фактически похитил бедную женщину, которая уже частично удалилась на покой. Все, что касается ботаники, я до мельчайших деталей разрабатывала с ней вместе — у нас ушел целый год на то, чтобы все это спроектировать и выложить. Я не говорю уже о наших походах по округу Форкосиганов в поисках подходящих камешков — мы старались набрать их как можно больше. Здесь представлена смешанная экосистема Барраяра и Старой Земли — такая же, как в некоторых местах в окрестностях Форкосиган-Сюрло, у подножия гор.

Айвен Ксав издал короткий смешок.

— Когда они раздолбили старый пол, народ

подбирал осколки как исторические сувениры. Я потом видел несколько штук в продаже — за них просили бешеные деньги. Знаешь, Катриона, если бы ты надумала продавать их сама, то скомпенсировала бы, наверное, все затраты да еще и получила прибыль.

Рассмеявшись в ответ, она возразила:

— Подозреваю, всех гораздо больше устроило начать с нуля. — Она повернулась к Тедж: — Видите ли, графиня Корделия Форкосиган — очень близкая подруга матери Айвена. Корделия часто мне говорила, что, когда она, невеста-инопланетница, только-только прилетела на Барраяр, наличие такой подруги было для нее просто неоценимо: ведь леди Элис показывала и объясняла ей все то, о чем мужчины даже понятия не имеют. Сейчас здесь хотя бы войны нет. Возможно, когда мы с Майлзом вернемся с Зергияра, нам удастся еще пообщаться?..

Тедж растрогалась чуть ли не до слез. Она улыбнулась, но покачала головой:

— Мы не рассчитываем пробыть здесь так долго.

— Ах. — Леди Катриона бросила пытливый взгляд на Айвена Ксава. — Какая жалость. Ну хорошо, давайте теперь неспешно прогуляемся

по тому крылу, где столовая, а потом выйдем с черного хода и посмотрим мой сад…

Когда Тедж только ступила на Барраяр, ей хотелось одного — как можно скорее отсюда улететь. Сейчас, всего два дня спустя, туманные планы отъезда непонятно через сколько недель, казалось, обрушились на нее слишком внезапно. Тедж была к этому не готова. Похоже, вся эта проклятая планета решительно вознамерилась ее приворожить… Странная мысль — Тедж выбросила ее из головы.

Айвен Ксав заботливо предложил ей руку, и они последовали за хозяйкой дома.

Глава одиннадцатая

Беседа с Грегором стоила Тедж немало нервов, к тому же все они страшно устали, а потому на следующий день решили немного отдохнуть, никуда не выходя из Айвеновой квартиры. Дамы, похоже, были не против безопасности ради ограничиться в изучении Барраяра комм-пультом, а пищу им доставляли на дом — за свою холостяцкую жизнь Айвен обзавелся множеством надежных поставщиков. Лишь через день, в беседе за вторым завтраком, Айвен выяснил, что Тедж и Риш предпочитают сидеть дома не из-за недоверия к его личной охране, а из отвращения к его спортивному автомобильчику. Тогда ему пришла в голову удачная мысль арендовать на неделю автомобиль побольше. Это вдохновенное решение было встречено бурными аплодисментами. Когда заверещал дверной звонок, они как раз обсуждали предложенный Айвеном список того, что необходимо посмотреть в Форбарр-Султане и окрестностях.

Тедж и Риш разом вздрогнули и насторожились.

— Нет-нет, все в порядке, — успокоил их Айвен,

заглатывая последний кусок синтезированной ветчины и поднимаясь со стула. — Это может быть только тот, кто включен в мой «белый» список, иначе бы позвонили с рецепции за разрешением.

Правда, в «белый» список входят не только желанные гости, мысленно закончил Айвен, посмотрев в глазок. В коридоре, нервно озираясь по сторонам и постукивая пальцами по шву на брюках, ждал Байерли Форратьер. Пора бы, наверное, пересмотреть список и кое-кого оттуда вычеркнуть… Кто, спрашивается, первым заварил всю эту кашу?

Айвен с большой неохотой отворил дверь и впустил Бая, глядя на него так, будто это мальчик-рассыльный, который вместо деликатесов принес пакеты, битком набитые змеями. «Никаких чаевых, Бай, ты у меня не получишь!»

Бай выглядел безукоризненно опрятным, чистым и ухоженным, но в глазах у него читалась страшная усталость.

— Привет, Айвен, — проговорил он, просачиваясь в квартиру. — Что, все до сих пор еще здесь? А, да, прекрасно. Привет, Риш, привет, Тедж! — Он помахал дамам, сидевшим за маленьким обеденным столом и с интересом взиравшим на гостя.

Тедж и Риш помахали в ответ, и Бай, не дожидаясь приглашения, со вздохом уселся рядом.

— Если ты рассчитывал скрыться от моей матушки, то, похоже, выбрал не самое удачное место, — процедил Айвен.

— Скрываться уже поздно, — ответил Бай. — Во имя милосердия, дай мне что-нибудь выпить.

— Для тебя же сейчас еще раннее утро, нет? Выпивать до завтрака, это, знаешь ли, — признак серьезнейшей деградации.

— Ты, Айвен, даже понятия не имеешь, что такое серьезнейшая деградация. У меня только что была длительная беседа с твоей маман. Она допрашивала меня целый день и, безусловно, куда как подробнее, нежели родная СБ.

Милосердие, сражавшееся в Айвене с соблазнительной бессердечностью, все-таки победило, хоть и было на волосок от проигрыша. В итоге он принес Байерли чистый стакан, предложив разделить с ними шампанское и апельсиновый сок. Байерли явно было ни до чего — он плеснул себе шампанского, даже не взглянув на этикетку, и лишь когда сделал первый маленький глоток, восхищенно поднял бровь.

— Мне казалось, что тебе было бы разумнее всячески ее избегать, — заявил Айвен, откидываясь

на спинку стула.

— Мне не оставили ни единого шанса. Я прилетел в Форбарр-Султан вчера, и едва сошел с катера, как тут же был публично арестован бандой эсбэшных громил. Они заковали меня в наручники и увезли.

— Это мама Айвена Ксава такое устроила? — потрясенно спросила Тедж. — А за нами она всего лишь прислала Кристоса и свой лимузин.

— Думаю, это почти то же самое, — сказал Байерли после минутного размышления. — На самом деле моему куратору пришла в голову гениальная мысль, как ненавязчиво доставить меня для доклада. Скандал с Формерсье стал сейчас главной сенсацией во всех новостях. Моя официальная легенда — что я обо всех этих махинациях ничего не знал и был всего лишь поставщиком провианта для прогулочной яхты. Напитки, наркотики, девочки — в общем, понятно.

— Девочки? — переспросил Айвен. — По-моему, Бай, это называется не «поставщик провианта», а как-то иначе.

Бай пожал плечами:

— Они были моими осведомителями. В СБ считают, что чем убеждать профессиональных агентов… ну, ты понимаешь… словом, проще

завербовать тех, кто уже в деле, предоставив им в обмен на лояльность возможность продвижения. Я позвонил им сразу же после вашей свадьбы, велел убираться с яхты Формерсье ко всем чертям и сказал, что встретимся на орбитальной станции, пройдемся по магазинам — это была наша кодовая фраза, означавшая завершение операции. Когда вы с Депленом пришвартовывались к «Канзиану», мы втроем как раз садились на коммерческий рейс до Барраяра. Насколько я понимаю, скачковая шлюпка Деплена нас обогнала — мы летели не на самом быстроходном судне. И не в самой лучшей каюте, которую мне пришлось с ними делить. — На лице Байерли мелькнула улыбка. — Нам хотя бы вынесли благодарность за экономию. У СБ сейчас очередное обострение бюджетных коликов.

— Посменное использование спальных мест? — осведомился Айвен. — Ах, какие муки приходится терпеть вам, эсбэшным хорькам. Восемь дней наедине с двумя хорошенькими девушками по вызову в тесной каюте, где абсолютно нечего делать. Это, наверное, был ад.

— Не совсем нечего, — пробормотал в ответ Байерли, отпивая еще один глоток шампанского с апельсиновым соком. — Нам надо было написать

массу отчетов…

— А что значит «девушка по вызову»? — спросила Тедж, недоуменно нахмурившись.

— М-м… — Айвен задумался, как бы получше объяснить. — Это как лицензированный бетанский врач, практикующий сексуальную терапию, только без лицензии и без терапии.

— А-а. — Она нахмурилась. — Как сексуальный чернорабочий. Кажется, это не совсем безопасно.

— Совсем небезопасно, — подтвердил Бай. — Скажем так, это ремесло не для слабонервных.

— Как и ремесло информатора? — спросила Риш, чуть улыбнувшись лазоревыми губами.

Бай отсалютовал ей бокалом и допил до дна.

— Да, параллели имеются. Добавьте сюда еще и то, что девочки были информаторами, и вы, возможно, догадаетесь, почему я так спешил вытащить их оттуда, пока не обрушился молот.

— Гм, — пробормотала она, глядя на него с новым интересом.

— Так вот, СБ выпустила меня обратно в естественную среду обитания сегодня, предположительно — после мучительной ночи в неволе и насильственного суперпентоталового допроса, который очистил меня от соучастия в преступлениях Формерсье, но при этом публично выставил

дураком. До сих пор все нормально. — И, нахмурившись, добавил: — Кроме того, мне вынесли благодарность за месяцы дотошной и, если мне дозволено будет так выразиться, доставшей меня работы над делом Формерсье и повысили жалованье на одну позицию.

— Поздравляю! — воскликнула Риш. — Но… вы не выглядите счастливым?..

Бай криво улыбнулся:

— А потом мне быстренько вынесли выговор и понизили жалованье на одну позицию за то, что я тебя, Айвен, в это втянул.

— Ой!.. — Айвен едва не добавил «Прости!», но тут до него дошло, что он-то на самом деле ни в чем не виноват. Он что, просил найти ему невесту? Нет. Не говоря уж об остальном. Мало того, что он попал под парализатор, провел полночи привязанным к стулу, чуть было не угодил в тюрьму, так его еще и выставили на посмешище перед адмиралом.

— Понимаешь, они нарочно проделали это в такой последовательности, — горестно продолжил Бай. — Будь оно в обратном порядке, мне было б не так обидно. В конце концов, можно было вообще ничего не говорить, итог все равно один. Гораздо более разумно.

Риш явно расстроилась.

— Не беспокойся, — поспешил уверить ее Айвен. — Жалованье Байерли то и дело скачет вверх-вниз. И то, о чем он нам сейчас рассказал, — всего лишь «белый шум» на фоне общей тенденции к повышению.

— Тем не менее они поставили новый рекорд скорости, — проворчал Бай.

Тедж по-прежнему пребывала в задумчивости.

— А как становятся шпионами? — спросила она у Байерли.

Он усмехнулся, изумленно вскинув брови.

— Думаете заняться? Часть кандидатов проходит отбор из работников СБ. В своем роде ребята неплохие, но, скажем так, страдающие определенной заданностью мировоззрения. Некоторых вербуют из числа гражданского населения, в основном для каких-нибудь специальных заданий.

— И каким же способом завербовали вас? — поинтересовалась Риш.

Он махнул бокалом, как бы говоря: «И вы туда же?»

— Я пришел туда третьим способом: меня постепенно завербовал агент из Внутренних дел. Я приехал в столицу, когда мне еще и двадцати не исполнилось, и тут же со всей поспешностью

желторотого птенца ступил на стезю порока, подобно другим желторотым птенцам, которых Айвен и ему подобные, кажется, называют городскими шутами. Это был не слишком оригинальный период моей жизни. Не буду говорить, что я угодил в дурную компанию — я сам искал их общества, — но среди множества гнилых яблок в моей корзине оказалось одно… не гнилое. Воспользовавшись пару раз моими услугами, он счел меня подходящим и стал давать больше незначительных поручений, а потом те, кто им руководил, устроили мне проверку… — При этом воспоминании Байерли поморщился, но в подробности вдаваться не стал. — А потом в один прекрасный день мне сделали предложение, которое меня к тому времени уже не удивило — хотя благодаря этому стало пост-фактум понятно многое. Я прошел несколько кратких курсов для эсбэшников, а дальше была практика. И, м-м… спонтанное обучение на собственном опыте. — Бай налил себе еще шампанского с апельсиновым соком. Ему явно не хватало витаминов. — И вот я здесь, — продолжил он. — Мы должны…

— Погоди, ты забыл про разговор с моей матерью, — перебил Айвен.

— Если б я мог об этом забыть… Она, похоже,

на редкость хорошо информирована. Я пытался объяснить, что мои свидетельские показания ничего ей не дадут, но ей требовалась еще одна точка зрения. Собственно, я хотел сказать вот что: до того, как кто-нибудь из вас соберется выйти в свет здесь, в Форбарр-Султане — я не имею в виду то в высшей степени избранное общество, в котором вы уже успели побывать, — мы должны согласовать наши рассказы о том, что произошло на Комарре.

— А, — сказал Айвен без всякого удивления. — Стало быть, ты не со светским визитом.

— Не совсем. — Байерли глянул из-под ресниц на Риш. — Ну, то есть по большей части, но к этому мы перейдем позже. Я лишь чудом не потерял прикрытие и средства к существованию и хотел бы сохранить это все и дальше.

Айвен кивнул, признавая обоснованность подобного беспокойства.

— Краткая версия будет такая: Айвен познакомился с вами, Тедж, на Комарре, когда заглянул на почту отправить посылку. Вы оба позволили себе мимолетный роман, а когда комаррианская миграционная служба внезапно вознамерилась вас депортировать, он в припадке галантности на вас женился.

Тедж сморщила носик.

— Зачем?

— Затем, что ты была прекрасна, тебе грозила опасность, и я еще не успел с тобой переспать, — пояснил Айвен. — Все очень просто.

Байерли наклонил голову.

— А знаешь, Айвен, ты делаешь успехи, пока не… а ладно, не важно. Правдоподобие — это главное. Кстати, мне сказали, что Тедж и Риш, пока остаются на Барраяре, могут жить под собственными именами. Приходится покориться обстоятельствам: уничтожить все упоминания о них в уже имеющихся записях практически невозможно — вы оставили столько следов, что вполне способны конкурировать с марширующим оркестром и слоном на параде по случаю Дня рождения Императора. Беженцы из знатной семьи, потерявшие все в результате безжалостного дворцового переворота, — можете не беспокоиться, эту часть барраярцы поймут, при всем своем подозрительном отношении к джексонианцам. — Взгляд его упал на Айвена, и он задумчиво добавил: — А ты случайно наткнулся на меня на Комарре и зацапал, когда тебе внезапно понадобился свидетель. Интересно, а ты мог быть в тот момент сильно пьяным?

— На рассвете? — негодующе переспросил Айвен. — Нет! — И с фальшивой доброжелательностью добавил: — Ты — пожалуйста, если хочешь.

— Как, очернить мою репутацию в качестве свидетеля? Ни в коем случае.

— Иными словами, — медленно проговорила Тедж, — это практически та же версия, которую мы уже и так всем рассказывали. Не считая адмирала Деплена, леди Форпатрил, Саймона Иллиана, лорда и леди Форкосиган, императора Грегора… — Она умолкла, явно сочтя список пугающе длинным для такой сокровенной тайны.

— Все в порядке, — заверил ее Айвен. — Я даже представить себе не могу, сколько тайн на самом деле хранит эта шайка.

— Возвращаясь к моим проблемам, — продолжил Байерли. — В интересах распространения правильной легенды, которую следует как можно быстрее донести до максимального количества обывателей. Не хотели бы вы, Риш, посетить сегодня со мной небольшой званый вечер для избранных? А перед этим, быть может, поужинать?

— Выйти из дома? — В широко раскрытых глазах Риш читалась смесь ужаса и восторга. — На свидание? С вами? На Барраяре?

Байерли с рассудительным видом поднял ладонь:

— Не совсем на свидание. Мне необходимо поболтаться тут и там, пожаловаться на судьбу, посплетничать, наговорить кучу гадостей и, конечно, попроклинать последними словами Тео Формерсье и СБ — всех разом и каждого по отдельности, причем громко. Работенка нелегкая, но кто-то же должен это делать.

— А как насчет моей нестандартной внешности? — поинтересовалась Риш.

— Если они отвлекутся на вас, пока я буду выполнять свою нудную задачу по распространению дезы, это будет… весьма не вредно. Прославленная актриса-инопланетница, обладающая статусом беженца да еще и причастная каким-то образом к таинственному роману, или, точнее, скандалу, связанному с отпрыском одной из высочайших форских фамилий, — гарантирую, что ради такого лакомства они мгновенно забудут все свои предубеждения. Да к тому же еще и в обществе самого галантного ненаследника клана Форратьеров. Наша публика будет положительно взволнована. — Он улыбнулся. Айвен продемонстрировал волчий оскал, но Байерли продолжил, не обращая на него ни ма-

лейшего внимания: — Тем временем они начнут потихоньку к вам привыкать. А кроме того, это даст вам возможность увидеть кусочек Барраяра без общества зануды Айвена.

— Я не зануда! А твое общество пользуется… пользуется такой дурной славой, что… ну, просто хуже некуда.

Риш вскинула свои золотые брови и многозначительно хмыкнула. Пару секунд она молча оценивала Байерли, слегка сощурив глаза. И раздувая ноздри?

— Это то самое незначительное поручение, которое для начала? Ну что ж… я согласна.

— Надеюсь, вечеринка не покажется вам совсем уж скучной, — триумфально промурлыкал Бай. — А от ваших наблюдений я просто буду в восторге.

— Что мне следует надеть?

— О лазурнокожая, вы женщина до мозга костей. Если бы вы оделись в казуальном стиле — шикарно и шокирующе, — мне было бы приятно с вами работать. И с легким налетом экзотики.

Айвен подумал, что экзотики в облике Риш и без того более чем достаточно, но она просто сказала:

— Это я могу.

И тут Айвена охватила непонятная тревога. С чего бы это? Риш ему не жена, он ей не опекун. Но случись что не так, кого во всем обвинят? Вот то-то и оно. Хотя, с другой стороны, они с Тедж останутся в квартире вдвоем на весь вечер. Можно заказать домой ужин и… и… Он принял решение:

— Ну… ну ладно, если ты намерен подвергнуть опасности мою служанку, так убедись, черт бы тебя побрал, что ты проинструктировал ее лучше, чем меня!

Байерли поставил на стол пустой бокал и поднял бровь.

— Айвен, я тебя поучаю, как управлять оперативниками?

Айвен только невнятно пробормотал что-то себе под нос.

Байерли, усмехнувшись, договорился с Риш о том, когда он за ней заедет, встал и в своем лучшем стиле профланировал к выходу. Судя по всему, литр самого дорогого Айвенова шампанского подействовал на него расслабляюще.

Выпроводив гостя из квартиры, Айвен проверил для надежности, крепко ли заперта дверь. Когда он вернулся в комнату, Тедж и Риш допивали остатки апельсинового сока и с любопытством

хмурили брови.

— Так, значит, Бай — би? — спросила Тедж. — Ну, то есть бисексуал?

— Каковы реальные предпочтения Бая, я не знаю, — решительно заявил Айвен. — И знать не желаю.

— Как, а разве ты не почувствовала его запах, когда он в первый раз пришел к нам на Комарре? — И Риш удивленно посмотрела на Тедж. Хорошо хоть, не на Айвена. — У него перед этим выдались два-три дня очень трудные. А все предыдущие ароматы уже почти выдохлись — толком не разберешь.

— Он вообще был какой-то слишком сложный, — сказала Тедж. — Во всех отношениях, и в этом — тоже.

— Безусловно, хотя я бы скорее сказала не «слишком сложный», а «сложносоставной». Но контактировал ли он с ними со всеми последовательно или одновременно, ради дела или ради наслаждения, получал удовольствие или только терпел — этого даже я угадать не в силах.

— Я этого знать не желаю, — повторил Айвен, но уже не столь решительно. Ему вспомнилось еще одно предостережение. — Как ты понимаешь, кураторы Байерли почти наверняка велели

ему держать тебя под колпаком. Слежка — его работа. Можно ли придумать более эффективный способ, чем просто позвать тебя вместе с собой?

Риш, ухмыльнувшись, встала из-за стола.

— Никто не запрещает получать от работы удовольствие. — И, выплывая из комнаты, словно несомый течением экзотический цветок, бросила через плечо: — Пойдем, Тедж. Помоги мне разобраться с этими безумными барраярскими туалетами.

Тедж задержалась, чтобы шепнуть Айвену в утешение:

— Ты же знаешь, она обожает блистать на публике. Она наверняка прекрасно проведет время. — И побежала вприпрыжку за Риш, с трудом сдерживая веселый смех.

И тут Айвена осенила еще более неприятная догадка. А что, если Риш понадобилась Байерли не в качестве дымовой завесы, а в качестве приманки? Можно ли придумать более эффективный способ выманить преследователей из синдиката туда, где СБ сумеет их обнаружить и прижать к ногтю?

«Ну что ж, — мрачно подумал Айвен, — как бы то ни было, но по крайней мере СБ не сидит сложа руки».

* * *

В тот вечер Риш вернулась домой очень поздно. Тедж была втайне потрясена тем, что Айвен Ксав не ложился спать, пока она не придет. Сопровождавшего ее Байерли Айвен Ксав послал куда подальше, пробормотав нечто нелестное по поводу тех, кто и сам не спит, и другим не дает, а когда тот в ответ вздумал огрызаться, только разозлился еще пуще. На следующий день Айвен Ксав заказал для Риш персональный брелок с дверным пультом. Вечером Байерли снова ее пригласил — на сей раз уже не на вечеринку, а на концерт народных танцев в исполнении некоей гастрольной труппы, приехавшей с западной части континента, где некогда был его родной дом (по которому Байерли явно не тосковал). На третью ночь Риш позвонила Тедж с наручного комма Байерли и сказала, чтобы ее не ждали и что она вернется завтра около полудня. Айвен Ксав пробурчал на это нечто невнятное.

Впрочем, завтра у него был день рождения — событие, которого Тедж ждала со все возрастающим любопытством. Они встали очень рано — еще до рассвета — и оделись как для официального приема: Айвен Ксав впервые за всю неделю

отпуска облачился в свой зеленый капитанский мундир. Завтракать не стали — только попили чай, а потом Айвен Ксав посадил ее в свой спортивный автомобиль, и они помчались по пустым и темным улицам. Ехать было недалеко, и Айвен Ксав, хвала богам, вел машину мягко — то ли из-за предрассветного тумана, то ли ввиду торжественности поставленной перед ним задачи.

Он не особо распространялся по поводу предстоящей церемонии — какой-то барраярский поминальный ритуал, посвященный его покойному отцу. Во время этого ритуала требовалось принести небольшую жертву — сжечь прядку своих волос (узнав, что для начала их все-таки нужно срезать, Тедж вздохнула с облегчением). Они въехали на улочку со старыми, низкими, обшарпанными домами. Там уже стояла, сверкая мигалками, машина муниципальной гвардии, и двое гвардейцев устанавливали световые отражатели по обе стороны бронзовой мемориальной доски, вмонтированной прямо в дорожное покрытие. Сержант поспешно замахал Айвену, показывая, что здесь парковаться нельзя, но, узнав автомобиль и водителя, успокоился и снова замахал — на сей раз приветственно.

— Капитан Форпатрил, сэр, — проговорил он,

пока Айвен Ксав помогал Тедж выйти из машины. — Для вас тут уже почти все готово.

Айвен кивнул:

— Благодарю вас, сержант.

Тедж стояла на тротуаре во влажном осеннем холоде и оглядывалась по сторонам.

— Значит, твой отец погиб здесь?

Айвен Ксав указал на мемориальную доску, в которой отражались янтарные блики уличных фонарей.

— Прямо здесь, как говорит маман. Его застрелили гвардейцы узурпатора, когда они с мамой пытались бежать.

— Постой, так она была там?! То есть здесь? В тот самый момент?

— А, ну да. — Он зевнул, сонно посмотрел в конец улицы и чуть оживился, увидев направлявшийся к ним знакомый глянцевый лимузин. Муниципальный гвардеец с заученной любезностью указал место для парковки и отсалютовал выходящим из машины пассажирам. Леди Форпатрил прибыла в сопровождении — или под эскортом — Саймона Иллиана. Процессию замыкал шофер Кристос — он нес в руках большой холщовый мешок, в котором что-то позвякивало.

Гвардейцы, отступив на почтительное рас-

стояние, встали «вольно». Кристос опустился на колени прямо на мостовую, вынул из мешка бронзовую треногу и чашу и установил их рядом с мемориальной доской. Встал, поклонился своей госпоже и отступил в сторону, присоединившись к гвардейцам; они обменялись приветствиями, о чем-то пошептались, и один из гвардейцев вышел на проезжую часть, чтобы направить в объезд увеличивающийся поток машин.

— Доброе утро, Айвен, — поздоровалась с сыном леди Элис. — С днем рождения, милый. — Она обняла его, и он неловко поцеловал ее в щеку, после чего с благодарностью кивнул Иллиану, эхом повторившему:

— С днем рождения, Айвен. Тебе ведь сегодня тридцать пять, верно?

— Да, сэр.

— Полжизни, по меркам Старой Земли — «трижды-двадцать-плюс-десять», а? Невероятно, что все мы прожили так долго. — Он покачал головой так, словно это его удивляло.

Айвен поморщился.

Насколько Тедж поняла из прочитанного, война Фордариана была чем-то вроде неудавшегося дворцового переворота и началась после восшествия на престол пятилетнего императора

Грегора под регентством Эйрела Форкосигана, когда граф Вейдл Фордариан попытался захватить власть при поддержке своих сторонников. Нанеся первый удар, они захватили столицу, армейский генштаб и штаб-квартиру СБ. В руках у мятежников оказалась мать юного императора, но сам мальчик от них ускользнул, и его укрывали где-то в сельской местности войска, собранные Форкосиганом. Этот промах оказался для Фордариана роковым.

Несколько месяцев велись незначительные сражения, не дававшие никому существенного перевеса. Каждая сторона отчаянно пыталась привлечь под свои знамена новых графов, военачальников и подданных. Капитан лорд Падма Форпатрил и его жена, леди Элис, родственники и союзники регента Форкосигана, во время переворота оказались в столице. Выбраться из города им не удалось, и они вынуждены были скрываться. О гибели Падмы сообщалось лишь в коротенькой сноске — ведь там не было даже небольшого сражения. Была ли та ночь такой же промозглой и туманной, как нынешняя?

Теперь, после того как Тедж уже была в одной комнате со взрослым сорокалетним Грегором и ела вместе с ним пирожные с кремом, эта история

казалась ей даже еще более сюрреалистической. Не говоря уже о…

Нынешняя леди Элис, сдержанная и властная, повернулась к Тедж и взяла ее за руки.

— Доброе утро, Тедж. Я рада, что вы приехали.

Тедж задумалась о том, сколь велика разница между «мужа застрелили» и «мужа застрелили у тебя на глазах». Она склонила голову, внезапно ощутив совершенно новую робость перед этой женщиной.

— Спасибо, — проговорила она, не зная, что тут еще можно сказать.

— Насколько я понимаю, для вас это будет первый поминальный ритуал такого рода?

— Да. Я о таких раньше даже не слышала.

— Тут нет абсолютно ничего сложного. Особенно на тридцать пятый раз. Иногда люди устраивают этот ритуал в годовщину смерти того, кто был им дорог, иногда — в день рождения, а порой и по другим поводам. Когда возникает потребность. Сохранить память живой или сказать прощальное слово, в зависимости от обстоятельств. — Ее губы тронула холодная улыбка. В янтарном свете уличных фонарей лицо ее казалось бесцветным, а мундир Айвена Ксава из зеленого сделался блекло-оливковым.

Леди Элис и Айвен Ксав опустились перед жаровней на колени. Леди Элис привычным движением потянулась к холщовому мешку, выудила оттуда полиэтиленовый пакет с душистой корой и деревянными щепками и высыпала все это в металлическую чашу. Затем вынула из своей дамской сумочки пакетик поменьше и вытряхнула на щепки спутанную прядь черных и серебристых волос. Айвен порылся у себя в кармане брюк и, откопав такой же пакет, добавил к жертвенным дарам срезанные черные кудри. Может, они это сохранили с последних стрижек? Айвен Ксав и леди Элис поднялись на ноги.

Леди Элис кивком указала на мемориальную доску.

— Это здесь моего мужа застрелили люди Фордариана. Из нейробластера — у бедного Падмы не было ни единого шанса. Я никогда не забуду тот запах… и горящих волос — тоже. Эта церемония каждый раз оживляет его в памяти. — Она поморщилась. — А меньше чем через час после этого родился Айвен.

— А где находился его маточный репликатор? — поинтересовалась Тедж.

Все трое разом повернулись к ней. Леди Элис скривилась в горькой усмешке.

— Здесь, милая моя, — ответила она, прикоснувшись к собственному животу.

Тедж застыла от ужаса.

— Вы хотите сказать, что Айвен Ксав был рожден естественно?

— В те дни все так рождались. Технология репликаторов тогда только-только добралась до Барраяра, широкое распространение она получила лишь в следующем поколении. — Леди Элис с яростью уставилась на сына: — Он родился на две недели позже срока. Девять фунтов!

Айвен Ксав занервничал.

— Я тут ни при чем, — тихонько пробормотал он. И, обернувшись к Тедж, так же тихо добавил: — Она это каждый год вспоминает.

Леди Элис продолжила, уже более спокойно:

— Друзья, которые нас спасли… меня спасли, почти в самый последний момент, они чуть ли не волоком утащили меня в заброшенный дом в районе старого Караван-сарая — в те времена это был очень грязный и очень опасный район — не слишком далеко отсюда. Сержант Ботари, упокой Господь его смятенную душу, выступил в роли акушерки, поскольку ни у кого другого, включая меня, никакого опыта в этих делах не было. Я была страшно напугана, а мне даже кричать бы-

ло нельзя, потому что люди Фордариана нас там повсюду искали. Ботари дал мне закусить тряпку… до сих пор, когда об этом думаю, вспоминаю ее омерзительный вкус. Тошнотворный. И мы как-то все это пережили, Боже мой, до сих пор не пойму как. Мы все были так молоды. Айвен уже старше, чем был тогда Падма. — Она с внезапным удивлением вгляделась в Тедж. — Мне было всего двадцать пять. Столько же, сколько сейчас вам, милая моя. Какое удивительное совпадение.

«Более чем удивительное и какое-то очень тревожное», — подумала Тедж. Но новая — точнее, вновь открытая — причина неожиданного сочувствия, которое эта стареющая женщина проявила к другой молодой беглянке, оплакивающей своих мертвых… Эта причина сделалась вдруг прозрачной как лед, или как хрусталь, или как осколки стекла, или что-то еще с острыми и опасными гранями. «Ой».

«Она знает. Она знает это все — и наверное, даже больше». Быть может, весь этот внешний глянец — непроницаемая твердая оболочка, которая нужна лишь затем, чтобы слишком многое скрыть?..

Саймон Иллиан нахмурился:

— А где в это время был я? Я должен был быть

здесь, чтобы помочь тебе…

Она ободряюще коснулась его руки.

— Ты тайно вывозил адмирала Канзиана, Эйрелу это дало огромное тактическое преимущество.

Иллиан просветлел.

— А, да, теперь вспоминаю. — И тут же помрачнел снова. — По крайней мере какие-то фрагменты.

— Любовь моя, можешь мне поверить, через тридцать пять лет все мы способны вспомнить лишь фрагменты. — Она снова повернулась к Тедж: — Вы молодая жена Айвена и, значит, тоже теперь к этому причастны — пусть даже временно. Не хотите положить в огонь прядку своих волос? Раз уж вы здесь.

Тедж снова — в который раз — почувствовала себя озадаченной. Похоже, в последнее время с ней это случается слишком часто.

— Я… а это можно? — «Это не будет кощунством?»

Все барраярцы разом закивали, словно говоря, что ничего недозволенного тут нет. Леди Элис достала из сумочки маленькие ножницы. «Она с самого начала на это рассчитывала или просто всегда их носит с собой?» Тедж склонила голову,

леди Элис срезала завиток ее волос и передала Айвену Ксаву, который добавил его к остальным дарам и поджег деревянные щепки.

Вспыхнули, потрескивая, быстрые язычки пламени. Никаких официальных слов, судя по всему, произносить не требовалось — все просто стояли вокруг жертвенника и молча глядели в огонь, отражавшийся у них в глазах крошечными сияющими бликами. Первые солнечные лучи уже коснулись верхних этажей видневшихся вдалеке высоких зданий, и они заиграли яркими красками, но здесь по-прежнему было промозгло, и в сером осеннем сумраке мерцал рыжим пятном жертвенный огонь.

Молчание нарушила леди Элис. Очень тихо, словно делясь сокровенной тайной, она проговорила:

— Мы с Падмой скрывались в одном дешевом пансионе, чуть дальше по улице. Вот там. — И указала на дом, почти весь скрытый ремонтными лесами. Сейчас запах горящих волос ощущался особенно остро. — Когда у меня начались схватки, Падма запаниковал. Я просила его не выходить, но он просто обезумел, лишь бы найти кого-нибудь, кого угодно, кто способен справиться с такой непосильной задачей — принять роды. По всей

планете женщины делали это каждый день с тех пор, как здесь приземлились Первопоселенцы. Причем большая часть работы лежала на мне, и я все равно никак не могла от этого увильнуть. А он ушел. Оставил меня одну, до смерти перепуганную, на долгие часы. Схватки становились все сильнее, я все ждала, когда он вернется, а его, конечно же, тут же схватили. А когда они с ним сюда пришли и нас обоих выволокли на улицу, он попытался дать отпор вооруженным мужчинам, совершенно одурманенный суперпентоталом. Но я всегда знала, и тогда, и потом, что его убила не храбрость — его убила трусость. О Боже правый, как же я на него за это злилась. Столько лет.

Иллиан тронул ее за плечо; Айвен Ксав предусмотрительно встал подальше.

— Это ведь Ку вывез тебя из города с малышом Айвеном, да? — спросил Иллиан, направляя ее мысли в более приятное русло.

— Да. Лейтенант Куделка — впоследствии коммодор, — пояснила она Тедж. — Ку удалось тайком вывезти нас из города в фургоне бакалейщика, в кузове — подумать только! Видите ли, его отец был бакалейщиком. Тряслись всю дорогу среди гнилых овощей — Айвен был страшно голоден, все время плакал и, конечно, не рад был

появиться на свет в такой холод, в самый разгар войны.

Язычки пламени почти погасли, серый пепел уносился прочь в воздушных потоках от проезжающих машин. Едкий дым развеялся.

— Это барраярская поминальная церемония, — сказала леди Элис, поворачиваясь к Тедж. — Я всегда собиралась, когда Айвен женится, передать проведение церемонии ему, чтобы он это продолжил — или не продолжил, как сам захочет. Потому что… воспоминания — это не все, с годами они слабеют. — Она протянула руку, сжала ладонь Иллиана, и тот, чуть вздрогнув, сжал в ответ ее ладонь и улыбнулся.

— Думаю, тридцать пять лет — достаточно долгий срок, — продолжила леди Элис. — Достаточно долгий, чтобы по-прежнему скорбеть, и слишком долгий, чтобы по-прежнему злиться. Мне пришло время отдохнуть от воспоминаний. От боли и горя, от гнева и верности, и от запаха горящих волос в тумане. Для Айвена, конечно, все по-другому. Его воспоминания об этом месте сильно отличаются от моих.

— Я ничего этого никогда не знал, — сказал Айвен Ксав, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Леди Элис пожала плечами:

— А я тебе никогда и не говорила. Сначала ты был слишком мал, чтобы это понять, потом — слишком молод, чтобы это понять, а потом… оба мы жили своей жизнью, и ритуал сделался привычной рутиной. Но в последнее время… в последние годы… я все больше думаю о том, чтобы от этого отказаться.

«Судя по всему, она готовилась к этому уже давно, — подумала Тедж. — За одну ночь столько не выстрадаешь». Она встревоженно посмотрела на Айвена Ксава, который запоздало скользнул поближе и обнял ее за талию.

— Для меня это просто было то, что мы делаем каждый год, — сказал Айвен Ксав. — Когда я был совсем маленьким, я, конечно, вообще этого не понимал. Мы приезжали сюда, жгли все эти волосы, стояли рядом несколько минут, а потом ты вела меня в пекарню Кераслава, потому что мы перед этим не завтракали. И для меня очень долго самым главным была пекарня.

— В прошлом году они закрылись, — равнодушно сообщила леди Элис.

— Неудивительно. Мне казалось, они к этому и шли.

— М-м… ну, и вкус у тебя тоже сейчас получше, чем в шестилетнем возрасте, — заметила она. И,

немного подумав, добавила: — К счастью.

Огонь догорел. По знаку леди Элис подошел Кристос с мешком, надел стеганую рукавицу, перевернул бронзовую чашу, вытряхнул из нее золу, протер тряпочкой и убрал на место, после чего, кряхтя, поднялся на ноги.

Леди Элис выдохнула с облегчением:

— Ну что ж. С этим все — по крайней мере до следующего года. Учитывая, что пекарня закрылась, разрушив традицию без всяких усилий с нашей стороны, не хотите ли вы поехать на завтрак ко мне?

Тедж поглядела на Айвена Ксава, тот кивнул.

— Конечно, хотим! — сказала она. — Благодарю вас, леди Элис.

Лимузин неспешно тронулся с места, и спортивный автомобильчик Айвена двинулся за ним вслед. Оглянувшись через плечо, Тедж увидела, как муниципальные гвардейцы снимают светящиеся барьеры и убирают их в машину, а на улочке восстанавливается обычное утреннее движение, все более и более плотное. Рассвет закончился, взошло солнце, и город проснулся, устремляясь навстречу новому дню. Не оборачиваясь назад и глядя в будущее.

Тридцать пять поминальных церемоний — не

слишком ли много? И все равно — недостаточно. А если они с Риш при помощи Айвена Ксава сожгут прядки своих волос в память папы, баронессы и Эрика — не станет ли им обеим чуть полегче, спросила себя Тедж. Или, может быть, к этому надо приобщаться с детства?

Она повернулась к Айвену Ксаву:

— Как же болезненно начинался каждый твой день рождения, когда ты был маленьким. Ну, то есть — большинство детей получают подарки, сласти, к ним приходят гости, а здесь, на Барраяре, их, может, еще и катают на пони — так было даже у нас и у Драгоценностей. Ну, кроме пони, конечно, — мы ведь жили на космической станции. Но ты понимаешь, о чем я.

— А, ну это все у меня тоже было, — сказал Айвен Ксав. — В тот же самый день, только позже. Несколько лет бывали довольно роскошные вечеринки, когда матери других детишек из круга моей маман соперничали одна с другой. Все это заглохло, когда мы, детишки, стали подростками и вовсю устремились вперед, во взрослую жизнь — бог весть зачем. — Он задумчиво сощурился. — Вообще-то мало кому хотелось бы задержаться в подростковом возрасте. — И после недолгой паузы добавил: — Когда в восемнадцать лет я

поступил в Имперскую военную академию, у меня было такое ощущение, что детство как-то внезапно закончилось. А впрочем, сейчас, глядя на новоиспеченных мичманов, которых нам присылают, я уже в этом не так уверен. Возможно, и для нас это было лишь иллюзией.

Он ненадолго сосредоточился на дороге, пару раз повернул, избежав столкновения со встречными машинами, и лишь затем продолжил:

— Хотя, конечно, это показало мне, какую цену платят Форпатрилы за вмешательство в политику. К восьми годам я это еще не очень-то понимал, но оно уже было на уровне подсознания. Я имею в виду — у других мальчиков были отцы, ну, то есть у большинства из них, даже у Майлза был дядя Эйрел, которого мы все боялись, а у меня — бронзовая мемориальная доска на мостовой, по которой ездят машины. Маман из-за этого то грустила, то раздражалась, то злилась — поочередно, но счастливой не была никогда.

— Она всегда была такой… э-э… — Тедж задумалась, как правильно описать леди Элис. «Так отчаянно искала спасения?» — когда вы совершали возжигание?

Он нахмурился.

— Нет. Она никогда раньше не рассказывала

мне все в таких жутких подробностях. Как-то это странно. Ну, то есть ведь она же сама установила эту проклятую мемориальную доску, не кто-нибудь. И у меня возникает вопрос: если это было не в радость ни ей, ни мне, ни моему отцу, каким бы он там ни был или должен был стать, и так — десятилетиями, зачем же тогда мы все это продолжали делать? Ей вовсе не обязательно было ждать, пока я женюсь, чтобы остановиться. И вообще она могла бы остановиться в любой момент.

— Что-то вроде преемственности поколений? — попробовала угадать Тедж.

— Думаю, что да.

Айвен Ксав въехал вслед за Кристосом в подземный гараж дома леди Элис — и никаких других объяснений так и не предложил.

Глава двенадцатая

В остальном тридцать пятый день рождения Айвена Ксава прошел спокойно. Вечером он пригласил Тедж и Риш на ужин в уютный ресторанчик, специализирующийся на барраярской региональной кухне, — тамошний персонал, как выяснилось, его хорошо знал.

Стоило им войти в зал, как взгляды всех присутствующих тут же обратились на Риш, послышались шепотки, но откровенных оскорблений не последовало.

— Мне казалось, они здесь не любят мутантов, — пробормотала Тедж.

— Байерли говорит, моя внешность настолько далека от того, что барраярцы привыкли считать мутацией, что это полностью ломает все их представления, — сказала Риш. — А впрочем, он просил меня, если буду без сопровождающих, держаться подальше от тех мест, где собираются простолюдины. Только он говорил не «простолюдины», а — как это по-барраярски…

— Босяки? — подсказал Айвен. — Плебс?

— Точно, босяки.

— Да, неплохой совет — пока ты тут не осво-

ишься получше.

К удивлению Тедж, их отвели за столик, сервированный на пятерых, где уже сидела одна пара. Солидный темноволосый мужчина, выглядевший лет на сорок с лишним, некрасивый, но с довольно неординарной внешностью — орлиный нос, проницательные мускатно-карие глаза — и белокурая женщина, помоложе и чуть повыше его. Когда они подошли, мужчина встал, а женщина приветливо улыбнулась. Риш ее явно заинтересовала, но не шокировала. Должно быть, это не то место, где собираются простолюдины.

— С днем рождения, Айвен, — проговорил мужчина, крепко пожав ему руку. — Поздравляю, что дожил до таких лет.

— А ведь и правда, — совершенно искренне улыбнулся Айвен Ксав, отвечая на рукопожатие. — Тедж, Риш, позвольте вам представить моего друга Дува Галени и его жену Делию.

Белокурая женщина приветливо помахала рукой; Галени, склонившись на форский манер к руке Тедж, пробормотал:

— Леди Форпатрил, — и пожал руку Риш: — Мадемуазель Риш.

После того как все расселись, изучили меню, выслушали рекомендации относительно беф-

строганова а-ля Форгарин и сделали заказ, Тедж поинтересовались:

— А как вы все друг с другом познакомились? — Галени определенно не был барраярским фором — в его речи Тедж различила едва заметный комаррианский акцент.

— С Делией я знаком всю жизнь, — объяснил Айвен Ксав. — Ее отец, коммодор Куделка, работал на моего дядю, это было давным-давно. Адъютант и секретарь.

Похоже, его работа мало чем отличалась от работы самого Айвена Ксава.

— Погоди, так это он — тот самый лейтенант, который тайно вывез из осажденного города новорожденного младенца — тебя — и твою маму?

— Да, это он и есть. У него, знаешь ли, еще три дочери. Где они все сейчас, Делия? По-моему, Тедж вполне могла бы познакомиться еще с несколькими барраярками.

— Марсия — в округе Форкосиганов вместе с Энрике, он работает над одним из проектов Марка. Карин — на Эскобаре с Марком — не знаю точно, когда они вернутся в следующий раз. А Оливия — вместе с Доно в округе Форратьеров. А тебе не кажется, что граф Доно тоже попадает в твою графу?

— Нет! — отрезал Айвен Ксав и после минутной заминки добавил: — И вообще, каламбур дурацкий.

Делия усмехнулась без тени раскаяния; Галени поднес руку к губам, скрывая улыбку.

Тедж повернулась к Галени:

— А вы с Айвеном Ксавом давно знакомы? — спросила она.

— Не так давно, как Делия, — легко ответил он. — Мы с Айвеном познакомились на Старой Земле. Я там был старшим военным атташе в барраярском посольстве, а Айвена — новоиспеченного лейтенанта — откомандировали в качестве одного из моих помощников. О… неужто это и правда было десять лет назад?

— Одиннадцать, — хмуро уточнил Айвен Ксав.

— Подумать только… — В углах глаз Галени залегли мелкие морщинки.

Когда принесли первое блюдо, Галени и Делия стали есть по очереди, пытаясь разговорить Тедж и Риш, чтобы те рассказали им о своих странствиях. Риш как раз перешла к описанию их жизни на Поле, когда Тедж вдруг охватило ощущение дежавю — ну конечно, Морозов! Она обернулась к Галени.

— Постойте-ка, — с подозрением в голосе про-

говорила она. — Вы что, тоже из СБ?

— Э-э… Да, но сегодня вечером я не на работе, честное слово, — заверил он.

— Дув уже пятый год возглавляет департамент СБ по делам Комарры, — гордо вставила его жена. — Он был одним из первых комарриан, которые поступили на службу в Имперскую безопасность, как только для них открылась такая возможность.

«Коммодор Галени», как выяснилось довольно скоро. И еще один старый выученик легендарного Иллиана. Но с Айвеном Ксавом они, похоже, и правда были настоящими друзьями, а вовсе не так, что один — наблюдатель, а другой — объект наблюдения. Ну, или не только наблюдатель — по мере того, как беседа охватывала все больше и больше самых разнообразных тем, у Тедж начинало складываться четкое впечатление, что оба они — и Дув, и Делия — ищут для себя ответ на невысказанный вопрос: «А достаточно ли она хороша для Нашего Айвена?»

Это… в какой-то мере это хорошо, что у Айвена Ксава такие друзья. У Тедж было множество тщательно отобранных друзей детства — теперь они уже взрослые — из детишек высокопоставленных служащих ее родителей, но все они теперь

разбежались кто куда. Или хуже того, продались новым хозяевам. Когда она попыталась составить список близких друзей — тех, кто мог бы спросить: «А достаточно ли он хорош для Нашей Тедж?», — все они оказались членами семьи, по крайней мере теми, кто еще жив — Гагат, Риш и, может быть, Амири. И тоже все разбежались. Она надеялась, что Гагат по-прежнему в безопасности вместе с Амири.

До нее с некоторым запозданием дошло, что отсутствие Байерли объясняется присутствием Галени; если бы Бая, городского шута, увидели ужинающим в ресторане в обществе одного из высокопоставленных чинов СБ, это подпортило бы ему легенду.

Когда после долгих лирических отступлений они добрались наконец до того момента, как Тедж познакомилась с Айвеном Ксавом и вышла за него замуж, она испугалась, что сейчас опять повторится история с кузеном и Грегором. И правда — Галени, весь красный, задыхаясь от сдавленного хохота, прикрыл рот салфеткой, а его жена ненадолго перестала хихикать и устремила на него встревоженный взгляд.

Наконец Галени выпрямился и отдышался.

— По сравнению с твоим предыдущим похище-

нием это, похоже, оказалось получше.

— Я тоже так подумал, — уныло согласился Айвен Ксав.

— А что за похищение? — поинтересовалась Тедж.

После недолгого колебания Галени пояснил:

— Одно из самых драматических происшествий за все мое — до той поры на удивление спокойное — пребывание на Земле. Айвен провел очень неприятные полдня. Его похитили… м-м… группа заговорщиков и спрятала в насосной камере приливного барьера.

— Полдня? — пробормотал Айвен Ксав. — По субъективному времени — год. Понимаешь, там было очень темно. И даже если бы у меня были часы, я бы все равно ничего не увидел. А еще там было холодно, мокро и тесно. И все это — под землей. Я постоянно прислушивался, когда включится этот чертов насос, который меня затопит приливной волной.

Когда Тедж все это себе образно представила, у нее перехватило горло.

— Какой кошмар.

— Ага, — сказал Айвен Ксав.

— Среди нескольких существенных причин, по которым я вскоре распрощался со своей карьерой,

эта была самая главная, — вздохнул Галени. — Получить под опеку лорда лейтенанта Форпатрила и потом его потерять… не лучший вариант для послужного списка, можете мне поверить.

— Но его же явно спасли, — заметила Риш. — Это были вы, коммодор?

— Тогда я был капитаном. Скажем так, с моей помощью. К счастью для моего послужного списка.

— Как у тебя сейчас с клаустрофобией, получше? — поинтересовалась у Айвена Ксава Делия. Скорее с любопытством, нежели с участием.

Айвен Ксав стиснул зубы.

— Никакой клаустрофобии у меня нет. Большое тебе спасибо, Делия. И вообще нет ничего иррационального в том, что… что касается меня.

— Но Майлз говорил…

— Просто у меня аллергия на совершенно незнакомых людей, которые норовят меня убить, вот и все. И у Майлза, между прочим, тоже, должен заметить.

Делия едва заметно улыбнулась:

— Не знаю, Айвен. По-моему, Майлза такое на самом деле просто пьянит.

— Пожалуй, ты права, — согласился Галени.

— Как ты думаешь, это потому, что ему нравит-

ся быть в центре внимания? — спросила Делия.

На это Айвен Ксав сам закашлялся в салфетку, но злился он недолго — они с Делией тут же принялись обмениваться ехидками относительно кузена, причем Галени — как заметила Тедж — даже не пытался их остановить.

Когда подошло время десерта, коммодор вытащил из кармана маленькую плоскую коробочку и с легкой долей смущения пододвинул ее к ним с Айвеном Ксавом. В коробочке Тедж разглядела диск с книгой. Айвен Ксав настороженно уставился на диск.

— Что это, Дув?

— Что-то вроде подарка на день рождения и на свадьбу. Ну, возможно, даже больше для леди Тедж, чем для тебя. Новая история Барраяра, начиная с периода Изоляции. Только-только вышла, на этой неделе, в издательстве Имперского университета. Я готовил ее несколько лет. Госпожа профессор Фортиц собирается со следующей осени вести по ней занятия в своей группе новейшей истории.

— А она длинная?

— Глав девяносто.

— И сколько из них написал ты?

Галени откашлялся:

— Порядка десятка.

— А я и не знала, что в СБ дают домашние задания, — тихонько проговорила Тедж.

Галени криво улыбнулся:

— В моем случае это скорее хобби. Но я действительно рад любой возможности поддержать себя в форме. У меня уже есть несколько занятных статей, и теперь я жду, пока выйдет срок секретности, чтобы их опубликовать.

— Должен вам пояснить, — заметил Айвен Ксав. — Когда Дув сказал, что бросил занятия, чтобы поступить в Имперскую военную академию — много лет назад, когда комарриан стали принимать в СБ, — он был не студентом, а преподавателем. Историком. По большей части он оставил науку в прошлом, но бывает, что иногда к ней возвращается. Эта штука, — Айвен Ксав осторожно коснулся пальцем коробочки, — написана очень научным языком?

— Я могу говорить только о моих главах, но Иллиан выбил из меня схоластическое многословие давным-давно, еще когда я писал для него свои первые аналитические отчеты, — сказал Галени. — Он научил меня азам эсбэшной четкости, краткости и ясности. Хотя он и правда говорил, что рад был читать доклады, в которых не прихо-

дится править орфографию и пунктуацию.

Айвен Ксав рассмеялся:

— Вот уж не сомневаюсь.

Тедж вполне хватило сообразительности, чтобы принять книжный диск с должной признательностью. Объяснять, что ей нет никакой необходимости изучать историю Барраяра, поскольку она при первой же возможности собирается слинять на Эскобар, было не время. На предложение Делии перезнакомить ее при случае со всеми своими сестрами Тедж ответила ни к чему не обязывающим «Спасибо».

Почти сразу после десерта чета Галени извинилась — дома их ждали двое детишек: один совсем еще младенец, а второй уже начинает понемножку ходить. Они показали свое отсутствующее потомство на голо-кубе, и Тедж сделала парочку подходящих случаю комплиментов. Когда Галени удалились, Айвен Ксав заметил:

— Бедняга, кончилась для него теперь ночная жизнь. — Но тут же сбил весь пафос, добавив: — Похоже, его это вполне устраивает.

«Братьев у Айвена Ксава нет, — подумала Тедж, — но у него хотя бы есть братья по оружию. Это больше, чем ничего».

* * *

Только перед самым сном, когда настала очередь Айвена Ксава идти в ванную, а Тедж и Риш застилали диван, Тедж удалось поймать момент и получить отчет по Байерли.

— И как? Прошлой ночью. Как оно было?

Риш взмахнула простыней и загадочно улыбнулась:

— Занятно.

Тедж вскинула голову:

— Так обычно говорят о каком-нибудь экзотическом блюде, которое не слишком-то удалось. Белая рыба с малиной.

— О, это сочетание удалось вполне. Восхитительно.

— Ну уж!

Риш прикоснулась к губам, то ли чтобы удержать слова, то ли, наоборот, чтобы вытянуть их из себя.

— Байерли… Я никогда еще не встречала человека, у которого губы и руки словно бы рассказывали две совершенно разные истории.

— Мне что, из тебя все вытрясать нужно?

Риш усмехнулась и взмахнула запястьем — совсем как Байерли.

— Губы шевелятся довольно забавно, но большая часть того, что с них срывается, — это маскировка, а все остальное — ложь, хотя, на мой взгляд, не совсем. Но руки…

— М-м?

— Руки необычайно застенчивы, пока — в какое-то мгновение — не становятся вдруг красноречивыми. Откровенными — до слез. В такие руки могла бы влюбиться любая — будь она такой же дурочкой, как моя младшая четная сестренка, но мне, к счастью, это не грозит.

Тедж швырнула в нее подушкой.

* * *

На следующий день — последний день отпуска Айвена Ксава — он повозил Тедж и Риш по окрестностям, чтобы показать несколько местных туристских достопримечательностей, включая музей военной истории в замке Форхартунг, самом огромном из древних замков над рекой, которые по ночам освещались разноцветными огнями. Во время этой вылазки он выяснил, почему Тедж и Риш ни разу не водили автомобиль: у них просто не было такой возможности.

— На планете, на вилле моих родителей, у нас были спортивные грави-сани, но старшие братья

и сестры обычно сами гоняли на них, а мне не давали, — объяснила Тедж. — А в густо населенных местах, городах и мегаполисах типа этого, — она жестом указала за окно, — даже папа ездил только на бронированном автомобиле с преданным шофером и телохранителями. Ну а за городом все дороги платные — их прокладывают разные Дома и получают с этого доход. Чтобы там ездить, нужно много денег.

— Ха, — сказал Айвен Ксав. — Держу пари, эту проблему я решить в состоянии.

Его решением проблемы оказались частные курсы вождения, специализировавшиеся на туристах-инопланетниках. На следующее утро, после того как Айвен Ксав отправился на работу в свой оперативный отдел, Тедж и Риш встретились возле дома с симпатичным инструктором.

— Вы абсолютно правы, что решили учиться вождению в нашем прекрасном Форбарр-Султане, — бодренько сообщил инструктор. — После этого вам будет не страшен ни один город на нашей планете.

Тедж ринулась навстречу опасностям; Риш сказала, что боится сенсорной перегрузки, и после короткого испытания, от которого она, фигурально говоря, позеленела, предпочла отказаться. Ну

а Тедж буквально через несколько часов — гораздо раньше, чем сама могла надеяться, — получила ученические права, позволявшие ей продолжить практику под наблюдением Айвена Ксава.

Она только раз заледенела от ужаса — во время самой первой вечерней вылазки, когда пыталась вывести задним ходом лимузин с подземного паркинга. Столбик заскрежетал очень мерзко…

— Не беспокойся, — жизнерадостно сказал Айвен Ксав. — Эти автомобили так напичканы всякими системами безопасности, что вряд ли ты сможешь убиться, даже если очень постараешься. Да у меня самого было с полдюжины аварий, когда я отделывался единственной царапиной. Ну, то есть это я отделывался царапиной. Машине, понятное дело, приходилось хуже. Если не считать одного-единственного раза, но тогда я был гораздо моложе, так что не будем углубляться. — И, помолчав с минуту, добавил: — А эта машина вообще прокатная.

Тедж, приободрившись, стиснула зубы и решила не сдаваться. Они вернулись час спустя, ничего не разбив и не поломав, а на лице Тедж сияла улыбка, которая, впрочем, тут же исчезла, когда она благополучно завела зверя обратно в стойло и наконец-то вырубила двигатель.

— Это оказалось совсем не так страшно, как я думала!

— Эгей, так тебе хочется острых ощущений? Самый лучший день из тех, что мне когда-либо довелось провести с дядей Эйрелом, у которого на меня никогда для не бывало времени… да, так вот, это было летом, я только-только получил права на вождение флайера и отправился вместе с Майлзом в их загородную усадьбу. Дядя Эйрел взял меня с собой — меня одного, ради разнообразия — в полет над безлюдными горами и стал обучать всем мыслимым и немыслимым приемам управления флайером. Он сказал, что это на случай, если мне когда-нибудь придется уходить от погони, но думаю, он просто проверял своих мальчиков из безопасности, которые летели с нами на заднем сиденье. Если бы ему удалось довести их до визгов, воплей и рвоты — он победил.

— Э-э… и они? И он?

— Не-а, они ему слишком сильно доверяли. А я вот довел парочку ветеранов до тихого визга. — И с неослабевающим энтузиазмом продолжил: — После того как освоишься с наземным транспортом, нам надо будет заняться пилотированием флайера. Тебе это пригодится для поездок

в самые глухие округа, где дороги обычно очень ухабистые. Жаль, что дядя Эйрел уже слишком стар, чтобы преподать тебе свой спецкурс для продвинутых, — он криво улыбнулся, — по-видимому. Так или иначе, он застрял на Зергияре в должности вице-короля и жалуется, что никакой он на самом деле не вице-король — так, название одно.

«Тот Самый дядя Эйрел», — мысленно перевела для себя Тедж. Это укладывалось в голове еще хуже, чем Тот Самый Грегор.

— А твоя мама одобряла такие… тренировки?

— Естественно. Ну конечно, никто из нас ей не рассказывал, что мы на самом деле вытворяли. Дядя Эйрел — кто угодно, но только не дурак.

Следующее открытие Айвена Ксава состояло в том, что ни Тедж, ни Риш, при всей их сенсорной выучке, практически не умеют готовить. Он заявил, что хоть и не маэстро в этой области, но способен выжить на кухне, и ради разнообразия — чтобы это доказать — приготовил домашний обед. Тогда-то ему и пришла в голову мысль отправить обеих на занятия к матушке Кости, которая как раз эту неделю была почти не занята и скучала, поскольку семейство Форкосиганов с большей частью слуг отправилось на Зергияр.

Матушка Кости с виду оказалась типичной простолюдинкой — низенькая, кряжистая, говор ее заметно отличался от форского, да и фразы она строила тоже как-то иначе. Внешность Риш в первый момент вызвала у нее явные подозрения. Все изменилось, когда Риш продемонстрировала свои блестящие способности различать тончайшие оттенки вкуса и запаха, и к тому же — в отличие от Тедж — не норовила вместо овощей нарезать свои пальцы. Матушка Кости довольно быстро признала ее способной ученицей. Риш же, в свою очередь, распознала такого же великого артиста, только в другой области.

Дни пролетали незаметно. Два вечера из трех Риш уходила с Байерли и частенько возвращалась лишь на следующее утро.

— Жилище Бая, — заметила она, — на удивление аскетично. Насколько я могу судить, он почти не занимается там делами. Для него это нечто вроде убежища.

Тедж вручила ей подушку, и она стала взбивать ее кулачками.

— Но все же не столь аскетично, как этот диван. Когда я наконец от него избавлюсь?

Айвен Ксав, проходивший мимо с зубной щеткой во рту, вынул ее и сказал:

— Держу пари, если попытаться, мы могли бы запросто снять для тебя в этом же доме отдельную квартирку. Возможно, придется подождать, пока что-нибудь освободится. А пока я мог бы записаться в очередь на другую, с двумя или тремя спальнями. Вызовем сервис по переезду и управимся за один день, без всяких проблем. Если только Байерли сам не заберет тебя к себе. — И Айвен Ксав помахал ручкой, словно демонстрируя, как они распрощаются с Риш.

Риш уселась на постели и недоуменно на него уставилась:

— Но мы же скоро уедем насовсем.

— А, ну да.

— Так когда мы уедем? — спросила она.

— Этим занимается СБ. Они пока не звонили.

— Но могут позвонить в любой момент.

— А… ну да…

— Так как насчет этой самой церемонии развода, которую вам надо пройти до нашего отъезда?

Тедж устроилась на мягком диванном подлокотнике.

— Айвен Ксав говорил, что это займет не больше десяти минут, — откликнулась она.

— Да, но сколько вам ради этих десяти минут придется стоять в очереди? Для этого ведь тоже

нужно ждать в очереди?

— И как вообще все происходит? — невольно заинтересовалась Тедж. — Расскажи поподробнее. — Он об этом еще ни разу не говорил. А впрочем, она и сама не спрашивала — не до того было.

— Хм… — пробормотал Айвен Ксав, засовывая щетку в нагрудный карман и опускаясь на стул. — Что от нас требуется — это прилететь в округ Форпатрилов в тот день, когда Фалько лично проводит Суд графа. Когда он живет в округе, то делает это не реже раза в неделю, а то и чаще — если есть время. Это избавит нас от лишних объяснений. Мы входим, говорим: «Фалько, пожалуйста, дайте нам развод», — он говорит: «Хорошо, вы разведены. Готово!» — ударяет судейским копьем об пол, и мы свободны.

— А разве вам не нужны адвокаты и все такое? — спросила Риш.

— Не думаю. Ты же не предъявляешь мне иск на материальную поддержку, верно? — обернулся он к Тедж.

Она покачала головой:

— Нет, только на перелет к Эскобару, а это нам все равно предоставит Грегор.

— Если граф Фалько проводит заседания раз

в неделю для всего округа, то сколько вообще народу проживает в округе? — поинтересовалась Риш.

— Понятия не имею. Несколько миллионов, наверное.

— И как же один человек исполняет должность судьи для миллионов людей? — удивилась Риш.

— Ну, он, конечно же, не один. У него имеется целый отдел Окружного суда со всевозможными территориальными подразделениями в крупных и мелких городах, заканчивая деревенскими старостами. Его суд — это политический символ, а кроме того, он должен знать, что на самом деле думают его подданные. Так поступает большинство графов, даже дядя Эйрел, когда бывает у себя в округе. Что, впрочем, случается не слишком часто.

— А не лучше ли тебе уточнить его расписание? — раздраженно заметила Риш. — На случай, если СБ позвонит насчет нашего перелета, к примеру, завтра утром?

— М-м. Да, пожалуй… — пробурчал Айвен Ксав и с неохотой направился к комм-пульту.

Отсутствовал он довольно долго. А когда вернулся, вид у него был растерянный.

— Оказывается, у графа Фалько уже полностью

расписаны все судебные заседания на несколько месяцев вперед. Если курьер на Эскобар подвернется раньше, мне придется воспользоваться личными связями. При необходимости я так и сделаю, но мне бы хотелось по возможности этого избежать: если я попрошу Фалько об одолжении, он рано или поздно потребует вернуть долг. С гаденькой такой ухмылочкой. Но я записал нас в лист ожидания — говорят, что иногда в самую последнюю минуту кто-то из записавшихся отказывается, и тогда освобождается место. — Он вздохнул. — В любом случае когда бы мы ни оформили развод, вы будете под защитой до тех самых пор, пока не окажетесь в безопасности на Эскобаре.

Риш кивнула. Тедж почувствовала себя… как-то странно.

Теоретически они собирались на Эскобар, чтобы начать новую жизнь под новыми именами. Леди Форпатрил — это, конечно, новое имя, и она пользовалась безопасностью, которая основывалась отнюдь не на неприметности… «Нет. Надо следовать плану». Без плана у них вообще не было бы никакой поддержки; это — последний спасательный трос, который бросили ей родители перед тем, как погибнуть вместе со своим

Домом.

* * *

Беспокоясь, что Тедж немного тоскует по дому, Айвен купил по пути с работы самый последний выпуск «Великого дома», рассчитанный на шестерых игроков. Если у него и оставались сомнения, что Байерли встречается с Риш не только ради удовольствия, но и по службе, то они полностью развеялись, когда Бай с явной готовностью посвятил несколько вечеров подряд детской игре — пусть даже динамичной, сложной и как-то странно захватывающей. Бай так наловчился играть, что уже довольно скоро смог запросто соперничать с настоящими джексонианцами, каждый раз оставляя Айвена далеко позади.

Зато Айвен обнаружил другой способ выиграть в «Великом доме» — тот самый, о котором говорил Морозов. В процессе игры все расслаблялись и начинали по ассоциации вспоминать всякие забавные эпизоды. Так Айвен узнал много нового о детстве и юности Тедж — дочери барона джексонианского Великого дома, любимицы своего сильного и могущественного отца. Айвен в ответ рассказал несколько историй из своих школьных лет. Один только Байерли ничего о

себе не рассказывал, но Айвен не сомневался, что он впитывает каждое слово. В середине очередного раунда Айвен наконец понял истинные взаимоотношения последней баронессы, ее детей и Драгоценностей.

— Четная сестра и нечетная сестра? — переспросила Тедж. — Мы так называем друг дружку потому, что мы не полностью родные братья и сестры. Для создания Драгоценностей баронесса в качестве основы использовала немалую часть своего генома. А папин она не использовала, только Y-хромосому для Оникса. В каком-то смысле Рубин можно назвать первым экспериментальным образцом, поэтому она считается среди Драгоценностей номером первым. Следующим первым номером стал Эрик, потом Топаз, за ней — Звезда, дальше Жемчуг, а потом Гуля, Изумруд, Амири, Риш и, наконец, я, а сразу за мной — Гагат. Четные и нечетные, так? Это стало своего рода семейной шуткой. — Она печально вздохнула. — А теперь всех нас разбросало в разные стороны. А Эрик… и о Топаз мы так ничего и не узнали. Может, оно и лучше — не знать, жива ли она или нет. Но это… это плохо.

Айвен, удивленно раскрыв рот, уставился на Риш. То, что он испытывал в этот момент, можно

было бы назвать чувством оскорбленного достоинства.

— Так, значит, ты моя невестка? — ошарашенно проговорил он и после недолгого молчания добавил: — Это явно многое объясняет…

Байерли, не удержавшись, расхохотался в голос, как последняя деревенщина.

* * *

— Ты могла бы еще чему-нибудь поучиться, — сказал Айвен Ксав неделю спустя, когда Тедж триумфально — ну, во всяком случае, без потерь — завершила свои уроки вождения и получила права, предоставившие ей полную свободу перемещения по городу, если только ей удастся, во-первых, взять напрокат машину, и, во-вторых, втиснуться в плотный поток транспорта. В некоторых округах уже начали появляться системы туннелей для аэрокаров, но строительство шло очень медленно, потому что постоянно возникали какие-то проблемы. Тедж порой казалось, что вся эта планета находится в процессе модернизации.

— В городе имеется три главных университета, больше десятка колледжей и бог весть сколько технических школ, — продолжил Айвен Ксав. —

И у них есть курсы вообще всего. Ну, может, конечно, практической секс-терапии пока и нет, но, если судить по брюзжанию консерваторов, она уже вот-вот появится. Ты все быстро схватываешь. Можешь выбрать то, что тебе по душе.

Тедж задумалась над этим предложением — и соблазнительным, и смущающим одновременно.

— Раньше у меня всегда были наставники. Сама я никогда ничего не выбирала, как… как из меню.

— А еще это позволило бы тебе завести много новых знакомых, — продолжал Айвен Ксав. — Если задуматься, мне действительно стоило бы тебя представить не одним только барышням Куделкам. У всех моих знакомых женщин есть подруги, иногда даже слишком много. — Он помолчал, погрузившись в размышления. — Таня Форбреттен сейчас по уши увязла в младенцах — ничуть не лучше, чем Катриона и Делия. Татти Форсмит? С ней всегда весело, хоть у нее и очень странные вкусы в отношении мужчин. Не уверен, что маман может предложить кого-то из молодого поколения. Она обычно всегда была знакома со множеством фор-девиц, дочерей ее близких подруг, но они, видишь ли, кажется, почти все

повыходили замуж и поразъехались кто куда.

Он замолчал, перебирая в уме имена знакомых, и тут раздался звонок. Айвен Ксав направился к комм-пульту. Вернулся он какой-то подавленный.

— Плохие новости? — спросила Тедж с дивана, откладывая в сторону свой считыватель.

— Нет, на самом деле — нет. Звонили из секретариата Окружного суда Форпатрилов. Сказали, что у них отменилось одно слушание, назначенное на первый день следующей недели, и спросили, не хотел бы я воспользоваться «окном»? Я, м-м… сказал, что да. Потому что, видишь ли, одному Богу известно, когда выпадет другой такой случай.

— О, превосходно, — заявила Риш, которая как раз в этот момент вошла с кухни, держа в руках кружку свежезаваренного чая. — Одной проблемой меньше.

— О, — глухим эхо откликнулась Тедж. — Да. Отлично.

* * *

«Это словно какой-то странный медовый месяц наоборот», — подумал Айвен. Взяв у себя в оперативном отделе один день отгула, он получил три дня выходных — грех этим не воспользоваться.

Айвен решил показать Тедж другой Барраяр — тот, что лежит за пределами шумной и суетливой столицы. Риш, выяснив, что ее свидетельские показания на суде не потребуются, предпочла остаться под вольным присмотром Байерли — что означает «вольный» присмотр, Айвен спрашивать не стал: дареному коню… ну и все такое. Ему это давало прекрасную возможность ускользнуть вместе Тедж — наконец-то побыть с ней вдвоем, и чтоб больше никого.

В северо-восточном прибрежном округе, которым традиционно правили графы Форпатрилы, сейчас был отнюдь не туристский сезон. Пока флайер летел вдоль береговой линии, сражаясь с холодным морским ветром, Айвен объяснял Тедж:

— Люди приезжают сюда летом с юга, спасаясь от жары. А потом, зимой, возвращаются обратно — к теплу. Если будет время, я, наверное, мог бы свозить тебя посмотреть еще и южное побережье.

Время. Времени катастрофически не хватало. Да, этот брак и заключался как временный. Но не мгновенный же, черт подери!

Он выбрал более длинный маршрут над сельской местностью, чтобы дать Тедж хотя бы самое

общее представление. Ранний снег, выпавший в нескольких местах, подальше от моря, оказался для нее не в новинку, поскольку на Архипелаге Джексона всюду, кроме экватора, царил умеренный климат, а полярные области были обширны и бесплодны. Снег благополучно скрыл под собой последние участки мертвой земли, оставшиеся после Оккупации.

Чуть ближе к побережью, за летним курортным городом Бонсанклар — Доброй Святой Клары на одном из древних языков — располагалась уютная маленькая гостиничка, специально для форов, от которой у Айвена еще с юных лет остались самые теплые воспоминания. Она стояла на месте, быть может, чуть более обветшавшая, но по-прежнему такая же уютная.

Айвен с Тедж еще успели до темноты прогуляться по галечному пляжу. На следующий день зарядил дождь, но в номере у них имелся камин, доставка еды работала исправно, и никаких причин выходить куда-либо не было. Вообще никаких.

А еще на следующее утро — слишком скоро — они снова сели во флайер и направились вдоль реки к Новому Эвиасу — столице округа Форпатрилов.

— Не могу понять, как мне к нему обращаться, — сказала Тедж, с тревогой всматриваясь вперед сквозь прозрачный колпак флайера. — «Граф Форпатрил» или «граф Фалько»? И если лорд Форпатрил — это титул только его наследника, тогда почему ты тоже лорд Форпатрил?

— Ладно, попытаюсь объяснить. Еще раз, — кивнул Айвен. — Есть графы и их наследники, политические наследники. Граф Фор-такой-то, лорд Фор-такой-то, лорд плюс имя — пусть будет лорд Имярек — это первородный младенец мужеского пола: например Эйрел, Майлз и Саша, так?

— Это я поняла.

— Все остальные родные братья и сестры лорда Имярека — например близняшка Саши леди Хелен, тоже получают перед именем титул лорда или леди, но это «титул учтивости». И не важно, пускают они слюни или нет. Но эти титулы в следующих поколениях не наследуются. Вот, например, Бай — его дед был графом, а отец — младшим сыном, и поэтому лордом Имяреком, а Байерли уже просто Форратьер, приставка «Фор-» — уже сама, по сути, почетный титул. Поэтому, если бы ты его кому-то представляла, то ни в коем случае не должна была бы говорить «мистер Форратьер» или «мсье Форратьер» — просто

«Форратьер», и все. Хотя его жена, если бы у него таковая имелась, была бы «мадам Форратьер», а его сестра, пока не вышла замуж, была бы «мадемуазель Форратьер».

— Понятно, — с сомнением в голосе проговорила Тедж.

— Далее — чтобы вконец запутать туристов — у нас есть еще целая группа лордов Фор-таких-то типа меня, у которых имеется постоянный наследственный титул, даже при том, что мы не наследуем никаких округов. Моему деду, который был всего лишь младшим внуком тогдашнего графа Форпатрила и потому не удостоился даже обращения «лорд Имярек», даровали титул, когда он женился на принцессе Соне — полагаю, это было что-то вроде награды.

— О, — слабо выдохнула Тедж и тут же отважно продолжила: — Но…

— Это — официальные титулы. Теперь мы переходим к неформальному общению. Фалько или Эйрел будут просто Фалько или Эйрелом для своих друзей и близких, жен и прочих родственников. Но я никогда их так не назову; для меня они будут «граф Фалько» или «граф Эйрел», или же «дядя Эйрел». Неофициально, но и не так фамильярно, понимаешь? И к тому же весьма

полезно в общении: если имеется несколько человек с одной и той же фамилией, сразу ясно, о ком идет речь. Мою матушку почти все называют «леди Элис», потому что в столице есть еще одна леди Форпатрил, невестка Фалько, и еще его жена графиня. Ну а теперь еще и ты.

— Но… я же не являюсь близкой знакомой твоих близких знакомых, а значит, не могу просто повторять все за тобой, нет?

— А ты поступай проще, — посоветовал Айвен. — Обращайся к нему «граф Форпатрил» или «сэр», если только он сам не скажет тебе обращаться иначе. В любом случае, пока мы будем в зале суда, называй его графом, потому что там все очень официально, понимаешь? — И, немного помолчав, добавил: — Сам я именно так и буду к нему обращаться.

Вдали уже показались предместья Нового Эвиаса, и Айвен вынужден был передать управление флайером муниципальному транспортному компьютеру. Новый Эвиас был раз в десять меньше Форбарр-Султана, но — возможно, как раз по этой причине — выглядел более современным. Как бы то ни было, система управления ловко посадила флайер в один из немногих пустых кругов, нарисованных на парковке рядом с офисами

Окружного суда. Промахнувшись всего сантиметров на двадцать. Или на тридцать. Айвен потер подбородок, удостоверился, что Тедж при жесткой посадке не прикусила себе язык, и помог ей выйти.

Граф Фалько Форпатрил вершил суд, как и его отсталые предки, в одном из немногих зданий, сохранившихся в центре города со времен Изоляции. А запах пыли, пропитавшей здание суда, казался вечным. Тедж погрузилась в молчание и, задрав голову, разглядывала потемневшую от времени деревянную резьбу и каменные архитектурные украшения.

— Тут и впрямь чувствуешь, что ты на Барраяре, — сказала она.

Айвену понравилось, что барраярская старина произвела впечатление на Тедж.

В коридоре на втором этаже они ненароком наткнулись на графа собственной персоной — наверное, он возвращался с обеда.

— Айвен, мой мальчик! — приветствовал их Фалько.

Граф ничуть не изменился — таким Айвен его и помнил: благородная седина, все еще крепок и жовиален — этакий хитрюга Дед Мороз, что-то замышляющий. Фалько всегда считал, что в по-

литике главное выживание. По естественным склонностям — консерватор, но стал центристом по расчету. На нем был темно-синий с золотом официальный мундир дома Форпатрилов, идеально соответствующий его формам, как и сам граф соответствовал политическому рельефу. Секретарь с электронным архивом суда, на котором был вытеснен герб Форпатрилов, раболепно семенил вслед за графом. Подойдя к ним поближе, Фалько с нескрываемым восхищением оглядел Тедж.

— Сэр, — Айвен встал по стойке «смирно», — позвольте представить вам мою жену, леди Тедж.

— Да ну конечно, позволяю. — Граф Фалько пожал Тедж руку, оборвав ее слабую попытку сделать реверанс. — Наслышан о вас, юная леди.

— Приятно познакомиться с вами, граф Форпатрил, сэр, — сказала Тедж. («Лучше перебор, на всякий случай», — догадался Айвен.)

— Вы с маман говорили, сэр? — рискнул он поинтересоваться.

— М-да, весьма занимательная беседа.

— Вот и чудненько, сэкономит массу времени! — Айвен сжал руку Тедж: — Я же говорил, что все будет прекрасно?

Тедж благодарно улыбнулась и пожала ему руку в ответ, придвинувшись ближе. Айвен обнял ее за талию.

Фалько благосклонно улыбнулся.

— Графиня Форпатрил была весьма заинтригована твоим внезапным браком, — сообщил он, фамильярно ткнув Айвена пальцем в грудь. — Она хотела бы услышать рассказ из твоих уст. Кстати, мы оба в конце недели будем в столице, ты сможешь застать ее в особняке Форпатрилов в обычное время. Ты задолжал нам визит вежливости, глава клана и все такое.

— Это только временный брак, сэр, надеюсь, маман это упоминала? Он спас Тедж от возникших э-э… юридических осложнений на Комарре. Это отлично сработало, проблем у нее больше нет… Теперь нам бы только избавить ее от меня, и она будет, хм… свободна.

Секретарь постучал пальцем по наручному комму, вежливо напоминая, что время вышло, и граф Фалько кивнул ему, давая понять, что уже идет:

— Да, да, знаю. Что ж, удачи вам обоим…

Фалько направился по коридору к задней двери, ведущей в его судейский кабинет. Айвен повел Тедж в другую сторону по коридору — ту-

да, где ждали посетители, пока их вызовут. Там очередной клерк записал их имена и вышел, оставив ждать.

Тедж кружила по комнате, с интересом разглядывая деревянную резьбу и другие предметы декора, по большей части исторические артефакты и гравюры на стенах, потом задержалась перед большим настенным проектором, демонстрировавшим слайд-шоу видов Нового Эвиаса и сельские сценки округа со времен Изоляции.

Айвен поначалу не проявлял нетерпения и сидел смирно, но тоже не выдержал и принялся расхаживать по комнате, разглядывая резьбу, или, во всяком случае, делал вид, будто разглядывает.

— Меня радует, что они не стали разрушать эти древние стены, и так уже почти все такие здания пошли под снос. Как-то здесь ощущаешь, что мы, барраярцы, не выкидываем наше прошлое на свалку, а то в наше время мы уже становимся такими же, как инопланетники.

Легкая улыбка коснулась губ Тедж — чуть ли не первая улыбка за последние часы.

— А вы, барраярцы, считаете, что именно это с вами и происходит?

Айвен был озадачен и сразу не сообразил, что

на это ответить. Тут как раз вернулся клерк и сказал:

— Капитан и леди Форпатрил? Вы следующие.

Клерк отвел их по коридору в кабинет судьи для слушания дел. В дверях они посторонились, пропуская выходящую группу, нет, две группы людей: одни выглядели ликующими, другие — подавленными и недовольными. Обшитая деревянными панелями комната оказалась неожиданно небольшой, и, к облегчению Айвена, в ней почти никого не было. За столом на возвышении сидели только Фалько и его клерк. Из мебели — лишь привинченные к полу пустующие скамьи без спинки и два стола, — за одним адвокат складывала пожелтевшие бумажные документы, похоже, времен Изоляции, а также свой электронный сборник прецедентов. У двери стоял немолодой судебный пристав в форме Форпатрилов. Клерк передал приставу Айвена с Тедж и вышел, должно быть, разбираться с теми, кому еще предстояло ждать. Пристав указал им на пустующие столы.

— Хм, отдельный стол для каждого из вас, — с сомнением протянул он, — вместе с вашими достопочтенными поверенными.

— Я уже через минуту ухожу, — сообщила ад-

вокат.

— Мы без поверенного, — сказал Айвен. — Он нам не нужен.

— И мы лучше сядем вместе, — добавила Тедж.

Айвен кивнул, и они оба устроились за свободным столом. Айвен как бы ненароком опустил руку между их неудобными деревянными стульями, и рука Тедж скользнула в его ладонь. Ее пальцы были холодными, точно от них отхлынула вся кровь, в обычном состоянии руки у нее никогда не были такими холодными.

Граф Фалько вполголоса проконсультировался с клерком, ведущим записи, поднял голову и подал знак приставу. Тот официально объявил:

— Следующее дело — капитан лорд Айвен Ксав Форпатрил против леди… — пристав запнулся и поглядел на бланк у себя в руке, шевеля губами. Он вытаращил глаза от удивления и наконец выговорил: — …своей жены, леди Форпатрил.

Адвокат, вместо того чтобы выйти, как собиралась, села на одну из задних скамей и тянула шею, пытаясь справиться с разыгравшимся любопытством. Айвен решил не обращать на нее внимания.

Клерк подался вперед, ухватил прислоненную к краю стола древнюю пику с сине-золотым вым-

пелом на конце, громко ударил тупым концом по деревянному помосту и произнес с выражением:

— Ваш граф слушает. Истцы, подойдите.

Тедж в панике посмотрела на Айвена; граф Фалько подался вперед, жестом приглашая их встать, подойти поближе. И вдобавок благожелательно ткнул пальцем, показывая, где именно им встать.

Тедж и Айвен стояли пред графскими очами, переминаясь с ноги на ногу и крепко держась за руки.

Клерк справился с записями в своем считывателе.

— Ходатайство о расторжении брака номер шесть-пять-пять-семь-восемь, принесение обетов состоялось… — он назвал дату той заварушки в Айвеновой съемной квартире, — в куполе Солстис, Комарра.

Айвен не знал, что и думать, — то ли: «Эй, погодите-ка, это что, было всего лишь месяц назад?», то ли: «Как? Неужели уже прошел целый месяц?». Месяц, который не был похож ни на один другой.

— Итак… — Фалько сплел пальцы и устремил на них со своего возвышения задумчивый взгляд. Айвену как-то не слишком понравилось, как граф

на них смотрит с этим своим особым «фальковским» выражением… Ему стало как-то неловко, и он придвинулся поближе к Тедж.

Граф откинулся на спинку кресла.

— Итак, капитан Форпатрил, леди Форпатрил. На каком основании вы просите суд освободить вас от принесенных вами устных обетов?

Айвен растерялся.

— Основании, сэр? — рискнул он переспросить, чтобы внести хоть какую-то ясность.

— Какова или каковы причины вашего иска друг против друга?

— С самого начала подразумевалось, что это временное соглашение.

— И тем не менее вы принесли постоянные обеты.

— Э-э, да, сэр?

— Может, вы помните, что тогда сказали?

— Н-ну да, вроде бы…

— Будьте добры, повторите это перед судом.

Айвен повторил — запинаясь меньше, чем в первый раз, и опустив «в здравом уме и трезвой памяти» из опасения, что дама-адвокат будет над ним смеяться.

Фалько повернулся к Тедж:

— Вы помните именно эти слова, леди Фор-

патрил?

— Да, сэр, граф Форпатрил. — Она глянула на Айвена и решилась задать вопрос: — А каковы обычные основания для развода на Барраяре, граф Форпатрил, сэр?

Фалько положил руки на стол и осиял их широкой улыбкой:

— Что ж, давайте просто пробежимся по списку. Кто-либо из вас в момент совершения брака был носителем скрытой мутации?

У Тедж промелькнуло нечто очень похожее на высокомерие аут-леди, когда она отчетливо произнесла:

— Генсканирование перед помещением в репликатор не обнаружило ни одного из более пяти тысяч возможных дефектов.

— М-м, несомненно. И прецедент с наличием цетагандийских генов на Барраяре недавно рассматривался, так что это тоже не пройдет. К тому же, я полагаю, Айвен знал о вашем происхождении?

— Да, сэр, граф Форпатрил, сэр.

— А ты, Айвен? — Фалько, видимо, счел, что и до него дошла очередь.

— А-а? — Айвен не сразу среагировал на вопрос. — О, ну вы же знаете, со мной все в порядке,

сэр!

— Как мы и надеялись, — пробурчал Фалько. — Так, значит, этот вопрос снимается. Следующий вопрос — супружеская измена. Кто-нибудь из вас обвиняет другого в супружеской измене?

— Вряд ли у нас на это хватило бы времени, сэр! — оскорбленно произнес Айвен.

— Чего только не наслушаешься в моем судейском кресле, бывают такие истории, что только изумляешься. Леди Тедж?

— Нет, граф Форпатрил, сэр.

Фалько немного помолчал:

— Хм… или сознается в супружеской измене?

Оба покачали головами. Тедж эта чушь уже порядком надоела. «Ну сколько можно!» — шепнула она Айвену.

— Так, посмотрим, что там у нас дальше. Уход из семьи — очевидно, нет. Невыполнение обязательств по обеспечению?

— Прошу прощения, сэр? — не поняла Тедж.

— Ваш супруг обеспечивает вас соответствующей едой, одеждой, жилищем, медицинским обслуживанием?

— О… да, сэр! В избытке. Кухня в Форбарр-Султане просто изумительна! Я прибавила килограмм за то время, что здесь живу. Стилист

леди Форпатрил помогла мне подобрать нужную одежду, квартира у Айвена Ксава очень милая, а медицинские проблемы… хм-м… не возникали.

— Мы бы покрыли все издержки, — заверил ее Айвен. — Чем бы это ни было… не дай бог, конечно!

— И вы сами, как я вижу, тоже выглядите вполне здоровым, капитан Форпатрил… хм-м, хм-м. Что еще мы имеем… — Фалько вдумчиво сверился с какими-то записями. «Интересно, он устраивает такой спектакль с каждым прошением о разводе, или мы особенные?» — подумал Айвен, начиная терять терпение.

— Насилие — физическое, психологическое, эмоциональное?

— Сэр? — Тедж совсем растерялась.

— Ваш муж вас бьет?

— Нет!

— Вы его бьете?

— Нет! Бога ради, сэр! — взмолился Айвен.

— Он вас оскорбляет?

— Конечно, нет! — ответили они хором.

— Ограничивает ли Айвен ваши передвижения, ваше право выбора, возможность видеться с родственниками или друзьями?

— Он помог мне получить права на вождение

машины, вариантов выбора у меня столько, что я не знаю, что с ними делать, а что касается моей семьи, — Тедж прикусила губу, — то это невозможно по другим причинам, сэр…

— Ах, да, — сказал Фалько. — Простите старому барраярцу бестактность.

— Сэр… — Тедж неуверенно кивнула, тронутая его извинением. — Есть еще Риш. Она как раз то, что у меня, похоже, осталось от моей семьи. Она живет с нами.

— Значит, плохое обращение тоже отбрасываем. Как насчет отказа в супружеских правах?

— Сэр? Что это значит на барраярском?

Фалько улыбнулся.

— Когда вы в последний раз занимались сексом? — пояснил он.

— А! Сегодня утром, сэр. — Тедж задумалась и прибавила: — Это было отлично.

Сзади донеслось хихиканье. Айвен даже головы не повернул.

— Мои поздравления, Айвен, — пробормотал Фалько.

«Ах ты, поганец, ну и чего ты нас мурыжишь?» — подумал Айвен, но озвучить не осмелился.

— И здесь тоже ничего, — сказал Фалько. — Хм-м, хм-м… Отказ заводить ребенка?

Тедж казалась обескураженной:

— Мы никогда этого не обсуждали.

— Это только временный брак, сэр, — вставил Айвен. — А дети, э-э, вещь довольно постоянная.

— Как все мы надеемся и молимся, — заметил Фалько.

Тедж накручивала на палец прядь волос, что-то обдумывая.

— Хотя, полагаю, что, если Айвен Ксав захочет в дар яйцеклетку, можно будет что-нибудь устроить. Моя мать продавала яйцеклетки, когда они с моим отцом только поженились. Чтобы заложить венчурный капитал.

Айвен не сомневался, что при этих словах все барраярцы в зале суда моргнули — даже те, что у него за спиной. Он не станет оборачиваться.

Фалько быстро пришел в себя и продолжил:

— Значит, это тоже не подходит. Боюсь, капитан, леди Форпатрил, мы исчерпали мои юридические познания. Кто из вас может предложить что-либо еще?

— Но, — озадаченно проговорила Тедж, — это же была сделка!

— Ага, вот оно, сэр! — воскликнул Айвен. — Нарушение обещания. Это же незаконно, разве нет?

Фалько не стал скрывать удивления:

— Нарушение обещания, Айвен, это когда отказываются жениться, а не развестись. К тому же истец должен доказать, что отказ нанес ему ощутимый вред.

Он оглядел обоих и покачал головой.

Клерк передал Фалько какую-то записку. Тот прищурился, прочел и кивнул:

— Кто-либо из вас предъявляет к другому какие-либо финансовые претензии?

— Нет, — ответили Тедж и Айвен хором.

— Какой интересный случай, однако. Я бы даже сказал — уникальный.

Фалько откинулся на спинку кресла, вздохнул и наконец-то перестал барабанить пальцами по столу. Он набрал воздуху в грудь и объявил:

— Графский суд постановил, что ответчики, лорд Айвен Ксав Форпатрил и леди Акути Теджасвини Джиоти гем Эстиф Аркуа Форпатрил, не имеют оснований для расторжения свободно данных ими брачных обетов. Ваше прошение отклонено. Дело закрыто.

Клерк протянул руку и дважды гулко ударил пикой.

Тедж просто обомлела и даже не пробовала ничего сказать. У Айвена перехватило дыхание,

и он умоляюще пролепетал:

— Но, но… вы не можете этого сделать, сэр!

— Конечно, могу, — невозмутимо сказал Фалько. — За этим-то я и прихожу сюда на заседания, если ты этого еще не понял, Айвен. Сижу, выслушиваю людей, формулирую и выношу вердикт.

Он расплылся в широчайшей улыбке.

— Я, знаете ли, давненько этим занимаюсь, — доверительно сообщил он Тедж. — Иногда мне кажется, что я уже все на свете слышал, но порой случаются сюрпризы. Люди так бесконечно разнообразны.

— Но разве вы не сказали, что уже разговаривали с маман? — Айвен был просто в отчаянии.

— О, да. И долго.

Фалько подался вперед в последний раз, его взгляд похолодел, и на мгновение Айвен четко осознал, что стоит не просто перед старшим родственником, но перед одним из графов Барраяра.

— Вот кое-что, к чему ваша матушка не имеет отношения. Больше никогда не пытайтесь легкомысленно играть священными обетами, находясь в моей юрисдикции, капитан и леди Форпатрил. Если в будущем у вас появятся основания для прошения, можете подать его мне снова, но мой суд — а он весьма загружен, должен заметить, и у нас

нет времени на пустячные тяжбы, — не сможет выслушать вас раньше, чем через полгода.

— Но… — простонал Айвен, все еще в шоке. Даже он не знал точно, что именно «но».

Фалько щелкнул пальцами:

— На выход, Айвен. Хорошего дня, леди Тедж. Графиня Форпатрил надеется скоро увидеть вас обоих в особняке Форпатрилов.

Граф Фалько кивнул приставу, тот шагнул вперед и, взяв Айвена за рукав, деликатно направил к выходу. Тедж пошла следом, все еще пребывая в недоумении. Когда они вышли из дверей и стояли в коридоре, не зная, что, собственно, теперь делать, навстречу им ринулась толпа людей, ожидавших своей очереди. Пристав занялся толпой новоприбывших, рассаживая всех по скамьям. Под их гомон дверь закрылась, но мгновение спустя распахнулась вновь, явив адвоката с охапкой папок и документов.

Стараясь не рассыпать все эти бумаги, она сунула руку в портфель, достала визитку и протянула Айвену:

— Мой номер, капитан.

Айвен взял визитку непослушными пальцами.

— Это на случай… если нам потребуется консультация?

— Нет, милый. Это на случай, если захочешь назначить мне свидание.

Адвокат со смехом удалилась по коридору. Дойдя до лестницы, она обернулась, и напоследок Тедж и Айвен опять услышали это столь неадвокатское хихиканье.

Они вышли из старинного здания на блеклый свет зимнего солнца, пошатываясь и хватаясь друг за друга, как утопающие. И они все еще были женаты…

«Ну хоть в одном я не ошибся, — подумал Айвен. — Это заняло всего десять минут».

Глава тринадцатая

Тедж нервно расхаживала по гостиной в квартире Айвена Ксава. Сам же Айвен Ксав сидел, держа в руках стакан с выпивкой — стакан он, правда, время от времени отставлял, поскольку руки ему были нужны, чтобы схватиться за голову. Риш слушала их рассказ, устроившись на диване. Поначалу она слушала с лестным для любого рассказчика вниманием, хотя и не скрывала недоверия к услышанному, однако затем все более явно стала проявлять нетерпение, что было уже не так лестно. И теперь ее эмоции вылились в откровенное раздражение.

— До сих пор поверить не могу, что какой-то старикан, которого там тогда даже не было, мог вот так вот запросто взять и аннулировать мою сделку! — кипятилась Тедж. — Я-то думала, что все обговорено заранее!

— Обговорено, судя по всему, хм-м… Вот только не мной, — угрюмо пробурчал Айвен Ксав. — Это вообще было ошибкой — идти к тому, кто знаком с маман. Надо было подать наш иск какому-нибудь судье, который не знает меня с пеленок. Посторонний и знать бы не знал, что за этим

стоит, и у нас был бы реальный шанс проскочить дуриком.

— И что теперь? Что вы должны сделать? — спросила Риш. — Откуда взять эти самые основания для развода, которые от вас хотят?

Айвен Ксав покачал головой:

— Получается так, что развод — это жуткая морока. Все выходит гораздо сложнее, чем я мог предположить.

— Так… А что, если пройтись по этому списку? Что-нибудь там да найдется, — внесла Риш свое предложение, демонстрируя здравый подход к проблеме. — Мутация? Может, один из вас притворится, что он мутант? Так… не Тедж, у нее не получится. А вот капитан как раз естественнорожденный… Нет, ну это надо же! Кто бы мог подумать. Да если сделать полное генсканирование, точно что-нибудь да найдется такое. И тогда Тедж сможет заявить, что она против.

— Нет! — вскричал Айвен Ксав. — Между прочим, это будет занесено в общедоступный протокол суда. И что станется с моей репутацией, а? Ты хоть об этом подумала? О Боже, да мне тогда вообще лучше носу не казать на эту планету.

Риш не стала спорить.

— Хорошо, это не вариант. А как там с этой,

как ее, супружеской неверностью? Насколько я поняла, тут ничего экстраординарного делать не требуется, а вроде бы только переспать с кем-то, когда состоишь в браке с кем-то другим. Кажется, это не значит «любить слишком много» — этим мы как-нибудь, но воспользовались бы, — а просто переспать с одним человеком, когда состоишь в браке с другим. Вроде достаточно просто. И даже приятно.

— Но помилуйте, с кем? — воскликнула Тедж. — В этом отсталом мире я хорошо знакома еще только с одним мужчиной — с Байерли.

Айвен Ксав так резко поставил стакан, что жидкость плеснула через край.

— Ты не будешь спать с Байерли!!!

— А с кем еще я хотя бы просто знакома? Ну, есть еще твой кузен и Тот Самый Грегор, но это вряд ли разумно. И к тому же оба они не свободны. — Подумав, Тедж прибавила: — И Саймон Иллиан очень мил, но нет. Нет и… нет.

— Нет, — согласился Айвен Ксав. — Так много разных «нет», что и не сосчитаешь.

— Вот и я говорю… — Тедж оценивающе глянула на него. — Ну, сам-то ты вряд ли станешь спать с Байерли?..

— Только если я смогу посмотреть, — пробор-

мотала Риш.

— Нет! — заявил Айвен Ксав. — С Байерли не спит никто, договорились?

Риш издала что-то вроде «кхе-кхе».

Айвен Ксав развел руками:

— Ты поняла, о чем я. Ни Тедж, ни я. Ни поодиночке, ни оба вместе.

— Вчетвером. Вот это мысль, — промурлыкала Риш. — Знаешь, у нас бы получилось уговорить Бая…

— Хватит уже дразнить бедного Айвена Ксава, Риш, — попросила Тедж: его этот разговор и впрямь вогнал в краску. — Если не можешь сказать что-нибудь по делу, лучше помолчи.

Риш посмотрела на Айвена Ксава:

— Неужели не найдется ни одной прежней подружки, кого можно было бы попросить об одолжении?

— Подружки есть, но на данный момент они почти все замужем. Даже Доно и Оливия… впрочем, не важно. Ревнивые мужья… супруги… Бывали в моей жизни такие волнительные моменты. Та еще развлекуха, я вам скажу. Так что я с этим завязал. И уже давно.

Тедж и Риш переглянулись и молча уставились на Айвена Ксава. Тот взял стакан, сделал глоток

и устроился поудобнее, показывая всем своим видом, что данная тема закрыта.

Риш откинулась на спинку дивана.

— Что там еще? — задумчиво проговорила она. — Ах да, жестокое обращение.

— Тедж я бить точно не стану. — Айвен Ксав метнул на Риш сердитый взгляд. — А вот тебя… тут я не был бы столь уж уверен!

Риш хихикнула:

— Ха! Ну-ка попробуй, да тебе и пальцем ко мне прикоснуться не удастся.

Айвен Ксав не стал возражать, только вздохнул:

— И вдобавок на меня все накинутся и в клочья порвут — хватило бы и маман, дяди Эйрела и тети Корделии. Но им помогут Саймон, Майлз с Катрионой и все девочки Куделки — они стройными рядами накинутся на мои останки, — и их мать… и Грегор… и Деплен… боже ты мой! — то, что от меня останется, можно будет без труда принести в суд в корзинке, да и та, пожалуй, окажется великовата, все вполне поместится в чайной чашке.

Айвен Ксав уселся с таким видом, что, будь он другого пола, Тедж без колебаний сказала бы, что он кокетничает. Но вообще-то для такого определения он был слишком крупногабаритным и

сердитым.

Риш, повернувшись к Тедж, пожала плечами:

— Ну, что ж, остается это сделать тебе.

— Но я не хочу бить Айвена Ксава! Я хочу целовать Айвена Ксава.

— Попробуй, — настаивала Риш. — Просто ради эксперимента. — Она сверкнула своими золотистыми глазами и жестом попросила Айвен Ксава встать.

Тот нехотя поднялся, поставив стакан. Тедж согнула руку, отвела назад и ткнула его в солнечное сплетение. Кулак отскочил от плотной ткани кителя.

Айвен Ксав угрюмо уставился на нее:

— Что это было?..

— Это правда трудно! — возмутилась Тедж. — Когда тебе не хочется. И вообще я руку могу повредить.

— Проклятый Фалько, — пробормотал Айвен Ксав. Снова уселся, взял стакан и одним махом осушил до дна.

Риш решила, что пора прийти на помощь:

— Эй, смотрите, что получается. Вы оба слишком стараетесь первым делом получить развод. Но это не обязательно. Разве уход из семьи не достаточное основание? Мы с Тедж улетаем на

Эскобар, изменяем личность, исчезаем, а ты получаешь причину для развода. Ты сам обращаешься в суд, и дело сделано. И не надо нас во все это втягивать.

— Но прежде должно пройти несколько лет, — сказал Айвен Ксав. — Три-четыре года… а может, семь? Или семь — для того, чтобы признать умершим пропавшего без вести?.. — Он в сомнении нахмурился.

— Что это значит? — спросила Тедж. — По-баррайярски?

— Это значит, что, даже если ты уедешь, я все равно буду женат на тебе. Пока не пройдет несколько лет. И все это время мне, например, нельзя будет жениться. И, кажется, даже заключать помолвку.

— Ой! У вас здесь ведь разрешается иметь не более одного супруга одновременно, да? Выходит, мы тебя круто подставим, если просто удерем отсюда?.. Вдруг ты влюбишься в кого-то? — Тедж почему-то огорчила такая возможность. И почему бы? Разве она не желает ему счастья?

Но Айвен Ксав приободрился, мрачности поубавилось:

— А ведь в этом есть свои преимущества, если подумать. Мать ведь не сможет меня пилить

— почему, мол, я ни за кем всерьез не ухаживаю, если я уже женат, так ведь? Припарковаться некуда, нет свободных мест, так сказать… Только вот не знаю, станут ли мне девушки отказывать чаще или наоборот…

— Таким образом, я заявляю, что ситуация не критическая, никакой срочности нет, — объявила Риш, вскакивая с дивана. — А теперь будьте так любезны, выметайтесь из моей комнаты. Некоторые тут спать хотят.

— Да-да сейчас… — Айвен Ксав вдруг понял, что идея не спешить не так уж плоха, надо бы всерьез обдумать. — А что? Может, Риш и права… Зачем спешить? Вот Майлз всегда мчится сломя голову, сметая все на своем пути, когда что-то мешает его планам. А я считаю, что лучше выждать немного. Вдруг отыщется лучшее решение? Если выждать достаточно долго, то либо ситуация изменится, либо проблема сама исчезнет. Так оно и бывает, если только другие не раздувают эту проблему.

— Со временем точно добьешься цели, как же иначе, — сердечно сказала Риш. — Прождать тебе придется всего лишь — ты ведь у нас натурал? — еще шестьдесят лет, так? Если раньше на машине не разобьешься.

— Ага. Значит, мы нашли линию наименьшего

сопротивления, верно?.. — вяло уточнил Айвен Ксав.

Риш покачала головой:

— Марш в постель. Приведете в порядок остатки мозгов, продолжите утром. Или когда угодно еще, только чтоб мне вас не слушать. — И она направилась в гардеробную за постельным бельем.

Айвен Ксав поднялся, взял Тедж за руку. Ее ладонь была теплой, а его — еще теплей.

— Это ее лучшее предложение за весь вечер. Давай… отложим это дело. Может, еще чего случится.

* * *

На следующей неделе Айвен имел возможность оценить достоинства бездействия как способа решения проблем, и оно нравилось ему все больше. Деплен загружал его работой, как обычно; в оперативном отделе — никаких настоящих кризисов, а искусственные Айвена как-то не трогали, хотя можно было поразвлечься, сочиняя язвительные ответы на письма. По утрам Тедж продолжала языковые занятия, или игры, как она их по-прежнему называла, днем они с Риш отправлялись к матушке Кости и возвращались с домашним заданием по кулинарии, что было

просто замечательно. Айвен тайком распустил форменный ремень на одну дырочку.

Байерли по-прежнему чуть ли не каждый вечер куда-нибудь уводил Риш, и Айвен абсолютно не возражал против подобной благотворительности. Порождения Ночи — как он прозвал эту парочку — возвращались, когда им вздумается. Он ничего не имел против, если Риш не шумела, когда приходит, хотя лицезреть за завтраком Байерли ему не слишком-то нравилось.

Как-то раз в один из таких дней Айвен стоя проглотил порцию хлопьев на завтрак — пора уже было уходить и на работу в Генштаб. За столом сидел Байерли в дезабилье — в рубашке без пиджака, — хотя взгляд на сей раз имел менее мутный, чем обычно после ночных кутежей. И, прихлебывая чай, этот тип сказал следующее:

— Вчера вечером я услышал кое-что интересное про вас с Тедж. От Джона Форкереса. Он младший брат графини Форбреттен, помнишь?

Айвен нахмурился. Хорошо, что Тедж еще спит: не услышит никаких мерзостей.

— Как его занесло в то место, где был ты?

— Эй! Не все места, где я бываю, представляют угрозу для морали нашего форского юношества. А то я сам бы его оттуда выпроводил. Так Джон

сказал, что в городе поговаривают — конечно, эти замшелые реликты фор-леди из высших, — что якобы для леди Элис твой внезапный брак — это катастрофа, хотя она и пытается делать вид, будто ничего подобного. Потому что аут-гены и семейные связи Тедж однозначно лишают ваше с ней потомство права на императорскую походную табуретку, ежели, упаси Господь, с Грегором и другими что-то не то случится. Как мне кажется, скорее всего ты и сам также выходишь из игры, если только не женишься вторично.

Айвен чуть не подавился хлопьями.

— Это что, шутка?

— Какие уж тут шутки. Ну и конечно, граф Рене Форбреттен знай себе помалкивал. — Байерли многозначительно глянул на собеседника.

Айвен вскинул брови от удивления, но понемногу до него дошло, и он радостно воскликнул:

— Ух ты! Да это же еще один плюс моего брака, даже в голову не могло такое прийти!.. А ведь ты прав! Я и мои дети улизнули из-под перекрестного огня политики Форбарр-Султана. Это просто супер! Не забыть бы сказать маман, когда увижу. Ее это точно обрадует!

Байерли отпил глоток и скривил губы в гнусненькой усмешке:

— О? Дети? Уже?

— Э-э… хм. — Айвен жутко смутился и даже не нашелся что сказать.

Байерли промокнул салфеткой губы, продолжая ухмыляться, но на этот раз свои поддразнивания прекратил.

И уже когда Айвен входил в Генштаб, его вдруг осенило: а ведь Бай не просто так об этом заговорил, и реакцию его на тему престолонаследия отслеживал не из праздного любопытства… «Вот черт! Нет уж, места Грегора мне и даром не надо!» Айвен чуть было не ринулся прямо сейчас на поиски Бая — и любого подходящего пруда: окунуть этого хорька вниз головой и не отпускать, чтоб впредь и думать не смел ничего такого! Вот ведь поганец…

* * *

— Смотри, Риш! Какие я колокольцы ножные купила! — Тедж потрясла колокольчики, и они мелодично зазвенели. — Если сдвинуть мебель, тут вполне хватит места, чтобы порепетировать. Я могу взять партию Гагата. А ритм за тобой.

Риш повернулась кругом, оценивая размеры гостиной Айвена Ксава.

— Что ж, давай попробуем. У нас еще почти час

времени, пока Бай за мной не заедет.

Они переоделись в балетные трико, вместе отодвинули к стене диванчик и кресла, и у них оказалось достаточно свободного пространства на ковре. Обычно в те дни, когда они не отправлялись к матушке Кости, их томили скука и мрачные мысли. Но сейчас Тедж решила этого избежать.

Они начали разминку, чередуя наклоны и растяжки.

— Тэк-с… опять этот Бай, — сказала Тедж как бы между прочим. — И что, интересно, вы с ним каждую ночь делаете?

Риш хмыкнула:

— Право же, Тедж, нас ведь одни и те же наставники эротических искусств обучали. Попробуй сама представить.

— Я имею в виду, кроме этого. — Тедж досадливо тряхнула головой и сдула с губ выбившуюся прядку. — О чем вы с ним хоть говорите? Когда он не просто прикидывается?

— Если его губы что-то произносят, он прикидывается, — ответила Риш и, сделав несколько поворотов, добавила: — Как правило.

— И?.. — Тедж какое-то время ждала дальнейших разъяснений, но тщетно. Тогда она попыта-

лась еще раз: — Он тебе все еще нравится?

— Э-э… он мне все еще интересен.

— Ты его любишь? — отважилась спросить Тедж.

Риш фыркнула:

— Этот тип не из мягких и пушистых, радость моя.

— Как и ты.

На губах Риш заиграла было двусмысленная ухмылка, но она тут же принялась старательно делать наклоны вперед, касаясь пальцев ног, так что лица не разглядеть.

— Кстати, я познакомилась с его знаменитым кузеном Доно. На вечеринке. Бай пришел туда посплетничать.

— Я думала, он со своей родней вообще не общается?

— Значит, граф Доно Форратьер исключение. Он рассмеялся, когда Бай меня ему представлял. Ему, видимо, удовольствие доставляет, когда кто-то из Форратьеров шокирует общество сильнее, чем он. То есть она. Или кто оно там. — Риш сделала несколько взмахов руками над головой. — Хотя с отцом Бай не разговаривает восемнадцать лет, а его мать уже десять лет как от всех отдалилась и едва общается. А еще Бай втихаря помог СБ

упрятать в тюрьму самого зловредного кузена, Ришара. И было за что. Не так чтобы сплоченный клан, а?

— Как грустно.

— Вовсе нет… на самом-то деле.

— О?!.. — Тедж удивленно всплеснула руками.

Долгая пауза — Риш отрабатывала растяжку.

— In vino veritas, как считает Бай, — сказала она наконец. — Что-то вроде суперпентотала — в примитивном местном варианте. Только Бай никогда не бывает настолько пьян, каким кажется. Когда у него заплетаются ноги и язык, значит, он закидывает удочку, надеясь что-то выловить. Когда он на самом деле пьян, дикция у него становится очень четкой, и он говорит как… как ученый, докладывающий о результатах неудавшегося эксперимента. Это несколько настораживает.[4]

Тедж села на пол, вытянула ноги, положила руки за голову и нагнулась, касаясь локтями коленей. Она молчала и ждала. Как выяснилось, не зря.

Движения Риш сделались более плавными и замедленными — и дальнейший рассказ она вела

---

[4] Примечания: 4
Истина в вине (*лат.*). — *Примеч. пер.*

в том же темпе.

— Мы смотрели старые записи спектаклей Драгоценностей, которые раздобыла СБ, и пробовали кое-какие реально жуткие барраярские снадобья. У нас зашел разговор о сестрах, а затем — о младшей сестре Бая… Похоже, подростками они были очень близки — Бай воображал себя эдаким братом-защитником. А потом их отец, по непонятно откуда взявшемуся гнусному доносу, обвинил Бая в растлении сестры. И ничто не могло его разубедить, хотя, конечно, и брат, и сестра все отрицали. По словам Бая, он тогда больше разозлился на отца, который проглотил эту клевету, чем на неизвестного шутника, который все это устроил. Бай бросил школу и уехал на восток, в столицу. Не уверена, можно ли лишить наследства своих родителей, но в остальном разрыв был обоюдным. — Риш встала на левую ногу, прогнулась, коснувшись затылком правой ступни, потом поменяла ноги и повторила упражнение.

Тедж раздумывала над услышанным, пока выполняла не столь эффектные наклоны назад. Наконец, опустившись на ковер, она спросила:

— Но как тебе удалось вытянуть из него эту историю?

— Не знаю, — призналась Риш, и, видимо, ее и

саму это удивляло. — Но он выговаривал слова очень четко, а потом сразу отключился.

Тедж покачала головой:

— Теперь его выбор карьеры предстает в новом свете, да?

— Может быть. Поначалу я думала, что он выбрал такую работу из-за денег, потом — что из озорства, потом решила, что и то и другое — лишь прикрытие для этого их бредового барраярского патриотизма, на котором круто помешаны все форы. Еще позже я подумала, что дело в мести, в желании поймать виновного. А теперь спрашиваю себя, быть может, эта тайная одержимость идеей отделить истину от лжи — на самом деле не что иное, как стремление обелить невиновных?

— По мне, так это две стороны одной медали.

— Ага, но это все равно, как если ставить только на реверс, каждый раз.

— Хм…

— В таком случае…

— Хм?

— Он это не бросит. Ни за что — как бы он ни презирал свою работу. Своих объектов. Или самого себя.

— А как тебе эта планета? Барраяр? Раз уж с разводом застопорилось, ты не думала остаться

здесь? На какое-то время. Подольше. — Тедж затаила дыхание, но быстро опомнилась и приняла равнодушный вид.

Риш пожала плечами:

— Здесь оказалось интереснее, чем я думала, но жить на Барраяре мне бы не хотелось. Я хочу… — она помедлила и договорила: — Вернуть то, что у меня было.

— Ты лишилась Драгоценностей. — Это не было вопросом.

Риш лежала на спине, раскинув ноги и руки, как морская звезда, потом сжалась в комочек.

— Я словно лишилась конечностей, как будто мне их ампутировали. Пытаюсь дотянуться — но их нет.

Тедж застегнула ремешок колокольцев на лодыжке, выпрямилась, притопнула ногой. Колокольцы зазвенели в нестройном аккорде.

— Я буду танцевать партию Гагата, — предложила она снова, скрывая дрожь в голосе.

Риш перекатилась на ноги, пнула босой ступней воздух и встала в позицию.

— Давай, постарайся, — сказала она и окинула Тедж внимательным взглядом. — Не бойся, радость моя. Я не брошу тебя одну на этой дикой планете. Мы улетим вместе.

«Я подразумевала другое, Риш…» Тедж прикусила губу и кивнула. Она развела руки, согнула ноги и словно сделалась осью колеса, подхватив сложный ритм притопыванием «пятка-носок». Музыка и движение полились сквозь ее тело, стекая с кончиков пальцев, и она стала медленно вращаться вокруг своей партнерши.

* * *

В вестибюле Айвен увидел Бая, тот его немного опередил.

— Эй, погоди! — окликнул он, и Бай остановился.

Айвен переложил сумку с ужином в другую руку и спросил:

— Ты к Риш?

— Ага, мы договорились на вечер.

— Так, ну ладно.

В лифтовую шахту они шагнули вместе. Айвен представил, как бы он призвал Бая к ответу на правах отца семейства: «Какие у тебя намерения к моей свояченице?» Нет, не годится. Он поморщился. Проблема в том, что Бай ведь и ответить может. И все же, когда они вышли в коридор на его этаже, Айвен замедлил шаг. Бай приостановился тоже, вопросительно на него глядя.

— Риш… Ты ведь не намерен, ну, чтобы она влюбилась… или что-то вроде, а? Тебя могут отправить на другое задание, тебе придется ее оставить. Мне, знаешь, как-то не хочется застрять в квартире, полной рыдающих злющих женщин, и именно мне придется с этим как-то разгребаться.

Бай склонил голову, оценивая проблему.

— Нет, я должен заниматься их делом по меньшей мере до того момента, как они улетят на Эскобар. А твой… э-э… неразвод как-то влияет на время отлета?

— Понятия не имею.

— А ты спрашивал?

— Э-э… нет.

— Понятно.

Сейчас Бай был в повседневной одежде. Значит, они с Риш никуда не планировали вечером идти, иначе он надел бы вечерний костюм. Айвен с затаенной надеждой спросил:

— Э-э, хм… может, ты предложишь ей переехать жить к тебе? Нет? Ну, чтобы туда-сюда не мотаться, и все такое. Ну, или она сама решит поселиться вместе с тобой?

Бай насмешливо прищурился.

— Эта тема не обсуждалась.

— И зря, надо бы. Ну, я-то уж скорее со змеей бы стал обниматься, но это дело вкуса.

— О! Что ты понимаешь в змеях… — насмешливо проговорил Бай. — Она та-а-кая гибкая! Просто невероятно. Пожалуй, она запросто может мне бедрами череп расколоть. Она очень одаренная по части бедер. Всякий раз, когда мы идем в постель, моя жизнь подвергается опасности. Только представь себе некролог…

Айвен героически поборол реплику, которая просто просилась на язык, а уж какие головокружительные образы вызвали слова Бая…

— Ты бы мог ее осчастливить, просто забрав с моего дивана.

«Или взяв прямо на этом диване». Хотя это Бай наверняка уже сделал. «Вот черт, верните мне мою мебель!»

Бай фыркнул:

— Осчастливить? Боже, нет, я не могу сделать ее счастливой. Даже за тысячу лет.

Айвен в изумлении вытаращил глаза:

— Не понял? Она с тобой вроде развлекается в свое удовольствие. Я имею в виду, она смеется, и все такое… Я сам слышал.

Бай отмахнулся:

— Она не будет счастлива, пока не воссоединит-

ся с остальными родственниками. С остальными Драгоценностями. Они — больше, чем просто труппа, или спортивная команда, или даже семья. Подозреваю, тут не обошлось без генной инженерии.

Айвен наморщил нос.

— Ты подозреваешь, что у них нечто вроде сверхчеловеческого группового разума по-цетагандийски?

— Нет, тут другое. Мыслят они независимо, если судить по некоторым их спорам. Так, во всяком случае, рассказывала Риш. Что-то скорее более глубинное. Подозреваю, там задействовано что-то типа кинестетической обратной биосвязи. Это не так очевидно, когда она одна. Нужно видеть их вместе.

— Когда это ты успел?

— Выклянчил в Департаменте по делам галактики кое-какие записи их выступлений. Это… нет, не бросается в глаза. Но когда насмотришься вдоволь, замечаешь, что Драгоценности словно подпитывают друг дружку. А в одиночку Риш… нет, сказать «испытывает голод» не совсем верно. Не знаю, каким словом это определить… — Забыв о своей обычной вкрадчивой манере, Бай сощурился, пытаясь найти точную формулировку.

— Так в чем отличие?

Бай вытянул руку и сжал кулак, точно пытаясь ухватить нечто неуловимое.

— Риш вместе с Драгоценностями — женщина с бьющимся сердцем. Риш в изгнании — это как… женщина, в чьей груди сердечная мышца качает кровь.

Айвен задумался.

— Знаешь… я вообще не представляю, о чем это ты, Бай.

Бай потер лоб и усмехнулся:

— Ага, я тоже. Тебе все равно не мешало бы посмотреть эти записи.

— А Тедж там где-нибудь есть?

— Нет.

— А-а.

Они подошли к двери. Айвен набрал код, открыл — и услышал перезвон колокольчиков и ритмичный топот ног.

Войдя, они увидели, что Тедж и Риш проводят энергичную тренировку. Тедж быстро улыбнулась Айвену, поворачиваясь и притопывая. Казалось, она танцевала всем своим существом, от пальцев ног до лица; выразительные движения рук на мгновение напомнили ему танец квадди. Она колыхалась в ритме танца, тело слов-

но бы танцевало само по себе, купаясь в радости. Айвен только рот открыл.

Риш, заметив Бая, сверкнула улыбкой — словно серпик луны в вечернем небе. Только что она кружилась по орбите вокруг Тедж, а сейчас прошлась колесом. Айвен лишь ошалело моргал от такого быстрого мелькания рук, ног и белозубой улыбки.

— Просто покрасоваться хотят! — пробормотал он Баю.

Тот на секунду улыбнулся в ответ — но только не Айвену.

Тедж, играющая здесь ту же роль, что ритм-барабанщик при вокалисте, довела свой звон и притопывание до финала. Обе женщины выпрямились и церемонно поклонились друг другу — как два мастера боевых искусств после поединка. И Айвен не знал точно, которая из них победила.

Махнув Баю рукой, Риш направилась в ванную:

— Я на минуточку в душ.

Айвен поставил пакеты с ужином на стол и смотрел, как Тедж, такая соблазнительно разгоряченная, сидит на ковре и отвязывает от щиколотки ленту с колокольчиками. Бай, скре-

стив руки, привалился было к стене, но ему пришлось помогать Тедж и Айвену расставлять мебель по местам. Айвен многозначительно глянул на диван, но Бай, похоже, его не понял. Все равно Порождения Ночи обычно ускользали из дома, не удосужившись даже намекнуть, каковы их дальнейшие намерения.

Ну ладно, положим, Айвен часто тормозит. Он уже много чего в этом роде наслушался от всяких родственничков, сослуживцев и так называемых друзей. И только после того как он чуть было не наступил на колокольчики, возвращаясь из ванной, а потом обнял в постели теплую сонную Тедж, у него в голове мелькнула мысль, подобная сверкающему, мимолетному — и совершенно бесполезному — метеору.

«Ну как, скажите, попросить собственную жену выйти за тебя замуж?»

После этого он долго не мог уснуть.

* * *

— Тедж? Тедж!

Кто-то тряс ее за плечо.

Она вынырнула из сна. Желтая лужица света от ночника разогнала тени. Айвен Ксав сидел на ее стороне кровати. Он уже успел надеть брюки,

а физиономия у него была перекошенная, словно разжевал какую-то гадость.

Тедж протерла глаза и приподнялась на локте.

— Время щас сколько? — Она сонно улыбнулась, но Айвен Ксав только губы скривил.

— Чуть больше трех ноль-ноль. Я только что получил весьма странный звонок от офицера таможенной и погранслужбы космопорта Форбарр-Султана. Он сказал, что там задержали одного типа — утверждает, будто твой родственник. Во всяком случае, этот человек спрашивал мадам Теджасвини Аркуа Форпатрил, что хотя бы отчасти верно.

— Что? — Тедж резко села. — Кто?

— Предположительно некий турист с Эскобара, назвавшийся доктором Дольбрако Даксом. Мне сказали, он задержан за несоблюдение каких-то там правил, хотя с документами у мужика вроде все в порядке. Я ничего толком не понял, кроме одного — этот тип, Дакс, настаивает, чтобы ты приехала его опознать, и тогда, мол, все прояснится.

— Это же Амири! — вскрикнула Тедж, выпутываясь из одеял. — Он сейчас скрывается под таким именем. Ох, что он здесь делает? Нам надо срочно ехать туда!

Айвен Ксав едва успел отскочить, когда она метнулась за одеждой.

— Ну да, это либо твой брат, либо какой-нибудь особо хитрый охотник за головами. Морозов был почти уверен, что они рано или поздно объявятся. Хотя охотник за головами должен быть законченным психом, чтобы сцапать тебя под носом у службы безопасности космопорта. — Айвен Ксав поскреб небритый подбородок. — А может, он просто ленивый. В конце концов, там тебя удобней всего дотащить до выхода.

— В основном эти парни и в самом деле законченные психи, но… — Пока она натягивала водолазку и высвобождала волосы из-под ворота, мысли крутились вихрем. — Если это Амири — как он меня нашел? Вот, надевай рубашку. — Она полезла через разворошенную постель в поисках своих носков. — Ваши эсбэшники с ним уже пообщались, как думаешь?

— Вряд ли — будь так, его бы, наверное, задержали и не выпустили. — Айвен Ксав покачал головой. — Хотя… если Майлз насплетничал про нас Марку или Карин, а он точно не удержался бы, то Марк мог все пересказать той самой Лилли Дюроне, которая руководит клиникой. Она ведь могла что-то сказать твоему брату. Даже предпо-

ложить не могу, сколько информации способно просочиться или обрасти домыслами в процессе передачи. Видишь ли, мы с Марком… хм, как бы это сказать, не всегда ладим.

Тедж поторопила его с одеванием и уже тащила к двери, не в силах справиться с растущим нетерпением, и тут Айвен Ксав сказал:

— Лично я ставлю на охотников за головами. Я уже передал сигнал боевой готовности внешнему периметру нашей СБ, хотя без крайней необходимости предпочитаю дел с ними не иметь. Но по крайней мере ночная смена займется хоть чем-то помимо вуайеризма. Думаю, им понравится. Внесет некое разнообразие.

— Вуайеризма? — Она застыла, глядя на Айвена круглыми глазами, даже про спешку забыла. — Надеюсь, это шутка?

— Ну да, я тоже на это надеюсь, — признался Айвен Ксав. — Уверяю тебя, с некоторого времени я перестал задавать им вопросы, на которые не хочу получить ответы.

Тедж встряхнула головой, закрывая постороннюю тему, и потащила его в коридор.

Впервые ей показалось, что Айвен Ксав едет чересчур медленно. Двухместный автомобиль стрелой мчался сквозь зимний холод столичных

предместий. Тедж в волнении подалась вперед, насколько позволяли ремни безопасности. И вот наконец-то впереди показался гражданский космопорт. Здесь она еще не бывала. Тот курьерский катер, на котором они сюда прилетели, приземлился в военном космопорте, где все было устроено по-другому. Космопорт «Форбарр-Султан Главный» ничем не отличался от тех, что Тедж видела на других планетах, — иначе говоря, находился в стадии нескончаемого строительства. Айвен Ксав искусно лавировал между строительными ограждениями. К счастью, он, во-первых, знал, куда ехать, а во-вторых, никаких толп глухой ночью здесь не было.

Военный пропуск Айвена Ксава сработал как волшебная палочка, позволив им без помех проскочить первый кордон охраны. Там их уже поджидали таможенник и лейтенант в зеленой военной форме с эсбэшными Глазами Гора на воротнике. Запыхавшись, подоспели и Байерли с Риш. При виде Риш таможенник отступил на шаг, разинув рот от изумления, но, глянув на бесстрастного эсбэшника, сглотнул и взял себя в руки.

— Я устроил так, что вы можете предварительно увидеть этого человека на мониторе, мадам

Форпатрил, — сказал таможенник, и то, что Айвен Ксав не поправил титул, кое-что значило. — Вроде бы считается, что есть необходимость в секретности и безопасности по данному вопросу.

Что именно означал его раздраженный взгляд на эсбэшника, Тедж не поняла. То ли не договорились, в юрисдикции какого ведомства проведение должных процедур, то ли это просто выражение досады, накопившейся, пока тот безуспешно пытался получить у СБ прямые ответы на свои вопросы.

Вслед за таможенником они вошли в дверь с кодовым замком и табличкой «Посторонним вход воспрещен» и дальше направились по лабиринту офисных коридоров. Ночью почти все двери были заперты. Они спустились на два этажа, прошли по служебным туннелям, где пахло бетоном и машинным маслом, снова поднялись и через дверь без всяких надписей вышли в коридор пошире. Судя по стоящим там комм-пультам, они, похоже, оказались в каком-то вспомогательном офисе Службы безопасности. Одинокий дежурный клерк пропустил таможенника вперед и указал на экран:

— Пока ничего интересного, сэр.

Над видеопластиной висели четыре изображения — один и тот же, только снятый с разных ракурсов, ярко освещенный отдельный зал ожидания. Не роскошная гостиная, конечно, но и не тюремная камера. В этом сомнительном месте находились девять человек и лежал сваленный в кучу багаж. Одни сидели со скучающим видом, другие дремали, устроившись кое-как на сдвинутых стульях и чемоданах. Трое мужчин и шесть женщин. У Тедж едва не остановилось сердце.

— Можете опознать среди них доктора Дакса? — спросил лейтенант СБ.

Она судорожно вздохнула, чуть не захлебнувшись от нарастающей радости и внезапной надежды.

— Я могу опознать всех до единого.

— Баронесса?.. — выдохнула Риш, жадно глядя широко раскрытыми глазами на пластину головида.

— И папа! — воскликнула Тедж. — А еще Звезда, Гуля, Изумруд, Жемчуг и… неужели бабушка?

— Что с ее волосами? — пробормотала Риш.

У Айвена Ксава глаза на лоб полезли, а лицо Байерли внезапно утратило всякое выражение.

Тедж схватила таможенника за лацканы. Она, естественно, не собиралась отрывать его от пола

— оно как-то само получилось.

— Отведите меня к ним! Отведите немедленно!!!

Глава четырнадцатая

У входа в зал ожидания стояли двое вооруженных охранников из службы безопасности космопорта — Айвен тут же обратил на это внимание. Да, похоже, клан Аркуа надежно изолирован от обычных транзитников. Меры задержания — как к преступникам — к ним еще не применили, но это с легкостью можно исправить в любой момент. Камеры предварительного заключения как раз неподалеку: достаточно войти вон в ту никак не обозначенную дверь в конце коридора. Если, конечно, он, Айвен правильно помнит, где тут что, ведь этот космопорт — настоящий лабиринт. Впрочем, дамам он решил таких подробностей пока не сообщать: Тедж слишком взволнованна, Риш колотит нервная дрожь, для них это настоящее потрясение. Бай, сощурившись, озирался по сторонам — видимо, его оценка ситуации вполне совпадала с Айвеновой.

Появился чиновник таможенной и миграционной службы, старший смены по фамилии Маон. Охранники расступились, пропуская его. Не успел он набрать код на двери, как Тедж и Риш пошли на прорыв, чуть было не сбив его с ног.

— Мои *родители*, они *живы*! Пропустите же меня! — кричала Тедж, отпихивая локтями Маона.

Бай едва заметным кивком указал Айвену на записывающее устройство в руке у таможенника. Тот, слегка оправившись от внезапного натиска, пробурчал, обращаясь к Айвену:

— Вы же понимаете… хотя мадам Форпатрил и выложила нам все имена…

— Леди Форпатрил. — Айвен решил все-таки внести поправку.

— …но ведь ни одно не соответствует тем, что обозначены в документах, по которым путешествуют все эти люди. — Таможенник многозначительно улыбнулся, словно констатировал, как великолепно у него сработала интуиция профессионала.

— С этим будут проблемы? — поморщился Айвен.

— Несомненно. Пока, правда, не знаю какие. И для кого. — Он переглянулся с лейтенантом СБ по фамилии Замботи и кивнул.

Замботи, оттеснив Айвена плечом, прошел в зал ожидания, предварительно приняв меры предосторожности: вытащил парализатор из кобуры и снял с предохранителя, но держал дулом вниз. Айвен невольно затаил дыхание. Наконец

лейтенант обернулся и взглядом дал понять, что всем можно входить.

Люди в комнате сонно скучали и вяло ворчали, но все изменилось, как только они увидели Тедж и Риш. Что тут началось! Крики, вопли, всеобщая суматоха… Хорошо, что никто из охраны не пустил в ход парализатор. Тедж бросилась к седому коренастому мужчине. Тот, смахнув непрошеные слезы, сжимал ее в медвежьих объятиях, еще не оправившись от радостного изумления. Айвен смутился: такая встреча не для чужих глаз, как-то нехорошо, что он видит этого человека столь беззащитным и открытым.

Он отвел взгляд — и тут же стал свидетелем еще одной встречи. Риш, сделав в воздухе кульбит, застыла, стоя на коленях, у ног очень высокой женщины с короткими темными волосами, в которых блестел обруч. Склонив голову, Риш коснулась ее сандалий. Та поспешно подняла свою Драгоценность и раскрыла ей объятия. Баронесса владела собой лучше, чем ее супруг, но, несмотря ни на что, и на ее лице отражались какие-то чувства.

«Сбылись все надежды…»

А потом уже трудно стало что-либо понять, все обнимались со всеми и радостно гомонили. Ай-

вен только ошалело моргал, пытаясь определить, кто здесь кто. Если бы они хоть минутку постояли спокойно, а еще лучше — встали бы в ряд, то, может, у него бы и получилось.

Две молодые женщины были выше Тедж, хотя не такие высокие, как баронесса. Айвен мысленно называл их «модель» и «топ-модель», пока не припомнил, что видел их на снимках. Модель… ну да, это средняя сестра, Гуля. Впечатляющая внешность — кожа цвета красного дерева, волосы цвета красного дерева, глаза цвета корицы, и одета во что-то сине-зеленое и струящееся. А вторая, та, что повыше, постарше и еще более стройная — что вообще-то невозможно, — это Звезда. Кожа — такая же пикантная, что и у сестры, гладкие эбеново-черные волосы, забранные в пучок, практичный черный брючный костюм. Ее лучистые льдисто-зеленые глаза напоминали глаза ее матери баронессы.

Драгоценности, хвала богам, разноцветные, — это существенно упрощает дело. Айвен мгновенно распознал Изумруд (зеленая сияющая кожа, а волосы — как солнечный свет в листве) и Жемчуг (тоненькая, с заостренными ушками и белой кожей, украшенной серебром, а волосы — снежно-белые, не очень длинные). Их брючные

костюмы, возможно, и смотрелись бы помятыми с дороги, будь они надеты на ком-нибудь другом.

Двое молодых мужчин были не столь узнаваемы, но методом исключения Айвен попробовал определить, кто они такие. Оба пониже, чем старшие сестры Аркуа, рост примерно как у Байерли. Один, с жесткими черными волосами и смугло-оливковой кожей, вполне бы мог сойти за эскобарца. У другого, более коренастого, кожа была цвета красного дерева, как у барона, но на ней виднелись вкрапления черного оникса и серебра. Уши у него — единственного из всех Драгоценностей — были обычной круглой формы, еще одно отличие от того старого группового портрета у Морозова. Оба носили обычную эскобарскую одежду: рубашки с коротким рукавом навыпуск. Один из них — похоже, что Оникс, а вот второй…

— Амири! — воскликнула Тедж, бросаясь к нему. — Как ты изменился! Гагат!

Смуглый мужчина обнял ее, прикрыв глаза, словно возносил молитву.

— Ты жива. Вы обе живы. Но… — Он снова открыл глаза, видно было, что он очень рад их видеть, но почему-то сердится. — Мы ждали столько месяцев! Ни словечка, пока… ох! Мы даже не знали, живы вы или уже нет!

— Прости, прости… — Тедж уже то ли плакала, то ли смеялась. — У нас закончились деньги, удача… да все почти закончилось…

Риш пощупала мускулы на руке у Гагата, потрогала закругленное ухо.

— Ух, какой ты теперь стал! А твоя красивая кожа? Что с ней такое?

— Это не навсегда, — заверил Гагат, крепко ее обняв. — Только для того, чтобы можно было смешаться с эскобарцами, это убирается. А плюс пятнадцать кило — в основном мускулы, хотя немного жирка есть, чтобы изменить форму лица. Это все проделали Дюроны.

Тедж протанцевала по кругу, раскинув руки, точно хотела обнять каждого.

— Ох! Как вы меня нашли, как вы сбежали, почему вы все здесь?.. И бабушка с вами?

Немного в стороне стояла очень высокая женщина, со спокойной снисходительностью наблюдая весь этот балаган. В этой комнате она была самой высокой, выше Айвена. Костюм ее составляли свободные шелковые брюки, рубашка и легкое пальто до колен — некий неопределенный планетарный стиль. Худенькая, почти хрупкая, но с безупречной осанкой. Кожа не очень упругая — возраст все-таки сказывается, но изящество

всего облика времени не подвластно. Ее серебряные волосы были пострижены очень коротко, но это лишь подчеркивало идеальную форму головы.

Тедж, вся сияя от радости, поклонилась бабушке, почтительно сложив ладони, и бледная рука, словно изваянная изо льда, опустилась в благословляющем жесте на кудри Тедж.

— Ну да, ну да… — пробормотала аут-леди.

Таможенник перебрался поближе к Айвену, с некоторой опаской глядя на то, как все Аркуа без умолку балаболят и буйно жестикулируют. Похоже, он считал, что лучше уж знакомый фор-лорд, чем незнакомые джексонианцы. Не слишком заботясь, слышат ли их другие в этой комнате, он спросил:

— Это действительно ваши родственники, капитан лорд Форпатрил?

Айвен уже был близок к тому, чтобы с жаром отрицать столь абсурдное предположение… Он уже открыл было рот — и тут же осекся.

— Ну… в каком-то смысле да. Вроде как это мой тесть, это теща, — он кивнул в сторону обоих, — и, хм… братья и сестры моей жены, значит, мои невестки и шурины?

— Все они?

— Угу, пожалуй. Знаю, они не похожи… Это сложно объяснить… — Он вздохнул: — Да, все они мои родственники. — Айвен помолчал, испытывая некоторую неловкость и сомневаясь, продолжать ли, но все же добавил: — И моя, хм… леди вот там, как бы это сказать? Бабушка через брак? Мать матери моей жены. Вдова.

Вдова… хоть в чем-то ему повезло, как же хорошо, что это именно так. Старикан гем-генерал… это уж было бы слишком-слишком!

«Погодите-ка, ведь здесь не полный комплект! Эрик еще не нашелся, старший брат, и из Драгоценностей еще двоих не хватает — Рубин и кто там еще? А, вспомнил, Топаз, вот кто». Так, может, Аркуа — такие измотанные и нервные не только из-за скачковой болезни и всех этих часов на Барраяре под стражей?

Таможенник молчал — видимо, переваривал услышанное и пытался сообразить, что теперь делать. Айвен на него искоса поглядывал, но тоже молчал. А что? Он уже, собственно, все сказал…

Тут как раз подбежала Тедж, схватила его за руку и поставила пред светлые очи барона, баронессы и леди гем Эстиф. Эх, жаль, он небритый и не в мундире, а в этих мятых цивильных шмотках, которые подобрал с пола в их спальне. Хотя

и у Аркуа после путешествия видок не ахти.

Тедж засмущалась и еле выдавила:

— Папа, баронесса, бабушка — это мой барраярский муж лорд Айвен Ксав Форпатрил. — «Можно подумать у нее еще несколько на других планетах…» — Только он как лорд ничем не владеет.

Трое старших смотрели на Айвена с застывшими улыбками и, похоже, не спешили выказывать родственные чувства.

— Лилли Дюрона именно это и сказала, — произнес барон.

— Нам показалось все это весьма странным… — добавила баронесса.

— Ничего не прояснило, — завершила леди гем Эстиф.

— Свадьба получилась как бы экспромтом, — пояснила Тедж, — но тогда это избавило нас с Риш от массы неприятностей. Я позже объясню.

Суровое лицо барона малость просветлело. Он был невысокий, коренастый и чем-то напоминал Айвену графа Фалько. С графом Айвену всегда бывало как-то не по себе, а нетерпеливо-раздражительные интонации барона вызвали еще более неприятные ассоциации с дядей Эйрелом, когда тот не в духе. Вот черт!..

— Как поживаете — сэр, мадам, аут? — Айвен

мысленно поблагодарил мать за все преподанные ему уроки дипломатии, хотя ей и приходилось нелегко. К аут-леди действительно надлежало обращаться «аут», однако в отношении дамы, чей статус был понижен до гема, это прозвучало тонкой лестью. Гем-леди Эстиф удивленно подняла брови, но поправлять не стала. Боже, и дальше что? «Рад с вами познакомиться»? Такая дипломатическая ложь первого порядка была ему сейчас не по силам, и Айвен автоматически произнес:

— Чем я могу быть вам полезен?

«О, нет!..»

Но барон отреагировал на его слова вполне благосклонно, только вопросительно глянул на дочь. Неужто эта реплика оказалась правильной?

— Много чем, — сказал барон, — давайте как раз это и выясним. Гуля, иди сюда.

Женщина в струящемся сине-зеленом костюме подошла мгновенно.

— Барон?

Барон жестом подозвал таможенника.

— Господин Маон, полагаю, для вас настало время пообщаться с нашим семейным поверенным, баронеттой Софией Аркуа. — Так звучат официальное имя и «титул учтивости» Гули, смутно вспомнилось Айвену. — Она будет говорить от

имени нашей группы.

— Вы приведены к присяге и можете заниматься юридической практикой на Барраяре, мэм? — осведомился Маон.

Гуля тепло улыбнулась и посмотрела ему прямо в глаза:

— В основном я занималась галактическим и торговым правом, но имею некоторый опыт и в уголовном. Впрочем, последние две недели я усиленно штудировала барраярские законы.

Айвен невольно задался вопросом, что вкладывают в понятие уголовного права на Архипелаге Джексона?

— Проблема, похоже, в том, являемся ли мы по-прежнему домом Кордона. — Она кивнула отцу, тот в ответ кивнул. — Что требует соответствующего дипломатического протокола. Или же мы являемся персонами без Дома, которые ищут убежища под защитой своего барраярского родственника-фора, и как таковые имеем право на получение содействия.

— Помимо этих двух, есть и другие вопросы… — Повернувшись к лейтенанту СБ, Маон протянул руку, то ли указывая на него, то ли призывая вмешаться.

Замботи, стоя в демонстративно расслаблен-

ной позе, произнес, ни к кому конкретно не адресуясь:

— В полномочия Службы безопасности входит защита Империи от угрозы насилия. Здесь я пока ничего похожего не заметил. Бюрократические вопросы, как правило, не по нашему ведомству.

Вот как? Офицерам в СБ читают краткий курс изворотливости? Вполне возможно…

Маон потер лоб и пробурчал:

— Два часа…

Айвен не сразу понял, что таможенник имеет в виду конец своей смены, когда к обязанностям уже приступят другие. И когда — Айвен глянул на свой наручный комм — он сам уже должен быть в оперативном отделе. Маон так и собирается тянуть до конца своей смены, а потом спихнуть проблему на старших коллег и быстренько смыться? Хорошо хоть, что ему выдали только одну Аркуа и не придется общаться со всеми сразу. К тому же эта Аркуа — особа весьма эффектная. В конце концов таможенник сдался, и Гуля, не отводя от своей жертвы проникновенного взгляда, утянула его за руку в сторонку, а затем, склонив к нему голову, принялась доверительно нашептывать что-то на ухо.

Шив Аркуа, оглядываясь по сторонам, заметил

наконец Байерли, стоявшего позади Риш, и удивленно изогнул бровь:

— А это еще кто?

Бай нехотя вышел вперед. Риш откашлялась:

— Барон, баронесса, аут, позвольте представить, это мой, хм-м… друг Байерли Форратьер.

Байерли отвесил вполне сносный поклон:

— Очень приятно.

О да, Бай — лжец со стажем.

Звезда фыркнула:

— «Хм-м… друг»? Похоже на то. Ну у тебя и вкусы, Риш. Он, должно быть, натурал.

— Несомненно, это же барраярский фор, — сообщила леди гем Эстиф с видом энтомолога, разглядывающего знакомый подвид жука.

— Но не лорд, — вставил Бай со своей обычной услужливостью.

— Но друг? — уточнил барон у Риш. Он опять говорил в довольно резком тоне. — В самом деле?

Риш только пожала плечами:

— Ладно… ну, приятель. Я позже объясню, можно?

Бай немного расслабился. На подозрительный взгляд барона, его следовало условно отнести к отдельному классу. Очень условно. Но сойдет.

— Так, значит, в новостях все врут? — сказала

Тедж. — Там показали ваши тела…

— Да, и это поставило Престена в неловкое положение, когда мы сбежали на Землю вслед за Звездой и девочками, — заметила баронесса.

— А Рубин, Топаз… Эрик? — спросила Риш. — Все не так уж страшно?

— И да, и нет, — ответила баронесса. — Мы надеемся, что Рубин добралась до Станции Фелл и сейчас находится под покровительством барона Фелла. Сеппе, видимо, там с ней, хотя ему и пришлось подписать с домом Фелл долговой контракт за оказанные медицинские услуги.

Айвен увидел, как Тедж пробрала дрожь. Она вздохнула и смахнула слезы с глаз тыльной стороной ладони.

— Это было «да», — чуть слышно сказала Риш.

Баронесса кивнула.

— Топаз… не сумела улететь со станции вместе с нами. Насколько нам сейчас известно, она остается в заложниках.

— А Эрик?.. — выдохнула Тедж.

Шив Аркуа помрачнел:

— Трудно сказать. Престен заявляет, что хранит его тело в криокамере. Можно ли его оживить, мы не знаем.

Тедж сглотнула. Айвен тоже. Такая неопреде-

ленность едва ли не хуже смерти. Это он знал по собственному опыту.

— Глупый мальчишка, — поморщился Аркуа. — Не было ничего такого, что стоило бы защищать ценою жизни, раз вы, девочки, оттуда улетели. Ему бы следовало сдаться!

— Возможно, он так и сделал, — еле слышно пробормотала баронесса, и ее муж стиснул зубы.

— Значит, вы улетели сразу после группы Звезды? — спросила Риш с каким-то странным недоверием. И со странной надеждой.

Баронесса запустила пальцы в свои короткие волосы, чуть не сбив со лба драгоценный обруч.

— Нет. Только через пару недель. Меня обрили наголо, когда схватили, и еще чего только не пробовали… — В ее глазах вспыхнуло мрачное торжество. — Волосы отрастут. Теперь, когда мы еще и вас спасли, мы вернем себе все.

— Хм, мы вроде как спаслись сами… — нерешительно уточнила Тедж. Когда же ей никто не ответил, сменила тему и поинтересовалась: — Но, бабушка, а что же тогда с вашими волосами?

Гем-леди Эстиф, стиснув зубы, нехотя проговорила:

— Я их продала. Еще на Земле.

— Все три метра волос, — подтвердила Звез-

да. — На аукционе. За них дали весьма крупную сумму, которая нам тогда была необходима. Намного больше того, что мне представлялось возможным. Как выяснилось, на это есть коллекционеры. И никаких подделок — мы разрешили покупателю состричь их самому.

— А я все равно считаю, что он фетишист, — пробурчала Изумруд.

Жемчуг печально кивнула.

Темные волосы самой баронессы едва отросли на палец под красным обручем. Она вообще ничего не сказала. Что она скрывает за завесой молчания?.. Ладно, когда-нибудь Айвен это, несомненно, узнает. Никаких видимых травм у нее нет, но кожа уже не такая сияющая, как на тех давних снимках. Почти безжизненная. Эти люди действительно очень устали. Он решил перевести разговор на менее болезненную тему:

— Это была поразительная жертва для леди аута. Я имел возможность познакомиться с несколькими аут-леди из самих Звездных Ясель — на Эте Кита, несколько лет назад. Для них волосы — главный символ статуса, и они никогда их не стригут.

Выражение лица гем-леди Эстиф сделалось непроницаемым.

— С тех пор как я покинула Звездные Ясли, прошло уже много лет. — Она помолчала, внимательно разглядывая Айвена. — Консорты теперь разговаривают с чужаками?

— Это был особый, хм, случай. А из какого вы клана… ну, то есть, к какому созвездию аутов вы принадлежали до того, как стали супругой гем-генерала?

— Ронд, — отстраненно ответила гем-леди Эстиф.

Ронды были одним из цетагандийских созвездий среднего ранга, хотя это все равно, что сказать «один из миллиардеров средней руки». Однако теперь леди гем Эстиф смотрела на Айвена чуть-чуть иначе… менее осуждающе. Сочла обучаемым? Если только правильно подобрать программу наказаний и поощрений.

Байерли в замешательстве прикусил нижнюю губу.

Таможенник Маон и Гуля вернулись из своего угла, где все это время тихонько переговаривались. Маон поджал губы, вид у него был не сказать чтобы довольный, но и не особо враждебный. Гуля держалась подчеркнуто невозмутимо.

Маон с облегчением выдохнул.

— Вот что я могу предложить на сегодня, чтобы

переместить людей в более подходящее место, — сказал он. — Если присутствующий здесь капитан Форпатрил, как барраярский подданный и ваш родственник, станет вашим представителем, даст свое слово и предоставит залог, я могу освободить вас под его временную опеку как ходатайствующих о получении убежища. Вы получите двухнедельную визу, за это время ваше дело рассмотрит суд. Если рассмотрение в суде затянется, визу можно будет продлить.

Передать проблему в вышестоящую инстанцию — самый лучший выход. Айвен вполне мог бы посочувствовать таможеннику, если бы не…

— Многочисленные нарушения закона, не говоря уже о подделке проездных документов… конечно, вы можете сослаться на смягчающие обстоятельства… — Он жестом остановил Гулю, пресекая возможные возражения. — Я хотел сказать, что, учитывая все вышеперечисленное, вам не особо стоит рассчитывать, что ваше прошение будет принято. Но по крайней мере, — и таможенник понизил голос, словно говорил сам с собой как с единственным нормальным человеком в помещении, — у меня будут нужные бумаги, чтобы все это прикрыть.

Тедж, сияя от восторга, повернулась к Айвену:

— О да! Я знала, что ты это сможешь, Айвен Ксав!

Айвен хотел обратить ее внимание на то, что пока еще ничего не делал, но слова застряли у него в горле, особенно когда Тедж крепко его обняла. «Это не моя вина! Так ведь, а?» Он глянул на Бая, тот подмигнул в ответ, что явно не принесло ощутимой пользы.

— Залог, — обратился Айвен к Маону. — Это что-то типа залога кредитных обязательств, или нужно выкладывать наличными?

— Боюсь, что наличными, капитан. В девятикратном размере, хотя я могу предоставить вам групповую скидку. И устная клятва, учитывая ваш ранг.

— Ах…

«Сколько бланков заполнять? Помноженное на девять?» Нет, сегодня он точно опоздает на службу. Айвен тяжело вздохнул.

— В таком случае, офицер Маон, мне надо сделать несколько звонков.

Маон все организовал; и всего лишь через полтора часа после его смены весь этот кошмар с документацией был завершен. Сам Маон задержался посмотреть, чем все закончится, — то ли ему любопытно было, то ли за дело болел.

Айвен зачитал вслух по Маоновской шпаргалке сколько-то там обещаний взять на себя ответственность за сколько-то там вещей, которые, насколько он мог судить, ни в коей мере от него не зависели, и тем самым все было оформлено официально. В том, как Аркуа взирали на барраярское действо, чувствовалась любознательность столичных жителей на деревенской ярмарке в округе к местным увеселениям.

Наконец — в самый пик утренних пробок — Тедж, Айвен, девять новых Аркуа и небольшая гора их багажа загрузились в арендованный фургон и двинулись в центр Форбарр-Султана. Бай и Риш, которые приехали в космопорт по новой ветке аэрокаров (на этой неделе ветка почему-то работала, но вряд ли надолго), взяли Айвенову спортивную машину и поехали на ней вперед. Интересно, о чем они друг с другом говорят, задумался Айвен.

* * *

К тому времени как они благополучно добрались до отеля всего в одном квартале от дома Айвена Ксава, все разговоры в фургоне сменились невнятным сонным бормотанием. Здание отеля, ничем не примечательное, было построе-

но еще в правление императора Эзара, но лучше места не нашлось. Айвен Ксав проследил, чтобы все зарегистрировались, предъявил офицерское удостоверение и кредитку — а затем отвел Тедж в сторону.

— Вот теперь мне точно уже пора бежать в оперативный отдел. Пока я не вернусь, постарайся, чтобы они не натворили ничего такого ужасного, обещаешь? А еще лучше, не позволяй им делать вообще ничего.

— По-моему, для начала им всем хотелось бы выспаться.

— Это самое оно. Ну пока, значит, договорились. — Он поцеловал ее и скрылся.

Как ни удивительно, Риш удалось отделаться от Бая еще в холле, у лифтовой шахты, и тот, обняв ее на прощание, отправился восвояси. Выйдя из лифта в фойе на седьмом этаже, Риш на минутку остановилась, вытащила из-под воротника что-то вроде металлической ворсинки, пробормотала: «Очаровательная попытка, Бай. Люблю — целую», изобразила выразительный чмок, после чего выкинула «жучок» в урну. А поймав взгляд Тедж, брошенный через плечо, только плечами пожала.

Айвену Ксаву как-то удалось заказать всем

номера рядом. Люкс с двумя спальнями и центральной гостиной для старших членов семьи примыкал к обычным номерам, где разместились со всем своим багажом Амири и Гагат, Звезда, Гуля, Жемчуг и Изумруд. Все они поспешили как можно скорее вернуться в гостиную, где Тедж и Риш в очередной раз рассказывали историю своего долгого бегства, и уселись их слушать. И — как водится — критиковать.

Когда Тедж рассказывала о Комарре и о блестящей идее Айвена Ксава насчет спасения-через-брак, она покосилась на Амири с Гагатом и опустила эпизод с балконом, сказав только:

— Подозреваю, что к этому моменту мы обе соображали уже не слишком-то хорошо. Мы были слишком измотаны.

— Вы, похоже, не соображали вообще, — ехидно заметила Гуля. — Бог мой, Тедж, ну нельзя же вечно быть такой легкомысленной.

Жемчуг повернулась к Риш:

— И ты ей позволила?

— Так ведь это сработало, — сказала Риш, защищаясь.

Папа взмахом ладони пресек их привычный переход на личности, не преминув, однако же, мягко укорить:

— Но, Тедж, девочка моя, последние пять лет мы в любой момент могли бы заключить для тебя выгодную сделку с наследником Дома. Ты упустила столько возможностей, и все для того, чтобы выйти за барраярца?

Такое можно было стерпеть только потому, что он пять лет безропотно принимал все ее «Нет» — ладно, допустим чаще: «Спасибо, нет, папа», и лишь изредка ворчал. Во всяком случае, папа не станет сетовать, что Айвен Ксав — натурал, ведь он сам такой. И баронесса не сможет — ведь с ее стороны это будет вопиющее ханжество. Хотя у нее найдутся и другие причины для недовольства.

— Я готова допустить, что этот Форпатрил для барраярца оказался весьма интересным, — сказала баронесса. — Будь это не слепая удача, а хитроумный обман, я бы гордилась вами обоими. Или… ты уже знала о его высоких связях, когда заключала это странное устное соглашение?

– *За так*, и не меньше, — пробормотала Звезда. — Эх, Тедж!

— Нет, — вздохнула Тедж, — мы выяснили это только потом.

— Как водится, — пробурчала Жемчуг.

— Вы про него искали? — спросила Тедж баро-

нессу. — Там, на Эскобаре?

— Разумеется. Как только Лилли нам это рассказала — хотя в первый момент мы сочли все это дурацкими слухами, но в этой истории оказалось слишком много точных деталей, и я вынуждена была поверить. Мы, разумеется, вне себя от радости, что наконец-то смогли отыскать вас обеих. И все же — в действительности: насколько близко этот мальчик стоит к трону Барраярской Империи?

«Вот черт! Только баронесса додумается всерьез обсуждать подобную чушь… Еще бы! Она же *баронесса*».

— К походному табурету Империи, — тихо поправила Тедж. — Император Грегор сидит на церемониях на походном табурете. Потому что форы — это военная каста.

От таких пояснений баронесса попросту отмахнулась — ну кому это интересно? А Тедж… вспомнила мемориальную доску на мостовой, по которой мчались машины.

— Между Айвеном Ксавом и этим постом за последнее время появилось еще несколько тел, — вмешалась Риш. — Плюс, чтобы заявить свои права, ему потребовалось бы выиграть пару-тройку гражданских войн против других

соперников-претендентов. Он никогда не был единственным потенциальным наследником.

Бабушка предупреждающе погрозила пальцем:

— Удине, дорогая, советую не строить планов в этом направлении. Для достижения наших целей найдется множество других, не столь опасных способов, и поверь мне, тебе самой не понравится увязнуть в длительных разборках с аборигенами. — Она как-то зябко повела плечами, словно отгоняя непрошеные воспоминания.

Тедж посмотрела на бабушку с благодарностью. Папа что-то пробурчал себе под нос, но возражать не стал.

— Он все-таки здешний военный, — заметила Звезда. — Должен же он хоть что-то соображать в критических ситуациях. Как насчет работы в службе безопасности? В нашей новой службе безопасности, я имею в виду, когда мы ее создадим.

— Скорее в администрации, — предложила Гуля. — Ты сказала, он что-то вроде секретаря?

— Или на приеме гостей, — захихикал Гагат. — Он как, классно стриптиз может исполнить?

Тедж прожгла его гневным взглядом, да и баронесса шутку не поддержала — досадливо поморщившись, она вернулась к обсуждению

очень важной для клана темы: как им наиболее выгодно использовать Айвена.

— Итак, практически все время он служил в столице под присмотром кураторов. Приковать к письменному столу — милосерднее, чем заковать в цепи и посадить в клетку. И точно так же не позволяет объекту впутаться в какие-либо неприятности.

— Он работает по-настоящему, — возразила Тедж не слишком громко. — Адмирал Деплен — это его шеф в оперативном отделе — его ценит.

То, что Деплен говорил ей на самом деле, звучало так: «Несмотря на всю свою неупорядоченную личную жизнь, Айвен всегда безошибочно определяет, когда кто-то дергает за скрытые политические ниточки. Редкий талант». Или он говорил про политические веревки? А может, змей? Все так запутано…

— Ничего удивительного, — сказала баронесса. — Наверняка его армейский начальник заработал немало бонусов за то, что приютил у себя этого князька. Почти что Драгоценность. Интересно, в чем состояла его сделка, закулисная, естественно, за то, что он взял на себя такие хлопоты?

— Он доволен работой Айвена! — упорствовала

Тедж, но, что-то вспомнив, добавила: — Чаще всего.

Баронесса откинулась на спинку дивана и побарабанила пальцами по подлокотнику.

— Не думаю, что ты прикидывала, как нам с максимальной выгодой его использовать, так ведь, Тедж? Хотя имела возможность — или удовольствие? — изучить его вблизи.

«Ну право же, баронесса, ведь не обязательно было это подчеркивать?» Тедж скорчила недовольную гримаску.

— Гре… э-э… барраярцы собирались тайно вывезти нас на Эскобар. На правительственном корабле-курьере. Это дало бы нам с Риш прекрасную возможность стряхнуть с хвоста преследователей. По-моему, это не так уж и мало.

Звезда фыркнула:

— Избавиться от охотников за головами можно и проще, Тедж.

Дело в том, что Звезда вообще-то была дублером шефа безопасности дома Кордона — то есть ведала тем самым департаментом, который столь феерически проморгал шанс предотвратить нынешние неприятности. Потому Тедж и было обидно слушать, как сестра свысока критикует ее поступки. Ну и ладно… Все равно главное в

захвате Дома — это закулисные сделки, финансовые и дипломатические… А ведь этим должен заниматься департамент Гули, так? Ну а Звезда что в этом понимает? Ей просто нравятся большие пушки.

— А как ты сама избавилась от наемников Престена? Они ведь должны были преследовать и вас четверых.

Звезда гордо вскинула голову:

— Несчастные случаи со смертельным исходом, естественно.

Папа уже привычно покачал пальцем, не давая детям отвлечься от темы.

— Сейчас очередь Тедж рассказывать.

— И все же, — заметила Изумруд, — если бы вас доставили на Эскобар — конечно, все зависит от того, что они хотели взамен, — мы бы сэкономили кучу денег, и нам не пришлось бы ехать сюда за вами. Жаль, что вы не уехали две недели назад.

— Ну, мы ждали еще, пока состоится эта штука с разводом…

— С чем, с чем? — переспросил папа.

Тяжело вздохнув, Тедж принялась описывать их с Айвеном Ксавом поездку в Новый Эвиас, рассказала о странном архаичном суде графа Фалько и его неожиданном отказе.

Выслушав ее, папа задумчиво потер губы, и его темные глаза сверкнули нехорошим блеском.

— Это все их местные заморочки, когда мы уедем, об этом можно будет просто забыть. Или ты предпочла бы остаться вдовой? Ты только скажи. Не ты первая, не ты последняя — можешь не сомневаться, мы все уладим.

— Нет! — возмущенно заявила Тедж. Она надеялась, что это всего лишь шутка. Ну конечно, шутка! Айвен Ксав хоть и барраярец, но не *одноразового пользования*!

— Ты слишком импульсивен, любовь моя, — сказала баронесса, ласково улыбнувшись мужу. — Не стоит списывать в расход наши возможности — по крайней мере до тех пор, пока мы их не рассмотрим.

При словах «списать в расход» у папы на лице мелькнула кривая ухмылочка, появлявшаяся всякий раз, когда его королева полу-аутских кровей снисходила до жаргона джексонианского дна. Баронесса никогда не позволяла себе высказать подобное прямым текстом, зато в устах папы — когда он возвращался памятью к былым временам — такие словечки звучали вполне естественно. Впрочем, Тедж не была уверена, что такой подход к проблеме Айвена Ксава ей

нравится больше.

Звезда озадаченно нахмурилась:

— Но почему твой барраярский муж — если уж он так хотел от тебя избавиться — не сдал тебя охотникам за головами? Для него это сразу решило бы все проблемы.

— На Барраяре все совсем не так просто, как мне казалось, — ответила Тедж в бесплодной попытке хоть что-то им объяснить и предостеречь. Ее здесь вообще хоть кто-нибудь слушает?

И тут ее совершенно неожиданно поддержала бабушка.

— Нам действительно не стоит пускаться здесь в рискованные предприятия, — пробормотала старая аут-леди.

— Прежде чем вообще во что-нибудь пускаться, я для начала намерен выспаться, — зевнул папа, едва не вывихнув челюсть. — Что за тоскливое место этот их космопорт! Нет, сейчас всем пора в постель. У нас уже ни у кого мозги не варят.

— Я могла бы сперва выйти в город — попробовать разжиться каким-нибудь арсеналом, — предложила Звезда. — Мы сейчас совершенно безоружны.

— Ты должна признать, — заметила Гуля, — что папа оказался прав: нечего было и пытаться

провезти наше оружие с собой. Тот, второй, шмон оно бы не выдержало.

— Зато выдержало бы первый… — пробурчала Звезда. — Пока Амири не настоял на том, чтобы мы упомянули этого типа Форпатрила.

— Нет, не смей! — Тедж ни минуты не сомневалась, что попытка раздобыть нелегальное оружие, шастая по темным закоулкам, явно подпадает под определение «чего-либо ужасного». Особенно при таком недосыпе. И полном незнании местной обстановки, если уж на то пошло.

— От незваных гостей, подосланных Престенами, нас сейчас прикрывает барраярская имперская СБ, — поддержала ее Риш. — Они всех отслеживают, я точно знаю, и ресурсов у них гораздо больше, чем мы могли бы здесь сейчас собрать.

Папа одобрительно кивнул.

— Я тоже так думаю. Всем спать, цыплятки! — Он встал и потянулся, хрустнув суставами, и Аркуа, ворча, поплелись в свои комнаты.

Тедж и Риш отправились в квартиру Айвена Ксава. На прощание папа и баронесса заключили их в долгие объятия, словно желая лишний раз убедиться, что «цыплятки» живы, здоровы и снова рядом с ними.

— Да, и позвоните нам на номер Айвена Ксава, когда будете готовы спуститься к ужину, — сказала Тедж.

Гуля вышла за ними в коридор.

— Если бы вы четко следовали исходному плану, мы были бы уже на Ступице Хеджена и на полпути к дому, — обиженно проговорила она. — Этот крюк нам дорого стоил — и времени, и денег. Почему было просто не отправить за вами Амири?

— Исходный план провалился полностью — и давно, — поморщилась Тедж. — И к счастью, честно говоря. Если ты, конечно, хочешь честного разговора, хотя бы для разнообразия.

На этот упрек Гуля только рукой махнула.

— Мы возвращаемся, чтобы снова занять наш Дом. И свою лепту должен внести *каждый* — даже Амири. И мы от всех ожидаем помощи. Даже от тебя.

Тедж раздраженно провела ладонью по волосам и встряхнула головой.

— И что мне прикажешь делать, а?

— Папа и баронесса занимаются общей стратегией. Звезда отвечает за безопасность, я веду переговоры, а Драгоценности делают все, что могут. А могут они многое. Ну, а ты… вполне бы

могла внести свою лепту, дав согласие на генетический союз. Ты наш козырь — уверена, что баронесса сумеет тебя пристроить.

— Папа сказал, что я не обязана! И баронесса с ним не спорила!

— То было тогда, а то сейчас. Нельзя потакать своим капризам. Никому из нас нельзя.

— Папа меня об этом просить не станет.

— А папа и не должен тебя просить! Когда же ты наконец перестанешь быть для Дома никчемным балластом? Тебе предлагали на выбор самое лучшее, ты на все отвечала отказом, так что теперь тебя никто и спрашивать не будет. Ты потеряла право голоса, сама виновата.

— Да что ты говоришь? Что-то я не заметила, чтобы ты хоть раз предлагала свое тело в качестве приятного дополнения к какой-нибудь сделке!

— Много ты знаешь… — зловеще обронила Гуля.

— О!..

— Именно.

— Ну, хм… все равно позвоните нам, когда проснетесь.

— Ладно. — И Гуля ушла к себе в комнату.

Тедж и Риш направились к лифтовой шахте. Риш искоса глянула на нее, но вопреки обык-

новению ничего не сказала. Тедж любила свою семью — на самом деле любила. И ни секунды не сомневалась в том, что и они ее любят, только на свой манер. Чего она не могла понять — это каким образом буквально за несколько часов общения она утратила всю свою жизнерадостность и впала в депрессию.

Глава пятнадцатая

Добравшись до приемной адмирала Деплена, Айвен лишь слегка запыхался, вот только спать хотелось дико. За его столом сидел старший сотрудник из их отдела. Первая утренняя порция кофе уже давным-давно была приготовлена и выпита — в воздухе еще ощущался слабый аромат, на буфете стояла пустая чашка с темным осадком на дне. Айвен с трудом подавил желание выскрести ложкой кофейную гущу и отправить в рот.

— А, капитан Форпатрил! — просиял сотрудник. — Старик велел сообщить, как только вы появитесь. — И произнес в интерком: — Капитан Форпатрил здесь, сэр.

— Ну наконец-то, — донеслось в ответ. Айвен попытался определить интонацию, но по столь краткой реплике ясно только одно — шеф явно не в восторге. — Пусть зайдет ко мне.

Пройдя в святую святых шефа, он обнаружил там посетителя — капитана Имперской службы: это Айвен определил по цветным нашивкам и петлицам, когда визитер повернулся в кресле, чтобы окинуть его хмурым взглядом. Сухощавый, бледный как штабист, волосы с проседью,

из-за этого он вроде должен был казаться старше, но почему-то не казался. Человек средних лет в среднем звании, кем он, видимо, и являлся. «Раудсепп» — извещал именной жетон. Оба капитана обменялись кратчайшим из военных приветствий.

Деплен, похоже, был чем-то обеспокоен. И что, скажите на милость, мог учинить простой капитан СБ, чтобы адмирал занервничал, — лично принес сюда змей? Деплен не предложил ему сесть, а потому Айвен просто стоял и ждал, что будет дальше. Кто-нибудь да удосужится вкратце объяснить, что, собственно, происходит — во всяком случае, раньше всегда так было, даже если ему не очень-то и хотелось это знать.

И вот Деплен сухо заговорил:

— Тут вот капитан Раудсепп допытывался: знал ли я, подписывая разрешение на ваш брак на Комарре, что в комплекте с молодой леди Форпатрил мы получаем и ее одиозных родственничков?

— На тот момент, когда мы сочетались браком на Комарре, все думали, что Тедж сирота, — сказал Айвен. — В том числе и сама Тедж. И Риш. Они так радовались, когда минувшей ночью выяснилось, что это не так. А почему вас, собственно, это

интересует, капитан Раудсепп?

— Я сотрудник Департамента по делам галактики, и до вчерашнего вечера я отвечал за отслеживание разного рода наемников, которые могли бы угрожать безопасности вашей молодой жены. Более или менее обычное обеспечение физической безопасности, не требовавшее до сих пор, ко всеобщему облегчению, никаких особых действий. А наутро неожиданно выясняется, что я теперь отвечаю и за презирающего законы джексонианского барона, который пустился в бега, плюс еще и за большинство его дальних родственников. И главное, что особо прискорбно — это то, что именно *неожиданно.*

Ах да. СБ не любит сюрпризов. Плохо, очень плохо. Хотя вообще-то он, Айвен, всегда считал, что неожиданности — это их *работа*. Кстати, стоит ли возмущаться, что капитан обозвал барона *презирающим законы*? Где вы видели *не* презирающего законы джексонианского барона? А вот *пустился в бега* — самое оно.

— На самом деле — ближайших родственников. В некотором смысле, — счел все-таки нужным уточнить Айвен.

Раудсепп нахмурился.

— Мое жаркое послание Департаменту по де-

лам галактики на Комарре встретилось в пути по сжатому лучу со срочным уведомлением капитана Морозова, предупреждающего о предстоящем прибытии всей этой компании, — что ж, хорошо хоть, они там не совсем впали в спячку. И если бы предупреждение пришло за шесть часов *до*, а не через шесть часов *после* самого события, то от этого была бы польза. Может быть, — какая-то и была бы. И вот, таким образом, обычная охрана физического лица для *меня* превратилась в не поддающееся никакой оценке дело по обеспечению политической безопасности. И полагаю, *очень скоро* моя оценка потребуется, так что мне придется эту оценку дать.

Айвен наклонил голову, признавая, что именно так все и обстоит, но воздержался от скоропалительных выражений сочувствия собрату-офицеру. Как-никак — это же эсбэшник.

Раудсепп подозрительно глянул на Айвена:

— Зачем вы протащили их через таможню и безопасность?

— Ну, они вроде как устали, — стал объяснять он. — Эти бюрократы их часами мытарили. И скачок в придачу, знаете ли. Добраться сюда с Комарры — дело малоприятное, если у вас гиперчувствительность к скачкам.

— Вам уже удалось выяснить, для чего они здесь?

— Они приехали за Тедж и Риш.

«Что? Погодите-ка… То есть — забрать их отсюда?» — До него, похоже, только теперь дошло, что это на самом деле значит. Из-за жуткого недосыпа он как-то об этом не думал, и сейчас его охватил настоящий приступ паники. Внутри все болезненно сжалось. Хотя расставание с Риш вряд ли его особо расстроит. Но что, если Тедж захочет уехать *вместе с ней*?

— Ну, надо же было им убедиться, что с Тедж и Риш все в порядке, — торопливо поправился он. «Боже… Нам необходимо поговорить». — Они ж родители, как-никак.

— Доложите еще о каких-нибудь результатах наблюдений. Есть ли что-то, что представляет потенциальную угрозу Империи или может быть использовано в ее интересах?

— Вряд ли. Они приземлились и отправились спать, вот и все. — Айвен подавил зевок. — Ну, заполнили еще уйму всяких формуляров. Вам должны были передать копии всего этого с таможни и отчет вашего человека во внешнем оцеплении ночью. Ну этого, как бишь его… а, Замботи. То есть на данный момент вы знаете

столько же, сколько и я.

— Это наверняка не так. Вы, безусловно, ближе всех к этому делу, и у вас более далекая ретроспектива.

«Я не один такой», — хотел было огрызнуться Айвен. На самом деле первым во все это ввязался вовсе не он. «Лучше со своими людьми поговорил бы. Никак Бай удрал баиньки и даже рапорта не представил? Вот подлый трус, а?»

— Что до результатов моих собственных вроде бы девятичасовых наблюдений, так все, что я видел, — это людей, которые еще не оправились после скачка и жутко рады, что их дочери живы. Как-то не верится, что они играли на публику. — «И были признательны, что их отвезли в гостиницу».

Бай из внутренних дел, а Раудсепп отрекомендовался, что он из Департамента по делам галактики. Очередные штучки СБ: правая рука не ведает о том, что накосячила левая, так получается? Айвен настолько свыкся с Байерли, что у него просто из головы вылетело, на каком высоком и засекреченном уровне тот временами работает. Ну и как тут быть? Направить Раудсеппа к Байерли или нет? Может, тут нужен другой, окольный путь? «А ведь ты и влип во все эти неприятности,

попытавшись прикрыть Бая…»

Капитан Раудсепп вытащил из кармана мундира карточку, осмотрел и протянул Айвену:

— Значит, так, здесь код моего защищенного комм-пульта, по которому вы сможете связаться со мной напрямую в любое время. Если выявите что-либо подозрительное — не важно, что именно, — пожалуйста, сразу мне звоните.

Айвен не торопился брать предложенную карточку.

— Хм, вот как… Я что, должен шпионить за семьей моей жены?

Краем глаза он уловил, что обычно бесстрастный Деплен слегка поморщился, хотя Айвен и не знал, что именно вызвало такую реакцию.

— Вы приняли официальную ответственность за них, капитан Форпатрил.

«Как фор-лорд. Не как офицер. Это другой порядок подчиненности». Вот паскудство, как-то уж слишком напоминает доводы Майлза. Айвен знал, что если уж он заделался последователем своего кузена, то явно вступает на тонкий лед. Он нерешительно взял карточку и посмотрел: один только код и никакой больше опознавательной информации. «Так, понятно». И Айвен убрал карточку в свой бумажник.

— Хотя… — Раудсепп задумался, обведя взглядом адмиральский кабинет, прибранный, но заставленный слишком тесно; целую стену занимала рабочая библиотека Деплена, там имелось даже несколько раритетов времен Изоляции. — Мне пришло в голову, что почти все дела оперативного отдела так или иначе проходят через ваш комм-пульт, капитан Форпатрил. Пока вся эта ситуация не прояснится, вам было бы правильнее взять какой-нибудь личный отпуск, что ли. Достаточно уважительная причина — по семейным обстоятельствам, конечно.

Айвен стиснул зубы. Как и Деплен, заметил он.

— Если меня в чем-то подозревают, — процедил Айвен, — то и это решение принимать должен не я, разве не так?

Раудсепп поморщился:

— Не спорю. — Он посмотрел на Деплена.

Адмирал встретил его взгляд и отчеканил:

— Мы с адъютантом это обсудим. Благодарю за беспокойство, капитан Раудсепп, а также за информацию и за то, что уделили нам время, невзирая на свою занятость.

Предельно ясное приглашение покинуть кабинет. Должно быть, капитан Раудсепп задал уже все вопросы или, может, счел, что от Айвена ни-

чего больше не добьется, но против завершения визита он, похоже, ничего не имел. Сотрудник оперативного отдела проводил его на выход.

Айвен так и стоял столбом посередь кабинета. Деплен, изучая его взглядом, потер лицо и скривился.

— Итак, вы превратились в угрозу безопасности, Форпатрил?

— Не могу знать, сэр! — сказал Айвен с предельной честностью. — Мне никто ничего не сказал.

Деплен фыркнул:

— Ладно, ну так возвращайтесь к работе — во всяком случае, пока. — И когда Айвен покидал кабинет, напоследок сказал: — Ах, да. И позвоните вашей матери.

Айвен застыл на пороге.

— При случае непременно позвоню. — На самом-то деле события развивались столь стремительно, что он об этом напрочь забыл.

— Наверное, следовало бы сказать: *перезвоните* ей. — Голос Деплена мог кого угодно заставить содрогнуться, да еще этот его взгляд — один из Тех Самых, излюбленный приемчик адмирала, повергающий в трепет все живое.

— Э-э. Да, сэр. Сей момент. — Айвен поспешил укрыться в приемной.

Первое, что он сделал, — это выселил со своего рабочего места сотрудника, который занимал на время отсутствия Айвена его стол. Тот только рад был вернуться к собственным незаконченным делам.

Итак, Айвен уселся за свой стол и набрал знакомый номер. Изображение леди Элис появилось над пластиной головида сразу же — похоже, она уже ожидала его звонка.

— А, Айвен. Ну наконец-то. — Сама того не зная, леди Элис приветствовала его теми же словами, что и Деплен.

Ну ничего себе! Он, между прочим, был *занят*.

Айвен осторожно кивнул:

— Маман… Ночка сегодня была та еще. Наверное, ты уже слышала? Хоть что-то?

— Первым известием стала копия меморандума капитана Морозова с Комарры, он настоятельно рекомендовал Службе безопасности Форбарр-Султана передать это Саймону. По счастью, генерал Аллегре может отличить, что кому положено знать. Сообщение пришло, когда мы завтракали. А последние новости из первых рук мы получили немного позже. Не от тебя, должна заметить.

«А от кого же тогда?» — хотел было спросить Айвен, но ведь чего спрашивать-то? И так понят-

но. Байерли небось уже разжился завтраком и сейчас преспокойненько дрыхнет, а ему, Айвену, при всем его горячем стремлении приобрести те же блага, ни то ни другое явно не светит, и непохоже, что ситуация в скором времени изменится.

— Да у меня дел было невпроворот, — начал было оправдываться он. — Зато теперь все устроены. Временно.

— Прекрасно. Как это восприняла Тедж? А Риш?

— Вне себя от радости. Только представь, как бы ты себя чувствовала, если бы твоя семья вдруг воскресла из мертвых?

— На самом деле мне и стараться-то особо не надо, чтобы это представить, Айвен, — ответила она, одарив его своим особенным сердито-любящим взглядом. — Да и тебе, если на то пошло.

Айвен пожал плечами. Он явно смутился:

— Нет, наверное. Я только хотел сказать, что родственных чувств там было с избытком. Так или иначе, родственные чувства проявили все.

И если припомнить — чувства эти были весьма разнообразны. Всю свою жизнь Айвен был единственным ребенком, как и его ближайший кузен. Иногда ему бывало любопытно: каково это — иметь большую семью? Ну, начать с того, что

внимание маман делилось бы тогда на всех…

Его охватила тревога, словно таившаяся до времени в темном чулане, и Айвен только сейчас осознал, насколько ужасно будет, если это случится… Ему вдруг отказал голос, и он едва смог выговорить:

— Они, э-э… вроде бы у них есть такая мыслишка… забрать Тедж и Риш, они потому сюда и явились. И увезти.

Леди Элис обеспокоенно на него посмотрела:

— Ну и как тебе эта их идея?

Повисло молчание. Наконец Айвен сумел выговорить:

— Сам не знаю. Все очень странно.

— Ну, уже кое-что, — хмыкнула леди Элис в своей обычной манере, усаживаясь поудобнее. — В любом случае нам надо непременно, при первой же возможности, пригласить их на ужин. Так будет правильно. Столь *многое* предстоит наверстать…

— Хм, сейчас они все спят. Они плохо переносят скачки.

— Значит, к вечеру они успеют и отдохнуть, и проголодаться. Итак, сегодня вечером. Как все хорошо складывается. Я пришлю Кристоса с машиной — и, разумеется, ты заберешь их в отеле и

будешь сопровождать.

— Э-э, лучше бы пару машин. Или автобус. А для тебя это не слишком экспромтом?

— Мне случалось устраивать приемы для сотен приглашенных, когда и такого времени в запасе не было. Мой штат прислуги вполне способен устроить приватную семейную вечеринку на пятнадцать человек.

Айвен на всякий случай пересчитал на пальцах.

— У меня получается четырнадцать. Даже если считать меня и Саймона.

— Байерли наверняка увяжется за Риш.

Что ж, весьма удобно для СБ, никаких лишних хлопот. Леди Элис, похоже, осведомлена абсолютно обо всех нюансах происходящего. Айвен с трудом мог такое проглотить.

— Только… не приглашай Майлза. Или пусть сам себя приглашает.

Если бы некая дама с лицом не столь утонченным, как у леди Элис, вот так скривила губы, то это называлось бы «гримаса из-за событий прошлого», так сказать «ретроспективная гримаса».

— Уверяю тебя, я в состоянии контролировать список своих гостей. В любом случае он, кажется, до сих пор еще на Зергияре. Хотя я не посчитала

Катриону. А, в другой раз. — Она махнула рукой — Айвен так и не понял, легкомысленно или угрожающе.

Он досадливо мотнул головой и провел пальцами по волосам.

— Ну да, конечно. А стоило мне сегодня явиться на службу — с *опозданием*, представь себе, из-за всех этих ночных заморочек, и что я вижу? Там уже сидит один эсбэшный капитанишка, судя по виду — он получил по полной и, как я понимаю, стал кошмарить моего шефа из-за всего этого… Как-то не греет такое начало дня, точно тебе говорю. — Он перевел дух. — Он из Департамента по делам галактики. Так, похоже, он даже не удосужился сегодня утром поговорить с Департаментом внутренних дел, если ты понимаешь, о чем я. Это может создать мне проблемы. Они там, что ли, все в своем главном тараканнике работают вслепую? Или Аллегре хочет, чтобы у каждого была своя, независимая точка зрения, или что? Терпеть не могу, когда эти хорьки норовят меня в ловушку заманить.

Саймон Иллиан наклонился над видеопластиной и любезно посоветовал:

— А ты позвони Гаю Аллегре, Айвен, и спроси. Если первое — ему надо это узнать, если второе

— знать это надо тебе. Он поговорит с тобой, имей в виду.

Улыбающееся лицо Саймона исчезло с экрана, но задумчивый голос был еще слышен:

— Хотя мальчику Гая Аллегре только на пользу, что не побоялся наехать на адмирала, получил он за это по полной или нет. Агентам СБ нужен твердый характер…

Айвен передернулся. «Но я не хочу говорить с Аллегре».

— Весьма разумно, — одобрила леди Элис. — Тогда я позвоню Тедж и Риш. Держись, дорогой. Кристос свяжется с тобой позже, вы обговорите детали относительно транспорта. — И она отключила комм.

Айвен какое-то время сидел, собираясь с силами. Интересно, когда он сможет вернуться к делам оперативного отдела — если вообще сможет? И можно ли что-то из этого расценить как личные звонки в рабочее время, и не схлопочет ли он за это нагоняй, если что. Он вздохнул и набрал следующий номер.

— А, Айвен, — нейтрально отреагировал генерал Аллегре, когда секретарь переключил вызов.

Гай Аллегре был коренастым мужчиной средних лет: внешность самая обычная для старшего

офицера, и жена у него обычная, — ну, работает, правда, в Императорском научном институте, и дети той же возрастной группы, что и молодняк Деплена; требовалось узнать его хорошенько, чтобы пришло понимание, насколько он невыносимо блестящ и блестяще беспощаден на самом-то деле. — У нас тут будет местечко на курьерском корабле, на следующей неделе. Или уже нет такой необходимости ввиду утренних новостей? Я подразумеваю новости прошлой ночи. Так как ты считаешь?

— Э-э… Пожалуй, что так, сэр. На данный момент все в подвешенном состоянии. Но тут вот какая ситуация… Оказалось, что я имел дело с двумя вашими людьми, но друг с другом они не взаимодействуют…

Стараясь следовать инструкции Саймона Иллиана, он кратко изложил, какая, собственно, вышла неувязочка из-за Байерли и капитана Раудсеппа.

— Хм, да. Я проинформирую Раудсеппа.

Так вот, значит, как обстоят дела. Теперь понятно, почему у генерала был такой замороженный голос при виде Айвена. Очевидно, что Раудсепп пребывал в полном неведении относительно того, что делал Байерли.

— Хорошо, что ты спросил.

«Так, хорошо, значит, что спросил».

— Саймон сказал, мне надо это спросить. — На всякий случай Айвен счел нелишним как-то подстраховаться.

Аллегре кивнул:

— Форратьер неплохо справляется с работой. На свой уровень. А последнее время — я бы сказал, слишком уж хорошо. ДВД вроде как собирался попридержать его какое-то время не у дел, но тут как раз вся эта заварушка.

— Как можно работать слишком хорошо?

— Ну, эти внештатники… — Аллегре безнадежно махнул рукой, выказав, что он думает по поводу таких слишком инициативных «сотрудников», как Байерли, и сменил тему: — Кстати, как там Саймон?

Что, теперь донос на *другую* семью? Нет, это несправедливо. Гай Аллегре ведь какое-то время был главой Департамента по делам Комарры, в непосредственном подчинении у Иллиана, пока не сел на место шефа, когда оно — в связи с непредвиденными обстоятельствами — оказалось вакантным четыре года назад. Так что его вопрос об Иллиане продиктован не только служебными обязанности, ему это и правда

небезразлично.

— Со здоровьем у него вроде бы неплохо.

— Рад это слышать. Может, какие новые увлечения, а? Таковые ведь вполне могли появиться. — Тут Аллегре поспешил дипломатично добавить: — О, я, конечно же, не имел в виду твою достопочтенную матушку.

— А вы часто с ним разговариваете? Консультируетесь?

— По мере надобности. Экс-шеф Иллиан проявляет надлежащую осмотрительность, чтобы не толкаться со мной локтями, тут надо отдать должное остроте его ума. Так что надобности отсылать его на Зергияр, как твоего дядю, не возникало — изолировав тем самым области проявления застарелых людских привычек. Хотя, полагаю, в данном случае ту же функцию — дистанцирования Саймона от его старой команды — выполняют медицинские показатели. — Аллегре хитро прищурился, его явно посетила занятная мысль: — Я вот думаю, а что, если ему съездить в гости к Эйрелу? Я ему это предложу. Как считаешь, твоя достопочтенная матушка захочет попутешествовать? Пока это не вызывает нездорового ажиотажа у теоретиков заговора. Хотя и это может принести пользу… — Генерал

перевел взгляд на панель комм-пульта: видимо, что-там потребовало его внимания. — Это все — на данном этапе?

— Да, сэр. — «На данном этапе».

— Благодарю вас, капитан Форпатрил.

И — по мановению руки Аллегре — Айвен исчез с его видео-панели и был тут же забыт.

* * *

Тедж смотрела, как Риш ведет к лифтовой шахте отеля младших Аркуа. Программа была такая: спуститься с ними вниз и устроить небольшую пешую прогулку по ближайшим окрестностям, а потом вернуться и подождать в баре отеля, пока за ними приедут и отвезут к леди Элис. Тедж вообще-то хотела провести экстренный брифинг по Барраяру со *всей* семьей еще до того, как они отправятся на обед, — только ей ни словечка не давали вставить. Что ж, придется провести приватные беседы с папой, бабушкой и баронессой. Риш пообещала приложить все усилия и просветить остальных.

Нажав на звонок двери в гостиную, она услышала голос матери — та приглашала войти. Тедж прошмыгнула в комнату.

Старшие Аркуа-плюс-один собрались вокруг

низкого столика головида. Сейчас он показывал что-то вроде крупномасштабной карты города. Бабушка коснулась пульта, перед глазами все поплыло, вызывая неприятное ощущение дезориентации, — и карта вновь сделалась четкой.

— Это точно не здесь, — брюзгливо пробурчала бабушка. Оставалось только удивляться — куда подевались бонтонные интонации ее хорошо поставленного голоса.

— Вряд ли они его передвинули, — резонно заметил папа.

— Нет, вместо этого они передвинули все остальное. — Бабушка подняла взгляд: — А, Тедж, вот и ты.

— Тебе удалось договориться, чтобы за нами заехали пораньше? — спросила баронесса. — Ты объяснила, что моя мать хочет осмотреть знакомую ей часть Старого Города?

— Да, — ответила Тедж. — Леди Элис сказала, что Кристос с удовольствием нас отвезет туда. Насколько я поняла, запоминание всех до единой улиц в Форбарр-Султане входит в программу курсов вождения, и он все-все улицы знает, а ему доводилось бывать в старых районах.

— Знание местности всегда пригодится, — кивнул папа.

— А что вы ищете?

Тедж устроилась между папой и баронессой. И оба вопреки обыкновению заключили ее в объятия. Подобное проявление чувств баронессе было отнюдь не свойственно — наверное, через денек-другой это пройдет, и она вернется к своей обычной сдержанности. Должно быть, она действительно боялась за Тедж все время, пока длилась эта рискованная одиссея: утраченный Дом — оттуда на Землю, потом на Эскобар и, наконец, сюда. Тедж бы тоже за них боялась, если б только знала, что родители все еще живы. И неизвестно еще, кому пришлось хуже — ей или им.

— То, что мы ищем, — это старинная резиденция форов со странным названием «Огороженный двор». — Бабушка пристально вглядывалась в карту города. — Во времена Девятой Сатрапии — так цетагандийцы называли то, что сами барраярцы прозвали цетагандийской Оккупацией, — я там работала.

— Работала? — Тедж не могла скрыть удивления. Ребенком она воспринимала бабушку как данность и едва ли интересовалась ее долгой прошлой жизнью — до того как та стала бабушкой Тедж. — Вот уж не думала, что аут-жены гем-генералов работают!

Баронесса не преминула одернуть дочь:

— Но ведь не в каком-то жалком магазинчике, Тедж! — Баронесса, когда узнала о попытках Тедж заработать на жизнь, высказала ей свое неодобрение.

Бабушка поджала губы.

— Видишь ли, когда меня… изгнали из аутов, я уже была генетиком, прошла полный курс обучения. Я просто не прошла отборочный тур, и не так уж много не хватило, — но нам, девушкам с внешних планет, всегда было труднее соперничать с аутами с самой Эты Кита. У них ведь был доступ к самым последним разработкам, ты знаешь. Меня выбрали в пару генералу гему Эстифу именно потому, что он получил назначение в Девятую Сатрапию, а программе Звездных Ясель требовался компетентный ассистент в их лабораторию. Женщина, которая работала там до меня, погибла при ужасной бомбежке. И ведь в нее бомба этих жутких партизан угодила случайно — просто она оказалась не в том месте не в то время. — Бабушка неодобрительно фыркнула. Тедж не поняла, что именно вызвало ее неодобрение — партизаны, их тактика или то, что они не распознали значимость того, кого убили по чистой случайности.

— У Звездных Ясель было представительство

на Барраяре? А барраярцы знали? — Айвен Ксав не упоминал ничего такого, и сама она не натыкалась на подобные факты, а ведь она немало прочла за последнее время. — И что, интересно, они здесь делали?

Бабушка пренебрежительно отмахнулась.

— Очевидно же — ассемблирование полного генного обследования и библиотека генов человеческих существ, обитающих на планете. Так называемый Период Изоляции Барраяра стал уникальным естественным генетическим экспериментом, и это нельзя было не использовать. Мы, конечно, рассчитывали получить из этого что-то ценное — какую-нибудь неизвестную ранее мутацию или их набор, что-либо, что можно было бы вычленить и внедрить в высший генный базис. Но, увы, за двадцать лет так ничего и не добились. Задача перед нами стояла масштабная, но мы не получали должной поддержки, и финансирование постоянно урезали. И должна вам сказать, все, что мы открыли, — так это неизвестные ранее генетические заболевания. Шестьсот лет, наверное, слишком краткий срок, чтобы смогли развиться новые положительные изменения и отфильтроваться в популяцию. Право же, очень жаль, что эту планету открыли

заново так скоро.

Некоторые комарриане тоже так считают, вспомнила Тедж, хоть и по иным причинам.

— А что у тебя здесь было? Лаборатория в этом старом дворце?

— Точнее, под ним. Раньше здесь была резиденция какого-то графа, потом дворец достался младшим членам семьи, а уж затем его экспроприировало правительство Сатрапии. Аут Зая, глава нашей группы, была им не слишком довольна, зато оно предоставляло в должной мере безопасный вход в нашу рабочую зону. Для того времени лаборатория была достаточно хорошо оборудована: биозащита, и всякое такое.

Тедж как-то не совсем поняла:

— Если это была просто библиотека генов, то зачем тогда вообще устройства контроля биологической опасности?

— Никогда ведь не знаешь, что может случиться… — Бабушка не стала конкретизировать.

Такое расплывчатое объяснение Тедж не устроило. Все это как-то странно… Она погрузилась в свои мысли и не услышала, как баронесса ей что-то сказала.

— А? Что? — встрепенулась Тедж.

— Я говорю, Тедж, хватит уже сидеть разинув

рот, ворона залетит. Не отвлекайся; это важно для нашего будущего, — призвала ее к порядку баронесса.

Какое еще будущее, они только о прошлом и говорят. О замшелой древности. Тедж постаралась не вздыхать и сделала вид, что внимательно слушает. Ей вообще-то надо успеть до отъезда побольше рассказать им про леди Элис…

— Но все же мы имели дело с *гемами*, дорогая. Аут Зая обходилась здесь собственными запасами, обычная предосторожность, ничего более. Ведь лучше перестраховаться. — Бабушка многозначительно кивнула и продолжила рассказ: — Здесь, в Форбарр-Султане, был только региональный аванпост, ты же понимаешь. Основное оборудование и прочее находилось в орбитальной лаборатории — в той, которую сожгли в атмосфере, потом уже, когда спешно уходили с Барраяра. Я в этой лаборатории только раз и была, я ведь не могла рассчитывать, что меня туда назначат, молодая слишком. Оборудование там было гораздо лучше, чем у нас внизу. Какая потеря! По крайней мере все данные оттуда мы спасли.

— Что возвращает нас, Тедж, к твоему молодому человеку, — громогласно вступил в разговор

папа.

— Что? — На этот раз Тедж все-таки удалось не разинуть рот от удивления.

— У тебя было время его изучить. Какие в его случае рычаги? — спросил папа.

— Рычаги?

— Тедж! — прикрикнула баронесса, теряя терпение, но папа остановил ее и разъяснил:

— Ну да. К примеру, жаждет ли он власти? Положения в обществе? Богатства?

— Не знаю.

— Как можно не знать? — удивилась баронесса. — Это же самое основное.

Тедж пожала плечами:

— Я так поняла, что его мать богата — ей принадлежит то здание, где живет он, то, где живет она сама, и еще другие дома поблизости, и что-то еще за пределами столицы, не знаю, что именно, — а он единственный ребенок. И у него есть какой-то еще трастовый фонд от родственников со стороны отца. И еще офицерское жалованье, на которое он главным образом и живет.

— Я не совсем это имел в виду, — сказал папа. — Многие богатые хотят стать еще богаче — может, у них какой замысел или это навязчивая идея.

«Ха! Уж в этом-то Аркуа разбираются».

— Мне кажется, Айвена Ксава больше заботит удобство, чем показуха. То есть я хочу сказать, что он живет так, как принято у людей его класса, класса форов, и не потому, что так уж в этом заинтересован, а потому, что так… ну, проще, что ли.

— Кстати, как там у него с бизнес-подготовкой? Он чем-то таким занимался? Импорт, экспорт, торговля? Он сможет, к примеру, составить крупный или сложный проект?

— Ну, насколько я знаю, он занимается армейскими бюджетами вместе с адмиралом Депленом. А это проекты как раз и сложные, и крупные.

— Хм-м… — Папа побарабанил пальцами по подлокотнику дивана. — Видишь ли, с местными партнерами, так или иначе, дело иметь придется, без этого не обойтись. Мне бы хотелось, если у нас получится, провернуть это рисковое дельце в семейном кругу. Меньше риска. Мои старые контакты… не столь надежны, как мне бы того хотелось. А в некоторых случаях эти контакты еще и слишком старые.

Ой, какое это *рисковое дельце* он опять затевает? Тедж это все не очень-то нравилось. Но зато отец, когда заговорил о деле, прямо-таки преобразился. Ее пугало, что у отца был такой усталый, потерянный вид, взгляд потухший. Чувствовалось, что

он очень тяжело переживает поражение, когда рассказывал про Эрика и про потерю станции.

— Но что ты имеешь в виду? Чем ты собрался заниматься здесь, на Барраяре? — Тедж даже не пыталась скрыть удивления.

— Добычей полезных ископаемых, — усмехнулся папа. — Выкапывание истории. Мойра считает, что мы наткнулись на богатую жилу. У каждой семьи должен быть свой заброшенный золотой прииск, как по-твоему?

— Для меня это все живо и никакая не история, — уточнила бабушка. — В любом случае золото представляет наименьшую ценность по сравнению со всем остальным.

— Потенциально, прошу заметить. Пока мы не можем ничего говорить наверняка. Шансы-то мизерные. — Баронесса предпочитала разумную осторожность.

— Лучше мизерные, чем вообще никаких, — вздохнул папа. — А если барраярское правительство что-нибудь узнает, у нас не будет вообще ни единого шанса, так что никакой болтовни на эту тему, никому ни слова за пределами этой комнаты. Ты поняла, Тедж?

Тедж сморщила носик:

— Вы про ту старую подземную лабораторию,

что ли? Да кому вообще нужна древняя генная библиотека? Да там уже все давно протухло, не иначе. — «А что уж говорить про запах!»

— Ну, на самом-то деле все, что было в свое время спорулировано, поддается полному восстановлению, — сказала бабушка. — И еще там всякий хлам. Его туда запихнули в последний момент по настоянию гем-генералов и их прихвостней. Видимо, кто-то из них и впрямь верил, что когда-нибудь у них будет возможность все вернуть.

— Всякий хлам?.. — Папа откинулся на спинку дивана, многозначительно усмехаясь: — Старые документы, наверное, а? Самих цетагандийцев и пленных барраярцев. Коллекции произведений искусства…

— Всего лишь местные вещицы по большей части, — уточнила бабушка. — Хотя надеюсь, что там были и неплохие предметы искусства, привезенные из дома.

— …деньги Девятой Сатрапии, в банкнотах и валюте — вот вам и сундуки с золотом… — продолжал папа перечисление «всякого хлама».

— Эти дикари из барраярского захолустья по каким-то неведомым причинам предпочитали неудобные золотые монеты, — подтвердила ба-

бушка.

— …да там вообще могло быть что угодно — все, что эти редкостные бандиты, цетагандийские гем-лорды, в панике не успевали вывезти, — то ли контейнеров для упаковки не было уже, то ли времени не хватило, кто знает? Тут самим бы ноги унести, — объяснил папа. — Даже Мойра, похоже, не знает всего того, что там могло быть.

— Никто этого не знает, — подтвердила бабушка. — Аут Зая очень была недовольна, когда они вторглись на ее территорию, но в тот момент никто и ничего не мог с этим поделать.

В начале разговора Тедж твердо решила не ввязываться в рискованные и, что еще хуже, изначально обреченные на провал аферы клана Аркуа, но это перечисление «всякого хлама»… Она слушала, затаив дыхание и вытаращив глаза от удивления.

— А почему… э-э… почему вы решили, что этот склад в подземной лаборатории до сих пор никто не нашел? Может, оттуда давным-давно все вывезли? — робко спросила она.

Баронесса в задумчивости сплела пальцы.

— Допустим, все оттуда вывезли тайно, но в этом случае какие-то из предметов наверняка всплыли бы на поверхность и оставили след.

И некоторые документы. Однако этого не случилось.

— А как тогда… Как нам-то туда проникнуть? Тайно?

Папа щелкнул пальцами.

— Чем проще — тем лучше. Если это здание еще существует, купи его. Или арендуй. Если его снесли и перестроили, купим то, что над ним, и будем действовать так же. Я так понял, оно было не в самой престижной части города. Если так не получается, купим или снимем что-нибудь подходящее поблизости и подберемся другим способом. Все, как обычно: застолбить участок там, где можно получить прибыль — или потерять, потери, как правило, можно вернуть, как я делал, когда был юным пиратом. Все равно лучшую цену за любую вещь можно получить только, если найти на нее лучшего покупателя. А это, в свою очередь, лучше всего провернуть с какой-нибудь безопасной базы за пределами этой сомнительной империи.

— Станция Фелл, к примеру, — сказала баронесса, — если удастся заинтересовать барона Фелла. Тогда мы сможем получить кредитование для дальнейших операций, наши опционы будут в доступе. И еще — я верну Рубин.

— Хм-м… Вроде бы предметы имеют наибольшую историческую ценность, если извлекаются и регистрируются на месте? — сказала Тедж не слишком уверенно.

— Да, это так, — подтвердила баронесса. — Но в нашем случае, как ни печально, иначе не получится. Придется рассчитывать на меньшую цену.

— И как давно вы все планируете это мини-пиратство?

— С самой Земли, — ответил папа. — Когда мы уже отчаялись продать за нормальную сумму волосы моей тещи, Мойра вспомнила об этом месте.

— Я много лет о нем не вспоминала, — сказала бабушка. — Десятилетий, если точнее. Но когда Шив женился на Удине, он так и не получил положенного свадебного подарка. Гем Эстиф впустую растратила первый свадебный дар на этого своего идиота комаррианина, который пустил все на… ох, много неверных решений.

— Я пришла к тебе вообще без ничего, — тихо проговорила баронесса, нежно глядя на мужа. — Все, что у меня было, — это волосы. — И она с грустью подергала короткие прядки.

— Я это помню, — сказал супруг с такой же

нежностью во взгляде. — И очень ясно помню. В то время у меня самого было не намного больше.

— Твой ум, во всяком случае.

— Ну что ж, этот тайник станет и испытанием, и свадебным подарком, если Шив сумеет извлечь его содержимое, — сказала бабушка. — Может быть, получится так, что вы вернетесь к периоду ухаживания?

— Как только все это где-нибудь разместим, — хмыкнул папа, вроде бы не имея ничего против такой перспективы.

— Твой нежданный барраярский муж, — обратилась баронесса к Тедж, — внес в наши планы некоторые поправки. Изначально мы собирались прибыть сюда инкогнито, но твое возвращение из небытия дало нам еще один вариант — второй уровень достоверности. Решающим моментом стало то, что у этого твоего Форпатрила оказался неожиданно высокий уровень безопасности. Изначально я собиралась сохранять тайну до тех пор, пока мы не изыщем средства на ведение войны и не устроим противнику более пышный прием.

— Гибкость, Удине, — отреагировал папа.

— Сказать по правде, когда Амири сообщил, что вы с Риш так и не добрались до него в срок, я

едва не впала в отчаяние. Новости, полученные окольным путем от Лилли, стали для нас великим подарком судьбы, и барраярский план сделался весьма соблазнительным.

— Если нам удастся заполучить этот клад, — сказал папа, — он станет спасением Дома. Ключом ко *всему*. Давненько я не ставил *все* на одну карту. Но уж если возвращаться к безрассудствам молодости, то хочу назад и мое прежнее тело! — Он похлопал себя по животу и скривился.

Его жена только фыркнула. Впрочем, на взгляд Тедж, папа и теперь выглядел вполне энергичным.

— Остается только найти «Огороженный двор», — бодро провозгласила бабушка.

* * *

Айвен усадил своих тестя, тещу и леди гем Эстиф в пассажирский салон большого лимузина маман, уселся напротив, и фонарь салона с шипением закрылся. Сжав руку Тедж, он почувствовал себя чуть более уверенно. Когда он прибежал домой переодеться и привести себя в надлежащий вид для королевского шоу, то обнаружил, что Тедж и Риш уже ушли. Поговорить так и не удалось, да и сейчас такая возможность вряд ли

представится — во всяком случае, в ближайшие часы. Зато сегодня вечером Айвен — чисто выбритый, в парадном мундире, который нечасто надевал после службы, — выглядел куда более презентабельным зятем, чем минувшей ночью. Во всяком случае, он на это надеялся.

«Экскурсию для бабушки» Кристос начал с того, что объехал вокруг замка Форхартунг. Айвен не преминул заметить, что в замке есть еще военный музей, который можно будет потом посетить — вполне невинное развлечение для туристов.

— Похоже, ваш замок пережил минувшее столетие вполне благополучно, — заметила леди гем Эстиф, глядя на зубцы старинных стен, украшенные яркими флагами, полоскавшимися на зимнем ветру. Флаги округов свидетельствовали о том, что в замке проходит заседание Совета графов. — И все-таки — до чего же он странно выглядит без лазерной защиты.

Посовещавшись вполголоса с Кристосом, Айвен решил, что на первый раз Императорскую резиденцию лучше осмотреть издалека — что они и сделали. Кристос ухитрился подвести лимузин как можно ближе к отреставрированным пешеходным улочкам и магазинчикам старого Караван-сарая.

— А вот это уже усовершенствование, — пробормотала леди гем Эстиф. — На моей памяти эта часть города считалась гиблым местом.

О том, что как раз здесь-то он и родился, Айвен решил пока умолчать. Пусть на сей раз эту историю рассказывает кто-нибудь другой.

— Последний барраярец из тех, кто еще помнил Оккупацию, — я его знал лично, — умер… сколько ж это получается… — Он умолк, подсчитывая в уме. — Да, восемнадцать лет назад.

Айвену тогда едва исполнилось семнадцать. А ведь и правда, уже полжизни прошло с тех пор, как этот кошмарный старик, его двоюродный дед генерал Петер, отправился к праотцам? «Ага, именно так».

Полностью современное здание Генштаба, в котором служил Айвен, никакой реакции у гостей не вызвало. Но едва они удалились от реки, как леди гем Эстиф стала разглядывать окрестности. Сидевшие рядом баронесса и барон с интересом наблюдали за ее реакцией. Но лицо старой леди не выражало никаких эмоций, и понять, довольна она или нет, было довольно трудно.

— В дни Девятой Сатрапии поблизости проходила граница города, — заметила она.

— С тех пор Форбарр-Султан разросся на пару

десятков километров, — пояснил Айвен. — Во все стороны. Вам обязательно надо до отъезда посмотреть новые современные районы.

Большой лимузин едва втиснулся на освободившее парковочное место — редкая удача! — и с шипением опустился на мостовую. Пока они петляли по Старому Городу, Кристос то и дело давал свои комментарии по переговорному устройству из водительской кабины. Сейчас он объявил:

— Приехали, леди гем Эстиф. Чтобы найти упоминание об этой старой постройке, мне пришлось далеко углубиться в прошлое. Цетагандийцы отобрали ее у древнего форского рода, связанного с Сопротивлением, и, пока не покинули столицу, держали здесь гостиницу — вероятно, из-за обширной территории и окружавшего особняк парка. В период последних боев здание было занято отрядом Сопротивления, и его сровняли с землей, а участок перешел в собственность императора Ури. Прежние владельцы форы так и не попытались вернуть его себе — вероятно, все они к тому моменту уже умерли. Но как бы то ни было, «Огороженный двор» находился именно здесь.

Все трое старших Аркуа — ну, или двое Аркуа и одна гем Эстиф, — вытянув шеи и широко раскрыв глаза, пытались разглядеть что-то сквозь

прозрачный колпак лимузина.

— А вон то огромное уродливое здание? — сдавленным голосом спросил барон. — Это что такое?

Ну наконец-то хоть что-то из архитектуры старого Форбарр-Султана приковало их внимание — пусть даже одно из самых жутких строений в городе!

— А это, — радостно пояснил Айвен, — одно из творений личного архитектора императора Ури, редкого мегаломана, печально известного лорда Доно Форратьера. Его удалось остановить лишь после того, как он возвел пять таких сооружений. Кстати, не путайте с его тезкой — нынешним графом. Между прочим, Доно-архитектор тоже приходился Байерли родственником, хотя, по счастью, и не самым близким. Сегодня за ужином Бай сможет вам о нем порассказать побольше. А конкретно это гигантское бельмо на глазу — главный тараканник, как называют его те, кто там работает. Штаб-квартира Имперской службы безопасности Барраяра.

В салоне лимузина повисло молчание.

— Полагаю, оно не продается, — сказала Тедж слабым голосом. — И не сдается в аренду.

Айвен рассмеялся:

— Раньше, когда конторой руководил Саймон

Иллиан, он говорил, что продал бы это здание за один бетанский доллар, если бы только сумел найти бетанца с одним долларом в кармане и полным отсутствием вкуса. И если бы только Совет графов построил для него новое здание — чего они делать не собирались. Маман говорит, что одно время у него в кабинете висела голография эскобарского небоскреба «Инвестигейтив Федераль» — на стене, там, где другие обычно вешают портреты кинозвезд.

— Ну надо же! — произнес Шив Аркуа.

Лимузин, тронувшись с места, влился в поток машин, но барон все никак не мог отвести глаз от ужасающего сооружения и долго еще оглядывался через плечо.

Глава шестнадцатая

Когда уже вся компания поднималась по лифтовой шахте в пентхаус леди Форпатрил, Тедж шепнула Айвену:

— Э-э… я пока не объяснила им про Саймона… не получилось.

— Вот как?.. — Айвен дернулся. — О чем же вы тогда все это время говорили?

— О другом.

Айвен шагнул в вестибюль; старшие Аркуа потянулись за ним как утята за мамой уткой.

— Так… слишком поздно.

Что ж делать, придется Саймону на этот раз все объяснять самому. Или не объяснять — это уж как он захочет. Перед ними плавно открылись отделанные инкрустацией двери — кто-то, видимо, стоял на дежурстве. Маман вместе с Саймоном уже ждали их в просторной прихожей. Из гостиной доносились гул голосов и позвякиванье посуды — значит, Риш и Байерли благополучно доставили сюда остальных членов семьи.

Тедж храбро выступила вперед.

— Папа, баронесса, бабушка. Позвольте вам представить мать Айвена Ксава, леди Элис Фор-

патрил, и моего свекра — отчима моего мужа — Саймона Иллиана, капитана в отставке из Имперской службы безопасности. Леди Элис, Саймон, позвольте вам представить леди Мойру гем Эстиф, Шива Аркуа и Удине гем Эстиф Аркуа — барона и баронессу Кордона. — Последнее прозвучало несколько дерзко, но определение «в отставке» вряд ли подошло бы к их нынешнему статусу.

Саймон одарил Тедж какой-то странной удивленной улыбкой и вместе с леди Элис шагнул вперед — приветствовать инопланетных гостей. Когда он склонился над рукой баронессы, та выказала полную невозмутимость, равно как и леди гем Эстиф, однако барон, прежде чем сердечно пожать протянутую Саймоном руку, недоуменно покосился на дочь.

— О, *тот самый* Саймон Иллиан, полагаю — шеф Имперской безопасности с кибер-мозгом? — произнес Аркуа своим густым, бархатным голосом. — Ваша слава достигла даже Архипелага. Айвен и Тедж показывали нам сегодня ваше здание СБ. Очень, хм-м… огромное, м-да. Одна из достопримечательностей Форбарр-Султана, как они говорят.

— Здание теперь уже не мое — и мозги, боюсь,

тоже. Чип памяти извлекли четыре года назад, — сказал Иллиан. — В связи с моей отставкой.

«Так-так, кое-какие детали он предпочел опустить», — мысленно отметил Айвен.

— О!.. — покачал головой Аркуа. — Немного радикальный способ сдачи дел. Примите мои соболезнования.

— Не стоит. Лично я был в восторге.

— Неужели?

Рукопожатие наконец ослабло. Уж не играли ли эти двое в игру, кто кому первый сломает кости? Наблюдать за первой встречей этих двух стареющих «родственников» — свояков? — было немного тревожно. Аркуа — плотный, темноволосый, энергичный, несмотря на усталость — был откровенно опасен. Худощавый, седеющий и неприметный Саймон… опасен неприметно. Мозг Саймона, конечно, уже не так надежен, как прежде, — но ощущение опасности от этого вовсе не уменьшалось, а, наоборот, усиливалось еще больше. И лишь когда с взаимными приветствиями было покончено и слуги унесли пальто, а гости прошли в гостиную, присоединившись к остальной части семейства Аркуа, Айвен понял, какое испытывал напряжение.

Чуть задержавшись, он тихонько спросил

у Саймона:

— Почему вы сейчас так улыбнулись, глядя на Тедж?

По лицу Саймона пробежала тень той самой довольной улыбки.

— Потому что меня впервые представляют как чьего-то отчима. Как ни странно, но это лестно.

— Хм-м… а вам бы этого хотелось, сэр? — Айвен растерялся. Бросив взгляд в прошлое, он вдруг осознал, что все вокруг, может, и допускали, что у Айвена и партнера его матери могут быть отношения почти как у сына с отцом. Но сам Саймон — никогда. Ни разу.

— Как сказала бы миледи твоя матушка, это было бы некорректно. Но никто, кроме нас, в этом не виноват. — «И никого, кроме нас, это не касается», — сказано не было, но явно подразумевалось. — Хотя… — Небольшая пауза… Он что, правда *смущен*? — Я бы, наверное, обошелся без всех этих «хм».

— Хм… — начал было Айвен, но тут же передумал и преобразовал это в: — О!..

Неужели Саймона это заботит? Очевидно, да. Айвен стал перебирать в уме все те хитроумные — или тупоумные? — способы, к которым он прибегал все эти четыре года, когда требовалось

кому-то представить Саймона, но тут, на его счастье, к ним профланировал Байерли.

Бай виновато кивнул Саймону. Было всегда увлекательно наблюдать, как преображается Бай в присутствии Иллиана: присущая ему ироничная льстивость исчезала мгновенно — менялось не только выражение лица, но и язык тела. При виде бывшего шефа СБ у него буквально поджилки тряслись, и это несмотря на то что раньше Бай на него работал — а может, наоборот, как раз поэтому?

Айвен, словно проводя инвентарную опись, обвел взглядом всех наличествующих в гостиной Аркуа и Драгоценностей. Похоже, все были на месте: одни у тележек с напитками, другие смотрят в окно на густеющие зимние сумерки.

— Тебе, я вижу, удалось доставить всех. Что, маман нашла автобус?

— Да, нечто вроде роскошной сухопутной баржи. Ни одного Аркуа за бортом не осталось, — ответил Бай с насмешкой, изображая всем своим видом, что тут есть чем гордиться. — Как они ни старались. И много же у тебя новых родственников, Айвен!

— Ага, я уже заметил.

Айвен ловко ухватил бокал, одарив благо-

дарной улыбкой официантку из фирмы по организации банкетов — к ним леди Элис обычно обращалась, когда устраивала дворцовые приемы на высшем уровне, если не могла воспользоваться услугами штатных сотрудников Императорской резиденции. Официантка ответила ему материнской улыбкой.

Саймон и маман блестяще работали в команде — Айвен отследил краем глаза, как леди Элис сопровождает баронессу и леди гем Эстиф к панорамным окнам, чтобы те могли полюбоваться вечерним Форбарр-Султаном, Саймон точно так же ведет к окну Шива, и параллельно оба они незаметно отслеживают взаимоотношения супругов Аркуа с их — такими разными — детьми. Детишки, надо сказать, вполне уже взрослые, но родители, похоже, этого так до сих пор и не заметили…

Тедж увлеклась разговором со своим братом Амири и его неизменной тенью Гагатом — или Ониксом. А что, каждому из родных детей Аркуа соответствует его — или ее — собственная Драгоценность, или как? Это явно такая динамичная форма семьи, что прецеденты с признанием бастардов из истории Барраяра здесь как-то не подходят. Айвен вежливо дефилировал среди

молодых Аркуа, никого не обходя вниманием: как им отель? А поездка до квартиры его матери? Хорошо ли они отдохнули? И на все получал один ответ: «Приемлемо». К Саймону и Шиву его прибило течением как раз в тот момент, когда Иллиан спросил:

— Так как все-таки Престену удалось вас переиграть?

Шив тяжело вздохнул:

— Как выяснилось, это было частично проделано изнутри. Кое-кто из моих людей, которым я полностью доверял, — а не следовало бы.

— Прискорбно. Но такое может случиться с любой крепостью, даже самой защищенной. — И Саймон коснулся лба, словно ему что-то досаждало, — характерный жест, которого Айвен давно у него не замечал. — Именно так погубил мой чип тот ублюдок.

— Ваш чип эйдетической памяти, который был удален, когда вы ушли в отставку? А разве не по приказу ваших имперских хозяев? Я что-то не совсем понял.

— Боюсь, как раз наоборот. Сначала была совершена био-диверсия, почти полностью разрушившая чип. Айвен, конечно, помнит эту часть лучше меня. — Саймон выразительно глянул

на Айвена из-под полуопущенных век. — А уже потом хирурги благополучно удалили то, что от него осталось. Еще немного — и побочные эффекты меня бы убили. Не так я мечтал уйти из Имперской безопасности… Но я все же отслужил сорок лет — и это единственное, что сбылось.

— А!.. Да, я понимаю, — сказал Шив, и это прозвучало абсолютно искренне.

Оба иронически отсалютовали друг другу почти опустевшими бокалами и выпили до дна. Тут же, как по волшебству, появилась Фея-тележки-с-напитками и, наполнив их бокалы, снова растворилась в толпе.

Инкрустированные дверные створки в конце гостиной разошлись, словно занавес перед спектаклем, открывая сцену — ну, или, во всяком случае, стол. Огромный стол овальной формы, уставленный всякими яствами. Маман и ее подручные благополучно сопроводили гостей на предназначенные им места. Шив улучил момент и перед тем, как их рассадили, что-то прошептал на ухо своей дочери Гуле.

Айвена, к его огорчению, усадили отдельно от Тедж: ей досталось место напротив отца, сидевшего в конце стола справа от Саймона. Во главе стола по правую руку от Элис сидела Мойра гем

Эстиф, а слева — Удине Аркуа. Все это никак не отвечало стандартному протоколу — возможно, семейство Аркуа оказалось для этого чересчур специфическим, а может быть, это было сделано специально, чтобы создать атмосферу неофициального семейного ужина, или же маман распределила места согласно собственному плану после консультаций с СБ (в отставке). Как бы то ни было, Айвен оказался между собственной тещей и старшей свояченицей Звездой, дальше сидели Байерли, Изумруд и лишь потом — Риш. По другую сторону стола, между леди гем Эстиф и Тедж, сидели Гагат, Жемчуг, Амири и Гуля. Стол был слишком длинным, чтобы поддерживать общую беседу постоянно — разве только урывками, а так она скорее всего распадется на две-три части. Место Бая в центре стола позволяло ему либо слушать, что говорит каждый, либо полностью от всех абстрагироваться — как ему больше понравится.

Подали сытный зимнепраздничный суп, как раз по сезону. Едва вдохнув этот аппетитный аромат, Айвен все понял: маман похитила на этот вечер матушку Кости — и искренне понадеялся, что Майлзу никто об этом не скажет. Риш, сидевшая дальше за столом, заверила Изумруд, что все

очень хорошо, и те из присутствующих, у кого имелись генетически усиленные органы чувств (а таких здесь было большинство), в блаженном предвкушении взялись за ложки.

Леди Элис дипломатично начала беседу с самой нейтральной темы, поинтересовавшись у леди гем Эстиф, как той понравилась Земля, и несколькими наводящими вопросами втянула Айвена в воспоминания о том, как он сам десять — хотя нет, какие десять, больше! — лет назад служил на Земле помощником военного атташе, чтобы придать лоска своей карьере. Айвен поймал во взгляде маман предостережение, что самое увлекательное в этой истории лучше бы обойти молчанием, но это было явно лишнее: ему требовалось немало выпить, прежде чем появится охота распространяться о своих малоприятных переживаниях. Как бы то ни было, леди гем Эстиф избавила его от этой необходимости и в самых безупречных выражениях рассказала о том, как прожила последние восемь лет в колыбели человечества. Айвен немало удивился, узнав, что на Земле она вовсе не вела подобно своим ровесникам уединенную, более или менее обеспеченную жизнь, а занималась чем-то вроде консалтингового бизнеса, связанного с генетикой.

— Просто чтобы держать руку на пульсе, — объяснила она. — Мое изначальное профессиональное образование по цетагандийским меркам, увы, устарело, однако по земным еще вполне на уровне. Но я постоянно его повышаю. — Она самодовольно улыбнулась своим таким разным внукам, сидевшим вокруг стола.

Звезда, по мнению Айвена, слишком уж усердствовала с выпивкой, разве что у нее не печень, а цетагандийский генконструкт. На последнюю реплику бабушки она подняла голову и поинтересовалась:

— А как вообще вы со старым генералом обзавелись баронессой? Это тебе велело твое прежнее созвездие? Наверняка так — говорят же, что ауты жестко контролируют все внешние скрещивания.

— Ты заблуждаешься, милая. И дело даже не в том, что к тому времени я давно уже не имела ничего общего со своим созвездием. Тщательно планируют именно аут-аут скрещивания. А внешние не то чтобы совсем пускаются на самотек, но контролируются гораздо слабее, и делается это для того, чтобы могли получиться непрогнозируемые генетические удачи.

Удине как-то невесело улыбнулась своей мате-

ри через стол:

— Как по-твоему, я — непрогнозируемая генетическая удача?

— Как оказалось по прошествии лет — безусловно. Хотя признаю, в то время мои мотивации были более краткосрочными и эмоциональными.

Звезда нахмурилась:

— Значит, ты любила деда гема Эстифа?

Мойра гем Эстиф отмахнулась от столь романтического взгляда:

— Рэй гем Эстиф был не тем человеком, которого можно любить. Но я чувствовала, и очень сильно, что он — как и все мы, кто предпочел возвращению в империю жизнь на Комарре, — пострадал из-за того, что уважаемое высшее начальство предало наши усилия. А я могла возместить Рэю одну из тех потерь, что он понес ради Девятой Сатрапии.

Озадаченный Гагат, сидевший рядом, переспросил:

— Какую потерю?

Удине отпила вина, ласково улыбнулась своему сыну и / или конструкту и сказала:

— Как, ты ни разу не слышал этой истории?

Гагат, припомнил Айвен, был самым младшим из Аркуа, даже моложе Тедж.

Разговоры стихли; сидящие на дальнем конце стола стали прислушиваться. Тедж подалась вперед, высунувшись из ряда сотрапезников, ожидая услышать что-то волнующе интересное. Матриарх семейства Аркуа, похоже, не часто делилась с ними историями своей юности.

— Это очень барраярская история: все тщетно и бессмысленно и может стать только хуже, — потому мне кажется уместным ее здесь рассказать. — Леди гем Эстиф ненадолго замолчала, поглядывая на сидевшего в дальнем конце стола предполагаемого хозяина дома. Саймон сдержанно улыбнулся ей в ответ, но взгляд его сделался очень внимательным. — Сын генерала от одной из предыдущих жен погиб в Девятой Сатрапии.

— Взорвали предки Айвена Ксава? — живо спросила со своего места Риш.

— Сначала мы так и подумали, но позже наше самое удачное предположение было таким, что его убило то, что звучит как оксюморон, — так называемый «дружеский огонь». Капитан гем Эстиф пропал во время трехдневного отпуска. Обычно в таких случаях считалось, что убит партизанами или дезертировал — дезертирство тогда стало серьезной проблемой, — однако Рэй настаивал, что второго быть просто не могло, а

на первое ничто не указывает. И лишь гораздо позднее — мы были уже на Комарре, насколько я помню, — один из друзей его сына смог побеседовать с нами конфиденциально, и мы выяснили, что у капитана был бараяррский любовник.

Леди гем Эстиф сделала паузу, зачерпнув ложку супу, а четырнадцать человек молчали, боясь ее перебить. Но вот, уделив внимание супу, она продолжила свой рассказ:

— Видимо, отправившись на поиски своего молодого человека, капитан проник в расположение противника, причем в самое ужасное и пользующееся дурной славой логово партизан на этой планете. Так и не удалось выяснить — то ли капитан узнал, что этот город должен быть уничтожен правящей гем-хунтой — в которую генерал гем Эстиф, кстати, не входил, иначе бы знал эту новость из других источников, — и пытался вывести своего любовника из обреченного города, то ли ребятишкам просто не повезло со временем и местом. При всей нелепой ужасности того, что его сына принесли в жертву, Рэй нашел некоторое утешение в том, что это не дезертирство.

Четверо барраярцев за столом сидели не более притихшие, чем все остальные, — во всяком

случае, Айвену так казалось. Но возможно, это как раз и была наглядная демонстрация — в чем отличие, когда молчат, потому что внимательно слушают, и когда молчат, потому что просто не в силах произнести ни слова. Печально известный ядерный взрыв, уничтоживший столицу округа Форкосиганов, послужил толчком, который подстегнул раздираемую войной обессиленную планету сделать последний рывок против Оккупации.

— Мой кузен Майлз владеет тем местом, где был Форкосиган-Вашнуй, — уточнил Айвен любезно. Или как бы любезно? Этого Айвен и сам не знал. — И он уже наконец-то перестал светиться в темноте.

— Правда? — невозмутимо сказала леди гем Эстиф. — Что ж, тогда привет от меня бравому гем-капитану и его возлюбленному, когда будете пролетать там в следующий раз. Полагаю, приземляться вы там не будете?

— Нет, — покачал головой Айвен. — Даже сейчас.

Леди Элис, при всем своем тридцатилетнем опыте в дипломатии, похоже, не сразу нашлась, как вытянуть светский разговор из той глубокой ямы, в которую он угодил. Но совершила герои-

ческую попытку исправить ситуацию:

— Так вот почему вы с гем-генералом приняли комаррианское гражданство?

— Полагаю, у Рэя были более практические соображения — он на тот момент владел большим пакетом планетарных акций с правом голоса.

«Подкуплен, это ведь так переводится?» — подумал Айвен.

— Сама я вообще-то не просила о получении гражданства Комарры, а просто пребывала на планете на правах супруги, — продолжила леди гем Эстиф. — Позже, когда я жила вместе с Удине и Шивом, вопрос подчинения правительству был весьма спорным. Мне удалось оставаться персоной без гражданства почти что сто лет, а это, могу вам сказать, при современных средствах коммуникации не так-то просто.

— Действительно, — подтвердил Иллиан, завороженно глядя на нее.

Подали следующее блюдо, и общая беседа разделилась на несколько потоков: на том конце стола, где преобладало дамское общество, заговорили о цетагандийских генных технологиях применительно к джексонианским внешним скрещиваниям, попутно обсудили — со всяческими отступлениями — нынешнюю ситуацию

с репликаторами на Барраяре. На другом конце стола обсуждали военную историю и финансирование. Айвен тихо злился, что не может толком расслышать беседу Саймона с Шивом, когда те принялись наперебой травить байки о разбое и тайных операциях на Архипелаге Джексона — причем каждый, судя по всему, выдавал сильно отредактированную версию реальных событий.

Когда дошла очередь до десерта, Айвен решил, что на вопрос: «Из чего это сделано?» — найдется кому ответить и без него. Кленовая амброзия была восхитительна и прямо-таки таяла во рту, но отвечать на вопрос об ингредиентах никому не пришлось: любопытствующих вполне устроила отговорка леди Элис, что это «традиционные барраярские сласти». Учитывая, кто сегодня готовит, этот пункт в меню был почти неизбежен. Матушка Кости получала роялти за этот рецепт.

Ужин завершился мирно, хотя леди гем Эстиф все-таки не следовало обсуждать такие болезненные темы. Поскольку тон за столом задавало старшее поколение, непохоже было, что прием особо затянется или перейдет в бурную фазу. Когда Саймон вдруг повел Шива в свой кабинет, Айвену это показалось довольно странным, и он потихоньку увязался за ними. Обычно такой

чести удостаивались лишь немногие избранные: Грегор, Майлз, ну еще дядя Эйрел, когда жил на Барраяре. Необычность ситуации подчеркнуло то, что Саймон извлек из бара отборное бренди из округа Форкосиганов, настолько редкое, что на бутылке даже этикетки не было — в продажу оно не поступало и могло быть получено только в качестве подарка из собственных рук графа.

Бутылку — и два бокала.

— Полагаю, леди Тедж нуждается сейчас в твоей поддержке, верно, Айвен? — негромко сказал Саймон.

Они смерили друг друга взглядами; на бутылку Айвен старался не пялиться.

— Меня весьма беспокоит будущее Тедж, сэр.

— Я в курсе, Айвен. Это из тех забот, которые у меня в голове на первом плане.

«Черт побери, это мне надо пообщаться с Шивом! Дождитесь своей очереди!» — подумал Айвен, но не мог же он сказать это вслух, да еще и в присутствии предполагаемого тестя, с живым интересом наблюдавшего их игры.

А Саймон тем временем ловким маневром оттеснил его к двери.

«Не забудь, Саймон! Сколько всего на первом плане ты можешь удержать в голове и не запу-

таться?»

Очень звуконепроницаемая — а также пуле-, плазма-, ядо- и газонепроницаемая — дверь захлопнулась у Айвена перед носом, и он остался стоять в коридоре.

Подошел Байерли, вид у него был слегка утомленный.

— Не знаешь, куда исчезли Аркуа с Иллианом?

Айвен пальцем указал на дверь кабинета:

— Тайное совещание, по-видимому. Обсуждение форкосигановского бренди и не знаю, чего еще.

Байерли уставился на глухую дверь с не меньшим любопытством, чем Айвен.

— Так… Иллиан. У него же все под контролем.

— Не уверен. Ты сидел ближе к тому краю стола, чем я. Тебе не показалось, что Шив его обрабатывает? Очень тонко, конечно.

Бай пожал плечами:

— Ага, точно. Аркуа сейчас использует любую возможность. Он пытается получить поддержку для своего Дома в изгнании, чтобы Дом стал не в изгнании. Это как раз ясно. А вот менее ясно… — Бай задумался. — Менее ясно, зачем Саймон, похоже, обрабатывает Шива. Даже более тонко, заметь. Разве что просто по привычке.

— Как-то мне неспокойно. Эти двое заманивают друг друга.

— Ага. Все равно что наблюдать, как две женщины пытаются друг дружку обрюхатить.

Айвен счел, что метафора интересная, но…

— Такое ведь уже делается, — сказал он. — И даже на Барраяре.

Бай отмахнулся:

— Ну, в общем, ты понял, о чем я.

— Ага. — Айвен задумался. — Кстати, как теперь у тебя обстоят дела?

— Ты про Риш? Сам пока не знаю. А Тедж своей семье что-то рассказывала?

— Про твою работу? Понятия не имею. За весь день мне не дали возможности поговорить с собственной женой. — Айвен после паузы прибавил: — Но о чем-то ведь она с ними говорила?

— Попробуешь выяснить? И то и другое, — сказал Бай.

— Шпионить — это ведь твоя работа, — пробурчал Айвен.

— Делаю что могу, — огрызнулся Бай.

— Эй! Ты, между прочим, сам раскрылся, еще на Комарре. Ну ты меня тогда и удивил. Пытался произвести впечатление на этого хорошенького питона? Как отважно ты ведешь двойную жизнь?

Так, что ли?

— Тогда там были только две дамы, и я никак не мог предположить, что они могут оказаться ближе, чем в пяти скачках к Форбарр-Султану. Сделка казалась честной, и они, казалось, были согласны. Своим врагам они бы уж точно не проболтались. Я был уверен, что это продлится не больше, чем пару дней, — а потом наши пути разойдутся. И уж тем более мне в голову прийти не могло, что Риш, к примеру, придется выбирать между мной и своей семьей. Ну, ради Бога!..

«А Тедж? Ей тоже придется выбирать между мной и своей семьей?» — мелькнула непрошеная мысль. И тут Айвен увидел, как открылась дверь дамской комнаты дальше по коридору. Бай тут же умолк. Появилась высокая Гуля с волосами и кожей цвета корицы. Она, видимо, возвращалась в гостиную, но, заметив Айвена и Бая, улыбнулась им и подошла поближе. На высоченных каблуках она была одного роста с Айвеном, а на Байерли смотрела сверху вниз, как и подобает баронетте Софии Аркуа. Хм, баронетта… странный какой-то титул. Для Айвена это звучало похоже на «байонет», штык у ружья — а может, в этом созвучии и правда что-то есть?

— О, Айвен Ксав! — улыбнулась она Айвену и

небрежно кивнула Баю. — Какой приятный вечер, особенно после нашего столь утомительного путешествия!

— Рад слышать, — любезно ответил Айвен. — Скажите это моей матери. Для нее прием гостей — своего рода искусство.

— О, это я могу понять. — И в голосе ее прозвучало почти что цетагандийское одобрение. — И партнер вашей матери тоже весьма интересный человек, — заметила она. «Ну да, за ужином она сидела ближе к тому краю стола, где Саймон. Рядом с Тедж. А рядом следовало бы сидеть ему, Айвену…» — Иллиан — это же фамилия простолюдина, верно? Он не фор?

— Форы — каста военных, и ни один из тех, кто отбыл на Имперской службе «дважды двадцать», не уступает по положению фору, — жестко проговорил Айвен.

Гуля перевела взгляд на Байерли, чтобы тот подтвердил эту деталь местной культуры, и тот дружески кивнул.

— И по-прежнему капитан? Прослужив… э-э… сорок лет? Да? А почему, кстати, вы говорите «дважды двадцать»? Разве это не то же звание, что и у вас?

— Нет, — покачал головой Айвен. — Главу

Имперской безопасности назначает непосредственно император, и воинское звание тут никакого формального значения не имеет. Иллиан остался в капитанском звании потому, что его предшественник, возглавлявший Имперскую СБ при императоре Эзаре — его, кстати, называли Тенью Эзара… Да, так вот — капитан Негри тоже никогда не соглашался на повышение. И вообще эта должность в большей степени политическая.

Гуля кивнула.

— А как называли вашего Иллиана? — поинтересовалась она.

— Пес Эйрела Форкосигана, — ответил Бай, насмешливо скривив губы.

— Но… Форкосиган же не был императором. Он был…

— Имперским регентом — все шестнадцать лет, пока император Грегор не достиг совершеннолетия, — пояснил Байерли, проявив снисходительность к инопланетной гостье. — Работа та же, только дивидендов не приносит.

«Хм… это он дядю Эйрела цитирует? Или, пожалуй, тетю Корделию».

— А как называют нынешнего шефа СБ?

— Аллегре? Шефом Имперской службы безопасности. — И Бай отвесил ей вежливый поклон. —

Мы, боюсь, живем не в столь интересное время.

«И слава богу», — подумал Айвен.

— Аллегре уже был генералом, когда император назначил его шефом СБ. И разумеется, никто не настаивал, чтобы он отказался от генеральского звания. Полагаю, на нем традиция завершилась.

Гуля поджала свои полные губы, пытаясь разгадать эту головоломку.

— Как-то странно все это звучит. А что, капитанам на Барраяре хорошо платят?

— Если бы! — вздохнул Айвен. Но чтобы она не подумала чего дурного про его «хм-отчима», поспешил уточнить: — Но Иллиан получал оклад вице-адмирала — вполне естественно при такой нагрузке, как у него. — «Хотя… 26.7 часов в сутки работа и только работа… и так тридцать лет без перерыва. На такое не согласишься ни за какие деньги». — Выйдя в отставку, он получает половину этой суммы.

— И сколько это составляет?

Айвен постоянно занимался финансовыми отчетами и прекрасно знал размер офицерских окладов в зависимости от звания, выслуги лет и категории секретности, и не только на данный момент, но ответил он уклончиво:

— Ну… цифры, наверное, есть в справочниках.

Байерли чуть заметно подмигнул, явно довольный, что Айвен не стал откровенничать.

— У него есть состояние? — Гуля не собиралась менять тему.

— Не знаю.

Гуля недоуменно тряхнула головой, и ее янтарные кудри, собранные на затылке в «конский хвост», лишь слегка покачнулись. А вот у Тедж при таком движении волосы взметнулись бы пушистым облаком.

— Как можно этого не знать? — проговорила она.

— Полагаю, у него должны быть собственные сбережения, — вставил Байерли, затронув тему, которой Айвен предпочитал не касаться. — Наверняка копил понемногу, начав с малого, еще в те годы, когда был молодым офицером. Люди его социального класса обычно живут скромно. Да и никаких явных пороков у него не было.

— И тайных тоже, — добавил Айвен. — У него и времени-то на это не оставалось.

Хотя, как оказалось, тайная страсть у Иллиана все-таки была — он, простолюдин, долгие годы, можно сказать, сох по леди Элис. Айвен даже не подозревал ничего подобного, пока оно не обрушилось ему прямо на голову…

Ну ладно, был один тайный порок. Но только один. И выяснилось это, когда пару лет назад они с Иллианом как следует набрались на Дне рождении императора. Айвен так обычно и делал, отдавая дань традиции, а вот Иллиан на официальных мероприятиях всегда был при исполнении и смог себе такое позволить, лишь когда вышел в отставку. Они поговорили о том о сем — что именно Иллиан помнит, чего не помнит и без чего ему трудно обходиться из хранившегося в чипе. Вот тогда-то Айвен и узнал, где хранилась самая полная коллекция порнографии во всей империи…

«Не то чтобы я специально все это туда записывал, — объяснял Иллиан. — Во всем виноват проклятый чип: стоит чему-то туда попасть — и все, оно уже остается там навсегда. Как попало и почему — не важно. По неосторожности, по ошибке, в минуту паршивого настроения или если оказался в дурной компании. А уж то, что приходилось запоминать по работе, с этим было вообще хуже всего. Ты хоть представляешь, — сказал он тогда Айвену, — сколько мерзких и страшных записей видеонаблюдения мне пришлось просмотреть за сорок лет?»

Айвен тогда подумал, что есть такие вещи, ко-

торые про другого человека лучше не знать, даже — точнее, особенно, — если это твой «хм-отчим». Бывало, что в присутствии Айвена случайно — а иногда и нарочно — высказывали разные предположения о том, сколько длились отношения Иллиана с леди Элис, пока тот не вышел в отставку и тайное не сделалось явным. Явным — да, но не афишируемым. Афишировать — это уже дурной тон, леди Элис никогда бы себе такого не позволила. Нет, они не выставляли свои отношения напоказ — просто держались естественно и не скрывали того, что друг другом гордятся. Кажется, только после тех — якобы пьяных — откровений до Айвена дошло: постоянная угроза жизни, связанная с такой работой, была не единственной причиной, из-за которой Саймон все эти годы избегал близости со своей бесценной фор-леди. На следующий день «хм-отчим» вроде как все забыл, был мрачен, жаловался на похмелье, бурчал, что это молодым все нипочем, сколько ни выпей… и больше на эту тему никогда не заговаривал. За что Айвен был ему исключительно благодарен.

А когда Айвен сам пережил похмелье, ломоту в костях и кошмарные видения, он понял, что в тот вечер Саймон жаловался не на что-нибудь, а на

одиночество. Лучше быть женатым на женщине, чем на работе — Айвен с каждым днем все больше убеждался в правоте этого утверждения.

— Капитан Иллиан — человек умный… то есть был умным — так ведь? — спросила Гуля. — Вряд ли я ошибусь, если скажу, что статус главы Безопасности давал ему массу возможностей разбогатеть — за тридцать-то лет. Например, по-умному использовать внутреннюю информацию, если даже исключить более очевидные пути.

Вот это да! Айвену и в голову такое не приходило. Иллиан все годы неустанно боролся с коррупцией. А значит, постоянно имел дело с человеческими пороками и преступлениями. Но… хоть Иллиан и принимал исповеди, это еще не делало его священником. На миг его охватили сомнения.

— Нет, — решительно произнес Айвен, укрепляя пошатнувшуюся было уверенность. — Его единственной страстью была Служба безопасности, а другой ему и не требовалось. Если он и подсел на наркоту, так только на адреналин.

— Да ну? — удивленно вскинул брови Бай.

— Господи! Ну конечно же. Он только казался нормальным — по контрасту, так сказать, если сравнивать с самыми-самыми наркоадреналин-

щиками трех планет. Все великие люди таковы — а как еще удержаться в седле и обуздать мустанга Империи. Сам прикинь, кто у Иллиана был в оперативниках. И для каких заданий.

— Вот то-то и оно, — сказал Байерли.

— Но теперь все это в прошлом.

— Значит, скромное пенсионное пособие в награду за беспорочную службу Империи? — задумчиво проговорила Гуля. — При том, что ваша мать столь богата…

— Ей это все равно, — отрезал Айвен.

— А ему? Тоже все равно?

Айвен уже открыл было рот, чтобы заверить, что конечно, мол, кого волнуют такие мелочи… Но вдруг до него что дошло: он ведь много чего про Саймона не знает… и этого не знает тоже. А потому, насупившись, сказал:

— Уверен, что его мысли заняты чем-то более важным.

— Звучит интригующе! — улыбнулась Гуля и, всплеснув руками — нечто из арсенала любимых жестов барона, — направилась к остальному обществу. Байерли как-то странно скривился и поспешил за ней.

Айвен глянул напоследок на глухую дверь кабинета и тоже удалился.

Прием продолжался еще примерно час, но Айвену так и не удалось поговорить с Тедж наедине. Саймон и Шив наконец-то вылезли из Саймоновой берлоги. Байерли не был допущен к эксклюзивно женским переговорам, состоявшимся между леди Форпатрил, леди гем Эстиф и баронессой Кордона, которые они завершили как Элис, Мойра и Удине. Потом все вышли в прихожую обняться на прощание, и хотя помещение было внушительных размеров, но для такой толпы гостей оказалось тесновато. Кристос вновь появился, чтобы сопроводить всех вниз и рассадить по машинам.

Саймон и Шив с многозначительным видом пожали друг другу руки. Когда толпа поредела, Саймон проводил взглядом удаляющегося корпулентного барона и, обернувшись к Тедж, сказал с улыбкой:

— Ваш папа, Тедж, умеет заинтересовать. Ему бы слонов продавать владельцу цирка.

Она несколько неуверенно улыбнулась ему в ответ:

— Но разве владельцу цирка не захочется купить слонов, сэр?

Иллиан просиял улыбкой.

— Вот именно, — сказал он.

* * *

Тедж весь вечер избегала Айвена Ксава, кружась в вихре званого ужина. Басовый ритм «Золото, золото, золото цетагандийцев!» бубухал в голове, иногда вступал дискант, выводя: «Зарытый клад, зарытый клад!», то вдруг гармонию нарушает взвизг: «Ой-ой!..СБ!!!» Хоть она и не успела предупредить папу о таком примечательном «родственнике» как Иллиан, но он быстро сориентировался и прекрасно поладил с Саймоном. А сначала так на нее посмотрел! Как будто она виновата, что ей не дали раньше объяснить. Но пока все складывается удачно. Так ведь?

В другие дни Тедж с радостью предвкушала тот миг, когда они с Айвеном Ксавом смогут уединиться в спальне. Ей нравились и их разговоры, и то, что следовало потом — хотя бы по чисто эстетическим причинам. Вечера стали для нее спокойным, приятным временем. Но только не сегодня. У дверей ванной, пропуская Риш, они обменялись ничего не значащими репликами. Под одеяло Тедж забралась первой. Ей на самом деле очень хотелось спать, она так устала. Вот сейчас она повернется на бок, закроет глаза и уснет…

— Тедж!

Кровать заскрипела — это Айвен Ксав присел с другого края. Тедж притворялась, что спит. Он вздохнул, встал, Тедж услышала, как он босиком подошел к двери спальни, высунулся и окликнул:

— Эй, Риш!

— Ну чего тебе? — пробурчала та.

— Ты уже сдала Бая? В смысле, чем он зарабатывает на жизнь?

— Нет, конечно! Это же была сделка. По взаимному согласию. Я ее приняла.

— Уф!.. — выдохнул Айвен Ксав. — А я уж думал…

— … так что я сказала только моей семье, — невозмутимо продолжила Риш.

Айвен Ксав снова напрягся.

— Ну конечно, — пробормотал он себе под нос. И уточнил: — То есть в сделке теперь участвуют на девять человек больше?

— Блестяще! Естественнорожденный мальчик умеет считать!

Айвен Ксав прикрыл дверь поплотнее и, вздыхая, прошлепал к кровати. Сел у изголовья поближе к Тедж и стал выжидающе на нее смотреть, не решаясь разбудить, если она и правда спит. Тедж поняла, что долго так не выдержит,

перевернулась на спину и открыла глаза.

— Тедж, — нерешительно начал он, — а твой папа что, всерьез задумал подкупить Саймона?

«Ну вот как тут быть?..»

— В каком смысле «подкупить»? Подкупить — это когда хотят, чтобы кто-то пошел на измену или сделал еще что-то пакостное. Военное или политическое, что может навредить Барраяру. — «А финансы — это не военное и не политическое». — Уверена, что папа ничего такого бы делать не стал.

— Точнее, не сумел бы. Ты ведь понимаешь — и Шив, я думаю, тоже, — что неподкупность Саймона и его преданность Барраяру выдержали испытание временем. Тридцать… нет, сорок лет!.. Как же твой отец может думать, что у него получится?

И только представь, как на Саймона только не давили, мы с тобой даже и вообразить такое не в состоянии…

— Ну да — и что?

— И то!..

— Папа, знаешь ли, не дурак.

— Саймон тоже! — Айвен Ксав начал терять терпение. — Они что-то задумали, так ведь? Не они — вы, Аркуа!

— Они прилетели на Барраяр забрать нас с Риш.

— Да, об этом нам тоже необходимо поговорить… Ну, то есть весь этот проклятый день я думал, что надо об этом поговорить, пока не поздно… Тедж, скажи, что тебе известно?

Она оценивающе глянула на Айвена Ксава, который склонялся к ней, и так требовательно смотрел… Айвен Ксав тоже не дурак.

— Сначала ты скажи: ты с нами? Или?..

Стоит ли вообще пробовать? Он барраярец до мозга костей, точнее, на семь восьмых. И наверняка захочет, чтобы этот клад заполучил Барраяр, он ведь не частное лицо, он на службе — именно этого требует от него честь мундира.

— Или — что? Я не могу ответить на твой вопрос, пока не узнаю, что вы задумали. Но наверняка там что-то не чисто, иначе ты бы сразу мне сказала. Это какая-то подпольная джексонианская сделка? Я прав?

— Не могу ничего сказать, пока ты не решишь, что ты с нами. Или решишь, что не с нами — и тогда я точно тебе сказать не смогу.

— Муж и жена, — мрачно заметил Айвен Ксав, — не имеют тайн друг от друга.

Тедж повернулась на бок, оперлась на локоть

— но сегодня это не сработало, сбить с толку Айвена Ксава ей не удалось.

— Кто бы говорил! — заявила она. — У самого сплошные тайны! Эти твои секретные дела на службе…

— Это же совсем другое. Нам не следует… хотя нет, не так. Нам запрещено распространяться о служебных делах. Дома или где бы то ни было. Но это не значит, что я что-то скрываю конкретно от тебя.

— А мне все равно было бы скучно и неинтересно.

— Ну, в основном так оно и есть… — согласился Айвен Ксав. Ей уже почти удалось переключить его на другую тему.

— Разве только то, о чем ты бормочешь во сне.

Айвен Ксав просто окаменел.

— Я? Говорю во сне? На секретные темы?..

— Точно сказать не могу. Э-хм… «Не ешьте это авокадо, адмирал, оно уже синеет. А у синих хитрые глазки». — Тедж передразнила барраярский выговор.

— Этот сон я не помню… — пробормотал Айвен Ксав с некоторым испугом. — К счастью.

— Я так и подумала, что был сон. Если только барраярцы не занимаются биоинженерными

разработками для военных нужд.

— Хм… да нет вроде. Насколько мне известно. Не такими, во всяком случае. Это авокадо, оно… не мяукало, нет?

Тедж ошарашенно уставилась на него:

— Не знаю. Ты только сказал, что у него хитрые глазки.

Айвен Ксав почему-то сразу успокоился — и тут же вернулся к прежней теме:

— Если это что-то совсем безобидное, то нет никаких причин хранить это в тайне.

— А вот и есть.

— Э-э? И зачем, например?

— Например, чтобы другие не украли… чего-нибудь.

— Значит, это какая-то вещь?

Тедж настолько устала, что уже с трудом могла собраться с мыслями. Но все-таки попыталась выкрутиться:

— Совсем не обязательно. Крадут и идеи.

— Так… Шив и прочие Аркуа надеются, что эта вещь им пригодится… Ага. Бай ведь говорил: нужно нечто такое, что поможет им вернуть свой Дом. Получить власть, не здесь, не на Барраяре. Но что они могут учинить *здесь*?

— Я не буду играть с тобой в допрос под супер-

пентоталом в такое время суток. И ни в какое другое время — тоже.

— А что, есть такая командная игра. «Суперпентотал или вызов». Все по очереди задают вопросы, и надо либо отвечать правду, либо принять вызов. Не с настоящим суперпентоталом, конечно. Если только это не какая-нибудь сомнительная вечеринка. Бай бы мог рассказать подробнее…

— Странный вы народ, барраярцы.

— Да… — вздохнул Айвен Ксав, но спохватился, что ведет себя не патриотично: — Нет! В любом случае не такие странные, как джексонианцы. Или цетагандийцы…

Он еще вроде бы пробурчал: «эти чертовы инопланетники-мутанты…», но она не расслышала и решила не уточнять. Повисло тяжелое, гнетущее молчание.

— Речь идет не просто о Доме, — не выдержала наконец Тедж. — Там остались Эрик и Топаз. Престен их держит в заложниках… в лучшем случае.

— Так… — Голос Айвена Ксава сделался каким-то пугающе неуверенным. — Эрика, возможно, уже не оживить. А Топаз… она ведь просто Драгоценность? И Шиву генетически никто. Ты сама так говорила, — мягко сказал Айвен.

Тедж нахмурилась:

— Папа никогда не делал различия между нами, детьми. Когда он кричал на нас, то вечно путал имена. — Она невольно улыбнулась, пародируя его интонации: — «Эй, вы там — Риш, Гуля, Гагат, Изумруд… а, нет, Тедж! Прекратите немедленно!..» Наверное, для Драгоценностей он может считаться отчимом, но раз он не делал между нами различия, то и мы все звали его отцом. Конечно, он был человек занятой… И его одинаковое ко всем отношение — может, это просто было одинаковое невнимание, но дело в том, что… что… — Она потеряла мысль.

— А твоя мать? Тоже путала имена?

— Баронесса, — вздохнула Тедж, — никогда ничего не путала. — Она помолчала. — Знаешь, а ведь из Саймона мог бы получиться милейший отчим, правда?

Айвен Ксав развел руками.

— Будь мне лет пять. Или пятнадцать. Когда он еще только влюбился в маман. Все могло бы быть по-другому. Я тогда очень хотел, чтобы у меня был отец. Но мне за тридцать, и мы можем быть только взрослыми знакомыми, а он… мужем маман. В своем роде. «Хм-мужем». Ну, или партнером. Не важно.

Айвен задумчиво помолчал и добавил:

— Не говоря уж о том, что он тридцать лет наблюдал за мной. Не только за мной, вообще за всеми. Меня он, как бы сказать… не выделял. Но Саймон… Нет, не могу это сказать. И это. И это тоже. И…

Тедж, уже совершенно измученная, резко оборвала его сбивчивые излияния:

— Ладно, тогда хватит болтать, и давай спи.

Айвен Ксав фыркнул… как граф Фалько? Очень похоже…

И они повернулись в кровати спиной друг к другу.

Глава семнадцатая

Первая мысль Айвена, когда он проснулся, была той же самой, что мучила его перед тем, как он наконец-то сумел заснуть. А может, это Саймон заманивал Шива в ловушку? Чисто инстинктивно — ведь для бывшего шефа СБ устраивать ловушки так же естественно, как дышать. Это, пожалуй, более вероятно — куда как более вероятно, — чем предположение, будто Шив мог его подкупить.

И что получается? Шив, ничего не заметив, прямым ходом направился в западню? Или догадался и сам устроил Саймону контрзападню, пока тот его не поймал?..

Как ни посмотри — хорошего мало.

Айвен подозревал, что Аркуа замыслили что-то не то — но понятия не имел, что именно, и это его приводило в бешенство. А Саймон? Он сейчас уже все знает? Если так, можно успокоиться: значит, у Саймона преимущество в этой игре. Но ведь не исключено, что Шив его водит за нос, подсовывая дезу. Тогда, наверное, бывший шеф СБ предпочел бы выждать какое-то время, не предпринимая никаких действий, и посмотреть, что будет. И

тем самым дать бывшему пирату время укрепить позиции и перегруппироваться?..

«Ничем хорошим это все равно не кончится». Айвен взъерошил волосы и поплелся в душ.

Когда он уходил из квартиры, Тедж и Риш еще спали. Царившая в оперативном отделе привычная утренняя суматоха подействовала на него почти что умиротворяюще. Адмирал Деплен спросил между делом, как было вчера вечером, и Айвен рад был сообщить, что прием у леди Элис и Иллиана прошел на должном дипломатическом уровне, без всяких инцидентов.

— А, Иллиан, ну, конечно… — пробормотал Деплен, забирая свою кружку с кофе. — Какие могут быть инциденты, если есть Иллиан…

— Хм-м.. — отреагировал Айвен в своем привычном стиле и повернулся к комм-пульту.

Он еще занимался сортировкой змей, когда на комм поступил звонок — по защищенному каналу — из штаб-квартиры СБ, судя по маркировке. Над видеопластиной появилось лицо капитана Раудсеппа, и Айвен приветствовал его дежурной улыбкой.

— Доброе утро, капитан Форпатрил, — кивнул тот в ответ. — Генерал Аллегре счел, что вам следует это знать. Похоже, ситуация накаляется.

Примерно сутки назад комаррианская СБ задержала на центральной орбитальной пересадочной станции четырех человек. Как выяснилось, это наемники — «охотники за головами» из Ступицы Хеджена. Они намеревались похитить вашу жену с компаньонкой и доставить в Ступицу.

Айвен качнулся на кресле. Это было слишком… рано? поздно? ожидаемо? нежданно? досадно?

— Только Риш и Тедж? А весь остальной клан — нет?

— Похоже, что так. Награда за доставку этих двух женщин до станции Ступицы весьма существенна, а до самого Архипелага Джексона — еще выше. Подтверждено, что заказчик этого «ордера на арест», как его изволят именовать джексонианцы, — синдикат Престен, тот самый, который захватил дом Кордона восемь месяцев назад.

— С Престеном все понятно. А эти наемники — когда люди Морозова их схватили, они только что прибыли на орбитальную станцию или уже улетали?

— Вообще-то они уже садились на рейс до Форбарр-Султана.

— Хм… несколько поздновато.

Раудсепп пожал плечами:

— Они профи. И даже при том, что у нас сей-

час все, что относится к новому консорциуму Кордона, идет по «красному уровню», отследить ничего невозможно — эта их проклятая система вознаграждения сама по себе обрубает любые контакты. На объявление о награде для «охотников за головами» может откликнуться кто угодно — ну, то есть любой из участников сделки. И джексонианцы, давшие объявление, узнают о них хоть что-то только тогда, когда те объявятся у них на пороге, чтобы вручить добычу и получить деньги. И никаких личных мотивов.

— Вот дерьмо, — сказал Айвен. — Они же могут вылезти где угодно.

Раудсепп мрачно кивнул:

— Этих мы пока задержали по обвинению в попытке похищения барраярского подданного. — И задумчиво добавил: — Интересно, а что нам делать, если их скопится слишком много? Потребуется спец-обезьянник для галактических торговцев живым товаром. Хорошо, конечно, что нам удалось их вычислить и временно нейтрализовать, но… хотя, пожалуй, пока слишком рано заглядывать так далеко вперед.

Айвен попытался себе это представить. И впрямь любопытная картинка вырисовывается. Что, к чертям собачьим, делать барраярским вла-

стям с этими «охотниками за головами», если их станут отлавливать дюжинами? Таких пройдох и без того удержать не просто, а тут еще и всех скопом, к тому же среди них хватает законченных психов. Вот Майлз бы знал, что делать с мешком бешеных хорьков, но его лекарство запросто могло бы оказаться опаснее болезни. А впрочем, Майлза все равно здесь нет — и слава Богу, хотя, конечно, так думать нехорошо.

— Смею предположить, — неспешно проговорил Айвен, — они будут и дальше прибывать до тех пор, пока действует предложение синдиката Престен о награде. И еще какое-то время после — ведь новости обычно доходят с запозданием. Да, кстати, о новостях: есть ли какие-нибудь признаки того, что враги Аркуа пронюхали, что они сейчас здесь почти в полном составе?

— Пока нет, — сказал Раудсепп. — Хотя от этого ничуть не легче — они и при нынешнем раскладе обходятся слишком дорого моему департаменту.

— Ваши парни могут считать это боевыми учениями, э? — ухмыльнулся Айвен.

Однако Раудсепп, похоже, ничего забавного в этом не находил.

— Вы хоть знаете, сколько еще ваши, так сказать, свойственники намерены тут торчать?

— У них сейчас виза, выданная в связи с экстренной необходимостью. Она действительна еще тринадцать дней. Не знаю, удастся ли ее продлить.

— Хм… — Раудсепп нахмурился. — Вам удалось выяснить их дальнейшие планы? Я, во всяком случае, не вижу никаких препятствий к тому, чтобы они забрали своих членов семьи и быстренько отчалили. Тогда это хотя бы будет уже не моя забота.

— Одна из них замужем за барраярским подданным. Это и есть препятствие.

Раудсепп с досадой отмахнулся:

— Я в курсе, этот ваш брак всего лишь временный ход. Этого никто всерьез не принимает.

«Но я-то принимаю. А она? А Тедж?..»

— Казалось бы, — продолжил тем временем Раудсепп, — столь печально известный фор-бабник мог бы воспользоваться и менее радикальными приемами обольщения. — И насмешливо поднял бровь — видимо, желая этим сказать: «Теряешь хватку, парень?»

Айвен начал тихо злиться. Он что, фигурирует в докладах этого эсбэшного выскочки как «печально известный фор-бабник»?

— Ну ладно. Итак, удалось ли вам вчера вечером

узнать что-либо еще об их намерениях? — Раудсепп подобрался, приготовившись записывать донесение Айвена.

Генерал Аллегре сказал — вернее, он это подразумевал, — что капитан Раудсепп из галактических дел не принадлежит к числу тех, кто осведомлен о Байерли из внутренних дел, в интересах сохранения ценного прикрытия Бая. Того самого ценного прикрытия, которое, по мнению Айвена, уже стало напоминать потраченный молью фиговый листок. Он даже хотел спросить: «А что, если они друг друга перестреляют?» Ну, Байерли, допустим, не стал бы стрелять в офицера в форме. Если только по досадной случайности?

Если его все-таки проинформировали, то, выходит, теперь это самая обыкновенная триангуляция? Вот ведь чертова СБ!

Пришлось прибегнуть к запрещенному приему:

— Там был Саймон Иллиан. Всем агентам агент. Может, вам у него спросить?

— О, конечно… — озадаченно протянул Раудсепп. В глазах у него мелькнул плохо скрываемый ужас. — Я бы не хотел беспокоить его в отставке. Состояние его здоровья… Безусловно, его наблюдения точны, как ни у кого другого… — Он замялся

и с некоторым сомнением добавил: — Когда-то…

Похоже, Раудсепп и сейчас робеет перед Иллианом. В иной ситуации Айвена бы подобное зрелище даже развлекло.

— Если бы шеф Иллиан заметил нечто достойное внимания, он бы непременно сообщил. Хотя, возможно, это не мой уровень…

«Саймон уж точно бы сообщил кому следует. Чертовски жаль, что я не из их числа. Мне эта информация нужнее, чем кому бы то ни было!» — подумал Айвен.

Он пожал плечами:

— Попробуйте разузнать. А сейчас прошу извинить. Меня ждет адмирал Деплен. Надо идти.

Раудсепп расстался с ним неохотно. Жаль только, что столь удачный предлог завершить разговор был никаким не предлогом: адмирал и в самом деле уже ждал. Ну что ж, может быть, в следующий раз удастся использовать это с большим толком.

Айвен принялся быстро подбирать нужные файлы. Боже, помоги оперативному отделу! До межведомственного совещания осталось всего сорок минут. Логистика скачковой станции против бюджета и бухгалтерского учета. Одних только таблиц страниц двадцать. Они точно все

друг друга поубивают, если кто-то — точнее, он, Айвен — не примет огонь на себя.

И он решительно направился в кабинет Деплена докладывать обстановку.

* * *

Когда Тедж и Риш, позевывая, явились в отель к Аркуа, то обнаружили, что все уже давно на ногах. Даже — кто бы мог подумать! — Байерли: Гагат как раз утягивал его к выходу, требуя показать местные достопримечательности. При виде Риш Бай изобразил улыбочку — Риш в ответ скорчила гримаску. «Почему бы вам просто-напросто не поцеловаться?» — подумала Тедж, ведь им обоим явно этого хотелось. Но они, едва обменявшись приветствиями, тут же попрощались и расстались у лифтов. При этом оба разочарованно оглядываясь через плечо.

В номере, который, похоже, было бы правильнее называть штаб-квартирой дома Кордона в изгнании, работа кипела вовсю, и каждый выполнял свое задание. За одним комм-пультом устроились Звезда и Жемчуг, за другим Гуля и Изумруд, за третьим — папа. Бабушка благостно созерцала эту картину, сидя посреди комнаты.

Увидев Тедж, баронесса сразу перешла к делу:

— Тедж! Я правильно понимаю, что у тебя есть права на вождение по Форбарр-Султану?

— Да…

— Прекрасно. Скоро для тебя будет работа. А ты, Риш, не убегай, ты нужна Звезде.

Риш, состроив очередную гримаску, присоединилась к маленькой подгруппе за комм-пультом Звезды в соседней комнате.

— Но у меня нет машины.

Айвен на своем спортивном автомобиле уехал на работу. К тому же туда все равно помещается только один пассажир. Хотя это как раз, может, и неплохо.

— Значит, ты отвечаешь еще и за аренду машин. Прекрасно, а то я как раз думала, куда тебя пристроить.

Как будто Тедж лишний кусочек паззла, который никуда не подходит: может, попал сюда ненароком из другого набора. А вот и еще один такой же появился. Амири неприкаянно слонялся из комнаты в комнату, держа в руках кружку кофе. Заметив Тедж, он заметно оживился.

— Еще есть? — спросила Тедж, кивнув на кружку.

— Ага, вон там… — Он направил ее к серванту.

— А куда пошел Гагат? Я видела, как они выхо-

дили вместе с Баем.

Она налила себе кофе, добавила сливок и отхлебнула глоток. Кофе был самый обыкновенный, зато сливки!.. Такой потрясающий вкус бывает только у натуральных сливок, органического происхождения, а не синтезированных, как все продукты на станции. Она уже видела на картинках, что значит «органического происхождения». Об этом лучше особо не задумываться, но результат восхитительный.

— Отвлекающий маневр. Что-то типа того. Мы все поочередно должны отвлекать Форратьера. Кто рядом с ним окажется, тот и отвлекает. Нас одиннадцать человек, и папа решил, что мы вполне с этим справимся. И о чем только думала Риш, когда его подцепила?

Тедж вспомнила, какие ароматы исходили от них обоих во время той первой достопамятной встречи в Айвеновой квартире на Комарре. Байерли и Риш могут, конечно, утверждать что угодно, но слово «думать» тут явно неуместно.

— На самом деле он был первым, кто нас нашел. Но тогда ситуация была другой. Мы искали укрытие.

— Для своих сестер я бы предпочел что-нибудь получше, но теперь уже ничего не поделаешь. О

боги, Тедж! — Он покачал головой. — Как же я рад, что папа с баронессой вас отыскали! Может, если им удастся отыскать эти чертовы сокровища, они позволят мне вернуться в клинику на Эскобар.

— Ты этого хочешь?

— Ну конечно! Я только начал вгрызаться в свой первый проект после защиты диссертации. Это был кошмар, что меня так вот взяли и утащили. Я думал, что покончил с домом Кордона и всеми его делами. Конечно, я понимаю, что папа и баронесса страшно напуганы и хотят нас всех пока держать при себе, но совершенно не желаю стать заменой Эрика. Звезда или Гуля мало того что больше для этого подходят, так еще и сами этого хотят.

Тедж нахмурилась.

— Не знаю, право, какой в этом случае расклад сил, — тихонько проговорила она. — Эрика они обе признавали наследником, но отдать первенство другой — на это ни одна из них не согласится.

— Ну… — Амири отпил еще глоток кофе. — Все равно это уже были бы не мои заботы.

— И давно вы все узнали про спрятанный клад? — поинтересовалась Тедж.

— Только вчера вечером, когда вернулись от

леди Форпатрил. Папа, бабушка и баронесса собрали семейный совет и изложили свой новый план. А до того ни словом не обмолвились. Наверное, сами не особо рассчитывали, что эта подземная биолаборатория до сих пор там. Я думал, мы сюда прилетели, чтобы забрать тебя с Риш. Одного понять не мог — зачем нам всем тащиться через пять п-в-туннелей, когда можно послать кого-то одного. Кстати, оно и безопаснее — не так привлекает внимание.

Интересно, как бы поступили она и Риш, если бы здесь объявился кто-то один из клана и потребовал немедленно уехать? Или все зависит от того, кого бы за ними послали?

— А тебя они зачем увезли?

— До вчерашнего вечера я и сам терялся в догадках. Похоже, они задумали сбыть старые цетагандийские биоразработки через Лилли Дюрону. Интересно, ей они рассказали? Тогда бы я хоть понял, почему она с такой готовностью меня отпустила. Как-то лучше себя чувствуешь, когда есть ясность. — Амири ненадолго замолчал, а потом спросил: — А ты когда об этом узнала?

— Вчера днем. Когда Риш показывала вам окрестности. А вам рассказали, что именно барраярцы построили над прежней лабораторией

бабули?

— Ага. Кажется, это будет задачка не из простых. Папа, как всегда, уверен, что у него все под контролем? — Амири не скрывал сомнений. Ведь папа с баронессой, похоже, до последнего не сомневались, что Станция Кордона у них под контролем. — Ты должна им помочь, Тедж! — принялся убеждать ее Амири. — Иначе у них ничего не получится. А от этого зависит моя жизнь.

«А моя жизнь? С ней что будет? Да и кого это волнует…» Нет, она не должна так думать! Жизнь Амири важнее, чем ее. Амири занят делом. А она, Тедж, ничем не занята. Родные никогда не давали ей забыть о собственной никчемности. Она тяжело вздохнула:

— Я постараюсь, Амири.

— Просто стараться — мало. Надо сделать! — не отступал он. — Это для меня очень важно! Для остальных тоже, конечно, но для меня — особенно!.. Ради меня, Тедж!

— Да, Амири… — с горечью прошептала она.

«Ради тебя я готова была прыгнуть с балкона. Разве этого недостаточно?» Сейчас ей иначе виделась собственная решимость пойти на что угодно ради семьи. Быть может, ее воображае-

мый героизм стал лишь следствием того, что она жутко устала жить в постоянном страхе? Но все это было до того, как в ее жизни появился Айвен Ксав. С ним она ничего не боится, и теперь все по-другому. Когда рядом есть Айвен Ксав, с балкона прыгать вовсе не хочется.

«Мне так в нем это нравится!» Только сейчас она начала понимать, как же ей это нравится.

Баронесса позвала ее помочь папе выяснить, как тут обстоят дела с местными грузоперевозками. Тедж вздохнула и поплелась исполнять семейный долг.

* * *

Это был его первый выходной после нашествия Аркуа. Айвен проснулся не так поздно, как хотелось бы, и обнаружил что он в постели один. На него внезапно накатила волна паники, то тут, к счастью, он услышал разговор в соседней комнате и плеск воды в ванной.

Вчера Айвен был на работе, а Тедж провела весь день и часть вечера, катая свою многочисленную родню по городу. Подробностей она не рассказывала — наверное, опять эти их таинственные делишки. За годы общения с кузеном Айвен привык, что ему морочат голову всячески-

ми отговорками, хотя не сказать, чтобы его это радовало. Сообщение Раудсеппа о пойманных «охотниках за головами» заинтересовало Тедж. Она пообещала Айвену, что непременно поставит в известность своих, и почти тут же заснула — или прикинулась спящей. Но похоже, она и в самом деле жутко устала.

Айвен натянул брюки и, зевая, поплелся пить кофе. Тедж сидела в гостиной у комм-пульта и общалась с каким-то барраярцем — судя по всему, агентом торговой фирмы. На середине фразы она перешла на барраярский русский, и собеседник сразу сделался разговорчивее. И сговорчивее? Во всяком случае, когда Айвен вернулся в гостиную с чашкой горячего кофе, Тедж уже завершила переговоры.

Он кивнул на комм-пульт:

— Как ты догадалась, какой у этого типа родной язык? У него вполне городской выговор.

— Я могу это расслышать в голосе. А ты разве нет?

— Акцент, конечно, различить могу. Но на мой слух, он говорил как уроженец Форбарр-Султана.

— Не совсем так. Я еще не до конца разобралась в особенностях диалектов всех округов. Шестьдесят умножить на четыре, да еще вдобавок Южный

Континент. Мне надо больше внимания уделить местной географии.

— Ты что, надеешься разобраться во всех диалектах?

Тедж пожала плечами:

— Это получится само собой, если пробуду здесь подольше.

— Тедж… — Он хотел было спросить про это «если пробуду», но не стал. — На скольких языках ты говоришь?

— Понятия не имею. С тех пор как приехала сюда — вроде бы на девяти?

— Это много.

— Не очень. Автопереводчики оперируют сотнями языков. Какой смысл учить языки заранее, если потом могут понадобиться совсем не те? Пока я сюда не попала, я про барраярский русский даже и не слышала. Или про ваш местный греческий диалект, довольно испорченный — то есть измененный. Заметь, я не употребила слово «мутировавший». Я хочу сказать, само по себе изучение языков — непрактичное хобби. Автопереводчики все равно справляются лучше. — Она невесело усмехнулась. — Впрочем, это забавно, я люблю развлечения.

— Забавно, — задумчиво повторил Айвен. Ему,

стыдно признаться, на уроках языка в школе было совсем не забавно.

Из ванной вышла Риш, уже одетая.

— Тедж, ты заказала фургон и мощные колонки? Мы готовы ехать?

— Ага, сейчас. — Тедж вскочила и чмокнула Айвена в щеку.

— Куда это вы собрались?

— Драгоценности искали место, где бы порепетировать — они уже целую вечность не танцевали все вместе, — и Саймон нашел для нас этот миленький парк. В отеле такого просторного помещения нет. А я отвечаю за музыку.

— На улице? В такую погоду? — Айвен подошел к окну и с сомнением покачал головой. Зимнее солнце светит ярко, ветра нет, температура выше нуля, но все как-то странно…

— Сегодня прекрасный денек. А вот завтра погода уже испортится, так что мне пора… — И они с Риш сбежали, оставив его в одиночестве.

Пока Айвен жевал хлопья, его беспокойство все росло. Он побрился, оделся и с крайней неохотой набрал номер матери.

— Маман, ты не знаешь, какое место Саймон посоветовал Драгоценностям для репетиций? Какой-то общественный парк вроде бы? — Таких

мест в Форбарр-Султане довольно много.

— Да, он говорил. Саймон пошел туда посмотреть репетицию. Ему полезно прогуляться. Я бы и сама с ним сходила, но сегодня у меня дипломатический обед во дворце, я должна замещать Лаису, она сейчас на конференции по экономике округа Форбарра.

— А где именно? Я про репетицию.

— Он предложил небольшой парк через улицу от здания СБ. Как ты понимаешь, это место обычно свободно. Там никого не бывает, кроме парней из штаб-квартиры, истосковавшихся по дневному свету, — любят посидеть там на солнышке в обеденный перерыв. Саймон уже давно включил лампы дневного света в список необходимых предметов на рабочем месте.

— Хм, спасибо… — Айвен помялся, но все же, прежде чем завершить разговор, решился спросить: — Маман… Саймон ничего тебе не рассказывал, что именно ему говорил Шив? Или что он сам сказал Шиву?

Улыбка леди Элис осталась неизменной, но у Айвена возникло впечатление, что теперь на него взирает бесстрастная маска дипломата.

— Он сказал, что они обменялись опытом. Меня это порадовало. Знаешь, мне понравились Удине

и Мойра. Жизнь, полная приключений! Земля! А я никогда не летала дальше Комарры, — сказала она, вздохнув.

— Может, удастся уговорить Саймона куда-нибудь тебя свозить? — предложил Айвен. — Или тебе лучше самой проявить инициативу? Вытащить его из привычной обстановки. Ведь прошло уже почти пять лет с его отставки, и все имперские секреты у него в голове — или то, что от них осталось — давно устарели. Может быть, путешествие за пределы Империи теперь для него уже не опасно? Он об этом не подумывает?

Леди Элис задумалась.

— Саймон никогда не предлагал мне поехать дальше, чем на южное побережье. Он был так измучен, сразу после того, как… — Она сделала жест рукой, словно собрала воедино все недели того кошмара с поломкой чипа и все изматывающие десятилетия работы Иллиана в СБ. — Ему было хуже, чем казалось с виду.

— Саймон всегда был очень скрытным, — сказал Айвен, хотя «скрытный» звучало явным преуменьшением. — Со стороны разница не заметна.

— Да, ты бы этого не заметил.

Он заметил, что мать сделала акцент на этом

«ты». Видимо, полагает, что к ней это не относится. Тридцать лет ее совместной работы с Саймоном не могут, конечно, сравниться с долгими годами брака, когда супруги понимают друг друга с полуслова и даже вообще без слов, но что-то общее тут есть. Айвен попробовал припомнить, сколько тянулся его самый долгий роман. Хоть с одной он пробыл вместе больше года? Почти год? Может, полгода?..

— Как мило, Айвен, что ты позвонил, но мне пора, — не терпящим возражений тоном произнесла леди Элис. — Кстати, надо подумать, чем занять завтра твоих гостей. По правилам этикета, теперь их очередь приглашать нас на ужин, но им, возможно, не захочется устраивать званый ужин в гостинице.

— Хм-м, да, — протянул Айвен, и она ушла со связи.

* * *

Это был последний уик-энд до начала Зимнепраздника, и припарковаться поближе к зданию СБ оказалось не столь неразрешимой задачей, как обычно. Айвену пришлось пройти от своей машины всего квартал. А вот и тот самый парк, и мрачная громада штаб-квартиры СБ по ту сто-

рону улицы.

Фасад здания производил гнетущее впечатление: ни одного окна, посередине прямо-таки циклопическая лестница, ведущая к парадному входу, — очень широкая, и ступени нарочно сделаны повыше: человеку среднего роста по такой подниматься явно неудобно. А впрочем, гигантские бронзовые двери открывались крайне редко. Все, кто приходил сюда по делам, пользовались вполне нормальными входами с торцов знания или с обратной стороны. Гладкий каменный фасад оживлял один только барельеф на фризе вокруг всего здания, представлявший череду болезненного вида тварей, которых Майлз в свое время назвал приплюснутыми горгульями.

В правление Ури Безумного эти горгульи имели некий политико-художественно-пропагандистский метафорический смысл, и Айвену его как-то даже разъяснили, только он, к сожалению, запамятовал. Сам он считал, что у бедняжек такой вид, будто они страдают запором. Со временем жители Форбарр-Султана дали каждой твари имя и наделили соответствующим характером. Горгульи на фризе сделались героями анекдотов и карикатурными персонажами в газетах. Их не обошли вниманием даже в представлениях для

детишек, которые Айвен смутно помнил еще с ранних лет.

Здание окружал мощеный двор, и все это вместе было огорожено высокими каменными стенами, увенчанными железными остриями, — совсем как те, что вокруг особняка Форкосиганов, хотя здесь они на момент постройки служили уже только для декора, реальная же защита, электронная, была невидимой. Со стороны фасада и с торца в ограде имелись ворота, которые бдительно стерегли охранники с плазмотронами. В таком антураже мушкеты были бы, пожалуй, уместнее.

Маленький парк и впрямь оказался солнечным: СБ не терпела деревьев, торговых палаток, туалетов и кустов, препятствующих обзору, точнее — ведению огня. Трава, пожухлая после первых морозцев, но аккуратно подстриженная, не была вытоптана — мало кто, наверное, рисковал срезать путь через этот газон.

Сейчас по травке разгуливали в красочных одеяниях пятеро: Риш, Гагат, Изумруд, Жемчуг и Звезда. Тедж, опустившись на колени, возилась чуть поодаль с портативным комм-пультом и беспроводными колонками. Следуя указанию Звезды, она поднялась и подвинула одну колонку на несколько метров. Увидела Айвена, помахала

ему рукой, но не подошла. Звезда, посовещавшись с Гагатом, выдернула из земли пару ярко раскрашенных жезлов с блестящими помпонами, отсчитала шаги, выбрала нужную линию и снова воткнула в землю.

Саймон, кутаясь в старую шинель, сидел на скамейке у края газона и благодушно взирал на происходящее. Седеющий, лысоватый (он был с непокрытой головой, маман точно не оставила бы это без внимания), он выглядел как старый вояка в отставке, наблюдающий за забавами молодежи. Да он, собственно, и был в отставке — где-то, как-то… Если не знать, что на Барраяре эсбэшник всегда остается эсбэшником.

Рядом с Саймоном стоял офицер в форме СБ — майор, как отметил Айвен, подойдя поближе. Эсбэшник что-то говорил, поглядывая то на бывшего шефа, то на шоу на лужайке. Грянула музыка из колонок, Драгоценности вдруг задвигались, принимая разные позы, притопывая, поднимаясь на носки и наклоняясь. В самый бравурный момент музыкальной пьесы Гагат внезапно пересек лужайку по диагонали, сделав серию обратных сальто, и остановился, балансируя на одной руке.

— Впечатляет, — сказал майор Саймону и,

отвернувшись от Гагата, перевел взгляд на Айвена, который был в штатском, — потому что сегодня он, черт возьми, имеет полное право быть в штатском! Но майор вдруг сделался более приветливым:

— Капитан Форпатрил, да? Оперативный отдел?

Айвен кивнул:

— Да, сэр.

— Значит, вам известно, с какими целями они тут это?..

— Это довольно сильная галактическая танцевальная труппа, они долго пробыли в тесноте скачковых кораблей, а сейчас празднуют свое воссоединение. Во всяком случае, мне так сказали, — охотно пояснил Айвен.

Саймон спрятал усмешку и, в свою очередь, дал некоторые пояснения майору:

— Я особо не увлекался балетом, пока не вышел в отставку. Видите ли, у леди Форпатрил своя ложа в Форбарр-Султан-холле. И она столь любезна, что часто меня приглашает. Для меня это самое настоящее изучение искусства. Прежде у меня никогда не хватало на это времени. Хоть и говорится, что старого пса новым трюкам не обучишь, но как знать, как знать…

— Хм, что ж… Если они с вами, сэр… — Майору явно стоило немалых усилий не откозырять бывшему шефу, а только кивнуть на прощание. Он перебежал проезжую часть, лавируя между машинами, и скрылся в воротах.

Айвен уселся на скамейку рядом с Саймоном, тот отследил отступление майора с легкой усмешкой.

— Уже пятый. Выбегают проверить, что тут такое, — сказал Саймон. — Этот — майор. Чины все растут.

— Да ну? — подал Айвен вполне нейтральную реплику.

Звезда отделилась от группы: эти ее струящиеся по спине длинные волосы, зеленые глаза, балетное трико… Она опять передвинула яркие жезлы. Музыка заиграла вновь, на сей раз в более медленном ритме. Драгоценности сверкали и кружились, чередуя танцевальные па с элементами акробатики, — захватывающе, просто глаз не отвести. Гагат повторил свой потрясающий каскад сальто по другой диагонали лужайки.

Саймон помолчал и задумчиво произнес:

— Я всегда считал, что это более чем смешно: сидеть в таком здании сотрудникам, чей символ, — он коснулся ворота своей штатской

рубашки, где не было Глаза Гора, — декларирует на всю Империю, что «ты все видишь, все знаешь». При том, что тут нет даже треклятых окон, из которых можно хотя бы выглянуть наружу и посмотреть, что творится у тебя под носом.

Айвен обернулся на фасад громадного здания.

— Видимо, тогда их больше беспокоило, что окна могут вылететь. У них ведь есть электронные устройства слежения.

Что техноглаза здесь есть, вообще-то, не было столь уж очевидно — над зубчатой кромкой крыши виднелись лишь несколько антенн и принимающих тарелок.

— Более чем достаточно. Все равно как работать на космическом корабле из гранита. Полностью герметичном.

— Хм… — Айвен замялся, подбирая наиболее удачную формулировку. — Так сколько будет продолжаться этот парад обеспокоенных офицеров? В каком звании должен быть тот, кто наконец-то выйдет и скажет: «Какого черта, Саймон?»

— Мне и самому было бы интересно это выяснить.

Звезда передвинула свои маркеры. Четверо Драгоценностей начали танец по другой схеме.

Саймон задумался:

— Скажем так… тех, кто начал бы с этих слов, полдюжины. Но у них сегодня тоже выходной, или они в отъезде. Не совсем честная игра? Так ведь получается, что почти все нечестная игра. Как ни посмотри.

Осмыслив услышанное, Айвен задал вопрос:

— Так «какого черта, Саймон»?

Саймон загадочно улыбнулся.

— Теперь семь. А ты сам не видишь?

— Нет.

— Вот и они тоже. — Он посмотрел на здание через улицу. — Окон нет, как видишь. Уверен, у нас все еще где-то там найдутся аналитики, которые специализируются на искусстве, но этих бедняг небось держат в клетке в подвале. Ну тогда смотри дальше.

Драгоценности исполнили еще один номер, на этот раз более продолжительный. Айвен поднялся со скамейки, подошел к одному из жезлов с помпонами и выдернул его из земли, чтобы рассмотреть. Вещица оказалась не слишком тяжелой, ее поверхность покрывали цветные спирали, точно у леденца. На конце жезла был металлический наконечник. Сняв его, Айвен вгляделся в срез стержня — несплошной, темный. Звезда, недовольно нахмурясь, отобрала у него

жезл, резко встряхнула и воткнула обратно.

— Не сбивай нашу разметку сцены, — раздраженно проговорила она. — Кто-нибудь может пострадать.

Трудно сказать наверняка, но Айвену показалось, что полоски на жезле другие, чем были раньше. Он опять присоединился к Саймону.

В этот раз музыка представляла собой нечто среднее между бодрым маршем и повторяющимся стенанием, эти звуки напоминали скорбные стоны, когда женщины провожают из города героических добровольцев. Гагат изобразил еще одну энергичную череду кульбитов. Снова.

Интересно… И чем же Гагат так уж отличается от остальных? Непохоже, чтобы он был более спортивный, чем Риш или прочие. Почему такие же сальто не исполняют они?

И Айвен невольно произнес вслух:

— Гагат — самый тяжелый.

Саймон покосился на него с многозначительной улыбочкой.

Опять зазвучала музыка. Риш раздала трем Драгоценностям-женщинам подвязки с колокольцами, которые крепятся на щиколотку. Айвен уже видел такие на ней и Тедж. Они начали новый танец — или фрагмент танца, вроде бы

они оттачивали только определенные движения, а не всю композицию. Теперь музыка веселая, опять другой темп — или частота?

Гагат опять повторил свой выход, быстро отталкиваясь, он каждый раз с глухим стуком ударял ногами о землю.

Айвен заморгал. И выпалил:

— Акустическое картографирование.

Саймон чуть ли не расплылся в улыбке:

— Знаешь, Айвен, в оперативном отделе ты только попусту тратишь время. Я все больше в этом убеждаюсь. Но, должен признаться, не на раннем этапе твоей карьеры. — Он поморщился, припомнив что-то малоприятное. Айвен не стал уточнять, что именно.

— А я так не думаю. И что важнее, адмирал Деплен тоже. Я счастлив в оперативном отделе.

— Что ж, так оно и есть. И твоя мать счастлива, что ты здесь… э-э, в относительной безопасности.

— Наш отдел уже многие годы никто и не думает взрывать. Как всегда, прежде всего к вашим ребяткам заявятся.

— Одна из многих функций СБ на службе обществу — живой щит для таких, как вы. И что, кто-то сказал «спасибо»?

Айвен понятия не имел. Когда его коллеги

читали эсбэшные доклады, их комментарии в основном были нецензурными, но, может быть, просто в силу привычки.

— Разве кто-то пытался в последнее время разбомбить Генштаб? — поинтересовался Айвен. — Или вообще когда-нибудь? С тех самых пор, как было построено новое знание, после того как прежнее было уничтожено во время мятежа Фордариана.

Саймон зябко поежился:

— Я не могу сейчас припомнить подробностей. А в некоторых случаях и самого главного.

Айвен уже некоторое время подозревал, что для Саймона Иллиана «Я не помню» — удобный ответ на любой вопрос, на который он не хочет отвечать. Почти всегда это признание отпугивало собеседника.

Айвен понемногу стал уже привыкать к нему, как-то по-домашнему. Узнал все эти мелкие уловки: выражение, интонация, припоминание, — все это помогало Саймону сохранять достоинство. А от него и так мало что осталось во время этой истории с поломкой чипа. Айвен, можно сказать, был тому свидетелем и предпочел бы никогда не вспоминать. И тем не менее этот самый шпионский шпион не знал себе равных

по изворотливости и пронырливости. Что бы там Саймон ни забыл, Айвен никогда не верил, что тот мог забыть все.

— Картографирование, — не дал сбить себя с темы Айвен. — Подземное картографирование. Какого черта, Саймон? Мне казалось, ваши ребята нанесли на карту каждый кубический сантиметр всего, что находится под Форбарр-Султаном. Особенно вокруг этого места.

— Ну конечно, именно так и думают. Разумеется, я этим занимался. — Саймон почесал в затылке. — Хотя большинство не понимает, как сложно и плохо задокументировано то, то лежит под Старым Городом. Старые сточные трубы. Заброшенные служебные туннели. Входы в туннели, грузовые люки. Фундаменты перестроенных зданий. Когда-то давно в столице пару раз пробовали построить подземную транспортную систему, из этого ничего не вышло — тогда аэрокаров еще и в помине не было. Русла рек, дренаж. В старых форских резиденциях — личные тайники и подземные ходы — и то же самое, но не столь накрученное, в районах, где живет простой люд. И крысиный лабиринт прочих тайных ходов, в основном периода Оккупации, но что-то и со времен других войн. Несколько столетий позабытых

секретов, находящихся здесь, внизу. Секретов, похороненных в этой земле, как и их владельцы.

Айвен снова глянул на шесть этажей воплощенной паранойи по ту сторону улицы — а сколько там еще подземных уровней…

— Почему в здании не ловят никаких сигналов отсюда?

— А как по-твоему?

— Не знаю… — Айвен подумал про странный стержень для разметки сцены, который он вертел в руках. — Здесь только неактивные аналоговые накопители данных, электроники в них нет. Я прав?

— Я так понимаю, что этот материал ярких цветов — биологическая основа, реагирующая на вибрации. Что-то вроде танцующих бактерий.

Айвен брезгливо вытер руку о штаны.

— А-а! Так, значит, вы тоже во всем этом участвуете?.. — «Кстати, хотелось бы уже узнать, что это такое!»

— Если точнее, я бы так не сказал.

— А как бы вы сказали, если точнее?

— Только в данный момент, не более того.

— Саймон! — Айвен очень старался, чтобы это прозвучало уверенно и с нажимом.

Но труды пропали впустую. Саймон явно не

чувствовал себя в чем-то виноватым. Он пожал плечами.

— В поисках нет ничего незаконного или аморального. Я даже помню, что видел прямо здесь, в этом парке, пожилых джентльменов с металлодетекторами. Наверное, искали старые монеты или что-то вроде того. Может, хобби для пенсионеров, а может, возможность подзаработать, я не уточнял.

— И ваши охранники их, конечно же, прогоняли?

— Не всегда. Они ведь могли отыскать что-то интересное.

— И Аркуа тоже могут отыскать что-то интересное?

— А этого мы еще, разумеется, не знаем. И не узнаем, пока Шив с Удине не проанализируют свои измерения.

— И что вы сделаете тогда?

— Блок-схемы, Айвен. Кажется, я не раз слышал за обедом у миледи твоей матушки, как ты любишь блок-схемы. Это первая развилка на дереве решений, но не последняя.

Айвен вздохнул, понимая, что, если Саймон и знает что-то конкретное, выболтать это его не заставишь.

Был уже полдень, солнце заливало парк ярким светом, но не очень-то грело — зима, как-никак. От ворот здания с горгульями к парку направлялась толпа оживленно болтающих эсбэшников самого разного звания — и офицеры, и рядовые. В руках они несли пакеты с ленчем и напитками. Войдя в парк, эсбэшники мгновенно рассредоточились, оккупировав все скамейки. На всех скамеек не хватило, и кое-кому из младших по званию пришлось сесть на подстилку, раскатав ее на траве. Все они с подозрением разглядывали Драгоценностей, а кое-кто — и двух мужчин в штатском на скамейке с краю лужайки. А те двое, которых, очевидно, лишили привычного места, смотрели как-то особо агрессивно, пока старшие по званию им не объяснили.

Тедж, улыбнувшись Саймону и Айвену, подошла посовещаться с Драгоценностями. Ну надо же! Жена наконец-то заметила его присутствие, а они тут уже сколько времени сидят. Тем временем Звезда со скучающим видом держалась в сторонке. Она уже собрала все маркеры и, похоже, намеревалась грузить в машину.

Тут стало понятно, что ожидается еще один танец: четыре Драгоценности заняли позиции в круге — а может, в квадрате или в вообража-

емой четырехконечной звезде. Тедж громко врубила музыку. Из динамиков полились знакомые звуки барраярской мазурки, исполняемой с некоторыми вариациями. Драгоценности начали свой танец, напоминающий традиционные барраярские мужские пляски. Этот оказался самый спортивный за день: высокие прыжки, поддержки, элементы акробатики. Сейчас все Драгоценности показывали, на что способны. Даже Оникс, который обычно сам подкидывал партнерш, был, в свою очередь, подброшен ими в воздух (для этого потребовались совместные усилия двух его сестер) и, сделав сальто, эффектно приземлился. Все эсбэшники в парке таращились на них, позабыв про еду. Тедж тоже смотрела как завороженная, сияя от удовольствия.

Когда танец завершился, Драгоценности тяжело дышали, и лица их, несмотря на холод, блестели от пота. Зрители на лавочках дружно зааплодировали. Драгоценности, улыбаясь, стали раскланиваться во все стороны и наконец, повернувшись к Саймону и Айвену, отвесили самый уважительный поклон.

Саймон поднялся с лавки, по-стариковски кряхтя и как бы с трудом разогнувшись. Айвен счел, что тут он явно работает на публику: не иначе,

вошел в роль старичка-пенсионера. Ах да, тут же его бывшие подчиненные, тогда понятно, на какую «публику» он работает. Драгоценности вместе с Тедж упаковали реквизит (или детекторы) и потащили к фургону, припаркованному на дальней стороне лужайки.

— А с Гаем Аллегре вы уже об этом говорили? — Айвен махнул в сторону бывшей сцены на открытом воздухе. — Или он как раз один из упомянутой вами полудюжины?

— Пока нет.

— А он с вами?

— Вероятность того, что разговор состоится в самое ближайшее время, я оцениваю как высокую.

— А с Грегором?

Саймон насмешливо поднял брови.

— Какой любимый девиз Грегора?

— «Посмотрим, что из этого выйдет», — хмуро произнес Айвен. — И я всегда считал, что для императора это вопиющая безответственность.

— Ну вот и посмотрим.

Подошла запыхавшаяся Тедж.

— Вам понравилось выступление, сэр? — спросила она Саймона (не его, Айвена, а именно Саймона!).

— О, да! Уличное представление высшего клас-

са.

— Да еще и с участием зрителей… — пробормотал Айвен. Что ж, Саймон так и не ответил на его последний вопрос. Да и на первый тоже, если на то пошло.

— Ты бы отвез свою жену пообедать, Айвен, — радушно предложил Саймон, затем попросил Тедж передать всем Драгоценностям его благодарность за представление, откланялся и прогулочным шагом направился дальше вдоль бульвара — так, словно он случайно проходил мимо и остановился посмотреть на репетицию.

Но Тедж, по-прежнему неуловимая, сослалась на то, что ей надо вести машину, и ушла.

Айвен обиженно откинулся на спинку скамейки и уставился на пустую лужайку, гадая, что там такое спрятано под землей — и на какой глубине.

Глава восемнадцатая

На следующее утро Айвен снова проснулся в пустой кровати и в пустой квартире. На кофеварке была оставлена записка: «Ушла шоферить, Т.» Что ж, все-таки лучше, чем ничего. Но почему бы не написать хотя бы «Люблю, Т.»? Сам он, правда, ни разу не написал в записке Тедж «Люблю, А.», но он и не убегал, чиркнув всего пару слов. Накануне Тедж допоздна занималась семейными делами и вечером сразу уснула, они даже не поговорили и едва обнялись.

Неизменный завтрак — овсяные хлопья, приправленные маслом, напомнили их экстренную импровизацию бракосочетания на Комарре. Может, если добавить местного бренди, будет вкуснее? Нет. Пить с утра пораньше — опасный симптом. Хотя утро уже и не раннее. Он попробовал было позвонить Тедж на наручный комм, но та не ответила, и звонок пополнил ее список сообщений. Память некстати подсказала, что, если девушка не отвечает на звонок, это тревожный симптом, — а что, если и Тедж не исключение? На его шутливое сообщение: «Привет, Тедж, позвони мне. Это Айвен, твой муж, не забыла?» — ответа

он так и не дождался, хотя успел уже побриться и одеться. Что ж, остается только наведаться в отель к Аркуа.

Когда он позвонил в дверь номера, открыл Шив.

— А! Айвен…

Барон пригласил Айвена в гостиную, объявив на ходу:

— Удине, пришел барраярец Тедж.

Айвен сел в кресло, Шив предложил кофе, и он с благодарностью согласился.

Баронесса, выключив комм-пульт, села рядом с мужем на диванчик напротив Айвена. Улыбка, которой она приветствовала своего временного зятя, была не особо дружелюбной.

— Я только хотел узнать, куда уехала Тедж, — проговорил Айвен в свое оправдание. — Она оставила записку, но не написала куда едет.

— Повезла мою мать и Амири на экскурсию по городу, — ответила Удине. — Куда точно они поехали, я не знаю.

Что ж, ладно. Вроде вполне невинное занятие по сравнению со вчерашним… непонятным выступлением. Леди гем Эстиф не производила угрожающего впечатления, особенно, если учесть, что она аут-леди, то есть, бывшая аут-ле-

ди. А Амири казался самым неджексонианским из всей этой семейки. Он ведь врач, ученый, погруженный в научные исследования, а все остальное его мало интересует. И все же не стоило, пожалуй, учить Тедж водить машину.

— А почему бы вам не нанять шофера? — спросил Айвен и, сообразив, что прозвучало это не слишком вежливо, поспешно добавил: — Могу вам подыскать подходящего.

«Вот капитан Раудсепп уж точно подыщет».

— Возможно, попозже, — согласился Шив. — А пока Тедж будет рада побыть с любимым братом.

— А, ну конечно… — Тут спорить не о чем, тема исчерпана, и Айвен переключился на другую, тоже для него весьма интересную: — Хм, сколько еще вы планирует пробыть на Барраяре?

— Это зависит в первую очередь от того, удастся ли Гуле продлить нашу краткосрочную визу, — сказала Удине.

— Ах, да. Как обстоят ваши дела с визой?

— Продвигаются. Гуля считает, что нам хорошо бы было нанять местного юриста, и говорит, что выяснит это сегодня или завтра.

— Хм, моя мать могла бы дать вам координаты хорошего юриста, — предложил Айвен. На самом-то деле он не слишком хотел, чтобы Аркуа

задержались здесь надолго — к Тедж это, разумеется, не относилось.

— Леди Элис нам уже предлагала. Она нам так помогает во всем, — вежливо проговорила Удине.

— А как вы поступите, если в продлении вам… — Айвен хотел было сказать «откажут», но передумал, — не откажут? Вы ведь не планируете поселиться здесь? Подать заявление на статус иммигранта, принять присягу барраярского подданного… Мне следует предупредить, что к присягам на Барраяре относятся убийственно серьезно.

Удине улыбнулась:

— Я это знаю.

— Сразу я бы такое не выбрал, — сказал Шив, внимательно глядя на Айвена сощуренными темными глазами. — Но жизнь научила меня проявлять гибкость. Никогда бы не приехал на Барраяр, будь на то моя воля, однако был приятно удивлен тем, что здесь увидел. Недаром же говорят, что путешествия расширяют кругозор. Если ни один из первоначальных планов не сработает, мы просто вынуждены заняться новым… проектом. — И он изобразил некое подобие акульей улыбки.

Айвен не очень-то представлял, что может стать «проектом», если за дело возьмется джексонианец, который уже когда-то расчистил себе дорогу к вершине власти Великого дома. Да еще и с женой, прошу заметить. Похоже, они играют в команде. Единственное, с чем Айвен мог сравнивать родителей Тедж, это выросший на Джексоне Марк, клон-брат Майлза. А безудержная предприимчивость Марка как-то не развеивала опасений.

Может, правильней раскрыть карты? «Ну, так что вы ищете под газоном напротив СБ?» Или пусть уж лучше считают, что он вообще ни о чем не догадывается? Предполагаемое неведение, вообще-то, уже не раз в прошлом сыграло хорошую службу. Быть может, ему следует пойти на компромисс. Знать бы, насколько Аркуа сейчас реально на мели… Спросить, что ли, Раудсеппа? Или Морозова?

«Черт возьми, а почему бы не спросить самого Шива?»

Айвен откинулся в кресле, сложил пальцы домиком, в ту же секунду вспомнил, от кого подцепил этот жест, хотел было опустить руки, но не стал.

— Э-э… Ваше семейство ведь совсем на мели?

Я про финансы. Вы уже довольно долго скрываетесь и проделали долгий путь…

Айвен уже хотел было заткнуться и начать извиняться за столь оскорбительный вопрос, но Удине кивнула с одобрением, что для нее редкость.

Шив тоже это отметил. Он пожал плечами:

— Сколько денег считать достаточным, зависит от того, зачем они вам нужны. Венчурный капитал. Думаю, на вашей сельскохозяйственной планете это назвали бы посевным зерном. Да, именно так. Если человек потратит стартовый капитал, у него нет шансов выйти в следующий раунд. Как там вы называете свои деньги — марки? Так вот, барраярские марки, бетанские доллары, цетагандийские реюлы, не имеет значения, принцип тот же самый. На Архипелаге Джексона есть поговорка: проще превратить миллион в два миллиона, чем один в два.

— Эффективная критическая сумма для нас, — уточнила Удине, — та, которой хватит, чтобы профинансировать попытку вернуть дом Кордона, причем не просто попытку, а такую, которая будет иметь большие шансы на успех. На Архипелаге у нас, конечно, найдутся и тайные резервы, и потенциальные союзники, — но только в том

случае, если мы не явимся туда без оружия, без денег и без надежды на успех.

— Достигнем ли мы успеха или потерпим сокрушительное поражение, зависит от этой критической суммы, — сказал Шив. — И успех, и поражение — контуры с обратной связью, так-то вот. Я сам начинал грязным работягой. И ни за что не окажусь опять в сточной канаве — живым, во всяком случае.

В глазах Шива сверкала джексонианская решимость, и на какое-то мгновение он напомнил Айвену кузена Майлза. Ага, оба они из тех, для кого неудача смерти подобна.

О том, какие факторы сформировали характер Майлза, этого якобы привилегированного ребенка, Айвен знал. И главный из них назывался «генерал граф Петер Форкосиган», с его исконно барраярской, неистребимой ненавистью к любым мутациям, тем более заметным невооруженным глазом. Чтобы заслужить хоть малейшее одобрение этого ужасного старика, внуку-«мутанту» приходилось сражаться. И он либо побеждал, либо ломал кости в попытках достигнуть успеха. Сам Айвен в юные годы старался всячески избегать своего двоюродного деда Петера. Но Майлз, несчастный малыш, не имел

возможности применять подобную тактику.

А Шив? Он — как до предела сжатая пружина. Кто или что сделало его таким? А Удине? Айвену не слишком хотелось это знать.

— Допустим, если есть средства на финансирование небольшой войнушки, то, может, их хватит на покупку милого тропического островка? Чтобы отойти от дел и жить там припеваючи? — спросил Айвен. А почему бы и не задать столь очевидный вопрос?

— Нет, пока у ублюдков Престена в заложниках двое моих детей, — мрачно заявил Шив.

— Что уж тут говорить про мои волосы, — проговорила Удине, дергая короткие прядки на челке. Шив поймал ее руку и поцеловал, кинув на жену быстрый взгляд. Айвен впервые спросил себя: «А что еще, кроме волос?..» Что бы ей ни пришлось претерпеть, когда она попала в руки врагов, Айвен был абсолютно уверен, что вслух упоминаются только волосы.

— А! Да… — Он уже понял, что тут дело не только в деньгах — к отмщению взывает кровь. Да-да, именно кровь, это Айвен хорошо понимал.

Теперь он получил некое представление о том, что Аркуа рассчитывают найти под землей в парке: то, чего хватит на небольшую войну.

Или на покупку тропического острова, кому что больше нравится. Эти двое, похоже, не тоскуют по коктейлям с тропическими фруктами.

— Э-э… Тедж ведь не нужно возвращаться вместе с вами, да? Для нее безопасней остаться здесь, на Барраяре.

«Со мной».

— С тобой? — спросила Удине, словно прочла его мысли.

Айвен вздрогнул.

— Я, хм… я очень ее люблю, — попробовал он объясниться. Может, стоит добавить: «Ее любят и моя мать, и мой “хм-отчим”», или это повысит цену в сделке?

Удине откинулась на спинку дивана и пристально на него посмотрела.

— Итак… ты любишь ее достаточно, чтобы она бросила свою семью и осталась с тобой. Но достаточно ли ты ее любишь, чтобы самому оставить семью и уехать с ней?

Шив тоже сверлил Айвена взглядом.

— Конечно, у него барраярское военное образование. Неизвестно, правда, как обстоят дела с барраярским военным опытом.

Айвен слегка растерялся, но сумел сказать:

— Я был бы только счастлив оставить семью

и уехать куда-нибудь с Тедж, но только… не на Архипелаг Джексона. Видите ли, это место не для меня.

— Хм… — Шив словно бы расслабился, хотя Айвен и не заметил во время разговора особого напряжения в его позе.

— Видите ли, на Барраяре я могу обеспечить свою жену, — попытался пояснить Айвен. — Здесь для меня все родное и знакомое. На Архипелаге Джексона я бы стал… без средств и безоружным. Не говоря уж о том, что там я не буду чувствовать себя уверенно.

— Так же, как Тедж здесь? — ласково поинтересовалась Удине.

— Полагаю, мужчина сам должен знать такие вещи, — категорично заявил Шив. — Сам я падал мордой в сточную канаву трижды за свою жизнь, и должен был каждый раз начинать все с начала, подниматься и бросаться в схватку. Я прекрасно знаю, что такое разгребать дерьмо, но уже слишком стар, чтобы мне это доставляло удовольствие.

Айвен воспринял эти слова как некое обвинение в свой адрес, пусть даже косвенное.

— Как и я, — пробормотала Удине, — хотя я падала только один раз. И не позволю, чтобы то,

что происходит сейчас, привело ко второму разу.

— Но вы же сами оставили свою бывшую семью, — попытался понять Айвен. — Ушли с Шивом. С вашим новым мужем. Разве нет? Во всяком случае, вы покинули свою планету.

— В данном случае — изгнали, а не покинула, — резко проговорила баронесса. — Мы спасались бегством, когда барраярцы захватили Комарру.

— Хотя все вышло на удивление удачно, — заметил Шив. — В конечном счете. — Он ободряюще сжал руку жены, и они обменялись понимающим взглядом.

Удине повернулась к Айвену:

— Пожалуй, я должна благодарить вас, барраярцев. — В голосе ее звучала насмешка. — Вы выкинули меня из накатанной колеи.

— Меня и на свете-то не было, — на всякий случай пробормотал Айвен.

Ну так как? Рискнет ли он спросить напрямик: «Вы намерены забрать Тедж отсюда?» А что если ответом будет: «Да, конечно»? Считают ли они, что у Тедж есть право голоса? А у него, Айвена?

Нет, джексонианцы не голосуют, у них сделки. И Айвен впервые забеспокоился: а что он реально может предложить по их ставкам в игре? По ставкам Великого дома. Личное состояние? Его

состояние, конечно, может впечатлить здешнего простолюдина или джексонианского работягу. Но сканеры Аркуа его едва ли зафиксируют. Его благородная кровь для них скорее угроза, чем упование, да и цена ей, случись чего, не больше, чем самой обычной. И он не может вписаться в их систему, как они намекали, ни при каких обстоятельствах. Что еще у него есть?..

Удине глянула на выключенный комм-пульт. Только сейчас Айвен обратил внимание, что в апартаментах очень тихо. Где, интересно, сейчас остальные Аркуа? Чем это они таким заняты?

— Что ж, тогда не смеем вас больше задерживать, капитан Форпатрил.

Айвен понял намек и поднялся с кресла.

— Спасибо за кофе. Если будете говорить с Тедж, попросите ее мне перезвонить, ладно? — Он постучал пальцем по наручному комму.

— О, конечно, — заверила Удине.

Шив проводил его до двери.

— Так уж получилось, — начал барон, многозначительно глядя на Айвена, — что здесь, на Барраяре, у нас наметился некоторый прогресс с одной небольшой левой сделкой. Если она будет удачной, то это, несомненно, посодействует нашему отъезду.

«Если ты хочешь увидеть удаляющиеся спины клана Аркуа, так может, немножко нам посодействуешь с этой самой сделкой, а?» — эти слова, хоть и не сказанные вслух, словно повисли в воздухе.

— Надеюсь, у вас все получится, — ответил Айвен.

Шива, похоже, позабавило столь туманное заявление.

Выйдя в коридор, Айвен подумал, что увидеть спины семейства Аркуа можно и более простым способом. Достаточно предоставить событиям идти своим чередом, просто немного подождать, и все, хотя, конечно, может прийти на помощь и миграционная служба. Депортация — вот решение проблемы с Аркуа. И ему, Айвену, не придется даже пальцем пошевелить. А Тедж не выдворят вместе со всеми, поскольку у нее, как изящно выразилась леди гем Эстиф, «пребывание под прикрытием супружества», так что все в порядке, и обсуждать нечего.

Если только Тедж это выберет.

Ага! А как сделать так, чтоб выбрала?

Что ж, похоже, Айвену ничего не остается, кроме как начать ухаживать за собственной женой. И немедленно! Надо успеть за оставши-

еся… сколько там? Ага, десять дней. Если у него получится выудить Тедж из потока семейных обязанностей. «Как я могу за ней ухаживать, когда мне не дают с ней даже увидеться?»

* * *

Тедж припарковала взятую напрокат машину и с сомнением огляделась в полутемном подземном гараже. После вчерашних танцев в парке и напряженных дебатов над картой города Жемчуг обнаружила это место. Причем обнаружила очень просто — прогулявшись поблизости, чтобы высмотреть что-нибудь подходящее. Гараж располагался под одним из немногих офисных зданий рядом с СБ. Громаду СБ окружали по большей части скучные правительственные учреждения. В офисном же здании над гаражом нашли пристанище: нотариальная контора, компания спутниковой связи, архитектурная фирма, консультант по терраформированию и всякого рода финансовые менеджеры. Днем двухуровневый гараж был набит под завязку, но в нерабочее время обычно пустовал. Сейчас на Барраяре как раз и был уикенд.

Офисное здание стояло на углу улицы позади СБ. Но, к сожалению, с дальней стороны от

парка. А ведь именно под этим самым парком и находится старая бабушкина лаборатория — во всяком случае, большая ее часть: как им удалось определить при картографировании, некоторые помещения лаборатории оказались под улицей напротив фасада СБ. Если бы тогда, во времена Ури Безумного, при постройке этого здания котлован прокопали еще метров на двадцать к юго-западу, строители врезались бы прямиком в верхний угол лаборатории. Тедж не понимала, как могло получиться, что лабораторию так и не обнаружили, но баронесса заявила, что и не должны были обнаружить. Папа… он, кажется, пытался в это поверить.

Когда Тедж, Амири и бабушка вышли из машины, Жемчуг шагнула вперед из тени колонны и жестом велела идти за ней. Амири чуть задержался, вытаскивая из багажника тяжелый чемодан, но догнал остальных довольно быстро.

— Вроде то, что надо, — сообщила Жемчуг. — Наверное, это кладовка для обслуживания гаража. Вроде бы ею пользуются, но пока я веду наблюдение, никто не входил и не выходил. Я подстроила замок под нас.

Оглядевшись по сторонам, она открыла дверь и пригласила всех в маленькую каморку, освещен-

ную только люминофором, который крепился на металлическом стеллаже. На полу и на полках громоздились штабели дорожных заграждений, банки с краской, стремянка и всякая ерунда по мелочи — все покрыто густым слоем пыли. Жемчуг надломила второй люминофор, и призрачное освещение сделалось ярче.

— Надо будет оставить все так, как было, — заметил Амири. — Хотя бы пока. Откуда начнем?

— Сдвинем те два стеллажа, — предложила Жемчуг. — Потом поставим на место. Давай, Тедж, берись за тот конец.

Тедж послушно приподняла грязную штуковину. После перестановки в самом углу каморки открылся кусок бетонного пола.

Амири достал из чемодана респираторы — все с логотипом скачкового корабля, на котором они сюда добирались. Тедж вообще-то считала, что по окончании полета спасательные средства надо возвращать, но чего уж теперь… Затем Амири натянул герметичные перчатки для работы с биологически активными веществами и достал из чемодана бутыль. Все отошли подальше, а Амири присел на корточки и стал лить жидкость из бутылки, обозначая на бетоне ровный круг диаметром около метра. Поверхность бетона начала

пузыриться.

Пока жидкий резак делал свое дело, Амири выложил из чемодана разные предметы, в том числе и длинный загадочный ящик в упаковке. Некоторое время они молча стояли и смотрели.

— Все в порядке, — сказал наконец Амири, и они втроем — он, Жемчуг и Тедж — совместными усилиями подхватили бетонный круг, приподняли с пола и откатили в сторону. Под бетоном обнаружился слой утрамбованных камней.

Жемчуг подкатила мусорный контейнер, и они, опустившись на колени, начали выковыривать камни — руками.

— Лопату надо было принести, — проворчала Тедж.

— Здесь всего-то полметра камней, а дальше идет грунтовой слой, — сказал Амири. — А может, и меньше, чем полметра, — если подрядчик смету урезал.

— «В добрых руках работа спорится», — нараспев проговорила бабуля, все это время стоявшая поодаль и наблюдавшая за ними. Тедж покосилась через плечо и раздраженно фыркнула. — Старая земная пословица, — пояснила бабушка.

— Неудивительно, что с этой планеты все сбежали, — фыркнула Тедж. — Чтобы работа

спорилась, нужен отбойный молоток, а не добрые руки.

— Было бы безопаснее, если бы нашлось такое место, которое можно арендовать или купить, — заметил Амири. — Только так ты гарантирован, что работа не прервется по любой случайной причине.

— Зато так мы не наследим в базах данных, — возразила Жемчуг.

Так они препирались до тех пор, пока Тедж не обнаружила, что, стоя на дне полуметровой ямы, выковыривает последние камни, уже из грунта. Бабушка наклонилась над ямой, посветила вниз:

— Достаточно вроде бы.

Амири хотя бы помог Тедж вылезти, протянув руку. Она сняла маску и обиженно уставилась на сломанный ноготь.

Амири выложил длинный ящик на край ямы, затаил дыхание, опустился на колени и открыл.

— Что ты так трясешься, будто это бомба? — укорила бабушка. — Без активации оно абсолютно инертно.

— Если эта штуковина ест грязь, чего бы ей и нас не слопать? — огрызнулся Амири.

— Только если ты окажешься таким дураком, что в процессе работы поместишь ее на себя, —

сказала бабушка. — Я надеюсь, ничего такого мой внук не натворит, иначе зачем было тратить столько денег и учить тебя на биомедика на Эскобаре?

Амири вздохнул и снова натянул перчатки. Тедж рискнула подобраться поближе: интересно ведь, что там такое внутри.

На ящике имелся ярлык: «Микобур, экспериментальный образец, патент выдан по заявке Управления служб общего назначения. Не выносить из помещений компании «ГалакТек» без разрешения, под страхом незамедлительного увольнения и уголовного преследования». Внутри ящика лежали контейнеры с тонкими темными стержнями, каждый около пятидесяти сантиметров длиной.

— На какую глубину будем бурить? — спросил Амири.

— Поскольку этот подземный гараж уже дает нам два этажа вниз, полагаю, для начала восьми метров хватит, — сказала бабушка рассудительно. — В случае надобности можно будет прокопать дополнительный ход, но этот шахтный ствол должен вывести нас приблизительно на уровень верхнего этажа моего старого лабораторного бункера.

— А диаметр какой? Метровая шахта не очень-то удобна, если придется вытаскивать много всякой всячины.

— Ну-у… мы сможем потом пробурить параллельный или диагональный ствол. Сейчас надо как можно быстрее проникнуть в лабораторию и посмотреть, что там сохранилось.

«Если вообще что-нибудь сохранилось», — мысленно продолжила Тедж.

— Верно. — Амири осторожно взял кусачки, отмерил восемь сантиметров от края стержня и перекусил его. Затем подхватил полуметровый щуп, спустился на дно ямы и принялся вкручивать его в утрамбованную землю. Все это — не снимая перчаток.

— Но если мы выбрали такой способ, — сказала Тедж, — зачем мне завтра тратить целый день, катая Звезду по разным местам на предмет прокладки труб и технического оборудования?

— Чтобы твоим драгоценным эсбэшникам было чем заняться, милая, — пояснила бабушка. — Их это наверняка осчастливит.

— Они будут думать, что мы только готовимся приступить к делу, а мы тем временем уже все закончим, — добавила Жемчуг. — Как ты вообще узнала про это… как его, — она наклонилась про-

честь этикетку: — изделие «Микобур»?

— Несколько лет назад я консультировала «ГалакТек биоинжиниринг» и познакомилась с одним из разработчиков.

— Неужели украла из лаборатории? — ахнула Жемчуг, восхищаясь таким геройством.

— Ничего подобного! — Бабушка фыркнула — она явно презирала такие грубые методы работы. — Просто мы с вашей матерью и Шивом прикидывали, какие у нас ресурсы, и тут я вспомнила про Карло и назначила ему встречу. Он без проблем снабдил меня этими «Микобурами» в достаточном количестве. Я подумала, что нам это может пригодиться, — заявила она с некоторым самодовольством.

Амири аккуратно вставил стержень в вертикальное отверстие, выбрался наверх, извлек из чемодана литровую бутыль нашатырного спирта, приобретенную в местной бакалейной лавке. Затем снова спустился вниз и аккуратно полил землю вокруг стержня, израсходовав примерно полбутыли. Нашатырный спирт с бульканьем впитался в грунт, из ямы пошел резкий запах, и Тедж быстро натянула маску.

Тедж, Амири, Жемчуг и бабушка стояли вокруг ямы и внимательно смотрели. Прошла уже целая

минута.

— Ничего не происходит, — разочарованно сказала Тедж.

— Ты вроде бы говорила, что оно работает быстро, — засомневалась Жемчуг.

— Но не мгновенно, — уточнила бабушка. — Макробиологические процессы редко протекают мгновенно.

Ничего примечательного по-прежнему не происходило, и она добавила:

— «Микобур» был разработан для прокладки труб без земляных работ; генетик, который его создал, надеется, что в дальнейшем эту штуку можно будет обучать пробуривать самые разные конфигурации. Но пока они довольны и тем, что она прокладывает прямые трубы строго заданного диаметра.

— Трубы. — Тедж задумалась. — Достаточно широкие, чтобы там пролез человек?

— Трубы бывают немалого размера, — пояснила бабушка. — Водоотводные, к примеру, или для подземных трасс монорельса.

— А! Но если эта штука в самом деле живая, то почему она не развивается бесконечно?

— Стены труб формируются из отходов жизнедеятельности «Микобура», становятся для него

непреодолимой преградой и душат. Если этого вдруг окажется недостаточно, то предусмотрен встроенный ген, запускающий программу самоуничтожения после заданного числа делений, а если что пойдет не так, он все равно сам умрет, когда закончится жизненный цикл. А уж если не сработает ничего из перечисленного, то его обезвреживают высокой температурой. Так что я полностью согласна с Карло, давно пора было переходить к тестированию продукта, но они постоянно откладывали. Ох уж эти земные проверочные комиссии, с их вечными придирками и проволочками!

Амири заморгал:

— Эй, это что же получается! Эта штука ни разу не тестировалась?

— В реальных условиях — ни разу. Но у себя в лаборатории Карло много раз тестировал «Микобур». Он должен довольно быстро проникать сквозь почву, подпочвенный слой и глину. Сквозь песок проходит не очень хорошо, сквозь известняк — с трудом, а гранит и другие вулканические породы — как и почти все синтетические материалы — его стопорят. Может, нам придется еще корректировать направление бурения, если там окажутся включения твердых пород.

Амири занервничал, переминаясь с ноги на ногу.

— Значит, эта штука ни разу не тестировалась… и от нее зависит будущее нашего Дома?

— Вот мы сейчас и протестируем, — заявила бабушка без тени сомнений. — И полностью автономно от компании-разработчика, находящейся на Земле. Я, впрочем, обещала выслать Карло отчет о тестировании — конфиденциально, конечно. Как бы сказал Шив, в этом и состояла наша сделка.

Бабушка взяла у Жемчуг люминофор и заглянула в яму.

— Ага! — радостно воскликнула она. — Вот теперь вы можете кое-что разглядеть.

Тедж разглядела только пузырящуюся черную грязь по краю узкого отверстия, но на Амири увиденное вроде бы произвело впечатление.

— Ни шума, ни вибрации, ни каких-либо мощных излучений, — провозгласила бабушка. — Тихо и скрытно, как растет нить грибницы. Нет ничего такого, что могли бы обнаружить сенсоры — во всяком случае, пока мы не ходим там, внизу. Полагаю, вы сумеете помалкивать, когда мы там окажемся.

— Что ж, если все идет как надо, мы, пожалуй,

отправимся обедать, — заявила Жемчуг.

— Конечно, милая, так и сделаем, — одобрила бабушка.

— А это не опасно? Оставлять эту штуку без присмотра? — засомневался Амири.

Бабушка пожала плечами:

— Если небезопасно оставлять, то небезопасно и здесь оставаться, так ведь?

— В том-то все и дело… — пробурчал Амири. Но пояснять не стал.

Тедж помогла поставить на место вырезанный кусок бетона, задвинуть обратно стеллажи и убрать мусор. Когда они закончили, не осталось ни малейших следов их незаконного вторжения в кладовку — разве что трещина в бетоне, но пол и без того был весь в трещинах, так что это вряд ли вызвало бы у кого-то подозрения. Из гаража они вышли уже сильно за полдень, на улице лил холодный дождь, а дороги Форбарр-Султана были забиты машинами. Тедж думала лишь о том, как бы довезти всех целыми и невредимыми — опыта у нее, надо сказать, было маловато.

* * *

Айвен приготовил к возвращению жены превосходный ужин, но аппетитные блюда уныло

остывали, а Тедж все не было. Она ведь говорила, когда будет дома, к этому моменту он и готовил встречу… Айвен прождал три часа. Но вот наконец послышались голоса и звук открывающейся двери. Он угрюмо поднялся с диванчика, растянув губы в улыбке, но старался напрасно: Тедж вошла не одна. Вместе с ней пожаловали Риш и Байерли, которые продолжали бурно выяснять отношения.

— …и не смей цеплять мне «жучки» в волосы! — кричала Риш. — Тебе что, двенадцать лет?

— Если бы ты просто со мной поговорила, то не возникло бы и необходимости выяснять это опосредованно, — ответил Бай с несвойственной для него резкостью.

— А с чего это ты взял, что я должна с тобой поговорить? Я поговорю, когда сама сочту нужным!!!

Тедж потерла виски, словно у нее начиналась мигрень.

— Привет, Айвен Ксав, — вяло поздоровалась она. Не обняла, не поцеловала… А ведь Айвен так долго ждал возможности сжать ее в объятиях. — Извини, опоздала. Дела.

— Какие дела?

— Просто дела.

— Ужинать будем? — бодро предложил Айвен. Но, судя по реакции, его предложение бурного восторга не вызвало.

— Я поздно обедала, — сказала Тедж.

— Я возвращаюсь в отель, — заявила Риш.

Не успел Айвен обрадоваться, что все складывается так удачно, как тут же услышал: — Ты со мной, Тедж? Или предпочитаешь остаться здесь для допроса?

Тедж как-то безжизненно улыбнулась Айвену и устало махнула рукой:

— Да-да, сейчас иду…

— Постой! — воскликнул он в панике. Тедж и Риш уже выходили, а Бай увязался было за ними. — Когда ты вернешься?

— Не знаю.

— Э-э… Спать ты придешь сюда? Мне ждать?

— Не знаю.

— Я не вернусь, — сообщила Риш. — Буду спать в комнате с Изумруд и Жемчуг. В отеле наверняка отыщется грави-койка или что-то вроде. — Она смерила Байерли злобным взглядом и прошла мимо, гордо вскинув голову.

Тедж, понурившись, поплелась за сестрой. Дверь за ними закрылась.

Айвен с Баем уставились друг на друга.

— Ты вроде как на задании, а? Где же твои обходительность и усердие? — съязвил Айвен.

Байерли скорчил гримасу и отвел душу тирадой грязных ругательств.

— Ну, это уже перебор… В данных обстоятельствах. Она послала меня ко всем чертям. Окончательно и бесповоротно. Может, не стоило пытаться ее выспрашивать во время секса. Ей не понравилось.

— А! Ну да… — только и сказал Айвен, прикидывая, как бы в будущем не совершить подобной ошибки. А впрочем, не факт, что у него вообще окажется еще такая возможность.

— Но я же чуть с ума не сошел от любопытства! Три дня Аркуа передавали меня с рук на руки, и каждый таскал по городу, не отпуская ни на шаг. Зачем так стараться, если им нечего скрывать? А может быть, это просто розыгрыш? — Бай шумно выдохнул и рухнул на диван, словно его оставили последние силы.

Айвен засунул руки в карманы и нехотя уселся рядом.

— Разве нельзя вызвать подкрепление?

— Уже. — Бай прикрыл глаза, откинувшись на спинку дивана. — Только вот у СБ на этой неделе дел невпроворот. Задействованы все службы,

потому как во дворце проходит дипломатическая встреча на высшем уровне, в деловой части города совещание по безопасности комм-сети в преддверии визита на Комарру милейшей Лаисы — она везет кронпринца повидаться с дедушкой и бабушкой. Мне обещали помощь, но не раньше чем в конце недели. Или через неделю. Если получится, конечно. А пока я предоставлен сам себе. Я остался один на один с этой стаей пираний, твоих свойственников, так сказать. — Он открыл глаза и с упреком посмотрел на Айвена. — Которым, кстати, меня уже заложили.

Айвену не часто доводилось наблюдать у Бая такой взрыв эмоций. Хотя на самом-то деле все эмоции сводились к одной: Байерли вне себя от досады и определенно вышел из привычной роли этакого милашки и всеобщего любимца.

— Я угодничал перед каждым из их компании, — принялся изливать душу Бай, возведя очи горе — видимо, искал сочувствия у потолка. — Обложил весь отель. Расставил «жучки», только с них шла либо полная чушь, либо просто белый шум. Что ж, «жучки» они обнаружили. Боже ты мой!.. Чего я только не перепробовал…

Айвен засомневался, говорить ли, но все же сказал:

— А Саймон? К нему обращаться не пробовал?..

Бай недоуменно глянул на Айвена:

— Ты совсем спятил?

— Нет. Послушай… — И Айвен описал свой вчерашний визит в парк перед зданием СБ, странную репетицию, эсбэшников, шастающих туда-сюда, но так и не добившихся у Саймона объяснения, что же на самом-то деле означает это шоу у них под носом, не обошел молчанием и кое-какие моменты утренней беседы с Шивом и Удине.

Бай сел прямо, зажав ладони между коленями, и напряженно слушал.

— У Саймона с Шивом какие-то дела, — завершил свой рассказ Айвен. — Сделка, как сказали бы джексонианцы, или что-то вроде. Еще с того первого вечера в кабинете Саймона.

— И они думают, что под зданием СБ что-то зарыто? О боже, что же это может быть?

— Понятия не имею. Но не мелочь какая-то, этого им должно хватить на небольшую войнушку. И лежит там уже давно… сто лет? Со времен Оккупации? Или следует сказать «Девятой Сатрапии»?

— Тогда здание СБ еще не построили.

— Саймон должен был знать, — сказал Айвен и мысленно добавил: «Вот только вспомнит ли?»

— Если Саймон Иллиан что-то такое разузнал, не стоит вмешиваться, — проговорил Бай.

— Я не так уж в этом уверен.

Бай хмыкнул:

— Я думал, Саймон только изображает, что у него с головой не все в порядке.

Значит, Бай давно догадался. Еще одно очко в его пользу.

— Так и есть. И заставил половину Форбарр-Султана поверить, что он полный идиот, а моя мать у него в няньках. И не только половину Форбарр-Султана, но и тех, кому они докладывают.

— Именно…

— Но иногда у него… контакты закорачивает, так, слегка. Ты можешь сказать, что это действительно так, потому что только тогда он пытается это скрыть.

— О, вот как? — Бай нахмурился. — Наверно, тебе лучше знать. Ты это видишь вблизи, и все такое.

— Скорее, это замечает моя мать. У нее какой-то колючий взгляд, когда она пытается скрыть такие моменты.

— Но речь ведь идет просто о небольших провалах в памяти, да?

— Это Иллиан. Хочешь попытаться угадать,

что творится у него в голове? — поинтересовался Айвен. — Или лучше пойти и спросить?

А ведь именно это Саймон однажды и посоветовал Айвену сделать. А если бывший самый компетентный человек на Барраяре дает тебе совет…

— Нет, — честно ответил Байерли, но уточнил: — Но пойду, если ты пойдешь вместе со мной.

— Мы что, как те подружки, которые в одиночку и в туалетную комнату не ходят?

— Кстати, а зачем женщины ходят туда вместе?

— Делия Галени, когда еще была Делией Куделкой, как-то просветила меня на этот счет, — угрюмо пояснил Айвен. — Там они критикуют тех, с кем пришли на свидание.

— Правда? — заморгал Бай.

— Не уверен. Может, в тот раз она просто пыталась от меня отделаться.

— А! Это на нее похоже. — Байерли вяло махнул рукой. — Ладно, веди.

Айвен вздохнул и стащил его с дивана.

Затем заставил Бая помочь ему разделаться с давно остывшим ужином, раз уж сам его приготовил за каким-то чертом. С соблазнением Тедж

полный облом. Зря старался.

Тарелки Айвен оставил в раковине.

Глава девятнадцатая

Айвен довез Бая до дома леди Элис на своей двухместной машине. Несмотря на сильный дождь — а может быть, именно поэтому, — дороги были свободны. В тот вечер Саймон был дома один. Маман уехала в Императорский дворец помочь в организации официального приема, который Грегор с Лаисой давали для инопланетных дипломатов. Толпа приглашенных будет сметать все со столов столь же планомерно, как отряды кавалерии в период Изоляции очищали улицы при массовых беспорядках. Айвен мог только удивляться, что ни его самого, ни Бая не затащили на это мероприятие для придания настоящего барраярского колорита — маман частенько такое устраивала.

В дом их впустила горничная, видимо, оставшаяся сегодня вечером за швейцара, и проводила в кабинет.

— А! Опять вы, — приветствовал их Саймон, удобно расположившийся в кресле, положив ноги на низенькую скамеечку. Он отложил считыватель и опустил ноги на пол. Одет он был совсем по-домашнему: рубашка, вязаная жилет-

ка, шлепанцы. В уютном свете лампы бывшего шефа СБ запросто можно было принять за доброго дядюшку — например за школьного учителя на пенсии. — Мари, закрой дверь, пожалуйста.

— Да, сэр. Принести напитки?

Бай было обрадовался, но Айвен ответил решительным отказом:

— Нет, Мари, спасибо.

— Хорошо, лорд Айвен.

Горничная вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Щелкнул замок, в комнате стало очень тихо. Бай переминался с ноги на ногу и молчал. «Рады приветствовать вас «У Форпатрила». Садитесь, пожалуйста. Положитесь во всем на меня», — мысленно прокомментировал Айвен. Не самая его любимая роль при любых обстоятельствах.

— Ну что ж, джентльмены, прошу… — Саймон указал на стулья. — Что привело вас ко мне в сей дождливый вечер? Почему вы покинули своих юных дам?

Бай поморщился и чуть пододвинул два стула. Айвен переставил стулья поближе к хозяину: почему-то решил, что должен присматривать за Саймоном. Бай присел на самый краешек сиденья.

— Саймон… — проговорил Айвен.

— Сэр… — одновременно с ним сказал Бай.

Оба замолчали, отчего-то смутившись, и переглянулись: кому начинать разговор? Бай, похоже, решил отмалчиваться. Поэтому начал Айвен:

— Саймон, скажите, что вы знаете такое, что еще не знаем мы? Про то, что там такое разнюхали Аркуа напротив здания СБ. Или под зданием, если такое возможно?

Вопрос Саймона не удивил, он продолжал сидеть, откинувшись в кресле и положив руки на колени. Но в глазах его мелькнул интерес.

— У меня нет никаких предположений, Айвен. А что именно вам с Байерли уже известно?

— Они полагают, там внизу есть что-то такое, возможно, цетагандийское, еще времен Оккупации. Шив и Удине уверены, это что-то достаточно ценное, чтобы финансировать попытку возвратить их Дом. У них, надо сказать, недешевое хобби. Но как, к чертям, они намерены умыкнуть это из-под самого носа у всего СБ, вывезти из Империи, и чтобы все было шито-крыто? Вот чего я понять не могу! Даже догадок никаких. Вот я и подумал, вам-то ведь это известно? Как насчет того, чтобы поделиться? Хотя бы намекните…

Саймон пробурчал что-то вроде: «Но без всяких

намеков ты куда как забавнее». Айвен не попросил повторить. И Саймон сказал уже громко следующее:

— Пожалуй, все выходит гораздо интереснее, чем мне показалось на первый взгляд. Как мы узнаем то, что мы знаем? И в самом деле, весьма философский вопрос.

— Ага, вот только я лично — практик, — ответил Айвен. Он сразу распознал отвлекающий маневр. В этом весь Саймон. У него следователи могли бы ходить по кругу часами. Напрактиковался. По обе стороны стола. — А еще я устал, а моя жена перестала со мной разговаривать.

— О, жаль это слышать. Что-то не то ляпнул?

— Саймон…

Байерли тем временем взял себя в руки и вступил в разговор:

— Сэр, у вас какая-то сделка с Шивом Аркуа? Или он так считает?

— М-м… — задумчиво протянул Саймон. — Я бы сказал, это было скорее пари.

Айвен нервически потер лоб. Как раз чего-то подобного он и боялся! Но попробовал не давать волю эмоциям и почти спокойно спросил:

— И насколько вы оба были пьяны в тот вечер?

Саймон… ухмыльнулся.

— Если только самую малость… Но это из разряда моих любимых пари, раньше мне очень редко выпадал подходящий случай. Я просто не мог его упустить.

Тут уж взвыл Бай:

— Сэр!!!

Саймон успокаивающе поднял ладонь: счел, что хватит уже дразнить таких сопляков. Несолидно как-то.

— Сначала я отвечу на твой первый вопрос, Айвен. Аркуа, видимо, подбираются к цетагандийскому бункеру, построенному в период Оккупации под особняком, который раньше стоял там, где теперь здание СБ. Он был нанесен на карты и отмечен как проверенный, когда копали котлован под фундамент штаб-квартиры. В ходе масштабного строительства Ури Безумного и Доно Психического, как вам известно.

— Вы хотите сказать, я попусту бегаю кругами уже неделю? — воскликнул Бай.

— Не совсем так, — покачал головой Саймон.

— Но СБ знала, что там такое? Все это время? — уточнил Айвен.

— И снова мы возвращаемся к тонкостям термина «знать». Или, быть может, «помнить». Ведь

прошли десятилетия, и записи СБ не дошли до нас в полной сохранности. Вдобавок тех, кто имел нужные сведения, отправляли на другую службу, или они уходили в отставку, умирали. Те, кто приходил вместо них… знали уже не совсем то, что прежние сотрудники. Что-то вроде кумулятивной организационной амнезии. Возможно, и отыщется с полдесятка людей, живущих и поныне, из тех, кто лично изучал исходные исторические документы, но это очень завышенная оценка.

— И вы один из них? — поинтересовался Айвен.

Саймон пожал плечами:

— Вполне мог бы быть. Тридцать пять лет назад, когда ко мне перешло это здание, я много чего делал, чтобы со всем здесь разобраться и все привести в порядок после мятежа Фордариана. И после Негри, Боже правый. Это как раз хуже, чем… хм, пожалуй, хуже, чем что угодно. Все, что могу сказать тебе сейчас, так это, что информация была не столь потрясающая, чтобы в моей органической памяти сохранилось много подробностей. Конечно, тогда мое внимание было занято уймой всяких дел.

— Это о старых записях, — уточнил Айвен. — А что насчет самого бункера? Он ведь должен быть

обозначен на нынешних картах СБ.

— Ну, разумеется.

— И он так и стоит заброшенный, аж со времен Ури Безумного? — спросил Бай.

— Более или менее. Мой план был — на месте этого парка построить новое здание СБ, которое, как тебе известно, я так и не получил. Будь оно так, то, когда копали бы котлован, вскрыли бы заодно и бункер, проверили по-быстрому из соображений безопасности, университетские историки там бы покопались и забрали бы что смогли, а после этого мои подрядчики продолжили бы строительство. Я даже прикинул, кого из именитых археологов позову… — Саймон вздохнул.

Хоть Саймон, безусловно, многого и не помнил, но и сейчас в его памяти хранились весьма неожиданные сведения по самым разным вопросам.

— А Шив пообещал включить вас в дело? — требовательно спросил Айвен. — И что он пообещал? Процент от… хм… дырки от бублика?

— И кто кого надул? — пробормотал Бай.

— И что дальше? — Айвен понял, что у него появились новые причины для беспокойства. — Вы позволите им продолжать? И попусту надеяться?

Будете наблюдать, как они пытаются проникнуть в пустой подвал? Вы безжалостный монстр какой-то, Саймон!

— Всегда был таким. Иначе не получалось. Но на сей раз, впрочем, все довольно безобидно. Ставка в этой игре — не будущее Империи и не миллионы жизней. Я уж не говорю о том, что это стандартный метод — предоставить подозреваемому свободу действий. И следить, как тот выведет на свои контакты. Тебе, Байерли, думаю, этого объяснять не надо.

Возможно, план и сработает, вот только подозреваемым заложили того, кто за ними следит. По мнению Айвена, это не сулило успеха операции.

После недолгого размышления Саймон добавил:

— И кроме того, мне очень интересно посмотреть, как далеко они доберутся. Что-то вроде индивидуального теста.

— Для Гая Аллегре? — спросил Айвен. «И что он тебе такого сделал, а?» — В таком случае — разве честно было их прикрывать во время разведки треклятым танцем вчера утром? Вы же знаете, что у Драгоценностей это бы не прокатило, не будь вас на той скамейке. А вы там сидели, благосклонно кивали и заливали про свою любовь

к искусству.

— М-м, не столько прикрывал, сколько послужил катализатором, как мне кажется. Ускорял события. — Саймон нахмурился. — Хотя мое присутствие не отменяет соблюдения обычных требований безопасности. Надо будет переговорить об этом с Гаем, только попозже. — Он немного помолчал. — По моей оценке, Аркуа, как и многие до них, не справятся с техническими проблемами по секретной прокладке туннеля в непосредственной близости к СБ. Как еще они могут туда пробраться? Совершить налет и, к примеру, плазменным лучом пройти грунт прямо из парка на глубину двадцать или тридцать метров, а потом прожечь дыру в крыше бункера? Это просто невозможно. Тем не менее если они пройдут это испытание и в итоге проникнут внутрь… вот тогда и настанет нужный психологический момент для моей сделки.

Айвен решил внести хоть какую-то ясность:

— На что играете, Саймон?

— На расширение стратегических интересов.

Бай тихо кашлянул, как будто хотел что-то спросить.

— Архипелаг Джексона, — пояснил, обернувшись к нему, Саймон, — для СБ и для Империи

всегда являлся проблемой, прикидывающейся перспективой. Для прямого вторжения слишком далеко, а ведь они оседлали главный скачковый маршрут из Цетагандийской империи — таким образом, получается, что у цетагандийцев примерно те же стратегические интересы, что и у нас. И та же проблема с работой через местные контакты, которые имеют тенденцию забывать, что их купили. Дом Фелл всегда был опасен, но определенно независим. Морозов полагает, что у дома Престен прочные контакты с Цетагандой, а ведь в настоящий момент он контролирует два из пяти п-в-туннелей — это может в итоге привести к монополии. Изначально потеря дома Кордона в наших расчетах почти не учитывалась, так как мы считали их формально нейтральными, хотя у них и имеются личные связи с Цетагандой благодаря баронессе. А когда я познакомился с Мойрой гем Эстиф, я… я заново все обдумал.

— Но… Шив Аркуа не слишком подходит на роль марионетки, будь то нашей или цетагандийской, — сказал Айвен. — А тем более Шив на пару с Удине.

— Марионетки — нет. Союзника? Стоит попробовать. Даже одно то, что появится надежное укрытие для наших агентов на Архипелаге, будет

тактическим достижением в сравнении с нынешней неразберихой.

— Так что вы намерены предложить ему… им? — спросил Бай.

— Сейчас — ничего. Мне нужно время, чтобы оценить этого человека.

— Послушайте, Саймон, — неловко вмешался Айвен. — Их двое. Оценивать Шива отдельно от Удине — все равно что… пытаться оценить дядю Эйрела, не учитывая тетю Корделию. По-моему, эти двое тоже неразрывно связаны.

Саймон удивленно поднял брови.

— А ведь и правда. — Он вдруг проявил к Айвену несколько больший интерес, чем обычно. — И как ты пришел к такому выводу?

Айвен смущенно поерзал.

— Ничего конкретного. Просто надо видеть, насколько они друг друга дополняют.

— Хм… — Саймон поджал губы. — В качестве частного лица, обычного подданного Империи и отставника я не в том положении, чтобы что-то кому-то обещать. Это очевидно. Но Шив… не желает этого замечать.

На столь лицемерное заявление оставалось только фыркать, но Айвен сдержался. Не надо сбивать с толку Бая.

— А… что-то вроде теста на IQ для будущего союзника? — с сомнением протянул Бай.

Саймон улыбнулся:

— Все не так просто, увы. Я бы отметил еще один момент. Никто не обратил внимания? Пару минут назад я вам сказал нечто важное…

Бай бросил на Айвена страдальческий взгляд. Когда Саймон впадает в менторский тон, это никому не понравится. Для самого Айвена это было как возврат к школьным денькам, причем далеко не лучшим. Или как кошмарный сон: ты пришел сдавать экзамен, но забыл надеть штаны. А ведь Саймон был шефом Майлза многие годы. Может, это тоже многое объясняет в характере кузена.

Саймон откинулся в кресле, ожидая ответа. Казалось, он может ждать так часами. И звонок с урока их не спасет. Он всегда тщательно подбирал слова. Привычка, оставшаяся еще со времен чипа памяти. Сейчас он делал паузы, когда что-то припоминал, но со стороны это было мало отличимо от прежних обращений к чипу, только воспоминания тогда были более надежные. Он сказал, он сказал…

— «Отмечен как проверенный», — вспомнил Айвен. — Это ведь то же самое, что и «проверен»?

Саймон искренне улыбнулся:

— Кто теперь знает? Ведь это было не только до того как я принял СБ, а еще и до моего рождения.

— Может, это знает Мойра гем Эстиф? — высказал предположение Айвен. — Она вроде бы уверена, что там что-то есть. Один из вас ошибается.

Саймон кивнул:

— Есть тут один человек. Он может дать экспертную оценку по этому вопросу. Частным образом, конечно, когда улучит минутку.

Айвен только рот разинул от изумления:

— Вы привлекли Дува Галени? Но это ведь внутренняя информация? Как бы он не нарвался на неприятности. И вообще это не его область.

— Насколько я знаю, все это рассекречено и хранится в архивах Имперского университета, — сказал Саймон. — Дув — как раз тот человек, который сможет тут что-то выяснить.

— Мне следует об этом доложить, — вдруг заявил Бай. — М-м… ведь мне следует об этом доложить?

— Не знаю, Байерли, следует ли, — проговорил Саймон.

— Это… нечестно, сэр! — Бай обратил на бывшего шефа затравленный взгляд.

— Да, не слишком, — не стал дожимать тот. — У тебя еще есть какое-то время над этим поразмыслить. Шив только приступил к поиску решений с туннелем. Им понадобится наладить местное оборудование, а может, и местные контакты. На твоем месте я бы получше приглядывал за Шивом и Звездой — похоже, именно они технари в этой семейке. Да, и еще им придется куда-то девать грунт из выработки. Это как раз главная улика, а земли должно быть немало.

Айвен все-таки признался:

— Тедж куда только не возит каждого из них целыми днями.

— И с тобой не общается? Ну, во всяком случае, теперь ты знаешь, что тут ничего личного.

Этого как раз Айвен не знал.

— Значит, Аркуа, — продолжал развивать свою мысль Саймон, — позарез нужно добиться продления визы, иначе вся их подготовка пропадет впустую, они просто ничего не успеют. Так и тянет им с этим помочь…

«Что, Саймон, боишься, что отберут игрушку, не дав наиграться?»

Но тот все равно уже решил, что пора заканчивать разговор. И после обмена любезностями вдруг обнаружилось, что Айвена с Баем уже вы-

проваживают, вполне дружески подталкивая к двери. Прикинув, что маман уже вот-вот должна вернуться, Айвен предпочел не сопротивляться.

— Это обнадеживает, — сказал Бай, когда они опять уселись в Айвенов двухместный автомобиль. — У Иллиана все под контролем.

Айвен только хмыкнул.

Покосившись на него, Бай уверенно заявил:

— Я как-то не заметил, что у Иллиана мозги набекрень. А ты?

— Нет, — признал Айвен.

«Тут дело не только в адекватности». Если все получится так, как обрисовал Саймон — или даже не так, уж коли на то пошло, — Тедж придется выбирать, с кем она. А ему, Айвену, тоже придется?

Бай тем временем уже застегнул ремень безопасности.

Айвен выехал из гаража и свернул на улицу.

— Куда тебя подбросить? До твоей квартиры? Или обратно в отель?

— Нет уж. Не хочу, чтобы очередной Аркуа изощрялся, где бы меня выгулять сегодня вечером, — вздохнул Бай. — Пожалуй, лучше на квартиру.

Айвен повернул, направляясь к самой живописной части Старого Города. Бай откинул голову

и прикрыл глаза, не так уж и боится ездить с Айвеном, как хочет показать. Впрочем, сейчас он не лихачил, а плелся еле-еле, только что не засыпая от усталости. Непонятно по какой ассоциации, Бай вдруг сказал:

— Обычно я не испытываю привязанности к объекту слежки.

— С твоим стандартным контингентом — ничего удивительного.

— Хм-м, — только и усмехнулся Бай, но спорить не стал. — Айвен, у тебя было полно девушек…

«Вот это да! Байерли Форратьер намерен просить у меня совета в отношениях с девушкой?!» Айвен не чувствовал себя польщенным. Может, заложить пару крутых виражей? У Бая точно отпадет охота сентиментальничать.

— … я каждый раз видел тебя с новой девицей, — продолжал Бай.

— Это вовсе не значило, что она моя. Маман вечно заставляет меня кого-то сопровождать. Я просто выполнял дипломатические обязанности, так сказать.

А вот тех, с кем можно заняться сексом, у него было вовсе не в избытке, но ведь не объяснять же это Баю?

— А казалось, что все они твои подружки.

— Ну, конечно.

— И что ты делал, чтобы все они были счастливы?

Капли ночного дождя сверкали на фонаре машины. На этих мокрых улицах так и слышалась фоновая музыка — например берущие за душу жалобы на городское одиночество…

— Знаешь… А вот интересно, почему никто не замечает, что много-много новых подружек влечет за собой много-много расставаний. — Да, много, он изучил все знаки на этой дороге. Айвен только удивился, с чего вдруг он такое сказал Баю. Всему виной этот печальный ночной дождь, не иначе.

Байерли только глаза вытаращил от удивления.

— Хм. Ты вроде никогда такого не говорил.

— Нет.

Вообще-то большая часть проблем возникала из-за усиленных попыток его женить. В родной среде высших форов ему то просто намекали, то усиленно пытались подыскать подходящую партию. Пару раз его судьбой обеспокоились женщины уже замужние. Им-то какое дело? Как наивно полагал Айвен, для них тема закрыта. А вот с Тедж эта проблема у него сразу отпала. Знай

он раньше, как спокойно себя чувствуешь уже женатым, когда исчезает вечная проблема «надо жениться», — давно бы уже решился на этот шаг. Но тогда он не был бы с Тедж, и все было бы не так, как сейчас. Вот ведь в чем парадокс.

Бай откинулся в кресле и устало вздохнул:

— Что ж, по крайнем мере с Тедж расстаться не проблема.

Вроде нельзя остановиться прямо посередь дороги и схватить за горло эсбэшного агента? Даже если он это заслужил? Хорошо хоть они доехали до квартала Бая, прежде чем искушение одержало верх над благоразумием. Бай поблагодарил и попрощался, вяло махнув рукой в своей обычной манере.

Тедж уже дома? Или нет? Если бы знать, он поехал бы быстрее — или помедленнее. Нерешительность привела к тому, что по дороге домой Айвен ни разу не превысил скорость.

* * *

Следующие два дня Айвен делал все, что мог, чтобы перехватить и соблазнить Тедж. Из отеля она вернулась очень поздно, без Риш. Айвен уже впал в полукоматозное состояние и старался не думать, что завтра вставать по будильнику. Нача-

лась рабочая неделя, и ему, как всегда, пришлось разгребать в оперативном отделе бесконечный поток мелких глупостей и несуразиц. Ответы на его реляции были либо раздраженные, либо саркастичные. Из последних Айвен выделил новый подвид — убийственные. В любом случае он остался и без ужина, и без Тедж, которая ушла шоферить дальше.

На следующий вечер Айвен нанес массированный удар — пригласил отужинать в ресторане Тедж и всех Аркуа. На ужине Тедж вынуждена была появиться, но только по той причине, что доставила всех остальных. Хотя Аркуа прибыли не в полном составе, их все же набежало достаточно, чтобы исключить серьезные разговоры, и, конечно, не удалось залучить Тедж и поговорить по душам. За столом велась скучная беседа ни о чем, обычная для туристов в чужом городе. Нет, собрать их всех в общественном месте — плохая идея. Для приватных бесед было бы лучше пригласить их к себе домой. И не забыть подмешать суперпентотальчика в суп. Или лучше в аперитивы? Жаль только, что наркотик правды действует только в виде инъекции.

И ночью после ужина им не удалось с Тедж поговорить или хотя бы заняться сексом, что,

конечно, тоже способ избежать нежелательных обсуждений, но Айвен полагал, что мог удовольствоваться и этим, если уж откровенно поговорить никак нельзя. Риш снова устроилась на диване в гостиной, а значит, и Бай остался без постельных утех, это немного утешало, но не слишком. А утром Айвен проспал. Тедж нарочно это подстроила? Он опрометью помчался на работу без завтрака, общения, поцелуев, даже без кофе. И целый день ему предстояло сражаться с разными идиотами.

Так больше продолжаться не может!

* * *

«Микобур» выкидывал фортели.

Тедж надела маску — простой больничный респиратор без электроники. И где только Амири такой раздобыл? Натянула пластиковые перчатки и приготовилась спускаться вслед за Амири, бабушкой и Гагатом по шаткой приставной лестнице в черный провал шахты всего метр в диаметре. Люминофоры при спуске болтались на поясе, давая яркое, но неравномерное освещение.

Тедж не могла не признать — результаты первых дней погружения «Микобура» были

впечатляющими. После того первого визита Амири с Гагатом добирались в гараж уже сами и постоянно меняли маршрут. Раз в день они проводили проверку и переустанавливали новые мико-стержни взамен отработанных. Но, похоже, бабушке придется написать в своем отчете для друга с Земли, что обещанный туннель — «прямой, определенного диаметра» — цель пока еще недостижимая. Черные стены то набегали, то отступали, но не из-за качающихся источников света — ствол шахты и в самом деле то сужался, то расширялся, а то и отклонялся в сторону. Тедж добралась до чего-то вроде холла, который Амири устроил на дне шахты, чтобы разместить крупногабаритное оборудование. Здесь она смогла наконец выпрямиться и отдышаться.

Амири поднес палец к своей маске.

— Тс-с! Постарайтесь не шуметь, — прошептал он.

Тедж и Гагат послушно кивнули. Свои наручные коммы они оставили наверху, в запертой кладовке, и там же переобулись. У Тедж на носках домашних тапочек красовались мордахи зайчиков, а у бабушки — котят. Вот что они получили, послав Изумруд по магазинам.

Пол под ногами был неровным и как будто

пружинил.

Туннель, ведущий к парку, оказался достаточного размера, чтобы встать в полный рост, хотя бабушке и приходилось наклонять голову. Но в тех местах, где туннель сужался, пригибались все. Хуже было то, что он то и дело петлял. На таких участках им дважды приходилось протискиваться чуть ли не ползком. Это мало походило на перемещение по туннелю — скорее уж на ползание по гигантскому кишечнику.

Сходство увеличивали и аппендиксы, которые то и дело стали попадаться на пути. Диаметр этих тупиковых ответвлений был не больше руки Тедж, но у нее не возникало ни малейшего желания совать туда руку, не важно, в перчатке или без. Зато Гагат тут же продемонстрировал ей, как это делается. Тедж состроила гримаску. Внезапно Гагат остановился на широком участке туннеля, и в глазах его зажегся подозрительно радостный блеск.

Амири повел бабушку вперед, проверить, как продвигается работа. Он оглянулся на отставших Тедж и Гагата, но крикнуть, чтоб догоняли быстрее, не мог.

Люминофоры бабушки и Амири, подпрыгивая, удалялись во тьму туннеля.

— Вот! — шепнул Гагат, направив свет на свою находку.

Что-то белое выступало из стены в метре от пола… «Да это же человеческая нога! Точнее, кости — зловеще белеют в призрачном свете люминофора».

Тедж отскочила от стены, зажав ладонями рот, чтобы не закричать, и прожигая свирепым взглядом своего нечетного брата. Да какая разница — четные, нечетные, все братья одинаковы! Этот забавлялся от души: Тедж ведь не может ни заорать, ни даже завизжать. У нее перехватило дыхание, но она заставила себя успокоиться и сделать глубокий вдох. Единственное, что оставалось, — это взять реванш, демонстрируя полную невозмутимость.

— Подумаешь, барраярец какой-то. Нам-то что за дело?

Гагат, давясь от смеха, достал из кармана куртки длинный складной ножик, наклонился и потыкал стальным лезвием в упругую стену около костей. Он надавил чуть сильнее, и нож вошел в стену.

— Ты что делаешь? — прошипела Тедж, когда брат стал пилить.

— Через пару дней стены затвердеют, — шепнул

он в ответ. — Завтра бесшумно уже не получится. Сейчас или никогда.

Логично, но для Тедж было бы предпочтительней «никогда». Или хотя бы «кто-нибудь другой, когда-нибудь потом». Гагат уже обвел ножом ногу скелета и потянул. Но вытащить не смог. Тогда он стал прорезать круг побольше. Когда он отковырял верхний слой, высыпалась целая куча грунта. «Пора бежать! — пронеслось в голове у Тедж. — Но в какую сторону?» Однако обвала не случилось. Гагат еще немного подолбил ножом, углубляя дыру, и вдруг замер. Его рука свободно ушла в глубь стены, и Гагат изумленно выдохнул:

— Там пустота!

— Другой туннель? — спросила Тедж. — Этот парень как-то ведь очутился здесь, внизу?

Гагат встал на четвереньки и принялся остервенело рыть, как фокстерьер, учуявший крысу. Куча грунта значительно увеличилась, а Гагат скрылся в образовавшемся отверстии. И в следующий момент до Тедж донесся его голос:

— Вау! Ты должна это посмотреть!

Тедж вовсе так не считала, но… она же не допустит, чтобы ее маленький братик рисковал в одиночку, залезая неизвестно куда, верно? Ее

долг следовать за ним.

Она заправила волосы за воротник куртки, поправила вязаную шапку и пролезла в дыру вслед за Гагатом.

Брат сидел на корточках, над ним нависал низкий свод, который подпирал покосившийся крепеж. Немного поодаль валялись рухнувшие опоры. Значит, барраярец попал под обвал?

Это случилось очень давно, иначе зловоние было бы сильнее. Тело, наполовину засыпанное землей, лежало лицом вверх, а руки вытянуты вперед в таком положении, словно он скреб ногтями землю. На черепе еще остался жиденький клочок волос, но вся органика, похоже, разложилась, и кое-что из одежды тоже. Синтетика еще до конца не распалась — оставались несколько веревок и часть чего-то вроде туристского рюкзака, который руки скелета будто бы отбрасывали от себя прочь. То, что было сделано из металла, проржавело насквозь, но не все — блестели значки с Глазом Гора, она видела такие у людей из СБ, и какое-то странное украшение на шее скелета. Тедж потянулась посмотреть. Металлический жетон с гравировкой. Она разобрала буквы: «Абеляр В.» — никогда не встречала такой фамилии, наверняка из простых. Так, тут еще буквы:

«ст.с.» — старший сержант? Далее длинный буквенно-цифровой код.

— Должно быть, это барраярский солдат, — пробормотала Тедж. — Что он делал тут, внизу?

И тут она увидела, что Гагат открывает рюкзак.

— Нет! Не трогай! — в ужасе зашептала Тедж.

— Почему? — спросил Гагат, собираясь засунуть руку внутрь.

— По-моему, там бомба.

Это остановило даже Гагата. Он поднес свет поближе и обнаружил блок электроники — местами проржавевшей, местами не очень, но по-любому давно сдохшей — и еще более загадочную серую массу.

Он попятился, беззвучно шевеля губами.

Тедж положила свою находку в карман и подползла поглядеть. Серая масса весом в несколько килограммов слежалась одним комком, оттуда торчали старые провода.

— Пластиковая бомба? — предположила она.

Гагат наморщил лоб:

— Древняя штука. Пластиковая взрывчатка уже разложилась за это время.

— Может, и нет.

— Хм.

Тут они услышали испуганный шепот Амири:

— Тедж? Гагат?

Гагат перекатился поближе к отверстию, пригнул голову и прошептал в ответ:

— Амири, ты должен сам это увидеть!

— Я же тебе говорил оставить эту чертову ногу в покое!

— Да, но она прилагается к целому парню! Ты же доктор — значит, сможешь нам сказать, сколько ему лет.

До них донеслись приглушенные ругательства, и очень скоро Амири пролез в дыру. Он злился на брата и сестру за их тягу к приключениям, но и его одолело любопытство. Амири был в защитных перчатках, а потому, не откладывая, приступил к предварительному осмотру останков.

— Мне нужно знать больше о барраярской экологии почвы, — прошептал он. — Тогда скажу точнее. Здесь не очень-то сухо. Не меньше двадцати лет. И не больше сорока. Местный судебный эксперт дал бы более точную датировку.

Только сейчас Амири обратил внимание на рюкзак, валявшийся чуть поодаль от скрюченных пальцев скелета.

— О! Вот дерьмо… Не трогать!

Гагат состроил было невинную физиономию,

но в маске это напрасный труд.

— Говорила ж тебе, — шепнула Тедж.

— Ну… это старье вряд ли бабахнет, — сказал Гагат не слишком уверенно. — Может, взять образец на анализ, что ли?

Амири был исследователем, и такой подход не мог ему не понравиться, но он наклонил голову поближе к дыре и прошептал:

— Бабушка! Ты больше в химии разбираешься, скажи, пластиковые взрывчатые вещества портятся, если прошло много времени?

— Да, в основном… — донесся ее голос.

— Ага. — Амири бесцеремонно взял из руки Гагата нож, встал на колени и очень осторожно попытался срезать несколько граммов. За эти десятки лет серая масса стала очень твердой, и у него ничего не получалось.

— …но есть и такие, что становятся нестабильными, — донеслись до них слова бабушки.

Амири резко отдернул нож от взрывчатки и замер.

— Я за то, чтобы оставить все как есть и ничего не трогать, — заявила Тедж. — Или хотя бы вернуться потом, когда закончим все остальное. Если время будет.

— Да, — нехотя согласился Амири, складывая

нож и убирая в карман. Гагату он его не вернул, но тот протестовать не стал.

Из того же кармана Амири извлек игрушечный детский компас — довольно примитивный аналог настоящего. Он поднял свет повыше и, прищурившись, вглядывался в дрожащую стрелку компаса.

— Интересно, куда этот тип направлялся?

— Зависит от того, шел он туда или обратно? — уточнила Тедж.

Амири вздохнул и положил компас в карман.

— Мне надо спуститься сюда и самому нарисовать карту, метр за метром, тогда бы мы не теряли попусту время, направляя «Микобур» не в ту сторону. И не в первый раз.

И Тедж с Гагатом следом за Амири выбрались в туннель. Там их поджидала рассерженная бабушка — ей явно не понравилась солидная куча грунта.

— Гагат, ты должен будешь здесь все убрать, — сказала она, указывая на устроенный обвал. — Да, и постарайся уж, а то растащите грязь повсюду. И прикрой чем-нибудь эту дыру, которую ты проделал.

— Но, бабушка, там же мертвое тело!

— Если тебе надо еще, на барраярских клад-

бищах таких сколько угодно, — неприязненно заявила она. — И очень негигиеничных, кстати. Кремация намного лучше.

«Как у цетагандийцев, ну конечно».

Оставив мальчиков проводить уборку, бабушка пошла вместе с Тедж обратно. Амири вроде ни в чем не провинился, но надо же кому-то присмотреть за Гагатом.

Пока они шли, Тедж на всякий случай осматривала потолок. Не проседает ли он где-нибудь?

Вернувшись в холл, они освободились от масок и перчаток.

— Что-то не так на дальнем конце туннеля? — спросила Тедж.

— «Микобур» огибал инклюзию. В четырех разных направлениях. Не тех, что нам надо. Мы заложили нужное.

— А какая инклюзия?

— М-м, предположительно — дождевой водосток. Во всяком случае, цилиндрическая труба, и внутри слышен шум бегущей воды.

— А глубина?

— Мы примерно на уровне реки, в том слое. Этот водосток не барраярская работа, слишком уж хорошо сделано. Думаю, его проложили во времена Девятой Сатрапии.

— Бабушка… а наш туннель не обрушится? — Как над тем бедным барраярским… — «террористом»? Так ли это? Тедж не знала. Скорее всего так и есть. Но даже если этот парень — террорист-смертник… какая, должно быть, ужасная смерть. Она нащупала в кармане личный жетон. Интересно, а есть ли такой у Айвена Ксава? Среди его вещей она не видела.

— Обрушится когда-нибудь. — Бабушка, нахмурясь, смотрела на туннель впереди. — Понимаешь, идеально круглая труба — это как бы две арки, поддерживающие друг друга, то есть очень прочная форма. Я видела такие арки еще на Земле, из простых камней, простояли три тысячи лет, и это на планете, где не прекратилась тектоническая активность.

— Но наш туннель не идеально круглый. Он больше похож на… кишку.

— Да, но ведь он должен продержаться не века, а неделю или две.

«А что, если он рухнет на кого-нибудь?» — хотела спросить Тедж, но бабушка уже взбиралась наверх по шаткой лестнице. Тедж вздохнула и стала подниматься по ступенькам, видя над собой осторожно переступающие тапочки с котячьими мордахами.

* * *

В этот вечер не иначе как чудом Айвен оказался с Тедж в одном и том же месте в одно и то же время. И оба не спали. А что еще лучше, местом этим оказалась спальня. Тедж, впрочем, была чем-то обеспокоена, она расхаживала туда-сюда, потом выдвинула верхний ящик его комода, куда он сваливал всякое старье, с любопытством заглянула и стала небрежно перебирать.

— Что ты ищешь?

— Я просто подумала… у тебя есть солдатский медальон? Или что-то вроде? Никогда не видела, чтобы ты его носил.

— Медальон? А, собачьи бирки!

— Собаки-то тут при чем?

— Ни при чем, просто так их называют. Не знаю почему. Всегда так называют, во множественном числе, хотя всегда выдают один. Можно назвать его «медальон», но это как-то слишком по-девчачьи для нашей солдатни.

— А!

— Мой, наверное, висит в шкафу вместе с черной полевой формой.

— А в барраярской армии его носят только с такой формой?

— Они не на каждый день, по крайней мере в Генштабе. Только если на задании, в полевых условиях. И ситуация рискованная. У нас тут в оперативном отделе обсуждали, не лучше ли заменить их на вшитые личные чипы с электронным слежением, но армии не понравилось. И еще, как кто-то правильно сказал, если мы сможем найти своих парней, то же самое сможет сделать и враг, так что это новшество так и не приняли. — И это не говоря уже о том, что при какой-нибудь гражданской заварушке плохими парнями могут оказаться свои. Такое уже случалось.

— Так, значит… — Тедж через плечо посмотрела на Айвена, занявшего выгодную тактическую позицию на как бы своей стороне кровати. — Если что-то опасное, так я об этом узнаю?

— Вообще-то, надеюсь, ты об этом узнаешь, потому что я сам тебе скажу.

— Нет… — Ее взгляд сделался задумчивым. — Не уверена, что скажешь.

Айвен прочистил горло.

— Хм, а к чему этот вопрос?

— Я… видела такой сегодня, мне стало интересно. Насчет тебя.

— Где?

— Ну… на парковке валялся. Минутку… — Она вышла из спальни и вернулась с тонкой блестящей цепочкой.

Айвен приподнялся на кровати, взял у Тедж цепочку с медальоном, повертел в руках, рассматривая гравировку.

— И впрямь старинный. Мой по-другому выглядит. Должно быть, кто-то сохранил как сувенир. Наверное, выпала у него из кармана… — «А могло быть все гораздо печальнее», — мелькнула вдруг мысль, и Айвен сказал: — Или у нее.

— Логично.

— Спорим, его хотели бы получить обратно. Где эта парковка?

— Хм, не помню. Их так много.

— Я завтра могу поискать этого парня в наших архивах.

— Ой! Ты правда поищешь? — Тедж было обрадовалась, но тут ее охватила тревога: — Но… Я, пожалуй, хочу сохранить это как сувенир. — Ее рука потянулась за реликвией.

— Если хочешь, я тебе отдам свой старый. Когда я был лейтенантом.

Еще более старый жетон, когда он был прапорщиком, исчез вместе с одной из подружек, вспомнил вдруг Айвен. Что доказывает: для того,

чтобы не потерять подружку, эта штука не годится, хотя вроде бы «собачьи бирки» для того и придуманы, разве нет?

Тедж присела на край кровати, погрузившись в какие-то свои мысли. Айвен потянулся было к ней, но тут услышал:

— Айвен Ксав… ты знаешь что-нибудь о старой барраярской пластиковой взрывчатке для военных целей?

Рука его так и повисла в воздухе. Айвен не поверил своим ушам:

— Что? Взрывчатка? Тоже нашла на парковке?

— Нет-нет.

— А насколько старой?

— Очень. Лет двадцать, а может, и больше.

— В академии был курс по боеприпасам, но тем, которые сейчас на вооружении.

— А как давно это было?

— Э-э… семнадцать лет назад.

— Но это почти двадцать.

Айвен заморгал.

— А ведь точно. Хм… — Он попробовал по-другому: — Как бы то ни было, если вдруг наткнешься на что-нибудь подозрительное, ты должна вызвать саперов. Или вызвать меня, а я вызову саперов.

— Ты бы сам так и поступил?

— Конечно! Ладно… Если не считать старый партизанский склад оружия. Мы с Майлзом и Элен нашли в Дендарийских горах тайник. Мы тогда были детьми. И очень глупыми детьми, как нам весьма доходчиво объяснили все, и дядя Эйрел, так что надолго запомнилось. После того как мы… впрочем, не важно. В общем, дело в том, что на этой планете до сих пор могут повсюду валяться опасные штуковины, и с ними шутки плохи.

Выпутавшись из невнятного поучения, Айвен наконец смог спросить то, что ему было очень важно знать:

— Почему тебя это интересует?

— Да так, — пожала плечами Тедж.

Что ж, ладно… Изворотливости Тедж явно не хватает. Как-то не по-джексониански она информацию добывает.

— Я просто что-то про это читала, — поспешно добавила она, вдруг заметив, что Айвен смотрит на нее… в ужасе?

— А что, если мне попросить отпуск? — предложил Айвен, немного подумав. И шли бы ко всем чертям все эти эсбэшные инсинуации, ну и пусть считают, что он сам признал в себе угрозу

безопасности. — Если твоя семья пробудет здесь недолго, я могу не успеть познакомиться с ними поближе. Как ты считаешь, имеет смысл?

— О! — Тедж это поначалу понравилось, но она тут же пошла на попятный: — Я не хочу мешать твоей работе. Я знаю, как это важно!

— Мы же не воюем. Во всяком случае, на этой неделе. Оперативный отдел как-нибудь уж без меня перетопчется, не развалится, думаю, за несколько дней.

Ее глаза сверкали, как у зверушки в свете фар.

— Так, с этим понятно. Давай займемся любовью!

«Беспроигрышный ход. Проклятие, дальше она будет имитировать оргазм».

* * *

…Как оказалось, пока все не так плохо.

«Значит, она меня любит, так ведь?» — изнывал от сомнений юный недотепа Айвен, до сих пор живущий где-то в глубине его сознания, перед тем, как психологически отключиться.

Суровый старый Айвен только и мог подумать на это: «Айвен, ты идиот».

И ни один из Айвенов в этой трогательной компании так до сих пор и не высказал вслух

тот самый единственный вопрос, который имел значение: «Тедж, ты останешься?»

Глава двадцатая

На следующее утро Тедж опять колесила по городу. На этот раз она оказалась в новой части Форбарр-Султана — пригородный район протянулся к северу от горной гряды, обнимавшей речную долину и Старый Город. У барраярцев датировка всего чего угодно была привязана к важнейшим военным событиям. Например, было принято говорить: «до Оккупации», «во время войны Ури Безумного», «после мятежа Фордариана». Но в данном, чуть ли не исключительном случае датировка относилась к мирному периоду. Этот район в основном был застроен во время правления Грегора, то есть за последние двадцать лет.

Тедж свернула на территорию скромного бизнес-парка. Ей удалось найти местечко, куда втиснуть их арендованную машину, прямо перед входом одной фирмочки по прокладке труб. Именно туда они в данный момент и направлялись. Звезда прихватила свою папку с бумагами и решительно устремилась к двери. Тедж обычно оставалась дожидаться в кабине, а папа сопровождал Звезду. Но на сей раз папа направился

куда-то дальше по улице, взяв с собой Тедж. Она послушно последовала за ним, плотнее запахнув пальто и подняв воротник, чтобы уберечься от промозглого тумана, пришедшего на смену дождям.

— Куда мы идем?

— Повидать одного знакомого.

— А он нас ждет?

— Пока нет.

Не уславливаться о встрече, ни с кем не связываться по комму. Машина, взятая напрокат, снабжена картографической системой, которая заодно дает возможность всем заинтересованным лицам определить их точное местоположение. Сейчас машина стоит там, где стоит, все абсолютно законно. Или нет? Тедж невольно встревожилась.

Папа пояснил:

— Я не в восторге, что приходится привлекать кого-то со стороны, но, судя по всему, визу нам не продлят. Время поджимает. По информации от надежного источника, этот человек привлекался для транспортировки не так давно, и результаты вполне удовлетворительные. Он, похоже, готов иметь дело с нами. Если не подведет, то может пригодиться и в дальнейшем.

Через два квартала они причалили к офисному знанию и вошли в дверь, над которой было написано: «Имола & Ковакс. Хранение и транспортировка». Суетящийся приемщик за стойкой, заваленной всякой всячиной, напомнил Тедж ее дни в «Быстрой отправке». Он поднял взгляд и сказал:

— Сэр, мэм, чем я могу быть вам полезен?

— Будьте добры, передайте господину Имоле, что его старый друг хотел бы его видеть.

— Он сейчас очень занят, но я спрошу. — Стандартная преамбула для спроваживания нежелательных визитеров, Тедж это знала по собственному опыту. — Как мне вас представить?

— Селби.

Переговорив с шефом по интеркому, клерк провел их наверх, в другой офис, тоже заваленный всякими предметами. За комм-пультом сидел мужчина старше средних лет в относительно невоенном барраярском неофициальном костюме. Он хмуро глянул на посетителей, и на лице его отразилось неприкрытое удивление. Касанием руки он погасил изображение на видеопластине.

— Спасибо, Джон. Закройте дверь, пожалуйста, — велел он клерку.

И только когда клерк неохотно удалился, выбе-

жал из-за стола и сжал руки барону:

— Шив Аркуа, старый пират! Я слышал, что тебя уж нет в живых!

— Преувеличение. Хотя не особое. — Папа улыбнулся, не разжимая губ, оглянулся на Тедж и поинтересовался у приятеля: — Как мне тебя называть?

— Виго Имола.

— Виго, познакомься с моей дочерью, баронеттой Теджасвини Аркуа.

Тедж, слегка удивившись, пожала ему руку. Когда они с матерью или сестрами куда-то приезжали по делам, ее для проформы именовали «наш водитель» или не представляли вовсе, а иногда вообще оставляли в машине.

— Обычно меня называют Тедж. — «Или леди Форпатрил», но никто из семьи ее так не называл. Она подавила бесконтрольное желание похвалиться своим титулом. Понятно, что сейчас не время. Папа настроен на деловой лад.

— Обворожительна! И смею предположить, вся в мать, да? — Имола окинул ее долгим взглядом, но на грудь не пялился. «Счет в его пользу», — мысленно отметила Тедж.

— В основном, — кивнула она.

— По счастью, — усмехнулся папа.

Хозяин пододвинул им удобные стулья и пригласил садиться.

— Откуда вы друг друга знаете? — спросила Тедж. Иногда ведь ей отвечали, почему не попробовать?

— В прошлой жизни Виго был планетарным связным, а я капитаном во флоте Селби. До того как я встретил твою мать, — ответил папа.

— Да, были времена, — протянул Имола, снова устраиваясь за своим столом. — Только полный псих мог тогда заключить контракт на защиту Комарры. А старина Селби зачем-то это сделал.

— Мы были молоды. И думали, что бессмертны, — вздохнул папа.

— Ага, как еще объяснишь, — согласился Имола. По мнению Тедж, первоначально его выговор был комаррианским, но наложились долгие годы на Барраяре, в смешанной урбанистской среде. — Кто бы мог подумать, что у такой отсталой планеты такой напористый флот?

— Не твои комаррианские друганы, это уж точно.

— Ха. — Имола покачал головой, вспоминая те славные деньки. — А какого черта ты тут делаешь, на Барраяре? Я считал, что дом Кордона подвергся нападению и был захвачен. Престен,

да?

— Да. Они, ублюдки, — презрительно фыркнул барон. Он не мог спокойно слышать это ненавистное слово. — Долгая история с массой всяких хитросплетений. Расскажу как-нибудь на досуге. Так ты докатился до перевозок?

— Как видишь. — Имола развел руками, предлагая полюбоваться на непритязательный офис компании.

— А! И каких именно перевозок? Любых?..

Имола улыбнулся, дотянулся до чего-то там под столом и выключил. Или наоборот.

— Иногда. Если цена хорошая. И риск невелик. Причем второе важнее первого. — Он тяжело вздохнул. — У меня уже нет тех амбиций, что в молодости. И энергии той нет, и я не такой псих, как раньше.

— Твой риск невелик. А цена… Это надо бы обсудить.

— Так что там у тебя имеется? — спросил Имола. — Вес, объем? Скоропортящееся? Живое или неживое? Живое дороже.

— Неживое — на этот раз. Объем и вес еще точно неизвестны, но вряд ли что-то запредельное. Хм, но вот доставка живого груза? Тут и речи нет о малых рисках.

Имола самодовольно ухмыльнулся:

— Скоропортящиеся грузы перевозятся в криозамороженном виде. Удачное решение проблемы. Портативные криокамеры нового поколения намного надежнее, да и цикл обслуживания продолжительней. Перевозка почивших эмигрантов или злополучных туристов, которые хотят, чтобы их вылечили или похоронили дома, — это как раз и есть законная часть бизнеса. Со стороны медицины имеется налаженный контакт, это и поставки клиентов, и помощь в подготовке грузов к перевозке. А если мы ненароком подсунем кое-что сверх заявленного, документы всегда в порядке.

— Тут риск для груза.

— Добровольный груз — что ж, они сами этого хотят. Что касается недобровольного груза, то их отправители, как правило, хотят даже еще сильнее. Наши потери на транзите действительно низкие. И стало несравнимо дешевле, когда исчезла необходимость препятствовать побегам товара на маршруте. Метод, конечно, зависит от наличия соответствующих устройств для криооживления в пункте доставки, но это не моя проблема. — Имола нравоучительно погрозил пальцем. — Тут фокус, как всегда, в том, чтобы не

зарываться — не пытаться перевозить слишком часто и слишком много сразу. Вот только трагических случаев немало бывает. Мы предпочитаем не скрывать реальные несчастные случаи — когда это возможно, конечно.

Папа одобрительно кивнул:

— Очень умно. Как я понял, ты еще не слишком стар для нововведений.

— Это идея моего зятя, надо отдать ему должное. Моя дочь вышла замуж за барраярского мальчишку через несколько лет после присоединения Комарры. Поначалу я был не в восторге, но он делает успехи. Младший партнер. Ковакс — это он и есть. А медицинский посредник — его брат.

— Рад слышать, что все делается в семейном кругу. Это… почти всегда безопаснее. — И папа изобразил улыбку.

— Эх, дочери выходят замуж… Вот из-за такой пакости и кажется, что в старые добрые времена все делалось более разумно. Никогда не знаешь, что они притащат. Моя вторая вышла замуж за комаррианина, толку от него никакого, но по крайней мере живет в пяти скачках отсюда. На Архипелаге Джексона правильный подход, Шив, — я про эти самые предварительные брачные контракты: деньги и всестороннее

рассмотрение на первом плане.

— О, конечно… — К немалому облегчению Тедж, папа не стал углубляться в брачные проблемы. — Так ты можешь достать нам местный наземный транспорт? Скажем, средних размеров грузовой фургон?

— Фургоны у меня есть. И грузчики тоже.

— А такой, чтобы ты не засветился, найдется?

Имола сощурился, скрывая вспыхнувшее в глазах любопытство.

— Можно и так.

— Погрузим мы все сами. К выходным получится найти фургон?

— Скорее всего.

— А частное хранилище?

— Могу предоставить.

— Сделка вот какая: паркуешь свой фургон накануне вечером в указанном подземном гараже в Старом Городе. Пошлешь утром туда кого-нибудь пешком, чтобы отогнать оттуда фургон. Может понадобиться и вторая ночь, на этот случай лучше бы иметь еще один фургон. Надо договориться, чтобы один из нас имел возможность присмотреть за разгрузкой, там кое-что потребует самого деликатного обращения.

Тедж представила, как это будет выглядеть.

В туннеле «Микобура» Аркуа, выстроившись в цепочку, как при передаче ведер на пожаре, в полной тишине всю ночь напролет вручную отгружают контрабанду. Примерно так все и будет? Слишком тяжелые и громоздкие грузы, если не получится разобрать на части, к сожалению, придется бросить. К счастью, это не относится к золотым монетам. Хотя в старой лаборатории просто неоткуда взяться крупногабаритным предметам, ведь первоначальные владельцы должны были все это отправлять вниз по шахте грузоподъемника. Той самой, которую, по словам бабушки, ей было поручено взорвать, когда последняя аут-леди покинет помещение.

— До выяснения пункта назначения товары будут храниться в безопасном месте, — продолжил папа, — а пока можно будет не спеша и более подробно договориться о транспортировке. Возможно, перевозить придется небольшими партиями.

— А куда?

— Пока точно не знаем. За пределы Барраярской Империи: что-то к Ступице Хеджена, что-то на Эскобар.

— Сложновато подсчитать цену. Ты предлагаешь процент или фиксированную сумму?

— Пока предметы не попадут в место назначения и не будут реализованы, о проценте от их стоимости говорить нечего. Полагаю, ты бы предпочел фиксированную сумму сейчас, нежели чем неизвестную сумму от неизвестной суммы гораздо позже.

— Почему не оба варианта? — спросил Имола. — Фиксированная сумма вперед, чтобы покрыть возможные расходы, и процент после успеха операции. Скажем, пятнадцать процентов. Это вполне обычно.

— Может быть. Но тут надо действовать быстро и тайно, — сказал папа с кислым видом.

— За процент я могу быстро и тайно. Так что, у нас будет сделка?

Папа уже принял решение — он подошел к столу, протягивая руку Имоле, и бывшие наемники обменялись рукопожатием.

— Сделка.

Имола откинулся в кресле и приготовился записывать:

— Так какой адрес у этого твоего гаража?

Папа назвал. Имола не поверил своим ушам:

— Шив, ты в курсе, что за здание через улицу от гаража?

— О, да, — вздохнул папа. — Отсюда и все предо-

сторожности.

— Вы могли просто не обнаружить сканеры, но будь уверен: любое транспортное средство, припаркованное в радиусе трех кварталов от штаб-квартиры СБ так или иначе подвергается тщательной проверке. И фиксируется.

— При въезде в гараж сканирование достаточно тщательное, при выезде — не такое. Просто отслеживают, совпадает ли число въехавших и выехавших. Мы проверяли.

— Ага. — Имола нахмурился, обдумывая услышанное. Когда его анонимный фургон приезжает в гараж, то он пустой и безобидный. Водитель ничего знать не будет… — Я придерживаюсь правила: хочешь остаться в бизнесе, не суйся в местную политику. Коммерция, и ничего кроме коммерции. Силы правопорядка Округа Форбарра и Имперская таможенная служба — для меня более чем достаточно. Имперская СБ — так высоко я не забираюсь. Можно и лоб расшибить.

— Меня не интересует местная политика.

— Только коммерция, так?

— Очень на это надеюсь.

— Хм-м, вот оно как… — Имола посмотрел на адрес, запомнил — и стер запись. — Мог бы и сказать, в чем фишка.

— Стал бы я докучать тебе чем-нибудь тривиальным?

— Нет, думаю, вряд ли. Ты всегда опережал остальных, еще тогда, — вздохнул Имола. — Мои наилучшие пожелания супруге. Она по-прежнему с тобой, да?

Папа кивнул.

— А остальное семейство?

— Все мы благополучно вместе. — Он не стал вдаваться в печальные подробности о Рубин, Топаз и Эрике.

— Общий сбор перед переходом в наступление на Престен? Или как?

— Более или менее. Или… — Его губы изогнулись в усмешке. — Или купим тропический остров.

Имола был несколько обескуражен этой альтернативой, но отреагировал с должным оптимизмом:

— О! Желаю удачи. Сейчас как-то и не принято держаться всем вместе. Каждый сам по себе, такие уж времена настали. А что с этими экстравагантными танцорами? Удине их по-прежнему держит при себе? Как я слышал, это было классное шоу, когда вы все были на Станции Кордона.

— Ее Драгоценности, да. И они снова будут

танцевать, — отчеканил барон Кордона. — Непременно посмотри, когда будешь в наших краях.

Они с Имолой еще немного повспоминали старые добрые времена. Тедж сказала бы, что, судя по тем историям, которые они с умилением вспоминают, это скорее «старые гадкие времена». Но вот папа завершил визит, и они снова оказались на улице. Туман за это время вроде бы немного рассеялся — а может, наоборот, уплотнился, — превратившись в холодную морось.

— Давай подождем в машине, — велел папа, когда добрались до офиса фирмы по прокладке труб. — Не стоит мешать Звезде вести свою игру.

Тедж уселась на свое водительское место, папа занял кресло возле нее и, казалось, ждал вопросов. А ей и впрямь хотелось хоть что-то для себя прояснить.

— Ты ведь не слишком-то откровенничал с этим Имолой? Ты ему доверяешь или нет?

— Границы доверия во многом зависят от того, намерен ли ты иметь дело с этим человеком в дальнейшем. Хотя вообще-то не принято открывать все карты в первом раунде сделки. Что-то надо и придержать. Более того, информацию сверх необходимого минимума для данной сделки он если не знает, то и не выболтает, даже под

суперпентоталом. Если уж говорить о неписаных законах, то Имола знает правила этой игры.

— Кто б сомневался… — вздохнула Тедж.

— Что-то, милая моя, вид у тебя не очень счастливый?

— Как у всех у нас…

— Да, конечно. Ладно, не грусти, мы все будем дома. И уже скоро.

«Ну да, если не считать того, что для этого нужно». Тедж не могла не думать о том, что новый дом Кордона неизбежно будет отличаться от прежнего. Он станет другим. «Или я стану другой?»

— А знаешь, — сказал папа, — ведь именно ты и была тем особенным подарком, который мне сделала Удине. Все другие дети… что ж, я с радостью позволил ей поиграть в аут-генетика. Но к тебе применили только генный клининг. Немодифицированный ее генный материал, немодифицированный мой. Мое почти натуральное потомство.

— Я знала это. — Звезда назвала ее как-то «контрольный ребенок», и это был не комплимент.

— Мне всегда хотелось, чтобы у тебя все было хорошо.

«Чтобы доказать себе? Что доказать, папа?»

— Я был намерен добиваться для тебя при

составлении брачного контракта чего-то особенного. И несмотря ни на что, я мог бы это сделать. Ты ведь знаешь.

— М-м… — только и сказала Тедж.

— Но… теперь вырисовывается другая возможная сделка. Насколько ты любишь этого барраярского мальчика?

— Айвена Ксава? Очень люблю.

И одним из тех качеств, которые ей в нем особенно нравились, было то, что он не имел ни малейшего отношения к сделкам Аркуа. Его барраярское окружение тоже было по-своему свихнутым — что правда, то правда, — но это на удивление слабо на нем сказалось.

— Если для сделки будет необходимо вовлечь его, ты захочешь участвовать?

— Что за сделка? — спросила она, как обычно, услышав слово «сделка», но тут же сказала: — Погоди-ка… Ты имеешь в виду брачный контракт? Мы уже сделали что-то в этом роде, как мне кажется. — «Граф Фалько так сказал. И мы заключили сделку сами, собственным голосом и дыханием. Какое смешное барраярское выражение. Своим собственным дыханием, а не чьим-то еще». — То есть получается, что сделано, то сделано. И единственный способ это изменить — *аннулировать*.

— И это может случиться столь разными путями. Должен заметить, ты не испробовала ни одного из них.

— Мы были *заняты*. А потом приехали вы, и мы стали еще *более заняты.*

— А твой Айвен Ксав понимает, что ты считаешь, что это была *заключенная сделка*? А твой э-э… свекор, так сказать?

— Я… — «Я не знаю», — вдруг поняла Тедж. Да и понимала ли это она сама? На самом-то деле, так, чтобы наверняка?

— Потому что если нет, — продолжил свою мысль папа, — я уж точно не вижу никаких причин тебе им это сообщать. Было бы очень *ловко*. Продать им то, что у них и так уже есть, за… ха! *Вознаграждение*, да.

Тедж постаралась не выдать смятения.

— Это как-то связано с вашей конфиденциальной беседой с Саймоном?

— Может быть, — уклончиво ответил папа.

Холодок побежал по жилам. Айвен Ксав, похоже, полностью уверен, что запугивать его хм-отчима столь же бесполезно, как и предлагать взятку, посулив богатство. А как насчет любви?

У любви разные обличия. Было очевидно, что этот странный, замкнутый человек хотел бы, что-

бы у него с пасынком отношения были получше, чем те, которые сложились на данный момент. Пусть даже только для того, чтобы сделать приятное своей высокородной фор-леди. И даже более того: Саймон по-своему любил Айвена Ксава, неуклюже и скрытно, очень по-саймоновски, но любил. Хотя Айвен Ксав, похоже, этого не замечал вовсе. Считалось, что еще не так давно великий капитан Иллиан был непревзойденным спецом во всем, что касается безопасности. Но, может, он вовсе не столь опытен в том, что касается семьи. Ведь очевидно же, что раньше у него никогда не было семьи, за всю его долгую жизнь, или это была вовсе и не жизнь, а только работа? И ничего, кроме? Но, безусловно, этот человек не стал бы компрометировать свою особую барраярскую честь только ради того, чтобы сохранить брак пасынка. Саймон — это загадка. Как тут скажешь, о чем он думает?

Плохо уже одно то, что папа хочет использовать ее, Тедж, как фишку в своих сделках. Но папа — это же папа, на то он и барон Кордона. А вот Саймон не имеет такого права…

— Ты уже заключил с Саймоном какую-то сделку насчет меня? — требовательно спросила Тедж, не на шутку встревожившись.

— Хм-м, не сказал бы, что это сделка. Скорее пари.

— Еще того хуже.

— О! Не относительно тебя. Пока. Хотя ясно, что тебя и Айвена Ксава он учитывает в своих расчетах.

— А относительно чего тогда?

— Шаг первый нашей программы здесь — картографирование. Саймон поспорил, что мы никак не сможем этого проделать. Так, чтобы нас не засекло СБ, ведь это у них прямо на пороге. Я поспорил, что сможем. — И после недолгого размышления уточнил: — Если, конечно, не считать эсбэшником самого Саймона. Мы выиграли.

— Что мы выиграли? — спросила она с подозрением.

— Второй раунд. Саймон считает, что Звезда предпринимает для этого определенные шаги, как мы и говорили. К счастью, «Микобур» все еще вне сферы его весьма обширного воображения.

— Ага. Итак, каждый выигранный раунд дает нам право на следующий?

— Да. Но нам только два и нужно. Саймон думает, что три или четыре.

«Проныры», вот как это называет Айвен Ксав. Но кто из проныр окажется пронырливее?

Может, Саймон просто хочет, чтобы леди Элис была только его. То, что Айвен все никак не женился, приостанавливало его собственные брачные планы. Ведь леди Элис решила прекратить ежегодные поминальные церемонии, только когда Айвен Ксав наконец женился? Может, его ставка в игре не Тедж, а Айвен Ксав? Чтобы Аркуа забрали его на Архипелаг Джексона в качестве приза, такое возможно? А Грегор это позволит — а может, Грегору как раз этого и надо? У императора теперь есть сыновья, так что Айвен Ксав, наверное, уже перешел в категорию тех, кто мешает, — лишний наследник, неудобный пережиток. Всем только легче станет, если он уберется с дороги.

Тедж не знала, как реагировать: то ли расстраиваться, то ли всерьез рассердиться. На всех сразу — и на Аркуа, и на барраярцев.

Увидев какие сильные и противоречивые эмоции вызвали его слова, папа произнес чуть ли не жалобно:

— Я сделаю для тебя все возможное, радость моя! Ты только намекни твоему старому папе, чего ты хочешь!

— Если сама буду знать, то поделюсь непременно, — вздохнула Тедж.

Папа затрясся от беззвучного хохота. «Ох уж эти женщины!» — почти зримо возникло как надпись в комиксе над его головой. Ей захотелось ответить: «А эти мужчины… фи!»

Но если она поможет клану Аркуа продать то, что у них и так уже забрали, то, наверное, они больше от нее ничего не потребуют. Да и разницы для них с Айвеном Ксавом практически никакой. «Вот черт, я совсем запуталась. Опять». Сам Айвен Ксав, допустим, ничего такого и не делает, чтобы у нее от всех проблем поехала крыша, зато все остальные только этим и заняты.

Звезда появилась из дверей фирмы по прокладке труб, прямо-таки лучась самодовольством. Они с папой разместились на заднем сиденье — так ему было удобнее выслушать ее краткий доклад о предложенной цене за туннель, который они и не думали прокладывать. Тедж тронулась с места и выехала на улицу.

— Да, Айвен Ксав хочет просить отпуск у начальства, по личным обстоятельствам, — небрежно бросила она через плечо. — Так что завтра, скорее всего, он будет свободен и сможет присоединиться к нам.

— Вот черт! — прошипела Звезда. — Дерьмовее не бывает! Он что, не мог дотерпеть до следующей

недели? И что нам с ним делать, спрашивается?

— Отвлекающие маневры, как и с его дружком Байерли, — невозмутимо заявил папа. — И никаких проблем.

«Ну, папа, это мы еще посмотрим».

* * *

В первый день Айвенова отпуска Тедж старалась вовсю, чтобы ускользнуть из дома с утра. Но он, так сказать, загнал ее в угол на кухне. Пил кофе и мило улыбался:

— Снова за руль? Не против, если я с тобой?

— Будет скучно, — пробурчала Тедж, заглатывая побыстрей свой кофе. — Мне-то скучать не приходится, лавируя в потоке машин…

— Когда я с тобой, мне никогда не скучно.

Она искоса глянула, изобразив улыбку:

— В машине не хватит места.

— Ну, придется потесниться.

И сколько еще она будет так вилять, придумывая нелепые отговорки? До Айвена вдруг дошло, чем они все так очаровали Саймона. Но Тедж в этот момент почему-то сдалась и разрешила пойти вместе с ней в отель к Аркуа. Однако там Айвен обнаружил, что на случай его появления все уже готово, и его быстренько определили в

шоферы — ездить по разным поручениям со всякими другими Аркуа. Так он и мотался по городу до самого ланча. За едой к ним присоединился Байерли, севший на хвост к Изумруд, но судя по понурому виду, ничего не разнюхавший. Значит, они продолжают отвлекать внимание — а стало быть, есть от чего отвлекать.

Примерно в том же духе так продолжалось весь день. И только благодаря счастливой случайности и чьему-то просчету он все-таки сумел оказаться в своей квартире одновременно с женой. Время уже было позднее, пора спать. Тедж переодевалась — нет, она вовсе не разоблачалась, чтобы лечь в постель, а натягивала простую удобную одежду, более подходящую для прогулки в лесу, чем ночью по городу.

— Ой! — удивленно воскликнула Тедж, когда он вошел в комнату.

— Привет, радость моя! — поцеловал ее Айвен, но ответный поцелуй был какой-то отстраненный. — Собралась куда-то?

— М-м… кое-какие семейные поручения. Не надо меня дожидаться.

— Какие еще поручения среди ночи? Ты сейчас должна быть в кроватке. Со мной. — Айвен обнял ее и уткнулся носом в шею. Но Тедж выскользну-

ла из объятий, и Айвену пришлось ее отпустить, хотя он еле удержался, чтобы не прижать ее к себе еще крепче.

— Похоже, мы не сможем и дальше все оставаться на Барраяре. У Гули сложности с продлением визы.

«Супер! Хотя нет… радоваться рано».

— Ты же знаешь, что к тебе это не относится, леди Форпатрил.

— Э-э… хм. — Тедж избегала встречаться с ним взглядом, но он увидел страх в ее глазах. Да, уж веселого мало.

— Тедж, — сказал он печально. — Нам надо поговорить.

— На следующей неделе. Тогда как раз будет время. Мне пора уходить, а то опоздаю.

— Нет, не на следующей неделе. Сейчас.

Он схватил ее за руку и усадил рядом с собой на кровать рядом. Пальцы ее дрожали, но она не делала попыток вырваться. Только улыбнулась вымученной улыбкой, не разжимая губ.

Сама начинать разговор она не станет. Айвен вздохнул:

— Тедж… я знаю гораздо больше, чем ты думаешь. О том, что происходит с тобой и твоими.

— О?..

— На самом деле я знаю кое-что, чего и ты не знаешь.

— Как ты можешь знать то, чего я не знаю, когда — начать с того — ты не знаешь, что я знаю? Это нелогично. Тебе бы не пришлось спрашивать.

Вот и Саймон недавно поймал его на нелогичности подобного высказывания. Хватит уже с него этих словесных игр.

— Тедж! Я знаю, что твоя семья ищет цетагандийский бункер периода Оккупации или по крайней мере то, что в нем спрятано. Бункер находится под парком напротив СБ. Вы картографировали, когда танцевали там в прошлый уикенд.

Она застыла на миг, но быстро справилась, заявив:

— Ну и что такого? Саймон за нами присматривал.

— Саймон — с вами?

— Они с папой пришли к взаимопониманию. Ты должен был догадаться.

— Да, так и есть. Но Саймон знает нечто такое, чего никто из вас, Аркуа, не знает.

Он ждал, пока она заговорит, пусть она скажет хоть что-то! Тедж сжимала губы, чтобы не задать очевидный вопрос. Но ведь ей хочется узнать…

В конце концов любопытство победило осмотрительность.

— Что?

Айвен чувствовал себя последним оболтусом. Да, получилось не очень удачно.

— Этот бункер обнаружили несколько десятков лет назад, когда только начали строить штаб-квартиру СБ. Бункер все еще там, только в нем пусто. Саймон вас просто дурачит.

— Нет! Не может быть. Бабушка бы знала, и баронесса тоже… — Тедж почувствовала, что прежняя уверенность немного пошатнулась.

— Это так. Он пуст. — «Мышеловка без сыра».

— Нет. — Тедж иногда проявляет ослиное упрямство.

— Да.

— Нет! — Воскликнула она и прошипела сквозь стиснутые зубы: — И я могу это тебе доказать.

— Как?

— Не скажу! Но я заключу с тобой сделку. Нет, пари. Это ведь больше по-барраярски.

— Какую сделку? Или пари?

— Если бункер пуст, я сделаю то, что ты захочешь.

А как насчет остаться на Барраяре? Вдруг у него получится при помощи этого пари сделать так,

что она останется? Но в последний момент он не рискнул высказать это вслух. Ведь он не знает ее реакции, а так можно все испортить.

— А если нет?

— Если он полон, тогда ты сделаешь то, что я захочу. — Она нахмурилась. — Вроде поровну?

— А что ты попросишь? — Айвен уже понял, что с джексонианцами и их сделками расслабляться нельзя.

— Ну… — Тедж мгновенно прикинула варианты. — Ты поможешь нам перетаскивать то, что мы найдем. Ты большой и сильный. Это для начала. И еще, конечно, ты должен будешь молчать. Обо всем, что увидишь или услышишь. И никаких никому даже намеков, понятно? А после… что-нибудь еще такое… Ну, там видно будет.

— Что-то эта твоя сделка с открытым концом, а?

— А тебе не все равно? Если ты так уверен, что бункер пуст.

Так, значит… Готов ли он держать пари на то, что Саймон не мог ошибиться? Конечно, Саймон Иллиан не может ошибаться по определению. Хотя тетя Корделия заявляла, что такое возможно. А кому знать, как не ей. Не часто, допустим. Но это не то же самое, что вообще никогда.

С этим пари он, Айвен, всего лишь последует примеру самого Саймона. Интересно, сгодится ли это потом как отмазка? Не слишком обнадеживает. Сейчас лучше не думать…

— Ладно… Сделка! — выдохнул Айвен, сам удивившись, что это сказал.

И у него любопытство победило с борьбе с осторожностью.

Он предпочел бы скрепить сделку поцелуем, но Тедж, как истинная Аркуа, скрепила сделку решительным рукопожатием.

— А! Чуть не забыла… Прихвати тапочки, — сказала она, направляясь к выходу из спальни.

* * *

Тедж заставила Айвена Ксава припарковаться кварталов за пять от здания СБ — на всякий случай. Им пришлось долго плестись пешком под холодным моросящим дождиком. Он мрачно молчал всю дорогу, пока Тедж объясняла про «Микобур», но когда она привела его на нижний уровень гаража — сумрачный и пустынный в столь поздний час, Айвен Ксав не выдержал:

— Почему было не поставить машину прямо здесь, а?

— Тише! — шикнула она сердито.

В углу она заметила грузовой фургон, поблизости от кладовки. Значит, Имола сделал как обещал. Она подошла и тихонько постучала в дверь.

Дверь приоткрылась, и Звезда втащила Тедж внутрь. Два ярких люминофора отбрасывали четкие зеленые тени.

— Тедж, почему так поздно…

И тут Звезда увидела Айвена Ксава, который приоткрыл плечом дверь и тоже оказался внутри. Ее рука потянулась к кобуре парализатора.

— Ты зачем его сюда привела? Совсем рехнулась?

— Он сам вызвался помочь…

Айвен Ксав осматривал помещение с растущим подозрением. Тедж пожалела, что раньше не догадалась в этой сделке или пари потребовать с него дать слово фора. Отверстие колодца в полу, ведущее к туннелю «Микобура», было ничем не закрыто, там установили шкив, и видно было, как в темноту спускаются веревки.

Звезда и Айвен Ксав обменялись неприязненными взглядами.

— Я бы вырубила его сразу же, но нам нельзя включать мощные устройства, — сказала она.

— Тогда зачем таскать эту штуку? — фыркнула

Тедж.

— На всякий случай. Все уже ушли вперед и навряд ли станут ждать. Пошли скорей.

Тедж с интересом изучала блок с веревками:

— Что-то новенькое.

— Да, папина идея. Он говорит, так поднимать предметы по шахте и быстрей, и надежнее. Ведь никакие гравиподъемники не разрешены.

Тедж вспомнила их шатающуюся раздвижную лестницу и кивнула.

Звезда заперла и заблокировала дверь в гараж.

— Так. Все уже в сборе, — сказала она.

Тедж направилась к стремянке. Айвен Ксав замешкался у края дыры.

— Эй, нам туда, вниз?

— Ну да.

— Под землю?

— Туннели ведь под землей, так ведь? Ах, нет! Айвен Ксав, я забыла про твою клаустрофобию. Почему ты ничего не сказал… Прости, пожалуйста!

— Нет у меня никакой клаустрофобии. У меня есть исключительно рациональное неприятие, когда меня запирают в тесном, темном, сыром месте те, кто хочет меня убить.

— Значит, у тебя не начнется паника?

— Нет, — огрызнулся он.

— Уверен? А то ведь ты можешь остаться здесь и помочь с подъемником…

Айвен Ксав полез вниз по лестнице, злобно ворча.

Тедж следом за ним, Звезда в арьергарде.

Холл внизу стал больше, чем Тедж видела в последний раз. Там появилась скамейка, заваленная приборами: наручные коммы, аудио-органайзеры… о! а это, похоже, совсем незаконный плазмотрон. Звезда добавила в эту кучу свой наручный комм и парализатор. Тедж тоже соблюла необходимые меры безопасности.

— Всю электронику или то, где есть источники энергии, надо оставить здесь, — прошептала Тедж. — И обувь тоже.

Обувь всех Аркуа уже выстроилась в ряд вдоль стены. Тедж пересчитала пары. В сей знаменательный момент здесь было все семейство! Ничего удивительного, Тедж и сама чувствовала важность происходящего, и у нее учащенно билось сердце от волнения и ожидания.

Она смотрела, как Айвен Ксав, недовольно морщась, вытащил из карманов куртки сначала один тапок, потом второй — и бросил на пол, который стал более твердой опорой, чем

раньше. Видимо, Гагат был прав относительно показателей отвердевания для проложенных «Микобуром» отверстий. После долгих колебаний Айвен Ксав снял с руки комм и вытряхнул из карманов всякую запрещенную мелочевку, включая дистанционный пульт от машины и от квартиры и миниатюрный армейский парализатор, тот самый, который Тедж видела у него на Комарре. Тедж и Звезда взяли себе по запасному люминофору из коробки на скамье. Айвен Ксав последовал их примеру, потом, глянув на Тедж, стал распихивать по карманам побольше этих штук.

Тедж ничего не сказала. Ну взял, кому от этого вред? Вернет потом неиспользованные.

Звезда раздала всем больничные маски и пластиковые перчатки.

— Какого черта? — запротестовал Айвен Ксав.

— Все в порядке, — успокоила его Тедж. — Ты же не хочешь, чтобы живой материал «Микобура» терся об кожу? Или попал в легкие, к примеру.

— И вы выпустили это дерьмо на моей планете? Я бы не сказал, что это называется «все в порядке». Если это настолько погано, я хочу полный костюм биозащиты.

— Да ладно, это то, чем велела пользоваться

бабушка, а она знает, что говорит. Мы уже не первый день здесь, и с нами ничего не случилось.

Айвен Ксав уставился на Тедж в ужасе, словно ожидал увидеть, как по всей ее коже распространяется плотоядный грибок. Затем перевел взгляд на Звезду, словно удивляясь, почему она так спокойна.

— Можешь дальше не идти, если боишься, — сказала Звезда. — Тебя никто не звал.

Айвен Ксав натянул перчатки и надвинул маску на лицо. Его выразительные карие глаза гневно сверкали поверх маски. Тедж мысленно отметила, что Айвену Ксаву вполне удается сказать все, что он хочет, одними глазами, даже когда лицо скрыто маской.

Она подняла люминофор и пошла вперед по туннелю. Уже на ходу обернулась и прошептала:

— Начиная отсюда — лучше помалкивай.

— Угу, — шепнул Айвен Ксав.

Туннель тоже вроде бы стал чуть побольше в диаметре. Айвену Ксаву даже не приходилось нагибаться, но он все равно на всякий случай наклонял голову и очень старался не задевать стены. Ему определенно не понравилось, что надо протискиваться чуть ли не ползком в тех двух местах, где туннель петлял. Там, где попадались

боковые аппендиксы, Айвен Ксав неодобрительно хмурился, поднося люминофор поближе к этим дырам в стене. У Тедж было такое чувство, что она должна оправдываться. Хотя почему, собственно? В конце концов, это не она выдумала «Микобур».

Широкое место в проходе было перегорожено большой кучей грунта. Белели несколько костей, рядом валялся полуистлевший рюкзак, из которого вывалились какие-то электронные детали.

— Ой! Это еще что? Бабушка ведь велела Гагату и Амири все здесь прибрать? — шепотом спросила Тедж у Звезды, аккуратно обходя препятствие.

— Так они убрали, — шепнула Звезда в ответ. — Но сегодня, пока нас не было, что-то обвалилось, и все это высыпалось из стены. Папа сказал, что Гагату придется вернуться и опять все убрать, до того как мы начнем выносить товар.

— Ч-черт… что это? — выдохнул Айвен Ксав. Он опустил люминофор, чтобы получше осветить кучу земли. Теперь кости стали видны отчетливо.

— Сержант Абеляр, — пояснила Тедж. — Ту собачью бирку я ведь не на полу в гараже нашла. Он ее носил.

Айвен Ксав опустился на колени, пристально всматриваясь, но ни к чему не прикасаясь.

— Мы нашли его в обвалившемся туннеле, который пересекал наш. То есть мы наткнулись на его ногу, она торчала из стены. Гагат проделал дыру. Мне это сразу не понравилась, но, знаешь ли, братья. Ну ладно, ты не знаешь, какие братья. Мальчишки, они такие.

Айвен Ксав отвернул клапан рюкзака и отпрянул.

— Нет у меня клаустрофобии!.. — прошипел он сквозь зубы. Вот теперь он разозлился по-настоящему. — Зато есть явно выраженная фобия неразорвавшихся бомб. Это может быть… да каким угодно. Нестабильным, к примеру. Вы что тут, полные психи?

— Ну, не так чтобы очень нестабильным, — огрызнулась Звезда. — Эта штука не взорвалась ни когда сюда вывалилась, ни когда Гуля об нее споткнулась и пнула ногой. Играть с нею я бы не стала, но с чего бы ей спонтанно взрываться?

И правда, с чего бы? Вот с Айвеном Ксавом сейчас вполне могло случиться что-то спонтанное — например вспышка ярости. Но он встал и махнул им, чтобы двигались дальше.

Дальше им пришлось задержаться в той точке, где туннель «Микобура» разветвлялся на пять. Три из них шли в обход трубы большого диа-

метра, из которой слышался звук бегущей воды. Айвен внимательно посмотрел, прислушиваясь. И невнятно прошептал что-то вроде:

— А!.. Ну да, конечно, вода… — но распространяться не стал, только головой покачал.

— Эй, нам куда? — спросила Тедж у Звезды. В прошлый раз она так далеко не заходила — да и «Микобур» на тот момент тоже.

Звезда отсчитала и показала:

— Этот.

Тедж и Айвен Ксав отправились за нею, еле волоча ноги. Через сколько-то метров и несколько изгибов — впрочем, петель уже не было — впереди показался слабый изумрудный свет. Еще один поворот — туннель на этом участке шел вверх под уклоном, — и они оказались в новом холле, ярко освещенном колеблющимся светом. Дальше был тупик и гладкая стена. Все Аркуа в молчании толклись у этой стены.

Папа с баронессой оглянулись и заметили Айвена Ксава.

— Тедж! — Баронесса возмущенно указала на ее барраярца.

— Все в порядке, — шепнула Тедж, подходя к ним. — Он со мною.

— А вот с нами ли он? — нахмурился папа.

— Будет, — пообещала она.

Айвен Ксав натужно улыбнулся под маской, но возражать не стал. Пока не стал.

Амири уже прилаживал что-то вроде ручного вакуумного насоса к прорезанному овалу в стене. Они вместе с Гагатом с трудом вытащили из стены плиту и опустили медленно и бесшумно.

Амири кинул в образовавшийся проем пару люминофоров. Тедж услышала, как они стукнулись обо что-то, покатились, остановились… Амири поправил маску и просунул голову. Девять прочих Аркуа, одна гем Эстиф и один Форпатрил затаили дыхание. Или так? Восемь Аркуа, одна гем Эстиф и два Форпатрила?..

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил папа, крепко стиснув руку баронессы.

— Удивительные вещи! — донесся до них голос Амири.

Глава двадцать первая

Айвену никогда бы и в голову не пришло, что его ночным кошмарам удручающе недостает чего-нибудь покошмарнее. Ну, темно, сыро, он под землей, тесное замкнутое пространство — только и всего? Как это он не догадался добавить *биологическую опасность*? А тут ведь еще и чертова неразорвавшаяся бомба… это уже немножко множко, согласитесь. Да, и бесхозный труп — декорация что надо для полноценного кошмара. «Как я умудрился вляпаться в такое дерьмо? Если б хоть Майлз был здесь!»

Впрочем, конечно, этот лабиринт, прогрызенный «Микобуром», производит сильное впечатление — и пугающее. Не лишен интереса даже пустой цетагандийский бункер, но то, что он может обернуться затерянной пещерой сокровищ гем-генералов… а вот это его, Айвена, завораживает ничуть не меньше, чем любого из Аркуа. Хотя последняя информация несколько умерила его пыл. Оказывается, бункер был биолабораторией цетагандийских аутов. Причем Тедж об этом не упоминала, пока они почти уже не добрались до цели.

А Амири лезет внутрь. Вот дурак! Айвен как-то не успел проникнуться к нему особо братскими чувствами, но ведь так нельзя. Амири повернулся, вежливо помогая своей аут-бабушке перебраться через край отверстия. Кстати, этот их овал наверняка грубо нарушил целостность биозащиты, которая, может, до сих пор еще держалась. Но, черт возьми, кому какое дело? Уж точно не этим упертым Аркуа. Высокая аут-леди наклонила голову, подхватила длинное пальто и величаво ступила в проем: старая королева-изгнанница возвращается наконец в свои владения. Остальные Аркуа нетерпеливо ринулись вслед за ней. Тедж, проходя мимо, оглянулась через плечо, и в глазах ее был триумф.

Айвен, похоже, все равно бы не смог провести здесь всю ночь до утра и вообще не дышать. А Тедж исчезла из поля зрения, хотя он подходил поближе и вытягивал шею. Он сделал глубокий вдох через респиратор, пригнулся и нырнул в проем вслед за остальными.

Аркуа разбежались по всей комнате, высоко держа свои зеленовато-белые светильники. Помещение было не очень большим, где-то восемь на десять метров, хотя Айвен заметил лестницу, спускающуюся на другой этаж. Зато здесь было

все завалено коробками, ящиками и контейнерами: на полу, под скамьями, столами и стульями и на них, что-то было уложено в штабеля вдоль стен до самого потолка, что-то — видимо, в спешке — набросали сверху кое-как. Пыль, покрывавшая здесь все, вилась шлейфами за их отрядом. В дальнем конце помещения был вход, заделанный камнями, но в общем лаборатория выглядела такой же, какой и была до того, как ее загерметизировали. Неужто он, Айвен, вдыхает сейчас воздух столетней давности? И какие-то из этих молекул могли побывать в легких принца Ксава, или принца Ури, пока еще не Безумного, или еще кого-то из его знаменитых барраярских предков?

Леди гем Эстиф огляделась с довольным видом, взобралась на ящик и сняла респиратор. Почти все последовали ее примеру. Айвен со своей маской не расстался, и, как он злорадно отметил, точно так же поступил биолог Амири.

— Здесь внутри мы можем говорить нормально, — объявила она всем Аркуа. — Громко не топать, не орать и не вопить.

«Не вопить», хм. Хорошо, что она напомнила об этом Айвену. До него вдруг дошло, что он только что проиграл самое большое пари в своей жизни, и все последствия он пока просто не в

силах представить. Но по крайней мере не бегает по комнате, свихнувшись от алчности, как эти джексонианцы…

— Тяжелый… — Изумруд сняла с верха кучи пластиковый ящик и слегка потрясла. — Может, там золото?

Тедж, Риш и Гуля столпились вокруг нее; Айвен подошел поближе и смотрел, как Изумруд открывает крышку. Внутри оказался еще один ящичек полированного дерева. Изумруд удалось справиться с золотой защелкой, и вот бархатная крышка открыта.

— У-у, — расстроилась Риш. — Да тут только куча старых ножей.

Тедж достала один из ящичка:

— Со вкусом сделано, хотя…

Айвен наконец-то смог как следует рассмотреть, что там такое в этом полированном ящичке. Он протянул руку и дрожащими пальцами забрал нож у Тедж.

— Это кинжал с личной печатью периода Изоляции. Графская печать на рукояти… это… О боже, тут все!

Он еще раз посмотрел на «кучу старых ножей». Под верхним отделением в ящичке обнаружился второй, затем третий. Айвен рассматривал и

узнавал гербы: Фориннис, Фортала, Форфолс, Форлупулос… ну ничего себе! Форкосиган, конечно же, — и да, вот и Форпатрил… как будто поименная перекличка Совета графов былых времен.

— Здесь полный комплект. Полный комплект кинжалов с личной печатью всех шестидесяти барраярских владетельных графов, существовавших сто лет назад.

«Коллекция какого-то блестящего знатока гемофицера, не иначе», — подумал Айвен.

— Они имеют хоть какую-то ценность? — бесхитростно спросила Тедж. — Выглядят не очень впечатляюще.

— Обычные форские кинжалы с личной печатью периода Изоляции идут за десять тысяч марок. И выше, если кинжал кого-то знаменитого. Вдесятеро больше, если это граф или принц. У моего кузена Майлза есть такой кинжал, буквально бесценный. — Айвен припомнил, что Майлз этим самым кинжалом вскрывает корреспонденцию. — А полный комплект… подлинный… — Он попробовал умножить. Ух ты, от такого голова кругом идет. — От шести до десяти миллионов?

— Барраярских марок или бетанских долларов? — уточнил Шив, подходя к ним.

— Любых, — сказал Айвен, его била дрожь. Он

только сейчас сообразил, что надо было сказать: «О, это просто куча ржавых старых ножей, если они вам не нужны, то я, так уж и быть, их возьму…»

И это только первый ящик. А здесь их сотни.

Ему вдруг ужасно захотелось носиться по комнате и вскрывать все емкости. И вопить, как сумасшедший.

Гагат поддел крышку следующего ящика и заглянул внутрь.

— Что это? — удивленно спросил он. Айвен вытянул шею: на первый взгляд, перед ним была куча старой электроники и какие-то сланцевые дощечки.

Леди гем Эстиф, лавируя между ящиками, подошла поближе. Она нахмурилась, помолчала и объявила:

— Произведения искусства, — потом подумала еще и добавила: — А может быть, оружие. Точно не знаю. Отложи пока в сторону.

«Предметы культа, разве не такое универсальное название?» — почему-то подумал Айвен. Он повернулся, и его внимание привлек выцветший пластик другого контейнера на самом верху стопки, похоже, плотно набитого распечатками. Или бумагами. Он опустил контейнер на пол,

отщелкнул крышку. Содержимое, к счастью, не рассыпалось в прах. Айвен припомнил, что с такими вещами надо обращаться с большой осторожностью. Но поскольку он уже и так был в перчатках, то можно и просмотреть верхний слой. Настоящая стародавняя бумага. Некоторые страницы слиплись. Он обратил внимание на приветствие в письме, написанном от руки выцветшими бурыми чернилами: «Дорогой Ури». Конечно, это еще не говорит о том, что Ури — тот самый… Очень осторожно он взял лист. При беглом просмотре Айвен понял только, что речь идет о каких-то распоряжениях, и в конце подписано — «твой брат и неизменный соратник, Ксав».

…Дув Галени был бы в шоке.

— Что там? — спросил Шив, подойдя вплотную.

Айвен вздрогнул. Он смог наконец-то контролировать свои слова, и потому небрежно сказал:

— Да так, какие-то старые бумаги и письма. — Поспешно засунул письмо в куртку (если уж кинжал не достался), плотно закрыл крышку и поставил контейнер обратно.

— Может, не стоит это распаковывать? Давайте поищем золото, а?

— О, конечно, — ответил Шив.

У противоположной стены Жемчуг обнаружила очередной штабель запертых тяжелых ящичков с оттиснутой на крышке печатью Девятой Сатрапии. Звезда принесла металлическую рейку, отломанную от мебели, и вместе они вскрыли крышку. Жемчуг подняла цилиндрический сверток, поблескивающий сквозь пластиковую упаковку.

— А вот и золотые монеты. Ты была права, бабушка.

Леди гем Эстиф планомерно осматривала содержимое лабораторных шкафов и древних неработающих холодильных установок и не выразила должного восторга от находки, пробормотав:

— Да, милая, хорошо.

Тедж и Риш подбежали посмотреть. Айвен положил кинжал обратно в бархатное гнездо, с трудом удержавшись, чтобы не сунуть в карман клинок Форпатрилов, благоговейно закрыл крышку и тоже пошел посмотреть на золото.

Жемчуг вскрыла обертку, и оттуда сверкающим потоком хлынули монеты. Она раздала их всем, чтобы можно было получше изучить.

— У коллекционеров эти монеты Девятой Сатрапии идут гораздо дороже номинала. По-

сле Оккупации большую часть переплавили, а банкноты сожгли. Хотя… — Айвен прикинул количество ящичков и помножил. — Вы ведь не хотите пускать их в продажу все сразу? Это может вызвать обвал цен.

Шив опустил руку ему на плечо:

— Неплохо соображаешь, Айвен Ксав. Мы еще сделаем из тебя джексонианца!

Как и все остальные, барон повертел в руках несколько монет, но свой экземпляр прикарманил, после чего, вскарабкавшись на пару ящиков, оценивающе оглядел комнату.

— Я знаю, дети, всем вам не терпится открыть подарки, как и мне, — объявил он со своего возвышения, — но пора приниматься за дело.

Это казалось не по-джексониански сентиментальным, но, может, так Шив и стал джексонианским большим боссом, подумал Айвен.

Шив же тем временем продолжил свою речь:

— Придется полную инвентаризацию отложить на потом и делать это в более безопасном месте. Время сейчас главная ценность. Всему свое время и место, как говорится. Так вот, это не то место, где надо задерживаться.

Тихий стон пронесся по комнате. Молодое поколение было разочаровано, но признало спра-

ведливость его слов.

Шив перевел взгляд на старшую дочь:

— Звезда, ты ведь должна охранять вход.

— Я заперла дверь, папа. И я хотела посмотреть.

— Да-да… — Он понимающе махнул рукой. — Но теперь возвращайся на свой пост. Вы, двое, Гагат и Изумруд — нет, лучше Риш. Ты иди с ним, проследишь, чтобы не отвлекался. Уберете ту кучу дряни в туннеле. Каждый возьмет что-нибудь с собой, нечего прохаживаться налегке, время поджимает. Марш отсюда!

Оба схватили по ящичку с монетами. Гагат даже крякнул, взваливая ящик на плечо. И, переступив через высокий порог, они исчезли за овальной дырой в стене.

— Кое-что придется потом выбросить, — пробурчала Удине, помогая мужу спуститься с подиума. — Так и так получится хождение впустую.

— Хм, да. Если комната внизу такая же, как эта, то, похоже, нам понадобится не один фургон. И не одна ночь. Мы сейчас можем взять то, с чем уже выяснили. Кто-то из нас останется тут завтра днем и рассортирует остальное.

С этим предложением баронесса согласилась.

Шив распорядился перетаскивать пока через

отверстие в стене ящички с монетами и складировать их в туннеле «Микобура». Тем временем леди гем Эстиф что-то извлекла из шкафа у дальней стены. Айвен и Удине обернулись на ее удивленный возглас.

— Что ты нашла, мама? — Удине стала пробираться к ней между ящиками. Айвен и Тедж пошли следом.

Леди гем Эстиф держала что-то похожее на по-настоящему элегантный военный пояс.

— Мой старый пояс биозащиты. Неужели все еще работает? — И, очень по-женски смутившись, добавила: — Он на мне еще сойдется?

Она скинула пальто и затянула пояс на талии. Да, сходится. Леди гем Эстиф расцвела в улыбке, обводя сияющим взором окружающих. Рука в привычном жесте потянулась поправить волосы… И улыбка сделалась не такой сияющей.

Длинные пальцы нащупали на поясе слева панель управления, и леди гем Эстиф вдруг оказалась внутри мерцающего шара силового поля. От неожиданности Айвен отпрянул, обрушив штабель коробок. Аут-леди коснулась панели, и сферическая форма превратилась в вытянутый овал. Казалось, она стоит внутри полупрозрачного узкого яйца.

— Эй, а как насчет никакой электроники? — в ужасе завопил Айвен.

Погоди-ка, ведь он же хочет, что СБ их тут застукала, так ведь? И чтобы он точно был ни при чем и не нарушил слово, данное Тедж? Это как раз то, что надо.

Леди гем Эстиф посмотрела вверх.

— О, через эти стены ничего не проходит.

«Хреново», — расстроился Айвен. Впрочем, силовое поле она все-таки выключила.

До Айвена только сейчас дошло, что это за штука.

— Я ведь что-то в этом роде уже видел на Эте Кита. Когда мы с Майлзом как барраярские дипломатические представители присутствовали на похоронах цетагандийской императрицы двенадцать или тринадцать лет назад. Шары аут-леди. Все аут-леди передвигались на парящих креслах с персональным защитным полем, очень похожим на это.

Леди гем Эстиф поглядела на него с удивлением.

— Конечно. Пояса биозащиты стали символом статуса аутов. Лично я не одобряю то, что их ради большего эффекта приделали на парящие кресла. А ведь они создавались с другой целью. Нет, и в

самом деле, мне иногда кажется, что моя прежняя каста проявляет упаднические тенденции. Может, и к лучшему, что я не с ними. У молодежи в наши дни никакого представления о правильном соотношении формы и функциональности. И они еще называют себя художниками!

— Так, значит, — после такой обескураживающей информации Айвен попытался все расставить по местам, — шары аут-леди изначально были костюмами биозащиты? Но они так больше не работают?

— Ну вот еще, конечно, работают, — пробормотала леди гем Эстиф и решительно направилась к лестнице.

Удине пожала плечами и, подхватив ближайший ящик, повернулась к отверстию в стене.

— Тедж, Айвен Ксав! — Его имя она произнесла не столь ледяным тоном, признав его статус волонтера. — Пора перетаскивать. И побыстрее.

Тедж сразу же схватила следующий ящик. Айвен несколько нерешительно последовал ее примеру. Ящик оказался такой тяжеленный, что чуть было руки не выдернул из суставов. Так какого черта он тут намерен делать? Очень просто поддаться общему радостному возбуждению и забыть, что у него и Аркуа вообще-то разные

цели. Может, подвернется случай, пока он будет волочить все это добро по треклятому петляющему туннелю, темному и тесному? Только вряд ли он там окажется один. Они будут как цепочка муравьев, термитов или каких-нибудь еще социальных насекомых с Земли в крохотных ходах. Но как только он дотащит свой первый груз куда надо, он сможет зацапать свой комм. И тогда… Он глянул на Тедж… Вот тогда и возникнет настоящая дилемма.

Амири, задержавшись перед проемом в стене, обратился к отцу:

— Как эффективнее — каждый несет груз всю дорогу или передавать друг другу?

— Передавать, — уверенно сказал Шив, тоже волоча ящик. — Распределитесь равномерно, но по затраченному времени, а не по расстоянию. Эти петли будут здорово тормозить.

Амири кивнул и вылез в проем.

«Вот черт! И как теперь до выхода добраться?» Странно, но сейчас Айвену настолько же не хотелось уходить от этих сокровищ, как раньше не хотелось лезть в этот склеп. Если бы он только мог…

Амири попятился в овальное отверстие, вскинув руки над головой. Он что, потягивается?

Уставать вроде еще слишком рано.

Следом за Амири в проем ввалился незнакомец, нацелив на него парализатор.

У Айвена чуть сердце из груди не выпрыгнуло.

Затем вошла обратно Жемчуг, которая уже была в туннеле. За ней следовал второй человек с парализатором, намного старше, за ним третий.

Это не эсбэшники в штатском. Айвен не знал точно, какие именно неявные признаки он почуял, кроме отсутствия Байерли Форратьера, но, видит бог, он за свою жизнь насмотрелся вблизи на эсбэшников. К сожалению, он был уверен, что это не они. Обычные охранники из гаража? Нет, эти ведь не в форме. Айвен тихонько опустил ящик, который нес, чтобы руки были свободны, и встал перед Тедж, которая просто остолбенела.

— Ты знаешь, кто это? — чуть слышно шепнул он.

— Сер Имола. Папа только нанял его в перевозчики. Но…

Но парализаторы… И не приходится сомневаться, на кого они направлены. Хм, то есть в переводе с джексонианского на барраярский «перевозчик» — это «контрабандист». А ведь что интересно, он даже не задумался о том, как Шив собирается вывозить сокровища с планеты. Ну,

может, со временем, этот вопрос бы возник.

— О черт, — брезгливо прошипел Шив Аркуа, медленно опуская свой ящик. Парализатор в руке того, который постарше, дернулся в его сторону. — Имола, дурак проклятый.

— Вовсе нет, Шив, — приветливо сказал Имола.

Шив закатил глаза.

— Прежде всего, твой расчет времени ни к черту. Малейшее усилие мысли, и ты бы сообразил, что лучшее время — это завтра ночью. Уже после того, как мы все отсюда выгребем для тебя. Ты заполучил бы и нас, и груз. Удивляюсь я на вас, на комарриан, еще со времен Завоевания.

— Ну да, завтра ночью ты бы уже не был столь беспечным, приходи кто хочет и бери голыми руками. — Имола оглядел комнату и присвистнул: — Ого! Как я погляжу, ты от меня тоже кое-что утаил. Мы и сами можем здесь все вычистить после того, как сбудем вас рук.

— Ох, — выдохнул Шив, тоскливо глянув на мощное оружие и коммы противника. — Вы здесь будете не одни. Это я вам гарантирую.

— А какая была возможность! И все впустую! — с досадой проговорила Удине, выступив вперед из-за спины мужа. — Просто плакать хочет-

ся. — Больше похоже было на то, что ей хочется плеваться ядом.

— Удине, привет! — Имола кивнул, нацелив оружие теперь на нее. — Неплохо выглядишь. Шив сказал, что вы вместе. Вряд ли стоило тебя упоминать. Это просто жестоко — так искушать человека. Ты хоть представляешь, сколько сейчас Престены предлагают за Аркуа с доставкой на дом? Всех вместе или каждого по отдельности?

— Меньше, чем твои пятнадцать процентов, — разъярился Шив. — А теперь ты не получишь ничего. Так же, как и мы.

— Ох, нет, — прошептала Тедж Айвену на ухо, — Спорим, он хочет нас криозаморозить! Он так контрабандой вывозит людей, чтобы не оказывали сопротивления. Кошмар!

Да чего там, это явно самый лучший способ. А то вон Аркуа по всей комнате зашевелились, старательно делая вид, что вполне безобидны.

Жемчуг неуверенно предложила:

— Давайте заставим их нас вырубить, это их задержит.

— Как угодно. Хоть не придется слушать ваших жалоб, — усмехнулся Имола. — В моем фургоне всем места хватит, еще и останется. Как удачно вышло, что вы сами все организовали.

— Это не понадобится, — дрожащим голосом проговорила леди гем Эстиф. — Все оставайтесь на местах, — велела она, — не то кто-нибудь может пострадать.

Она появилась из лестничного проема и, еле держась на ногах, направилась к двери. Ее протянутая рука тряслась так, словно у старушки полный упадок сил.

— А это кто такая? — опешил один из дюжих головорезов Имолы.

Эти двое до бюджетных ниндзя не дотягивают, мигом оценил Айвен, но тем не менее опасны, когда у них в руках дистанционное оружие, а у тебя нет. Причем у одного из ниндзя был его, Айвена, собственный отличный армейский парализатор. Прихватил по дороге со скамьи при входе в тунель вместо своего дешевого гражданского, вон он, торчит у него из кармана.

— Моя бабушка, — ответил Амири. — Ей сто тридцать лет. Не стоит ни нападать на нее, ни похищать. У Престена в списке она не значится, за нее вы ничего не получите. Оставьте ее в покое!

— В общем-то, нет… — Имола только сейчас пристально глянул на старую леди и крикнул: — Эй, это же аут, мать Удине…

Но было уже слишком поздно. Леди гем Эстиф

как раз доковыляла до налетчиков, и ее дрожащая рука как бы ненароком оказалась на поясе. Тут же сферическое силовое поле, включенное на полную мощность, сбило с ног одного из бандитов и припечатало орущего Имолу к стене рядом с дверью.

Айвен успел подготовиться к броску и выбрать противника, того самого дюжего подонка, который украл его парализатор. Тот стоял, держа палец на спусковом крючке, обводя стволом комнату. Нажал и… ничего. Айвен совершил молниеносный бросок и врезался в него всей массой. Бандит был сильным, агрессивным, но уж очень медлительным, по сравнению со спарринг-партнерами Айвена. Несколько ударов по горлу и нервным узлам — и тот дал вырвать из пальцев дохлый парализатор, но изготовился к ответному броску, после которого на Айвена должна была бы обрушиться груда ящиков. И испытал миг глубочайшего изумления, когда луч парализатора ударил его прямым попаданием в голову.

Айвен выпрямился, восстанавливая дыхание. Впрочем, его этот поединок не утомил, а даже взбодрил. Он заметил одобрительный взгляд Тедж. В руке она крепко сжимала ту самую металлическую штуку, которой вскрывали ящики.

В качестве оружия вряд ли сгодится, а вот как аксессуар к вечернему платью фор-леди — вполне, вполне. Айвен задорно улыбнулся ей, почему-то вдруг развеселившись. Маска слетела в драке, но он и не подумал прилаживать ее на место.

— О! Вроде ты говорил, что сражаешься только за рабочим столом, — ехидно заметила Тедж.

— Ну, стол-то барраярский, — пробормотал Айвен. Его жертва валялась, загораживая проход: ноги здесь, а голова наружу. Они с Тедж переглянулись, схватили бесчувственное тело за ноги и затащили в комнату. Причем, как Айвен мог заметить, она не стала заморачиваться, что бандит стукнется головой о порог.

— Это или чудеса храбрости, или полная дурь, даже не знаю, — задумчиво протянула Тедж. — Так вот на него наброситься безоружным…

Айвен очень хотел заявить, что, безусловно, первое, но побоялся, что, скажи он это, будет выглядеть как раз дураком. Поэтому честно объяснил, как оно было на самом деле:

— Ни то ни другое. Я увидел, что он умыкнул мой парализатор. Это новейшая разработка, с персонально кодируемыми рукоятями. Только для офицерского состава — пока, во всяком случае. Они никак не могут решить, выдавать ли

такие рядовым.

— О, чудесно, — небрежно похвалила Удине, проходя мимо. — Вот и твоя матушка меня уверяла, что ты вовсе не такой уж безнадежный идиот.

Имола и его второй напарник были повержены и разоружены. Имола все еще жалобно хныкал после близкого знакомства с силовым полем. Наверное, ощущения малоприятные, все равно что нарваться на очень большой шокер. Которым в тебя тычет не на шутку разозлившаяся аут. Леди гем Эстиф, злобно скалясь, выключила свое древнее поле биозащиты, и оно с протестующим ревом исчезло.

Гуля, уже завладевшая одним из парализаторов, склонилась над второй жертвой силового поля. Этот уже достаточно пришел в себя и яростно вырывался, Амири и Изумруд с трудом его удерживали. Она выстрелила бандиту в затылок, тот дернулся и отключился. Потом Изумруд и Амири подняли дрожащего Имолу и толкнули к стене.

— А было бы неплохо протестировать на нем «Микобур», — процедила леди гем Эстиф. — Вот только результаты будут не скоро. Надо посмотреть на нижнем этаже, вдруг найдется что-то не

столь тормозное.

— Ни к чему, — заметил Шив, подступая к своему давнему другу-врагу. — Обойдемся традиционными методами.

Имола, оцепенев от ужаса, завороженно уставился на неспешно приближающегося Шива. Тем временем Удине схватила его за горло и рывком подняла на фут от пола, впечатав в стену со всей своей полу-аутской силой.

— Где мои дети, ты, никчемная жадная мразь?

— Хр-р! — выдавил Имола, закатывая глаза.

— Звезда, Гагат, Риш. Вы не могли на них не наткнуться в туннеле. Что вы с ними сделали? — Бархатный голос Шива, шепчущий ему на ухо, был как урчание тигра.

Ага, догадался Айвен. Игра «добрый и злой следователь» в исполнении клана Кордона. Точнее, «злой и еще злее». Если понадобится, эти двое запросто поменяются ролями. А вот вмешиваться он уж точно не станет.

— Сколько у тебя еще людей, кроме тех, кто здесь? — продолжил Шив.

Удине дозволила Имоле глотнуть воздуха, и тот отчаянно выдохнул:

— Одну видел! Высокая! Больше никого…

Удине дала ему сделать следующий вдох, но

не сразу.

— Мои парни подстрелили ее, сунули в фургон!

И после долгой паузы:

— Четверо, поджидают заблудившихся… Перекрестный огонь, не прорветесь!

Для Имолы это длилось целую вечность, но вот Удине его отпустила, и он скорчился на полу, судорожно глотая воздух и разминая шею.

— Где же тогда Гагат и Риш? — спросила Изумруд.

Тедж нашла руку Айвена и крепко сжала.

— И как нам отсюда выйти, если они перекрыли выход? — обиженно поинтересовался Амири.

— О! Никак. Нам надо только спокойно сесть и немного подождать. Пока подоспеет отчим Айвена Ксава. И заберет свой выигрыш. — Шив стиснул зубы и прошипел: — Проклятие, еще бы чуть-чуть!..

— Какой еще к черту Айвен Ксав? И его отчим? — Имола был явно обескуражен добавлениями в плей-лист.

Айвен присел на корточки перед Имолой и любезно пояснил:

— Айвен Ксав — это я. А мой отчим — прежний шеф вон того большущего дома… — Он неопреде-

ленно показал куда-то наверх, потому что из-за прихотливого маршрута «Микобура» плохо себе представлял, в каком направлении от них находится здание штаб-квартиры СБ. — Знаешь ли, тамошние ребятки шуток не понимают. Все мы из кожи вон лезли, только чтобы не засветиться. Но ты сделал все, чтобы привлечь их внимание. Так что поздравляю. Скоро ты с ними познакомишься, ждать недолго. Верно и обратное.

Тезис «СБ сейчас за тобой придет» — что не было таким уж преувеличением — Имола вроде бы усвоил, а вот все остальное — вряд ли. Он ошалело переводил взгляд с Шива на Айвена и обратно.

— Может, — пролепетал он, — э-э… нам снова стать одной командой?

Шив только фыркнул.

— Не знаю, папа… — Гуля в задумчивости похлопывала парализатором по ладони. — Может, нам стоит перепроверить наши…

И тут раздался оглушительный хлопок. Айвена словно накрыли сверху гигантские руки и сдавили сразу везде. Взрыва он как раз не услышал, в этот момент он оглох, но нутром почувствовал. Тедж, должно быть, закричала. Он только видел, как двигаются губы.

Айвен не удержался на ногах. Какие-то ящики

грохнулись на пол, обрушив штабели.

И на этом все закончилось.

Все Аркуа пытались вернуть в норму барабанные перепонки, делая жевательные движения. Имола прокричал:

— Что это было? — Голос его доносился словно издалека.

Айвену удалось встать на четвереньки.

— Бомба сержанта Абеляра, — умудрился проговорить он сквозь оглушительный звон и грохот в голове. — Сработала с задержкой на тридцать пять лет.

Глава двадцать вторая

Сокрушительной силы удар, отбросивший Тедж на штабель ящиков, чуть не расплющил ей легкие. Но она могла дышать и даже сумела подняться, опираясь на обрушившиеся ящики. И теперь она в ужасе прислушивалась, ожидая приближения следующего подземного толчка. В ушах звенело, но из темной дыры в туннель не доносилось ни звука.

— Риш! Гагат! — беспомощно позвала она. Бросилась к проему. Помчалась вниз по туннелю, подняв над головой светильник. Тусклые отблески метались по черным стенам. Она миновала первый поворот…

— Нет! Тедж! — донесся голос Айвена Ксава. И приглушенный топот за спиной.

Она не оглянулась.

Проползла через изгиб туннеля. Еще один прямой участок, идущий вниз под уклон. Снова изгиб. До трубы ливневого коллектора она почти добежала, теперь совсем недалеко до пролома в стене и бомбы. Что, если Риш и Гагата завалило тоннами земли, как того сержанта? Удастся ли их откопать, прежде чем они задохнутся? Если

только их уже не раздавило обвалом. А вдруг в лаборатории найдутся подходящие инструменты?.. И тут она застыла как вкопанная.

Дальше была вода. Темная, грязная вода. Здесь туннель сильно шел под уклон, и вода перекрыла его полностью. Что там дальше? Никак не узнать. Обвал грунта, камней? Хотя взрыв, должно быть, разрушил и трубу — теперь вся вода стекает в лабиринт «Микобура». Тедж окунула ногу в ледяную воду. Знать бы, какая тут глубина. Сможет ли она проплыть под водой на другую сторону? Или никакой другой стороны уже нет, и дальше туннель сколлапсировал?

Айвен Ксав схватил ее за руку и оттащил от воды.

— Нет! Не смей!

Она забросила свой люминофор как можно дальше. Он покачался на поверхности и исчез в толще темной взбаламученной воды. Сквозь нее Тедж не видела ничего. На поверхности плавал всякий мусор.

Пока они так стояли, уставясь на воду и не зная, что делать дальше, их нагнала бабушка. Видимо, она всю дорогу бежала трусцой. Сколько Тедж себя помнит, бабушка всегда ходила неспешно, с достоинством, и видеть ее запыхавшейся… ну,

как-то это неправильно. Леди гем Эстиф всмотрелась в воду, нерешительно сделала шаг назад и поднесла руку к поясу. Послышалось жужжание, потрескивание, и бабушку окутал овал силового поля.

— Нет, леди гем Эстиф! — воскликнул Айвен Ксав. — Эта треклятая штуковина того и гляди сдохнет. А если вода проникнет внутрь, вы погибнете.

Очень неохотно она выключила поле. На точеном лице чуть шевельнулись губы:

— Боюсь, ваша оценка правильная, капитан Форпатрил. — Она как-то сразу постарела…

— Что мы можем сделать? — прошептала Тедж, и на этот раз вовсе не ради соблюдения конспирации.

Айвен Ксав посмотрел на воду, потихоньку наступающую на них с тихим плеском.

— Вернуться. Вода все еще поднимается.

Они уже и так пятились, беспокойно глядя себе под ноги.

— Мы должны вернуться в лабораторию и оставаться там, — сказала бабушка. — Самые свежие участки туннеля «Микобура» обладают определенной гибкостью и эластичностью, но от ударной волны могли растрескаться отвер-

девшие участки. Очень нестабильно и очень небезопасно.

— Там, где бомба, стены уже вполне затвердели, — вспомнила Тедж. — А вдруг он обрушился на Риш и Гагата? И они под обвалом?

— Или утонули, — пробормотал Айвен Ксав, — или утонули под обвалом, о боже.

Бабушка помедлила.

— Если они были близко от места взрыва, то они и так вряд ли выжили. Если нет… — последнюю фразу она резко оборвала, словно не хотела произносить вслух то, о чем подумала.

Айвен Ксав пробурчал что-то неразборчивое — то ли отвел душу крепким словцом, то ли взмолился, трудно сказать. Все так же крепко сжимая руку Тедж, он развернулся кругом, и все пошли в обратном направлении.

— Это была просто петарда, — сообщил он минуту спустя.

— Что? — не поняла Тедж.

— Бомба сержанта Абеляра. Если она предназначалась для здания СБ, сейчас была бы воронка размером с целый квартал. Взрывчатка распалась. Просто… не так чтобы достаточно.

— Но я сама видела у него на воротнике Глаза Гора, — сказала Тедж. Надо же о чем-то гово-

рить? А то он заговорит про Риш и Гагата, будет говорить всякие утешительные глупости, говорить то, чего не бывает. Обсуждать это слишком больно. — А эсбэшник может пытаться взорвать СБ? — «Может, он был сапером и обезвреживал бомбу?»

— Я поискал его в базах, — ответил Айвен Ксав. — Вчера. То есть уже позавчера. — Он обвел взглядом туннель. Здесь всегда ночь, и только дрожащий зеленоватый свет люминофоров, которыми освещали дорогу он сам и бабушка. — Он был одним из людей Негри, но все записи сходятся на том, что он пропал во время мятежа Фордариана. Он мог находиться на стороне лорда-регента и пытаться уничтожить здание, занятое войсками Фордариана. Или быть одним из сторонников Фордариана — у него были свои люди во всех родах войск. Тогда все в армии приняли ту или другую сторону. Или до мятежа, или во время. Когда-то… хм, Саймон мог бы знать, тот, прежний.

Они вернулись обратно. Дискуссия между папой и Имолой, похоже, только что закончилась. Имола сидел на полу, держался за челюсть и стонал, а папа, с нехорошим таким прищуром потирал костяшки пальцев. Папа взглянул на

них, и глаза широко раскрылись от вспыхнувшей надежды:

— Вы нашли… — начал было он, но увидев их лица, сразу помрачнел. — Что вы обнаружили?

— Мы не можем сказать, что осталось от туннеля. Ударной волной разорвало трубу ливневого коллектора, — ответила бабушка. — Оттуда хлынула вода. Она уже затопила ту часть туннеля, которая около трубы.

— Мы не смогли пройти, — сказала Тедж.

— И вода все поднимается, — добавил Айвен Ксав.

— Может она подняться до этого уровня? — спросила баронесса, подходя к папе. Она положила руку ему на плечо, он накрыл ее ладонь своей и ободряюще сжал.

— Может, — ответил Айвен Ксав. — Полагаю, зависит от того, сколько проклятущих случайных ответвлений лежит ниже нашего уровня. И был ли сегодня ночью сильный ливень.

Папа быстро выбрался в проем и нагнулся, изучая вынутый из стены бетонный фрагмент.

— Хм… Амири почти везде резал под углом внутрь, хороший мальчик. Если мы найдем что-нибудь вроде герметика, то уж поставить эту затычку на прежнее место сумеем. Давление

воды снаружи будет ее держать. Если до этого дойдет.

— Я абсолютно уверен, что сейчас мы представляем повышенный интерес для СБ, — сказал Айвен Ксав. — Думаю, они довольно быстро найдут подход сюда из гаража. Если можно пройти с той стороны… что ж, как-нибудь до нас доберутся. Рано или поздно.

— Право же, неловко задавать этот вопрос, но хоть кто-нибудь снаружи в курсе, что мы здесь? — поинтересовалась Гуля, присоединившись к собравшимся у входа.

— Звезда, — ответила Тедж, подумав. — Еще люди сэра Имолы.

— Если только они не закинули ее в кузов фургона и не смылись, когда все так обернулось, — сказала Изумруд. — Если там нашелся хоть один не самый конченый идиот, то именно так они и поступили.

— Похоже на то, — вздохнул папа. — Это ж наемники, дешевка. Что с них возьмешь.

— Айвен Ксав! — Амири глянул на него с некоторой надеждой. — Тебя-то уж точно хватятся.

— Безусловно. Если я пару дней не покажусь на работе, — начал было Айвен Ксав и тут же осекся. — Ох, нет! Я в отпуске. Меня никто не ждет.

Он подошел к парализованному бандиту, который еще так и не пришел в себя, наклонился и стащил с него комм. Вышел из проема, задрал голову и попытался пробить вызов.

Никто не возражал.

А зачем, собственно? Отсюда сигнал не проходит. Айвен Ксав вернулся обратно, отобрал у протестующего Имолы его навороченный комм и повторил попытку.

— Мы довольно глубоко под землей… — заметила Тедж, заглядывая ему через плечо.

— Дешевые гражданские модели, — пробурчал он, потряс комм и попробовал еще раз. — Мой бы сработал даже здесь. — По-прежнему никакого сигнала. — Проклятье!

— Саймон догадается, — сказала Тедж, пытаясь внести нотку доверительности и последовав за ним в комнату. — Ведь так?

— Саймон, — процедил Айвен. — По каким-то причинам… Кстати, Шив, вы, случайно, не знаете, почему Саймон вообразил, будто вы даже и не начинали с туннелем? Не говоря уж о том, что добрались до цели. Все Аркуа вдруг исчезли с лица Барраяра. Тут может быть не одна гипотеза. Для изощренного ума Саймона.

— И ты тоже? Не сказав ни слова? — усомнился

Амири.

— Меня уже похищали, — ответил Айвен Ксав. — Вы бы посмеялись, узнав, сколько сегодня воспоминаний ожило. И все хуже некуда.

Тедж хотела было взять его за руку, но усомнилась, будет ли это правильно воспринято — именно сейчас. Вид у него какой-то диковатый.

«У всех у нас». И у нее самой, наверное, потому что Айвен вдруг взял обе ее ладони в свои и сжал с напряженной гримасой, которая должна была сойти за улыбку.

— И никакого следа Риш и Гагата? — негромко спросила Изумруд.

Тедж только покачала головой, не в силах сказать ни слова.

— А может… может, они были по другую сторону, когда случился взрыв, — попыталась предположить Изумруд. — Может, они выбрались. Может… СБ их там найдет. Или… Имола же говорил, что не видел их, а они не могли с ним разминуться. Может, они пошли по одному из боковых туннелей, ведущих вверх? И там нашли укрытие?

«Или ведущих вниз». Тедж вдруг увидела, как ледяная вода заливает боковой туннель «Микобу-

ра», сбивает обоих с ног, и по мокрому скользкому склону уже не вскарабкаться…

— А может… — Изумруд больше не смогла ничего придумать, так что Тедж не пришлось прибегать к физическим мерам воздействия, чтобы она наконец-то заткнулась.

Ей пришлось напомнить себе, что именно Изумруд пошла бы с младшим братом, если бы папа вдруг не передумал.

Айвен Ксав не знал, как это воспримут, но все же сказал:

— А «Микобур» не проложит нам новый тоннель наружу?

Тедж пришла в восторг: ее барраярский муж просто гений!

Но бабушка нахмурились:

— Он тоже потребляет кислород, со скоростью… хм.

— Не трудись считать, — вздохнул Амири. — Ящик остался при входе вместе со всем остальным оборудованием.

Повисло тяжелое молчание.

— А сколько у нас люминофоров? — спросила Жемчуг, проверяя карманы. У нее оказался один запасной.

Это спровоцировало общую инвентаризацию.

Почти все Аркуа взяли один или два про запас, Айвен же прихватил пару дюжин, плюс еще два, которые втихую сунул во внутренний карман, пока никто не видел.

— Довольно много, — заключила баронесса. — Но их надо растянуть. Не зажигайте новые, пока не кончатся те, что уже светят.

Сейчас горело сразу восемь люминофоров, и они давали такое яркое химическое сияние, что в лаборатории вполне можно было бы работать. Тедж представила, как здесь будет при свете одного или двух, и ей пришло на ум только «дом с привидениями». И привидения отнюдь не только исторические.

— Вода? — подсказала Гуля, не реагируя на удивленный взгляд Тедж. — Я имею в виду: вода, которую безопасно пить.

— Я могла бы поискать, чем можно отфильтровать некоторое количество, — сказала бабушка. — Кипятить… нет, скорее всего.

— Еды мы принесли достаточно, чтобы быть на ногах всю ночь, — мрачно заметила Жемчуг. — Она тоже осталась у входа, вместе со всем остальным.

Изумруд откашлялась и спросила:

— Воздух?.. Эти стены довольно герметичные.

«Идеально герметичные, если я правильно понимаю», — подумала Тедж. За исключением проделанного ими нового входа и, быть может, старой двери, заложенной каменной кладкой.

— Помещения довольно обширные… — Голос Амири сорвался от волнения, поэтому позитивный смысл как-то потерялся. — И их целых два.

— И туннель, — добавила Тедж. — И… ведь идет какой-то кислородный обмен через поверхность воды отсюда?

— Да, но это пока мы не запечатали вход, — ответила Гуля. — А здесь нас двенадцать, и все дышат.

Сразу несколько Аркуа покосились на Имолу, по-прежнему сидящего на полу между своими наемниками в отключке. Тот слушал с нарастающим ужасом.

— Девятерым хватит дольше? — предположила Жемчуг.

— Еще не время, — проворчал папа, — хотя соблазнительно. Очень соблазнительно.

— Да, но если уж мы намерены это сделать, то чем раньше, тем лучше, — возразила Гуля с таким видом, будто она разбирает юридические основания для такого решения. Тедж была почти рада, когда Гуля чуть дрогнула.

— И тем не менее… — Баронесса произнесла эту реплику мягко и спокойно. Но Имолу она перепугала больше, чем слова Гули. Такая не дрогнет.

— Этих двоих, — выдавил Имола, показав на своих храпящих подручных. — Их возьмите. — Он предлагал товар в обездвиженном состоянии. — Они ведь даже не узнают, — добавил он в качестве дополнительного довода.

— Непременно упомяну, что ты это сказал, — пробурчал папа, — когда они проснутся.

Он отошел в сторону, чтобы еще раз оглядеть, что здесь имеется. Тедж показалось, что сейчас он искал не сокровища, а новые идеи. Насколько она знала, у папы никогда не бывало недостатка в идеях — если одни себя исчерпали, просто появятся новые.

Айвен Ксав глянул на Имолу и покачал головой. Потом наклонился к нему поближе и тихо сказал:

— В этом есть и светлая сторона. Со всеми прочими сдерживающими факторами, вряд ли мы найдем время пройтись на тему каннибализма. — Он недружелюбно оскалился.

Имола передернулся.

— И все же, может, лучше воздержаться от… м-м, слишком тяжелых упражнений, — пред-

ложил Амири. — Просто… сесть или двигаться спокойно.

— Хм-м, — не стала спорить Жемчуг, и они с Гулей отошли в сторону, чтобы очень спокойно вскрыть сразу несколько коробок. Хотя открывать подарки теперь стало совсем не так захватывающе, как поначалу.

Тедж смотрела, как Айвен Ксав пробегает пальцами по стенке пластиковой коробки, шевеля губами так, словно пытается прикинуть, сколько бумаг упаковано внутри. Внезапно раздался громкий хлопок, резкий скрежет. Потом бледно-желтая вспышка и нарастающий крик.

Жемчуг вскрыла яркий эмалевый флакон, который она где-то откопала, и тот взорвался. Жидкое содержимое растеклось по черной куртке танцующими язычками синего и желтого пламени. Она отшатнулась, отбросила флакон, метнулась в сторону.

— Жемчуг, не беги, не беги! — заорал Айвен Ксав. Жемчуг, открыв рот от изумления, успела сделать только три шага, как Айвен Ксав повалил ее. — Падай и катись, катись!

Его крик вывел Жемчуг из состояния шока, и она не стала рефлекторно вырываться, когда Айвен Ксав толкнул ее на пол и прижал плашмя,

придушив едкие языки пламени прежде, чем оно добралось бы до лица. Тедж кинулась к ним; все вокруг как-то замедлилось и ускорилось сразу.

Имола, оставленный в этой суматохе без присмотра, вскочил на ноги, сорвал крышку с другого контейнера с бумагами, швырнул их в разгорающееся пламя и метнулся наружу.

Айвен Ксав успел только подняться на колени, глядя на эту новую угрозу вытаращенными глаза, но бабушка уже бросилась к Жемчуг, стаскивая с себя пальто. Бутыль с узким горлом не разбилась — покатившись, она оставляла за собою спиральный след горящей смертоносной жидкости. Айвен Ксав ухватил опустошенный контейнер и накрыл им бутылку, горящий масляный след и несколько подожженных бумаг. Мерзко вспыхнув, языки пламени сделались ниже, пошел дым, и огонь погас.

Все произошло почти мгновенно. Когда Тедж, охваченная паникой, примчалась на помощь, огонь уже был побежден.

Айвен Ксав, прижимавший контейнер к полу так, словно тот станет вырываться, распрямился, тяжело дыша. Он поднялся на вершину этого нового пьедестала, обвел взглядом комнату, со всеми этими Аркуа, застывшими в изумлении

или суетящимися. Бабушка поплотнее укутала Жемчуг своим пальто, чтобы огонь не вспыхнул опять. Испуганный Амири опустился рядом на колени: обследовать, какие имеются повреждения.

Айвен Ксав набрал воздуху и заорал — благо, что он еще хоть может орать.

— Слушайте все! Довольно уже изощряться, как меня лучше прикончить! Хоть на часок угомонитесь, а? Или до утра? Договорились? Ничего не делайте! Сидите спокойно и просто ждите. Земля, вода, воздух, огонь… вроде уже все четыре первичных элемента испробовали?

На Амири и сама речь, и звучный баритон Айвена Ксава произвели должное впечатление. А вот бабушку такими речугами не проймешь. Она поднялась, помогла встать Жемчуг и внесла поправку:

— В некоторых мифологиях Старой Земли упоминается пятый элемент — металл, насколько я помню.

Айвен Ксав стиснул зубы и огрызнулся:

— Эта реплика — не совет на будущее, надеюсь?

Все еще не остыв от гнева, он слез с контейнера и очутился в объятиях Тедж. Ее била дрожь от пережитого ужаса. Прежде всего она трясущи-

мися пальцами проверила, не попала ли на него эта ядовитая дрянь. Айвен Ксав накрыл ее руку своей, прижимая ладонь к своей груди, унимая дрожь, а потом тяжело вздохнул и зарылся лицом в ее волосы.

Папа и баронесса пробирались к ним с другого конца комнаты через баррикаду ящиков и коробок. Лицо баронессы было серым, у папы преобладали зеленоватые тона. Баронесса подошла к Жемчуг, а папа направился ко входу и встал там, вглядываясь в кромешную тьму туннеля, где скрылся его враг. Айвен Ксав и Тедж присоединились к нему.

— Там точно тупик? Надо его преследовать? — требовательно спросил барон.

— А чего попусту бегать, — ответил Айвен Ксав. — Либо сам вернется, либо утонет, пытаясь выбраться. И горло резать не придется или еще чего. Я лично не намерен больше жертвовать ради него кислородом.

— Что ж, если он не вернется до того, как придет время заделывать проем, я за то, чтобы его не ждать, — пробурчал Амири. Тедж мрачно кивнула.

Папа искоса глянул на Айвена Ксава:

— Быстро сообразил, молодец. И… верно.

— Выучка, — только и сказал тот. Но после паузы все же пояснил: — И несчастные случаи. Пришлось научиться, так или иначе.

— Понятно. — Папа одобрительно кивнул.

— Что это за штука? — спросила Тедж у бабушки, которая провела рукой в перчатке по мелким брызгам на полу и теперь пыталась по запаху определить химический состав.

— Наверное, это было что-то вроде духов. Но сейчас пахнет мерзко. И такие свойства вряд ли предполагались изначально. — Бабушка оглядела комнату и строго проговорила: — Впредь ничего не открывайте, пока я не проверю.

— Вообще не открывайте, очень прошу, — резко сказал Айвен Ксав.

Гуля вздохнула, опасливо покосившись на сурового Айвена Ксава, и уселась на ящик. Жемчуг села рядом, ее все еще била дрожь. Огонь только опалил ее белые брови, и лицо немного покраснело, как при слабом солнечном ожоге. Гуля обняла ее за плечи, успокаивая. Тедж помогла Айвену Ксаву собрать раскиданные древние документы, сухие и ломкие, и осторожно сложить обратно в контейнер. Он же не мог не проявить любопытства и быстро проглядывал бумаги.

Когда разговоры смолкли, в бункере повисла

такая давящая тишина, что Тедж захотелось с кем-нибудь вступить в перепалку, только бы не молчать. Вместо этого она и Айвен Ксав пошли вместе с бабушкой на нижний этаж. Тедж на нижнем уровне бункера еще не была, и ей было интересно посмотреть. Айвен Ксав присоединился под предлогом посветить леди гем Эстиф. Может, не хотел отпускать Тедж одну из соображений безопасности и решил сам приглядеть во избежание очередных экстремальных ситуаций.

— Недостаток воздуха случится раньше, чем кончится освещение, — пробормотал он.

— Полагаю, в идеале и то и другое должно закончиться вместе, — задумчиво сказала Тедж.

— Я бы хотел, чтобы свет продержался дольше.

Тедж решила лучше не спорить с такой нелогичностью. Выбора у них все равно нет.

Помещение внизу было таким же, как и верхнее, только несколько рабочих мест отделены перегородками. Бабушка снова принялась обшаривать ящики шкафов и бывшие холодильники.

— Вы что-то конкретное ищете, леди гем Эстиф? — вежливо поинтересовался Айвен Ксав. — Вам помочь?

Но бабушка отказалась.

— Воспоминания… В этом вы мне не поможете,

капитан.

Айвен Ксав сдвинул вместе несколько ящиков, соорудив что-то вроде кушетки. Когда они с Тедж уселись, он откинулся назад и обнял ее. А ведь они сейчас сидят на нескольких десятках миллионов, за такую кучу денег могло бы быть и поудобнее. В лаборатории было прохладно, но не холодно — постоянная температура глубокого подземелья. И даже не особо сыро. Но тем не менее Тедж приятно согревало тепло его объятий. В ту ночь на Комарре он не обнимал ее так, как сейчас, — только положил руку на спинку дивана. И они сидели и смотрели на головиде, как танцуют в невесомости грациозные четверорукие квадди. Тогда она была больше напугана, чем сейчас. Странно.

— О! Фильтры! — воскликнула бабушка, ведущая поиски у дальней стены.

Прихватив трофеи, она вернулась к лестнице.

— Полезная вещь, — сказала Тедж. — Хотя бы у нас будет, что пить.

— Но потом ведь надо будет писать, — заметил Айвен Ксав. — Наверное, за этим можно будет выходить в туннель. Представим, что мы в лагере или на маневрах.

— Может, тут найдутся какие-нибудь горшки.

Он впервые улыбнулся после того, как чуть было не случился пожар.

— Бесценные фарфоровые вазы периода Изоляции? Вот только не знаю, производили ли тогда фарфор. Или резные жадеитовые кубки, тогда, кажется, они были популярны. Сейчас стоят тысячи. А вдруг какой-нибудь гем-генерал коллекционировал старые имперские ночные горшки Барраяра! Знаю, что таковые у нас имеются, сам видел в императорской резиденции. Насколько мне известно, ими до сих пор пользуются самые консервативные форы из гостей.

Тедж тоже не смогла сдержать улыбку.

Они долго молчали. Тедж вдруг подумала: «Если не делать глубокие вдохи, это что-нибудь даст?» Вряд ли.

— И что теперь? — спросила она.

— В смысле?.. — сонно пробормотал Айвен Ксав.

Она вдруг поняла, что совсем вымоталась. Сколько времени они здесь? Сейчас, наверное, такая поздняя ночь, что уже раннее утро.

— Что ты делал, когда торчал в такой дыре в прошлый раз? Ну, чтобы убить время.

— Это была вовсе не такая дыра. Намного темнее. И меньше. И мокрее. Хотя с воздухом проблем

не было. Здесь у нас считай что дворец.

— И все же — что?

— Хм… Поначалу я кричал. И колотил в стены. И опять кричал.

— Здесь это не поможет.

— Там тоже не помогло. Можно было кричать, пока не сдохнешь, толку-то? И разбить в кровь кулаки, колотя в стену, только и всего.

Айвен Ксав и сейчас, вспоминая тот кошмар, стиснул кулаки. Она взяла его руку в свои ладони и гладила, пока кулак не разжался.

— А что помогло?

— Ну, Майлз. Но сейчас он на другой планете. И не слишком-то он помог. Первое, что он сделал, так это стал меня загонять обратно в ту же самую дыру. Чтобы плохие парни нас не нашли.

— И ты залез?

— Ага.

— Почему?

— Это надо было сделать… В тот момент. Ну, и все получилось.

— И дальше?..

— А?

— Ты говорил: «поначалу». А что было дальше?

— А, то есть пока я еще сидел в этой ловушке… Время шло, и я почувствовал себя несколько

странно. Спел сам себе все песни имперских скаутов времен моего детства, какие смог припомнить. Потом пел их неприличные варианты. Но быстро иссяк.

Он немного помолчал и добавил:

— Но тогда я был один. И… ты только не обижайся, я вроде как хотел бы и сейчас быть один. А ты… чтобы оказалась в нашей постели. И спокойно спала.

Тедж сама его крепко обняла и тихонько сказала:

— Я тоже хочу этого для тебя.

— Тогда давай пожелаем этого для нас обоих. Желать ведь можно сколько угодно.

— Точно подмечено.

Нет, а все-таки хорошо, что Айвен Ксав не оказался один на один с этими мучительными воспоминаниями, она понимала, что это были самые ужасные часы его прошлой жизни, хотя он и пытался сейчас ее убедить, что не относится к этому серьезно. В их объятиях даже не было ничего эротического. Неотвратимая смерть от удушья как-то к этому не располагает. Но как хорошо вот так вот сидеть сколько угодно и обниматься.

— Тедж… Я все хотел тебя спросить… — начал Айвен Ксав, явно волнуясь. Люминофор давал

уже мало света, и тьма подступила к ним ближе, клубясь зловещими тенями. — Пожалуй, сейчас самое время. — Он сделал очень глубокий вдох. Да, наверное, это действительно важно. Они оба старались дышать в экономном режиме. — Тедж, ты не покинешь меня всю оставшуюся жизнь?

Тедж просто не могла не рассмеяться. Айвен Ксав сильнее сомкнул объятия, ему удалось поднять ей настроение, и от этого ему самому стало лучше. «Он ведь хотел меня рассмешить», — догадалась Тедж. У Айвена Ксава это хорошо получается — нести свет туда, где сгущается тьма.

— Сейчас, полагаю, это не слишком тяжелое обязательство.

— Ну, видишь ли, Тедж, задавать такой вопрос рискованно, — сказал он с грустью.

Тедж заметила, что они оба крепче сжимают друг друга в объятиях. Когда они обменивались клятвами, ему было просто задать такой вопрос. А вот сейчас это наверняка потребовало немало храбрости. Она повернула голову и смотрела на его профиль.

— Куда я денусь? Разве что наверх поднимусь?

— Я последую за тобой до самых дальних пределов бункера, — пообещал он.

Да, сейчас этот бункер — вся их вселенная, и он последует за ней до края вселенной. Кто может обещать большее?

Она тоже сделала глубокий вдох, потому что Айвен Ксав этого достоин…

— Знаешь, каким было мое третье желание, если выиграю наше пари? Кстати, прошу заметить, я его выиграла.

— И каким же, милый ты мой делец?

— Я хотела бы остаться с тобой. Когда моя семья уедет.

— А! Так наши желания совпали! — воскликнул Айвен Ксав, сияя от счастья.

— Я так и думала. — Тедж положила голову ему на плечо, и он погладил ее растрепанные кудри.

«Если что-то слишком хорошо, чтобы быть правдой, — как любил говорить папа, — то, возможно, это так и есть».

Ведь не надо даже быть Айвеном Ксавом, чтобы она подумала о бегстве от своей семьи, хотя она их любит, конечно. Сгодился бы и кто похуже, и она уже несколько раз чуть было не сделала такой выбор. А тогда ведь у нее не было таких чувств. Пожалуй, только любовь дает тебе больше, чем входит в условия сделки.

«О! Так вот как это бывает…»

В таком случае… если ты пренебрегаешь чудом из-за того, что оно тебе досталось как-то слишком легко, то получишь ли ты когда-нибудь следующее? Скорее всего, никогда.

«Не упускай это. Держи крепче все, что тебе дорого».

Теперь они дышали медленнее, согретые теплом друг друга.

— Знаешь, за что я тебя люблю больше всего, Айвен Ксав? — спросила она, застеснявшись такого прозрения.

Он уткнулся подбородком в ее волосы.

— За мою спортивную машину? Или форскую непреклонность? Может, за мои сексуальные подвиги? Или… из-за моей матери? Боже ты мой, ведь ты меня выбрала не ради того, чтобы заполучить моего, так сказать, отчима?

— Ну, нет. Хотя они оба мне очень нравятся. Больше всего я люблю тебя за то, Айвен Ксав, что ты такой милый. И умеешь меня рассмешить. — Она и сейчас улыбалась, уткнувшись ему в плечо.

— Всего-навсего? — Он был несколько озадачен.

— Да, — вздохнула она, — но зато в каком контексте.

— А! Ага, — согласился он, глядя в темноту.

«С Айвеном Ксавом светлее даже здесь». И до края вселенной… или даже до конца их жизней. Там тоже без света не обойтись, в этом она вполне уверена.

Они молчали, сохраняя тепло. Потом Тедж размяла затекшую шею и сказала:

— Помнишь первое, что ты мне сказал?

Он сосредоточено нахмурился:

— Привет, я хочу отправить эту вазу на Барраяр…

Она захихикала:

— Нет, после этого. Впрочем, не важно, если не помнишь. Но должна сказать, что ты произвел неизгладимое впечатление.

— И поэтому ты меня вырубила.

— Нет, это Риш. — У нее перехватило дыхание при звуке этого имени. И оба они посмотрели наверх, в ту сторону, где находился вход в туннель. Но сверху не доносилось ни единого звука. Тедж стала бить дрожь, но она постаралась вернуть хрупкое ощущение тепла и покоя. «Как быстро пролетели эти минуты, и их уже не вернуть. Но ведь быстро пролетают и плохие минуты. Надо только не носиться с ними, боясь потерять, словно это огромная ценность».

— Так не могли же мы дать тебе уйти. Это было бы большой ошибкой. — Кстати, она тогда могла, сама того не зная, совершить не просто большую, а самую главную ошибку в своей жизни. От этой мысли на нее повеяло холодом, словно зловещая тень пронеслась над головой… «Он спас мне жизнь. И не только в буквальном смысле». — Так вот, ты тогда говорил, какое первое правило съема девочек.

— Не помню такого, — быстро ответил Айвен Ксав. Наверняка соврал, как показалось Тедж.

— Ты тогда упорно заигрывал. Сказал, что не остановишься, пока я не рассмеюсь. Поскольку первое правило съема девушек: «Она смеется, ты жив».

— Хорошо бы сейчас счесть это пророчеством, — признал он.

— «Не останавливаться». Не прекращать попыток, пока есть надежда? Что ж, это тоже неплохо.

— Ага, — вздохнул он.

Они сидели тихонько. И ждали.

* * *

Айвен подумал, что мог бы немного вздремнуть. Но биологические потребности одержали верх. Мучила жажда, и надо пописать. Так что

им пришлось подняться наверх. Вместе. Тедж сказала «вместе». Значит, она и имела в виду вместе, так ведь?

Да, на этот раз. Благодарение Богу за то, что можно что-то исправить.

Команда Аркуа под руководством баронессы решила самые насущные биологические потребности. Несколько объемных пластиковых контейнеров освободили от старой одежды.

Они были заполнены мутной водой, которая отстаивалась. Один плотно закрывающийся контейнер отволокли в угол, который отгородили, наверное, еще более бесценными ящиками. Получился походный туалет. Капельный фильтр выдавал воду, пригодную для питья, только слишком медленно, чтобы хватило напиться такому количеству народа, но всем пока досталось по глотку из изысканного старинного стеклянного кубка. Судя по гербам на золотых листьях, этот кубок был из комплекта — увы, не полного, — принадлежавшего печально известному графу Пьеру Форратьеру Кровавому. Айвен не стал даже пытаться его оценить.

Имола все-таки вернулся, промочив брюки до бедра, и теперь угрюмо жался в углу и помалкивал. Вода дошла уже до внешней стены бункера.

Шив, Амири и Айвен совместными усилиями вогнали на место бетонную плиту на входе. Уплотнитель вокруг заткнутого отверстия понемногу темнел и подмокал, отмечая уровень поднимающейся воды, но внутрь просочилась только тоненькая струйка, ее промокнули ковриками, которые нашлись внизу.

Айвена поразило хладнокровие Шива в минуту опасности: он подавал пример всей семье, не допустив паники и неразберихи. Тот, кто потерпел поражение в космическом бою с адмиралом Эйрелом Форкосиганом, похоже, подходит к опасности с другими мерками, нежели простые смертные.

Айвен вспомнил лекции дяди о правилах обращения с военнопленными. Когда оба бандита очнулись, он проследил, чтобы им было разрешено помочиться и попить. Впрочем, он не стал возражать, когда Шив выстрелом из парализатора снова уложил спать обоих, пока они еще окончательно не пришли в себя. И Имолу, который опять было принялся жаловаться и всем досаждать, — для ровного счета. В бессознательном состоянии замедляется метаболизм и дыхание, так ведь? Это все для общего блага.

Девушки, включая Тедж, стали разбирать ки-

пы одежды, вытащенной из контейнеров, где теперь хранилась питьевая вода. Вроде бы в этом неопасном развлечении не таилось смертельной угрозы, и Айвен понемногу расслабился. Здесь преобладала придворная одежда в цетагандийском и барраярском стиле, включая старинные военные мундиры. Амири и Айвена заставили сделаться чем-то вроде моделей и примерить мундиры, не слушая никаких отговорок. И хотя их эта затея как-то смущала, Айвену выдали мундир фора, а Амири — гема. Цетагандийская одежда оказалась невероятно сложной, было вовсе не очевидно, в каком порядке принято надевать и скреплять отдельные детали. Пришлось просить о помощи леди гем Эстиф.

Все были полностью увлечены примеркой, когда Жемчуг подняла и встряхнула длинное пальто, и из складок ткани что-то выпало на пол, тихонько звякнув. Айвен рефлекторно вздрогнул.

— О! — сказала леди гем Эстиф. Она наклонилась, положила предмет на ладонь и жадно впилась в него взглядом. — Вот уж не думала найти это здесь!

— А что это, бабушка? — спросила Тедж.

Сестры подошли посмотреть.

— Моя старая брошка. — Леди гем Эстиф улыбнулась. — Я думала, она пропала.

Айвен, затянутый в мундир какого-то давно умершего барраярского принца (мундир оказался ему слегка маловат), тоже подошел посмотреть. Ему это украшение не показалось шедевром ювелирного искусства. Симметричная композиция из бусин, больше похожих на шарики из подшипника. Цетагандийский модерн тех лет? Но кажется, брошка многое значила для старой леди, потому что она тут же приколола ее, упрятав под пальто, и одобрительно бросила:

— Молодец, Жемчуг!

Показ мод подошел к концу, когда люминофоры начали постепенно тускнеть. Айвен стащил с себя одеяние из грубой шерсти с тяжелым позеленевшим золотым аксельбантом, и в нем вдруг проснулась жалость к его предшественникам-военным. Он с благодарностью переоделся в свою удобную штатскую одежду, пусть даже и такую грязную после всех ночных приключений. Баронесса надломила новый люминофор и установила на ящик в центре. Все стали потихоньку разбредаться по углам и устраивать себе постели из разных дорогих тканей. Сон только приветствовался, так как во сне дыхание замедлялось.

Конфискованные, но оказавшиеся бесполезными коммы Имолы и его подручных позволяли хотя бы следить за временем. По прикидкам Айвена, до позднего зимнего рассвета оставалось часа три. Будь сегодня рабочий день, ему нужно было бы вставать через час. Они с Тедж улеглись, обнявшись, у одной стены. Шив и Удине — у другой. Две оставшиеся Драгоценности — Жемчуг и Изумруд — сами устроили себе постель. Гуля и Амири выбрали место поблизости, но так, чтобы не вторгаться в их пространство. Только леди гем Эстиф осталась сидеть. В сумраке блестели ее глаза — кто знает, какие воспоминания проходили сейчас перед ее мысленным взором.

Айвен обхватил Тедж, уткнувшись в нее, как в мягкую подушку, и спрятал лицо в ее волосах. Они так успокаивающе пахли. У него и сейчас были напряженные отношения с темнотой. А если попробовать закрыть глаза, может, темнота станет более естественной? Конечно, он сейчас слишком взвинчен, чтобы заснуть…

* * *

Айвен резко пробудился от гулкого грохота. Звук, казалось, исходил от самих стен и отражался от всех поверхностей. Люминофор свалился с

ящика и покатился по полу. С хрустом зажегся еще один, со стороны Удине и Шива. Айвен прибавил свой и сел, подняв его высоко над головой. Тедж уже проснулась и вскочила на ноги, ничего не соображая со сна. Айвен тоже заставил себя встать.

— Что за черт? — выкрикнул Амири.

Грохот все нарастал, потом сместился, изменил тон, на мгновение стих и начался снова.

Айвен покрутился на месте, пытаясь установить, откуда он исходит, и наконец решил методом исключения:

— Либо Форбарр-Султан подвергся неожиданной бомбардировке из космоса, либо какие-то инженеры в спешке поднимают чертову уйму грунта мощным гравиподъемником.

Хорошо, если это знак, что их спасают. Но Айвен сообразил, что находиться прямо под работающим мощным гравиподъемником — не самое полезное для здоровья. Особенно если операторы действуют вслепую.

— Держитесь подальше от середины комнаты! — выкрикнул он. Есть ли в этом помещении какие-нибудь более прочные участки, под которыми можно укрыться, вроде дверных проемов? Вряд ли. Может, внизу безопаснее? Возможно…

Он уже собирался это предложить, когда шум прекратился.

Трудно сказать, что нервирует сильнее — грохот или тишина. Все в комнате уставились в потолок — кто с надеждой, кто с ужасом. Только леди гем Эстиф сохранила на лице бесстрастную маску аута, а Шив был мрачно-ироничен. Тедж… Тедж просто крепко прижалась к Айвену. Ему это помогло.

Весь следующий час рев то начинался снова, то прекращался. И так раз десять. То становился все громче… ближе… вибрации приобрели странный плаксивый тембр. Потом глухие удары с потолка — или крыши, с какой стороны посмотреть.

Пронзительный визг; с потолка посыпалась пыль, и над центром комнаты медленно прорисовался круг. Айвен, сделал рывок, выхватил из опасной зоны шкатулку с кинжалами. Прижимаясь к Тедж, он прикидывал в уме вес двухметрового диска из очень толстого, специально укрепленного пластбетона двух метров в диаметре и его инерцию при падении с трехметровой высоты. Может он провалиться через пол прямо на нижний этаж? Не исключено…

Но когда круг полностью замкнулся, бетонная плита зависла в воздухе, а потом чудесным обра-

зом взмыла вверх. Ура грави-захватам!

В помещение проник холодный серый свет и порыв ледяного воздуха; только по контрасту Айвен вдруг понял, как же здесь душно и как от этого у него должна бы болеть голова, не будь для головной боли десятка других причин. Плита, закрывавшая выход, рухнула обратно в туннель «Микобура» — сырой, но без воды. Тяга воздуха усилилась до неистового гудения и стихла, превратившись в ровный поток.

В отверстие на тросе спустился солдат в наземной полуброне. Его театральное появление слегка подпортило то, что он приземлился боком на гору ящиков и рухнул вместе с ней, но сразу же вскочил на ноги. Аркуа по всей комнате подняли руки ладонями наружу, чтобы было видно: оружия у них нет. Когда за первым солдатом спрыгнул второй, тот уже кричал в наручный комм:

— Мы здесь, сэр! Мы их нашли!

Третьим с небес спустился тот, кого Айвен никак не ожидал увидеть болтающимся на конце страховочного троса: Байерли Форратьер. И чувствовал он себя весьма дискомфортно с какими-то частями армейской брони поверх помятого штатского костюма.

Айвен сунул Тедж бесценную шкатулку с кин-

жалами и шагнул вперед, чтобы подхватить Бая, а заодно уберечь коробки, которые оказались под угрозой: запросто ведь разбросает ногами, когда будет приземляться.

— Ненавижу высоту, — просипел Байерли, когда Айвен помог ему встать на ноги.

— Что ж, а я ненавижу глубину, — ответил он.

— Каждому свое, я полагаю?

— Однозначно!

Глава двадцать третья

Тедж все никак не могла насмотреться на серенький клочок барраярского неба, просвечивающий сквозь прорезанное отверстие в крыше лаборатории. Там сновали армейские гравилеты, но ей этот жалкий клочок все равно казался Небесами. Она опустила на пол контейнер с кинжалами, которыми Айвен Ксав так дорожил, и поспешила к нему. Как раз вовремя, чтобы прервать обмен любезностями Айвена Ксава с Байерли на тему: «Где вас столько времени черти носили?»

— Вы уже видели Риш и Гагата с вашей стороны? — сурово спросила она.

Байерли, вздрогнув, повернулся к ней:

— Нет. Разве они не с вами? Звезда надеялась, что они здесь.

«Звезда спаслась? Хотя бы она…»

Тедж покачала головой:

— Они были там, в туннелях, когда взорвалась эта старая бомба. — Она указала на выход из бункера. — С тех пор мы их не видели. Мы были заперты здесь прибывавшей водой, а вот они… мы не знаем.

— Я видел только Звезду, — сказал Байерли. — Она очень переживала за вас… теперь ждет наверху вместе… со всеми.

Он наконец выпутался из обвязки для спуска и бросился к проему.

Второй солдат, который уже разложил у проема в туннель свои приборы, решительно отогнал его назад:

— Придется подождать, сэр. — Он достал управляемый зонд и дал команду: — Ровер, вперед!

Грави-приборчик включил ослепительный свет и улетел в темноту туннеля. Солдат сосредоточился на пульте управления.

Айвен взял Байерли за плечо и оттащил подальше от проема.

— Инженерные войска, — пояснил он. — Все, что от тебя требуется, так это не путаться под ногами.

— А если она… все еще там? — не унимался Бай. — Надо срочно бежать на помощь! А они…

— Мы это выясним через пару минут. И не надо будет посылать вторую спасательную команду, чтобы спасать первую. Леди гем Эстиф считает, что туннели стали очень нестабильными после взрыва и наводнения.

Бай справился с нервной дрожью, развернулся

и быстро пересчитал всех присутствующих. Он шевелил губами и загибал пальцы. Сбился со счета и начал заново.

— Так… у нас в наличии все Аркуа, кроме Риш и Гагата? И ты, Айвен. Кто эти лишние трое?

Имола и его наемники только еще приходили в себя, они плохо держались на ногах и не соображали, где находятся.

— Это сер Виго Имола, — вмешалась Тедж, — очень опасный человек, которого СБ надо немедленно арестовать, и его горе-наемнички. Сдается мне, что босс он хуже некуда. Эти двое вряд ли станут с этим спорить. И это его ненастоящее имя.

— О! Чудненько. Мы как раз его искали.

Бай пошел обсудить это с первым солдатом. Тот собрал всех Аркуа и проводил опрос в армейском приказном стиле, но без враждебности:

— Значит, так. Первое: здесь имеются пострадавшие?..

Когда Бай вернулся, Айвен Ксав задал вопрос:

— Скажи-ка мне Бай, пока мы тут торчали всю ночь напролет, размышляя об истинной природе богатства, ты сам-то что делал?

— Ворочался в кровати и сходил с ума. К полуночи до меня дошло, что если исчезли и все мои объекты наблюдения, и ты, это значит, что-то

случилось. Потом просочились странные слухи, что якобы кто-то пытался взорвать здание СБ. Я не сразу сообразил, что это как-то связано с вашим исчезновением. Видишь ли, я думал, что состязание Саймона и Шива вполне дружеское, скажем так. И что Шив не стал бы так подставляться.

— Допустим, — нехотя признал Айвен Ксав.

— Так вот, патруль СБ засек недопустимые энергетические выбросы. Что-то происходило в подземном гараже, всего лишь в квартале от штаб-квартиры СБ. Решили проверить и наткнулись на каких-то придурков, которые грузили в фургон женщину, которую до того вырубили парализатором. Как ты знаешь, этим должна заниматься муниципальная охрана, но ребятки Аллегре были не прочь немного поразмяться на скучном обходе. И вдобавок, может, эта женщина будет благодарна за спасение, как сказал мне потом один из них. Они двоих бандитов уложили на месте. Но еще двое скрылись в вашем туннеле, патруль СБ погнался за ними. Произошла перестрелка на парализаторах…

— И вот вам сюрприз, — сказал Айвен Ксав. — Значит, сами эсбэшники и подорвали бомбу!

— Не так-то просто определить, чей это выстрел, — нахмурился Бай. — Место преступления

сейчас завалено тоннами грязи. Но чей-то луч парализатора, так или иначе, угодил в старую взрывчатку. Потому так и громыхнуло. Одного из патрульных и одного бандита пришлось откапывать.

— Кто-нибудь серьезно пострадал? — вмешалась Тедж.

— Оба, но не опасно. Поначалу вообще никто не мог понять, что происходит. Только уже часа через два, когда медики привели Звезду в чувство… Тогда-то все и завертелось. Особенно, когда какой-то идиот додумался позвонить твоей матери и Саймону.

— Ох! — встревожился Айвен Ксав.

— Звезда клялась, что в бункере должны быть выжившие, хотя датчики ничего не фиксировали. После того как спасатели выяснили, что со стороны гаража не пройти, стали вести подготовку к инженерным работам. Наверху настоящий цирк.

Айвен Ксав посмотрел наверх и усмехнулся. Он подошел к первому солдату и сообщил:

— Передайте на командный пункт, что здесь зона биологической опасности второго уровня.

Солдат развернулся к нему:

— А вы?.. А, капитан Форпатрил. Есть, сэр! — и

стал что-то говорить в свой передатчик.

Случайно услышавший это техник инженерных войск, склонившийся над пультом управления, перестал дышать, но через минуту бросил эти попытки и продолжил выполнять свое задание.

Вернувшись к Тедж и Баю, Айвен Ксав сообщил:

— Лично я присвоил бы пятый уровень, хотя мать моей тещи, возможно, меня поправит. Зато это может поубавить прыти у всех желающих сюда залезть, пока не будет составлена опись всего, что в бункере. Здесь нужны охранники и охранники над охранниками.

— Что ж, они добрались куда хотели… — задумчиво сказал Байерли. — А тут внизу и впрямь несметные богатства, или Звезда преувеличивала из страха, что мы вас не станем откапывать?

Айвен Ксав отвел его в сторону и показал коробку с кинжалами. Байерли, как и сам Айвен Ксав, не остался равнодушным к этой находке.

— И это было в первом же открытом ящике! — воскликнул Айвен Ксав. — Тут еще найдется, на что посмотреть. Уж не говоря про полтонны, если не больше, золота времен Оккупации.

Байерли застыл, обводя взглядом все эти бес-

численные ящики, потом отступил на пару шагов и стал что-то говорить в свое устройство связи.

Тедж снова подошла к технику инженерной службы, колдовавшему с пультом управления, и услышала, как он говорит:

— Ровер, хорошая девочка! — Он оторвал взгляд от пульта, заулыбался и сразу показался юным, чуть ли не подростком. — Их нашли. Ровер их ведет сюда.

Тедж и Байерли высунулись в проем, напряженно вглядываясь во тьму туннеля. И вот показался яркий свет, за ним двигались двое: измученные, покрытые грязью, они с трудом держались на ногах…

Байерли втащил через порог Риш, дрожащую от холода и более темно-синего цвета, чем обычно. Она бросилась в его объятия с криком:

— Ты спас нас! — Хотя это и было несправедливо по отношению к подразделениям инженерных войск и всем прочим спасателям, но Байерли не счел нужным ее поправить.

Гагат ковылял к встречающим его Аркуа, и от радости поначалу никто не мог вымолвить ни слова.

— Мы как раз возились с кучей грязи, — стала объяснять всем Риш. — И вдруг видим, по

туннелю приближаются огни, причем не наши. Мы отошли к ливневому коллектору, а потом нырнули в самый большой боковой аппендикс. Там, со стороны выхода, началась суматоха, крики, выстрелы парализаторов… Мы забились в нашу нору поглубже. И как раз вовремя. Оно как бабахнет… мы потом где-то час ничего не слышали. А когда высунулись посмотреть, что происходит, то оказалось, что со стороны входа туннель обрушился, а с другой — прибывает вода. Мы отступали… все дальше и дальше… а вода все прибывала. Потом мы остались без света…

Айвен Ксав в полной мере почувствовал их ужас. Он вдруг подошел и обнял Риш, желая утешить, чему та, впрочем, не слишком обрадовалась.

— Э-э… спасибо, Айвен Ксав. — Риш выскользнула из дружеских объятий, несколько смутившись, и продолжила свой рассказ:

— Мы забились в небольшой воздушный карман. Не знаю, сколько прошло времени, мы услышали непонятный шум и вибрацию. Нам казалось, что это никогда не кончится. Он то прекращался, то начинался опять. А затем, как будто кто-то вытащил пробку, чтобы спустить воду. Вода отступала понемногу, и мы двинулись

следом. Мы как раз думали, стоит ли пытаться пробираться по туннелю, когда нас нашел этот чудный робот.

Риш улыбнулась технику. Тот улыбнулся ей слегка растерянно. Тедж не удивила его реакция, вряд ли ему когда-либо прежде доводилось видеть прекрасных лазорево-золотых дамочек с заостренными ушками, да и дамочек любых других цветов он явно немного повидал на своем веку. У Байерли таких проблем не было, он взял в свои ладони замерзшие руки Риш и стал их согревать.

Так что когда прибыл медицинский эвакуатор — небольшого размера, чтобы мог пролезть в отверстие на крыше, — Риш и Гагата отправили в первую очередь. Имолу и подручных за ними следом, каждого с вооруженным охранником. За ними эвакуировали баронессу и бабушку, потом папу с Амири и Гулю с Изумруд. Жемчуг отправилась наверх следующей, Бай вместе с ней: он не хотел оставлять без присмотра свои объекты наблюдения. Тедж вместе с Айвеном Ксавом дожидались своей очереди.

Они смотрели вслед уплывающим вверх Жемчуг и Баю.

— А знаешь, — сказал Айвен Ксав задумчиво, —

мне очень хочется пригласить тебя потанцевать. Мы ни разу еще не танцевали. Я думал об этом прошлой ночью. Обо всем, чего мы никогда еще не делали вместе.

«Нам придется это еще наверстывать… годы и годы». Она начала подозревать, что этому не будет конца.

— Мне понравится. — Их руки нашли друг друга. — Мне это очень-очень понравится.

— Так и сделаем! — Айвен Ксав сжал ее ладонь.

Когда подошла их очередь, он галантно подсадил Тедж, как фор-лорд Периода Изоляции, который помогает сесть в экипаж своей прекрасной фор-леди. «Леди Форпатрил. Я смогла бы привыкнуть…»

* * *

Этот медэвакуатор был, по сути, всего лишь носилками, рассчитанными на одного лежачего или двух сидячих пациентов, плюс оператор. Айвен, усевшись скрестив ноги напротив Тедж, всматривался сквозь купол, как эвакуатор, вылетев в отверстие в крыше лаборатории, стал подниматься по вновь проложенной шахте в виде расширяющегося конуса. Техники на небольших

гравилетах вроде их эвакуатора брызгали на стены каким-то фиксирующим раствором, чтобы грунт не осыпался.

Вот они вылетели на поверхность, набрали высоту… У Айвена аж дух захватило от того, что он увидел. Да, назвать это цирком явно мало. Новая дыра была выкопана в дальнем конце маленького парка, с противоположной стороны возвышалась гора конической формы, причем, казалось, что вынутого грунта вдвое больше. Эта огромная гора выходила за границы сквера, она завалила тротуары, проезжую часть. Здесь поставили ограждения, и муниципальная охрана регулировала движение, направляя по другому маршруту. Ранним утром выходного дня машин, к счастью, почти не было. Дорожное покрытие было мокрым, но дождь уже прекратился.

Много тяжелой военно-инженерной техники, солдаты или снуют по каким-то делам, или стоят и глазеют. Прожектора еще не выключили, хотя уже занялся бледный зимний рассвет. Командный пункт, откуда руководили всеми работами, разместился под брезентовым навесом в углу бывшего парка и еще больше перекрывал улицу. Несколько медицинских фургонов рядом с командным пунктом стояли наготове, посверкивая

мигалками. Над стройплощадкой кружили гравилеты службы безопасности, охраняя периметр, а поодаль, как предположил Айвен, кружили аэрокары новостных каналов, и телеобъективы были наведены на удивительную сцену внизу.

Тут как раз подоспела команда по ликвидации биологической опасности, еще Айвен заметил группу гражданских лиц постарше, по виду чиновники. Да, вот эти двое точно важные персоны в Имперской финансовой службе, смотрятся они довольно неуместно в подобной обстановке. Те и другие стали препираться с инженерами, кто из них главнее.

И на все это настороженно взирало СБ — из-за стен и со двора своей штаб-квартиры. У ворот с этой стороны прибавилось часовых. Похоже, без всякой видимой цели вдоль стен прогуливались офицеры. Некоторые сидели на верхних ступеньках парадной лестницы. Пока эвакуатор не приземлился между командным пунктом и медицинскими фургонами, Айвен успел заметить, как двое из них по-приятельски делились плиткой армейского рациона.

Он помог Тедж выйти, отогнав ринувшегося к ним медтехника. А когда посмотрел в сторону командного пункта, то пожалел, что не догадался

прикинуться пострадавшим. Сейчас бы это был тактически верный ход.

К ним приближалась толпа. Впереди — маман с Саймоном, сразу за ними — генерал Аллегре и коммодор Дув Галени. Оба в форме — отсыревшие полы шинелей хлопали по ногам. Судя по тому, что побриться они не успели, их подняли с постели по тревоге среди ночи. Оказавшись в объятиях маман, Айвен не сразу смог поприветствовать старших по званию, но вовремя вспомнил, что он в штатском, и ограничился почтительным кивком. Тедж оказалась следующей, кого маман чуть не удушила в объятиях. Саймон же не стал обниматься с Айвеном, только сжал его руки, не говоря ни слова. Да и зачем тут слова, когда и без них видно, чего ему стоили эти часы ожидания. Впрочем, Тедж он обнял — ну а кто на его месте поступил бы иначе? Саймон что-то шепнул ей на ухо. Айвену показалось, что это было: «Тедж, мне так жаль!» Или ему только показалось?

И тут он поймал суровый взгляд Аллегре.

— Форпатрил, — отчеканил тот, — вы несете ответственность за все это безобразие?

— О Боже! Надеюсь, что нет! — воскликнул Айвен. И некстати припомнил, что в космопорте подписал, не глядя, кучу бумаг. Кажется, с тех

пор прошло столько времени… Или нет? Ну и дела! Одно неосторожное слово, и он из героя, который чудом уцелел, превратится в обвиняемого, который предстанет перед военным судом. Айвен попытался сосредоточиться. Голова просто раскалывалась, он был вымотан до предела… Оставалось только молиться, что несметные богатства там, внизу, смогут умиротворить всех. Если только их вообще удастся классифицировать.

«А пока… попробуем не взваливать на себя всю тяжесть вины». Он нахмурился и требовательно спросил Аллегре:

— Вам удалось выяснить что-либо еще насчет сержанта Абеляра и его бомбы?

— Что? — опешил Аллегре.

Это дало Айвену возможность рассказать всю историю и предъявить «собачий жетон», который так и валялся у него в кармане. Было совершенно очевидно, что Звезда только упомянула скелет и старую бомбу. Аллегре, похоже, был признателен, что может наконец получить ответ хоть на одну загадку из всего того кошмара, который обрушился на него в это утро. В ближайшее время точно никто не стал бы заморачиваться анализом ДНК этого несчастного парня, даже если и отыскался

бы хоть какой фрагмент тела после взрыва. А кроме того, это прекрасная возможность отфутболить проблему СБ. Правда, прошло уже тридцать пять лет… Какая разница, пускай разбираются, это однозначно их проблема.

— Там внизу действительно сокровища на миллионы марок? — в свою очередь спросил Саймон.

Галени подошел поближе и стал внимательно прислушиваться.

— Саймон, миллионы только в первом же открытом ящике. Там сотни миллионов, по самой скромной оценке. — Заметив интерес Галени, Айвен решил его порадовать: — Кстати, Дув! Это по твоей части: там штабеля коробок до потолка с документами столетней давности, барраярскими и цетагандийскими. Их сортировать еще годы и годы. В одной из них я нашел собственноручное письмо принца Ксава принцу Ури. — В доказательство он вытащил из внутреннего кармана куртки сложенный лист бумаги и протянул Дуву.

Тот взял письмо и открыл было рот, чтобы сурово отчитать Айвена за неподобающее обращение со старинными документами, которые ни в коем случае нельзя складывать и запихивать в карма-

ны, но так и замер с открытым ртом, уставившись на лист бумаги, который держал в руке. Айвен никогда не видел, чтобы Дув так таращил глаза — они у него стали совсем круглые.

Через дорогу от них измотанный до предела капитан Раудсепп заканчивал погрузку Имолы и его подручных в фургон Службы безопасности. Ему помогали двое дюжих патрульных. Справившись с этой нелегкой задачей, он направился к Айвену, пробираясь сквозь толпу.

— Леди Форпатрил в безопасности? Слава Богу! Но ведь этим придуркам точно не удалось проскользнуть ни через один космопорт на планете?

— Нет, скорее всего они приехали в город с северных окраин. Местные наемнички, то, что Шив бы назвал «покупное мясо». У этого самого Имолы компания по перевозкам где-то в том районе.

Раудсепп все еще выглядел расстроенным, и Айвен проявил человеколюбие:

— И муниципальная стража Округа, и Имперская таможня, похоже, будут весьма благодарны СБ в вашем лице за его поимку. Контрабанда, киднеппинг… Да он по уши увяз в незаконном вывозе людей с планеты под видом криотрупов. Все это очень мерзко. Полагаю, его аферы придется

раскапывать не одну неделю. И всем официально выраженная благодарность в итоге.

— Но я не… я ведь…

— Он теперь весь ваш. «Было ничье — стало мое», как говорится. Именно тот самый случай.

Раудсепп бодро зарысил к эсбэшному фургону, стоявшему наготове с включенной мигалкой. «Похоже, заглотил наживку. Может, теперь этот хорек и не вспомнит, что капитан Форпатрил не стал своевременно доносить на родственников жены?..» — с надеждой думал Айвен, глядя ему вслед.

Подошел Байерли, ему зачем-то понадобилась Тедж. Видимо, пытался собрать всех Аркуа и загнать их в фургоны медпомощи. Шив и Удине шли за ним по пятам, что-то объясняя.

— Нас всех арестуют? — испуганно спросила Тедж.

Аллегре промолчал, но явно считал это весьма уместным. Байерли принялся разуверять Тедж:

— Нет! Ну, не сейчас уж точно… Вас всех просто отвезут в Имперский военный госпиталь на обследование, нет ли травм, только и всего. И ведь есть еще и опасность биологического заражения… Этот вопрос пока не решен.

— Ты едешь с ними? — спросил Айвен у Бая. —

Только, ради бога, найди побыстрее хоть кого-нибудь, кто сможет общаться с леди гем Эстиф на ее древнем медицинском наречии. Если кто и знает, где тут собака зарыта, то только она.

Бай понимающе кивнул и спросил:

— Тедж, ты поедешь вместе с семьей?

— Мы с твоим папой, — вмешалась Удине, — считаем, что ты должна остаться со своим мужем… леди Форпатрил.

Тедж на мгновение растерялась, не сразу осознав все возможные последствия такого решения родителей. Хотя, может быть, они всего-навсего хотели оградить ее от проблем с законом, которые неизбежно ждут всех остальных Аркуа. Но Айвену почудилось в ее ответе нечто большее, чем просто согласие с разумными мерами безопасности. Тедж гордо вскинула голову, взяла его под руку и заявила:

— Да, думаю, мне лучше остаться с мужем.

Айвен нежно сжал ее ладонь. «Да, останься здесь. До конца моих дней». И конец этот вроде бы не столь близок, как предполагалось всего пару часов назад. Но он не собирался вносить поправки в свое предложение, сделанное прошлой ночью.

Шив кивнул и, подняв голову, встретил испыту-

ющий взгляд Саймона. Шив протянул ему руку:

— Ну что ж… Иметь с вами дело — настоящее приключение, капитан Иллиан. Превосходно разыграно.

Иллиан — словно по обязанности — пожал руку Шива:

— Спасибо. Вам просто не повезло. И еще ничего не кончено. Барон Кордона.

Шив озадаченно нахмурился, но не стал препятствовать Байерли, который уже вел себя как овчарка на грани нервного срыва, пытаясь загнать их с супругой в фургоны медпомощи. Удине оглянулась через плечо, в ее внимательном взгляде мелькнуло внезапно возникшее любопытство. Фургоны двинулись в путь колонной, но без сирен, к облегчению Айвена. Сейчас он как-то не одобрял громкие звуки.

Аллегре отошел в сторону, отвечая на какой-то очень важный вызов по передатчику.

— Что? Здесь?! Нет, дайте сигнал уезжать отсюда! — Еще мгновение — и он вытянулся во фрунт, почтительно продолжая разговор: — Да? Да, он здесь. Нет… Я должен возразить… Да, сир. — Он вздохнул, словно признавая поражение, и скрылся в командном пункте.

Айвен не слишком удивился, когда через

несколько минут из-за угла показался эскорт императорских оруженосцев в черной с серебром зимней униформе. Их грави-байки сопровождали длинную серебряную машину. Она остановилась у тротуара. Оруженосцы и сопровождающие эсбэшники обменялись паролями. Сверкая в сумраке зимнего утра, поднялся купол серебряного лимузина. Грегор в мундире дома Форбарра протер лицо и отдал салфетку стоящему наготове служителю, в котором Айвен узнал доверенного камердинера императора. Верховный главнокомандующий даже в чрезвычайной ситуации не хотел появляться на публике небритым. Итак, Грегор вышел из машины под бдительным надзором старших оруженосцев.

При его приближении все выпрямились и подтянулись. Те, кто не встал по стойке «смирно», приняли более официальные позы. Леди Элис чуть опустила голову, что должно было обозначать реверанс. Аллегре и Галени отдали честь, как и положено, — они ведь не в штатском, как Айвен. Император ответствовал подобающим величественным кивком, но увидев Айвена, не стал скрывать своей радости и искренне его обнял.

— Айвен! — воскликнул он. — Мне сказали, что вас подняли из могилы живыми, но я должен

был сам убедиться. Леди Тедж. Я так рад. — Он склонился к ее руке, и Тедж умудрилась сделать вполне пристойный реверанс.

Тут он заметил Саймона, который наблюдал за всем происходящим с кислой улыбкой.

— А, Саймон. Какого черта!

Во взгляде императора отчетливо читалось: «Что значит этот удар исподтишка? Что это значит, Саймон?» Айвен мог лишь порадоваться, что взгляд этот предназначался не ему. Пока.

Саймон тяжело склонил голову:

— Как вы помните, на завтра у нас с вами была назначена продолжительная встреча на время ланча?

— Да. И что?..

— Я должен был сделать это вчера.

Грегор кивнул, весьма условно приняв такое объяснение.

— Мы это обсудим. Позже.

Затем он окинул взглядом то, во что за несколько часов превратился маленький парк.

— Генерал Аллегре… — Генерал собрался с силами, ожидая худшего. — Хорошая работа, — услышал он и с облегчением выдохнул. А Грегор добавил: — Я хотел бы лично побеседовать с командиром инженерного подразделения.

Аллегре сходил на командный пункт и вызвал того, кто руководил работой подразделения инженерных войск. Айвен его знал. Полковник Отто, один из верхушки местного командования в Форбарр-Султане. Как и у Галени, у него была ученая степень. Он был в черной полевой форме, сверху шинель. Как и подобает инженеру, Отто был заляпан грязью, а уж на ботинках грязь лежала толстым слоем. Личные поздравления императора с успешно проделанной работой он принял с довольным, но несколько отсутствующим выражением лица.

Избавившись от лестного внимания императора, Отто отвел Айвена в сторону.

— Форпатрил. Что вы можете мне рассказать про так называемый «Микобур»? С чем мы имеем дело? Эта женщина, Звезда, толком ничего не объяснила.

— «Микобур» проедает большие отверстия прямо в грунте. Они разветвляются почти случайным образом. Вроде бы из неорганики образуются стены туннеля, но я не уверен. Вам надо поймать леди гем Эстиф, лучше до полудня. Только не позволяйте ей вешать вам лапшу на уши. Тут требуется опытный биолог из Императорского научного института, возьмите его с собой, когда

поедете к ней. У нее есть еще образцы — удостоверьтесь, что все они конфискованы, и передайте в Императорский научный институт. Если использовать в строительстве, эта штука может стоить миллионы.

— Как инструмент? Или как оружие?

Айвен вздохнул:

— Если как инструмент — тут еще нужна отладка. А вот как оружие — это вроде бы уже работает. Но вам действительно нужны спецы из ИНИ, чтобы с этим разобраться.

Отто печально усмехнулся.

Прижимая ладонью наушник, подошел Аллегре:

— Отто. Здесь капитан Ру на периметре безопасности, один из ваших парней. Он вам сейчас нужен?

Новый периметр безопасности — это из-за только все усложняющего присутствия Грегора, Айвен очень надеялся, что временного. Грегор уже заканчивал что-то сурово говорить Саймону и леди Элис. Тедж напряженно слушала и храбро пыталась встревать с пояснениями.

— Да, конечно! Пропустите его, — сказал Отто.

Если то, какой ты инженер, определяется тем, сколько на тебе грязи, то Ру, должно быть, гени-

альный парень, подумал Айвен, когда капитан лихо подлетел к ним и соскочил с грави-байка. Отто рядом с ним казался просто слегка забрызганным. Обмен приветствиями между капитаном и его начальником напомнил неформальный стиль, принятый у аналитиков СБ, и оба сразу же перешли к делу. Грегор, заметив появление капитана, слонялся поблизости. Достаточно близко, чтобы подслушивать, но не настолько, чтобы его присутствие помешало инженерам обсуждать свои проблемы.

— Мы наконец отследили эту чертову трубу ливневого коллектора, полковник, — доложил капитан Ру, немного запыхавшись. — Она сливается в реку примерно в километре ниже Звездного моста. Черт знает, почему образовался затор, и вода не проходила, но час назад затор вдруг прорвало. Дистанционный зонд унесло грязевым потоком. Слава Богу, что еще не послали туда людей. Мы оцениваем скорость потока от одного до трех кубометров в секунду.

Аллегре, который только что подошел к ним и услышал эти цифры, сказал:

— От одного до трех кубометров в минуту довольно быстро исчерпает запас воды.

Ру поднял взгляд, заметил Глаз Гора, генераль-

ские нашивки и умудрился отдать честь как положено, а потом вежливо возразил:

— Не в минуту, сэр. В секунду. И это не дождевая вода. Грязь. Это как… как грязевая пушка. Когда я уходил, струя все еще выстреливала на десять метров и по дуге уходила в реку.

На этом захватывающем описании Грегор незаметно подошел поближе. Но тут что-то привлекло его внимание на той стороне улицы. Он пристально вглядывался, чуть склонив голову.

Аллегре озадаченно хмурился:

— Но откуда?

— Хороший вопрос. Мы вернемся к нему, как только выполним последние пять ваших неотложных поручений, генерал, — сказал полковник Отто с измученным видом. — А сейчас позвольте моим людям продолжить работу…

— Гай, — позвал Грегор. — А штаб-квартира СБ всегда была так… наклонена в одну сторону? Или это оптическая иллюзия?

Аллегре посмотрел по сторонам, задержав взгляд на здании СБ напротив.

Несколько неуверенно Грегор добавил:

— Я ни разу не видел ее с такого ракурса. Может, это очередная неуловимая диспропорция, э? Все эти безумные теории Доно Форратьера по

психологии архитектуры…

Айвен тоже повернулся в ту сторону. Как и все остальные. Саймон с Элис и Тедж.

Айвен поморгал, прищурился… Грегор не ошибся. Левая сторона здания СБ казалась слегка выше правой. Или… это правая была ниже левой?

И вдруг они увидели, как во дворе, за открытыми железными воротами, из брусчатки с треском выскочил булыжник и покатился. Через мгновение — еще несколько. Выглядело так, словно с треском лопался попкорн. Большие гранитные зерна попкорна. Шедший по двору солдат завопил, уворачиваясь от этого неожиданного обстрела по коленям.

Громкий треск. По парадной лестнице зазмеилась трещина. Бронзовые двери наверху лестницы с ужасающим скрежетом отворились.

— Что за черт? — Аллегре шагнул вперед.

Отто схватил его за руку и потянул обратно:

— Постойте, сэр!..

— О, выравнивается вроде, — сказала Тедж. — Или… нет!

— Нет… — Отто окинул взглядом зубчатый край крыши. — Другая сторона оседает. Тоже.

Из боковых дверей хлынул поток людей в зеленых мундирах. Со скоростью, по прикидкам

Айвена, один кубометр в секунду.

— Они оставили свой пост? — Аллегре еще не знал, одобрить их действия или негодовать.

Саймон стоял, закусив губу, и смотрел.

— Знаешь, Гай, наверно, эти парни выросли там, где случаются землетрясения. — Он помолчал и, видя, что здание уже мало кто покидает, негромко сказал: — Тех, кто все еще внутри, ты ведь захочешь похвалить. А вот те, кто снаружи… их бы я стал продвигать…

Аллегре удалился, что-то решительно наговаривая в передатчик и делая паузы, чтобы выслушать сообщения, поступающие на наушник. Полковник Отто, еще раз окинув здание ошалелым взглядом, поспешил к комм-панели на командном пункте.

Саймон смотрел круглыми глазами, как здание очень медленно оседает. Оно не рухнуло, не развалилось на части. Может, старина Доно-архитектор и был не в своем уме, но в компетентности ему не откажешь. Прошло несколько минут — в молчании, изредка нарушаемом вскриками и тихими ругательствами, — и первый этаж неумолимо поглотила бездна. Бронзовые двери были уже на уровне земли и продолжали погружаться. Фриз с приплюснутыми горгульями над входом

постепенно исчезал, словно этих чудовищ утягивало в их старинный ад. Скорость погружения уменьшилась лишь тогда, когда обитатели четвертого этажа могли бы шагнуть из своих окон прямо на землю, если бы там были окна. Впрочем, несколько человек спустились с крыши по веревке.

— Вот так сюрприз… — пробормотал Грегор.

Саймон хихикнул, тут же прикрыв рот ладонью. Откашлялся и солидно произнес:

— Боже мой, надеюсь, никто не пострадал? — Подобающие случаю слова, но вот только он снова хихикнул, уже громче. Леди Элис, обеспокоенно глянув, сжала его руку.

Нетерпеливым оруженосцам Грегора удалось наконец-то оторвать императора от столь захватывающего зрелища и загрузить в лимузин. В окружении черно-серебряных мотоциклистов эскорта машина поднялась над мостовой и стала удаляться. Когда императорский кортеж повернул и направился во дворец, Айвену показалось, что он разглядел знакомое лицо, прижавшееся к стеклу и завороженно смотрящее назад.

— Саймон, дорогой, здесь от нас никакого толка, — заявила леди Элис после того, как несколько минут молча наблюдала происходящее. — Нам

лучше вернуться домой. Айвен, Тедж, поедете с нами? Мы хотим послушать о том, что вам пришлось перенести. Уверена, что любой, кому мы понадобимся, сможет найти нас там. — Она кинула прощальный взгляд на… верхнюю половину штаб-квартиры СБ.

Аварийные команды сновали повсюду, и все спорили друг с другом о том, как проникнуть в здание.

— Уверен, что найдут… — устало сказал Саймон и позволил себя увести.

Глава двадцать четвертая

У Тедж уже сложилось впечатление, что СБ очень хотелось бы накинуть гигантский кусок брезента на два квартала Форбарр-Султана. Но было слишком поздно. Драматическая, широкомасштабная спасательная операция наделала много шума. И вызвала слухи о несметных сокровищах, которые чуть было не украли, о преступных лордах, вторжении из космоса, секретных бомбардировках, зверских похищениях красивых женщин, контрабандистах и много еще о чем. И происходило все это не где-нибудь, а в Старом Городе столицы Барраяра, так сказать, зенице ока Империи. А вдобавок ко всему планета поглотила одно из самых примечательных зданий этой планеты. Так что барраярскому правительству удалось наложить запрет лишь на подробности о самом «Микобуре».

— Аркуа остается только надеяться, что специалисты Грегора по устранению нанесенного ущерба справятся со своей задачей, — сообщил Айвен Ксав в разговоре с Тедж. — Иначе придется вас упрятать за решетку. Барраяр до сих пор не оправился от экспериментов, которые

устраивали в период Оккупации цетагандийцы с химическим и биологическим оружием. А то, что вы умудрились выпустить мутировавший инопланетный грибок в нашу биосферу… как только об этом прознают — вам руки-ноги поотрывают. Расчленение Ури Безумного — это так, пустяки, по сравнению с тем, что вас ждет. Город заполонят разъяренные толпы. И каждый кусочек разорвут в клочья. А военные не смогут их остановить, потому как сами к ним присоединятся — если не все, то большинство.

— Но ведь «Микобур» с Земли, — жалобно возразила Тедж. — Вовсе он не цетагандийский. Старая Земля — это практически определение неинопланетного. И бабушка говорила, что он безвреден.

— Несметная взбунтовавшаяся толпа, — сказал Айвен Ксав. — Людское необъятное море.

Саймон Иллиан кивнул, поневоле соглашаясь.

Всех Аркуа выпустили из Имперского военного госпиталя в тот же вечер, не обнаружив никаких проблем со здоровьем. Вот только привезли их не обратно в отель, а в незанятые апартаменты несколькими этажами ниже пентхауза леди Элис. У дверей в вестибюль поставили охрану в форме СБ и еще несколько человек внизу. Их

багаж, за исключением устройств связи, привезли из отеля намного позже — надлежащая проверка сотрудниками СБ, как-никак, требует времени — в основном на поиск того, кто будет проверять, учитывая, что сейчас выходные. И ведь проводить досмотр может не абы какой эсбэшник, а только имеющий высокую степень допуска секретности. Айвен Ксав, прекрасно понимая ситуацию, только покачал головой и пробормотал, что Аркуа наверняка заставят оплатить издержки по отзыву нужных людей из зимнепраздничных отпусков, хотя и неявно, списав на какие-нибудь другие расходы.

Официально их пока не арестовали, а вот сэра Имолу арестовали, что очень порадовало Тедж, когда она об этом услышала. Их собственное правовое состояние было таким: «задержаны, ибо так угодно императору». Услышав эту формулировку, Гуля сморщила носик и решительно направилась за разъяснениями в квартиру леди Элис — под конвоем охранников, конечно. Айвен Ксав мрачно объяснил, что содержание под стражей — обычная мера пресечения в отношении «лиц, неугодных императору». Но, похоже, их визу пока не закрыли, хотя Тедж прекрасно понимала, что депортация может последовать в любой момент.

Просьбы об интервью просачивались, невзирая на все препоны.

— Может, как раз в прессе нам и удастся создать нужное впечатление обо всем этом? — с некоторым сомнением предложила Гуля. — Вымостить дорогу к нашей будущей защите?

— Лично я, — надменно заявила леди гем Эстиф, — буду только рада высказать этим недоумкам все, что я думаю.

Барон с баронессой переглянулись.

— Никаких интервью, — решительно сказала баронесса. — Ни слова.

— Да, именно так, — вздохнул папа.

Эвакуация необходимого оборудования и документации СБ в срочном порядке производилась через крышу. Все это под усиленным военным конвоем размещалось в близлежащих правительственных зданиях, выделивших помещения в связи с чрезвычайной ситуацией. Глядя на эту картину, Иллиан мимоходом поморщился, но пробормотал только: «Боже, с хранилищем улик им придется попотеть. Когда они до него доберутся».

Говорили, что скорость погружения здания понизилась и стала почти незаметной. Но к полуночи шедевр Доно-архитектора погрузился до

уровня четвертого этажа.

* * *

Саймон встречался с императором Грегором на следующий день. Он задержался дольше, чем на час.

— Не так уж часто, — заметил он, обращаясь то ли к леди Элис, то ли в пространство, — Грегор потворствует своему сарказму. По всей видимости, при данных обстоятельствах это ему помогло. — И, пробормотав: «Мы живем ради служения…», он уединился в своем кабинете и до ужина не выходил.

* * *

Инвентаризацию старого цетагандийского бункера проводили аудиторы Бюджетно-контрольного управления под общим руководством коммодора Дува Галени, которого ради спецзадания оторвали от дел его департамента. Когда оценка достигла суммы одиннадцать сотен миллионов марок, они прекратили открыто оповещать о результатах.

* * *

— А что такое, — спросила Гуля, заглядывая через плечо Айвена Ксава, — Имперская Следственная комиссия… — Она прищурилась, вглядываясь. — Э-э… особой секретности?

— Можешь считать это простой повесткой о явке в суд, — сказал Айвен Ксав. — Хотя, пожалуй, это будет… хм…

— Очаровательным преуменьшением? — подсказала Тедж, заглядывая ему через другое плечо.

— Нет, — отстраненно сказал Айвен Ксав. — Вовсе не очаровательным…

* * *

Айвен уже не раз рисовал в воображении, как будет сопровождать Тедж при ее первом посещении Императорского дворца, вот только сейчас обстоятельства не слишком благоприятствовали такому визиту. Она опасливо разглядывала широко раскинувшуюся громаду — этот огромный неправильный прямоугольник с четырех, пяти или шестиэтажными крыльями и дополнительными внутренними переходами был выполнен

в стиле, немного напоминавшем особняк Форкосиганов, если тот увеличить в четыре раза и добавить кое-какие уже послевоенные перестройки. Восточный портик был одним из самых древних, величественных и роскошно украшенных входов в императорскую резиденцию. Когда Айвен подрулил сюда на своей двухместной машине, из вместительного лимузина маман уже выгружались старшие Аркуа (с леди гем Эстиф) и она сама с Саймоном. Вся компания приехавших с маман собралась у двустворчатых дверей и проследовала внутрь в сопровождении личного мажордома Грегора. В это утро достойный служитель был суров и подозрителен, но при виде Саймона вид у него сделался весьма и весьма озадаченный. Сам же Айвен был встречен сурово и с явным неодобрением.

С помощью двух дворцовых охранников, которые шли следом, чтобы посетители не разбредались по дороге, мажордом повел их по коридорам, а затем куда-то вниз, что несколько удивляло. Айвену не часто доводилось бывать в подземной части дворца. Здесь находились комнаты для переговоров и совещаний, и эти помещения никогда не были доступны для публики во время дворцовых приемов и празднеств, та-

ких, как ежегодный бал в честь Зимнепраздника, который будет совсем скоро. Их ввели в комнату, больше напоминающую небольшую, хорошо оборудованную университетскую аудиторию, чем зал суда. Кафедра, рядом стол с комм-пультом и амфитеатр с местами для слушателей. Человек сорок вполне поместятся, но столько явно не набиралось даже с учетом Байерли и остальных Аркуа, которые уже толклись в аудитории, приехав незадолго до них. На столе сбоку — кофе, чай и всякие печеньки. Айвен точно не знал, что это должно обозначать — гостеприимство или всего лишь то, что заседание продлится очень долго.

Он убедился, что Тедж взяла себе кофе со сливками — от выпечки она со слабой улыбкой отказалась, и это был плохой признак. Теперь он хотел выяснить, что здесь делает Бай.

— Ты получил персональное приглашение, или ты здесь как эсбэшный охранник в штатском? — тихо спросил Айвен.

— И то, и другое, — ответил Бай тоже тихо. — Знак внимания Грегора… и Аллегре, кстати. Хотя я уже и сам являлся с докладами в СБ.

— Даже так? Они нашли на это время?

— О, на этой неделе я пользуюсь особым вниманием. — Бай поморщился. — И не в самом

приятном смысле. Я же говорил им, дайте подкрепление — никто и не чухнулся.

И вот мажордом объявил:

— Прошу внимания! Император Грегор Форбарра.

Все торопливо поставили чашки и проглотили последние кусочки.

Айвен для сегодняшнего события выбрал гражданский костюм, а не военный зеленый мундир, хотя у него и были немалые сомнения, что он поступил правильно. Но вот что странно: Грегор сделал аналогичный выбор — строгий темно-синий костюм. За императором вошли его старший оруженосец и секретарь, который стал раскладывать на кафедре все необходимое для заседания. Присутствующие как-то не слишком уверенно кивали, приветствуя императора. Он ответил взмахом руки, как бы давая понять: «Да, пока достаточно». Оруженосец поспешил предложить ему кофе и, как заметил Айвен, пару таблеток обезболивающего. Грегор их сразу же проглотил и направился к кафедре, чтобы принять командование. Всех рассадили по местам: старшие Аркуа в переднем ряду вместе с Гулей, Тедж и Айвеном, который оказался с самого края, так что мог всех видеть, не сворачивая шею. Байерли и остав-

шиеся Аркуа — Риш, Звезда, Жемчуг, Изумруд, Амири и Гагат — в следующем ряду. Сбоку от них встал оруженосец — в позе «вольно», так он мог держать в поле зрения всех и каждого. Секретарь уселся за стол с комм-пультом, приготовившись записывать.

Грегор поставил кофе на кафедру и недружелюбно оглядел всех своих пленников.

— Имеет место ряд взаимосвязанных дел, практических и юридических, подлежащих судебному разбирательству. Все они относятся к событиям в моей дважды столице в прошедшие выходные. Сначала мы рассмотрим уголовные преступления, правонарушения и создание угрозы общественной безопасности в городе Форбарр-Султан и в Округе Форбарра. Поэтому местом судебного разбирательства является высшая судебная инстанция: графский суд Округа, в котором я как граф Форбарра — высший судья и арбитр, принимающий окончательное решение. Далее идет то, что может быть истолковано как нападение на важнейший имперский военный объект, и опять-таки, как главнокомандующий вооруженных сил Барраяра, я — последняя инстанция. И наконец, вопросы, затрагивающие благосостояние Империи в целом, и за это — как

император, — в конечном итоге отвечаю тоже я.

— Я намерен объединить все эти дела, подлежащие рассмотрению в разных судебных инстанциях… — он не сказал вслух «свалить все в одну большую кучу», но Айвен это прямо-таки услышал, — и разобрать основные вопросы сегодня утром. Иначе говоря, я предлагаю вам суд Звездной палаты, то есть мое единоличное и не подлежащее апелляции решение. У вас есть выбор — принять это предложение и мою власть и исполнить все, что воспоследует, — или нет. У вас есть минута на то, чтобы посовещаться друг с другом прежде, чем дать ответ.

Гуля вскочила и бросилась к старшим Аркуа. Грегор отошел в сторонку — попить кофе со сладостями. «Во имя милосердия, поднимите уровень сахара у себя в крови», — только и подумал Айвен. Сам он подошел к Аркуа. Саймон и маман, как он заметил, остались сидеть.

Гуля торопливо говорила:

— Если мы хотим отсрочить час расплаты, насколько только возможно, то это как раз тот самый шанс. Я уже составила приблизительный план, как затянуть подольше судебные прения…

— Можно совет? — вмешался Айвен, понизив голос.

Шив поднял ладонь, успокаивая Гулю, которой не понравилось, что ее прерывают.

— Да, мы слушаем, — сказала баронесса.

— Примерно десять тысяч человек, кроме вас, претендуют на малейшую крупицу времени Грегора, а он сам отдал это утро в ваше распоряжение. Второй раз он предлагать не станет. И еще его костюм…

— А что с ним такое? — озадаченно спросил Шив.

— Это знак. Если бы он планировал преследовать вас по местным делам — включая этот чертов «Микобур», — то оделся бы в цвета дома Форбарра, черное с серебром. Если бы хотел стереть вас в порошок за то, что вы сделали со штаб-квартирой его СБ, он был бы в зеленом военном мундире. Но вместо этого он в костюме дипломата. Это значит, ему нужно что-то, чего у него пока нет. И что он может предложить вам нечто, что вы, смотря по обстоятельствам, расцените как сделку. Если только не станете впустую растрачивать его время и не выведете его из себя.

— И как его можно вывести из себя? — прищурился Шив.

— Хм, я бы сказал, тратить его время впустую

— вполне неплохое начало.

— А как нам это понять? — спросила Тедж, опасливо глянув на кафедру. — Что он уже разозлился, я имею в виду?

— Хм… — Айвен замялся. — Вряд ли у вас получится. Но можете спросить у меня.

Он вернулся на место, давая Аркуа последний шанс переговорить без лишних ушей. К его несказанному облегчению, Шив повернулся и заявил:

— Дом Кордона принимает суд Звездной палаты.

Леди Элис не произнесла ни слова, но то, как она прижала к губам ладонь… Айвену почему-то показалось, что ее надежды оправдались. Тут поневоле задумаешься, а о чем на самом деле секретничали в последние дни почтенные леди — Элис, Мойра и Удине.

Секретарь просмотрел сообщение на наручном комме, поднялся и подошел к дверям: прибыла новая делегация, приведенная мажордомом. Айвен всех их знал.

Дув Галени был корректнейшим образом облачен в зеленый мундир: имперский офицер при полном параде. То же самое можно было сказать и о генерале Аллегре, и полковнике Отто. Военный инженер держался со спокойной уверенностью

специалиста, как и на раскопках в заляпанной грязью полевой форме. Столь же уверенным в себе экспертом — если не упоминать о том, что он всегда уверен в себе — выглядел и доктор Воэн Уэдделл из Императорского научного института, один из главных спецов в биологии — молекулярной, гено-, ксено-, и так далее. Его сопровождала старший администратор научного института Сьюзен Аллегре. Возможно, ее присутствие требовалось для того, чтобы присмотреть за доктором Воэном, — что всех, знающих доктора лично, не удивило бы, — или же для того, чтобы принимать и передавать в институт любые новые запросы, которые могли бы возникнуть этим утром. Но, так или иначе, когда всех рассадили, ее место оказалось рядом с Уэдделлом, а не с мужем.

Когда все заняли свои места, Грегор продолжил:

— Есть два возможных подхода для решения данной дилеммы — и юридических, и не только. Начать с фактов — и перейти к логическим следствиям из этих фактов, или начать с желаемого результата и двигаться в обратном направлении, произведя пошагово все действия, необходимые для достижения этого результата. Мы намерены, по возможности, задействовать оба подхода и

встретиться посередине. Чтобы начать с начала, с некоторых ключевых фактов. Коммодор Галени, вам удалось выяснить, каким образом информация о цетагандийском бункере и его содержимом оказалось недоступна для СБ с самого начала? И откуда взялся сержант Абеляр с его бомбой? Мы знаем, какая судьба его постигла.

— Да, сир. За вчерашний день и прошлую ночь я значительно продвинулся в изучении этих вопросов.

То есть — со времени его последнего доклада. Значит, кое-что будет новостью и для Грегора.

Император жестом пригласил Дува выйти вперед. Грегор прислонился к кафедре, а Дув занял привычную лекторскую позицию за столом с комм-пультом. На своих слушателей он глянул с не меньшим любопытством, чем те на него.

— Изучая документы и записи, оставшиеся со времен строительства Штаб-квартиры СБ, а было это почти восемьдесят лет назад, я смог узнать об офицере, который расписался об инспекции бункера. Это капитан Гео Фарос. Он был эсбэшником, в качестве помощника к нему был приписан сержант инженерных войск Влад Норман. Через месяц оба они и еще трое гражданских служащих погибли при аварии на строительстве. Соглас-

но инженерным отчетам, два возводящихся этажа рухнули из-за не соответствующих нормативным требованиям крепежных соединений. «Накосячили с подгонкой», именно такой, э-э… инженерный термин был подчеркнут в рукописном отчете. Дважды.

В третьем ряду полковник Отто изумленно поднял брови и кивнул. Галени в знак благодарности за понимание изобразил условное приветствие эсбэшных аналитиков и продолжил:

— Император Ури, следуя рекомендации своего архитектора, приказал повесить начальника строительства и укрепить все балки и соединения втрое, но это уже другая история.

— Эх, были дни, — пробормотал Отто. И Айвен не понял, ирония это или одобрение.

— Есть два возможных объяснения, почему такое, я бы сказал, необычайное содержимое бункера осталось необнаруженным. Первое — Фарос и Норман просто не проводили осмотр. То ли времени не хватило, то ли просто было лень. И действительно, что такого может быть интересного или опасного в бункере тридцатилетней давности? Строительство уже вышло за рамки бюджета и сроков — этим, возможно, и объясняется все это дело с крепежными кон-

струкциями. Так что с учетом всех обстоятельств эта простая гипотеза достойна рассмотрения. Или второе — они обнаружили содержимое, но утаили сведения, в надежде туда позже тайком вернуться — к собственной выгоде. Армейское досье Нормана безупречно, но и искушение, как мы сейчас понимаем, было огромным. У Фароса имелись возможности для таких действий — то, что происходило вокруг Ури, уже вызывало беспокойство, особенно для людей близкого круга, поэтому он вполне мог избрать альтернативный метод обеспечить свое будущее, — не важно, что им двигало: страх или жадность. Или то и другое, конечно.

— А какое объяснение предпочитаете вы? — спросил Грегор.

Галени покачал головой:

— В истории, как всегда, самый интересный вопрос такой: «О чем думали эти люди?» Но боюсь, этот вопрос очень часто не имеет ответа. Если в ходе моего расследования не всплывут какие-либо новые документы, ничего иного я сказать не смогу.

— Да, хорошо, — кивнул Грегор, что скорее всего означало слегка разочарованное «да, хорошо». — А Абеляр? Я хотел бы упомянуть, что

прошлой ночью получил личное сообщение от вице-короля Зергияра, и в нем Эйрел говорит, что не помнит, чтобы отдавал кому-либо приказ взорвать здание фордарианновской СБ. Как он сказал, такое решение должно было приниматься на его уровне, но в тогдашней неразберихе могло быть что угодно. А! Там еще было несколько замечаний насчет чрезмерной инициативы подчиненных, впрочем, к нашему делу это не относится.

Галени было насторожился, но сейчас позволил себе расслабиться.

— А я было надеялся, что он сможет прояснить… ну, что ж. По крайней мере одно мы знаем — это не могло быть сделано по приказу Негри против Фордариана, потому что Негри погиб в первый же день.

Иллиан откашлялся и заговорил:

— На самом-то деле такой приказ шефа Негри, отданный «из могилы», был очень даже возможен. Тогда.

Они с леди Элис взялись за руки.

Галени явно задело, что факт, который он считал единственно достоверным, у него увели прямо из-под носа.

— А! Пожалуй. В этом случае… До мятежа Фордариана личное дела Абеляра было безупречным.

Но… это нам ничего не дает, поскольку многие офицеры и солдаты искренне считали, что Фордариан для Барраяра лучше.

— Отсюда и великодушное помилование, объявленное потом регентом Форкосиганом, — вставил Грегор.

Галени осторожно кивнул.

— Абеляр был старшим охранником в самой штаб-квартире СБ и, разумеется, знал территорию, хм… под которой оказался. Записи в его досье резко обрываются с началом военных действий и лишь позже, когда наводили порядок, он был внесен в списки как пропавший. Пропавший, прошу заметить, и это все. Ни в «боевой операции», или там, к примеру, «отсутствует без увольнительной». В дезертирстве его точно не обвиняли. Потому я и хотел бы, будь это возможно, передать его останки и то, что осталось от его оборудования, судмедэкспертам, чтобы те поискали какие-либо вещественные улики — что это за бомба, или данные о прокладке туннеля, где его нашли, могли бы помочь… но, увы.

— Что тут сказать… — вздохнул Грегор, окинув всех Аркуа неласковым взглядом.

— Уже разозлился? — прошептала Тедж на ухо Айвену.

— Еще нет, — шепнул он в ответ. — Ш-ш!

— Так какая ваша лучшая гипотеза? — спросил Грегор. — Как бывшего аналитика СБ?

Галени помолчал, потупившись. Айвен подумал, что он сейчас повторяет свою любимую формулу: «Точность, краткость, доходчивость», возможно добавив: «Выбери два лучших из трех».

— Мое мнение, — Галени вполне однозначно дал понять, что любые «мнения» немного стоят, — такое: Абеляр был одним из многих, кто оказался отрезан от своей воинской части, и они как-то сами переформировывались, когда им удавалось найти друг друга, и вели военные действия по собственному разумению. Но нет никаких свидетельств, на чьей он был стороне. Будь у меня больше времени, я бы послал оперативников на поиски как можно большего числа его сослуживцев — кто еще жив, конечно.

Айвен глянул, как это воспринял Аллегре. Тот передернулся, томимый дурными предчувствиями нового задания, на которое у него сейчас просто нет людей. Айвен подозревал, что шеф СБ мысленно заклинает: «Пожалуйста, Грегор, только не на этой неделе!»

Не исключено, что Грегор услышал этот вопль

души. Но, так или иначе, он перешел к следующей теме:

— Как продвигается разгрузка бункера?

Гуля вскочила со своего места.

— Могу ли я сослаться на безусловно барраярский вопрос права? Ваше… э-э, сэр.

По крайней мере у нее в памяти удержалась торопливая инструкция Айвена «Нет, не обращайтесь к нему «сир», вы не его вассалы, он не ваш сеньор, а значит он для вас не «сир». Как бы то ни было, Грегор кивнул, и она продолжила:

— Барраярский закон поддерживает притязание нашедшего потерянный предмет на сумму в десять процентов от его стоимости. Закон не предусматривает исключений для исторических артефактов, конфискованных окружными или имперскими властями.

— От черт!.. — тихо ругнулся Айвен. — Гуля, да ты рехнулась… это ж закон об утерянных кошельках! — прошипел он, не сдержав эмоций от подобной наглости. Он полагал, что только Тедж его слышит, — и она сжала ему руку, успокаивая. Но у Гули оказался отличный слух — она бросила на него раздраженный взгляд и уверенно отчеканила:

— Дом Кордона — совокупно — имеет намере-

ние заявить свои права по закону на содержимое старой лаборатории леди гем Эстиф. Поскольку без нас ее никогда бы не обнаружили.

— В данный момент, — сказал Иллиан, почти не понижая голоса.

— Нетронутой, — парировала Гуля. — Пройди еще какое-то время… И кто знает? Кто еще мог бы обнаружить и обчистить бункер, пока ваши люди удосужились бы хоть пальцем шевельнуть!

Грегор поднял ладонь:

— Я знаю о прецеденте, баронетта. Мы вернемся к этому вопросу позже.

Он сказал: «мы»? То есть «мы, император Грегор»? Или это означает, что он не единолично намерен решать данный вопрос? Гуля этого не знала, но, проявив завидную смекалку, молча кивнула и села на место.

Грегор же сказал:

— Коммодор Галени. Продолжайте, пожалуйста.

Галени кивнул.

— Все извлеченные из бункера бумаги, документы и носители информации были отправлены в надежное хранилище в Имперском университете. Ими будут заниматься профессор Фортиц и отобранные ею люди. К сортировке и консерва-

ции только приступили.

— И?.. — поторопил его Грегор.

— Оценочная стоимость остальных предметов, инвентаризированных и поднятых на поверхность на данный момент — я проверил по пути сюда… — Галени откашлялся, словно у него непонятно почему вдруг голос пропал, — составляет три и девять десятых миллиарда марок.

«Почему у Дува вдруг голос пропал, вполне понятно», — скорректировал Айвен свои наблюдения. Грегор, примостившийся на краешке стола с комм-пультом, чуть было оттуда не свалился. Шив Аркуа потер лоб, и лицо его исказилось, словно он испытывал невыносимую боль.

— Почти четыре миллиарда марок, Дув? — переспросил Грегор, не веря своим ушам. — Да неужели?..

— Это пока. Мы надеемся освободить верхний этаж к концу этой недели. И я вообще понятия не имею, что мы найдем на нижнем.

— Да то же самое, насколько я помню, что и на верхнем, — пробормотала леди гем Эстиф.

В аудитории повисло молчание. Все производили в уме несложные арифметические расчеты.

— Между тем хотелось бы отметить… — Дув уже взял себя в руки и говорил акцентирован-

но сухим профессиональным тоном, — что на данный момент стоимость этих артефактов и произведений искусства намного выше, чем их цена на черном рынке сто лет назад. Высокая оценка — в обоих смыслах. Но вот что странно. Об этом было известно не одному человеку. Ведь один бы не заполнил бункер? Я никак не могу понять одного: почему никто из цетагандийских владельцев всего этого до сих пор не вернулся за своими сокровищами?

Леди гем Эстиф многозначительно хмыкнула. И Грегор, конечно же, не преминул галантно дать ей слово:

— Просветите нас, миледи, будьте так любезны.

— Да потому, что по большей части эти вещицы — собственность правящей гем-хунты. А гем-хунту — по большей части — казнили по их возвращении на Эту Кита, — сказала леди гем Эстиф. И добавила: — Да, они самолично намерены были сюда вернуться, кто б сомневался.

Айвен не смог бы сказать, какая часть натуры возобладала в Галени — историк или эсбэшный аналитик. Но Дув жаждал узнать больше:

— Леди гем Эстиф… Я очень надеюсь, что у вас найдется время побеседовать со мною позже?..

Она подняла руки, раскрыв ладони, но этот жест мало походил на капитуляцию.

— Это не от меня будет зависеть.

— Благодарю вас, коммодор Галени, пока достаточно, — сказал Грегор. — Полковник Отто, возможно, сейчас вы можете что-то добавить к своей первоначальной оценке, почему, собственно, случилось так, что здание моей Имперской СБ почти целиком погрузилось под землю? С технической точки зрения.

Насколько припоминал Айвен, среди всех криков, доносившихся в то утро с командного пункта, горестные стенания: «Тонет! Это дерьмо просто тонет!» и были как раз реакцией самого Отто.

Галени сошел с кафедры, и на нее поднялся Отто.

— Сир… — Он очень почтительно кивнул Грегору, адресовав Аркуа лишенный какого бы то ни было почтения сердитый взгляд. — Мы вносим изменения в нашу картину случившегося по мере поступления новых данных, но, полагаю, то, что я изложу сейчас, дает верное представление о катастрофе — в общих чертах.

Он вставил в считыватель комм-пульта чип с данными, и над видео-пластиной возникло крупномасштабное цветное трехмерное изоб-

ражение.

Отто принялся объяснять схему, тыкая световой указкой:

— Уровень земли обозначен темно-коричневым, окружающие здания — светло-коричневые. Здание СБ зеленое. — Все увидели шесть этажей и несколько подземных уровней, представленных на схеме пересекающимися линиями холодных цветов и с виду похожих на клетку. — Бункер. — Еще одна низкая стопка синих ячеек, наискосок от зеленой. — Старый ливневый коллектор. — Прозрачная трубка красного цвета, бегущая по диагонали глубоко под улицей. — Мы подозреваем, что старый туннель сержанта Абеляра должен был начинаться от этой трубы. Возможно, что именно заплата стала тем слабым местом — темно-красное пятно пунктиром, — где и прорвало трубу, когда взорвалась бомба. — Зловеще пурпурное пятнышко, весьма точно локализованное, насколько мог судить Айвен.

— Тут обозначены столько оставшихся туннелей «Микобура», сколько мы смогли нанести на карту. — Сплошная желтая труба уходила вниз от гаража под офисным зданием через дальний угол здания СБ. Еще одна такая же желтая труба начиналась рядом с бункером и петляла по на-

правлению к первой. — А вот так скорее всего выглядел туннель до взрыва бомбы. — Пунктирные желтые линии разветвлялись прямо под фундаментом СБ.

— Стены туннелей «Микобура» вулканизировались, став очень твердыми, прочными при компрессии — но не при растяжении, — и довольно хрупкими. В какой-то момент, при перестрелке между преступниками и патрулем СБ, преследовавшим их под землей, чей-то луч парализатора ударил в старую бомбу на полу туннеля и взорвал ее. — На схеме Отто не было ни намека, из чьего парализатора был выпущен энергетический заряд. Вспышка пурпурного света разлилась по сети туннелей. — Воздух и газы в туннелях передали импульс ударной взрывной волны, покатившейся по всем туннелям. Мы еще не знаем, шла ли дальнейшая химическая реакция. Сильное сотрясение стен привело к их растрескиванию, образовались и видимые, и микротрещины. В то же самое время лопнул слабый фрагмент трубы ливневого коллектора, примыкающего, или почти примыкающего, к туннелям «Микобура». Участок коллектора сразу за пробоиной обрушился, запруженная таким образом вода устремилась в пробоину, и повре-

жденный туннель начал быстро заполняться. Вода не сжимается, и это некоторое время удерживало сеть туннелей от обрушения. Наверху продолжался ливень, и прибывающая вода проникала в трещины в стенах, ослабляя их, а затем под значительным давлением стала смешиваться с пока еще сухим и твердым грунтом. В результате разветвленный туннель «Микобура» превратился в гигантскую губку под штаб-квартирой СБ. — Обширный участок неправильной формы ниже зеленой клетки стал окрашиваться красным. — Давление возрастало. — Красный цвет стал ярче, губка разбухла.

Быстро оглядевшись, Айвен заметил, что и Иллиан, и Аллегре завороженно смотрят на это цветовое шоу.

— Когда мои инженеры добрались до крыши бункера, использовав гравиподъемники… — На уровне земли в зоне парка обозначился белый круг и стал опускаться к голубому кубу правильным конусом, направленным вниз. — Возможно, именно в тот момент, когда мы прорезали крышу, ливневый коллектор раскупорился сам по себе. Подозреваю — хотя пока не могу доказать, — что этому могли поспособствовать вибрации от спасательных работ. В любом случае коллектор

разблокировался и стал осушать сеть туннелей «Микобура», в которых была чертова прорва жидкой грязи. Здание СБ, находящееся прямо над ними, давило гигантской массой, сжимая губку и выдавливая ее содержимое во вновь открывшуюся точку слива.

Пульсация красного света двигалась вдоль ливневого коллектора.

— А остальное… Мы еще не знаем, шла ли дальнейшая химическая реакция. — Отто вздохнул. — Мы все видели своими глазами.

Красная губка медленно становилась все более плоской, и столь же медленно зеленая клетка начала опускаться ниже коричневого уровня поверхности земли.

— Насколько далеко это погружение зайдет? — поинтересовался из заднего ряда генерал Аллегре.

— Не намного дальше, чем сейчас. В настоящий момент с крыши на землю можно просто спрыгнуть. И не переломать при этом ноги.

Картинка получилась настолько наглядной, что за ней последовало недолгое молчание. Айвен мысленно отметил, что если Аллегре после всего этого и надумал покончить с собой, то ему придется приискать иной способ. Традиционный

— шагнуть в небытие через парапет — явно не годится.

— Благодарю, полковник Отто, — произнес Грегор, прерывая затянувшееся молчание. — Все вполне понятно.

— Благодарю вас, сир. Но есть один важный вопрос, на который я хотел бы получить ответ. — Он показал на линию ливневого коллектора. — Мы прекрасно знаем, что частицы стен туннеля «Микобура» должны были перемешаться с грязью. Которая в основном оказалась в реке. Что произойдет ниже по течению? — Его взгляд на семейство Аркуа был беспристрастным, но далеко не бесстрастным.

— Для ответа на ваш вопрос, я надеюсь, доктор Уэдделл сможет предоставить нам больше информации, чем вчера в это же время. Итак, доктор Уэдделл?

Повинуясь жесту Грегора, Отто сошел с кафедры, и Уэдделл занял его место.

Уэдделл был известный ученый лет шестидесяти, вполне почтенной наружности. Но так уж случилось, что Айвен оказался в курсе его темного прошлого, что, впрочем, отнюдь не мешало ему делать свое дело. Скорее наоборот.

Доктор нервно откашлялся.

— Что ж, сир. Как всем известно, отсутствие доказательств не есть доказательство отсутствия. Тем не менее мои полевые команды пока не обнаружили живые клетки «Микобура» ниже по течению от столицы. С другой стороны, были идентифицированы фрагменты бывшей стены туннеля, а если есть одно, то может быть и другое. Одно хорошо — что на уже исследованные живые клетки пребывание в соленой воде оказывает неблагоприятное воздействие. Так что если какие клетки и достигнут моря, вряд ли они там выживут.

— Я же вам говорила, — пробурчала леди гем Эстиф. — Три дня тому назад.

Глянув на нее исподлобья, Уэдделл продолжил:

— Пока что я настоятельно рекомендую продолжать наблюдение, но, по моему мнению, «Микобур» представляет меньшую угрозу, чем некоторые другие биологические кошмары, с которыми вы, барраярцы, уживаетесь уже долгие годы, не говоря уж о собственной экосистеме планеты. Осторожность — да, паника — нет. Я бы сказал, добавьте этот пункт в общий список и двигайтесь дальше.

Тедж, внимательно его слушавшая, заморгала.

— Эй, — шепнула она Айвену. — Этот тип джек-

сонианец. Или был им.

— Я знаю, — шепнул он в ответ. — И Грегор тоже. Никому не говори.

Грегор смерил Уэдделла взглядом:

— А вы лично стали бы сегодня пить воду из реки, взятую ниже по течению от Форбарр-Султана?

Айвен подозревал, что Грегор сейчас в таком настроении, что того и гляди сам проверит. Если не на себе, то почему бы не на Уэдделле? Может, у него уже наготове бутылочка этой самой воды?

— Да, — ответил Уэдделл твердо, — если ее сначала прокипятят, чтобы уничтожить остальные восемнадцать потенциально смертельных патогенных микроорганизмов, которые и так в ней есть. При обычном, как здесь и принято, обращении с местной водой ваши подданные не подвергаются никакой опасности.

«А тот, кто настолько глуп, чтобы пить на этой планете необработанную воду, вполне заслуживает исключения из генофонда?» Уэдделл вполне способен думать именно так — Айвен знал это по прошлому опыту общения с ним, — но он достаточно сообразителен, чтобы не высказывать это вслух. Во всяком случае, здесь.

Грегор повернул голову:

— Доктор Аллегре, это утверждение по обработке воды уже было вами проверено?

Выпрямив спину, та ответила:

— Это… несложно проделать. Звучит правдоподобно.

— Другими словами, нет. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы ваши люди немедленно провели надлежащие тесты, и доложите о результатах в самые ближайшие сроки.

— Да, сир. — Она склонила голову к наручному комму.

— Очень хорошо, доктор Уэдделл. Продолжайте вести наблюдение.

Грегор жестом предложил ему снова сесть рядом с администратором, и эти двое зашептались, сблизив головы. Возможно, там прозвучало: «Бог мой, а вы не подкачали!» — и: «Так что там с нашим финансированием?» Отто, похоже, не поверил ни единому слову. Доктор Аллегре, по-видимому, позже рассеет аналогичные сомнения генерала Аллегре.

Грегор пристально посмотрел на ряды, занимаемые Аркуа. Те, в свою очередь, смотрели на Грегора. Шив убедительно изображал бесстрастность. Удине теребила короткие прядки волос, а леди гем Эстиф только и хотела, что поставить

свои сто тридцать лет против чего угодно, предъявляемого Барраяром.

— Теперь — я в моей третьей шляпе…

«Ну вот, сейчас будет еще хуже?..»

— … мы подходим к проблемам гораздо большего, имперского масштаба.

Шив сощурил темные глаза, внезапно напрягшись — как и Грегор.

— Как вы прекрасно понимаете, Барраяру нет никакой реальной выгоды от агрессивных авантюр в локальном пространстве Архипелага Джексона. Но вы не можете не сознавать со всей определенностью, что положение кардинальным образом изменится, если Цетагандийская Империя — будь то напрямую или через марионеток — получит контроль над вашими входами в п-в-туннели. Мои аналитики утверждают, что дом Престен — на данный момент именно такая марионетка, нацелившаяся на монопольное владение п-в-туннелями.

Шив громогласно заявил:

— По установившейся традиции, подобным попыткам всегда противостоят альянсы других Домов, пусть даже и временные. Такое уже бывало. И не раз!

Грегор спокойно ответил:

— Два — уже в их пользу. На подходе — еще три.

— Фелл — крепкий орешек, так просто не раскусишь, — пожал плечами Шив.

— Барон Фелл — все еще — очень стар. По последним сообщениям.

— Это правда… — пробормотала Удине.

Грегор даже не моргнул.

— Так уж случилось, что Барраяр мог бы привлечь союзника в Архипелаге Джексона. Один союзник, на самом-то деле, лучше, чем пять, ввиду, э-э… аналогичных усилий по дестабилизации со стороны Цетаганды. Так что тайный союзник был бы более полезен.

— За эту десятипроцентную выплату от суммы найденного клада, — задумчиво заметил Шив, — вы могли бы себе подобрать не один Дом из выставленных на продажу.

— Да, но никакие денежные суммы не дадут гарантий, что факт покупки остается в силе. Если это не добровольный выбор.

— Хм…

Грегор поднял палец:

— Десять процентов — минус издержки.

Шив вопросительно поднял брови.

— Каким-то чудом, — продолжил Грегор, — ни-

кто не погиб в этой катастрофе в выходные.

— Вы хотите сказать, что не стали бы платить жизнями?

Грегор холодно на него посмотрел:

— Напротив. Я плачу чужими жизнями каждый день. Это та монета, которой Барраяр оплачивает мои ошибки с тех пор, как мне исполнилось двадцать. Но это значит, что пенсии семьям, потерявшим кормильца, идут первым пунктом, и их не урежут.

— Понимаю… — проговорил Шив.

— Продолжайте… — сказала Удине.

— Вместо этого я бы начал с подсчета текущих расходов прошлой недели и далее, по сегодняшний день, которые повлекла за собой эта чрезвычайная ситуация.

Шив вроде бы подтвердил кивком справедливость сказанного… но, пока он еще не вступил в пререкания, заботливая рука жены остановила его, сжав его руку в своей и пресекая необдуманные выплески эмоций. Это подействовало.

— Нам также требуется новое здание СБ. Судя по тому, что мы видели.

Шив, похоже, чуть оскалился? Или, может, улыбнулся. Саймон так широко распахнул глаза, что, казалось, он сейчас завопит от радости.

Гай Аллегре, которого минуту назад новый и несколько космический поворот беседы заставил сдвинуться на самый краешек кресла и напряженно слушать, снова удобно уселся, что должно было означать: «Итак, продолжим».

— Старое здание… крайне затруднительно оценить в его нынешнем местоположении. Некоторые считают, что это бесценная историческая реликвия.

— Один бетанский доллар? — подал кто-то реплику с другого конца ряда.

Грегор это проигнорировал, не поморщившись.

— В любом случае безусловно разумным решением будет депонировать определенную сумму на его возможную очистку или на то, чтобы от него избавиться.

— Хм-мм, — неопределенно отреагировал Шив.

— Гораздо более критическим является необходимость зарезервировать надлежащие суммы на мероприятия по ликвидации потенциального заражения от «Микобура», если в этом возникнет необходимость. Исключить этого мы пока не можем. А это как раз тот самый случай, когда урезание бюджета — недопустимо.

Двое присутствующих из Императорского на-

учного института навострили уши — позиция Грегора в данном вопросе сулила неплохое финансирование.

Шив тихонько взвыл. Но… за время визита он кое-что о Барраяре все-таки узнал — а потому не стал возражать. Понятно ведь, что тут-то как раз и можно увязнуть по самые уши — и никогда не выбраться. Хуже этого — только базарить насчет пенсий семьям погибших. Да и то под вопросом. Может, и не хуже.

Грегор едва заметно улыбнулся:

— Впрочем, я не только требую отдать то, что должно. Моя, э-э, хм-м… императорская рука может и даровать некие блага. Чтобы ускорить ваше с семьей возвращение на Архипелаг Джексона, я безвозмездно предоставляю вам в собственность скачковый корабль. Без вооружения на борту, но, как меня заверили, скоростной. — Грегор указал куда-то вверх — на орбиту, видимо.

Байерли это удивило настолько, что он поперхнулся и еле пролепетал:

— Яхта Формерсье? Вы хотите всучить это… это?.. — Он осекся.

— Декор, как мне объяснили, — вполне обсуждаем, но все механизмы в порядке. Мои инженеры проинспектировали корабль и гарантируют это.

Присутствующий здесь Форратьер уже путешествовал на нем и может подтвердить.

— Э-э… летает, да.

«То есть уберется отсюда куда подальше, а?..» Грегор вопросительно поднял бровь — понятно, что такой вариант его вполне устроит. Подальше отсюда… как можно дальше.

— Полагаю, можете повеселиться, устроив сногсшибательный аукцион, выставив эту яхту на продажу? Потом, как вы понимаете.

Шив переплел пальцы, и вид у него был очень даже довольный. Впервые за все утро.

— Уже предвкушаю эту развлекуху.

— Еще один подарок я намерен отправить в путь вместе с вами — моего личного связного. Опытный агент СБ и, насколько я понимаю, почти зять. Так как, смею надеяться, вы предпочитаете, чтобы важные дела не выходили за рамки семьи. — Грегор милостиво указал на Байерли, сидящего во втором ряду рядом с Риш. Та уставилась на Байерли, ничего не понимая.

А вот Бай, несомненно, это предложение Грегора слышал не в первый раз. Черт возьми, и когда он только успел?.. И столь же несомненно — это предложение Бая как-то не осчастливило.

— Там все… так непривычно, — только и смог

он сказать едва слышно.

Риш, успевшая оценить сложившуюся ситуацию и уже вполне оправившись от нежданного предложения, предложила:

— Может, я смогу тебе помочь со всем этим, Бай? Как говорится, ты — мне, я — тебе? Ну, не дрейфь, Бай!

Шив, обернувшись, посмотрел на нее, что-то прикидывая.

Аллегре тоже — правда, на свой лад — не преминул как-то подбодрить Байерли:

— Ваш куратор из внутренних дел уже выражал опасение, что вы застоялись, Форратьер. Вам просто необходимо сложное задание.

«Нет уж! Фигушки!» — одними губами произнес Бай, не поднимая головы и глядя в пол. Обернуться и сказать это в лицо Аллегре он не посмел.

Аллегре же продолжил вещать:

— Подходящее прикрытие оставляю на ваше усмотрение, — и на усмотрение Аркуа, разумеется. Хотя, как мне кажется, выбирать особо не приходится. — Он послал Риш многозначительную улыбку.

Шив и Удине переглянулись. Удине подняла голову:

— Позвольте нам покинуть аудиторию и пере-

говорить наедине. Это не займет много времени.

— Разумеется, — сказал Грегор.

Они вышли в коридор. Наедине в точном смысле этого слова они не были — охранники, как же без этого. Но все же их не слышали те, кто остался в аудитории. Шив и Удине отсутствовали достаточно долго. За это время многие воспользовались возможностью размяться, а заодно сходить за кофе и тем, что еще осталось от выпечки, а также посетить туалетную комнату. По просьбе Аллегре и Саймона полковник Отто запустил повторный просмотр своего цветного пособия. И еще раз. И еще. На разной скорости. Эмоции Саймона всегда было трудно прочесть, но непохоже, чтобы зрелище ему надоело.

Наконец Шив и Удине вернулись и вместе предстали перед Грегором.

— Грегор Форбарра, — провозгласил Шив. — Вы достойнейший внук вашего прославленного деда Эзара. — Он протянул руку. — Ваша сделка принята.

Грегор церемонно пожал руки обоим:

— Барон. Баронесса.

Непохоже, что при данных обстоятельствах он смог бы заставить себя сказать «спасибо». Но зато смог-таки сказать нечто более уместное в столь

нетривиальном случае:

— Желаю удачи в ваших будущих устремлениях.

Шив, который уже готов был уйти, снова обратился к императору:

— Император Грегор. У меня есть к вам одна очень личная просьба… — По едва заметному кивку Грегора он продолжил: — Мне бы доставило огромное удовольствие лично сообщить человеку по имени Виго Имола о том, в какую сумму оценили содержимое бункера.

Легкая заминка — в тренированном воображении Грегора одна за другой возникали самые зловещие картины закрутившегося за одиннадцать часов заговора. К счастью, на этом его воображение не остановилось. Слабая улыбка тронула губы императора:

— Пятнадцать процентов, так вроде бы? Кажется, я вас понимаю. — Он показал на Байерли: — Форратьер вас проводит.

Оруженосец впереди, секретарь за ним. Обычный порядок следования, но Грегор помедлил немного, прежде чем пойти к выходу из аудитории. Что там ждет впереди? Очередной кризис? Каждый новый день в трехпланетной Империи может преподнести незнамо какие сюрпризы.

Ох-хо-хонюшки… Не счесть историй, где некие типусы домогаются императорского трона. А ведь ни один из выше означенных не претендовал на императорский рабочий стол, каждое утро заваленный бумагами, — и все требуют неотложного решения. Если такие и бывали, то Айвен о них не слышал.

— Айвен. — Грегор чуть улыбнулся. — Капитан и леди Форпатрил, я хочу видеть вас завтра. Мой секретарь позвонит вам и сообщит точное время.

Глава двадцать пятая

Приказы, спущенные с самого верха, до уровня земли долетают с весьма приличной скоростью. Айвен на собственном опыте знал, что так оно и бывает. А потому ничуть не удивился, когда то, что последние четыре дня пребывало в подвешенном состоянии, быстро пришло в движение.

Депортация. Такая легенда оказалось очень удачной, так как была, собственно говоря, полностью правдивой. Но не полностью исчерпывающей. Да, конечно, Барраяр хотел побыстрее от них избавиться, но и дом Кордона хотел побыстрей покинуть планету, имея на то собственные причины. Поэтому Аркуа спокойненько проглотили эту, казалось бы, унизительную для них «депортацию». Как и превосходный прощальный обед, который устроила в их честь вдовствующая леди Форпатрил.

После чего все, кроме бабушки, спустились под надзором охранников СБ в отведенные для них апартаменты, чтобы упаковать вещи. А леди гем Эстиф перехватил Дув Галени и направился вместе с ней в кабинет Саймона. Там они вместе с Саймоном провели два часа, но этого времени

явно не хватило, чтобы выслушать рассказ о событиях за столетний период.

— Я собираюсь прикрепить к ним своего аналитика, полетит вместе с ними до Комарры или даже до Станции Пол, — сообщил он Айвену, уже связываясь по наручному комму, чтобы отдать соответствующие распоряжения. — Да, и еще бы хорошо кого-нибудь из аспирантов профессора Фортиц, если найдется подходящий. Это даст нам дополнительно пять или даже десять дней. Как бы я хотел сам с ними полететь!

Дув уже по комму вводил в курс дела профессора. Она, конечно, удивилась, но обещала свое содействие. Поиски нужного спеца в СБ заняли немного больше времени, так как не все оказались на месте, но Дуву достаточно было отдать команду, и тот, кому не повезло, мгновенно распростился со своими планами на Зимнепраздник. Айвен надеялся, что для них будет какая-то компенсация.

— По одним только рассекреченным документам можно будет написать штук двадцать диссертаций, — уверенно заявил Дув. — И защититься с отличием!

Да уж, вполне может быть, что для кого-то оно и есть желанное вознаграждение. О вкусах не

спорят.

— А вы что, это зачем-то секретили? Через сто лет? Не слишком ли параноидально — даже для СБ?

— Большую часть этих бумаг мы наверняка рассекретим, как только просмотрим. Но есть там кое-что о давней гем-хунте… э-э, впрочем, не важно. — Дув замолк с таким видом, словно чуть было не выдал страшную тайну. Помолчал и нехотя бросил: — Та книга по истории… я еще дал ее почитать леди Тедж.

— И что?..

— Похоже, придется делать новое издание — переработанное и дополненное.

Айвен проводил Дува в прихожую, и тот, занятый неотложными переговорами по комму, устремился к лифтам. «Восемь миллиардов марок, — крутилось в голове у Айвена. — Восемь! Миллиардов! А этого психа больше волнуют какие-то бумажки… Или истина? Интересно, дорого ли она стоит?»

Для полета до границ Империи на Станции Пол Грегор предоставил военного скачкового пилота и обеспечил яхту Формерсье экипажем. Айвен понял так, что это было сделано с двоякой целью — убедиться, что они прибыли: 1) туда и 2)

больше никуда. Десяти дней путешествия более чем достаточно, чтобы Аркуа успели связаться с кем захотят и заранее нанять новый экипаж для дальнейшего полета. Айвену очень хотелось надеяться, что они найдут надежных людей и не нарвутся на очередных «охотников за головами». Гагат воссоединится с Драгоценностями, а Амири расстанется со своей семьей на Комарре: там он пересядет на правительственный курьерский корабль и вернется, не привлекая внимания, в клинику Дюрона. А если какой-нибудь «охотник за головами» туда и забредет, это уже будет проблемой Лилли Дюроны и Марка Форкосигана. Или скорее — проблемой незадачливого охотника. Айвен задумался. Да, у охотника определенно будут большие проблемы.

Зато его, Айвена, жизнь явно налаживается. Хотя нет — еще не совсем. Есть еще маленькие тучки на горизонте. И Айвен, немного волнуясь, вышел из квартиры маман и спустился вниз, чтобы отловить Тедж.

* * *

Тедж не могла уже больше слушать трескотню Амири о том, как он ждет не дождется возвращения на Эскобар. Она забрела во временную спальню

родителей. Квартира была наспех меблирована взятыми напрокат кроватями и каким-то количеством диванов и стульев — все это доставили в тот же день, когда барраярские власти выгрузили сюда после спасения семейство Аркуа. Питались они наверху, у леди Элис, и такое временное пристанище всех вполне устраивало.

Баронесса вместе с леди Элис — точнее, стилист леди Элис под присмотром вышеозначенных дам — уже заканчивали паковать вещи в дорогу. Когда вошла Тедж, баронесса как раз объясняла:

— …вовсе я ничего подобного не планировала, но ведь так и будет. Надо проявлять гибкость, как говорит Шив… — И резко замолчала, увидев Тедж.

Обе маменьки искоса глянули на нее, застигнутые врасплох. Впрочем, если леди Элис и выказывала некоторое смущение, то баронесса… Да, она поджала губы, но всерьез на Тедж вроде бы не сердилась.

— Удине, мне надо на минутку подняться наверх, — негромко сказала леди Элис и обернулась к Тедж. — Полагаю, мы еще увидимся позже. — Она дала знак стилисту следовать за ней и удалилась.

Тедж и сама не знала, благодарить ли леди

Элис за подобную тактичность. Квартира была, конечно, вполне просторная, но Аркуа здесь просто-таки кишмя кишели. Что — вкупе со всеми проблемами, которые они обрушили себе на голову — помогало Тедж избегать задушевных разговоров с баронессой наедине.

Баронесса нервно подергала короткую челку — этот жест появился у нее совсем недавно. Тедж надеялась, что волосы отрастут быстро.

— Ты уже собрала вещи? — резко спросила баронесса.

Тедж собралась с духом, гордо выпрямилась и сказала:

— Нет. И не буду.

Баронесса скептически окинула ее взглядом.

— Видишь ли, когда мы с твоим отцом велели тебе оставаться с твоим барраярским мужем, так это просто потому, что так ты могла избежать ареста или иных санкций со стороны барраярцев.

— Я так и поняла.

— Но конечно же, мы не имели в виду…

— Не имели в виду что? — уточнила Тедж.

Баронесса откашлялась и уверенно заявила:

— Это была уловка, Тедж. В тот момент никто бы не смог предвидеть, что все закончится для нас столь благоприятно. Мы хотели защитить те-

бя. Если не сами, пусть это сделает хоть кто-то…

«Кто-то, кто должен со мною нянчиться?» Почему бы и нет, раз уж от Риш сейчас толку мало.

— Да. Но когда я сказала, что остаюсь с Айвеном Ксавом, я имела в виду именно то, что сказала.

Баронесса досадливо отмахнулась:

— Нас всех повезут в космопорт через час. Это, несомненно, слишком короткий срок, чтобы заключить такую пожизненную сделку.

«В первый раз я это сделала за одну минуту…» Ну да, разумеется, временно.

— А долго ты принимала решение, что тебе нужен папа? — спросила вдруг Тедж.

— При чем тут папа? — осадила ее баронесса. — Обстоятельства тогда были совсем иными.

— Конечно. — Тедж прикусила губу, скрывая улыбку.

— К тому же «хотеть что-то сделать» и «устраивать» — совсем не одно и то же. Последнее требует планирования… действий… а порой и…

— Гибкости?

— Да, именно так. — Баронесса уже поняла, что Тедж нарочно пытается перевести разговор и вернулась к прежней теме: — В любом случае если ты не хочешь… Мы с твоим папой подумали… Ты ведь можешь просто прокатиться с нами. Хотя

бы до Станции Пол? Так мы сумеем еще немного побыть вместе.

От такой перспективы Тедж просто пришла в ужас. Вы только представьте, она и все ее семейство… И всех их засунут в «не слишком большой», как дал понять Байерли, корабль. Удрать с которого столь же нереально, как и из подземного бункера. «Мы уже провели вместе двадцать пять лет, баронесса. Может, как раз самое время сделать перерыв?»

— Как мне кажется, нам лучше попрощаться прямо здесь. Военный космопорт не самое подходящее место. Я видела, что это такое, и, надо думать, вас погрузят на корабль в ускоренном темпе.

— Надо думать, что так, — откликнулась баронесса. Относительно космопорта ей явно было нечего возразить. — Как-то уж слишком впопыхах, на мой взгляд.

— У нас было четыре дня. Могла бы предположить нечто подобное.

— Или нечто вроде заключения на Барраяре? А это потребовало бы совершенно другого плана. Мы эти четыре дня и не думали ни о каких прощаниях!

«А я думала. Никто и не заметил». Впрочем,

честно говоря, у них и так хватало о чем подумать.

— К тому же у меня гиперчувствительность к скачкам. А это будет десять скачков. Пять в каждую сторону.

— Ты… можешь ведь раздумать возвращаться? Ты сможешь свободно выбирать, если будешь уже на Станции Пол.

«Ага, это и есть твой тайный план?»

— А если и так? Это ведь значит — еще больше п-в-переходов в дальнейшем? И, кроме того… — Тедж вздохнула, — свободно выбирать я могу прямо сейчас. Прямо здесь. И я выбрала. — «Может, мне заорать, чтобы все это услышали?»

К счастью, не пришлось. Баронесса, помолчав, ответила так:

— Наверное, здесь ты будешь в большей безопасности. Во всяком случае, на ближайшее будущее.

Конечно. Ее семья ведь не направляется прямиком домой. Не надо об этом забывать. Хотя Станция Фелл, пока там у власти старый барон, станет для них защищенной отправной точкой.

— У вас будет Байерли. — Тедж помолчала в сомнении. — А еще средства на войну. Сколько там? Четыреста миллионов барраярских марок?

— Это всего сто миллионов, если в бетанских долларах, — немедля уточнила баронесса. — Несколько значительных взяток, сколько-то компетентных наемников, и сумма быстренько уменьшится. Какие-то пять процентов! Этот пройдоха Грегор нас сделал! — Тедж понимала: в этом заявлении ничего против Грегора лично, только бизнес.

— Не сомневаюсь, вы с папой как-нибудь сумеете свести концы с концами, — парировала она. — Вы оба очень умные.

— Задача непростая… — Баронесса… нет, она не роптала на судьбу. — Но когда мы доберемся до этих Престенов, расплата будет славной!

— Да, пусть они за все заплатят! — охотно согласилась Тедж, радуясь, что переключила мать на более позитивные мысли. По ее меркам.

— Что ты нашла в этом барраярском мальчике? — обиженно вопросила баронесса, вернувшись к прежней теме, хотя Тедж приложила немало усилий, чтобы ее отвлечь. — Похоже, он не особо честолюбив?

— Хм-м… — Тедж не стала говорить, что ей-то как раз это в нем нравится, и ответила так: — Наверное… все то, что он во мне нашел.

«А вот ты — нет».

Баронесса с сомнением на нее поглядела.

— И что это, милая? Кроме твоей фигуры, конечно. — Это она принимала как данность, хотя бы в отношении Айвена Ксава.

«Все, баронесса». С другой стороны… надо ли пытаться пробить лбом стену, пытаясь решить проблему, которая очень скоро решится сама собой? Примерно через час. Вот как рассуждал бы Айвен Ксав. Правильный подход, можно расслабиться. Для них с баронессой жизнь на разных планетах особо привлекательна еще и потому, что они обе не будут пытаться друг друга исправить. Тедж невесело улыбнулась и чмокнула мать в щеку.

— Восхищение его фигурой.

— Тедж! — Баронесса украдкой коснулась рукой щеки.

Тут как раз вернулись папа и Байерли. Барон, похоже, пребывал в наилучшем настроении. Следом за ними вошел Айвен Ксав. Так что тягостное выяснение отношений между матерью и дочерью закончилось. Пока. До следующего раза. Тедж хотела бы надеяться, что это может когда-нибудь измениться. Но ведь это значит, что баронесса когда-нибудь может измениться?

Тедж, Риш, Байерли и Айвен Ксав ненадолго

встретились в гостиной, где повсюду лежал упакованный багаж.

— Как все прошло у вас с Имолой? — спросила Тедж у Бая.

— По-быстрому. Без лишних слов. — Байерли помахал рукой. — Моя задача как бы и состояла в том, чтобы воспрепятствовать длительной беседе. Но этого и не потребовалось. Надо было видеть, как его перекосило. — Он ненадолго погрузился в размышления. — А тюремная оранжевая роба… нет, определенно не его цвет. Все прошло вполне, вполне удовлетворительно.

— А ты как? — спросил Айвен Ксав.

Байерли скорчил страдальческую гримасу, показывая всем видом, какой он несчастный, и при этом кокетливо глянул из-под длинных ресниц на Риш, которая прислушивалась к разговору.

— Ни минутки свободной, а как иначе? Мне еще надо будет успеть освободить квартиру и сдать все на хранение. Я упаковывал вещи в последнюю ночь. Это все равно что пытаться решить, что вытаскивать из горящего здания. Я вроде как удрал в последний момент, меня должны были арестовать. В этом грандиозном ограблении я был в сговоре с твоими свойственниками. Мне уготована роль барраярского изменника. — Он

встал в позу. — Моральная деградация или что-то вроде.

— Не переживай, все будет хорошо, — стала утешать его Тедж.

— На этом проклятом Архипелаге Джексона? Там врагов убивают и сжирают.

— Мы так не делаем! — возмутилась Риш.

Байерли отмахнулся:

— Конечно, я говорю метафорически. — Но лицо у него было такое, будто он не совсем в этом уверен.

— Что ж, если ты надумаешь прыгнуть выше головы, просто попытайся вызвать дух твоего прапрадеда Пьера Кровавого, — посоветовал Айвен Ксав. И после паузы добавил: — Или твоей прапрабабки. Кого уж получится.

Бай презрительно ухмыльнулся.

Айвен Ксав улыбнулся в ответ и пояснил Тедж и Риш:

— Говорят, что Кровавый боялся только двоих: свою жену и Дорку Форбарру. Впрочем, насчет Дорки высказываются сомнения.

— Да ну, неужели правда? — Тедж подумала, что после этих пояснений золотые бокалы, из которых они пили воду в ту ночь в туннеле, становятся пост-фактум более интригующими.

— Семейная история Форратьеров, — сообщил ей Бай, — по сути есть источник весьма сомнительных сведений. Не слушай Форпатрила. — Он вздохнул. — Хотя и так очевидно, что будешь слушать. Мои поздравления, Айвен, если не удалось это сказать раньше.

— Спасибо, — ответил Айвен Ксав.

А потом настало время всем таскать вещи вниз в гараж, где уже ждали три шикарные правительственные машины. Не иначе, как к этому приложила руку леди Элис: ведь Аркуа запросто могли довезти в одном большом тюремном фургоне.

Еще в гараже были двое в черных с серебром ливреях. В гараж они приехали на неприметной машине и сейчас перенесли в багажный отсек одной из шикарных машин пару знакомых тяжелых ящичков со старой печатью Девятой Сатрапии на крышке. Старший из них подошел к барону с баронессой:

— Наилучшие пожелания от моего августейшего господина. Он велел вручить этот сувенир на память о вашем визите. Это поможет избежать задержек в пути.

Папа удивленно поднял брови. Тедж попыталась посчитать стоимость сорока четырех

килограммов старых цетагандийских золотых монет в бетанских марках или барраярских долларах, но она совсем не знала цен на рынке антиквариата.

— Ровно два ящичка из сорока, — тихонько пробормотал папа. — Пять процентов. Какая точность. — И, повернувшись к оруженосцу, громко произнес: — Передайте вашему августейшему господину, что барон и баронесса Кордона принимают этот памятный сувенир с той же радостью, с какой он был подарен.

«А не слишком ли язвительно, папа?» Однако оруженосец принял сказанное совершенно спокойно и отбыл вместе со своим товарищем. Тедж не сомневалась, что он дословно передаст своему повелителю ответ барона. Основная часть выплаты будет позже и самым обычным образом — переводом по сжатому лучу. А стоимость этих ящичков будет педантично удержана.

Леди Элис и Саймон тоже спустились в гараж, придав прощанию некую официальность. Папа подошел к Айвену Ксаву и Тедж.

— Мне говорили, что на барраярских свадьбах отцу полагается отдавать невесту жениху. Это меня поразило, то есть ее оценивают слишком низко?

— Просто фигура речи, сэр, — заверил его Айвен Ксав. — На самом деле бракосочетаниям высших форов предшествуют многие месяцы закулисных переговоров о мельчайших деталях брачного контракта.

— Что ж, это немного лучше, — признал барон. — Ведь навыки вашего Грегора в ведении дел на чем-то основаны, верно?

— И, в конце концов, в обмен вы получили Байерли, — добавил словно бы в утешение Айвен Ксав.

Барон сдержанно улыбнулся:

— Да, знаю… — Он обратился к дочери: — Твоя мать сказала мне, Тедж, что передавала тебе приглашение отправиться с нами до Станции Пол, да?

— Да, папа, — кивнула Тедж. — Но я остаюсь здесь. — Она крепко сжала руку Айвена Ксава, и он накрыл ее ладонь своей.

— Ты ведь меня знаешь, нет такой вещи, как последний шанс — по эту сторону смерти, — сказал папа. — Если когда-нибудь ты захочешь приехать домой…

— Спасибо, папа, — искренне ответила она.

И насколько ей удалось улучшить свою карму, не указав барону, что ему, собственно, некуда

ее приглашать — за неимением дома? Нет, все правильно, так и надо. Тедж вдруг захотелось обнять папу, она положила руки ему на плечи и заглянула в глаза. Для нее стало настоящим потрясением то, что они с отцом одного роста.

— Папочка, ведь все вы улетаете с Барраяра свободными, на собственной яхте и имея деньги на ведение войны. Не такой уж и плохой расклад, правда? Не говоря о тайном союзе с Грегором. Вряд ли сейчас какой-нибудь наследник Дома смог бы предложить за невесту такую цену? Это просто роскошно, как и подобает правителям. Барраярцы, они такие. И как думаешь, получили бы вы хоть что-нибудь из этого, если бы я не вышла замуж за Айвена Ксава?

— Хм…

— Ты заключил великую сделку. Не провали ее!

— Но это не я заключил сделку, и не на него, — стал возражать папа в обычной своей манере. — Я всегда думал, что это будет ради твоего блага!

— О да, конечно. — Губы Тедж сложились в улыбку. — Но Айвен Ксав — это подарок. — Она потянулась к нему и поцеловала в щеку. И, как обычно, барон умилился, приласкал ее и отвлекся от неприятных мыслей.

Тедж вернулась к своему барраярскому мужу и взяла его за руку.

— Ну, что ж… позаботьтесь о ней, капитан Форпатрил. — Папа церемонно пожал руку Айвену Ксаву. Внезапно взгляд его прищуренных глаз сделался холодным и давящим, а рукопожатие превратилось в стальной захват. — И знай, если ты этого не сделаешь… тебе от меня не скрыться.

— Вне всяких сомнений, сэр! — заверил его Айвен Ксав. Тедж с гордостью отметила, что Айвен Ксав не дрогнул.

— В этом нет необходимости, папа, — процедила Тедж сквозь зубы.

— Да-да, Тедж, малышка…

А потом были последние объятия, крики, слезы… И вот фонари машин с щелчком захлопнулись, заурчали моторы, и… повисло молчание. Более золотое, чем цетагандийские монеты.

Потирая ладонь о брюки, Айвен Ксав жалобно поинтересовался:

— Когда на Джексоне спрашивают: «Кого мне ради тебя убить», то обычно так хотят сказать: «Я тебя люблю»?

— Не все, только папа, — вздохнула Тедж. — Хотя баронесса еще опаснее — она может вообще не спросить.

— Ой! — только и сказал в ответ Айвен Ксав.

— Я читала вашу историю, — обняла его Тедж. — Только не говори мне, что кое-кто из твоих предков думал иначе. Зачем далеко ходить, достаточно вспомнить твою тетю Корделию и тот знаменитый подарок к Зимнепразднику, который она преподнесла твоему дяде Эйрелу, а ведь она даже не барраярка! Это правда были отрезанные головы?

— Всего одна! — возмутился Айвен Ксав. — И хочу сказать, — с достоинством добавил он, — я намного более современный барраярец!

Тедж удалось сохранить серьезность:

— Нисколько в этом не сомневаюсь, лорд Форпатрил.

* * *

Их аудиенция с Тем Самым Грегором на следующее утро была весьма непродолжительной.

— Йилла? — озадаченно сказал Айвен Ксав. — Черт ее знает, где эта Йилла?..

Эпилог

Назначение старшим военным атташе в барраярское консульство на планету Йилла, может, и вызвало бы у Айвена больше положительных эмоций, будь там еще хоть какие младшие военные атташе. Или, конечно, хоть какие вообще сотрудники, кроме консула. Тот уныло досиживал на этой планетке, отнюдь не ставшей венцом его дипломатической карьеры, годы, оставшиеся до выхода на пенсию, — жутко скучал по дому и потихоньку спивался. Айвен и Тедж прибыли в городишко размером не больше половины Нового Эвиаса в Округе Форпатрилов, который здесь считался промышленной столицей планеты. В этом полушарии была зима: дождливая, холодная, туманная и унылая. Для Тедж, с ее гиперчувствительностью к скачкам, на пути сюда скачков этих оказалось слишком много и следовали они чуть ли не подряд. Она совершенно измучилась и чувствовала себя полной развалиной, так что все здесь принимала с безмолвной покорностью, и только при виде предоставленной им обшарпанной служебной квартиры тихо и жалобно застонала.

Нет уж — так дело не пойдет… Айвен развил бурную деятельность в консульстве, хотя усилий для этого потребовалось не больше, чем в тихий день в Генштабе. Причем Айвен начал жестко вводить эффективность — в стилистике оперативного отдела — в применении к своим обязанностям, а когда с этим покончил — к консульским. У него не заняло много времени подсчитать: для того, чтобы девяносто пять процентов дел консульства производились успешно, достаточно только наличия должным образом действующей планетарной комм-сети, и, исходя из этого — консульство может базироваться где угодно, если выполнено условие наличия космопорта. Не намного больше времени потребовалось и для того, чтобы присмотреть место с более здоровым климатом, отвечающее этому условию. И вот уже все имущество и комм-пульты водворены в новый офис консульства — на обширном, восхитительном острове близ экватора, — не прошло и трех недель пребывания Айвена на этой планете. Вдобавок в активе консульства оказались неизрасходованные средства, которые перешли в новый бюджет, что позволяло нанять клерка. Тедж расцвела под тропическим солнцем, как прекрасный цветок. К концу первого месяца

пребывания служебные обязанности отнимали у Айвена едва ли три утра в неделю. И, кроме нечастых визитов на орбитальные станции, он пребывал, так сказать, в свободном плаванье.

Кстати, не то чтобы народ много плавал в здешних огроменных океанах, — как с использованием плавсредств, так и без оных. Потому как у человека при контакте с местной морской водой появлялась странная сыпь, а сами человеки были высокотоксичной закуской в рационе туземных морских чудовищ. А чудовища эти проявляли, надо сказать, непроходимую тупость, продолжая жрать человеков и не желая понимать, насколько это вредно для их здоровья. Но, несмотря на все эти досадные мелочи, с веранды их дома за бассейном открывался восхитительный яркий вид.

Он помахал Тедж — на фоне океана, в гамаке, она смотрелась весьма неплохо, — да и сами морские дали радовали взор. Для человека без особых претензий жизнь на Йилле была прекрасной и очень дешевой, что тоже повод для радости. А уж при более щедром бюджете — так и вовсе лучше не придумаешь.

— Почта пришла! — сообщил он Тедж.

Тедж с улыбкой посмотрела на него и отложила в сторону наушник.

Сообщения по сжатому лучу приходили из дома в лучшем случае нерегулярно, что неудивительно при таком количестве п-в-переходов. Они могли доходить не в том порядке, отдельными фрагментами или скомканными все вместе. Сегодняшняя доставка оказалась именно такой. Айвен вручил Тедж диск, чтобы та вставила его в свой считыватель на столе рядом с многообещающим кувшином и парой стаканов: один был налит до половины, а другой перевернут вверх дном — только его, Айвена, и дожидается.

— Это у тебя чай со льдом или фруктовый коктейльчик?

— Фруктовый коктейльчик. Налить?

— Ага, наливай!

Он скинул сандалии, забрался в другой конец гамака, лицом к Тедж, устроился поудобнее, подложил под спину подушки, взял в руки свой считыватель и переплел босые ступни с ногами Тедж. Она сильно загорела: цвет кожи сделался почти таким же красно-коричневым, как у Шива. Но ей этот цвет шел гораздо больше, и глаза ее цвета выдержанного хереса сияли ярче, чем любимый золотой браслет на лодыжке. Этот браслет и условный купальник составляли сейчас все одеяние Тедж. Браслет с монетами Девятой Сатрапии

и еще кое-какие сногсшибательные безделушки она получила в подарок на день рождения от любящего папы несколько месяцев назад. Что же касается купальника, у Айвена были на его счет определенные планы. Долой купальник! Кому он нужен? Не сейчас? Хорошо, немного позже… А звенящий браслет пусть остается.

— Много дел было утром? — спросила она, когда гамак перестал раскачиваться.

— Да нет, вообще-то. В основном занимался своим первым годовым отчетом, пришлось вносить некоторые исправления.

Она изумленно подняла брови.

— Вот уж не думала, что это понадобится. Консул вроде бы очень доволен твоей работой?

— Еще бы. Просто немного скорректировал неумеренные восторги, прежде чем отправлять его по сжатому лучу домой. А то мало ли кого и на какие мысли это может навести. Например, перевести меня. Куда-нибудь еще, но только не обратно домой.

— А как ты думаешь, когда нам разрешат вернуться на Барраяр?

— Грегор говорил насчет двух лет — год назад. Вроде бы ничего с тех пор не изменилось, во всяком случае, мне об этом ничего не известно.

На самом деле Грегор сказал тогда вот что: «Черт побери, Айвен! Да ты хоть понимаешь, что потребуется года два, чтобы вся эта хрень подзабылась? И это как минимум! О чем ты только думал?» Айвен счел это чуток несправедливым, но для подобных высказываний момент был неподходящий. После чего Айвену дали 26.7 часов, чтобы выместись с планеты с вещами. Все равно что бежать из горящего дома сломя голову, прихватив что под руку попадется.

Наступило недолгое молчание, оба углубились в чтение почты.

— Ну, и что там у тебя интересного? — спросила Тедж.

— Поздравления с днем рождения от адмирала Деплена. — Тридцать шестой день рождения Айвена прошел очень приятно, две недели назад. Они остались дома. — Говорит, что тот, кто работает на моем месте, квалифицированный парень, но нет у него моей политической сметки. И он не столь забавен, — спасибо, адмирал! Что ж, думаю, ему меня не хватает. Но он вовсе не склоняет меня подумать о возвращении в оперативный отдел, потому что к тому времени, когда смогу вернуться, я пойду на повышение, если я правильно его понял.

— Наверное, правильно, — сказала Тедж, трогательно веря в его способность правильно интерпретировать малейший намек старших офицеров. В данном случае это было вполне оправданно.

— Что-нибудь получила с Архипелага?..

— Письмо от Риш. Сплошное расстройство. Писать она терпеть не может, поэтому никогда не пишет подробности, а записи от нее вовек не дождешься, жаба задушит. — Тедж обиженно барабанила пальцами по считывателю.

Написанные сообщения были, безусловно, наименее дорогим видом связи по сжатому лучу, проходящему долгий и извилистый путь через п-в-туннели, потому-то все, кто посылали письма в такую даль, как Йилла, и делали это в виде текстовых сообщений.

— По ее словам, ремонт на Станции Кордона почти завершен. Драгоценности воссоединились и уже дали первое публичное представление, после того как Топаз восстановили ноги. Надеюсь, баронесса выследила ту престенскую мразь, которой это пришло в голову. — Она нахмурилась. — Лично.

Айвен не был знаком с Топаз, но он тоже на это надеялся. Ампутация — несравнимо более жесто-

ко, чем сбрить волосы. Вроде бы это приказано было сделать в отместку за то, что Топаз помогла барону с баронессой спастись из плена. Теперь ее верность вознаграждена — хорошо. Замкнутый круг мести… Лучше этого вообще не касаться, подумал Айвен.

— А твой брат Эрик? Они выяснили наконец, можно ли его оживить после криокамеры?

— Э-э, да, можно, но… — Тедж подняла брови. — Его решили подержать на льду еще какое-то время. Ты ведь знаешь: то, что Престен захватил Станцию, отчасти объясняется помощью изнутри? Оказывается, Эрик как-то в этом замешан. Устал ждать наследства? Так что он получил свою награду от Престена — впрочем, несложно было сообразить, что ничего другого он не дождется… разве что — его убили потому, что он понял, к чему все идет и стал с ними сражаться, уже под конец. Да, еще Риш говорит, что можно для него сделать скидку — он хотел силой отправить папу в отставку, но не замысливал отцеубийство. Так что явно нашелся кто-то, кто решил сократить эти издержки. Папа и баронесса, должно быть, об этом уже знали, но тогда, на Барраяре, они даже не намекнули… В общем, парень теперь точно вне игры. Думаю, родители какое-то время

подержат его в запасе, чтобы иметь возможность припугнуть Гулю и Звезду, — это если они не перестанут собачиться друг с дружкой, кому быть наследницей. Только так и можно удержать их в одной упряжке…

Айвен отогнал возникшую вдруг картинку: криокамера Эрика Аркуа используется как кофейный столик. Все Аркуа вместе… бр-р! Полный бред. Хотя… кто знает?

— И что?.. Его вообще-то оживлять собираются?

— Через несколько лет, как мне кажется. Когда Звезда и Гуля утвердятся на месте. И тогда он станет их маленьким братцем. — Почему-то Тедж злобно ухмыльнулась. Айвен предпочел не знать, какими семейными воспоминаниями была вызвана эта усмешка. — Другими словами, внутренняя политика дома Кордона уже почти нормализовалась. Как же я рада, что я здесь, а не там… — Монеты на лодыжке зазвенели, когда она провела ступней по ноге Айвена.

— И я рад, — сказал он от всей души. — Про Байерли она что-нибудь пишет?

Тедж быстро просмотрела послание.

— Нет, ничего. Но случись с ним что-то страшное, она бы написала, пожалуй. Так что, думаю,

все в порядке.

— Мне он написал. Какая дата на твоем?.. — Выяснилось, что ему Бай написал почти на неделю позже, чем Риш, а значит, — все в порядке. Пока что. — Во всяком случае, я не могу упрекнуть Байерли, что он пишет или говорит слишком мало. Хотя искать, что он, собственно, хотел сообщить в таком обширном послании, — немного схоже с безрезультатными поисками мяса в тех «мясных шариках», которыми торгуют лоточники на Большой площади… Что за!.. — Айвен присвистнул и чуть было не вывалился из гамака, подпрыгнув от удивления.

Тедж уставилась на него во все глаза, ожидая чего-то интересненького.

— Та самая брошь… помнишь, твоя бабушка подобрала с пола в бункере?..

— Да, помню. И?..

— Бай наконец-то выяснил, что это за фигня.

— Я вот подумала, что это биооружие аут-леди, но не хотелось тогда говорить. Нам ни к чему было еще больше усложнять себе жизнь, надо ведь было вернуться домой, а не сесть за решетку. Так что, если она и собиралась опробовать биооружие на Престене, это было их дело — ее, барона и баронессы. Барраяр тут совсем ни при чем, да?

— Все куда интереснее. — Айвен заморгал. — И Барраяр тут очень даже при чем. Похоже, что в бусинах этой броши — примерно сто тысяч генетических образцов барраярцев, родившихся в Округе Форбарра до окончания Периода Изоляции. Это та самая генная библиотека!

— Ой!.. — Тедж помолчала. — Барраярцы сильно разозлятся?

— Я… не уверен. То есть мы ведь никогда не знали…

— Теперь знаете. Байерли доложит, так ведь?

— Ага. — Айвен читал дальше. — Ты можешь… ладно, не ты, — какой-нибудь псих — клонировать всех наших предков из этих образцов. Теперь понимаешь? Интересно, есть там кто-нибудь из знаменитостей?

Тедж склонила голову, обдумывая.

— Может стать прибыльным делом.

— «Купите себе собственный клон принца Ксава»? Или того хуже, императора Ури Безумного? Боже ты мой… Нет!.. — Его глаза, скользящие по строчкам, вдруг полезли на лоб. — Леди гем Эстиф предложила Звездным Яслям выкупить!

— Это ужасно, — сказала Тедж, осуждающе покачав головой. — Нельзя же так! Ей надо было устроить аукцион между Звездными Яслями

и Барраяром, уж по крайней мере! Баронесса могла ведь посоветовать. Что пользы устраивать аукцион с одним участником торгов?

Айвен молча проглотил это типично джексонианское заявление.

Тедж с жаром продолжала:

— Что они ей предложили? Не могу поверить, что Бай это не разузнал.

— Как же, разузнал. Десять миллионов бетанских долларов. Она назначила передачу товара в нейтральном месте — дом Дайн, да?

— Вполне разумно, — кивнула Тедж.

— Пока Байерли расшибался в лепешку, пытаясь стащить эту штуку… Ага, смотри, он и вправду сначала предложил купить! — но тщетно. Риш… видимо, отказалась принять чью-либо сторону. Как бы то ни было, привлекли полномочного представителя Звездных Ясель, настоящую аут-леди, в своем шаре и все такое, хотя… ведь никакой уверенности, кто там внутри? Интересно, а не Пел ли это была?.. В общем, эта аут-леди проделала весь путь от Эты Кита до Архипелага Джексона — надо полагать, с чемоданом, полным чеков на предъявителя. Что весьма неудобно… Вполне возможно, и даже наиболее вероятно, — они сделали одну элегантную ма-

ленькую карточку, — но отряд телохранителей ее сопровождал в любом случае. А у этого типа из Дайна уже было на руках гарантийное обязательство, по всем правилам оформленное и готовое к вручению. И тут леди гем Эстиф кладет брошь в маленький силовой пузырь, очевидно, со скрытым плазменным зарядом, отходит назад и взрывает — ослепительная вспышка, без каких-либо других видимых эффектов, превращает брошку в облачко газа. Прямо у них на глазах. Бай пишет, что у него чуть не случился сердечный приступ. И что уж лучше бы случился.

— Вот это да! — выдохнула Тедж.

— Но зачем? Зачем обращать в прах фактически десять миллионов бетанских долларов?

— У-у, бабушка… — Тедж поджала губки, потом отпила глоток фруктового коктейля, явно обдумывая услышанное. — Бабушка была вне себя от ярости, что ее отбраковали из аутов.

— Это было сто лет назад! Она что, больше века таила злобу?

Тедж кивнула:

— Это… девчачьи штучки. В стиле гем Эстиф-Аркуа.

— Боже ты мой…

«Может, и мне стоит помнить про их фирмен-

ный стиль?»

Тедж усмехнулась, не разжимая губ, и на мгновение Айвен увидел в ее чертах Шива.

— А что родители думают обо всем этом?

Айвен стал читать дальше. Баю не мешало бы придерживаться того самого правила «точность, краткость, доходчивость», но, может, Аллегре предпочитал другой стиль докладов. Видно было, что Бай творил это послание в расстроенных чувствах. В истерике — если быть более точным.

— Баронесса посчитала это расточительством. Барон просто рассмеялся.

— Хотя анекдоты про тещу неизменно популярны, — задумчиво сказала Тедж, — бабушка и папа всегда ладили. Думаю, потому, что всю свою жизнь до барраярской аннексии Комарры она следовала правилам, какими бы дурацкими они ни были, и ради этого много претерпела. А папа как раз и научил ее тому, как их нарушить. И вырваться из их оков.

— Бай еще спрашивает: кто-нибудь из нас — наверное, он тебя имеет в виду — знает? Про брошь, судя по всему, хотя понять затруднительно.

— Нет, — покачала головой Тедж. — Можешь передать ему.

— Я так и думал.

Айвен наконец попробовал свой холодный фруктовый коктейль — и причмокнул от удовольствия. Тедж дальше просматривала почту.

— А! Вот письмо мне от твоей матери, — сказала она. — Они с Саймоном благополучно вернулись из большого турне по галактике. Никто их не пытался убить, похитить и устраивать всякие пакости. Хотя она говорит, что немного испугалась за тау-китянских таможенников, но ей удалось успокоить Саймона…

Изгнание леди Элис и Саймона даже и близко не походило на приказ покинуть планету в течении суток, как у Айвена с Тедж. Это было не более чем пожелание, переданное императрицей Лаисой своей неизменной помощнице по связям с общественностью: той давно уже пора отдохнуть от дел — чудесные продолжительные каникулы пойдут ей на пользу. Айвен не сомневался, что те, кому надо, несомненно уловили в этой фразе все нюансы того, что хотел сказать император. Айвен вспомнил кое-что на эту тему из их последней беседы с Грегором…

Грегор расхаживает по кабинету, явно сердится. Вдруг развернулся и воскликнул:

— Но Саймон… какого черта?

Айвен помедлил. Была надежда, что вопрос

риторический, но надежда эта умерла, никем не оплаканной… Что ж, пришлось рискнуть:

— Полагаю, он заскучал, Грегор.

— Заскучал! — Грегор резко затормозил и сдал назад. — Я думал, он выдохся.

— Сразу после поломки чипа, конечно. Какое-то время все — даже маман и сам Саймон — полагали, что есть хрупкая надежда на то, что он выздоровеет. Только это оказался очень длительный процесс. Тихо и незаметно — а Саймон все делает именно так, — он стал поправляться.

— За это я должен благодарить твою мать.

Ага, это точно. Айвена пробрала дрожь: биография пост-чипового Саймона без Элис оказалась бы существенно короче.

— С ним все прекрасно, когда она с ним. Но, должно быть, она много времени проводила во дворце, а Саймон был предоставлен сам себе. Так что стоило только появиться Шиву и нажать на нужные кнопки… и вот, что из этого вышло.

Грегор угрюмо размышлял, что же из этого вышло для всех и каждого по отдельности.

— Понимаю…

— Я думаю, ему нужно чем-то заняться. Но не все время работать. А так, время от времени. Разное. И не слишком похожее на его прежнюю

работу.

— Это… надо будет тщательно обдумать.

Айвен надеялся, что их долгое путешествие предоставило Грегору достаточно времени на обдумывание. Кстати, Айвен далеко не сразу сообразил, что в отношении Аркуа Грегор в конечном итоге принял план Иллиана — более или менее, — несмотря на сарказм, который он излил на Саймона при том их разговоре. И, похоже, что это работает, — пока, во всяком случае.

Тедж, все еще читая письмо, — маман иногда любит поболтать, — делилась новостями:

— О, отлично, открыли новое здание СБ. И не напротив старого. Они нашли другое место. Там, где под ним не будет столько полостей в грунте.

— Как это любезно с их стороны, — заметил Айвен. — Майлз часто говорил, что преимущество работы в штаб-квартире СБ — уже одно то, что ты не видишь саму штаб-квартиру СБ.

— Они пригласили Саймона перерезать ленточку… как мило. Она говорит, здание хотели назвать его именем, но он твердо отклонил эту честь.

— Полагаю, они еще к этому вернутся после его смерти… — Айвен добрался до следующего письма. — Хм. Тетя Корделия мне пишет.

— Мне было очень приятно познакомиться с ней и с твоим дядей Эйрелом, когда мы останавливались на Зергияре, — сказала Тедж.

— Она пишет, что ты ей тоже понравилась. А еще, что мы непременно должны заехать к ним на обратном пути. Она вроде как считает, что нам разрешат вернуться — это обнадеживает. Саймон и маман заглянули к ним как раз по пути домой. Видимо, этим и вызвано это письмо. Еще она пишет, что Саймон с Эйрелом с удовольствием съездили посмотреть новое поселение… она так рада возможности повидать Элис… та рассказывала про их приятный визит на Колонию Бета, да, маман мне об этом тоже, конечно же, писала… что?

— Что «что»? — спросила Тедж.

Маман не написала своему единственному сыну все об их посещении Колонии Бета, — как еще это понимать?

— Она затащила его в Сферу? Или наоборот? Нет, думаю, что нет. Женский заговор, не иначе. — Он стал читать дальше, недовольно поморщился и обиженно пробормотал: — Ну, и зачем ты мне это рассказываешь, тетя Корделия?

Губы Тедж дрогнули в улыбке.

— Так что она тебе поведала?

— Они подписались на какой-то суперский недельный обучающий курс. Звучит как-то не так чтобы очень… Что? Ролевая игра? Маман решила, что так Саймону будет легче включиться, в молодые годы он был опером под прикрытием… Первый день прошел довольно трудно, но так как ей удалось убедить Саймона перестать считать обязательный психологический опрос допросом у неприятеля, стало вроде полегче… и… Слава Богу, тут тетя Корделия переключается на рассказ о новой парусной лодке коммодора Джоула — на Зергияре морская вода не разъедает кожу, как на Йолле. Он взял их на морскую прогулку, так, хорошо… И никто не утонул. Еще лучше.

— Лучше, чем что? — Тедж, похоже, все еще над ним подтрунивала.

— Просто — лучше, — заявил Айвен со всем чувством собственного достоинства, которое только может найтись у человека, на котором не надето ничего — кроме шорт — и потягивающего вдобавок фруктовый напиток, не подобающий настоящим мужчинам.

— Надо бы и нам заехать в Сферу по пути домой, — заметила Тедж. — Они знамениты тренингами по эротическим искусствам, но это, впрочем, у меня было. Мне всегда хотелось по-

бывать там.

Айвен не был столь уверен:

— Ага, мне, в общем-то, тоже, но… что, черт возьми, что такое этот их обязательный психологический опрос? Никто об этом ни словом не обмолвился. — Даже Майлз.

Тедж обрадовалась, что может его просветить:

— Мои бетанские наставники все мне объяснили. Это не тест в обычном понимании, когда надо выбрать ответ, — это больше похоже на сканирование мозга; перед тобой проходят изображения и внешние раздражители, а их программа анализирует данные отклика. Это проделывается для того, чтобы помочь посетителям, не располагающим лишним временем, выбрать из меню предложений то, что доставит им наибольшее удовольствие. Но также и выявляет проблемных клиентов.

— И им отказывают?

— Нет-нет. Им просто устанавливают другой уровень наблюдения. Видишь ли, для них проблема может означать много всякого. Некоторые люди внезапно очень расстраиваются, если на опросе выявляется то, чего им не хотелось бы знать. И тогда их надо как-то мягко от этого отвлечь.

Айвен обдумал новую информацию с некоторой опаской.

— Как мне кажется, Саймон уже знает о себе все, что не хочет знать. Он вроде бы никогда не был особо склонен к самообману. Все эти годы нерегулируемой памяти.

— Надо думать…

Получается, что и это может стать причиной, почему некоторые предпочитают многое умалчивать о своем посещении знаменитой Сферы. Теперь понятно. В следующий раз, когда он увидится с Майлзом… О! Как говорится, только черта помянешь…

— А вот и письмо от моего кузена, самого лорда Имперского Аудитора во всем его великолепии.

— Он всегда занимательно пишет. Что на этот раз? — оживилась Тедж.

Айвен молча читал минуту или около того, и вдруг воскликнул:

— Вот это да! Знаешь, кто тот ангел инвестирования, который выкупил старое здание СБ у имперского правительства? Оказывается, это мой клон-кузен, Марк Форкосиган.

— За один бетанский доллар?

— Нет, не столь махровый непотизм. Но он совершил сделку, приняв всю юридическую от-

ветственность. Видимо, его инженеры нашли способ поднять здание обратно на уровень земли! И укрепить грунт. Это заняло несколько месяцев, но они его подняли почти полностью.

— Забавно было бы посмотреть — это, пожалуй, так же необычно, как когда оно тонуло. Но… — Она нахмурилась. — Что он собирается делать с неприглядным старым правительственным зданием? Да и внутри наверняка почти ничего не оставили?

— Нет, само здание осталось на удивление нетронутым. Новая резиденция для «Марк Форкосиган энтерпрайсес»? Почему бы нет?.. — Айвен пролистал дальше и усмехнулся: — Ох, Майлз, брюзга ты старый! Спорим, ты расстроился…

— Что там еще? — Тедж улыбалась Айвену, не сводя с него глаз.

— Марк превратил его в развлекательный комплекс, там теперь отель, ресторан и ночной клуб. Да, и еще музей шпионажа, весьма познавательный. Он планирует продавать «СБ как оно есть» туристам — и нашим, приезжающим в столицу, и инопланетным.

— Неужели кто-то станет платить за то, чтобы спать в бывших тюремных камерах и кабинетах СБ? Я хочу сказать, скорее заплатишь за то, чтобы

там не оказаться?

— Это было тогда, а сейчас… Ха! Тебе стоит это прочесть. Майлз жутко злится, но, когда это связано с Марком, не может сказать прямо. Через пару недель будет торжественное открытие. Все места в отеле забронированы на два месяца вперед. — Айвену невольно представилось некое видение райского блаженства: — Интересно, есть ли там сектор «только для взрослых»? Это же Марк…

Ему захотелось вернуться к началу письма и посмаковать все нюансы, но он еще не дочитал до конца, а там еще одна новость:

— О, нет… У Майлза с Катрионой прибавление семейства. Майлз и тут, полагаю, пытается обогнать… вот только кого? Всех и каждого, как водится. И снимки. Зачем, спрашивается? Младенцы все похожи…

— О-о! Дай посмотреть. — Тедж протянула руку, и он передал ей свой считыватель с плоским изображением того, что, как его уверили в письме, было младенцем женского пола — леди Элизабет Форкосиган. Его племянницы. «Дядя Айвен…» Боже правый! А ведь именно так и будут его называть все эти мелкие, когда они с Тедж вернутся домой в Форбарр-Султан. И «тетя Тедж», конечно. «Как это получилось, что я как бы уже и

не совсем я, хотя сам для этого ничего не делал?»

А как ему бы понравилось «папа»? Хм… Это хотя бы будет зависеть от него самого…

Тедж не стала по-дурацки умиляться, как некоторые женщины, стоит им только увидеть изображение любого младенца. Но рассматривала снимок она с любопытством, а когда посмотрела на Айвена, взгляд сделался оценивающим.

— Не стоит ведь, — сказала она рассудительно, — закладывать ребенка в репликатор здесь? Ему же придется в любом случае проделать весь этот путь обратно — все скачки через п-в-туннели до Барраяра, вылупится он к тому моменту или нет. Разумнее еще немного подождать.

— Еще немного, — согласился Айвен. Вспомнилось, что он проигнорировал свой тридцать шестой день рождения. Но кое-какие даты требуют внимания. — Знаешь… еще только четыре года, и у меня будет двадцатка. Всегда это казалось бесконечно далеким, а вот теперь… нет.

— Что это значит? По-барраярски. Или по-форски?

— По-армейски. Еще один диалект. Для офицера среднего ранга, вроде меня, это время или выйти в раннюю отставку — впрочем, не такую уж и раннюю — или заново принести присягу и

всерьез задуматься о более высоких должностях. Принято было поощрять оставаться на службе, но это раньше, а сейчас уже не слишком настаивают. Их более устраивает молодежь с современной подготовкой.

— Так что ты собираешься делать?

— Выйти из игры — надежный способ избежать нежелательного продвижения по службе. — Айвен попробовал припомнить свой ранний армейский идеализм, пока тот еще не полинял. Оглядываясь назад, он уже сомневался, был ли то идеализм или страстная жажда такого статуса, который оставит позади его несносных восемнадцатилетних сверстников. Вроде бы оно уже не столь важно.

— Это твой ответ?

— Может быть. Зависит от того, что мне смогут предложить. Консул считает, что мне стоит подумать о дипломатической службе. Не столь уж необычная карьера для отслуживших двадцатку, таких, как я.

Тедж ласково ему улыбнулась:

— Таких, как ты, не бывает, Айвен Ксав.

Он не счел нужным ее разубеждать. Тедж попробовала, как это звучит:

— Посол Форпатрил?

— Посол и леди Форпатрил — им нравится, что ты вместе со мной. Да и твои способности к языкам — важный фактор. Но поначалу все равно период ученичества, даже если меня и будут продвигать по службе. Только бы нас не отправили в какую-нибудь дыру. Опять.

Тедж обвела взглядом залитый солнцем пейзаж Йиллы, странную, но красивую растительность — или что-то вроде того — глубоких сине-зеленых тонов — цвета сильно озябшей Риш — и сверкающую гладь ядовитого моря.

— Что ж, кто-то ведь должен, — сказала она.

— Это может включать множество п-в-тунелей.

— М-м, но ведь только раз за несколько лет. Как-нибудь выдержу. Зато и твоя семья, и моя будут далеко.

— Да, это привлекательно…

Да и зачем сейчас об этом думать, времени еще достаточно, решил Айвен. Когда жизнь по воле случая дарит тебе такой идиллический день… Нельзя же быть неблагодарным и не уделить ему внимания.

Айвен погладил пальцами ногу Тедж, и начал уделять внимание.

Адмирал Джоул и Красная Королева

Глава первая

Сегодня на военной орбитальной станции Зергияра радостное событие — вице-королева возвращается домой.

Адмирал Джоул вошел в помещение командного пункта. Главный тактический дисплей мерно жужжал над пластиной головида, переливаясь красочным многоцветьем. Джоул бросил привычный взгляд: вот его территория — система Зергияра, представленная в увеличенном масштабе. Довольно удобно для восприятия, но сильно искажает астрографическую реальность, где людям четко указано их место — едва заметная крапинка на поверхности пылинки. Желтая звезда класса G в ожерелье из полудюжины планет и их лун на таком расстоянии казалась ручной и уютной; внизу, под станцией, вращалась колония Зергияр. Наибольшее стратегическое значение имели четыре точки перехода п-в-туннелей — врата Зергияра в большую Галактическую сеть — и обслуживающие их военные и гражданские станции. Два туннеля с очень напряженным коммерческим трафиком и плотным потоком передачи по сжатому лучу

открывали путь к остальной части Барраярской Империи и к ближайшему соседу Зергияра на этой стороне, мирному сейчас Эскобару; еще один тоже вел в Большую Галактику, но по обходному маршруту, длинному и экономически невыгодному. Последний же, как показывали сорок лет исследований, вел в никуда.

Джоул подумал, что сейчас он мгновенно воспринимает всю карту в целом, со всеми движущимися точками, и даже уже не помнит, когда именно он впервые смог это сделать. Но это что — вот его наставник, Эйрел Форкосиган, с легкостью проделывал такое с картой всей трехпланетной Империи! Прежде Джоул считал это чем-то сверхъестественным. А потом эта способность появилось и у него — как бы сама собой, просто с течением времени, без каких-то особых усилий. Да, время и впрямь щедро одарило Джоула тем, что достигается лишь усердным трудом. Вот и прекрасно. Время перед ним *в чертовски огромном долгу* за все то, чего оно его лишило.

Тем утром в зале КП было тихо, техники скучали за мониторами, в рециркулируемом воздухе витали привычные запахи работающей электроники и подгоревшего кофе. Подойдя к одному из экранов, адмирал положил руку на плечо диспет-

чера: «Не отвлекайся». Тот кивнул и продолжил наблюдение за двумя кораблями, появившимися из точки перехода.

Скачковая шлюпка вице-королевы была почти такая же, как и у адмирала флота — компактная, быстроходная, без тяжелого вооружения, зато оснащенная самыми современными средствами связи. Курьерский корабль эскорта не уступал ей по скорости, но и вооружен был немногим лучше — такое сопровождение годится только на случай технических неполадок. По счастью, на сей раз в полете ничего экстренного не случилось. Джоул напряженно отслеживал все стыковочные маневры, хотя и знал, что волноваться не о чем: ни один пилот не рискнет произвести неуклюжую стыковку под взглядом *этих* спокойных серых глаз.

— Почетный караул рапортует о готовности, сэр! — раздался сзади голос его нового адъютанта.

— Спасибо, лейтенант Фориннис. Уже идем. — Адмирал кивком велел девушке следовать за ним и направился к причальным докам — встречать вице-королеву.

Кайя Фориннис была далеко не первой из огромного числа техников, медтехов и военных

женского вспомогательного корпуса Имперской СБ, прикомандированной к Зергияру, и не первой, прикомандированной непосредственно к офису адмирала. Вице-королеве это должно понравиться, хотя Корделия наверняка не преминет в очередной раз напомнить всем, что ее родина — колония Бета — и другие цивилизованные планеты с незапамятных времен могут гордиться полной гендерной интеграцией космических сил. Джоула утешало лишь то, что его вклад в великое дело этой самой гендерной интеграции ограничивается руководством в рабочие часы, а уж чем там заняты дамы в свободное время на станции или на планете, — за это несет ответственность полковник ЖВК СБ: этакая мамаша, особа весьма деятельная и оперативная, надо признать.

— Я еще ни разу не видела вице-королеву живьем, — с придыханием призналась Форинис. — Только на видео.

Джоул напомнил себе, что не следует чересчур ускорять шаг. Впрочем, Форинис могла задыхаться и от восторженного благоговения перед героиней, — с точки зрения Джоула, вполне оправданного.

— Да? А я думал, вы родственница графа Форинниса. Вы ведь много времени проводили

в Форбарр-Султане?

— Мы с графом не в очень близком родстве, сэр. Я его видела всего дважды. А в столице почти все время сидела в оперативном отделе. Мне почти сразу дали административную работу. — Ее легкий вздох, как нетрудно было понять, означал примерно то же, что и у ее предшественников мужеского пола: «От черт, нет чтобы на военный корабль!»

— Ну-ну, не унывайте. Мне пришлось семь лет прослужить в столице секретарем и адъютантом, но потом я все же попал на три вахты в эскорт торгового флота. — В мирное время это самая активная и разветвленная служба космического базирования, мечта офицера имперских сил. Кульминацией для Джоула стало звание капитана корабля, которое он, когда пришел срок, сменил на зергиярскую нашивку.

— Да, но вы ведь были адъютантом *самого регента Форкосигана!*

— В то время его уже понизили до премьер-министра. — На лице Джоула мелькнула улыбка. — Не настолько ж я старый. — Он чуть было не добавил: «милая барышня». Интересно, она кажется ему двенадцатилетней девочкой только из-за маленького роста или потому, что она

женщина? А впрочем, нынешние ее коллеги-мужчины тоже ничуть не лучше. — Хотя, по некоей иронии судьбы, в театре военных действий мне довелось оказаться единственный раз, когда я в качестве секретаря сопровождал премьер-министра на Ступицу Хеджена. Но, отправляясь в путь, мы еще не знали, что это может завершиться самой настоящей войной.

— И вы попали под обстрел?

— Ну, в общем-то, да. На флагмане тылов не бывает. А поскольку император тоже на тот момент был на борту, нам здорово повезло, что не пробило защиту. — Двадцать лет уже прошло. Он был свидетелем всей этой сверхсекретной заварушки — с первого до последнего момента и с самого близкого расстояния, — не отходя ни на шаг от экс-регента, премьер-министра, адмирала графа Форкосигана. Свои рассказы о войне на Ступице Хеджена ему и по сей день приходится тщательно корректировать.

— Значит, вы знакомы с вице-королевой Форкосиган еще с тех времен, да?

— Примерно так, да. Это было… — Пришлось вычислять в уме, и результат его ошеломил. — Почти двадцать три года назад.

— Мне самой почти двадцать три года, —

призналась Фориннис, и в тоне ее прозвучало искреннее уважение.

— А-а, — только и сказал Джоул. От дальнейшего погружения в это сюрреалистическое искривление времени его спасло то, что они как раз прибыли на девятый причал.

Почетный караул застыл по стойке «смирно», и Джоул сдержанно приветствовал их, привычно окинув взглядом. Что ж, ладно, здесь все нормально — начищены до блеска. Он для порядка похвалил сержанта и стал ожидать продолжения торжественной церемонии встречи, заняв стратегически выгодную позицию — так, чтобы видеть выход из пассажирского шлюзового туннеля, который только что разблокировали (за этим следил специально обученный техник причальной платформы). Выход из невесомости шлюзового туннеля в гравитационное поле станции или корабля редко кому удается осуществить с непринужденным достоинством. Но у тех троих, что первыми покинули скачковый катер, чувствовался немалый опыт: корабельный офицер, эсбэшный охранник вице-королевы и ее личный оруженосец Рыков, которого новый граф Форкосиган передал своей матери, вдовствующей графине. Офицер проверил технику на причале,

эсбэшник произвел осмотр и сканирование во избежание угрозы со стороны встречающих, а оруженосец повернулся помочь своей госпоже. Джоула позабавило, как Форинис все норовит привстать на цыпочки, не в силах скрыть нетерпение, но тут как раз на выходе появилась вице-королева, приковав к себе все внимание Джоула. В первый момент она чуть покачнулась, но быстро обрела равновесие с помощью оруженосца.

Прозвучал сигнал горниста, приветствующий ее прибытие, и все замерли, приосанившись.

Адмирал Джоул, отсалютовав, произнес официальным тоном:

— Вице-королева Форкосиган, добро пожаловать домой. Надеюсь, ваше путешествие прошло спокойно.

— Благодарю вас, адмирал, именно так, — ответила она столь же официально. — Я рада вернуться домой.

Он окинул ее изучающим взглядом. Слегка дезориентирована после скачка, но ничего такого пугающего, как три года назад, когда она вернулась с государственных похорон своего мужа, мертвенно-бледная, погруженная в себя. Да и сам Джоул выглядел тогда не лучше. Коло-

нисты Зергияра вообще не знали, вернется ли их вице-королева из этой поездки или им назначат вместо нее какого-нибудь чужого лорда. Но сейчас она уже сняла траур и носит брючные костюмы приглушенных тонов в комарриан-ском стиле, а ее ясная улыбка лучится теплом. Непокорные кудри, рыжие с проседью, все так же коротко пострижены; в точеных чертах лица ясно читается твердость и непреклонность.

В левой руке она крепко сжимала небольшой кейс, напоминавший с виду криоконтейнер. Лейтенант Фориннис, как положено вышколенному адъютанту, протянула руку:

— Ваша светлость, позвольте ваш багаж.

— Нет! — резко вскрикнула Корделия, отдергивая кейс. Поймав недоуменный взгляд Джоула, она овладела собой и продолжила уже более спокойно: — Благодарю вас, лейтенант, не надо. Это я понесу сама. А об остальном позаботится мой оруженосец. — Она посмотрела на девушку и перевела вопросительный взгляд на Джоула.

— Вице-королева, — проговорил он в ответ, — разрешите представить вам моего нового адъютанта — лейтенанта Кайю Фориннис. Она получила это назначение спустя несколько недель после вашего отъезда.

Корделия отбыла на Барраяр шесть недель назад, чтобы лично представить императору Грегору Годовой отчет вице-королевы Зергияра, а заодно провести несколько дней с семьей на Зимнепраздник. Джоул надеялся, что ее это не слишком утомит и она сможет немного отдохнуть и набраться сил. Хотя, зная молодое поколение Форкосиганов, не был в этом так уж уверен.

— Добрый день, лейтенант. Надеюсь, служба на Зергияре вам понравится. А… вы состоите в родстве с молодым графом?

— Не в близком, мэм.

Джоул подозревал, что ей уже изрядно надоели подобные вопросы, но Фориннис никак этого не выказала.

Вице-королева, обернувшись, произнесла стандартные слова благодарности почетному караулу. Сержант гордо ответил от их имени традиционное: «Мэм, да, мэм!» — и увел своих людей. Корделия проводила их взглядом, со вздохом повернулась к Джоулу и приняла протянутую руку.

— Право же, Оливер, — покачала она головой, — неужели так уж обязательно устраивать этот официоз всякий раз, как я схожу с корабля? Мне всего-то нужно дойти от причального модуля до люка катера. Эти бедные мальчики

наверняка спали.

— Вице-короля мы всегда встречали именно так. Для них это, знаете ли, не меньшая честь, чем для вас.

— Эйрел был для вас героем войны. И не одной.

— А вы нет? — усмехнулся Джоул. И тут же полюбопытствовал: — А что в этом кейсе? Надеюсь, не очередная отрезанная голова? — К счастью, для головы криоконтейнер выглядел слишком маленьким.

Ее серые глаза заблестели.

— Ну-ну, Оливер. Стоит только раз — всего лишь раз, прошу заметить! — принести домой кусок расчлененного тела, и все тут же начинают дергаться, а что это у меня в багаже. — Она саркастически улыбнулась: — Зато теперь мы можем *шутить* по этому поводу… ну что ж.

Лейтенант Фориннис, шагавшая вслед за ними, выглядела малость ошарашенной — то ли потому, что знаменитое историческое событие, покончившее с мятежом Фордариана, случилось задолго до ее рождения, то ли из-за отношения к этому ее начальства.

— Корделия, вы не хотели бы передохнуть перед полетом на планету? Не знаю, по какому времени

вы питаетесь, но мы можем это обеспечить. — Весь Барраярский Имперский флот, включая и эту станцию, жил по Форбарр-Султанскому времени, которое, увы, никак не соответствовало временному поясу столицы Зергияра, поскольку эти две планеты, помимо всего прочего, имели разную продолжительность суток. Да и по разные стороны даже одного п-в-туннеля, совсем не *то же самое время*, не говоря уже о нескольких скачках через пятимерное пространство, следующих один за другим, — в этом случае время могло вообще быть каким угодно. — Ручаюсь, что ваш катер подождет столько, сколько потребуется.

Корделия с сожалением покачала головой:

— Вчера, когда мы вошли в пространство Зергияра, я перешла на каринбургское время. Полагаю, моя следующая еда — обед, хотя точно это узнаю, только когда мы приземлимся. Но нет, спасибо, Оливер, как-нибудь в другой раз. Сейчас мне не терпится попасть домой. — И она еще крепче сжала пальцы на ручке контейнера.

— Надеюсь, мы сможем наверстать это в самое ближайшее время.

— О, я тоже очень на это надеюсь. Когда у вас ближайшая вахта на планетной базе?

— В конце недели.

Она сощурилась, что-то прикидывая в уме.

— Та-ак. Пожалуй, можно будет устроить. Хорошо, мой секретарь с вами свяжется.

— Прекрасно, — вежливо проговорил Джоул, скрывая разочарование. Новости с Барраяра приходили по сжатому лучу каждый час, а вот последние сплетни прибывали с возвращающимися визитерами не слишком часто. Может ли человек стосковаться по *голосу*? Мягкому, особенному голосу, в котором до сих пор чувствуется сильным бетанский акцент — через сорок с лишним лет после присяги и доказательства верности чужой Империи.

Как же быстро они дошли до люка катера. Джоул лично осмотрел судно меньше часа назад. Пилот отрапортовал о готовности. Джоул постоял рядом с Корделией, украв еще несколько минут, чтобы побыть вместе, пока заносили ее багаж.

— Вы путешествуете налегке.

Она улыбнулась:

— Это Эйрел привык двигать войска. Я предпочитаю более простую логистику. — Она взглянула на люк катера, словно ей не терпелось поскорее взойти на борт.

— Какие-нибудь лесные пожары внизу, о которых я не слышала по сжатому лучу?

— Ничего, что проникло бы через стратосферу. — Традиционная разделительная линия в их ведении. Корделия от имени императора Грегора правит примерно двумя миллионами колонистов; Джоул подозревал, что добрая половина из них потребует ее внимания тут же, едва ее нога коснется земли. По крайней мере, он мог обеспечить, чтобы никакие новые проблемы не обрушились на нее сверху.

— Позаботьтесь о себе там, внизу. Или хотя бы позвольте о вас позаботиться вашим людям. — И Джоул обменялся заговорщицким взглядом с оруженосцем Рыковом, который в какой-то мере выполнял при вице-королеве обязанности дворецкого. Тот кивнул в ответ.

Корделия только улыбнулась:

— До скорого, Оливер.

«И прочь она уходит». *И уходит, и уходит, как все Форкосиганы.* Джоул покачал головой.

Он выждал, пока раздастся звук раскрывающихся стыковочных зажимов, и лишь после этого пошел обратно.

Форинниc, шагавшая рядом, спросила:

— А когда она привезла голову Фордариана, сэр, вы там были?

— Мне было *восемь лет*, лейтенант. — Он с

трудом сдержал улыбку и попытался изобразить положенную адмиралу серьезность. — Я рос в одном из самых западных округов — военного космопорта там не было, поэтому мы ни для одной из сторон особой ценности не представляли. Из войны мне больше всего запомнилось, что каждый пытался держаться так, словно ничего не случилось, но все взрослые были до смерти напуганы и пересказывали друг другу самые фантастические слухи. «Лорд регент прикончил маленького императора», «ему промыли мозги бетанские шпионы» — самая страшная клевета… Все считали, что в тот десантно-диверсионный рейд леди Форкосиган отправил ее муж, но на самом деле, как я позже узнал, все было не так просто. — И не обо всем можно рассказывать, напомнил себе Джоул. — Здесь, на Зергияре, мы довольно часто встречаемся по деловым вопросам — у вас еще будет шанс попытаться выудить из нее кой-какие *ее* военные истории. — Хотя, по некотором размышлении, Джоул усомнился, стоит ли знакомить восторженного молодого офицера с форкосигановскими взглядами на инициативу. Это все равно что тушить огонь бензином.

Усмехнувшись, он вернулся на командный

пункт, чтобы отследить катер вице-королевы, пока не поступит подтверждение мягкой посадки.

* * *

Денек на Зергияре выдался ясный, с террасы ресторана открывался вид на то, что Корделия не могла уже назвать ни палаточным лагерем, ни деревней — только городом, и никак иначе, даже по галактическим меркам. Терраса нависла над кручей, и это создавало приятную иллюзию, будто смотришь в наполненную светом бездну. Усаживая Корделию за заранее заказанный угловой столик, официант спросил, не желает ли мэм раскрыть поляризованный тент. «Пока нет», — ответила она и отослала официанта. Откинувшись на спинку стула, она подставила лицо ласковому, успокаивающему теплу, прикрыла глаза и попыталась не думать о том, сколько времени ее уже не успокаивали осязаемые ласки. «В следующем месяце будет три года», — подсказала деловая часть ее мозга, которую никак не удавалось отключить.

Чтобы избавиться от боли, она вновь открыла глаза и принялась разглядывать свое окружение. Два ближайших столика, как обычно, оставались пустыми, если не считать ее эсбэшного телохра-

нителя в штатском, который уже сидел за тем, что подальше, не потягивая чай со льдом и тоже озираясь по сторонам. «Ситуативное понимание», вот именно. С тех пор как она стала подданной Барраярской империи — больше сорока лет назад, — этих «ситуаций» было как-то чересчур много; сегодня она готова была пренебречь своими обязательствами, *для этого у меня есть люди*. Только вот паренек выглядит слишком уж юным, его еще самого надо опекать. Только ни в коем случае не подавать вида, чтобы не оскорбить его достоинство.

Она медленно вдохнула мягкий воздух — ах, если бы она могла так же втянуть его легкость в самые темные пустоты своего сердца. Официант принес два стакана воды. Корделия успела сделать только несколько глотков, когда тот, кого она ждала, появился в дверях, огляделся, приветственно поднял руку и зашагал к ее столику. Ее телохранитель, отследив это продвижение и отметив, что гость в гражданской одежде, с видимым усилием удержался от того, чтобы вытянуться по стойке «смирно» и отсалютовать пришедшему, когда тот проходил мимо, хотя они и обменялись кивками.

Когда Корделия впервые увидела лейтенанта

Оливера Перина Джоула (сколько ему было тогда? двадцать семь?), она безоговорочно сочла его красавцем. Высокий блондин, поджарый, точеные черты лица — о боже, а *скулы!* — голубые глаза, в которых светится глубокий ум. Более робкий — тогда. Сейчас, двадцать лет спустя, он изменился, но по-прежнему был высок и строен, только в фигуре и манере держаться появилась некая солидность. Его яркие белокурые волосы чуть потускнели, подернувшись сединой, ясные глаза окружены теперь гусиными лапками морщин, и с возрастом он обрел спокойную и надежную уверенность в себе. А скулы и ресницы остались такими же невероятными. Она едва заметно улыбнулась, позволив себе тайное мгновение изысканного наслаждения, пока гость не приблизился, чтобы склониться к ее руке и сесть рядом.

— Вице-королева.

— Сегодня — просто Корделия, Оливер. Если, конечно, не хочешь, чтобы я обращалась к тебе «адмирал».

Он покачал головой:

— Этого мне и на работе хватает, — и заулыбался еще шире. — Здесь среди нас был единственный настоящий адмирал. Мое последнее продвижение по службе всегда казалось мне ирреальным

в его присутствии.

— Ты настоящий адмирал. Так сказал император. А вице-король дал тебе рекомендации.

— Не стану спорить.

— Вот и прекрасно, после стольких лет и такой огромной работы — слишком поздно.

Джоул усмехнулся, поднял руки, показывая, что сдается, и стал изучать меню. Он наклонил голову.

— Наконец-то у вас не такой усталый вид. Это хорошо.

Корделия не сомневалась, что выглядела сущей ведьмой в той нелегкой борьбе, которую вели они оба ради того, чтобы вновь обрести душевное равновесие. Она пригладила короткие рыжевато-седые кудряшки, которые, как всегда, абсолютно не желали укладываться в прическу.

— Я чувствую себя менее усталой. — Она поморщилась. — Сейчас я порой по нескольку часов подряд не вспоминаю о нем. На прошлой неделе — даже целый день.

Джоул молча кивнул. Конечно же, он прекрасно ее понимает.

«С чего начать?» — задумалась она. «Последние три года мы виделись слишком редко» было бы не совсем правдой. Адмирал Зергиярского флота

полностью погрузился в свои задачи военного помощника вдовствующей вице-королевы Зергияра — так же, как прежде, для них двоих, вице-короля и вице-королевы. Планета колонистов приняла Джоула — за его собственные выдающиеся достоинства, даже когда необъятная тень его наставника, безмолвно его поддерживающая, была похищена — уместно ли тут слово «безвременной»? — этой необъятной смертью. Оба они — и вице-королева Форкосиган, и адмирал Джоул — приспособились к новым шаблонам своей работы, в обход этого болезненного отсутствия, стягивая поверх раны общественные стежки. Брифинги, инспекции, дипломатические обязанности, петиции, советы — которые давались и выслушивались, споры с бюджетными комитетами как в тандеме, так и, несколько раз, в противостоянии — их рабочая нагрузка «после» Эйрела вряд ли отличалась по сути или по ритму от их рабочей нагрузки «до». И постепенно гражданская рана зарубцевалась, хотя все еще время от времени воспаляется.

Самые глубокие раны… их они почти не касались, боясь причинить друг другу боль. Корделия никогда не считала, что Оливер понес менее тяжелую утрату, чем она сама, потому лишь, что

он более тщательно скрывал свое горе. И когда ей, вдовствующей вице-королеве, поневоле приходилось мучиться на всех этих нескончаемых публичных церемониях, она не раз завидовала — приватности его горя.

Только их прежняя близость, казалось, исчезла, похоронена вместе со своим входом в п-в-тунель. И они подобно двум планетам обречены бесконечно блуждать в пространстве, когда их общее солнце погибло. Возможно, пришло время для нового источника притяжения и света.

К столику подошел официант уточнить что-то с заказами — и спас ее от дальнейших внутренних… колебаний, да, она никак не могла решиться. Когда они снова остались одни, Оливер разрядил обстановку:

— Если предполагается, что это рабочий ленч, то мне не сообщили повестку дня.

— Не рабочий, нет, но у меня действительно есть повестка дня, — призналась она. — Личная и частная, почему я и пригласила тебя сюда в наш так называемый свободный день. — Интересно, какой сигнал он прочитал в ее приглашении, если вместо формы надел удобную гражданскую одежду, которая так ему к лицу? Он всегда был очень внимателен к нюансам, это неоценимое

качество проявилось, когда его еще только назначили военным секретарем премьер-министра Форкосигана в накаленной политической атмосфере столицы Барраяра. «Мы сейчас далеко от Форбарр-Султана. И я этому рада».

Еще один глоток воды, и она ринулась вперед:

— Ты уже слышал о новом репликационном центре, который мы открыли в старом городе?

— Я… не *per se*, нет. Я знаю, что ты по-прежнему много занимаешься здравоохранением. — На лице его было написано: «Я пока не понимаю, о чем ты, но слушаю тебя внимательно».

— Мама помогла мне собрать на Колонии Бета исключительную команду специалистов по репродукции, мы заключили контракт на пять лет. Помимо работы в клинике, они заняты обучением зергиярцев. Надеюсь, что к концу контракта мы сумеем открыть еще несколько филиалов в новых городах колонии. А если повезет, то, может, и соблазним пару-тройку бетанцев остаться.

Джоул, который не был женат и вряд ли собирался что-то менять, улыбнулся и пожал плечами:

— На самом деле я достаточно стар, чтобы помнить те времена, когда на Барраяре это было новой технологией, вызвавшей бурные дискус-

сии. Нынешние молодые офицеры принимают это как должное, и не только комарриане или девушки из ЖВС.

Официант принес вино — белое фруктовое: легкое, ледяное, произведенное непосредственно здесь, на этой планете, да! Она отхлебнула для храбрости и продолжила:

— В этом случае общественное благо — также и личное. Как, хм, Эйрел, возможно, тебе и не говорил, а я тоже не припомню, чтобы когда-то говорила, в один из неспокойных периодов регентства Эйрела — еще до того, как ты взошел к нам на борт, — мы приняли меры предосторожности и тайно секвестировали гаметы от каждого из нас. Замороженная сперма от него, замороженные яйцеклетки от меня. — Да, уже больше тридцати пяти лет назад.

Оливер недоуменно поднял брови:

— Он мне как-то раз сказал, что после солтоксиновой атаки стал бесплодным.

— Для естественного зачатия — да, это было очень маловероятно. Низкое количество спермы плюс множественные повреждения на клеточном уровне, накопившиеся за всю его жизнь. Но для медицинских технологий достаточно всего одной хорошей гаметы, главное — ее выделить.

— Угу.

— По разным причинам — большей частью политическим, нежели биологическим или технологическим, — мы так и не вернулись больше в то хранилище. Но Эйрел сделал так, чтобы, согласно его воле, образцы после его смерти перешли в полную мою собственность. И сейчас, когда я ездила домой на Зимнепраздник и с Годовым отчетом, я их все забрала. И привезла на Зергияр. Они-то и лежали в том самом криоконтейнере, который я… в общем, над которым я тряслась, как наседка над цыплятами.

Оливер выпрямился, явно заинтересовавшись:

— Посмертные дети Эйрела? А ты можешь?

— Вот для этого мне и понадобились бетанские специалисты — чтобы выяснить. Их ответ — «да».

— О! И теперь, когда Майлз — граф Форкосиган в своем праве, и у него уже есть собственный сын… Полагаю, еще один сын — брат? — не создаст проблемы с наследованием… М-м… а они будут легитимными по барраярским законам?

«Майлз, мой старший сын, — грустно подумала Корделия, — всего на восемь лет моложе Джоула».

— На самом деле, чтобы обойти все подобные

проблемы, я планирую зачать только дочерей. Барраярский закон о наследовании имеет одну особенность, которой я и собираюсь воспользоваться: все дочери будут считаться моими, и только моими. Они будут носить самую плебейскую фамилию Нейсмит. Они не смогут претендовать ни на округ, ни на имения Форкосиганов. Обратное тоже верно.

Оливер, нахмурившись, сжал губы.

— Эйрел… захотел бы оказать им какую-то поддержку. Если не сказать большего.

— Для этого я откладывала — и буду откладывать — очень неплохую вдовью часть наследства, причитающуюся мне как вдовствующей графине Форкосиган. К тому же я получаю жалованье вице-королевы и буду еще какое-то время его получать, плюс мои личные инвестиции, преимущественно здесь, на Зергияре. Чтобы жить своим домом, хватит вполне.

— Еще какое-то время? — переспросил Джоул, моментально выделив ключевой пункт. Вид у него был встревоженный.

— Я никогда не планировала оставаться вице-королевой до конца дней, пока не умру от бремени обязанностей, — мягко сказала она и мысленно добавила: «Как это случилось с Эй-

релом». — Я бетанка и собираюсь прожить как минимум до ста двадцати. Я скормила Барраяру немалую часть жизни. Хватит… — Она осушила свой бокал; Джоул вежливо подлил ей еще. — Говорят, что человек не должен принимать важные жизненные решения или кардинально что-то менять по крайней мере год после тяжелой утраты, поскольку в этот период интеллектуальные способности снижены. Могу засвидетельствовать — так оно и есть. Я ждала на два года больше.

Джоул мрачно кивнул.

— Я думала об этом с того самого вечера, когда мы похоронили его в Форкосиган-Сюрло. — В тот вечер она остригла свои длинные, до пояса, волосы, которые всегда так любил Эйрел, срезала почти под корень и положила в жертвенный огонь. Потому что прядки, которую обычно приносят в жертву, казалось абсурдно мало. И никто тогда не сказал ни слова против и не задал ни одного вопроса. С тех пор она никогда не отращивала волосы длиннее, чем сейчас, — на длину пальца. — В следующем месяце будет три года. Я думаю… это то, чего я действительно хочу, и если я собираюсь это сделать, то уже пора. Пусть я и бетанка, но я не молодею.

— С виду тебе обычно дают лет пятьдесят, —

сказал Джоул. Почти его ровесница. Это не лесть, он действительно так думает. *Барраярцы*.

— Только барраярцы. Инопланетники оценили бы более правильно. — Семьдесят шесть подумала она. Это… не имеет никакого смысла. Разве что последние три года она перестала считать годы от рождения и перешла на обратный отсчет, от смерти — призовой пакет времени не увеличивается, а уменьшается, «что не использовал, то потерял».

Официант принес им салат из синтезированного цыпленка с клубникой и сдобу, и Корделия получила передышку, чтобы подготовиться к следующему рывку. Джоул, к его чести, не стал спрашивать: «А зачем ты мне все это рассказываешь?» — а принял все как элементарное — ну ладно, может, и не самое элементарное — дружеское доверие. И никоим образом не непрошеное. Она отпила еще один маленький глоток вина. Потом — большой глоток вина. И отставила бокал.

— У нас осталось не так много яйцеклеток для работы после того, как были отбракованы нестандартные. У меня с возрастом тоже накопились повреждения. Но думаю, я смогу получить шесть девочек, сразу.

Джоул подавил смешок.

— Ну что ж, женщины Зергияру нужны.

— Мужчины тоже. Там было еще совсем немного яйцеклеток, которые могли бы еще быть здоровыми, наподобие… полагаю, можно сказать, наподобие вылущенной яичной скорлупы. Они в любом случае будут нести в себе мою митохондриальную ДНК. И такие безъядерные яйцеклетки — именно те, которые используют для искусственного оплодотворения однополые пары.

Джоул чуть не подавился и уставился на нее широко раскрытыми голубыми глазами. Быстрота ума всегда была одной из самых привлекательных его особенностей, подумала Корделия.

— Если хочешь — подумай об этом, я тебя не тороплю, — я могла бы пожертвовать тебе несколько этих яйцеклеток и генетический материал Эйрела, и у тебя мог бы… у вас Эйрелом мог бы быть собственный сын. Или сыновья. Я имею в виду сыновей не просто биологических, но вполне законных. С Х-хромосомой от Эйрела и Y-хромосомой от тебя потомки будут твоими неопровержимо по всем законам. Без этой проклятой смертельной приставки «Фор» перед фамилией.

Джоул наконец проглотил застрявший в горле

кусок, запив его большим глотком вина.

— Это… это кажется безумным. На первый взгляд.

Он и правда слегка покраснел. Забавно. Ему, конечно, идет. А впрочем, ему всегда это шло. *До самых глубин*, вспомнила она и подавила улыбку.

— На Колонии Бета это было бы самое обычное дело. И на Эскобаре, и на Земле, да на любой продвинутой планете. — На нормальных планетах, как думала о них Корделия. — Господи, да даже на Комарре и то. Этот биотехнологический трюк придумали уже *несколько веков* назад.

— Да, но не для нас, не для … — Он замялся.

«Не для Барраяра» — хотел он сказать? Или: «…не для меня»?

Вместо этого он сказал:

— Но ведь, как говорится, «мотовство до нужды доведет»? Э-э?

— О нет. Не тот случай.

— И сколько… сколько таких яйцеклеток?

— Четыре. Надеюсь, ты понимаешь, что это не гарантирует четыре живорождения. Точнее, не гарантирует ни одного. Но, как бы то ни было, это четыре генетических лотерейных билета.

— И долго ты размышляла над этим, хм… экс-

траординарным предложением? — Он все так же смотрел на нее широко раскрытыми глазами. — Ты уже держала это в уме, когда причаливала к станции?

— Нет, только после совещания с доктором Таном. Это было три дня назад. Мы обсуждали, что сделать с остатками. Я об этом никогда прежде не задумывалась. Он предложил мне пожертвовать безъядерные яйцеклетки клинике, чтобы там могли ими воспользоваться, и если тебя это не заинтересует, то я, вероятно, так и сделаю. Но потом мне пришла в голову идея получше. — В ту ночь она почти не спала, обдумывая это. А потом отказалась от бесконечного мысленного блуждания по кругу и просто пригласила Оливера на ленч.

— Знаешь, я никогда не думал… я отказался от мысли когда-нибудь иметь детей… — сказал он. — Была моя карьера, был Эйрел, было… было то, что было у нас троих. И это было больше всего, о чем я вообще когда-то мечтал.

— Да. Я всегда считала, что тебе недостает воображения. — Она с аппетитом взялась за куриный салат. — И в высшей степени недостает корыстолюбия.

— Как я мог взять на себя ответственность… — начал он и тут же осекся.

— У тебя полно времени, чтобы обдумать конкретные детали, — уверила его Корделия. — Я просто хотела подкинуть идею.

— Ага, и теперь это моя головная боль? — Оливер демонстративно схватился за голову. — Знаешь, Корделия, ты всегда отличалась некоторым садизмом.

— Ну, Оливер. Скорее напористостью. Насколько ты помнишь.

Он чуть не захлебнулся очередным глотком вина — стало быть, помнит. *Прекрасно.* Но следующая его реплика стала полной неожиданностью.

— Эверард Петер Джоул? — спросил он.

«Черт подери, он уже придумывает им имена!» Ну что ж… она придумывала имена своим гипотетическим дочерям в течение года. «Ничего себе, скорость реакции!» К счастью, у него есть время обдумать все еще раз на спокойную голову. И сквозь все страхи и тревоги, которые на него непременно нахлынут, — тоже. Она все это уже проходила.

— Мы на Зергияре. Здесь мы не связаны никакими традициями. Ты можешь выбрать любые имена, какие захочешь. Я собираюсь назвать свою первую дочку Аурелия Косиган Нейсмит. На самом деле их всех будут звать Косиган Ней-

смит. Только Косиган станет фактически вторым именем, никаких дефисов или еще чего-то такого. — «Или приставки «Фор». — Не уверена, что впоследствии они будут мне за это благодарны.

— А что, хм… что по этому поводу думает твой сын Майлз? Или его клон-брат Марк?

— Я еще это с ними не обсуждала. И не намерена. Поставлю их перед фактом. Сказать, что это не дело Майлза, было бы неправильно. Но что не ему решать — это точно.

— А ты сама или Эйрел — вы ему вообще о нас говорили? Он в курсе? Я никогда не был уверен до конца, то ли он все знает и принял меня, то ли просто не знает ни о чем.

Последний раз Оливер и ее сыновья виделись на изнурительных государственных похоронах. Не место и не время для таких разговоров.

— Э-э. Нет. Если говорить о взрыве мозга, Эйрел всегда оберегал Майлза. Я его позицию никогда особо не разделяла, однако должна признать, что так было проще всего.

Джоул кивнул с облегчением.

Она с минуту изучала его взглядом, а потом добавила:

— Эйрел тобой всегда очень гордился. Надеюсь, ты это знаешь.

У него перехватило дыхание, и он отвел взгляд. Сглотнул. Коротко кивнул. Вздохнул несколько раз. И вернулся к основной теме:

— Когда ты только начала об этом говорить, я подумал, что ты, возможно, хочешь попросить меня стать крестным отцом или — как это называется у бетанцев — со-родителем?

— Со-родитель по закону, и чаще всего генетически, — то же, что и родитель, а крестный отец становится законным опекуном сироты в случае смерти родителей. И да, я столкнулась с необходимостью составить новое завещание. К счастью, мне доступны лучшие адвокаты на планете. Тебе, кстати, тоже придется в итоге этим заняться.

— Эйрел Косиган Джоул?… — пробормотал он себе под нос, словно не слушая ее слова. Хотя она точно знала, что он все воспринял.

— Никто и глазом не моргнет, — уверила она. — Или Оливер Джоул-младший, или что угодно другое, что тебе больше нравится.

— А как мне… объяснить им про мать? То есть что у них нет матери?

— Анонимно пожертвованные яйцеклетки, купленные в банке гамет, высшего качества. И это даже не будет ложью. Тебе стукнуло пятьдесят — кризис среднего возраста, — и ты внезапно

решил вместо ярко-красного флайера завести ребенка.

Он пригладил рукой свои седовато-золотые волосы и странно усмехнулся:

— Я начинаю думать, Корделия, что мой кризис среднего возраста — это ты.

Она удивленно пожала плечами:

— Мне следует принести извинения?

— Ни в коем случае. — И он, скрывая смятение, просиял улыбкой.

Нет, они действительно слишком редко виделись последние три года. Они просто часто проносились мимо друг друга. И она, и Оливер — оба они мчались сломя голову по рабочим и прочим делам, часто на разных планетах или на противоположных концах гравитационных колодцев, и вдобавок овдовевшую вице-королеву весьма настойчиво охраняли в ее новом положении соло, а значит, ни о какой неприкосновенности личной жизни и речи нет. Задним числом она завидовала Эйрелу, его бывшей команде, которая не лезла в чужие дела. И тому, как на всех них распространялось его прикрытие лояльности.

Она быстро вытащила из кармана визитку, набросала пару слов на обороте и протянула

через стол:

— Это — врач, чтобы пройти обследование, если надумаешь зайти в репроцентр и оставить пожертвование. Мой главный бетанец, доктор Тан. Он полностью информирован. В свободное от работы время, мистер Джоул.

Джоул осторожно взял карточку и внимательно ее изучил.

— Понятно. — Он аккуратно убрал визитку в карман рубашки и тут же снова коснулся ее своими длинными пальцами, словно боялся, что она исчезнет. — Это потрясающий подарок. Мне бы такое никогда в голову не пришло.

— Ну что ж, у меня все. — Она вытерла губы салфеткой. — А теперь подумай об этом.

— Сомневаюсь, что буду в состоянии думать о чем-то другом. — Его улыбка сделалась ироническ ой. — И кстати, спасибо, что не обрушила это на меня посреди рабочего дня.

Она шутливо отсалютовала в ответ.

Взгляд его потеплел.

— М-да… Уже второй раз Форкосиганы полностью переворачивают всю мою жизнь и направляют в ту сторону, которой у меня и в мыслях не было. Мог бы и догадаться.

— Первый раз был, когда Эйрел в тебя влю-

бился?

— Скажи лучше, обрушился на меня со своей любовью. Это было, как если бы на тебя рухнул дом. Не обрушился, а именно рухнул с неба.

Она усмехнулась в ответ:

— Мне это ощущение знакомо. — И с любопытством посмотрела на него, вспоминая. — Эйрел говорил со мной почти обо всем — я была его единственным надежным убежищем для той его части себя, пока не появился ты, — но он всегда был несколько уклончив относительно того, как у вас с ним все началось. Империя находилась в состоянии мира, Майлз благополучно заперт в Академии, политического напряжения почти никакого — не то что раньше. Я полетела на колонию Бета навестить маму, оставив его в очередном состоянии тайной безответной влюбленности — не хуже, чем бывало раньше. Возвращаюсь — и что я вижу? Вас с ним, воркующих как голубочки, и беднягу Иллиана вне себя от ярости, почти что на грани срыва. — Всецело преданный Эйрелу шеф Имперской СБ, похоже, готов был разрыдаться от облегчения — или крепко выругаться, — обнаружив в ней не оскорбленную супругу, а невозмутимую союзницу. «Я знала, что Эйрел был бисексуалом, когда выходила за

него замуж. А он знал, что я бетанка. Никаких мелодрам никогда не предполагалось, Иллиан». — Единственное, что меня удивило, — это как вам удалось отбросить все ваши барраярские комплексы.

Выразительное лицо Джоула озарилось весельем.

— Ну… Боюсь, ты бы сочла, что это случилось не по бетанскому варианту, а скорее по барраярскому. Разумеется, почти без всяких уговоров, в чем я абсолютно не раскаиваюсь. Срок секретности у нас ведь по-прежнему пятьдесят лет, верно? Меня это вполне устраивает.

Корделия рассмеялась:

— Ладно, не важно.

Джоул поднял голову:

— А у него было много… э-э… тайных влюбленностей? До меня?

— Мне следовало бы предложить тебе сделку. — Джоул махнул рукой: «Ладно, не важно», — и Корделия улыбнулась: — Но я тебя пожалею. Нет, при том, что столицу прямо-таки наводняли красавцы офицеры, его не интересовали те, кем можно только любоваться как дивным закатом или породистой лошадью. Для Эйрела в первую очередь было важно, что это за человек.

Он всегда, когда мог, брал к себе на работу умных и одаренных офицеров, и если им случалось пройти первичный отсев, тем лучше. Офицеров с незаурядными качествами днем с огнем не сыщешь. Три в одном…

Джоул снова попытался жестом остановить ее, но Корделия только отмахнулась:

— Не перебивай! Он увидел тебя впервые, когда вручал ту самую медаль, верно? К тому моменту он уже подробно изучил отчеты об аварии на орбите — он всегда так делал, когда должен был вручать награду, — и все твои предыдущие отчеты. Ты как минимум избавил императора от необходимости искать замену примерно сотне военнослужащих, обучение которых стоит очень дорого. — Неудивительно, что Эйрел взял Джоула на работу почти сразу же, как только получил разрешение врачей. *Другая* вербовка случилась чуть позже.

Джоул поморщился:

— Всегда такое странное чувство, когда рассказывают о тех событиях, а я о них практически ничего не помню. Последствия гипоксии, наверное, не говоря уже о потере крови. Так, во всяком случае, считали мои врачи из Имперского военного госпиталя. А мне оставалось только

мучиться вопросом — что, если придется сделать это еще раз, а я не сумею вспомнить *как*? — Он улыбнулся и покачал головой: — Господи, я ведь был тогда совсем мальчишка.

— Ты был старше, чем когда-либо прежде. Как и все мы, надо думать, — сказала она и, чуточку помолчав, спросила: — А раньше, до Эйрела, ты ни разу не задумывался о своей ориентации?

Он пожал плечами:

— Если не считать эксперименты в четырнадцать лет. Я до того встречался с женщинами, насколько позволяла карьера, — правда, не слишком часто. Но насчет ориентации — нет, ни разу не щелкнуло. После Эйрела я, кажется, понял, в чем дело. — Он поглядел на нее сквозь ресницы. — Поначалу я тебя жутко боялся. Думал, дело кончится тем, что моя голова тоже окажется в подарочном пакете.

— Да, мне не сразу удалось тебя успокоить.

— И я обнаружил, что с прославленной графиней-бетанкой можно говорить буквально обо всем. До тех пор я ни разу не думал о себе как о наивном деревенском мальчишке.

Корделия хихикнула:

— На колонии Бета для таких случаев есть специальные сережки. Их можно купить в любом

ювелирном магазине.

— Ага. Кстати, напомни мне как-нибудь рассказать тебе о бетанском коммерсанте-гермафродите, с которым я познакомился, когда служил третий срок в конвое. Без твоих уроков я упустил бы… ну, в общем, это была совершенно необычная (колоссальная!) неделя. — На долю секунды его лицо преобразилось в сладостном восторге, всплывшем откуда-то из глубин памяти. Такого выражения Корделия не видела у него уже очень давно. В том, что оба они последние три года ходили как зомби и жили полностью на автопилоте, никакой загадки не было; вопрос в том, когда это стало *привычкой*.

— Я рада, что ты сумел преодолеть свою… э-э… застенчивость к тому моменту, когда снова приехал к нам на Зергияр.

— Возможно, этому помогли прошедшие годы и капитанское звание за плечами.

— Что-то, конечно, помогло, — дружески кивнула она.

Повисло чуть напряженное молчание.

Он покрутил ножку бокала, посмотрел ей прямо в глаза!

— Это будет нелегко и непросто.

— Так и раньше никогда просто не бывало. И

почему же сейчас должно стать иначе?

Он рассмеялся — негромко, но искренне.

Они еще немного задержались обсудить деловые вопросы — на колонии Хаос деловые вопросы неисчерпаемы, — а потом вместе встали из-за стола. Он не предложил ей руку, хотя и мог сейчас это сделать вполне беспрепятственно, — а она, шагая рядом с ним к выходу, держала дистанцию. Джоул помог ей сесть в лимузин, который подогнали ко входу. Машина тронулась с места, и она, обернувшись, смотрела сквозь фонарь кабины, как он идет к своей машине. Он сел за руль и смущенно помахал ей, когда ее лимузин сворачивал на улицу. Его рука снова коснулась нагрудного кармана.

Корделия понимала смятение, охватившее Оливера. Как ей казалось, он никогда не осмысливал для себя все в целом. Черт возьми, если и существовал когда-либо человек, *достойный* быть любимым… Но если после смерти Эйрела он и завел какие-то связи, то ей об этом не рассказывал, а впрочем, он и не обязан. Ее попытки сватовства в барраярском стиле всю жизнь производились чисто наудачу, но все равно хотелось бы как-то ему помочь. Только вот Оливер был человеком очень нетривиальным… «Потому-то

я и рассказала ему все и сразу», — напомнила она себе.

Лимузин Корделии свернул за угол, и высокий одинокий силуэт Джоула скрылся из виду.

Глава вторая

Подъехав за двадцать минут до назначенной встречи с доктором Таном, Джоул не смог заставить себя войти в здание репроцентра и решил пока прогуляться по переулку.

Да, в Каринбурге уже есть переулки, а ведь с момента его основания прошло всего-то лет тридцать пять — сорок, смотря как считать. Чтобы застолбить новую планету-колонию, барраярцы первым делом возвели здесь военную базу и космопорт, укрытые в кратере потухшего вулкана. Вулкан был частью горной гряды, которая подобно стражу возвышалась над бескрайней равниной. Джоул видел самые ранние фотографии Каринбурга, запечатлевшие грязную улицу, где вместо домов стояли приспособленные под жилье старые военные модули (некоторые — явно краденые), наследие самой первой, примитивной базы. Как и в любом маленьком городке, выросшем возле крепости на Старой Земле или на Барраяре Периода Изоляции, здесь поначалу открывались в основном бары и бордели. Но когда стали прибывать первые законные граждане-колонисты и был назначен вице-ко-

роль, эти заведения постепенно стали уступать место другим. Историческая правда о весьма небезупречных первых годах с удивительной быстротой менялась в пользу более романтического варианта, и теперь, похоже, все шло к тому, что главы эти будут полностью переписаны, превратившись в декорации для приключенческих романов.

Сейчас — как и все последние десять лет — самые бурные политические дискуссии велись по поводу переноса столицы в другое, более подходящее место на этом или одном из пяти других континентов. Те, кто уже успел сделать в Каринбург крупные капиталовложения, отчаянно этому сопротивлялись. И хотя у вице-королевы имелись десятки научных обзоров, свидетельствовавших в пользу переноса, Джоул сильно подозревал, что в этом сражении с инертностью человеческой природы Корделию постигнет одно из немногих ее поражений. А тем временем протогород бурно рос, расширяясь во все стороны.

Эти размышления снова привели Джоула к дверям Каринбургской репродуктивной и акушерской службы, или Караса (сокращение, звучавшее куда как приятнее, чем пугающе длинное официальное). Центр располагался не

в старом полевом убежище, а в специально выстроенном здании, утилитарный вид которого свидетельствовал об ограниченном бюджете, поскольку клиника — хотя и не *эта* клиника — въехала сюда совсем недавно.

«Я смогу. Я все смогу». Не этому ли учил его Эйрел Форкосиган?

Джоул сделал глубокий вдох и решительно вошел внутрь.

…Но когда встал в очередь к стойке рецепции, все равно порадовался, что одет в безликий повседневный гражданский костюм, а не в зеленую военную форму со знаками различия. Хотя, конечно, на улицах Каринбурга имперские мундиры — вполне привычное зрелище. Перед ним в очереди стояли несколько человек: еще один мужчина, женщина и пара. Все они тут же обернулись на него посмотреть, и Джоул даже не знал, то ли радоваться, что он тут не один, то ли огорчаться, что привлек к себе внимание. Всех попросили подождать пока на неудобных стульях, стоявших вдоль стены, но когда Джоул назвал свою фамилию, регистраторша вскочила с места и провозгласила на весь зал: «Ах да, адмирал Джоул! Вице-королева говорила, что вы должны прийти. К доктору Тану — сюда».

Девушка проводила его через дверь в маленький коридор, в котором чувствовался слабый запах дезинфекции, как и во всех медицинских учреждениях, где приходилось бывать Джоулу. А может быть, эта тревога гложет его из-за какой-то глубинной памяти о прежней боли и травмах? Нет, наверное, нет.

Девушка привела его в комнату, где стояло несколько столов с комм-пультами. Находившиеся здесь сотрудники сосредоточенно вглядывались в устрашающие колонки цифр и кричаще яркие клубки (Джоул решил, что это молекулярные карты). Разные цвета и фасоны лабораторных халатов, должно быть, обозначали подобно имперским мундирам и нашивкам различные функции, ранги и обязанности, но ключа к этому шифру у него не было. И здесь было гораздо больше персональных сенсорных панелей, игрушек, голо-кубов, сувениров. Одежда под халатами тоже у всех была самая разная, несколько молодых людей носили настоящие бетанские саронги и сандалии, хотя непонятно, были ли они при этом настоящими бетанцами. Ну, хотя бы кофейные кружки здесь выглядели привычно.

Регистраторша проводила его к столу, за кото-

рым сидел худощавый темноволосый молодой человек в голубом халате до колена. Под халатом он носил брюки и рубашку в типично зергиярском стиле.

— Доктор Тан, к вам адмирал Джоул.

— О, превосходно! Минуточку… — Он взмахнул пальцем и завершил свою работу на комм-пульте, закрыв картинку с загадочно мерцающими яркими линиями. После чего поднялся из-за стола и, улыбаясь, крепко пожал Джоулу руку. Регистраторша упорхнула.

Доктор Тан был смуглый и пышущий здоровьем. Черты его лица трудно было соотнести с какими-либо конкретными земными предками: в отличие от населения Барраяра — планеты, потерянной, изолированной в течение шести веков и вновь открытой всего столетие назад, — бетанцы уже несколько поколений использовали генетический клининг и реконструкцию, а значит, у любого из них могли быть какие угодно предки.

— Здравствуйте, адмирал! Добро пожаловать в Карас. Очень рад, что вы пришли. Друг вице-королевы — наш друг, не сомневайтесь!

Заслышав в речи незнакомца такой знакомый бетанский акцент, Джоул почувствовал

себя несколько дезориентированным, но все же ответил на рукопожатие и произнес слова приветствия. Этот родной, привычный акцент не должен влиять на его решение, убеждал себя Джоул… Или он уже все для себя решил? А раз так, зачем он сейчас проделывает все эти необходимые формальности?

— Вице-королева Форкосиган сказала, что у вас будут вопросы и что я должен на все них ответить. Не хотели бы вы начать с небольшой экскурсии?

— М-м… да, конечно. Пожалуйста. Единственный репроцентр, где мне довелось побывать, тогда еще не был введен в эксплуатацию. — Это было на Барраяре, в столице округа Форкосиганов Хассадаре, на торжественной церемонии открытия, которую тогдашний премьер-министр Форкосиган, а стало быть, и его помощник посетили, чтобы поддержать медицинские проекты леди Форкосиган.

Доктор отвел его надеть одноразовый защитный костюм, после чего проводил в самый конец коридорчика, к двойным дверям. Шагнув внутрь, Джоул оказался в ярко освещенной клинической лаборатории. Здесь под вытяжными колпаками стояли лабораторные столы со всяческим

оборудованием, с десяток техников сосредоточенно склонялись над пультами сканирующих устройств. Лаборатория чем-то напоминала тактическую рубку на корабле, только здесь никто не выглядел даже чуточку усталым, и каждое движение защищенных перчатками рук было тщательно выверенным, размеренным и спокойным.

На первом столе, где работали несколько особо увлеченных техников, осуществлялось самое главное — оплодотворение. Несколько контейнеров с жестко регулируемой температурой содержали питательную среду с ранним клеточным делением. Лабораторные установки на следующем столе предназначались для того, что доктор Тан назвал контролем качества — иначе говоря, для генсканирования и коррекции. Второй ряд тепловых шкафов продолжал следующую стадию тщательно наблюдаемого развития, а за последними столами производились имплантации ратифицированных эмбрионов и их плацент в маточные репликаторы, которые станут им домом на следующие девять месяцев.

Пройдя в следующую дверь, Тан освободил своего гостя от измятого бумажного комбинезона и шапочки и провел его через ряд помещений, где

хранились сами репликаторы, установленные в пять рядов в высоту. Индикаторы на приборных панелях контролировали ход процесса. Приятная музыка чередовалась с различными естественными звуками из скрытых динамиков. Индивидуальные звуковые выходы давали возможность транслировать запись тихих, ласковых голосов родителей, которые что-то говорили или читали. Джоул нашел это жутко бодрящим. Или скорее — бодряще жутким? Он задумался. Все эти выстроенные рядами контейнеры содержат в себе самые горячие надежды отдельных людей — или пар — на будущее. Следующее поколение зергиярцев. Через пятнадцать лет эти беспокойные биологические комочки будут ходить по каринбургским улицам, одетые по непонятной моде, слушая раздражающую музыку и не разделяя политических взглядов своих ретроградов-родителей. Через двадцать пять лет они станут решать задачи, которые он, Джоул, сейчас даже и вообразить себе не может, а некоторые, наверное, снова вернутся сюда и будут работать в этом репроцентре или его преемнике. Или отдадут собственные гаметы для того, что вице-королева называла генетической лотереей.

Могли бы среди них оказаться и его дети?

«А пожалуй, да, могли бы».

— А зародышей… младенцев… их никак не могут перепутать? — О таких неприятностях ходило немало слухов. Впрочем, как заметила Корделия, большей частью их распространяли люди, страдающие иррациональным неприятием репроцентров.

Доктор обиженно улыбнулся:

— Наши техники — люди чрезвычайно добросовестные, но, чтобы успокоить тех, кто — скажем так — не слишком образован биологически, можно проверить генетику любого младенца. Для этого достаточно нескольких буккальных мазков и трех минут на сканере во время принятия родов. Или в любое время до родов — фактически с репликатором амниоцентез становится тривиальной процедурой. Услуга бесплатная — точнее, она уже включена без всякой дополнительной оплаты. — И, немного помолчав, добавил: — Вы, барраярцы, очень часто об этом спрашиваете. Вице-королева как-то раз предложила мне в таких случаях отвечать, что у нас вероятность ошибки доказуемо статистически ниже, чем при естественном методе, но последний вице-король разъяснил, что вряд ли это будет принято без обиды.

— Понятно, — кивнул Джоул и тут же попытался придумать несколько более удачных технических вопросов, чтобы искупить в глазах этого человека его барраярский IQ. Вообще-то он ничего не имел против горстки галактических иммигрантов на Зергияре, но, как ни крути, они порой бывают редкими занудами.

Он уже собрался было поведать свою собственную историю как естественнорожденного, без генетической чистки, чтобы доказать — что? Джоул и сам не мог толком сформулировать и в итоге отказался от этой мысли.

Доктор Тан отвел его обратно, в другой кабинет рядом с приемной, и оставил там наедине с автоматическим регистратором, который в мельчайших подробностях принялся заполнять его историю болезни. Джоулу удалось ускорить сей утомительный процесс, подключив свою военную медицинскую карту, которую он вчера вечером как раз для этого и сохранил на наручном комме, удалив предварительно все сведения с неистекшим сроком секретности. К счастью, программа привыкла иметь дело с тайнами личных дел барраярских военных — довольно многие ветераны с базы хотели после демобилизации остаться здесь или вернуться позже. Заполняла

ли Корделия карту Эйрела? Да, она должна была это сделать, когда заполняла свою. Так или иначе, Джоула об этом никто не попросил. Тан, вернувшись, спас его от дальнейших размышлений.

— Еще вопросы? Готовы к следующему шагу? — жизнерадостно поинтересовался доктор.

У Джоула на языке вертелся вопрос: «К какому?» Не дожидаясь ответа, Тан кивком пригласил высокопоставленного гостя следовать за ним. По дороге он заглянул куда-то и взял какие-то предметы — Джоул не сумел разобрать, какие именно, — а затем привел его к другой закрытой двери с табличкой «Кабинет отцовства». На табло были слова «занято/свободно». Магнитный перекидной ярлык гласил «Прибраться», Тан перевернул его на другую сторону с надписью «Не беспокоить».

— Вот ваш контейнер для образцов, — объявил Тан, протягивая оный Джоулу, — с соответствующий маркировкой, как видите. Внутри раствор, в котором ваша сперма будет храниться в целости и сохранности, пока не пойдет в работу. Проверьте, пожалуйста, маркировку — все правильно?

Джоул, сощурившись, прочитал свое имя и цифровой код.

— Точно… да-да, все правильно.

— В случае, если можно так выразиться, конфузливости вы найдете в кабинете много всяких пособий. Я также могу предложить вам дозу назального спрея-афродизиака. Раньше мы выкладывали флаконы в корзину, но они постоянно исчезали, поэтому пришлось ввести нормирование — примите мои извинения. — И Тан протянул ему флакончик.

Джоул, который к этому моменту уже был слегка как под гипнозом, осторожно взял спрей. Доктор открыл дверь и сопроводил его внутрь.

— У вас столько времени, сколько понадобится. Когда закончите, подойдите лично ко мне, — ободряюще проговорил Тан.

Дверь закрылась, оставив Джоула одного в тихой, тускло освещенной небольшой комнате. Он услышал негромкое царапанье лейбла щели, скользнувшего на позицию «занято».

В палате стояли удобное с виду кресло, стул с прямой спинкой и узкая койка, заправленная простыней. На полке выстроились секс-игрушки, с большинством из которых Джоул имел дело в не столь унылой обстановке и при других обстоятельствах, все обмотанные короткими бумажными ленточками с надписью «простерилизовано». Кроме того, здесь имелся видеоплейер

— при быстром просмотре меню там обнаружилось много названий, которые Джоул знал еще по жизни в казармах и на корабле, плюс еще несколько, которые вообще вряд ли когда-либо проигрывались для этих зрителей. Что заставило его на миг задаться вопросом, какие эквиваленты ходили в казармах ИЖБ и есть ли хоть одна женщина, у которой он осмелился бы это спросить. Не Форинниc в любом случае. Возможно, полковник, если они когда-нибудь как следует вместе напьются. Головид предлагал также множество слайд-шоу с красивыми молодыми женщинами, несколько — с красивыми молодыми мужчинами, одно — с красивыми молодыми германами, одно — с весьма ласкающими взор красивыми молодыми пышными дамами и прочие, которые становились все страньше и страньше — так было запрограммировано галактической командой. Еще несколько коллекций слайдов — совсем уж отталкивающие, а две или три — вообще за пределами понимания, хотя Джоул и считал себя человеком, который много путешествовал. В любом случае ничего из предложенного не казалось сейчас возбуждающим.

Он выключил головид.

«Я этим занимался с тринадцати лет. У меня не

должно быть никаких проблем». Да их, в сущности, и не было — с этим у него вроде никогда в жизни проблем не возникало.

Джоул сел на край койки, изучил инструкции относительно контейнера и задумался насчет назального спрея. Это походило на жульничество, неподобающее мужественному, зрелому имперскому офицеру. Заработал ли он себе хоть какие-то поблажки, ему ведь почти пятьдесят?

Это должно было стать самым неэротичным, не говоря уже о том, что в самом неромантичном месте, какое только можно представить. Какая странная ирония: именно здесь он должен выполнить главную биологическую цель всей своей сексуальной жизни?

«Я мог бы это сделать, когда мне было двадцать…» Но с тех пор он уже почти тридцать лет подвергался воздействию жесткой радиации, биологическим опасностям и — самое главное — химическим отравлениям, тут и там в его богатой событиями военной карьере. Одному богу известно, какие повреждения накопились в его гонадах, начиная с той аварии в космосе, из-за которой он в двадцать с небольшим попал в Имперский военный госпиталь. Из самых древних, глубинных слоев памяти периода его

учебы всплыла картинка: парни, работавшие с экспериментальным микроволновым оружием, отпускают шуточки, что будут отцами только девочек… Даже если бы он находился в самых что ни на есть традиционных отношениях, какие только можно себе представить, он все равно бы предпочел именно этот способ. Конечно, «предотвратимые дефекты или болезни» — отнюдь не то, чем любой отец хотел бы одарить своего первенца-сына… м-м, гипотетического ребенка.

«К черту все!» — сказал себе Джоул. Все картинки, которые могли ему понадобиться, хранятся у него в мозгу, в его разуме и памяти.

Он задумался об Эйреле. Это, конечно, истинная сокровищница самых эротических воспоминаний, какие только можно представить. Полный диапазон всего, что только можно испробовать… И вообще это было бы даже очень уместно. Любимое лицо смеялось над ним из прошлого, чрезвычайно удивленное его нынешними затруднениями, но лицо это слишком быстро затянуло холодом, засыпало глиной — пустая оболочка, которую он видел последний раз под стеклом в замороженном гробу, до чего ж несправедливо… и если бы Джоул последовал сейчас за охватившими его мыслями чуть дальше вниз, по

спирали, то закончил бы тем, что вместо мастурбации просто-напросто разрыдался. Нет.

Сдаваясь, он сломал печать на назальном спрее и впрыснул его по очереди в каждую ноздрю. Капельки были холодные, без запаха и, казалось, никак не подействовали. И что дальше?

Внезапно в голове у него само собой всплыло воспоминание: Корделия, быстрым шагом спускающаяся по лестнице в холл Дома Форкосиганов, прикрытая одним лишь полотенцем, обернутым вокруг бедер наподобие бетанского саронга. И он сам, в панике выскакивающий из дверей. Что тогда такое стряслось, пожарная тревога? Угроза взрыва?.. Он не мог вспомнить. А вот полотенце запомнил, да. Ее кожа… да, она именно *носила* свою обнаженную кожу, как космическую броню. Но, увы, какой-то оруженосец или слуга быстренько вручил ей еще одно полотенце. А если бы вместо того, чтобы добавить второе полотенце, убрать то, что было на ней?.. Это… неожиданно оказалось более интересным.

Почему Корделия играет главную роль в его мысленном шоу? Это неправильно. Но, черт подери, это ведь из-за нее он угодил в такое дурацкое положение. Могла бы и потерпеть.

И все же в обрывках воспоминания у нее были

длинные, развевающиеся рыжие волосы — волосы жены Эйрела. А может… может, нарисовать себе ее с короткими? Короткими кудряшками. Да, так явно лучше. А еще можно обойтись без взбудораженных учебной тревогой слуг и оруженосцев Дома Форкосиганов — и, раз уж на то пошло, без самого Дома Форкосиганов вообще. Корделия осталась стоять в белой пустоте. Она взглянула на него, подняв брови: «Мог бы придумать что-нибудь и получше, малыш…»

Да, мог. И он вызвал в воображении свою маленькую парусную шлюпку, первую, которая у него была на Зергияре, на том самом озере, где он имел обыкновение спускать ее на воду. В самой середине озера, подальше от берегов. Косые солнечные лучи. Полный штиль — у него сейчас дела поинтереснее, чем сражаться с парусами и штурвалом. Корделия сидела на скамье на носу лодки, насмешливо глядя на него, и разворачивала полотенце. Да, и оба они без наручных коммов. Коммы они оставили на берегу. Теперь им никто не помешает.

Так, что еще? Чуточку холодного белого вина — ей бы это понравилось. Он вручил ей бокал, и она поднесла вино к губам.

— Отлично, — произнесла Корделия, а уж она-

то явно была тонким ценителем. Она поглядела на Джоула, приятно удивленная. Сбросила с себя полотенце, положила на дно лодки, добавила еще несколько, аккуратно выровняв по центру, вдоль киля — она всегда умела четко оценить действие физических законов в приложении к маленьким лодочкам, да и вообще ко всему. А потом плюхнулась на эти полотенца с той присущей ей прямотой, которая приводила в отчаяние ее светскую подругу и наставницу леди Элис. Корделия потянулась, словно кошка, и на лице ее не было ни усталости, ни грусти.

— Оливер, — выдохнула она, протянув к нему свою сильную руку, и повелительно поманила ладонью. — Иди сюда, — хрипло приказала она…

* * *

Двадцать минут спустя Джоул вышел из маленькой комнаты с контейнером в руке, крышка плотно завернута. Моргнул на ярком свету, проверил ширинку и решительно зашагал искать доктора Тана. Он не *чувствовал себя* пьяным. Походка — он проверил по линии дешевой плитки пола — была абсолютно ровной. Но он чувствовал себя одновременно и бестелесным, и полностью телесным, словно ходячее несоответствие. «Не-

удивительно, что им приходится нормировать это зелье».

Тан, сидевший за рабочим столом, приветствовал его жизнерадостным «О!», взял контейнер и без всяких церемоний поставил на стол.

— Когда… э-э… я смогу узнать, насколько это успешно? — спросил Джоул.

— Я займусь этим прямо сейчас и лично позвоню вам с отчетом… сегодня — не уверен, но не позднее завтрашнего утра.

Джоул удостоверился, что у врача имеется его личный комм-код.

— Все будет прекрасно, не сомневаюсь, — пообещал Тан, внимательно изучая выражением его лица. Джоул постарался напустить на себя самый безразличный вид. — В конце концов, триста миллионов к четырем — довольно хороший шанс. — Тан чуть помедлил. — Что касается отходов — у клиники имеется небольшой, но устойчивый спрос на высококачественные мужские гаметы. Вы, несмотря на возраст, несомненно, соответствуете всем критериям физического здоровья, интеллекта и так далее. Не хотели бы вы пожертвовать излишки для нашего каталога? Само собой, анонимно. — Тан дружески подмигнул: — Мне кажется, ваше лицо — ходовой

товар.

Джоул вздрогнул. Ну, Корделия ведь в некотором роде предупреждала его об этой части беседы, верно?

— Насчет анонимности — не сказал бы, что мое лицо на Зергияре мало кто знает. Я… Давайте сначала дождемся предварительных результатов, а?

— Ну ладно. Но вы и в самом деле подумайте, адмирал.

Доктор вышел из кабинета, чтобы проводить Джоула до самого парадного входа. Интересно, что он этим хотел сказать?

И Джоул снова оказался в освещенном солнцем переулке, чувствуя себя как после п-в-перехода. Двух переходов — туда и обратно. Он тревожно уставился на свой флайер. Надо было спросить Тана, сколько длится последействие спрея, но не возвращаться же теперь снова в клинику. Он чувствовал себя полностью в здравом уме, однако это могло быть иллюзией. Возможно, небольшая прогулка ускорит метаболизацию как для любого опьяняющего вещества. Он повернулся и направился в сторону главной улицы.

Ему запоздало вспомнилось, как Корделия несколько раз упоминала, что она сама родилась из репликатора на высокотехнологической

Колонии Бета. А значит, ее отец, бывший тогда лейтенантом Бетанского астроэкспедиционного корпуса Майлз Марк Нейсмит, тоже пережил в свое время точно такой же опыт, как сейчас Джоул. А ее мать — женский эквивалент, предположил Джоул, хотя женский вариант, наверное, скорее чисто медицинский. Более инвазивный, как он смутно догадывался, но женщинам хотя бы не приходится принуждать к сотрудничеству свое либидо. Интересно, так лучше или хуже? С другой стороны, у них в итоге получилась Корделия. Это… вышло удачно.

Как бы то ни было, сам Джоул пока еще пребывал на стадии обработки данных. Окончательное решение будет принято не раньше чем завтра, а может, и намного позже, если он предпочтет заморозить образцы. Точка невозврата еще не пройдена.

Он обогнал прогуливавшуюся по тротуару молодую колониальную семью; женщина толкала коляску с орущим младенцем, мужчина нес в «кенгуру» спящего малыша — слабые ручонки безвольно лежали у отца на футболке. У Джоула мелькнул вопрос, какой смысл избегать вынашивания детей в течение девяти месяцев беременности, зато потом, когда они вырвутся

на волю и станут более тяжелыми, наоборот, таскать их на себе, но, раз люди так поступают, значит, им это нравится. Он попытался вообразить себя на месте молодого отца. Мог бы это быть его сын? *Внучек*, поправила трезвая часть мозга. «Заткнись!»

Джоул обошел пожилого джентльмена, праздно ожидавшего, пока его собака завершит то, что обычно делают собаки у фонарного столба. Собака. Может, собака — это проще, нормальнее… легче объяснить. Многие прославленные военные, чьи имена остались в истории, имели прославленных домашних животных / верховых животных / любовниц / растения… ну ладно, растения — может, и нет. Хотя некоторые собратья по оружию, отслужив свои двадцать или дважды двадцать лет, с головой погружались в садоводство. Ну, а самые колоритные живые аксессуары были скорее из области мифов или плодами трудов пиар-команды. Он, Джоул, всегда путешествовал налегке.

Прогулявшись несколько кварталов, он оставил позади деловую часть Каринбурга и обнаружил, что находится прямо через дорогу от так называемого Вице-королевского дворца. Название вводило в заблуждение — на самом деле это был

невысокий дом, выстроенный без всякого плана. Правда, окруженный замечательным садом — подарком еще более замечательной невестки вице-королевы. Сад пышно разросся, радуя глаз обилием красок и создавая некую приватность или иллюзию оной. Над воротами все так же висела старая, написанная от руки табличка.

Изначально Вице-королевский дворец был военным модулем, что весьма удручало первого вице-короля. Его несчастные преемники сумели обойтись несколькими военными модулями, собранными в различных комбинациях. По всей длине тянулись полуукрепленные сборные дома неимоверного уродства. Нынешняя вице-королева на первом году их с мужем правления приказала все это демонтировать, освободить место и начала все с нуля — с более разумного и куда более изысканного дизайна. Казармы позади домов, в которых при жизни графа Форкосигана размещались его личные оруженосцы, теперь были преобразованы в различные вице-королевские офисы; единственный оставшийся оруженосец жил в главном здании с несколькими другими старшими слугами.

Повинуясь внезапному импульсу, Джоул пересек улицу и поздоровался с единственным

стоявшим у ворот охранником — еще одно сокращение штатов со времен Эйрела. Сейчас охрана была совсем малочисленной и практически не бросалась в глаза. Против последнего Джоул не возражал, но относительно первого не был так уж уверен, что одобряет.

Охранник, хорошо знавший Джоула, отдал честь:

— Адмирал Джоул, сэр!

— Добрый день, Фокс. Ее светлость дома — для посетителей?

— Для вас, сэр, несомненно, дома. Заходите.

Джоул побрел по извилистой подъездной аллее и почти уже собрался повернуть назад, когда заметил ряды припаркованных лимузинов, многие — с дипломатическими номерами различных планетарных консульств, базировавшихся в Каринбурге. Какая-то дипломатическая встреча? Ах да, сегодня ведь как раз должен был состояться прием в честь нового эскобарского консула. Джоул свалил задачу представления вооруженных сил Зергияра на командующего планетной базы, чтобы дать этим двоим шанс познакомиться в менее напряженной обстановке, прежде чем им придется разбираться с извечными непредвиденными осложнениями, связанными с — ну

вот, увы, абсолютно негипотетический пример — напившимися в увольнительной солдатами и галактическими туристами, слабо информированными о тонкостях барраярской культуры. Гораздо лучше встретиться в первый раз в вице-королевском саду, чем в больнице или, хуже того, в морге Каринбургской муниципальной охраны. У этих изысканных суаре было немало полезных функций.

Как обычно и бывает, невозможность поговорить с Корделией лишь усилила у Джоула стремление это сделать. И он продолжил свою прогулку вокруг дома, заметив одного сотрудника СБ в форме и еще одного, который делал вид, будто выпалывает сорняки, — тот, в свою очередь, заметил адмирала и вежливо кивнул. Знакомый гул голосов и звон бокалов привели его во внутренний дворик, к террасе, которая выходила в сад. Порядка сотни нарядно одетых людей разбрелись по саду с тарелочками в руках, о чем-то беседуя. Джоул помедлил, стоя с краю. По счастью, Корделия, одетая во что-то светлое и струящееся, была в поле зрения и нашла его взглядом буквально в следующее же мгновение. Она тут же отделилась от окружавшей ее полудюжины гостей и направилась к гостю.

— Оливер, — с теплотой в голосе проговорила она. — Как прошел твой визит в репроцентр?

— Миссия выполнена, мэм, — ответил он, отсалютовав шутливо, но без тени насмешки. На лице ее отразилось радостное удивление. — Мне… нам надо поговорить, но, разумеется, не сейчас.

— Прием уже фактически заканчивается. Если продержишься тут где-то с полчаса, я от них потихоньку избавлюсь. Или возвращайся позже.

К несчастью, на этот вечер у него были намечены рабочие дела.

— Я не в мундире, — с сомнением сказал он.

— Ой, ну пусть эти параноидальные инопланетники полюбуются ради разнообразия на неопасного барраярского офицера. Это расширит их кругозор.

— Это как раз нецелесообразно. В том-то и смысл наличия здесь всех нас, имперцев, чтобы сделать наши точки перехода п-в-туннелей непритягательными для незваных гостей.

Корделия усмехнулась:

— Ты прекрасно выглядишь. Прикинься паинькой. Ты это умеешь, я знаю. — Она удалилась, и к ней тут же направились несколько человек, с тайными планами или без оных.

Джоул почувствовал, как автоматически пере-

шел в состояние дипработника, что немудрено при такой долгой практике. Первым делом он отловил в толпе своего командующего базой генерала Хайнса, который, как положено, был в зеленой парадной форме и выглядел соответственно могучим и неприступным. В такую жару ноги в высоких сапогах наверняка жутко вспотели.

— Эй, Оливер, ты здесь! — воскликнул генерал. — Вот уж не думал, что сумеешь выбраться. Тут что-нибудь затевается? — И, с надеждой в голосе: — Я уже могу уйти?

— Нет — и нет. Я просто заглянул ненадолго. — Он обвел взглядом собравшихся, уже достигших стадии пьяного релакса. — Как тебе новый эскобарский консул?

— Вполне разумный, похоже, хотя и молодой. По крайней мере, у него только один пол благодарение Богу.

Проследив за взглядом Хайнса, Джоул увидел знакомую андрогинную фигуру бетанского консула, мило болтавшего с вице-королевой. Консул Вермийон был бетанским гермафродитом, одним из тех, что были созданы на этой планете с помощью биотехнологии, двуполых… их нельзя назвать ни видом, ни расой… Джоул остановился

на определении «меньшинство». Если назначение сюда герма задумывалось как культурный вызов местным барраярцам, все планы с треском провалились, весьма позабавив вице-королеву. Довольно многие из персонала консульства в Каринбурге были молодыми дипломатами, только начинавшими свою карьеру; если не облажаются на Зергияре, у них есть шанс попасть в более престижное — и менее либеральное посольство в Форбарр-Султан. Вице-королева по секрету сообщила Джоулу, что, по ее мнению, консул Вермийон, вполне возможно, станет следующим бетанским послом, который представит верительные грамоты императору Грегору — глаза ее при этом вспыхнули весельем, но слегка тревожно.

Официантка остановилась, чтобы предложить Джоулу напиток на подносе.

— Как обычно, сэр?

— Спасибо, Фрида. — Джоул отпил глоток. Газировка, лед и прочие ингредиенты из бара служили для того, чтобы придать этому напитку маскировочную окраску — он научился не пить спиртного там, где можно нарваться на дипломатическую подставу, еще когда был помощником премьер-министр, и привычка сохранилась.

— А, да, где-то тут бродит твоя девица Фориннис — да, вон она! — Генерал Хайнс кивнул в сторону невысокой фигурки в форме женского батальона — зеленой юбке с жакетом и туфельках. В такую жару это явно было комфортнее брюк и полусапог. Фориннис робко стояла в другом конце сада, сжимая в руках нетронутый бокал с каким-то напитком. — Мне пришлось объяснять ей, что личное приглашение, которое она получила от вице-королевы в самый последний момент, гораздо важнее запланированной на сегодня рутины.

— Прекрасно. Они только недавно познакомились, буквально на ходу. Ты уже представил ее?

— Только что. Она, похоже, язык проглотила?

— Ну, Корделия ее от этого излечит — со временем. Позаботься еще, пожалуйста, чтобы она вернулась домой на базу; у меня, м-м… после этого еще намечено внеплановое совещание с вице-королевой.

Хайнс кивнул, окинув девушку оценивающим взглядом.

— Как она, с работой справляется?

Джоул пожал плечами:

— Пока все нормально. Она увлечена работой и явно набралась немного столичного лоска за время службы в Форбарр-Султане, — а может,

форская кровь сказывается. — Он задумчиво помолчал. — Когда доходит до дележки ресурсов и персонала, зергиярской команде обычно всегда достаются одни остатки.

Хайнс вздохнул:

— Об этом я уже догадался.

— Право выбирать первыми всегда дают комаррианской команде, исходя из теории, что если горячая точка и возникнет, то у них, а вторым выбирает флот метрополии. Они постоянно отжимают себе лучших мужчин. Нам достаются остатки. А остатки, как выясняется, — это множество лучших *женщин*. Я б сказал, присылайте еще. — И, помолчав, благоразумно добавил: — Нет, эту я тебе похитить не дам.

Хайнс хмыкнул, но бросил мысленно заполнять свое штатное расписание вакансий. Джоул кивнул на прощание и удалился под каким-то предлогом, чтобы дать шанс тем, кто захочет с ним пообщаться. Это зачастую был самый быстрый способ найти то, что он искал — если только искал, — неприятностей на свою голову.

— О, адмирал Джоул! — послышался сзади чей-то голос.

Джоул повернулся, изображая приветливую улыбку. К нему подошли исполняющий обязан-

ности гражданского мэра Каринбурга и один из членов Совета. Завидев это, два главных соперника мэра на предстоящих гражданских выборах тоже направились к Джоулу. Все они настороженно-фамильярно раскланялись друг с другом.

— Как я рад, что удалось вас поймать! — воскликнул мэр Йеркес. — Говорят, вы собираетесь в следующем году закрыть базу. Это правда?

— Нет, конечно, сэр, — ответил Джоул. — И кто только распускает подобные слухи — вы не знаете?

— Должно же о чем-то говорить оживление среди гражданских подрядчиков, — проигнорировал Йеркес ироническую реплику.

— Не секрет, что его императорское величество дал позволение открыть вторую базу, — без запинки ответил Джоул, мысленно добавив: «Теперь, когда Генеральный штаб наконец-то сразился с ассигнованием через Совет графов». Возможно, молчаливое большинство членов Совета вспомнили боевые действия, которые несколько лет велись в Форбарр-Султане. — Для сил обороны единственной планетной базы всегда было недостаточно, не только в случае нападения, но и в случае стихийного бедствия. Покойный вице-король Форкосиган настаивал на

этом расширении почти с той секунды, как нога его ступила на Зергияр. Можете не сомневаться, что его вдова увидит, как воплотятся его мечты.

— Да, но где? — вклинилась в разговор мадам Моро.

— Вопрос пока еще обсуждается. — На самом деле осталось только бросить жребий: Гридград или Новый Хассадар. Сам Джоул положил глаз на оба, но не рассчитывал получить их — во всяком случае, не одновременно. Эта информация пока держалась в секрете, чтобы ограничить взрыв финансовых спекуляций, который неизбежно последует за разглашением.

— Уж вы-то просто *должны* знать больше.

— Я бы так не сказал, мэм.

Мэр Йоркес посмотрел на него с удивлением и разочарованием. Моро и второй претендент, Кузнецов, выглядели расстроенными. Карин-бургская планетарная военная база, так или иначе, все еще была крупнейшей экономической единицей региона, хотя теперь ее потихоньку вытесняли расширяющиеся правительственные учреждения и оживленный гражданский космопорт, принимающий неиссякаемый поток новых колонистов. Как бы то ни было, после еще нескольких наводящих вопросов все трое остави-

ли его в покое, чтобы попытать удачи с Хайнсом. Тщетные старания, но Джоул не мог их за это осуждать.

Сбоку уже стояла лейтенант Форинниc, которая засекла шефа как раз перед тем, как его окружили озабоченные кандидаты в мэры.

— Сэр, генерал Хайнс сказал, что я должна сопровождать его, сэр?..

— Совершенно верно, лейтенант.

Девушка явно успокоилась.

— Итак, что вы думаете о вице-королеве теперь, после того как у вас был шанс обменяться с ней парой слов? — весело поинтересовался Джоул.

— Она не такая пугающая, как я думала. — Впрочем, по тону Форинниc чувствовалось, что в этом она еще не до конца уверена. — Я знаю, что она уже бабушка, но для бабуленции она… похоже, слишком пофигистка?

— Да, она такая, — улыбнулся Джоул. — Жаль, что вы не познакомились с ней до того… — «До того, как половина ее света погасла».

— Не представился случай, сэр.

— Да, понимаю. — Он поглядел поверх ее форменного берета. — Тревога! К нам приближаются цетагандийцы. — Форинниc повернулась посмотреть, куда он указал кивком.

Несмотря на свой статус гем-лорда, цетагандийский консул в Каринбурге был одет по-местному, в казуальном стиле — рубашка и брюки, которые, будучи, вне всяких сомнений, удобными, каким-то образом выглядели раз в пять дороже, чем те, что носили все остальные. Атташе по культуре повезло меньше — он, подобно Хайнсу, был втиснут в мундир, абсолютно не подходящий для солнечного дня: темный, с тяжелой накидкой. Тоже гем, с официальной раскраской своего клана на лице: синие и зеленые загогулины, причудливо оттененные золотом, придавали ему несколько подводный вид. Менее важный гем на менее важном приеме традиционно обошелся бы в такой день маленькой цветной наклейкой на скуле, как, собственно, и сделал сам консул соответственно своей одежде. Расфуфыренный атташе — либо робкий новичок, либо почему-то не был информирован своим начальством, что довольно странно. Консул, который наконец заметил появление Джоула, сказал что-то на ухо своему подчиненному и направился в его сторону.

Пока парочка гем-лордов украдкой пробиралась к нему, лавируя среди гостей, Джоул прокрутил перед мысленным взором текущую

диспозицию всех передвижений около планеты, но на момент утреннего доклада все было тихо и рутинно. У мультискачкового маршрута, ведущего через последовательность п-в-туннелей к ближайшему из восьми основных миров Цетагандийской империи, Ро Кита, была своя станция на пути между Комаррой и Зергияром, причем ближе к первой. Следовательно, имелась возможность сократить маршрут и Барраярской Империи — с Зергияра и всего, что находится дальше по ту сторону. Потому-то команда Комарры удерживала в военном отношении точки перехода для нескольких пустых систем, а на примерно трех четвертях пути уже действовала Ро-Китянская команда, делая то же самое со своей стороны.

Последняя открыто враждебная переброска сил, которую предприняли цетагандийцы на этой четверти, произошла больше сорока лет назад, на втором году регентства Эйрела при малолетнем императоре Грегоре. Сразу после Мятежа Фордариана — попытки дворцового переворота на Барраяре, чуть было не свергнувшего новое, еще не утвердившееся, правительство Эйрела, — Цетаганда захотела оттяпать у Барраяра завоеванную Комарру и недавно открытый

Зергияр. Ударным силам цетагандийцев так и не удалось этого сделать, используя последовательность п-в-туннелей, упорно удерживаемых барраярским адмиралом Канзианом, которого вскоре поддержало подкрепление, прибывшее во главе с самим Эйрелом. Когда Эйрел вернулся домой, его встречали как героя, хотя полный триумф был несколько подпорчен очередным восстанием на Комарре.

Эйрел считал, что все три события, которые произошли одновременно, были частью цетагандийского плана. Такая лавина могла сокрушить даже его, но мятеж закончился внезапно, за много месяцев до предполагаемых сроков, и взбунтовавшиеся комарриане, чья программа не включала в себя замену барраярской оккупации на цетагандийскую, хоть и готовы были принять помощь, не смогли прийти к единому мнению и упустили время. Таким образом, Эйрелу пришлось справляться с каждым кризисом по отдельности, а не со всеми разом. Это продолжалось несколько адовых лет, прикинул Джоул. Но Цетаганда больше не пыталась использовать *тот* маршрут.

А личная трагедия Эйрела и Корделии с их покалеченным солтоксином сынишкой Майлзом проходила через все это постоянным контра-

пунктом, что сейчас по-новому осознал Джоул. Собственная перспектива стать отцом сделала эту мысль менее отстраненной и более тревожной.

— О, адмирал Джоул, как я рад вас здесь видеть! — сказал цетагандийский консул, второразрядный гем-лорд по имени гем Невитт. — Могу ли я воспользоваться этой возможностью, чтобы представить вам нашего нового культурного атташе Микоса гем Сорена?

Джоул обменялся приветствиями с молодым сотрудником, который уставился на его повседневный гражданский костюм с некоторым сомнением, деликатно переданном легким наклоном тела. Джоул, в свою очередь, представил лейтенанта Фориннис, взиравшую на высокого гем-лорда с холодным сомнением кошки, которой предлагают подружиться с собакой. Ответный строго отмеренный полупоклон гема был почти столь же сомнителен. У цетагандийских военных тоже была женская вспомогательная служба с собственными давними традициями, но почти все, кто там служил, были генмодифицированные цетагандийки незнатного происхождения.

Форы — исторически сложившаяся каста воинов. Гемы — тоже, но они имели более сложное социальное происхождение: полупростолюди-

ны-полуауты, нечто среднее, лучше первых, но недотягивающее до вторых. Этот эндогенный комплекс неполноценности вызывал у гемов нервическую реакцию по поводу статуса. У форов как класса тоже были свои психические травмы, по мнению Джоула, преимущественно нанесенные себе самостоятельно, но тайных страхов генетической бездарности среди них, как правило, не было.

Возраст гема Сорена трудно было на глаз определить из-за раскраса на лице и цетагандийских ген-модификаций, но Джоул имел преимущество — досье СБ, присланное ему на прошлой неделе, включало в себя стандартную оценку всех подобных рубрик. Атташе было тридцать лет, молодой для своего положения среди цетагандийцев-долгожителей. Карьерист? Глупый вопрос. Раз он гем-лорд, то, конечно, честолюбив.

— Добро пожаловать на Зергияр, лорд гем Сорен. Надеюсь, вы найдете это назначение приятным.

— Благодарю вас, сэр. Единственное, о чем я сожалею, — это что меня назначили сюда слишком поздно, чтобы познакомиться с легендарным адмиралом Форкосиганом.

Джоул вежливо кивнул:

— Знакомство с ним было честью.

— Вашему императору должно очень не хватать его и его стратегических познаний.

После смерти Эйрела Джоулу уже десятки раз приходилось вести подобные, несколько провокационные, беседы со многими галактическими наблюдателями.

— Его не хватает, это действительно так, но в том, что касается его познаний как стратега… Он был не только великим человеком, но и великим учителем и передал многим молодым барраярцам свою проницательность и навыки. Адмирал Форкосиган более двадцати лет был моим наставником, и я могу засвидетельствовать это из личного опыта. — «Расшифруй-ка, что я имел в виду, ты, цетагандийский щенок! В вооруженных силах не много найдется офицеров, более пропитанных эйреловской выучкой, чем я, а я стою на страже на вашем выходе п-в-туннеля, так-то вот. Даже и не думайте пытаться!» — И, разумеется, я по-прежнему пользуюсь преимуществами огромного опыта и мудрости вице-королевы Форкосиган, — плавно продолжил Джоул. — Мы сотрудничаем очень плотно. Думаю, вы найдете свое путешествие сюда, на Зергияр под ее эгидой, весьма поучительным во многих аспектах.

— Буду на это надеяться, сэр. — Гем Сорен огляделся по сторонам. — Ее сад почти достоин работы наших гем-леди.

«Он лучше, гем-мальчишка, и ты сам это знаешь». Цетагандийцы сделали искусство ареной генетических сражений, превратив его скорее в вид спорта — или войну.

— Как мило с вашей стороны, что вы это отметили. Конечно же, этот сад для нее — источник наслаждения. Непременно ей это скажите. Это удивит ее в высшей степени. — Джоул с фальшивой любезностью поднял палец. — О… боюсь, у вас краска на лице потекла, милорд. Здешняя температура немилосердна к парадной одежде. Возможно, вы хотите заскочить в туалет и подправить узор, пока вице-королева этого не увидела, хотя она, разумеется, никогда ни слова не скажет…

К удивлению Джоула, молодой гем вздрогнул и поднял руку к своему раскрашенному лицу. У Фориннис лишь чуточку расширились глаза — да, она прекрасно умеет скрывать эмоции. Консул, высмотрев на другом конце сада вице-королеву, которая как раз осталась одна, искусно завершил беседу парой избитых дипломатических фраз и отбуксировал за собой новоиспеченного

помощника.

— Ни разу еще не встречалась с гем-лордом нос к носу, а уж тем более в полном раскрасе, — заметила Фориннис. — Хотя и видела некоторых на улицах Форбарр-Султана, в окрестностях посольского квартала.

Джоул улыбнулся:

— Мелкие любезные критические замечания, сделанные тоном ласкового участия, обычно служат тому, чтобы противостоять худшим проявлениям их прирожденной наглости.

— Я поняла, сэр.

— Если подобной удачной возможности не предоставится вообще, — добавил он после недолгого размышления, — то почти так же может сработать восхваление превосходства аутов, которым никакому гему никогда не стать.

Оба они отследили краем глаза, как гем Сорен осторожно прокрался по саду к гостевой уборной — маленькой будочке, чьи прозаические функции были закамуфлированы хорошо продуманным буйством растений и лиан.

Фориннис слегка скривила губки:

— А упоминания побед барраярцев над гемами тоже могут сработать?

— Да, но только очень деликатно. Намеком. В

команде адмирала Форкосигана нам, разумеется, ни разу не приходилось заявлять это во всеуслышание.

— Деликатнее, по-моему, просто невозможно.

— В те времена оно, конечно, работало. — «Хотя теперь нам придется найти что-то еще».

Несмотря на тысячи песен и легенд о молодых женщинах, выдававших себя за юношей и идущих в бой вслед за своими братьями/возлюбленными/мужьями или чтобы отомстить, форессы исторически не были воинами. Некоторые из этих историй даже были подлинными — правда обычно выяснялась в тогдашних походных лазаретах или моргах. Завершение Периода Изоляции и официальное введение медосмотров по всем галактическим правилам положило той эпохе конец.

Форессам чаще воздавали хвалу как матерям воинов, но в отдельных случаях они, бывало, и воевали. Например, когда оставленные дома фор-леди были вынуждены героически защитить сторожевую башню или трагически погибнуть. В самый разгар Кровавых Веков прославилась знаменитая графиня Фориннис, которая насмехалась над осаждавшими, державшими в заложниках ее детей. Стоя на зубчатых стенах, потрясая своими

юбками и наклоняясь, чтобы продемонстрировать врагам свой зад, графиня кричала, что они могут хоть наизнанку вывернуться, а она еще детей заимеет оттуда же, откуда и те! Осада провалилась, и дети выжили, но Джоул не мог удержаться от мысли, что семейные хроники того поколения, должно быть, лукавили в своих свидетельствах с безопасного расстояния. Надо бы спросить на днях нынешнюю Форинниc, не является ли она прямым потомком.

Толпа гостей наконец-то стала редеть. «Да! Все, черт подери, разъезжаются! Теперь мне нужна вице-королева!» Отослав Форинниc обратно к Хайнсу, Джоул потягивал очередной фальшивый коктейль и пытался сдержать нервную дрожь в ожидании своего шанса.

Глава третья

Дипломатический прием, казалось, слишком уж затянулся, но наконец Корделия смогла поручить своим личным помощникам нелегкую задачу — ненавязчиво выпроводить самых нетрезвых не слишком важных персон. Вышколенная домашняя прислуга уже готовилась приступить к уборке.

Закончив с делами, она пригласила Оливера следовать за ней. Когда Джоул столь неожиданно появился на подъездной аллее, он выглядел таким же статным и невозмутимым, как и всегда, но легкий отблеск паники в голубых глазах почему-то вызывал ассоциации с кошкой, по неосторожности угодившей в центрифугу. Корделия привела его в сад, в свой любимый уединенный уголок, осуществила визуальную проверку на предмет заблудившихся дипломатов и, рухнув на удобный шезлонг, сбросила туфли и громко выдохнула:

— Какое счастье, что все закончилось. О, мои ноги.

Оливер, улыбаясь, уселся рядом на плетеном стуле.

— Помню, как Эйрел обычно массировал их тебе после таких испытаний.

— Да. — Корделия вздохнула, погрузившись на миг в воспоминания, которые причиняли боль, но не слишком острую. С внезапно вспыхнувшей надеждой она подняла глаза, но за этим наблюдением со стороны Джоула не последовало, скажем так, предложения сделать то же самое. Ну что ж… Она устроилась поудобнее, скрестила ноги и размассировала себе стопы сама.

— Я видела, как ты дефилировал по саду, — спасибо, — продолжила она. — И какие успехи на этом приеме? Стоит ли обыскать твои карманы на предмет ключей от гостиничного номера, любовных записок на салфетках или дамского нижнего белья? — В былые времена, когда Джоул был красавцем-адъютантом Эйрела, карманы его кителя таили в себе после подобных событий пикантные сюрпризы, даже когда он клялся, что к нему никто на расстояние вытянутой руки не приближался.

— Таинственное дамское белье было только один раз, — запротестовал он весело-негодующе. И после минутного раздумья добавил: — Ладно, два раза, но это было в баре на Тау Кита, и мы все были пьяные. И оба раза так и осталось загад-

кой — могли бы хоть написать свой ком-код на трусиках или еще где. Они что, ждали, что я буду искать их как Золушек? — Он изобразил, будто держит в поднятой руке тоненькие бикини, заглядывая всем в глаза с робкой надеждой собаки, потерявшей хозяина.

Корделия звонко рассмеялась.

— Надо было пустить по следу эсбэшников, зачем же самому утруждаться?

— Эсбэшники и так получали в руки все, что я не мог точно идентифицировать. Иногда мне казалось, что я мог бы разоблачить блестящего цетагандийского шпиона, плетущего подлый заговор, но каждый раз все оказывалось совсем неинтересно.

Корделия ехидно усмехнулась.

— Ну что ж, ничего не поделаешь, — вздохнула она, поудобнее устраиваясь в шезлонге. — И как получилось пообщаться с доктором Таном?

Джоул пожал плечами:

— Он был жутко вежливый. И восторженный. И ужасающе бетанский.

— Это его достоинство или недостаток?

— Просто манера поведения. Это был… более странный опыт, чем я ожидал. — Он, похоже, собирался сказать что-то еще, но затем покачал

головой и явно сменил курс: — Я оставил ему то, что он упорно именовал моим *образцом*. Как будто мои гонады — это форма для выпечки. Следующий шаг, если только все мои гаметы не никчемны… ну, следующий шаг, похоже, предстоит очень скоро.

— Ты знаешь, как это будет?

— Более или менее. Ну, то есть вопрос-то я знаю, а вот ответ… Я должен решить, что делать: либо сейчас просто заморозить образец и отложить все на потом, либо сразу приступить к оплодотворению. А это, в свою очередь, влечет за собой следующий вопрос: заморозить ли все зиготы — эмбрионы? — или запустить какой-то один. Или, например, больше чем один.

— Майлз, когда рассматривал эту технологию для моих будущих внуков, хотел начать сразу с двенадцати, одновременно. Полагаю, чтобы вырастить свой собственный взвод. Я предложила по очереди с Катрионой окунать его головой в воду, пока не одумается, но, как выяснилось, она не нуждалась в моей помощи. Замечательная девочка моя невестка. До сих пор не могу понять, что он такого сделал, чтобы ее заслужить.

Оливер сдавленно всхрюкнул.

— Зная Майлза… могу себе представить. Но нет,

никаких взводов Джоула. Ни взводов, ни даже команды.

— Ты мог бы нанять помощницу. Я это точно планирую сделать.

— Придется, наверное. Не представляю, как еще… Ты ведь не запускаешь всех своих шесть девочек сразу, а?

— Нет-нет! Я изучала оптимальное семейное распределение по возрасту. Насколько я понимаю, какого-то одного варианта тут нет. Точнее, вариантов несколько, в зависимости от того, кто что хочет.

— Когда ты решишь?

— Уже решила, по крайней мере на первом шаге. Я сказала Тану начать все шесть оплодотворений. Фактически процесс уже запущен. Еще несколько дней, чтобы завершить перекрестный контроль относительно генетических дефектов и провести все необходимые коррекции, и потом пять пойдут в морозилку, а шестая в духовку, так сказать. И через девять месяцев Аурелия станет… моей проблемой. — Она неуверенно улыбнулась. — Это чуточку пугает, но на самом деле с ней вряд ли будет больше хлопот, чем было с Майлзом.

Оливер иронически кивнул, признавая ее

правоту.

— Чем больше я узнаю про твой первый год на Барраяре, тем сильнее удивляюсь, что ты вообще там осталась.

— Я не могла вернуться на Бету. Тогда, сразу после войны с Эскобаром, я практически полностью сожгла все мосты. Но да… Меньше чем за восемнадцать месяцев до этого я познакомилась с Эйрелом — *здесь*, прямо на этой планете, которую *я* открыла и которая должна была бы сразу стать бетанской колонией, если б ваши вояки не оказались тут на год раньше. Я помогла им подавить военный мятеж, сбежала, а когда вернулась домой, меня тут же отправили прямиком на войну *против* Барраяра, я попала в плен, снова вернулась домой, *уехала* из дома — сбежала, точнее сказать. Отыскала Эйрела, вышла за него замуж, мы оба планировали идиллическое существование — уединиться в сельской местности и завести кучу детей. И я — сдуру, не иначе, — с головой окунулась в свою первую и единственную беременность. А потом император Эзар зашвырнул его — нас обоих — в это чертово регентство. Потом было первое покушение — я тебе об этом когда-нибудь рассказывала? Акустическая граната. Они промахнулись. И второе

— тоже неудавшееся — солтоксиновая газовая граната. Это была катастрофа. Потом экстренное кесарево сечение, и Майлза запихнули в трофейный маточный репликатор. У хирурга не было совершенно никакого опыта — готова поклясться, этот человек боялся еще больше, чем я. А потом мятеж Фордариана и весь *тот* бардак. Наконец, весной мы вынули Майлза из репликатора, такого покалеченного, бедный малыш, и, конечно, старый граф Петер взорвался, как очередная граната. Дальше последовала жуткая борьба из-за этого с Эйрелом, и все это привело к тому, что они потом пять лет вообще друг с другом не разговаривали, и… это был мой первый год на Барраяре, да. Неудивительно, что я измоталась вконец. — Она откинулась на спинку шезлонга и громко выдохнула. — Но когда я прилетела к Эйрелу, у меня были свои тайные, коварные эгоистические планы. Мы с ним собирались родить шестерых детей. На Бете, с ее строгим контролем численности населения, это было бы жутко асоциально. Он всегда был… Эйрел всегда знал, конечно. Что это было моей мечтой, разрушенной теми событиями. И сожалел, что он не мог — дать мне то, от чего пришлось отказаться. Вот почему мы и заморозили гаметы, когда у нас

появилась короткая передышка.

— Значит, он всегда планировал подарить тебе еще детей.

— Я бы скорее сказала, надеялся. К тому времени мы оба в значительной степени разочаровались в планировании. Это никогда не удавалось. — Она прикрыла глаза. — До сих пор еще не удавалось ни разу. И все же… мы здесь. Сорок лет спустя. Но *здесь*, черт подери! — Она провела рукой по непослушным волосам. — Итак, что ты хочешь? Действительно хочешь, а не просто считаешь наиболее разумным. Или, хуже того, считаешь, что этого хочу я.

— Я думаю, что… — Оливер снова замялся, а потом продолжил: — Я думаю, что хочу бросить свой генетический жребий, как ты выразилась. Продолжить сборку и оплодотворение, для всех клеток.

— Ставишь на карту свою заявку на будущее?

— Хорошо хотя бы перейти на следующую стадию мучительных сомнений, какое решение принять. Я уже устал от этого. Или если окажется, что это не получится… — И замолчал, так и не завершив фразу.

Он хотел сказать: «Поставить точку»?

— У тебя все равно останется выбор. Можно

приобрести какие-нибудь другие безъядерные клетки. Кроме того, существует несколько альтернативных методов, чтобы собрать зиготы, — чуть более хитрых.

Он потер лоб:

— Об этом я не подумал. Все это становится все сложнее и сложнее…

— Не до бесконечности. Во всяком случае, появление реальных детей заменяет теорию практикой. И времени, чтобы терзаться из-за… тут порой и дышать не успеваешь.

— Это опыт говорит?

— База данных которого не дает мне, увы, безусловной компетентности. Факт, который должен заставить меня задуматься, но с ожиданием я уже покончила.

Послышались легкие шаги, и из-за кустов появилась Фрида:

— Вам что-нибудь принести, миледи? Сэр?

Корделия быстро прикинула в уме.

— Настоящее вино, я думаю. Не яблочный сок и не воду. Бокал белого, если еще не все выпили. Оливер?

— Мне как обычно, Фрида. — Служанка, кивнув, удалилась. Поймав недоуменный взгляд Корделии, он пояснил: — Мне еще вечером на

службу. Хотя больше всего на свете мне хотелось бы сидеть тут с тобой и напиваться до полуночи. Это, увы, единственное, что дает *иллюзию* решения проблем.

— Я не хотела создавать тебе проблемы, Оливер, — виновато проговорила она. — Хотела сделать тебе подарок.

— Ты прекрасно знала, что делаешь, — фыркнул он.

Она лишь вздохнула и пожала плечами:

— Ну, так или иначе, дальше возникает такой вопрос. Если ты скажешь Тану приступить к оплодотворению, то, перед тем как вновь ступить на борт катера и отправиться на очередную космическую вахту, тебе придется сесть и написать распоряжение относительно наследников. Или распоряжение об уничтожении. Тан выдаст тебе соответствующие формы — клиника приобщает их к делу для каждой зиготы, которая у них находится.

— Распоряжение… о чем?

— Зиготы — в отличие от гамет — являются юридическими лицами. Гаметы — это имущество, часть твоего тела, с которыми случилось так, что они уже в нем не находятся. Зиготы — это неизбежный судебный процесс. Проблемы насле-

дования, видишь ли. С момента оплодотворения, даже если ты решишь заморозить их все — но *особенно* если решишь запустить одну в репликатор, — кто-то должен знать, где твои дети или потенциальные дети закончат, если ты погибнешь во вспышке света, или поскользнешься в душе, или еще что-нибудь, не важно что.

Оливер нахмурился:

— Ты мне как-то рассказывала, что твой отец погиб при крушении катера. Это не просто случайный пример, Корделия?

— Я по-прежнему летаю на катерах, — пожала плечами она.

— Я… гм. Нет, я, признаюсь, не заходил так далеко в своих мыслях. А кого выбрала ты? Майлза, надо полагать?

— По умолчанию — да. Но и с определенной целью тоже. Я не вполне этим довольна — если бы я хотела, чтобы мои девочки воспитывались на Барраяре, я сделала бы это там, а не здесь. Мне следует добавить — если ты не удосужишься сделать надлежащее распоряжение, их опекуном по умолчанию должен стать любой твой ближайший родственник. А это кто?

Он выглядел скорее озадаченным.

— Мать, наверное. Или старший брат.

— А ты можешь себе представить, как они воспитывают твоих сироток-детей?

— Моих? Может быть. С большой натяжкой. Эйрела… — Лицо его скривилось в какой-то непонятной гримасе. — Если бы у меня был традиционный барраярский брак, с детьми, тогда… хотя нет. Возможно, пришлось бы обратиться за поддержкой к семье моей гипотетической жены. Хм.

Корделия потерла глаза ладонями.

— Тогда позволь задать тебе другой вопрос. Где ты думаешь — думал — продолжить свою карьеру в ближайшие десять лет? Куда ты собираешься?

Он вскинул брови и осторожно проговорил:

— Из всех твоих слов я верно понял, что ты нацелилась уйти на покой и остаться на Зергияре? Хочешь поселиться здесь насовсем?

— Эта планета — моя… Понимаешь, все это — новые мысли, с тех пор как моя жизнь раскололась надвое три года назад. Прежде… прежде я планировала вернуться на Барраяр, в округ Форкосиганов, вместе с Эйрелом, когда он наконец выйдет на пенсию, и вместе с ним встретить старость — с хорошей медициной на галактическом уровне. Его отец — крепкий старикан, ему было за 90, так он даже в свои последние годы

обходился почти без врачей и лекарств. В общем, я думала, что Эйрел, с его новым сердцем и все такое, что он, естественно, проживет дольше. Хотя бы до ста десяти. А потом, после того как лопнул этот проклятый сосуд в головном мозге, все эти двадцать шесть лет, на которые я рассчитывала, исчезли. — Она резко пожала плечами. — Планы. От них никогда никакого толку.

Его рука потянулась было к ней, но застыла на полпути.

— Да.

Он молчал довольно долго. Вернулась Фрида, принесла каждому свой бокал и снова удалилась, с любопытством оглядываясь через плечо.

— Через десять лет закончатся мои дважды двадцать, — наконец заговорил он. — Третьи двадцать лет службы я все равно для себя не планировал. Собирался после этого подумать об отставке, о другой карьере, безотносительно всего остального, — ну, может, еще лет шесть-семь. *Где* я могу оказаться потом… ну, сейчас я на военной службе. Не все от меня зависит. Как ты только что заметила, от меня не зависит даже то, буду ли я жив завтра.

Она отвела взгляд.

— Эйрел как-то раз говорил о том, чтобы пред-

ложить тебе работу в его округе, после того как мы вернемся домой. Хороших вариантов несколько — тебе решать, что лучше. У него, видишь ли, были свои планы.

— Да… — Оливер отпил глоток своего безалкогольного коктейля. — Наверное, я бы на это пошел. — Он еще немного помолчал. — На Барраяре у меня нет никаких личных привязок. Мы с семьей были когда-то очень близки, но с тех пор, как я в восемнадцать лет уехал учиться в академию, стали все больше отдаляться друг от друга. Им всегда было достаточно моего родного города. Это… это было не для меня. Мой отец умер — ты помнишь — как раз перед тем, как меня назначили на Зергияр. Мама долгие годы жила с моей сестрой. Мой округ развивается — в прошлый раз, когда я туда приезжал, все, что я хранил в памяти со времен детства, изменилось, все перестроено. Исчезло. Зергияр… пожалуй, это и впрямь начинает казаться мне неплохим вариантом. — Он посмотрел на нее своими ясными глазами. — А ты согласилась бы стать для меня в этом крестной матерью? Потому что… они тогда были бы хотя бы со своими полуродными сестрами. Даже чуть больше, чем полуродными.

— Согласна безоговорочно, — заверила она. —

Учти, что центр потребует еще несколько запасных вариантов, в порядке убывания предпочтительности, так что не следует сразу исключать всех твоих близких родственников.

— В этом распоряжении можно будет потом что-то изменить?

— О да. Предполагается, что ты будешь пересматривать его ежегодно.

— Гм. Вполне разумно.

Она сделала очередной глоток вина, поставила бокал на столик и принялась барабанить пальцами по подлокотнику.

— Если бы ты… если ты вдруг надумаешь остаться после увольнения на Зергияре — ты согласился бы сделать это на взаимной основе?

Он поднял на нее потрясенный взгляд:

— Как, перед Майлзом?

— Перед Барраяром, по крайней мере.

Он поджал губы:

— Но… это означало бы, что тебя уже нет в живых. Я не могу… этого не будет… мне трудно даже предположить такое. — Лицо его омрачилось. Он внезапно сморгнул. — Погоди… Ты ведь сейчас говоришь не только о замороженных эмбрионах.

— Не только. Не позднее следующей недели процесс будет запущен.

Он выдохнул:

— Это, возможно, самая ужасающая обязанность, которую мне когда-либо предлагали. Не исключая командования кораблем или роли единственного человека, который стоит между премьер-министром и всем, что может в него попасть. — Он снова пару раз моргнул. — Это чертовски лестно, конечно, но… Корделия, ты что, рехнулась?

— Кто знает? — криво усмехнулась она. — Заметь, это пока еще гипотетически.

— Заметил. Но все же… — Он не договорил. Бросил взгляд на часы, нахмурился: — Черт! Мне пора. Я еще должен вернуться на базу и переодеться. Кто знал, когда я записывался в космические силы, что придется тратить столько времени на борьбу с подрядчиками? Килотонны бетона. Но мои катера должны где-то приземляться. — Джоул допил свой коктейль и встал, глядя на нее, устало откинувшуюся на спинку шезлонга. — Корделия… — Он замялся.

— А?

Он сглотнул комок в горле и вдруг выпалил:

— А ты не хочешь как-нибудь покататься со мной на паруснике?

Она, похоже, удивилась. Эйрел учил его ходить

под парусами и наслаждаться спортом, когда Джоулу было чуть больше двадцати. На самом деле она предпочитала ходить под парусом с Джоулом, поскольку с ним было меньше вероятности, что дело закончится незапланированным заплывом из-за кое-чьей дурной привычки нарываться на неприятности. От этих воспоминаний у нее пресеклось дыхание.

Корделия сморгнула непрошеные слезы.

— Я не была на воде с тех пор… целую вечность. Мне бы это понравилось. Думаю, мне удастся найти «окно», да. — Она растерянно замолчала. — Постой. А разве ты не говорил, что продал свою лодку в прошлом году?

— Я что-нибудь найду. Если ты сумеешь урвать время.

— Ради этого я его долотом выбью. Звучит восхитительно. Правда отлично! — Она побарахталась на шезлонге и протянула руку. — Помоги мне встать, — приказала она.

У Джоула на лице мелькнуло какое-то странное выражение, но он наклонился, ухватил ее за руку и деликатно потянул вверх. Утвердившись на ногах, она отыскала туфли и вместе с ним направилась к дому, где они и расстались. «Ты туда, мы сюда». Но не надолго, с приятностью

подумала она.

* * *

Прошло еще три дня, прежде чем у Джоула появилось время поболтать с вице-королевой. Он заманил ее на базу предложением поужинать за общим столом с офицерами: никаких сладостей и некий шанс хоть ненадолго забыть про все эти комаррианские напряги. Во всяком случае, когда он вел ее по взлетно-посадочной полосе в дальний конец базы и оба они щурились на закатное солнце, Корделия все еще распространялась об этой проблеме.

— Что-нибудь, что затронуло бы мой участок? — поинтересовался он, когда они преодолевали край взлетной полосы. Вдалеке вогнутый склон горы, казалось, дрожал в раскаленном воздухе.

— Не прямо. Дело обычное — они хотят учредить экстра-планетарные акции с правом голоса для людей, делающих особые материальные или инвестиционные вклады в развитие колонии, точно так же, как у них в их куполах. И как выяснилось, по странному совпадению этими людьми оказались они сами. Мое контрпредложение, чтобы мы просто предоставили каждому по десять неотчуждаемых акций с правом голоса,

переместив десятичную запятую, было отклонено моими советниками на том основании, что они воспримут это как издевательство с моей стороны. Коим оно и являлось. И все-таки я бы предпочла пустить под откос любое движение в сторону референдума прежде, чем оно сдвинется с места.

— Но ведь позволить референдум было бы абсолютно безопасно. Все, кто не из их числа, проголосовали бы против, разве нет?

— Возможно, и нет. Достаточно многих оптимистов могла бы поколебать статистически маловероятная идея, что как раз они-то и окажутся в числе тех немногих, кто получит выгоду, и тогда они с этим согласятся. Пойми же, никто не срывается с места и не едет на Зергияр, чтобы взяться за работу, которая здесь есть, без определенного врожденного оптимизма. — Когда они прошли еще немного вперед, она добавила: — Разве что, кроме наших барраярских русскоговорящих, которые, естественно, постоянно мрачны, насколько я могу судить.

Джоул нахмурился:

— Думаю, я могу тебе обещать, что субъекты твоих экспериментов по нарождающейся местной демократии не будут преследовать тебя на

моей Имперской базе.

Они уже почти дошли до места назначения.

— Наверняка ведь врешь, но мне без разницы… — Она вдруг замолчала, недоуменно озираясь по сторонам.

— И что ты здесь видишь, Корделия? — Джоул обвел рукой кучи мешков двухметровой высоты напротив них.

Мешки были уложены на грузовых платформах, их ряды простирались на десятки метров во все стороны — похоже на крупномасштабную модель некоей геологической аномалии: бесплодные земли, усеянные столовыми горами и прорезанные ущельями, разве что более ровные. Совершив несколько зигзагообразных маневров, Джоул привел ее в центр лабиринта.

— Много-много мешков, набитых всяким хламом. Не принадлежащим мне, хочу благоразумно отметить. Поставленным подрядчиком на месяц раньше — одно это должно было бы уже меня насторожить…

— Подрядчиком, раньше? Что, правда? Твой рассказ начинает слегка напоминать алкогольный бред.

Он мрачно кивнул.

— А я еще даже не начинал пить. Это должно

было стать бетонным покрытием для новых взлетно-посадочных полос на второй базе в… Уже решили с названием?

— В Гридграде. — Она сморщила носик: — После того как все станет известно, жители, наверное, захотят дать своей деревне новое название, но это, по счастью, будет уже не моя проблема. Если только они не попытаются назвать деревню в честь Эйрела и не заставят меня выйти и произнести, на хрен, очередную речь.

Удачное расположение — почти на экваторе, как Каринбург, что ведет к увеличению полезной мощности катеров, стартующих на орбиту. Джоул был удовлетворен. По крайней мере в этом аспекте. Тот факт, что место находилось в одной десятой длины экватора…

— Гридград от нас довольно далеко. И с точки зрения времени, и с точки зрения расстояния. Предварительное проектирование для начала прокладки взлетно-посадочной полосы будет не раньше чем через год. Полтора года, реалистично.

— И все-таки я не могу понять, что тут не так. Бетонную смесь должны ведь рано или поздно туда перетащить, нет? — Она с сомнением ткнула пальцем набитый мешок. — Если только кто-

нибудь не запустит со дня на день новый завод по изготовлению материалов в Гридграде, но я такой заявки у себя на столе еще не видела. Хотя полагаю, со временем она появится.

Джоул покачал головой:

— Это последние инновации в области стройматериалов на основе высоких технологий. Бетон очень прочный после укладки, но при этом пластичный при повторной значительной ударной нагрузке — например, при приземлении катера. Позволяет инженерам наполовину снизить вес и объем, а следовательно, и стоимость — даже при более высокой цене за тонну. За тысячу тонн в данном случае.

Корделия глядела на него, вскинув брови, — как всегда, когда была чем-то озадачена.

— Это пластобетон. Он хранится веками, верно? И я бы не сказала, что ты страдаешь из-за того, что он занимает много места. Если понадобится, у тебя тут квадратные километры пустой базы, зарезервированные императорским указом для будущих казарм и взлетно-посадочных полос. Хотя мне, вероятно, следует предупредить тебя, что некоторые каринбургские застройщики уже начинают жадно на них поглядывать.

— Хранится-то он хранится, но только после то-

го, как его перемешают и смонтируют. — Джоул снова обвел рукой горы мешков. — Ты упустила еще несколько слов: «последние», «инновации» и «на основе высоких технологий». Компоненты обычного пластобетона, изготовленного по старинке, действительно на удивление долговечны. А вот это дерьмо — оно прекрасное, пока свежее, но если его вовремя не смешать с соответствующим активатором и не пустить в работу до окончания срока годности, то в нем начинают происходить необратимые химические процессы и оно попросту портится. А срока годности у него осталось уже меньше года. Понятия не имею, сколько времени оно валялось на складе у производителя, но сколько-то валялось, это точно.

— Пластобетон с запланированным устареванием, — проговорила она с ироническим восхищением. — Кто ж знал?

— Офицер-квартирмейстер явно не знал — увы. И на прошлой неделе разрешил завезти это на территорию базы. Возможно, его испугало такое количество грузовиков, заблокировавших центральные ворота. В общем, он расписался за приемку груза, не связавшись предварительно с инженерами. А самая первая проблема, разумеется, в том, что это вообще никто не предполагал

доставлять именно сюда, скорее уж в Гридград — после того, как все рассекретят.

— То есть они не только сбросили залежалый товар, но еще и вводят в дополнительные расходы по его доставке. Прекрасно.

— Плюс еще бухгалтерский отдел базы, который тоже ничего не согласовал с инженерами, а просто-напросто вышел сюда и посчитал мешки, чтобы проверить, соответствует ли их количество указанному в документах, а посчитав — быстренько оплатил счет. Прямо-таки беспрецедентный пик эффективности!

— Неприятный сбой, но, конечно, вполне исправимо. Одно то, что они доставили не по тому адресу, уже дает тебе веское юридическое основание. Заставь их приехать, забрать это все и возместить тебе кредит. Эйрел бы так и сделал.

— Эйрел пригрозил бы, что заставить их это съесть — и они бы ему поверили. — Джоул на пару секунд замолчал, с завистью вспоминая умение Эйрела отдавать приказы. Сам он так никогда не сможет. Вся шутка состояла в том, что Эйрел не шутил. — Я это уже сделал. Ну, только без «заставить съесть». Они утверждают, что такой шаг их полностью обанкротит — и лишит возможности заниматься поставками в следую-

щем году. А других поставщиков больше нет — не на такие объемы. Я послал одного из самых моих сообразительных ребят, снабженца, проверить, так ли это на самом деле, и он говорит, что это правда.

Корделия нахмурилась:

— Эти типы — «Плас-Дэн», так? Мне казалось, у них хватило бы ума не ссать в ведро, из которого хотят напиться.

Джоул ухмыльнулся на старую Эйрелову присказку о политике. Жаль, что он никогда не произносил это изречение публично.

— Ты права, конечно, но… это — гражданские колонисты. А потому они в вашем ведении, ваша светлость. Да, и… хотел сказать еще кое-что строго между нами, на ушко, так сказать…

Джоул немного сконфузился — приблизив губы к этому самому ушку, трогательно выглядывающему среди непокорных прядей. Сейчас у нее совсем не такая прическа, как в былые времена — тогда ее роскошные волосы свободно ниспадали на спину, или же она делала строгую, но изысканную прическу, украшая ее цветами.

Корделия казалась встревоженной.

— Вот черт, я так и знала, что ты не все говоришь. Хочешь, чтобы я присмотрелась к этому

«Плас-Дэн»? Посмотрим, может, у меня получится что-то сделать.

— Во всяком случае, попытаться стоит. Вот только хорошо, если бы при этом не сорвались поставки пластобетона на следующий год, договорились?

— Угу… — Она окинула недовольным взглядом горы мешков. — Так ты за этим меня сюда затащил? Конус тишины? Зато всем за версту видать, что мы обсуждаем какие-то секретные дела. Впрочем, я была не прочь прогуляться.

Погода сегодня хорошая, даже теплее, чем когда был прием в саду. Небо ясное, свет яркий, золотистый… Ох, наверное, у нее ноги болят? Они ведь и правда проделали немалый путь через всю базу? Оливер глянул на ее туфли — вроде достаточно удобные. И в который раз пожалел, что не воспользовался случаем помассировать ей ступни, когда она скинула туфли, чтобы дать отдых натруженным ногам после того приема. Но визит в репроцентр полностью выбил его из колеи. Да и она могла счесть слишком дерзким его предложение заменить Эйрела.

— Э-э… нет. Не только за этим, — признался он. «Совсем не за этим». Просто злополучная компания «Плас-Дэн» была первым, что пришло в

голову в качестве благовидного предлога, а идея напустить на них Корделию стала следующим логическим шагом. — Есть еще кое-что личное и совсем с этим не связанное.

Корделия прислонилась к штабелю мешков, скрестила руки на груди и улыбнулась:

— Я всегда готова тебя выслушать.

Он сделал глубокий вдох.

— После нашего недавнего разговора я поручил Тану провести оплодотворение клеток.

— Поздравляю! То есть ты, считай, уже почти отец. Думаешь заморозить зиготы до тех пор, пока не определится, что дальше со службой?

— Да. Во всяком случае, так я ответил Тану, когда он позвонил утром. Но вообще-то он звонил, чтобы сказать… ну, в общем, с одним ничего не получилось. А еще он сказал, что это нормальный отсев на этой стадии.

Корделия ненадолго задумалась, а потом кивнула:

— Я начала с двадцати яйцеклеток, которые привезла с Барраяра. С половиной по тем или иным причинам ничего не вышло. Микробиология куда как сложнее, чем обычно думают. И гораздо безжалостнее.

Его собственная биология добавила к этим

потерям еще одну. «Корделия, ты всегда будешь опережать меня на шаг?»

— Тан постарался объяснить мне все максимально доступно. Молекулярная биология — не самая сильная моя сторона. Это не механика. Это…

Корделия внимательно слушала, прислонившись к штабелю мешков. Джоулу показалось, что она встревожилась. «Всему свое время, мистер Джоул».

Он потупился, избегая смотреть ей в глаза.

— Еще две недели назад я ни о чем таком даже не думал. Неделю назад я был… обескуражен, наверное. Я не мог решиться. Но мысль о четырех фантомных сыновьях быстро укоренилась в моем сознании. Сначала я думал только об одном, а там уж видно будет. Потом о двоих, потому что обычно считается, что мальчику нужен брат, хотя и не уверен, что мой родной братец лучший тому пример. А потом в голове возникло: «а что, если»… Как я могу… как я смог бы… — Он умолк, смешавшись, не зная, как высказать то, что еще и сам толком не мог понять.

— Оплакиваешь потерянного ребенка, о котором мечтал?

Джоул кивнул:

— Что-то в этом роде.

Он и сам такого от себя не ожидал. Когда он сказал Тану, что решил запустить процесс, он словно заключал пари с собой — или втайне надеялся? — что из этой затеи вообще ничего не выйдет и все будет как раньше. Он вернется к прежней жизни, без этих мучительных сомнений. «Чем раньше начнешь, тем раньше все будет позади». А потом, когда его потаенное злое желание частично исполнилось… имеет ли он право горевать?

Он снова посмотрел на Корделию:

— Мне не с кем поговорить об этом, кроме тебя. Честно говоря, именно поэтому мы сейчас здесь.

«Давно бы мог сказать…»

Она закусила нижнюю губу, колупнула носком красную сухую землю.

— Оливер… мне кажется, ты раб собственных страхов. Пойми же, что тут аморального? Или скандального? Или незаконного? Это не свергнет правительство Империи, и Зергияру ничего, кроме пользы, не принесет. Теперь уже нет никаких причин бояться, что правда откроется и это приведет к ужасным последствиям. Все уже в прошлом. Ты просто пошел в репроцентр и купил анонимно пожертвованную яйцеклетку, а вернее, три. Многие так поступают. И об этом

можно поговорить с кем угодно, почему нет?

— Проще сказать, чем сделать. Ты сама знаешь почему.

— Ну, если ты дрожишь от страха, что тебя осудят те, кто застрял в Периоде Изоляции или в еще более дремучих временах и местах, хотя Период Изоляции закончился еще до их рождения… Хочешь сыграть в игру «А как бы поступил Эйрел?». Знаешь, Оливер, он бы сказал так: «Да расскажи об этом, черт возьми!» Или воспользовался бы более крепким выражением. — Она задумчиво сощурилась. — Надо сказать, такой взгляд на вещи приводил в ужас его молодых помощников, когда он уже был в том возрасте, что помощники стали намного моложе его. Старшее же поколение — помнившее, как он куролесил в Форбарр-Султане в молодости, в те самые черные для него годы после страшной гибели первой жены, — не удивилось бы ничему. А впрочем, младшее поколение не затевает бесед со стариками, если можно этого избежать, так что их иллюзии остались при них.

«Уж не Майлза ли она имеет в виду?» — спросил себя Джоул.

Корделия подняла на него взгляд. В ее серых глазах — понимание и мягкая улыбка.

— Оливер, с тобой все в порядке. И вообще все в порядке. Это современный Зергияр, а не Барраяр прошлого. Никто никого не убьет в порыве праведного гнева, правда.

— Но при этом даже ты говоришь об «анонимно пожертвованной яйцеклетке».

Теперь она уже не улыбалась.

— Активно нарываться на неприятности тоже не стоит.

Он невольно усмехнулся.

— Просто попробуй! — подначивала Корделия в своей обычной, слегка бесцеремонной манере. — Вот когда соберетесь со своими ребятами с базы посплетничать у кулера или где вы там тусуетесь, на базе или наверху. Так и скажи: «А я сыном думаю обзавестись, как только пятьдесят стукнет». Или что-то вроде того. Молодежь, допустим, не поймет, но почти у всех старших офицеров есть дети. Ты обнаружишь, что вступил в клуб, о котором раньше и знать не знал. Попроси у них совета, им это наверняка понравится.

А что, в этом, пожалуй, есть свой резон. Но так просто сдаваться тоже не хотелось, и он пробурчал, сурово нахмурив брови:

— Солдаты Империи не сплетничают. Мы обмениваемся стратегически важной информацией.

— Ну да, кто б сомневался, — хихикнула Корделия, прикрыв рот ладошкой. — Да вы все там сплетничаете, как прачки.

— Так точно, ваше сиятельство, — ухмыльнулся он в ответ. — Как прачки, разве что врут и хвастаются больше. — На сердце как-то полегчало, хотя и не совсем понятно почему.

Корделия стояла совсем близко: только руку протяни — и она в его объятиях… Нагретые солнцем штабеля мешков с этой бетонной дрянью… Они надежно укрыты здесь, в тени, никто их не видит. Как странно, Корделия высокая, а он выше — в который раз уже он это отмечает, когда стоит так близко… Их словно баюкала, мягко окутывая, тишина — даже рев и гул взлетающих и заходящих на посадку катеров доносился словно бы издалека, едва слышно. Они как будто далеко-далеко от всех — за сотню километров, где-нибудь в вулканических горах. Отправились на пикник? А почему бы и нет? Неплохая идея на эти выходные…

Он вдыхал запахи, витавшие в знойном воздухе. Едва уловимый, дразнящий запах пота, запах ее волос, ее душистого мыла смешивался с запахом пластобетонной пыли. Ее губы… дразнящая улыбка, она чуть запрокинула голову и смотрит

на него. Замерла неподвижно и не отстраняется от него. Что бы это значило? Стоп! Что за странные мысли? Похоже, некая безмозглая часть его тела на полном серьезе полагает, что привалить вице-королеву спиной к штабелю мешков и взять ее вот так, стоя, — это прелестное продолжение дня, причем для нее тоже.

«Ну уж фигушки! Слышь, ты, безмозглый олух, ничего подобного я тебе с вице-королевой сотворить не позволю».

Так, так… И долго еще продлится действие этого бетанского чудо-спрея, хотелось бы знать?

Оливер стряхнул с себя морок и резко отпрянул. Ему показалось или она затаила дыхание и резко выдохнула? Самому ему точно пришлось унять бешено колотящееся сердце и незаметно отдышаться. Хотелось бы надеялся, что она ничего не заметила.

— Ну-с, ваше сиятельство, — произнес он бодро, — на ужин?

Она не сразу отошла от штабеля. Опустила голову. На губах играет улыбка. Любезная улыбка — для головида, не для него.

— Как скажешь, Оливер. Веди.

Он хотел было предложить ей руку, но упустил момент, и она уже оказалось впереди. Пришлось

последовать за ней.

«Я раздобуду лодку. Обязательно».

* * *

Когда они шли к помещению офицерской столовой, Корделия старалась скрыть огорчение. Она была почти уверена, что Оливер вот-вот ее поцелует. И почти уверена, что ей бы это понравилось. Раньше нравилось, в определенных особых случаях…

«Не глупи, женщина. Он предпочитает мужчин». Она уже много лет это знает.

«Да ну? Почему же он тогда не нашел себе никого за три прошедших года?» Не в те неимоверные первые месяцы, конечно. Но она знала, что Джоул пользовался вниманием представителей обоих полов и даже одного гермафродита. Видела все собственными глазами, когда они жили в Форбарр-Султане, и потом, когда он получил назначение на Зергияр. Оливер всех избегал, с головой окунувшись в новые рабочие задачи, в которых у него — помощника человека, облеченного высшей властью на планете, — недостатка не было. Затем последовал тот удивительный период, когда он так увлекся Эйрелом, что никого другого не замечал. И только со временем блестя-

ще научился всем своим видом демонстрировать недоступность — как верная форская матрона. Как и она сама, надо полагать, но она-то была женой Эйрела, мало кто рискнул бы досаждать ей назойливыми предложениями. Она никогда не придавала значения пустякам, и это тоже, несомненно, помогало сгладить острые углы. А в случае если какой-нибудь наглец не понимал намеков, Имперская СБ вполне была в состоянии намекнуть на тщетность его надежд. Обычно это помогало.

Но, конечно, что и говорить, опыта в отваживании поклонников Корделии явно не хватало. Да и откуда ей было набраться опыта в таких вещах? Ей было тридцать три года, она была капитаном корабля Бетанского астроэкспедиционного корпуса, а ситуация настолько далека от романтики, насколько это только возможно, и тут вдруг Эйрел — ха! — влюбился в нее, а точнее, буквально обрушился на нее со своей любовью, — на губах мелькнула улыбка. Ей вспомнилось это на редкость удачное определение Оливера. Да, Эйрел влюблялся именно так, — и с той поры ее жизнь уже никогда не была прежней.

Она подумала об откровенности Оливера — реальной, а не в этом деле с «Плас-Дэн». Корделия

только сейчас поняла, что он пытался постичь суть «технологического аборта», не имея слов или даже представлений. Он не знал, как пережить этот опыт. Поможет ли, если она предложит дать погибшей зиготе имя? Или вызваться помочь ему сжечь посмертное приношение? Не слишком ли это назойливо? Оскорбительно? Или это просто не укладывается в голове? Она определенно слышала боль в его голосе. А может быть, выслушать и посочувствовать — уже достаточно? Стать единственным другом, с которым он мог поговорить.

«Проклятие. Я хотела, чтобы это был дар радости, а не… не так».

Офицерская столовая на базе делилась на две части. Внизу кафетерий для тех, у кого нет времени ждать, наверху уже не столь утилитарное заведение с широкими окнами, с видом на космопорт. Готовили для обоих залов на одной кухне, только у блюд, подаваемых наверх, лучше сервировка. И она, и Эйрел нередко проводили рабочие встречи за едой в этой столовой, когда приезжали на базу по делам колонии. Обычно они занимали небольшой отдельный кабинет из тех, что располагались по обе стороны главного зала. Но сегодня Оливер просто провел ее за столик у окна. Все на них смотрели, пока они шли

к столику. Персонал, конечно же, немедленно уделил им особое внимание. Официант оказался не новичком и уже не трепетал в присутствии своего адмирала и вице-королевы.

Расправляясь с салатом и главным блюдом, они обсудили первостепенные, по мнению Корделии, практические вопросы — из нескольких тысяч. В частности, как именно повлияет строительство новой базы. Оливера слегка забавляли ее тайные надежды на то, что крупные инвестиции и привлечение большого числа строителей дадут толчок к развитию Гридграда и центр колонизации переместится из Каринбурга с его полупустынной экосистемой — не говоря уже о границе тектонических плит, и, как следствие, спящих вулканах — на более благоприятные, процветающие и геологически стабильные территории.

— Прежде всего, это место никогда не предназначали именно для столицы колонии, — доказывала она. — Его выбрали потому, что пещеры горы, которая сейчас называется Маунт-Тера, отлично подошли под склад. Там прятали все необходимое для флота вторжения, чтобы всякие разные, вроде, хм… пролетающих мимо кораблей Бетанского астроэкспедиционного корпуса не

обнаружили склад, пока старая военная партия разрабатывала свой идиотский план завоевания Эскобара. И пещеры выполнили свое назначение в точности, как от них и ожидалось, — надо отдать должное проклятым головорезам старого императора Эзара.

Оливер поднял руки, признавая поражение, — они обсуждали это уже не впервые.

Краем глаза Корделия заметила, что кто-то приближается к их столику и этот кто-то — вовсе не официант с десертом. Она умолкла на полуслове и оглянулась. К ним подошла адъютант Оливера лейтенант Форинниc. Что-то случилось? У Корделии екнуло сердце. Но тут девушка робко, нерешительно отсалютовала, и Корделия успокоилась.

— Адмирал Джоул, сэр. Добрый вечер. Ваша светлость. — Форинниc почтительно повернулась к Корделии, изобразив нечто среднее между поклоном, армейским салютом и книксеном — видимо, сочла, что именно так и подобает приветствовать вице-королеву. — Прошу прощения, что прерываю вас… — и покосилась на опустевшие тарелки, оценив, очень ли некстати ее появление. — Я получила вот… это и не знала, что делать. Я показала его полковнику Мартин,

но она тоже не знала и поэтому сказала, что нужно спросить вас, сэр, поскольку вы, возможно, знаете все про такие штуки. Мне сказали, что видели, как вы пошли сюда, ну и… вот оно.

В руке у нее был плотный конверт из цветной бумаги — вполне узнаваемая стилистика, хотя, по правде сказать, такого Корделия здесь увидеть не ожидала. Оливер тоже это узнал. Он, удивленно подняв брови, взял конверт и принялся его рассматривать.

— Ну-ну… что у нас тут, лейтенант?

— Полагаю, это приглашение на прием в цетагандийском консульстве. Хотя формулировки несколько… туманны. От лорда гем Сорена, надо полагать. — Она произнесла эту фразу с нескрываемым подозрением.

— Да, так оно и есть. Адресовано лично вам, ошибки быть не может. Написано от руки, как подобает молодому преуспевающему гему. Имеет в этом опыт, значит. Если он не сдрейфил и не воспользовался услугами опытного каллиграфа, что будет сочтено жуткой вульгарностью, если он на этом попадется. Бумага изготовлена вручную, хорошей выделки, несомненно покупная.

Он извлек из конверта карточку, аккуратно поднес к носу и принюхался.

Корделия, откровенно забавляясь, откинулась на спинку стула.

— Что еще можешь определить?

— Корица, роза и гардения, как я полагаю. Не слишком тонко, хотя, возможно, он сделал поправку на адресата, что предполагает некоторые попытки соблюсти дипломатический этикет. Или даже, не приведи господь, прямолинейность. Посмотрим, что скажете вы, Корделия.

Он передал ей карточку вместе с конвертом.

— Но ведь мужчина не должен поливать письма духами? — смущенно спросила Фориннис. — Или у них в консульстве все приглашения такие?

— Вы когда-нибудь слышали о языке цветов, лейтенант? — поинтересовалась Корделия.

Девушка нахмурила бровки:

— Кажется, такой обычай был в Период Изоляции? У каждого цветка свое значение? Красная роза — любовь, белая лилия — скорбь и прочая ахинея?

— Именно так, — сказал Оливер. — Ну а цетагандийская гем-культура, когда они на своей территории, не ограничивается только цветами. Произведения искусства, художественный вкус в выборе предметов и их сочетаниях, цветы и — само собой — ароматы, вы их сами упомянули.

Все они несут зашифрованные послания.

— Значит, я должна показать это послание службе безопасности базы? Правильно?

— Э-э… кодируются, как правило, светские послания, — пояснил Оливер. — Плазменными пушками они обычно изъясняются прямо, без всяких изысков. Уверен, что это ранит их чувство прекрасного.

— А-а… прекрасного, — протянула Форинниc с сомнением, не требующим расшифровки.

— Итак, элементы, которые тут важны, — продолжил Оливер, — это выбор бумаги, чернил, стиль каллиграфии, подбор слов, за скрытые поэтические аллюзии — дополнительные очки, плюс способ доставки. Кстати, как оно к вам попало?

— Кто-то, видимо, отдал его у ворот, а затем его доставили с общей почтой базы.

— Понятно.

Девушка вытянула шею, разглядывая письмо, которое все еще находилось в руках у Корделии.

— И что оно говорит? То есть передает?

— Ну, начнем с того, что написано оно в корректной форме, что означает уважение — в личном или профессиональном плане, — начал Оливер.

— Или всего лишь следование рекомендациям

учебника по этикету, — добавила Корделия. — Что, впрочем, не свидетельствует против этого мальчика.

Она отдала послание Оливеру, тот повертел его и так, и эдак.

— Бумага сама по себе довольно нейтральна, — продолжил он. — Цвета конверта и карточки сочетаются вполне приятно, так что скрытой враждебности нет. Стиль каллиграфии формальный, не фамильярный, но и не официальный. Но вот запахи… хм…

— Что? — едва ли не простонала Фориннис.

Корделия пояснила:

— Корица означает «сердечность», «теплое отношение», что предположительно дает намек на то, как именно интерпретировать остальные ароматы композиции. Розы — на сей раз даже цетагандийцы следуют здесь традиции Старой Земли: любовь, страсть или дружба, в зависимости от оттенка розы.

— А можно разве определить цвет розы по ее запаху? — усомнилась Фориннис.

— Цетагандийцы могут, — сказал Оливер, — как и многие другие люди, надо лишь немного попрактиковаться. Сверхспособностей для этого не требуется.

— И… о, неужели?… Как же я забыла гардению! Оливер, сделай одолжение.

— Надежда, — тихо проговорил он, чуть сощурившись, но в остальном сохраняя полную невозмутимость. — Лорд гем Сорен просит вас о свидании, лейтенант, и надеется, что вы согласитесь на его просьбу. — С этими словами он вернул девушке послание.

Та взяла бумагу с неподдельным изумлением:

— Ну и ну! Зачем?

Корделия нахмурилась. Ничего доброго ни для гем-лорда, ни для форессы-лейтенанта это не предвещало. И что теперь делать ей, Корделии, психовать или усесться поудобнее и смотреть шоу? Пока что можно усесться поудобнее…

— Что тут скажешь… Гемы очень амбициозны, — пояснил Оливер. — Об этом геме мне известно совсем немного, но можно предположить, что он хочет либо выставить в дурном свете вас, либо в хорошем — себя.

Фориннис все еще пребывала в недоумении.

— Я не совсем поняла вас, сэр.

Оливер задумчиво потер ладонью губы.

— Вот и другой вариант. Атташе по культуре… Зачастую это шпион под прикрытием. А самый ловкий способ шпионить за боссом противника

— встречаться с его секретарем.

— Сэр! Да я бы никогда!.. — искренне возмутилась Фориннис.

— Я и ничего такого и не предполагал, лейтенант.

— Это, конечно, работает в обе стороны, — заметила Корделия. — Оливер, у вас есть подходящая деза, чтобы скормить на этой неделе цетагандийскому консульству?

Лейтенант, явно заинтересовавшись, слегка расслабилась.

— Да ничего такого вроде. А у вас?

— Сразу не скажу. Надо подумать.

— Но что мне со всем этим делать, сэр? — спросила Фориннис, помахивая своим… любовным посланием? Приманкой? В конце концов, цетагандийцы способны лгать на языке цветов не хуже прочих, не генмодифицированных людей.

— В данный момент мы с Цетагандой не воюем, а дипломатические отношения между нами даже нельзя назвать напряженными.

«По меркам Оливера, разумеется», — подумала Корделия.

— Я бы сказал, лейтенант, что вы можете принять или отклонить это предложение, как вам больше нравится.

— Впрочем, если вы пожелаете отбрить парня, адмирал Джоул предоставит вам полезные справочные материалы, — заметила Корделия.

— Есть справочное пособие для военных при дипломатических миссиях в Цетагандийской империи, я обращаю на него ваше внимание, лейтенант, но только для общей, так сказать, информации по этому вопросу. Не советую следовать ему, если вы не специалист. Слишком много чести. — И через пару секунд добавил: — А еще это пособие очень длинное и подробное.

— Вы его читали, сэр?

— Да, пришлось зубрить эту чертову книжку, когда я стал личным помощником премьер-министра. И пригодилась она мне гораздо раньше, чем я ожидал. На Ступице Хеджена — в той войне.

— Да, сэр. — Фориннис смотрела на него, задумчиво хмурясь. — Так вы полагаете, это пригодится для… дальнейшей карьеры? «Знай своего врага»?

— Как любил адмирал Форкосиган, знать нужно все. Это, конечно, никому не доступно. Но он учил, что надо стараться этого достичь, пытаясь снова и снова. Я счел необходимым предупредить вас о возможных рисках и надеюсь, вы это обдумаете. С остальным, полагаю, вы справитесь сами.

— Сэр… Спасибо вам, сэр! Мэм… Спасибо, что уделили мне внимание. — Она по-военному отсалютовала и отошла от их стола, вертя в руках письмо, с совершенно несчастным и потерянным видом.

Корделия старалась сохранять невозмутимость, с трудом сдерживая смех.

— Оливер, как не стыдно! Ты же подзуживал бедную девочку!

— Эй, это моя работа наставника. А может, я просто проявил милосердие к несчастному гем-лорду.

— То, что ты натравил на него Фориннис, вряд ли можно квалифицировать как жест милосердия.

— Ну… там видно будет, как оно сложится. Хотел бы надеяться, что она сама мне потом доложит.

— Если доложит, не забудь со мной об этом посплетничать. Нет, ну надо же!

— Договорились. Встречаемся у городского фонтана, прихвати стиральную доску.

— Я принесу свое грязное белье, если ты принесешь свое.

— Пожалуй, не стоит и дальше уподобляться прачкам, э? — улыбнулся он.

Тут как раз принесли десерт, и разговор пре-

рвался. Оливер посмотрел в ту сторону, куда ушла девушка, и сдавленно хихикнул.

— Эй, я тоже хочу посмеяться, — заметила Корделия.

— Просто это ее ароматное письмецо напомнило мне одну из Эйреловых историй. О боже, надо ли ее рассказывать? Я ведь, наверное, единственный живой свидетель…

— И если ты упадешь замертво, она будет потеряна для исторических хроник? Ну же, Оливер, делись.

История явно была не из тягостных, иначе бы он так не ухмылялся.

— Тебе, может, и расскажу. Не могу представить, как рассказать такое Форинниc. Да и вообще кому-то другому. — Он прожевал кусочек щербета. — Ладно… Итак, эта войнушка на Ступице Хеджена закончилась, и мы надолго зависли на орбите Вервана. Юный Грегор обхаживал верванцев, всячески старался произвести хорошее впечатление. А мы с Эйрелом тем временем разбирались с деталями — шестисторонним соглашением о прекращении огня и мирным урегулированием. Был там один совершенно несносный цетагандийский посланник, который решил, что нам можно морочить голову, хотя

войну-то они проиграли. Он пачками слал все эти письма, написанные от руки каллиграфическим почерком, очень официальные и якобы уважительные. Несладко пришлось тому бедняге, который все это расшифровывал…

— Этим беднягой был ты?

— Чаще всего — да. По крайней мере, мне доставались самые пылкие. В общем, на нас обрушили лавину посланий, и каждое последующее оказывалось все ароматнее, порой до десятка запахов в одном письме. Мы умаялись отсылать их в лабораторию для химического анализа, чтобы убедиться, что все верно разнюхали. И большинство писем, если интерпретировать должным образом, что, по мнению отправителя, нам было не по зубам, содержали всяческие смертельные оскорбления. Этот гемский засранец уже совсем довел Эйрела своими выходками, и, когда я пытался расшифровать самое последнее, он заявил: «Дай-ка мне эту записюльку», вырвал письмо у меня из рук и проследовал в туалет. Где и пометил послание… э-э… собственным персональным запахом.

Корделия, чтобы не расхохотаться в голос, прижала ко рту салфетку.

— О! Понятно… — Да чего уж тут непонятного?

Разумеется, Эйрел его описал.

— «Им не составит труда интерпретировать *это* послание», — сказал он. А потом запихнул письмо в тот же конверт, в котором его доставили, и велел мне отнести его обратно на цетагандийский флагман. О, ну и видок был у посланника! Не помню, когда еще я так веселился. Выражение лица было непередаваемо, даже под боевым раскрасом.

— Ох, батюшки! И что же было дальше?

— Посланник ни слова не сказал. Но, очевидно, Эйрел был прав, что они все поймут. Этот тип из делегации исчез, а следующий представитель оказался более миролюбивым и не усердствовал с запахами.

— Ты прав. Я никогда об этом не слышала.

— О, исторические хроники весьма старательно умалчивают об этой переписке. Причем, насколько я знаю, с обеих сторон. Я счел, что это было проделано идеально, но нужно, чтобы оценить по-настоящему, это надо было видеть собственными глазами. И я окончательно понял, что Эйрел сделает для Барраяра все, что угодно. Не зная границ.

— Это… правда.

— За этот жест Эйрелу было абсолютно не стыд-

но. Ход определенно сработал и нагнал на цетов страху. Впрочем, потом он слегка устыдился, что его таки вывели из себя.

— О да, у него был на этом пунктик.

«Эйреловы истории, — подумала Корделия. — Мало-помалу все его неизмеримое присутствие сводится к таким вот «Эйреловым историям».

— Терпеть не могу говорить о нем речи на публику, — вздохнула она. — Каждая выдержанная, отредактированная речь, из которой вырезаны ненадлежащие фрагменты, приводит к тому, что он выглядит мельче и проще. Его идеализируют, превращают реального человека, каким он был, в символ, который сами хотят видеть.

— Может быть, в символ, который им необходим?

Она отрицательно покачала головой:

— Лично я думаю, что им надо привыкать иметь дело с правдой.

Он поморщился:

— На меня в прошлом и так свалилось слишком многое, о чем следовало молчать…

Она понимающе кивнула.

— …но, черт побери, как же я рад, что мне не приходится произносить эти дурацкие речи.

— О да.

Глава четвертая

На следующее утро Джоул проводил совещание по строительству новой базы, и казалось, что этому не будет конца. Спецы по логистике и финансированию уже провели первичную обработку предложений поставщиков и теперь вовсю проталкивали своих фаворитов. Решение должно было исходить от Джоула и Хайнса, а подчиненные не облегчали им задачу. Обычно интересы этого отдела штаба на Зергияре совпадали — ну, или почти совпадали — с интересами Императора, но так происходило не всегда, и Джоулу приходилось то и дело напоминать себе, на чьей он стороне, когда присутствующие на совещании все настойчивей и громче отстаивали свою позицию, снова и снова возвращаясь к тем же пунктам и живописуя их все более яркими красками.

Прервавшись на поздний ленч, они с Хайнсом вместе пошли в офицерскую столовую. Пересекая главный плац, Хайнс хмуро глянул на видневшиеся в отдалении штабели пластобетона.

— Ну и как, есть успехи с этими поганцами из «Плас-Дэн»? — поинтересовался он.

— Вице-королева обещала подключить своих

людей из судебно-бухгалтерской экспертизы. В зависимости от того, к каким выводам они придут, мы сможем предпринять хоть что-то дельное. Я надеюсь получить ответ в начале будущей недели. Но, по большому счету, пластобетон нам все же нужнее, чем месть.

Хайнс недовольно поморщился:

— Знаешь, иногда зло берет! Вот есть у тебя все эти парни, вооруженные до зубов… а толку-то, если никого пристрелить нельзя? Враз бы полегчало.

Джоул только хмыкнул в ответ.

В общем-то, Теодор Хайнс ему нравился. Генерал получил назначение на Зергияр всего два года назад, типичный работяга. Ему оставалось лет пять до той самой второй двадцатки, и это в первую очередь значило, что все делается в срок, без лишней суеты. В мирное время такой вариант, конечно, предпочтительнее, чем типаж вояки, которому лишь бы крушить что ни попадя, — и генерал вовсе таким не был, если не считать стойкой антипатии к гражданским поставщикам.

В семейной жизни Хайнса творились какие-то непонятки. Когда его назначили на Зергияр, жена, с которой они прожили много лет, осталась

на Барраяре — вроде бы чтобы ухаживать за пожилыми больными родителями, но возможно, просто не захотела переезжать в очередной раз вслед за мужем. Двое его старших сыновей учились сейчас в колледже: один на Барраяре, другой на Комарре. Это объясняло весьма скромный образ жизни Хайнса и то, куда девалась большая часть его жалованья. А вот дочь несколько месяцев назад отправили на Зергияр к отцу. Джоул не знал, как это расценивать: то ли как предвестие скорого появления жены, то ли юная Фредерика Хайнс была заслана матерью шпионить за отцом. Если верно второе, то подозрения матери не подтвердились. Хайнс хранил верность брачным обетам — скорее всего просто не хотел нарываться на неприятности.

Когда они забрали свои подносы в кафетерии и сели за столик у окна, Хайнс сказал:

— Кстати, сменим тему. Меня послали сюда на разведку.

— Да ну? — Джоул развернул бумажную салфетку и принялся изучать неаппетитный сандвич. Но в такую жару дежурное жаркое и слипшиеся макароны были еще сомнительней.

— Вроде бы твои офицеры сговорились устроить тебе сюрприз на юбилей. Планируют вечеринку.

Я не против вечеринки, но полагаю, что фактор неожиданности тебе не слишком понравится.

— Это точно, — согласился Джоул, хотя в душе и был тронут. Конечно, они только и ищут повод, чтобы напиться и вволю позапускать фейерверки, но все равно трогательно. Так сказать, заговор шиворот-навыворот. — Хотя я, вообще-то, не в диком восторге и от самой вечеринки. Собирался просто не отмечать день рождения. Все эти шутки про возраст, знаешь ли…

— Знаем, как не знать! — Хайнс был на полдесятка лет старше и не проявил должного сочувствия к переживаниям коллеги.

— Как-то рановато они, — нахмурился Джоул. — До юбилея ведь еще не один месяц.

— Они что-то такое грандиозное задумали. Хотят иметь запас по времени.

— Заскучали, видать. Могу подкинуть им работенки.

Хайнс усмехнулся:

— Тут есть и свои плюсы. Если позволить им устроить праздник на базе, это проще держать под контролем. Лучше иметь дело с СБ базы на предмет возможного ущерба, чем с муниципальной охраной Каринбурга.

— А еще лучше отправить их за полсотни ки-

лометров, куда-нибудь в пустыню, там уж точно ничего не спалят.

— Провиант доставлять несподручно.

— Назовем это полевыми учениями?

— Хм, тоже вариант… — Хайнс словно бы уже рисовал себе эту картину.

— Муниципалов все равно надо предупредить, — заметил Джоул. — Учитывая, что наши мальчики и девочки притащат городских. Назовем все совместными маневрами. Если ты им намекнешь, что альтернативный вариант в центре города, они наизнанку вывернутся, чтобы помочь тебе провести ее на природе.

Хайнс хмыкнул:

— Нравится мне ход твоих мыслей, Оливер. Не хотел бы я быть твоим оппонентом в дебатах, попробую не забывать. — Он задумчиво отправил в рот еще кусочек жаркого, прожевал и добавил: — И еще семьи. Вытащим на пикник еще и жен с детьми, заодно уж.

— Неплохая мысль.

— Можешь сам привести кого-нибудь.

Пожалуй, эта вечеринка сулит приятные возможности.

— Я могу пригласить вице-королеву Форкосиган.

Хайнс поджал губы:

— Не то, что я назвал бы «привести кого-нибудь», но это точно задаст тон мероприятию.

Может, и так, но вряд ли это придаст пикнику чаемый Хайнсом чинно-благопристойный тон. Впрочем, тот не слишком хорошо знает Корделию.

— Хотя на такой вариант никто пари держать не будет, — добавил генерал слегка разочарованно.

Джоул не стал прикидываться, что не понял.

— Они делают ставки, приду я с женщиной или с мужчиной? — В его голосе был явный сарказм. — А как тебе такой вариант? Мы с тобой сговоримся, я приглашаю консула Вермийона, и тогда мы их всех сделаем, а?

Хайнс поднял раскрытую ладонь:

— Это не мое дело, меня просто все они спрашивают. Как будто я знаю!

— Я… и знать не знал… — растерялся Джоул. Хотя и не понимал, за что должен извиняться. «Наверное, потому, что и извиняться-то не за что?»

В барраярском офицерском корпусе считалось желательным, чтобы у высшего командного состава были стабильные гетеросексуальные семьи

— во избежание внеслужебных личных драм, которые могут сказаться на исполнении служебных обязанностей. Но, как считал Джоул, для этих целей вполне годилась любая личная жизнь, не обязательно традиционная. Своего мнения он, разумеется, ни от кого не скрывал, подчеркивая, что главное тут — «никаких драм!».

— Может, я и зря спрашиваю, но какие слухи нынче ходят о моей личной жизни? — «Или об отсутствии оной».

Хайнс пожал плечами:

— Тебя называют псом, который не лает по ночам.

— Что-что?

— Да не смотри на меня так! Мне говорили, это цитата из какой-то книги. Потому, видать, и бессмыслица. — Хайнс нахмурился, что-то припоминая. — Цетагандийское влияние, я так думаю.

— Понятно. — Что ж, могло быть и хуже. Проблема со слухами в том, что если не давать им вообще никакой пищи, они расцветают буйным цветом. — Добро пожаловать в аквариум, адмирал Джоул! Ну, а впрочем, здесь все же лучше, чем в Комаррианском штабе. Или на флоте метрополии, храни их господь. — Было время, он рвался на Комарру, в «горячую точку» Империи. И не там

ли он в считаные годы растерял свои юношеские иллюзии и порывы? Возможно, именно здесь, на Зергияре, он обрел некий смысл?

— Это точно, — согласился Хайнс.

Джоул задумчиво посмотрел на генерала. Довольно рассудительный, имеет родительский опыт, образцовый представитель высшего командного состава. А еще умеет держать рот на замке. Наверное, Корделия бы согласилась, что Хайнс — почти идеальный «испытуемый объект». Джоул попробовал мысленно проговорить то, что собирался сказать. И вот, отбросив сомнения — или панический ужас? — рискнул произнести вслух:

— Вообще-то, к своему пятидесятилетию я подумываю завести сына.

Брови Хайнса поползли вверх, но он все же не свалился со стула и не проявил никакой бурной реакции.

— А разве перед этим не надо пройти предварительные этапы? Или ты сумел все провернуть втайне от всех заинтересованных лиц?

— Их не так много, как можно подумать. Вице-королева («Ага, спрячься за юбками Корделии!») неоднократно расхваливала новый репродуктивный центр. Похоже, все, что требуется, — это

просто пойти туда, представиться и купить донорскую яйцеклетку. Ну, придется, конечно, попрыгать через обручи, чтобы доказать, что ты — э-э… приемлемый клиент. Но зато ты избавлен от массы промежуточных заморочек.

— Свиданий, ухаживания и свадьбы? И родственничков? — Хайнс ухмыльнулся: — Вообще-то похоже на жульничество.

— Инопланетники, как мне говорили, так и делают. — «Всегда только так делают» — пожалуй, некорректная формулировка.

— Ну… инопланетники, — протянул Хайнс.

— Честно говоря, мне при данном сценарии почему-то представляется парнишка лет семи. Разумный возраст и все такое. Тот, с кем я могу поговорить и что-нибудь вместе делать. Хотя плохо себе представляю, как из одной клетки получается такое.

Хайнс пожал плечами:

— Когда у тебя на руках младенец, об отдыхе придется забыть, но каждый, кто способен научиться разбирать оружие в полевых условиях, может выучиться и менять треклятые подгузники. Малыша надо держать нежно, но крепко, как невзорвавшуюся бомбу. Терпеть не могу всех этих нытиков, разве ж это мужики? Боятся руки

запачкать! Как бы они управлялись, интересно, в давние времена, когда еще была кавалерия и приходилось навоз выгребать тоннами? Но младенцы хотя бы остаются более или менее на том месте, где их положишь. А вот когда подрастут… это же маньяки-самоубийцы, почти все, что мальчики, что девочки. Вот этот этап я рад был бы пропустить. — Он отхлебнул чаю со льдом. — Не знаю, почему у тебя нет того, с кем создать семью, и не буду уточнять, каковы твои вкусы, Оливер, не мое это дело, но я тебе так скажу: родительство — это игра в команде. Без линии защиты и запасных не обойтись. Признаюсь, с моими детьми чаще возился не я сам, а семья моей жены или женщины с базы, в зависимости от того, где мы тогда жили. Вот это, похоже, самой большой недочет в твоем плане сражения.

— Вице-королева говорила, что можно нанять кого-нибудь в помощь.

— Это на Зергияре? Ты пробовал нанять хоть кого-нибудь на Зергияре в последнее время?

— А как насчет сотни подрядчиков?

Хайнс поднял руки:

— Сдаюсь. Но это не упрощает задачу в частном случае. — Он прищурился: — Я вот предложил Фредди найти какую-нибудь подработку. Она-то

небось уверена, что я это все затеял, потому как жалею ей денег на карманные расходы, ну, а по-моему, так у нее не будет времени нарываться на неприятности. Да и что ей делать с деньгами? Все одно что дать боекомплект алкашу. С младенцами не просто, конечно. Но подростки… настоящий кошмар. Тебе все это еще предстоит, Оливер.

— Ну, наверное… лучше действовать пошагово.

— Хм, иначе и не получится. Может, это и хорошо. — Немного помолчав, Хайнс добавил: — Не стану отрицать, репроцентры вызывают у меня смешанные чувства, но для своей дочери я бы тоже это предпочел. Может быть. Ей вот с мальчиком тогда и встречаться-то незачем. — Он помедлил, размышляя о привлекательности такого состояния абстрактных любовных дел, иначе говоря — их полного отсутствия.

— У тебя, мне кажется, должно прекрасно получаться отпугивать поклонников.

— Эх, любому известно, что запрещается использовать плазменную пушку в личных целях.

Джоул рассмеялся, чуть не подавившись сандвичем.

— Ей ведь всего… сколько? Пятнадцать, да?

— Да. Я уж постарался, чтобы этот факт был принят к сведению, но нет никакой гарантии, что это поможет. — Хайнс вздохнул: — Ужасный это возраст, пятнадцать. То, как и раньше, она моя маленькая принцесса, папина малышка, а то вдруг ни с того ни с сего… такое творится… Словно в ее мозг вселилась какая-то чужая, враждебная форма жизни. То все куклы, бантики и мимими… а то вдруг вервольфица, как подменили! — Хайнс выставил скрюченные пальцы и угрожающе оскалился. Пожалуй, весьма выразительная мимика, Джоул не ожидал, что обычно сдержанный Хайнс учудит такое. — Сейчас ванная стала у нас полем боевых действий. На прошлой неделе она притащила туда половину своих приятелей и сына цетагандийского консула, они все обучались наносить боевой раскрас гемов.

— Может… э-э… интерес к культуре? — попытался хоть как-то утешить его Джоул.

— Ха! Так и думал, что именно это ты и скажешь. А когда я заставил ее все там отмыть… а как иначе, согласись?.. Она дала мне понять, что я совсем сбрендил. Ури Безумный. Не иначе.

— Хм-м, а ты не можешь затребовать помещение с двумя ванными?

— Сейчас на базе жилья не хватает. Мне при-

шлось бы оттеснить в очереди семью другого офицера.

— А если надавить?

— Хм-м, но тогда получится, что я тем самым оттесню в очереди его жену, что будет иметь, как говорится, немалые последствия. У жен на базе своя, как бы это сказать… вице-королева, возможно, назвала бы это культурой. Я бы лично назвал это сетью заговорщиков. Посмей только перейти им дорогу… — И добавил, помолчав: — Но я внес себя в список очередников.

— Весьма разумно.

Хайнс пожал плечами:

— Как говорится, выбери платформу. — Он еще подумал и заявил: — С этими маточными репликаторами одна проблема: недостаточно их там держат! До двадцати бы! И почему какой-нибудь бетанский умник не придумал, как их там продержать до двадцати? Клянусь, на это был бы спрос! — Он выпил последний глоток чаю и захрустел льдинкой.

Когда они шли обратно через плац, чтобы продолжить баталии со снабженцами и бухгалтерами, Джоул глянул на Хайнса и понял: похоже, Корделия права, тайный родительский клуб существует. За последний час он узнал про

своего генерала больше, чем за полсотни рабочих совещаний, которые они уже провели. А Хайнс вроде бы совсем не против считать Джоула как бы… кандидатом в члены клуба? Почему-то это вселяло уверенность. Или, может, они просто как бы товарищи по несчастью? Чужие дети всегда были Джоулу абсолютно неинтересны, но сейчас он чувствовал, как открываются новые горизонты. И это немного пугало.

На барраярские военные корабли не берут семьи, а на отдаленных станциях, чье дело защищать жизненно важные — и зачастую спорные — п-в-туннели, не приветствуются лишние люди, попусту занимающие драгоценное жизненное пространство. Так и получалось, что семьи военных размещались главным образом на базах, поддерживающих космопорт на планете, — таких как здешняя база Хайнса. В процессе службы наверху Джоул с такими вопросами стакивался лишь на расстоянии и рассматривал их как факторы, мешающие техникам и военным заниматься делом. Возможно, космическому адмиралу есть чему поучиться у наземного генерала.

И еще он стал лучше понимать, почему Корделия так настаивала на заполнении формы о ближайшем родственнике. Барраярская история

полна подробностей о деятельности Эйрела в первые годы регентства, бывшие одновременно и первыми годами его брака. Но о Корделии история больше умалчивает, если не считать эффектного подавления мятежа Фордариана, чего она достигла, обезглавив узурпатора. Корделия практически полностью была занята заботами о Майлзе: в тот период медики не были уверены, что ребенок выживет. А когда она отпустила Эйрела на смертельный бой за п-в-туннель к Ро Кита (потом это назовут Третьей Цетагандийской войной), то осталась одна — изгнанница из родного мира, чужестранка в чужом. Ждать помощи от графа Петера, ее свекра, было бесполезно — от него исходила лишь реальная угроза жизни маленького Майлза. Как бы оно все обернулось для Эйрела, не будь Корделии, которой он мог доверить своего любимого сына?

Джоул подозревал, что тогда Майлз оказался бы не единственной жертвой.

Все ждут рождения детей, которые изменят их будущее. Но никто не говорил Джоулу, что дети меняют и прошлое. Невероятное достижение для мальчишек, которые даже еще не доросли до бластулы.

Он покачал головой и последовал за Хайнсом в

административный корпус.

* * *

Несколько дней спустя Джоул посадил свой флайер на мостовую перед Дворцом вице-короля и вышел. Не успел он сделать и шага ко входу, как дверь приоткрылась и на улицу украдкой проскользнула Корделия. Она оделась для выезда на природу: серовато-зеленая футболка, прочные коричневые брюки, на ногах ботинки, в руках холщовый рюкзак. Махнув рукой Джоулу, она быстро направилась к флайеру. Он открыл пассажирскую дверцу, проверил, удобно ли она устроилась, и вернулся на место пилота.

— Взлетай побыстрее, и уматываем отсюда, пока меня никто не перехватил с очередным: «Еще только один вопросик, ваша светлость!..»

— Как прикажете, вице-королева. — И Джоул, усмехнувшись, поднял машину в воздух. — Тайная эскапада? И куда путь держим, осмелюсь я спросить?

— Гора Роузмонт. Дам точные координаты, когда подлетим поближе.

Джоул кивнул и послушно повернул флайер, взяв нужный курс. Гора Роузмонт находилась примерно в двухстах километрах к юго-востоку,

это самая высокая и впечатляющая вулканическая вершина в неплотной горной цепи, которую замыкал потухший вулкан близ Каринбурга. Координаты, собственно, и не требовались: даже на незначительной высоте Джоул уже видел на горизонте гору Роузмонт: конусообразный симметричный абрис, вершина, покрытая снегом, сверкающая как маяк в лучах предзакатного солнца.

— Я так тебе благодарна, что согласился подвезти, — добавила Корделия. — В это путешествие я правда не могла отправляться в одиночку. И попутчик мне нужен не только для того, чтобы держать камеру головида.

Значит, ему предстоит держать камеру? Интересно.

— Мне казалось, ты не страдаешь от дефицита внимания. Рыков, эсбэшники, твой персонал?.. — На самом-то деле ей требовалась недюжинное упорство, чтобы избавиться от их общества.

Она поморщилась:

— Не та компания.

— А я?

Она кивнула и устало откинулась на спинку сиденья.

Каринбург быстро остался позади. Под крылом

флайера проносились редкие поселки, нанизанные, точно бусины, на русла рек. Все признаки человеческого вмешательства в природу скоро растворились в ровной, красноватой, покрытой кустарником полупустыне.

— А… что в рюкзаке? — попытался он поддержать разговор.

Корделия невесело усмехнулась и извлекла запечатанный пластиковый пакет, в котором было порядка килограмма… Чего? Неужели?..

— Да, это песок, — подтвердила она, видя его изумление.

— Песок?

— Песок с Беты. Его доставили через п-в-тунели пару дней назад, но я только сейчас смогла вырваться сюда. — Немного помолчав, она сказала: — Ты уже обедал? Я не догадалась спросить. — Можно предположить, за счет чего она выкроила время на поездку.

— Нет, там в багажнике аптечка и плитки полевого рациона. На случай, если мы не успеем вернуться вовремя к цивилизованной трапезе. — «А если успеем, может, уговорить ее пообедать вместе?» Тут надо что-то получше офицерской столовки, хотя в Каринбурге выбор невелик.

Она фыркнула:

— Ну, еще бы! Оливер, ты как всегда готов к любым неожиданностям. По-другому, наверное, уже не можешь.

— Похоже, что так, — согласился он. — Ну и?.. На Зергияре ведь полно песка? — Причем практически любого, какого угодно, всевозможного вида и консистенции, если судить по опыту общения со строительными подрядчиками. — Зачем импортировать песок с Беты?

— Мне его прислали. — Корделия вздохнула: — Ты ведь кое-что знаешь о том, как мы с Эйрелом познакомились здесь, на Зергияре? Только тогда он еще не был Зергияром. В моем экспедиционном журнале была всего лишь буквенно-цифровая маркировка и запись о потрясающем открытии.

Он кивнул, давая понять, что внимательно слушает и ждет продолжения. Эту историю он уже слышал несколько раз — и от Эйрела, и от нее, в чуть разных версиях. Но мог слушать снова и снова, потому что при каждом рассказе всплывали все новые подробности. Не совсем, конечно, «как я встретил твою маму», но для него все равно очень захватывающе.

Версия Эйрела начиналась с того, что он патрулировал склады для готовящегося вторжения. Он тогда был капитаном старого крейсера «Ге-

нерал Форкрафт», сосланный в дальнюю глушь из барраярского Генштаба, а его политическая карьера рухнула, казалось, бесповоротно. Выполнив на своем корабле плановое патрулирование через ведущую к Эскобару короткую цепочку п-в-туннелей, он вернулся нести дозор на орбите этой планеты, и тут-то выяснилось, что стоило ему отвернуться, как корабль Бетанского астроэкспедиционного корпуса прошмыгнул другим маршрутом и открыл здесь лавочку прямо у него под носом. Попытки интернировать пробравшихся на планету бетанцев пусть и жестко, но мирным путем были сорваны группой политических мятежников. Воспользовавшись удачной возможностью, они устроили свой переворот, когда Форкосиган возглавил наземный отряд, чтобы захватить в плен исследовательскую партию под командованием Корделии. После этого все стремительно пошло ко всем чертям — в обеих версиях, хотя Корделия в этой части обычно была более лаконична. Таким вот образом оба они, брошенные своими кораблями, оказавшиеся — хоть и по разным причинам — в одинаковом положении, объединились, захватили «Генерала Форкрафта» и тем самым спасли Эйрелу жизнь. Его дальнейшая блестящая карьера со временем

стала легендой. И, как и большинство легенд, искажалась при пересказе на публику.

— Мой старпом, Рег Роузмонт, был застрелен в первой стычке — нейробластер, ни малейшего шанса. Для меня он — первая жертва в той войне Барраяра с Эскобаром. Да, пожалуй, что так. Он — и еще Истина.

«Первая жертва войны — Истина», — гласит старинная поговорка. И у Джоула были основания подозревать, что для этой конкретной войны она звучит… более истинно, чем обычно. Он кивнул:

— Прежде чем покинуть полевой лагерь астроэкспедиции, мы его похоронили. И это было первое, что мы с Эйрелом сделали вместе. Рег был наш ксеногеолог и — кажется, я как-то это тебе говорила — большой умница. Бог мой, какая потеря! Так что, когда мы в прошлом году официально стали вместо идентификационных номеров давать здешним горам названия, я настояла на том, чтобы HJ-21 назвали в его честь. Это, ну не знаю… хоть что-то. И уж точно я не намерена позволять называть здесь что бы то ни было в честь принца Зерга.

Джоул хмыкнул. Во времена Зерга политика в Форбарр-Султане была тем еще гадючьим гнез-

дом. Впрочем, как бы то ни было, крон-принц геройски погиб в битве при Эскобаре — что оказалось весьма кстати для Империи. Однажды Джоул отметил в разговоре с Эйрелом: «Рад, что сам я не служил в те времена». Эйрел сказал только: «Я тоже рад».

— Я попросила барраярское посольство на Бете сообщить эту новость тем из его родственников, кто еще жив и кого они смогут отыскать. Они это сделали. А пару дней назад во дворец по почте пришло вот это, — она приподняла рюкзак, — вместе с письмом от сестры Рега. Кажется, мы с ней встречалась… раз или два? Очевидно, из всей семьи только она одна и осталась, кто его еще помнит. Все-таки сорок пять лет прошло. Проводить эксгумацию и отправлять на Бету останки бедняги Рега никто не планировал, и она подумала, что можно поступить иначе: привезти ему немного родной земли. И попросила меня высыпать это у него на могиле. Мы запишем все на головид и отправим ей. — Корделия хмуро посмотрела на рюкзак у себя на коленях и явно в стилистике бетанской астроэкспедиции добавила: — Разумеется, эту почву обезвредили от всех микроорганизмов.

— И она обратилась с этим к вице-королеве

Зергияра?

— Нет, она обращалась к бывшему командиру Рега, я думаю.

— Это… почти по-барраярски. Бетанские феодальные узы?

— Что-то вроде. Или что угодно другое, что еще сохранилось в этом беззаботном и беспамятном мире.

Флайер вдруг ушел вверх и лег на крыло — попал в восходящий воздушный поток от теплого участка земли. Джоул мгновенно перехватил управление, прежде чем автопилот стабилизировал курс. Вместе с потоком теплого воздуха поднималось полупрозрачное, крутящееся облачко — много-много шариков размером не больше кончика пальца, переливающихся как мыльные пузыри. Когда флайер пролетел сквозь них на скорости несколько сотен километров в час, они со звучным чпоканьем залепили колпак… мало похоже на мыло, скорее какая-то мерзкая слизь. Джоул брезгливо скривился и включил сонары; вскоре колпак опять стал прозрачным, остатки этой гадости сдуло ветром.

Можно сказать, что на Зергияре эти безобидные с виду шарики занимали экологическую нишу насекомых-паразитов: кровососущие тва-

ри паразитировали на местных животных. Для людей они особой опасности не представляли, поскольку перемещались очень медленно и их можно было без труда смахнуть с кожи. А вот прихлопнуть на месте — не рекомендуется: содержимое этих «мыльных пузыриков» разъедает кожу похуже, чем укус кровососа. Когда они вернутся в Каринбург, надо будет сразу же помыть флайер.

— Вот ведь!..

Корделия усмехнулась, покосившись на него:

— Я, честно говоря, и сама их терпеть не могу, но лучше уж вмазаться в маленьких, чем в крупных.

Тех самых, у которых имелась пугающая тенденция чаще взрываться, чем лопаться.

— Да уж. Держу пари на то, какой местный вид исчезнет первым после колонизации Зергияра человеком.

— Никаких пари, тут и так все ясно. — Чуть подумав, она добавила: — Люди просят разрешить им для защиты плазмотроны. На мой взгляд, это перебор. Да и неспортивно. Для больших кровососов хватит горящей палки. — И уточнила: — Если ты не против поджечь заодно свои волосы. — Снова помолчала в задумчивости,

после чего заявила: — Можно еще использовать лазерную указку.

Джоул спрятал улыбку.

— Лазерную указку? Правда? Откуда ты это знаешь, Корделия?

— Это был эксперимент, — официальным тоном ответила она.

— Биологический или спортивный?

— Хм, и тот, и другой. Меня интересовала биология, а Эйрел оценивал спортивный аспект. Честно говоря, и он не испытывал нежных чувств к этим дрейфующим вампирам.

Под ними медленно уходил вверх поросший кустарником склон горы, потом стали появляться редкие деревца, сменившиеся сплошным лесом, на высоте воздух сделался намного суше. Корделия дала точные координаты, и флайер взял курс вверх по склону и чуть вбок, огибая гору. На этом уровне лес снова стал чахлым и низкорослым — виной тому были ночные заморозки, обычные на таких высотах.

— Ты уже бывала здесь раньше? То есть… после того… первого раза? — уточнил Джоул, подыскивая безопасное место для посадки на том участке, который и Корделия, и навигатор флайера сочли тем самым. Здесь имелся малоприятный

глубокий овраг, от которого стоило держаться подальше, и ухабистый горный склон, поросший кустами — зергиярской разновидностью древесных пород, в чьих ветвях вполне мог запутаться флайер. Эти образчики местной флоры были более или менее сходны по фрактальной структуре с деревьями как Старой Земли, так и Барраяра, хотя цвет растительности на этой планете был серовато-зеленый.

— Знаешь, мы прилетали сюда… вскоре после того, как получили назначение на Зергияр… Мы прилетели сюда и совершили обряд возжигания, посмертное приношение усопшим — так, как это принято на Барраяре. Чтобы умилостивить местных богов, кем бы они ни были, или призраков, что витают над этим местом. Тогда здесь была табличка. Хотя прошло уже… да, тридцать лет. Но с тех пор… то ли земля просела и сдвинулась, то ли животные, то ли… Ладно, посмотрим.

— М-да… — Порадовавшись, что они успели до темноты, Джоул отыскал открытое место и посадил флайер на относительно ровный участок поверхности. Он проверил оружие на поясе — всего лишь парализатор, но вполне достаточно, чтобы вырубить, недолго думая, почти любую зергиярскую дикую тварь, — и присоединился

к Корделии в кустарнике. Она огляделась и приступила к поискам, расхаживая туда-сюда. Вскоре она уже тяжело дышала в разреженном воздухе. Не зная точно, какие именно приметы она ищет, Джоул следовал за ней, оглядываясь в поисках возможной угрозы. Но здесь вроде бы все было спокойно.

— Ага! Вот оно! — воскликнула Корделия.

Она остановилась перед простой могильной табличкой барраярского военного образца тридцати-сорокалетней давности. На нержавеющей металлической пластине были вырезаны полное имя Роузмонта, звание, цифры и даты. Табличка была почти не видна за тонкими деревцами выше человеческого роста. Корделия нахмурилась, вытащила свое оружие — вот это был уже плазмотрон — и, установив его на узконаправленный луч, без церемоний срезала деревья у самой земли и отпихнула в сторону. Потом, переключив на широкий луч низкой мощности, очертила круг с табличкой в центре и контролируемым огнем расчистила площадку. Когда она закончила, могила выглядела чисто и мрачно — так, словно за ней все это время ухаживали.

Из кармана брюк она достала видеокамеру и протянула Джоулу.

— Ну, думаю, справимся. Проследи, чтобы был крупный план на табличку и панорама окрестностей. Если напортачим, придется делать еще раз… Ладно, я буду стараться. — Она взяла в руки пакет с песком, встала у могилы, глядя прямо перед собой. Ее лицо приобрело то застывшее выражение, какое бывает, когда записываешь на камеру послание для воображаемого собеседника. Джоул приладился к видоискателю — почему теперь кнопки делают такими мелкими? — и дал отмашку начинать.

— Здравствуй, Джакета. Как видишь, твое послание и дар благополучно прибыли. — Она подняла мешочек с песком. — Я стою здесь, у могилы Рега, на высоте три тысячи метров на склоне горы Роузмонт. — Она помолчала, пока Джоул водил камерой, чтобы снять табличку с надписью. — Как видишь, это очень красивое место. — И правда, Джоул сделал панорамные кадры обоих склонов большой горы, возвышающейся в отдалении, а затем медленно повел камерой, захватывая широкий план у ее подножия. Для сравнения он добавил несколько крупных планов самых живописных образчиков местных стелющихся растений, избежавших огня плазмотрона. Затем перевел камеру на Корделию и

кивнул, чтобы та продолжала. Что она и сделала, сказав несколько любезных и лестных фраз о покойном офицере, а затем медленно высыпала песок, точно семена какого-то редкого целебного растения. За последние три года она определенно напрактиковалась в произнесении мемориальных речей. Возможно, решив, что церемония получилась слишком короткой, она продолжила говорить об этой планете — Джоул узнал слегка измененный текст для будущих колонистов Зергияра, который он проиллюстрировал еще несколькими планами местных прекрасных видов. Подразумевалось, что если уж умереть и быть похороненным, то это место на Зергияре — прекрасный тихий уголок. Впрочем, с этим нельзя было не согласиться.

Корделия с видимым усилием обращала слова куда-то в пространство, а взгляд ее делался все более напряженным. Джоул жестом показал, что она может закругляться. Так она и сделала, напоследок не откозыряв в полувоенном бетанском салюте, а просто молча склонив голову над сложенными вместе ладонями. Благословение? Извинение? Джоул выключил запись.

— О боже, как же я устала от смерти! — выпалила она на одном дыхании то ли Джоулу, то ли

просто в пустоту. Немного расслабилась, вздохнула и подошла к нему, чтобы забрать и сложить камеру, которую вместе с пустым пластиковым пакетом сунула в рюкзак. — Хотя вряд ли это справедливо по отношению к сестре Рега. Я сама виновата, что разбудила ее воспоминания. Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, ну и прочее в том же духе.

Он хотел бы предложить ей более существенное утешение в горести от нахлынувших воспоминаний, от всех пережитых смертей, но физическая близость тут не поможет. Они как-то раз попробовали от отчаяния — вскоре после того, как остались без Эйрела, и дело закончилось слезами во всех смыслах. В Корделии не было никакой эротичности, и его интерес тогда скоро угас под бременем боли. Все равно что два евнуха попытались бы заняться любовью. Он еще задумался однажды, как там с этим у бесполых цетагандийских ба, если вообще как-то. Есть ли у них что-то похожее на сексуальную жизнь или желания? Оглядываясь назад, он понял, что у них с Корделией не так много совместного опыта, как могло бы показаться. На самом-то деле они никогда не занимались любовью друг с другом; они делали это с Эйрелом или для Эйрела, просто одновре-

менно. Призрак между ними до сих пор слишком осязаем. Жаль, конечно, и никто не виноват, но, в общем, утешительный секс — не лучший вариант. Или просто было не лучшее время?

Хотел бы он знать, что за воспоминания проходят перед ее мысленным взором в этом тихом месте, где некогда творился ужас. О чем она сейчас думает?

Корделия задумчиво поглядела на табличку и вдруг сказала:

— Ха! А знаешь, вы с Регом чем-то похожи. Лицо другое, но рост и волосы… Они у него были такие же светлые. Интересно, почему я раньше никогда этого не замечала? Наверное… если бы он выжил, то сейчас был бы похож на тебя. — Она прищурилась, точно примеряя на него другое лицо. — Он был года на три меня моложе. А сейчас моложе на сорок лет, замороженный в вечности. — Она постояла, глядя на выжженную и посыпанную песком землю. — Думаю, теперь от него остались только кости там, под землей. Гроб нам сделать было не из чего, саван — тоже, даже его одежду мы забрали для того, кто выжил.

Насколько близки были капитан и ее погибший старпом? И если за сорок пять лет она не оправилась от этой потери, может ли он на что-то

надеться?

— Да, много лет прошло.

Корделия запустила пальцы в волосы — ее обычный нервный жест.

— Мы уже однажды сожгли здесь локон. Этого было достаточно всем мертвым и погребенным, пока эта чертова затея с песком не вернула их к жизни. Не уверена, что вообще существует такая вещь, как исцеление; есть только забвение. Нужно просто… забывать, и постепенно тебе станет легче. — Она словно озвучила его мысли.

— Получается, люди умирают дважды?

— Да, — ответила она, и никому из них не потребовалось уточнять, что именно за люди. Она подошла к Джоулу, и они рука об руку пару минут прогуливались по поляне, впитывая красоту горной природы. Корделия не дрожала, не было заметно никаких признаков давнего травматического стресса, только губы по-прежнему были плотно сжаты.

— Когда ты выйдешь в отставку, то поселишься в горах, чтобы каждый день видеть эту красоту? — спросил он, заметив, что она не может оторвать взор от горных просторов.

Тень улыбки чуть тронула сжатые губы.

— Я — нет. Вот Майлз, тот просто без ума от гор.

Это место он бы просто обожал. А я хочу жить у воды, на самом берегу. У меня есть план… как-нибудь покажу тебе это место, но для этого придется на денек-другой уехать из Каринбурга.

— Интересная мысль. — Джоул дал понять, что вполне поддерживает такой план. День-другой вдали от работы, вместе с ней, без этого болезненного воскрешения воспоминаний, и поговорить будет время. Вот бы было… хорошо. Он не хотел давать более точное определение. Пусть пока все остается открытым. Для чего, для бегства? Едва ли он намерен бежать куда бы то ни было.

— На самом-то деле это нечто большее, чем просто план. — Она улыбнулась так, словно это признание ее смущало. — Я купила полоску берега несколько лет назад — всего лишь как личное капиталовложение, на всякий случай, тогда я была уверена, что мы вернемся на Барраяр. В этот берег я просто влюбилась с первого взгляда. Это место на восточном побережье второго континента, в одной из бухт фьорда. Далеко от столицы — и старой, и предполагаемой.

Конечно, самые первые поселения на том континенте были основаны только несколько лет назад. Сейчас это наверняка всего лишь малозаметные места обитания колонистов.

— Я говорила себе, что, с точки зрения родителя, это благоразумный поступок. Потому что кто знает, где в Империи в конце концов осядут дети Майлза или Марка? Кто-то из них может захотеть переехать сюда… Что ж, потом планы изменились. Все изменилось. Так бывает.

— Ага. — Он осторожно обнял ее за плечи. Корделия была не столь застенчива, как он сам, и положила голову ему на плечо. Солнце клонилось к закату, но на этой высоте еще освещало горы, а на равнине внизу все уже растворилось в сером сумраке.

Где-то вдалеке мелькнул тусклый оранжевый отблеск, и они увидели тонкую струйку дыма на фоне закатного неба.

— Ого! Что-то горит?

Корделия подняла голову, вглядываясь.

— Похоже на то. Лесной пожар? В том направлении поселений нет. — Она подумала и поправилась: — Зафиксированных.

— Наверное, нам нужно пролететь там и проверить.

Да и пора уже убираться отсюда. Когда сгущаются сумерки, малоприятные обитатели Зергияра выходят на поиски пищи. Обычно они не представляли, что делать с людьми, но некоторые

злобные твари пробовали на зуб все, что подвернется. А если даже потом и выплюнут, жертве от этого ничуть не легче.

— Огонь, — процитировала Корделия самым бетанским своим голосом, — это естественная часть экосистемы. Впрочем… — Она показала в направлении Каринбурга, чей светящийся ореол был виден даже отсюда. — Это нам почти по дороге.

По молчаливому согласию они направились к флайеру.

Глава пятая

Уже совсем стемнело, когда их флайер подлетел к месту пожара. Корделия наклонилась вперед, чтобы получше рассмотреть. Сейчас виднелись только раскаленные угли от выгоревшего кустарника, обозначившие красно-оранжевый круг. Огонь дошел до кромки низкого речного берега и не распространился вниз и вверх по течению — растительность пока еще сильно пропитана влагой: сезон дождей едва успел закончиться. Чуть выше по течению на отмели — обугленный аэрокар… нет, уже не горит. А в центре неровного полукольца разрушений люди… сбились в кучу на отмели посреди реки. Вот и разгадка возникшего пожара? Флайер снизился над местом аварии.

— Посвети туда, Оливер, — сказала Корделия.

Он кивнул и включил посадочные фары. Фигурки внизу, задрав головы, смотрели на снижающийся флайер, сейчас они заслонялись руками от внезапно вспыхнувшего яркого света. Корделия насчитала шестерых: один отчаянно махал им, другой пытался ему помешать, третий сидел на песке, уткнувшись головой в колени, а

еще одна коренастая фигура просто стоит, расставив ноги, и хмуро взирает на флайер. Еще двое… толпились, иначе не скажешь, хотя и странно, как всего двое могут создать толпу. Похоже, тут две женщины и четверо мужчин, или, точнее, две девочки, четыре мальчика.

— Это орава детишек из Каринбурга. Боже правый, вон там вроде Фредди Хайнс? — Это она. Та самая, что мрачно глядела вверх. — Наверное, дети военных с базы. Значит, это твой участок работы, Оливер.

Оливер тоже окинул взглядом картину внизу.

— А тот долговязый, случаем, не Лон гем Невитт, сын цетагандийского консула? Значит, это дипломатический вопрос — уже по твоей части, Корделия.

— Ну, спасибо, — пробормотала она, но спорить не стала. Пусть считает, что они квиты. — Можешь нас посадить на эту отмель?

Оливер оценивал предложенную посадочную площадку.

— Посадить — да, можно. А вот подняться — все зависит от того, насколько твердая почва.

— Что ж, не зыбучие пески, а то бы эти детишки уже увязли по шею.

Он что-то пробурчал и направил флайер вниз,

пытаясь приземлиться настолько близко к центру отмели, насколько это возможно, но подальше от детишек, чтобы никого ненароком не раздавить. Приземлился он не сказать чтобы безупречно, но хотя бы на бок не завалился, и то ладно. Корделии вспомнилось, как говорят в подобных случаях: «Посадка, после которой можешь уйти на своих ногах, — хорошая посадка».

Они вылезли из флайера и направились к детям. Мальчик, который отчаянно махал, взывая о помощи, кинулся навстречу и вдруг резко сдал назад.

— Это вице-королева! — завопил он с перепуга.

Вторая девочка в не меньшем ужасе схватила Фредерику Хайнс за руку:

— И с ней адмирал Джоул!

Фредди пошатнулась, но на ногах устояла.

Корделия мысленно прикинула, каким тоном говорить в данном случае, и решила, что сдержанная ирония будет лучше, чем четкие команды или материнская забота.

— Так, и что все это значит? — поинтересовалась она.

Подруга подтолкнула Фредди вперед, явно предпочитая укрыться за ее спиной. Двое других подростков тоже бросали взгляды на Фредди,

предоставляя говорить от их имени. Из чего Корделия сделала вывод, что у Фредди папа здесь в самом высоком звании. Или что она была зачинщицей. Или и то, и другое.

— Ну… — жалобно проговорила Фредди, — мы только хотели показать Лону, как взрываются шары-вампиры!

Цетагандийский парнишка, похоже, не решил еще, говорить ему или лучше молчать, а потому ограничился кивком. Еще не оперившийся гем, столь же невзрачный, как любой тинейджер. В свои пятнадцать лет он был ростом со взрослого (гемы вообще все высокие), но на сем его развитие и застряло. Глядя на него, Корделия почему-то вспомнила «Бобовый стебель № 3», выращенный на лабораторных занятиях в начальной школе: тонкий, длинный, бледный из-за нехватки света, этот переросток все время клонился вниз.

Мальчик, который сидел уткнувшись головой в колени, с отчаянием выкрикнул:

— Мамин флайер!!!

Джоул резко прервал эти вопли:

— Все ваши здесь? Никто не ранен?

Спокойная деловитость Джоула придала Фредди решимости:

— Все здесь, мы пересчитались, сэр. Мы все по-

прыгали в реку, когда… ну, загорелось. — То есть подразумевалось, так само собой получилось, они тут ни при чем.

— Вот только Ант немного обжегся, — добавила ее подруга, кивнув на парня, который так и сидел на песке, уткнувшись головой в колени. — Мы же говорили ему, уже ничего не спасти, надо уносить ноги!

Картинка сложилась быстро. Вылазка на природу явно затевалась с целью полюбоваться, как взрываются шары-вампиры. Что ж, эффектное зрелище, одно из лучших на Зергияре — самое оно, если подыхаешь от скуки и ищешь, чем бы развлечься. Самые крупные кровососы — размером с воздушный шарик для праздника — обычно целыми тучами собирались в безветренную ночь над руслами рек. И уж конечно, сами собой эти твари не взрываются.

Интересно, а родители им эту вылазку разрешили? Корделия заметила на поясе у Фредди кобуру с оружием — плазмотроном военного образца. Нет, вряд ли разрешили. В любом случае все шесть детишек никак не поместятся во флайер Оливера, даже если убрать заднее сиденье.

У некоторых ребят были наручные коммы.

— Кто-нибудь из вас уже позвонил родите-

лям? — поинтересовалась Корделия.

Молчание было ей ответом. Она вздохнула и поднесла к губам собственный комм.

Начальник муниципальной охраны Каринбурга оказался дома, он ужинал. (Хм, сама-то она еще не ела.) Корделия безжалостно прервала его трапезу, кратко обрисовав ситуацию и заставив его пообещать, что он немедленно пришлет сюда дежурный флайер, достаточно вместительный, чтобы доставить всех правонарушителей в город, где с ними разберутся и вернут родителям. К сообщению она присовокупила список имен самих ребят и их родителей, добытый, несмотря на попытки сопротивления. Парочка подростков упиралась так, что можно было подумать, будто эти сведения из них и с суперпентоталом не вытащишь, но под прицелом весьма холодного вице-королевского взгляда друзья быстро сдали упрямцев. Анна и Ант (сокращенное от Антуан) — сестра и брат с военной базы, еще двое — отпрыски гражданских из города. Лон гем Невитт, конечно, особый случай, но он учился вместе со всеми в каринбургской средней школе, потому и оказался в этой компании.

Оливер тем временем успел отвести пострадавшего мальчика к флайеру, где была аптечка,

оказать ему первую помощь и присоединиться к остальным. Покрасневшее лицо Анта блестело от толстого слоя геля с антибиотиком и обезболивающим, а руки в волдырях теперь были забинтованы.

— Ничего серьезного, хотя боль адская наверняка, — тихо сказал Оливер Корделии. — Я сделал ему инъекцию синергина, чтобы немного успокоился. Понятно, он на грани истерики из-за своего флайера.

— Этого пока хватит, — ответила она так же негромко. — Муниципальная охрана выслала за ними транспорт. Будут здесь через полчаса, если не раньше.

Оливер с облегчением вздохнул и еще раз окинул взглядом растерянных подростков. Поморщившись, он отозвал Фредди в сторону.

Фредди Хайнс — пухленькая, коренастая — была очень похожа на своего отца, хотя, конечно, и не полная копия, разве что волосы точно такие же темные и густые. Прыщики на лице не слишком ее красили, но это возрастное, скоро само пройдет. Раньше Корделия видела ее мельком пару раз. Тогда девочка показалась ей уверенной и не такой застенчивой, как многие ее сверстницы, но в подобной ситуации кто угодно вправе

сломаться. И хотя Фредди пока держалась, видно было, чего ей это стоит.

Джоул смотрел на Фредди с высоты своего роста. Он не торопился начать разговор.

Фредди потупилась — это молчание ничего хорошего не предвещало.

— Это плазмотрон твоего папы? — спросил Оливер (учитывая обстоятельства, довольно мягко, — как показалось Корделии).

Фредди совсем сникла.

— Да, сэр, — пробормотала она.

— Он дал тебе разрешение выносить его с базы?

— Он говорил, что нельзя покидать город без оружия из-за шестиногов, — заявила Фредди.

В ответ на эту попытку выкрутиться Джоул промолчал, явно давая понять, что такой вариант его не устраивает. Фредди поежилась под его саркастичным взглядом… открыла рот, закрыла — и все же призналась:

— Нет, сэр.

— Понятно.

А что, если припомнить, что там написано в военном уставе, в том разделе, где про обращение с личным оружием? Ведь это переводит поступок девочки из разряда «несчастный случай»

в «незаконные действия». Тот факт, что она несовершеннолетняя, ситуацию только осложняет, отнюдь не улучшая. И для Теодора Хайнса это не плюс.

— Но ведь хорошо, что у нас оно было! — запротестовала Фредди. — Два огромных скатагатора нас преследовали, они хотели выбраться на островок, а я выстрелила в песок и прогнала их!

Оливер повел бровью, но иных признаков непреклонности не проявил. Скатагаторы — одна из местных разновидностей шестиногов, приземистые плотоядные амфибии, водятся в реках. Бывало, что нападали на людей, когда у этих примитивных тварей мозги переклинивало от какого-нибудь неверного движения. К тому моменту, когда вкус и обоняние подавали сигнал «несъедобная добыча», уже иногда бывало поздно. Заряд плазменной дуги, точно направленный во влажный песок, вызовет выброс пара и заставит тварей быстренько попрыгать обратно в мутную воду, это Корделия знала по собственному опыту. А вот подстрелить ската… лучше не пробовать. Раненая тварюга, бьющаяся в агонии, или мертвая тушка быстро привлекут других падальщиков, включая собратьев-каннибалов. Корделия обдумала привычную дилемму — как

похвалить ребенка за то, что он сделал что-то правильно, делая то, что делать нельзя, — и ничего не сказала.

— Лучше отдай его мне, — сказал Оливер, протягивая руку. — Я обязуюсь вернуть плазмотрон твоему отцу.

— Да, адмирал Джоул, сэр. — Фредди отстегнула кобуру и протянула оружие официальному представителю имперских властей.

Оливер, сохраняя невозмутимость, но явно желая убрать поскорее с глаз долой этот самый плазмотрон, молча засунул его в багажник флайера. «Интересно, понимает ли девочка, что он сейчас для нее сделал?» — подумала Корделия. Ну, позже ей это объяснят, сейчас лучше в разговор не вмешиваться. Она одобрительно кивнула Оливеру, когда тот обогнул флайер, и он молча ответил ей таким же понимающим кивком.

Буквально через пару минут за детьми прибыл флайер-фургон муниципальной охраны, и Джоул с Корделией вылетели вслед за ними.

Первым из родителей подоспел Теодор Хайнс. Не успел Оливер посадить свой флайер в нарисованном круге у главного участка муниципальной охраны, как Хайнс припарковался прямо рядом. Они с Оливером вышли и поздоровались, вице-

королеве Хайнс откозырял.

— Что тут вообще творится, Оливер? — спросил Хайнс с беспокойством. — Сообщили, что никто из детей не пострадал, — это так?

Оливер вкратце описал события и, проверив, нет ли поблизости кого из посторонних, протянул ему плазмотрон в кобуре. Хайнс негромко чертыхнулся, и оружие мигом очутилось в его машине.

— Вот черт! Спасибо. Не знал, что она такое учинила.

— А ты разве не держишь личное оружие под замком?

— Так и делал, пока мальчики не выросли. А я-то думал, девочки предпочитают кукол… — Хайнс в досаде стиснул зубы.

— Фредди, на мой взгляд, не из тех, кто предпочитает кукол, — сказала Корделия. — Хотя у меня в воспитании девочек опыта не слишком много. Но если не говорить о том, что эта их вылазка на природу — полный идиотизм, то надо отметить: ваша дочь, похоже, не растерялась, когда ситуация вышла из-под контроля.

Хайнс немного ободрился. Те, кто знает, каково это — растить детей, друг друга понимают.

— Хм-м… Ну с ней мы еще поговорим!.. На неде-

лю под домашний арест, это я гарантирую.

— Что ж, вполне годится, — кивнула Корделия.

— Если не считать того, что дом-то это мой… — печально вздохнул Хайнс. Похоже, он вживе представил, что его ждет: всю неделю, каждый вечер сидеть взаперти, один на один с угрюмым подростком в расстроенных чувствах. — Вот черт… хорошо бы ее мать была здесь. — Он покачал головой и поплелся ко входу в участок.

Корделия с Оливером тоже вошли внутрь. Там Корделия выяснила, что ей придется задержаться, пока Лон гем Невитт не воссоединится с соотечественниками, и они с Оливером расположились в служебном помещении, чтобы не мозолить глаза и без того расстроенным родителям, когда те приходили забрать своих отпрысков. У Корделии возникло ощущение, что каринбургские гвардейцы поднаторели разве что в извлечении тел пострадавших из труднодоступных мест, будь то внутренности разбившегося всмятку флайера или, к примеру, захотевшего покушать скатагатора. Тем не менее они неплохо выступили в роли суровых и мрачных стражей закона, и если удача будет им сопутствовать, инцидент не повторится. Они только пугали, но не предъявляли никаких конкретных обвинений. Возможно, этому спо-

собствовало еще и то обстоятельство, что один из городских парнишек оказался сыном служащей этого самого участка.

Время шло, Корделия уже умирала от голода, а цетагандийский консул все не появлялся. Она уже думала, что консул решил поучить сына жизни и оставить в участке до утра, но тут прибыл атташе по культуре лорд гем Сорен — в том же официальном раскрасе и наряде, что на приеме в саду неделю назад. Благоухал он чем-то странным — духи, дурман? — но в любом случае не барраярскими алкогольными напитками. Атташе выглядел несколько обеспокоенным. Передача правонарушителя застопорилась, как только выяснилось, что он не является отцом Лона.

Корделия тактично вмешалась в разговор, уверив подозрительного сержанта в том, что гем Сорен — сотрудник консульства и имеет необходимые полномочия.

— А где сегодня вечером леди и лорд гем Невитт, лорд гем Сорен? — спросила она светским тоном.

— Они устраивают в консульстве вечер лунной поэзии, ваша светлость. Осенний ритуал в Небесном Саду на Эта Кита, который… э-э… ну, он проходит как раз сейчас. Осень. Они не могли прервать церемонию на середине, поэтому по-

слали меня.

Значит ли это, что гем Сорен — доверенное лицо или он просто мальчик на побегушках? Скорее второе, решила Корделия, что заодно объясняло и его неуместный здесь парфюм. Оливера все это весьма забавляло. Бобовый Стебель № 3 не имел ничего против, он с видимым облегчением воспринял появление гем Сорена вместо своих родителей. Как бы то ни было, гем Сорен все уладил и удалился, уведя с собой юного Невитта.

Было уже чертовски поздно, а Корделии еще требовалось прочитать до начала утренних совещаний несколько папок с докладами. Оливер вызвался ее проводить, и они на минутку заскочили перехватить пару сандвичей в круглосуточный магазинчик на Главной улице, один из немногих, открытых по будням в это время суток. Так они и шли в сторону вице-королевского дворца, на ходу жуя сандвичи. На углу переулка, ведущего к Карасу, Корделия задержалась, выкидывая в мусорный контейнер скомканную обертку. Потом в задумчивости посмотрела на полуосвещенный фасад репроцентра.

Проследив ее взгляд, Оливер усмехнулся:

— Что, хочешь навестить Аурелию?

— У них ночью есть обслуживающий персонал,

но… сейчас не часы для посещений.

— Уверен, для тебя они сделают исключение.

— Я тоже уверена. Но мне не стоит навязываться. К тому же там пока мало что можно увидеть даже на мониторе с увеличением. На этой стадии развития человек — всего лишь комочек клеток.

Но Оливера ее безразличие не обмануло. Интересно, ее действительно так просто понять или Оливер читает ее мысли, потому что он — это он?

— Ты все-таки хочешь.

— Ну… да.

Он решительно повернул ее налево.

— Денек выдался не из легких, а завтра еще один рабочий день. Получай удовольствие, пока есть возможность.

— Хочешь поднять мне настроение во благо моих угнетаемых подчиненных? — Она взяла его под руку, и они двинулись в сторону клиники.

— Может, это просвещенный эгоизм?

— Ха.

На их звонок вышел медтех. Он сразу узнал Корделию и без возражений впустил их. Перепроверив записи, он провел обоих в репликаторный банк и отыскал там нужный монитор. В приглушенном свете виден был только крохотный

бесформенный комочек, словно какая-то низшая форма морской жизни.

Оливер с сомнением поглядел через ее плечо:

— Как странно. Но это нечто восхитительное.

Он огляделся, словно хотел узнать, в каком именно холодильнике хранятся его будущие надежды. Но не набрался смелости спросить.

— Да, — согласилась Корделия.

— Ты улыбаешься.

— Да, — не стала она отрицать. Ее счастливая улыбка зажгла ответный блеск в глазах Оливера. Даже медтехник, выпуская их наружу, чтобы запереть на ночь дверь, улыбнулся в ответ, настолько заразительной была ее очевидная радость.

Они снова вышли на Главную улицу. Теперь Корделия бодро шагала в ногу с Оливером. У ворот дворца она извинилась, что задержала его до поздней ночи.

— Я не предвидела, с какими непредвиденными обстоятельствами нам придется столкнуться в этой поездке. Да и кто бы смог?

— Если бы ты их предвидела, они бы не были непредвиденными, так ведь?

Она рассмеялась и пожелала ему спокойной ночи.

* * *

Корделия проснулась среди ночи, что в последние дни с ней случалось нередко. Из обрывков сна всплыло одно старое воспоминание. «Ага, вот оно!» — сказала себе Корделия, потрясенная возникшим пониманием.

Ей тогда было уже больше двадцати и очень не терпелось вступить во взрослую жизнь. Она была одной из лучших на учебных занятиях, но вот социальные взаимодействия ей не давались. Потому-то она и была вне себя от счастья, когда у нее наконец появился первый настоящий сексуальный партнер. Их связь возобновлялась всякий раз, когда позволяли служебные обязанности в Бетанском Астроэкспедиционном корпусе, и кульминацией стала многомесячная экспедиция. Тогда они объявили себя парой, делили каюту и обязанности младших офицеров. И строили планы на будущее. Равные в любви и в жизни — так она думала. Так оно и было — пока не пришло время повышения по службе. Они оба оказались претендентами на одну и ту же командную должность.

Первым будет он — так они решили. Она тем временем будет работать в наземной службе и

растить положенных им двоих детей, а потом уже придет ее черед. Как и планировалось, она перевелась на кабинетную работу. Но как-то так получилось, что за этим не последовало объявление о статусе семейных партнеров и оплодотворение, хотя она и прошла процедуру извлечения яйцеклетки и записалась на обязательные родительские курсы. Но у него не нашлось времени на эти мелочи до того, как отправиться в экспедицию — впервые в роли капитана корабля. Тогда на него свалилось слишком много дел. Вроде все объяснимо.

Все шло по плану. Он вернулся из экспедиции — с другой женщиной, ксенохимиком в звании мичмана, которая не хотела иметь детей. «Мы просто совершили ошибку, Корделия, — сказал он так, словно исправлял погрешность в ее навигационных вычислениях. — Никто не виноват, правда».

Даже будь она скандалисткой, то все равно не стала бы ему устраивать сцену в публичном месте, которое он предусмотрительно выбрал для этого заявления. И она позволила ему ускользнуть, в полном убеждении, что его вранье прокатило. Не сказать, чтобы она хотела его вернуть. Он неуклонно продвигался по службе в АЭК и

даже со временем завел двоих детей — то ли с мичманом-ксенохимиком, то ли с какой-то другой партнершей. А на следующий год Корделии предложили командование «Рене Магриттом». А ведь это корабль, правду говоря, получше, чем его, так что все хорошо, верно?

И после двух экспедиций она открыла эту планету — и Эйрела, и все остальное, что стало в буквальном смысле слова историей.

Рассказ об этом лицемерии стал самой первой личной тайной, которой она поделилась с Эйрелом во время их рискованного похода на этой планете. И взамен услышала его историю — куда более кровавую и зловещую. Эйрел всегда умел произвести впечатление, надо отдать ему должное. Она улыбнулась, вспомнив, как даже в восемьдесят лет он мог одним своим появлением наэлектризовать помещение.

Так что, оглядываясь назад, можно сказать, что своим предательством этот подонок сделал ей лучший в жизни подарок. Может, еще не поздно отправить ему благодарственное письмо? Хотелось бы знать — он тоже едва помнит ее лицо? У нее самой все, что осталось от него на память, — так это картина боли, даже не сама боль, пронзившая средоточие ее души. И образ

этот до сих пор удивительно ясный.

Катастрофические события воспрепятствовали Эйрелу излечить ее старые душевные раны. Но по прошествии десятилетий можно с уверенностью сказать, что он оставил ей средство исцеления, если она того захочет. На Эйрела можно было полагаться без оглядки во всем — и в большом, и в малом.

А вот с Оливером она не могла бы поделиться этими историями — сейчас уж точно, а может быть, и никогда. Он бы все не так понял. На самом деле все это сейчас не нужно никому вообще, не только ей самой, так ведь? Вздохнув, она запихнула воспоминания поглубже и заснула.

* * *

Наутро, когда Джоул пришел в офис на базе, он отметил, что его адъютант не опоздала на службу и не выглядит как с похмелья.

— Как вчера прошел прием в Цетагандийском консульстве, лейтенант? — спросил он, когда Фориннис одарила его чашкой кофе, соблюдая священный утренний ритуал. — Удалось узнать что-нибудь интересное?

— Ну… очень странно. — Фориннис недовольно сморщила носик. — Еда какая-то мудреная. По-

том стали разносить эти штуки, чтобы нюхать, но я только сделала вид, что вдыхаю. — Джоул счел, что такая сверхосторожность похожа на паранойю. — А мой так называемый воздыхатель куда-то исчез. Мне пришлось высидеть полтора часа их поэтических декламаций. И когда лорд гем Сорен наконец вернулся, то уже пропустил свою очередь выступать и надулся. Не сказала бы, что он оказался приятным собеседником.

Джоул подавил улыбку.

— А-а. Боюсь, он тут не так уж и виноват. Лон гем Невитт с одноклассниками был задержан охраной Каринбурга после… э-э… случая самовозгорания, так сказать. Это произошло вчера вечером, за городом. Детишек доставили в участок и не могли отпустить, пока не проведут соответствующую беседу со всеми родителями. Гем Сорену босс велел отправиться туда и забрать парня. Кстати, похоже, гем Сорен не так чтобы слишком обрадовался такой оказии.

— А-а. — Фориннис заморгала, переваривая услышанное, но не стала задавать вполне естественный вопрос, откуда ему все это известно. Или его просто-напросто считали всеведущим? Впрочем, как бы то ни было, она уже не так злилась на гема. — Да и вообще… он в основном

намеревался рассказать мне все о своем фамильном древе, что он и сделал. Знаете, что у него предок уроженец Барраяра? То есть уроженка.

Джоул поднял брови. В досье СБ на этого парня такой пикантной подробности не было, хотя там фигурировала парочка предков с необычными для цетагандийцев именами, происходивших с планеты одной из меньших сатрапий, расположенных по другую сторону от Барраяра относительно центра империи на Эта Кита.

— Нет, не знал. Расскажите.

— Кажется, его прапрабабушка по отцовской линии во времена Оккупации была барраярской коллаборационисткой и удрала вместе с семьей, когда цетагандийцев вышвырнули вон. Я не совсем поняла, была ли она форессой или простолюдинкой, служанкой или содержанкой или еще кем, но он называл ее третьей женой. Похоже, кто-то вроде наложницы.

— Хм-м, во всяком случае, больше чем служанка. Это статус с официальным положением и правами, но ее дети, безусловно, более низкого ранга, чем старшие. — Джоул отпил кофе, обдумывая следующий наводящий вопрос. — Ну, а вас он о чем расспрашивал?

— Он хотел узнать, ездила ли я верхом там, на

Барраяре. Вроде бы он считает, что все форы это делают. Я имею в виду, все время только это и делают. Ездят верхом и в экипажах.

— О! А вы ездите? Ну, как спорт, конечно.

Много лет назад Эйрел учил его держаться в седле, когда они уезжали на выходные в Форкосиган-Сюрло, хотя оба они больше любили ходить под парусом. Эйрел извинялся, что он не такой блестящий наездник, как его покойный отец, генерал граф Петер Форкосиган. И в его словах звучало сожаление — ну или близко к тому, — что в силу обстоятельств Джоул был лишен общества столь несравненного наставника. Саймон Иллиан тогда пробормотал: «Считай, тебе крупно повезло».

— Вообще-то нет, ну разве что пару раз, когда гостила у кузенов. Моя семья живет в Вест-Хиггат. — «Столица Округа Форинниссов, — мысленно отметил Джоул, — крупный политический и торговый центр, как и почти все такие города». — Отец работает в Окружном Бюро дорог и мостов. В основном на системах управления аэротрафиком. На военной службе он был диспетчером трафика «орбита — планета», потому и получил эту должность. Микос как-то… ну… разочаровался, что ли, когда я ему это рассказала.

— Что? Да наш гем-лорд, никак, романтик! Почитатель седой старины, так сказать.

— Что ж, это еще одно объяснение. — Она пожала плечами.

— А какое первое?

— Он олух, — предположила она.

— Э-э… хм, — пробормотал Джоул, не определившийся пока на сей счет. — Интересно, а эта его предполагаемая связь с Барраяром? Может, его потому и назначили на эту должность? Или, если причина назначения не в этом, он изучает свои корни, используя подвернувшуюся возможность?

— Я… Мы не зашли так далеко.

— Я бы еще поинтересовался, не потому ли гем его возраста и ранга на гражданской службе? Может, именно барраярское пятнышко в его генах и не позволяет присоединиться к армейскому братству?

— И это мы тоже не обсуждали. Я вот думаю… может, мне не стоило так его отфутболивать? — Она нахмурилась. Видно было, что мелькнула вдруг тень сомнения, а правильно ли она себя вела. — Может, мне его тоже пригласить куда-нибудь? Сделать что-то? Дать ему еще один шанс?

Джоул пожал плечами:

— Может быть, что-то безобидное на свежем воздухе? Это даст ему возможность загладить свои промахи, но при этом не подразумевается никаких авансов с вашей стороны?

Так, ну, ночную охоту за шариками-вампирами желательно из списка исключить. Хотя это и дает возможность продемонстрировать барраярские культурные традиции — страсть к фейерверкам. Вот только еще одного лесного пожара тут и не хватало. Джоул прикусил язык, чтобы не проболтаться про ноу-хау Корделии с лазерными указками. Хотя он сам немало бы отдал, чтобы посмотреть, как вице-королева применяет эту технику.

Форинниc нахмурилась:

— Я обдумаю это, сэр.

Чашка с кофе опустела, настало время вернуться к повестке дня и отправляться на очередное совещание по закупке материалов.

Джоул выглянул в окно. База жила обычной утренней жизнью. Странно все-таки, что его юношеские мечты о военной славе свелись вот к этому. Хотя, с другой стороны, его труды, может, еще и сослужат службу — какому-нибудь парню, когда придется туго. Вот ему-то и достанется вся слава и не придется лихорадочно соображать:

«Куда здесь, ко всем чертям, посадить эту штуку?» Невидимые победы, так сказать.

«Вот Эйрел, — подумал он, — это бы понял».

* * *

Уже ближе к вечеру на его офисный комм-пульт позвонила Корделия. Оливер нажал клавишу, сигнализировавшую лейтенанту Форинниc в приемной, что его не следует беспокоить. Откинувшись в кресле, он посмотрел на лицо Корделии над видеопластиной. Взгляд приветливый, но губы сжаты.

— Как дела, ваша светлость?

— Не так чтобы очень, судя по предварительному докладу моих сотрудников про этих ваших приятелей из «Плас-Дэн»...

— О? Мне из этого что-нибудь пригодится?

— Вряд ли. Пока что они смогли отследить, так сказать, предысторию этой вашей смеси. Заказ отменили уже на этапе производства в прошлом году. Заказчик переключился на более дешевый продукт. У «Плас-Дэн» не вышло заставить забрать заказ, хотя они и пытались. Поэтому вся эта продукция осела у них, загромоздив половину склада. И какой-то умник догадался сбагрить ее вам — прекрасное решение проблемы. Они

полагают, что ничего такого не сделали. Или, во всяком случае, — ничего, что можно им предъявить. Увы, это так, мы проверили.

Джоул поморщился:

— По крайней мере мы не можем предпринять никаких действий. Вот так всегда: пока есть военные, им вечно будут сбагривать хлам по завышенным ценам. Но здесь они зря нарываются, им это еще аукнется.

— Это точно. Ведь самые крупные заказчики на планете — мы с тобой. Хм, и у нас найдется чем отплатить за такие фокусы. О своем бы будущем лучше подумали, махинаторы.

— Может, мы и самые крупные заказчики, но это вовсе не значит, что самые выгодные. В последнее время мне не раз говорили, что есть немало гражданских проектов, которые хотят и могут перебить цену. Однако, пока вся продукция «Плас-Дэн» идет на наши крупные, но малоприбыльные заказы, им ничего не светит. — Он помолчал. — Да, и еще возникает вопрос, не пытаются ли они саботировать переезд в Гридград. Или хотя бы оттянуть.

Корделия задумалась.

— Надолго?

— До прибытия нового и более сговорчивого

вице-короля?

— Хм. Я ни с кем, кроме тебя, не обсуждала свои планы выйти в отставку. Право же, понять не могу, кто еще мог быть в курсе.

Весьма лестно это услышать. Вот только несколько настораживает.

— Ты еще не сказала Грегору? И Майлзу?

— Грегор будет следующим. Наверное, если все пойдет нормально, как только Аурелии будет месяц. Восемь месяцев — более чем достаточный срок, чтобы найти мне замену. А возможно, и дольше: для одного малыша во дворце комната найдется. Но вот к тому моменту, когда появится ее первая сестра, я бы на самом деле хотела отсюда уехать. Вряд ли Грегор пришлет сюда идиота. Или политикана, которого просто хочет выставить из Форбарр-Султана? Хотя тут нужен кандидат, который не только может, но и *хочет* сюда ехать.

Джоул улыбнулся. А ведь он только сейчас вдруг понял, что ему придется дальше работать не с Корделией, а с другим гражданским шефом. Как это он не подумал об этом аспекте будущих перемен, а?

— Хм, вот только может получится так, что тебе будет сложнее уйти, чем кажется. Ты правишь

Зергияром по своему усмотрению. Империи, в общем-то, и не надо тебя контролировать. Я знаю, что на Комарре Имперский советник привлекает более пристальное внимание.

— Ну, Комарра… — Она пожала плечами: — В общем, девяти месяцев, думаю, мне хватит. Может, и немного времени останется ввести в курс дела нового вице-короля.

Исторически сложилось так, что смена руководства происходит сразу, и это подкреплено определенными формальностями. И на то есть причины.

— А может, тебе не стоит так поступать? Ведь если ты останешься на той же планете, тебя всегда смогут отыскать для консультаций по комму. Ты можешь уйти в отставку, но не скрываться.

Она скривилась:

— Об этом я не подумала. О боже, неужели они меня еще не наслушались?

— Очень может быть, — хмыкнул Оливер. — Тебе, Корделия, просто надо научиться говорить «нет».

— Я говорю людям «нет» с утра до вечера. Им это как-то не нравится.

— Да уж, не сошлись во мнениях о денежных и прочих инвестициях в Каринбург. Ты ведь

никогда не скрывала дальнейшие планы относительно этого места.

Она взъерошила волосы.

— Я говорю: «Столица планеты не должна находиться вблизи действующего вулкана». Что им так сложно понять? Это место должно было бы стать природным заповедником. Ладно, пусть историческим парком. Потом, когда-нибудь. И когда эта проклятая гора начнет извергаться, нам придется эвакуировать не миллионы людей, а всего десятки или сотни.

— Я ведь никогда и не спорил, — примирительно заметил Джоул. — Я только за то, чтобы полностью перевести наземный штаб Имперской службы безопасности вместе с его экономической поддержкой на новую базу — как только ее построят. И этой цели никак не способствует превышение сметы еще до того, как мы приступили к строительству. Черт возьми, они до сих пор строят Гридград! «Недостатки инфраструктуры», видите ли!

Корделия в сомнении сморщила нос:

— Этот перерасход может стать фатальным?

— Ну, нет вообще-то. Я ожидал худшего. Да и «Плас-Дэн» это понимает не хуже нашего. Но вот их ловкие *калькуляции* хоть кого достанут. —

Оливер сердито нахмурился.

— А никак нельзя использовать эту самую смесь пораньше, для чего-то другого? Это ведь покроет некоторые затраты? Или пораньше начать работы? — Сейчас она говорила брюзгливым тоном рачительной домохозяйки. — Построить взлетно-посадочные полосы прямо сейчас?

— Хорошо бы. Но для этого нужны не только материалы, а еще и руки.

— У тебя есть армия. Вроде бы.

— И это учитываем. Но без подготовки или с подготовкой, но совсем не для того… это вовсе не так эффективно, как можно подумать. Все равно нужны специалисты — контролировать и обучать рабочие бригады, чтобы те не поубивали друг друга всей этой техникой. Как говорится: «Думаешь, безопасность — это дорого? Тогда попробуй оценить, во что обходятся несчастные случаи». Строительство — это как пазл из множества деталей, причем собирать их надо в строгом порядке, а если нет ключевой детали — или человека, то ничего не выйдет. — Он поджал губы. — А ведь этот наш проект не требует особо жестких условий, и среда благоприятная. Все то время службы во флоте, когда я водил скачковые корабли, я *полагался* на них. И на тех, кто их сделал.

Хорошо еще, что тогда я не знал того, что знаю сейчас. А то бы меня паралич хватил от ужаса.

Корделия хихикнула.

— Империя строилась теми, кто предложил самую низкую цену? Думаю, это многое объясняет. — Она вздохнула: — Жаль, что я не могу помочь чем-то еще. Если появятся какие-то дельные мысли, я дам тебе знать. — Корделия небрежно кивнула, и видеопанель погасла.

Оливер, выдохнув, откинулся на спинку кресла. Может, будь это чей-то злой умысел или, допустим, заговор умников, было бы проще. Тогда их можно было бы переумничать. Но противостоять самой обычной дури оказалось на удивление сложно. Даже героическими мерами.

Он открыл календарь и обратил внимание на знакомую дату. Сердце словно сжалось от холода. «На следующей неделе будет три года. Неужели три года?» Корделия тоже увидит приближение этой даты. Разумеется, вслух она ничего не скажет. Насколько ему известно, на эту дату не планировалось никаких официальных мероприятий. В первую годовщину смерти была панихида, на которой он присутствовал, чтобы поддержать овдовевшую вице-королеву, но после выпить вместе им не удалось. В прошлом году

в этот день их пути разошлись: он находился на плановой инспекции военных станций на выходе п-в-туннеля к Эскобару, а она внизу, на планете, занималась обычными делами колонии. У них не сложилось традиции как-то отмечать этот день. «А значит, мы можем поступать, как нам хочется?»

Может, свозить ее в этот день покататься на яхте?.. Нет. Не в этот. Его устроит день, когда забыть — возможно. Эти выходные? Вроде бы подойдет.

«Покататься на яхте, Оливер? А что именно ты имеешь в виду?» Он невесело улыбнулся. Дружеский секс, как они когда-то выяснили, сделал все только хуже. Оба они жутко расстроились. А если обратиться к тем слишком редким необычным экспериментам, которые они разделяли с Эйрелом… Можно ли сказать, что они хоть раз занимались любовью друг с другом? Хотя бы раз она проявляла такое желание? Эта странная, подсознательная, малюсенькая дистанция между ними. Об этом не говорили вслух, но она всегда держала дистанцию, даже когда тела соприкасались.

И рискнет ли он просить сейчас о большем? Рискнет ли подвергать испытанию их долгую дружбу? Его губы дрогнули. Нет, все это слиш-

ком мелодраматично для его прямолинейной Корделии. Она просто ответит «нет» или, что вероятнее, «нет, спасибо». А если уж совсем не повезет, то будет прикладывать к больным местам эти их кошмарные бетанские психологические примочки. Сейчас чутье ему подсказывало, что опасности никакой нет, просто ставки высоки.

Он потянулся к комм-пульту и открыл адресный файл. Этим номером он не пользовался уже несколько лет, но не вычеркнул его… пальцы двигались сами, из-под них появлялись простые фразы… вот только сердце сжалось в комок и пульсировало в горле.

«Привет, сержант Пенни. У вас все по-прежнему? Можно у вас арендовать яхту? Если так, я хотел бы лучшую на этот уикэнд, у меня будет особый гость…»

Глава шестая

А вот и озеро Серена. Корделия прижалась лицом к стеклу на колпаке флайера, наслаждаясь видами. Серена — самое маленькое, самое мелководное и самое биологически интересное в цепочке озер рифтовой долины на юг от Каринбурга. Озеро было не самым ближайшим к городу и базе — ближе еще два, так что пока окрестности Серены не застраивались. Корделии очень хотелось бы, чтобы так оставалось и впредь. Это напомнило ей тот Зергияр, который она впервые увидела сорок пять лет назад, — огромный мир, безлюдный и приветливый, кроме разве что, как выяснилось впоследствии, нескольких (сотен) биологических мин-ловушек. И как-то сомнительно, что разбросанные по планете колонисты смогли обнаружить их все, хотя, несомненно, упорно над этим работали. Корделия обдумывала завлекательный слоган для выпускников медицинских колледжей с соседних планет: «Прекрасный Каринбург ждет вас! У нас вы навсегда забудете о скуке — здесь ни в чем нельзя быть уверенным!» Впрочем, на Зергияре такой слоган подходит вообще всем, от мала до велика…

— Это ты хорошо придумал, — сказала она Оливеру.

Он ответил довольной улыбкой:

— Я очень обрадовался, что сержант Пенни по-прежнему здесь. Я потерял с ним контакт после того, как продал ему свою вторую лодку.

Вторая лодка Оливера была довольно вместительной и удобной. Раньше он катал на ней по ближайшему озеру гостей, выразивших желание поплавать. После смерти Эйрела он почти совсем перестал ею пользоваться и в конце концов продал увлеченному яхтсмену — гражданскому пилоту шаттла, который не мог спокойно смотреть, как классное судно пылится без дела. Корделия радовалась, что у Оливера опять проснулся интерес. Ему только на пользу выбраться на природу. Да и от работы отвлечется хоть ненадолго. Оливер привык просчитывать все до мелочей, что, в общем-то, неплохо — в некоторых случаях. Вот, к примеру, кортеж из пяти кораблей под его личным командованием — во время всей этой круговерти с похоронами на государственном уровне все работало как часы. Корделия бы его расцеловала… если бы была тогда в состоянии сделать это или вообще хоть что-то, — но если никто его не остановит, то сам

он не остановится точно.

Флайер накренился, заходя на вираж, и на западном берегу озера — сквозь заросли зергиярской растительности, в чем-то повторяющей земные аналоги, хоть и с другой биохимией, — показалась усадьба. Пенни когда-то начинал с плавучего причала и лачуги на берегу. Парочка более просторных и добротных строений появились позже. Они прилепились в отдалении на крутом берегу, чем-то напоминая жилище рака-отшельника. Еще здесь имелся приземистый домик с просторной верандой, который хозяин сложил собственными руками из местных материалов. Строение это появилось, вероятно, тогда, когда в жизнь сержанта, отслужившего двадцатку, вошла Ма Пенни. Видимо, по той же причине и его полевая кухня претерпела изменения к лучшему. Супруги существовали на скромную пенсию, Ма Пенни выращивала овощи, ну и сдавали домишки и давали напрокат лодки простым жителям Каринбурга, приезжающим на выходные.

Оруженосец Рыков точно направил флайер на крохотную гравийную площадку, и хозяин тут же вышел их встретить. Он был в драных шортах и старых кроссовках, а густой загар несколь-

ко портили шрамы от червя-паразита. Пенни приветливо помахал рукой. Коренастый, лет на десять постарше Оливера, он был из числа первых поселенцев, оставшихся здесь после дембеля. Когда Корделия и Эйрел впервые приехали сюда тринадцать лет назад, Пенни уже был зергиярским старожилом и строил второй домик. Однажды Оливер обнаружил это дешевое и уединенное местечко, где можно славно походить под парусом, вот тогда-то Корделия и познакомилась с сержантом. Одним из многочисленных достоинств Пенни была его невозмутимая готовность относиться к Оливеру и его разнообразным гостям, приезжающим сюда инкогнито, точно так же, как и к простым отдыхающим из Каринбурга.

— Как дела, адмирал Оливер? Мэм. Рык. Давно не виделись, — приветствовал он вновь прибывших, когда те выбрались из флайера.

Старый солдат отсалютовал Оливеру и Корделии, а оруженосцу пожал руку. И годы, и послужные списки у них с Рыковым весьма сходные, и ладили они отлично. Когда начальство пойдет плескаться в озере, они, наверное, душевно попьют пивка на веранде, обсуждая новости и вспоминая былое.

После всех необходимых приготовлений, включающих посещение уборной, непременное предложение еды и отказ от оной (у них все с собой для пикника), они прогулялись до пристани.

— О боже! Пенни, какая прелесть! — воскликнула Корделия, увидев на козлах хрустальное каноэ. Хотя, конечно, если постучать по корпусу, понятно, что прозрачный пластик.

Пенни расплылся в улыбке:

— Пасынок привез. Говорит, новинка. Прозрачный корпус, чтобы было видно насквозь, когда катаешься. Один умелец из Нового Хассадара такие делает. Он хочет расширить дело и выпускать разные модели, когда их разработает. У этого пластика положительная плавучесть, так что вы ее не потопите даже при желании. У гостей нарасхват — надо бы еще парочку таких заказать, но он сейчас перегружен заказами.

— Сегодня лодка свободна?

Пенни, прищурившись, посмотрел на озеро.

— Может, позже? Сейчас все равно малость ветрено. Хорошо ходить под парусом.

Ветер и в самом деле усилился. Они вышли на скрипучий причал. Ветер трепал ей волосы, и Корделия наслаждалась этим ощущением. Оливер посмотрел на запад и нахмурился, возможно,

разочарованный тем, что сила ветра маловата. Для нее-то почти идеально, а вот Эйрела наверняка бы больше устроило настоящее буйство стихии.

— С вашей старой лодкой все в порядке, адмирал, — сказал Пенни, вместе с Рыковым помогая им забраться. — Для проката такая лодка — самое оно. Очень устойчивая, даже «чайники» в такой не перевернутся, а значит, и мне не придется их вылавливать. Думаю предложить ее тому парню в Новом Хассадаре как образец для его следующей лодки, если сторгуемся.

— Вы неплохо о ней позаботились, — с благодарностью сказал Оливер.

Рыков указал на спасательные пояса, лежавшие на сиденье. Корделия и Оливер послушно их надели. Такая уж у них с Рыковым негласная договоренность — одна из многих, впрочем: она соблюдает требования безопасности, а он не стоит у нее над душой. Рыков по крайней мере научился трезво оценивать, что рискованно, а что нет. В отличие от не в меру ретивых молоденьких эсбэшников, которых направляли из Форбарр-Султана в службу охраны вице-королевы. Этих ей порой хотелось прибить их же инструкциями. Ей пришлось довольно жестко надавить, чтобы эти

юнцы не увязались за ней сегодня. *Личная жизнь*. Странное понятие. Ладно, будет и у нее личная жизнь, если она не свернет с выбранного пути. Ох, скорей бы…

Пенни и Рыков оттолкнули лодку от берега, и ее руки словно сами вспомнили, что надо делать. Как только Оливер поднял грот, она стала держать кливер по ветру, а когда лодка оказалась достаточно далеко от берега, она смогла опустить выдвижной киль. Затем Оливер подтянул гик и взялся за штурвал, Корделия закрепила линь кливера в креплении, и они отчалили, заскользив по воде.

— Супер! — крикнула Корделия, обернувшись назад.

Озеро очаровательно, скалы вдалеке — потрясающие, вид с этой стороны стал еще лучше: Оливер стянул с себя рубашку, подставляя солнцу белоснежную кожу. Он всегда был белокожим — раньше все время в космосе, теперь все время в офисе. Ну, допустим, ему уже не двадцать семь, а кому столько? И он никогда не был заморышем. Как приятно видеть его таким спокойным и счастливым! Оливер щурился от света, словно лукаво подмигивал.

— Жаль, что не удалось потерять наручные

коммы, — вздохнул он, взглянув на свой.

Корделия кивнула: мол, и ее собственный при себе. И гордо заявила:

— Не знаю, как ты, но свой я настроила на вулканы.

— Что? — рассмеялся он.

— Я уже обучила персонал. У меня пять уровней экстренного вызова, когда меня можно дергать, различаются по степени экстренности: первый — «вам следует знать», второй — «дипломатический кризис», затем третий — «требуется вызов экстренной медицинской помощи», а вот четвертый как раз — можно беспокоить «только в случае извержения вулканов».

— Какой же тогда пятый уровень?

— Семья, — ответила Корделия. — Впрочем, поскольку они все за несколько п-в-туннелей, тут мне ничего не грозит.

— А какой тогда уровень для императора Грегора?

— О, он тоже — семья.

— Ах да. Конечно.

Лодка кренилась под ветром, набирая скорость. Корделия, развеселившись, улыбнулась Оливеру и сместила свой вес в сторону, для баланса. Когда ты в лодке с Оливером, точно не придется висеть,

вцепившись в какую-нибудь дурацкую веревку и пальцами ног держась за банку, напрягаясь изо всех сил, когда черная вода стремительно проносится под твоей задницей. В этих зергиярских озерах обитали твари, с которыми не хотелось бы вместе искупаться.

Оливер дал отмашку, и они повернули, взяв курс мимо мыса напротив и дальше на самую широкую часть озера. Чисто проделано, кто бы спорил. Он предложил ей встать к штурвалу, а сам растянулся на носу и сонно ей улыбался. Затем перевел взгляд на паруса и на небо, словно пытался прочесть будущее. А может, просто переживал из-за несчетных проблем, которые не удалось утрясти, — что не столь прекрасно. И даже непродуктивно.

Немного погодя она посмотрела на запад и нахмурилась. То, что она увидела, надвигалось из-за стены ущелья, в нескольких километрах от них.

— Эти тучи очень темные. Что в прогнозе?

— Ничего не должно быть, я проверял. — Он приподнялся и посмотрел в том же направлении. — Наверное, гроза будет.

— Может, уйдет на юг.

— Хм-м…

Не сговариваясь, они сменили курс, напра-

вившись мимо полуострова прямо к пристани Пенни. Сейчас им приходилось совершать более сложные маневры из-за направления ветра. И до берега было не то чтобы рукой подать, ветер усилился, по озеру прокатывались волны с пенистыми гребнями, небо потемнело, и хлынул холодный дождь. Оливер благополучно привел старую лодку к пристани под одним кливером. Там их уже дожидались встревоженные Пенни и Рыков. Поймав швартовы, они вытащили Корделию на скользкие доски причала.

Пенни помог Оливеру спустить паруса.

— Потом просушим на солнце! — прокричал Пенни сквозь завывания ветра. — Этот шторм ненадолго. Эх, жаль, со временем неувязочка вышла!

— Ага!

Отогнав лодку на стоянку и убедившись, что шторм ей не повредит, они выбрались на берег по скользким каменным ступеням и нашли временное укрытие под кронами деревьев, стонущих под порывами ветра. Дождь не прекращался, пришлось перебраться на крыльцо старой хижины. И тут-то ливень разгулялся вовсю, обрушившись с новой силой.

Корделию била дрожь.

Оливер встревоженно спросил:

— Замерзла, Корделия? Не надо бы стоять тут, помокши до нитки…

— Да, лучше войти в дом, — заторопился Пенни. Очередной шквал ливня обрушился на козырек крыльца, и их обдало брызгами дождя. Он недовольно фыркнул. — Эк оно, погодка-то разгулялась. Давайте, заходите, в хижине очаг есть, растопим, враз согреетесь…

— Ага, хорошо бы, — сказала Корделия, прикинув, в какое замешательство приведет появление насквозь промокших гостей на Ма Пенни. Корделия помнила по прошлым встречам, что эта славная женщина не разделяет наплевизм своего супруга на классовые различия.

Оливер вопросительно повел бровью, смахнул воду с лица.

— А что, неплохая мысль, — сказал он.

И тут же стал действовать: впустил Корделию внутрь, развел огонь в очаге, сложенном из местного камня. И отправил Рыкова принести их снедь для пикника — тот уже все равно промок.

Даже после всех этих долгих лет Корделия невольно вздрогнула, по-бетански ужаснувшись такому варварскому обычаю: *сжигать дерево для тепла*? Но в камине уже весело заплясали рыжие

язычки пламени, и она придвинулась поближе, согревая у огня иззябшие руки.

Корделии хижина Пенни напоминала домики в Дендарийских горах, в округе Эйрела. Как правило, в таких домиках только одна комната. Здесь внутреннее помещение было даже меньше, чем обычно, если такое вообще возможно. Как успела заметить Корделия, здешние строения расположились на берегу в некоем подобии архитектурной прогрессии, в зависимости от времени постройки — примитивная лачуга, деревенские домишки и, наконец, комфортабельный современный сельский дом. Древняя хибара, куда их загнала непогода, была первобытным жилищем — настоящая хижина первопоселенцев. На двери из грубо отесанных досок вместо запора — веревочная петля, на окнах в переплеты рам вставлены старые бутылки. Но крыша, покрытая толстым слоем старого пластика и металла, надежно защищала от дождя. Меблировка ограничивалась узкой койкой, был еще столик с умывальником и колченогие стулья. На стене висела смотанная веревка — видимо, когда-то она служила Пенни для просушки одежды. Оливер размотал веревку, натянул рядом с очагом, зацепив за крюк на стене напротив, и повесил

свою мокрую рубашку.

— А ты?.. — спросил он, взглянув на Корделию.

Корделия как раз решала важный вопрос: можно ли ее спортивный бюстгальтер счесть за топ — по походным меркам… А затем осталась в нижнем белье. Или одетой вполне прилично — пусть каждый решает сам. Сняв мокрые парусиновые туфли, она поставила их сушиться у очага, а промокшие насквозь носки повесила на веревку. Оливер одобрительно кивнул и последовал ее примеру.

В дверь постучали. Это вернулся Рыков с сумкой для пикника и сухими полотенцами в пластике. Он передал им все это, но отказался остаться в хижине и перекусить за компанию — они только сели обедать, а тут гроза… Корделия охотно его отпустила, попросив напоследок раздобыть побольше сухих полотенец. И Рыков отправился в главный дом пить пиво и травить байки с сержантом Пенни.

Они с Оливером пододвинули стулья и столик поближе к огню и достали из сумки сандвичи, фрукты и два термоса — горячий чай и кофе, на выбор. Оливер устроился поудобнее на шатком стуле, вытянул ноги поближе к камину и удовлетворенно вздохнул:

— Хм, совсем неплохо. — Он взглянул на Корделию, скривив губы в улыбке, и прибавил: — Хотя и не то, что я намечал, совсем.

— Почему это? Мы поставили задачу удрать из Каринбурга. И удрали, — заявила Корделия. — Остальное ведь так, мелочи. — И принялась с аппетитом уплетать еще один сандвич, предложенный Оливером.

— Хорошо, что у тебя появился аппетит, — заметил он. — Ты ведь очень похудела. После…

— А… н-да. — Корделия откусила следующий кусок.

Оливер побарабанил пальцами по столу и послал ей намек на улыбку. Стало неожиданно тихо. Он снова вздохнул. Корделия пила чай маленькими глоточками, наслаждаясь вкусом и ароматом. Она изучающе посмотрела на Оливера, не понимая, что его беспокоит. Конечно, на Оливера всегда приятно было смотреть. Да что с ним такое в самом деле? Он явно хочет что-то сказать, никак не может решиться и жутко нервничает. Корделии стало интересно, что же такое Оливер не может ей сказать — после всех этих лет. Что ж, попробуем выяснить.

— Эй, Оливер, что у тебя на уме?

Он пожал плечами:

— Ну… по правде говоря… ты.

Она удивленно подняла брови:

— Что я такого сделала?

— Ничего.

— Вот как. А должна была?

Она начала было перебирать в уме, какие дела оставила в небрежении, но он отрицательно покачал головой:

— Вовсе нет.

Корделия уставилась на него, теряя надежду хоть что-то понять. Он поерзал на деревянном стуле. Она сделала глоток чаю. Он сделал глоток чаю.

Потом поднялся, подбросил в огонь еще одно полено, сел и сказал:

— Ты же никого не нашла? То есть, я хотел сказать, в личном плане. Для себя. В последнее время, я имел в виду. Понятно, что не раньше.

«Я не нашла… что?» Она даже не сразу поняла. Он имел в виду… любовника, партнера, сожителя, супруга? В общем, нечто в этом роде.

— О! Боже ты мой, нет, конечно! Даже не думала об этом. Знаешь ли, просто… ну как-то не ставила себе такой задачи. И без того времени ни на что не хватает.

— Да, пожалуй, — кивнул он, соглашаясь.

Она удивленно моргнула:

— А ты?

— Что? Нет! — Он замялся. — Не нашел… То есть не искал.

Она нахмурилась:

— А хотел бы?

— Я думал, что нет. Поначалу так думал, понимаешь? — Корделия кивнула. И он продолжил: — Но в последнее время… я стал задумываться. Новые мысли… ну, ты понимаешь.

Она не понимала, но хотела бы попытаться. В конце концов, ведь это же Оливер. И его счастье для нее, пожалуй, не менее важно, чем счастье ее семьи. Она быстренько прикинула, кем бы мог заинтересоваться Оливер. Молодой офицер или дипломат? Или кто-то еще из вполне достойных людей, мелькавших в Каринбурге… Вроде бы она ничего такого не замечала. Правда, не сказать, что она вообще много замечала. В последнее время.

— Что ж, прекрасно. Похоже на… выздоровление?

Он неуверенно кивнул. Вроде как это раньше не приходило ему в голову и не очень-то было приемлемо.

— Э-э… может быть. — Оливер посмотрел на

нее умоляющим взглядом.

«Плохой сегодня из меня телепат, малыш». Так… Может, его пугает то, как она отреагирует на его желание двигаться дальше?

— А ты нашел кого-то подходящего? Оливер, для тебя это было прекрасно. И тебе незачем спрашивать у меня разрешения, знаешь ли! — Она помолчала, подбирая нужные слова. — И конечно же, Эйрел… если тебя терзают дурацкие сомнения, я скажу тебе сейчас со всей определенностью: Эйрел тоже хотел бы, чтобы ты нашел свое счастье. Он всегда этого хотел.

Великий Человек Барраяра только с ней мог поделиться своими тайными сомнениями и страхами, и больше ни с кем. Ему бы не простили признания в столь пугающе человеческой неуверенности. С определенного исторического момента никто бы не позволил ему спуститься на землю с этого чертова пьедестала, на который его сами и взгромоздили. Так вот, он боялся, что их постоянные близкие отношения могут помешать Оливеру тем или иным образом — будь то профессиональный или личный аспект. Что Эйрел увлек его прочь со стези, сулящей более подобающую, лучшую участь… Впрочем, достаточно сказать — лучшую. Потому что, по барраярским меркам,

почти любая участь для него была бы более подобающей. И не только по барраярским, печально подумала Корделия. Бетанцы по большей части не придавали значения полу, но существенная разница в возрасте и социальном положении смутила бы даже их. Да ее и саму это изрядно тревожило поначалу.

Оливер кивнул, вроде бы соглашаясь с ее заявлением. Что уже хорошо: у него явно есть толика здравого смысла. Но она рано радовалась. Оливер опять уставился в пол и заерзал на стуле. Так, значит, она не добралась до того, что его гложет. Может, и есть менее увлекательные способы скоротать несколько часов, пережидая непогоду, чем играть с Оливером в отгадки. Ох уж эти барраярцы… Они такие, такие *барраярские* в подобных вещах. Насколько было бы проще, будь он чуть более откровенен.

Итак, что он пытался сказать? Он заметил потенциальный объект обожания, но дальше не складывается? И почему бы, спрашивается? Как такое вообще может быть? Если только он не положил глаз на кого-то особенно неприступного. Но он же определенно знает по крайней мере один пример из жизни, как это преодолеть. Это озадачивало.

Корделия откинулась на спинку стула, скрестила руки, поджала губы и изучающе на него воззрилась. Оливер вскинул голову, принимая вызов.

— Знаешь, я тут подумала, у тебя есть некоторый опыт соблазнения?

Такого вопроса он явно не ожидал.

— Ну конечно! Меня не назовешь асексуальным, Корделия!

— Я не это имела в виду! Ты, должно быть, один из наименее асексуальных людей среди моих знакомых. Чем ты наверняка все эти годы озадачивал многих, тех, кто безуспешно пытался тебя добиться. — «Не повезло беднягам». — Я говорю о прямо противоположном тому, чтобы только перебирать и отбраковывать тех, кто добивается твоей благосклонности.

Он открыл было рот, собираясь возмутиться. Потом закрыл, плотно сжал губы. И пробормотал растерянно:

— Это… другой взгляд. Это могло так выглядеть со стороны?.. То есть для тебя именно так все и выглядело?

— Я видела один успех, много неудач. А как в остальное время, когда ты уходил в рейсы сопровождения торгового флота? Там ты, я полагаю, не

придерживался бесполезной моногамии?

— О нет, но… я не считаю себя переборчивым, у меня просто было слишком много работы. Особенно после того, как я получил свой корабль.

Что ж, похоже, он слишком сознательный. Да и эти передвижки во флоте не предполагают чего-либо долговременного.

— Ладно, а что бы ты хотел? Кто тебе самому нравится?

Он выпрямился и скрестил руки на груди. И резко ответил:

— Форкосиганы, видимо. Хотя, похоже, это слишком выборочное предпочтение, и мой вкус вряд ли может эволюционировать.

Она вздохнула. «Мне тоже отчаянно не хватает Эйрела».

— Не могу тебя в этом винить. А что бы тебе хотелось из того, что ты мог бы иметь? Можешь сказать?

— Как это ни странно, не могу озвучить это. Сегодня не могу.

Она взмахнула рукой:

— Ну что ж, попробуем взглянуть на проблему с другой стороны. Попытайся описать своего идеального партнера. Или увлечение, допустим. Парень, я полагаю. Возраст, внешность, характер,

что угодно. Имя, ранг, серийный номер?.. Думаю, это может быть любая информация.

Судя по выражению его лица, она его неприятно удивила, но он лишь покачал головой, как будто не веря. Хотя и добавил:

— Знаешь… после Эйрела я думал, что это должен быть мужчина, хотя до этого у меня были подруги. Немного, но из них была одна или две… я представлял, что это навсегда. Но все получилось иначе. А еще был тот герм. Замечательный человек, капитан Торн. Но знаешь ли, лучшее, что мне дал этот роман, — это то, что я целую неделю *мог не заморачиваться по поводу своей треклятой ориентации.* — Он вдруг оживился, как будто понял вдруг что-то для себя новое.

— Думаешь, ты на самом деле би? Как Эйрел?

— Ну… в этом больше смысла, чем западать на гермафродитов. И после того случая я не стал искать что-либо подобное.

Она сделала еще одну попытку:

— Ладно, а кем было твое первое западение?

У него вырвался удивленный смешок:

— Мое что?

— Ты упомянул о том, на что ты западаешь. У большинства людей есть такие вещи, я имею в виду, это прошито в психике, а не просто

предпочтения. Корни всего можно отследить в подростковом возрасте.

Он схватился за голову, не переставая смеяться.

— Бог ты мой! Это превращается в очередной бетанский разговор? Хотя, надо признать, гермафродит был не так плох — для бетанца, конечно. Только он бесконечно расспрашивал о Барраяре и барраярцах, и вопросы какие-то диковинные.

— Но я хочу помочь тебе, Оливер! Если смогу. — И, не удержавшись, добавила: — Хотя мне и вправду хотелось бы как-нибудь услышать про этого герма.

— Да ты просто любишь непристойные сплетни, как я погляжу?

Она лучезарно улыбнулась: приятно встретить столь полное понимание.

— Да… но так мало людей, с кем с могу это обсудить. — Она вздохнула.

— О, конечно… — Он хмыкнул и поспешно уткнулся в стакан с чаем, чтобы скрыть фривольную ухмылку.

— Так на кого ты запал в первый раз? — строго напомнила она.

— Ты вцепилась в эту тему, как терьер в крысу. Почему ты думаешь, что человек может помнить

то, что было… — у него вдруг на миг перехватило дыхание, взгляд стал отрешенным, — …так давно?

— Давай рассказывай, — велела она, устроившись поудобнее и приготовившись с интересом слушать.

— Экскурс в подсознание? Откуда ты знала? Да. Еще когда я учился в нашем округе, в начальной школе, у нас в классе все мальчишки изнывали по хорошенькой девочке с третьей парты, все они мучительно, по-щенячьи, в нее втюрились. А я всегда страдал — и я не случайно употребляю именно это слово — от того, что с сокрушительной силой влюблялся в учителей. — И добавил, пробормотав еле слышно: — Боже, Оливер, кто же знал?..

— А! — воскликнула довольная Корделия. — Кажется, я поняла, в чем дело. Ты западаешь на авторитет, Оливер. Или, возможно, на власть. — «И стало быть, ничего удивительного, что его сманил Эйрел». — В этой ретроспективе все очень логично.

— Для тебя, быть может.

— Это были учителя? Или учительницы тоже?

— Хм… и те, и другие. Теперь я задумался. Впервые за все эти годы. — Он посмотрел на нее так,

будто это ее вина.

— Что ж, многие задвиги ортогональны гендеру. Ты же понимаешь, что для сексуальных предпочтений у человека категорий больше, чем три, и все три по одной оси. Похоже, ты просто страдаешь от нехватки категорий.

— А я-то думал, что их, черт возьми, слишком много. Больше одной оси? Как вы, бетанцы, их отображаете — с помощью мнимых чисел?

— Возможно. То есть я хочу сказать, что не так уж много знаю, как у профессиональных секстерапевтов, но точно знаю, что они используют довольно сложные расчеты. В любом случае я вижу, что структурная проблема у тебя возрастает с годами и с повышением ранга. По крайней мере с теми пирамидами возраста и социальных рангов, которые теперь существуют на Барраяре. У тебя все меньше и меньше возможностей, так как авторитетов над тобой становится все меньше. Тебя же не заводят подчиненные?

Он помотал головой. Вот только не совсем понятно, он соглашается или не в силах поверить.

— И то, что в конечном итоге тебе остается, не представляет никакого интереса, недоступно и неаппетитно. Я имею в виду нынешний состав Генштаба, Совета графов или Кабине-

та министров, к примеру. Не говоря уже об их благоверных драконшах… — Она скривилась, припомнив наиболее отвратные экземпляры в этой выборке.

Он зажмурился в притворном ужасе, очевидно, представив себе тех самых сильных личностей.

— Кошмар какой! Тут я с тобой согласен.

Она покачала указательным пальцем, все больше убеждаясь в правильности своей догадки и довольная внезапным озарением. Не растеряла еще нюх!

— Ничего «не того» с тобой не происходит, Оливер. Ты просто оказался в той среде, где практически отсутствуют цели, только и всего.

— И при таком коротком списке…

— Что?

Он решительно поставил свою чашку. Встал, обогнул стол, взял ее лицо в ладони, наклонился и поцеловал.

— Оу, круто! — выдохнула она, распахнув глаза.

Его лицо так близко, что черты не в фокусе и словно расплываются, и все равно его голубые глаза закрылись, когда поцелуй сделался настойчивее. Она почувствовала, что отвечает ему, приоткрыв губы навстречу. У него был вкус

солнца, и дождя, и чая. И Оливера. Такой чудесный вкус…

Когда через минуту… две… три… они прервались, чтобы отдышаться, он прошептал:

— Значит, вот как Эйрел прекращал всю эту бетанскую дребедень?

— Ты не сильно ошибся, — прошептала она в ответ на его улыбку.

Несколько минут они искали положение поудобнее, и в результате она оказалась у него на коленях. Расшатанный стул угрожающе заскрипел под двойной нагрузкой, зато так получался нужный угол наклона для дальнейших экспериментов без риска повредить спину.

Минута проходила за минутой, и на какой-то минуте ее взгляд словно магнитом притянула застеленная койка, буквально в двух шагах. Оливер посмотрел туда же.

— Тут кровать есть, как вижу, — заметила Корделия.

— И я вижу. Первое, что заметил, когда вошли. Потому что имперскому офицеру следует быть наблюдательным.

— Может, кровать поудобней, чем этот стул? А то он уже как-то странно скрипит. Хотя кровать узковата.

— Шире днища лодки.

— Что?

— Да нет, ничего…

Как Корделия и ожидала, передислокация завершилась без происшествий, Оливер ведь опытный командир. Старая койка тоже заскрипела, когда они присели на край, но хотя бы не шаталась, норовя развалиться.

Когда они снова прервались, чтобы отдышаться, Оливер признался в замешательстве:

— О, боюсь, что я давно не поддерживал форму… Может, лучше бы сначала… три свидания или вроде того? Чтобы соблюсти приличия. Как принято. Они то и дело меняют правила. Чертов молодняк.

Корделия прищурилась, оценивая услышанное.

— Хм… Встреча у стыковочного шлюза. Это раз. Прием в саду. Это два. И обед в офицерской столовой вдобавок. Получается, прогулка под парусом уже четвертое свидание. Так что все как положено. Даже более чем.

— Да. Точно.

Сомнения улетучились, и он придвинулся поближе.

— И кроме того, мои дуэньи из СБ сейчас в сотне

километров от нас, в Каринбурге. Часто ли такое бывает?

— Никогда не упускай тактические преимущества, — поддразнил Оливер и провел губами по ее шее.

— Прямо в точку.

Перед тем как перейти из вертикального в более выгодное горизонтальное положение, Корделия протянула руку и набрала что-то на своем комме. Оливер обеспокоенно посмотрел на нее, но она покачала головой.

— Рыков? Это Форкосиган. Я перенаправляю все входящие вызовы на твой комм. — Она ввела код на небольшом голографическом дисплее. — Слышишь?

— Да, миледи, — удивленно ответил Рыков.

— Кто угодно ниже уровня «вулканы», скажешь, у меня совещание с адмиралом Джоулом на неопределенное время и я просила нам не мешать.

— Да, миледи. Вас понял.

Ну, еще бы не понял! Он наблюдателен, этот Рыков, как все старые оруженосцы Эйрела. Но при этом очень сдержанный, как и его братья по оружию. Может, и понадобится долгая беседа, но позже. Гораздо позже.

— Форкосиган, конец связи, — выдохнула Корделия, когда Оливер заставил ее почувствовать что-то невероятное, просто дотронувшись чуткими губами до ее уха. И поцелуй — восхитительный, как всегда.

— О, Оливер, — прошептала она чуть позже, переведя дыхание. — Мое тело считает, что лучше ничего и быть не может. Разум… не так в этом уверен.

Он провел губами по ее шее и спустился ниже.

— Бетанское голосование? Мое тело голосует заодно с твоим. Разум… ладно, назовем это: двое против одного и один воздержался.

— Просишь вето вице-королевы?

— Это в вашей власти, ваше превосходительство.

Он приподнялся на локте, чтобы видеть ее лицо, губы тронула улыбка, но взгляд остался серьезным.

— Впрочем, если дело зайдет дальше, мне придется выйти наружу и вернуться через минуту-другую.

— Там темно в дождь. И холодно.

— В том и суть.

— И одиноко.

— И это тоже.

— Я сама себя уговариваю, не так ли?

— М-м…

— Что, м-м?

— Это я тебя не перебиваю.

Она снова заставила себя улыбнуться и заявила:

— Я взрослая. Мы оба. Мы можем это сделать.

— Насколько помню, да.

Она замерла, потом прижала палец к его теплым губам:

— Нет. Не надо ничего вспоминать. Новый старт.

Он задумался на секунду, кивнул и произнес со всей решимостью:

— Здравствуй, Корделия. Меня зовут Оливер. Я бы очень хотел заняться с тобой любовью в первый раз прямо сейчас, ты согласна?

Уголки губ изогнулись в улыбке. Вот ведь дуралей, а? Это его лицо… четкий абрис скул, точеный нос, невозможная синева глаз, устремленных на нее с живым интересом. Это Оливер, в нем вся его неповторимая сущность, здесь, сейчас, в своем нынешнем возрасте, в этом месте. Где никто из них никогда не бывал прежде.

— Да, — выдохнула она, — да…

Все происходило неловко и нелепо, как всегда,

но прикосновения… как же она соскучилась по прикосновениям, и… О!

— Да… еще вот так…

— Бу-сделано, мэм, — промычал он, лаская губами ее грудь, сделавшуюся вдруг невероятно отзывчивой на прикосновения.

«И почему… …мы продолжаем развивать эти странные формы активности только затем, чтобы менять ДНК? Или это ДНК меняет нас? Ловкая молекула. А мы взломали программу. Биологические пираты».

Его губы нашли пристанище ниже. Она издала весьма недостойный звук и сама испугалась. «Достоинству здесь делать нечего, пошло вон…»

— Эй! На корабле, адмирал…

Он поднял голову и посмотрел на нее:

— Корделия… опять не о том думаешь.

— Ничего не могу поделать, — пыхтела она. — Ты сделал все, чтобы мои нейроны заскрежетали, сам знаешь.

Она почувствовала, что он улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он довольно. — Иногда мне это очень даже нужно.

— Могу предоставить.

— Согласен…

И еще долго им не нужны были никакие слова.

Солнце уже вынырнуло из пелены облаков и неуклонно приближалось к линии горизонта.

Глава седьмая

Наутро Оливер проснулся рано на старой койке в обнимку с Корделией. Она уютно посапывала, прижавшись к нему. Он вдыхал теплый запах ее волос, ощущал гладкость ее кожи на подушке рядом. *Ликование*. Вот как это называется. Он взволнован и немного испуган. И бесконечно рад, как это ни странно, что давно уже не тинейджер, но отрадно вдруг обнаружить под грузом лет и накопленного опыта того прежнего мальчишку с Дикого Запада.

Только без юношеской неуверенности. Он порадовался, что утрачена именно эта составляющая. Вчера было хорошо. Намного лучше, чем его малореальные фривольные видения про водную прогулку. Реальность слишком часто разочаровывает, но на этот раз все было иначе. Все складывается хорошо. Пока, во всяком случае.

Он поцеловал проснувшуюся Корделию и стал убеждать, что вчерашнее не просто счастливая случайность. Она ластилась и мурчала, как сонная кошечка, раскрыв объятия, и к этому добавлялась изощренность, присущая самому естеству Корделии.

Прошло немало времени, прежде чем она скатилась с него и, бухнувшись на кровать, заявила: «Есть хочу». А он хотел бы задержаться в этой хижине № 1… до конца года, быть может? Но запас еды у них был всего на сутки; продолжения не планировалось. Так что им оставалось только, как армии в Период Изоляции, скатиться до реквизиции провианта у местного гражданского населения. Ма Пенни, как выяснилось, была полностью готова к их вторжению. Так что в итоге они устроили пикник на ее крыльце, подкрепившись вареными яйцами, хлебом с маслом, сухофруктами, домашней выпечкой и крепким чаем со сливками.

Утро было теплым и безветренным. В зеркальной поверхности озера отражался далекий берег и синева неба. Вот только под парусом напоследок сходить никак не получится. Но Корделия не расстроилась, организовав вылазку на том забавном прозрачном каноэ, которое она заприметила еще вчера. Рыков и Пенни помогли им снять каноэ с козел (оно оказалось на удивление легким) и спустить на воду. Забирая у Рыкова весло, Джоул попытался расшифровать отношение оруженосца к изменениям в жизни его вдовствующей госпожи, но вид у Рыкова был как всегда непро-

ницаемый. Хотя, наверное, если бы одобрял, мог бы и улыбнуться. Он хоть и нечасто, но иногда все же улыбается. А впрочем, если подумать, то оруженосец ведь мог ненавязчиво вмешаться — вполне бы придумал как, — чтобы прекратить это безобразие, если бы ну уж совсем не одобрял. Ну, Рыков… Рыков вообще-то в непосредственном подчинении у Корделии, а не у Джоула. Значит, ей виднее, как с ним себя вести.

Корделия заняла место на корме у руля, где был наилучший обзор. Она направилась влево — вдоль берега, держа курс к тихой заводи, которой заканчивался этот рукав озера. Каноэ медленно скользило вдоль берега, и Джоул радовался солнечным лучам, ласкавшим ему лицо и проникавшим сквозь тонкую рубашку. На берег пришел к водопою мохнатый рыжий шестиног — поднял голову и смотрит, не мигая, четырьмя глазами. Защелкал клиновидным клювом и скрылся в подлеске. Они выплыли на мелководье и с тихим шелестом скользили сквозь многоцветье подводного леса. В воздухе планировали радужные группки крошечных шариков-вампиров, приветствуя утро россыпью конфетти.

— Ой!.. Ты только посмотри!.. — воскликнула Корделия. Это были самые первые слова с тех

пор, как они плыли вдоль берега. — Развернись и посмотри.

Джоул отложил весло, ухватился за борта и осторожненько развернулся: никому ведь неохота в одежде плюхнуться за борт. Впрочем, для такого класса лодок это каноэ было довольно широким и вполне устойчивым. Он устремил взгляд вниз сквозь корпус и, чтобы рассмотреть поближе, опустился на колени. А потом и на четвереньки.

Он был словно птица, взирающая сверху на никогда не виданный инопланетный лес. Он насчитал… три, нет — шесть, даже восемь видов крошечных созданий, мелькающих в подводных зарослях. Формой они были еще разнообразнее, чем уже знакомые наземные обитатели с радиальной и гексагональной симметрией, и демонстрировали удивительно изысканные расцветки: красные и синие, серебристые и оранжевые, в полоску, в крапинку, узорчатые. Тварь покрупнее — некое яйцевидное создание — прокатилась мимо них. Рывок в сторону, и… увы, закуска удрала, мелькнув золотой вспышкой и скрывшись в облаке бронзового дыма. Джоул рассмеялся, увиденное привело его в восторг и немало удивило.

— Кто это? Как они все называются? — «И почему раньше я не обращал на них внимания, а ведь сколько раз переплывал это самое озеро?»

— Вот уж не знаю. У большинства из них и названия-то нет, как мне кажется. Нам по-прежнему не хватает людей для проведения базовых научных изысканий. Даже через сорок лет эта планета остается для нас тайной. Те биотехники, что у нас имеются, ищут биоопасность в местах предполагаемых поселений. Иногда находят и что-то еще. Но вообще-то первые колонисты нехило потрудились, испытывая все на себе. — Корделия вздохнула как-то очень по вице-королевски.

Джоул усмехнулся, все еще глядя вниз.

— Это все равно как смотреть свозь волшебное зеркало в детских сказках. Совсем другой, тайный Зергияр, там, внизу. И о нем никто не знает.

— Ага… — В ее голосе слышалась ласка, ей нравилось, что все это радует Джоула.

Он все никак не мог оторваться от разглядывания подводного царства.

— Знаешь, давай тут поплаваем, посмотрим еще? — предложил Джоул.

— Слушаюсь, мой адмирал!

Корделия опустила в воду весло, и мимо них заскользили вокруг еще более странные картинки.

Джоул чуть ли не прижимался носом к пластику. Скатагатор — некрупный экземпляр, не больше его руки, подплыл так близко, что его можно было потрогать, не будь корпус преградой. Ткнулся в киль — то ли из любопытства, то ли случайно — и уплыл.

Каноэ бесшумно несло Джоула над каменистым дном очень близко к берегу, где опять другие формы и цветовая гамма живых организмов, и далее еще один длинный проход сквозь водяной лес, и потом, наконец, выход на более глубокое место, где еще раз высветилась тайна волшебного мира.

Он сел, удивленно моргая, стряхивая оцепенение и недоумевая, когда это у него успел обгореть загривок. Корделия улыбнулась с той же увлеченностью, какой он только что одаривал этот увлекательный Зергияр, — но взгляд ее был устремлен на Джоула.

— Что? — спросил он.

— Нравится все это, э?

— Ну… да! — Он повел плечами. — Просто удивляюсь, как мог такое пропустить, ведь я столько времени провел на этом озере.

— Выходил под парусом только в ветреные дни. Вода неспокойная, в глубину не посмотришь?

Благоразумно избегал мелководья?

— Вроде того.

Она бросила взгляд на солнце — оно стояло высоко и припекало, — потом на хроно наручного комма:

— М-м… Хорошенького понемножку. Возвращаемся. Хочешь сесть на корме на обратном пути?

— Ага.

Он лег на спину, держась над килем, чтобы не раскачивать лодку. Придерживаясь за обе скамьи, она, перебираясь над ним на свое место, наклонилась и приникла к его губам, с сожалением пробурчав:

— Не в каноэ, пожалуй?..

— Будь мы хоть чуток моложе…

— Ха! — лукаво улыбнулась она, не отрываясь от его губ. Вкус ее улыбки… просто отличный.

Когда они благополучно расселись по положенным местам, он погрузил весло в нежную гладь воды и направил лодку обратно к домикам Пенни.

— Как, интересно, заполучить такую прозрачную лодку?

Она оглянулась через плечо, продолжая грести, на каждом взмахе весла ее крепкие мышцы мягко перекатывались под кожей, с возрастом лишь

слегка потерявшей упругость.

— Спроси Пенни. Или его пасынка. Он вроде упоминал Новый Хассадар?

— А, ну да.

— Наверное, получится заказать корпус для парусной лодки, и тогда у тебя будет сразу две.

— М-м, возможно. Иногда универсальность равнозначна «ни на что не годится». Все будет зависеть от главной цели.

— А разве твоя главная цель — не ходить под парусом? И как давно?

«Примерно час назад?» Да, эта мысль была еще слишком новой для более близкого изучения, а то вдруг лопнет, как мыльные пузыри, коими не были шарики-вампиры.

— В любом случае это спорный вопрос, пока не удастся выкроить больше времени.

— Да, увы…

«Время, в этом все дело…» Свой лимит они исчерпали, а возможно, и превысили. «Подтяни панталончики, Золушка… бал закончился… на данный момент». Они стали грести слаженно, взяв прямой курс к причалу на той стороне озера.

* * *

Расплатиться с Пенни было делом недолгим; Джоул добавил щедрый бонус за дополнительное время — и, по умолчанию, за сдержанность. Пенни пожал ему руку, улыбнулся и пригласил приезжать снова с гостями. Рыков уже загрузил их вещички в флайер. Джоул с Корделией забрались в задний отсек флайера и уселись рядышком, прижавшись лицом к колпаку, чтобы бросить прощальный взгляд на озеро Серена.

Джоул придвинулся поближе и обнял Корделию за плечи, а она нежно прижалась к нему. Ее, как и Джоула, солнышко не обошло вниманием, подрумянив лицо. И у обоих видок слегка зачуханный, во вчерашней одежде, что неудивительно после двух дней столь активного отдыха, когда для того, чтобы привести себя в порядок, в наличии только кувшин, таз и душ на заднем дворе у Пенни, но это здоровый запах походников.

— Когда мы снова встретимся? — спросил он как бы между прочим.

Она моргнула.

— На этой неделе в моем расписании наверняка есть заседания комитета. Но ты же не это имел в виду?

— Ага, только мы двое, а не десять человек.

Ее губы дрогнули в улыбке.

— Нет, если только мы не хотим устроить шоу.

— Думаю, нет. — Но его улыбка омрачилась новой мыслью: — Как… э-э… Думаю, лучше спросить прямо. Так как ты хотела бы представлять это на публику?

— Новое? Новое старое?

— Новое. — Хотя он никогда не хотел отбрасывать старое. Тут он помимо воли сбился с темы: — Э-э… у тебя сохранилась та твоя коллекция бетанских секс-игрушек?

Не то чтобы все они были бетанскими… впрочем, не важно.

— Нет, пожалуй. Возможно, депрессия или что-то вроде того… в общем, я их выкинула пару лет назад. — Она посмотрела на него сквозь ресницы. — А у тебя твои?

— М-м, нет… — признался он. — По той же самой причине.

— Ха!.. — Невеселый смех. — Может, как-нибудь ночью вместе каталоги посмотрим?

— Блестящая идея. — Он поцеловал локоны, прильнувшие к его лицу. — Когда?

— У меня расписание на эту неделю забито.

— Нарочно? — спросил он спокойно.

— Да.

Он кивнул:

— У меня тоже.

Впрочем, с проектом базы Гридград Джоулу и не требовалось придумывать дополнительные дела, поглощающие все время. Ну что ж, ничего нового. В давние времена у них редко бывала возможность отступать от заранее скорректированных планов, а если уж выпадал такой случай, то это оказывалось незабываемо.

— Можно подумать, двоим проще найти уединенное место, соблюсти приватность, так сказать, чем троим.

Она нахмурилась, но не на него вроде бы.

— Напрасно думаешь, что нам нужна столь уж приватная приватность. Чем, по твоему представлению, мы будем заниматься?

— Ну… э-э…

— Если ты пытаешься сказать «тусоваться», Оливер, то в этом нет ничего незаконного, аморального или же вредного для здоровья. Если только мы не будем обжираться вместе, как мне кажется.

— Тусоваться?.. Мы ж не подростки.

— Встречаться?

— Неоднозначно. Вызывает… всевозможные

спекуляции.

— Ухаживать?

— Ну, это совсем как в Период Изоляции.

— Трахаться?

— Да ты что!

— Ну, совокупляться, если хочешь более пристойное выражение. Я и не собирался давать его в пресс-релизе, знаешь ли.

— Вот уж утешил.

Она шутливо ткнула его в бок.

— Я просто пытаюсь выяснить, как это описать. — Кроме чисто личных суждений, тех самых, тех, до которых никому нет дела. Для себя он, пожалуй, назвал бы это «радостным» или «изумительным».

— Вот не можешь ты не раскладывать все по полочкам. А ведь любые категории весьма спорны, хотя, я согласна, люди склонны считать их обнадеживающими.

— На данный момент я просто хотел определиться с нашим уровнем безопасности.

— А-а… — Она вынырнула из-под его руки и нахмурилась, сердито глядя — так уж получилось — в затылок Рыкову за двумя звуконепроницаемыми перегородками.

— С этим пора кончать, — сказала она, немного

помолчав. — Да, это реально было необходимо — когда-то. Но определенно не сейчас. Я отдала Барраяру сорок три года и не прошу возмещения, но следующие сорок три года — мои. После этого Барраяр может поторговаться.

— Ты — публичная фигура, Корделия, с этим уж ничего не поделаешь.

Она сжала кулаки.

— Нет, я сбегу от них. И все они скоро забудут. — Она снова откинулась на спинку сиденья. — Хотя, если настаиваешь, чтобы все было как на старом добром Барраяре, полагаю, мы можем всем сказать, что я твоя мистресс, — так, кажется?

Он невольно фыркнул:

— Хотите, чтобы меня вздернули? И кроме того, это просто не соответствует действительности.

Она вскинула голову, обдумывая сказанное.

— Вот тебе пример. Элис и Саймон. Ничего между ними нет, и вдруг в один прекрасный день — так было всегда. Ну очень плавный переход, да?

Леди Элис Форпатрил, давнишняя подруга Корделии, которая устраивала все дипломатические приемы и светские мероприятия в императорском дворце чуть ли не три десятка лет, и Саймон Иллиан, шеф Имперской Службы безопасности

Эйрела почти тот же срок, — их роман, начавшийся вскоре после выхода Иллиана в отставку по медицинским показаниям, ни для кого не являлся секретом.

— Это тянулось уже давно? Предполагали разное, уже потом… — А если и нет, то сами они этого не отрицали. Джоул хорошо знал их обоих раньше, еще в Форбарр-Султане, он тогда работал с Эйрелом, и потом, на Зергияре, куда эта пара несколько раз приезжала отдыхать, но даже он не был ни в чем уверен точно. Чего не скажешь об Иллиане: тот знал о Джоуле все. Когда-то. Все они изменились с тех пор.

— Хм-м, скажем так, они высоко ценили друг друга долгие годы. Но, увы, они так и не сподвиглись хоть на что-то, что стоило бы приличной неприличной сплетни — это оксюморон, да? — пока для Элис не исчезла необходимость конкурировать за внимание Саймона с его чипом памяти и безопасностью трехпланетной Империи. Просто больно было смотреть, как они попусту растрачивают то огромное счастье, которое могло бы быть, но… тут уж не мне решать. Сейчас, во всяком случае, они выглядят счастливыми.

На ее лице заиграла улыбка искренней радо-

сти за ее старых друзей. Их старых друзей — на самом-то деле.

Чуть помолчав, Корделия добавила:

— Почему для тебя так некомфортна открытость? Привычка?

— Безопасность.

— Привычка, другими словами. Знаешь ли, если для разнообразия обратиться к разумным доводам, я бы отметила, что открытость как раз безопаснее. И в первую очередь потому, что никто не сможет шантажировать или угрожать скандалом из-за того, что и тайной-то никогда не было.

Джоул подумал, что она явно недооценивает изобретательность недоброжелателей. Равно как и то, что она сама по себе может служить мишенью для их нападок. Тут, видимо, не могли не сказаться десятилетия, проведенные рядом с Эйрелом.

Она нахмурилась:

— Эй, что-то ты юлишь. Может, пытаешься намекнуть, что продолжение не предвидится? Струсил?

— Нет! — запаниковал он.

— Ну-ну, поверю, пожалуй… — Она сощурилась и приумолкла, смутившись. — Возвращаясь к твоему исходному вопросу… Так, давай мы будем

ориентироваться на следующий уик-энд, вдруг что и получится, а я обещаю не забираться на крышу Дворца вице-короля и не орать на весь город, как хорош в постели адмирал Джоул.

— Благодарю, дорогая, — проговорил он чопорно.

— Буду до отвращения сдержанной, а мы оба тем временем все обдумаем.

— Я вовсе не говорю, что ты не права, — слабо возразил он. — Это всего лишь…

— Обусловленность. Знаю, любовь моя, — вздохнула она. — Я знаю.

Вот уже показался Каринбург, полет слишком быстро подходит к концу. На этой неделе они, пожалуй, смогут урвать время поговорить, но вот поцеловаться — это вряд ли. Он притянул ее к себе и, пока внизу тянулись городские предместья, воспользовался последними минутами с большей пользой.

Флайер вице-королевы высадил его перед казармами базы. Джоул сделал усилие, чтобы миновать проход в здание четким армейским шагом, как офицер, который только что вернулся после совещания со своим боссом и все выходные обсуждал архиважные проблемы. А сейчас горит желанием приступить к своим обязанностям за

комм-пультом, а не вернуться во флайер, уносящий его самые бредовые мечты.

* * *

Первое, что сделала Корделия, добравшись до вице-королевского дворца, — это приняла душ, но после этого она до обеда разгребала гору сообщений на комм-пульте. Что за черт! Можно подумать, все, кроме нее, так и работали без передыха все выходные. За нескончаемыми делами она пропустила обед и распорядилась принести в кабинет сандвичи. Но вместо Фриды сандвичи принес Рык. Он, с присущей ему военной скрупулезностью, расставил тарелки и чай, отступил на шаг и деликатно откашлялся. Его это «кхе-кхе» в лучших традициях дворецких всех времен означало: «Я собираюсь сказать вам то, что вам вряд ли понравится».

— Да, Рык?.. — Она энергично приступила к поеданию первого сандвича.

— Прошу прошения, миледи, хотел бы довести до вашего сведения, что лейтенант из вашего СБ, из подразделения охраны, направил своему начальству официальный протест, утверждая, что адмирал Джоул давно не проходил переподготовку в СБ и не вправе обеспечивать охрану

внешнего периметра.

— Вот гаденыш!!! — Корделия чуть не подавилась сандвичем от такой наглости, выплюнула крошки, перевела дыхание.

Она собрала крошки и изящно высыпала их на тарелку, переваривая услышанное. Ее скромный по численности отряд дворцовых охранников СБ… Прибыв из дома на Зергияр, парни поначалу были преисполнены энтузиазма: охранять вице-королеву Зергияра! Потом наступало разочарование, когда выяснялось, что их обязанности — это что-то вроде работы обычных наемных сотрудников коммерческих охранных агентств. Дешевка. Старшие офицеры обычно фокусировались на соседях — Цетаганда, Эскобар, транзитные коммерческие суда под разными флагами, — орбитальной станции и безопасности п-в-туннеля и в основном имели дело с Оливером. Обученный в свое время Саймоном Иллианом, он управлялся со всем этим со свойственной ему невозмутимой эффективностью и редко досаждал Корделии чем-либо, помимо кратких и точных сводок.

— Я категорически не согласна, — заявила она, жуя сандвич и запивая его чаем. — Я возмущена и расстроена. Оливера сочли пригодным быть последним рубежом обороны у Эйрела, когда этот

мелкий пакостник еще из памперсов не вылез. — Она выпятила нижнюю губу. — Между прочим, он и о тебе мог сказать то же самое. Он упомянул тебя в своем… доносе?

— Нет, миледи, но потому лишь, что не додумался. Разумеется, я на это не указал.

— Хвалю за сдержанность.

Он пожал плечами:

— Обычная предусмотрительность.

Наверное, он был прав. Все то время, что Эйрел занимал государственные посты, а это почти все годы их брака, его ливрейные слуги-охранники — оруженосцы, как называли личную охрану фора на Барраяре, обычно в количестве не более двадцати человек, — давали вассальную клятву и присягали ему на верность как графу Форкосигану, и им приходилось очень тесно сотрудничать с Имперской безопасностью, что было неизбежно, исходя из широкого круга обязанностей их сюзерена. Это могло бы создавать известную напряженность, но Эйрел, как правило, рекрутировал в оруженосцы ветеранов СБ, уроженцев Дендарийского округа, — вот и Рык был таким ветераном. Он вышел в отставку, отслужив свою двадцатку, и поступил на службу к графу — с тех пор прошло уже без малого двадцать лет.

Но СБ и оруженосцы всегда оставались разграниченными по принципу подчиненности при выполнении приказов старших по званию, что неизбежно приводило бы к конфликтным ситуациям, если бы не был задействован хитроумный протокол их взаимодействия.

И официально — и лично — верность Рыкова принадлежала вдовствующей графине Форкосиган, а не вице-королеве Зергияра. Ну, вообще-то, на данный момент графу Майлзу — по ее предположениям, номинально. Рык был из числа тех оруженосцев, кого Эйрел взял с собой с Барраяра, получив новое назначение, а с Майлзом работал редко и едва его знал. Рык перевез на Зергияр всю семью: жену и детей-подростков. Молодежь живенько адаптировалась, и четверо детей Рыкова все остались здесь жить. Вот почему Рык и Ма Рык попросились обратно на Зергияр вместе с овдовевшей Корделией. И Майлз с готовностью последовал совету своей матери и удовлетворил их просьбу.

Впервые Рык появился в особняке Форкосиганов в Форбарр-Султане примерно в середине срока пребывания Эйрела на должности премьер-министра. Оливер тогда уже был неотъемлемой частью их дома. Нового оруженосца деликатно

посвятили во все особенности при обеспечении безопасности в нестандартной ситуации трехстороннего супружества Форкосиганов (уже тогда Корделия признала Оливера своим со-супругом во всем, кроме названия, — ни он, ни Эйрел, впрочем, не использовали этот бетанский термин). Конечно, когда командир оруженосцев и его братья по оружию ввели Рыкова в курс дела, он не мог не испытать шок, ведь в барраярском обществе с его древними традициями такое недопустимо, но ничем этого не выдал, во всяком случае — Корделии, и быстро влился в распорядок жизни особняка. В то время всем хватало и более серьезных причин для беспокойства. А сейчас верный Рык продолжил говорить на столь неприятную для его госпожи тему, поскольку считал это своим долгом:

— Про эти выходные… позволите мне говорить свободно, миледи?

— Вот уж не знала, что все двадцать лет ты не говорил свободно… — пробурчала Корделия, но так как Рыков ждал ее разрешения, нехотя кивнула.

— Это не должно бы быть моим делом, но это так. Внешняя сторона, так сказать.

Она глубоко вздохнула, набираясь терпения.

— Допустим.

— Было ли это разовое событие или продолжится? Возобновление прежней, хм-м, системы?

Не тот же самый вопрос, что задавал Оливер, но тоже малоприятный. «Ох уж эти барраярцы!..»

— Продолжится, я надеюсь. По части прежней системы… Я не уверена, что можно называть это системой, когда вся конспирация сводится к одному оруженосцу. Для тебя это все облегчает или усложняет?

— Пока не знаю, миледи. Какое продолжение? И что в итоге?

— Не думаю, что кто-то из нас это знает. Во всяком случае, пока. — Она помрачнела, но заставила себя пояснить: — Но не второе замужество в барраярском стиле, это не для меня. Это не… не отразится на Оливере, заметь, — это просто… нет.

Рыков просто кивнул, ничего не сказав. «Вполне честно».

— Слушай, это не так, как если бы Оливер, ну… ну, не знаю. Как если бы я спуталась с младшим садовником, или… или с цетагандийским шпионом, или что-то вроде. Он — верный императору, высокопоставленный барраярский офицер, который был нам хорошим другом двадцать три года. То, что в старые добрые времена Изоляции

назвали бы «приемлемой связью».

— Джентльмен Джоул. Так его называют в армии.

Корделия рассмеялась:

— Да ну? Что ж, я как-то слышала от него реплику: «Никогда не лезь в бутылку на приеме с коктейлями из-за какой-то ерунды». Леди Элис, без сомнения, с ним бы согласилась.

— Хотя он родился простолюдином.

— Как и я.

Рык склонил голову, дескать, «с фактами не поспоришь, но…».

— Бетанцы… это не то же самое.

— Ты вот тоже родился простолюдином, ну и что?

Рыков, похоже, начинал понемногу терять терпение.

— Я совсем другое пытаюсь сказать, миледи. Какая разница, что я думаю, важно то, что подумают другие. Как только — если когда-нибудь — откроется, что между вами что-то есть, некоторые начнут задаваться вопросом, а как долго это уже продолжается.

— Как с беднягой Саймоном и Элис? Мое «продолжается» пока что «продолжается» один уик-энд, и не более того. — «И это был бесподоб-

ный уик-энд!» — И это правда в любом смысле, который имеет значение.

Он вздохнул, набираясь терпения.

— Милорд часто проявлял беспечность. Это никуда не годилось. Для нас.

Корделия покачала головой:

— В списке самых смертельно опасных политических секретов Барраяра, бремя которых мы разделяли с Эйрелом все эти годы, этот маленький — и сугубо личный — секрет не входил даже в первую пятерку. — Она нахмурилась, припоминая: — Десятку? — Еще подумав, уточнила: — Пятнадцать.

Оруженосец поднял брови:

— Понял ваши пятнадцать. Поднимаю до двадцати?

Она пожала плечами, улыбнулась уголком губ:

— С двадцати придется сбросить. — И вздохнула: — Хорошо, Рык. Если тебя станет донимать кто-либо из этих мутных людей, — то все как обычно. Слухи ни в коем случае не опровергать, не подтверждать и не проявлять никакой осведомленности. Нет смысла делать что-либо иное. Люди все равно будут верить тому, чему хотят верить… вот блин!

Рык чуть не подскочил. Но передернулся уж

точно.

— Все это — никакой не кризис, реальный или состряпанный! — вознегодовала Корделия. — Да любой вдовец или вдовица может ходить на свидания… э-э… ну, во всяком случае, когда пройдет положенный срок. И обычно друзья только рады за них.

— Не все поголовно вам друзья, миледи.

Она подняла ладони, то ли защищаясь, то ли соглашаясь.

— Во всяком случае, бетанское голосование не для таких, как они. — И положила обе ладони на стол. — Все это из области предположений — пока, во всяком случае. Так что держи ухо востро, как обычно, а если услышишь что-то существенное, что мне следовало бы знать, то доведи это до моего сведения. Желательно без лишних ушей, на случай, если я вдруг заору благим матом.

Он кивнул в своей обычной манере.

Корделия продолжила размышлять. Это его столь явное беспокойство… оно не только профессиональное, но и личное?

— Видишь ли, когда жизнеспособность шести эмбрионов подтвердилась, я решила уйти в отставку с поста вице-королевы не позднее чем через год. — Оруженосец Рыков неизбежно

должен был быть в это посвящен с того момента, когда она везла обратно с Барраяра криоконтейнер. Хотя она ни словом не обмолвилась о дополнительном содержимом контейнера и о предложении, которое недавно сделала Оливеру. Вряд ли это вообще когда-либо будет его касаться. И о своих дальнейших планах она сообщала Рыкову только сейчас.

Он снова кивнул.

— К тому времени ты успеешь решить, выйти в отставку здесь, на Зергияре, или в дальнейшем служить в моем собственном доме. Хотя нисколько не сомневаюсь, он вам покажется тесным и скучным по сравнению с теперешним. — «Я надеюсь». — Но, если ты только захочешь, под моей крышей тебе всегда найдется место. — И Ма Рык тоже, хотя у жены оруженосца в настоящей момент своя независимая профессия: учительница в начальной школе здесь, в Каринбурге. Очень востребованная профессия, одобрительно размышляла Корделия. Она могла бы назвать хоть дюжину школ за пределами столицы, да они готовы на все, лишь бы заполучить еще учителей, и постоянно бомбардируют своими петициями вице-королевскую канцелярию.

Он вскинул голову — от обиды, как она могла

заподозрить, что у него какие-то сомнения на сей счет.

— Уж этого-то я никогда не боялся, миледи.

— А, вот и ладненько.

На этой несколько двусмысленной ноте он удалился. Корделия, пожевывая сандвич, переключила свое внимание на комм-пульт, пытаясь вспомнить, чем же она занималась до прихода Рыка. Если она закончит работу — ха-ха, здесь и сейчас это пустые фантазии, эта работа никогда не будет закончена, ее можно отложить или, допустим, перекинуть на кого-то — и тогда она сможет выкроить еще один свободный день в следующие выходные. На лице засветилась улыбка — Корделия ничего не могла с этим поделать, стоило только вспомнить об Оливере в прозрачном каноэ. Как завороженно, с каким детским восторгом он смотрел на открытый им подводный мир Зергияра. «О дивный новый мир, что там за люди!..»

* * *

— Спасибо, лейтенант Форинниc, — сказал Джоул, усаживаясь за рабочий стол и взяв предложенную чашку кофе. — Как прошли выходные?

— Сама не знаю, сэр. — Кайя сморщила носик: —

Я последовала вашему совету, но получилось не совсем так, как предполагалось.

— Моему совету? — «Что же я опять такое ляпнул?..»

— Ну, чем-то заняться на приволье.

— А, ну да. — «Для меня вполне сработало».

— Так что я пригласила лорда гем Сорена на стрельбище. Вроде бы его это очень заинтересовало. Но до знатока ему далеко. Хотя он быстро освоился, — призналась она.

— Стрельбище! — Джоул не поверил своим ушам. — Ничего такого у меня и в мыслях не было.

— Я была первой на курсе по стрелковому оружию, — пояснила Кайя. — А мама всегда говорила мне: не побеждай мальчишек в их играх и делах, не то они больше никуда тебя не пригласят. Вот я и взяла его на стрельбище и там обыграла вчистую. А заодно и пару парней, которые там оказались. Вот только он вдруг взял и нашел рядом с Каринбургом место, где можно взять напрокат лошадь, и снова пригласил меня с ним поехать.

Джоул сдержал улыбку.

— М-м, получается, на стрельбище вас же и поразило рикошетом?

— Возможно.

— А он не проявил какого-нибудь особого интереса к иным аспектам устройства базы или наших военных сооружений?

— Насколько я могу судить, нет, сэр. — Тем, что она не преуспела на поприще контрразведки, Форинниc, казалось, была разочарована больше всего.

Как понял Джоул, лорд гем Сорен был бы куда интереснее лейтенанту Форинниc лично, если бы вел себя на традиционный шпионский манер. Не то чтобы это непременно соответствовало истине. Хорошие агенты как раз незаметны.

Она честно добавила:

— Должна сказать, он выглядит намного лучше, когда смоет с лица грим.

Кто-то наконец посоветовал атташе перейти на местную одежду. А может, он и сам догадался.

— У гемов и аутов очень правильные черты, — признал Джоул.

— А как прошли ваши выходные, сэр? — вежливо поинтересовалась она.

— Хорошо. У меня… э-э… было продолжительное совещание с вице-королевой. И мы летали инспектировать озеро Серена.

Форинниc неодобрительно покачала головой:

— Вы оба вообще никогда не берете выходной? — И удалилась на свой рубеж во внешней приемной, чеканя шаг.

Джоул сдавленно хихикнул, включил свой комм-пульт и принялся за сортировку первых рекламаций этой недели. Как раз по сжатому лучу пришли сообщения от комаррианского командования.

Прошло несколько минут, и вдруг он воскликнул — громче, чем сам ожидал:

— Что за черт? Должно быть, это ошибка!

В дверях появилась Форинниc:

— Сэр? Я допустила ошибку? — всем своим видом говоря, что, даже если и так, она эту ошибку незамедлительно исправит.

— Нет, не… не совсем. Хотя вам следовало отметить это… — Пометкой «срочно»? Вряд ли. Разве что «для вашего внимания». — Они списывают линкор «Принц Зерг»!

— Да, сэр, я видела. — Она кивнула. — Но разве процедуры консервации не считаются типовыми?..

Барраярские военные корабли отправлялись не столько на консервацию, сколько в резерв. Верхушка Генштаба была печально известна таким же отношением к материально-техническому

обеспечению, какое испытывают к запасам еды люди, пережившие голод. Возможно, и причины аналогичны. Корабли, которые флоты большинства государств Галактики отправляли прямиком на свалку, на Барраяре припрятывались еще на пару десятилетий подобно тому, как несвежую еду запихивают поглубже в морозильник, с глаз долой. И только командование следующего поколения соглашалось их наконец списать после длительных уговоров. Все это кладбище слонов находилось в ведении Джоула, скрытое от глаз в паре скачков, в стороне от трасс, в тупиковом п-в-туннеле, который никуда не вел. В один прекрасный день Империя наконец сдастся и объявит это место музеем.

И все же у него вырвалось:

— Да, но этот корабль — он же был флагманом флота при Ступице Хеджена! На борту еще не были закончены монтажные работы, когда Эйрел распорядился вывести его из орбитального дока на Комарре. Там были бригады гражданских техников. Мы попытались высадить несколько бригад на Поле, но времени не хватило. Они все еще что-то устанавливали и доделывали, когда бой был уже закончен! — вдруг нахлынули воспоминания. — По тем временам у него был самый

дальнобойный гравидеструктор.

— Думаю, в наши дни… это уже гравидеструктор малой дальности, — осторожно заметила Форинниc.

— Да, сейчас — безумно малой, согласен. Цетагандийцы, наверное, подумали бы, что мы пытаемся их протаранить. А тогда это было колоссальное преимущество и шикарный сюрприз для них, да, именно так и было, поверьте. — Он очень хорошо помнил, в тактической рубке, когда их вел в бой сам адмирал Форкосиган, которому вернули звание только на время этой операции. И как оказалось, это была последняя его военная операция. Наверное, он считал это самым ценным в своей победе.

— Но «Зергу» больше двадцати лет, сэр! — Форинниc изо всех сил старалась быть вежливой и не расстраивать такого милого старикана.

«Для меня он был новейшим линкором». В те дни он был лейтенантом, не намного старше, чем Форинниc сейчас. «Мы все рвались в бой». А теперь, пусть на очень короткое время, старый линкор окажется под его командованием.

Большая часть оружия и вспомогательных систем скорее всего уже демонтирована, опечатана или отключена еще в доках на Комарре. Если

списание и должно сопровождаться какими-либо скромными церемониями, их тоже проделают там. На Зергияр линкор поведет временная команда. По сути, не осталось больше никаких формальностей, за которыми обязан проследить адмирал Зергиярского флота.

— Хм… Все равно… впишите в мое расписание инспекцию на борт этого древнего чудовища. Просто… между делом. Рассчитайте время так, чтобы мы там не слишком задержались.

— Есть, сэр! — Форинниc отступила. Она была совершенно обескуражена, но дисциплина превыше всего.

Глава восьмая

На следующей неделе, когда была печальная годовщина — хотя и не отмеченная Джоулом в календаре, — он увиделся с Корделией только на утреннем совещании, где военные и гражданские инженеры обсуждали инфраструктуру Гридграда (точнее, отсутствие оной) и кто в этом виноват. Когда это бесконечное совещание наконец закончилось, Корделия, проходя мимо, коснулась руки Джоула, глядя в сторону. И он на мгновение сжал ее пальцы.

— Ты как, ничего? Что у тебя на вечер? — спросил он.

Она кивнула:

— Обед в бетанском консульстве. Они там намерены лоббировать вопросы эмиграции, но я им спуску не дам. А у тебя какие планы?

— Да как обычно… Кучу сообщений читать. Из Генштаба по сжатому лучу прислали. Ну и ответить надо на срочные. И с Депленом на этой неделе по снабжению скачковой станции предстоит пободаться.

— Что ж, удачи. Я еще думала по дороге домой заехать в репроцентр. Просто… — Она запнулась

и чуть слышно прибавила: — Просто так…

— Угу…

Он понимающе кивнул. Здесь неподходящее место для обсуждений. Она ответила мимолетной улыбкой в знак признательности. Это было все, что они могли себе позволить в этот день.

* * *

В эти выходные Джоул исхитрился организовать еще одну инспекторскую поездку на озеро Серена, правда, всего на один день. Вот только для хрустального каноэ было слишком ветрено, зато на небольшой яхте они быстро и без приключений доплыли до тихой заводи с подветренной стороны полуострова, а там пристали к лесистому берегу. Очень уютное место, словно сидишь в плетеной беседке из ветвей, спускающихся к воде, — намного приятнее уединиться здесь на часок, чем мотаться туда-сюда по озеру. И шарики-вампиры не нападали: новый репеллент, похоже, оказался действенным. Разве что запах слишком резкий, более подходящий для походного лагеря, чем для бальной залы. Увы, эротическая фантазия Джоула оказалась не слишком удачной — лодка гораздо неудобнее старой кровати. Зато у них было достаточно поводов похихикать, когда,

невзирая на все препоны, им удалось совместными усилиями достигнуть желаемого. Даже ободранный локоть не помешал Джоулу забыться после соития в блаженной полудреме, да и Корделия погрузилась в тихую задумчивость.

Они выждали время, достаточное, чтобы пересечь на яхте самую широкую часть озера, и отправились в обратный путь. Когда они приближались к противоположному берегу, послышался шум мотора.

— Похоже, у сержанта Пенни появился сосед, — заметила Корделия, приставив ладонь к глазам.

— И всего-то в пяти километрах, — подтвердил Джоул. — Наверняка станет бурчать, что на озере Серена становится слишком людно.

Корделия улыбнулась:

— Сам виноват, что стал заниматься прокатом, из Каринбурга теперь многие будут приезжать.

* * *

В Каринбурге мало где можно хорошо отобедать, но им все же удалось устроить в середине недели не совсем деловую встречу на террасе того самого ресторана, где Корделия так недавно перевернула Джоулу всю жизнь своим предложением. Они встретились на закате, и пока они

неторопливо беседовали за едой, внизу стали потихоньку зажигаться городские огни, соперничая со звездным небом. Звезды пока выигрывали, но, возможно, ненадолго.

В какой-то момент в разговоре Корделия со смехом протянула руку — коснуться его руки, искоса глянув на столик поблизости: как там ее телохранитель эсбэшник? Тот был на посту и не спускал с них глаз. Корделия со вздохом убрала руку и выпрямилась.

— Ох уж мне эти дуэньи из Службы Безопасности, которых засылает шеф Аллегре… Ну разве они не милашки, э? Такие серьезные мальчики и девочки. Сгинули бы они куда-нибудь… Может, запрятать их в темницу, всех разом? Почему у меня нет темницы? — сказала она обиженно, словно ее вдруг озадачило столь досадное упущение. — Я же могла заложить это в проект, когда строился вице-королевский дворец, ничего сложного. Надо было предвидеть.

Он рассмеялся:

— Очень даже подходит к твоему прозвищу.

— А у меня есть прозвище?

— Никогда не слышала? Тебя называют Красной Королевой.

Она закашлялась, поперхнувшись последним

глотком вина.

— Это что, та шахматная фигурка, которая носилась с воплями «голову с плеч»?[5] Или какой-то намек на биоэволюцию?[6]

— По-моему, кровожадная королева была игральной картой. А шахматная королева известна тем, что быстро бегала.

— Просто удивительно, что иногда сходило с рук на Старой Земле. Но да, мне действительно приходится бежать изо всех сил, чтобы оставаться на месте. Хотя могу предположить, что меня так прозвали из-за рыжих волос. Так это комплимент? Или совсем наоборот?

— Все зависит, каким тоном это говорится. — Джоул как-то раз строго отчитал одного типа, который назвал так вице-королеву, поскольку счел, что это звучит пренебрежительно.

---

[5] Примечания: 5

В русском переводе «Алисы в Зазеркалье» шахматная королева, разумеется, Черная. В оригинале — «Red Queen», Красная, поскольку в Англии во времена Льюиса Кэролла «черные» шахматные фигурки изготавливались из красного дерева. В ряде экранизаций по мотивам «Алисы» шахматная и карточная (Червонная) Королева нередко объединяются в одно лицо, отсюда — некоторая путаница. — *Примеч. пер.*

[6] Примечания: 6

Имеется в виду эволюционная Гипотеза Черной (Красной) Королевы, согласно которой «относительно эволюционной системы виду необходимы постоянное изменение и адаптация, чтобы поддерживать его существование в окружающем биологическом мире, постоянно эволюционирующем вместе с ним». — *Примеч. пер.*

— Что ж… бывали в барраярской политической истории кликухи и похлеще.

— Хмм… — не стал он спорить.

А если уж говорить о безопасности, то сам он недавно получил самую что ни на есть вежливую докладную записку, в которой шеф местной СБ полковник Чиско доводил до его сведения, что пройденная им самим, Джоулом, сертификация как телохранителя давно просрочена, требуется пройти повторный курс по обеспечению безопасности и не будет ли он столь любезен не позволять общеизвестной беспечности вице-королевы в этом вопросе влиять на его, несомненно, здравые суждения. То, что Чиско прислал записку, а не просто сказал ему пару слов при личной встрече, означало либо понимание, как именно будут приняты его слова, либо нервическую потребность документировать все подряд.

— Но ты должен признать, что, если тебя убьют, пока ты в их ведении… этим ребяткам останется только слопать собственный нейробластер — после заполнения надлежащих форм и судебного решения по материалам дела, разумеется.

Она поморщилась:

— Если бы покушение на Эйрела удалось тогда, в Форбарр-Султане… — Она не закончила мысль,

да этого и не требовалось.

— Возможно. — Он пожал плечами: — Мои переживания были бы те еще…

Она похлопала его по руке, давая понять, что полностью отрицает такую возможность.

— Зергияр безопаснее. По крайней мере, это верно про спланированные заговоры. А спонтанные — ну, что сказать…

— Вот именно, вдруг какому-нибудь психу в башку втемяшится, что все его несчастья из-за тебя, и он решил поквитаться… А психов и здесь хватает.

— Да, этого добра тут хватает, — вздохнула Корделия. — Чего не скажешь обо всем остальном.

— Точно. Кстати, ты уже получила ответ от Марка про завод стройматериалов? Получится привлечь в Гридград предпринимателей? Если предложить землю.

— Он говорит, что поспрашивал об этом, но считает, что на земельный участок без улиц, построек, инженерных коммуникаций и рабочей силы охотников не найдется.

После обеда они вернулись в вице-королевский дворец на вице-королевском авто с бдительным телохранителем в роли шофера. От сопровождения они избавились только у парадного входа,

где шофера сменил оруженосец Рыков. Корделия повела Джоула наверх, ко входу в свой личный кабинет. Ее рабочий офис был расположен очень удобно — в бывших казармах: если пройти через сад, то и прогулка приятная, и до работы близко.

— У меня совещание с адмиралом, Рык, — сообщила она своему сенешалю. — Уровень «не беспокоить», м-м… третий.

Требуется вызов бригад «Скорой помощи». Вроде так, если Джоул ничего не перепутал.

— Да, миледи. Сэр. — Рыков, как всегда, хранил полнейшую невозмутимость, за что Джоул был ему весьма признателен.

Корделия закрыла дверь с лучезарной улыбкой.

Джоул не знал, что и думать: неужто и впрямь совещание, о котором ему почему-то забыли сообщить? А воображение рисовало непристойную картинку: вот этот ком-пульт… если использовать не по назначению…

Корделия тем временем прошла через кабинет к дальней двери. За ней оказалась ванная комната, из которой еще одна дверь вела в скромную спальню с окнами во внутренний сад.

— А! Ты, я вижу, переехала, — заметил Оливер. Пусть даже на другую сторону коридора.

— Да. Большая спальня — (та, что она делила с Эйрелом и время от времени с ним) — слишком велика. Там теперь гостиная. Как заведено в особняке Форкосиганов — делать перестановки, когда происходят изменения в семье.

— Тут я никогда не был вроде бы. — «Никаких призраков».

— Может, и был, но я сменила обстановку. Воспользовалась советами Элис и Катрионы. — Это объясняло четко выдержанный, спокойный стиль, хотя Корделия уже здесь обжилась и внесла некоторый беспорядок. Все вместе создавало ощущение уюта, и он, не раздумывая, упал в ее объятия.

* * *

Уже после полуночи Рыков выпустил Джоула из дверей особняка. Его флайер был припаркован через дорогу. Так вот почему Корделия сказала заехать за ней сюда, и в ресторан они поехали вместе — спланировано заранее. И все прекрасно получилось.

— Корделия просила передать, что сегодня вечером ей больше ничего не нужно, и ты можешь быть свободен.

— Очень хорошо, сэр. — Рыков помедлил. —

Таких совещаний с вице-королевой будет еще много?

«О Боже, очень на это надеюсь», — чуть было не сказал Джоул. После ужина он был совершенно трезв, а сейчас словно слегка в подпитии.

— Корделия… — Теперь уже медлил он, подбирая нужные слова. — …дала понять, что предпочла бы нечто более открытое, но я полагаю, что осмотрительность… («привычка, от которой никак не избавиться»)… будет предпочтительней. — «Во всяком случае, на данный момент».

— Я лично всегда предпочитал осмотрительность, — заявил Рыков.

Что же, в каком-то смысле они союзники? «Я постараюсь не усложнять твою работу еще больше» прозвучало бы по-идиотски, поэтому Джоул только кивнул в ответ, выразив полное согласие.

Оказавшись в своей квартире на военной базе, он вдруг посмотрел на все другими глазами. Прежний адмирал Зергиярского флота привез с собою семью и жил в доме за территорией базы. Но Джоул даже после повышения так и остался в прежних спартанскими апартаментах, в здании для одиноких старших офицеров. А что еще надо? Он обитал на третьем этаже, в угловой квартире, — значит, окон больше. А так — типовая

малогабаритная квартирка: гостиная, спальня на одного, кухонька. Место, чтобы спать, мыться, держать одежду и что-то перехватить на завтрак. Благодаря клининговой службе и местной прачечной он вполне обходился без денщика, положенного по рангу. В качестве развлечения — либо общение в офицерской столовой, либо разные приемы в Каринбурге, а иногда — по официальным поводам — он бывал в вице-королевском дворце. Все равно примерно четверть времени Джоул проводил в космосе.

Он попытался представить, как приводит сюда Корделию на совещание… А что такого? Эйрел ведь заходил к нему в гости время от времени, когда получалось? Нет, исключено. И даже если… без Рыкова никак не обойтись, чтобы обеспечить им уединение. А если Корделия приведет оруженосца с собой, куда его девать? Эйрел обычно оставлял своих сопровождающих за дверью — решительно, вежливо и совершенно не напрягаясь по этому поводу. Отправлял их или патрулировать территорию — на предмет мнимых угроз, или читать в лобби внизу, или чем еще себя занять, пока снова их не вызовет. Пусть даже это не форская спесь, но как ни назови, а у простолюдина Джоула такой фокус не прокатит. И еще…

ему почему-то кажется, что, если они захотят уединиться в его квартирке с вице-королевой, это будет выглядеть совсем иначе, чем когда они оставались наедине с вице-королем.

Представить в этой квартирке Корделию категорически не получалось, а насколько неуместнее здесь будет младенец?.. Тем более трое. Семейные квартиры. Видимо, придется переехать на семейную квартиру, здесь же, на базе. И как же он — они — Джоул и сыновья — там устроятся? На базе должны быть родители-одиночки. Как, интересно, они справляются? Ну, есть еще Теодор Хайнс и его непоседа Фредди, но Фредди уже пятнадцать, она вполне самостоятельная. Ведь генерал — тогда не генерал, конечно, офицер в средних чинах — не пытался вырастить детей самостоятельно, с нуля.

Может ли в чем-то помочь Джоулу модель Корделии? Ситуация у них не совсем одинаковая. Он не знал точно, какие у нее собственные средства. Доля наследства для графской вдовы жестко не установлена, но по закону и обычаю — не ниже определенного минимума и не сверх определенного максимума. И Эйрел определенно выбрал для нее не самый плохой вариант. Он вполне мог предполагать, что Корделия в случае его прежде-

временной кончины захочет завести еще детей, и сознательно принял меры.

К Джоулу все это не относится, да и нет в фор-ских традициях и обычаях того, что он может получить благодаря технологиям. Хотя, возможно, к его ситуации с натяжкой применимо то, что фор-лорды делают для своих признанных бастардов. Но сыновья Джоула будут законными, его отцовство легитимно даже по законам Барраяра, в которые удалось-таки внести нужные дополнения. Джоул печально улыбнулся.

Жалованье барраярского адмирала, хоть и не столь щедрое по гражданским меркам или даже по галактическим военным стандартам, все же учитывало, что придется кормить семью, — да так оно, как правило, и бывало. Даже пенсия, половинное жалованье отставника, не столь скудное, как те средства, на которые жили в доме простолюдина, где вырос Джоул. Его простые вкусы позволяли сберечь больше, чем он успевал потратить. Собственно, дело в том, что надо правильно обращаться с деньгами. *Получаешь то, за что платишь*. И он может выбрать, за что именно платить.

В его представлении о будущем с отцовской материальной поддержкой более или менее все

в порядке, а вот как обойтись без материнского ухода?..

В родительском доме Джоула никаких слуг, разумеется, не было. Но даже Корделия — а она ведь женщина, принадлежащая к среднему классу, выросшая без слуг на колонии Бета, — не собиралась растить детей одна. Ей семьдесят шесть — это, наверное, тоже нельзя не учитывать. Или просто у нее есть здравый смысл.

С другой стороны, у Корделии был потрясающий дар, свойственный всем Форкосиганам в подборе персонала. Если Джоул понятия не имел, как ищут помощников по дому, то Корделия, сорок лет пробыв высокопоставленной фор-леди — ну ладно, изображая фор-леди, — определенно в этом разбиралась. Значит, решение очевидно: пусть она кого-нибудь ему подыщет, только и всего! *Ну вот, проблема решена.* Нельзя дослужиться до ранга Джоула и не научиться делегировать полномочия. Он усмехнулся, но было как-то невесело.

Гораздо сложнее дело обстояло с его службой — с тем, чем, собственно, эта служба является. Он поклялся отдать императору свое время, энергию, лучшие стремления и, если потребуется, свою жизнь. Как это согласуется с его планами взва-

лить на себя столь серьезную ответственность на двадцать лет вперед? С другой стороны, любой из родителей в любое время может попасть под машину. Может, здесь не дилемма штатский против солдата, в конце-то концов. Может, это фундаментальный людской риск. Что не упрощает ситуацию.

Джоул огляделся по сторонам и вдруг понял, что его квартира, такая удобная в недавнем прошлом, становится мала для его будущего. Если он решит играть по-крупному.

* * *

Утром в начале следующей недели Корделия шла через сад к офису вице-королевы. Настроение у нее было просто превосходное. В прошлые выходные им с Оливером удалось заночевать в хижине № 1, и они обнаружили, что ее простое сельское очарование не только не исчезло при повторении, но даже усилилось благодаря удачной прелюдии. На этот раз они на самом деле ходили под парусом, а на вечер взяли хрустальное каноэ, чтобы полюбоваться на закате местной озерной фауной — Оливер раздобыл определитель видов и, пока Корделия медленно вела лодку, пытался сравнивать экзотические подводные создания

с изображениями на голографическом дисплее. Оливер возмущенно сообщил, что база данных в определителе неполная. Корделия мирно согласилась, ничего другого она и не ожидала. Ей только показалось странным, что при таком въедливом складе ума он не пришел в науку. Или его жизненный путь определил Барраяр, как это случилось с нею самой? Он еще раз сплавал на каноэ рано утром на следующий день, пока Корделия спала, и похоже, это им обоим пошло на пользу.

— Доброе утро, Иви! — Корделия вошла в приемную и с улыбкой поприветствовала своего секретаря.

Иви подняла взгляд от комм-пульта и улыбнулась в ответ. Иви Утки была из старых зергиярских поселенцев, она приехала сюда почти двадцать лет назад вместе с мужем — офицером инженерной службы. Тот вышел в отставку и остался на Зергияре. Иви получила эту должность лет пять назад. Поначалу она терялась и нервничала, но понемногу осваивалась, а после смерти Эйрела буквально спасла Корделию, оказав неоценимую помощь в те трагические дни, и поддерживала потом. Ее дети почти уже выросли, а она приобрела неоценимый опыт, занимаясь

детьми и семейными делами, когда мужа то и дело перебрасывали по службе с места на место. У нее выработалась привычка все исполнять сразу, не откладывая на потом, потому что в любой момент может возникнуть следующая неотложная задача. Благодаря своей добросовестности и обязательности Иви идеально подходила для работы в административном аппарате вице-королевы. И не брала работу на дом, а значит — не приносила обратно еще больше работы для начальницы.

— Уточненное расписание у вас на комме, — доложила Иви. — Первое совещание через полчаса, по качеству воды. — Она проводила Корделию до двери в офис. — Блез уже здесь.

При этом сообщении Корделия несколько приуныла. Блез Гатти сидел, уткнувшись в считыватель, и тут же вскочил при ее появлении. Его она одарила столь же лучезарной улыбкой, как и Иви. Они уселись в кресла напротив окна, выходящего в сад, и Корделия приготовилась выслушать утренний доклад.

Блез был новичком, работал в должности пресс-секретаря меньше года. Очень энергичный молодой человек лет тридцати. Его история весьма интересна. Он родился на Комарре, но комаррианином был наполовину, по отцу. Мать

— франкоязычная барраярка. Блез приехал сюда, начав работать в различных комаррианских новостных агентствах, а затем его рекомендовал родственник императрицы Лаисы. Что непременно надо бы знать тем, кто считает непотизм исключительно барраярским пороком. Корделия могла только догадываться, чем руководствовались покровители Блеза, добиваясь для него нынешнего назначения, — то ли кто-то посчитал, что молодую колонию должен представлять молодой, то ли его статус полукровки создавал здесь меньше проблем, то ли просто решили, что вице-королева, всю свою жизнь имевшая дело с Эйрелом и Майлзом, умеет обращаться с гиперактивными взрослыми.

Их с Эйрелом прежний пресс-секретарь был старше и более консервативных взглядов, что вполне типично для барраярских официальных новостных агентств, где он раньше работал. Этот типус делал только то, что ему говорили, и ничего более — никаких проявлений инициативы можно было не опасаться. Корделия высоко ценила это его качество и оценила еще выше, когда он вышел в отставку и уехал домой, забрав с собою всю свою безынициативность, а ему на смену пришел Блез. Ну что Блез… Она упорно пыталась

втолковать ему — и до сих пор пытается, — что его работа состоит не в том, чтобы *вызывать* огласку, а, напротив, всячески *избегать* оной. Корделия не знала, как он расценивает эту должность — как кульминацию или всего лишь ступень на карьерной лестнице, но не удивилась бы, если все закончится тем, что Зергияр и его покорит, как многих других. *Включая меня?*

— Первое, что поступило за эти выходные, — начала Иви, — петиция от некой группы граждан, называющих себя «Каринбургский комитет обеспокоенных родителей», которые просят вас продекларировать, что умышленная скарификация посредством червей является правонарушением.

Об этом обычае Корделия слышала лишь мельком — последний писк молодежной моды. Так называемые черви были эндемичными паразитами. Когда они забирались под кожу человека, чуждая биохимия сбивала их жизненный цикл. И вместо того, чтобы произвести новых червячков и умереть, они оставались жить в теле носителя в ювенильной форме и приобретали гипертрофированные размеры. В естественной среде обитания они малюсенькие, но в жировой ткани человека вырастали обычно до нескольких сантиметров в длину, а отдельные экземпляры,

извлеченные хирургически, достигали гигантских размеров — до тридцати сантиметров в длину и весом до килограмма. У человеческого носителя они вызывали общее истощение, аллергические реакции, отечность, отвращение и ужас плюс опасные вторичные инфекции при попытке вытащить червя самостоятельно. Старожилов Зергияра можно было отличить по многочисленным побледневшим шрамам от червей. Разработку и применение эффективной вакцины против паразитов Корделия считала одним из первых своих вице-королевских достижений.

Теперь некоторые из молодых зергиярцев, упустивших свой шанс драматически переболеть этим недугом первопоселенцев, умышленно внедряли в кожу червей, пытаясь получить художественный узор шрамов. Корделия уже видела результаты этих экспериментов на снимках. В основном они вызывали у нее желание вложить деньги в клинику пластической хирургии, но, впрочем, в одном или двух случаях человеческие палитры и впрямь смотрелись эффектно. И отвратительно, конечно. Как, собственно, и было задумано.

— Ты же знаешь, мы с Эйрелом чего только не делали, чтобы *искоренить* нашествие червя… —

Если бы их первое путешествие по Зергияру пришлось на более поздний сезон, то могли бы и на собственной шкуре познакомиться с этими паразитами, а так сомнительная радость открытия нового вида досталась солдатам из первой волны барраярской оккупации.

Иви сочувственно пожала плечами.

— Но, как бы то ни было, я не намерена с чужой подачи вводить здесь законодательные нормы. И называть это издевательством над животными тоже не собираюсь. Почему прошение вообще поступило ко мне? Разве это не дело городского совета Каринбурга?

— Им направляли, как я поняла, — сообщила Иви. — Они увильнули.

— Понятно. — Корделия нахмурилась.

Молодежная мода по природе своей недолговечна. И пройдет сама, скажем, к тому времени, когда Аурелии будет столько лет, сколько сейчас Фредди Хайнс?..

— Это удачная возможность угодить блоку активных и ответственных граждан, — встрял Блез.

— То есть кучке родителей, которые хотят, чтобы я сделала за них их работу? Ты хоть подумал, как вообще контролировать исполнение этого

закона? Совершенно бессмысленная трата политического капитала. Нет.

Блез потер подбородок и послушно переменил мнение:

— С другой стороны, я предполагаю, что отказ удовлетворить прошение может быть воспринят как негласная поддержка права юных граждан на самоопределение. Это тоже может принести популярность.

— Не думаю, что люди, юные они или нет, имеют *право* быть идиотами. И пытаться их останавливать — непродуктивно, пока они не вредят другим и пока этот спорт — или экстремальное искусство? — не опасен для жизни. Но это уже не по моей части, как сказал бы Оливер.

— Так… что бы вы хотели им передать?

Корделия ответила на вопрос пресс-секретаря буквально и с некоторой экспрессией:

— «Люди, вам что, *действительно* больше заняться нечем?»

Блез казался ошарашенным:

— Я… Вы уверены, вице-королева? — И после паузы: — Хм… вы про кого?

Иви прикрыла рот ладонью.

— Про всех. Но это была шутка, Блез. Хоть в ней и много правды. — Корделия вздохнула: — Иви,

отправьте петицию назад со стандартным «Офис вице-королевства. Не принято к рассмотрению». И никаких комментариев. Хотя я борюсь с искушением их добавить.

— Да, ваше превосходительство. — Иви склонила голову, делая пометку и пряча улыбку, потом снова выпрямилась: — Второе. Вас приглашают выступить на собрании по случаю двадцатой годовщины основания правадосов.

— Кого? — переспросил Блез.

— Ну этих секс-трудяг. «За права и достоинство секс-трудяг», общественная инициатива или вроде того, — пояснила Корделия. Она улыбнулась, припомнив подробности. — Когда мы с Эйрелом только прибыли сюда как соправители колонии, трущобные районы Каринбурга рядом с базой были довольно криминальными. Малоприятные типы взяли под контроль торговлю секс-услугами. Получилось черт-те что. Жены военных жаловались на измены, а офицерам не нравилось, как это отражается на подчиненных. Бывали драки, продавали паленый алкоголь, наркотики, процветали азартные игры, парочка убийств, ну, ничего нового. Эйрел занялся этим со стороны военных, а я — с гражданской. Я решила, что самым быстрым и надежным решением будет

объединить работников — девушек и нескольких парней — в профсоюз. Они не сразу восприняли эту идею, но как только до них дошло, что у них теперь есть реальная защита, они все поняли и самоорганизовались. И неплохо, кстати.

— Но разве это не… опасно? — удивился Блез.

— От меня не потребовалось чрезмерных усилий, чтобы самые тупые сутенеры рискнули высказать мне угрозы при свидетелях. На основании этого им были предъявлены официальные обвинения в государственной измене. Порой и от СБ бывает польза. Те, что поумней, не угрожали, а сразу попытались перейти к действиям… Чем это для них кончилось — понятно. Ну а самый умный пошел на сотрудничество, так что он до сих пор в деле — и присоединился к профсоюзу. Разобрался в новых правилах и проявил себя как один из лучших организаторов.

Когда первые проблемы были улажены, я смогла привезти сюда с Колонии Бета группу лицензированных практических сексуальных терапевтов — мы заключили с ними краткосрочный контракт. Им предлагалось провести курс обучения для членов этого профсоюза. А тем самым и для их клиентов. Тем новые правила, в общем, понравились — так безопаснее. Да и

приятнее, видимо. И без риска заразиться. Но несколько военных не смогли привыкнуть к новым порядкам и попытались пожаловаться на происходящее своему начальству. Они получили поддержку старых служак, начали качать права. Эйрел поступил очень просто: собрал совещание. Много времени это не заняло — он был там единственным докладчиком. Произнес всего несколько слов и показал им короткое видео публичной казни самого первого командующего зергиярской базой, того самого, который во время войны допустил насилие в отношении эскобарских военнопленных, размещенных там. — Лицо у Корделии вдруг исказилось болезненной гримасой. Слишком уж живо она все помнит. И не по видео. — Он рассказывал, что, когда показ закончился, стало очень тихо.

— А-а, — только и сказал Блез. — Э-э. — И, справившись с растерянностью, все же добавил: — А не лучше ли было назвать этот профсоюз как-нибудь иначе?

— Вполне нормальное название, главное — им самим нравится.

Иви глянула на хроно:

— Так что насчет речи?

Корделия вздохнула:

— У меня уже выгорание с речами. А они заслуживают чего-то получше. Может, удастся уговорить доктора Татьяну? Она найдет для них что-нибудь позитивное. — Доктор Татьяна была одним из бетанских секс-терапевтов, оставшихся работать на Зергияре. И если «Татьяна» — это псевдоним, то докторская степень у нее самая что ни на есть настоящая. Она была одной из любимых бетанских экспатов Корделии и часто получала приглашения во дворец на приемы, когда требовалось внести некоторое оживление.

Иви кивнула, сделала очередную пометку и, посмотрев на видео-панель, перешла к следующим пунктам повестки дня:

— Апелляционный суд по делу об убийстве в Ред-Крик отложен на следующую неделю.

Корделия помрачнела.

— Я и рада этому, и в то же время хочу, чтобы с этим было покончено, — вздохнула она. — Надеюсь, они закончат на этом уровне.

Блез насторожился:

— А вы думаете, они дойдут до приемной вице-королевы? Это может стать важной новостью.

Разве что по зергиярским меркам, подумала Корделия. Она пожала плечами:

— С большинством судебных дел именно так

и бывает. Ведь мы последняя инстанция для апелляции. Обычно это уже прошения о помиловании или о смягчении наказания. Только фор, обвиненный в измене, имеет право добиваться рассмотрения в Форбарр-Султане. Но такого у нас, к счастью, не было. Зергиярские суды хорошо работают с фактами. И, слава богу, у нас есть суперпентотал. Представить не могу, каково приходилось судьям в те времена, когда невозможно было быть уверенным до конца, что не осудил невиновного. — И добавила: — К счастью, уголовных дел на Зергияре немного. Мы с Эйрелом сталкивались с таким раза два в год. Зергиярцы гораздо чаще убивают друг друга случайно, чем умышленно. Но с ростом населения преступность неизбежно возрастет.

Случай в Ред-Крик особенно отвратительный. И глупый, как это обычно и бывает. Сожитель убил женщину в домашней ссоре, так что это пока считалось преступлением в состоянии аффекта. Женщина, как поняла Корделия из уже прочитанных докладов, сама была далеко не подарок. Но затем он, обезумев, стал гоняться по всему дому за ее малолетними детьми, которые все видели. Их он тоже убил, после чего попытался скрыть следы преступления и поджег дом. Первый суд

был местным и скорым. И на апелляцию ему тоже не стоит возлагать надежд.

— В этом случае вы дадите тот же ответ, как и на петицию родителей? — осторожно уточнил Блез.

— О, мы с Эйрелом всегда просматривали все судебные материалы и любые другие источники, которые могли помочь. Сначала поодиночке, потом вместе. Смотрели записи допросов под суперпентоталом. А как-то раз сами провели допрос повторно, чтобы убедиться окончательно. — Корделия закусила губу и нахмурилась: наверное, вспомнилось что-то малоприятное. — «Отклонено» — это просто краткая формулировка и означает на самом деле: «Мы не намерены изменять решение суда». Бывало, у нас с Эйрелом возникали бурные дискуссии, потому что мы последователи, так сказать, двух очень разных юридических традиций. К примеру, бетанцы квалифицировали бы подобные действия как социопатию и сочли бы обоснованным применение методов принудительного лечения. Вплоть до переписывания нейронных схем, если в процессе лечения вскроется физический дефект, определяющий такое поведение. Конечно, на Бете такие случаи очень редки, поскольку в… — Корделия чуть не сказала «в нашей культуре», но бетанская

культура перестала быть «ее» еще со времен мятежа Фордариана. — В их культуре терапия применяется на гораздо более раннем этапе. А юридическая теория Барраяра, по словам Эйрела, гласит, что у людей есть естественное право на месть, но поскольку это ведет к кровной вражде, они передают свое естественное право лордам, то есть тем, кто превыше мести, и полагаются на их правосудие. Надо сказать, что Эйрел относился к этому очень серьезно.

— Хм… и кто выходил победителем в спорах? — спросил Блез.

— Здесь победа — пустышка. Ценный приз никогда не получить. Случалось, что мы находили возможным смягчить наказание — всего в нескольких случаях и при обоюдном согласии. Остальные дела были отклонены. Однажды мне удалось убедить Эйрела провести эксперимент — я собиралась, заплатив из своего кошелька, отослать преступника на Колонию Бета, чтобы там ему провели полный курс принудительной терапии. Хотела показать целесообразность импортирования этой системы на Зергияр. А преступник взял и ухитрился — видимо, это было непросто — покончить с собой всего за пару дней до того, как его должны были увезти на

Бету. Почему он так поступил? Иррациональный страх? Или он был слишком барраярцем? Трудно сказать. — «А есть ли разница?» — Так что я до сих пор ищу возможность провести свой эксперимент. — «Хотя не уверена, что случай в Ред-Крик для этого подходит. Или: «смогла бы/не смогла я сама пристрелить этого придурка» в этом случае правильный показатель». — Я думала предложить следующему осужденному за тяжкое преступление самому выбрать между смертью и терапией. Но ведь я уполномочена Империей, а так и норовлю увильнуть от ответственности.

Блез очень медленно проговорил:

— А ведь я никогда не задумывался — каково это, когда жизнь и смерть в твоих руках?

Корделия, нахмурившись, побарабанила пальцами по подлокотнику кресла.

— Когда мне было примерно столько же, сколько тебе сейчас, я получила командование кораблем Бетанской астроэкспедиции. И каждый раз, когда мой пилот-испытатель прыгал вслепую через п-в-туннель, окончательное решение «идти-вперед-иль-не-идти» принимала я. — Что впереди? Скачок к смерти или к славе первооткрывателей? Чаще всего, конечно, это оказывался скачок в никуда или же к новым

скачкам. Неудивительно, что ее никогда не привлекали азартные игры на деньги. — Разумеется, вся моя команда состояла из добровольцев. Все мы, без исключения… Это… это нечто такое, что рано или поздно приходит на руководящем уровне во многих областях. — «Прежде всего — в военной», — мысленно добавила она.

И немного погодя, припомнив слова Блеза, вызвавшие этот поток воспоминаний, добавила:

— И все же моя канцелярия не станет играть жизнями людей на потребу публике. — «О, кажется, несколько десятилетий назад Эйрел уже говорил что-то в этом роде!»

Блез выглядел слегка расстроенным, но спорить не стал. Иви глянула на него и постучала пальцем по хроно.

— Сводка на выходные, — покорно начал он. Одной из его обязанностей (с точки зрения Корделии, самой главной) было просматривать местные гражданские новостные каналы и отбирать все, что она должна знать. Лучше он, чем она, к тому же эта работа вполне соответствовала его складу ума. СБ тоже втайне выполняла аналогичную задачу, но их внимание фокусировалось на другом. — Вверху списка — слухи про озеро Серена.

Корделия захлопала глазами. Теперь ее очередь тщательно подбирать слова.

— Слухи про озеро Серена?

— Да, именно. За последнее время вы с адмиралом Джоулом несколько раз ездили туда с инспекцией. Говорят разное. В числе прочего высказывают предположение, что там планируется постройка нового научного центра или военного объекта. Слухи вызвали шквал земельных спекуляций в этом секторе. Наверное, скоро в наш офис поступит масса предложений.

— Два уже пришли на мой комм сегодня утром, — подтвердила Иви. — Я еще задумалась, откуда они. — И с интересом смотрела на Корделию.

«Да мы просто немного отдохнули!» — мысленно возмутилась она, выразив свой протест невнятным:

— Хм… И что?..

— Следующий слух: в этом регионе обнаружена новая угроза. Биологическая или вулканическая. Департамент развития Каринбурга опровергает этот слух на максимальной громкости.

— Ну, еще бы! Думаю, нам не стоит их останавливать — пусть опровергают и дальше. А еще?

— Что на озере Серена открыли зону инверсии

диоксида углерода, как на том озере, к югу от горы Стюарт.

По настоянию Корделии этот водоем был обозначен на карте как «Озеро Смерти» — в надежде отпугнуть поселенцев. Дивное место — просто находка для ученых. В это глубокое озеро снизу просачивался вулканический газ. Вода давила сверху своей тяжестью, как крышка на бутылке с содовой, а потом — где-то раз в пятьдесят или сто лет — газ резко высвобождался, весь и сразу, в результате какой-то лавинообразной реакции. Тяжелый газ, без цвета и запаха, извергался из глубин озера и растекался по окрестным низинам, вызывая асфиксию у любого живого существа, которое имело несчастье там очутиться. Особая опасность подстерегала в безветренную погоду.

— Боже правый, Серена слишком мелкая для таких катаклизмов!

— Хотите, чтобы я дал опровержение?

— Нет, конечно. Тогда любители конспирологических теорий вообще озвереют, и конца этому не будет. Пускай им университетские ученые объяснят. Или хотя бы попытаются. — Единственный университет на Зергияре был, конечно, не столь примитивен, как, например, хижина № 1 сержанта Пенни, и, несомненно, делал все воз-

можное — в рамках скудного бюджета, — чтобы давать хорошее образование. Корделия оказывала университету всемерную поддержку. — Гордо молчать — это самое правильное.

Блез, уже составлявший мысленно нужный бюллетень, посмотрел на нее с видом обиженного щенка:

— Но в чем тогда дело? Это что, тайна?

— Вовсе нет. Адмирал Джоул был столь любезен… он пригласил меня покататься на яхте. Раньше мы иногда выходили под парусом вместе с Эйрелом, вы же знаете. Чудесный денек на природе дает здоровье и радость. И я опять могу на неделю вернуться ко всему этому. — Она повела рукой, имея в виду этот офис, а может, и вообще все здания вице-королевской резиденции. — И не рехнуться окончательно, как император Ури. Считайте, что это… мореходная терапия или что еще. — «У нас было свидание, черт побери!» Но такой версии Корделия пока не услышала. И удивилась, что не испытывает от этого облегчения.

Иви бросила на нее любопытный взгляд, но время поджимало, и на очереди уже были проблемы с водоснабжением. Жаль только, что воды больше было в словах.

Глава девятая

Обед на террасе ресторана и приватное совещание в вице-королевском дворце удались на славу, так что они с Корделией решили, выждав несколько дней, еще раз посовещаться на этой неделе. «Опять получилось», — подумал Джоул, нехотя просыпаясь после бурной ночи и нежась в тепле прильнувшей к нему Корделии. Приподняв голову, он увидел ее полуприкрытые глаза, серебристо-серые в предутренней мгле, — она уже не спала, но явно не спешила вскакивать и немедленно куда-то бежать. Джоул перевел взгляд на хроно рядом с кроватью и тихо взвыл.

— Эй, ты чего? — сонно пробормотала Корделия.

— Пора вставать и идти. Не хочу.

— Ну и не надо, — заявила она, прижимаясь покрепче.

— М-м… — Он вздохнул при мысли о пустой кровати, о своем тесном и неуютном жилище на базе… Раньше он как-то об этом не думал. — Ничего не поделаешь… Надо.

— А, вот тем-то и хороши отношения, о которых все знают. Мог бы остаться на всю ночь, спокойно

выспаться. И утром отправиться на службу бодрым и свежим.

— Да, заманчиво… Знаешь ведь мужские слабости, э?

Корделия сонно улыбнулась:

— Только своих мужчин.

Он усмехнулся, уткнувшись в ее волосы, и поцеловал в макушку.

— Озеро Серена на этот уик-энд, да?

Она поджала губы, сомневаясь, стоит ли говорить обо всей этой шумихе вокруг озера, но никуда не денешься.

— Знаешь, нам придется изменить привычную схему. Мне доложили, что эти поездки вызвали толки и разного рода предположения, причем вовсе не того плана, что я бы подумала. Очевидно, в возрасте до тридцати никому и голову не придет, что после пятидесяти занимаются сексом, так что объяснения — одного другого хлеще, только вводят людей в заблуждение.

Джоул ответил разочарованным «м-м…». А он-то радовался, что их отношения входят в привычное русло. Регулярность в отношениях, когда точно известно, что следующая встреча состоится и когда именно, ему точно не наскучит — во всяком случае, в ближайшие месяцы, а может, и

годы. И тем не менее…

— Привычную схему менять так и так придется. Со следующей недели моя вахта наверху.

Имелась в виду плановая инспекция станций, охраняющих выходы из двух п-в-туннелей: тупиковых — может быть, а может, и нет. Эти инспекции уже успели ему наскучить, но работа на самих станциях и того скучнее. Просто со скуки можно сдохнуть, но это-то как раз и хорошо, учитывая альтернативу. Вот только возникают проблемы с боевым духом персонала, и проявление внимания со стороны командования было единственной оценкой рутинной работы по обслуживанию таких станций на выходах из туннелей. Бывало, что Джоул обнаруживал серьезную проблему, только это случалось крайне редко. В общем, такие инспекции приносили определенную пользу, и раньше Джоул никогда их не откладывал.

— Хм, ну ладно… — недовольно пробурчала Корделия. Она перевернулась на другой бок и положила голову ему на плечо. — Полагаю, видеосекс не выйдет. Да и в любом случае — как бы это получилось с задержкой по времени в несколько световых часов, даже не представляю.

Джоул захихикал:

— Нет. Не то чтобы мне не понравилось бы это смотреть…

— Тебе, или Службе Безопасности, или кому угодно, у кого есть код доступа к каналу связи…

— Именно так я и подумал. Не хочу делиться. — Он обнял Корделию и продолжил уже серьезно: — По крайней мере… если с тобой что-то случится, пока я буду там, я смогу сам отдать приказ вернуться.

— Хм? — она удивленно подняла брови.

— Я просто вспомнил, как это было все ужасно… Ну тогда, мой второй рейс в сопровождении торгового флота. — Он получил назначение на «Новые Афины», новейший корабль. — Мы находились на полпути, как раз перед самым длинным скачком на маршруте, когда пришло сообщение о сердечном приступе премьер-министра. Я ничего не мог поделать, застряв там, где был. И поговорить-то не с кем. О, в политических сплетнях и домыслах недостатка не было. Все знали, что я много лет проработал с Эйрелом, пытались вызнать какие-нибудь подробности, конечно. Правда, несколько человек понимали, что для меня он не только государственный деятель. Я был в отчаянии. Никаких оснований просить об отпуске по семейным обстоятельствам, никак не

добраться до дома быстрее, чем туда прибудет флот… Впору было дезертировать.

Корделия вздохнула:

— А от меня приходили слишком лаконичные послания, мне так жаль… Я понимаю, что ты чувствовал, но тогда в Форбарр-Султане был настоящий дурдом, и Майлз пропал без вести, Марк заявился некстати, эти медицинские заморочки… Не сказать, что все было хуже, чем мятеж Фордариана, но вспомнить есть что.

Он обнял ее крепче.

— Твои послания стали для меня спасением. Я смотрел их снова и снова. Пытался читать между строк, потом пытался не читать между строк… То последнее, после того как была проведена трансплантация сердца… Ты выглядела такой измученной, но твое лицо словно светилось. — Он улыбнулся. — А следующее пришло уже от него, и все стало хорошо.

На тот момент хотя бы. Но непрошеное напоминание о смертности, утратах и беспомощности направило его мысли в сторону Зергияра, и он получил назначение сюда, в локальное пространство, как только удалось это устроить.

Корделия знала тогда, что он хотел услышать и что ему *нужно* услышать. Ее первое личное со-

общение по сжатому лучу было отправлено в тот же день. Несмотря на все ее заверения, полученные раньше, только благодаря этим сообщениям до него дошло, что она и в самом деле не просто проявляет бетанскую толерантность к случайной прихоти своего мужа, а считает его равноправным партнером, *достойным* того, чтобы с ним считались. Он всегда был немного в нее влюблен, да и какой мужчина в окружении Эйрела не был? Можно ли сказать, что после этого он влюбился в нее сильнее?.. Но нет, дело совсем не в этом — благодаря ее посланиям он перестал терзаться сомнениями, обрел опору в жизни, когда они все снова встретились. И это как раз определило и все остальное в его жизни…

«Я был одинок и напуган, ты утешила меня». Он горячо поцеловал Корделию, выразив ей безмерную благодарность, пусть даже с опозданием почти на полтора десятка лет.

Пока он одевался, они вернулись к обсуждению планов на неделю. Корделия дотянулась до наручного комма на прикроватной тумбочке, открыла свое недельное расписание и нахмурилась:

— Ну вот, этого-то я и боялась. У меня две встречи во второй половине дня, из города не вырвешься… м-да… и договоренность столетней

давности. На будущее надо сказать Иви получше распоряжаться моими выходными.

Он присел на кровать рядом с собственным коммом, и они сравнили свои расписания. Результаты оказались неутешительны.

— Тогда ужин и совещание здесь, вот в этот вечер? — предложила наконец Корделия, показывая ему дату на комме. — Мы сможем поужинать прямо тут. В саду Катрионы будет просто замечательно. Пока мы никому не скажем, где мы. Что ж, дадим и другим возможность остановиться у Пенни.

Корделия чувствовала себя немного виноватой, когда узнала, что у Пенни на выходные никого, кроме них, не было вовсе не случайно: Джоул договорился об этом, исходя из соображений безопасности. И ее не очень убедило то, что Пенни в накладе не остался — Джоул оплатил аренду всех хижин.

— Допоздна остаться не смогу. На следующее утро рано отправляться с базы.

Корделия понимающе кивнула и зарезервировала время, оставив распоряжение для обслуживающего персонала на кухне. Джоул прикинул, что он запланировал на утро, но это как-то не сподвигло его немедленно отправляться на

базу. Эх, и жаловаться вроде глупо. Да и кому? Корделия скажет, что сам виноват, и будет права. Он все-таки заставил себя передислоцироваться — встал и вышел в ночной город.

* * *

Прошла только половина недели, как Оливер отправился инспектировать космические станции, а Корделия уже заскучала. И как-то ей стало тревожно. Почему бы, спрашивается? Барабаня пальцами по черному стеклу комм-пульта в своем личном кабинете, она посмотрела в окно: темно, дождь моросит. Подсветка в саду — цветные фонарики среди деревьев и вдоль дорожек — немного оживляла неприглядную хмарь.

Не то чтобы ей нечем было заняться… Очень даже есть чем — и с головой погрузившись в работу, разгребая самые неотложные дела, она в который раз поняла очевидную истину: всех дел не переделаешь. Возникали все новые, более мелкие вопросы, требующие внимания. Так-так… кого она пытается обмануть? Она же прекрасно понимает, что просто ищет благовидные предлоги, чтобы не приступать к решению одной вполне конкретной задачи. Да, она уже достаточно долго это обдумывала — многие месяцы, если не годы.

Даже десятилетия, в некотором смысле. Почему именно сейчас это вдруг вызывает затруднения?

Она вызвала защищенную программу записи сообщений по сжатому лучу, села попрямее, глядя на экран с улыбкой.

— Здравствуй, Грегор. Это не экстренный вызов. Я поставила на нем метку «императору, строго конфиденциально», потому что речь пойдет о личном и так ты получишь это сообщение максимально быстро.

А кроме того, следующее сообщение отправится Майлзу, и вполне вероятно, что ее родной и приемный сыновья их сравнят.

— Первое, что тебе следует знать. Я планирую сложить с себя полномочия вице-королевы Зергияра где-то через год. Надо уже сейчас подыскивать замену. Возможно, придется рассмотреть несколько кандидатур, список тех, кто хотел бы занять эту должность, придется корректировать по списку самых способных и подходящих.

Она нажала на паузу, в уме составляя собственный перечень тех качеств, которыми должны обладать те лучшие из лучших, кому предстоит взять на себя ответственность за *ее планету*. Люди, которые не загубят ее начинания — на Зергияре немало сделано за эти годы, но, по сути,

ничего пока не завершено. Вот еще что предстоит обдумать: предполагает ли передача дел в чужие руки передачу выбора дальнейшего направления развития? Когда Эйрел сложил с себя полномочия регента и передал власть Грегору, все получилось не так уж плохо, хотя и возникли некоторые проблемы. Эти проблемы она старалась не вспоминать и не держать на Грегора зла. Весь этот жуткий кошмар… подлый заговор Фордрозы и Хессмана. Не говоря уже о том, что они только чудом избежали катастрофы на Ступице Хеджена… Может, для Грегора это дела давно минувших дней, но она слишком живо все помнит.

Ладно, сейчас лучше не вдаваться в воспоминания. Она набросала список предстоящих дел, половину зачеркнула. Затем вычеркнула еще несколько пунктов, пока в списке не осталось три самых главных. Детали можно обсудить и потом. Корделия включила запись и перечислила оставшееся, коротко и по существу. Еще раз нажала на паузу. Возобновила запись:

— Теперь о причинах моей отставки. Кстати, со здоровьем у меня все превосходно, — поспешно добавила она. Корделия с трудом припоминала, что сказала Грегору тогда, три года назад, отправляя ему первое сообщение о смерти Эйрела.

Наверное, можно найти это в старых файлах и освежить в памяти. Но если бы стоял выбор, пересмотреть то свое послание или сунуть руку в костер, она предпочла бы костер. Нет уж, благодарю… «Давай, сосредоточься». — А раз так, то я решила, что сейчас самое время осуществить то желание, которое я откладывала на потом.

Почти в тех же самых словах, что и в первом разговоре с Оливером, Корделия рассказала об извлеченных гаметах, их юридическом статусе, как она доставила их на Зергияр в своем багаже и о зачатии Ауреллии и ее пяти пока еще замороженных сестрах. Сейчас Ауреллии шесть недель. Корделия была в репроцентре накануне вечером. Вообще-то она обещала себе записать это сообщение две недели назад. Исторически, насколько она знала, стандартом для таких новостей были три месяца с момента зачатия. Это было связано с тем, что надежды могли не оправдаться из-за выкидыша на ранних сроках. Но главное, почему выжидали три месяца в те далекие времена, — это потому, что только первое шевеление плода было доказательством развития эмбриона: ведь надежных тестов для определения беременности еще не придумали. Она до сих пор помнила то едва ощутимое пробуждение новой жизни, ко-

гда носила Майлза, хотя прошло уже… да, сорок четыре года. Она улыбнулась и снова приостановила запись, обдумывая, стоит ли упоминать в докладе возможных сыновей Оливера, которые приходились Майлзу полукровными братьями.

Как много людей, которых это не касается! Если и есть весьма короткий список тех, кому следует это знать, то Грегор, конечно, первый. Она вздохнула и включила запись:

— Еще кое-что, но это пока строго конфиденциально. — Она рассказала про безъядерные клетки и про то, как ее осенила мысль предложить их Оливеру. Подчеркнула, что в барраярских законах установлено преимущественное право опеки отцов над сыновьями, аналогичное праву матерей в опеке над дочерями, и добавила: — Таким образом, юридически это никак не затрагивает Майлза, хотя я и собираюсь сообщить ему как члену семьи. У Оливера все более неопределенно, и говорить что-либо пока рано.

Ну вот, теперь понятно, что Майлзу она о планах Оливера пока говорить не будет. А Грегору оставалось сообщить еще одну новость:

— И завершая это личное послание, думаю, стоит упомянуть, что мы с Оливером начали… э-э… встречаться. — При воспоминании об их

с Оливером дебатах, как правильно называть то, что между ними происходит, Корделия едва заметно улыбнулась, но вряд ли стоит сейчас делиться этой шуткой с Грегором. Чувство юмора у него, может, и есть, только вот запрятано где-то очень глубоко, а Империя давит тяжким грузом, и тут уж не до шуток. Бедный мальчик. — Мы оба не знаем, что будет дальше, так что не имеет смысла об этом спрашивать, но… мы чувствуем себя немного более живыми после всего. — «И там, где властвует смерть, — тянуться к жизни, не смиряясь». Катриона могла бы предложить какую-нибудь метафору о ростках, проклюнувшихся на пожарище. Чувства Корделии, такие нежные и ранимые, в чем-то напоминали эти ростки. Она надеялась, что улыбка в конце записи получилась счастливой, а не просто дурацкой. Что ж, на этом все, добавить вроде нечего.

Она запустила послание с начала. Кажется, вышло неплохо: она говорила искренне и только по делу. Последняя улыбка и впрямь глуповата, но если перезаписать, будет хуже: появится некая искусственность. Если Грегор захочет узнать еще что-нибудь, может и сам спросить. Корделия ввела код безопасности высшего уровня и отправила послание по назначению. Она представила путь

зашифрованного сообщения по сжатому лучу: из вице-королевского дворца к орбитальной станции, оттуда к точке входа в п-в-туннель, ведущий к Комарре, и дальше, от скачка до скачка со скоростью света, а потом к Барраяру, точнее — к правительственной орбитальной станции связи, в императорскую резиденцию, на комм-пульт Грегора в его кабинете с окнами в сад, как и здесь у нее. Это будет день или ночь? Корделия сейчас слишком устала, чтобы прикинуть разницу во времени.

Итак, теперь надо отправить сообщение следующему адресату из ее списка. Неплохо, что она попрактиковалась на послании Грегору. Да, и вряд ли стоит заявлять с ходу нечто вроде: «Майлз, радостная новость! У тебя будет сестренка!» Он будет ошарашен, а вовсе не обрадован. Так что если он и не сможет разделить ее радость, то и проблем у него в будущем не возникнет. При такой разнице в возрасте фактически Майлз окажется в роли дальнего дядюшки, а его дети для «тети Аурелии» могут быть только кузенами, не намного старше ее самой. Да и вообще, если подумать, сомнительно, что они будут часто встречаться в реале, разделенные временем и пространством. Последнее время Майлз все реже

и реже покидает планету, выполняя графские обязанности в Округе. А без необходимости ежегодно делать вице-королевский доклад — не говоря уже о предоставляемом Империей скачковом катере — часто ли сама Корделия сможет возвращаться на Барраяр? Что ж, время покажет.

И она начала следующую запись так:

— Привет, Майлз! И Катриона, если ты слушаешь. Майлзу все равно надо будет прокрутить для тебя это сообщение. Прежде всего хочу сказать, чтобы вы не волновались: у послания такой уровень защиты только потому, что оно очень личное. Со здоровьем все прекрасно. Но тем не менее я намерена уйти в отставку не позже чем через год. Причиной тому… — Она остановилась и решила пояснить: — Для начала немного истории…

История с гаметами уже пошла по накатанной. Корделия подумала, что так будет естественнее подойти к объявлению об Аурелии. Поскольку это имело отношение к делам Округа, Корделия очень подробно обрисовала, как именно будет расходовать свою вдовью долю для обеспечения девочек, пока те не вырастут.

— В подобных случаях галактические стандарты продолжительности жизни не принимаются

во внимание. Но учитывая, что я никогда ни гроша не получала за всю ту работу — как плановую, так и внеплановую, — которую выполняла в качестве графини Форкосиган, пенсия — вполне разумная компенсация, как мне кажется. Кстати, при случае можешь подкинуть это Совету графов. Жалованье для их жен. Дебаты будут весьма бурные, не сомневаюсь.

Она спрятала ехидную усмешку.

Упоминать про эмбрионы Оливера не стоит, и «мы с Оливером встречаемся» тоже подождет. Нет, Корделия вовсе не стыдилась их отношений. Оливер — прекрасная партия по любым меркам, разве нет? Но, похоже, она… стесняется? Позволено ли вице-королевам стесняться? Ей куда проще представить, что она обсуждает свою личную жизнь с Катрионой, но не с Майлзом. Позже. Зачем спешить?

Рассказав под конец парочку анекдотов про местные нравы, она отправила сообщение по адресу.

Послание Марку, клон-брату Майлза, и его партнерше Карин Куделке было короче, да и писать было легче. Марк, конечно же, больше знает о нестандартной семье и возникающих сложностях. Корделия, впрочем, всячески старалась

обойтись без явных или скрытых намеков: мол, а вы-то когда детишками обзаведетесь? Вместо этого она ограничилась примерно такой сентенцией: «Сохранив свои гаметы на будущее, вы сделаете правильный выбор». Корделия не знала, где сейчас находятся Марк и Карин — в Империи или за ее пределами, но это не имеет значения, послание они получат.

Теперь оставалось только сообщить Саймону Иллиану и Элис Форпатрил — ведь это самые давние и близкие их с Эйрелом друзья на Барраяре. По крайней мере для обоих адресатов вполне подходящим будет один и тот же уровень защиты, адрес и текст послания.

Про отставку, про гаметы, про Аурелию — все, как и раньше. Разве что, как показалось Корделии, текст менее вымученный — при повторении получается более легко и доверительно. Вот только подтекст… Она не имела в виду ничего такого. Но почти наверняка они этот подтекст уловят. Дело в том, что когда-то Корделия высказывалась по-дружески в том смысле, что для Саймона с Элис еще не поздно стать родителями. Но было это много лет назад. У Айвена, сына Элис, появилась жена Тедж, и у Элис теперь маячит перспектива стать бабушкой. А Саймон… ну так

он же не один десяток лет был женат на работе. Было ли У него стремление, пусть и скрытое, передать свои гены потомству? Не факт. И Корделии совсем не хотелось, чтобы ее сообщение прозвучало как намек, будто бы она видит здесь пример для подражания. А что касается Оливера… Пусть сам сообщает, если хочет, это и его друзья.

Корделия опять приостановила запись. Да, Оливер… А ведь ей жутко хочется поболтать об Оливере с Элис — но никак не с Саймоном. И понятно почему: Саймон вроде бы не испытывал к Джоулу неприязни и ценил его профессиональные и человеческие качества, но… его отношения с Эйрелом — с самого первого момента и все последующие годы — для Саймона это была та еще головная боль в плане безопасности, и, конечно, такое не проходит бесследно. Кстати, а ведь Саймон наверняка отметит этот стык в видеопослании… Она печально вздохнула и снова нажала на запись:

— И еще хорошая новость: мы с Оливером начали встречаться. Это… словно найти воду в пустыне. Для нас обоих, как мне кажется.

Из всех, кто вошел в ее шорт-лист, Элис и Саймон — как раз те, кто поймет, сколько всяких заморочек скрыто за столь простыми словами.

Так она и оставила.

* * *

Для Джоула эти восемь недель вахты тянулись нескончаемо. Он даже и припомнить не мог, когда еще так было, даже если учесть то время, когда он валялся в госпитале в двадцать с небольшим. Нельзя сказать, что ему было нечем заняться, проверяя каждую военную станцию в точке выходов п-в-туннелей, ведущих от Зергияра в никуда. Нашлось и весьма полезное развлечение — устраивать проверку боевой готовности на каждой станции по маршруту, в случайном порядке пропуская одну из них, чтобы не давать расслабиться персоналу.

Поскольку вся обычная офисная работа продолжалась и здесь, только по сжатому лучу, адмирала сопровождала в роли секретаря и адъютанта Фориннис. Ее очень стимулировало, что эта инспекция засчитывалась в личном деле как служба в космосе. А для Джоула она оказалась полезным компаньоном для внезапных проверок.

— Мы ведь не только проверяем готовность или техническое состояние механизмов и ищем способы все это улучшить, — пояснил он Фориннис во время очередных учений. — Меня интересует

еще и то, как старшие офицеры управляются со своими людьми. Особенно если что-то идет не так. Все это учитывается, когда оценивают кандидатов на повышение.

— То есть если у тебя в подчинении окажется какой-нибудь охламон, на повышение рассчитывать нечего? — поинтересовалась она. — Я имею в виду, если напортачили подчиненные, то не обязательно по вине офицера.

— Таких охламонов мы стараемся отсеивать заранее: пусть служат внизу, там их косяки не столь критичны. Конечно, Теодору не позавидуешь, что ему сплавляют некондицию, — признался Джоул. — Совсем нетрудно хорошо выглядеть, если тебе повезло со штатным расписанием. А вот умение добиться максимальной отдачи от подчиненных, когда со штатом не повезло, как раз и показывает, чего командир на самом деле стоит. — Как там в свое время прозвали корабль Эйрела? «Колония прокаженных Форкосигана», вот как. Впрочем, среди «прокаженных» Эйрела чаще попадались те, кто напортачил не в военном деле, а в политике, — опасные были времена.

Форинниc задумчиво нахмурилась:

— Да, вот это оценивание… Как вы научились

принимать решения? Не только ведь набирая отличные баллы на учениях?

— Еще практика, — вздохнул он. — Многократные наблюдения. Похоже, Эйрел принимал решения, руководствуясь чем-то вроде форского инстинкта, для него это было так же естественно, как дыхание, но, возможно, он просто набрал весь свой опыт до моего прихода. — У Джоула этот процесс по-прежнему происходил осознанно, только теперь он принимал решения гораздо быстрее.

Сообщения, которыми они обменивались с вице-королевой, были редкими, краткими, не личными и удручающе утилитарными. Джоул попросил ее переслать по сжатому лучу еще одну популярную книгу по зергиярской биологии, когда прочел те две, которые прихватил с собой, и был немало удивлен, узнав, что других книг по этой тематике просто не существует. Правда, Корделия раздобыла университетский биологический журнал, издававшийся сугубо для специалистов. Архивные номера этого журнала за десять лет — всего десять? — обещали некоторое развлечение на досуге.

Сейчас Джоул старался не думать о трех замороженных эмбрионах в клинике Каринбурга, и это ему вроде бы удавалось, но почему-то в жур-

налах он в первую очередь обращал внимание на статьи по репродуктивной биологии. Представители местной фауны и флоры размножались весьма причудливым образом. Надо заметить, что на Зергияре не всегда удавалось с уверенностью сказать о каком-то виде, флора это или фауна. Джоулу казалось, что эти статьи помогут иначе взглянуть на то, что он делал — собирался делать, — а может, и вовсе делать не собирался.

И вот наконец до завершения вахты остались считаные минуты, хотя по его ощущениям эти самые минуты все длились и длились. После таких вахт полагалось несколько выходных, но Джоул редко использовал их все. Планы изменились, когда он узнал, что вице-королева отправилась вместе с Хайнсом в Гридград — поднажать на местных с инфраструктурой.

Он ринулся туда прямо с орбиты. Быстрое рукопожатие при встрече, выразительный взгляд Корделии, а дальше Джоулу пришлось весь день заседать вместе с вице-королевой в разных комитетах. Конечно, он был разочарован, но что поделаешь. Зато узнал, как продвигается строительство базы в Гридграде из первых рук, а не из докладов (потом, правда, их все равно придется прочесть).

Суборбитальный катер, на котором они прыгнули обратно в Каринбург, был битком набит — персонал Теодора плюс вице-королевская свита. Первую группу они оставили на базе, а вот вторые сопровождали их почти до самого дворца. Там Корделия решительно отправила своих людей восвояси.

Едва дождавшись, когда за свитой захлопнется парадная дверь, они наконец-то смогли поцеловаться. А потом, не прерывая поцелуй, медленно танцуя, пересекли широкий вестибюль.

— Ну вот мы и одни, — пробормотал он.

— Наконец-то! — выдохнула она, не отрываясь от его губ. — Сначала обед? Или совещание?

— Совещание, — заявил Оливер, нежно прижимая ее к себе. — Пусть Рыков принесет обед сюда.

— Какая оперативность, адмирал!

Он обнял ее покрепче, подхватил одной рукой под ягодицы и прижал ее бедра к своим. Она приникла к его губам, ощутив скрытое обещание. Он гладил ее и чувствовал, как она расслабляется, как уходит понемногу напряжение этого долгого дня. Увы, поднять ее на руки и унести наверх — идея не из лучших. Так они скорее всего окажутся не в спальне, а в клинике «Скорой помощи» — загремев с лестницы.

Они медленно протанцевали к лестнице.

И тут раздался радостный вопль и топот:

— Бабуля!

— Вот дерьмо!.. — выдохнула она, но услышал это один только Джоул.

Они мигом отскочили друг от друга.

Обернувшись, Джоул увидел, как два малыша ринулись к Корделии и чуть не сшибли с ног, врезавшись с разгона и повиснув на ней.

На этом атака радостно визжащей малышни не закончилась. Подоспело подкрепление: еще двое детишек неслись со всех ног приветствовать бабушку. А за ними еще двое — совсем крохи, они не очень-то понимали, из-за чего такой переполох и кто эти высоченные взрослые, но явно не собирались оставаться в стороне.

Джоул не встречался с потомством Форкосиганов уже три года. Тогда они были не столь многочисленны, да и Джоул был поглощен своим горем и мало замечал, что творится вокруг. Поначалу он немного растерялся, но поскольку Корделия показывала ему видеосообщения, все же сумел разобрать, кто есть кто. Саша и Элен — темноволосый мальчик и рыжая девочка, им одиннадцать, не близнецы, но их одновременно достали из репликаторов. У восьмилетней Элиза-

бет и пятилетней Тауры разница в возрасте более естественная (или хотя бы традиционная). Зелиг и Симона — ровесники, им где-то годика два. Насколько понял Джоул, это были последние из запланированных детей, их поместили в репликаторы почти сразу после похорон Эйрела. Может быть, их отец, Майлз, почувствовал, что смерть дышит в спину, ну или что-то в этом духе, — как философически высказывалась тогда Корделия. Глаза у всех были разных оттенков — от серого до голубого. Очевидно, здесь их родители решили руководствоваться естественными генетическими законами. На Джоула, разумеется, тут же нахлынули мысли о трех замороженных эмбрионах в репроцентре, но он поспешно их отогнал.

— А где ваши мама с папой? — спросила Корделия. — Когда вы прилетели?

— Пару часов назад, — ответила за всех Элен. — Па сказал, что получится сюрприз. У нас получился сюрприз, бабушка?

Корделия уже отправилась от шока.

— Да, совсем как Зимнепраздник посреди лета! — Она ласково потрепала внучку по голове. — О, а вот и Папа Мороз!

В вестибюль, опираясь на трость, вошел низенький темноволосый мужчина слегка за сорок.

Рядом с ним шагала высокая темноволосая женщина.

— Мы думали, тебе понравится, — душевно сказал Майлз.

У Катрионы вид был несколько виноватый — похоже, она так не думала.

— Привет, мама, — продолжил Майлз, приблизившись к Корделии.

Правда, обняться по-семейному не получилось — на руках повисли дети, гомоня и отпихивая друг друга. Корделия заставила себя улыбнуться, но была не расположена к родственным изъявлениям чувств.

Настроение безнадежно испорчено… Какой облом, а? Тем временем к Джоулу вернулась способность рассуждать хладнокровно, и он задался вопросом: а с чего вдруг Майлз устроил такой сюрприз? Может, это какая-то секретная проверка лорда Аудитора от имени императора Грегора? Вряд ли Майлза послали на Зергияр вести опасное расследование, иначе он бы не взял с собой всю семью. Хотя, возможно, он намерен оставить их здесь, а сам отправится в дальнейший путь. Если бы они прилетели на официальном правительственном курьерском корабле, даже если его нет в расписании рейсов, Джоул все равно узнал бы

об этом, как только корабль вошел бы в локальное пространство Зергияра, а он ничегошеньки не знал. А может, этот сюрприз устроен для него или для кого-то из здешних? Была же та история несколько лет назад, когда раскрылась серия военных хищений, будь оно трижды проклято.

— Приветствую, граф Форкосиган. Графиня. — Ему удалось изобразить вежливый кивок и улыбку. — Надеюсь, вы долетели без происшествий. Как вы сюда добирались?

— Регулярным коммерческим пассажирским рейсом, — ответила Катриона. — Ради разнообразия. Это ведь не по работе, а только семейные дела. Не годится же в таких случаях беспокоить Имперскую службу, правда? — И она улыбнулась: — Да и детям вроде намного больше понравилось путешествовать так, чем сидеть взаперти на курьере. Мы летели вместе с будущими колонистами, среди них много интересных людей.

— Все время донимали их расспросами, — подтвердил Майлз. — Надо бы этих деток одолжить на время СБ, у них неплохо получится.

— Ну, папа! — фыркнула Элен, закатив глаза. Саша поджал губы.

Итак, они уже доросли до стадии «ну, папа!», а ведь еще несколько лет назад считали папу

магом и волшебником. Пубертат не за горами.

Но когда до Джоула вдруг дошло, что означают для Корделии семейные дела, ему сразу расхотелось насмехаться. Ее семья… Она мать самого влиятельного барраярского графа и приемная мать императора. Что, если император Грегор отправил лорда Аудитора Форкосигана выяснить, не тронулась ли умом вице-королева Зергияра?

«Да ничего подобного, — хотел было возразить Джоул. — Она просто бетанка!»

Впрочем, лучше на эту тему помалкивать.

— Никки тоже с вами? — вежливо поинтересовался он у Катрионы. Никки — ее сын от первого брака, ему сейчас… почти двадцать? Нет, больше.

Она покачала головой:

— Говорит, слишком занят учебой. Он действительно очень загружен, скоро выпуск.

— Уже? — заметил Джоул.

— Да, время бежит быстро. — В Катриону с разбега врезались два малыша, одного она подхватила на руки, второй вцепился в ее штанину и уставился на Джоула.

— Я, пожалуй, пойду, не стану мешать… — неуверенно начал он и, не услышав возражений, продолжил: — Приятно вам провести время в

кругу семьи, Корделия.

Она кисло улыбнулась ему и кивнула.

— Что ж, придется перенести наше совещание. Я с вами свяжусь. — И дала указания оруженосцу Рыкову, ненавязчиво маячившему рядом, найти машину и шофера, чтобы отвезти Джоула на базу. Никто не пытался уговорить его остаться.

Корделия воспользовалась предлогом проводить гостя и вышла, закрыв дверь между ними и своей семьей.

— Тебя вроде бы не слишком удивил их приезд? — заметил он.

— Нет, не слишком. — Она поморщилась: — Вот уж не думала, что они устроят такой милый сюрприз. Мне так жаль… — Скорее констатация факта, чем извинение. — Видишь ли, я отправила им видеосообщение еще в первую неделю твоей вахты. Рассказала Майлзу о его сестрах. Было уже пора.

Джоул прикинул время, скорость, расстояние… Быстро же он сорвал с места жену, шестерых детей и свиту. Быстро отреагировал.

— А… хм… насчет его братьев?

Корделия покачала головой:

— Пока нет. Я сообщила только Грегору, строго конфиденциально.

— Майлзу пока не сказала?

— Говорить ли про девочек, тут я решаю сама. А ты даешь позволение об этом упомянуть? Или повременить и сам расскажешь, как по-твоему?

Он засомневался, вправе ли переложить на нее эту нелегкую ношу.

— Вряд ли вам сегодня дадут поговорить наедине эти буйные детишки. Давай чуток подождем. — И, помолчав, добавил: — Не знаю, как получится объяснить про мальчиков, не объяснив… больше, чем счел возможным объяснять Эйрел.

— Если бы мы с самого начала ничего не скрывали, — сказала она резко, — то сейчас этой проблемы бы не было.

— Не сомневаюсь, что тогда у нас были бы другие проблемы, — резонно заметил Джоул.

Корделия невесело улыбнулась: они не раз уже это обсуждали.

Идея объяснять Майлзу, как вышло, что Джоул намерен стать генетическим родителем трем его братьям по отцу, не так пугала, пока тот находился на расстоянии нескольких п-в-туннелей.

— Не позволяй им тебя измотать. У тебя сегодня был долгий день.

— Твой был еще дольше.

С этим он спорить не стал. А ведь полчаса назад он совсем не чувствовал усталости. «Вот дерьмо!» — как изысканно выразилась вице-королева.

Тут как раз подкатил автомобиль, и он не смог даже поцеловать Корделию, пожелав спокойной ночи. Сжал на прощание ее ладонь и уехал.

Глава десятая

Было уже довольно поздно, когда удалось утихомирить и уложить спать полдюжины сорванцов, пожелать им спокойной ночи и пригрозить всяческими карами, если они только посмеют *еще хоть раз* высунуться. Это потребовало слаженной работы четырех взрослых — Корделии, Майлза, Катрионы и дочери оруженосца, которую Форкосиганы взяли с собой возиться с детьми в обмен на щедрую стипендию и увлекательное путешествие на другую планету.

— А ведь как было бы просто… — пробурчала Корделия, когда захлопнулась последняя дверь. — Парализаторы у нас есть…

Любящий папа Майлз не очень-то помогал в деле укладывания детишек, Корделия надеялась, что от него будет больше проку.

— Хорошо бы, но Катриона стала бы возражать, — сказал он с улыбкой.

— Нет, не стала бы, — вяло отреагировала Катриона.

Видно было, что она порядком вымоталась. Майлз… Он на взводе, но это его стандартный режим функционирования. На сегодня, пожалуй,

хватит, решила Корделия. Самое правильное — отправить спать сына и невестку. И тут Майлз заявил — как-то уж слишком жизнерадостно:

— Ну вот! А теперь взрослые могут сесть и поговорить.

Перед мысленным взором Корделии прошли все те случаи, когда гиперактивный Майлз в юные годы бывал с ней столь поразительно уклончив. «Прости, забудь… Ну ладно, хоть попытайся». И Корделия просто повела их в сад, в свой любимый уголок, мерцающий в темноте разноцветными огоньками. Из дневной обслуги уже никого не было, все разошлись по домам. Корделия заглянула на кухню взять бутылку вина и три бокала. Они пододвинули к столику кресла, Майлз открыл вино — себе налил совсем капельку, а Корделии протянул полный доверху бокал. У Катрионы бокал был наполовину полон (или наполовину пуст). Она сама долила его доверху.

— Твоим садом я пользуюсь постоянно, — сказала Корделия Катрионе. — Для развлечений, для дипломатии, для работы — и просто, чтобы посидеть и отдохнуть. Это замечательное место.

Катриона искренне улыбнулась:

— Благодарю. Приятно увидеть его вновь.

— Да, кстати, раз уж ты здесь, у меня есть еще

один проект, который я хотела тебе показать. Проект базы Гридград воплощается в жизнь, и моя следующая цель — перенести туда столицу планеты, пока это еще в моих руках. Значит, потребуется новый вице-королевский дворец. С новым садом и в совсем другой климатической зоне, не такой, как эта полупустыня.

— Да, интересно, — согласилась Катриона. — Хотя не знаю, долго ли мы здесь пробудем. Я не хотела бы обременять детьми твой персонал.

Что означало — самой Катрионе не хватает помощников для работы.

— Надо прикинуть, наверное, я смогу найти кого-нибудь, кто окажется тебе полезен. — Корделия сбросила туфли и пошевелила пальцами. — Получился прекрасный сюрприз, и я очень люблю вас всех, Майлз, но у меня сейчас довольно плотный рабочий график. Лучше предупреждать меня за несколько недель до приезда, чтобы я сумела освободить время. — Совершенно очевидно, что те несколько перерывов, которые она выкроила для встреч с Оливером, пойдут псу под хвост. Проклятие…

Катриона глянула на мужа, который сидел с бокалом в руке, но вино не пил. Она была слишком хорошей женой, чтобы взять и сказать: «Я

ведь говорила ему, что он это зря надумал». Но Корделия, похоже, поняла ее и без слов.

— Хотя коробка шоколада и приятный подарок, — продолжила Корделия, — я бы предпочла коробку *водопроводчиков*. У тебя, случаем, нет в рукаве производителя стройматериалов, Майлз?

— Извини, нет. Спроси Марка.

— Уже пробовала. Он пока ничего полезного не предложил.

— А! — Майлз поерзал. Видно, прикидывал, как бы поудачнее начать. Катриона откинулась в кресле, безучастно потягивая вино. Не получив ожидаемой зацепки, Майлз остался один в игре. — М-да… а Марку ты уже сообщила, что планируешь закругляться с вице-королевством? И, хм, личные планы?

Он назвал свои причины для беспокойства. Личные планы Корделии тут, несомненно, на первом месте.

— Да, я послала им с Карин сообщение по сжатому лучу, тогда же, когда и вам с Катрионой. И Грегору, и Элис с Саймоном. Ты вообще, что ли, ни с кем не общаешься?

— Марк не на планете, — заметил Майлз в свое оправдание.

Повисла неловкая пауза. Так, ну ладно.

— И Грегор? И Элис с Саймоном? Ты не привез мне дружеские приветы? — мягко укорила она Майлза. — Может, я бы променяла всех водопроводчиков на весточку от них.

— Я говорил с Грегором. Он сказал, что знает не больше моего и чтобы я сам с тобой поговорил.

«Умничка, Грегор, хороший мальчик». Корделия улыбнулась. А вот хотелось бы знать, когда именно уже взрослый Грегор узнал о запутанной личной жизни своей главной поддержки и опоры? Точно не в те первые дни в Форбарр-Султане. Но не позже, чем Эйрел отослал Джоула делать карьеру. Тогда можно было счесть, что эта аномальная интрижка… (Семь лет! не многовато ли для интрижки, мальчики?)… да, счесть, что эта самая интрижка завершилась вполне по-джентльменски. И кто тогда поставил в известность Грегора? Что не она сама, это точно. Так кто же? Саймон? Эйрел? Эйрел, конечно, должен был это одобрить. У Саймона наверняка камень с души свалился. А Грегор… Кто знает, что обо всем этом думал Грегор? Но их воссоединение на Зергияре уже не ошарашило.

Майлз тем временем продолжал расспросы:

— А что привело к столь неординарному решению? Дочери… Я имею в виду, почему сейчас?

— Мне казалось, я все объяснила в том сообщении по сжатому лучу.

— Да, но…

Майлз — и вдруг не может найти нужные слова? Корделия откинулась на спинку дивана.

— Знаешь, лучше всем идти спать, чем слушать эти потуги на бетанскую откровенность.

— Было бы неплохо, — заметила Катриона. Если Майлз с кем-то и позволил себе «бетанскую откровенность», то скорее всего именно с ней. У Катрионы сейчас дел невпроворот: в Форбарр-Султане весна, самый сезон для ландшафтного дизайна. От садов ее могла оттащить только стихийная сила — ну, или плачущий в жилетку Майлз.

Майлз расправил плечи и наконец-то решился высказать, что хотел:

— У тебя уже есть шесть внуков. Тебе мало? — И добавил потише, подбираясь к тому, что сразу и не скажешь: — Тебе не нравится… то, что у меня получилось? — Он и сам был ошарашен, что это ляпнул.

О! Такая правда требует бережного обхождения. Корделии оставалось только надеяться, что у нее получится.

— Да я просто обожаю то, что у тебя получи-

лось! Если угодно, можешь считать, что это меня вдохновило.

— Это вроде как… сорвать двойной куш?

Корделия усмехнулась, глядя на Майза поверх бокала.

— Ну а если и так? — «Но я могу. И я намерена». — Тут есть и светлая сторона: до вашего графа. А ты поищи здесь светлую сторону. Мне еще очень далеко до вашего графа Формюира.

Решив увеличить популяцию в своем малонаселенном Округе, граф Формюир разработал весьма оригинальный план: обзавелся маточными репликаторами, купленными по дешевке яйцеклетками, а сам стал донором спермы. Причем производил он только девочек. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы император не прикрыл лавочку своим указом. Нет, плодиться и размножаться графу не запретили — просто обязали обеспечить потомство приданым, подобающим форессе. А девочек к тому моменту было уже две сотни. Катриона, которая как раз и подсказала лорду Аудитору предложить такое решение, состроила гримаску и тихонько посмеивалась. Интересно, как там граф Формюир? Первые девочки сейчас уже, должно быть, подростки.

— Тогда почему ты не сделала этого, когда был жив отец? — тихо спросил Майлз.

— Мы с ним обсуждали это. Видимо, он считал себя слишком старым для такого долговременного проекта. — «Что ж, весьма предусмотрительно». — Если бы он дожил и мы могли бы сделать это дома, возможно, я бы его и убедила, не знаю, что-то вроде хобби на покое. — «Или нет…» Она и так была на одиннадцать лет моложе Эйрела, а если еще учесть, что у бетанцев гораздо выше средняя продолжительность жизни… А может, ему просто претило поставлять еще заложников фортуне. Смерть неизбежна, как и скорбь по умершим. Возможно, не стоит говорить это Майлзу, который уже один раз умирал. Он может принять это на свой счет — и будет не так уж не прав.

— Так ты вернешься домой? После отставки?

А разве она ему не сказала? Надо будет освежить в памяти эти сообщения по сжатому лучу. Похоже, она уже запуталась, кому и что говорила.

— Нет, я остаюсь на Зергияре. Мне нравится все, кроме названия. — Может, и название исправить удастся. Уже сейчас мало кто из барраярцев помнит принца Зерг — точнее, его отредактированную версию. Пройдет еще немного времени, и

память о нем исчезнет совсем. — Барраяр был домом, пока там был Эйрел. Теперь же… — Корделия замолчала. Говорить «теперь я стала свободнее» ей не хотелось, хоть это и было правдой.

— Он и сейчас там… как бы, — прошептал Майлз.

В Форкосиган-Сюрло над озером, рядом с могилой Эйрела, есть место и для нее. Откажется ли она и от этого своего последнего пристанища? Внезапно пришла леденящая мысль: Майлз… При его здоровье… Неужто ей суждено пережить и Майлза? Тогда, что бы она ни делала в дальнейшем, его это уже не потревожит. Так зачем сейчас его расстраивать?

— Эйрел любил Барраяр со всей страстью, бесстрастием и тоской своего сердца, но больше всего он любил там это место над озером. Ему хорошо лежать там. — И осторожно добавила, проверяя реакцию: — Но я предпочитаю воздвигнуть в память о нем более живой монумент.

— Хм… — Похоже, Майлз счел эту мысль утешительной, вполне подходящей для романтиков-барраярцев. «В память об Эйреле» оказалось действенным аргументом. Она поднесла к губам бокал, чтобы скрыть промельк улыбки.

— Но ты уверена, что с тобой тут ничего дурного

не случится? Это ведь так далеко!

Потеряв одного из родителей, ребенок — и не важно, сколько ему лет, — начинает больше беспокоиться об оставшемся. Она узнала это, когда была намного моложе, чем сейчас Майлз. И Эйрел тоже: ему было всего одиннадцать, когда у него на глазах убили мать по приказу Ури Безумного, а его отец, граф Петер, — это особая статья. Словом, Корделия прекрасно понимала, почему вдруг сын норовит поместить ее в надежный бронированный сейф. Надежный — это отлично. А вот сейф — уже не очень.

— Ты, видно, запамятовал, где я была последние тринадцать лет? — спросила Корделия не без ехидства.

Майлз, похоже, немного опомнился. Невнятно пробурчал:

— Ну, извини, — отпил глоток вина и примолк.

— Итак, завтра все вместе идем на прогулку, — бодро заявила она, с завидной легкостью меняя или, скорее, поворачивая беседу в нужное русло. — Если завтра мне удастся перекроить расписание, почему бы нам не взять детей и не навестить их новую тетю Аурелию в репроцентре? Отсюда можно дойти пешком. Спорим, я сумею устроить им весьма познавательную

экскурсию!

Идея представить место, куда она решила их затащить, как научный музей или что-то в этом роде, лучше была принята Катрионой. Майлз же явно пребывал в замешательстве.

— Почему бы нам туда не сходить? — радостно откликнулась Катриона. — Никогда ведь не знаешь, что вызовет у детей интерес. И мне это нравится.

Тут уж Майлзу, конечно, возразить было нечего.

Бутылка опустела. Пора уже было спать: все они вымотались до предела — и физически, и эмоционально.

Корделия встала и решительно повела гостей за собой.

Вот черт, не получилось к слову сказать об Оливере. Ладно, не все сразу, один скачок через п-в-туннель — уже неплохо.

* * *

Джоул целеустремленно вел Фредди Хайнс в сторону репроцентра. В вице-королевском дворце Корделию и семейство Джоул не застал, поэтому намерен был настичь их там. Фредди же тем временем норовила сбежать:

— Сэр, ну честно, то, что я девочка, вовсе не значит, что я хоть что-то смыслю в младенцах. Я была *младшей*.

— Фредди, — сказал он ласково, — помнишь, сколько у тебя было проблем с Каринбургской охраной из-за того, что ты стянула папин плазмотрон?

Она растерялась:

— Э-э, нет?.. Ведь не было, сэр?

— Именно так.

Она скуксилась, уловив намек.

— Думай об этом как об общественных работах, которые не схлопотала в тот вечер по судебному решению. И я уверен, что графиня щедро вознаградит тебя, чего не скажешь про суд. Так что если ты все обдумаешь — а это весьма полезно и стоит делать почаще, должен заметить, — то поймешь, что остаешься в выигрыше. — И добавил, открывая перед девочкой дверь клиники: — Может даже, тебе будет забавно. В общем, с внуками вице-королевы не соскучишься.

Фредди убедилась в этом сама, когда они отыскали в здании Форкосиганов, которым устроили вполне подходящий для их компании вип-тур. Даже четверо из шести отпрысков — явно перебор для прежде тихой клиники. Их реакции на

экскурсию поражали разнообразием. Элен, похоже, заранее практиковалась в тинейджерском пофигизме. Саша чувствовал себя неуютно. Лиззи была прямо-таки очарована стойками с репликаторами и засыпала техника вопросами, умными не по годам, — так, во всяком случае, показалось Джоулу, судя по тому, что он уловил краем уха. Пятилетняя Таура сумела себя занять: обратила серые плитки в импровизированные «классики», всю сложную сетку которых видела только она.

Катриона несказанно обрадовалась, когда Джоул предъявил ей свой трофей и представил их друг другу. Она очень дружелюбно пожала Фредди руку. Фредди сопротивлялась из последних сил, хоть и робела — это ведь настоящая графиня, а не какой-то там адмирал.

— Я, правда, не очень-то много знаю о малышах, мэм…

— О, за двумя младшими присматривает постоянная няня. А Саша и Элен, — Джоул прямо почувствовал, как она на ходу перестроила свою фразу, когда эта парочка направилась к ним, чтобы оценить новенькую, — слишком взрослые, им няня не требуется. На самом деле местный гид им гораздо нужнее.

«О, браво, Катриона!»

Услышав такие новости, Фредди заметно приободрилась. А Катриона продолжила знакомить ее с остальными.

Джоул с суровым видом заявил:

— Но только никаких вылазок на природу, чтобы повзрывать шарики-вампиры — разве что если вице-королева с вами поедет.

Фредди поморщилась. Близнецы навострили уши: они и понятия не имели, что есть такое полезное занятие на свежем воздухе.

Помолчав в задумчивости, Джоул прибавил:

— Тут главное, чтобы она не забыла лазерную указку.

Трое охотников на вампиров воззрились на него в полнейшем недоумении. Джоул усмехнулся и пошел искать графа. Майлз вместе с матерью был в том отсеке, где среди прочих прото-индивидуумов находилась его сестра Аурелия.

Майлз уступил вьювер Корделии, заметив:

— Человеческие существа на этой стадии не очень-то привлекательны.

Она всмотрелась в дисплей.

— Да ну? Помнится, на свои эмбрионы ты наглядеться не мог.

— Нечто новенькое — может, поэтому, а новизна со временем всегда блекнет.

У нее дрогнули уголки губ.

— Ты в свои пять месяцев выглядел как утопленный котенок.

— Ты меня видела? — уставился на нее Майлз.

— Мельком. После того, как тебя вытащили из разреза, и до того, как я отключилась из-за потери крови.

— Погоди, ты была в сознании во время операции?

— В начале. Я ведь говорила, что так лучше?

— И не раз.

Майлз с некоторым облегчением обернулся к новому посетителю:

— Доброе утро, адмирал Джоул! Мама рассказала, что вы сейчас сделали ради нее. Я потрясен, но весьма признателен.

Неплохо. Вчера вечером Корделия позвонила Джоулу очень поздно и была немногословна, но, похоже, он правильно понял, что именно беспокоит ее больше всего. Недостаток рабочих рук на Зергияре сказывался везде. Джоул все же был рад, что ради нее не пришлось дергать своих подчиненных, хотя при необходимости он бы пошел и на это. Теодор же, как только к нему обратились, пожертвовал свою Фредди не только без возражений, но даже с некоторым энтузиазмом.

Приветствуя Майлза, Джоул впервые задумался, каково это — быть тем ребенком, ради спасения которого мать обезглавила человека, объявившего себя императором? Не дразнили ли его этим в школе? Когда они только познакомились, Майлзу было двадцать, он оканчивал Академию и был нацелен на свою будущую, с таким трудом завоеванную военную карьеру. Отца он всегда прямо-таки боготворил, а вот мать, похоже, принимал как должное. Считала ли это Корделия неявной победой?

Джоул плавно перешел на запланированную, так сказать, оливковую ветвь, с которой он и пришел:

— Я подумал, граф, вам будет интересно узнать, что старый «Принц Зерг» проследует через наше локальное пространство на пути в хранилище. Списанный, как известно.

Майлз вытаращил глаза:

— Да вы что?! — И после паузы: — Уже?

— Я испытываю те же самые чувства, но ничего не поделаешь. Среди моих офицеров есть те, кто моложе этого корабля. Я запланировал короткий визит на борт, когда он будет проходить здесь. Потому что… — Сентиментальность? Исторический интерес? Скорбь? Он оборвал фразу, пожав пле-

чами: — Вы не хотели бы отправиться со мной? Вместе с членами вашей семьи, чье присутствие вы сочтете уместным. — «Только не с карапузами, боже упаси».

К ним подошла Катриона, с ней вместе — Фредди и близнецы; затем присоединилась Лиззи. Даже Корделия отвлеклась от сканнера.

— Отличная идея! — воскликнула она. — Тут и история, и фамильная история.

— Я не история, — пробурчал Майлз. — Ведь нет же, а?..

Он обвел взглядом собравшееся потомство, и Джоул мысленно ответил: «Еще какая!»

— Что думаете, дети? — задал вопрос Майлз. — Хотите посмотреть на старый корабль вашего дедушки?

— Вау, еще бы! — вскричала Элен.

— Клево! — поддержала ее Лиззи.

Сашу опять что-то насторожило.

Фредди выдохнула:

— Отправиться наверх?.. — Ее бэбиситтерство вдруг обрело несказанное очарование.

Таура не голосовала, но и она бросила свои классики и вертелась рядом, стараясь привлечь внимание.

— Катриона?.. — с запозданием спросил ее мне-

ние Майлз.

Катриона посмотрела на свекровь:

— Вы думаете, все будет в порядке? Безопасно?

— Конечно, — ответила вице-королева. — Я бы тоже хотела поехать. Я не видела этот старый корабль с тех пор, как разбила об его корпус бутылку шампанского, когда его официально вводили в эксплуатацию. Причем вводили через несколько месяцев после возвращения с войны в Ступице Хеджена, когда закончился ремонт. Ужасно забавно было. Для бутылки изготавливают специальное безопасное стекло, а происходит вся эта церемония в силовом шаре, чтобы осколки не разлетались. Абсолютно бессмысленно и безумно. Очень по-барраярски.

— Но это не только барраярская традиция, — возразил Джоул. — На орбитальных верфях других народов делают примерно то же. — И добавил с любопытством: — А бетанский обычай?

— Обрызгать корпус водой. В вакууме прямотаки захватывающе зрелище. — Она посмотрела на детей. — Все восходит к суеверным обычаям Старой Земли — приносить жертвы грозным богам удачи и моря. Как бы подкупить. «Возьми это вино, а не мой корабль, раз так. И не наши жизни».

Саша нахмурился:

— Но… на Старой Земле ведь еще не было богов *космоса*, да? Зачем же делать это сейчас?

— Потому что удача и неудача никуда не делись, я полагаю, — пожала плечами Корделия. — Напомни, чтобы я тебе при случае объяснила, что такое символизм, проекция и замещение.

— Куда как проще, чем объяснить страх, потерю, смерть и горе, — прошептал Джоул ей на ухо.

— Так ли? — шепнула она в ответ. — Как по-твоему, зачем люди делают все эти психоштуки? Дистанцирование — вот тебе еще одно слово.

Джоул подумал, что мнение бывшего капитана Астроэкспедиционного корпуса о безопасности лучше было бы не спрашивать, — непонятно, куда это заведет.

Катриона еще немного покудахтала, опекая своих малышей, но все же позволила Корделии себя уговорить. Майлз же был всецело «за» и смотрел на Джоула почти что благосклонно.

Итак, его приглашение и малолетняя рабыня доставлены. Джоул откланялся и пошел к выходу, отчаявшись перекинуться словом с Корделией наедине, но она выскользнула вслед за ним в коридор. Мимолетное рукопожатие — это было все, что они осмелились предложить друг другу

здесь.

— Еще шестеро детей, Корделия? — поддразнил он ее, обернувшись на двери. — Ты настолько в себе уверена?

— Не все же сразу! — возразила она. — И я смогу остановиться в любой момент. Теоретически.

Он фыркнул и уже более серьезно уточнил:

— Ты утром успела обсудить что-нибудь с Майлзом?

— Нет, пока нет. За завтраком было слишком шумно. И ты должен дать мне знать, что ты хочешь. Я не могу… — Казалось, она сама не знает, как закончить фразу. — Я думала, если взять Майлза в репроцентр, это поможет ему понять, но, похоже, он сейчас не столько обрабатывает новую информацию, сколько набивает щеки про запас. Как хомяк.

Джоул постарался не слишком отчаиваться от такого словесного портрета.

— Прошлой ночью мне еще пара мыслишек в голову пришла, — сказал он Корделии. — До тех пор, пока мое участие в проекте не воплотится в живых детей, я не думаю, что мы обязаны вообще что-то рассказывать Майлзу. Могут пройти годы. Десятилетия. И даже тогда история про покупку донорской яйцеклетки все объяснит. — Кстати,

это был его самый первый аргумент. В ту минуту Майлз с семейством казались чем-то очень далеким.

Корделия только хмыкнула в ответ.

— Или достаточно правдоподобная полуправда, — продолжил Джоул. — Мы можем сказать, что ты пожертвовала полноценные яйцеклетки. И мальчики будут Майлзу сводными братьями, так же как и должны быть. — (Ну… почти так же.)

— Дай мне это обдумать. — Видно было, что она недовольна, но сразу и не скажешь, что именно в этом предложении не нравится ей больше всего.

— Да ведь нет никакой спешки? — Он потихоньку дал задний ход.

— Нет, полагаю, что нет.

Мимо них прошли два медтехника, из-за угла выглянул телохранитель вице-королевы, и Джоул с Корделией, подчинившись обстоятельствам, неохотно расстались.

Возвращаясь пешком ко дворцу, где он припарковал свой автомобиль, Джоул никак не мог понять, как это его личная жизнь так запуталась за столь короткое время. Впрочем, с Форкосиганами иначе не бывает. Они сталкивают тебя с обрыва, ожидая, что по пути к бездне ты на-

учишься летать. И да, если какая-нибудь — не добрая, не злая — двусмысленная такая фея вдруг явится на твои вопли и предложит все откатить назад к стартовой команде «Поехали!», то ты откажешься. Малоприятно это осознавать.

«Если ты хочешь простой жизни, адмирал Оливер, то ты не тем богам приносишь жертвы».

* * *

Перед возвращением на базу Джоул перекусил в Каринбургском старом городе. Он шел по центральной улице и увидел Кайю Фориннис, выходившую из здания городского совета. Кайя тоже получила увольнительную после долгой вахты в космосе, поэтому была в штатском: комаррианские брюки, топик и сандалии. Она размахивала руками и что-то говорила своему спутнику — высокому парню, в котором Джоул не сразу признал цетагандийского атташе по культуре, Микоса гем Сорена. Тот тоже был в повседневной одежде — брюки, рубашка и сандалии, и не то что гем-раскраска, но даже наклейка клана на лице отсутствовала. Для цетагандийца это означало одно: он уже натурализовался полностью. Без раскраски его лицо с правильными чертами выглядело моложе.

Парочка повернула на тротуар, Кайя подняла взгляд и заметила Джоула. В глазах ее отразилась отнюдь не естественная равнодушная вежливость подчиненного, встретившего шефа в нерабочее время, а паническое «Ой-ей!». Она пихнула гем Сорена, указывая на Джоула, и стала что-то быстро ему говорить. Когда они поравнялись, Джоул уловил последнюю фразу: «…так спроси его! Один отказ еще не значит провал».

— Нет, но это уже четвертый… — Гем Сорен осекся и переключился на адмирала: — Добрый день, адмирал Джоул. Надеюсь, вы в добром здравии?

— Да, благодарю вас, — ответил ему Джоул и кивком поприветствовал Фориннис: — Кайя!

— Сэр?..

Гем Сорен неловко умолк. Кайя пихнула его локтем в бок: мол, ну говори же, ну! — безрезультатно. Тогда она начала сама:

— У Микоса есть идея интересного проекта. Что-то вроде налаживания культурных контактов. Он называет это «Цетагандийский сад ощущений».

— Хотя это не обязательно должно быть в саду, — внес поправку гем Сорен. — Для размещения экспозиции подойдет любая общедоступная площадка.

— Вот в том-то и проблема, — продолжила Кайя. — Он не может ничего найти. Мы попробовали в библиотеке, в двух головных офисах компаний, в здании мэрии, и никто не может выделить время. Точнее, место.

— Мне говорили, что это будет воспринято как вызов, — сказал гем Сорен. — Но ведь простой сад ощущений не должен затронуть исторические чувства барраярцев. Как я могу преодолевать культурное невежество, если из-за культурных предубеждений мне отказываются выделить место для проведения мероприятия?

— Это могут и не быть, хм… предубеждения, — сказал Джоул. — Свободное пространство в Каринбурге нарасхват, каждый день прибывают все новые иммигранты, им требуется не только жилье, но и офисные помещения. Почему бы просто не устроить этот… показ, или что оно там, в вашем консульстве?

— Но тогда не будет достигнута просветительская цель моего проекта, — очень серьезно пояснил гем Сорен. — Туда никто не приходит, кроме как по делу, а это люди, которые уже и так готовы вступить с нами в диалог. — И, помолчав, добавил: — Да, консул сказал, что это ребячество. Но начинать отношения с людьми нужно там,

где они находятся.

— Так что это за фигня… О!.. — Джоул указал на дверь кафе: — Давайте присядем.

Кайя и гем Сорен обрадовались: а вдруг адмирал и впрямь им поможет, если заинтересуется проектом — он ведь предложил посидеть в кафе, а не говорить на ходу. Но у Джоула просто устали ноги, требовалось дать им отдых. Было время ленча, посетителей много, но не так чтобы битком. Правда, им свободный столик на троих удалось найти не сразу. Когда они, наконец, устроились и заказали кофе, Джоул вернулся к разговору:

— Так что это такое, сад ощущений? Расскажите, лорд гем Сорен.

Атташе по культуре сел прямо, расправив плечи — вот, перед ним барраярец, который проявил какой-то интерес к цетагандийской культуре.

— Это довольно простая вещь, и в самом деле она, так сказать, не *тяжелая.* У нас такие в каждом детском музее искусств, в учебных заведениях, в частных домах — и вообще где угодно, там, где мы заинтересованы в развитии нашей молодежи. Применяется в целях тренинга, если говорить в военных терминах. Хорошо продуманная экспозиция предлагает тщательно отобранную последовательность ощущений,

принадлежащих каждому из пяти чувств. Целью является обострить у человека умение различать их тонкие оттенки. В самом конце обучающегося приглашают распознать эстетически гармоничное произведение искусства — сначала смесь в рамках одного ощущения, затем комплексную работу, комбинирующую несколько разных.

— Как мне кажется, — вступила в разговор Кайя, — это вроде того, как продегустировать линейку сортовых вин, а потом попробовать сбалансированный купаж и угадать, что в него вошло. Только не с вином.

Гем Сорен кивнул:

— Вкусы, изображения, звуки, текстура, запахи.

— Чем тоньше отличия, которые человек может распознать, тем больше… больше очков он получает, — добавила Кайя. Такая спортивная метафора несколько кольнула гем Сорена, но Джоул подозревал, что по сути лейтенант попала в точку.

— Ваша база, — осторожно начал гем Сорен, — так велика, и туда ходит много народу…

«О да! — подумал Джоул. — Непременно! Как можно большее количество наших солдат подвергнем воздействию непроверенной цетаган-

дийской биохимии!» А также чего угодно еще, что можно напихать в аудиовизуальную смесь. Ну ладно, не то чтобы Джоул считал никчемного гем Сорена агентом-провокатором, но это не значит, что им не управляет некто умный и коварный. С другой стороны, не исключено, что молодой человек просто пытается делать свою работу, а консульство не очень-то ему в этом помогает. Или — что даже больше похоже на правду — пытается произвести впечатление на девушку.

— М-м, мне кажется, что проводить мероприятие на базе — это начинать с самой сложной части вашего обучающего культурного проекта, — дипломатично ответил Джоул. — Я бы посоветовал попрактиковаться в гражданских общественных местах. Наблюдать, изучать, вносить изменения, двигаться дальше.

Гем Сорен наморщил лоб, стараясь расшифровать послание, и Кайя, вздохнув, сжалилась и перевела:

— Это значит «нет», Микос.

Джоул подумал, что она прекрасно поняла: на самом деле это означает «Только через мой труп», но лейтенант не получила бы назначения к нему в адъютанты, если бы была таким же недоумком, как некоторые рядовые.

Какое-то время все молчали — каждый думал о своем, причем темы их размышлений были не обязательно связаны.

— Начнем с малого, — предложила Кайя. — Есть одна мысль. Как насчет… ну, временной, упрощенной демонстрационной модели для первого раза? Чтобы объяснить принцип ее работы.

— Сад ощущений — уже демонстрационная модель, — возразил гем Сорен. — Он не может быть сделан еще проще и при этом выполнять свои функции.

— Да, но я подумала… скоро состоится одно мероприятие, на котором будут и военные с базы, и горожане, и из всех консульств приглашены гости, и квадратные километры свободного пространства. Пикник в честь дня рождения адмирала. Его устраивают подальше от города. Ты можешь поставить свой сад в виде чего-то вроде киоска, и любой сможет подойти и посмотреть. Это будет вроде рекламы. А потом, когда появится определенный интерес, у тебя будет больше шансов устроить его в городе в виде более стационарного сооружения.

— Вам придется обговорить этот вопрос с офицерским комитетом, устраивающим пикник, — сказал Джоул, пытаясь сообразить: «Эй,

а из консульств там еще откуда?» Он с самого начала устранился от участия в планировании вечеринки, которую сперва не особо-то и хотел. Наверное, надо было уделить этому событию больше внимания…

— Да, я в этом комитете, — сообщила Кайя. — Он, хм, вырос несколько за то время, пока мы с вами были наверху. Много городских захотели помочь, среди них несколько инопланетников, а поскольку там будет вице-королева, то нельзя было приглашать одно консульство и не приглашать их все… И кое-кто из местных деляг вошел в долю и помогает с припасами, так что их тоже пришлось пригласить, конечно.

— А муниципальная охрана Каринбурга в курсе, что это разрастается до грандиозных масштабов?

— Разумеется, сэр. Мы ввели в состав комитета парочку их людей.

Эта информация вызвала у Джоула нехорошие подозрения.

— А не придется ли в результате приглашать муниципалов в полном составе? — спросил он.

— Ну… вроде того. Мы подумали, что это удачная мысль.

«Может, удачная, а может, и не слишком». Эти охранники, когда не при исполнении, — не то

же самое, что при патрулировании. И каринбургские муниципалы при исполнении имеют на счету бурные стычки с солдатами с базы не при исполнении.

Джоул смутно припомнил, что генерал Хайнс потому и хотел устроить вечеринку на базе — там он может держать все под контролем. А Джоула посетила светлая мысль о пикнике на природе, и тогда это казалось разумным. Значит, так… На этом сборище и без гем Сорена с его ядохимикатами, похоже, будет не скучно. «Впрочем, ладно, натравлю на него Службу Безопасности, а там пусть сами и решают. Как бы это поделикатнее сделать? Ах, ну да… конечно!»

— Вице-королева, — произнес Джоул и сделал паузу. — Учитывая, что она будет там присутствовать, любая демонстрация должна быть предварительно проверена ее охраной из СБ. Предварительно. И на месте — еще раз.

— Но это всего лишь… — начал гем Сорен, и тут его в очередной раз ткнули в бок:

— Это значит «да», Микос. Предварительное. Ты ведь соберешь для них что-нибудь по-быстрому, да?

— Да, но… — промямлил он, но, поймав гневный взгляд Кайи, принял мужественное решение

и сказал: — Да.

Так, Джоул скажет Коско, командиру эсбэшников вице-королевы. Пусть его ребята займутся, для них неплохая тренировка. Если у кого-то и есть способы проверить диковинное цетагандийское искусство на предмет скрытых ядов, то это СБ. Вполне возможно, что этот дурацкий «Сад ощущений» совершенно доброкачественный продукт, без всяких подвохов. Разве что посчитать таковым саму идею показывать детское шоу взрослым — вдруг какой барраярец оскорбится, что цетагандийцы считают его дикарем недоразвитым. Вот когда наоборот — взрослый спектакль для детей, — тут, по мнению Джоула, беспокоиться не о чем: бывают ведь пугающе умные детишки, сам видел.

— А вам проводили антигельминтную вакцинацию, лорд гем Сорен? — задумчиво спросил Джоул.

— Да, всех сотрудников консульства обязали ее пройти.

«Ну надо же, какая предусмотрительность…» — подумал Джоул.

— Да, вот еще что, чуть было не забыл вам сказать… Еще до того как стемнеет, вы должны собрать свою экспозицию и отвезти в консульство.

К тому времени большинство семей тоже уедет.

— А что, дикая природа Зергияра представляет опасность? — поинтересовался гем Сорен.

— Только если военные поделятся выпивкой с шестиногами. Когда стемнеет, начнется грандиозная попойка.

Форинниc усмехнулась:

— Я вас поняла, сэр. Все хорошо, Микос. Я тебе помогу.

Итак, они договорились. Джоул был более консервативен и предпочел бы пресечь всю эту затею. Придется положиться на Коско. Он защитит их всех от цетагандийского арт-воспитания, а защищать усердного наставника от аудитории — обязанность муниципалов или военной полиции базы. Джоул терпеливо снес радостную улыбку своей подчиненной и цетагандийские благодарности (вот как этому типу удается быть и бестолковым, и покровительственным одновременно?). И только после этого смог удрать от милой парочки.

* * *

Вернувшись в свою квартиру на базе, Джоул проверил сообщения на комм-пульте. Его заместитель, коммодор Бобрик, отправился вчера на

орбитальную станцию ровно в тот момент, когда сам Джоул спустился на поверхность планеты. Пока Джоул считался в отпуске, все коммуникации осуществлялись через его офис. Теоретически Бобрик не должен был обрабатывать ничего, кроме срочных или личных сообщений, которые немедленно передавались адмиралу на наручный комм. Так что Джоул несколько удивился, увидев письмо с адресом «Форбарр-Султан, Оперативный отдел Генштаба» и пометкой «адресату лично».

Над видеопластиной появилась фигура адмирала Деплена, шефа оперативного отдела Имперских вооруженных сил. Оперативники сидели в деловой части барраярской столицы, в высотном здании, утыканном антеннами и прочим оборудованием для связи и набитом снизу доверху адреналиновыми наркоманами и мономаньяками служебной рутины в зеленой парадной форме (столица Империи как-никак). Ходили слухи, что там во всех туалетах три крана с надписями: «горячая», «холодная» и «кофе». Деплен возглавлял оперативный отдел уже девять лет, и неудивительно, что в волосах у него было больше седины, чем у его ровесников. Он сидел на фоне окна: снаружи явно была ночь, а позади

долгий рабочий день — усталое лицо Деплена и отметка времени в кадре это подтверждали. Но он улыбался, а значит, ничего ужасающего там не случилось.

«Привет, Оливер», — начал он в дружеском тоне.

Джоул устроился поудобнее в кресле, чтобы выслушать своего далекого командира.

«Это сообщение я отсылаю тебе потому, что хочу в каком-то смысле переговорить с глазу на глаз. Вскоре тут освободится место. Я думаю, как раз для твоей весовой категории.

Как ты знаешь, несколько лет назад я отслужил свою вторую двадцатку, но были некоторые, кто убедил меня остаться шефом оперативного отдела. — Он махнул рукой. — Моей жены среди них не было, должен отметить. То есть она, видимо, хочет, чтобы я путался у нее под ногами лишние шестнадцать часов в день, приятно это слышать, но она просто не знает, каково это. — Его усмешка подсказывала, что это не совсем шутка. — Так что меня демобилизуют в ближайшем будущем, такова воля Бога и Грегора.

Это ставит передо мной задачу подыскать замену. За последние три года всем — даже тем, кто этого прежде не понимал, — стало ясно, что

твой гениальный наставник никогда тебя не продвигал. Хотя, я уверен, сейчас тебе не хватает вашего с ним боевого товарищества. Каждый, кто так долго проработал с Эйрелом Форкосиганом, знает, как выжить при сильном давлении и в играх высокой политики. Начальнику оперативного отдела постоянно требуется и то, и другое. У меня есть кандидаты с военным опытом и талантами, но никто из них не настолько свой для столицы. Впрочем, среди кандидатов есть и такие, правда, они все до единого форы». Деплен легким взмахом руки дал понять, что он в курсе политического подтекста своего комментария.

Джоулу было несколько неловко такое слышать. Разве Деплен не понимает, насколько устарел столичный опыт работы Джоула на сегодняшний день. Ладно, не важно.

Деплен продолжал свою речь, и Джоул, нахмурившись, подался вперед.

«Если ты согласишься, я буду рад официально занести тебя в список кандидатов на должность начальника оперативного отдела. Скажу по секрету, сейчас ты и так возглавляешь этот список. Грегор намекнул мне по секрету, что на Зергияре грядут некие перемены в администрации. Подозреваю, сам ты знаешь больше моего. И это может

стать идеальным моментом для твоего перевода.

Должен добавить, что, если бы за последние два года меня вдруг хватил удар, это мог быть приказ, а не приглашение. В любом случае ответь мне, пожалуйста, когда это тебе будет удобно. И конечно, если понадобится, у тебя есть немного времени все обдумать. Да, и передай мои наилучшие пожелания вице-королеве. Должен сказать, ее племянника Айвена мне не хватает. Это к вопросу о полезности на службе лордов форов инсайдеров, принадлежащих к высшей аристократии, — хотя я рад слышать, что он делает успехи на новом поприще. Деплен связь закончил». И он выключил комм.

Джоул, выдохнув, откинулся в кресле.

«Немного времени» на жаргоне оперативного отдела может означать дни, но бывает, что и часы. И уж точно не недели. Деплен не ждет от него ответа прямо сейчас, но тянуть все равно невежливо.

Что уж, надо честно признать, Джоул был ошеломлен. Должность начальника оперативного отдела Генштаба могла увенчать карьеру любого, кто отслужил две двадцатки. И в этом предложении не было форского непотизма, фавора или привилегий.

Первое, что он подумал, было: «Если бы Эйрел был жив, он был бы доволен, горд и польщен». Да, Эйрел бы настойчиво уговаривал его согласиться. И сразу пришло другое мрачное «если бы»: что, если бы Эйрел вслед за ним вернулся на Барраяр и окончательно вышел в отставку? Может быть, тогда все было бы иначе и не лопнула бы эта несчастная аневризма?..

Второй мыслью стало осознание того, что пост начальника оперативного отдела вообще не оставляет места для личной жизни. Правда, когда Деплен начинал в этой должности, у него уже была семья, но дети к тому времени были уже почти взрослые, а жена Деплена — его старпом, боцман и десант в домашней жизни.

Если Джоул ради этого вернется на Барраяр, то трем замороженным возможностям придется ждать в холодном хранилище на Зергияре. Любой другой вариант близок к безумию. Да и работа не вечна — как, впрочем, и он сам. И когда Оперативный отдел через десять лет выплюнет его жалкие останки, кем он будет тогда? Кроме того, что станет на десять лет старше.

«Я мог бы справиться с работой Деплена». Конечно же, в этом он абсолютно уверен, без ложной скромности и бахвальства. Он вполне адекватно

оценивал сложность задачи, но и себя тоже.

«Я мог бы стать отцом». А это уже — совсем другое, и тут у Джоула нет тридцатилетнего опыта работы. Совершенно новый мир, без карт и навигационных приборов.

Но вот что он не может точно, так это получить и то и другое сразу. И необходимость выбора — как нож острый.

«Корделия…» Барраяр для нее — и великая радость, и ужаснейшие беды, и терзающая боль. Джоул очень хорошо чувствовал это. Если она не собирается возвращаться домой ради собственной семьи и внуков, то вряд ли захочет снова ухнуть в этот гравитационный колодец ради него, Джоула. Не важно, насколько хорошо ей с ним (а она смогла развеять его сомнения, что ей очень хорошо), — но если он выберет службу, они, конечно, расстанутся. В Корделии таилось многое, чего Джоул не понимал, но с этим все ясно. Для нее что вернуться на Барраяр, что пройтись босиком по раскаленным угольям — все едино.

Он потянулся к комм-пульту, чтобы позвонить Корделии. И замер.

Что она ему скажет? А что она может сказать, кроме: «Это должно быть твое решение, Оливер»? Он почти слышал мысленно ее голос с бетанским

выговором. И мог различить нотки боли.

Джоул откинулся на спинку кресла.

Еще немного времени у него есть.

Глава одиннадцатая

Не на такой выходной Джоул рассчитывал, но ведь временное тактическое отступление не меняет общей стратегии, надо уметь маневрировать, а это он как раз умел. Корделия улетела на день в Гридград, чтобы показать своей невестке предполагаемое место для вице-королевского дворца — и сада — и проконсультироваться с молодым городским архитектором, который занимался планированием.

— Я знаю, что все требуют от парнишки максимальной экономической эффективности, но нам необходимо убедить его оставить место под парки и сады, — пояснила Корделия Джоулу, когда они говорили по комму утром. — Город может считаться цивилизованным, только когда там выделено место для природы. Я знаю, что сейчас там ничего, кроме этой природы, и нет, но скоро все изменится. Надо планировать загодя.

И добавила, подумав:

— И парковки. И системы аэрокаров. С соответствующей канализацией. Потому что, где бы люди ни находились, они всегда хотят добраться куда-то еще, а по дороге обычно заходят в туалет.

— Да, и надо предусмотреть удобства для родителей с маленькими детьми! — подключилась к их разговору Катриона. А еще Джоул слышал отдаленные крики и топот юных Форкосиганов и голос Майлза, пытавшегося призвать их к порядку — похоже, как всегда, безуспешно.

— Да, — согласилась Корделия. — Бывает, что предложенный проект просто замечательный — на первый взгляд, а как дойдет до деталей, так выясняется, что архитектор пребывает в искреннем заблуждении, будто люди появляются на свет сами собой, полностью сформировавшимися двадцатидвухлетними индивидуумами, не размножаются в принципе и — могу добавить — тихо исчезают по достижении семидесятилетия.

— Может, стоит привлечь более опытного дизайнера? — засомневался Джоул.

— Вопрос в том, смогу ли я более опытного дизайнера раздобыть. Увы, нет. — Она вздохнула: — Но этот, похоже, учится быстро. Он внимательно меня слушал, и мне не приходится грозить ему всеми карами земными и небесными, что зачастую неизбежно с упертыми барраярцами постарше.

И она поспешила в Гридград, утянув за собой персонал, внося на ходу изменения в повестку

дня.

Вот так у Джоула оказался в распоряжении целый день, который надо было бы чем-то заполнить, чтобы побороть искушение вернуться в офис — и нервировать Бобрика: «Зачем пришел? Поглазеть на комм-пульт, заглядывая через плечо?» Его жилище на базе давало мирное убежище, и он час листал университетские научные журналы, после чего ощутил нарастающее беспокойство. Эта служебная квартира уж никак не может быть *слишком тесной* — для человека, привычного к жизни на барраярских военных кораблях. Тут *слишком*… что? Чего-то не хватает? «Не хватает Корделии». Он подавил импульс в третий раз просмотреть запись сообщения от Деплена. Зачем, спрашивается? Как будто там что-то могло измениться… Почитав еще с полчаса журналы, он наконец нашел то, что дало повод сбежать из мирного убежища.

* * *

Там, где не так давно было городское предместье, теперь находился университет Каринбурга. Весьма помпезное название — и обманчивое, как, кстати, и вице-королевский дворец. Джоул как раз об этом подумал, припарковав машину

и увидев несколько разномастных строений, приткнувшихся на склоне холма. Туда он и направился. Основание этому учебному заведению было положено без малого двадцать лет назад, и разместилось оно, как водится, в армейских полевых укрытиях. С тех пор прибавились три новых блочных корпуса плюс клиника — впоследствии Центральный госпиталь Каринбурга. Обучение медиков на месте имело наивысший приоритет наравне с прикладными техническими специальностями. Именно в этом остро нуждалось население молодой колонии, которое за редкими исключениями не могло позволить себе дать детям образование на других планетах. В Каринбургском университете не было общежитий для студентов из дальних мест, они квартировали в частных домах поблизости, как солдаты в оккупированном городе. Однако полевые укрытия сохранились тут до сих пор, в очередной раз перепрофилированные: в них разместились те факультеты, которым не удалось выбить себе место в новых зданиях.

Биологический факультет, в обязанности которого входила и помощь в обучении медтехников — а в скором будущем, как надеялись, и терапевтов, — котировался настолько высоко, что

занимал целый второй этаж в одном из новых зданий. В факультетском коридоре мимо Джоула прошмыгнул человек в зергиярском «казуал» — брюки, рубашка, сандалии, — в руке он держал сантехнический вантуз и спешил по своим делам. Джоул попробовал его перехватить:

— Простите, не подскажете ли, где мне найти… о! — Нет, это не уборщик. Джоул вдруг узнал его по фото в одной из статей, которые читал. — Доктор Гамелин?

— Да, это я. — Доктор остановился и, прищурившись, вгляделся в Джоула так, словно лицо ему было знакомо, только он никак не мог вспомнить, кто это. Будь Джоул в мундире, у Гамелина вряд ли возникли бы проблемы с опознанием. — Чем могу помочь? — близоруко щурясь, спросил он. — Вы отец студента? Или студент?.. Приемная комиссия в соседнем здании. — Ученый говорил с барраярским акцентом, с легким намеком на выговор уроженца Южного континента.

— Ни тот, ни другой на данный момент. — «А когда-нибудь потом?..» Еще одна цепочка мыслей в дополнение к тем, от которых и без того голова пухнет. — Оливер Джоул. Адмирал, Зергиярский флот.

— А-а… — Гамелин выпрямился: безуслов-

ный рефлекс барраярца, не иначе — вряд ли он военный в отставке. Отложил вантуз и подал Джоулу руку, приветствуя его как равный равного, — встреча двух служителей несхожих культов. — Чем факультет биологии может помочь Зергиярскому флоту? Вас вице-королева прислала?

— Нет, сегодня я не по службе. Хотя вице-королева имеет некоторое отношение к моему сегодняшнему визиту. Я тут прочитал…

Джоула прервала женщина средних лет, загорелая, тоже в шортах и сандалиях, которая выскочила на них с криками:

— Вы нашли его! Спасибо! — Она выхватила вантуз у Гамелина из рук. — И где?

— В препараторской.

— Ха. Могла бы догадаться.

Гамелин счел необходимым вмешаться:

— Адмирал Джоул, позвольте вам представить: доктор Добрыни, наш эксперт по осесимметричным.

Она окинула Джоула взглядом эксперта и кивнула, улыбаясь:

— Вы ведь очень осесимметричный, да? Будем знакомы. Ну, мне пора. — Шлепая сандалиями, она пробежала мимо них по коридору и, прежде

чем скрыться за дверью лаборатории, обернулась и крикнула Джоулу: — Добро пожаловать в университет! Сюда не входить! — Дверь за ней захлопнулась.

Джоулу не сразу удалось сосредоточиться на теме прерванной беседы.

— Я читал ваш журнал по местной зергиярской биологии, и некоторые статьи доставили мне огромное удовольствие. — Сам доктор Гамелин был одним из лучших авторов, а заодно и выпускающим редактором.

— Надо же! — просиял Гамелин. — Я и не думал, что наш журнал кто-нибудь читает, кроме узкого круга специалистов… Ну еще разве что кучка местных энтузиастов и, возможно, инопланетные ксенобиологи.

— Я всего лишь дилетант, — сказал Джоул. — Как и вице-королева.

— О, вице-королева далеко не дилетант, — заверил его Гамелин. — К счастью. Она-то как раз понимает, что мы пытаемся делать здесь, на Зергияре. Чего не скажешь о некоторых прежних имперских администраторах… — Он поморщился, видимо, вспомнив нечто малоприятное. — Да, она тоже умеет быть требовательной, но ее требования хотя бы не абсурдны.

— Вице-королева всегда говорит, что ее подготовка времен службы в бетанском астроэкспедиционном корпусе давным-давно устарела.

Гамелин покачал головой:

— В общем, с этим не поспоришь. Во многих аспектах профессиональная подготовка устаревает практически с той же скоростью, с какой мы учимся новому. А потому мы изо всех сил стараемся помочь другим стать такими же. — Он усмехнулся.

— Да, я как раз хотел спросить. Занимается ли кто-нибудь еще биоценозом озера Серена?

— На данный момент нет. Всех, кого могли, срочно перебросили на Гридград. Пытаются опередить строителей — думаю, понятно. Никто не хочет повторения чего-нибудь вроде эпидемии червя, если не хуже.

— Еще как понятно… — Похоже, нечего и мечтать найти эксперта и заполучить новейшие научные данные.

С лестницы сбежал какой-то человек, увидел Гамелина и кинулся к нему, размахивая руками:

— Йонас! Джулия опять слямзила мой генный сканер для своих чертовых студентов! Пусть вернет, пока они его снова не сломали!

Гамелин вздохнул:

— Если мы хотим научить их не ломать оборудование, им нужно на чем-то практиковаться. И ты это знаешь.

— Вот и дал бы ей свой!

— Ну вот еще. — Гамелин не дрогнул под яростным взглядом, но все же смягчился: — Ладно, не кипятись, пользуйся пока моим. Сегодня он мне точно не понадобится до позднего вечера. Совещания, знаешь ли. Да, и не забудь вернуть, когда закончишь.

— Угу, спасибо… — Перестав возмущаться, ученый побрел по коридору и скрылся за поворотом.

— Эй, Джулии только не давай! — крикнул Гамелин ему вслед, и в ответ донесся смешок. — Войны за оборудование, — вздохнул Гамелин. — У вас такое случается?

— Ну еще бы!.. — улыбнулся Джоул. — Почти один в один, как у вас.

— На следующей неделе будет хуже. Ожидается эскобарское вторжение.

Джоул опешил:

— Это вроде по моей части, э? А меня поставили в известность?

Гамелин удивленно посмотрел на адмирала, но быстро понял и рассмеялся:

— О! Нет, не военное вторжение. К нам каждый год присылают выпускников из городского университета Нуово-Валенсии на стажировку, а это хоть и морока, но не так страшно. Вот только для работы они закупают себе оборудование прямо здесь, чтобы сэкономить на доставке. Понятно, что мороки хватает. И в итоге имеем уже нечто большее, чем научное состязание.

— И научную ревность?

— О, едва ли! Я всем рад, — заверил Гамелин и, немного подумав, добавил: — Что ж, честно говоря… всем, кроме цетагандийцев. Разве что привезут свое оборудование… — Еще чуток поразмыслив: — И оставят его здесь. Как тогда, когда драпали после Оккупации. Вот так вполне годится.

— Думаете, мне при случае намекнуть в их консульстве? — поинтересовался Джоул, пряча ухмылку.

Доктор радостно захихикал, но осекся:

— О! Если это исходит от вас, то уже не совсем шутка.

— Примерно наполовину, — признал Джоул.

Гамелин покачал головой:

— Я здесь уже почти двадцать лет. Приехал заниматься базовыми прикладными исследовани-

ями и систематизацией. Довольно примитивный научный уровень, конечно, но я никогда и не собирался стать светилом науки. А знаете, когда я занимаюсь наукой? По выходным. И то под вопросом. Этот маленький факультет полностью классифицирует, каталогизирует и снабжает перекрестными ссылками до двух тысяч новых видов в год.

— Впечатляет, и очень, — заметил Джоул.

— Разве? Такими темпами мы опишем всю биосистему Зергияра примерно за… о, всего-то пять тысяч лет, по грубым прикидкам.

— Но за пять-то тысяч лет помощь уж точно подоспеет.

— Только на это и надеюсь. — Он смотрел куда-то вдаль, сосредоточившись на туманных перспективах. — А еще палеонтология Зергияра… Как все получилось таким, как сейчас? Сказать «мы пока только колупнули поверхность» и то будет слишком самонадеянно. Здешние собиратели окаменелостей уже воют, это ошеломляет, сколько тут всего.

— А зергиярские шары-вампиры превращаются в окаменелости? — поинтересовался Джоул. — Хм, все равно что превратить в окаменелость медузу?

Гамелин только руками развел и фыркнул сердито:

— Кто знает? Не мы, уж точно! — Он глянул на хроно. — Рад бы вам все тут показать, адмирал, но у меня встреча со студентами. А пока есть немного времени… так, вы упоминали озеро Серена?

— Да, бывал там несколько раз недавно. Подводный мир там прелюбопытный, некоторые тварюги очень красивые, и неведомо сколько тех, кого почему-то не удается определить по справочнику, даже близко ничего похожего!

— Так, ладно, на все есть причина, — пробормотал Гамелин, думая о чем-то своем. — Пожалуй, у меня найдется кое-что для вас полезное. Следуйте за мной.

Он провел Джоула по коридору мимо лабораторий, где кипела работа, и открыл дверь в подсобное помещение, набитое всякой всячиной. После недолгих поисков извлек объемистую пластиковую сумку и вручил Джоулу:

— Вот!

— Хм-м? — Джоул смотрел озадаченно.

— Оборудование для сбора образцов. Там вроде должно быть видео, как с этим обращаться. Мы в прошлом году записали подробную инструкцию для учащихся городской биологической школы.

И некоторые вернулись с реально ценной добычей. Молодцы ребятки. И вам пригодится для следующей вылазки на озеро Серена.

Джоул отметил для себя, что предлагать содействие в такой форме — очень по-зергиярски. Чем-то напомнило Корделию, и он невольно улыбнулся.

— Понятно…

— Кстати, в последнее время общественность донимает наш университет идиотскими вопросами об этом самом озере. Якобы там имеет место инверсия диоксида углерода. Ну кто бы мог подумать! Для такого Серена слишком мелкая.

— Да, знаю.

— Хм… озерная фауна — единственная причина вашего интереса к этой местности? То, что нам следует знать? Строго между нами. Если там проблема, мы бросим все силы на ее решение, университет служит обществу, и это его приоритетная задача, но гораздо проще справиться с трудностями, если нас предупредят заранее. — Гамелин покачался на каблуках, выжидающе глянув на адмирала, всем своим видом располагая к откровенности.

— Мой интерес сугубо личный.

— Хм-м… — Он недоверчиво улыбнулся. — У

каждого свои обязанности, полагаю. — Еще один взгляд на хроно. — Сейчас мне действительно нужно бежать. Будем рады видеть вас снова, адмирал Джоул! Обещаю устроить экскурсию. — И он скрылся из виду.

Джоул покачал головой, перехватил поудобнее пакет и направился к выходу. В такой восторженности все же есть нечто нездоровое. Одержимость наукой переходит в манию? Похоже на то, но кто за это осудит наших милейших ученых. Интересно, на исследовательском корабле Корделии была такая же наэлектризованная атмосфера всеобщей восторженности? Да, наверняка.

Вдруг из полуоткрытой двери донесся душераздирающий женский вопль: «Что ты сделал с моими червями?!»

Джоул споткнулся на полушаге и замер. У него всегда на женский крик срабатывает спинномозговой рефлекс. Это само по себе неплохо, но, может, попробовать его побороть, активизировав ментальные функции более высокого уровня? Такие как осторожность. Или трусость?.. В подобных случаях любопытство всегда норовит взять верх, но и его Джоул удержал под контролем… Почти до самого конца коридора, но там сдался и повернул обратно.

Он приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Мужчина и женщина стояли под лабораторной вытяжкой, уставившись на большой лоток внизу. Их явно что-то расстроило. Мужчина наклонился поближе к тому, что там находилось, чем бы оно там ни было.

— Ха! Как странно… — проговорил он медленно.

Уже не вопящая женщина прищурилась и тоже наклонилась к лотку.

— Хм-м-м!..

Что бы здесь ни происходило, Джоул понял, что не имеет ни малейшего желания войти в историю науки как человек, прервавший важный эксперимент. И тихонько удалился.

* * *

В Каринбурге уже смеркалось, когда Корделия и Катриона возвращались из Гридграда. Рыков подруливал к площадке у входа во дворец, и Корделия увидела Оливера. Как только колпак кабины открылся, Оливер поспешил галантно предложить свою помощь — Корделии, тайком пожав руку, помогая выйти из кабины, и Катрионе, выгрузив рулон чертежей, портфель и портативную комм-панель.

— Я слишком рано? — спросил он.

— Нет. Это мы задержались, — ответила Корделия. — Хотя поездка получилась очень продуктивной.

Фрида встретила их у дверей и впустила в дом.

— Они все тут? И муж, и шестеро детей? — поинтересовалась Катриона.

— О да, миледи, — улыбнулась Фрида. — Все в патио, за домом. Я не позволила им тащить эти грязные камни внутрь.

— Но пересчитать по головам никогда не помешает, — заметила Катриона, и они все вместе прошли в освещенное патио. — Хм-м. Похоже, их даже прибавилось.

И действительно, здесь они обнаружили не только шестерых внуков Корделии, но и столько же местных подростков вместе с Фредди. Ребятишки увлеченно разглядывали и перебирали отколотые сланцы и жеоды. Майлз, удобно расположившись в кресле, направлял деятельность по сортировке образцов взмахами трости. Он, видимо, последовал совету Корделии вывезти детей за город и выгуливать, пока те как следует не умотаются. Судя по виду Майлза, себя он тоже умотал и руководил процессом, не принимая непосредственного участия и не ползая по полу

между кучками камней.

— А кто остальные? — спросила Катриона.

— Приятели Фредди. — Корделия сразу узнала любителей экстремальной охоты на вампиров. Даже Бобовый Стебель № 3 был здесь и светил карманным фонариком на кусок сланца. — Хотя я не совсем понимаю, как они тут оказались.

— Теодор Хайнс называет их человеко-шестиног, — подсказал Оливер. — Шесть голов, двенадцать ног и двигаются как одно целое, хотя… это определение не подходит, даже если считать их двумя шестиногами. Впрочем, понятно, что имеется в виду…

— Боюсь, наш генерал не слишком силен в ксеноанатомии, — заметила Корделия.

Майлз вскочил и направился к ним, радостно улыбаясь. Корделия сразу отметила, что трость он использует сегодня по прямому назначению, а не только как жезл регулировщика, но сочла за лучшее обойтись без комментариев. Майлз поцеловал жену, чем вызвал у Корделии укол зависти: вот бы и ей было можно целовать Оливера при встрече…

— Удачный день? — спросила Катриона у Майлза.

— Превосходный! А учительница геологии,

та, которую ты рекомендовала, — обратился он к Корделии, — отвела нас в отличное место. Ребятишки часами носилась туда-сюда по ущелью, откалывая камни. Элен с Сашей поначалу держались в сторонке, но потом Зелиг и Симона обнаружили невиданный доселе образец. Так, во всяком случае, заверила нас мисс Ханно. Это был очень волнующий момент. И вот тогда-то началось соревнование. Нам пришлось поторговаться, чтобы забрать у них находку, но мы ухитрились обменять камень на несколько искрящихся пурпурных жеод, так что все уладилось. Подумать только, всего-то два года от роду, а уже такая коммерческая хватка! Уж не последуют ли они по стопам Марка и Карин, а?

— Никто не поранился, надеюсь? — обеспокоенно спросила Катриона.

— Ничего серьезного. Синяки, царапины, было пролито немного крови и пота, в общем. А поскольку аптечка вызвала почти такой же интерес, как и ископаемые, то на удивление мало слез. Лиззи теперь не просто хочет быть палеонтологом, но и знает, как это произносится.

— Отлично! — воскликнула Корделия. — В нашей семье растут ученые!

— Хм, вчера она хотела быть медтехником, —

заметила Катриона.

— И скачковым пилотом на прошлой неделе, — добавил Майлз. — Возможно, она у нас будет барраярской женщиной эпохи Возрождения.

— Я бы сказала, больше похоже на бетанскую женщину астроэкспедиционного корпуса, — улыбнулась Корделия.

Катриона с сомнением оглядела горы обломков и увлеченных их изучением детей.

— Они что, хотят тащить домой все эти каменюки?

— Ага, — вздохнул Майлз. — Может, их удастся уговорить оставить это здесь? Как музейную экспозицию в доме у бабушки?

— Ну, спасибо, — пробурчала Корделия.

— А для настоящего музея они не сгодятся? — спросила Катриона.

— Мисс Ханно положила глаз на образцы трех новых видов, — пояснил Майлз. — А остальные, увы, самые обычные.

— Три! За один день?

— Это же Зергияр, — пояснила Корделия. — Здесь буквально под каждым камнем ждет какое-нибудь открытие. Как же я люблю это место… — «Кроме здешней политики, конечно, но ее привнесли люди».

Тут дети вмешались в беседу взрослых: им не терпелось продемонстрировать лучшие находки и получить похвалу. Впрочем, уже пришло время ужина, и как ни жаль было Корделии разбивать компанию, но местным пора по домам, а Форкосиганов она отправила наверх умываться. Родители тоже пошли с ними — помочь привести себя в порядок. Заодно Корделия распорядилась, чтобы Фрида принесла Оливеру что-нибудь выпить, и присоединилась к нему, наконец-то поприветствовав его поцелуем — пока никто не видит.

— Как съездили, ваше сиятельство? — спросил Оливер.

— О, тоже прекрасно. И утомительно. Я нещадно эксплуатировала Катриону, но она, похоже, только рада была отдохнуть денек от малышей и пообщаться со взрослыми, так что, надеюсь, она не в обиде.

— И как, удалось вам с ней посекретничать, «между нами, девочками», нет?

Корделия поморщилась:

— Я собиралась это сделать, но… просто времени не хватило. — Она помолчала. — Думаю, что найду возможность поговорить на эту тему вечером. Про нас, я имею в виду. Ты не против?

У Оливера перехватило дыхание, и он не смог

выразить должного энтузиазма, только сдержанно сказал:

— Что ж… Майлза ты знаешь лучше, чем я, это достаточно очевидно. Так что поступай, как сочтешь нужным.

— Ха. Иногда его трудно понять даже мне.

— А что Катриона?

— Катриона… более дистанцирована. — «И к тому же на собственном опыте знает, каково быть вдовой на Барраяре. Кроме публичных траурных речей». — Здесь я проблемы не вижу.

— То есть даже ты не знаешь, как отреагирует твой сын?

— Ну я ведь и не собираюсь устраивать бетанское голосование, милый. — Оливер не отводил настороженного взгляда, и она добавила: — А если Майлз сочтет, что я не храню верность Эйрелу, то… я просто расскажу ему все как есть, ты же понимаешь.

Он помрачнел и еще больше замкнулся.

— Я не… не готов. Я… я никогда не хотел вставать между тобой и твоей семьей. Между вами с Эйрелом и вашей семьей.

— Которая в те дни состояла из одного только Майлза. — «Ну, и Айвена в каком-то смысле. И Грегора. Ну ладно, тут Оливер прав, допустим.

А сам он в этом контексте — бедняжка приемыш. Так он всегда и считал».

Оливер удивленно поднял брови:

— Сама послушай, что ты говоришь. Одного только Майлза? Да Майлз и в одиночку — целая армия.

— Ну ладно, ладно!.. — рассмеялась Корделия. — Что ж, тогда сделаю все экспромтом.

— О! Только не заставляй меня краснеть.

Она ласково потрепала его по щеке:

— Эй, а мне нравится, когда ты краснеешь.

— Я знаю. — Он поймал ее пальцы и поцеловал. — И ради этого я прямо сейчас задержу дыхание, пока не стану пунцового цвета, а ты не улыбнешься. Или даже захихикаешь. И все же… все же…

Разглашение всей этой истории… Это ведь и его тоже касается, его тайной личной жизни. И сейчас он дает ей право решать, сохранять ли эту тайну. Корделия понимающе кивнула.

— Позволь пока просто обратить твое внимание, что экскурсия на «Принц Зерг» предполагает ночевку. И хоть скачковый катер вице-королевы просторнее курьерского, но, может, нам удобнее будет разместиться вместе, как считаешь?

Корделии наконец-то удалось вызвать у него

улыбку.

— Да, рациональный подход.

И все же какие бы решения ни принимались, заслышав шаги Майлза, они рефлекторно отпрянули друг от друга. Проклятый рефлекс. Это же курам на смех!..

— А, вы еще здесь... — Майлз не скрывал удивления. — Что-то случилось?

— Я пригласила Оливера поужинать с нами.

— Ты уверена? Вряд ли у тебя есть силы обсуждать сегодня еще какие-то дела?

— О! Я намерена запретить даже упоминать о делах за столом, — отчеканила Корделия.

Майлз рассмеялся и развел руками:

— Ясненько...

За ужином они оживленно беседовали о колонии Хаос и о последних событиях в округе Форкосиганов. Корделия не могла не заметить, что сейчас Оливер как-то притих, а ведь для него такое совсем не типично. До этого он некоторое время пытался вовлечь в беседу самых юных участников трапезы, ему это удалось с той же легкостью, что и всегда на дипломатических приемах. И слушал он очень внимательно, как заметила Корделия.

Теперь пришло время еще раз подняться на-

верх — проверить, что младшие уложены спать, а у старших есть чем заняться, и лишь после этого Корделия смогла присоединиться к Оливеру, который поджидал остальных, предаваясь размышлениям в одной из уютных гостиных. Вскоре и Майлз с Катрионой спустились следом за ней. Оливер расположился на кушетке, и Корделия уселась рядом. «Можешь обнять меня за плечи, ну же, Оливер». Но Оливер, увы, не был телепатом. Майлз с Катрионой сели вместе на кушетку напротив, по другую сторону столика. Фрида принесла коктейли и неслышно удалилась.

Оливер явно погружен в себя более чем обычно. Может, неприятности на службе? Нет, вряд ли, сегодня у него выходной. Корделия бы не одобрила, если он все же занимался делами.

— Как ты провел день, Оливер? — поинтересовалась она.

И он рассказал о занимательной поездке в университет. Катриона явно заинтересовалась, а вот Майлз, похоже, предпочел бы говорить про Зергиярский флот. Впрочем, именно Майлз задал вопрос по существу:

— А откуда такой интерес к озеру Серена?

— Я возил туда вашу маму ходить под парусом.

— А-а. Папа это любил.

— Да, и меня научил, еще тогда.

— Меня тоже. Но, честно говоря, я в юные годы отдавал предпочтение дедовым лошадям.

Корделия понадеялась было, что разговор входит в нужное русло доверительных признаний, но не тут-то было. Оливер принялся с неумеренной восторженностью живописать подводный мир Серены, каким он предстает сквозь дно прозрачного каноэ. Такой самозабвенный порыв придал ему больше обаяния, и Катриона заулыбалась.

— Но вы же не планируете развитие этого района? — уточнил Майлз. — Мама всегда была против заселения зон тектонической активности.

Корделия надоело ходить вокруг да около, и она решилась:

— На самом деле у нас с Оливером там было свидание.

Майлз недоуменно моргал. Молчание слишком затянулось. Катриона переводила взгляд с Корделии на Джоула и обратно.

— Мои поздравления! — воскликнула она.

До Майлза, похоже, не дошло. Он только и смог промямлить:

— Э-э… свидание? Что именно ты имела в виду?

В данном контексте.

— Совокупление, милый, — уточнила Корделия с подчеркнуто бетанской нейтральной интонацией.

— А-а… — Молчание. — Спасибо за разъяснение. — Лучше бы промолчала, было написано на его лице.

Катриона, покосившись на мужа, едва сдерживалась, чтобы не захихикать. Оливер, фигурально выражаясь, залег на дно, но его губы дрогнули в улыбке. Не похоже, что он собирается покраснеть от смущения. Наконец-то он, к радости Корделии, откинулся на спинку софы и приобнял ее за плечи, доброжелательно глядя на Майлза.

— А это… происходит открыто? Здесь об этом знают? — уточнил Майлз.

— Ну, пресс-релиз я не выпускала. Грегору я сообщила в том же письме, где писала про Ауре-лию. И, конечно, Элис с Саймоном тоже в курсе.

— И они все трое знали? А мне не сказали? И давно ли мне стало опасно доверять тайны? — возмутился Майлз. И, помолчав, добавил: — Так вот почему Грегор все твердил, что, если я хочу узнать больше, мне следует самому тебя спросить. А я подумал, что, может, он хотел, чтобы я здесь провел некое расследование?..

«Очень может быть, что ты правильно понял…» Но Корделия решила не произносить вслух эту мысль.

Майлз все больше мрачнел, бросая на них осуждающие взгляды.

— Хм-м… А тебя не беспокоит политический аспект такой ситуации? Здесь, на Зергияре, а может, и не только?.. — Он помедлил, собираясь с мыслями. — Я прямо так и вижу, как твои враги выдвинут обвинение… конфликт интересов, к примеру? И основание имеется. Два человека, занимающие на Зергияре самые высокие посты, открыто… э-э… сожительствуют, делят постель, так сказать…

Покосившись на Оливера, застывшего с каменным лицом, Корделия не стала уточнять, что таких человек было трое.

— Два человека на самых высоких постах на Зергияре делили постель друг с другом целых десять лет. Полагаю, к этому уже успели привыкнуть. Ведь я была вице-королевой не просто как жена твоего отца. Это было равноправное совместное назначение.

Майлз нетерпеливо отмахнулся: мол, нашла о чем сейчас говорить.

— Такого рода претензии обычно выдвигаются,

когда один из партнеров замечен на незаконном использовании служебного положения другого в своих целях. Надо мыслить очень извращенным образом, чтобы расценивать нас с Оливером не как рабочую команду.

— Недоброжелателей это не остановит.

— Вот в том-то и дело, что их ничто не остановит, и нет никакой разницы, сделаю я что-либо или не сделаю.

Оливер неожиданно подал реплику:

— Один из афоризмов вашего отца гласил: «Не позволяй врагу определять твою стратегию». И он не только военную стратегию имел в виду.

— Допустим, есть враг, и не совсем гипотетический, — заметила Корделия сухо. — И у этого врага не совсем гипотетические цели. И что? Что конкретно он может сделать? Добиваться моей отставки? — Она обдумала неблагоприятный сценарий. — Если уж на то пошло, меня такое только разъярит. И заставит держаться за место гораздо дольше, просто чтобы доказать этим ничтожествам, что не им решать. Ха.

Майлз вертел в руках пустой бокал. Все еще пытается придумать логические обоснования для беспокойства и оправдать свои эмоции? Корделия не знала, позволить ему это или нет. Он ведь

опытный тактик и поднаторел в поиске нестандартных ходов. Это хорошо, и даже очень, — пока он на твоей стороне.

— Если моя семья рада за меня, — с вызовом заявила Корделия, — то зергиярская общественность или еще какая может идти лесом.

Катриона все еще выглядела обеспокоенной. Что неудивительно для человека с таким сдержанным, мягким характером. Удивительно другое, как такая женщина могла выйти замуж за того, кто и близко не вписывается в ее зону комфорта. Корделия удивлялась, но была безмерно рада, что такое случилось.

— Тетя Фортиц в разговоре со мной как-то заметила, что любая женщина, если она публичная фигура, в первую очередь подвергается нападкам при помощи сексуальной клеветы.

Корделия пожала плечами:

— Профессор — мудрая женщина и блестящий историк, но тут нет ничего нового. Просто уму непостижимо, чего только не нашептывали злые языки про нас с Эйрелом, когда он был регентом или уже позже — премьер-министром. Тут хватало и сексуальной клеветы, и не только. Право же, не знаю, и как только у нас хватало времени на все это.

— Да… пожалуй, — нехотя согласился Майлз. — В основном они никак не могли смириться с тем, что ты бетанка, какой простор для воображения… А уж па всегда был мишенью для клеветников. Полагаю, он считал, что гранаты куда как хуже слов.

«Точнее — и те и эти не подарок».

— Надо сказать, моя научная подготовка в астроэкспедиции совсем не годилась для политики в столице Барраяра. Я-то всегда считала, что нет ничего хуже, чем утверждать то, истинность чего может быть сомнительна, всегда необходимо подтверждение. Жизни людей могут зависеть от точности информации. Поэтому для меня слухи и сплетни выглядели не просто жестокостью, а чем-то нарушающим правильный порядок вещей.

— Странно, — заметила Катриона. — Барраярцы вроде бы считают бетанцев задвинутыми на сексе, но стоит оказаться на Бете, и сразу ясно, что они вовсе не такие.

— Ну конечно. А с чего бы им такими быть? — усмехнулась Корделия.

Губы Майлза чуть дрогнули, но он смолчал, ничего не возразив.

Корделия посмотрела на него и с грустью сказала:

— Да, выходит, что и тебя донимали сплетни и слухи… Ты никогда это не обсуждал, я и подумать не могла…

— В школе да, бывало. Они меня постоянно подначивали. Обзывать меня мутантом уже приелось, вот они и разнообразили репертуар… Пришлось доходчиво объяснять, чтобы заткнулись… Айвену было проще. Он мог просто дать кулаком в морду. А я не мог допустить, чтобы он дрался за меня слишком часто… Разве что в тот раз, когда один придурок обвинил тетю Элис, что она спит с тобой… Вот тут они своего добились. В каком-то смысле… — Майлз злобно ухмыльнулся.

— Элис стала объектом клеветы и грязных домыслов, потому что не вышла замуж вторично, — тихо сказала Корделия. — Что ж, если верить тем сплетникам, то у меня недурной вкус, так ведь? Я была польщена.

— Дед как-то сказал мне, когда меня вывело из себя что-то такое, уж и не припомню что… Он сказал так: «Мы Форкосиганы. Если нас обвиняют в чем-то меньшем, чем убийство или государственная измена, мы и ухом не поведем». Потом подумал и уточнил: «Или только измена». Еще подумал: «А иногда и на это плевать».

Корделия мрачно хмыкнула:

— В этом весь старик Петер. Прямо слышу его голос. Эйрел, впрочем, думал примерно так же. В этих вопросах у них было полное взаимопонимание — или почти. Вывести его из себя можно было, только назвав Мясником Комарры… Он жутко злился. А прочее ему лишь докучало, не более того.

— Зато меня злило, — проворчал Оливер.

Майлз посмотрел на него:

— Ага! Полагаю, вы сполна нахлебались, пока отец был премьер-министром.

— И ведь по морде не съездишь… — Он помрачнел, видимо, припомнил нечто пакостное. И добавил: — Кто это выдержит?..

Когда он служил у Форкосигана, про симпатичного адъютанта премьер-министра тоже ходили слухи. Как водится, все крутилось вокруг секса и верности/неверности в разных комбинациях. Среди прочего упоминалось и искаженное подобие всамделишней ситуации. Но только случайно. Всякий знает: и сломанные часы два раза в сутки показывают точное время. Может, Майлз в свое время слышал эту версию и счел грязными сплетнями, вкупе со всем прочим. Или он вообще ничего не слышал? Учитывая, как

редко в то время он бывал на Барраяре, такой вариант не исключен. Корделия задумалась: как бы уточнить… Она покосилась на Оливера, но тот не желал понимать намеки.

— К окончанию школы и поступлению в Академию все поутихло. Ну, в основном. Но чем циркулировало меньше сплетен, тем гаже они становились.

— К тому времени Эйрел ушел с поста регента. И все как-то само собой сошло на нет, — сказала Корделия. — И слава богу.

— А как насчет реакции здешнего общества? — осторожно спросила Катриона. — И на ваших будущих детей тоже. Для вас это важно?

— Не особо, но самой нарываться на оскорбления вовсе незачем. — Корделия пожала плечами: — Учитывая смешанный состав населения Зергияра, заранее не скажешь. В Период Изоляции на Барраяре вдов репродуктивного возраста не просто поощряли вступать в брак, но и принуждали. Чтобы обеспечить их дальнейшее участие в генном пуле.

Тень скользнула по лицу Катрионы:

— И не только в Период Изоляции, как это ни печально.

Корделия, кивнув, продолжила:

— Вдовы возраста, превышающего репродуктивный, давлению не подвергались, предположительно потому, что не могли привязать к себе мужчину таким образом. Допустим, вслух об этом не говорилось, но именно так и действовали все эти дикие социальные предрассудки, если уж на то пошло.

Майлз хмыкнул. Он ведь никогда раньше не задумывался над такими вопросами.

— Мы не на Барраяре, — заключила Корделия. — Сейчас не Период Изоляции, и понятие репродуктивного возраста уже давно не актуально. Можно не только законсервировать свои гаметы на много десятков лет, есть еще доступная в любом возрасте рекомбинация генов из соматических клеток. Она возможна даже посмертно, если заранее заморозить образец. Теоретически можно получить яйцеклетку даже от младенца женского пола. А ближе к реальным примерам, то ведь есть твой клон-брат Марк.

Майлз не счел нужным обсуждать очевидное, его сейчас не то беспокоило.

— Все так, но… Что подумают люди?.. Не слишком ли Оливер, хм-м… молод для тебя? — Он поморщился с несчастным видом, хорошо представляя шуточки на эту тему, а ведь это малопри-

ятная перспектива.

— Иначе говоря, не слишком ли я стара для Оливера? Спасибо, что нашел такую дипломатичную формулировку, — ехидно поблагодарила Корделия.

— Я тоже вам благодарен, — поддержал ее Оливер с затаенной усмешкой. — Кстати, о возрасте… Мне на днях стукнет пятьдесят. Да, чуть не забыл: всех вас я приглашаю на пикник по случаю этой знаменательной даты, если еще будете здесь.

— Звучит заманчиво, — заметила Катриона.

— Уж не знаю, как насчет заманчивости, но будет очень весело. Во всяком случае, надеюсь. Там будет много семей с базы. И много-много детишек… и аттракционы, ах да! Много чего еще, наверное… — бубнил Оливер без всякого энтузиазма.

— О, отлично!

Майлз практически капитулировал перед численным преимуществом противника, но так просто сдаваться не собирался. Он упрямо вернулся к актуальной на данный момент теме про возраст:

— М-да… Что ж, если быть беспристрастным, то должен признать, цифры сопоставимы… Бетанская продолжительность жизни по сравнению с

барраярской и все такое.

Катриона поморщилась, но все-таки смогла вежливо улыбнуться.

«Что ж, кто-то должен был это сказать». Корделия внезапно поняла, что хочет сделать, — и уязвленное самолюбие Майлза тут ни при чем. Она повернулась к Оливеру и отчеканила:

— Ты должен дать мне слово, Оливер. Пообещай, что переживешь меня.

Оливер растерялся.

— Я… я постараюсь? — только и смог он проговорить, глядя на Корделию в поисках подсказки. Он потер лоб, подумал, и в глазах мелькнуло понимание. Рука, как бы случайно лежащая на спинке кушетки, крепче сжала плечи Корделии, оберегая ее и поддерживая.

Майлзу потребовалась целая минута, чтобы сообразить, о чем это они. Но в итоге он справился.

— А-а… — сказал он. — Ага.

Вот у Катрионы не возникло проблем с пониманием, как женщина женщину, она ее сразу поняла и неохотно кивнула свекрови.

Вскоре вечер подошел к концу. Трое просто валились с ног от усталости. Что же до четвертого… похоже, ему много есть над чем подумать. Но зато никто не увязался за Корделией, когда она пошла

проводить Оливера до дверей, и там они могли без помех поцеловаться и пожелать друг другу спокойной ночи.

И только сейчас он наконец-то выдохнул:

— Уф-ф… Во всем этом… больше политики, чем я ожидал.

— Майлз последнее время ведет себя очень по-графски.

— Я так и не понял, как он все воспринял, а ведь я сидел прямо перед ним и наблюдал.

— Полагаю… он еще выскажет нам свои сомнения. Но, что более вероятно, вывалит их на бедняжку Катриону. Однако для посторонних — мы все выступим единым фронтом. — По крайней мере она очень на это надеялась.

— «Я против брата, мы с братом — против всего мира»?

— Вот именно! Коротко и ясно — все, что надо знать про Майлза и Марка. Так что у него есть опыт.

— Может, мне и не терпится это увидеть, — вздохнул Оливер, — но я готов чуток потерпеть.

Корделия рассмеялась.

— Мы увидимся до завтрашнего вечера на базе? — Они должны были там погрузиться на скачковый катер, который доставит их на борт

«Принца Зерга».

— Боюсь, что нет, — покачал головой Оливер. — Мои помощники подготовили внушительный список всех неотложных дел, которые я должен переделать, прежде чем удрать от них на целый день… Да, жутко далеко, но вполне в пределах досягаемости по сжатому лучу. — Точнее, он намерен удрать на день и две ночи на борту катера, и такой счастливый случай нельзя упускать. Хотя если вспомнить, что Оливер некогда утрясал расписание самого занятого человека в Форбарр-Султане, то вовсе это никакой и не случай, а запланированное мероприятие.

Он ушел к машине, а Корделия вернулась в дом. «Итак, мы прыгнули через второй п-в-туннель». А сколько их еще предстоит преодолеть, прежде чем благополучно достичь дома?

Глава двенадцатая

Корделия проснулась среди ночи и поняла, что больше не заснет. В последнее время ее часто одолевает бессонница. Очень досадно, но можно пойти в кабинет и поискать отчет поскучнее. Выбор богатый, но в итоге она остановилась на чем-то из области финансов и устроилась в уютном кресле. Прошло полчаса, отчет пока еще не убаюкал ее окончательно, и тут раздался негромкий стук в дверь. Она встрепенулась.

— Ты не спишь? — тихонько позвал Майлз.

— Не сплю, заходи. Садись.

Майлз проскользнул внутрь. Он был в старой футболке и трикотажных кальсонах, что его, видимо, устраивало в качестве пижамы. Он сделал несколько шагов, тяжело опираясь на трость, с видимым облегчением плюхнулся в кресло и выдохнул:

— Уффф…

— У тебя измотанный вид, — ласково сказала Корделия, с тревогой вглядываясь в лицо сына. Он был бледен, резко обозначились морщины, в глазах застыла боль, взъерошенные волосы тронуты сединой…

— А-а… Припадок. — Майлз пожал плечами, бессильно откинувшись на спинку кресла.

— Спровоцированный или… э-э… естественный? — Эти припадки возникли после криозаморозки — больше десяти лет назад, и с военной службой пришлось расстаться. Нет, уже почти пятнадцать лет назад… Неврологи из Имперского госпиталя ничего не смогли сделать, припадки обрушивались в самое неподходящее время. Единственное, что удалось придумать, — это сконструировать прибор, который отслеживает показатели, и когда они близки к критическим, срабатывает стимулятор, провоцирующий приступ. Так хотя бы болезнь не застает врасплох, можно выбрать время и место, но и спровоцированные приступы очень выматывают. Схема вполне работает, только проделывать это надо регулярно.

— Спровоцированный. Терпеть не могу похмелье после припадка, но у меня все время повышался уровень показателей и почти достиг критической отметки. Я не хотел рисковать испортить поездку на «Зерг».

— Рада, что ты поступаешь более разумно.

Его губы скривились в усмешке:

— На самом-то деле это Катриона настаивала.

— Значит, ты поступил более чем разумно, что нашел себе такую жену.

— Ага.

— Ты вроде после припадков всегда спишь как убитый?

— Не всегда. Они нарушают мозговую биохимию сна. Иногда вырубаешься мгновенно, а иногда наоборот — сна ни в одном глазу.

— Вот и у меня тоже бывает бессонница…

— Да, но мне пока не… семьдесят шесть, да?

— Точно!

— У тебя недавно был день рождения. Мы посылали видео с детьми.

— Это лучший подарок.

Он кисло улыбнулся:

— Я не мог заснуть, и мысли все время возвращались к тому, о чем мы говорили вечером и…

— И?.. — Корделия отложила ридер и уселась поудобнее, сохраняя видимость полного спокойствия. «Не задавай наводящих вопросов свидетелю».

— Давно, в Форбарр-Султане… эти старые слухи.

— Не слишком конкретно, Майлз.

— Да, не слишком. — Он сделал глубокий вдох и резко выдохнул: — Конкретно, слухи о Джесе

Форратьере. И о папе. Когда они были моложе.

Ха!.. Уж точно не то, к чему она готовилась. Куда более замшелые новости, чем Оливер.

— Дело в том, что я слышал это не только от тех, кто пытался меня взбесить. — Майлз замолчал, подбирая слова. — Так значит… они действительно были… э-э… любовниками или нет? Я имею в виду, они вроде как родственники или свояки?..

— Хм-м… Эйрел так и не посчитал нужным это подтвердить? Или опровергнуть?

Майлзу было явно не по себе, он отводил взгляд и нервно вертел в руках трость.

— Я никогда не спрашивал. — И после паузы: — Но он никогда и не опровергал этого. Хотя многое другое еще как опровергал! Например, бойню на Комарре. Эта тема всегда приводила его в бешенство.

— Неудивительно.

— О да!

Корделия вздохнула:

— Так… ты считаешь, у меня есть право — или обязанность — рассказать тебе то, чем Эйрел так и не счел нужным с тобой поделиться? Что у тебя есть право знать? — Она надеялась, сын понял: вопрос не риторический.

Майлз развел руками:

— Право? Или необходимость? Если бы это была неправда, мне бы так и было сказано. Так ведь? А если это все-таки правда… выходит, есть два-три человека, перед которыми я должен извиниться. Мертвых оклеветать нельзя, как говорится.

— Чушь. Еще как можно. Разве что в суде отвечать не придется.

Он усмехнулся и не стал спорить.

— Краткий ответ может ввести в заблуждение, — сказала Корделия. — Для более развернутого… придется объяснять некоторые обстоятельства.

Майлз откинулся на спинку кресла:

— Я не тороплюсь.

— Это не слишком подходящая сказка на ночь.

— Боюсь, что в истории Барраяра других и нет.

Корделия усмехнулась:

— Точно. — Она глубоко вздохнула. — Насколько я знаю, тебе известно, что после того, как почти всю его семью уничтожили убийцы, подосланные Ури Безумным… Господи, Эйрелу ведь тогда было столько же, сколько сейчас Саше, да? Так вот — генерал граф Петер Низвергатель Императоров не отпускал его от себя ни на шаг всю гражданскую войну. Полагаю, теперь ты понимаешь почему.

Майлз сверкнул глазами, видимо, представив себя на месте Петера, а Сашу — на месте Эйрела. Он помрачнел еще больше.

— Далее… Эйрел прошел военную школу под руководством самого генерала и приобрел исключительный опыт в ходе сражений гражданской войны. И вот война закончилась пленением и расправой над Ури Безумным. А Эйрел попал в эту твою военную академию. В то время она была совсем другой. Ее только недавно открыли, и весь уклад еще не сложился. Джес и Эйрел были троюродными братьями — и друзьями, на тот момент. И ни того, ни другого я не назвала бы психически здоровым — во всяком случае, по бетанским меркам. Не говоря уже о том, что они пережили в отрочестве.

— Я… да… с этим не поспоришь.

— Очевидно, что в таком контексте на гомосексуальные эксперименты между подростками мужского пола смотрели сквозь пальцы. Ну, закона, запрещавшего их, на Барраяре никогда и не было. Просто это не одобрялось обществом. Не знаю, к лучшему или худшему, — ведь в такой ситуации у человека нет и никакой юридической защиты. Но, так или иначе, предполагается, что такие вещи не выставляют напоказ. Я не

могу понять, зачем старик Петер устроил брак Эйрела с сестрой Джеса. Его мать была из Форратьеров, вполне возможно, что такой семейный альянс представлялся старому графу идеальным. А может быть, у него был более сложный план и он хотел с помощью брака заставить Джеса отдалиться от Эйрела. К тому времени граф Петер считал молодого Джеса средоточием всех пороков. Не думаю, что старик предвидел тот кровавый кошмар, который в итоге спровоцировал.

— Значит, тайная дуэль все же была? Из-за ее измены?

— Да. Только не одна дуэль, а две. Эйрел мне сам рассказал. И у меня нет оснований сомневаться, что это правда.

Майлз присвистнул:

— О! Так это же противозаконно?..

— Более чем. Но они, похоже, непосредственно спровоцировали то загадочное самоубийство.

— Отец мне однажды сказал… — Майлз колебался, стоит ли говорить, но все-таки продолжил: — Тогда, давно, когда в столице ходили слухи, что я устранил первого мужа Катрионы. Боже, как это меня бесило. Но не суть. Он тогда сказал, что никогда не был до конца уверен, что ее убил не Петер. Пытаясь исправить свою

собственную ошибку. Как, должно быть, ужасно подозревать в таком преступлении собственного отца. И ни малейшего шанса узнать это наверняка… Он сказал, что не смог спросить.

— Похоже, неумение разговаривать друг с другом — семейная традиция Форкосиганов.

— Я… вроде как должен был бы спросить это у отца.

— Эхмм… — Корделия откашлялась. — Так или иначе, следующие два или три года после ее смерти у Эйрела и Джеса был роман — очень скандальный, надо сказать. Они открыто демонстрировали свои отношения и частенько устраивали пьяные дебоши. — «Адская парочка — начинающий садист и человек, склонный к саморазрушению. Эй, стоп! Майлзу ни к чему такие подробности». — Не думаю, что твой отец мстил Петеру, но он точно попал под перекрестный огонь. В финальной ссоре — перед расставанием — у Эйрела с Джесом не обошлось без кровопролития. Эйрел смог взять себя в руки и занялся карьерой. Джес продолжил свое падение. Хотя и не в смысле военной карьеры, к сожалению. Впоследствии его карьерный рост… сильно навредил Барраярской армии.

— Это все тебе отец рассказал?

— Отчасти. О чем-то я догадалась сама с помощью других источников. Остается только удивляться, сколько доброжелателей считали своим долгом меня просветить, когда я только приехала на Барраяр, хотя к тому моменту прошло уже двадцать лет. Даже адмирал Джес — минут за двадцать до своей… э-э-э… благополучной кончины. Надо сказать, что результат их неизменно разочаровывал. — «И Джеса сильнее всего…» — Наверно, мне следует внести ясность, уж коли зашла речь о давних романах… Все мои возражения относились к характеру Джеса, а не к его полу.

Майлз пожал плечами, как бы говоря: «Бетанские стандарты, ну еще бы».

— Так это все же клевета, даже если и правда?

— Одни и те же факты… можно преподносить по-разному. Вполне нейтрально или так, чтобы вызвать шумиху, навредить и причинить боль — в зависимости от намерений рассказчика. Хотя мне кажется, этот эпизод ни для кого не был тайной — во всяком случае, для людей того поколения. Поэтому уже никого особо не шокировал.

— Меня он еще как поразил, — нахмурился Майлз. — Про тот тяжелый период отец в общих чертах мне сам рассказал, но только не про

Джеса. То есть… я ведь наполовину бетанец, так ведь? На момент разговора я уже не был ребенком. Безусловно, детям такое не рассказывают. Но мне-то было уже тридцать! — Он сморщил нос, демонстрируя все оттенки смятения и беспокойства. — Вместо этого он оставил меня… в заблуждении.

Корделия потерла затылок, в котором потихоньку начиналась тупая боль.

— Это случается, когда два человека столь важны друг для друга. Подумай про такой вариант… Он столь же мучительно переживал, как ты его оцениваешь, — как и тебя всегда волновало, что он о тебе думает.

— Хм-м…

— Давай попробуем по-другому. — Корделия прикусила губу. — Подумай о трех самых глупых и стыдных поступках в твоей жизни.

— Только трех? Сдается мне, их было больше.

— В этом упражнении перевыполнять задание не требуется. Трех достаточно.

— Есть из чего выбирать, но… допустим. — Он откинулся назад, катая трость между ладонями.

— Итак, насколько взрослыми должны быть Зелиг и Симона, чтобы ты мог рассказать им об этом? Десять лет?

— Нет, конечно! Они слишком маленькие для таких моральных кошмаров. — И почти сразу добавил: — И любых других кошмаров, если это будет в моей власти.

— Двадцать?

— Двадцать… возраст растерянности. — Похоже, Майлз уже понимал, куда она клонит. И ему это не очень-то нравилось.

— Тридцать?

— Возможно, — уклонился он от прямого ответа, как и во времена отрочества.

— Сорок?

— Сорок, может, и подойдет, — нехотя согласился он.

— Эйрелу следовало выбрать тридцать девять, по-видимому.

— Э-э… — Едва слышный болезненный выдох.

— А если наоборот? Сколько лет должно быть тебе, чтобы ты мог мне рассказать о своих трех худших поступках?

Теперь Майлз выглядел немного встревоженным.

— Два тебе известны. Третий… на сегодня практически неактуален.

— Я не прошу тебя исповедаться, милый. Просто хочу, чтобы ты приложил усилие и увидел в

своем отце человека, а не супермена. Этот пьедестал слишком высок, чтобы с него падать.

— Да. Полагаю, что так. Ха! — Он наклонился вперед и оперся подбородком на трость. — Я знаю. Я и в самом деле знаю. Интересно, а сам я чем довожу своих детей до бешенства?

— Подростковый возраст уже не за горами, так ведь? Скоро ты получишь от них ответы. Или сам догадаешься.

Он вздрогнул. Потом тяжело вздохнул:

— Еще советы будут, о мудрейшая?

— Раз уж ты прямо спросил… — Она пожала плечами: — Боюсь, ничего оригинального. Прощай и прощен будешь, и что бы ни хотел сказать, не откладывай. Ты можешь опоздать.

— Да, знаю. Знаю, каково это, когда уже ничего не можешь исправить. Последний из моих трех худших поступков в жизни… все именно так.

— Как и для многих.

Майлз снова откинулся на спинку кресла и помолчал, размышляя.

— Отец… он всегда казался таким самодостаточным. Таким сильным. Я пропустил его сердечный приступ, потому что лежал в криокамере. Узнал уже потом, когда все стало налаживаться… наверное, я не…

— Сильным, да. Но никто не может быть настолько сильным, чтобы никогда ни в ком не нуждаться. Думаю, ты уже это понял.

Он склонил голову, соглашаясь, и легкая улыбка тронула его губы. Может, подумал о Катрионе?

Корделия словно только сейчас заметила, как в ярком свете лампы отсвечивает серебром седина в склоненной голове сына.

— В следующем году тебе будет столько же, сколько было Эйрелу, когда мы познакомились. В его волосах тогда было столько же седины, как теперь у тебя, — задумчиво проговорила она.

— Правда? — Он нахмурился и дернул прядь волос, пытаясь рассмотреть. — Может, к восьмидесяти у меня тоже все волосы поседеют.

«Надеюсь, — подумала Корделия, и у нее перехватило дыхание. — Нет, не позволяй страху отравлять счастье, которое у тебя есть — здесь и сейчас. Или горю пожирать твое будущее». Последнее было сложнее.

Ее вдруг стало клонить в сон.

— Как думаешь, теперь ты сможешь заснуть?

Майлз потянулся, расправив плечи.

— Да, попробую.

— Завтра утром можешь спать сколько захочешь…

— Да, конечно. Тебе рано вставать. — Он взял трость, опираясь на нее, выбрался из кресла и направился к выходу. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Сладких снов, сынок.

— И тебе пусть с этим повезет, ма. — Он взмахнул на прощание рукой и вышел. И никаких «спасибо» или «я так рад, что мы об этом поговорили». Впрочем, неудивительно — с учетом всех обстоятельств.

Но тут он просунул голову в приоткрытую дверь и ехидно спросил:

— Так когда ты расскажешь Аурелии все эти дурацкие истории?

«Ого, мальчик кусается!.. И хорошо, значит, ему получше».

— Когда повзрослеет достаточно, чтобы задавать вопросы. — Или никогда. Пусть будущее избавится от давящего груза прошлого. Забывать тоже бывает полезно — и весьма. Не все и не всегда следует помнить, правда? Корделия полностью разделяла эту точку зрения. Избирательная амнезия — лучшее решение всех проблем.

Майлз рассмеялся и ушел восвояси, постукивая тростью по полу. Корделия, тяжело вздохнув, потушила свет.

* * *

Утреннее совещание в вице-королевской канцелярии прошло в быстром темпе, поскольку Корделия была совершенно не расположена безропотно терпеть отклонения от темы. Ей не удалось выспаться, и единственное, о чем она мечтала, — побыстрее развязаться с делами и сбежать. Вернувшись к своему комм-пульту, она нашла вместо обычной виртуальной горы дел, помеченных как срочные, только малюсенький виртуальный холмик. «Спасибо, Иви!» И там даже не обнаружилось никаких скрытых вулканов, пока она не добралась до самого последнего документа в списке.

— Вот ведь что удумали, сукины дети! — воскликнула она, едва бросив взгляд на документ.

Очевидно, что свои эмоции она выразила слишком громко, а ведь вовсе не хотела… Эх, выспаться бы! Иви осторожно спросила через открытую дверь, не преступая границ чужой территории:

— Вы… добрались до предложения «Плас-Дэн»?

— Да! — Корделия с трудом разжала стиснутые зубы. Как там с бюджетом? Надо бы повысить зарплату ее секретарю. Не догадайся она поставить этих из «Плас-Дэна» последними, Корделия вряд

ли бы добралась до конца списка, застряв на их треклятом предложении.

На первый взгляд предложение выглядело безупречным. «Плас-Дэн» хотел построить завод по переработке вторсырья в Гридграде, и Гридград в этом нуждался. Поэтому «Плас-Дэн», уверенный в своей монополии, составил перечень того, что им требуется для поддержки предприятия. И эти их требования… конечно, нельзя сказать, что они совсем уж невыполнимые… но весьма жесткие. Тут напрашивается сравнение с человеком, который сам себя удерживает в заложниках для получения выкупа. Однажды им такое уже с рук сошло, так теперь обнаглели вконец.

И за отсутствием альтернативы Корделия должна покорно выдать им все, что они желают. Или беспомощно смотреть, как ее план перенести столицу из Каринбурга в Гридград тормозится все больше и больше, возможно, что и до полной остановки реализации проекта.

— Вот черт!..

Она еще раз перечитала письмо. Детали сути не меняли. Пока что самый подходящий вариант — сделать пометку «получено, ожидает рассмотрения». Может, имеет смысл изучить повнимательнее, вникая во все детали? Но ведь

вряд ли после третьего прочтения что-то изменится. И вряд ли она сможет достать из воздуха альтернативное предложение.

Она составила и отправила по сжатому лучу напоминание Марку, друзьям в Форбарр-Султане и даже одно сообщение на Комарру. Но если первое сообщение не имело успеха, никогда не знаешь, поможет ли повторное. А пока отложила ответ до возвращения с «Принца Зерга» — послезавтра утром, хотя не похоже, что отсрочка что-то изменит. Они наверняка провели те же расчеты, что и она. И откладывать решение — не более чем мелочная мстительность с ее стороны. Но тем не менее она отложила ответ на потом.

Чуть позже, когда она уже считала, что все же сумеет улизнуть пораньше, и размышляла, чем дети и внуки заняты в саду, пропиликал сигнал. Иви могла просто заглянуть в кабинет, но не сделала этого, и Корделия поняла почему, когда та официально доложила:

— Вице-королева, к вам мэр Кузнецов.

Все специально так проделано, чтобы Корделии было проще отказаться его принять — если не захочет… Ха! А как ей оправдать такой безответственный поступок? Теперь, когда нет Йеркса, ей придется устанавливать контакты с Кузнецовым.

Йеркс, бывало, суетился и производил много шума, но по крайней мере он приучен поддаваться на уговоры. Сама Корделия голосовала за Моро. Очередное разочарование было не внове: в молодости на Колонии Бета при голосовании она, как правило, оказывалась в меньшинстве. «Ох уж этот душка Фредди!» Бетанским избирателям потребовались годы, чтобы избавиться от этого болвана.

Корделия вздохнула:

— Пригласи его, Иви.

Кузнецова сопровождала женщина постарше — член городского совета. Они занимались управлением Каринбуга, избавляя от этого имперское правительство. Поздоровавшись, Корделия — с приклеенной любезной улыбкой — указала на удобные стулья по другую сторону комм-пульта. Эти двое были настроены решительно, но явно нервничали. Корделия заменила стандартное «Чем правительство его императорского величества может в данный момент быть полезным Каринбургу?» на более нейтральное, хотя вполне дружелюбное:

— И что же вы хотели сегодня донести до моего сведения, мэр, советник?

Кузнецов наклонился и выложил на черное

стекло стола слегка потертый планшет.

— Это, — высокопарно начал он, — официальная петиция против планируемого перемещения Имперской планетарной столицы из исторического Каринбурга в незначительный провинциальный город. Мы уже собрали более пяти тысяч подписей, и если этого окажется недостаточно, то соберем больше. Столько, чтобы голоса тех, кому мы служим, прозвучали громче и были услышаны.

— Что ж, отличное упражнение в демократии, — заметила Корделия, не притрагиваясь к петиции. Многие барраярские иммигранты постарше с недоверием относились к подобным инопланетным процедурам, тогда как другие прекрасно с таковыми освоились и изощрялись в способах набирать голоса. В голосованиях первенство оставалось за комаррианами, как более опытными в таких делах. Некоторые из самых продвинутых местных волонтеров шли с ними наравне, но обогнать все же не могли.

— Как бетанка вы, конечно же, не можете оставить петицию без внимания, — заявила советник мадам Нойе.

Корделия откинулась в кресле и скрестила руки на груди:

— Я не бетанка уже почти сорок лет, но я вас вполне понимаю. Петиции — это само по себе неплохо. Вот только повод неподходящий…

— Вы так считаете? Позвольте с вами не согласиться, ваше сиятельство. Каринбургу будет нанесен смертельный удар! Если мы не будем столицей, это задушит рост города, лишит перспектив развития! — убеждал Кузнецов. — У нашего Каринбурга не будет ни малейшего шанса прославиться!

«Вот именно», — подумала Корделия, но вслух сказала:

— Никто не предполагает нанести вашему городу смертельный удар. Все, что есть здесь сейчас, тут и останется. Включая базу и гражданский космопорт. Эти столь важные для развития города объекты никто не собирается закрывать. По крайней мере в ближайшее время. — Она поджала губы. — Подумайте также о том, что размер — не единственный показатель славы. Какое здесь сейчас население, около сорока тысяч? Как и во Флоренции… в Италии, в эпоху Высокого Возрождения. Так где наш Леонардо да Винчи? Наш Микеланджело? — Она не стала добавлять «Где наш Брунеллески?», любимый безумный архитектор Эйрела со Старой Земли, потому что

возводить архитектурные шедевры в обреченном Каринбурге было бы трагедией.

— Мы были первым — и передовым — поселением колонистов на Зергияре, — сказал Кузнецов. — Здесь начиналась и здесь творилась славная история этого мира. И Каринбург был его центром и должен таковым и остаться!

— Да, я в курсе, как оно все начиналось. Сама при этом присутствовала, знаете ли, — сухо сказала Корделия. В те времена Кузнецов, произносящий сейчас пафосные речи, пачкал пеленки где-нибудь на Барраяре. Нойе по возрасту могла быть его старшей кузиной. — История — да, славная — нет. Каринбург, вернее, база создавалась как тайный склад военных припасов, чуть позже — как площадка для шаттлов и омерзительный концентрационный лагерь. И имели место реально мерзкие события. Провальное вторжение на Эскобар отнюдь не звездный час славы Барраяра, как вам известно. Никто тогда не удосужился заняться планированием рационального заселения Зергияра, все были слишком заняты интригами старой партии войны. Мирная колонизация одной из лучших планет земного типа, открытых за последние два поколения, не удостоилась их внимания, так как это сулило только тяжкий

труд — и никакой славы. Да и отдачу получишь не скоро.

Кузнецов пожал плечами, нехотя соглашаясь. Он не был фором и не страдал аллергией на работу. Во всяком случае, настолько, насколько Корделия могла это оценить. Сейчас он хотя бы выполняет ту работу, за которую ему платят. К сожалению.

— Тера не извергалась тысячи лет, — заметила Нойе. — Может пройти еще не одна тысяча до следующего извержения.

— Сотни лет, — уточнила Корделия. — Самое сильное извержение, которое снесло верхушку горы, произошло примерно тысячу лет назад, но с тех пор периодически случались более слабые. Временная шкала активности вулкана за последние несколько тысячелетий есть в публичном доступе. — «И все еще дополняется с появлением новых сведений — к сожалению, недостаточно быстро. Нужно больше людей». — Вулкан не потухший, просто спящий, и поскольку трещина под ним продолжает смещаться и расширяться, то сложно дать долгосрочный прогноз. Нет, в ближайшие десять лет извержения не предвидится, иначе я бы уже сейчас приступила к эвакуации население Каринбурга. В следующие сто? Воз-

можно. Двести? Почти наверняка.

— Но ведь на Старой Земле есть города, построенные вблизи вулканов, гораздо более активных, чем этот, — сказал Кузнецов. — И многие века они отстраивались и продолжали жить.

— Да, но эти города были основаны до того, как люди узнали, что такое тектонические плиты. Тогда извержения вулканов считали божьей карой. А когда уже появились научные объяснения геологических катастроф, то, что люди продолжали жить в этих городах, объясняется просто инерцией. И неспособностью видеть дальше своего носа. И ложным доводом о невосполнимых издержках. Мы не можем оправдаться незнанием. Издержки никогда не будут меньше, чем теперь. А инерция — то самое свойство общества, которое я пытаюсь уменьшить.

— Уничтожая будущее Каринбурга! — возразил Кузнецов.

Корделии хотелось рвать на себе волосы.

— Будущее Каринбурга — это раскаленная лава, сметающая все на своем пути!.. Но скорее всего, когда начнется извержение, город уже будет лежать в руинах после серии мощных подземных толчков, предшествующих пробуждению вулкана… — Она печально улыбнулась. Надо

сказать, что на данный момент насущный вопрос с «Пласт-Дэн» беспокоил ее гораздо больше, чем извержение вулкана. — Эйрел как-то заметил, когда мы с ним это обсуждали: «Не землетрясения убивают людей, их убивают подрядчики». Думаю, в чем-то он был прав, но тем не менее…

— От здешних землетрясений разве что тарелки в буфете чуток дребезжат, — сердито заметила Нойе. — Да и то не чаще чем раз или два в год!

«А десять лет назад как? Похоже, ее тут не было во время подземного разлома… Иначе бы она такое не говорила», — подумала Корделия.

— К сожалению, все не так хорошо, как может показаться… — Она вздохнула и покачала головой. — В разломе сейсмическая активность не прекращается. Только если подземные толчки на большой глубине и не очень значительные, то люди этого не замечают. Но вся информация поступает в правительственную сеть. Вулканологи вносят ее в режиме реального времени. И эти данные есть в общем доступе. — Корделию настырность посетителей и их упорное нежелание видеть очевидное уже здорово злили. Очень хотелось стукнуть кулаком по столу и заорать: «Ну как же вы не понимаете? Это же очевидно!»

— Ох уж эта научная абракадабра! — фыркнула

Нойе. — Любое вранье пройдет незамеченным, потому что никто ничего не поймет. Разве не так?

Корделия в изумлении уставилась на посетительницу:

— Конечно, не так! Все пояснения способен понять даже десятилетний ребенок. Да-да, именно так! Тексты были опробованы на детях этого возраста. Блез Гатти по моему поручению отправился в школу и проверил. Так вот, дети прекрасно поняли прочитанное. Есть обучающая запись, показывающая, как расшифровывать графики и диаграммы. Каждый может посмотреть.

— Я вижу пока только одно, — процедила Нойе сквозь зубы, — ваш хваленый прогрессизм, вице-королева, — сплошное притворство! Пять тысяч голосов вы отметаете одним словом фора.

— Послушайте, — Корделия подалась вперед, опираясь на стол, — тут не может быть политического решения, потому что это не политическая проблема. Астероиды… люди адмирала Джоула могут помочь с астероидами. Но не с вулканами. Это проблема совсем другого порядка. — Ну, за исключением случаев, когда астероиды размером с планету, но Корделия научилась не ослаблять свои же аргументы чрезмерной точно-

стью. — Грегор наделил канцелярию вице-короля многими полномочиями, но не сверхмощью. Я не могу остановить дрейф континентов. — И она задумчиво добавила: — А если бы и могла, то в долгосрочной перспективе это губительно сказалось бы на биосфере Зергияра.

— Но вы бы могли остановить перенос столицы, — сказал Кузнецов.

«Будь я злодейкой или дурой — несомненно». Она вздохнула и подтолкнула ридер с подписями к представителям общественности.

— Предлагаю вам отправиться к старому жерлу и представить свою петицию вулкану. Он, а не я, определяет тут долгосрочные перспективы. Но если получите ответ, *бегите*.

— Очень смешно, — с горечью проговорил Кузнецов. — Жаль, экономические тяготы жителей Каринбурга, которые по вашей милости для них неизбежны, для вас не более чем шутка.

— Не стоит преувеличивать, — спокойно возразила Корделия. — Значительная часть жителей Каринбурга, конечно, уже не извлечет столь значительные прибыли, на которые они рассчитывали, это правда. Но голодать им вряд ли придется.

Нойе схватила ридер, бросая гневные взгляды

на Корделию.

— Вы даже не соизволили дослушать до конца, вице-королева.

«Мне крупно повезло».

— В Каринбурге много того, что я и сама любила. Вице-королевский дворец — это дом, который я построила. И с самим дворцом, и с садами связаны многие самые счастливые воспоминания. — Как и самое печальное, но это их не касается. — И для меня совсем не пустяк их покинуть. Мы с Эйрелом делали для этого места все, что могли, пока жили здесь. Но если я хочу для своих людей лучшего будущего, им нужно научиться переменам.

Посетители уже поняли, что сегодня взаимопонимания не достигнуть, и удалились из кабинета, разобиженные и возмущенные. Но главное, что они ушли, а значит, и Корделии ничто не мешает сделать то же самое.

* * *

Когда Корделия вскоре вышла из кабинета, она увидела Блеза, болтавшего с Иви. И никаких просителей в приемной.

Иви подняла голову:

— Уже уходите? Удачной поездки!

— Спасибо! Должно быть потрясающе инте-

ресно.

— А вам точно пресс-секретарь в поездке не нужен? — спросил Блез с робкой надеждой.

— Извини, мне вполне достаточно семейства. Не все подряд нужно пиарить, знаешь ли. — Блез смотрел с таким несчастным видом, что сразу хотелось его утешить. Обычный его приемчик — бить на жалость — на сей раз не сработал. — Можешь пока написать небольшую заметку. Покажешь, прежде чем публиковать.

Пресс-секретарь кивнул, принимая утешительный приз. К тому моменту, когда он закончит, скорее всего получится огромная статья, но повод казался Корделии безопасным, а урок истории — скорее полезным. Хотя придется перепроверять с военными цензорами каждое упоминание процедуры консервации, чтобы не получилось в итоге объявление для всех инопланетников на бескрайних просторах космоса: «Не проходите мимо! Спешите растащить наше имущество! Я объясню, как это лучше сделать!»

Уже в дверях Корделия подумала: «А почему бы и нет? Надо им сказать, сейчас подходящий момент».

— Кстати, мне, видимо, следует вам обоим сообщить — чтобы вы были в курсе: мы с адмиралом

Джоулом начали встречаться. Это не секрет, но информация личная, так что обращайтесь с ней соответственно. И, Блез, если, когда будешь просматривать прессу, тебе на глаза попадется что-то с этим связанное, проинформируй меня.

«Вот так. Подстраховка от внезапности разоблачения. Достойный поступок, или по крайней мере я сделала то, что должна была сделать. Как сходить к дантисту».

Блез выглядел ошеломленным.

— Э?.. Неужели?

Иви тоже потрясло это известие, и в ней проснулось любопытство:

— Джентльмен Джоул, волк-одиночка… Ой, неужели правда? Как так получилось?

Корделия отметила, что улыбочка Иви какая-то скабрезная — или просто смущенная? В любом случае, кажется, ей давали понять: если возникнет желание с кем-то обсудить достоинства Оливера — навроде того, как граф Петер обсуждал своих лошадей со старыми соратниками, — Корделия всегда найдет благодарного слушателя. И то лучше, чем говорить об Оливере с Майлзом. К тому же Иви умеет держать свои мысли при себе.

— Мы как-нибудь непременно обсудим это

за ланчем. — «Который почти наверняка будет состоять из сандвичей за рабочим столом».

Иви шутливо отсалютовала, сияя улыбкой.

— Может так получиться, что с этим возникнут некие… сложности? Как вы думаете? — спросил Блез. — Покойный вице-король… — Корделия не знала, что именно в ее лице остановило его на полуслове, но он хотя бы заткнулся.

«Пусть кто-нибудь только попробует создать эти самые сложности… Клянусь, от него рожки да ножки останутся». Этого Корделия, к сожалению, вслух сказать не могла, а надо бы. А еще лучше — сделать.

— Понятия не имею. Поэтому вы и услышали то, что в любом другом случае никого бы не касалось. — «Включая тебя», — повисло в воздухе. — Но на всякий случай вдруг пригодится? Подумайте на досуге, как превратить это в старую, скучную, никому не нужную не новость…

Тихий профессиональный стон.

Она ухмыльнулась и выскочила за дверь.

* * *

Корделия опасалась, что доставка ее семейства на орбиту превратится в сплошной цирк. Но все прошло не так уж плохо: у Майлза имелся

богатый опыт передислоцирования небольших армий. Малышей и Тауру было решено оставить во дворце с няней, прислугой, Службой Безопасности и Рыковым — как опытным сенешалем. Это существенно облегало задачу. А трое старших плюс Фредди — жалкая горстка, к тому же окруженная взрослыми. Пока Майлз остается в лагере взрослых, они в безопасности. Военный экипаж, управлявший катером вице-королевы и курьерским кораблем сопровождения, был только рад внеплановому вылету — дополнительные часы в космосе для послужного списка, а тут еще вдобавок можно посетить исторический корабль. И у них на борту вице-королева и адмирал.

После того как они вышли с орбиты, на смотровую палубу был подан обед. Накрыли два стола. За одним — четверо детей, предоставленных самим себе, плюс отданные им на растерзание младшие офицеры и старшие техники. Таким образом, оказавшиеся за вторым столом старшие Форкосиганы, Оливер, свободные от вахты офицеры и личный врач вице-королевы могли беспрепятственно вести свои скучные взрослые беседы. И эти беседы были не так уж скучны, но Корделия все равно пообещала себе завтра вечером пересесть за другой стол.

За столом — вполне предсказуемо — разговор зашел про пункт назначения. Оливер излагал официальные версии своих военных историй — он их уже давно знал наизусть. Майлз прикладывал немалые усилия, чтобы не расхохотаться, хотя один раз закашлялся, подавившись вином. О героической роли наемного флота, удерживавшего п-в-туннель Вервана до тех пор, пока «Принц Зерг» и корабли Альянса Ступицы Хеджена (созданного исключительно для этого случая) не разорвали кольцо блокады и не нанесли врагу сокрушительное поражение, — разумеется, знали все присутствующие здесь военные.

— Так что вы делали перед цетагандийским вторжением на Верван, граф Форкосиган? — поинтересовался капитан Окойн. — Вы ведь тогда были офицером в самых младших чинах, кажется. Служба Безопасности, если я не ошибаюсь?

Майлз прочистил горло:

— Могу сказать только, что в тот момент занимался сбором информации для СБ в Ступице Хеджена. Более детальный рассказ, боюсь, придется отложить еще на три года. По крайней мере из моих уст. — Для секретной информации время делится на пятилетние циклы, а конкретно эта информация может быть рассекречена через

четверть века. Отсчитывал ли Майлз дни? Не исключено. Хотя Корделия была уверена, что в силу ряда обстоятельств ждать придется не двадцать пять лет, а все пятьдесят, но теперь это уже не казалось ей таким долгим сроком, как раньше.

— Какой смысл играть в молчанку, — сказал Окойн, — когда есть все эти верванские голодрамы?

Корделия давно пересмотрела их все — ну или почти все. У Майлза была целая коллекция, которой он оделял родных и близких — включая порой и Грегора, а затем и своего друга-историка, коммодора СБ Галени, у которого имелся допуск, — и в мельчайших деталях критиковал все ошибки. Эйрел обычно не мог удержаться от соблазна помочь, побурчать и покритиковать критические разборы Майлза.

— Я знаю, — вздохнул Майлз. — Но тем не менее — три года.

Окойн выглядел разочарованным, однако возразить тут было нечего. Оливер мягко сменил тему:

— Раз уж вы тут, Майлз, можете повторить свою боевую игру, которую проводили пару лет назад? «Пресечем попытку воровства с наших верфей»?

Ну конечно, именно этой игрой Майлз увенчал

свое Аудиторское расследование, когда на Зергиярском флоте действовала группа расхитителей.

Майлз отреагировал с энтузиазмом форели, завидевшей соблазнительную наживку.

— Мы сможем разыграть это вживую? Потребуется определенная подготовка, но я готов поспорить, что сумею удивить…

— Симулятор, — перебил его Оливер. — Так вы сможете проиграть большее количество сценариев.

«И отделаться гораздо меньшей кровью по сравнению с вариантом игры в солдатики живыми людьми», — подумала Корделия.

Майлз все же попытался:

— Симулятор — тоже, конечно, сойдет… Но если хочешь выявить проблемы, о которых никто не подумал, гораздо лучше убрать из реальности все виртуальные условности.

— В принципе я с вами согласен, — сказал Джоул. — Но все равно я — за симулятор.

Офицеры за столом стали бурно обсуждать различные способы проведения этого ценного тренинга, и до конца ужина проблем с новыми темами больше не возникало. Впрочем, Катрионе, Корделии и врачу не пришлось слишком долго слушать про симуляторы и прочее. Дети

уже поели и раскапризничались, а младшим офицерам пора было возвращаться к работе. Оливер, похоже, хотел пойти в постель пораньше, да и Корделия тоже.

* * *

Наконец-то им удалось остаться наедине. И все было именно так, как Оливер себе представлял все эти долгие недели наверху. Нестандартная широкая кровать в ее стандартной каюте — вот и все, что им требовалось в этом мире. После она позволила ему первому пойти в душ — вдвоем слишком тесно мыться. А когда после душа вернулась в постель, то очень удивилась, что Оливер еще не спит. Он лежал на спине, закинув руку за голову, и смотрел в темноту.

— Ты сегодня тихий, — сказала она, забираясь под одеяло и положив голову ему на грудь, прижимаясь ухом туда, где стучало сердце. — Думаешь о прошлом?

— Нет, о будущем. — Он поцеловал ее волосы. — Тут вот прислали… по работе.

— Это еще зачем? Ты собирался взять отпуск на неделю. Размеренная жизнь для поправки здоровья и все такое?..

Он фыркнул:

— Эй! Ты из-за этого не спишь? Что-то важное?

— М-м… да. Думаю, да.

— Может, обсудим? Если ты скажешь мне, какая информация конфиденциальна, то она таковой и останется.

Вот как раз в этом Оливер нисколько не сомневался.

— Я получил личное сообщение от адмирала Деплена. Он ищет себе замену на должность шефа оперативного отдела Генштаба. Он сказал, что эта должность как раз для меня — он так считает, — если я вдруг захочу кинуть в шляпу записочку со своим именем.

Корделия замерла, тихо моргая.

— А… ты уже отправил ответ?

— Нет пока.

— Не решил? Или решил, но отложил ответ на потом?

«Нет — да, наверное».

— Не решил.

Корделия подняла голову и легла рядом, опираясь на локоть. Он так хорошо изучил ее тело, что оно перестало действовать на него отвлекающе, хотя все равно вызывало восторг.

— Если бы это было радостное «да», ты бы уже прямо сейчас паковал чемоданы на Барраяр.

— Ну, не прямо сейчас… — Его губы дрогнули в улыбке. — Для начала надо найти себе замену. Хотя Бобрик готов к повышению. — «Должен быть готов, на случай критической ситуации». — Как ты думаешь, сможешь с ним работать?

— Да, — медленно ответила она. — Будет не так легко — и приятно, как с тобой, но я смогла бы подстроиться. В любом случае это ненадолго. — Она не сказала: «А как насчет нас?» Только спросила: — Что ты станешь делать со своими эмбрионами?

— В точку. — «Так всегда отвечал Эйрел, пойманный в момент выбора». Он расстроенно прикусил губу.

— Я… — Она замолчала. Но все же рискнула спросить прямо: — Тебе нужна помощь, чтобы разобраться? Или мне лучше не вмешиваться?

Если бы он не хотел ее вмешательства, он бы промолчал, так ведь?

— А ты будешь беспристрастным арбитром?

— Нет, но могу притвориться. Ненадолго. — Как бы готовясь к этому, она отодвинулась подальше.

— Я прокручиваю его предложение в голове уже два дня, — вздохнул Джоул. — Теперь давай ты.

— Ну… — Она задумалась, закусив губу. — По-

пробуем одну гипотезу. Если бы Деплен предложил тебе это пять месяцев назад, скажем, на Зимнепраздник, — что бы ты сделал?

Оливер подумал об этих пустых днях, полных давнего горя. Теперь, с той вершины, где он находился сейчас, они казались безумно далекими. Горе можно похоронить в работе, загнать его в гроб и запереть.

— Я бы согласился, — ответил он, не раздумывая. — Несмотря на… нет, именно из-за сложности задачи. Это стало бы не решением, принятым от отчаяния, а шансом выйти из глухого стазиса. Двигаться вперед… к чему-то. К неизвестности.

Могли бы на том пути появиться новые люди? Любовь? В том кругу он заинтересовал бы многих и мог бы выбрать партнера со схожими интересами. Он вспомнил смеющийся голос Корделии, которая однажды переиначила цитату: «Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе партнера».

Хотя тот, кто готов обменять Корделию в руках на любое количество птиц в небе, — круглый дурак. Впрочем, о вкусах не спорят. Но тогда, пять месяцев назад, его руки были пусты, так ведь? Потому что он еще не протянул ей руку и не ухва-

тился за ее руку, протянутую к нему. Теперь это время как в тумане. «Держись, держись, нам надо прекратить падать, это плохо кончится…»

Он глубоко вздохнул:

— А потом ты предложила мне совершенно другое неизвестное будущее. Так что теперь у меня два пути и только одна пара ног.

Она еще немного отодвинулась — чтобы не выйти из роли беспристрастного арбитра. Не то чтобы это сработало, но он зачел попытку.

— Я все время думаю, — продолжил он, — что Эйрел уговаривал бы меня согласиться. На оперативный отдел, я имею в виду. Я не уверен, что он предвидел… другой вариант. — Мог ли он хотеть, чтобы Джоул и Корделия унаследовали друг друга? Даже надеяться? Вот эмбрионов Эйрел точно предвидеть не мог. Сердце болезненно сжалось при мысли, что он не видел лицо Эйрела, когда Корделия предложила ему, Оливеру, детей.

Она пожала плечами:

— У всех были иные планы. И их постигла та же судьба, что и большинство планов. Но да, я уверена, ты прав. Его привело бы в восторг твое повышение. Мы тогда могли бы даже вернуться в округ.

Джоул кивнул, его только что посетила та же

мысль.

— Его всегда волновала моя карьера. Иногда больше, чем меня самого. Тогда уехать из Форбарр-Султана казалось мне ссылкой, будто меня прогнали, бросили, несмотря на то что я приезжал к вам на время отпусков, но он был прав: мне необходимо было новое пространство для роста. И не только в плане карьеры.

— Он умел разбираться в людях, — согласилась Корделия. — Хотя в этом случае я всегда подозревала в нем дар провидца: защитить твою карьеру, чтобы косвенным образом защитить тебя.

— Хм-м… — Сейчас Джоул определенно понимал это лучше, чем тогда, много лет назад.

— Не знаю, насколько это важно, но даже тогда он то и дело заговаривал о той работе, которой ты когда-нибудь мог бы заняться в округе. Это как пытаться отложить книгу, но продолжать держать палец на определенной странице. Немного сложно.

Джоул невольно улыбнулся:

— А я приблизил это «когда-нибудь», приехав к вам на Зергияр.

— И правильно сделал. — Она потянулась к нему, словно хотела поцеловать, но вовремя вспомнила о своей беспристрастности. — Итак,

ты устроил в своей голове эдакий армрестлинг — правая рука против левой, одна рука за него, другая за меня?

Джоула неприятно поразила такая проницательность.

— Ну… может быть, — растерянно пробормотал он. — В некоторой степени. Тебе не нужно мне это говорить… Я знаю, это бессмысленно…

Она взмахнула рукой:

— Нет, это другое. У Майлза и его деда Петера были, скажем так, сложные отношения, когда он был маленьким. К чести Петера должна отметить, что даже в преклонном возрасте он справился, пусть и не совсем безболезненно. Хотя, надо сказать, Эйрел не оставил ему особого выбора. Наследник-мутант — или никакого наследника. Когда Петер умер, Майлзу было семнадцать, и несколько следующих лет он провел, выворачиваясь наизнанку и завязываясь в узел, — чего он только не делал ради того, чтобы старик мог им гордиться. Майлз не был бы Майлзом, если бы и сам от этого не получал удовольствие. Но зрелище было душераздирающее.

— Многозадачность. Фамильная черта Форкосиганов?

Ему удалось вызвать у нее улыбку. Она продол-

жила свою мысль:

— В последнее время это, кажется, прошло. Он больше не вздрагивает, когда его называют графом. И не оглядывается по сторонам в поисках настоящего графа. — Корделия помолчала и провела ладонью по его лицу. — Или настоящего адмирала.

Оливер понял, к чему она вела, но…

— Это должно что-то прояснить?

Она вздохнула:

— Может, и нет. Просто я хотела сказать, что уже наблюдала, как дорогой мне человек сжигает свою жизнь в качестве приношения мертвецу. Все мы как-то выжили, но именно что как-то. — Она улыбнулась. — К счастью, ты не сможешь быть изобретательнее Майлза в попытках себя убить. Я почти уверена, что ты переживешь оперативный отдел. А он — тебя. Деплен не ошибается.

Он кивнул. Они оба знали, что настоящий вопрос в другом.

— Вроде есть такая притча про издохшую от голода лошадь. Она, помнится, выбирала между двумя стогами сена и никак не могла выбрать?

Корделия накрутила на палец прядку волос.

— Итак, какой стог больше? Или ближе? Нужно

определиться — какой более доступен.

— Оперативный отдел ближе. Странно. Проще, хотя звучит абсурдно. Но нельзя знать заранее, правда? Больше похоже на два стога неизвестного размера за закрытыми дверями. — «Принцесса или тигр?» — Мне кажется, метафора тоже не помогает. — Он попробовал другой подход: — Долг или счастье? И как человек может быть счастлив, зная, что не исполнил свой долг?

— А-а, — протянула Корделия. И печально улыбнулась.

— Скоро мне надо будет дать Деплену ответ.

— А-а.

— Это не то предложение, которое получаешь дважды. Есть и другие офицеры, ожидающие продвижения по службе.

— А-а.

— Хотя уйти в отставку адмиралом Зергиярского флота — уже куда больше, чем я мечтал добиться в жизни.

— А-а.

— Что значит «а-а»? — уточнил он слегка раздраженно.

— Это как прикусить язык, но не так больно.

— А-а, — отозвался он, что по крайней мере ее рассмешило.

— Спасибо, что доверился мне. Теперь не придется придумывать всякие зловещие объяснения твоей растерянности.

— Я выгляжу растерянным?

— Только для того, кто хорошо тебя знает.

Был ли в его жизни кто-то, кто знал его лучше и ближе? Как говорится, «нельзя заново завести старых друзей». В принципе, можно, но это займет уйму времени. А время рано или поздно заканчивается.

— Эмбрионы не смогут отправиться со мной в Форбарр-Султан, — сказал он.

— Наверняка нет.

— А ты отправиться не захочешь.

— Нет. Я сделала свой выбор и выбрала для себя Зергияр.

— В отличие от твоего Майлза я не смогу получить и то, и другое. В том, другом будущем могут быть другие награды, но… не эти. — Ему вдруг пришло в голову, что постель — не самое подходящее место для такого разговора. Хотя он и не представлял себе подобный разговор ни у нее, ни у себя в кабинете.

— Эмбрионы пролежат замороженными в полной сохранности еще лет десять. Или даже больше, — подсказала она тоном арбитра. — Если

не будет извержений вулкана, но вроде в ближайшее время не ожидается. Я же… — Она покачала головой.

— Ты? — подбодрил он.

— Я хотела сказать, что тоже буду здесь. Но не замороженной в неизменном состоянии все это время, как эмбрионы. Самое большее, что могу обещать, — я планирую быть тут.

И он не мог попросить ее подождать, заморозить себя для него в криостазисе. «Сейчас или никогда» казалось чересчур драматичным, зато «сейчас или никаких гарантий» выглядело честно. Реалистично. Благоразумно… Итак, они вернулись к тому, с чего начали.

— Еще мысли?

— Боюсь, я исчерпала свои способности к беспристрастному суждению, извини.

Нет, она не избавит его от ответственности за его собственное решение. Именно такой разговор он и предвидел. Хотел ли он, чтобы она страстно умоляла его остаться? Требовала, чтобы он бросил все ради жизни и любви? Это не в обычае Форкосиганов, и все же… некогда она сделала именно так, бросила все — карьеру, семью и оставила Колонию Бета ради Барраяра. «Нет, ради Эйрела». Без малейшего сожаления? Кто знает…

— Если бы ты знала все заранее, тогда, до приезда на Барраяр, ты бы все равно сделала тот же выбор? — вдруг спросил он.

Она помолчала, размышляя.

— Если бы знала заранее? Нет, я бы струсила. А вот сейчас… Да, я рада, что сделала такой выбор. Если бы я говорила, что хочу что-то изменить в своей жизни, о чем-то сожалею… Но ведь если бы я тогда не рискнула связать свою судьбу с Барраяром, то в моей жизни не было бы людей, которых я люблю. Но ведь были бы другие?.. Может быть. И эта была бы, как говорится, уже совсем другая история.

И в этом вся Корделия. Не «Империя бы пала», а люди, просто люди, появившиеся или исчезнувшие из-за сделанного ею выбора. Он не знал никого другого, кто думал бы так просто или так глубоко.

Оливер прижал ее к себе, погасил свет, и они уснули в обнимку, тихо посапывая.

Глава тринадцатая

«Корабль-призрак» — вот что мог бы подумать Джоул, когда шагал на следующий день по гулким пустым коридорам «Принца Зерга». И словно видел здесь призраки прошлого: смутные тени появлялись и исчезали, как бывает, когда видишь галлюцинации от усталости. Некоторые из них уже покинули этот мир, но многие живы. И всех их, мертвых и живых, раскидало по свету прочь от того, что в свое время казалось для них самым важным. Он глянул на Майлза — тот был погружен в себя и задумчив. Не исключено, что и он смотрит сейчас на тех же самых призраков.

В свите вице-королевы оказалось столько желающих своими глазами увидеть «Принца Зерга», что экскурсантов разбили на две группы. Ту группу, где была Корделия, вел лично капитан временного экипажа линкора в сопровождении главного инженера. Это, конечно, добавляло им работы, зато они на законных основаниях на несколько часов оказались в центре внимания — приятное разнообразие во время скучного планового полета. Да и генеральная уборка перед приходом гостей лишней никогда не бывает.

Когда они прошли в инженерный отсек, Джоул стал оглядываться по сторонам почти с таким же любопытством, как и остальные. В те давние месяцы он нечасто спускался сюда. Детей распределили среди взрослых: Корделия держала за руку Сашу, Майлз — Элен, а Катриона — Лиззи, чтобы те не нажали какую-нибудь кнопку, не отключенную по несчастливой случайности. В какие-то минуты казалось, что Корделия предпочла бы сдать внука Джоулу и держать за руку самого Майлза, но тот все же смог овладеть собой. Его профессиональная лекция о способах захвата корабля прямо из машинного отделения ограничилась только словами, хотя, когда они уходили, Майлз то и дело задумчиво оглядывался через плечо.

А вот когда экскурсанты оказались на мостике, а уж тем более в тактической рубке, то тут Джоул был в своей стихии. И здесь имелся тактический компьютер в рабочем состоянии. Пускать на запчасти это старье смысла не имело никакого, только на металлолом, поэтому просто убрали с него все, что до сих пор не рассекретили. И конечно же, команда «Принца Зерга» с удовольствием играла на нем в военные игры. Джоул ничего не имел против такого полезного развлечения.

Здесь не возбранялось тыкать в любые кнопки, в какие только захочется, чем Майлз мгновенно воспользовался, начав на симуляторе космический бой вместе с детьми и Фредди.

Джоула пригласили присоединиться, но он только улыбнулся и покачал головой:

— Я уже видел все это в деле.

Корделия тоже не слишком хотела принимать непосредственное участие в виртуальной битве. Она подошла к Джоулу, взяла его под руку и стала просто наблюдать.

— Я часто задумывалась, что же остается на долю офицеров корабля, если тактический компьютер делает так много всего, — заметила Катриона, тоже наблюдавшая. — И так быстро.

— Есть несколько видов решений, которые он принять не в силах, — пояснил Джоул. — В основном — политических. А бывает, что офицер может знать нечто, чего нет в компьютере. Но, даже учитывая все это, я лишь несколько раз видел, как Эйрел брал управление на себя в разгар боя в Ступице Хеджена. Три раза из четырех он правильно предугадывал следующий шаг врага, когда тот сам перехватывал управление у своего тактического компьютера.

Та битва длилась несколько адских часов, но

даже они не шли в сравнение с напряжением предшествующих ей недель. По официальной версии, молодой император Грегор тайно покинул экономическую конференцию на Комарре, где присутствовал вместе со своим премьер-министром, и направился с секретной дипломатической миссией в Ступицу Хеджена, чтобы убедить тамошние разрозненные государства объединиться из-за угрозы цетагандийского вторжения на планету Верван. Поскольку система Вервана граничила со Ступицей, ожидалось, что цетагандийцы используют его как отправную точку для захвата Ступицы Хеджена и ее многочисленных п-в-туннелей, затем скорее всего двинутся дальше — в систему Пола, чтобы закрепить стратегическое преимущество в этом секторе. А уж оттуда шагнут прямо на порог Барраярской Империи — к Комарре.

Спешно завербованного двойника Грегора отправили на Барраяр прикрывать внезапное отсутствие императора под предлогом нездоровья. Вторым слоем прошла дезинформация, что на самом деле император исчез с Комарры и его то ли похитили, то ли еще хуже. Негласным подтверждением послужил отчаянный, хоть и с полным соблюдением секретности, обыск,

который СБ провела по куполам и всей системе Комарры в поисках пропавшего. Сегодня никто уже не знал наверняка, какая из тех давних историй была настоящей, и это непонимание незримо присутствовало в комментариях на данную тему, в густом тумане недомолвок и умалчиваний. За то время, пока события успели стать историей, каждая версия приобрела фанатичных последователей.

Джоул и Корделия были среди тех немногих, кто знал, как все было на самом деле, и им незачем было теряться в догадках и строить предположения. Сейчас Корделия мысленно вернулась к временам этой «таинственной» истории. Стиснув Джоулу руку, она тихо сказала:

— Я была так благодарна Эйрелу, что взял тебя с собой, мне тогда пришлось сопровождать того парнишку, который должен был изображать императора, обратно на Барраяр. Эйрел был просто в ужасе. Я никогда его таким не видела… это когда мы уже думали, что потеряли Грегора… И надо же, именно в тот момент, когда наша задача казалась выполненной и будущему Барраяра ничто не угрожало.

— Не видела таким — даже во время мятежа Фордариана?

— Это совсем другое… И не только потому, что Эйрел был на двадцать лет моложе. Это был существенно иной кризис, так или иначе. Какое-то время Эйрел опасался, что мы стоим на пороге третьей за его жизнь гражданской войны на Барраяре, и это разрывало ему сердце. По сравнению с таким кошмаром сразиться с цетагандийцами — одно удовольствие, разве нет?

В ее шутке было слишком много правды. К счастью, Эйрел смог сохранить декорум на публике. Он был таким, как всегда, — суровым и решительным. Даже Джоул сталкивался лишь с редкими пугающими вспышками его сомнений, которые как ручейки раскаленной лавы пробивались сквозь монолитный и надежный с виду камень. Джоул делал все возможное, чтобы его поддержать — как адъютант, доверенное лицо, любовник… Хотя на последнее у них почти не оставалось времени, сил и эмоций. Но им этого было достаточно. Так или иначе — они победили и живы.

Когда пришло подтверждение, что Грегор наконец-то ступил на борт, Эйрел улыбнулся, дал необходимые распоряжения, прошел в свою каюту, запер дверь, сел на койку, зарылся лицом в ладони и заплакал от облегчения. Которое, впро-

чем, долго не продлилось: надо было защищать п-в-туннель. Но стареющий адмирал с такой нескрываемой радостью рвался в бой! И это просто не могло не поднять боевой дух его солдат до невиданных высот, а ведь многие из них никогда прежде не были в настоящем бою. То, что источник радости Эйрела был куда сложнее и весьма далек от чистого восторга военного, рвущегося в бой, Джоул никому не мог объяснить ни тогда, ни потом. Может, только Корделии, но она и так все понимала. И сейчас он накрыл ее ладонь своей и благодарно сжал.

Когда они только планировали визит, временная команда предложила подать в кают-компании «Зерга» завтрак из стандартных рационов — экскурсанты, мол, узнают, что такое настоящие армейские будни. Можно подумать, они могли предложить другое меню. Впрочем, шеф-повар вице-королевы справился с задачей и избавил всех от этого цирка, подготовив все необходимое. Когда за приготовленным им завтраком стали обсуждать армейские рационы, инженер, обращаясь к Джоулу, со вздохом заметил:

— Надеюсь, хотя бы адмирал Форкосиган здесь на борту питался лучше.

«Нет, хуже». Во время приготовлений к битве

Эйрелу кусок в горло не лез — из-за стресса обострились его давние проблемы с желудком, — а выпить хоть глоток он не смел. Сейчас Джоул представил это следующим образом:

— Только на дипломатических переговорах. А в минуты кризиса он едва замечал, что лежит у него на тарелке. — Джоул тогда включил в список первоочередных обязанностей «заставлять его поесть».

После завтрака, по предложению Корделии, детей вместе с самыми младшими членами экипажа отправили в спортивный зал — ознакомить с тем, какие физические упражнения обычно выполняют на борту корабля. Джоул ненадолго заглянул в бывшую каюту Эйрела и примыкающую к ней его собственную — сюрреалистическое ощущение. Помещения были пустыми, голыми и серыми. Затем он присоединился в коридоре к старшим Форкосиганам, которые напоследок медленно обходили корабль.

— Что за пустая трата ресурсов, — вздохнула Корделия. — Как недолговечны все эти военные сооружения!

— Она кажется пустой лишь до того момента, пока в них не возникнет необходимость. А тогда все дружно кричат: «Почему мы не подготови-

лись заранее?» — мягко возразил Джоул.

Майлз кивнул:

— А тут вдруг надо прикрывать свою задницу от гемов. В очередной раз.

Катриона задумчиво добавила:

— Я порой думаю, зачем на самом деле нужна каста гемов, со всеми их воинскими культурными традициями. Я хочу сказать, с точки зрения цетагандийских аутов. В последнее время мне начинает казаться, что в основном они нужны для маскировки.

Корделия удивленно подняла брови:

— Для маскировки чего?

— Биооружия аутов. И их долговременных планов. — Катриона протянула руку ладонью вверх. — Когда я оказалась за кулисами на Ро Кита, у меня действительно создалось впечатление, что ауты могут уничтожить нас в любую минуту. И единственное, почему этого не произошло, — они не хотят.

— Боюсь, ты права, — неохотно подтвердил Майлз. — У аут-леди в Звездных Яслях есть биологические штуки, способные расплавить кости. В буквальном смысле слова. — Он вздрогнул при воспоминании. — А команда такого вот корабля вся погибла бы за час.

— Но как против такого защититься? — воскликнула Катриона.

Джоул не знал, надо ли отвечать на этот вопрос или он риторический. Но все равно ответил:

— У нас сейчас в планах создание полностью автоматизированных кораблей-роботов. Технические детали я вам сообщить не вправе, но могу заверить, что огромное количество людей работает над этой проблемой.

— Подразделение биологической разведки и их аналитиков в штаб-квартире СБ мы называли камерой зомби, — вспомнил Майлз. — Во всем здании, битком набитом людьми, бледными от недостатка солнечного света и накачанными кофеином, они имели репутацию самых бледных и дерганых типов.

Катриона пожала плечами:

— Есть такие микроорганизмы, которые атакуют пластик и металл. Вряд ли ауты и их не улучшили в своих целях.

— Но оружие еще надо доставить, — заметил Джоул. — И это, к счастью, не такое простое дело.

Впрочем, он подозревал, что прекрасная садовница знает больше, чем говорит. «Как и все мы здесь».

— Пугающая картина. Автоматизированные бо-

евые корабли, вечно защищающие уже мертвую планету, и не осталось никого в живых, чтобы их отключить. — Катриона уставилась в стену и мысленным взором видела… Интересно, что?

Корделия, как обычно, прогнала наваждение:

— Если вы знаете производителя, способного сделать машину, которая будет работать вечно, подкиньте и мне адресок. Некоторые механизмы ломаются уже через неделю.

Майлз мрачно рассмеялся, Катриона тоже ответила улыбкой. Впрочем, Джоул заметил, что про «мертвый мир» Корделия не сказала ни слова.

Но тут Майлз прикусил губу и стал что-то обдумывать. На лице читалась неуверенность, а потом он сказал, видимо, приняв решение:

— Вообще-то имеется кое-что… Грегор это засекретил, но вам двоим я, пожалуй, расскажу. Это имеет отношение к тому кладу времен Оккупации, который нашли в подземном бункере. Кое-что из найденного до сих пор не рассекречено, невзирая на все недовольство ученых по этому поводу. Дув Галени уже много лет работает над этим, и даже он согласен с Грегором. Хотя, конечно, мечтает опубликовать. Он уже написал книгу, которая пока хранится в засекреченных архивах СБ и ждет своего часа. Я читал черновик.

Джоул всегда уважал коммодора Галени, он был вечно завален работой, пожалуй, как мало кто в Форбарр-Султане. Галени был комарранином по происхождению и в настоящий момент возглавлял отдел СБ по делам Комарры. До службы в СБ он специализировался на исторических исследованиях и сейчас курировал работы по изучению огромного хранилища носителей информации — военной и не только, — спрятанного в подземном бункере цетагандийцами, когда те спешно уносили ноги с Барраяра. Бункер обнаружили семь лет назад. Джоулу тоже было бы очень интересно ознакомиться с этой самой рукописью Галени, вот только он не знал, хватит ли для этого его уровня допуска к секретной информации…

— Как бы то ни было, — продолжал Майлз, — Галени разрешил некоторые загадки последних дней войны и ухода цетагандийцев с Барраяра. Причем мы даже и не подозревали, что там вообще кроются какие-то загадки, хотя, как только появились первые подсказки, оставалось лишь удивляться: и как только мы могли ничего не заметить?.. На этот счет у меня даже есть теория. Если в общих чертах, то следует обратить внимание вот на что: гемы на Барраяре использовали только маломощное химическое оружие и почти

никогда — биологическое, даже когда дело шло к поражению.

«У людей, к которым было применено это так называемое «маломощное» оружие, может быть другое мнение относительно его классификации, но, в общем-то, это более или менее верно», — подумал Джоул.

— Я всегда считал: тут дело в том, что ауты не разрешают гемам использовать что-либо серьезное. Что отчасти объясняет, как эти изнеженные и вроде бы невоенизированные генетические аристократы контролируют свой собственный класс воинов. Вроде бы.

Майлз подчеркнул это «вроде бы» иронической усмешкой. У него был более богатый опыт общения с аутами, чем у Джоула, и он лучше, чем кто бы то ни было, знал, какие глубины кроются под их элегантной и обманчивой внешностью.

— На Барраяре во время Оккупации в правящей верхушке гем-хунты возник заговор. Их оперативный план, как выяснилось, предполагал, что они вступят в игру уже после того, как столь впечатляюще провалилась их попытка с применением ядерного оружия. Но, похоже, это был не последний их козырь. Само существование покинутого бункера — уже явный намек. Стоит

отойти на пару шагов и присмотреться: зачем бы им было запихивать туда столько всякого добра и информации, если они не планировали вернуться? Плюс к тому Галени получил уникальное свидетельство современника-очевидца от Мойры гем Эстиф, хотя и по-аутски туманное, — ему пришлось-таки попотеть, расшифровывая ее намеки.

На самом деле, — продолжил Майлз, — план заговорщиков предполагал использование украденного у аутов биологического оружия: некоей вирулентной чумы, специально адаптированной, насколько я понял, к геному барраярцев. Только представьте себе. Они вывозят своих людей, откупоривают адское зелье, запечатывают за собой п-в-туннель и дают вирусу сделать свое дело в полной изоляции. Чашка Петри размером с планету. А через годик-другой возвращаются в обезлюдевший мир, где все чистенько, аккуратно и нет больше толп этих мерзких людишек, которые почему-то упорно сопротивляются попыткам их окультурить, — и устраиваются там жить. Инопланетники, конечно, поднимут шум — но, увы, какая жалость, уже слишком поздно.

— И как близок был этот план к осуществлению? — похолодев, спросил Джоул.

— Они продвинулись настолько, что действительно украли исходный материал и пытались собрать группу биохимиков — включающую как минимум одного подкупленного аута — для его доработки и воспроизведения. Они планировали остаться безнаказанными — поставить всех перед свершившимся фактом. Но тут их накрыла имперская власть… иначе говоря, ауты, которые и правят Империей. Помните эти пресловутые казни, когда гем-хунта вернулась на Эту Кита? Все думали, что гемы были наказаны за потери — потерю планеты в войне и потерю лица. Что придавало двоякий смысл церемонии. Но этот наглядный урок, который был виден всем, маскировал другой — персональный урок строптивым гемам.

Корделия шумно выдохнула. Джоул удивленно заморгал. Он медленно проговорил:

— Это… определенно придает новый оттенок всему нашему военному торжеству по поводу того, что мы вышвырнули гемов с Барраяра.

— О да!

— Неудивительно, что Грегор это засекретил, — заметила Корделия. — Оно как бомба, подвешенная у тебя над головой.

— Грегор пока прикидывает и ждет, когда на-

ступит подходящее время — с дипломатической точки зрения — предать это огласке. То есть когда будет более удобный или хотя бы менее дестабилизирующий момент. Учитывая продолжительность жизни аутов, участники тех событий до сих пор живы. Что это, уже история или еще политика? Если подумать, то вроде бы такие секреты лучше выложить на стол… а если еще подумать?..

— Значит, Катриона права, — тихо проговорила Корделия. — Мы продолжаем существовать только попущением аутов.

— Ага, в том и проблема, — ответил Майлз. — У кого есть решение?

— У этой проблемы нет решения. Пока, — сказала его мать. — Остается только продолжать развивать науку — в широком смысле — и наши познания в биологии, причем не только на самом верху. Начинать надо еще при обучении в начальной школе. — Она вздохнула: — Главное — правильно расставить приоритеты. Когда приоритетно все — то тем самым не приоритетно ничего. Но все-таки на первом утверждении строится все остальное. И вроде бы люди должны это понимать, но… это же люди.

— Похоже, аутов не интересует земельная

недвижимость как таковая… О! — Майлз осекся, потому что из-за угла появились его дети вместе с сопровождающими. Джоул полагал, что для Корделии самые юные члены экипажа ничем не отличаются от ее внуков. А самому Джоулу, чтобы увидеть это, надо было чуть повнимательней присмотреться.

Беспокойство, читавшееся на лицах взрослых, когда к ним выбежало навстречу их потомство, было совсем несложно интерпретировать. «Да, самого ужасного не произошло… нам просто дали отсрочку». Когда они прошли на выход к стыковочному рукаву, Джоул бросил прощальный взгляд на скрипучий старый корабль.

Если его жизненным призванием было защищать Барраяр — в чем он нисколько не сомневался, — то не ошибся ли он в выборе направления работы за последние тридцать лет?

* * *

Семейство Форкосиганов благополучно вернулось на базу, когда в Каринбурге вставало солнце. Оливер остался у себя в квартире, а Корделия препроводила все свое семейство в вице-королевский дворец. Потом она постаралась переделать до обеда те дела, которые не выполнить с комм-

пульта, — в основном встречалась с подателями прошений о получении каких-то благ, желательно бесплатных. Эти просители ее вымотали вконец.

Такие задачи оказывались довольно приятными в тех случаях, когда Корделия действительно могла осуществить чьи-то чаяния, — и не столь приятными (что случалось гораздо чаще), когда она ничем помочь не могла. А хуже всего бывало тогда, когда с разных сторон к ней поступали несовместимые просьбы. Возможно, она оказалась неподготовленной к таким ситуациям, потому что растила одного-единственного ребенка? С другой стороны, может быть, опыт вице-королевы пригодится в дальнейшем, когда она будет растить своих дочек?

Корделия как раз шла на запланированный семейный обед, когда заметила в укромном уголке сада одного из внуков. Мальчик вроде бы ничем не был занят, просто сидел на скамейке и болтал ногами. Она не особенно удивилась, что Саша сидит здесь один. Чересчур тихое поведение Саши не слишком обращало на себя внимание на фоне шумных выходок его братьев и сестер, но когда он был один — вот как сейчас, — не заметить просто невозможно. Корделия дружески

склонилась к нему:

— Привет, малыш.

Он поднял голову:

— Привет, бабушка.

Саша вежливо подвинулся, и Корделия уселась рядом на скамейку. Оба смотрели на пеструю листву и дорожку, петлявшую среди деревьев, словно убегавшую вдаль на много километров.

— А остальные чем заняты? — спросила Корделия (тактичная версия вопроса «Почему ты тут один?»).

Саша пожал плечами, как делают все дети. Но все же ответил:

— Мама работает над проектом твоего сада. Папа пошел на базу узнать у адмирала Джоула о тех военных играх, о которых они говорили. Элен с девчонками в доме, они играют с Фредди.

А Сашу в игру не взяли, потому что мальчишка? Жаль, что Зелиг еще слишком мал, чтобы стать ему приятелем по играм. Задним числом идея Майлза завести всех шестерых разом, одним отрядом, стала казаться чуть менее безумной.

— А тебе понравилась поездка на старый флагман?

— Ага, понравилась… Но больше всего, когда адмирал Джоул рассказывал про дедушку.

— Мне это тоже больше всего понравилось. — Корделия помедлила, но все же рискнула спросить: — Так почему же сегодня ты такой кислый? Вымотался?

Он помотал головой:

— Нет. Папа…

— Папа?.. А он что натворил? — спросила Корделия, пытаясь нащупать правильную интонацию.

— Да ничего нового. Опять он про академию. Он такой.

— Папа просто хотел тебя подбодрить, ты же знаешь. У него самого было столько проблем с поступлением из-за солтоксиновой травмы, и ему трудно пришлось, пока он преодолевал все преграды… Он хочет, чтобы у тебя все было проще.

— Я понимаю, просто… — Саша умолк. — Для него это так же, как, ну, быть графом.

— То есть неизбежная историческая необходимость?

Мальчик насупился:

— Вроде того. Ну, все графские наследники там учились с незапамятных времен.

— Формально это не так. Имперской военной академии вообще не существовало до конца Периода Изоляции. Прежде юноши обучались военному делу, перенимая опыт старших офице-

ров. Как и твой прадед Петер. — Следует отдать ему должное, Петер осваивал свое ремесло во время настоящей войны и был своего рода гением-самоучкой. В тех условиях, на осажденном врагами Барраяре, мало кто из старших мог дать ему совет. Петер двигался вперед, и Барраяру оставалось только следовать за ним. Корделия не в первый раз подметила, как много в ее сыне от старика Петера.

— Но дедушка там учился. И папа. И дядя Айвен, и дядя Грегор, и дядя Дув Галени, а он даже не фор, и вообще все!

— Но дядя Марк — нет, — подсказала Корделия.

— Дядя Марк — другой!

— Совсем другой, — согласилась она, — но генетически он идентичен с твоим папой. Биология — не судьба, ты это знаешь.

— Он даже выглядит по-другому.

— Да, и с этим ему нелегко. — Марк старался сохранять свой впечатляющий вес так же сознательно и упорно, как некоторые люди худеют, только его процесс поддержания формы был приятнее, и вдобавок своим упорством он чертовски бесил своего брата-породителя.

Саша сидел, потупившись, внимательно разглядывая песок под ногами.

— А дедушка Фортиц тоже там не был.

Профессор, как все звали доктора Фортица, был братом покойной матери Катрионы и инженером, который сделал бы честь любой планете. Возможно, в мире Саши все же не хватает невоенных мужских ролевых моделей?

Корделия внезапно улыбнулась:

— Пойдем со мной в дом. Я тебе кое-что покажу. Только тебе.

Мальчик послушно, но с явным любопытством последовал за нею.

Она привела его в свой личный кабинет, закрыла дверь и расчистила столик для переговоров. Затем отперла высокий шкаф с ящиками. «Я не открывала его больше трех лет». Помедлив, она начала вытаскивать папку за папкой: одни с пластиковыми листами, но большинство — с настоящей натуральной бумагой всевозможных размеров, от обрывков до широких листов ин-фолио в половину столика. Саша сперва наблюдал, потом подошел поближе и осторожно потрогал.

— Это рисунки твоего дедушки Эйрела, — объяснила она.

— Я знаю, что он умел рисовать, — сказал Саша. — Я помню, как-то он рисовал нас с Элен, когда вы приезжали на Зимнепраздник. — Похо-

же, это было в последний раз, когда они ездили на Барраяр вместе. — Но я не знал, что он нарисовал столько!

— Не так уж и много — за столько лет. Он как-то рассказывал мне, что рисовать начал совсем маленьким. Ему было меньше, чем тебе сейчас. Но те рисунки пропали. Кое-что он нарисовал подростком. Из них мало что сохранилось, всего несколько штук. Он не возвращался к этому очень долго. И стал рисовать уже после регентства. После того как мы переехали на Зергияр.

— А красками он тоже рисовал?

— Чуть-чуть. Я как-то пыталась заинтересовать его видеоживописью, но ему, видимо, требовалось чувствовать пальцами то, что он делает. — Чтобы это не принадлежало никому, кроме него самого? Эйрел так много времени в своей жизни был слугой Империи, всецело ей принадлежавшим, что для него было вполне естественным желание сохранить некий крошечный запас только для себя.

Саша оперся локтями на стол и наклонился, вглядываясь:

— А почему он их никому не показывал? Никому не отдал? Их тут так много. Они никому не нужны?

— Кое-кому показывал. Мне, Оливеру, иногда Саймону. Я думаю, другие люди хотели бы их получить, но… не из-за самих рисунков. А потому что их делал лорд-регент, граф, адмирал. Или хуже того — потому что их можно дорого продать. — Она помолчала. — Он говорил, это как по округу возят медведя на велосипеде. Всем интересно не потому, что медведь так уж хорошо ездит на велосипеде, а потому, что это нечто необычное и новое.

— А мне они кажутся хорошими.

— Ты… не так уж ошибаешься. — «Даже в свои одиннадцать лет».

Саша стал перелистать стопки рисунков, очень осторожно перекладывая листы.

— Тут много зданий. Это Главная площадь в Хассадаре, да? О, смотри, а вот вице-королевский дворец. Классно.

Корделия заглянула ему через плечо:

— Особенно если учесть, что тогда его еще не достроили. Ты же знаешь, дедушка никогда не уходил на войну. Война сама пришла к нему. И он учился воевать, потому что ему пришлось. Если бы его старшего брата не убили и он не стал наследником, если бы никогда не было Ури Безумного… Он мог бы стать… может, и не худож-

ником, но архитектором уж наверняка. Одним из тех, кто берется за грандиозные общественные проекты, такие сложные и ответственные, как командование целой армией, потому что энергия Форкосиганов потребовала бы выхода. — Как река, устремляющаяся вниз с Дендарийских гор, прокладывает себе русло. — Он бы все равно строил Барраяр, просто по-иному.

Лицо мальчика застыло.

— Но я ведь наследник.

— Но ты живешь сейчас и на том Барраяре, который переделал твой дедушка, а не на том, который он сам получил в наследство. У тебя есть из чего выбирать. Все варианты, какие ты только можешь себе представить. Ему было бы очень приятно узнать, что ты получил от него этот подарок. Что твоя жизнь не обязана повторять его жизнь. — И Корделия, чуть подумав, добавила: — Она не должна быть ни такой, как жизнь твоего папы, ни такой, как его деда Петера или кого-то другого, а только твоей собственной. Она должна отвечать только твоим стремлениям. Какими бы они ни были.

Сложно сказать, как он воспринял ее речь. Мальчик всегда был очень замкнутым, совсем как его мать. Майлз же был совсем другим — сра-

зу видно, что у него на уме.

Саша потянулся к листам с рисунками и осторожно спросил:

— А можно мне взять несколько?

— Когда-нибудь они все перейдут тебе, но если хочешь сейчас взять с собой несколько рисунков, то просто выбери, какие больше всего понравились. Я их сложу так, чтобы не помялись. — Она подумала, что надо сделать что-то вроде альбома, кто-нибудь из ее людей наверняка знает, как это соорудить.

— Мне бы хотелось, — сказал он так тихо, что Корделии пришлось наклонить голову, чтобы расслышать.

— Значит, так и сделаем. Выбирай спокойно, времени вполне достаточно. — Она отошла к комм-пульту, дав мальчику возможность изучить рисунки без спешки. Но все-таки незаметно подглядывала за ним через полупрозрачный видеодисплей: очень хотелось понять, удачной ли была ее идея. Вроде бы удачной — им пришлось прерваться на обед, а внук еще не закончил просмотр. Что любопытно, Саша ни словом об этом не обмолвился за обеденным столом, хотя, конечно, когда собиралось все семейство, у него было мало шансов вставить хоть слово.

В окружении всех Форкосиганов Корделия вдруг вспомнила старинное родительское проклятие: «Чтоб у тебя родилось шестеро детей, таких же, как ты сам!» Только в данном случае это не проклятие, а с точностью до наоборот: Майлз был бы только счастлив получить шесть своих копий — с ними он бы знал что делать… Вместо этого у него шестеро детей, не только совсем на него не похожих, но и не похожих друг на дружку.

Вернувшись вместе с Сашей в свой кабинет, Корделия взяла ридер и стала читать очередной доклад, стараясь не проявлять назойливого любопытства, пока внук вдумчиво изучает рисунки. И когда она уже готова была сделать перерыв и предложить вернуться в сад, Саша вдруг воскликнул:

— О, бабушка, а тут ты! А почему без одежды? Ты плавала?

Корделия чуть не подскочила в кресле, но сдержалась и сделала вид, что просто решила встать и подойти. Тот ящик ей следовало бы запереть, но на ящиках не было отдельных замков.

— Художники часто рисуют обнаженную натуру. Человеческое тело — труднейшая вещь для правильного изображения. И я позировала

Эйрелу, когда он хотел попрактиковаться.

— А хорошо выглядит! Я имею в виду, похоже на тебя нарисовано. А вот тут адмирал Джоул. Наверное, художникам надо учиться рисовать и мужчин, и женщин.

— Верно. — Эротический оттенок портретов явно от него ускользнул. Тут Корделия вспомнила, что глубже в этой папке имелось еще несколько рисунков, в жанре которых ошибиться невозможно, и конфисковала ее под предлогом, что сама хочет освежить все в памяти.

— А гермы тут есть? Они же тоже должны быть. И, может, еще квадди. И эти водоплавающие люди. И жители тяжелых миров.

— Наверное, Эйрелу недоставало натурщиков всех видов. Консул Вермийон сюда тогда еще не приехал. — Вызвался бы бетанец-герм позировать, если бы она ему намекнула на такую возможность? Наверное, да. Теперь уже поздно, поздно для всего…

На следующем наброске в папке были они с Оливером, вместе и явно в постели. Это было бы сложновато объяснить мальчику. Корделия извлекла из папки несколько рисунков, изображающих ее саму, Оливера и еще нескольких людей — все, несомненно, одетые, — и подсунула

их внуку для отвлечения, а сама тем временем украдкой припрятала оставшийся компромат. Когда-нибудь он получит в наследство и это — она вовсе не собиралась ничего уничтожать, — но пока рано.

— А можно я возьму тот, где ты на яхте?

Она посмотрела.

— К нему есть парный. — На нем Оливер без рубашки стоял у румпеля яхты и смотрел в воду. — Они должны лежать вместе. — «Именно так». — Как насчет вон того?

— А здесь ты в мамином саду? Ладно. — Замена внука устроила. Корделия украдкой вздохнула от облегчения.

Будь Саша воспитан как бетанский ребенок, стала бы она от него скрывать эти рисунки? Ну, разве что некоторые. Эйрел, когда рисовал карикатуры, порой демонстрировал весьма сомнительный юмор, а в серьезных вещах это проявлялось еще сильней: иногда это были воспоминания, иногда — воображение. Что, впрочем, часто оказывалось полезным. Корделия сама сейчас не знала, плакать ей или смеяться, глядя на эти рисунки. Она села, отвернувшись от внука, пока не справилась с лицом и не спрятала все остальное в пещеру хрупких воспоминаний.

Пусть лежат там в темноте, пока об эти осколки еще можно пораниться.

— Но самого дедушки на рисунках нет, — заметил Алекс.

— Да, к сожалению. Хотя… в каком-то смысле, он есть на всех рисунках. Взглянуть на него с этой стороны мало кому удавалось.

— Ха! — нахмурился мальчик.

— А какой из них тебе больше всех приглянулся? — спросила она, возвращая разговор к выбранным рисункам. К ее удивлению, Саша показал не на портрет, а на большой архитектурный эскиз особняка Форкосиганов в Форбарр-Султане.

— Интересно. И почему? — Не соскучился ли мальчик по дому?

Он шевельнул пальцем, словно нащупывая какой-то инструмент.

— На нем… тут больше всего.

Корделия посмотрела на лист еще раз. Неожиданно он оказался совсем недавним, нарисован здесь, на Зергияре, — предположительно некая комбинация воспоминаний и визуальных референсов. Чтобы разглядеть все детали, понадобилась бы лупа, — сейчас она вспомнила, что Эйрел пользовался лупой, когда прорисовывал детали в своих композициях, но при этом рисунок вовсе

не воспринимался как машинный. Может, это не Саша тоскует по дому, а тосковал кое-кто другой?

— Я думаю, ты совершенно прав, малыш.

Глава четырнадцатая

Придумать для Майлза занятие на утро, используя симуляторы военной игры, оказалось не так сложно. Джоул отозвал Кайю из увольнительной, чтобы та организовала презентацию в одном из тактических классов на базе. Задание как раз подходящее для тренировки ее навыков, да и сама Кайя ничего не имела против — ведь это возможность продемонстрировать свои способности во всем блеске. Джоул позвал туда и тех офицеров, которых посчитал необходимым выдернуть из сонной обыденности военного захолустья. Остальные свободные места заполнились почти сразу, как только распространился слух об игре. Некоторые вызвались принять участие просто из любопытства — посмотреть на сына адмирала Форкосигана.

Таким образом Джоул не только развлек вип-гостя, но и избежал необходимости с ним беседовать до самого перерыва на ленч, когда Майлз вдруг попросил:

— А покажите-ка мне этот пластобетон, на который вы с матерью жаловались.

И Джоул повел еще одного Форкосигана к

штабелям мешков со смесью, потихоньку разрушающейся под тропическим солнцем. Заметив характерные следы на гальке в укромных уголках лабиринта, он понял, что эти залежи облюбовали и другие обитатели базы — для разговоров с глазу на глаз, тайных свиданий или дружеских попоек. Кстати, неплохо бы убедиться, что служба безопасности базы все отслеживает. Заодно и еще одна причина убрать отсюда всю эту дрянь, если только удастся найти для нее экономически целесообразное место, а еще лучше — человека, которому ее сплавить.

Пока все шло прекрасно, но Майлз все-таки заставил Джоула понервничать: зачем-то надумал залезть на груду мешков и осмотреть все сверху. Отговорить его не удалось. Не расставаясь с тростью, Майлз вскарабкался по мешкам, уселся на край штабеля, свесив ноги, и немного поерзал, устраиваясь поудобнее. Так он оказался чуть выше среднего человеческого роста и выше Джоула тоже. Не сказать чтобы очень тонкий ход, но Джоул и так был не против дать ему преимущество. Он прислонился спиной к штабелю напротив, скрестил руки на груди и стал ждать.

И Майлз заговорил — этаким небрежным тоном, вертя в руках трость и глядя на Джоула

сверху вниз:

— А этот план моей матери с посмертными детьми стал для вас сюрпризом? Я имею в виду то, что вы встречаетесь и все такое.

«Не стоило и рассчитывать, что этому разговору помешает пластобетон». Или что-нибудь еще.

— Да. Я представления не имел о том, что такое возможно. Хотя, когда она вернулась из своей поездки на Зимнепраздник вместе с образцами, мы с ней еще не встречались. — Джоул колебался. Хочет ли Майлз развивать эту тему дальше? А сам-то он этого хочет? И, чуть помолчав, спросил: — А вы? Вы были удивлены?

Майлз поводил ладонью туда-сюда — жест, который мог означать и «да», и «нет».

— Я всегда знал, что она хочет дочь. Не вместо меня, не поймите превратно. Вместе. Казалось, ей было достаточно утолять свою манию материнства на самых разных барраярских девушках, которых она опекала все эти годы. Я полагал, она и думать забыла об этом десятки лет назад. Про образцы я знал — как душеприказчик отца, — но на тот момент мне пришлось утрясать тьму всякого разного, а это, во всяком случае, было ее проблемой, но уж никак не моей. Больше я о них не задумывался, а она об этом ни разу не

упоминала. — Майлз нахмурился.

— Мне она тоже ничего не говорила до тех пор, пока не убедилась в их жизнеспособности. Возможно, именно поэтому она и выжидала, — предположил Джоул.

А если бы образцы оказались мертвыми, она бы промолчала и затаила горе в сердце, ни с кем его не разделяя? Что ж, похоже на то. Теперь настала его очередь хмуриться.

— Меня только удивляет, что она выбрала Зергияр, — сказал Майлз. — Я думал, она вернется домой. Займется… не знаю… чем-нибудь. Скажем, воспитанием внуков. Дети в этом плане несколько обделены: мой отец умер, мать Катрионы тоже умерла, уже давно, а ее отец безвыездно живет на Южном континенте. Хотя, конечно, есть ее тетя и дядя Фортицы, они как раз живут в городе. И ее братья с женами и детьми. И Никки. И Элис с Саймоном. И… ну хорошо, думаю, им в отличие от меня родни хватает. У меня был старый граф Петер. И иногда кузен Айвен. — Он покачал головой.

— Я считал, что округ Форкосиганов теперь находится в ведении Катрионы, — мягко сказал Джоул. — Не получится ли так, что две графини в одном округе — как две хозяйки в доме?

— Черт возьми, мою мать никто из дому не выгонял! — возмутился Майлз. — Уверен, она так не думает. Ведь не думает же?.. Ведь не из-за этого же все?

— Нет, по-моему, она так не думает, — сказал Джоул. — Мне кажется, причина тут более оптимистична. Она просто возвращается к истокам, к бетанской астроэкспедиции. Она ведь когда-то пошла туда, чтобы исследовать новые планеты, а Зергияр очень даже подходит под такое определение.

Майлз ухмыльнулся:

— Как до того — Барраяр? Вполне возможно.

— В вашем списке родственников не упоминалась бетанская родня, — полюбопытствовал Джоул, опираясь на штабель мешков. — Я знаю, Корделия поддерживает связь с братом. И у вас есть кузены и кузины, ведь так?

Майлз пожал плечами:

— Трое. Впрочем, я с ними мало общался, пока не полетел туда на год учиться, когда мне было пятнадцать. У нас была большая разница в возрасте, а в пятнадцать лет это довольно существенно. Я, пожалуй, не смогу отследить всех их партнеров и детей, хотя мама получает от них весточки через свою мать. По крайней мере то,

что бабушка считает нужным сообщать.

Джоул сам был жертвой аналогичной общительности собственной матери, присылавшей ему подробные новости о жизни родственников, которых он видел раз в жизни и никогда бы не узнал, встретив на улице. Потому он понимающе кивнул. Некрологи и новости о здоровье, по мере того как члены большого семейства старели. Только в последние годы он понял, что это отнюдь не желание ему досадить, а всего лишь неуклюжая попытка выразить свое чувство утраты. И начал добросовестнее отвечать на ее послания.

Майлз нахмурился:

— Мне кажется, что, если уж не познакомился с родственниками в детстве или ранней юности, то все, момент упущен. Они так и останутся для тебя на всю жизнь чужими людьми. Самое большее, кем вы можете стать друг другу во взрослом возрасте, — это знакомыми. Ну можно, наверное, иногда погостить, — признал он, подумав. — Если бы я оказался без денег на Бете. Или кто-то из них — на Барраяре. Думаю, это работает в обе стороны.

Родной сельский округ Джоула был захолустьем, в восемнадцать лет ему не терпелось оттуда сбежать, да и потом, наведываясь туда

изредка, он не изменил своего мнения. Нельзя сказать, что его отношения с Эйрелом, а позже — с Эйрелом и Корделией отрезали его от родни. Это и так уже произошло из-за удаленности и карьеры. Но все же, когда многое приходится скрывать, молчание безопасней лжи. А хранить молчание гораздо легче, если вы не общаетесь вообще.

И что же будет в итоге? Его сыновья, если он все же решит растить их на Зергияре, так же предпочтут безопасное расстояние с незнатными родственниками Джоула на Барраяре, как Майлз со своими бетанскими кузенами? А уж с их форскими племянниками и племянницами — тем более, особенно если скрывать от них родство? А как быть тогда с их сводными сестричками, которые будут к ним гораздо ближе во времени и пространстве? Молчание разлучит братьев и сестер сильнее, чем световые годы. Но нет, если Джоул останется на Зергияре, он поселится так близко к Корделии, как она позволит, и их дети смогут общаться. Возможно, для его мальчиков они будут просто соседскими девчонками.

Это навело его на новые, более тревожные размышления. А что, если сходство, форкосигановское обаяние и прочие обстоятельства

приведут к тому, что в подростковом возрасте кто-то из них друг в друга влюбится? Раньше Джоулу даже в голову такое не приходило. Он подавил нервный смешок, вовсе не собираясь вдаваться в объяснения. Корделия права — говоря о начале, надо иметь в виду последствия. Ход с анонимными яйцеклетками казался все менее разумным.

Майлз откашлялся. Потом посмотрел вниз. Снова поднял взгляд.

— Э… как думаете, вы когда-нибудь пожените-сь?

«Если бы она попросила меня, я бы согласился», — тут же подумал Джоул, сам удивившись. Да какая, впрочем, разница, он бы выполнил любую ее просьбу. Он мягкий воск в ее руках. К счастью, эта женщина не знает своей силы. Но всякий раз, когда он отвечал ей «да», согласие так щедро вознаграждалось…

— Мы еще не говорили об этом, — наконец пробормотал он.

— Еще? Или вообще? — Майлз поболтал в воздухе ногами, сидя на своем высоком пьедестале. Непроизвольное движение, обычно очень ребячливое, но сейчас оно почему-то таким не казалось.

Джоул не мог понять, что больше беспокоило Майлза по ходу этого… допроса, иначе не назовешь, — будущее матери или прошлое отца. Но по крайней мере знал, что бывший оперативник СБ не держит для него наготове суперпентотал.

— Ну уж точно не в ближайшее время. Она очень определенно высказалась, что желает воспитать дочерей без каких-либо проблем с барраярскими законами о родительской опеке. Пока самая младшая из ее дочерей не достигнет совершеннолетия, вряд ли она начнет задумываться о браке, а к тому времени позади будут десятилетия устоявшихся отношений, какими бы они ни были, и вопрос окажется не актуален.

Майлз вскинул голову:

— Десятилетия? Вы загадываете так надолго?

— Она загадывала, если уж начала все это, — сказал Джоул. — Хотя десятилетия, мне кажется, проходят быстрее, чем раньше. Возможно, для нее еще быстрее.

Майлз снова усмехнулся. Он был ненамного младше Джоула. Прикрыв глаза, он задал следующий вопрос:

— Как думаете, а вы с ней сможете иметь общих детей? Не важно, с помощью какой именно технологии. Учитывая, как она рвется внести

личный вклад в заселение Зергияра. Если хочешь сделать что-то хорошо, делай сам.

Услышав такое заявление, Джоул ошарашенно заморгал. Его воображение и так уже занимали трое потенциальных сыновей. Может ли там, в отдаленном будущем, появиться еще и дочка? Видение получилось сногсшибательное.

— Полагаю, все места заняты тем, что она уже заморозила в репроцентре. Вы ведь не думаете, что я уговорю ее на большее?

Майлз фыркнул:

— Никогда не слышали выражения: «Легко, как перестрелять рыбу в бочке»? — Его взгляд затуманился от воспоминаний. — А ведь может оказаться сложнее, чем на первый взгляд. Я как-то раз попытался. В Форкосиган-Сюрло, когда был ребенком.

— Из чего? — не удержался Джоул, вдруг представив себе юного Майлза. Будут ли сводные братишки на него похожи? Если не учитывать солтоксинового эффекта, конечно.

— Начал со старых лука и стрел — нашел в сарае, но результаты были так себе. Преломление света в воде и все такое. Да и лук был слишком большим, а я довольно неуклюж, и вообще не уверен, смог ли бы я в том возрасте поразить

настоящую цель. А рыбы оказались скользкими. Парализатор, который я умыкнул у одного из оруженосцев, тоже не работал как надо — вода поглощала заряд. Рыбы… были в шоке. Очень уж странно они плавали. Я собирался было предпринять третью попытку, стащив на сей раз плазмотрон, но тут-то меня и застукали. А жаль. Готов поспорить, на это стоило посмотреть. Это было бы феерично.

Джоул рассмеялся:

— Или смертельно…

Гибрид бетанского экспериментаторства и барраярского милитаризма — это нечто ужасающее в возрасте шести-семи лет.

Майлз хихикнул:

— Для рыб — несомненно. Но да, ожоги от пара и ранения от разлетевшихся осколков бочонка достались бы всем, кто оказался поблизости, это точно. Уверен, среди них был бы и я сам, хотя я принял меры предосторожности и защитил себя с помощью крышки от мусорного бака. — Он изобразил щит движением руки.

Стоит ли сейчас сделать признание о своих потенциальных сыновьях? Джоул совершил над собой невероятное усилие и спросил:

— А вам нравится быть отцом?

Никто не говорил, что этот импровизированный допрос может вестись только в одну сторону.

Майлз чуть отшатнулся, словно сам удивился такому повороту.

— Бывают моменты, что хоть в петлю лезь, но… Да, пока что очень нравится. Хоть и страшно чуточку, если подумать. К счастью, у меня не так много времени на раздумья. Ну и количество ситуаций, когда я могу всерьез сесть в лужу, значительно увеличилось. Что бы я делал без Катрионы?

Джоул подумал, что Майлзу пришлось пройти в репроцентре ту же процедуру, что и ему. Или удалось организовать все дома — во время регентства Эйрела лазарет на цокольном этаже особняка Форкосиганов оборудовали по последнему слову техники и, вероятно, регулярно обновляли. Возможно, молодая жена ему помогла… Вот уж о чем Джоул точно не спросит.

— Даже представить себе не могу, как быть родителем в одиночку, — продолжил Майлз. — Хотя у графа Петера не было выбора, когда из-за войны Ури они с папой остались вдвоем. Конечно, папа был уже подростком, но тем не менее. Им обоим пришлось очень тяжело. Это к тому времени,

когда появился я, дедушка Петер, так сказать, *смягчился*. А может, сил уже не стало быть прежним. — Его еле заметная улыбка сверкнула, как лезвие кинжала. — В конце концов они пришли к согласию. Все приходят так или иначе.

Мать Корделии тоже была вдовой. Почему Майлз не привел ее пример? Впрочем, опыт бетанской неполной семьи, должно быть, не столь экстремальный, как барраярской, и не только потому, что нет этой проклятой гражданской войны. «Вот ролевая модель Корделии — ее мать, понял Джоул. Сознательно или подсознательно усвоенная? В любом случае у нее потрясающая самонадеянность.

Майлз, похоже, погрузился в размышления.

— Я только об одном сожалею: что не обзавелся детьми раньше. Я не мог, допустим, но… Лиззи и Таура не помнят дедушку Эйрела, а у Зелига с Симоной не было ни малейшего шанса с ним встретиться. Впрочем, он приходил посмотреть на криоморозильник, когда мы с Катрионой вскоре после свадьбы поместили туда шесть эмбрионов, но это совсем не то же самое.

Джоул попытался представить себе эту сцену. Наверное, это случилось в самом начале совместного пребывания вице-короля и вице-королевы

на Зергияре, во время одного из их посещений Барраяра. Сам он неотлучно оставался на посту в той должности, как сейчас у Бобрика.

— И как он… э-э… это воспринял? Всю технологию?

Майлз сморщил нос:

— Был озадачен, полагаю. Радовался за нас, по-настоящему радовался. Что до сомнений, если даже они и были, отец не позволил бы себе их высказать, когда рядом стоит моя мать. Он всю жизнь работал ради того, чтобы дотянуть Барраяр до галактических стандартов, в медицинском смысле и не только, но вряд ли ожидал, что это его напрямую затронет. Какую приобретет значимость для его Дома, традиций форов… — Майлз взмахнул руками, пытаясь выразить свою мысль. — Он обожал детишек, когда они наконец появились на свет. — И посмотрел вдаль за освещенное солнцем гудронированное шоссе. — Я думал, у нас будет больше времени.

Джоул сглотнул и неловко сказал:

— Кстати, о времени, если мы хотим успеть на ланч…

— Да, полагаю.

Майлзу удалось соскользнуть со штабеля, ничего себе не сломав, а Джоулу удалось сдержаться

и не взбесить его, попытавшись подхватить при приземлении. Оба вышли победителями, так сказать.

По дороге к офицерской столовой Джоул старался, чтобы его попытки не идти привычно широким шагом были не столь очевидны. Вдруг его сознание пронзила ошеломляющая мысль. «Солнечный удар», — убеждал он себя, но вместо этого вышло: «Прошу тебя, рождайся скорее. Я так хочу тебя увидеть. Пока есть еще время».

Потрясенный, он продолжил путь.

* * *

Майлз вернулся во дворец, опоздав к обеду после военных игр, и Корделия почти тут же увела Катриону поработать еще пару часов над планировкой сада, оставив Майлза на растерзание собственным отпрыскам. Поскольку не слышно было ни взрывов, ни воя пожарных сирен, ни панического стука в двери кабинета, Корделия сочла, что он приемлемый бэбиситтер. Она уже собиралась ложиться спать и напоследок проверяла сообщения на комм-пульте — хотя на самом-то деле, если там и возникло вдруг что-то неотложное, она ничего не хотела об этом знать, — когда Майлз приоткрыл дверь, заглянул,

пробормотал приветствие, просочился внутрь и плюхнулся в кресло.

Корделия откинулась на спинку и вопросительно на него посмотрела:

— Ну и?..

— Э-э… — Он поболтал ногами. Она подумала, не надо ли ему провериться на наличие синдрома беспокойных ног, но тут он угомонился, как будто уже пробежал свой круг по комнате.

— Поговорил с твоим Оливером сегодня, — сообщил он.

Она отметила притяжательное местоимение. Хороший знак? Или больше похоже на отторжение: «Твой Оливер, твоя проблема…»

— И?..

— Признаю, он славный малый.

— Ну разумеется.

— Но не слишком разговорчив.

Она гневно сверкнула на него глазами:

— Ты что, допрашивал беднягу?

— Вовсе нет!

Что правильнее было истолковать как: «Так оно и было».

— Мы просто побеседовали. Озвучили некоторые проблемы. Ну, я уж точно. Он слушал. Было видно, что задумался, но кто его знает о чем.

— Ему есть о чем подумать. — Корделия улыбнулась: — Как бывало забавно наблюдать за Джоулом в окружении инопланетных дипломатов на официальных приемах. Он здорово наловчился получать больше, чем давать.

Майлз хмуро потер переносицу:

— Под конец я точно говорил больше, чем слушал.

Корделия усмехнулась:

— О, у тебя, должно быть, проблемы, а?

Он поднял голову и молча ухмыльнулся.

— Так о чем же ты его столь безрезультатно допрашивал?

— Всего лишь о планах на будущее. Его. Твоих…

— Майлз… ты действительно собирался *выяснить его намерения*?

Он несколько сник и быстро отвел глаза.

— Не совсем. Ну, что-то вроде того.

— Полагаю, тебе стоит приберечь свое рвение для кавалеров Элен. Они, несомненно, могут появиться в любую минуту.

Майлз театрально содрогнулся:

— Уж точно, пока нет.

— Ты еще удивишься… Как бы то ни было, планы Оливера — его личное дело.

— Но если он молчит о том, что касается тебя, а ты отказываешься говорить о том, что касается него, то как, черт возьми, я узнаю… хоть что-то? — возразил он.

— Может, и не узнаешь.

Майлз обиженно фыркнул:

— Ты не можешь притворяться, будто твои дела меня не касаются. Я не ожидаю бетанского голосования, но хоть на какую-то информацию рассчитывать могу? Чтобы я хотя бы знал, как быть дальше!

— Я не делала тайны из своих планов. Я намерена перенести столицу, оставить пост вице-королевы, построить дом и вырастить дочек. Все это я надеюсь завершить к своему столетию. Ну а дальше… кто знает? Может, снова займусь научными исследованиями. Или окончательно уйду на пенсию. Или заведу себе гарем, чтоб развлекали на склоне лет. Массаж стоп, побольше массажей.

Он рассмеялся:

— Мужской гарем или женский?

— Думала — мужской, но могу и проявить гибкость.

Он вроде бы ненадолго отвлекся на это видение, но затем, увы, вернулся к теме разговора:

— Но тогда какие планы у Оливера?

— Он еще не определился, и я буду крайне признательна, если ты пока оставишь его в покое. Он сообразительный. Он это выяснит.

— Выяснит? Он, похоже, думает, что ты не хочешь за него замуж.

— Я не хочу замуж ни за кого, пока все мои девочки не вырастут. А потом… будет новый мир. Еще один новый мир. — «Который уже… пятый? Шестой?»

— Ага, именно так он и сказал. Как так получается, он это знает, а я нет?

— Может, у тебя тугоухость?

Майлз побарабанил пальцами по подлокотникам кресла. Его ноги опять пришли в движение.

Очевидно, Оливер еще не упоминал о своих мальчиках, иначе разговор был бы совсем другой и, возможно, более взрывоопасный. Что ж, она свое мнение высказала, остальное за Оливером.

— Грегор сказал, что, если я хочу узнать больше, мне надо спросить у тебя. Это означает, что тут скрыто что-то еще, иначе он бы не стал говорить ничего подобного, верно?

Корделия была склонна думать, что Грегор сказал: «Я к этому даже палкой не прикоснусь». Но проблема с Майлзом и палкой состояла в том, что он возьмет ее и направится прямиком к ближай-

шему осиному гнезду, — и какой идиот вообще решил, что осы со Старой Земли станут ценным дополнением к барраярской экосистеме? (Кстати, к вопросу об инвазивных видах.) Маленький Майлз, который, стиснув зубы, молча терпел любые переломы, по-настоящему кричал после этой встречи. Не просто кричал — плакал, вопил. И только через несколько часов, после инъекции сильнейших обезболивающих, он наконец пришел в себя. После чего Корделия вооружилась парализатором военного образца и спреем с ядохимикатом и — черт возьми! — лично гарантировала: больше такое никогда не повторится. «Не паникуй и прихвати нужный инструмент».

Однако именно такой подход стал частью того, что позже сделало взрослого Майлза одним из лучших Имперских Аудиторов Грегора. Он с равным упорством погружался в глубины таинственных интриг — и канализационных стоков. Корделия, похоже, начинала понимать, почему подозреваемые так часто норовили его ужалить.

— Я не обязана удовлетворять твое неприличное любопытство, — ответила она. — Просто… призови своего «внутреннего бетанца» и попытайся расслабиться, хорошо? Я ожидаю, что все решится в самое ближайшее время. — «Как бы

оно там ни было, спасибо адмиралу Деплену».

— И куда здесь вписывается Оливер? — Он усмехнулся: — Помимо старшего мужа в гареме, конечно.

«А ведь Оливер действительно честно выполняет все задачи, которые на себя берет». Корделия подавила ухмылку.

— Туда, куда он выберет сам. Он должен принять определенное решение, касающееся его карьеры, к которому я никакого отношения не имею и не вправе это с тобой обсуждать, а после этого… мы все узнаем, что дальше.

Майлз поджал губы:

— Касающееся карьеры? Что еще ему надо? Он адмирал Зергиярского флота, ради всего святого! — Он прищурился, прикидывая в уме. — На этом этапе карьеры его не задвинут в тень. Выйти в отставку и податься в дипломаты, как Айвен? У него бы получилось. Или… нет. Это должно быть… Комаррианский флот, Флот метрополии, шеф оперативного отдела? Тибо прочно сидит на Комарре, Куприн только в прошлом году получил повышение до командующего Флотом метрополии, Деплен… О боже, так ему предложили… *шеф оперативного отдела*?

Вот черт! Она и забыла, каким Майлз бывает

шустрым, а уж каким осведомленным…

— Майлз! Это конфиденциальная информация! Я обещала молчать. Мне нужно было это знать как вице-королеве. Тебе нет.

— «Мне нужно было знать»… Эй, что знать? Он же смоется в Форбарр-Султан, только его и видели! Да что же это за любовь? Типа «ухватил и беги»? — Майлз выпрямился в кресле, прямо-таки задыхаясь от негодования. — То есть он тебя соблазняет — и сваливает, а ты даже не пытаешься остановить его в дверях?

— Во-первых, мы оба соблазнили друг друга, во-вторых, он еще не дошел до дверей. А в-третьих, все гораздо сложнее.

— Что возвращает нас к вопросу, зачем все это?

— Несколько дней назад ты смотрел на него как бдительный сторожевой пес, когда мы всего лишь обнялись. А теперь на чью ты перешел сторону?

— Я на твоей стороне, — буркнул он. — Если только сумею выяснить, где она.

— Понимаю, милый, — вздохнула она. «Я просто хочу, чтобы ты был на моей стороне тихо и где-нибудь в другом месте».

— Возглавить оперативный отдел, — растерян-

но пробормотал он. — Да уж. Ты ведь знаешь, что отвергнуть такое шикарное предложение все равно что поставить крест на своей карьере. Предполагается, что ты не откажешься, если предан делу, которому служишь.

— Да, я имею некоторое представление о психологии высшего командования.

— И не то чтобы карьера Оливера уже не вполне… состоялась и без этого назначения.

— Именно.

Во взгляде его на миг мелькнула тоска. Завидовал жизни в Имперских вооруженных силах, о которой одно время мечтал? Честно говоря, Корделия считала, что служба в СБ, где непредсказуемый гений Майлза раскрылся в полной мере, подходила ему больше всего. Запихнуть его в регулярные части было бы катастрофой — и действительно было, напомнила она себе о результатах более раннего эксперимента. «У всех нас есть мечты и свое «могло бы быть».

Майлз повертел в руках трость и пробурчал:

— Ну ладно. Это действительно серьезное решение для действующего офицера. Особенно для простолюдина его поколения, сделавшего карьеру с нуля.

— И как бы ты на его месте поступил? — с лю-

бопытством спросила она.

— Чтобы мне оказаться на его месте, моя жизнь должна была бы быть совершенно иной.

— Я понимаю. Но предположим. Представь, ты бы ухаживал за Катрионой, а она или не могла бы покинуть Зергияр — или не хотела.

— Это сравнение неудачное. Любая женщина, связывая свою судьбу со старшим имперским офицером, знает, что она получит в комплекте. И это она должна была бы выбирать, последовать за ним или остаться, а не он — остаться или уйти. Если он должен выполнить приказ, я имел в виду. Хотя да, здесь все не совсем так. Единственное принятое мной решение, которое так же разрывало мне сердце… — И он резко замолчал.

— М-м?

— …не было связано с женщинами, — закончил он. И после паузы добавил: — Дело было в амбициях. Хм… Да. Кажется, я не завидую Оливеру с его дилеммой.

«Ох, малыш, ты даже не представляешь себе…»

Она перехватила устремленный на нее взгляд Майлза.

— Если хочешь, я помогу удержать его, — предложил Майлз почти без всякой иронии.

«Э-э-э…»

— Я хочу, чтобы Оливер принял решение, о котором не пожалеет. Не думаю, что кто-то из нас в состоянии ему в этом помочь. — И заставила себя добавить: — Хотя я ценю твое предложение. Оно было из лучших побуждений. — «Потенциально катастрофическое, но из лучших побуждений». — Только если ты действительно хочешь помочь, ложись спать, чтобы и я тоже могла выспаться.

Майлз фыркнул:

— Да-да, я способен понимать намеки.

К облегчению Корделии, он встал и захромал к выходу, помахав ей рукой.

* * *

Джоул решил, что лучший способ избежать еще одной приватной беседы с любознательным сыном Корделии — не оставаться с ним наедине. Воплощая свой план, он пригласил на следующий день Кайю и Теодора на обед в офицерской столовой на втором этаже. Среди разговоров о злонамеренных планах угона кораблей на симуляторе — Кайя играла сегодня на стороне Майлза, в нападении, — и проблемах Гридграда ему легко удалось избежать личных тем, и Джоул расслабился, позволив гостям общаться, как им угодно.

Покуда Кайя не нарушила временное затишье,

когда все увлеченно жевали и глотали, спросив:

— Чего вы ожидаете от пикника в честь вашего дня рождения, адмирал? Чего бы вам больше всего хотелось?

Вопрос застиг Джоула врасплох, и он ответил честно:

— Чтобы не было пострадавших.

— Аминь, — прочувствованно проворчал Теодор, выразив одобрение. Он пока не произнес «Говорил же я тебе» (хотя масштаб события разрастался день ото дня) — зато все это время очень выразительно молчал.

Майлз понимающе ухмыльнулся.

— В нашем комитете выбран офицер, ответственный за безопасность — горячо заверила его Кайя. — Он уже связался с Каринбургской стражей и все такое. Адмирал, я вас серьезно спрашиваю!

Не иначе как комитет направил Кайю на разведку по поводу этого животрепещущего вопроса. Что ж, вполне логично. Джоул задумался. Наипервейшее его желание — день в хижине у Пенни наедине с Корделией, но тут ничего не светит. Следующее желание — провести день в одиночестве, взять тайм-аут, устроиться где-нибудь в тишине и уюте, поваляться и почитать следую-

щий выпуск университетского биологического журнала об их странных исследованиях. Поход, желательно с Корделией, куда-нибудь в глушь был бы прекрасен. Или пикник для них двоих, а не для пары тысяч человек. Он мог бы продолжить, но, наверное, не стоит. Кайя ведь надеялась на что-то простое и выполнимое: например, бутылку его любимого спиртного — пустое множество, увы, — или прогулку верхом на пони, да что угодно в таком роде. И если он не придумает ответ или хотя бы не задаст нужное направление, то рискует нарваться на черт знает что.

Он слишком долго колебался. Теодор, не раз присутствовавший на различных празднованиях по поводу повышения и на церемониях смены командования, а значит, несомненно, умевший разрешить для себя подобную дилемму, сочувственно фыркнул.

— Что случилось с твоей безумной идеей обзавестись к пятидесятилетию сыном, а, Оливер? Хотя, думаю, это не то, с чем тебе может помочь комитет. Ну, разве что усыновишь какого-нибудь мальчишку-мичмана, что, должен признать, сэкономит тебе кучу времени.

Майлз застыл на месте, а потом моргнул как ящерица:

— Правда? Моя мать добралась и до вас, Оливер?

«Во всех смыслах».

— Она расписывает достоинства нового репроцентра каждому, кто готов слушать. И действует в этом отношении очень по-бетански.

И то, и другое — истинная правда.

— Но как это совместить с… — Он умолк, посмотрев на Джоула тем острым, как луч лазерного сканера, взглядом, который неожиданно направлял на собеседника, когда тот был уверен, что он смотрит куда-то в сторону — а то и в три разные стороны.

«Нам нужно поговорить, — подумал Джоул, а потом: — Нет, не нужно». В любом случае точно не здесь.

Вместо этого он сказал Кайе:

— И не забывайте, что у меня мало места для хранения чего бы то ни было.

В квартире, во всяком случае. Хотя он может найти на базе незанятый уголок, способный вместить что угодно размером с десантный катер. К его радости, об этом Теодор умолчал.

— Если хотите сделать ему сюрприз, попробуйте попросить мою мать помочь с идеями, — любезно предложил Майлз.

Кайя посмотрела на него задумчиво:

— Я полагаю, вы с адмиралом знакомы довольно давно?

— И довольно хорошо, — пробормотал Майлз. — Как мне думалось.

Снова оценивает? Джоул недовольно нахмурился.

— Да, вы ведь знаете, что Оливер будет сопровождать вице-королеву? — вклинился Теодор. — Не оставляйте ее за бортом церемонии.

— Да, сэр, я знаю, — ответила Кайя. — Мы попросили ее вручить призы в турнире по пешему поло.

Пешее поло было версией «для бедных» древнего конного поло, традиционной игры форов, которую в оны годы окрестили «хватай голову цета». Когда Корделия стала здесь вице-королевой, кто-то однажды попробовал переименовать игру в «хватай голову Фордариана», но она быстренько это пресекла. В пешем поло участвовали три противоборствующие команды. Игроки с клюшками в армейских полуботинках гоняли мяч по размеченному участку неровной местности, которую выбирали по принципу максимальной ухабистости и бугристости. Да и сами игроки тоже не отличались изысканностью манер.

— Надеюсь, у нас будет палатка с медпунктом? — мягко поинтересовался он.

— О да, сэр. При таком скоплении народа неизбежно что-нибудь да стрясется. У нас там будет полностью укомплектованная полевая команда, способная справиться с чем угодно, от укусов шаров-вампиров до расстройства желудка, всяческих переломов и сердечных приступов. — Последние слова Кайя сопроводила адресованной Теодору ободряющей улыбкой, но тот, похоже, этого не оценил.

Кайя с Теодором обсудили еще кое-какие детали относительно пикника, и, хотя эта тема Джоулу не слишком нравилась, все лучше, чем про маточные репликаторы — в присутствии Майлза, который ловит каждое слово. Больше до конца обеда неловких открытий не последовало.

Ну, почти. Перед тем как уйти помогать с судейством в игре на симуляторах, Джоул отправился вместе с Теодором в туалет. Пока они мыли руки, Теодор огляделся по сторонам и, убедившись, что больше никого рядом нет, сообщил:

— Знаешь, должен тебе сказать, ходят слухи, что ты не просто сопровождаешь вице-королеву, а встречаешься с ней. Не знаю, что ты будешь делать, если хочешь их пресечь, но я тебя, короче,

предупредил.

«Уже?» — подумал Джоул. Но ответил только:

— Неужели?

— Ну, прозвучало все более прямолинейно, — буркнул Теодор. — Но как будто это что-то меняет в смысле предосторожностей.

«Ну что же, Корделия, кажется, пришло время испытать твои социальные теории».

— Для разнообразия, слухи правдивы.

У Теодора глаза полезли на лоб. Он долго молчал, а потом произнес:

— Высоко замахнулся, парень, для простолюдина. Смотри, крылышки не подпали.

На лице Джоула мелькнула улыбка. «Летать меня научил Эйрел. Он бы никогда не дал мне упасть». Стала ли высота для Джоула родной стихией? Ну, может, и не совсем — об осторожности забывать не стоит. Умение вовремя остановиться — не самая сильная фамильная черта Форкосиганов. Возможно, именно Джоул должен это возместить. «Нет, я недостаточно пьян для этих мыслей».

— Надеюсь на мягкую посадку, — сказал он.

«Но где?»

Теодор дальнейших уточнений не просил, а Джоул не вызвался их предоставить. Высушил

руки и удалился.

Глава пятнадцатая

В день пикника Джоул проснулся, как обычно рано, промаялся полчаса, пытаясь заснуть, потерпел поражение, сдался и встал, чтобы найти кофе. Лучше бы он провел эту ночь во дворце вице-королевы, и черт с ней, с этой оравой — семейством Майлза и его свитой, — заполнившей все здание и бесцеремонно нарушившей уединение Корделии. Двухлетние дети еще не знают, что такое личные границы, не выносят закрытых дверей и не понимают, что у взрослых могут быть свои взрослые дела. И не только двухлетние, но и некоторые сорокатрехлетние, кажется, тоже. Им, конечно, уже скоро придется вернуться на Барраяр — там же остался округ, который ну никак не может без своего графа. Но, так или иначе, Корделию он сегодня не увидит до тех пор, пока она сюда за ним не заедет, а это еще как минимум полдня.

Он взял кружку с кофе и поднялся на крышу, чтобы полюбоваться на базу. Джоул любил ходить сюда по утрам, когда веет ласковый ветерок, а солнце еще не такое жаркое. Погода, похоже, обещала быть благоприятной. Народ уже пару

дней сновал к месту пикника и обратно, всего-то километров двадцать от базы. Вчера вечером туда отбыл целый конвой, чтобы оборудовать площадку для барбекю — из настоящего мяса, не выращенного в чанах, прости, Корделия. И переносные туалеты. Сейчас Джоул наблюдал, как из главных ворот выезжает еще один мини-караван, состоявший из военного и частного транспорта.

Это, однако, никак не сказалось на боеготовности базы: Хайнс позаботился о том, чтобы в жеребьевке было достаточное количество коротких соломинок. Ну и, кроме того, оставался еще весь флот Джоула, от орбиты Зергияра до скачковых станций. Из его личного состава повезло только тем, кто по той или иной причине оказался в этот день внизу, на планете. Интересно, как там Бобрик, справляется? Да, не будь пикника, не было бы и такой несправедливости. Эх, слишком поздно он придумал этот контраргумент.

«Мне пятьдесят».

В первый — но, возможно, не в последний — раз за сегодняшний день к нему пришло осознание: «Как странно. Раньше я думал, что пятьдесят — это уже старость».

Он смотрел на далекий Каринбург, словно вытекающий из разлома горного склона на красную

равнину. Последние десятилетия это место служило ему домом, но скоро в любом случае все изменится. Строительный бум охватил Гридград, несмотря на жесткую конкуренцию на рынке стройматериалов и нехватку рабочих рук. И Джоул понял, что с нетерпением ждет переезда не только из-за красот пейзажа, полноводных рек и густых лесов, но и — в первую очередь — потому, что это станет для него новым стартом.

Вернувшись в квартиру, он обнаружил, что на комм-пульте мигает сигнал непринятого вызова. Это оказалось сообщение из оперативного отдела в Форбарр-Султана, под грифом «строго секретно», но без пометки «срочно». Джоул открыл его с легким испугом — совершенно иррациональное чувство: вряд ли там будет что-то новое.

И действительно, над видеопластиной появилось изображение адмирала Деплена. Глава оперотдела приветливо улыбнулся.

«Добрый день, Оливер. Если я верно рассчитал, это сообщение должно прийти как раз вовремя, чтобы я мог поздравить тебя с днем рождения. Добро пожаловать в следующее десятилетие. Оглядываясь назад, на свой собственный шестой десяток, могу сказать, что это было не так уж плохо. А глядя вперед — ну, кто знает…

Надеюсь, ты получил мое предыдущее сообщение — уведомление, во всяком случае, это подтверждает. На случай если оно все же куда-то пропало, ниже прилагается копия.

Я думал к этому моменту уже получить твой ответ, но проверка показала, что у тебя сейчас недельный отпуск. Наверное, ходишь где-нибудь под парусом, с ветерком по зеркальной глади, а мое сообщение дожидается, пока ты вновь вернешься к цивилизации из дикой природы».

Отпуск, как же! Джоул мрачно усмехнулся. Он до сих пор не успел сходить на яхте, и с Корделией только две ночи удалось провести — между инспекционной поездкой на «Принца Зерга» и отработкой на симуляторе операции «кража». Как-то все это не слишком радует.

«И еще раз — самые лучшие пожелания в этот счастливый день! Деплен. Конец связи».

Звучало абсолютно искренне и сердечно. Честное напоминание под маской поздравления. Только вот оба они прекрасно знают: в этой ситуации напоминаний быть не должно. Но не говорить же прямым текстом: «Джоул, черт тебя возьми, ответь на почту!» — и без того все предельно ясно.

Сегодня днем Деплен от него ответа не ждет. И

вечером тоже — поскольку вполне справедливо полагает, что Джоул так или иначе эту дату отметит, хотя вряд ли представляет себе весь масштаб неумолимо разворачивающихся полевых маневров. Ну, и завтра утром тоже не рассчитывает получить ответ: к традиционному барраярскому похмелью командование относится терпимо, если только не разразится очередной кризис. Но завтра днем…

Деплену необходимо знать ответ: если «да» — пора приступать к разработке планов, если «нет» — возобновлять охоту. И он, Джоул, не вправе тянуть с решением дольше завтрашнего дня.

Он тяжело вздохнул, вскочил с кресла и направился в душ.

* * *

Джоул устроился рядом с Корделией в кабине вице-королевского флайера, и над ними тут же закрылся прозрачный колпак. Рыков сел вместе с ма Рыковой в водительский отсек, оглянулся через плечо, проверить, все ли в порядке, и поднял машину в воздух.

Корделия окинула критическим взглядом Джоула, облаченного в зеленую барраярскую военную форму.

— О боги, для пикника ты вырядился как-то уж слишком официально.

Он коснулся груди:

— Сниму китель сразу после церемонии открытия. И дальше, клянусь, буду ходить в рубашке. — И после минутной паузы добавил: — Ну и потом, мне перед выходом надо было еще записать сообщение.

У нее замерло сердце. Неужели наконец ответил Деплену? И каков был его ответ?

Он недовольно повел рукой:

— Я хотел сказать что-нибудь теплое всем своим людям, несущим вахту в космосе. Пришлось основательно подумать, чтобы не получилось, как в этих кошмарных открытках из отпуска: «Прекрасно провожу время, жаль, вас тут нет».

— А мне казалось, в день рождения все должно быть наоборот: поздравления должен получать ты.

— На это я тоже потратил сегодня немало времени. Но я подумал, что мои солдаты и техники, обслуживающие — храните нас боги! — всю эту бюджетную имперскую технику, заслужили от меня несколько добрых слов. В мирное время о них редко кто вспоминает. — Он криво усмехнулся: — А красивые речи вышестоящего

начальства, как правило, означают очередную попытку урезать финансирование, сократить личный состав и в очередной раз усложнить нам работу. Мы научились с подозрением относиться к велеречивым похвалам.

Корделия одобрительно фыркнула:

— Ты хотя бы сандалии-то с собой захватил? — И поболтала своей обутой в сандалию ногой.

— Если хочешь во имя моды подцепить червей, обжечься о шары-вампиры и заработать песчаную сыпь, — дело твое. Я лично предпочитаю форменные сапоги, спасибо.

Сапоги, начищенные до зеркального блеска, — интересно, как они будут выглядеть в конце дня? Одна надежда, что Оливер в конце концов расслабится. Ну помилосердствуйте, это ж не ежегодный императорский парад.

— С другой стороны, — продолжил он, — ты выглядишь идеально для пикника. Так и хочется прямо здесь открыть корзинку. — И Джоул наконец-то вспомнил, что до сих пор ее не поцеловал. Он провел рукой по ее серо-зеленой маечке и ржаво-красным комаррианским шароварам — достаточно легким и прочным (как она надеялась). — Камуфляжная расцветка — это какая-то особая задумка?

— Скорее результат суровых нотаций Элис Форпатрил по поводу сочетания тонов. — Она скользнула рукой по тонкому, струящемуся жакету, красивому, но слишком легкому — а это она скорее всего снимет примерно тогда же, когда Оливер — свой китель.

— Одеваешься в тон своей планете?

— Может, и так, — рассмеялась Корделия.

— А где Майлз, Катриона и прочие?

— Вылетели раньше, вместе с остальными. Встретят нас там. Дети здорово перевозбуждены. Только и говорят, что о торте.

И тут она поняла, что другой возможности сегодня может и не представится, и поспешила ответить поцелуем на поцелуй. Время пролетело слишком быстро — всего ничего, а флайер уже пошел на снижение. Они нехотя оторвались друг от друга.

— Кстати, с днем рождения! — вспомнила Корделия. — И пусть этот день будет счастливым.

— Посмотрим, — ответил он таким тоном, словно предчувствовал недоброе. Или набирался терпения; все же он был очень рад.

Она посмотрела по сторонам.

— Ого! Интересное сочетание стоянки кочевого племени с ярмарочной площадью в Хассадаре.

Сколько народу ты планировал сюда пригласить?

— Первоначально я думал позвать не больше пары сотен моих людей с базы. Но это было еще до того, как сюда собралось явиться чуть ли не пол-Каринбурга.

— Надеюсь, кто-нибудь сообразит пересчитать всех по головам…

Место для пикника было выбрано на склоне у речушки, росли там редкие чахлые деревца, которые вряд ли можно было назвать тенистой рощей. Временный лагерь палаток и киосков — в центре, поодаль — туалеты. Корделия отметила, что здесь есть и армейская медицинская палатка, дальше по склону — открытое пространство и трибуна для зрителей. Ароматный дымок поднимался от нескольких десятков костров. Около них собирались люди с припасами для пикника. Все держались вместе по принципу… Корделия не могла подобрать нужного слова… общности? Гарнизон против города? Космос против наземных служб? С полдесятка импровизированных парковок были забиты всеми видами гражданского и военного транспорта. Чего там только не было! Флайеры, аэрокары, фургоны, мотоциклы, гравиплатформы, гидровелосипеды и даже что-то

вроде больничных каталок. А еще — нет, правда! — несколько повозок и тележек, запряженных лошадьми, но их-то, наверное, доставили сюда на гравиплатформах.

Примерно двухсотметровая площадка на склоне с валунами и часть речки были огорожены, вокруг теснилась галдящая толпа. По площадке носились люди в красных, желтых и синих футболках. Корделия поняла, что отборочный матч по пешему поло начался еще утром.

Флайер вице-королевы зашел на посадку так плавно, что и капли шампанского из бокала не пролилось бы — будь у них, конечно, эти бокалы. Да, Рыков, конечно, непревзойденный профи. За ними вплотную следовал флайер СБ. Корделия покорно выждала, пока мальчики и девочки Чиско первыми выйдут из машины, оценят обстановку и только после этого сами откроют колпак ее флайера. Публичное мероприятие, официальные речи — зона ответственности СБ. Ничего не поделаешь, придется терпеть.

Подкомитет офицеров Оливера поспешил приветствовать их и передать последние — честное слово, последние изменения программы праздничных мероприятий. Неизвестно, каким образом — возможно, благодаря прозрачным

намекам со стороны Кайи — Оливеру удалось убедить их перенести всю церемонию поздравления в начало празднества, а не как обычно — между ужином и фейерверком. Так что теперь вторая половина пикника будет больше похожа на выходной день и для самого виновника торжества. Планировал ли он уйти пораньше вместе с ней? Корделия очень на это рассчитывала.

Подобные мероприятия, как известно, вовремя не начинаются, так что они явно рановато прибыли на место, но пока можно прогуляться в ту часть лагеря, которую Корделия мысленно называла ярмаркой. В открытых палатках подавали еду из каринбургских кафе. Еще тут имелись два бара, но народу там пока было маловато. В это время дня, когда дети носились повсюду, а родители играли с ними в догонялки, самыми популярными были палатки, продающие мороженое, холодные закуски и дешевые игрушки.

Доктор Татьяна грозилась, что «Правадосы» поставят кабинку бесплатных поцелуев, — и они, к удивлению Корделии, и впрямь это сделали. Сейчас там работали две хорошенькие женщины и эффектный красавец-мужчина. В отличие от кафе и ресторанов «Правадосы» сегодня «фирменными блюдами» не торговали — Хайнс убедил

их отказаться от этого во избежание семейных конфликтов. Корделия ему в этом немного помогла: сказала, что на праздник всем полагается выходной. В кабинке лежали стопки обучающих дисков доктора Т., которые выдавали бесплатно за каждый поцелуй: Корделия полагала, что эти пособия могут помочь многим людям, погрязшим в проблемах исключительно из-за недостатка информации.

Демонстрируя поддержку, Корделия сжала руку Оливера, и они получили каждый свой поцелуй под бурные овации зрителей обоего пола. Оливер смутился и покраснел. Он планировал поцеловать только одну женщину, но и вторая не отпустила его без поцелуя. Корделия поцеловалась с симпатичным молодым пареньком — впрочем, для нее он и впрямь оказался слишком молод: лет тридцать, не больше. Увидев, что Оливер старается не смотреть на это дитя, Корделия едва заметно усмехнулась.

— Отважишься его поцеловать? — шепотом спросила она.

— «Стой на своей земле», — прошептал он в ответ.

В соседней палатке, из которой неслась музыка какой-то любительской группы, Корделия

обнаружила все свое семейство. Детишки радостно отплясывали импровизированный танец, а взрослые, устроившись на стульях для зрителей, отдыхали в тени. Малышка Симона, крепко ухватив Майлза за обе руки, притопывала в такт. Сидевшая в первом ряду Катриона держала его трость.

Корделия проскользнула к невестке.

— Как он без трости, справится? — спросила она.

— Вечером примет тонны обезболивающих, — прошептала в ответ Катриона. — А вы смогли бы его удержать?

— Ни за какие сокровища!

Таура, лучившаяся энергией и, по наблюдением Корделии, абсолютно не испытывающая страха перед публикой — да и вообще абсолютно бесстрашная, — порхнула к Оливеру и пригласила его потанцевать. «О, былая Оливер-магия по-прежнему действует!» Учитывая ее атлетизм и его отшлифованное мастерство, они и впрямь исполнили свой номер очень даже неплохо, хотя он не всегда безупречно вел партнершу на сложных поворотах и пируэтах: для парных танцев девочке надо еще немного подрасти. Таура веселилась вовсю, и утреннее напряжение посте-

пенно отпускало Оливера.

Музыканты, узнав именинника, тут же заиграли следующую старую народную джигу, еще более зажигательную.

Корделия огляделась:

— А где Элен и Саша?

— Ушли с Фредди. Она со своими друзьями помогает Лону гем Невитту, который чем-то там помогает их культурному атташе.

— А, Оливер мне говорил. Надо сходить проверить, как они там.

Когда сапоги Оливера утратили свой утренний блеск, а лицо раскраснелось, Корделия милостиво вызволила его из лап своей внучки. Они медленно прогуливались по импровизированному променаду, обмениваясь приветствиями со служащими гарнизона и жителями города. Оливер, казалось, помнит всех своих людей по именам. Корделия тоже старалась вспомнить всех и каждого, а если это не удавалось — не беда: годы практики научили ее успешно притворяться.

Оливер слегка хлопнул ее рукой по шее сзади, и она уже приготовилась что-то промурлыкать, но тут он щелкнул пальцами.

— Шарик-вампир, — пояснил он, пытаясь раздавить паразита ботинком, но тварь размером

с ноготь большого пальца увернулась и покатилась прочь. — Сегодня безветренно, наверняка в сумерках от того ручейка слетится огромная стая.

— А, ну да. Нужно будет намазать детишек репеллентом.

В багажнике вице-королевского флайера имелся запас репеллента. Корделия надеялась, что взяла достаточно, чтобы обеспечить весь свой клан.

За открытой площадкой под деревьями виднелось нечто вроде маленького лабиринта, собранного из панелей; у входа стояли горшки с цветами, уже увядшими на жарком солнце. Выполненная от руки каллиграфическая надпись гласила: «Сад Ощущений. Протестируйте свое восприятие! Зрение, слух, обоняние, осязание, вкус — в чем ваша сила?» Микос гем Сорен с надеждой поджидал посетителей, готовый провести их внутрь. При этом слово «Цетаганда» вообще нигде не фигурировало — у Кайи Форинис явно хорошее чувство маркетинга, решила Корделия. При этом гем Сорен, одетый вполне удачно для пикника — брюки, рубашка, сандалии, — по-прежнему блистал раскраской своего гем-клана. Хотя этот веселый вызов тоже вполне

мог быть задумкой Кайи.

Лон, поникший, как цветы в горшках, держался рядом с гем Сореном — остальные, как выяснила Корделия, помогли завершить экспозицию и отправились исследовать ручей. Корделия тут же связалась по комму с СБ и, выяснив, что телохранительница цетагандийцев держит всех своих подопечных в поле зрения, успокоилась. Ну что ж, теперь можно уделить внимание этой серьезной попытке культурной пропаганды.

Дипломатично скрывая отсутствие энтузиазма, Оливер позволил провести их с Корделией внутрь. Впрочем, первым все равно зашел телохранитель из СБ. Для испытания зрения предлагалась коллекция разноцветных карточек — у Корделии они вызвали в памяти картинки с оптическими иллюзиями. Чтобы проверить осязание, надо было ощупать набор скрытых текстур. Для испытания слуха гем Сорен представил ряд колокольчиков — электроникой, наверное, пользоваться нельзя, решила Корделия. Интересно, будет ли это считаться обманом? Обоняние проверялось с помощью пропитанных чем-то кусочков губки в маленьких чашах. Вкус — с помощью одинаковых с виду бесцветных жидкостей в одноразовых стаканчиках,

позаимствованных, очевидно, из палатки медпункта, — этот компромисс явно причинял страдания их гостеприимному хозяину, который пытался объяснить, что без фарфоровых чашечек ручной работы все это совсем не то. К облегчению Корделии, выяснилось, что пить эти жидкости не требуется — надо только попробовать их кончиком языка и постараться ощутить вкус. Гем Сорен был просто ошеломлен, когда Оливер безошибочно угадал абсолютно все, зато явно обрадовался, когда ошиблась Корделия, и он смог ласково ее поправить в манере, скопированной — как предположила Корделия — у воспитателя цетагандийского детского сада. Кстати, детям это наверняка понравится, решила она — и сменила отношение к гем Сорену на более благосклонное. Но, увы, то произведение цетагандийского искусства, которое им было предложено посозерцать как итог обучения восприятию, так и осталось полной загадкой.

— Нам хотя бы не предложили это лизнуть, — прошептал Оливер ей на ухо, когда они выходили. — А ведь к тому все шло.

Она тихонько фыркнула.

Гем Соррен как раз перешел к заключительной части своей лекции — и вдруг умолк на полу-

слове, удивленно уставившись на свою левую руку, где красовался, переливаясь всеми цветами радуги, шарик-вампир, упившийся до размера крупной виноградины. «Не бейте его!» — хором вскричали Лон и Корделия, но поздно: гем Сорен рефлекторно прихлопнул паразита.

Он сумел сохранить достоинство и даже не завизжал. Только широко открыл рот от неожиданности.

— И не чешите! — Корделия по-матерински мягко перехватила его правую руку. — Ошметки липнут ко всему, как жвачка. (Вообще-то тут чаще употреблялось сравнение «как сопли».) А кислота разъедает кожу. У вас два варианта — либо пойти к ручью и срочно с себя все смыть, либо заглянуть в медпункт: у них там есть препарат, нейтрализующий эту занимательную биохимию. Я рекомендую медпункт.

Атташе честно последовал совету высоких властей и, наскоро проинструктировав Лона на предмет обороны форта в его отсутствие, помчался к медикам. Лон воспринял руководящие указания точно так же, как любой пятнадцатилетний юнец, на которого взваливали дурацкую работу. Типа, как носить воду в решете.

Но тут на комм-браслет Оливера пришло сооб-

щение, что в музыкальной палатке их наконец готовы принять, и «не могли бы прийти прямо сейчас, сэр?».

Бросив Лону через плечо:

— И не забудь полить цветы, которые тут у тебя в заточении. Помни, от тебя зависит их жизнь! — Корделия направилась вместе с Оливером на следующее мероприятие.

* * *

По оценке Корделии, толпа в переоборудованной на скорую руку музыкальной палатке состояла примерно из двух сотен флотских офицеров (с друзьями и близкими), которые с самого начала участвовали в организации нынешнего празднества. «Пик-ник на открытом воздухе хорош еще и тем, что все формальности тут становятся менее формальными», — подумала Корделия. На заднем плане она заметила Блеза Гатти, снимавшего все на голо-вид, — первое время ей не раз приходилось сурово отчитывать пресс-секретаря, чтобы тот потактичнее исполнял свои обязанности. Ну что ж, похоже, он наконец научился вести себя тихо и ненавязчиво.

Церемониймейстером был бодрый капитан-лейтенант из Управления орбитальным

трафиком — судя по всему, блестящий организатор не только на службе, но и вообще по жизни. Он провел Оливера с Корделией на их места за установленным на невысоком подиуме столом и тут же со всем пылом ударился в красноречие, приветствуя почетного гостя, кадровых военных, вице-королеву и прилетевшую с визитом вице-королевскую семью, которая занимала весь первый ряд и периодически ерзала на стульях. Корделия удивилась, что Саша и Элен явились на такую скучную часть праздника, а может, она просто недооценила притягательность торта. Рядом с ней Оливер морально готовился принимать поздравления в духе барраярского армейского юмора.

Первый подарок, который взгромоздил на стол ухмыляющийся лейтенант из корпуса пилотов шаттла, представлял собой двухлитровую пивную кружку — холодную, запотевшую, но наполненную не пивом — ее содержимое было прозрачно-зеленое и позвякивало кубиками льда. Корделия никогда не понимала, в чем суть таких огромных кружек: шутка, вызов — или их просто придумали для тех, кому лень каждый раз идти за следующей порцией? Когда Оливер честно отхлебнул глоток, толпа взорвалась аплодисмен-

тами. Глаза у него расширились, но он спокойно поставил кружку на стол и поинтересовался:

— Нам что, сегодня не хватает льда?

Его слова были встречены дружным взрывом хохота.

— Что там? — тихонько прошептала Корделия.

Оливер подвинул ей кружку, приглашая попробовать.

— Фрида таких коктейлей не делает.

Она попробовала, чуть не задохнулась от убойной крепости и поспешно оттолкнула кружку обратно.

— Думаю, это твоя делянка.

— Они собрались упоить меня до полусмерти еще до начала торжеств?

— Ты не знаешь, какая у тебя репутация?

— И какая же?

— Думаешь, никто никогда не замечает, как ты залпом выпиваешь бокал за бокалом на дворцовых приемах? Считается, что у тебя самая крепкая голова во всей Зергиярской армии.

— Там почти всегда бывает жарко. И меня мучает жажда, — жалобно прошептал он. Поднял кружку и сделал еще один глоток, благоразумно игнорируя призывы осушить ее до дна.

— Это хотя бы перебьет вкус цетагандийского

искусства.

Следующим образчиком армейского юмора стала презентация фейковой памятной медали размером с блюдце на разноцветной ленточке — «Пережившим инспекции адмирала Джоула». Ее Оливер принял с удивившей всех готовностью, но тут в глазах его сверкнул озорной огонек, и он, повернувшись к Корделии, повесил медаль ей на шею. Судя по несколько напряженным взглядам Майлза и Катрионы, они явно словили в этом личный подтекст. Оставалось надеяться, что больше никто ничего не понял.

— Что-то вроде того, как юные леди соревнуются, чтобы снять со своих парней их армейские жетоны? — спросила она, с трудом подавив желание поцеловать его прямо на глазах у всех.

— И ты победила, — ответил он.

Затем последовало несколько обязательных в таких случаях речей, посвященных героическому прошлому именинника. Ораторы — старшие офицеры — не удержались от пары-тройки скабрезных шуточек, но большей частью все же оставались в рамках. И вот настала очередь Корделии встать и произнести краткую речь, после которой, насколько она понимала, будет вручен Главный Подарок. Ей пришлось постараться,

чтобы избежать всех стандартных фраз, которые она произносила последние три года, — Оливер сразу бы их узнал. «Не хоронить пришел я Цезаря, а славить». Благодарение, а не надгробная речь.

Хотя, вдруг пришло ей в голову, если Оливер отбудет в Форбарр-Султан, состоится церемония смены командования. Военные церемонии — как и свойственно церемониям — имели тенденцию повторяться до мелочей. Как, впрочем, и надгробные речи.

Интересно, какой подарок в конце концов выбрали офицеры? Подкомитет, возглавляемый Кайей Фориннис, собрался несколько дней назад в ее кабинете, чтобы коротенько обсудить все возможные варианты, но так ничего и не решил. Про бюджет не говорилось ни слова, хотя, учитывая количество народа и размер жалованья старших офицеров (а их в группе было немало), подарок явно будет не из дешевых.

У входа в палатку поднялся шум, публика расступилась.

— Дорогу, дорогу! Подарок адмиралу!..

В образовавшийся проход вошли два офицера, тащившие… «О боги, что это? Неужто хрустальное каноэ от Пенни?» Нет, не совсем. Эта лодка была шире, длиннее, и корма у нее приспособле-

на для подвесного мотора. Малая осадка, плоское дно идеально подходит для изучения подводного мира в мельчайших подробностях. Хрустальная яхта — вот, наверное, самое подходящее для нее название. Яхта была обвязана посередине широкой красной лентой, завязанной бантом.

Оливер прямо-таки рот разинул от изумления. Он просиял от восторга, и только теперь стало понятно, насколько он был сдержанным до этого момента.

— Вау!

— Угадали! Угадали! — радостно прокричал кто-то из толпы. — Ура!!!

Все зааплодировали, радостно смеясь и переговариваясь.

Уже вставая, чтобы спуститься в зал, Оливер обернулся к Корделии:

— Это ты придумала?

— Нет!

Он недоверчиво глянул.

— Честно, не я. Я всего лишь дала им наводку на Пенни, но думала, что они выберут подарочный сертификат на уик-энд или еще что-нибудь в этом роде. — Отчасти потому, что она намекнула (хоть и не могла сказать прямо), что лучше подарить что-то такое, чем можно воспользоваться

сразу, или что-то компактное, что можно взять на скачковый корабль до Форбарр-Султана. Кто-то, должно быть, копнул глубже — и выдал идею получше.

Она смотрела, как Оливер нетерпеливо спускается с подиума, как разглядывает вблизи свой подарок, как осторожно прикасается к нему — словно не веря собственным глазам. Обводы маленького корабля были необычайно элегантны — казалось, он будет скользить над водой, как стрекоза.

Корделия повернулась к сияющему улыбкой офицеру из инженерного корпуса:

— Очень дорого?

— Да нет, — засмущался он. — Сами сделали. Чан пластика для иллюминаторов, ночь в мастерской с большим принтером… И все готово.

Ну да, как же она сразу не сообразила: Оливер ведь курирует техническую службу по текущему ремонту космических кораблей. Она явно недооценила их как специалистов, а также их ресурсы и мастерство конструкторов, пусть даже часть исходных материалов и позаимствована из имперских поставок.

— Если кто-то поинтересуется относительно материалов или оборудования, говорите, что на

все получили разрешение вице-королевы, — сказала она негромко.

— Спасибо, ваша светлость, — обрадовался офицер.

— Она плавает? — затаив дыхание, спросил Оливер.

— Да, мы сегодня утром уже проводили полевые испытания, — ответил второй офицер, глядя, как адмирал нежно проводит рукой по гладким обводам: это не просто влюбленность, а настоящая любовь с первого взгляда и до гробовой доски. — Плавает в любом положении: вверх дном, на боку и даже полная воды.

Ну да, конечно, любой офицер, к которому сослуживцы хорошо относятся, может рассчитывать на подарок ко дню рождения. Но чтобы сделать *этот* подарок, им пришлось потратить время, все продумать и подготовить — такого в магазине не купишь. Более того, Джоул уже много лет приглашал братьев по оружию ходить с ним под парусом, о его увлечении знали все, и Корделия могла бы предположить, что ему подарят, к примеру, корпус яхты. Но чтобы воплотить его совсем недавнюю мечту! Да. У Оливера был совсем не такой стиль командования, как у Эйрела, и он вечно из-за этого комплексовал. Но

оба они заслужили верность тем, что сами были верны — и в этом они похожи. «Разве сможет он отказаться от такой жизни?»

Когда толпа желающих изучить Главный Подарок несколько поредела, Корделия распорядилась перейти к следующему пункту программы — поеданию торта. «Да уж, пусть едят бриоши». И вскоре все получили свои порции лакомства, разложенные по пластиковым тарелкам. Никто не остался обделенным, тортов в столовой базы напекли с избытком.

Они с Оливером устроились за единственным незанятым столом в палатке. Корделия втихаря отдала свой кусок торта кому-то из вертевшихся поблизости внуков, который явно не наелся. А Оливер покорно жевал, прихлебывая из огромной кружки. Надо думать, вкус получался ужасный.

— Слушай, может, не будешь допивать? Ты вовсе не обязан, — сказала она Оливеру. — В таких случаях бывают очень полезны растения в кадках, но здесь к твоим услугам целая бескрайняя пустыня, куда эту гадость можно выплеснуть.

— Но они же подарили мне такую дорогую вещь… — обиженно возразил он. Корделии стало ясно, что он уже явно переборщил со спиртным и

ее благие советы явно запоздали. Хотя у Оливера и раньше случались приступы бережливости — не только из-за воспитания в простой семье, но и как результат службы на кораблях, — но в данном случае Корделия считала, что это более чем неуместно.

Пришлось принять вице-королевское решение и просто отобрать у него кружку. Оливер не возражал. Может, даже и обрадовался. Он снял китель и расстегнул воротник рубашки. И сразу почувствовал себя лучше. Хрустальную лодку они, после обсуждения других вариантов, решили отправить обратно на базу на временное хранение. А им пора уже было идти смотреть соревнования по пешему поло.

* * *

— А вы, Оливер, играли в эту игру? — спросила Катриона, когда их как почетных гостей провели к раскладным стульям под навесом. Остальные зрители расположились на склоне, откуда все должно было быть хорошо видно.

Джоул покачал головой:

— Нет. Я же офицер.

Катриона недоуменно на него посмотрела:

— Уставом запрещено?

— Нет, конечно. Устав тут ни при чем, — засмеялся он. — Эта игра появилась еще в Период Изоляции как развлечение для солдат в гарнизоне или полевом лагере. Они ее сами придумали из того, что оказалось под рукой. Правила тоже придумали сами, и первым стало такое: «Офицеры не допускаются». В команде может быть сколько угодно игроков, хотя во время игры пытаются примерно уравнять их число.

Адмирал и вице-королева со своими спутниками подошли как раз к решающему матчу между командами, вышедшими в финал после предыдущих игр. В результате сейчас играли три команды: победившая среди мужских команд базы, женщины из вспомогательного корпуса и сборная Каринбурга. Честь города должны были защищать игроки из муниципальной стражи — за них играли и мужчины, и женщины. Мужская команда базы — они сегодня в красных футболках — сильные игроки, но уже здорово вымотались. Женщины из вспомогательного корпуса в синих футболках — команда послабее, зато более шустрые. И наконец, сборная города в желтых футболках. На поле сразу обращали на себя внимание двое — огромный сержант из муниципалов и худенькая секретарша. Эта по-

казала мастерское владение клюшкой и опасное умение прокатывать игроков противника через холмики огненных шаров-вампиров. Сегодня на поле таковых имелось четыре штуки, и все уже изрядно примяты.

Корделия наклонилась к Катрионе и поделилась по секрету:

— А ведь именно Эйрел первым из барраярцев открыл подземный вид шаров-вампиров. Еще тогда, когда мы с ним здесь познакомились. Правда, это вышло случайно…

На Катриону ее слова произвели должное впечатление. Джоул постарался не рассмеяться. Он эту историю уже слышал.

Таура и Лиззи в сопровождении Майлза отправились побродить поблизости. И вскоре послышались увещевания: «Нет, малышка, шестинога нельзя погладить. Он тебе откусит руку, а бабуля с ним расправится. Это же нечестно. Зверюга ведь ни в чем не виновата, правда?» Свирепое шипение подтвердило слова Майлза.

Джоул вытянул шею, высматривая, что там происходит. Катриона беспокойно заерзала, прислушиваясь. Поодаль от импровизированной зрительской трибуны можно было увидеть внушительного размера клетку, а в ней жуткую

«зверюгу». Это был самый, пожалуй, знаковый представитель местной фауны. И весьма впечатляющий. Где-то в весе свиньи, плоскомордый, без шеи, шесть длинных когтистых ног и мощный загнутый клюв, как у попугая. Цвет шерсти довольно приятный — рыжевато-бурый, но уж очень вонючий типус, чтобы вызвать симпатию.

Посещение мини-зоопарка обошлось без приключений — никто не пострадал, и Майлз со вздохом облегчения уселся на свое место.

— А что этот шестиног здесь делает? Это талисман одной из команд или что? — спросил его Джоул.

— Ну, мне говорили насчет местных правил… — Майлз, как всегда, был на редкость хорошо информирован. — Касательно факторов биоопасности на игровом поле. Условия должны быть естественные или максимально приближенные к оным, включая диких животных.

— Да, есть такое.

— Вот только все здешние твари, которые могли удрать, поспешили это сделать. Странно, если б они тут остались, при таком нашествии толп, шуме и гаме. Поэтому и пришлось заблаговременно, еще прошлой ночью, отловить несколько — специально, чтобы выпускать на поле по одно-

му за игру. Чтобы все по-честному, понимаете?

Джоул был несколько озадачен:

— Ну ладно, допустим… Игроки хоть могут клюшками отбиться. А как насчет тех, кто просто рядом стоял и ни о чем таком не думал?

— У всех судей парализаторы. Так что все нормально. Вот только меня не проинформировали… Это меры безопасности на случай буйных шестиногов? Или буйных игроков?..

— И… э-э… как все прошло? Когда выпускали шестиногов?

— Насколько мне известно, не слишком. Почти все зверюги ломанулись через толпу и удрали. Правда, один не стал далеко убегать, зарылся в землю на берегу ручья и так там и сидит.

— Да уж… — усмехнулся Джоул и отхлебнул сидр местного производства. Этот сидр только что доставили — нагруженную ящиками гравиплатформу. Его делала родственница одного офицера с базы из яблок, выращенных к северу от Нового Хассадара. Сидр еще только начали производить, отлаживая технологию. О крупных партиях на продажу можно будет говорить в следующем году, и тогда уже, конечно, сидр надо будет пастеризовать. И фильтровать, очевидно, а сейчас домашний напиток был приятным на вкус

и довольно крепким, только цвет немного странный и мутный. Наверняка в нем полно «живых» витаминов и прочей живности… Вице-королева всегда поддерживала колониальный бизнес. Она попробовала напиток и похвалила, выразив надежду, что производство будет развиваться. Офицер тут же поспешил сообщить это по комму родственникам, похваставшись, как преподнес этот сидр вице-королеве, и сидр получил высочайшее одобрение.

Игроки уже вышли на поле, и судья вынес ярко раскрашенный деревянный мяч размером с дыню. Изначально в пешем поло мяч вовсе и не был, собственно, мячом. Для игры использовали пушечные ядра, ржавеющие в арсеналах древних фортов. Но теперь предпочитали дерево или жесткий пластик — и удар по мячу лучше, и дальность броска. А яркая раскраска вошла в традицию еще во времена Оккупации.

— Хм-м… — пробурчал Джоул.

Корделия вопросительно на него посмотрела.

— А мяч-то цветов клана гем Невитт, как я погляжу. — Очень узнаваемо, даже на расстоянии. — С этим могут быть какие-то дипломатические… э-э… затруднения? Что скажете, ваша светлость?

— В целом… нет, — произнесла Корделия с за-

думчивым видом.

— О, тогда ладно. — Джоул откинулся назад и выпил еще сидра.

Откуда-то его окликнули:

— Адмирал Джоул! — Голос знакомый, а, ну конечно… Он обернулся и приветливо помахал:

— Доктор Гамелин, доктор Добрыни! Рад, что вы пришли.

Биологов из университета Джоул пригласил лично, когда стало понятно, что празднование его дня рождения становится грандиозным мероприятием. С ними за компанию заявились еще четверо — судя по возрасту, студенты. Джоул подумал, что это, наверное, те самые аспиранты с Эскобара, которыми его пугал доктор Гамелин. Судя по всему, прилетели они недавно, и все здесь было им в диковинку. А уж того, что они будут представлены вице-королеве, эскобарцы точно не планировали. Да и сама вице-королева в одежде для пикника, весело приветствовавшая их местным сидром, несколько обескуражила их своим видом и манерами. То, какое впечатление Корделия производит на людей неподготовленных, не переставало забавлять Джоула.

— Да у вас тут, говорят, шестиног! — воскликнула доктор Добрыни.

— Да, и очень осесимметричный. Вон там, — указал Джоул на клетку, сердечно улыбаясь. — Кстати, отведайте местного сидра!

Студенты отправились дивиться на шестинога, не выпуская напиток из рук, но если и пили, то с опаской. Один из них взирал на мутную жидкость, явно жалея, что не прихватил биосканер… Вскоре Джоул услышал голос доктора Добрыни: «Нет, не пытайтесь его погладить…»

Крики зрителей привлекли их внимание к полю. Майлз поинтересовался у Джоула, кто, по его мнению, сегодня выиграет. И был удивлен, что Джоул вовсе не скидывает со счетов женскую команду. Хотя Майлз, например, не дал бы им ни единого шанса, глядя на могучих ребят с базы и из городской команды. Однако Джоул думал иначе — девчонки лучше переносят жару, меньше выпили, и вообще женские команды бывают сильнее в проведении хитроумных тактических ходов, более сосредоточены на мяче и на том, что его надо закинуть в корзину, а не на выведении из строя игроков противника.

Майлз пояснил Катрионе:

— Когда играют три команды, очевидная стратегия — выждать, пока две команды измотают друг друга, и лишь затем переходить в атаку, на-

ращивая преимущество. И все это знают. Так что в тактике изматывания противника ненадолго возникают как бы временные союзы двух команд против третьей, потом ситуация меняется, конечно, и такие союзы внезапно распадаются.

— А им разрешено бить друг друга клюшками? — обеспокоенно спросила Катриона. С поля доносились громкие звуки игры, лязг и скрежет. Клюшки были вроде тех, что в хоккее на траве, но лопасть больше, сильнее загнута, — удобнее для отбивания и ведения мяча размером с череп.

— По правилам запрещены удары клюшкой и силовые помехи в игре. И драки. С клюшкой или без. Но подсечки крюком клюшки допускаются. А если клюшка ломается, то игрок не может заменить ее до смены ворот. Так что слишком уж усердствовать в силовых приемах клюшкой получается себе дороже.

Ворота — три корзины — размещены по краям поля. Никаких особых правил тут нет, все зависит от рельефа местности и зловредности тех, кто размечал площадку для игры. Сегодня одна из корзин была на дальней стороне поля, еще одна — на верхушке скального выступа и последняя — в русле ручья, под водой. После каждого забитого гола команды менялись воротами.

Таура увлеченно наблюдала за игроками. Лиззи больше привлекал шестиног. Она вертелась у клетки, донимая вопросами биологов: «А на них можно ездить верхом? Или чтобы они тащили тележку?» Ученые ее разочаровали, сказав, что нет, нельзя. Но еще они сказали, что люди едва ли даже приступили к одомашниванию зергиярских животных, так что, возможно, все еще впереди.

— А куда подевались все близнецы? — спросил Джоул у Катрионы, вдруг заметив, что вокруг них подозрительно спокойно.

— Пошли купаться. Не одни, конечно. С ними няня и двое эсбэшников. Надеюсь, ничего не случилось? — Внезапно встревожившись, она глянула на наручный комм.

Организаторы еще три дня назад запрудили камнями ручей, устроив водоем для желающих искупаться — без скатагаторов и прочих водяных чудовищ. Но это еще был и резервуар с водой, так, на всякий случай. Ведь вечером планировался фейерверк.

Джоул уже заприметил эту запруду.

— Эх, жаль, что мало места, чтобы испытать лодку.

Корделия улыбнулась и выпила еще глоток сидра. Испытание вполне можно отложить и на

другой день. «Время для этого еще будет, — сказал себе Джоул. — Ведь будет?»

— Хорошая лодка, да? — спросил Майлз, посмотрев на Джоула.

— Превосходная!

— Вот только великовата для того, чтобы брать как багаж на корабль, э?

Его мать нахмурилась и холодно сказала:

— Для офицеров в ранге Оливера не возникает трудностей с багажом, как мне кажется. Даже если он решит взять с собой флайер.

— О!.. Полагаю, что так... — примирительно сказал Майлз.

«Из всего моего имущества мне сложнее всего взять с собой на Барраяр как раз три самых маленьких предмета», — печально подумал Джоул.

С поля донеслись победные крики: видимо, кто-то забил гол. Джоул вздохнул и снова стал следить за игрой.

* * *

Но вот игра закончилась. Корделия вручила победителям наградные ленты и призы: ящики пива. Сегодня победили синие. Они ушли с поля в окружении ликующих болельщиков: приятелей, жен и детей — и наверняка отправились отме-

чать победу. Проигравшие, покидая поле, были мрачны, и многие направлялись в медпалатку.

А еще для Лиззи игра принесла разочарование. Когда в середине игры выпустили шестинога, а он удрал через поле и скрылся в неизвестном направлении, Лиззи издала протестующий вопль и расплакалась. Ведь ее лишили такого хорошенького шестиножика. Майлз принялся ее утешать, ласково нашептывая: «Ну не плачь, детка, не надо… Все хорошо, шестиножик просто убежал домой, к своим братишкам и сестренкам шестиножикам». И Лиззи успокоилась, только тихонько всхлипывала и сопела носом. Джоул поймал себя на том, что взял на заметку этот родительский приемчик.

Уже пора было собирать своих и отправляться перекусить. Джоул был рад, что можно размять ноги и пройтись. Когда Джоул, Корделия и весь клан Форкосиганов добрались до обеденной зоны, угощение уже расставили на столах. Блюда были в основном приготовлены в столовой базы, но имелась и домашняя еда, которую принесли с собой гости. На костре зажарили половину коровьей туши, и когда ее извлекали из костровой ямы и разделывали, это был апофеоз кулинарии. Разделкой занимались профессионалы — мед-

техи во главе с корабельным хирургом. Лиззи, конечно же, донимала их вопросами.

Для тех, кто не употреблял для еды мясо животных, привезли достаточно синтезированной в чанах биомассы. Корделия возглавляла этих приверженцев современных взглядов, но была далеко не единственной. Ей оставалось только молча вздыхать, глядя на хищнические инстинкты своего барраярского семейства. Сашу и Элен через какое-то время отпустили на поиски Фредди — правда, сначала пришлось вытереть с их мордашек жир и соус от барбекю, и дети отправились на прогулку в сопровождении эсбэшной охранницы, сержанта Кэтсарос.

Солнце клонилось к закату, прорисовывая длинные тени деревьев в роще, и вот уже — внезапно, как бывает в тропиках, — стемнело. Над площадкой для пикника рассыпались искры и раздавались хлопки — гости запускали петарды, которые принесли с собой, — развлекаясь, кто как может, в ожидании настоящего фейерверка.

Джоул потягивал холодный сидр, когда на наручный комм Корделии поступил вызов по каналу СБ.

— Форкосиган слушает.

— Вице-королева? Сержант Кэтсарос на связи.

У нас тут нештатная ситуация. Из-за цетагандийского атташе, вернее его… хм-м… арт-инсталляции. Все уже под контролем, но вам надо быть здесь, мне кажется. Никто из детей не пострадал.

Корделия вскочила на ноги. Джоул собрался последовать за ней, скорее из любопытства — не похоже, что случилось нечто серьезное. Майлз с Катрионой пока задержались, чтобы убедиться, что с остальными четырьмя детьми все в порядке. Корделия крикнула на ходу: «Если понадобитесь, позвоню!» — и умчалась.

Корделия с Джоулом вышли из рощи, в быстром темпе миновали площадку для вечернего фейерверка — напротив устроили трибуну для зрителей, ее как раз украшали в преддверии вечернего шоу. На огороженным веревками участке пиротехники заканчивали подготовку. Люди все прибывали, никто не собирался расходиться, даже наоборот — подтянулись новые силы из Каринбурга, — вряд ли их кто приглашал на пикник, но разве можно пропустить такое зрелище — нечто среднее между фейерверком и взрывами?

А вот и Сад Ощущений. Или то, что от него осталось. Стенные панели повалены, столы опрокинуты, цветы выдернуты из кадок, на земле

валяются разбитые бутылки, и над всем этим — едкая вонь от смешения всех изысканнейших ароматов, которые предлагалось тестировать посетителям. Посреди разгрома, на земле, с поднятыми руками, сидела проигравшая команда, почти в полном составе: те, которые с базы, в красных футболках. Все в стельку пьяные. Их держали под прицелом парализаторов муниципалы и персонал из службы безопасности базы. Дебоширы были сконфужены и перепуганы — во всяком случае, те из них, кто хоть что-то еще соображал. Несколько игроков в красном были обездвижены зарядом парализатора и валялись в полной отключке. Один лежал навзничь на спине и жалобно стонал.

Саша, Элен и Фредди держались поближе к сержанту Кэтсарос. Она стояла, расставив ноги, с парализатором на изготовку, и сверлила взглядом краснофутболочных. Лон гем Невитт переминался с ноги на ногу, поглядывая на Микоса гем Сорена. Тот сидел на земле, держась за живот, из носа текла кровь. Запах привлек шары-вампиры: они собирались стайками, зависая над людьми и лужицами пахучих эссенций, вытекшими из разбитых бутылок.

Корделия набрала в грудь воздуха… Джоул

скромно отступил, чтобы не мешать. Корделия пока молчала. Она изучала взглядом улики, восстанавливая ход событий, впрочем, и так вполне очевидный. Пьяным игрокам не удалось бы здесь все разгромить, если бы охранники вовремя это пресекли. Это сейчас они стоят с каменными мордами — парализаторы на изготовку. А раньше они где были, спрашивается?

Саша был потрясен всем происходящим, Элен жутко разозлилась, Фредди внешне никак не реагировала, как тогда, когда стояла и смотрела на флайер, якобы сам собой загоревшийся. Первые слова Корделии были обращены к детям:

— Как вы, ребятки? Все в порядке?

— Да, бабушка… — пробормотал Саша.

А Элен выкрикнула:

— Они разломали все оборудование, все, что мы помогали устанавливать! И они ударили Лона, и он упал! Мы должны были что-то сделать!

— Я говорил ей, нас слишком мало, чтобы вмешиваться! — стал оправдываться Саша. — А потом вот этот ее схватил… Так что надо было ее выручать!..

Корделия с тревогой посмотрела на перепачканную в грязи Фредди:

— Как ты, детка? Тебе сильно досталось?

— Не-а… — Она пожала плечами: — Ну, может, чуть-чуть.

По мнению Джоула, ее «чуть-чуть» могло и не соответствовать действительности. Девчонка храбрится, хотя, конечно, не «ужас-ужас» — если под этим понимать переломанные кости и артериальное кровотечение, но пьяный отморозок с базы мог поколотить ее изрядно и даже не заметить. Джоул почему-то был уверен, что и Теодор не станет спускать эту историю на тормозах, делая вид, будто ничего не случилось. Но Фредди вроде не спешит искать защиты у отца и вообще ставить его в известность о том, что здесь произошло.

Корделия продолжила опрос всех участников инцидента:

— Сержант, докладывайте!

— Извините, ваша светлость… Дети убежали вперед. Я подоспела почти сразу, вырубила придурка, который тряс Элен, и крикнула: «СБ! Ни с места!» Но они уже налакались до одури и никаких слов не понимали.

— Я его лягнула, — фыркнула Элен, очень гордая собой.

— Тут и подмога подоспела. — Сержант зыркнула на так называемых блюстителей порядка. —

Наконец-то. Ну, вот как-то так…

— Вот оно как, значит, — произнесла Корделия и сделала паузу, обводя взглядом присутствующих. Она не повышала голоса, но ее ледяной тон вдруг напомнил Джоулу, что Корделия *действительно* была капитаном корабля.

Она подошла к горе-игрокам, которые так и сидели на земле и, немного протрезвев, невнятно бормотали: «…от, блин, это ж вице-королева! Ну мы влипли!..» Корделия наклонилась к тому нытику, который валялся навзничь, сгребла его за футболку, приподняла и сурово спросила:

— Так это ты посмел поднять руку на внучку Эйрела Форкосигана?

— Дык… кто ж знал, кто она? — просипел он. — Кабы знал, пальцем бы не тронул, клянусь!

— Зря ты считаешь, — сказала Корделия, — что эта отмазка тебе поможет на следствии.

— …да ить она первая начала!..

Джоул прикинул, что, конечно, выглядит нытик не лучшим образом: закоренелый негодяй и пьяница, напавший на ребенка. Корделия, похоже, пришла к аналогичному выводу, потому что следующий вопрос ее был таким:

— У тебя есть сестры?

— Ну да…

— Сколько?

— Три…

— Старше или младше?

— И те, и те…

— Понятно.

Она отпустила футболку, и нытик безвольно рухнул на землю. Корделия выпрямилась и вздохнула:

— Так, ладно. Я приняла решение. Этим делом не будет заниматься СБ.

Не измена — иначе говоря, не преступление против Империи или что-то из этой серии. Во всяком случае, не того масштаба преступление, наказание за которое столь суровое, что этим пьяным полудуркам и не снилось.

— Этим займется служба безопасности базы.

Присутствующие здесь представители службы безопасности приготовились приступить к исполнению приказа, а люди из муниципальной стражи Каринбурга отступили назад, явно испытывая облегчение, что все последствия придется разгребать военным.

— Доставьте их на базу и заприте на ночь в камере. Полагаю, вы сможете выдвинуть приемлемые обвинения. Да, и не забудьте о *неспровоцированном нападении на дипломата*. Передайте

вышестоящим офицерам, что завтра я лично прослежу за выполнением приказа.

— Я тоже буду держать это дело на контроле, — добавил Джоул. Надо сказать, что и арестанты, и конвоиры изрядно нервничали.

Наконец подоспели два медтеха, и Корделия указала им на Лона и Микоса. Нетерпеливо стряхивая шарики-вампиры, которые норовили запутаться в волосах, она обратилась к Оливеру:

— Ты мог бы проводить Элен и Сашу к остальным, в рощу? Я скоро подойду туда.

— Конечно.

Он подозвал детей. Фредди осталась — наверное, хотела помочь Лону.

— Бабуля очень на нас злится? — прошептал Саша, когда они шли мимо площадки для фейерверков.

— Конечно, она злится, но не на вас, — успокоил его Джоул. — В отличие от всех остальных, только вы двое имели право вести себя как неразумные малолетки.

Элен надулась, усмотрев в его словах подвох. Саша молчал: он явно не хотел обсуждать случившееся. И вдруг удивленно воскликнул, указав на что-то над их головами:

— Ой, что это?

Джоул остановился, приглядываясь. К ним быстро приближалось закручивающееся воронкой облако чего-то непонятного. Ох! Ничего себе!.. Такое он уже видел пару месяцев назад, тогда эту гадость пришлось отскребать от флайера.

— Рой шаров-вампиров, — констатировал Джоул. — Но обычно они не роятся на такой не высоте… Этого только не хватало!..

Уже и другие заметили странное явление. Люди на площадке и на трибунах что-то кричали и указывали на скопище шаров-вампиров.

— Они летят сюда! — испуганно воскликнула Элен.

— Похоже на то… — пробормотал Джоул, прикидывая, куда бежать. Обратно, к деревьям? Нет, точно нет. Или лучше к трибунам?

А тем временем бравый солдатик из числа пиротехников рванул наперерез медленно летящему облаку и встал прямо под ним, держа в руках большую петарду с горящим запалом.

— Ща мы их прогоним! — выкрикнул он.

Джоул услышал истошный крик Корделии: «Нееет!!!»

Петарда взвилась в воздух, отмечая траекторию движения всполохами красных искр. Слишком поздно…

Время остановилось. Все словно замерло на одну бесконечно долгую секунду, и Джоул погрузился в беззвучные глубины себя, откуда, к удивлению самого Джоула, воззвал голос командира, нарастая оглушительными раскатами: «НАКРОЙТЕ ДЕТЕЙ!»

Еще миг — и фейерверк взорвался сверкающей вспышкой синего и золотого, распускаясь словно цветок. И почти сразу искры поразили мириады дрейфующих шаров-вампиров…

А потом бушевал огненный смерч. Бубумм! Бубуммм! — канонада гулких хлопков — это взрывались шары-вампиры, и тлеющие клочья разлетались, поджигая тех, кто уцелел при фейерверке… Жар, яркие вспышки, бубуханье взрывов пульсировали и накатывали волна за волной… *Бежать некуда!* И времени *нет*.

Джоул сдернул рубашку, замотал в нее близнецов, крепко прижал к себе и склонился над ними.

— Прижмитесь крепче! — заорал он, когда дети стали пихаться, пытаясь высунуться наружу. — Головы пригните!

А потом все обратилось в ливень из горящей слизи.

Глава шестнадцатая

На них обрушился огненный дождь. Перестук капель пробарабанил и смолк. Джоул рискнул приподнять голову и оглядеться. Он заморгал — перед глазами мелькал калейдоскоп светящихся послеобразов: желтый-оранжевый-красный, потом темный. На земле догорали клочья шаров. Несколько последних шлепков — над головой взрывались оставшиеся шары, запоздало плюхаясь оземь.

Близнецы извивались, пытаясь вырваться, но он лишь прижал их покрепче, вертя головой и высматривая, что творится на площадке с этими гребаными фейерверками по ту сторону плаца. Леденящий ужас и мощный всплеск адреналина, прокатившийся по всему телу, — такое он испытывал считаные разы за всю жизнь. И он оцепенел, не понимая, что делать: бежать, волоча за собой детей? Или бросить их на землю и прикрыть собой? Через секунду он разглядел полуослепшими глазами, что отчаянная суматоха вокруг — это не мечущиеся в панике люди, а пожарные, похватавшие шланги и огнетушители и поднявшие их в ожидании неведомой угрозы с

неба. Огненный душ пролился, чуть не дойдя до них. И в основном на то место, где был Джоул.

Черт, как больно!.. Вся спина огнем горит… какая-то бомбардировка эскадрильи разъяренных ос. Опаснейший биоинженерный продукт. «Это цетагандийцы наслали ос, не иначе!» Жутко смешно… и он захихикал. Саша и Элен уже высвободились и смотрели на него круглыми глазами, ничего не понимая. Но они не вопили от боли и вроде бы не пострадали. Джоул с облегчением понял, что у него получилось! Дети целы и невредимы, а это главное.

Вокруг в панике бегали люди, все кричат, полная неразбериха. А в отдалении — аплодисменты и радостные выкрики. Публика, увидев впечатляющее огненное шоу, решила, что это фейерверк начался раньше времени, и ринулась занимать лучшие места…

Сержант Кэтсарос, надо сказать, первой прибежала на место происшествия. Джоул уже смутно воспринимал происходящее. Она тоже что-то кричала, убирая в кобуру парализатор. Джоулу показалось, что перед этим она стреляла в воздух. Пустая затея, вот если из плазматрона — другое дело, наверняка удалось бы уничтожить горящие капли до того, как они упадут на землю.

«Рефлексы правильные, оружие не то», — прокручивалось у Джоула в мозгу. Вроде ожогов не видно, это хорошо… Он как бы машинально продолжал анализировать ситуацию.

— Сэр, вы ранены! — вскрикнула Кэтсарос.

— Никак нет, лейтенант! — бодро доложил Джоул, давясь от смеха. — Враг промахнулся! В слона с такой дистанции… Ах-ха-ха! — Он покатывался от смеха и никак не мог остановиться, но отнюдь не убедил сержанта, что с ним все в порядке. А близнецы попятились в испуге… тут как раз примчалась их бабушка, и они успокоились, прижимаясь к ней. Как обидно, когда не понимают твоих шуток. Вот *Корделия* поняла бы… Он попробовал было еще раз сказать про слона… но совсем запутался, и получилась какая-то словесная окрошка. Корделия… взгляд упал на ее ноги, и он запинаясь проговорил:

— Эти твои сандалии… Смотри, ради бога, куда наступаешь!..

Корделия осторожно обхватила его за плечи и повернула лицом к себе, стараясь не касаться повреждений. Мозг Оливера продолжал фиксировать: «О, у нее ожогов нет… лицо, волосы… отлично!»

— Оливер, у тебя шок?

Он стал сосредоточенно обдумывать вопрос. Руки дрожат, внутри все сжимается, как от холода. Так-так… Офицер должен уметь правильно оценивать и делать выводы…

— Полагаю, он самый?.. — Оливер снова затрясся от смеха, потом захихикал и смущенно умолк. Ему и самому этот смех казался неуместным.

— Срочно в медпункт! — распорядилась Корделия.

Оливер и не собирался возражать, только слабо взмахнул рукой, вверяя близнецов Корделии, хотя оба и так уже крепко к ней прижались, и только после этого позволил медтехам эвакуировать себя с поля.

Он подсчитывал очки. Какой счет?

«Зергияр — *одно*. Оливер… *все*.

Да, именно так!

Так вот что чувствуешь при богоявлении… дождь. Огненный. Я и понятия не имел, что это так больно…»

* * *

После одного из самых невыносимых часов в своей жизни Корделия наконец-то добралась в медпалатку, Майлз шел, прихрамывая, рядом с ней. Катриона отправила его из рощи за детьми,

и он оказался возле плаца как раз вовремя, чтобы самому увидеть взрыв облака шаров, но, к счастью, не попасть под летящие ошметки. Он опекал дрожащих близнецов, пока Корделия на месте разбиралась с последствиями происшествия, а сейчас Саша и Элен уже были с матерью.

Когда Корделия и Майлз оказались у входа в палатку, суматоха из-за приема пострадавших немного улеглась. Корделия потребовала отвести ее к Оливеру, но ее перенаправили к врачу — полковнику медслужбы, специалисту по ожогам. На него она накинуться не успела, потому что он сразу провел ее внутрь. Надо отдать должное военным медикам: скажем, в гинекологии они не блещут, зато в травматологии им нет равных.

— Мы сегодня имели возможность набить руку с ожоговыми травмами, — бодро сказал он. — Двадцать человек разом — многовато, конечно, но, надо сказать, передвинули мы адмирала в начало очереди не из-за его *звания*. Прошу сюда.

Врач провел их в отгороженную брезентом часть палатки. Медицинское оборудование, стойка для капельницы, кювета с использованными салфетками. Оливер, голый по пояс, лежал на животе, положив голову на скрещенные руки. Когда они вошли, он приподнял лицо и улыбнулся:

— О, вот и вы.

— Очень больно?

— Не-а. После обезболивающих вполне терпимо. — Он улыбнулся.

Майлз подошел поближе, осмотрел спину и присвистнул.

— И как оно там? — спросил Оливер, попытавшись оглянуться через плечо. — Зеркала я тут не обнаружил.

— Хм-м… похоже на леопарда с какой-то кошмарной болезнью, — сказал Майлз честно, как всегда. И добавил, поразмыслив: — Или на леопардовую лягушку.

— Может, все дело в мази от ожогов, а? — предположил Оливер.

— Может, и так, плюс волдыри и царапины. Они, видать, неплохо поработали, убрав все кусочки шаров. Как-то же им это удалось?..

— Как-как… Больно было, — пробурчал Оливер. — Они битых два часа возились с моей спиной этими их хирургическими штуками и какой-то холодной жидкой гадостью.

«Двадцать минут», — беззвучно сказал доктор Корделии.

— Ох-х! — выдохнул Майлз. — Я так вам обязан, Оливер. Если бы не вы, все эти ожоги получили

бы Саша и Элен.

Оливер пожал плечами:

— Вы сделали бы то же самое.

— Нет, ничего бы не получилось, — сказал Майлз просто. — Ростом не вышел. Но уж *попытался* бы, это точно.

— Я хотела обратиться к тебе с просьбой, — сказала Корделия Оливеру, — но ты под воздействием лекарств. — Она повернулась к врачу: — Они собираются устроить фейерверк в его честь. И прислали посмотреть, сможет он прийти или нет.

Оливер приподнял голову:

— Фейерверк! Вроде как хватит с меня фейерверков…

— Ну послушай, они ждали, готовились… Может, посидишь там недолго?.. Если в состоянии, конечно. Я думаю, было бы неплохо как-то успокоить твоих людей. Не сказать что паника… но они за тебя очень волнуются. — Корделия их вполне понимала. И кроме того, совсем не надо, чтобы поползли слухи о его гибели. Слухи, как известно, всегда преувеличены, но тем не менее…

Оливер хмыкнул:

— Как трогательно. Если только они не волнуются из-за фейерверков, знаешь ли. Они ведь так

надеялись, предвкушали?..

Полковник не выказывал горячего одобрения, но пока молчал. Тут вошел медтехник, и полковник попробовал выиграть время:

— Сначала надо закончить с обработкой ожогов и наложить повязки…

Они вдвоем укрепили у Джоула на спине и на шее проницаемую тонкую пленку, поверх наложили защитную марлю. Корделия помогла ему сесть, спустив ноги со стола. Джоул щурился, пытаясь сфокусировать зрение.

Полковник нахмурился:

— Пока я предпочел бы отправить его на сегодняшнюю ночь в госпиталь базы. На данный момент мы сделали все что могли, но… он должен еще какое-то время находиться под наблюдением медперсонала. Серьезные ожоги на значительной части поверхности тела — это вам не просто царапина. А если вы намерены вести себя так, будто это полная ерунда, то я без малейших колебаний уменьшу вам дозу обезболивающих.

Оливер усмехнулся:

— Так усадите меня на скамейку, всего на часик. Никаких кресел со спинкой, разумеется. А потом переправьте на базу — в мое тихое чудное жилище — на шикарном флайере ее сиятельства.

Очень просто. Чем вам не нравится такой план?

— Думаю, лучше будет отвезти тебя во дворец, — сказала Корделия. — У меня очень хороший терапевт, ему уже давно не приходилось иметь дела ни с чем более волнующим, чем ободранные коленки. Есть лазарет, оборудованный чем только возможно… И я согласна, на эту ночь тебе лучше не оставаться одному.

— Полностью поддерживаю, — согласился полковник и улыбнулся Корделии со значением, словно говоря: «Ну конечно же, такого пациента следует передать только тому, кто выше его по рангу, а кроме вас, таковых не имеется».

— Я хотел бы вернуться в свою квартиру, чтобы… Хотя нет. — Оливер повернул голову к Майлзу и нахмурился: — Мне надо поговорить с вами. Позже. Вечером… обязательно.

— А?.. Ну ладно. — Майлз удивленно глянул на Корделию, но она только плечами пожала.

От рубашки Оливера остались одни лохмотья, а чем ее заменить, нашли не сразу. «Я не намерен напяливать на себя эту треклятую штуковину с завязками на спине». В итоге отыскали рубашку от операционной формы, подходящего размера и чистую. И синий цвет так идет к его глазам! Корделия не без удовольствия отметила, что он

неплохо смотрится. Оливер попробовал было обуться самостоятельно, но не смог согнуть спину, и пришлось-таки принять помощь Майлза.

— Освобождение от работы для лечения на пять дней как минимум, — сурово заявил врач. — И даже близко к катеру не подходите без моего персонального разрешения! Сэр.

Дальше пошли инструкции — про жидкости, электролиты, и когда надо связаться с врачом, всю эту документацию скопировали для медиков во дворце и на наручный комм Корделии, и лишь тогда полковник отпустил Джоула под поручительство вице-королевы.

Радостные крики и аплодисменты сопровождали их всю дорогу до трибуны. Корделия смогла убедиться, что не ошиблась, оценивая настроение собравшихся. А когда Катриона, ожидавшая их вместе детьми, встала и радостно расцеловала Оливера, толпа начала просто бесноваться от восторга. Девочки Форкосиганов захотели последовать ее примеру, включая Симону («О, у моих внучек хороший вкус, надеюсь, таковым останется и впредь!») и Элен — та подошла последней, немного смущаясь. Оливера от лекарств клонило в сон, он вяло помахал рукой своим поклонникам и сел на скамейку.

— Вы герой, — сказала Катриона. — Особенно для меня.

Оливер с трибуны обводил взглядом толпу.

— Наверняка я выглядел по-дурацки, — вздохнул он.

— Зато такой день рождения не скоро забудешь, — заметила Корделия и тоже вздохнула.

Оливер тихонько рассмеялся:

— Да ладно… Уверен, шрамы со временем пройдут.

Корделия украдкой пожала ему руку. А потом — оглушительный свист, грохот… Шоу началось. И все разговоры пришлось отложить на потом.

* * *

Майлз пришел к Джоулу в темный сад. С собой он принес бутылку сидра — по просьбе Оливера, и литр питьевых электролитов — без просьбы. Джоул не отверг ни то, ни другое: водрузил обе бутылки на маленький столик и махнул гостю на плетеное кресло. Сам он выбрал скамью — не очень-то мягко, зато без спинки.

Сад при свете фонариков выглядел очень таинственно — шелестящие темные листья, причудливые очертания деревьев и декоративных кустарников… Такое впечатление, будто оказал-

ся в сказочном волшебном лесу. Разноцветные огоньки очерчивали дорожки, воздух после дневной жары был прохладен и свеж. Невидимые создания — крошечные аборигены Зергияра — выводили свои тихие ночные трели, которые накладывались на отдаленный шум города.

Майлз уселся и положил рядом свою трость. Его лицо было расцвечено пестрыми огоньками вдоль дорожки — красными, зелеными и синими. Он сидел, удобно раскинувшись в кресле, но взгляд оставался настороженным и очень внимательным. Лучший из императорских следователей лицом к лицу с одним из самых готовых к сотрудничеству информаторов за всю его карьеру.

К сожалению, готовность к сотрудничеству еще не означает, что все будет легко.

Джоул отхлебнул сидра, словно набираясь решимости перед трудным разговором, послушно запил раствором электролитов — тьфу, какая гадость! — и поспешил глотнуть еще сидра. Вот если б немного джина… может, и помогло бы. На Старой Земле вроде только так и принимали хинин? Нет. Сегодня никаких экспериментов. Он прекрасно понимает, что накачан обезболивающими, и результат может оказаться

непредсказуемым. Так что на спиртное лучше не налегать.

Майлз сделал глоток своего напитка (в такое позднее время — наверняка какой-то коктейль, смешанный Фридой) и решил прийти на помощь. А может, тоже хотел побыстрее отправиться спать.

— Так о чем вы хотели со мной поговорить?..

— О многом… О прошлом. Настоящем. Будущем…

— Что ж… — Майлз помолчал. — Попробую догадаться. Моя мать предложила вам яйцеклетку… или яйцеклетки. Весьма странная форма подкупа. Но это же моя мать… Так, значит, я прав?

— Э-э… нет. То есть да. Но… все намного сложнее.

— Понимаете, мне все это говорят, а потом ничего не объясняют. Я уже готов всех перекусать.

Ну надо же! Впрочем, Майлз, похоже, не намерен приводить свою угрозу в исполнение прямо сейчас — преспокойно сидит себе в кресле. Ладно. «С чего лучше начать? А, какая разница, надо просто начать откуда угодно… и это будет сказано».

— Вы ведь знали, что ваш отец бисексуал, да?

Едва заметное движение бровей.

— Степень моей осведомленности менялась

— с годами. Теперь я вполне в теме. Вроде бы.

— Что ж… — Джоул набрал побольше воздуха. — И я… тоже, — выдохнул он.

Майлз помолчал. Потом сказал — с сухой иронничностью:

— Во как? И сколько уже… то есть я хотел сказать, как давно у моей матери это сомнительное пристрастие к бисексуальным барраярским адмиралам? Вряд ли даже у бетанцев найдутся соответствующие сережки.

Джоул хмыкнул:

— У бетанцев-то? По части бисексуальности — тут как раз все в порядке. А вот барраярские адмиралы… с такими предпочтениями запросто можно нарваться на принудительную терапию.

— Что ж… а ведь это не совсем шутка, как вы, возможно, думаете. Если кое-что из того, что мать рассказывала о своем разрыве с Бетой после Эскобарской кампании, правда.

Джоул что-такое слышал… надо будет при случае вытянуть из Корделии всю эту историю.

— Да, а отвечая на вопрос — я бы сказал, это началось тогда, когда она познакомилась с вашим отцом.

— И она хочет собрать полный комплект, так, что ли?

— Право же, не знаю, есть ли еще экземпляры. Меня она определенно включила в коллекцию. — Еще сидр… электролит, кислородный коктейль… — Но первым на меня обратил внимание Эйрел.

И?.. Ничего. Майлз никак не реагировал. Странно. Чисто профессиональная реакция, отработанная за многие годы? Сложно понять… После паузы Майлз сказал только:

— И как давно?

— А как вы думаете? — Джоул не смог преодолеть любопытства, задавая этот вопрос.

Майлз вскинул голову:

— Пока он был премьер-министром, должно быть. Это было… рискованно. Иллиан… нет, конечно же, Иллиан все знал. Кто еще? Я не знал.

— На самом-то деле очень немногие. Это было скорее умолчание, чем тайна. В тот период вы не часто там бывали.

— А когда бывал, вы самоустранялись. — Майлз нахмурился: — Я совершенно ничего не замечал. Ха… Логично, я полагаю.

— Да, вполне, но добрую половину вашего времени занимали медицинские процедуры. Это способствует тому, что как-то ближе собственные проблемы.

Майлз иронично отсалютовал Джоулу бокалом.

— Так все-таки когда же впервые моя мама удостоила вас вниманием?

— О… вы хотите подробностей?

— Нет, конечно… В общих чертах, просто чтобы понять?..

— Это случилось вскоре после того, как я последовал за Эйрелом на Зергияр. А началось как подарок ему на день рождения.

— Ох! Можете не продолжать… — Он одним махом допил коктейль. — У бетанцев для такого сережки имеются, как вам известно.

— Ваша мама не раз упоминала этот факт, так что…

— Ну еще бы! Двадцать лет! Это не каприз, не какая-то там интрижка. Это брак, черт возьми. Вы хоть это понимаете, Оливер?

— Да, под конец мы все это поняли. Тот самый брак, покуда смерть не разлучит… — Вдруг перехватило горло, и Джоул сделал еще глоток. Сидра в бутылке было уже на донышке.

— И вам пришлось пройти весь этот цирк с официальными похоронами и ничем себя не выдать. Командовали траурным кортежем… О боги!.. — Майлз помолчал. — На его похоронах я

вас едва замечал. Я… Простите.

— Мы тогда были в шоке и едва ли что вообще замечали. Такая утрата…

Майлз кивнул.

— Полагаю, вы просто продолжили встречаться? Но уже как пара?

— Нет. Три года мы пропустили. Мы… заблудились, словно потеряли себя. И начали все заново. Совсем недавно. И совсем иначе.

— Понимаю… Может быть. — Он нахмурился: — Хотя, если честно, не понимаю, почему вы расстались.

— Бывает, что горе проявляется странным образом. Да и работа — и ее, и моя — слишком многого от нас требовала. А может, нам обоим требовалось время, чтобы прийти в себя после такой утраты, и только после этого найти в себе силы — не вернуться к прежнему, а начать заново. Сложно объяснить. Для нас, во всяком случае, это имеет смысл.

— Я ж не спорю, вам видней.

— Да уж… Так вот, возвращаясь к теме яйцеклеток…

— Ага, значит, это действительно яйцеклетки?

— Если отвечать буквально, то правильно будет сказать *не совсем*, хотя технические подробно-

сти лучше объяснит доктор Тан. После того как шесть девочек Корделии были… — «собраны? зачаты?» — …созданы, осталось полдесятка клеток, которые она назвала «скорлупками». Яйцеклетки без ядра. Она предложила мне их для скрещивания вместе с гаметами Эйрела. И дала совет обзаводиться только сыновьями из-за всяких заморочек с законами.

На сей раз Майлз довольно долго переваривал полученную информацию.

— Вот как… Прекрасно. Вот уж никогда б не подумал! Так вы за этим меня позвали? Не знаете, принять ли ее предложение?

— Нет, дело уже сделано. Три замороженных мужских эмбриона с моим именем хранятся в репроцентре. Они там уже несколько месяцев. Мои сыновья. Ваши единокровные братья.

Майлз что-то невнятно пробормотал и посмотрел Джоулу в глаза:

— И?.. Вы считаете, у меня есть право голоса? Или право вето?

— Нет, я не требую от вас принимать это решение за меня и не прошу одобрения… Я рассказал не поэтому… — Джоул не знал, как объяснить. «Пытаюсь сделать так, как должно быть. Поступить правильно, да, наверно, поэтому». — Я

видел, каким вы были в двадцать. За эти годы пройден немалый путь…

Майлз хотел было возразить, но не стал — только молча кивнул.

— Корделия с Эйрелом вместе вырастили хорошего человека, это придаст мне сил в моем начинании.

— Знаете ли, тогда я считал, что создал себя сам. Я был молодой и глупый. Надеюсь, с тех пор я поумнел.

— Да, и было увлекательно смотреть, как вы взрослеете, все больше становясь похожим на отца. Если вы смогли…

— То и любой сможет? — грустно улыбнулся Майлз.

— Нет, я хотел сказать, «может, я тоже смогу».

— Это все потому, что вы безнадежно дипломатичны. Или же, ну не знаю… просто никогда не позволяли своему эго препятствовать в достижении поставленной цели.

— Как бы то ни было, но результаты, согласитесь, впечатляют. У вас чудесные дети, Майлз.

— Надеюсь. — Он пожал плечами: — Не знаю, правда, благодаря мне или вопреки. Но вот что я вам скажу, от меня тут, в общем-то, ничего не зависит. Я могу делать что угодно или ничего не

делать. Не родители воспитывают детей — дети воспитывают родителей. Дети меняют наше поведение с первого крика. Лепят из нас то, что им нужно. И не всегда это получается безболезненно.

— О, даже и не предполагал ничего такого… — удивился Джоул. Но это наблюдение, как ни странно, вселяло надежду.

— Да, можете мне поверить. Я всю свою жизнь набирался опыта в процессе работы. Так почему тут должно быть по-другому? — Майлз помолчал, покачав головой. — Если эпизод с огненным дождем на пикнике о чем-то говорит, то у вас есть нужные рефлексы, чтобы продолжать задуманное.

Теперь головой покачал Джоул.

— Если… — начал было он, но «если» уже не подходило. — *Когда* у меня будут дети, я не хочу, чтобы они были отрезаны от своей настоящей семьи из-за ненужных умолчаний. — И добавил после паузы: — Дети мои и Эйрела. Хотя ему тоже не дано было ни проголосовать «за», ни наложить вето.

— В этом вопросе он целиком и полностью передал свой голос моей матери. Теперь я понимаю, почему этот пункт в его завещания был

так четко обозначен. Я узнавал его голос в этих формулировках.

— И… если вы примете их, то и остальные поступят так же. — Пускай не все, но многие, достаточно, чтобы, как выразился Майлз, продолжать задуманное.

— А если, допустим, я не стану этого делать?

— То же самое.

— Это расстроит мою мать, — вздохнул Майлз.

— И меня тоже. — И не только из-за Корделии, внезапно понял Джоул.

— Ха!

Джоул скривился, допивая раствор электролитов. Обезболивающие уже слабо действуют.

— Итак… это вроде понятно. — Майлз испытующе посмотрел на Джоула: — Только вот как оно согласуется с вашим возвращением в Форбарр-Султан шефом оперативного отдела? Учтите, мама мне ничего не говорила, — поспешил он добавить. — Она не разглашает конфиденциальной информации, сам догадался. Это ей тоже не понравилось.

— Ха… На этот вопрос ответить легче легкого. Я туда не возвращаюсь.

— Когда это вы решили? — Майлз уставился на него, вытаращив глаза.

— Ну… четыре часа назад примерно.

Майлз сморщил нос:

— Если бы моя мать это знала, она бы поджарила на костре маршмуллу и стала бы в вас ею швыряться.

— А что? — рассмеялся Джоул. — Вполне могу себе такое представить. С этим решением… было не так, что раз — и как отрезало. Просто еще утром я не знал, как поступлю, а теперь знаю. Кстати, Корделии я лучше сам расскажу, договорились? Но сначала мне нужно кое-что сделать.

Майлз махнул рукой:

— Да ладно, я понял. А можно сказать Катрионе? Иначе у меня просто голова взорвется.

— На сегодня на Зергияре уже достаточно взрывов. Так что вперед. Предупредите ее, пожалуйста, чтобы помалкивала. Рано еще об этом говорить — сначала надо помочь Корделии перенести столицу и базу, пока она не сложит с себя обязанности вице-королевы. Вот тогда я смогу подать прошение об отставке.

— А в Форбарр-Султане? Ключевые фигуры, конечно, не пресса. Им можно сообщить, приватно, так сказать?

— А это — как вам будет угодно, граф Форкосиган. Вам там жить, не мне. — «К счастью».

Интересно, что именно Майлз передаст Депплену из их сегодняшнего разговора? Как славно, что Джоулу не надо волноваться на сей счет.

Майлз почесал нос.

— А… Грегор в курсе?

— Не сомневаюсь, что ваша мама не стала держать его в неведении.

— И относительно вас?

— Да.

— Ну ничего себе!.. То есть он, получается, все знал, — обиженно проговорил Майлз. — И зачем было темнить? Почему было просто не отправить меня с расследованием?

— А зачем он обычно отправляет вас с расследованием?

— Чтобы я выяснил, что происходит. Сделал, что смогу по ситуации. Вернулся с докладом.

— Вот вы и ответили на свой вопрос.

— Любимый риторический приемчик моей матери, — пробурчал Майлз.

— И как он, работает?

— Да.

— Ну и ладно.

Майлз откинулся в кресле, положил ногу на ногу, побарабанил пальцами по подлокотнику. И посмотрел на Джоула:

— Хм-м… как вы собираетесь их назвать?
Джоул расплылся в блаженной улыбке.
«Я выиграл. И не только я. Мы все».

Глава семнадцатая

На следующее утро Корделия шла по саду, направляясь к канцелярии вице-королевства. Она уже отправила Оливера в госпиталь базы в сопровождении Рыкова — чтобы тот ни в коем случае не дал адмиралу зайти на службу после посещения врача, а также проследил за выполнением остальных пунктов инструкции: переодеться, взять из квартиры необходимые вещи и вернуться. Корделия как раз подумала, что хорошо бы уговорить Оливера держать во дворце смену одежды. Так ведь гораздо удобнее им обоим. Кстати, о публичном объявлении по поводу сугубо приватных отношений: если пытаться соблюдать строгую секретность, то приходится жертвовать некоторыми удобствами, но и кричать во всеуслышание не стоит.

Вчера вечером Оливер вернулся из сада совершенно вымотанным — что, впрочем, неудивительно: Майлз кого угодно способен довести до полного изнеможения. Что же они друг другу сказали? Быстро умывшись, Оливер со стоном рухнул в постель. И провалился в сон благодаря чудесам военной фармацевтики — а не метался,

мучаясь от боли, всю ночь напролет. Сегодня утром он приходил в себя… постепенно. Бродил как зомби, так и не просыпаясь — с блаженной улыбкой. Корделия надеялась, что, когда вернется, будет чувствовать себя уже получше.

Блез и Иви прекрасно провели время на пикнике. Блез занимался пиаром, а Иви вытащила всех своих родственников. Для них вчерашние увеселения обошлись без серьезных телесных повреждений, и сегодня оба ждали Корделию, чтобы приступить к повестке дня.

Блез принес на утверждение предварительную редакцию официального видео, отснятого на пикнике. А также сообщил, что в планетарной сети с самого утра ходит множество роликов несчастного случая — ведь на празднике снимали все, кто только мог.

— Думаю, следует включить сюда нашу съемку, не столь сумбурную, так сказать, — предложил он.

— У нас есть собственная запись?

— Да, оказался поблизости от места происшествия, снимал плац и подготовку к фейерверку. И сделал панорамную съемку происходящего.

Корделия как-то совсем не представляла себе Блеза в роли военного корреспондента, ведущего

репортаж с поля боя.

— Не думаю, что Оливер будет в восторге.

— Ну почему же? Адмирал Джоул вышел превосходно! После изучения утренних рейтингов самые популярные на данный момент кадры, где видно, как он защищает ваших внуков.

— Да, кадры весьма удачные, — вмешалась в разговор Иви. — Самые лучшие я сохранила себе в файле.

— Дай посмотреть! — не удержалась Корделия.

Обнаженный по пояс Оливер, во всей красе молниеносной реакции и героизма, шикарно получился на снимках. Корделия внимательно их рассмотрела.

— Ты ведь замужем, Иви, — сказала она наконец.

— Но смотреть-то я могу?

— Ага. Скопируй мне этот файл.

Иви заулыбалась:

— Конечно, вице-королева.

Блез немного сконфузился. Женщины молча переглянулись.

— Включи эти снимки, — сказала Корделия Блезу. — Но в репортаже сфокусируйся на пиротехниках: как они отлично поработали, смогли взять ситуацию под контроль… В общем, «Ура

доблестной армии Зергияра!» — и так далее. Все понятно?

— Но ведь ни один из тлеющих ошметков шаров не упал к ним на помост?

— И слава богу. Ну же, Блез, не тормози.

Он усмехнулся и стал записывать.

— Да, и когда найдется минутка, — добавила Корделия, — отошли доктору Гамелину все, какие есть, снимки облака шаров-вампиров до взрыва, во время и после. Он говорит, что такое их поведение никогда раньше не наблюдалось, и был очень взволнован. Какая-то теория, почему подобные виды во время грозы всегда снижаются к земле, и нельзя ли их использовать для прогнозов. Не такой он человек, я считаю, чтобы не извлечь все, что возможно, из необычного природного явления, которое произошло у него на глазах.

Корделия всегда одобряла такой научный подход. А вот эскобарские студенты сильно перепугались, их пришлось убеждать, что на Зергияре это случается вовсе не каждый день. «Они еще не знают, что такое наши землетрясения, — подумала Корделия. — Экосистема Зергияра точно не для таких маменькиных сынков». Впрочем, пока самым опасным видом на планете была очень агрессивная разновидность шимпанзе.

Корделия села за свой стол — разбирать утреннюю корреспонденцию. И четвертое по счету послание, как назло, испортило прекрасное настроение. В своем обращении к вице-королеве «Плас-Дэн» настаивал на ответе. Они и помыслить не могли, что их предложение завернут. «Ну и наглость! Неужто никто не знаком с элементарной теорией игр?» Прокололись на дилемме заключенного — обманули своего партнера. А на выигрыш можно рассчитывать только в том случае, если в игре *один* раунд. Жизнь — не дискретные раунды, а непрерывный процесс. И тут не получится оправдаться, что это слишком сложные материи, ведь производственный процесс на их же собственном заводе организован по аналогичному принципу, нет разве? Увы, она имела дело с менеджерами, а не инженерами.

Но им *нужны* материалы в Гридграде… Корделия позволила себе немного поворчать и отложила письмо в сторону, чтобы пока поостыть. Хотя слишком долго тянуть с ответом все равно не получится.

Тут очень кстати по комму с ней связалась Иви — условный сигнал, что можно отказаться.

— Вице-королева? Вас хочет видеть атташе гем Сорен из цетагандийского консульства. Ему не

назначено, но он считает, что дело срочное.

М-да, пожалуй, это некстати. Она понятия не имела, что там стряслось в цетагандийском консульстве после вчерашнего арт-дебоша, — до сих пор они хранили молчание. Но, похоже, пора все выяснить.

— Пусть заходит.

Гем Сорен был умыт, одежда чистая, но поспать ему определенно не удалось. И вид далеко не цветущий. Нос распух, лицо в синяках и, что любопытно, нет клановой раскраски. Он стоял перед столом Корделии по стойке «смирно», как проштрафившийся солдат перед командиром.

— Вице-королева Форкосиган, я здесь, чтобы просить… Нет, молить вас предоставить мне политическое убежище на Зергияре.

Корделия осторожно уточнила:

— И… какова причина?

— Мой консул очень на меня сердит. Он настаивает, что не давал разрешения на установку «Павильона ощущений». Хотя, по сути, он мне его не запрещал. Теперь меня должны следующим же рейсом отослать домой, а там — почти наверняка выгнать из дипкорпуса. У меня не останется никакого будущего, только наш семейный бизнес. — Судя по его тону, такая судьба была бы для

него ненамного приятнее, чем вариант «сразу в петлю». — Все, что меня ждет, — это бесчестье!

Корделии, прожившей долгую жизнь, не сразу удалось припомнить, как это бывает. Если ты еще очень юн и тебя постигла первая неудача, то она, естественно, кажется величиной с гору. Но если ты пережил уже не один десяток, то просто отправляешь очередное несчастье занять место в очереди. Впрочем, вряд ли гем Сорен в его нынешнем состоянии способен оценить такую мудрую мысль.

— Убежище — это крайняя мера. Начать с того, что вам придется отказаться от собственного гражданства. Разве вы не можете ходатайствовать о статусе иммигранта по обычным каналам?

— Я понимаю юридические нормы, вице-королева. Но меня отправляют с Зергияра домой уже сегодня вечером. И мне не удастся вернуться. Семья никогда не даст мне денег.

И кто они? Гемы без гроша в кармане? Еле-еле выцарапали себе статус, как некоторые бедные форы? Пожертвовали всем, чтобы дать своему сыну шанс занять место под солнцем?

— Чем занимается ваша семья?

Он покраснел, прокашлялся. И стыдливо про-

мямлил, глядя в пол:

— У моего отца и дяди на Сигме Кита крупная сантехническая компания.

Корделия приняла это к сведению, пересмотрев сложившуюся картину. Больше похоже, что старшее поколение, не преуспев на стандартных ролях, предписанных их классу, послало ко всем чертям эти гемские игры и отправилось зарабатывать деньги. В таком случае Микос — пережиток прошлого в своем клане, а на роль героического борца за культуру назначил себя сам. Она могла понять, как ему не хочется возвращаться, чтобы услышать: «Мы же тебе говорили!» Мало того, что карьера рухнула, так еще и родственники запилят.

— Я попробовал другой путь, — пожаловался гем Сорен. — Я попросил Кайю Фориннис вступить со мной в брак, что дало бы мне законное право остаться. Но она сказала «нет».

«А я-то думала, что нынешнее утро не сулит больше никаких сюрпризов…»

— И насколько категорическим было это «нет»?

Гем Сорен откашлялся:

— Очень… хм, очень выразительным, ваше сиятельство.

«Молодец, Кайя».

— Для лейтенанта Фориннис, похоже, карьера на первом месте.

— Да, она… именно это и подчеркнула.

«И объяснила тебе, что с цетагандийским мужем-ренегатом об удачной карьере можно забыть, правильно?» Поэтому он обратился к очередной женщине, чтобы та решила его проблему? «Пора бы тебе самому устраивать свою жизнь, малыш. Цетагандиец ты или нет, но тебе уже тридцать…»

Вызов с панели комм-пульта — Иви переадресовала этот вызов из приемной. Значит, наверняка что-то более важное, чем разговор с цетагандийцем.

— Да, Иви?

— Видеовызов, вице-королева. Карин Куделка.

Корделия села прямее, почувствовав прилив энергии. «Моя любимая почти-невестка здесь?» Родственники зачастили с визитами в последнее время. Неужели все они напрочь забыли, как пользоваться сжатым лучом? Впрочем, это не письмо по лучу…

— Откуда она звонит?

— С орбиты. Коммерческий рейс с Эскобара только что прибыл.

— Переключи ее сюда. — Корделия обратилась к гем Сорену: — А вы… — «Можете проваливать на Сигму Кита»? Если, допустим, она такая ужасная злая королева, какой ее расписывают в черных красках злопыхатели, ей не помешает апгрейд навыков пинать беспомощных щенят. — …можете подождать в приемной.

Гем Сорен, вздыхая, вышел в приемную. Когда дверь закрылась, над видеопластиной возникло улыбающееся лицо Карин. Голубоглазая, светловолосая, как и все девочки Куделки, и, как всегда, готовая к решительным действиям. «Иногда, Марк, Вселенная компенсирует нам нанесенный ущерб». Впрочем, это он и так знает.

— Карин! Рада тебя видеть! Марк с тобой?

— Нет, но скоро будет здесь. Мне до его приезда надо выяснить, где именно вы хотите строить этот ваш завод.

Корделия даже не пыталась скрыть удивление:

— Марк нашел предложение на тендер? Где? Я искала, где только возможно! И на Барраяре, и на Комарре… У него правда есть какой-то вариант?

— А как же! На Эскобаре. Специализация у этой фирмы — строительство промышленных объектов. Вполне подходящий вариант вроде?

— Ах, Эскобар! Что ж, пожалуй… там мне и в

голову не пришло искать. Думаю, их консульство будет только радо посодействовать.

— Даже так? Замечательно! Они могут очень помочь с пересылкой проектной документации. Так что, если ничего не изменилось с предложением по тому участку земли, в Гридграде, то со мной сюда прилетел их проектировщик, он готов составить предварительную смету и все такое…

— Очень удачно! И как быстро они смогут справиться с этим проектом?

— У них дизайн блочного типа. Основные стандартные части конструкции они собирают на своих заводах и вроде как спускают с орбиты по частям. А потом собирают уже на месте из этих кубиков проектную конструкцию. Все делается в кратчайшие сроки. Если подготовлена площадка под строительство и подведены необходимые коммуникации, они могут установить базовую конструкцию всего за неделю. И еще неделя — чтобы запустить производство. Но на этом этапе все зависит от того, насколько оперативно они получат доступ к исходным материалам.

Корделия несколько растерялась… А она-то, собственно, имела в виду, как быстро эскобарцы пришлют свое коммерческое предложение… Хм.

— Что ж… Можешь им передать, что я гаран-

тирую всемерную поддержку моего административного аппарата. А вот что касается остальных бюрократических структур, то тут, как обычно, придется постараться… Но неужели им удастся решить нашу главную на сегодняшний день проблему?! Даже не верится…

Карин радостно закивала.

— Слушай, поинтересуйся при случае, вдруг они найдут, куда использовать небольшую такую гору пластобетона? — спросила Корделия. «Может, эскоборцы избавят меня и от этой головной боли?»

— А что? У вас завалялась лишняя гора пластобетона? — удивилась Карин.

— Ну, собственно, не самого бетона, а композитной смеси, из которой его делают. Высокотехнологичная разработка для ударопрочных конструкций. Как посадочная площадка военного космопорта, к примеру.

Карин нахмурилась, обдумывая столь неожиданное предложение.

— Не уверена, что получится… Похоже, у вас патентованная смесь, она может быть несовместима с нашим оборудованием. Надо посмотреть технические спецификации… их инженеры подумают, сразу ничего сказать не могу…

Корделия печально вздохнула. Что ж, не надо требовать слишком многого. Ничего удивительного, если штабеля мешков этой треклятой патентованной смеси сгодятся только на строительство баррикад, преграждающих путь потокам лавы.

— Ладно, с этим потом. В общем, так: пусть ваш эскобарский специалист отправляется в Гридград и свяжется там с городским архитектором, я сейчас скину тебе его контакты. Архитектора я предупрежу — думаю, они найдут общий язык. А тебя жду к ужину. Ты уже знаешь, что Майлз и Катриона с детьми сейчас здесь?

— Марк вроде говорил… Не знаю, правда, от кого он это услышал, то ли Майлз ему сказал, то ли Айвен? А может, и тетя Элис. Впрочем, какая разница?..

— Еще чуть-чуть, и вы бы с ними разминулись — завтра они уезжают. Да, и я хотела сказать… Хм-м… Ты ведь, кажется, знакома с Оливером Джоулом?

— Марк что-то такое говорил… — протянула Карин, закатывая глаза и многозначительно кося на Корделию. — Интересно… насколько семейные слухи соответствуют действительности?

— О! Мне тоже интересно! В плане слухов я не

очень-то в курсе, знаешь ли…

— Значит, увидимся на ужине, я обязательно приду! Ну пока, мы уже идем на посадку.

— Карин! Позвони мне, как только приземлитесь. Я пришлю за тобой Рыкова.

— Ладненько. Целую, тетечка! Пока. — Карин послала ей воздушный поцелуй и выключила комм.

Корделия выдохнула и расслабилась, откинувшись в кресле. «А ведь иногда этот самый барраярский непотизм не такая уж плохая штука, если ты в выигрыше, конечно». Как приятно, однако, обдумывать изощренную месть, составляя в уме ответ. С какой безукоризненной вежливостью она пошлет ко всем чертям этих прохиндеев из «Плас-Дэн»! Оливеру наверняка понравится…

Дверь кабинета тихонько приоткрылась, и в щель всунулась голова гем Сорена:

— Э-э… хм-м… ваша светлость? Позвольте спросить, как там с моим убежищем?..

Корделия нетерпеливо махнула, разрешая ему войти… и задумалась, глядя на свалившуюся на нее напасть уже более благосклонно, чем когда выставила его в приемную всего несколько минут назад, до разговора с Карин. А что, если… Самое правильное спросить напрямую и послу-

шать, что он ответит.

— Скажите-ка, гем Сорен, а вам довелось работать в семейном бизнесе?

— Да. Некоторое время, в юности. До того как я почувствовал потребность реализовать себя в творчестве. Как художник, я…

— Конечно, конечно… — нетерпеливо прервала его словоизлияния Корделия. — Когда-нибудь, в будущем, нам непременно понадобятся художники. Но вот сейчас Зергияру нужны сантехники. Я имею в виду — специалисты по поставкам, установке и эксплуатации оборудования. Ну, что скажете?

Гем Сорен смотрел на нее во все глаза, боясь поверить — вдруг появился проблеск надежды, что эта милая женщина позволит ему остаться здесь, а не возвращаться с позором домой.

— Э-э… да, мадам? Я готов…

— Браво, юноша! — Она хлопнула ладонью по столу, и гем Сорен аж подпрыгнул от неожиданности. — Вы успешно прошли тест вице-королевы Форкосиган. Любые средства хороши, если помогут достичь поставленной цели. Вы нужны Зергияру. Следуйте за мной…

Корделия вышла в приемную, потеснив в дверях незадачливого художника, и распорядилась:

— Иви, будь добра, займись этим молодым человеком. Надо бы побыстрее уладить его дело — он просит предоставить ему убежище, и прошение надо составить максимально тактично, чтобы никого не обидеть. — Объяснений с цетагандийскими дипломатами не избежать, и скорее всего это случится уже завтра.

Ну что ж, завтра и будем об этом думать. Не исключено, что сугубо личные причины, по которым гем Сорен так рвется остаться на Зергияре, вызовут массу слухов, не имеющих, как водится, к действительности никакого отношения. А что касается объяснений с начальством юного гема в посольстве… ей почему-то кажется, что для них это не будет такой уж неожиданностью, учитывая все обстоятельства.

Корделия просмотрела список дел на утро, составленный Иви, и начала уже было прикидывать, как бы поскорее со всем развязаться и удрать из офиса, но тут услышала голоса в приемной. Так. Посетитель, которого нет в списке. Этого только не хватало… Но прислушавшись, узнала голос Оливера. А потом до нее донесся ответ Иви: «Для вас она всегда свободна. Входите, пожалуйста».

Не успел Оливер закрыть за собой дверь в ка-

бинет, как она устремилась ему навстречу. Всего лишь приветственный поцелуй, никаких пылких объятий — надо ведь сохранять благоразумие… да поможет ей бог!

Оливер, как и планировалось, съездил на базу и переоделся в гражданское: рубашка, старые брюки… Выглядит как частное лицо и, судя по виду, чувствует себя неплохо.

— Ура! У нас есть бетонный завод! — И пока Оливер усаживался на стул, развернув его задом наперед, Корделия быстро пересказала разговор с Карин. Чтобы быть к нему поближе, она присела на край собственного стола.

Оливер смотрел на нее, добродушно посмеиваясь:

— Знаешь, я всегда думал, что женщины просто с ума сходят от радости, если получают в подарок… украшения, например, или роскошные туалеты.

— Ха, от меня такой мелочевкой не отделаешься, даже не думай. Кстати, я пригласила Карин на ужин.

— О, чудесно! Карин мне всегда нравилась.

— Карин всем нравится. К счастью, она этим не злоупотребляет.

— У меня тоже новости, — сказал Джоул. — Те,

кого арестовали вчера…

— Ну да, конечно! — воскликнула Корделия. — Надо же… как это я о них забыла? Столько дел утром навалилось, что я…

— Ой, да ладно, не оправдывайся, — улыбнулся Оливер. — Вкратце сообщу, как обстоят дела. Сначала о пострадавших. По собственной дури, конечно, но тем не менее. Я сейчас о Фредди. Она нервничала, как это воспримет отец. Так вот, ей было сделано суровое внушение. И велено освоить хотя бы основные приемы самозащиты. С этим все просто — ее будут тренировать десантники с базы, которым все равно делать нечего. Да, и еще ей придется получить разрешение на ношение парализатора.

— Что ж, разумные меры, вроде ничего такого ужасного?..

— Для нее — да. А вот команде по поло, учинившей вчера это безобразие, пришлось иметь дело с Теодором. Не знаю уж, в каком качестве он выступил: как разгневанный отец или как командир, которому стыдно за пьяный дебош подчиненных. Но в первом амплуа я бы больше его опасался, окажись я на их месте.

— О! Вот как… — Улыбку Корделии вряд ли можно было назвать приятной. Кто-то мог бы

счесть ее зловещей — так и должна улыбаться Красная Королева. — То есть ты оставил дело в надежных руках.

Она одобрительно кивнула и после паузы все же спросила:

— А как… э-э… прошла вчерашняя беседа с Майлзом? Я волновалось, что ты настаивал на серьезном разговоре после всего, что случилось на пикнике… Ты ведь еще не отошел от шока и был на обезболивающих… К чему такая спешка? А утром Майлз… ну, вел себя как обычно… я не знала, что и думать.

— Как бы это лучше объяснить… Тебе ведь знакомо чувство чисто проведенной жесткой стыковки? Все захваты защелкнулись, и ты знаешь, что благополучно привел свой корабль, можно сказать, в конечный пункт назначения. И можешь наконец снять с себя ответственность и уйти на покой. Так сказать, обрести тихую гавань…

— Что, все так вот безоблачно? — недоверчиво переспросила Корделия. Она хотела поскорей узнать главное, а не слушать эту риторику про гавани и корабли.

— Думаю, да. — Джоул кивнул, поерзал на стуле, пытаясь сесть поудобнее, повел плечами и

поморщился: — Я рассказал ему про мальчиков. Что неизбежно вызвало необходимость рассказать обо всем остальном.

Корделия и не ожидала, что ее облегчение окажется столь всеобъемлющим.

— О, спасибо!

— Ты ведь тоже несла это бремя молчания. И не склонилась под ним.

— Пришлось научиться с годами.

Оливер внимательно на нее поглядел. Казалось, он хотел что-то добавить, но сказал только:

— С Майлзом, похоже, никогда заранее не известно, кто с тобой говорит: Майлз Старый Барраярец или Майлз Инопланетник. Мне повезло: вчера вечером превалировала его бетанская сущность.

— Я на всякий случай припасла, чем можно сбить с него спесь, если ему вздумается говорить, как старый граф Петер, — призналась Корделия. (И начать можно с прапрабабушек из ее фамильного древа… Интересно, кто-нибудь их хотя бы упоминал при Майлзе?)

— Вот даже так? — хмыкнул Оливер.

— Ну, бывает такое время от времени. Графский титул порой в голову ударяет. Все эти традиции и прочая чушь, знаешь ли. — Она замолчала, уже

без напряжения ожидая, что Оливер еще скажет интересного. И он сказал:

— Когда заходил к себе на квартиру, я послал ответ Деплену по сжатому лучу. Мол, премного благодарен, но, к сожалению, не могу принять его предложение.

— Ты точно уверен? — выдохнула она.

Оливер кивнул.

— В тот момент, когда отправил сообщение, сразу понял, что да, уверен, я все сделал правильно. Меня вдруг охватило такое странное ощущение… Не то чтобы я сбросил с плеч давящий груз… Скорее ощущение простора: мой мир словно бы распахнулся, раскрылся. И я стою в полном изумлении посреди этого нового, данного мне мира. Ну очень странное ощущение. Конечно, ты можешь сказать, что такая эйфория — действие обезболивающих, но не думаю, что дело в этом. — Он пристально посмотрел на Корделию: — А ты ведь не удивилась, да? Откуда ты могла знать заранее, если я и сам ничего не знал?

— Я и не знала. То есть не была до конца уверена. Но ты ведь не просто заморозил гаметы, а пошел дальше с оплодотворением… Как будто ты сам перекрывал себе ходы к отступлению? Может быть, ты этого не осознавал, но уже не мог — и не

хотел выйти из игры.

Джоул обдумал ее слова, усмехнулся как-то невесело и сказал:

— В иные времена тебя сожгли бы как ведьму.

— Да вот еще, полная чепуха! — сказала она, но явно была довольна, сочтя это комплиментом.

* * *

Отъезд Майлза с семьей был запланирован на следующее утро. Обычно он летал на правительственном курьерском корабле, предоставленном лорду Имперскому Аудитору. Но на этот раз выбрал обычный пассажирский рейс, отправляющийся по расписанию. Сборами в дорогу занималась Катриона — и очень нервничала, как бы не опоздать на корабль. Но ей удалось все организовать в срок, и теперь отъезжающие собрались перед главным входом, чтобы загрузиться в поданные машины и ехать в космопорт. Корделия с улыбкой слушала, как Майлз дотошно торгуется с детьми из-за веса камней, которые они притащили с экскурсии и во что бы то ни стало хотели взять с собой, категорически отказываясь оставить на Зергияре ценные научные сувениры. «И чего Майлз это затеял, да еще в последний момент? — подумала Корделия. — Он вполне в

состоянии заплатить пошлину за лишний вес».

Оливер уже попрощался с ними за завтраком и поспешил на назначенный прием к врачу. Карин умчалась с утра пораньше, чтобы успеть на самый ранний катер до Гридграда: ей не терпелось осмотреть площадку. В канцелярии у Иви не возникло ничего непредвиденного, и вице-королева могла спокойно проводить семью. Так что жизнь прекрасна…

Майлз догнал Корделию на подъездной дорожке у дома, перед фасадом. Он немного запыхался и, оглядев всю толпу, сказал:

— Знаю, что я слишком привык быть единственным ребенком. Но, мама, согласись… *девять* братьев и сестер! Это немножко множко. Разве я не прав?

— Ты забыл Марка посчитать, — откликнулась она. — Впрочем, с Марком — это еще вопрос, кто ты ему: брат или родитель.

— Брат, — твердо ответил Майлз. — Мы безоговорочно решили, что брат. Это все законно и так далее.

— Итак, из единственного ты становишься одним из одиннадцати. Несколько поздновато, но что поделать. Жизнь полна неожиданностей!

— Но не таких же… — обиженно пробурчал

Майлз.

Корделия глянула на него с веселой усмешкой:

— Ну же, Майлз, милый. Зачем так мрачно смотреть на вещи, а? Надо во всем искать плюсы. Например, у тебя никто не будет отнимать игрушки. Это ж замечательно, правда?

Катриона, как раз проходящая мимо, расслышала последние слова и внесла поправку:

— По крайней мере пока они не вырастут.

— Это же полная чушь, — огрызнулся Майлз. — Я все время спрашиваю себя, что бы подумал об этом папа…

— Не был бы уверен насчет методов, зато результат ему бы понравился, я так думаю, — ответила Корделия. — Многое сложилось бы по-другому, если б я смогла вытащить его из Периода Изоляции целиком, а не наполовину, если б на него никогда не легла тяжесть регентства или, раз уж на то пошло, графства, если б мы жили где-нибудь тихой и частной семейной жизнью, если, если… Едва начинаешь так рассуждать, предположениям нет конца…

Майлз хмыкнул и переступил с ноги на ногу, опираясь на трость. Может, предложить ему сесть, а не заставлять стоять на ногах? Но через минуту ему бы все равно пришлось бы вставать.

Окажутся ли его сводные братья такими же маниакально независимыми, каким был он в детстве, и не стоит ли предупредить об этом Оливера?

— Мне нравится Оливер, — признался он после недолгого молчания. — Всегда нравился. Хотя, как выяснилось, я знал его далеко не настолько хорошо, как думал. Я… не возражаю исправить это, если будет возможность.

— Мне бы этого хотелось, — ответила она негромко.

Майлз потупился и сказал с улыбкой:

— Да, и еще… Ты ведь, думаю, прекрасно понимаешь, что он уже законченный подкаблучник. Так что не третируй беднягу, ладно? — Говорилось это вроде бы не всерьез, но в голосе прозвучала обида за мужчин. Впрочем, была в его словах и доля восхищения: вот какая у него мать.

Мимо снова прошла Катриона. Майлз поглядел ей вслед.

— Ты должен кое-что в этом понимать. Оно того стоит?

— О да! — выдохнул он. — Он бы встал под пули за тебя, не задумываясь, это ясно как день.

— Самый бессмысленный способ потратить впустую его таланты, какой только можно себе представить. — Корделия недовольно поморщи-

лась: — Думаю, мы вполне обойдемся без таких крайностей. Я вполне могу придумать много всего — и куда более интересного.

— Ну конечно, не сомневаюсь! — поспешил ее заверить Майлз и тихонько добавил: — Надеюсь, вы будете счастливы.

— Оливер это умеет. Быть счастливым. — Чего не скажешь о Форкосиганах, им такое, похоже, не свойственно. Не исключено, что это и стало одной из скрытых причин, почему Эйрел так привязался к нему. Если не забывать, какими были его ранние годы, то становится многое понятно в его характере. Эйрел чуть ли не боялся счастья, словно не хотел искушать садистского бога Барраяра. Зато мог, ничем не рискуя, наслаждаться счастьем опосредованно, делегировав эту задачу как старший офицер. Все это не объяснишь так, на ходу… Она сказала коротко: — Что такое любовь, как не находить радость в другом? Оливер дарит мне радость каждый день.

— Тогда все в порядке.

Катриона подошла к ним перекинуться парой слов о делах. Сказала, что, когда вернется, загрузит свои предварительные расчеты в программу и тогда сможет выслать окончательный проект шести городских садов и нового сада для вице-ко-

ролевского дворца в новой столице. Она, правда, уточнила, что пока проектные разработки будут не совсем окончательными:

— Мне еще придется потрудиться, чтобы отобрать, какие именно растения высаживать. Я все еще не очень-то сильна в зергиярской ботанике. Что уж говорить о малоизученной экосистеме Гридграда. Но мне хотелось бы найти место в саду для местной флоры, и чем растений будет больше, тем лучше.

— В зергиярской ботанике пока никто не силен, — утешила ее Корделия. — Надеюсь, это изменится.

— Наверное, у меня не получится обойтись без приезда сюда с этими проектами. Еще один раз точно надо, но боюсь, этим дело не ограничится, — предупредила Катриона.

— Конечно, моя дорогая! Приезжай, как только захочешь, — обняла ее Корделия. — И сколько захочешь, я всегда тебе рада.

— Ох!.. Не знаю только, как это удастся сделать — боюсь, меня придется клонировать…

Майлз явно подумал о Марке и хотел было привычно съехидничать, но сдержался. Что ж, Майлз повзрослел, да и роль отца семейства добавляет солидности — если только он о ней не забывает.

Хлопанье дверей, возгласы, все друг с другом обнимаются, некоторые смахивают слезы. Дети и взрослые рассаживались по машинам, что сопровождалось суетой и пересаживанием из машины в машину.

— До свидания! — прощалась со всеми Корделия. — Доброго пути! И помните, что сжатый луч — не только для экстренных случаев! — Она помахала Катрионе: — Пришли мне побольше детских снимков!

В последний раз они помахали друг другу, караван тронулся и вскоре скрылся из виду, выехав на улицу, но Корделия все смотрела им вслед.

«Дорогие мои,
находите радость и усладу друг в друге.
Пока можете».

Эпилог

Через день после официального открытия базы Гридградского космопорта и почти достроенного и уже заселенного вице-королевского дворца в быстро формирующемся деловом центре Западного Гридграда Джоул с Корделией взяли совместный выходной. Они хотели сделать это на день раньше, но… как любила говорить Корделия: «Вечно что-нибудь случается».

Церемония прошла довольно гладко, без выстрелов и взрывов, и медикам на базе не пришлось заниматься ничем экстраординарным — только незначительные жалобы, да еще, ближе к вечеру, неприятности с пьяными. Хайнс был доволен и даже почти не ворчал на зергиярских поставщиков.

Теодор появился на церемонии вместе с госпожой Хайнс — плотно сбитой, старомодно одетой и решительной особой. На то, что у них все хорошо, намекал тот факт, что Теодор подхватывал ее под руку при всяком удобном случае, словно не давая ей сбежать, к тому же его чуть было не застукали, когда он нежно массировал ей шею, думая, будто их никто не видит.

На трибуне вместе со всеми стоял генерал Отто, который в очередной раз приехал проверить, как здесь идут дела. Корделия, знакомая с ним еще по Форбарр-Султану, услышав еще год назад о его предполагаемом визите, восторженно завизжала, почти как школьница, фанатеющая от какого-нибудь певца. Но Джоул быстро понял, что восторг у нее вызывают энергия, деловитость и здравый смысл генерала, а не его сексуальная привлекательность.

Западный Гридград сейчас больше походил на зону военных действий, но прогресс был заметен. Корделия успокоила Джоула, что городские сады, спроектированные ее невесткой, на этой стадии строительства именно так и должны выглядеть: их массивный каркас еще укутает живой плащ из зеленой земной растительности и серо-зеленой зергиярской, с контрастными вкраплениями красно-бурой барраярской флоры. Джоулу пришлось поверить ей на слово.

Общественность Каринбурга до сих пор горько жаловалась на то, что их город теперь будет заброшен, и даже серия мощных подземных толчков, от которых повсюду пошли трещины, не повлияла на хор жалобщиков.

О личной жизни вице-королевы и адмирала

поползли весьма впечатляющие слухи. Корделия полностью их игнорировала, Джоул — пытался. Она, в общем, была права. Отсутствие гневной, да и вообще какой-либо реакции приводило к тому, что сплетники переключались на более подходящие объекты. Пусть вице-королеве и не всегда был по вкусу тот опыт, что она получила за годы жизни в Форбарр-Султане, но никто не сказал, что она не извлекла из него уроки.

Когда их суборбитальный катер пошел на снижение, Джоул признался себе, что его основной эмоцией при расставании с новой столицей и всей местной суматохой стало облегчение.

Корделия глянула в иллюминатор на следующий за ними по пятам катер Службы Безопасности.

— Боюсь, нам с СБ никогда друг от друга не избавиться, — вздохнула она.

— Верно, — согласился Джоул. — Даже уйдя с поста вице-королевы, — а он видел календарь на стене ее ванной, где она красным маркером зачеркивала дни, — ты никогда не перестанешь быть приемной матерью Грегора.

— И потенциальным рычагом воздействия на императора, знаю-знаю… — Она нахмурилась: — Грегор умеет проявить твердость. Если

есть необходимость.

— Но зачем его к этому вынуждать? — Присутствие в ее жизни СБ очень раздражало Корделию, но тем самым заботились и о безопасности Джоула, и никаких добавочных затрат для Империи. И это не говоря о ее имуществе и потомстве. Джоул мог ей, конечно, выразить сочувствие, но оба знали, что в этом вопросе согласия им не достичь.

— Я только надеюсь, что мальчики и девочки Аллегре полюбят сельскую жизнь. — Она прищурилась, что-то прикидывая в уме. — Может, мне удастся подыскать для них работу по хозяйству.

На базе Джоул с Корделией позаимствовали маленький катер — не роскошный, зато скоростной и удобный. Они сидели рядом, напротив пристегнули детское креслице Аурелии; во втором ряду устроились Рыков, его жена и молодая нянька, специально вывезенная из округа Форкосиганов, — дочь оруженосца, выросшая на Зергияре, мечтала туда вернуться. Дальше сидело трио дворцовых слуг, ответственных за пикник, а четвертую группу кресел оккупировала охрана. Так что нельзя сказать, что Корделия с Джоулом находились сейчас в полном уединении, однако гул моторов и шум полета позволяли им, сидя бок о бок, беседовать относительно приватно.

— Я начал вчера оформлять бумаги для выхода в отставку, — сказал Джоул.

Корделия кивнула, стараясь не проявлять слишком бурной радости.

— И как долго придется ждать, пока прибудет замена?

— От двух до шести месяцев, как мне дали понять. — Он втайне надеялся, что на полгода это все же не затянется. — Еще я позвонил доктору Тану и сказал, что пора начинать с Эверардом Ксавом.

На этот раз Корделия не стала скрывать радостную улыбку. Она сжала его руку, молча выражая восторг.

— Получается, они с Найлой будут почти ровесниками. — Следующая младшая сестренка Аурелии сейчас была еще маленьким эмбрионом, зреющим в маточном репликаторе.

С третьей новостью Джоула пришлось повременить — проснулась Аурелия и принялась что-то лопотать. Корделия освободила ее из ремней, и Джоул стал свидетелем очаровательного зрелища: Корделия самозабвенно играла с малюткой.

Аурелию извлекли из репликатора примерно восемнадцать месяцев назад. И насколько Джоул мог судить, она незамедлительно взяла курс

на достижение мирового господства. Во всяком случае, правительство этой планеты в первый же день объявило безоговорочную капитуляцию, сдавшись на милость победителя.

— Ты такая большая, сильная девочка! — приговаривала Корделия. — Такая сладкая! Такая крепкая малышка!

Аурелия лепетала что-то в ответ и с поддержкой Корделии топала ножками у нее на коленях. Кстати, то, что она большая и сильная девочка, повторялось примерно раз пятьсот, по скромным подсчетам Джоула.

Поначалу Корделия отчаянно защищала свою дочурку, набрасываясь как тигрица, стоило кому-либо только ее коснуться. И надо сказать, не раз доводила этим няню до слез. В конце концов Джоул отвел няню в сторону и объяснил ей, каким был в младенчестве Майлз. Почти карлик, с хрупкими костями, он переносил нескончаемые медицинские процедуры и терпел постоянную боль… Корделия тогда чуть не тронулась умом. Няня все поняла, да и Корделия начала понемногу успокаиваться — ее дочка росла здоровенькой и веселой. Конечно, после Майлза любой обычный младенец должен казаться Корделии суперребенком. Джоулу оставалось только надеяться, что,

если это повторится шестикратно, она, возможно, привыкнет к обычным здоровым младенцам.

— Ох, только бы Аурелия начала наконец говорить предложениями, — поделилась Корделия очередным поводом для беспокойства. Тут как раз сравнение с Майлзом было не в пользу Ауреллии. Насколько понял Джоул, речь у Майлза развивалась неимоверно быстро — от слов он перешел к предложениям, а затем и к целым абзацам, пытаясь хоть как-то воздействовать на окружающий его, полностью обескураживающий мир.

Аурелия же прекрасно обходилась, манипулируя взрослыми и без связной речи: ей вполне хватало языка тела, выразительной мимики и отдельных слов. Плюс встроенная сирена, которая включалась в экстренных случаях. Но вот Корделия передала малышку на руки Джоулу: это было высшим выражением доверия, и он всегда старался изо всех сил его оправдать — иначе говоря, принялся изображать дурачка в странном танце трансакционной коммуникации по чужим правилам. Его спектакль, похоже, не разочаровал Аурелию, а это самое главное.

Наконец катер пошел на снижение. Джоул пересадил Аурелию в детское кресло и пристегнул ремнями, игнорируя явное недовольство

юной леди. Показалась береговая линия — гряда неприступных утесов, о которою разбивается прибой. Затем открылось устье залива. Теперь они летели над глубокими прозрачными водами этого залива, врезавшегося в скалы на пару десятков километров. Берега его, испещренные множеством мелких бухточек, были на редкость живописны.

Место, куда они летели, лежало на границе субтропической и умеренной зон, климат тут был мягкий: сказывалась близость моря. Джоул уже бывал здесь раньше вместе с Корделией, и каждый раз это казалось ему воплощенной мечтой.

Порт-Нантингейл, основанный некогда первопоселенцами на берегу залива, с годами вырос в небольшой поселок. Здесь оказались весьма благоприятные условия: вдоволь пресной воды из стекающей с холмов речки, достаточная глубина у берега, чтобы построить причал. Маленькая атомная электростанция могла производить энергии в сотню раз больше, чем требовалось тысяче нынешних обитателей поселка, но Джоул предполагал, что в недалеком будущем ей придется работать на максимальной мощности. Уже сейчас за первой грядой холмов, на равнине, виднелось немало маленьких ферм, фруктовых

садов и виноградников.

Катер не стал приземляться на поселковом аэродроме, а направился вместе с сопровождением к мысу, выступающему в залив на пару километров ближе к устью. Лет десять назад Корделия приобрела этот участок земли вместе с прилегающей бухточкой — это был ее личный вклад в Зергияр, и Джоул прекрасно понимал, почему она выбрала это место.

Свой новый дом она решила построить у устья бухточки, на склоне холма, обращенном к востоку, в сторону моря. Когда катер приземлился, Корделия с Джоулом пошли прогуляться, а заодно посмотреть, как продвигается строительство. Прямоугольный фундамент врезался в склон метрах в пятидесяти над уровнем моря, и к нему уже подвели всякие трубы и коммуникации. Правда, к трубам ничего пока не подключили, а из всех удобств имелась только времянка строителей ниже по склону, но очертания строящихся сооружений выглядели многообещающе. Корделия была приятно удивлена.

Рабочих сейчас здесь не было. В процессе нескончаемой борьбы за трудовые ресурсы их перетянула на строительство поселковая больница. «Что поделаешь, рано или поздно они

вернутся», — вздыхала Корделия. Сегодня она планировала, как перегородить бухточку стальной сетью. Это было необходимо на будущее, чтобы обитатели и гостьи усадьбы могли без опасений плавать и нырять. Колонисты еще только начали исследовать свои новые моря, но уже обнаружили хищников, куда более крупных, чем на суше.

— Ты уже решил, где будет твой дом? — спросила она у Джоула, оглядывая поросший кустарником склон, полого спускающийся к воде.

— Прямо напротив, я думаю. Здесь открывается прекрасный вид на бухту и на закат. И чтобы до твоего дома можно было пройтись пешком, обогнув бухту по берегу, или переплыть на каяке, смотря по погоде. — «Вот только, боюсь, этот самый каяк понадобится ох как нечасто». — А может, добраться вплавь, если буду себя достаточно хорошо чувствовать…

Корделия усмехнулась:

— Мечтаю на это посмотреть.

Сам восточный мыс они по общему согласию зарезервировали на будущее.

После прогулки они устроили пикник вместе с эсбэшниками — те, как ни старались, не смогли отыскать ничего, что могло бы представлять хоть

малейшую угрозу для охраняемых персон. Биологической опасности они тоже не обнаружили, но продолжали работать в этом направлении. А потом, когда Аурелия и оруженосец Рыков устроились вздремнуть после еды на пледе, Джоул с Корделией обошли бухту по тропинке вдоль берега и поднялись на мыс, откуда открывался вид на весь залив. На востоке можно было любоваться бескрайним простором, уводящим туда, где море с небом сливались на линии горизонта в неясной сиреневой дымке.

— Вот тебе самое большое озеро, — сказал Джоул, отдышавшись после подъема.

Корделия рассмеялась.

— Знаешь, хотел тебе рассказать… — почти смущенно начал он. — Гамелин говорит, что если я пройду еще один курс по биохимии и скомпилирую все те полевые наблюдения, что за эти два года прислал ему в журнал, в одну статью, то я получу степень бакалавра и магистра сразу, и он включит меня в свою программу для выпускников.

Джоул уже несколько месяцев назад перестал притворяться, что «это всего лишь хобби», поэтому Корделия совсем не удивилась.

— Студент, который уже умеет писать и ду-

мать, — улыбнулась в ответ она, — и может играючи организовать любую экспедицию, сколь угодно масштабную и в сколь угодно экзотические места… да, и еще вполне способен руководить научным отделом или целым университетом, даже не просыпаясь, если захочет…

— Нет, только полевая работа, — твердо сказал Джоул. — Хочу в экспедиции. На природу.

— Ну еще бы Гамелину не быть в восторге от такого практиканта. — Корделия взяла его под локоть. — Нисколько не сомневаюсь, что ваши будущие студенты будут вас обожать, профессор Джоул, и это произойдет скорее, чем ты думаешь. Учить ты уже умеешь.

— Ну, еще бы. В мирное время военным больше ничего и не остается. Постоянно появляются новички, а их нужно научить всему тому, что они никогда раньше не делали. — И добавил, подумав: — Хотя и в военное время все то же самое, только ускоренными темпами.

Хорошие офицеры и сержанты служили для своих учеников примером воинских — а порой и не только воинских добродетелей, плохие передавали ту гнильцу, что была в них самих, и она порой сохранялась еще в нескольких поколениях. «А сам-то я что им сумел передать? — спросил

себя Джоул. — И надолго ли?»

— С точки зрения геофизики моря Зергияра нанесены на карту с точностью до миллиметра.

— Знаю. Мы проводили картографирование с орбиты.

— А вот их биосфера еще почти не изучена.

— И требуется много людей для этой работы. Гамелин как-то говорил про пять тысяч лет исследований, и мне понадобилось немало времени, чтобы понять: он отнюдь не шутит. Одна эта бухта может обеспечить работой до конца жизни. — И совсем рядом с домом: стоит только выйти за порог. — Я уже не говорю про устье залива… Тут даже, чтобы перечислить все проблемы, дыхания не хватит. — Сложные рифовые структуры вдоль северного берега континента уже привлекли внимание исследователей, но практические нужды отбирали все ресурсы на изучение суши. — Потребуется время, чтобы найти источник финансирования для настоящего исследовательского судна.

— Ну… вообще-то я знаю пару-тройку людей, которые умеют находить финансирование. Так что не спеши слишком рано отказываться от этой идеи.

— Я и не собирался отказываться. Это огромный

«шведский стол», никто не в состоянии съесть все и сразу.

Корделия широко улыбнулась:

— Как же мне не хватало этой профессиональной жадности ученого! Ты произнес это почти как…

— Бетанец?

— Я собиралась сказать, бетанский исследователь. В отличие от некоторых, мы почти никогда не умели хорошо вписываться в п-в-туннели. — Корделия взяла его за руку, и он крепко стиснул ее ладонь. Немного помолчав, она сказала: — Я знаю, где ты сможешь найти для своего корабля навигатора за мизерную плату. Возможно, она согласится работать только за массаж стоп. И за допуск в лабораторию.

— Идет! — ответил он, и они еще долго стояли, держась за руки и глядя на горизонт, туда, где завтра снова взойдет солнце.

Цветы Форкосиган-Вашнуя

Грузовой флайер, делая разворот, чуть накренился. Вадим Самми, смотритель зоны, не отвлекаясь от управления, постучал пальцем по стеклу иллюминатора, показал куда-то вниз и сказал:

— Пролетаем над границей зоны отчуждения, леди Форкосиган. Гляньте!

Катриона присмотрелась. Позади, на расстоянии нескольких километров, остались чисто убранные поля и разбросанные то тут, то там фермы. Теперь же под флайером простирался бурый ровный ковер родной, барраярской растительности вперемешку с островками зеленых растений, завезенных с Земли, — деревьями и кустами, сквозь которые временами посверкивал неширокий ручей, извивавшийся по лугам да заболоченным полянам.

— Как мы узнаем об этом? — спросила она пилота.

Ее муж, Майлз, который тихо сидел в течение всего получасового полета от столицы Округа, Хассадара, наклонился над спинкой ее кресла.

— Там предупреждающие таблички. На столбах и деревьях, каждые десять метров, по всему периметру зоны, все двести километров. В служебные обязанности смотрителя, кстати, входит ежегодный обход периметра с замером радиации. И восстановление табличек — если те вдруг упадут или испортятся.

— Каждый год мы перевешиваем их на несколько метров в глубь зоны, — сказал Вадим. — А это кое-что да значит.

— И что, эти таблички препятствуют проникновению людей в зону? — спросил Энрике Боргос, сидевший рядом с Майлзом.

Катриона с сочувствием посмотрела на ученого, экспатрианта с Эскобара.

— Тут вот в чем фокус, — объяснила она терпеливо. — Когда не видишь реальной опасности, она мерещится тебе отовсюду. Воображение рисует яды там, где их нет и в помине.

Энрике, почесав кончик носа, кивнул.

— Но я бы все равно предпочел иметь счетчик радиации, — сказал он.

Майлз пожал плечами:

— Таблички десятилетиями справляются со своими обязанностями. Ну, по крайней мере старики знают, что это такое. А вот молодежь…

Он моргнул и, задумчиво посмотрев вниз, закончил:

— Мы собираемся строить стену. Прогресс, так сказать…

— Но если Энрике удастся реализовать свой проект, стена не понадобится, — сказала Катрин.

Майлз вздохнул:

— Наверное…

И, спустя мгновение, воскликнул:

— Вадим! Поднимись повыше и сделай разворот над городом. Мне кажется, Катриона так близко его еще не видела.

Вот именно! Несмотря на то что Катриона прямо участвовала в проекте Энрике и фактически все свое время проводила в хассадарской лаборатории, в зоне, где шел эксперимент, она еще не была. Майлз явно лицемерил, убеждая ее, что заботится только о ее безопасности; она же его вышучивала. Впрочем, этот пунктик они уже прошли. А проблему детей они решили успешно и были в этом единодушны: дети оставались в Хассадаре с няней, в высшей степени квалифицированной.

— Выполняю, лорд Форкосиган! — отозвался Вадим, и флайер пошел вверх.

Катриона изучающе смотрела на Вадима. Тот

уже несколько недель работал с Энрике в поле, но она до сих пор не встречалась со смотрителем. Стройный, чуть выше среднего роста, чисто выбритый и аккуратно постриженный. Лет — чуть меньше тридцати. Лицо его было словно вырублено из камня, сплошные углы и жесткие поверхности, но карие глаза таили тепло, а еще в них крылось легкое беспокойство, вызванное присутствием лорда и леди Форкосиган. Как понимала Катриона, смотрителем он служил уже лет десять. Как растолковать ему, что своей преданностью Округу Форкосиган он давно заслужил уважение своего начальства и в этом смысле ему не стоит ни о чем беспокоиться. Впрочем, Майлз до конца дня и сам ему все объяснит — в этом сомнений быть не могло.

Под ними проплыла длинная гряда холмов, тянущихся с северо-востока на юго-запад, и наконец их глазам открылся город Форкосиган-Вашнуй. Катриона смогла определить его контуры лишь по изгибу реки, делившей город напополам, да по вздыбившимся над морем растительности холмам — это были руины зданий, поросшие теперь бурыми кустами, плотно переплетенными плющом и лианами.

— Мне было, я думаю, лет десять, когда мой

дед, граф Петер, показал мне это место с воздуха, — вспоминал Майлз, глядя через стекло иллюминатора вниз. *Двадцать пять лет назад*, подсчитала про себя Катриона.

— Повсюду были эти большие полосы спекшейся стекловидной массы, которые, как утверждали очевидцы, светились по ночам голубым, — продолжал Майлз. — Хотя, возможно, это всего-навсего байки. Потом все это заросло кустарником, было засыпано пожухлой листвой. Ничего не осталось.

Катриона присмотрелась к простиравшейся внизу поверхности — там ничего не светилось, разве что блики на воде. К тому же что особенного разглядишь в дневном свете?

— Большой был город? — спросил Энрике, приложив ладонь к поверхности иллюминатора. В этом мире ученый чувствовал себя новичком.

— Население — чуть больше четверти миллиона, — произнес Вадим тоном экскурсовода, которым ему, как поняла Катриона, частенько приходилось бывать, когда он сопровождал визитеров. — И это немало, тем более что не так давно закончился Период Изоляции.

— Немало и по современным стандартам, — добавил Майлз. — Около двухсот тысяч погибло в

первые мгновения после атомной атаки Цетаганды. Еще пятьдесят тысяч — в последующие недели и месяцы, хотя я не думаю, что кто-нибудь специально подсчитывал жертвы и заботился о точности сводок.

Да, катастрофа постигла их восемьдесят лет назад. Были еще войны, но именно нападение Цетаганды вошло в сознание барраярцев как Большая война, как величайшее испытание, которое пришлось вынести Империи.

— Там осталась вся семья моего деда, — продолжал Майлз. — Оба родителя, все братья, кому удалось выжить, куча кузенов и кузин. По сути, это был наш Военный совет, почти в полном составе. К ним должен был присоединиться Принц Ури, но на севере шли бои, и он не мог оставить армию. Хотя историки не считают, что цетагандийская гем-хунта метила исключительно в него. Им нужно было убить нас всех.

Криво усмехнувшись, лорд Форкосиган закончил:

— И, я думаю, они были по-своему правы.

Что и доказала красноречиво вся последующая история героических деяний генерала графа Петера Форкосигана. Катриона даже не знала, радоваться ей или жалеть, что она встретила

Майлза уже после того, как эта легендарная личность завершила свое существование.

— Отец говорил, что никогда не видел, чтобы бабушка устраивала мемориальный костер в честь погибших членов нашей семьи, — задумчиво продолжал Майлз. — Я, кстати, тоже. Как-то, когда мне было десять лет и любопытство меня просто распирало, я спросил отца, отчего это так. И он ответил…

Майлз сделал паузу, показал на плывущие под днищем флайера заросли и произнес:

— Ответил, что здесь и так было достаточно огня.

Вадим, горько усмехнувшись, кивнул. А интересно, подумала Катриона, были ли у смотрителя предки, сгоревшие на этом атомном костре? И какие истории рассказывали мальчишке в его десять лет? Он ведь делает работу, на которую не так уж много претендентов.

Майлз, выждав паузу, заговорил вновь — все привыкли к его паузам.

— Так или иначе, — сказал он, — после того как война закончилась и мы вышвырнули врага с этой планеты, мой дед вступил во владение всей зараженной зоной. Как графу, ему по закону принадлежали общественные здания в Хассадаре,

а также имение Форкосиган в Форбарр-Султане. Но здесь земля стала его личной собственностью, хотя до катастрофы он не имел к ней никакого отношения и не мог ее ни от кого унаследовать. Я думаю, он просто выкупил эти места у кого-то из владельцев, переживших катастрофу. Тогда это выглядело как акт благотворительности по отношению к пострадавшим, причем, делая это, дед ни в чем не унизил их достоинства. Когда же старик умер, вся эта зона по его завещанию перешла ко мне. Мне было всего семнадцать, и я немного комплексовал по поводу…

Он сделал неопределенный жест, как бы обводя контуры своего тела — сутулый коротышка меньше пяти футов ростом.

— …по поводу своей внешности. Подарком считать это было нельзя, тем более никто и не предполагал, что зона вновь станет обитаемой в течение жизни моего отца. Но чем старше я становлюсь, тем меньше мне понятно, о чем я тогда действительно думал.

Что до Катрионы, то ей это было тем более непонятно. Но вряд ли старик был настолько слеп, чтобы не видеть, как в его травмированном единственном внуке развивается мощный интеллект. И большое, доброе сердце. *Сияющее*, как

определил кто-то, рассказывая о лорде Майлзе Форкосигане. *Может быть, повинуясь голосу своей любви, Петер решил передать свои израненные земли в руки того, кто, как он думал, сможет вдохнуть в них жизнь? Может, он просто отдал должное твоим способностям?* А может быть, она просто-напросто самым глупым образом влюблена в него и не способна к трезвому суждению — даже после четырех лет замужества! Катриона улыбнулась и посмотрела на ленту реки, несущей свои воды на восток.

Река, извиваясь среди буйной растительности, уносила к морю все новые и новые порции радиации. К востоку от Округа Форкосиган, в соседних областях, до самой дельты, воду из реки пить было нельзя. *А может быть, так будет не всегда? Возможно, нынешнее поколение Форкосиганов сможет что-то сделать?* Катриона выпрямилась и пристально посмотрела вперед. Флайер вновь пошел вниз и, совершив вираж, перевалил через гряду холмов, которые в союзе с розой ветров когда-то спасли земли, находящиеся к западу, от радиоактивного заражения и гибели.

— Какого черта?

Майлз, вытянув шею, вгляделся в простиравшийся под ними ландшафт и нахмурился:

— Вадим! Что там такое?

Смотритель посмотрел вниз:

— Мусор, как я полагаю, лорд Форкосиган.

Катриона проследила за их взглядами. Флайер опустился еще ниже.

— Мне это уже не нравится, — сказал Майлз. — Возможно, все-таки придется ставить ограду. Хотя для флайера забор не помеха.

— Я не думаю, что там кто-то приземляется, — покачал головой Вадим. — Они могут просто сбрасывать мусор из грузового люка. Или через пассажирский люк, если это обычный транспорт, не грузовой.

— Да, отсюда и разброс, — проговорил Майлз. — Надеюсь, особого вреда это не нанесет. Хотя и мириться с этим нельзя.

— Оскорбление величества? — улыбнулась Катриона, которую несколько позабавила реакция мужа.

— Скорее надругательство над могилами.

Катриона, согласно кивнув, опустила глаза.

Через несколько мгновений флайер скользнул вниз и приземлился на краю луга, граничащего с лесным массивом. Пассажиры принялись натягивать защитные костюмы. Поверх своей обычной одежды Майлз и Катриона надели одноразовые

комбинезоны, Энрике и Вадим — рабочие защитные костюмы. Гибкие резиновые бахилы и лабораторные перчатки довершали облик членов экспедиции. Майлз не без волнения смотрел, как Катриона натягивает шлем и застегивает маску — простой полуцилиндр из прозрачного пластика с фильтрующим механизмом. Она, улыбаясь с ехидцей, посмотрела на мужа и проследила, как тот обходится со своими средствами защиты. В конце концов, готовый уже спрыгнуть на землю, он вспомнил о трости и, ухватив ее за набалдашник, замотанный в два слоя защитными перчатками, неловко сжал ее пальцами. Все проверили дозиметры и спустились на луг.

Катриона кивнула на дозиметр, висящий у Вадима на поясном ремне.

— А что, когда набираешь допустимую дозу, — спросила она, — то карьере смотрителя конец?

Вадим пожал плечами:

— С годами это становится не так важно. Да и со средствами восстановления сейчас получше. Надеюсь, мне удастся достаточно долго не переступать красную черту.

– *Технически*, — вмешался в разговор Майлз, — я перешел эту черту в самой середине своей работы в космосе. Но к этому не стоит относиться

слишком уж серьезно, не то вообще ничего сделать не сможешь. Хотя сейчас наши уже вовсю используют методики очистки генома.

Вадим сочувственно кивнул, показав, что разделяет гибкие представления своего босса о протоколе поддержания безопасности, и последовал за ним на экспериментальный участок.

Катриона догнала мужа.

— А я что, тоже должна наплевать на радиацию? — спросила она.

— Конечно, нет, — ответил он, посмотрев на жену с опаской. — Там очень жесткие правила.

И, почти шепотом, добавил:

— Но следовать им нужно лишь в том случае, если собираешься жить долго.

Ох уж этот их вечный спор! Майлз был убежден, что ему не суждено дожить до преклонных лет, а потому он просто обязан жить с удвоенной скоростью, чтобы успеть все и даже больше. Таков уж он, этот Майлз! Но если так, пусть то, что должно случиться, случится не сейчас. Пусть — намного позже. Катриона сделает для этого все, что в ее силах.

Вслух же она произнесла:

— Вот и живи. А не то… голову оторву!

В ответ Майлз лишь сверкнул из-под маски

своими серыми глазами.

Слабое ровное гудение встретило их на границе испытательного участка — квадрата со стороной в двадцать метров на самом краю леса, куда попала как часть луга, так и заросли кустарника. На каждом из углов этого квадрата располагались генераторы мощного силового поля, которые создавали энергетический барьер высотой и глубиной в метр — чтобы не разбежались маленькие, но очень важные участники проводимого эксперимента. Катриона и Вадим переступили через барьер; Энрике, негромко взвизгнув, прорвался через него; Майлз, твердо закрепив конец трости на земле и опираясь на нее, аккуратно перенес тело через барьер. Колени давно его не подводили, но в здешней грязи лучше не рисковать. Катрионе не терпелось воочию увидеть, как работают *ее* жуки-радиофаги, хотя, конечно, ее вклад в их разработку был на порядок меньше того, что сделал Энрике. Впрочем, экстерьер — это то, на что обращаешь внимание в первую очередь, и именно от внешнего вида зависит первоначальное впечатление.

— А вот и он! — провозгласил Майлз, указав кончиком трости на бурый стебель некоего барраярского растения, в котором Катриона той

частью своего разума, где хранились сведения из ботаники и садоводства, мгновенно опознала куроцвет. Майлз тростью отодвинул стебель, и там, в тени, сидел, удовлетворенно перемалывая челюстями листву, крупный, ярко расцвеченный инсектоид.

Это существо, продукт биоинженерной мысли, было в длину сантиметров семь, имело шесть ножек, глянцевые надкрылья и походило на жука. Надкрылья, голова и конечности инсектоида переливались глубоким фиолетовым цветом, а на спине красовался маслянисто-желтый трилистник. Жук, казалось, излучал свет, озарявший тенистые недра зарослей куроцвета. Да, поистине гипнотический эффект, подумала Катриона.

В самом начале, когда жуки еще не обрели своей окончательной формы, Майлз относился к ним с брезгливым раздражением, называл то «жуками-блевунами», то «кишащим роем чертовых тараканов» — последнего определения они удостоились, сбежав из своих клеток и распространившись по всему фамильному особняку Форкосиганов. Когда доктор Энрико Боргос только привез их из своей эскобарской лаборатории, инсектоиды официально назывались «жучки-маслячки», но там, на родине, эти существа едва

не стали жертвой, чего уж правду таить, неумелого финансового менеджмента. Зато новая лаборатория, организованная в Хассадаре, где воцарился доктор Боргос, управлялась намного лучше. Правда, не самим Энрике — его мозгу было чем заняться и помимо финансовых проблем.

«Масляный жук» нес в себе один важный секрет. Эти энергичные существа были домом для созданных биоинженерами бактерий, которые перерабатывали все, что съедал жук, причем питался он тем, что люди отвергали — разными несъедобными растениями, — а отрыгивал чрезвычайно полезную и питательную кашицу, напоминавшую соевый творог и вполне годную в пищу. Кроме того, противоположным концом своего тела жук производил лучшие удобрения из тех, что когда-либо встречала Катриона, бывшая вполне опытным садоводом. Одним словом, с какого конца ни посмотри — чрезвычайно полезное и милое существо!

Если не обращать особого внимания на внешность жучка, которого *кое-кто* — Катриона искоса глянула на мужа, все еще с подозрением всматривающегося в жующего кроху, — считал отвратительно-отталкивающей. Кстати, не Майлзу с его внешностью судить о том, кто красив,

а кто нет! А потому по просьбе других заинтересованных в проекте лиц Катриона взялась на проблемы «упаковки» и наконец создала на уже зарекомендовавшей себя платформе новую генерацию производящих пищу жуков, назвав их *блистательными, или «жучками-светлячками»*. Новые инсектоиды были весьма привлекательны и быстро завоевали всеобщую любовь. Только не любовь Майлза.

Впрочем, Майлз очень скоро изменил свое отношение к жукам, когда Энрике пришел к нему с идеей научить этих инсектоидов пожирать загрязненную радиацией субстанцию, перерабатывать тяжелые металлы в глиноподобную массу, отрыгивать ее в специально сконструированные контейнеры и, как это водится у жуков, с противоположного конца выдавать уже чистую, плодородную почву. Очень скоро лаборатория Энрике явственно ощутила прилив новых сил вкупе со средствами, которые лорд Форкосиган щедро выделял из своего личного кошелька. А сам доктор Боргос, который, несмотря на свои юные годы — ему не было и тридцати, — учился быстро, пришел к леди Форкосиган посоветоваться насчет внешнего вида новых инсектоидов.

Предназначение жуков изменилось, называть

их стали в связи с этим по-новому, жуками-радиофагами, и Катриона страшно гордилась тем, что Энрике принял и воплотил в жизнь ее идею их нового внешнего облика. Это она придумала поместить на спинке жука предупреждающий знак, который светился бы тем ярче, чем больше зараженной субстанции нес в себе жук. Так биолюминисценция позволила бы быстро определить, опасен ли инсектоид или нет.

— О господи! — пробормотал Майлз, глядя на светящегося жука-радиофага. — К нему лучше не приближаться.

— Да, но эта штука работает!

Взволнованная, Катриона склонилась ниже, чтобы получше разглядеть жука. Майлз отодвинулся. Жук же, которому было явно наплевать на эмоции прилетевших навестить его людей, продолжал, почавкивая, жевать свою жвачку.

— Ничего себе! — воскликнул вдруг Энрике.

Катриона и Майлз быстро подошли к доктору, который, сняв с пояса сканер радиоактивности, протянул его к небольшой кучке серых гранул. Как только он это сделал, негромкое гудение прибора превратилось в тревожный писк.

— Ничего себе! — повторил Энрике. — Зашкаливает!

Майлз склонился к плечу Энрике, и тот развернул экран сканера так, чтобы лорд Форкосиган все увидел сам.

Затем Энрике выпрямился.

— Похоже, — сказал он, — что проблемой утилизации придется заняться раньше, чем мы планировали. И радикально поменять способ. Мы-то как думали? Будем разбавлять и разбавлять, пока уровень радиации не сольется с фоновым! А здесь степень концентрации только растет.

Доктор отошел, чтобы принести совок, после чего вновь склонился над кучкой отходов и, орудуя совком, наполнил ими небольшой свинцовый контейнер — чтобы отвезти в лабораторию на анализ. Передал контейнер Вадиму, и тот осторожно отнес его к флайеру.

— Должен признать, — проговорил Майлз, внимательно наблюдая за происходящим, — что мне все больше хочется отказаться от своей первоначальной идеи. Я ведь собирался вывести всю эту заразу на орбиту и отправить на солнце. Но теперь меня постоянно посещает предчувствие какой-то страшной транспортной аварии. Если все запаять в контейнеры и захоронить где-нибудь в зоне активной субдукции, это будет и безопаснее, и дешевле. В конце концов, люди

пока не добывают пищу из барраярских морей.

– *Пока* не добывают, — покачала головой Катриона. — Хотя уже есть такие проекты, как я понимаю. Если будем сидеть сложа руки, что, собственно, и происходило последние восемьдесят лет, рано или поздно все это все равно окажется в море. Хорошо было бы держать эту дрянь подальше от берегов.

— Мне кажется, окончательное решение нужно принимать на основе новых серий тестирования, Майлз, — проговорил Энрике. — В зависимости от того, как поведут себя другие тяжелые металлы, мы сможем говорить о коммерческом использовании этих отходов. В конце концов то, что ты называешь дрянью, обернется ценным продуктом. Ее концентрация уже сейчас выше, чем у природной руды.

— Какие еще *другие* тяжелые металлы? Я думал, мы имеем дело с остаточным стронцием, цезием и самарием. Ну, и с этим чертовым плутонием.

Цетагандийцы намеренно нашпиговали свою бомбу этой адской начинкой, чем вызвали негодование не только жителей Барраяра.

— На прошлой неделе я взял первые образцы. Отличные результаты. Были, правда, и неожиданности. Например, следы платины.

— Платины? — удивился Майлз. — Но как эти масляные… как эти радиофаги находят платину?

— По атому, вероятнее всего. Это же энзимы, понимаете!

Взгляд Энрике расфокусировался, выдавая напряженную работу мозга.

— И у меня появились кое-какие идеи по поводу старых шахт. Знаете, эти отвалы, которые остались от прежних разработок. Ведь все, чем вы располагали в Период Изоляции, работало страшно неэффективно. Так вот, в этих отвалах полным-полно металла, а вот извлечь его оттуда безопасно и экономически выгодно вы были не в состоянии. Я мог бы создать жуков… или червяков, умеющих копать ходы в этих отвалах… И тогда они бы…

— Поговори-ка с Марсией, — посоветовал Майлз. — Или с Марком. Похоже, это по части их отдела. Я просто хотел…

Майлз замолчал и отошел, вглядываясь в укрытые вечерними тенями кусты подлеска.

Чего он хочет? Спасти достояние предков? Доказать своему умершему деду, что достоин его памяти? Катриона казалось, что по этой дорожке ее муж готов идти вечно, насколько хватит сил. Но, так или иначе, она присоединилась к Майлзу,

который, нервно покусывая под маской свою нижнюю губу, время от времени поднимал взгляд и любовался чудесным смертоносным пейзажем, раскинувшимся вокруг.

— О господи! — услышали они и поспешили присоединиться к Энрике. Тот, подняв с земли прут, тормошил им жука-радиофага, который размерами вдвое превосходил своих собратьев, уютно устроившихся на стеблях куроцвета. Жук отвечал на действия доктора ворчливым шипением.

— Это не королева? — с опаской спросил Майлз.

— Нет, конечно. Все радиофаги — стерилизованные рабочие особи. Хотя они и растут, и линяют — пока не завершат жизненный цикл. А потом идут умирать туда, куда сносят то, что производят. Собственно, одна из наших задач на опытном участке — определить продолжительность жизни рабочей особи в реальных условиях заражения. Я думаю, кого-то из них мы уже должны были бы потерять, хотя, конечно, эти инсектоиды чрезвычайно устойчивы к воздействию радиации…

Глаза Энрике сузились, он явно увидел что-то важное. Или отсутствие чего-то важного. Он подо-

шел к ближайшей куче отходов и поворошил ее своим прутиком. Фиолетовых фрагментов среди гранул свинцового цвета не оказалось.

Погруженный в свои мысли доктор двинулся к другим кучам. Майлз осторожно последовал за ним.

Осмотрев их все, Энрике поднял глаза и обескураженно улыбнулся.

— Вы мне не поможете? — попросил он своих спутников. — Разойдитесь по участку и посчитайте всех жуков, которых увидите. Все осмотрите — и под листвой, и под упавшими ветками.

Майлз, Катриона и Вадим с готовностью принялись выполнять просьбу доктора. Энрике остался в дальнем конце участка. Майлз орудовал своей тростью, распугав нескольких инсектоидов, попрятавшихся под опавшими листьями и обломками деревьев, — те, переваливаясь на кривых лапках, недовольно поспешили прочь, словно ожившие капли фиолетово-золотой росы.

— У меня двадцать девять, — доложил Майлз.

— Семнадцать, — провозгласил Вадим.

— А у меня двадцать три, — сказала Катриона, глядя на Энрике, который, шевеля губами, продолжал подсчеты.

— Двадцать шесть, — сказал он наконец.

— Итого девяносто пять, — быстро подсчитал Майлз, который всегда ладил с математикой. — Это нормально?

— Как бы сказать… — протянул Энрике. — Все как-то странно. На прошлой неделе я выпустил здесь около двухсот особей.

Было слышно, как глубоко вздохнул Майлз под своей маской.

– *Энрике*, — произнес он и сделал паузу, стараясь взять себя в руки, — к этим жукам у него было особое отношение. Натерпелся! — А они не могли перелететь через барьер? — спросил он наконец.

— Нет! У них ведь нет крыльев, — ответил доктор.

Он поднял жука, светившегося меньше других, и, отогнув тому надкрылья, показал крохотные хитиновые наросты, которые никак не могли обеспечить полет. Майлз отступил на полшага.

— А может, они забрались на деревья? — предположила Катриона.

Все четверо принялись изучать кроны деревьев, запрокинув головы — точь-в-точь зеваки, любующиеся на фейерверк. Но ничего похожего на золотое мерцание они там не увидели.

Майлз опустил голову и, нахмурившись, спросил, глядя на силовые генераторы:

— А может, их ночью закоротило, а потом опять… того… раскоротило?

— Маловероятно, — покачал головой Энрике.

— А почему бы нам всем не поискать в поле, по ту сторону барьера, — предложила Катриона. — Если найдем там хоть одного жука, это по крайней мере докажет возможность.

Она пока не знала, возможность *чего* нужно доказать, но, предложив то, что она предложила, она наверняка отвлечет Майлза от Энрике.

Муж что-то недовольно пробурчал, но присоединился к поискам и принялся, упрямо щурясь, всматриваться в кусты, растущие за пределами экспериментального участка. В конце концов, жукам с их яркой раскраской и сигнальными огнями на спинках трудновато было бы укрыться в бурых зарослях.

Катриона размышляла над тем, с какой скоростью жуки-радиофаги могли бы путешествовать на свободе, и уже достаточно глубоко погрузилась в вычисления, когда голос Майлза заставил ее вздрогнуть и оторвать глаза от земли.

— Что это *тут* за чертовщина? — спросил Майлз.

Он стоял в нескольких метрах от жены, всматриваясь в тенистые заросли. Выставив подбо-

родок вперед, он, прихрамывая, двинулся к зарослям. Споткнулся о корневище и наверняка упал бы, если бы Катриона не поспешила к нему на помощь.

— Что ты там увидел? — спросила она.

— Какая-то бледная тень. Показалась и снова исчезла в кустах.

— Одичавшее животное?

Одичавшие собаки, кошки, свиньи, козы, куры, олени, пони, черные и белые крысы и другие беглецы и беглянки из людских поселений разгуливали по диким просторам Барраяра там, где укоренились растения, привезенные с Земли, — местные виды как для земных животных, так и для человека оказались несъедобными. В силу последнего обстоятельства земные виды были немногочисленными, а их представители — вечно голодными, и, когда Катриона подумала о диких прожорливых курах, которые, кстати, научились летать и легко могли бы перелететь обустроенную вокруг экспериментального участка ограду, она не позавидовала ни своим жукам-радиофагам, ни другим животным. Ужасающая картинка — под завязку нагруженные радиоактивными отходами жуки как звено пищевой цепи. Правда, люди в Округе Форкосиган

не отваживались охотиться на диких зверей — особенно в те времена, когда сканеры радиоактивности были дешевы и их легко можно было позаимствовать у соседа.

— Слишком высокая. И малозаметная. — Майлз, проморгавшись, продолжал всматриваться в кусты. — Это был не…

— Был не кто? — спросила Катриона, тронув мужа за рукав комбинезона.

— Это был не лесной эльф, — твердо сказал Майлз. Сказал ясно и однозначно. Остатки своей нерешительности он отогнал несколькими ударами трости по опавшей листве. После чего позвал:

— Вадим!

Из неглубокой лощины поднялся смотритель:

— Да, милорд!

Концом трости Майлз показал на заросли.

— Я видел там нечто странное, — сказал он.

Вадим глянул в указанном направлении.

— Там ничего нет!

— И тем не менее необходимо произвести разведку. Если что-то обнаружишь, скажи.

Смотритель согласно кивнул и направился в кусты, которые все больше погружались в тень. В сгущающихся сумерках жуков найти было бы

легче благодаря испускаемому ими свету, но Катриона не видела ни одного из них.

Через несколько минут вернулся Вадим и доложил, что никого и ничего не увидел.

Майлз нахмурился.

— А может быть, это галлюцинация? — предположил доктор. — Сумерки, как говорят, могут сыграть такую шутку.

— Нет, — отрезал Майлз. — У меня бывали галлюцинации, и я знаю, что это такое.

— Тогда это была аллергия на лекарства, — пояснила Катриона, увидев обеспокоенный взгляд смотрителя. Но сейчас Майлз, и в этом она была уверена, не принимал никаких лекарств.

Энрике, отвернувшись, принялся вглядываться в сгущающуюся тьму.

— Так не пойдет, — сказал он. — Мне нужно больше данных.

— Но не сегодня, — твердо заявил смотритель. — Пора улетать.

И он со значением постучал подушечками пальцев по экрану дозиметра.

Компания развернулась и направилась к грузовому флайеру.

* * *

Чтобы помочь доктору собрать необходимые данные, Катриона на следующее утро отправилась с ним в зону. Смотрителя они брать не стали, чтобы не увеличивать без особой нужды дозу полученной им радиации; у Майлза в Хассадаре были назначены деловые встречи, а потому Энрике и Катриона самостоятельно, без их помощи, установили на деревьях вокруг экспериментального участка несколько видеокамер.

— Как же я не подумал об этом раньше! — сокрушался Энрике в тот момент, когда Катриона подавала ему последнюю из камер — недорогое устройство, целую партию они оптом купили накануне в городе. Майлз, который в финансовом отношении мыслил категориями окружного бюджета, предложил воспользоваться наилучшим оборудованием Имперской службы безопасности, но Энрике ворчливо отверг это как ненужное излишество — зачем забивать гвозди прециозной электроникой?

— Откуда тебе было знать? — успокаивала ученого Катриона. — С другой стороны, экспериментальный участок нужен как раз для определения проблемных полей, и это у нас по-

лучается отлично!

По переговорному устройству, закрепленному на запястье, Энрике связался с хассадарской лабораторией, находившейся на безопасном расстоянии в сотню километров:

— Есть сигнал, Марсия?

— Все в порядке, — послышался из динамика веселый голос. — Весь участок под наблюдением. При приближении видны мельчайшие детали. Могу даже сосчитать лапки. И сравнить яркость расцветки.

Энрике удовлетворенно кивнул и, негромко ворча, спустился по стремянке на землю. Катриона сложила ее и отнесла в небольшое укрытие, которое они соорудили для тех инструментов, что можно было оставить в зоне.

— Если наших жуков воруют куры или крысы, — сказала она, — то следующую партию нам нужно сделать невкусной. Получится?

— Вообще-то они и так не ахти какой деликатес, — отозвался Энрике. — Изменить вкус несложно, но лучше бы нам купить живых кур и привезти в лабораторию — на месте разбираться с вариантами. Похоже, это еще одна вещь, о которой нужно было подумать заранее. А я все возился с микробами.

— У тебя все отлично получается, — успокоила доктора Катриона. — И Майлз очень доволен полученной концентрацией.

Энрике просиял.

— Ну что ж, пора тогда задуматься и о системе роботизированного сбора.

— Да уж, — кивнула Катриона. — Рабочих с лопатами сюда посылать явно не стоит. Так наплевательски относиться к жизни могли лишь в Период Изоляции.

Она запнулась на секунду и продолжила:

— Хотя сбор отходов обеспечил бы занятость живущих в Округе, если система успеет заработать.

Энрике согласно покивал.

— Думаю, можно научить жуков концентрироваться в мобильных контейнерах — как делали их предшественники. Ну как, посчитаем еще?

Они разбили площадку на сектора, чтобы провести подсчет более тщательно, чем накануне. По сравнению со вчерашним общее количество жуков увеличилось на три особи. Целая сотня пропала неизвестно куда, и следов этой орды не было ни под листвой, ни под валежником.

Энрике озабоченно поджал губы:

— Жуков из следующей партии пронумеруем.

И снабдим маячками, чтобы отслеживать местонахождение.

Внедрять крохотные маячки в маленьких инсектоидов — нудная работа, и технику из хассадарской лаборатории, кому будет поручено это дело, не позавидуешь. И все-таки Катриона согласилась — это разумно!

Через пару минут леди Форкосиган спросила:

— А как у нас дела с анализом растительности?

— О! — проговорил Энрике нерешительно. — Хорошо, что напомнила.

Катриона, которую этот вопрос страшно интересовал, посмотрела на доктора с легким упреком.

— Ты же понимаешь, — начала она, — за восемьдесят лет ту радиацию, которая держалась на поверхности, могло вымыть дождями. Что и случилось. Остальная заключена либо в растениях, либо в нижних слоях почвы. И нам крайне важно узнать, какие растения способны лучше других абсорбировать подпочвенную радиацию. И какие из этих растений предпочитают поглощать наши жуки. Если мы сможем найти некую оптимальную комбинацию, то засадим зону нужными растениями и процесс пойдет гораздо быстрее.

— У меня людей на все не хватает…

— Можно привлечь народ из окружного колледжа в Хассадаре, — предложила Катриона. — Там же есть отделения ботаники, агрономии. Им бы понравилось участвовать в нашем проекте.

Хотя исследования местной биосферы уже проводились, и Катриона знала, что смотрители постоянно обновляют карту распределения радиации, делая это с воздуха. Теперь же, вероятно, придется обратиться в колледж.

— Мы стараемся держать наши дела в секрете, — сказал доктор. — Ну, может быть, не совсем в секрете, но, во всяком случае, никому не хотим внушать необоснованных надежд, как говорит твой муж.

Необоснованные надежды. И необоснованные страхи.

— Майлз питает самые большие надежды. А потому скоро нам придется все раскрыть, — сказала Катриона и добавила предусмотрительно: — Вероятно.

После чего, подумав, продолжила:

— Все здесь, в Округе, борются за ресурсы, и это главная проблема. А Майлз говорит — лучшим решением проблемы станет увеличение объема ресурсов, чтобы хватило всем.

Она шла бок о бок с Энрике, который, погля-

дывая по сторонам, выискивал что-то в бурой растительности. Жуков? А может быть, новые идеи?

— А что он планирует делать на этой земле? — спросил ученый, когда они дошли до края участка и повернули назад. — Конечно, наш проект с жуками-радиофагами — вещь чрезвычайно интересная с точки зрения как теоретической, так и прикладной науки. Но, как я себе это представляю, Округ Форкосиган не страдает от перенаселения. Марсия говорит, что в столице людей становится все меньше, а теперь еще и эта эмиграция на Зергияр. Почему бы не оставить все как есть и просто любоваться местными красотами?

— С безопасного расстояния? — сухо спросила Катриона. — На веки вечные?

Энрике пожал плечами:

— На этой планете немало бросовых земель, где не селятся люди. Заниматься сельским хозяйством? Это уже архаика. Промышленное производство еды и материалов более эффективно. А города все растут.

— Но ведь не все хотят жить в коробках из пласкрета, — отозвалась Катриона. Она уж точно не хочет! — К тому же в основе любого промышленного биопроизводства лежат природные

компоненты.

— Согласен! Но все равно отсюда толком ничего не получишь. Даже после очистки уровень остаточной радиации будет слишком высок, и выращенная здесь еда, мягко говоря, вряд ли попадет на стол. Волокно… быть может…

Энрике нахмурился — сомнения его не отпускали.

— Здесь был один из самых лучших сельхозрайонов, — сказала Катриона. — И, по-моему, первым делом мы могли бы заняться здесь выращиванием цветов.

Она словно воочию увидела акры и акры плодородных земель, украшенных многоцветьем роскошных бутонов.

— Вот как? — моргнул Энрике. — А это действительно было бы здорово!

— Даже если разбить обычный парк, где люди станут гулять без дозиметров, ставить палатки и отдыхать, мы были бы счастливы. Нам так недостает открытых пространств! Наших зеленых и красно-бурых открытых пространств!

— Значит, сад? — переспросил Энрике. — Сад площадью в две сотни километров?

Катриона улыбнулась:

— А почему бы и нет?

— Амбициозный проект!

— Майлз, — сказала Катриона, мысленно сосчитав до пяти, чтобы отвлечься, — человек широких взглядов.

— Я слышал, что иногда его…

— Заносит? — подсказала Катриона с улыбкой.

Он благодарно кивнул — *ты сказала, не я*. А вслух произнес:

— Полагаю, именно поэтому мы здесь и находимся.

— Да ты понятия не имеешь, сколько идей роится у него в голове!

* * *

Звонок от Энрике поступил гораздо раньше, чем ожидала Катриона. Утром следующего дня она пыталась затолкать утренний завтрак в двух своих юных отпрысков; Майлз делал вид, что пытается ей помочь, близнецам же было гораздо интереснее бомбардировать едой придворных кошек хассадарской резиденции лорда Форкосигана, которые шмыгали между стульями в столовой, и лорд явно разделял интерес своих детей к военным действиям.

— Окружай его, Элен! Молодец! Беглый огонь!

Столовую оглашал детский хохот и визг, а жева-

ли и глотали только кошки — три разжиревших создания, которые приветствовали падающую на них с небес манну экстатическим урчанием. Двое детей на двоих родителей — верная ничья, но Катриона была не вполне уверена, что лорд Форкосиган играет на ее стороне. Не зная, смеяться ей или плакать, Катриона покинула поле боя и подняла к лицу переговорное устройство:

— Слушаю тебя, Энрике!

— Катриона! Скорее приезжай в лабораторию.

— Срочно?

— Незамедлительно!

В разговор неожиданно вмешался голос Марсии:

— Сейчас особой срочности уже нет. То, что произошло, уже произошло. Вчера вечером. Но даже если бы ты сразу полетела на участок, то все равно бы опоздала.

— Марсия! — обратилась Катриона уже не к доктору, а к его более практичному ассистенту. — Что происходит?

— Наши камеры засекли вора.

— Вот как? Это куры?

— Нет.

— Но что же тогда?

— Трудно сказать. Посмотришь сама.

Майлз, который с самого начала разговора навострил уши, махнул рукой:

— Если Марсия так взволнована, то это действительно срочно. Тебе нужно поехать. У меня здесь все под контролем. Этот чертов комитет начнется только через час, а я за пять минут добегу.

В этот момент, потягивая кофе, вошла Ори Пим, их летняя няня, которая работала у Форкосиганов, когда у нее в колледже были каникулы.

— Моя помощь нужна, леди Катриона?

— О да! — благодарно отозвалась Катриона. — Ради всего святого, запихни в эту дикую парочку хоть сколько-нибудь протеинов.

Она кивнула в сторону — игра была в самом разгаре — и закончила:

— На их отца нельзя положиться. Он у них главный игрок.

Ори усмехнулась:

— Понятно!

Взрывы хохота, прерываемые лживым мяуканием котов, пытавшихся убедить окружающих, что им грозит голодная смерть, а также веселый возглас Майлза: «Отличный выстрел, Саша!» — это то последнее, что услышала Катриона, выходя из столовой. У детишек все в порядке, подумала она, и эта мысль немного смягчила уколы

совести.

* * *

Почти мгновенный перелет на флайере из центра Хассадара, и Катриона уже входила в лабораторию, расположившуюся посреди скудных полей в зданиях старой фермы, хозяева которой давно бросили насиженное место и, как Катриона надеялась, отправились на более плодородные поля Зергияра. Так или иначе, нынешнее предназначение подходило ферме больше. «Компания МФК. Лаборатория № 1» — гласила вывеска на воротах, хотя сестра Марсии Карен прозвала ее «Ферма жучков-маслячков», и это название прицепилось к лаборатории намертво.

Катриона миновала бревенчатый амбар, где в садках жили жуки, и направилась к главному зданию, бывшему когда-то жилым домом. Энрике планировал построить под лабораторию нечто более впечатляющее, но все откладывал это на *потом, когда у нас будет больше времени*. В бывшей гостиной, превращенной во вспомогательный офис и центр связи, Катриона нашла доктора и Марсию.

Приветствуя хозяев, она помахала рукой Марсии Куделке-Боргос, высокой блондинке под

тридцать:

— Привет, Марсия! Что у нас за проблема?

— Вот именно — проблема, иначе не скажешь.

Энрике сидел перед коммуникационной консолью, сердито сопя на мозаику картинок, в которых Катриона узнала экспериментальный участок, демонстрируемый с разных точек обзора.

— Это здесь, — проворчал он. — Сейчас отмотаю на начало. Все произошло прошлым вечером, сразу после заката.

Чтобы сделать картинки более светлыми, Энрике убрал цвет и уменьшил четкость.

Катриона, вглядываясь в картинки, наклонилась к его плечу.

Странная худощавая фигура осторожно переступила через барьер и вышла на середину участка. Одета она была в брюки размера на два больше, чем нужно. Чтобы брюки не упали, их подвязали на тонкой талии пояском из веревки. Существо также носило старую футболку. По контрасту с ней бледные руки едва не светились — это была даже не слоновая кость, а белая бумага. Существо подняло голову, и Катриона увидела худое костистое лицо, такое же белое, как и руки, и тонкие белые волосы, остриженные

под горшок.

— Притормози кадр! — попросила Катриона. — И приблизь изображение!

Глаза у существа были цвета бледно-голубого льда. Уши — остроконечные.

— Господи! Да это лесной эльф, которого видел Майлз.

— Кого видел Майлз? — переспросила Марсия, вскинув брови.

— Определенно альбинос, — уточнил Энрике тоном ученого, которого, кроме точных определений, ничто не волнует.

— Да, я вижу! — взволнованно проговорила Катриона. — Майлз. Он заметил кого-то в сумерках позавчера. Кого-то похожего на лесного эльфа. Оказывается, так оно и было!

Да, Майлз успокоится, когда узнает, что эльф не был галлюцинацией, результатом сбоя в работе его психики. Если бы только это сняло все вопросы! Но, похоже, вопросы только начинаются.

Катриона рассматривала застывшее изображение. Эльф был ребенком, мальчиком. Опытным глазом она определила примерный возраст — между одиннадцатью и, если принять во внимание худобу и истощенность, четырнадцатью. Ему столько же лет, сколько Николасу, ее сыну

от первого брака. Растительности на подбородке нет, полной зрелости еще не достиг.

Энрике, взглядом попросив разрешение, вновь запустил картинку в движение. На экране монитора мальчик снял с плеча изношенную холщовую сумку и вытащил оттуда литровую банку с металлической крышкой, в которой были проделаны отверстия. Сняв крышку, он принялся собирать и класть в банку самых ярких жуков.

— Он без перчаток! — воскликнула Марсия.

— И без обуви! — отозвалась Катриона.

Энрике выпрямился:

— А я, когда смотрел в первый раз, и не заметил! Он же *ворует наших жуков,* этот маленький… грабитель!

Уложив в банку с дюжину жуков, которые ползали по спинкам друг друга и, светясь, делали свою тюрьму похожей на волшебную лампу, мальчик наклонился и, сорвав с куста несколько листьев, покрошил их жукам, после чего завинтил крышку. Затем подошел к укрытию, где Катриона и Энрике оставили инструменты, и, внимательно разглядывая каждый из них, принялся тоже укладывать в сумку.

— Он решил все у нас украсть! — воскликнула Марсия.

Это были дешевенькие инструменты — после использования можно было, не заморачиваясь с очисткой, оставить их в зоне. Но у Катрионы сердце упало не оттого, что они лишались инструментов. Они же страшно радиоактивны! Она не понимала, почему мальчик тянет время — сложил в сумку и убегай!

Но тот взялся за стремянку.

Стремянка, конечно, в сумку не поместится, и с собой ее не унесешь. Но мальчик попытался ее установить. Очевидно, он не понимал, как работают фиксаторы, и была опасность, что он упадет. Но этого не произошло. Мальчик, каждый раз забираясь все выше, стал прыгать с лестницы на землю. После этого заметил камеры и, прислонив стремянку к дереву, поднялся поближе к одной из них. Постучал, подергал, но камера прочно держалась на кронштейне, и сорвать ее не удалось. Тогда из любопытства мальчик лизнул ее, дав возможность собравшимся в лаборатории увидеть свои странно белесые глаза и длинный язык. Следы слюны остались на камере, замылив изображение.

— Ничего себе! — вздрогнула Марсия.

Вскоре скучная, не желавшая включаться в игру камера надоела мальчику, он спустился

на землю, сунул лестницу на прежнее место и ушел.

— Как он туда добрался? — поинтересовался Энрике. — Там же никаких дорог, даже старых. И он слишком молод, чтобы иметь права на вождение флайера или аэробайка.

— Люди в деревнях не переживают по поводу таких мелочей, как водительские права или допустимый возраст, — уточнила Марсия.

Катриона продолжала изучать картинки с других камер, рассматривая мальчика под разными углами.

— Будь у него транспорт, он забрал бы стремянку. Она явно пришлась ему по душе, — сказала Катриона.

Она задумалась. Какой странный выбор игрушки! Конечно, все дети поступают так время от времени — отвергают лучшие игрушки и увлеченно играют с коробками, в которых эти игрушки лежат. Но со стремянкой мальчик вел себя так, словно никогда не видел ничего подобного! И почему он не воспользовался их инструментами, чтобы снять камеры — камеры были самым дорогим из того, что они с Энрике оставили на участке.

— Думаю, он ушел пешком, — сказала Катри-

она.

— Без обуви? — удивился Энрике. — Но куда? И откуда?

Катриона улыбнулась.

— Вообще-то в деревнях люди все еще ходят пешком, — сказала она. — И вовсе не ради спортивных тренировок. Пешком или верхом на лошади.

Говоря это, она продолжала рассматривать худощавую фигурку мальчика, который, переступив через энергетический барьер, в одной руке нес тяжелую сумку, а в другой — светящуюся банку с жуками

— Или на пони, — закончила Катриона задумчиво.

— Но он ведь уносит наших жуков! — почти жалобно проговорил Энрике. — Зачем они ему? Ради выкупа?

По тону ученого Катриона поняла, что тот готов заплатить любые деньги, лишь бы вернуть своих питомцев.

— Да он же просто ребенок, Энрике! — сказала Катриона, и в ее воображении родилось новое, более пугающее предположение относительно мотивов, из которых исходил мальчик. Откуда барраярцы могут знать, что означает трилист-

ник? А что, если он ворует жуков просто потому, что они красивые?

— Он ребенок мутантов, это очевидно, — сказала Марсия. — Не исключено, что кто-то заставляет его ходить в зону и воровать.

Нет, подумала Катриона, вряд ли в этой истории все так ужасно.

— Не думаю, — покачала она головой. — Он выглядит вполне… самостоятельным. Веселый, активный. Худой, но от голода явно не страдает. Ни синяков, ни серьезных повреждений на бледной коже — по крайней мере на руках и голове. Небольшие царапины — но как без них, когда продираешься сквозь колючие кусты, да еще в одной футболке? Кстати, почему в зараженной зоне находятся люди без защитных костюмов? Это же запрещено! Я думала, что одна из главных обязанностей окружного смотрителя — не пускать в зону людей. Нужно позвонить Вадиму.

Что Марсия и сделала, но оказалось, что у смотрителя выходной, он был вне зоны доступа и не перезвонил.

Энрике хмурился и моргал, не в силах осознать этот простой факт.

— А я и не знал, что у него бывают выходные, — сказал он.

Недоумение, вполне естественное для доктора, — сам Энрике не имел выходных, по крайней мере предусмотренных в графике. Время его было слишком плотно заполнено всевозможными делами — так же как и ее, Катрионы, время, подумала она грустно. Хотя Марсия, жена доктора, иногда вытаскивала его из лаборатории, и делала это из принципа. Ощущая, как в ней поднимается чувство вины, Катриона подумала, что и ей нужно почаще отрывать Майлза от дел и везти его отдохнуть. Но и на отдыхе Майлз умудрялся найти дело, требовавшее потом нового отдыха — и так до бесконечности. Нет уж, если он так этого хочет, пусть работает, пока не упадет. Что Майлз и проделывал регулярно. Чем-то он напоминает своих гиперактивных отпрысков. С чего бы?..

— Ты на флайере? — спросил Энрике.

— Да, но если мы туда полетим, то сесть не получится. Или на обратном пути придется лететь на станцию к смотрителям, чистить флайер, — уточнила она. Педантизм, присущий Энрике, оказался заразным.

Энрике отмахнулся от этих слов как от пустяка.

— Воришка, вероятнее всего, возвращался несколько раз. Если он пользовался каким-ни-

будь транспортом, мы, скорее всего, найдем, где он его прятал. Если же приходил пешком…

Доктор замолчал и нахмурился.

— Он не мог прийти издалека, — закончила мысль мужа Марсия.

— Но тогда получается, что он живет в *самой зоне*, — развела руками Катриона.

— И мы обязательно найдем это место, — сказал Энрике.

— Вы же с Вадимом много раз летали над зоной, когда определяли место для экспериментального участка, — напомнила Катриона. — Неужели ничего не заметили с воздуха?

— Но мы же искали не нарушителей!

Разумный ответ. Она захотела переадресовать вопрос Майлзу, но он наверняка уже заседает в своем комитете и вряд ли обрадуется тому, что его отвлекают. И во-вторых, он, не задумываясь, наложит вето на ее участие в поисковой экспедиции. Попытается наложить, уточнила она. Катриона посмотрела на свой хронометр. Полет в зону и несколько кругов над ней займут не больше часа, и полпути она уже преодолела. Конечно, это почти безрассудство, но этот таинственный мальчик-альбинос…

— Решено!

Пока Катриона звонила Ори по поводу своего изменившегося графика, Энрике погрузил на заднее сиденье флайера защитные костюмы — на всякий случай. Катриона взялась за ручки управления. Этот флайер, миниатюрную скоростную игрушку, ей подарил на годовщину свадьбы Майлз, и очень скоро — гораздо быстрее, чем это сделал бы громоздкий транспортник Вадима, — они оказались над экспериментальным участком.

Энрике заметно нервничал, но успокоить его не удалось: как Катриона и ожидала, найти они, как низко ни барражировали, ничего не смогли — ни беглецов-воришек, шныряющих по кустам, ни следов техники, ни какого-нибудь пони, привязанного к дереву.

Энрике достал биосканер.

— Эти штуки сильно ошибаются, — сказала Катриона, кивнув на прибор. — Даже если сузить диапазон объема биомассы. Допустим, ставишь на собак, коз — что-то такое.

— Но иногда можно получить и положительный результат.

— Да, бывает…

Когда-то, лет тридцать назад, в зоне орудовала банда, которая грабила всех, кто под руку по-

падался, — некие Радиоактивные Робин Гуды. Но долго им протянуть не удалось, хотя они и стали местной легендой, и Майлза, который в те годы был подростком, эта история здорово впечатлила. Катриона надеялась, что он в большей степени идентифицировал себя с бравыми служителями закона, чем с джентльменами удачи, которых полиция в конце концов выкурила из их нор. Правда, представить, что на их садовые инструменты позарились создания, подобные героям прошлого, можно было лишь с большой натяжкой.

Тем не менее по просьбе Энрике Катриона снизила флайер до самых вершин деревьев, и они принялись на минимальной скорости описывать над зоной широкие круги. Внизу проплывали бурые и зеленые деревья — есть от чего мозгам проделать сальто-мортале! А интересно, если бы она была дальтоником и не воспринимала цвета, ей было бы уютнее в этом диком лесу? Теперь она почти жалела, что с ними нет смотрителя — все-таки это его работа. А вдруг они с Энрике и в самом деле натолкнутся на бандитов? А у Вадима есть специальные навыки и средства для действий в опасных ситуациях. Она уже было собиралась поделиться своими сомнениями с

доктором, как тот воскликнул, глядя на монитор сканера:

— Где-то здесь!

И махнул куда-то в сторону земли.

— Что там? Люди?

Энрике возился с кнопками сканера.

— Не знаю. Показывает где-то около трехсот килограммов. Может, дикие пони или олени.

Катриона увидела внизу трех пони, которые паслись на узкой полосе заливного луга. Дикие, лохматые животные, наверняка нашпигованные радиацией. Кроме них — никого, и ни малейшего намека на ограду. Катриона уже собиралась сделать вираж и лететь дальше, но в этот момент одна из лошадок засеменила — нет, не засеменила, а неловко заскакала по высокой траве и, остановившись, склонилась над ручьем, бежавшим с западной гряды холмов.

— Путы! — взволнованно воскликнула Катриона.

— Что? — не понял Энрике.

— У пони на ногах! Это как… это вроде веревочных кандалов, которыми лошадям связывают передние ноги. Лошади могут пастись, передвигаться, но далеко не убегут. Так делают, когда нет оград и заборов. Это вовсе не дикие пони!

Глядя на нечесаное, изможденное создание, которое с подозрением смотрело на зависший над ним флайер и уже готово было броситься прочь, Катриона уточнила свою мысль:

— Во всяком случае, у них есть владелец.

И, чтобы не испугать животных, она отвела флайер чуть в сторону.

Если бы они двигались быстрее и на большей высоте, Катриона не увидела бы среди деревьев некий прямоугольник, покрытый мхом и камнями и увитый диким виноградом.

— А там не крыша? — спросила она, показывая в его сторону.

Энрике проследил за направлением взгляда Катрионы и направил туда свой сканер, в то время как та вновь заложила вираж.

Они опустились ниже и теперь, под изменившимся углом, рассмотрели полуразрушенное сооружение. Домик, хижина, лачуга… *Нет, у меня нет этих предрассудков, черт бы их всех побрал! Никакая это не избушка…*

Конечно, это была не избушка на курьих ножках, и, внимательно ее рассмотрев, Катриона увидела просто три ствола, обрезанных на высоте трех метров над поверхностью земли. Столбы, словно колонны, поддерживали деревянную

платформу, на которой и притулилась хижина. Корявые угловатые корни, будто когти, торчали из основания стволов. Конечно, первое впечатление часто ошибочно, и это понятно — принял же Майлз того подростка за лесного эльфа.

В отличие от жилища ведьмы, у этой лачуги были окна и дверь, и, чтобы проникнуть в нее, не нужно было никаких заклинаний. К неширокому крыльцу снизу вела лестница — надежная защита от одичавших собак и прочих опасностей, подстерегавших человека у самой поверхности, да от той же зараженной почвы. Катриона могла гордиться рациональностью своего мышления, и, поразмыслив, она успокоилась.

Из трубы, сложенной из плитняка, поднимался дымок.

— Приземляйся, — поторопил ее Энрике, похлопав по плечу.

— Да приземляюсь я!

Они продрались через ветви деревьев, которые царапали флайер, словно когти, и коснулись поверхности в дюжине метров от странного жилища.

Катриона смотрела на лачугу, Энрике орудовал сканером.

— Интересно, есть ли кто внутри? — спросила

Катриона, почувствовав, как пересохло ее горло. Если из трубы идет дым, значит…

— Пока никого. Или уже никого, — отозвался Энрике и, перегнувшись через спинку сиденья, подхватил защитный костюм и передал его Катрионе. Достал также свой, и они принялись натягивать эти громоздкие одеяния и бахилы, неуклюже копошась в тесной кабине флайера. Наконец шлемы, маски и перчатки оказались на своих местах, и две кукольного вида фигуры с головами, будто у насекомого, выпрыгнули на землю — каждая из своей двери. Если установить круглые фильтры на уровне глаз, а не щек, как они установлены теперь, сходство с жуком будет абсолютное, насмешливо подумала Катриона.

Добравшись до основания лестницы, они остановились и посмотрели друг на друга. Катриона не видела ничего унизительного в необходимости уступать доктору в делах науки и техники — там он был непревзойденным экспертом. Но здесь было дело другого рода, и она все-таки леди Форкосиган. Она и представить не могла, что ей придется заниматься такими делами, но время пришло, и теперь ее роль — ведущая. Сглотнув ком в горле, Катриона ухватилась за поручни лестницы и двинулась вверх. Все еще сжимая в

свободной руке сканер, Энрике несколько неловко последовал за ней.

Сняв щеколду, они вошли. В лачуге была всего одна комната. Тусклый свет лился из маленьких окошек, асимметрично расположенных на противоположных стенах. В углу был устроен очаг из сланца и плитняка. Внутри очага тлели угольев, чуть подернутые серым пеплом. Когда глаза привыкли к полумраку, Катриона увидела, что комната буквально ломится от всякой всячины, произведенной еще, вероятно, в Период Изоляции и собранной обитателями этой лачуги со свалок: старинные инструменты ручной работы, древняя потертая мебель, посуда — треснутая, с отбитыми ручками. Все это либо висело по стенам, либо было навалено на полу. Катрионе приходилось видеть подобный хлам, когда они с Майлзом путешествовали по горным деревням.

На стоящей у стены деревянной кровати с сеткой из пластиковых веревок лежал набитый всяким тряпьем матрас. Еще один матрас, на котором в качестве покрывала лежала старая разноцветная занавеска от душа, был задвинут под кровать. Столь же беспорядочно и бедно были укрыты расположенные по другую сторону комнаты грубо сколоченные двойные нары. *Значит,*

здесь живут четверо…

У очага Катриона обнаружила разнообразную кухонную утварь: на крюке висела древняя чугунная сковорода, а рядом с ней — целый набор давно вышедших из строя металлических и пластиковых кухонных приспособлений, переориентированных на жизнь при полном отсутствии энергии — во всех смыслах этого слова. Жилище крайне скудное и нищее, хотя и достаточно уютное. Катриона вспомнила, как Майлз описывал своего деда, сурового старого графа, который в детстве, когда Барраяр был открыт заново, демонстрировал удивительное равнодушие ко всякого рода бытовым удобствам.

Зимой, конечно, здесь не так романтично.

Но что они едят? На полках лежали продукты в обычных упаковках — такое можно купить в любой лавке в Хассадаре. С потолочных балок свисали связки сушеных овощей и трав, а также пластины вяленого мяса, в корзине угнездились яйца диких кур с налипшими перьями и комочками земли. И все было бы хорошо, кроме одной мелочи: все это произведено здесь, в зараженной зоне?

— Дома никого, — констатировал Энрике совершенно очевидный факт. В голосе — ничего, кроме

любопытства, ни малейшего беспокойства.

Катриона, глядя на доктора, подавила собственное волнение.

— Далеко они уйти не могли, — сказала она. — Давай посмотрим, что там вокруг дома.

При таком хозяйстве должен быть огород — вполне естественно, — но представлял он собой не единую площадку, а разбросанные по солнечным местам полоски возделанной земли. Чуть дальше, во влажной тени деревьев за домом, открывалась лощина, где Катриона заметила нечто, напоминающее забор из желтоватых столбов. Но в такой темноте нет смысла что-то огораживать. Так что же это? Приблизившись, Катриона увидела несколько оструганных древесных стволов без кроны; наверху белели какие-то набалдашники. *Ох ты ж?..*

— Это что, один из местных обычаев? — спросил Энрике, глядя поверх плеча Катрионы. — Страшновато!

— С чего ты взял? Нет, конечно…

Увы, то были черепа. Катриона сосчитала — одиннадцать. Двенадцатый столб пока пустовал. Большинство черепов — старые и побитые погодой, без плоти и волос. Катриона не знала, считать это добрым знаком или нет. Но попада-

лись черепа и «посвежее». Значит, их обладатели расстались с жизнью в разное время? Она рассматривала черепа, и вдруг к ее горлу подступил комок.

— Взгляни, Энрике, — сказала она. — Черепа-то маленькие, детские.

— Если это не микроцефалы.

Сказал так, словно хотел успокоить. Но вряд ли он сам верит в такую альтернативу.

— Можно осмотреть их зубы, — продолжил доктор. — И любопытно, куда подевались тела.

Он опустил сканер к земле и принялся расхаживать среди столбов, ухмылявшихся страшным оскалом белых челюстей.

— Вот! — наконец проговорил Энрике. — Похоже, тела похоронены у основания столбов.

— И их много?

— Не очень. Соотношение тел к головам — один к одному.

Значит, это не массовое захоронение, а обычное кладбище. У Катрионы не было навыков судебного патологоанатома, но, увидев в черепах молочные зубы, она поняла, что означают слишком маленькие челюсти. Это дети, причем разных возрастов. Парочка черепов поменьше была заметно деформирована. Катриона сжала

зубы, после чего сняла с пояса дозиметр и поднесла к черепам. Дозиметр заверещал. Уровень радиации значительно превышал фоновый и был столь же высок, как и в костях животных, найденных в самых зараженных точках зоны.

Энрике, который, поводя сканером и вглядываясь в чащу леса, ходил взад-вперед по участку, позвал Катриону.

— Там еще одно строение, — негромко сказал он.

Катриона посмотрела в сторону, куда показывал доктор, и увидела почти полностью скрытые растительностью деревянные стены. Еще один дом? Они направились к нему. Это строение было много меньше того, что они уже осмотрели, хотя и побольше обычной туалетной кабинки. В отличие от большого дома, оно располагалось не на столбах, а на грубо сложенном фундаменте из плитняка. Это был сарай. Окна и, похоже, даже двери в этом сарае отсутствовали.

Энрике подстроил сканер.

— Там кто-то есть, — сказал он. — Скорее всего, коза.

Они обошли сарай, и Катриона облегченно вздохнула — с этой стороны обнаружилась дверь, выходящая на широкую прогалину. Дверь была

заблокирована снаружи заведенной за деревянные скобы кривой палкой, на которой еще сохранилась серая кора. Чтобы разглядеть старые перья, засохший куриный помет и козьи катышки, выметенные веником через порог, не нужна была прециозная техника, которой вооружились Энрике с Катрионой. Судя по оставленным животными визитным карточкам, крупных особей здесь не содержат — только молодняк, и, вероятнее всего, без матерей. Нет здесь и следов пони. Хотя погодите-ка! Вот красноречивые свидетельства присутствия этих лошадок возле коновязи!

Катриона положила руку на запорную палку. Энрике одобрительно кивнул, но Катриона, обернувшись к нему, сказала:

— Убери сканер. Если выскочит коза, лови ее.

Конечно, Катрионе простили бы проникновение в жилище людей, которые жили на территории, принадлежащей Форкосиганам, но ее вряд ли бы поняли, если бы она позволила сбежать их домашним животным. А козы, и особенно козлы, — те еще затейники, как Катриона убедилась в детстве, когда проводила лето у бабушки на ферме.

Чувствуя, что Энрике почти дышит ей в спину, Катриона открыла дверь и вошла, готовая к тому,

что ей потребуется время, чтобы приспособиться к полумраку помещения.

Но оказалось, что никакого полумрака и нет! Катриона вошла в планетарий, на стенах и потолке которого ярко сияли звезды. Нет, она вышла на площадь, небо над которой было расцвечено огнями фейерверков. Или лучше так: Катриона оказалась в командном пункте космической станции, летящем сквозь дышащие огнем и брызгами звезд галактики.

На полу, на стенах, на потолке сияла сотня похожих на распустившиеся цветы трилистников. Они были вставлены в фиолетовые оправы, и некоторые из них, цвета золотистого масла, яркостью не уступали лучам солнца, пробивающимся сквозь щели в досках. Эффект был завораживающий. Какие-то трилистники сидели неподвижно, другие медленно передвигались, подобно звездам некоего ожившего фантастического созвездия. Были там жуки размером с большой палец руки, а были — с ладонь Катрионы. Ладонь, одетую в защитную *перчатку*.

Откуда-то с пола прозвучал хриплый голос:

— Это ты, Инги? Ты принес мне еще?

Катриона скользнула взглядом вниз и разглядела приземистую, съежившуюся фигуру в

старой мужской рубашке с отрезанными рукавами. Бледные руки бессильно свисали; по этим хрупким дорожкам вверх, цепляясь маленькими коготками, карабкались три или четыре особенно ярких жука. Еще несколько угнездились в немытых, спутанных черных волосах. Фигура раскачивалась взад и вперед, потом медленно, не вставая, обернулась к двери. Парочка крупных жуков-радиофагов устроилась на коленях фигуры, прячась в складках юбки. Стоящим в свете открытой двери явилось луноподобное лицо с подслеповатыми прищуренными глазками и широкой бессмысленной улыбкой.

Женщина? Девочка? Ростом это существо было со взрослую женщину, а грудь ее свидетельствовала о том, что период созревания уже миновал, но широкое лицо было почти детским. Увидев маски и шлемы вошедших, сидящая на полу девушка, охваченная ужасом, изо всех сил завопила — совсем как ребенок:

— Белые призраки! Белые призраки!

От этого визга, заставившего содрогнуться дощатые стены хижины, Энрике отшатнулся. Девушка вскочила на ноги, разбрасывая жуков, которые, со стуком отскакивая от пола, словно галька, поспешили наутек. Не повезло только

некоторым из них — попав под босые ступни обитательницы сарая, они были раздавлены. Да, она была босой, с нестриженными ногтями на всех шести пальцах каждой из своих ног, и эти длинные ногти, словно когти, скребли по полу.

— Мои жуки! — воскликнул Энрике. — Ты их раздавила, идиотка!

Что это было, оценочное суждение или точная квалификация психического заболевания? Понять доктора в этот напряженный момент было сложновато.

— Стоять! — крикнул он.

Но девушка бросилась к двери, увернувшись от Катрионы, попытавшейся ее задержать.

— Держи ее! — крикнула Катриона.

— Так она же не коза!

Тем не менее Энрике попытался задержать хозяйку сарая; та вывернулась и ткнула доктора кулаками, после чего попыталась расцарапать его лицо под маской ногтями, которых на обеих руках у нее было гораздо больше десяти…

— Не ешьте меня! — умоляюще прокричала она, перепрыгнула через порог и бросилась прочь от хижины. — Инги! Инги! За нами пришли белые призраки! Где ты?

Катриона смотрела на заросли, в которых скры-

лась крикунья. Ее вопли смолкли еще до того, как успокоились потревоженные кусты, и определить направление, в котором она скрылась, было трудно.

— Мне срочно нужны контейнеры, а то они убегут, — едва дыша от волнения, пролепетал Энрике, не знающий, которого из жуков схватить первым.

— Теперь понятно, где были наши радиофаги, — сказала Катриона.

Ухватив доктора за рукав, она потащила его наружу, по пути аккуратно отбросив носком ноги жука, внимательно изучавшего пол сарая. Оказавшись на улице, Катриона закрыла дверь и водрузила на место палку.

— Жуков мы соберем позже, — сказала она. — Сперва — неотложные дела.

Что же это были за дела? Катриона вздохнула. Инги — это наверняка тот самый подросток, что воровал жуков. По крайней мере, это следовало из слов девушки.

— Эти дети… Эти двое… Вряд ли они живут здесь в одиночестве. И не они построили эти лачуги, — сказала Катриона.

Этим строениям не одно десятилетие от роду, если судить по их состоянию.

— Где-то должны быть и взрослые, — продолжала Катриона, — которые отвечают… отвечают за все, что здесь происходит.

В душе Катрионы возникло весьма тревожное чувство.

— Нужно их найти.

Энрике согласно кивнул и привел свой сканер в боевое положение. Они двинулись вперед, и он спросил Катриону:

— Почему же она убежала, да еще с такими воплями? Мы же не собирались сделать ей ничего плохого.

Теперь, когда доктор нашел своих жуков и его волнение по этому поводу несколько улеглось, он заинтересовался убежавшей девушкой и принялся изучать кусты, где она могла спрятаться.

— Похоже, она в том буреломе, — предположил Энрике.

— Давай не будем ее преследовать, — предложила Катриона. — Пусть успокоится.

— И я совсем не собирался ее есть, — не унимался Энрике, вспоминая с негодованием о том, что произошло в сарае. — Белые *призраки*. Что она имела в виду?

— Я думаю, кто-то рассказывал ей сказки, чтобы напугать, — попыталась объяснить Катриона. —

Чтобы она не приближалась к незнакомцам. И не позволяла им приблизиться к ней. Особенно незнакомцам в защитных костюмах.

— Если эту ложь ей рассказывал какой-нибудь взрослый, он — очень плохой человек, — сказал Энрике, в недоумении оглядывая все вокруг.

Они набрели на дощатый туалет. Там было пусто, хотя туалетом, несомненно, пользовались, и совсем недавно, как легко определила Катриона, несмотря на фильтры маски.

— А разве твои родители тебе таких сказок не рассказывали? — спросила она. — Чтобы помочь избежать неприятностей, пока ты мал и неопытен?

— Никогда, — отозвался Энрике. — Они говорили о разных вещах так, как они существуют по-настоящему. Ясное дело, когда мне было года три, эти объяснения не отличались научной скрупулезностью, но тем не менее… И когда я подрос и уже мог сам определять, что мне нужно, я просил их читать мне нонфикшен.

— Вот как…

А интересно, где найти сведения о том, как устроена жизнь, ребенку, не столь понятливому и грамотному, каким Энрике был в прошлом? Не успеет научиться — и все! Все кончено! Хотя

эта девушка показала, что умеет говорить, и речь ее выстроена грамматически верно, что свидетельствует о весьма развитых когнитивных способностях — даже при том, что она верит во всякую чушь! Если и есть здесь некие нарушения психики, то лишь незначительные — иначе в этих условиях она бы долго не протянула. Катриона вспомнила маленькие деформированные черепа на белесых столбах.

— А как ты относишься к художественной литературе? — спросила она доктора. — К иносказанию, мифу, притче?

Энрике снисходительно махнул рукой:

— Ложь, в которой многие ищут намек, да еще и на что-то серьезное.

— Но это достаточно сложная социальная практика, — возразила Катриона.

Сложная, однако ее детишки осваивают ее быстро и уверенно. Впрочем, ничего удивительного — они же отпрыски Майлза!

— Если взрослый начнет паковать истину в обертку из лжи, ребенок, обнаружив ложь, вместе с оберткой вышвырнет и ее содержимое. Это — рассуждая логически. И уже вообще ничему не станет верить.

— В этом что-то есть, — кивнула Катриона.

Может, именно поэтому взрослым так сложно с подростками?

— Наверное, для родителей следует разработать некий научный метод, — предположила Катриона. — И пусть руководствуются.

— Вообще-то до семи лет я об этом даже не задумывался, — признался Энрике, явно сожалея, что так много времени было потрачено впустую.

Катриона улыбнулась:

— Знаешь, Энрике, из тебя вышел бы очень хороший отец. Хотя и своеобразный!

— Неужели?

Лицо Энрике под маской просияло.

— Вот о ком можно говорить как о хороших родителях, так это о вас с Майлзом, — сказал он. — По крайней мере, вы никогда не паникуете.

— Рядом с Майлзом любой будет держать марку!

Сама она, например, не паниковала, в том числе и сейчас. У нее *душа почти ушла в пятки*. Но это же не паника, верно?

Сканер Энрике, увы, не мог сказать, есть ли в радиусе километра еще хоть один человек. Катриона решила больше не полагаться на прибор и, посмотрев на заросли, спросила:

— Насколько зараженным может быть этот

участок леса?

— Не очень. Ну… мы как раз у подножия гряды. Поэтому мы и не стали разбивать здесь наш экспериментальный участок.

— Хорошо промывается?

Энрике кивнул и предложил:

— Можно посмотреть во флайере карту распределения радиации.

И, подумав, спросил:

— А почему ты спрашиваешь?

— Да, давай посмотрим карту, — согласилась Катриона.

Они забрались на переднее сиденье флайера. Теперь ее новую машинку придется чистить не только снаружи, но и изнутри, черт бы побрал эту радиацию! Включили видеокарту. На ней, когда Катриона ввела их текущее местоположение, не отразилось ни одно из только что виденных строений, но топография их не подвела, и действительно заросли, которые интересовали Катриону, отличались сравнительно невысоким уровнем загрязнения, если сравнить с соседними участками леса. Визуально так оно и было.

— Что ты имел в виду, говоря, что не стал разбивать там участок? — спросила она.

— Ну… — ответил Энрике. — Вадим предложил

ничего здесь не делать, потому что… потому что здесь естественное возвышение. И мы лишь зря потратим время. Он был прав. Думаешь, он знал про этих людей?

— После того как десять лет отработал в зоне? Вне всякого сомнения.

Значит, Вадим намеренно скрывал факт присутствия людей в зоне. Может быть, даже помогал им прятаться. А если учесть, как давно это поселение существует, то наверняка людей в зоне гораздо больше, чем самому Вадиму известно! А может быть, здесь налицо *сговор*? Хотя Энрике сказал бы, что она принимает решение без достаточных на то оснований.

— То есть он солгал мне?

— Ну… скажем… — отозвалась Катриона, — умолчал кое о чем.

И это рано или поздно вырастет в проблему. Только вот поздно или рано?

Энрике нахмурился.

Катриона вздохнула, выбралась из флайера и принялась отстегивать шлем и маску.

— Ты что?! — забеспокоился доктор.

— Пойду поговорю с этой девушкой. Сама она ведь ни за что не выйдет из кустов. Сидит там где-нибудь, съежившись, и плачет. Жестоко

оставлять ее так.

— Но твой муж очень расстроится, если узнает, что я позволил…

Катриона освободила прядь волос из-под герметизирующей застежки и заправила ее за ухо.

– *Позволил*? — негромко повторила она, и угроза прозвучала в ее голосе.

Затем, сжалившись над Энрике, закончила примиряюще:

— Совсем необязательно упоминать об этом.

Да уж, сказано совершенно в манере Майлза, и, если подумать, была в этом некая космическая справедливость.

— Вот это и называется — Форкосиганы! — воскликнул Энрике, всплеснув руками.

Катриона улыбнулась доктору, засунула шлем под мышку и направилась к лесу.

— Оставайся здесь и будь начеку, — добавила она, чтобы он почувствовал, что состоит при деле, и не увязался бы за ней, а без него она сможет выяснить куда как больше.

— Эти люди могут быть *серийными убийцами*, — ворчливо бросил он ей вслед. — *Радиоактивными* серийными убийцами.

Не обернувшись и даже не замедлив шаг, Катриона отмахнулась от его слов.

Для нее эта прогулка может вылиться в ночь, проведенную в главной больнице Хассадара, подумала Катриона без особой радости. Навалятся на нее врачи с их терапией, будут иголки втыкать, заставят делать пи-пи в градуированные мензурки, а может, и еще к чему принудят… Конечно, это лишь перестраховка — тем более что все дети, которых она хотела иметь и имеет, уже появились из генетически очищенных, замороженных эмбрионов, которых хранили в центре репродукции в Хассадаре до того момента, когда у их родителей (о, чудесный черный юмор!) появилось наконец время ими заниматься. И, так или иначе, земной поклон Ори Пим!

Очень медленно и спокойно Катриона шла к зарослям посреди бурелома, пока не остановилась в нескольких метрах от кустов. Там вповалку лежали гниющие стволы деревьев, перевитые зеленым диким виноградом и плющом; во все стороны вольготно раскинулись пышные побеги черники. Катриона села на землю, подняла лицо и позвала, постаравшись придать своему голосу материнские интонации — мягкие и успокаивающие:

— Эй! Мне очень жаль, что мы напугали тебя. Меня зовут Катриона. А тебя как?

Ответом ей была тишина.

— Я не призрак, — продолжала Катриона. — Я живой человек, женщина. А это просто такая смешная шапка, смотри!

Она надела на голову шлем и вновь сняла, отложив в сторону. У Майлза эти трюки получаются гораздо убедительнее — ему не раз доводилось демонстрировать нечто подобное. Но сейчас в деле был другой Форкосиган. Точнее — была.

В черничнике послышался легкий шорох. Катриона сидела неподвижно. Если эта женщина-девушка выскочит из зарослей и бросится прочь, нужно ли будет ее преследовать? Скорее всего нет. Да и куда ей бежать? Конечно, во всей зоне полных три тысячи квадратных километров, но… А, вот и она! Круглое, желтоватое встревоженное лицо осторожно выглянуло из-за дерева. Девушка внимательно посмотрела на Катриону. Моргнула.

— Какая ты красивая! — произнесла она чуть надтреснутым голосом.

Катриона едва не вздрогнула, но подавила импульс. Когда в гостиных Форбарр-Султана к ней обращались с подобными комплиментами, это чаще всего была преамбула, за которой следовала просьба допустить просителя или про-

сительницу к аудиенции с лордом Форкосиганом. Или прелюдией к флирту, о чем, конечно же, по мнению человека, произносящего эти слова, не стоило сообщать лорду. Правда, такого рода кавалеров леди Форкосиган своим вниманием не удостаивала. Но все гостиные остались за тысячи километров отсюда… Поэтому она ответила без церемоний:

— Приятно слышать.

— Ты принцесса? — последовал вопрос.

— Нет!

И слава богу. А она ждала принцессу? Должно быть, через эти края проезжает не так много принцесс. Или здесь работает вывернутая логика волшебной сказки: если все принцессы — писаные красавицы, то все красавицы, соответственно, принцессы?

— Так как тебя зовут?

Долгая пауза и ответ:

— Ядвига.

— Красивое имя!

Эпитет, который в случае с этой девушкой подходил, увы, лишь имени. Когда Ядвига наконец выбралась из зарослей, Катриона увидела, что ее шею украшает бугристый бесцветный нарост размером с кулак. Что это? Зоб или рак трахеи?

Или одновременно и то и другое? Вот почему голос девушки звучал так хрипло, надтреснуто. Катриона непроизвольно сглотнула.

— Правда? — спросила Ядвига.

— Правда, — отозвалась Катриона.

И, не откладывая дела в долгий ящик, поинтересовалась:

— Ты знаешь Вадима Самми, смотрителя? Я встретилась с ним первый раз несколько дней назад. Похоже, он хороший человек.

Услышав имя смотрителя, девушка вышла из зарослей и села в отдалении на землю, бессознательно имитируя позу Катрионы. Вот она, магия имени. В Форбарр-Султане это тоже работает.

— Ты живешь в доме на трех столбах? — спросила Катриона. — Этот дом построил настоящий мастер.

Ядвига кивнула. Вырост на ее шее колыхнулся вверх-вниз. Катриона постаралась не смотреть на него и вообще никак не реагировать.

— А кто с тобой живет? — продолжала она. — Одному ведь жить плохо.

Хотя сейчас Ядвига была одна. Почему? Та палка, на которую была закрыта дверь, не являлась серьезным препятствием — достаточно хорошенько нажать изнутри, и она сломается. Но ведь

кто-то же сделал это, и именно снаружи!

— Со мной живет ма Роджи. И Борис. А еще Ингиси, я его люблю больше всех.

Ядвига склонила голову набок и спросила в свою очередь:

— А где ты живешь?

— Иногда в Хассадаре. А иногда в Форбарр-Султане. Но мое любимое место — неподалеку от длинного озера у самых Дендарийских гор, возле Форкосиган — Сюрло.

Девушка попыталась осмыслить сказанное.

— Как много всего, — произнесла она наконец.

— Да, немало.

Трудно было сказать, что происходит в голове у этой простушки.

— И это далеко? — спросила Ядвига.

— Если на флайере, то не очень. Пешком, конечно, дойти туда трудно. А ты бывала в Хассадаре?

Девушка отрицательно покачала головой.

— А слышала о нем?

Ядвига кивнула.

— Мама с Вадимом иногда говорят о нем. И он привозит оттуда разные вкусные вещи. И мыло.

— Он молодец, — отозвалась Катриона.

Вот откуда взялись на полках в этом домишке разные коробки и банки.

— А он не предлагал тебе слетать в Хассадар? Или еще куда-нибудь?

Ядвига отрицательно замотала головой.

— Если мы появимся на той стороне холмов, люди нас убьют.

— Это не так, — возразила Катриона, стараясь говорить максимально убедительно. — Уже не так.

И содрогнулась.

Но Ядвигу, похоже, не убедили слова Катрионы. Взгляд ее стал тяжел и мрачен.

Катриона решила отвлечь девушку от неприятной темы:

— Ингиси — это тот бледный мальчик, со светлыми волосами, верно?

Та кивнула.

— Мне нравится их расчесывать, — сказала Ядвига. — Они мягче, чем грива у пони.

Да, образ впечатляющий.

— Это Ингиси приносит тебе радиофагов?

— Кого?

— Фиолетовых жуков с горящими золотыми цветами на спинках.

Энергично кивнув, Ядвига улыбнулась:

— Они красивые, верно?

— Тебе нравятся? Спасибо! Это я их придумала.

А тот человек, который прилетел со мной, он их сделал. Его зовут Энрике.

Маленькие глазки девушки расширились. Она нервно заерзала и слегка подалась назад.

— Сделал? Он что, *волшебник*?

— Нет, он просто ученый. Любой может сделать таких жуков, — ответила Катриона.

И ради точности добавила:

— Если, конечно, будет таким же умным, как Энрике, и станет долгие годы учиться, как учился он.

На это Ядвига двусмысленно нахмурилась. И задала новый вопрос, более конкретный:

— Ты замужем?

— Да. Но не за Энрике. У него есть жена, и ее зовут Марсия. А моего мужа зовут Майлз.

— Марсия красивая? — спросила Ядвига, нахмурив брови.

— Очень. Она высокая, у нее мягкие светлые волосы, хотя и не такие светлые, как у Ингиси.

Катриона помедлила и спросила:

— Тебе нравятся красивые вещи?

Девушка кивнула.

— Здесь, в зоне, много всего красивого. Растения, холмы, маленькие ручьи.

— Пони!

Катриона вспомнила мрачных коняшек, которых они видели с воздуха, и попыталась придумать про них что-нибудь хорошее.

— У пони пушистые ушки, — сказала она. — И бархатистые мордочки.

— И большие желтые зубы, — хихикнула Ядвига. — Они кусаются.

— Правильно. А еще иногда лягаются.

— Точно!

Ядвига уселась поудобнее и спросила:

— Тебе нравятся пони?

— Очень, — ответила Катриона.

— Хочешь, покажу моих?

— Конечно, но чуть позже.

Ядвига нетерпеливо заерзала, но Катриона не обратила на это внимания.

— Ты говорила про других — про маму Роджи и Бориса. Кто они такие? Я их не знаю.

— Это все ее место, — сказала Ядвига, махнув рукой в сторону хижины. — А Борис — ее настоящий сын. Он большой.

— И давно мама Роджи здесь живет?

— Всю жизнь, — ответила девушка, для убедительности кивнув.

Катриона хотелось вернуться к разговору о жуках, сказать, что они украдены и страшно ядо-

виты. Но она опасалась напугать Ядвигу. Что до кумулятивного эффекта радиационного загрязнения, то девушка явно превысила все возможные лимиты. Катриона внимательно рассматривала тонкие руки и опухшее тело Ядвиги. Это от голода? Или под кожей прячется еще одна опухоль?

— Ты не голодаешь? — спросила она. — Мама Роджи тебя кормит?

Ядвига опять махнула рукой. На правой у нее было всего пять пальцев.

— Да, кормит, — ответила она. — Только глотать больно. Из-за этой вот штуки.

Она сжала опухоль под подбородком, но тут же отдернула руку.

— Мы с Ингиси попробовали обвязать ее ниткой, чтобы оторвать, но было слишком больно. А потом мама сказала, что она растет изнутри и все равно ничего не поможет.

Она скорчила гримаску.

Катриона подавила поднявшийся в ней ужас. И произнесла, стараясь говорить спокойно:

— Боюсь, мама Роджи права. Тебе нужен настоящий врач.

Почему же ее не отправили в больницу? Какого черта, Вадим?

Смущенная, Ядвига наморщила свой малень-

кий нос, но затем пожала плечами.

Нельзя ее пугать, напомнила себе Катриона. *Так. Борис — настоящий сын.*

— А ты давно здесь живешь? — спросила она.

— Всю жизнь. Так мама сказала.

— И ты знаешь, сколько тебе лет?

— Конечно, знаю! — В голосе девушки прозвучали нотки негодования: — Пятнадцать.

— Но ведь ты же не дочь мамы Роджи, верно? И Инги не ее ребенок, так?

— Нет! Мы *все* — ее дети!

И она вновь махнула рукой, на сей раз в сторону кладбища, утыканного столбами с насаженными поверх черепами.

— Когда мы были маленькими, мама сказала, что нашла нас меж капустных листьев, но это просто шутка. Там есть место в зоне, в лесу, где это произошло. Инги говорит, что видел его. Я не видела. Но знаю, что это Вадим привез меня сюда.

Вдалеке раздался приглушенный крик, и тотчас же — ритмический топот. Катриона обернулась и, опершись рукой о землю, приготовилась вскочить на ноги. Оказалось, что топот издают маленькие неподкованные копытца, а кричит Энрике. По лесной прогалине мчался маленький пони с веревочной сбруей, а на нем сидел худой

светловолосый подросток, обхвативший бока своего боевого коня босыми ногами. Следом за пони, в своем защитном костюме и маске, неуклюже бежал Энрике.

— Стой, маленький воришка! — кричал доктор.

Инги натянул веревочные поводья, и пони встал как вкопанный.

— Ядди! — закричал мальчик. — Беги! Это белые призраки!

Ядвига подняла на него глаза, но, в отличие от Катрионы, которая поднялась на ноги, не пошевелилась.

— Глупый! Это не призраки. Это просто люди в белых одеждах.

— Мама о них и говорила. Это чужаки!

Инги, как оказалось, был восприимчив ко лжи.

Ядвига, соображая, выпятила нижнюю губу.

— Мама говорила тебе — не ездить по солнцу, а ты ее не слушаешь.

Энрике воспользовался замешательством и, нагнав мальчика, схватил его за руку. В этот момент пони рванулся в сторону и, отбежав на несколько метров, опустил голову и принялся щипать траву. Инги же оказался на земле, но, изогнувшись всем телом, вырвался из не слишком

цепкой хватки Энрике.

Но больше он ничего не смог сделать, потому что Ядвигу, собиравшуюся что-то прокричать ему, вдруг поразил длительный приступ кашля. Откашлявшись, она плюнула на землю кровью. Кровавый сгусток, плюхнувшийся у ее ног, казалось, скорее раздражал ее, чем удивлял или беспокоил. Ладонью, на которой Катриона насчитала шесть пальцев, девушка подхватила и бросила на кровь немного земли — чтобы прикрыть от досужих глаз. Инги, всплеснув руками, бросился к ней и протянул край рубахи — вместо платка, — о который Ядвига, безразлично глядя по сторонам, отерла губы.

Катриона, воспользовавшись моментом, вновь села, кивком пригласив Энрике сделать то же самое.

— Привет! — сказала она, обращаясь к Инги. Она взяла на вооружение интонации одновременно материнские и светские; если первая его не смягчит, то вторая наверняка заставит успокоиться и вести себя прилично.

— Ты ведь Инги, верно? Ядвига мне о тебе рассказала. Меня зовут Катриона. А это — мой друг Энрике.

И кивнула в сторону доктора.

Тот, конечно, предпочел бы, чтобы его назвали *доктор Боргос*, но, взглянув на сидящих перед ними детей, со всей присущей ему скромностью позволил Катрионе поступать так, как принято у них на Барраяре. Он медленно сел на землю. Инги, поняв, что он в этой компании находится в меньшинстве, опустился на колени. Пони, не обращая на людей никакого внимания, продолжал в некотором отдалении щипать траву.

— А я вас видел, — признал Инги. — В лесу.

Любопытство, которое Катриона обнаружила в мальчишке еще накануне, когда смотрела записи с камер, побороло в нем страх.

— В этих ваших костюмах.

Его взгляд постоянно возвращался к Катрионе, на этот раз сидевшей если не без костюма, то по крайней мере без его части — шлема.

— Ты за нами шпионил? — спросил Энрике. — Да еще и украл наших жуков!

Инги явно не чувствовал за собой вины.

— Вы оставили их в лесу, — сказал он. — А все, что остается в зоне, принадлежит нам.

— Хорошее объяснение, — покачала головой Катриона. — Но ты не прав. Ты же видел с нами Вадима, верно? И он говорил с тобой прошлой ночью, не так ли? Наверняка просил тебя держаться

подальше от нашего участка, да?

Это был выстрел в темноту — но ведь и Вадим бывал здесь затемно, а потому Катриона явно попала в цель. Возраста Инги был примерно такого же, как и ее сын, Никки, и его так же разрывали в клочки крайности подросткового возраста — то ему хочется, чтобы его хвалили, а то — чтобы оставили в покое. И эти резкие перепады от щенячьей радости к глухой угрюмости!

— Возможно, и просил, — отозвался мальчик.

— Мы знаем, что ты взял наших жуков, — сказал Энрике сурово. — У нас есть видео. И мы нашли их в этом вашем сарае.

Выждав краткую паузу, он продолжил:

— Там все, что ты украл? Или есть где-нибудь еще? А может, ты их потерял?

Инги опасливо пожал плечами:

— Большинство здесь, я думаю.

— Но зачем ты их взял? — почти кричал Энрике.

Инги опять пожал плечами:

— Они нравятся Ядвиге, — ответил он. — Это подарок.

— Боюсь, что тебе придется их вернуть.

Катриона подняла руку — не будем, дескать, принимать поспешных решений — и спросила:

— Подарок? А у нее был день рождения?

До Нового года оставалось еще почти полгода.

— Да нет, — ответил Инги. — Она же болеет.

Его пальцы сами, без участия хозяина, копались в земле, вырывая стебли травы. Инги отвел глаза и продолжил:

— Эти жуки гораздо лучше цветов. А цветы она может и сама найти.

— Ты знаешь, насколько она больна? — спросила Катриона.

Твоя подруга умирает! Ты знаешь об этом?

Инги опустил глаза.

— Знаю, — сказал он.

Знаю…

Деревенские дети гораздо хуже защищены, чем городские. Ни при рождении, ни в болезни, ни в другие периоды своей жизни. Смерть постоянно витает над ними. Особенно если дети живут в подобных, совершенно незаконных лагерях на зараженной территории.

— Это особенные жуки, — сказала она вслух, — и они для нас очень важны. Они важны для будущей жизни зоны, для всего Округа.

— Она говорит, что они сами *сделали* этих жуков, — вступила в разговор Ядвига. — Ты веришь в такое? Как люди могут *делать* жуков?

Инги с сомнением покачал головой.

Когда они встречались в деревнях с простыми людьми, Катрионе в какой-то момент приходилось растолковывать тамошним жителям, что это за жуки и зачем они нужны. Нередко оказывалось, что древние — песок сыплется! — старички бывали лучше образованы, чем подрастающее поколение. Инги и Ядвига относились к последнему. *Придется приложить усилия*.

— Энрике начал с обычных жуков, а потом вырастил этих. У них особая роль. Вы же знаете, что зона есть зона и жить здесь нельзя, потому что все здесь заражено. Радиоактивность.

— Радиоактивность — это очень плохо, — кивнула Ядвига. — Так мама говорит.

Инги смотрел на Катриону с подозрением.

— Вадим сказал нам, что вы, городские, преувеличиваете опасность. И это хорошо — пусть народ держится отсюда подальше. Нам здесь никто не нужен.

Катриона помедлила, после чего произнесла:

— С жуками все достаточно сложно, но, если говорить проще, эти жуки поедают радиацию. Мы думаем, что с их помощью мы очистим зону и здесь опять смогут жить люди.

Энрике нервно повел плечами — ему не понра-

вилось это слишком прямолинейное объяснение, но он счел неразумным вмешиваться. Хотя она могла бы побольше рассказать об опасностях, которые подстерегают людей в зоне.

— Так мы здесь и так живем, — возразила Ядвига.

— Я имею в виду жить и *не болеть*, — уточнила Катриона. — Не болеть раком трахеи или саркомой. Другими, не такими опасными болезнями.

Она тронула себя за шею. Инги вздрогнул, а Ядвига нахмурилась.

— Фокус состоит в следующем, — продолжала Катриона. — Жуки поедают радиоактивность и сами становятся радиоактивными. Поэтому я и попросила Энрике сделать им на спинках трилистники. Сияющие золотые цветы. Это предупреждение. Чем ярче свет, тем опаснее жук, и трогать его нельзя.

Обдумывая сказанное, Инги нахмурился.

— Почему же тогда жуки не умирают? — спросил он. — Если они едят яд.

— Со временем, конечно же, умирают. Но только после того, как наберут достаточно радиоактивности и их можно будет увозить. В этом есть некоторая доля героизма, я думаю.

Хотя можно ли считать героями машины, пусть

и биохимические?

Ядвига выглядела крайне расстроенной.

— Они все умрут? — спросила она. — Но они ведь такие красивые!

— Все умирают, — отозвался Инги мрачно и тут же замолчал.

Понял, что поступил бестактно? Интересно!

Катриона чувствовала: больше всего ей хочется сейчас же скрутить этих беспомощных подростков и, не дожидаясь согласия взрослых, погрузить во флайер и отвезти в Хассадар, в главный госпиталь. А потом вернуться с бригадой и привести здесь все в порядок. Только вот какой бригадой? Смотрителей? Или муниципальной полиции Хассадара? А может быть, с гвардией Форкосигана? Ведь это смотрители должны были следить за местностью, чтобы не допустить подобных кошмаров! *Черт бы их побрал!*

Хотя ни полиция, ни гвардейцы не испытают особого счастья, если их поднять на эту операцию — вне зависимости от того, обладают они навыками работы в зараженной зоне или нет. *Дьявол прячется в мелочах*, как любит говорить Майлз, а у нее пока слишком мало этих мелочей, мало деталей, без которых понимание того, что происходит, ей пока недоступно.

— Вадим не предлагал вам поехать с ним? Скажем, на врачебный осмотр? — спросила Катриона, обращаясь к Инги.

Инги выпучил глаза и почти прокричал:

— Да куда же мы поедем? Они расстреляют всех наших собак, всех коз и пони.

Ядвига взволнованно закивала.

Одной из обязанностей смотрителя зоны была выбраковка одичавших собак, но только в том случае, если немногочисленные жители окрестных деревень сообщали о том, что собаки вторгались на их территорию и нападали на скот и людей. Раньше смотрители отправлялись охотиться на диких собак верхом, в сопровождении своих собственных свор; теперь же занимались этим делом с воздуха, применяя для поиска сканеры. Хотя деревенские жители и сами легко справлялись с возникающими проблемами — никто ведь не считал, сколько старинного оружия незаконно хранится, аккуратно припрятанным, по окрестным деревням.

— У вас есть козы, которые дают молоко? — спросила Катриона, решив подойти к проблеме с другой стороны. Конечно, козы были. Кто же откажется от животных, дающих такое вкусное молоко? А вывезти их из зараженной зоны про-

сто некому. Молочные козы — это вам не белые призраки, это реальность!

Ядвига кивнула. Сердце у Катрионы упало. *Это же самоубийство — пить молоко зараженных животных*, подумала она.

— Я их дою, — гордо сказала девушка. — Это моя работа.

И укоризненно посмотрела на Инги.

— Где они? — спросила она мальчика.

И, глянув на Катриону и показав на Инги, добавила:

— А пасти их — его обязанность.

— Они с той стороны, — ответил Инги, сделав неопределенный жест в сторону дома на столбах, за которым Катриона и Энрике оставили флайер. Катриона проследила направление и увидела в зарослях силуэты животных, пощипывавших листья кустарника. Вносивших дополнительные порции радиации в пищевую цепочку.

— Нельзя пускать их в огород! — набросилась Ядвига на Инги, на что тот, защищаясь, ответил:

— Так они и не в огороде.

После чего продемонстрировал более тесное знакомство с козами, добавив:

— Пока.

Девушка вжала голову в плечи.

— Как бы там ни было, мама говорит, что никогда отсюда не уедет. Я однажды слышала, как она говорит об этом Вадиму и Борису. Она думала, что мы спим, а мы не спали. Она говорила, что хочет быть похороненной в своем доме. А если так, где же мы будем тогда жить?

— Еще она говорила Вадиму, — вступил Инги нерешительно, — что старый граф Петер велел всем оставить ее в покое. А Вадим сказал — если те, кто помнил это, умерли, как она это докажет? Мама не нашлась с ответом.

И через мгновение добавил:

— Правда, потом она отвесила ему подзатыльник. Ясно, ей не понравилось то, что он сказал.

Катриона продолжала терпеливо расспрашивать подростков. Ядвига была старше, зато Инги — смышленее, и он мог знать больше.

— И когда мама Роджи здесь поселилась? — спросила она.

— Она живет здесь все время, — повторила Ядвига, хотя и не так уверенно. И вдруг, словно вопрос Катрионы ударил ее, вздрогнула и добавила:

— Борис должен знать. Он много чего знает.

Но тут вмешался Инги:

— Вы всего-то туристы из города, — заявил он,

явно теряя терпение. — И вы тут никто.

И, повернувшись к Ядвиге, сказал:

— Ты не должна им ничего говорить.

Не успела Катриона решить, чем бы снять агрессивность мальчика, как Ядвига ответила ему:

— Не беспокойся. Придет Борис и прогонит их. Помнишь, как он прогнал того плохого охотника?

Инги прикусил губу.

— Заткнись! — зашипел он на девушку. — Молчи — и все!

Ядвига, обиженная, втянула голову в плечи.

Что это за история? Наверняка ничего хорошего. Катриона не без труда заставила себя опустить руку в загрязненной перчатке, которой она хотела потереть лоб. Свербило в носу.

— Вадим вас часто навещает? — спросила она.

О Вадиме дети говорили безо всякого страха, что, в свою очередь, смягчало гнев, который вызвало в душе Катрионы поведение смотрителя.

Ядвига с готовностью закивала.

— Он приезжает, когда у него выходной, — сказала она. — Хотя и не каждый раз. Он научил Инги читать. Но Вадим не хочет покатать нас на своем флайере.

По кислой мине Инги Катриона поняла, что это

и его больная мозоль.

— Можешь попросить его покатать тебя на твой следующий день рождения, если…

Он резко замолчал.

Если не умрешь?

— Так вы никогда не летали? — спросила Катриона. — И никогда не видели сверху ни зону, ни весь Округ?

А что, это было бы неплохо — хитростью забрать эту парочку в госпиталь в Хассадаре. Но Катриона отложила в сторону эту мысль. Пока отложила.

Инги поневоле вновь оживился.

— А летать — это интересно? — спросил он.

— Это как волшебство? — поинтересовалась и Ядвига.

Катриона моргнула, неожиданно осознав: для кого-то самые обыденные вещи могут показаться фантастикой — и наоборот. Мы слепы к тому, к чему привыкли.

— Да, очень интересно, — сказала она. — Я люблю летать.

И добавила:

— Мой муж подарил мне новенький флайер недавно.

Подростки были ошеломлены.

— Он, должно быть, очень тебя любит, — сказала Ядвига.

— Да, это так, — признала Катриона.

— Он богатый? Как принц?

— Никаких принцев больше нет, Ядди, — презрительно хмыкнул Инги, который опять начал терять терпение. — Принцы были на Старой Земле.

— Неправда! — возразила девушка. — Вадим сказал, что в Форбарр-Султане родился маленький принц. Это за тридевять округов отсюда, там, где в золотом дворце живет сам император.

Последняя фраза была произнесена Ядвигой нараспев, в волнующем ритме сказочного зачина.

— Это так? — спросила девушка Катриону.

— Не вполне.

Инги удовлетворенно фыркнул.

Катриона вздохнула.

— Столица лежит всего за три округа отсюда, на севере, — объяснила Катриона. — Императорская Резиденция построена из серого камня. Там живут два принца и принцесса, но она еще маленькая.

Она увидела, как Энрике под маской одобрительно вскинул брови. Очевидно, ему пришлась по душе почти научная точность описания, дан-

ного Катрионой.

Подростки молчали, переваривая сказанное.

— И это действительно так? — спросил наконец Инги.

Энрике посмотрел на мальчика. Они вполне могли бы подружиться, подумала Катриона, тем более что, похоже, доктор уже не так злится на Инги, да и жуки вроде нашлись.

— Да, — сказала она.

Ядвига устроилась поудобнее с самым довольным видом. Еще бы! Она живет в мире, где существуют самые настоящие принцессы! Катриона вспомнила ту совершенно безоблачную радость, когда во время ее последнего визита в Резиденцию Грегор и Лаиса показывали ей свою малышку. А что чувствовали родители Ядвиги, когда оставили ее в зоне, просто выбросили, обрекая на смерть?

В Дендарийских горах в суровые времена Периода Изоляции существовал обычай перерезать горло младенцам-мутантам — обычай, который некоторое время тайно поддерживался и в современную эпоху, пока не был запрещен окончательно. *Там, в лесу, есть место…* А здесь, где ландшафт не так суров, и обычаи были помягче. На первый взгляд. Но, похоже, от них так

и не отказались. *Где этот лес, видений полный… приют младенцев, брошенных в чащобе*. Катриона отчаянно нуждалась в фактах. Но они могли оказаться и пострашнее ее фантазий.

— Инги! — прозвучал грубый голос, эхом прокатившийся по лесу. — Да где этот шалопай? Инги! Твои козы опять гуляют где ни попадя. Уж я надеру тебе одно место!

Кричавший, судя по голосу, слишком устал, чтобы немедленно привести угрозу в исполнение. Он приближался и, насколько можно было понять, как раз подходил к хижине на столбах.

Будь осторожна и не выдавай своих желаний…

Из лесу показались двое людей, ведших в поводу пони, нагруженного мешками, свисавшими по обе стороны крупа. Один из них, юноша среднего роста, придерживал рукой кое-как закрепленное на спине животного старое выцветшее кресло, обивка которого местами прорвалась, обнажая поролоновое нутро. Увидев белые одежды непрошеных гостей, юноша набычился и сделался, казалось, еще более приземистым.

Позади него шла женщина, выглядевшая гораздо старше своего спутника. На ней была юбка из грубой ткани, кофта и тяжелые башмаки. Ростом чуть пониже юноши, а фигурой посуше, она отли-

чалась также более цепким и суровым взглядом. Пони воспользовался общим замешательством и попытался сбросить плохо закрепленную ношу, которую юноша подхватил и мягко опустил на землю.

Вот они, взрослые, несущие ответственность за этих детей. Наконец-то!

Кем бы они ни были…

— Проходимцы! — зарычала женщина, надвигаясь на Катриону и Энрике, по-прежнему сидящих на земле.

Юноша достал из поленницы длинную жердину и угрожающе поднял ее.

— Побить их, мам? — спросил он.

Энрике дернулся, пытаясь вскочить, но Катриона жестом заставила его сесть на место. Под защитным костюмом у нее был спрятан шокер, но быстро достать его она была не в состоянии. В воздухе повисло явственное ощущение угрозы, и никто из противников не собирался отступать, даже если бы дело дошло до потасовки.

Паук тебя больше боится, чем ты его, говаривала бабушка Катрионы, бесстрашная и насмешливая старуха. Катриона знала, что роль такого паука-убийцей исполняла сейчас эта женщина, а не сопровождавший ее юноша — вероятно, Борис.

Ядвига не видит опасности, а Инги, конечно же, попытается сыграть на ней…

— Эй, вы! — крикнула женщина, размахивая руками так, как будто перед ней были не люди, а парочка коз, и она пыталась отогнать их. — Смотрители вас сюда не привозили. И вам здесь не место. Это наши земли. Убирайтесь!

Катриона пристально смотрела женщине в глаза. Как бы в такой ситуации повел себя Майлз? Властность в голосе и непреклонная воля в действиях. Так поступит и она.

— Ничего подобного!

Катриона встала, краем глаза увидев, как Инги в удивлении открыл рот, а Энрике вновь дернулся, чтобы в случае чего вскочить и защитить ее. Она подошла к женщине и посмотрела той в глаза, с некоторым неудовольствием отметив, что, пока долговязый Энрике сидит, ей, как самой высокой, приходится доминировать над пространством конфликта.

— Лорд Форкосиган наделил меня полномочиями надзора за Окружным департаментом землеустройства, в чью сферу влияния входит зона отчуждения Вашнуй. И мы стоим на земле лорда Форкосигана.

Женщина отпрянула, беззвучно шевеля че-

люстью. Видно было, что она никак не ожидала таких слов от чужака.

— Но он же не пользуется этой землей, верно? Это проклятая земля. Убирайтесь, или я тоже прокляну вас.

Женщина, вне всякого сомнения, весьма убедительно играла роль Бабы-яги — неопрятные седые космы падали на морщинистый лоб, украшенный кустистыми бровями, под которыми горели злобные вороньи глаза. К тому же этот парень со своим поленом! Катриона с трудом сдерживала дрожь. Наверняка этими угрозами ей уже удавалось отваживать тех, кто вторгался в ее владения.

Если Борис сделает попытку напасть, Катриона отобьет удар, после чего, отскочив в сторону, расстегнет защитный костюм и вытащит шокер. Но пугало ее даже не это. Вдруг полено обрушится на незаменимую голову Энрике? Сердце Катрионы бешено билось в груди. Если случится самое страшное и эта банда, спрятав их с Энрике тела, избавится от флайера, Майлз вывернет всю зону наизнанку и будет преследовать эту семейку, куда бы та ни отправилась. И тогда уж это не принесет радости никому. *Прокляты* будут все.

Напряженное молчание вдруг прервал Энрике,

который с самым невинным видом спросил:

— Серьезно? И как это должно работать? Пожалуйста, опишите поточнее.

Мама Роджи и Борис могли подумать, что он либо бросает им вызов, либо издевается. Катриона же предположила, что, как истинный ученый, Энрике применяет к ситуации метод двойного слепого исследования — для получения точных и объективных результатов.

В полном замешательстве мама Роджи посмотрела по сторонам, не понимая, что от нее требуется.

Сейчас или никогда.

Катриона стянула с правой ладони перчатку и протянула женщине руку.

— Вы ведь мама Роджи, верно? А я — леди Катриона Форкосиган. И мы прилетели для того, чтобы уничтожить все поводы для взаимных проклятий. Нам нужно поговорить.

Катриона боялась, что мама Роджи не поймет смысла ее жеста, тем более что Ядвига влезла со своими уточнениями:

— Ее приятель — волшебник, мам. Он делает жуков.

— Ученый, а не волшебник, — мрачно уточнил Энрике, уже отчаявшись, что его услышат.

А это куда опаснее, чем волшебник.

Протянув руку для пожатия, Катриона была готова ко всему — и к тому, что эта женщина просто ударит по ней. Но мама Роджи не сделала этого.

— Лорд-мутант, стало быть, твой муж? — спросила она, сверкнув глазами сквозь заросли бровей.

Катриона вспомнила, сколько разговоров ходит об этой особенности ее Майлза и как мало им верят, но ничего не стала об этом говорить, произнеся только:

— Да.

Мама Роджи не стала ни пожимать руку Катрионы, ни бить по ней. Вместо этого она спрятала свои руки за спиной — как ребенок, желающий избежать любого контакта. Напряжение не спадало, хотя Борис по крайней мере уже опустил полено, которое по-прежнему держал в руке.

Продолжай говорить! Майлз постоянно бормотал во сне, и если прислушаться и попытаться разобрать слова, сны, которые он в это время видел, отдавали каким-то сюром. *Более сюрреалистично, чем то, что происходит теперь?* Катриона вздохнула:

— Мне кажется, разговор будет долгим. Может быть, найдем местечко поудобнее?

Это было особенно нужно Борису, который, застыв в угрожающей позе, явно нуждался в том, чтобы присесть и перевести дух. Настоящий сын? Да, прослеживается некоторое сходство в строении костей и цвете кожи. Отца у Бориса нет. Похоже, еще одна мрачная история…

— Нам придется долго говорить и долго слушать, — добавила Катриона.

— Вот как? — произнесла мама Роджи, вытянув из-за спины одну руку и показав ею в сторону хижины на сваях.

* * *

Повинуясь распоряжениям мамы Роджи, дети принялись разгружать пони, а Борис потащил привезенное кресло в хижину, воспользовавшись помощью Энрике, вместе с которым поднял его на крыльцо. Вне всякого сомнения, кресло было найдено где-нибудь на свалке, которых в зоне было предостаточно. Отправив Инги загнать коз в стойло, мама Роджи вальяжно развалилась в кресле, будто государыня на троне. Гостей она не стала приглашать внутрь, но отправила Ядвигу за двумя достаточно потрепанными подушками — Катриона и Энрике могли усесться на них. Теперь, когда у Ядвиги появилась знакомая прин-

цесса или по крайней мере настоящая леди, она не хотела отходить от нее ни на шаг. Это хорошо — так ей легче будет расстаться с жуками. Инги вернулся, и молодежь, включая Бориса, который, несмотря на свои внушительные размеры, все-таки не мог считаться по-настоящему взрослым, уселась на крыльце, свесив ноги вниз.

Объяснить суть проекта с жуками-радиофагами было непросто даже с учетом технических комментариев, которые по ходу рассказа делал Энрике. Инги в конце концов предложил взять какого-нибудь жука в качестве иллюстрации того, что рассказывала Катриона, и вся компания направилась к сараю. Борис при этом оставил свое полено на крыльце — явный прогресс в отношениях.

Оказалось, что мама Роджи до сих пор ничего не знала о том, что Инги ворует жуков. И хотя мальчик настаивал, что это подарки, она отвесила ему подзатыльник.

— Идиот! — прорычала она. — Именно *поэтому они* и прилетели.

Трудно было определить выражение, отразившееся на ее лице. Отчаяние? Ярость? Или, может, надежда? Нет уж, только не надежда и не облегчение.

— Это так, — согласилась Катриона. — Но это все равно должно было случиться. Если нам удастся добиться успеха, это изменит жизнь всей зоны.

Она не говорила, что маме Роджи и ее семье придется с этим смириться, но это было ясно и без слов.

Нужно было уяснить многое.

— Давно вы здесь живете? — спросила она, обведя глазами дом, огород, сарай. И, конечно, кладбище. — Мне кажется, Вадиму придется многое мне объяснить.

А также давать объяснения придется начальнику Вадима и всем его коллегам, кто вольно или невольно участвовал в утаивании того, что происходит в зоне.

Ядвига, возможно, и не понимала всех деталей, но по общему тону разговора уяснила, что Вадиму угрожает опасность, и тотчас же бросилась ему на помощь:

— Вадим мне как старший брат. Он о нас заботится. Вадим хороший!

Ядвига говорила и говорила, и, не надеясь ее остановить, мама Роджи кивком пригласила Катриону оставить на время компанию.

— Идем. Только ты и я. Прогуляемся.

Катриона подавила чувство сомнения:

— Отлично. Идем.

Энрике тем временем загрузил молодежь работой по поимке, подсчету и размещению сбежавших жуков, одновременно, причем совершенно безвозмездно, читая детям лекцию. Катриона же последовала за хозяйкой в лес, подальше от посторонних ушей. Там мама Роджи показала на два лежащих подле друг друга ствола дерева. Катриона устроилась на одном из них, попутно вспомнив поговорку*: стоит тебе присесть, и любая трагедия превращается в комедию.* Хотя здесь, похоже, этот номер не пройдет.

Мама Роджи села напротив, напряженно размышляя. Катриона ждала.

Наконец женщина, склонившись и зажав ладони между коленями, посмотрела на землю под ногами и сказала:

— Ты, конечно, слышала о мародерах из Вашнуя.

— Банда, которая свирепствовала в этих краях тридцать лет назад, у которой в зоне было убежище?

Катриона помнила эту историю. Случайная кража привела к воровству бесшабашному и отчаянному, оно же с неизбежностью повлекло

за собой убийство — сначала по неосторожности, а потом и преднамеренное. Совершенно бессмысленное и жестокое уничтожение всех обитателей отдаленной фермы переполнило чашу терпения окружных властей, и воспоследовала кара.

Женщина кивнула.

— Старый граф Петер повесил всех, — сказала она.

Галактическая система терапии и реабилитации преступников еще даже не брезжила на горизонте. Зная кое-что об этом деле из кошмарных отчетов, хранящихся у Майлза, Катриона ничуть об этом не сожалела.

— Всех, кроме меня, — продолжала мама Роджи. — Меня спасло мое брюхо.

Катриона моргнула. Все верно. Тогда, в Период Изоляции, беременных не казнили — обычай, который поддерживался и в те времена, когда появились более современные способы обхождения с преступниками. Петер, вне всякого сомнения, был человеком старых добрых правил — по крайней мере таковым его сделали годы борьбы и опыта. Вообще, злодеяния этой шайки мародеров входили в компетенцию местных судов, но смертные приговоры — по закону — отправлялись на утверждение Суда графства.

— Старый Петер предложил мне на выбор — либо тюрьму, либо виселицу. А я попросила отправить меня в зону. И он сказал: *да будет так*, и мальчик-пристав ударил тупым концом копья в пол. Таковы были правила в суде. И вот я оказалась тут.

В архиве суда в Хассадаре, конечно же, можно найти все жуткие подробности этого дела — если, конечно, у Катрионы достанет выдержки и любопытства. Поэтому нет смысла заставлять эту *старую* женщину (вряд ли ей больше пятидесяти, но выглядит она действительно как старуха) копаться в памяти, да еще и признаваться в этом постороннему человеку. Катрионе важно не то, что было, а то, что есть. Она кивнула — *продолжайте!*

— Мне здесь понравилось, — продолжала женщина. — Мало-помалу все меня оставили в покое. Впервые за свою глупую молодую жизнь я стала жить самостоятельно. Правда, люди Петера приглядывали за мной. В те годы они посмеивались над этими штуками — дозиметрами, по поводу которых нынче так беспокоится Вадим. Когда Борису было три года, я и нашла в лесу эту поляну — там, где люди оставляли свои тайны.

Она сделала паузу, мельком взглянув на Кат-

риону.

— Там, знаешь ли, оставляли не только мутантов. В Период Изоляции был еще и голод, а потому не все могли позволить себе больше одного ребенка. Особенно если первым рождался мальчик, хотя, по мне, так девочки гораздо лучше.

— Понимаю, — отозвалась Катриона — важно было показать, что она слушает. Слушает и в самом деле понимает.

— Так у меня и появилось это занятие — находить в зоне брошенных детей. Правда, с годами их становилось все меньше. Последним был Инги, тринадцать лет назад. А после этого — никого.

— Что же произошло тринадцать лет назад?

Мама Роджи пожала плечами.

— Передвижные больницы Форкосиганов добрались до самых дальних деревень по ту сторону холмов, — проговорила она.

Точно! Катриона помнила, как ее обычно жизнерадостная и спокойная свекровь бушевала по поводу необходимости модернизации окружных систем образования и здравоохранения. Петер позволил своей галактической невестке заниматься школами только начального уровня, маленькими детьми — не больше. Но когда после смерти старого графа Округ оказался полностью в

женских руках, тут-то она и развернулась, начав с организации технических школ для молодежи. Сперва большие города — там проще было охватить максимальное количество людей. Потом дело дошло и до передвижных клиник — вот вам и крайнее звено в цепи системы распределения жизненных благ.

— Так оно все и закончилось, леди, — сказала мама Роджи. — Прошли годы, и все закончилось.

— Нет, — возразила Катриона, — все только начинается.

— Не для меня, — покачала головой женщина. — Я-то знаю вашу породу. Думаете, что можете все, но это не так.

Катрионе не хотелось спорить. *Ей бы встретиться с Майлзом*, подумала она.

— А что это за история с Вадимом и Ядвигой? — спросила она.

Мама Роджи вновь пожала плечами:

— Когда она родилась, Вадиму было всего пятнадцать. Его родители послали ее сюда. Вадим страшно переживал, но его отец сказал, что это для его, Вадима, блага. А по мне, так все равно что топить котят.

Катриона вздохнула:

— Потом Вадим приходил ее проведать, еще

до того, как стал смотрителем. Вскоре его отец разбился в дорожной катастрофе, а мать воспользовалась билетом в один конец на Зергияр. Когда графа забрали на должность вице-короля, эта программа еще работала. И вот она улетела и оставила здесь все свои печали. Говорят, еще жива.

— Вам всем, — начала Катриона, глядя на голые руки своей собеседницы. — *Нам* всем первым делом нужно отправиться в главный госпиталь в Хассадаре, чтобы проверяться. Только тогда можно будет принять решение и начать лечение.

Мама Роджи саркастически усмехнулась:

— Думаешь, что сможешь их увезти? К тому же для Ядди слишком поздно. Мы об этом знали всегда.

— Может быть, — признала Катриона. — А может быть, и нет. Никто, кроме врачей, не скажет наверняка. Кстати, Инги выглядит вполне здоровым. Как и Борис.

— Нельзя взять да и швырнуть детей в большой мир после всех лет, что они провели со мной. Они там просто утонут. Ядди — наверняка! А Борис… Однажды он уже убегал. Но потом притащился, едва живой. А Инги — его же разорвут на куски

мальчишки его возраста. Может быть, тело и не тронут, но сердце… Ты не знаешь, насколько жестоки дети, когда их много.

Катриона сжала губы:

— Я замужем за лордом-мутантом. Мне не нужно ничего объяснять. Я все знаю от Майлза.

Мама Роджи дрогнула подбородком. Нет, ее не испугали слова Катрионы — испугать ее было непросто. Может быть, она была слегка обескуражена. А малейшая брешь в ее защите, основу которой составляла уверенность в том, что все обстоит скверно в этом худшем из миров, была уже победой.

— Мне ясны твои опасения, — продолжала Катриона, — но сейчас там все совсем не так, как было тридцать лет назад. Как только дети окажутся в безопасности, у тебя будет время подумать. И никто никого никуда не собирается бросать. Мы сможем за всем следить и все контролировать.

Катриона отлично понимала, кто будет этим заниматься. Плюс еще одна забота в дополнение к тем, что занимают ее дни и ночи. *Я справлюсь. Я всегда справляюсь.* Она подняла голову.

— Если бы я не знала этого, не говорила бы, — закончила она.

— Лучше бы ты вообще ничего не говорила, —

отозвалась мама Роджи. — Пока вы, чужаки, не явились сюда, у нас все было хорошо. Все оставили нас в покое.

Катриона с сомнением покачала головой.

Тем временем ее собеседница подняла голову, прислушиваясь. Катриона последовала ее примеру. Так и есть — приближался грузовой флайер.

— Беда не приходит одна, — ворчливо проговорила мама Роджи, поднимаясь на ноги. — Кого-то еще несет.

Катриона последовала за ней на прогалину перед хижиной и увидела, как там садится грузовой флайер. Старый знакомый: на бортах — фамильный логотип Форкосиганов, изображающий горы и кленовые листья, в кабине — Вадим.

Вадим выпрыгнул из машины. На нем был обычный костюм, в руках — две сумки с продуктами. Увидев Катриону, идущую к флайеру следом за мамой Роджи, он от удивления выронил сумки, сунул руку во внутренний карман и, вытащив шокер, застыл.

Они смотрели друг на друга, глаза в глаза. Тягостные мгновения — никто не понимал, что произошло и что им теперь делать.

Наконец, сложив руки на груди, Катриона сухо сказала:

— Если ты сделаешь вид, что никогда не вытаскивал эту штуку, я притворюсь, что ничего не было.

Ясные четкие линии, составляющие контуры лица Вадима, вдруг словно оплыли. Камень превратился в мягкую глину. Рука его дрогнула, и он медленно отправил оружие в кобуру. Катриона усилием воли заставила себя выровнять дыхание.

Наконец она выпрямилась и подошла к смотрителю:

— Полагаю, это контейнеры для транспортировки жуков, верно? Энрике крайне в них нуждается.

— Но как…

— Достань их. Мы нашли пропавших жуков. Они — в сарае, где козы. Там же, с ними, и Энрике.

Она внимательно посмотрела на Вадима. Почему на нем нет защитного костюма и шлема?

— Наверняка в грузовом отсеке найдутся защитные средства. Одна пара для тебя, а мне понадобится правая перчатка.

И она продемонстрировала свою обнаженную ладонь.

— О да, конечно, леди Форкосиган!

Простые приказы его успокаивали; рутинные действия — самая надежная опора в моменты неопределенности.

Пока мама Роджи забирала покупки, Вадим открыл грузовой отсек флайера и извлек оттуда контейнеры и перчатки. Катриона надела перчатку на правую руку, сомневаясь, что она сильно поможет; впрочем, в перчатках будет легче управиться с нагруженными контейнерами. Передав Катрионе два контейнера, он понес вторую пару.

Мама Роджи наблюдала за всем этим в угрюмом молчании. Затем она подхватила сумки и направилась к хижине.

— Пришли мне детей, — сказала она Вадиму. — Нам нужно кое-что решить.

Вадим кивнул и отправился к сараю — направление он знал отлично.

— О, Вадим! — с улыбкой встретил его Энрике, когда они обошли сарай. — Рад тебя видеть. Контейнеры? Отлично! Я как раз думал, куда их поместить… О… а где твой защитный костюм? И дозиметр?

— Я не ношу их, когда просто прилетаю в гости, — с легкой дрожью в голосе отозвался Вадим.

Стоит ли держать его на этой работе? Даже если

сейчас он как-нибудь выкрутится. А интересно, насколько его беспокоит происходящее?

Сияющая от радости, подбежала Ядвига и обняла Вадима. Под пристальным взглядом Катрионы и Энрике он взъерошил ей волосы привычным жестом.

— Привет, малышка! — сказал он.

— Ты уже видел эту леди? Неправда ли, она красива?

— Да… и… я работаю с ней.

— Вот как? — спросила она. — И почему ты нам об этом не сказал?

На ее круглом лице легко читалось любое чувство; на этот раз — чувство обиды.

— Я там недавно, — отозвался Вадим, словно извиняясь. И, переменив тему, приказал:

— Мама хочет, чтобы вы все вернулись в дом.

И похлопал Ядвигу по плечу ладонью.

— А потом, — вступила Катриона, — мы все улетим на грузовом флайере. Сначала — на станцию очистки, а оттуда нас отвезут в Хассадар, в главный госпиталь.

Да, это мог бы быть самый настоящий культурный шок, если бы Катрионе не удалось смягчить удар.

— Там мы проведем ночь, — продолжила она, —

и нас немного полечат. А Ядвигу осмотрят врачи и посмотрят, что можно сделать с ее горлом.

Она тронула себя за шею.

— О!

Ядвига была в большей степени смущена, чем обрадована этой новостью. Инги же, поначалу просиявший при известии о предстоящем полете, бросил на Катриону пристальный взгляд, в котором она прочитала страх. Не разочарует ли она детей? Сможет ли гарантировать обещанное? Сбудутся ли их надежды?

— А как же наши козы и пони? — повернулась к Вадиму Ядвига. — Ты же будешь ухаживать за ними, пока нас не будет?

Вадим бросил мрачный взгляд на Инги.

— Вероятно, мне уже не удастся сюда прилетать, — сказал он.

— Но кто же о них тогда позаботится?

И тут вмешался Борис — тоном человека, знакомого с грязной изнанкой жизни:

— Я думаю, нам с Вадимом придется пристрелить их.

— О нет! — воскликнула Ядвига, и ее маленькие глазки наполнились слезами.

Энрике, который чуть в стороне открывал контейнер, недоуменно захлопал глазами.

— Что происходит? — спросил он.

Вадим объяснил, не скрывая печали в голосе:

— Любое животное, которое не может жить самостоятельно, должно быть уничтожено. В долгосрочной перспективе это… менее жестоко.

Энрике прищурился, после чего сказал со свойственной ему рассудительностью:

— А почему бы нам не перевезти их на задний выгон нашей фермы? Мы же его ни для чего не используем! Объявим его карантинной зоной. Мне как раз для наблюдений нужны крупные млекопитающие, которые долго подвергались воздействию радиации.

Слава богу! Энрике всегда видит возможности там, где другие видят препятствия. То, как Энрике посмотрел на стоящую перед ним молодежь, Катриона предпочла не комментировать. *Разумеется, они для него тоже крупные млекопитающие.*

Ядвига перестала плакать.

— А это хорошее место? — спросила она.

— Очень, — ответила Катриона. — И ты позже сможешь их навещать.

— Здорово!

Воодушевлен был и Борис. Сколько им всем пришлось испытать! А теперь — все идет к луч-

шему. Как он мог быть таким грубым? *Пусть это станет ему уроком.* Да, этот денек прямо-таки пухнет от разнообразных уроков!

— Нам бы лучше пойти и помочь маме, — сказал он. — А то еще раскричится.

— Или станет драться! — весело произнесла Ядвига без малейшей тени страха или недовольства.

Инги предпочел бы остаться с Энрике и помочь ученому разобраться с жуками, но Борису удалось уломать его и вместе с Ядвигой препроводить в хижину. Действительно, старший брат. Глядя на эту троицу, Катриона вспомнила Никки и близнецов.

После этого взрослые принялись быстро и эффективно упаковывать жуков, сканируя местность в поисках погибших.

— И что ты думаешь с ними делать? — спросила Катриона, наблюдая за тем, как Энрике закрывает крышку на первом контейнере.

— Пока неясно, — ответил тот. — В отношении количественного показателя и самой процедуры чистота эксперимента, как видишь, нарушена. Зато есть отличные результаты по качественным параметрам, и это заставляет меня вернуться к моим чертежным доскам.

— Меня тоже, — сказала Катриона с сожалением. — Похоже, я перестаралась, сделав жуков слишком красивыми. Оттого все и пошло наперекосяк.

— Слишком красивых жуков не бывает, — решительно отмел ее замечание Энрике. — Но я думаю о другом: нам нужна модифицированная версия, которая проникала бы в подпочвенный слой, для более полной очистки от загрязнений. Что-то вроде скарабеев. Их можно сочетать с поверхностной моделью, так что наши усилия не пропадут зря.

— Понятно.

Катриона бросила взгляд на смотрителя, который все еще выглядел расстроенным.

— А что ты собирался с ними сделать, Вадим?

Смотритель откашлялся и произнес:

— Вернуть на место, на участок.

— О нет! — возразил Энрике. — Не лучший выбор. Я верну их на нашу ферму, в карантинный блок, и каждого изучу. Прежде чем проводить дальнейшие эксперименты, нужно провести тщательный количественный анализ.

И, посмотрев на свой защитный костюм, сказал:

— Катриона! Может быть, я переправлю твой

флайер на станцию очистки? По-моему, я здесь единственный, кого не запрут на ночь в хассадарском госпитале.

— Да, пожалуйста, — отозвалась Катриона. Энрике все делает, как надо. Чего не скажешь о Вадиме. Впрочем, Вадим, как и прочие смотрители, — это компетенция Майлза. По крайней мере от одной неприятной обязанности она будет освобождена. Хотя Майлз, конечно, потом сделает ей внушение.

Вадим как раз собирался отнести два полных контейнера к грузовому флайеру, когда со стороны хижины донесся приглушенный крик, который, судя по тембру, принадлежал Борису, а затем испуганный вопль Ядвиги. Катриона выпрямилась и направилась к дому. Когда же она увидела, как из бокового окна повалил дым, то с шага перешла на бег. Вадим, негромко выругавшись, бросился за ней, Энрике — следом.

Взлетев по лестнице на крыльцо, они распахнули дверь и замерли, пораженные увиденным. Одеяло и постельное белье, лежавшее на одной из кроватей, пылали оранжевыми языками пламени, клубы едкого дыма взвились под потолок; пахло самодельным спиртным — его, видимо, использовали, чтобы разжечь огонь. В углу, при-

жавшись к стене, сидела Ядвига; Инги заслонял ее своим щуплым телом. Борис и мама Роджи, сцепившись в схватке, топтались посреди комнаты; каждый из них пытался отнять у другого длинный острый кухонный нож.

Мама Роджи пыхтела, крутилась и извивалась. Борис сопротивлялся, в ужасе выпучив глаза. В горячке борьбы они споткнулись и опрокинули стол, на котором лежали пакеты и коробки, привезенные Вадимом, — все полетело на пол.

Ошеломленный увиденным, Вадим выхватил шокер и направил на Бориса.

Катриона мгновенно поняла его ошибку и почти прорычала:

— Дай мне!

Выхватив оружие из руки Вадима, Катриона прицелилась, припав на колено, и нажала кнопку.

Заряд угодил старухе точно в голову. Полуоглушенный, Борис отпрянул назад и швырнул нож в сторону, тот скользнул под горящую кровать. На шее и руках Бориса краснели длинные царапины.

— Борис! Тащи маму наружу! — крикнула Катриона. — Инги, а ты — Ядвигу.

— Попробую разобраться с огнем, — сказал

Энрике, протискиваясь внутрь. — А вы — срочно на улицу!

Он действительно мог что-то сделать — только на нем был защитный костюм, способный защитить и от жара, и от дыма. Специально подготовленный к тому, чтобы справляться со всякого рода лабораторными авариями, Энрике был спокоен, собран и целеустремлен. Катриона принялась помогать Инги, который тащил наружу обезумевшую от ужаса Ядвигу.

Они выбрались: мама Роджи мертвым грузом висела в объятиях Бориса, Ядвига извивалась в руках Инги и Катрионы, но тем не менее им удалось спуститься на землю, не сломав себе шеи. Отойдя от дома, они повернулись, чтобы оценить происходящее.

Горящее белье вылетело из бокового окна и двери. Следом — еще какие-то тряпки, которые, падая на землю, захлебывались собственным дымом и потухали. Наконец появился и Энрике в слегка подкопченном костюме. Он осторожно спустился на землю.

— Кажется, потушил, — сказал он, переводя дух. — Дом не загорится, но лучше подождать и посмотреть.

— Почему в маму Роджи? — спросил Вадим, с

трудом откашливаясь.

Очень скоро ей поплохеет, и ее затрясет в лихорадке, но пока она держится на приливе адреналина — как тогда, пять лет назад, при аварии на стыковочном узле станции на орбите Коммарры.

— Что тут непонятного? — сказала она. — Это не Борис. Это мама Роджи хотела ударить Бориса ножом.

А затем, вероятно, Инги и Ядвигу. После чего направить нож себе в грудь и сгинуть навеки в пламени этого варварского жертвенного костра.

Борис и Инги одновременно кивнули. Борис уже не плакал, Ядвига что-то бормотала себе под нос, Инги, бледнее обычного, негромко спрашивал, обращая свой вопрос в пустоту:

– Но почему? За что?

И зачем только Катриону дана такая ясность понимания? Проще было бы обходиться без нее. Но она собралась и сказала — так, чтобы поняли все:

— Она думала, что мы хотим вас у нее забрать. И решила оставить вас с собой единственным способом, который знала. Убить вас, потом убить себя и устроить общий погребальный костер — уж если она все теряет, то пусть все потеряют

и остальные.

— Сумасшествие! — прошептал Инги.

Борис и Вадим видели и понимали больше. Энрике стоял в стороне, словно спокойный и вежливый чужак, которого никаким боком не касаются беды и страдания человечества. Но Катриона понимала, что это не так.

— Это моя ошибка, — проговорила Катриона. — Мы не имели в виду ничего такого! Мне следовало донести это до нее…

Через закопченное стекло шлема Энрике Катриона увидела, как он скривил губы, сомневаясь, но промолчал.

Сев на землю, Катриона принялась доставать из-под рукава защитного костюма свое переговорное устройство. Проблема с кнопками экстренной связи состоит в том, что до них нипочем не доберешься в по-настоящему экстренных случаях. Все, на что у тебя есть время в этой ситуации, так это выхватить шокер и выстрелить. Именно поэтому Майлз заставлял ее ежегодно проходить курсы самообороны — чтобы поддерживать навыки боя.

Господи! Этот день принес ей столько всего! А у нее не осталось ни капли сил, чтобы что-то ему отдать.

Только с третьей попытки ее трясущийся палец попал на нужную кнопку. Слава богу, ответ последовал незамедлительно.

— Лейтенант Пим? Мне нужна *группа поддержки*, — проговорила она.

* * *

Слава богу, у Катрионы было время покончить с больничным обедом до того, как в ее палату, словно комета, ворвался Майлз. Ему пришлось задержаться в приемном покое, где сестра заставила посетителей одеться в защитные наряды. Лейтенант Роик, в своей коричнево-серебристой униформе, салютовал Катрионе через защитное стекло. На лице его застыла озабоченная улыбка, но Катриона с самым что ни на есть бодрым видом ответила на приветствие, и лейтенант успокоился.

Наконец, когда сестра проверила, все ли у Майлза в порядке, его пропустили. Энрике шел следом. Катриона вздохнула с облегчением, увидев на своих гостях самые простые средства защиты — стандартные одноразовые халаты, а также больничные перчатки и маски. Если опытнейшие специалисты отделения радиоактивной защиты хассадарского госпиталя не

паникуют по ее поводу, то и остальным не стоит. Майлз оставил трость у лейтенанта на посту, что несколько замедлило его продвижение к постели жены. Он взял ее руки в свои, и сквозь чуть великоватые для него защитные перчатки она ощутила тепло его ладоней. Объятия потом — она отстранилась, не желая подвергать мужа и малейшей опасности.

Не дав Майлзу сказать ни слова, она спросила:

— Ты дома был?

Он покачал головой:

— Пока нет. Я бы дошел быстрее, но там люди. Толпы. Увидели нас, едва не полезли друг на друга. Пришлось включить в себе внутреннего дедушку Петера. Отлетели как горох.

Энрике кивнул. Он все еще находился под впечатлением.

Катриона легко представила себе, как Майлз управляется с такими проблемами. Полезный фокус, хотя и сомнительного свойства.

— Перед обедом мне звонили Ори и Никки. Никки слегка вышел из себя, но я его успокоила. Тебе нужно поехать домой. Хотя подожди — ты слишком нервничаешь, это видно по твоему дыханию. Возьми себя в руки и езжай. Успокоишь детей.

Подумала и добавила:

— Хотя Ори говорит, близнецы в полном порядке.

— Ладно, поеду, — отозвался Майлз и глубоко вздохнул под маской.

Энрике казался более собранным. Наверняка у него было время и принять душ, и переодеться, и поесть. Хотя в последнем случае он наверняка ограничился парой бутербродов, которые ему успела сунуть Марсия. У него был вид медитирующего мудреца — так, вероятно, и должен выглядеть привезенный бог знает откуда высокооплачиваемый ученый, и кто знает, по каким лабиринтам мысли блуждает его непревзойденный мозг! Но было ясно, что он успел поделиться с Майлзом фактами, полученными во время своей последней поездки в зону.

— Как дела с нашими гостями? — спросила Катриона. — Они поместили Бориса, Инги и Ядвигу в одну палату, как я просила?

Как бы ни сложился завтрашний день, сегодня столь много испытавшая семья должна находиться в одном месте. *Кроме одного члена*, как ей напомнили.

Майлз кивнул:

— Конечно, это несколько нарушает заведен-

ный порядок, но твоим доводам вняли, тем более что степень поражения у них одинакова. Я еще не успел с ними встретиться, но видел их через окно. Сидят на своих кроватях и обедают.

Ну что ж, уже неплохо.

— А как там мама Роджи?

— Ее поместили в закрытую отдельную палату и поставили охранника — как обычно делают с арестантами. Она уже восстановилась после шока. Пока молчит. Не агрессивна, скорее — угрюма, по словам сестер.

Катриона подтянула слишком свободный ворот своего больничного халата.

— Ее ведь не арестовали, верно? Нам нужно подумать, как с ней поступить.

— Сейчас, в больнице, она все равно изолирована, и этого достаточно.

— Очень хорошо, — сказала Катриона и, потерев лоб, пожаловалась: — Майлз! Твой Округ кого хочешь вымотает и истреплет в лоскуты.

Майлз вздохнул:

— Да, я знаю.

— Ты уже выяснил, почему этот… этот лагерь существовал там так долго и никто об этом не знал?

Майлз нахмурился:

— Я собираюсь говорить об этом завтра со своими смотрителями, как только получу полную картину событий. Понимаешь, это проблема нашего прошлого. Во всех смыслах этого слова.

Устроившись на краю постели, он постучал подушечками пальцев по своему бедру, обтянутому защитным халатом, и продолжил:

— Граница зоны была непроницаемой лишь в теории. Пережившие катастрофу постоянно тайком пробирались в свои дома. Смотрителей, работающих на регулярной основе, еще не было, и надзор за границей лежал на плечах окружной гвардии, военной полиции да деревенских старост. Но у них и без того дел хватало.

Майлз помолчал и продолжил:

— Понятно, все это не нравилось ни тем, ни другим. Убивать людей только для того, чтобы они не умерли в зоне? Полный абсурд. Кто-то предложил сжечь оставшиеся в зоне хозяйства, чтобы людям было некуда возвращаться. Разгорелся серьезный скандал, хотя после катастрофы все стали по-иному относиться к слову «серьезный».

Катриона кивнула. Энрике внимательно слушал.

— В конце концов Петер постановил: люди старше шестидесяти, не желавшие внимать до-

водам рассудка, могут вернуться в зону. Детям и молодежи это было запрещено. Так в зоне сформировалось некое странное поколение стариков и старух.

Майлз поправил маску.

— Вскоре вопрос разрешился сам собой. Иными словами: все кончилось самым естественным образом, в течение пары десятилетий. Молодежь, ничего не помнившую об этих местах, туда не тянуло. Более зрелые и здравомыслящие люди не хотели рисковать. К тому времени, когда эта ноша пала на мои плечи, все уже успокоилось.

— Как видно, не вполне, — заметила Катриона.

— Да уж, — печально произнес Майлз. — Но таков был обычай — несмотря на позднейшие законы, если, конечно, были хоть какие-то работающие законы. Пожилых людей, уходивших в зону, принято было оставлять в покое. Поэтому у того разрешения, которое, как утверждает мама Роджи, дал ей старый Петер, были прецеденты. И ничего странного нет в том, что новые смотрители видели в ней носителя особого статуса — несмотря на то что она оставалась в зоне слишком долго, дольше, чем следовало бы.

— Она могла бы выйти много лет назад, — сказала Катриона, вспомнив то ужасное кладбище

позади хижины на столбах. *По крайней мере, семнадцать лет назад, если не все тридцать.* — И, быть может, спасти гораздо больше этих найденышей. Если она этого не понимала, то были ведь другие, кто понимал. Хотя, как мне кажется, кроме ясного ума она обладала кое-чем еще. Она ведь старалась спасти этих брошенных детей. Вообще, только лицемеры могут критиковать женщину за то, что она делала работу, которую никто другой не желал выполнять.

Катриона нахмурилась, глядя мимо Майлза, и спросила:

— Нам, вероятно, стоит сделать тест ДНК тех тел, что лежат на кладбище.

— Я мог бы взяться за это, — предложил Энрике. — Только что делать с результатами?

— Трудный вопрос. Найти родителей, заставить их вновь пережить горе и чувство вины? Зачем? Все давно уже кончено.

Майлз изучал свою открытую ладонь. У него не было на это ответа. Невозможно изменить прошлое. Лишь настоящее и будущее.

— А как ты поступишь с Вадимом? — спросила Катриона.

Майлз помрачнел, и отразившаяся на его лице жесткость, казалось, поднялась из самой глубины

его души.

— Конечно, его нужно уволить, поскольку он нарушил несколько правил, важных для смотрителя. Но придется пойти на хитрость. Мы отстраним его от работы под тем предлогом, что он перебрал лимит полученной радиации. Доказать, что это не так, он не сможет, да и не станет. А потом я передам его Марку. У Марка для него найдется с дюжину должностей.

— От одного Форкосигана к другому? — засмеялась Катриона, довольная решением мужа. — И даже сбежать нельзя?

— Хорошему специалисту? Нет. А он — хороший специалист, хотя и оказался меж двух огней.

Он опять пожал плечами и закончил:

— Конечно, виноватым можно назвать и меня. Но извиняться я не буду. В конце концов, имею я право делать то, что хочу, или нет?

— Мы доставили коз в загон на нашей ферме, — вторгся в разговор Энрике, глядя на смеющегося уголками глаз Майлза. — А завтра смотрители привезут и пони.

— Отлично! — воскликнула Катриона. — Это уже кое-что.

И, обратившись к мужу, попросила:

— Ты не мог бы приостановиться по пути у их

комнаты и сказать им про животных?

— Конечно, — отозвался Майлз. — Даже я вижу, насколько животные важны для этих детей. С животными связаны и некоторые наши надежды.

Катриона приподнялась на постели.

— Надежды на их… реабилитацию? — произнесла она и, подумав, уточнила: — Нет, скорее — реинтеграцию. Более точный термин. Поглядите, добрые люди: они явились сюда прямиком из Периода Изоляции, и мы их реинтегрируем в общество.

Конечно, речь шла прежде всего о Ядвиге. Борис, как она подозревала, все-таки имел опыт жизни за пределами зоны, хотя потом и вернулся назад. Инги был молод и сообразителен, и его социальные перспективы казались вполне благоприятными. Правда, проблемой оставалась внешность Инги. Как-то он приживется среди своих одногодков? Катриона взглянула на Майлза.

— Я тут подумал, — начал Энрике, и Катриона повернулась к ученому, — про флигель на ферме, ну, где у фермеров раньше жили батраки. После того как врачи закончат свои дела, детей можно будет перевести туда. Там будет их дом, и там они станут привыкать к современному Барраяру.

Он не добавил: *такому, каков уж он есть*. Про-

гресс!

— В наших лабораториях работы хватает, — продолжил он. — Бориса можно научить, Инги — тем более.

— А Ядвигу? — вырвалось у Катрионы.

И, помолчав мгновение, она добавила печально:

— Если, конечно, девушка выйдет из больницы…

Пройдут дни, а может, и недели, прежде чем они узнают о возможном развитии событий, и Катриона не в силах сделать ничего, чтобы хоть как-то их ускорить. Нечасто Катриона бывала такой же нетерпеливой, как и Майлз. Она напомнила себе, что центральная больница в Хассадаре является лучшим на Барраяре центром лечения тех, кто пострадал от радиации, и Майлз всегда готов это подтвердить.

— Для Ядвиги тоже найдется дело, — внес оптимистическую ноту Энрике. — Она может доить своих коз, может заниматься другой нехитрой работой. Может быть, она несколько медлительна, но у нас на ферме свой распорядок.

А интересно, доволен ли Энрике тем, что в его коллекции крупных млекопитающих появилось еще несколько экземпляров, или же сердце его

растаяло, когда он увидел, насколько Ядвиге полюбились жуки-радиофаги, его лучшие создания? Наверное, и то, и другое. Какая разница?

— Это может сработать, — сказала Катриона. — По крайней мере, стоит попытаться.

— А сможет ли Марсия заняться их обучением? — спросил осторожно Майлз. — Проявит ли интерес к этому?

— У нас там десятки работников, — ответил Энрике. — Никто не говорит, что всем должен заняться кто-то один.

Ну что ж, перспективы открывались вполне благоприятные. Ядвига и Борис гарантированно получают кров и место, где они могут приносить пользу и быть вполне независимыми. Катриона знала, насколько это важно. К тому же в лабораториях все постоянно меняется, и эта гибкость условий жизни и работы — еще один плюс. Инги, как полагала Катриона, способен на большее, и, вне всякого сомнения, благодаря Энрике он вскоре откроет для себя перспективы. Для мальчика-альбиноса ферма станет не столько постоянным жилищем, сколько трамплином в будущее.

Но оставалось еще одно существо, мама Роджи, и невозможно было однозначно сказать, кто она

— виновник или жертва. Катриона вздохнула и спросила, обращаясь одновременно к Энрике и Майлзу:

— Относится ли это приглашение к… их матери? Она же не может вернуться в зону! Или как?

Энрике задумался на миг и ответил:

— Я не думаю, что ей можно позволить жить с детьми после того, что произошло.

— Наверное, то, что с ней произошло, — проговорил Майлз, — стоит назвать временным помешательством в трудной ситуации, когда человек впервые оказался оторван от привычного миропорядка. Конечно, что-то в ней сломалось, и я не знаю, возможно ли это вылечить.

Когда от возрождения отказываются, а наказание лишено смысла, что остается?

— К тому же с юридической точки зрения наказание за преднамеренное радиоактивное отравление и преднамеренное убийство плавно перетекают друг в друга, — закончил Майлз.

— Да. Словно замкнутый круг, — согласилась Катриона.

Но ведь Энрике не слышал историю, которую мама Роджи рассказала Катрионе, когда они сидели на бревнах поодаль ее дома, а потому ничего не мог поведать и Майлзу. Поэтому Катриона,

устроившись поудобнее, пересказала ее — синопсис синопсиса, с опущением, естественно, многих дьявольских деталей. Она не знала, поможет ли маме Роджи ее рассказ.

Когда она закончила, Майлз только присвистнул:

— Ничего себе!

Энрике был настроен более прагматично:

— Что же мне сказать детям?

Катриона потерла виски.

— Скажите, что ее лечат, — ответила она. — И я не думаю, что мы за какой-то час сможем освободить их от груза этих лет.

Если вообще сможем. Мама Роджи до мозга своих пропитанных радиацией костей принадлежала Округу Вашнуй. Только вот время ее давно ушло. Ее время — это время старого Петера, а не время Майлза. Она была реликвией эпохи сопротивления суровым обстоятельствам и иной жизни не знала. И Катриона представить себе не могла, каким образом та устроилась бы в современном Хассадаре. Проще уж было видеть маму Роджи в привычной для нее обстановке — на пороге столь любимой ею хижины, в лесу. Пусть уж мрачная легенда Вашнуй вернется к себе домой и время от времени терроризирует случайных

туристов, наткнувшихся на ее лачугу. Кстати, Борис смог бы изредка ее навещать — как-никак сыновний долг! Да и старый Петер в свое время не случайно поддался желанию мамы Роджи остаться в зоне. Умный все-таки человек.

Энрике понимающе улыбнулся, пожелал Катриона скорейшего выздоровления и вышел.

Катриона пожала спрятанную под перчаткой руку мужа.

— Тебе нужно домой, к детям.

— Конечно, — отозвался Майлз, но руки Катриона не отпустил. Так они и сидели с минуту или больше.

Наконец Катриона вздохнула и спросила:

— Как думаешь? У нас получится?

Несколько неопределенный жест, которым она сопроводила вопрос, охватывал все — и зону, и ее светлячков, и весь Округ Вашнуй, и долгие десятилетия истории, наследниками которой они являлись.

Майлз под своей маской приглушенно рассмеялся.

— А у нас есть выбор? — спросил он.

Он отпустил руку жены, расправил плечи и сказал:

— Забавно, но граф Петер к концу жизни по-

смотрел на свой Округ и увидел, насколько лучше он стал. Теперь же мы напрочь забыли, скольких трудов ему это стоило — разгребать завалы после катастрофы. Мы принимаем это как нечто само собой разумеющееся и думаем не о том, что было сделано, а о том, что можно было бы сделать еще. Главное, что все правы — и он, и мы.

Катриона улыбнулась:

— Думаешь, со временем люди забудут, сколько сил мы сюда вложили?

– *Вашнуй всегда был райским садом*, — тонким голоском процитировал Майлз некоего ребенка из воображаемого будущего. — Разве победа перестает быть победой, если тебе не дали за нее медаль?

— Вот как? Тогда знай, что твоя медаль уже ждет тебя! Правда, чуть позже, — улыбнулась Катриона.

— Но к чему эти долгие ожидания, леди Форкосиган? У меня для тебя тоже есть награда.

— Перестань! Ты забываешь — я на карантине. И врачи не одобрят, если я устрою побег.

— Так, может, и не придется бежать?

Катриона усмехнулась и, ткнув Майлза ладонью в бедро, столкнула его с постели.

— Поезжай-ка лучше домой, Майлз. Скажи

Никки, что со мной все в порядке. И не беситесь там с близнецами до поздней ночи, знаю я вас!

Майлз улыбнулся:

— Я тебя тоже люблю.

Он склонился, чмокнул ее сквозь маску и нехотя вышел. Через несколько мгновений, уже без халата, он прошел мимо окна ее палаты и помахал рукой. Она ответила. Лейтенант Роик отсалютовал леди Форкосиган и поспешил вслед за лордом.

Оставшись одна, Катриона позволила усталости овладеть ее телом. Она попыталась заблокировать в своей памяти события последних часов, но не смогла — они скользили перед ее внутренним взором, и каждая из совершенных ею ошибок вставала перед ней, будто воочию, и терзала ее душу. Может быть, ей следует научиться научному методу, которым руководствуется Энрике, — бесстрастно регистрировать как положительные, так и отрицательные результаты, а потом анализировать их и делать выводы?

Да, следующее поколение светящихся малюток должно быть более выносливым — как скарабеи. Они будут вгрызаться в подпочву, словно живые шестиногие лопатки. А еще они будут страшно невкусные — чтобы ни у птицы, ни у зверя не

возникло желания ими полакомиться. Но как быть с расцветкой? Да, их первый опыт не удался из-за, казалось бы, неудачно выбранного цвета и рисунка на спинке жуков. Но, возможно, то была не ошибка, а, напротив, прозрение?

Нет, ей нужно провести серьезное исследование эстетического компонента их проекта. Конечно, Майлз опять начнет ее вышучивать. Или нет? Ведь в этой жизни приходится учитывать так много факторов!

Когда Катриона наконец заснула, она увидела сад, наполненный движущимися цветными огоньками, и маленькие дети будущего, с личиками нежными, как крыло бабочки, играли с ними, уже не боясь стать жертвами радиоактивного заражения.

КОНЕЦ

Приложение
Майлз Форкосиган-Нейсмит и его вселенная

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Время	События	Книга хронологии
Приблизительно за 200 лет до рождения Майлза	Методами генной инженерии созданы квадди — существа, приспособленные к жизни в условиях невесомости...	*«В свободном падении»*
Во время бетано-барраярской войны	Прямой и честный, контр-адмирал Эйрел Форкосиган стал жертвой изощренных интриг знатных заговорщиков Барраярской империи. Разжалованный, он сослан на только что открытую планету, имеющую для Барраяра огромную стратегическую важность. Там, во время военного конфликта с открывшими планету колонистами Беты, Эйрел встретил Корделию Нейсмит. Враги, они полюбили друг друга. Супруги, они прошли сквозь ад, чтобы спасти Барраярскую империю от надвигающегося кошмара гражданской войны...	*«Осколки чести»*
Попытка дворцового переворота Фордариана	Императорский дворец захвачен заговорщиками. Дворцовый переворот грозит ввергнуть в кровавый хаос всю Барраярскую империю. Казалось бы, предотвратить кошмар невозможно... Но совершить невозможное ценой нечеловеческого усилия удается Корделии, которая во что бы то ни стало должна спасти своего сына Майлза, жестоко пострадавшего от ядовитого газа...	*«Барраяр»*

Время	События	Книга хронологии
Майлзу 17 лет	Майлз Форкосиган, не сумевший из-за последствий газового отравления поступить в Императорскую военную академию, создает среди бесчисленных опасностей боевой флот Дендарийских наемников. Отныне вся Галактика будет с восторгом повторять его новое имя — имя адмирала Нейсмита, величайшего из героев космоса...	*«Ученик воина»*
Майлзу 20 лет	Майлз Форкосиган вынужден проводить расследование безжалостного убийства ребенка-мутанта, рискуя собственной жизнью. Сам в детстве чудом избежавший гибели, он дерзает выступить против варварского древнего обычая — уничтожать детей с физическими отклонениями...	*«Горы скорби» из книги «Границы бесконечности»*
	Майлз Форкосиган, все же окончивший академию, получает первое назначение — на полярную базу... Назначение, завершившееся абсурдным обвинением в государственной измене. И тем не менее Майлз ставит на карту свою жизнь, чтобы спасти от верной гибели молодого императора Барраяра. Бесстрашные дендарийцы становятся частью Имперских сил безопасности...	*«Игра форов»*
Майлзу 22 года	Майлз Форкосиган отправляется на планету Цетаганда — на похороны императрицы. Но, прибыв на скорбную церемонию, он помимо своей воли оказывается втянут в самый центр паутины дворцовых интриг, где на кон поставлены власть и могущество, удары наносятся в спину и из-за угла, а доверять нельзя никому...	*«Цетаганда»*

Время	События	Книга хронологии
	Доктор Этан Эркхарт с отдаленной планеты Афон со сверхсекретным заданием отправляется на космическую станцию — и неожиданно для себя становится соратником Элли Куинн, самой верной и бесстрашной из сподвижников Майлза Форкосигана, в смертельно опасной операции — борьбе против лучших сил цетагандийских спецслужб...	*«Этан с Афона»*
Майлзу 23 года	Архипелаг Джексона — планета-притон, планета — логово галактических негодяев всех мыслимых мастей. На Архипелаге Джексона действуют лишь два закона — закон денег и закон силы. В такое чудовищное место бесстрашно отправляется Майлз Форкосиган — на новое рискованное задание. Ему предстоит любой ценой похитить и вывезти на Барраяр гениального специалиста по генной инженерии...	*«Лабиринт» из книги «Границы бесконечности»*
Майлзу 24 года	На мрачной планете-тюрьме Дагула IV расположен цетагандийский лагерь военнопленных. Именно туда отправляется Майлз Форкосиган. В аду, в котором практически невозможно выжить, он должен не просто уцелеть, но и выполнить новое задание — провести операцию по освобождению заключенных...	*«Границы бесконечности» из книги «Границы бесконечности»*
	Много лет назад, когда Майлз был еще ребенком, террористы с планеты Комарра, похитив из госпиталя его ткани, создали из них клона — двойника Майлза. И вот теперь, когда Майлз оказался на Земле, вдали от Барраяра, комаррцы пытаются подменить его клоном и, ввергнув Барраяр в кровавый водоворот дворцового переворота, возвести клона на	*«Братья по оружию»*

Время	События	Книга хронологии
	императорский трон. Но бесстрашие и хитроумие Майлза опрокидывают все планы террористов...	
Майлзу 25 лет	После предыдущей операции Майлз госпитализирован. Сломанные кости рук заменены синтетическими. Лежа на больничной койке, Майлз помогает Саймону Иллиану предотвратить еще одну попытку государственного переворота...	*«Границы бесконечности»*
Майлзу 28 лет	Марк, брат-клон Майлза, воспользовавшись его отсутствием, прибывает на флагманский корабль Дендарийского флота и выдает себя за адмирала Нейсмита, дабы осуществить нападение на Архипелаг Джексона. Операция завершается катастрофой, во время которой убивают примчавшегося на выручку Майлза. Его тело помещают в криокамеру, но криокамера бесследно исчезает. Поиски ведутся по всей галактике...	*«Танец отражений»*
Майлзу 29 лет	Криогенное оживление Майлза привело к неожиданному и трагическому результату: его признали непригодным к военной службе, однако, когда над Барраяром нависает новая опасность, бесстрашный лорд Форкосиган вновь вступает в игру. Трудно даже вообразить, к чему может привести разрушение чипа памяти, вживленного в мозг шефа Имперской безопасности. Кто и зачем это сделал? Только Майлз может найти предателя и спасти империю...	*«Память»*
Майлзу 30 лет	Майлз Форкосиган, ныне — Имперский Аудитор, послан на планету Комарра, на орбите которой при весьма загадочных обстоятельствах	*«Комарра»*

Время	События	Книга хронологии
	взорвался солнечный отражатель, дающий свет этому сумрачному миру. Рутинное расследование? Или смертельно опасная борьба с группой жестоких заговорщиков? Возможно, от отваги и хладнокровия лорда Аудитора зависит судьба не только Комарры, но и всей Барраярской империи...	
Майлзу 30 лет	Даже история любви превращается для Майлза в опасную и трудную гражданскую кампанию.	*«Гражданская кампания»*
Майлзу 31 год	Свадьба Майлза и Катрионы.	*«Подарки к Зимнепразднику»*
Майлзу 32 года	Во время свадебного путешествия Майлз получает приказ срочно отправиться в Пространство Квадди для выполнения миссии Имперского Аудитора. Там он находит старых друзей, новых врагов и запутанный клубок интриг...	*«Дипломатическая неприкосновенность»*
Майлзу 34 (?) года	Майлз, унаследовавший от своего деда огромную пораженную радиацией территорию, где некогда располагался город Вашнуй, одобряет проведение эксперимента: жучков-маслячков, способных аккумулировать радиацию в своих телах, расселяют на опытной «ферме».	*«Цветы Форкосиган-Вашнуя»*
Майлзу 36 (?) лет	Капитан Айвен Форпатрил, кузен Майлза, находясь на Комарре, спасает дочь джексонианского барона, за которой охотятся враги ее отца. Чтобы помочь девушке, Айвен неожиданно для себя женится на ней по барраярскому обычаю, и привозит на Барраяр.	*«Союз капитана Форпатрила»*

Время	События	Книга хронологии
Майлзу 39 лет	Имперский аудитор Майлз Форкосиган отправлен императором Грегором на планету «Новая Надежда» для расследования деятельности корпорации «Белая хризантема», занимающейся криозаморозкой людей.	*«Криоожог»*
Майлзу 42 года	Через три года после смерти Эйрела Форкосигана адмирал Джоул из флота Зергияра (который когда-то был подчиненным и любовником Эйрела) получает предложение от Корделии. Она планирует использовать генетический материал, который они с Эйрелом сохранили, и предлагает ему возможность отцовства от его генов и замороженных гамет Эйрела.	*«Адмирал Джоул и Красная королева»*